

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

BOUGHT WITH
THE INCOME FROM
THE BEQUEST OF
CHARLES MINOT,
OF SOMERVILLE,
(Class of 1828,)

23 Jan., 1884.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—ТОМЪ VI.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДЕВЯНОСТО ВТОРОЙ ТОМЪ

ШЕСТИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

С

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1881

~~Slav 302~~ 13184

P Slav 176.25

JAN 23 1984

Printed.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
APR 29 1970

(640)

ПѢСНЬ

ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ЛЮБВИ

[MDXLIИ].

Посвящается памяти Гюстава Флопера.

„Wage Du zu irren und zu träumen!“
Schiller.

Вотъ, что я вычиталъ въ одной старинной итальянской рукописи:

I.

Около половины XVI-го столѣтія, проживало въ Феррарѣ— (она процвѣтала тогда подъ скипетромъ своихъ великолѣпныхъ герцоговъ, покровителей искусствъ и поэзіи)— проживало два молодыхъ человѣка, по имени: Фабій и Муцій. Ровесники годами, близкіе родственники, они почти никогда не разлучались; сердечная дружба связала ихъ съ ранняго дѣтства... одинаковость судьбы скрѣпила эту связь. Оба принадлежали къ стариннымъ фамиліямъ; оба были богаты, независимы и безсемейны; вкусы, наклонности были схожіе у обоихъ. Муцій занимался музыкой, Фабій— живописью. Вся Феррара гордилась ими, какъ лучшимъ украшеніемъ двора, общества и города. Наружностью они однако не походили другъ на друга, хотя оба отличались стройной юношеской красотою: Фабій былъ выше ростомъ, бѣлъ лицомъ и волосомъ русъ—а глаза имѣлъ голубые; Муцій,

напротивъ, имѣлъ лицо смуглое, волосы черныя, и въ темно-карихъ его глазахъ не было того веселаго блеска, на губахъ той пріятливой улыбки, какъ у Фабіа; его густыя брови на-двигались на узкія вѣки—тогда какъ золотистыя брови Фабіа уходили тонкими полукругами на чистый и ровный лобъ. Муцій и въ разговорѣ былъ менѣе живъ; со всѣмъ тѣмъ оба друга одинаково нравились дамамъ—ибо не даромъ были образцами рыцарской угодливости и щедрости.

Въ одно и то же время съ ними проживала въ Феррарѣ дѣвица по имени Валерія. Ее считали одной изъ первыхъ красавицъ города, хотя видѣть ее можно было очень рѣдко, такъ какъ она вела жизнь уединенную и выходила изъ дому только въ церковь—да въ большіе праздники на гулянье. Она жила съ своей матерью, благородной, но небогатой вдовою, у которой не было другихъ дѣтей. Всякому, кому только ни встрѣчалась Валерія—она внушала чувство невольнаго удивленія и столь же невольнаго, нѣжнаго уваженія: такъ скромна была ея осанка, такъ мало, казалось, сознавала она сама всю силу своихъ прелестей. Иные, правда, находили ее нѣсколько блѣдной; взгляды ея глазъ, почти всегда опущенныхъ, выражали нѣкоторую застѣнчивость и даже боязливость; ея губы улыбались рѣдко—и то слегка; голосъ ея едва ли кто слышалъ. Но ходила молва, что онъ былъ у нея прекрасенъ, и что, запершись у себя въ комнатѣ, раннимъ утромъ, когда все въ городѣ еще дремало, она любила напѣвать старинныя пѣсни, подъ звуки лютни, на которой сама играла. Несмотря на блѣдность лица, Валерія цвѣла здоровьемъ; и даже старые люди, глядя на нее, не могли не подумать:—О, какъ счастливъ будетъ тотъ юноша, для кого распусться наконецъ этотъ еще свернутый въ лепесткахъ своихъ, еще нетронутый и дѣвственный цвѣтокъ!

II.

Фабій и Муцій увидали Валерію въ первый разъ на пышномъ народномъ праздникѣ, устроенномъ по повелѣнію герцога Феррарскаго, Эркола, сына знаменитой Лукреціи Борджіа, въ честь знатныхъ вельможъ, прибывшихъ изъ Парижа по приглашенію герцогини, дочери французскаго короля Людовика XII-го. Рядомъ съ своею матерью, сидѣла Валерія посреди изящной трибуны, возведенной по рисунку Палладія на главной феррарской площади для почетнѣйшихъ дамъ города. Оба—и Фабій, и Муцій—

страстно въ нее влюбилися въ тотъ же день; и такъ какъ они ничего не скрывали другъ отъ друга—то каждый изъ нихъ скоро узналъ, что происходило въ сердцѣ товарища. Они положили между собою: постараться обоимъ сблизиться съ Валеріей—и если она удостоитъ избрать кого-нибудь изъ нихъ—то другой безропотно покорится ея рѣшенію. Нѣсколько недѣль спустя, благодаря доброй славѣ, которой они пользовались по праву, имъ удалось проникнуть въ трудно-доступный домъ вдовы; она позволила имъ посѣщать ее. Съ тѣхъ поръ они почти каждый день могли видѣть Валерію и бесѣдовать съ нею—и съ каждымъ днемъ огонь, зажженный въ сердцахъ обоихъ юношей, разгорался сильнѣе и сильнѣе; однако Валерія ни одному изъ нихъ не оказывала предпочтенія, хотя присутствіе ихъ ей видимо нравилось. Съ Муціемъ она занималась музыкой; но разговаривала больше съ Фабіемъ: съ нимъ она меньше робѣла. Наконецъ, они рѣшились узнать окончательно свою участь—и послали въ Валерію письмо, въ которомъ просили ее объясниться и сказать, кому она готова отдать свою руку. Валерія показала это письмо матери—и объявила ей, что готова остаться въ дѣвѣцахъ; но если мать находитъ, что ей пора вступить въ бракъ, то она выйдетъ за того, на кого укажетъ ея выборъ. Почтенная вдова пролила нѣсколько слезъ при мысли о разлукѣ съ любимымъ дѣтищемъ; однако отказать женихамъ не было причины: она считала ихъ обоихъ равно достойными руки ея дочери. Но тайнѣ предпочитая Фабію и подозрѣвая, что и Валеріи онъ приходится болѣе по нраву, она указала на него. На другой же день Фабій узналъ о своемъ счастьи; а Муцію осталось сдержать свое слово—и покориться.

Онъ такъ и сдѣлалъ; но быть свидѣтелемъ торжества своего друга, своего соперника—онъ не могъ. Немедленно продалъ онъ большую часть своего имущества—и собравъ нѣсколько тысячъ дукатовъ, отправился въ дальнее путешествіе на Востокъ. Прощаясь съ Фабіемъ, онъ сказалъ ему, что вернется не прежде, чѣмъ почувствуетъ, что послѣдніе слѣды страсти въ немъ исчезли. Тяжело было Фабію разстаться съ другомъ дѣтства и юности... но радостное ожиданіе близкаго блаженства вскорѣ поглотило всякія другія ощущенія—и онъ отдался весь восторгамъ увѣчанной любви.

Вскорѣ онъ вступилъ въ бракъ съ Валеріей—и только тогда узналъ всю цѣну сокровища, которымъ ему довелось обладать. У него была прекрасная вилла, окруженная тѣнистымъ садомъ, въ недалекомъ разстояніи отъ Феррары; онъ переехалъ туда

вмѣстѣ съ женою и ея матерью. Свѣтлое время наступило для нихъ тогда. Супружеская жизнь выказала въ новомъ плѣнительномъ свѣтѣ всѣ совершенства Валеріи; Фабій становился замѣчательнымъ живописцемъ—уже не простымъ любителемъ, а мастеромъ. Мать Валеріи радовалась и благодарила Бога, глядя на счастливую чету. Четыре года промчалось незамѣтно, какъ блаженный сонъ. Одного недоставало молодымъ супругамъ; одно завелось у нихъ горе: дѣтей у нихъ не было... но надежда не покидала ихъ. Къ концу четвертаго года ихъ постигло великое, на этотъ разъ настоящее горе: мать Валеріи скончалась, поблѣвъ нѣсколько дней.

Много слезъ пролила Валеріа; долго не могла привыкнуть къ своей уtratѣ. Но прошелъ еще годъ, жизнь опять вступила въ свои права, потекла прежнимъ русломъ. И вотъ, въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, никого не предупредивъ, въ Феррару вернулся Муцій.

III.

Во всѣ пять лѣтъ, прошедшихъ съ его отъѣзда, никто о немъ ничего не вѣдалъ; всякіе слухи о немъ замерли, точно онъ исчезъ съ лица земли. Когда Фабій встрѣтилъ своего друга на одной изъ улицъ Феррары, онъ чуть не закричалъ, сперва отъ испуга, потомъ отъ радости—и тотчасъ пригласилъ его въ свою виллу. Тамъ у него въ саду находился отдѣльный, помѣстительный павильонъ; онъ предложилъ своему другу поселиться въ этомъ павильонѣ. Муцій охотно согласился, и въ тотъ же день переѣхалъ туда вмѣстѣ съ своимъ слугою, нѣмымъ малайцемъ—нѣмымъ, но не глухимъ и даже, судя по живости его взгляда, очень понятливымъ человекомъ... Языкъ у него былъ вырѣзанъ. Муцій привезъ съ собою десятки сундуковъ, наполненныхъ разнообразными драгоценностями, собранными имъ во время своихъ продолжительныхъ странствованій. Валеріа обрадовалась возвращенію Муція; и онъ ее привѣтствовалъ дружески-весело, но спокойно: по всему видно было, что онъ сдержалъ слово, данное Фабію. Въ теченіе дня онъ успѣлъ устроиться въ своемъ павильонѣ; выложилъ, съ помощью малайца, привезенныя рѣдкости: ковры, шелковыя тѣланы, бархатныя и парчевыя одежды, оружія, чаши, блюда и кубки, украшенные финифтью, золотыя, серебряныя вещи, обдѣланныя въ жемчугъ и бирюзу, рѣзные ящики изъ янтаря и слоновой кости, гравенныя бутылки,

пряности, курева, звѣринныя шкуры, перья невѣдомыхъ птицъ и множество другихъ предметовъ, самое употребленіе которыхъ казалось таинственнымъ и непонятнымъ. Въ числѣ всѣхъ этихъ драгоценностей находилось богатое жемчужное ожерелье, полученное Муціемъ отъ персидскаго шаха за нѣкоторую великую и тайную услугу; онъ попросилъ позволенія у Валеріи собственноручно возложить ей это ожерелье на шею: оно показалось ей тяжелымъ и одареннымъ какой-то странной теплотой... оно такъ и прильнуло къ кожѣ. Къ вечеру, послѣ обѣда, сидя на террасѣ виллы, въ тѣни олеандровъ и лавровъ, Муцій принялся рассказывать свои похождения. Онъ говорилъ о видѣнныхъ имъ далекихъ странахъ, заоблачныхъ горахъ, безводныхъ пустыняхъ, о рѣкахъ, подобныхъ морямъ; говорилъ о громадныхъ зданіяхъ и храмахъ, о тысячелѣтнихъ деревьяхъ, о радужныхъ цвѣтахъ и птицахъ; называлъ посѣщенные имъ города и народы... чѣмъ-то сказочнымъ вѣяло отъ однихъ ихъ именъ. Весь Востокъ былъ знакомъ Муцію: онъ проѣхалъ Персію, Аравію, гдѣ вонь благодородіе и красивѣе всѣхъ другихъ живыхъ существъ, проникъ въ самую глубь Индіи, гдѣ родъ людской подобенъ величественнымъ растеніямъ, достигъ границъ Китая и Тибета, гдѣ живой богъ, по имени Далай-Лама, обитаетъ на землѣ во образѣ безмолвнаго человѣка съ узкими глазами. Чудны были его рассказы! Какъ очарованные, слушали его и Фабій, и Валерія. Собственно, черты Муціева лица мало измѣнились: съ дѣтства смуглое, оно еще потемнѣло, загорѣло подъ лучами болѣе яркаго солнца, глаза казались углубленіемъ прежняго—и только; но выраженіе этого лица стало другое: сосредоточенное, важное, оно не оживлялось даже тогда, когда онъ упоминалъ объ опасностяхъ, которымъ подвергался, ночью, въ лѣсахъ, оглашаемыхъ воемъ тигровъ, или днемъ, на пустыхъ дорогахъ, гдѣ путешественниковъ караулятъ изувѣры, которые удавливаютъ ихъ въ честь желѣзной богини, требующей человѣческихъ жертвъ. И голосъ Муція сталъ глуше и ровнѣе; движенія рукъ, всего тѣла, утратили развязность, свойственную итальянскому племени. Съ помощью слуги своего, работяшно-проворнаго малайца, онъ показывалъ хозяевамъ своимъ нѣсколько фокусовъ, которымъ научили его индѣйскіе брамины. Такъ, напримѣръ, онъ, предварительно скрывъ себя занавѣсомъ, явился вдругъ сидящимъ на воздухѣ съ поджатыми ногами, слегка опираясь концами пальцевъ на отвѣсно-поставленную бамбуковую трость, что не мало удивило Фабія, а Валерію даже испугало...—«Ужъ не чернокожники ли онъ?»—подумалось ей.—Когда же онъ принялся вызывать, на-

свистывая на маленькой флейтѣ, изъ закрытой корзины ручныхъ змѣй, когда, шевеля жалами, показались изъ-подъ пестрой ткани ихъ темныя плоскія головки, Валерія пришла въ ужасъ и попросила Муція спрятать поскорѣй этихъ ненавистныхъ гадовъ. За ужиномъ Муцій попотчивалъ своихъ друзей ширазскимъ виномъ изъ круглой бутылки съ длиннымъ горлышкомъ; чрезвычайно пахучее и густое, золотистаго цвѣта съ зеленоватымъ отливомъ, оно загадочно блестѣло, налитое въ крошечныя яшмовыя чашечки. Вкусомъ оно не походило на европейскія вина; оно было очень сладко и пряно, и выпитое медленно, небольшими глотками, возбуждало во всѣхъ членахъ ощущение пріятной дремоты. Муцій заставилъ и Фабіа, и Валерію откупать по чашечкѣ и выпилъ самъ. Надъ ея чашечкой онъ, наклонясь, что-то прошепталъ, потрясъ пальцами. Валерія это замѣтила; но такъ какъ вообще въ пріемахъ Муція, во всей его повадкѣ проявлялось нѣчто чуждое и небывалое, то она только подумала: «Не принялъ ли онъ въ Индіи новой какой вѣры, или у нихъ тамъ обычаи такіе?» — Потомъ, помолчавъ немного, она спросила его: продолжалъ ли онъ, во время своего путешествія, заниматься музыкой? — Въ отвѣтъ ей, Муцій приказалъ малайцу принести свою индійскую скрипку. Она походила на нынѣшнія, только вмѣсто четырехъ струнъ у ней было три, верхъ ея обтягивала голубоватая змѣиная кожа и тонкій тростниковый смычекъ имѣлъ видъ полукруглый, а на самомъ его концѣ блисталъ заостренный алмазъ.

Муцій сыгралъ сперва нѣсколько заунывныхъ, по его словамъ народныхъ пѣсень, странныхъ и даже дикихъ для итальянскаго уха; звукъ металлическихъ струнъ былъ жалобенъ и слабъ. Но когда Муцій началъ послѣднюю пѣсню—этотъ самый звукъ внезапно окрѣпъ, затрепеталъ звонко и сильно; страстная мелодія полилась изъ-подъ широко-проводимаго смычка, полилась, красиво изгибаясь, какъ та змѣя, что покрывала своей кожей скрипичный верхъ; и такимъ огнемъ, такой торжествующей радостью сіяла и горѣла эта мелодія, что и Фабію, и Валерію стало жутко на сердцѣ и слезы выступили на глаза... а Муцій, съ наклоненой, прижатой къ скрипкѣ головою, съ поблѣднѣвшими щеками, съ бровями сдвинутыми въ одну черту, казался еще сосредоточеннѣй и важнѣй—и алмазъ на концѣ смычка бросалъ на ходу лучистыя искры, какъ-бы тоже зажженный огнемъ той дивной пѣсни. Когда же Муцій кончилъ—и все еще крѣпко стискивая скрипку между подбородкомъ и плечомъ, уронилъ руку державшую смычокъ—«Что это такое? Что ты намъ сыгралъ?» восклик-

нулъ Фабій.—Валерія не промолвила ни слова — но, казалось, все ея существо повторило вопросъ ея мужа. Муцій положилъ скрипку на столъ — и слегка встряхнувъ волосами, съ вѣжливой улыбкой промолвилъ: «Это? Эту мелодію... эту пѣснь я услышалъ разъ на островѣ Цейлонѣ. Эта пѣснь слыветъ тамъ, между народомъ, пѣснью счастливой, удовлетворенной любви». — «Повтори», прошептала было Фабій. — «Нѣтъ; этого повторить нельзя, — отвѣтилъ Муцій — теперь же поздно. Синьорѣ Валеріи слѣдуетъ отдохнуть; и мнѣ пора... я усталъ». Въ теченіе цѣлаго дня Муцій обращался съ Валеріей почтительно-просто, какъ давнишній другъ; но уходя, онъ пожалъ ей руку крѣпко-на-крѣпко, надавивъ пальцами на ея ладонь — и такъ настойчиво заглядывая ей въ лицо, что она, хоть и не поднимала вѣкъ, однако почувствовала этотъ взглядъ на внезапно вспыхнувшихъ своихъ щекахъ. Она ничего не сказала Муцію, но отдернула руку, а когда онъ удалился, посмотрѣла на дверь, черезъ которую онъ вышелъ. Она вспомнила, какъ и въ прежніе годы она его побаивалась... и теперь нашло на нее недоумѣніе. Муцій ушелъ въ свой павильонъ; супруги отправились въ спальню.

IV.

Валерія не скоро заснула; кровь ея тихо и томно волновалась, и въ головѣ слегка звенѣло... отъ страннаго того вина, какъ она полагала, а можетъ быть, и отъ рассказовъ Муція, отъ игры его на скрипкѣ... Къ утру она наконецъ заснула, и ей привидѣлся необычайный сонъ.

Ей почудилось, что вступаетъ она въ просторную комнату съ низкимъ сводомъ... Таковой комнаты она въ жизни не видывала. Всѣ стѣны выложены мелкими голубыми изразцами съ золотыми «травками»; тонкіе рѣзные столбы изъ алебаstra подпираютъ мраморный сводъ; самый этотъ сводъ и столбы кажутся полупрозрачными... блѣдно-розовый свѣтъ отовсюду проникаетъ въ комнату, озаряя всѣ предметы таинственно и однообразно; парчевыя подушки лежатъ на узкомъ коврѣ по самой серединѣ гладкаго, какъ зеркало, пола. По угламъ едва замѣтно дымятся высокія курильницы, представляющія чудовищныхъ звѣрей; оконъ нѣтъ нигдѣ; дверь, завѣшенная бархатнымъ пологомъ, безмолвно чернѣетъ во впадинѣ стѣны. И вдругъ этотъ пологъ тихонько скользнетъ, отодвигается... и входитъ Муцій. Онъ кланяется, раскрываетъ объятія, смѣется... Его жѣсткія руки обвиваютъ станъ

Валеріи; его сухія губы обожгли ее всю... Она падаетъ навзничъ, на подушки...

Стена отъ ужаса, послѣ долгихъ усилій, проснулась Валерія.—Еще не понимая, гдѣ она и что съ нею, она приподнимается на кровати, озирается... Дрожь пробѣгаетъ по всему ея тѣлу... Фабій лежитъ съ нею рядомъ. Онъ спитъ; но лицо его, при свѣтѣ круглой и яркой луны, глядящей въ окна, блѣдно какъ у мертвеца... оно печальнѣе мертвора лица. Валерія разбудила мужа—и какъ только онъ взглянулъ на нее—«Что съ тобою?»—воскликнулъ онъ.—«Я видѣла... я видѣла страшный сонъ», прошептала она, все еще содрогаясь...

Но въ это мгновеніе, со стороны павильона, принеслись сильныя звуки—и оба, и Фабій, и Валерія—узнали мелодію, которую сыгралъ имъ Муцій, называя ее пѣсней удовлетворенной, торжествующей любви.—Фабій съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Валерію... она закрыла глаза, отвернулась—и оба, притаивъ дыханіе, прослушали пѣсню до конца. Когда замеръ послѣдній звукъ, луна зашла за облако, въ комнату вдругъ потемнѣло... Оба супруга опустили головы на подушки, не обмѣнявшись словомъ—и ни одинъ изъ нихъ не замѣтилъ, когда заснулъ другой.

V.

На другое утро Муцій пришелъ въ завтраку; онъ казался довольнымъ—и весело привѣтствовалъ Валерію. Съ замѣшательствомъ отвѣтила она ему—взглянула на него мелькомъ—и страшно ей стало отъ этого довольнаго, веселаго лица, отъ этихъ пронзительныхъ и любопытныхъ глазъ. Муцій принялся было снова рассказывать... но Фабій перервалъ его на первомъ словѣ.

— Ты, видно, не могъ заснуть на новомъ мѣстѣ? Мы съ женою слышали, какъ ты сыгралъ вчерашнюю пѣсню.

— Да? вы слышали?—промолвилъ Муцій.—Я ее сыгралъ, точно, но я спалъ передъ тѣмъ, и даже видѣлъ удивительный сонъ.

Валерія насторожилась.—Какой сонъ?—спросилъ Фабій.

— Я видѣлъ,—отвѣчалъ Муцій, не спуская глазъ съ Валеріи,—будто я вступаю въ просторную комнату со сводомъ, убранную по восточному. Рѣзные столбы подпирали сводъ, стѣны были покрыты изразцами, и хотя не было ни оконъ, ни свѣчей, всю

комнату наполнялъ розовый свѣтъ, точно она вся была сложена изъ прозрачнаго камня. По угламъ дымились китайскія курильницы, на полу лежали парчевыя подушки вдоль узкаго ковра. Я вошелъ черезъ дверь завѣшанную пологомъ, а изъ другой двери, прямо напротивъ—появилась женщина, которую я любилъ когда-то. И до того она мнѣ показалась прекрасной, что я загорѣлся весь прежнею любовью...

Муцій знаменательно умолялъ. Валерія сидѣла неподвижно и только медленно блѣднѣла... и дыханіе ея стало глубже.

— Тогда, продолжалъ Муцій—я проснулся и сыгралъ ту пѣснь.

— Но кто была эта женщина?—проговорилъ Фабій.

— Кто она была? Жена одного индѣйца. Я встрѣтился съ нею въ городѣ Дели... Ея уже теперь нѣтъ въ живыхъ. Она умерла.

— А мужъ? спросилъ Фабій, самъ не зная, зачѣмъ онъ это спрашиваетъ.

— Мужъ тоже, говорятъ, умеръ. Я ихъ обоихъ скоро потерялъ изъ виду.

— Странно! замѣтилъ Фабій.—Моя жена тоже видѣла нынѣшней ночью необыкновенный сонъ,—Муцій пристально взглянулъ на Валерію,—который она мнѣ не рассказала, добавилъ Фабій.

Но тутъ Валерія встала и вышла изъ комнаты. — Тотчасъ послѣ завтрака, Муцій тоже ушелъ, объявивъ, что ему нужно быть въ Феррарѣ по дѣламъ — и что онъ раньше вечера не вернется.

VI.

За нѣсколько недѣль до возвращенія Муція, Фабій началъ портретъ своей жены, изобразивъ ее съ атрибутами святой Цециліи.—Онъ значительно подвинулся въ своемъ искусствѣ; знаменитый Луини, ученикъ Леонарда да-Винчи, пріѣзжалъ къ нему въ Феррару—и, помогая ему собственными совѣтами, передавалъ также наставленія своего великаго учителя. Портретъ былъ почти совсѣмъ готовъ; оставалось докончить лицо нѣсколькими штрихами—и Фабій могъ бы по справедливости гордиться своимъ произведеніемъ. — Отпустивши Муція въ Феррару, онъ отправился въ свою студию, гдѣ Валерія обыкновенно его ожидала; но онъ не нашелъ ее тамъ; кликнулъ ее—она не отозва-

лась. Фабіемъ овладѣло тайное безпокойство; онъ принялся ее отыскивать. Въ домѣ ея не было; Фабій побѣжалъ въ садъ—и тамъ, въ одной изъ отдаленнѣйшихъ аллей, онъ увидѣлъ Валерію. Съ опущенной на грудь головою, со скрещенными на колѣняхъ руками, она сидѣла на скамьѣ—а за ней, выдѣляясь изъ темной зелени кипариса, мраморный сатиръ, съ искаженнымъ злорадной усмѣшкой лицомъ, прикладывалъ къ свирѣли свои заостренныя губы. Валерія замѣтно обрадовалась появленію мужа—и на его тревожные вопросы отвѣтила, что у ней немного болитъ голова; но что это ничего не значитъ—и что она готова пойти на сеансъ. Фабій привелъ ее въ студию, усадилъ, взялся за кисть; но къ великой своей досадѣ, никакъ не могъ кончить лица такъ, какъ бы онъ того желалъ. И не потому, что оно было нѣсколько блѣдно и казалось утомленнымъ... нѣтъ; но того чистаго, святаго выраженія, которое такъ ему въ немъ нравилось, и которое навело его на мысль представить Валерію въ образѣ святой Цециліи—онъ сегодня не находилъ. Онъ наконецъ бросилъ кисть, сказалъ женѣ, что онъ не въ ударѣ, что и ей не мѣшало бы прилечь, такъ какъ на видъ она кажется не совсѣмъ здоровой—и поставилъ мольбертъ съ картиной лицомъ къ стѣнѣ. Валерія согласилась съ нимъ, что ей слѣдуетъ отдохнуть—и, повторивъ свою жалобу на головную боль, удалилась къ себѣ въ спальню.

Фабій остался въ студиі. Онъ чувствовалъ странное, ему самому непонятное смущеніе. Пребываніе Муція подъ его кровомъ, пребываніе, на которое онъ, Фабій, самъ напросился, стѣсняло его. И не то, чтобы онъ ревновалъ... возможно ли было ревновать Валерію!—но въ своемъ другѣ онъ не узнавалъ прежняго товарища. Все то чуждое, неизвѣстное, новое, что Муцій вынесъ съ собою изъ тѣхъ далекихъ странъ—и что, казалось, вошло ему въ плоть и кровь—всѣ эти магическіе приемы, пѣсни, странные напитки, этотъ нѣмой малаецъ, самый даже пранный запахъ, которымъ отдавало отъ одежды Муція, отъ его волосъ, отъ его дыханія—все это внушало Фабію чувство, похожее на недоувѣрчивость, пожалуй, даже на робость.—И отчего этотъ малаецъ, служа за столомъ, съ такимъ непріятнымъ вниманіемъ глядитъ на него, Фабія?—Право, иной могъ бы подумать, что онъ понимаетъ по-итальянски. Муцій говорилъ о немъ, что, поплатившись языкомъ, этотъ малаецъ принесъ великую жертву—и за то обладаетъ теперь великою силою.—Какою силою? и какъ онъ могъ приобрести ее цѣною языка? Все это очень странно! очень непонятно!—Фабій пошелъ къ женѣ въ спальню;

она лежала на постели, одѣтая—но не спала. — Услышавъ его шаги, она вздрогнула, потомъ опять обрадовалась ему также, какъ и въ саду. Фабій сѣлъ возлѣ кровати, взялъ Валерію за руку, и, помолчавъ немного, спросилъ ее: какой это необыкновенный сонъ напугалъ ее нынѣшней ночью? И былъ ли онъ въ родѣ того сна, о которомъ рассказывалъ Муцій? — Валерія покраснѣла и поспѣшно промолвила:—О нѣтъ! нѣтъ! я видѣла... какое-то чудовище, которое хотѣло растерзать меня.—Чудовище? Въ образѣ человѣка? спросилъ Фабій.—Нѣтъ, звѣря... звѣря!—И Валерія отвернулась и скрыла въ подушки свое пылавшее лицо. Фабій еще нѣкоторое время подержалъ руку жены; молча поднесъ ее къ губамъ своимъ—и удалился.

Не весело провели этотъ день оба супруга. Казалось, что-то темное нависло надъ ихъ головами... но что это было — они назвать не могли. Имъ хотѣлось быть вмѣстѣ—словно опасность имъ грозила;—а что сказать другъ другу—они не знали. Фабій попытался—было взяться за портретъ, читать Аріоста, поэма котораго, недавно передъ тѣмъ появившаяся въ Феррарѣ, уже гремѣла по Италіи; но ничего не удавалось... Поздно вечеромъ, къ самому ужину, вернулся Муцій.

VII.

Онъ казался спокойнымъ и довольнымъ — но рассказывалъ мало; все больше спрашивалъ Фабія о прежнихъ общихъ знакомыхъ, о нѣмецкомъ походѣ, объ императорѣ Карлѣ; говорилъ о своемъ желаніи съѣздить въ Римъ посмотреть на новаго папу. Онъ опять предложилъ Валеріи ширазскаго вина — и въ отвѣтъ на ея отказъ, промолвилъ, словно про себя: «теперь уже не нужно». — Вернувшись съ женою въ спальню, Фабій скоро заснулъ... и проснувшись часъ спустя, могъ убѣдиться, что никто не раздѣлялъ его ложа: Валерія не было съ нимъ. Онъ быстро приподнялся — и въ то же мгновеніе увидѣлъ жену, въ ночномъ платьѣ, входившую изъ сада въ комнату.—Луна свѣтила ярко, хотя незадолго передъ тѣмъ пробѣжалъ легкій дождикъ.—Съ закрытыми глазами, съ выраженіемъ тайнаго ужаса на неподвижномъ лицѣ, Валерія приблизилась къ постели, и, ощутивъ ее протянутыми впередъ руками, легла поспѣшно и молча. Фабій обратился къ ней съ вопросомъ — но она ничего не отвѣтила; казалось, она спала. Онъ коснулся ея — и почувствовалъ на ея одеждѣ, на ея волосахъ, дождевыя капли—а на подош-

вахъ ея обнаженныхъ ногъ — песчинки. Тогда онъ вскочилъ и побѣжалъ въ садъ черезъ полуоткрытую дверь. Лунный, до жесткости яркій свѣтъ обливалъ всѣ предметы. Фабій оглянулся — и увидѣлъ на песку дорожки слѣды двойной пары ногъ — одна пара была босая; и вели эти слѣды къ бесѣдкѣ изъ жасминовъ, находившуюся въ сторонѣ между павильономъ и домомъ. Онъ остановился въ недоумѣніи — и вотъ внезапно, снова раздаются звуки той пѣсни, которую онъ уже слышалъ въ прошлую ночь! Фабій вздрагиваетъ, вбѣгаетъ въ павильонъ... Муцій стоитъ посреди комнаты и играетъ на скрипкѣ. Фабій бросается къ нему.

— Ты былъ въ саду, ты выходилъ, твое платье мокро отъ дождя!

— Нѣтъ... не знаю... кажется... не выходилъ... — съ растапкой отвѣчаетъ Муцій, словно удивленный приходомъ Фабія и его волненіемъ.

Фабій схватываетъ его за руку. — И почему ты опять играешь эту мелодію? Развѣ ты опять видѣлъ сонъ?

Муцій взглядываетъ на Фабія съ тѣмъ же удивленіемъ — и молчитъ.

— Отвѣчай же!

— Мѣсяцъ сталъ, какъ круглый щитъ...
Какъ змѣя, рѣка блеснить...
Другъ проснулся, недругъ спитъ —
Ястребъ курочку когтитъ...
Помогай!

— бормочетъ Муцій на-распѣвъ, какъ-бы въ забытіи.

Фабій отступилъ шага на два, уставился на Муцію, подумалъ... и вернулся въ домъ, въ спальню.

Склонивъ голову на плечо и безсильно раскинувъ руки, Валерія спала тяжелымъ сномъ. Онъ не скоро ея добудился... но какъ только она увидала его, она бросилась къ нему на шею, обняла его судорожно; все тѣло ея трепетало. — Что съ тобой, моя дорогая, что съ тобою? — повторялъ Фабій, стараясь ее успокоить. Но она продолжала замирать на его груди. — Ахъ, какіе страшные сны я вижу, — шептала она, прижимаясь къ нему лицомъ. Фабій хотѣлъ-было ее разспросить... но она только содрогалась...

Раннимъ отблескомъ утра заагѣлись стекла оконъ, когда она, наконецъ, задремала въ его объятіяхъ.

VIII.

На другой день Муцій исчезъ съ утра, а Валерія объявила мужу, что намѣрена съѣздить въ сосѣдній монастырь, гдѣ проживалъ ея духовный отецъ, старый и степенный монахъ, къ которому она питала безграничное довѣріе. На разспросы Фабій она отвѣтила, что желаетъ облегчить исповѣдью свою душу, обремененную необычайными впечатлѣніями послѣднихъ дней. Глядя на осунувшееся лицо Валеріи, слушая ея угасшій голосъ, Фабій и самъ одобрилъ ея намѣреніе: почтенный отецъ Лоренцо могъ преподавать ей полезный совѣтъ, разсвѣять ея сомнѣнія... Подъ охраной четырехъ провожатыхъ, Валерія отправилась въ монастырь—а Фабій остался дома и, до возвращенія жены, пробродилъ по саду, стараясь понять, что происходило съ нею—и чувствуя постоянный страхъ и гнѣвъ, и боль неопредѣленныхъ подозрѣній... Онъ не разъ заходилъ въ павильонъ: но Муцій не возвращался—а малецъ глядѣлъ на Фабіа какъ истуканъ, подобострастно наклонивъ голову, съ далеко—такъ по крайней мѣрѣ показалось Фабію—далеко затаенной усмѣшкой на бронзовомъ лицѣ. Между тѣмъ Валерія на исповѣди все рассказала своему духовнику, не столько стыдась, сколько ужасаясь. Духовникъ выслушалъ ее внимательно, благословилъ ее, отпустилъ ей ея невольный грѣхъ—а самъ про себя подумалъ: «колдовство, чары Ѳисовскія... это такъ оставить нельзя»... и вмѣстѣ съ Валеріей отправился въ ея виллу, какъ-бы для того, чтобы окончательно ее успокоить и утѣшить.—При видѣ духовника, Фабій нѣсколько перетревожился; но многоопытный старецъ заранѣе обдумалъ, какъ поступить ему слѣдовало. Оставшись наединѣ съ Фабіемъ, онъ, конечно, не выдалъ тайны исповѣди, однако посовѣтовалъ ему удалиться, буде возможно, изъ дому приглашеннаго имъ гостя, который своими рассказами, пѣснями, всѣмъ поведеніемъ своимъ разстраивалъ воображеніе Валеріи. Притомъ, по мнѣнію старика, Муцій и прежде, помнится, не совсѣмъ былъ твердъ въ вѣрѣ, а побывавъ такое долгое время въ странахъ не озаренныхъ свѣтомъ христіанства, могъ вынести оттуда заразу ложныхъ ученій, могъ даже спознаться съ тайнами магіи; а потому, хотя старинная дружба и предъявляла свои права, однако благоразумная осторожность указывала на необходимость разлуки! Фабій вполне согласился съ почтеннымъ монахомъ, Валерія даже просвѣтлѣла вся, когда мужъ сообщилъ ей совѣтъ ея духовника—и напутствуемый благими пожеланіями обоихъ супруговъ, снабженный богатыми

подарками для монастыря и для бѣдныхъ, отецъ Лоренцо отправился домой.

Фабій намѣревался тотчасъ послѣ ужина объясниться съ Муціемъ; но странный его гость не возвратился къ ужину. Тогда Фабій рѣшилъ отсрочить разговоръ съ Муціемъ до слѣдующаго дня—а оба супруга удалились въ свою опочивальню.

IX.

Валерія скоро заснула; но Фабій заснуть не могъ. Въ ночной тишинѣ ему живѣе представлялось все видѣнное, все почувствованное имъ; онъ еще настойчивѣе задавалъ себѣ вопросы, на которые по-прежнему не находилъ отвѣта. Точно ли Муцій сталъ чернокожишкой—и ужъ не отравилъ ли онъ Валерію? Она больна... но какою болѣзнью?—Пока онъ, положивъ голову на руку и сдерживая горячее дыханіе, предавался тяжелому раздумью—луна опять вошла на безоблачное небо; и вмѣстѣ съ ея лучами, сквозь полупрозрачныя стекла оконъ, со стороны павильона—или это почудилось Фабію?—стало вливаться дуновение, подобное легкой, пахучей струѣ... вотъ слышится назойливое, страстное шептаніе... и въ тотъ же мигъ онъ замѣтилъ, что Валерія начинаетъ слабо шевелиться. Онъ восторженно, смотря: она приподнимается, опускаетъ сперва одну ногу, потомъ другую съ постели—и, какъ лунатикъ, безжизненно устремивъ прямо передъ собою потускнѣвшіе глаза, протянувъ впередъ руки, направляется къ двери сада! Фабій—мгновенно выскочилъ въ другую дверь спальни—и проворно обѣжавъ уголъ дома, приперъ ту, что вела въ садъ... Едва онъ успѣлъ ухватиться за замѣкъ, какъ уже почувствовалъ, что кто-то силится отворить дверь изнутри, налегаетъ на нее... еще и еще... потомъ раздались трепетныя стenanья...

«Но вѣдь Муцій не вернулся изъ города», мелькнуло въ головѣ у Фабія—и онъ бросился къ павильону...

Что же онъ видитъ?

На встрѣчу ему, по дорогѣ, ярко залитой блескомъ мѣсячныхъ лучей, идетъ, тоже какъ лунатикъ, тоже протянувъ руки впередъ и безжизненно раскрывъ глаза—идетъ Муцій... Фабій подбѣгаетъ къ нему—но тотъ, не замѣчая его, идетъ мѣрно выступая, шагъ за шагомъ—и недвижное лицо его смѣется при свѣтѣ луны, какъ у малайца. Фабій хочетъ кликнуть его по

имени... но въ это мгновеніе онъ слышитъ: сзади его въ домѣ стукнуло окно... Онъ оглядывается...

Дѣйствительно: окно спальни распахнулось сверху до низу — и, занеся ногу черезъ порогъ, стоитъ въ оконѣ Валерія... руки ея какъ будто ищутъ Муція... она вся тянется къ нему.

Несказанное бѣшенство залило грудь Фабія внезапно нахлынувшей волной. — «Проклятый колдунъ!» возопилъ онъ неистово — и, схвативъ Муцію одной рукою за горло, онъ нащупалъ другою кинжалъ въ его поясѣ — и по самую рукоятку воткнулъ лезвіе ему въ бокъ.

Пронзительно закричалъ Муцій — и притиснувъ ладонью рану, побѣжалъ, спотыкаясь, назадъ въ павильонъ... Но въ самый тотъ мигъ, когда его ударилъ Фабій, также пронзительно закричала Валерія и, какъ подкошенная, упала на землю.

Фабій бросился къ ней, поднималъ ее, понесъ на кровать, заговорилъ съ нею...

Она долго лежала неподвижно; но открыла наконецъ глаза, вздохнула глубоко, прерывисто и радостно, какъ человѣкъ, только что спасенный отъ неминуемой смерти — увидала мужа — и обвивъ его шею руками, прижалась къ его груди. — «Ты, ты, это ты» — лепетала она. Повемногу руки ея разжались, голова откинулась назадъ — и, прошептавъ съ блаженной улыбкой: — Слава Богу, все кончено... Но какъ я устала! — она заснула крѣпкимъ, но не тяжелымъ сномъ.

X.

Фабій опустился возлѣ ея ложа — и не спуская глазъ съ ея блѣднаго и похудѣвшаго, но уже успокоеннаго лица, началъ размышлять о томъ, что произошло... а также о томъ, какъ поступить ему теперь? Что предпринять? — Если онъ убилъ Муцію — а вспомнивъ о томъ, какъ глубоко вошло лезвіе кинжала, онъ въ этомъ сомнѣваться не могъ — если онъ убилъ Муцію — то нельзя же это скрыть! Слѣдовало довести это до свѣдѣнія герцога, судей... но какъ объяснить, какъ рассказать такое непонятное дѣло? Онъ, Фабій, убилъ, у себя въ домѣ, своего родственника, своего лучшаго друга! Станутъ спрашивать: за что? по какому поводу?... Но если Муцій не убитъ? — Фабій не въ силахъ былъ оставаться долѣе въ невѣдѣніи — и, удостовѣрившись, что Валерія спитъ, онъ осторожно всталъ съ кресла, вышелъ изъ дому — и направился къ павильону. Все въ немъ было

тихо; только въ одномъ окнѣ виднѣлся свѣтъ. Съ замиравшимъ сердцемъ раскрылъ онъ наружную дверь—(на ней остался слѣдъ окровавленныхъ пальцевъ и по песку дороги чернѣли капли крови)—перешелъ первую темную комнату... и остановился на порогѣ, пораженный изумленіемъ.

По срединѣ комнаты, на персидскомъ коврѣ, съ парчевой подушкой подъ головою, покрытый широкой красной шалью съ черными разводами, лежалъ, прямо вытянувъ всѣ члены, Муцій. Лицо его, желтое какъ воскъ, съ закрытыми глазами, съ посинѣвшими вѣками, было обращено къ потолку; не было замѣтно дыханія: онъ казался мертвецомъ. У ногъ его, тоже закутанный въ красную шаль, стоялъ на козѣнкахъ малаецъ. Онъ держалъ въ лѣвой рукѣ вѣтку невѣдомаго растенія, похожаго на напоротникъ—и, наклонившись слегка напередъ, неотвратно глядѣлъ на своего господина. Небольшой факель, воткнутый въ полъ, горѣлъ зеленоватымъ огнемъ, и одинъ освѣщалъ комнату. Пламя не колебалось и не дымилось. Малаецъ не пошевелился при входѣ Фабія, только вскинулъ на него глазами—и опять устремилъ ихъ на Муція. Отъ времени до времени онъ приподнималъ и опускалъ вѣтку, потрясалъ ею въ воздухъ—и нѣмыя его губы медленно раскрывались и двигались, какъ-бы произнося беззвучныя слова. Между малайцемъ и Муціемъ лежалъ на полу кинжалъ, которымъ Фабій поразилъ своего друга; малаецъ разъ ударилъ той вѣткой по окровавленному лезвію. Прошла минута... другая. Фабій приблизился къ малайцу и нагнувшись къ нему промолвилъ въ полъ-голоса: умеръ?—Малаецъ наклонилъ голову сверху внизъ, и, высвободивъ изъ-подъ шали свою правую руку, указалъ повелительно на дверь. Фабій хотѣлъ-было повторить свой вопросъ—но повелѣвающая рука возобновила свое движеніе—и Фабій вышелъ вонъ, негодуя и дивясь, но повинувшись.

Онъ нашелъ Валерію спавшею по-прежнему, съ еще болѣе успокоеннымъ лицомъ. Онъ не раздѣлся, присѣлъ подъ окномъ, подперся рукою—и снова погрузился въ думу. Поднявшееся солнце застало его на томъ же самомъ мѣстѣ. Валерія не просыпалась.

XI.

Фабій хотѣлъ дожидаться ея пробужденія и ухватъ въ Феррару—какъ вдругъ кто-то легонько постучался въ дверь спальни. Фабій вышелъ и увидѣлъ передъ собою своего стараго дворецкаго Антоніо. —Синьоръ, началъ старикъ—малаецъ намъ сейчасъ

объявилъ, что синьоръ Муцій занемогъ и желаетъ перебраться со всѣми своими пожитками въ городъ; а потому просить васъ, чтобъ вы дали ему въ помощь людей для укладки вещей—а къ обѣду прислали бы въючныхъ и верховыхъ лошадей, да нѣсколько провожатыхъ. Вы позволяете?—Малаецъ тебѣ объявилъ это? спросилъ Фабій.—Какимъ образомъ? Вѣдь онъ нѣмой.—Вотъ, синьоръ, бумага, на которой онъ это все написалъ на нашемъ языкѣ—очень правильно.—И Муцій, ты говоришь, боленъ?—Да, очень боленъ—и видѣть его нельзя.—За врачомъ не послали?—Нѣтъ. Малаецъ не позволилъ.—И это написалъ тебѣ малаецъ?—Да, онъ.—Фабій помолчалъ.—Ну, чтожъ—распорядись, промолвилъ онъ наконецъ.—Антоніо удалился.

Фабій съ недоумѣньемъ посмотрѣлъ вслѣдъ своему слугѣ.—Стало-быть, не убить?—подумалось ему... и онъ не зналъ, радоваться ли—или сожалѣть.—Боленъ?—Но нѣсколько часовъ тому назадъ—вѣдь мертвеца же онъ видѣлъ!

Фабій вернулся къ Валеріи. Она проснулась—и приподняла голову. Супруги обмѣнялись долгимъ, значительнымъ взглядомъ.—Его уже нѣтъ? промолвила вдругъ Валерія.—Фабій вздрогнулъ.—Какъ... нѣтъ?—Ты развѣ...—Онъ уѣхалъ? продолжала она. Фабію отлегло отъ сердца.—Нѣтъ еще; но онъ уѣзжаетъ сегодня.—И я его больше никогда, никогда не увижу?—Никогда.—И тѣ сны не повторяются?—Нѣтъ.—Валерія опять радостно вздохнула; блаженная улыбка появилась опять на ея губахъ. Она протанула обѣ руки мужу.—И мы не будемъ никогда говорить о немъ, никогда, слышишь, мой милый? И я изъ комнаты не выйду—пока онъ не уѣдетъ. А ты теперь пришли мнѣ моихъ служанокъ... да постой: возьми ты эту вещь!—она указала на жемчужное ожерелье, лежавшее на ночномъ столикѣ, ожерелье, данное ей Муціемъ—и брось ее тотчасъ въ самый нашъ глубокий колодезь.—Обними меня—я твоя Валерія—и не приходи ко мнѣ пока... тотъ не уѣдетъ.—Фабій взялъ ожерелье—жемчужины показались ему потускнѣвшими—и исполнилъ приказаніе своей жены. Потомъ онъ сталъ скитаться по саду, издали поглядывая на павильонъ, около котораго уже началась возня укладки. Люди выносили сундуки, въючили лошадей... но малайца не было между ними. Неотразимое чувство влекло Фабія посмотрѣть еще разъ на то, что происходило въ павильонѣ. Онъ вспомнилъ, что на заднемъ его фасѣ находилась потаенная дверь, черезъ которую можно было проникнуть во внутренность комнаты, гдѣ утромъ лежалъ Муцій.—Онъ подерался къ той двери,

нашелъ ее незапертою, и, раздвинувъ полости тяжелаго занавѣса, бросилъ нерѣшительный взглядъ.

ХІІ.

Муцій уже не лежалъ на коврѣ. Одѣтый въ дорожное платье, онъ сидѣлъ въ креслѣ, но казался трупомъ, также какъ въ первое посѣщеніе Фабіа. Окаменѣлая голова завалилась на спинку кресла, и протанутыя, плашмя положенныя руки, недвижно желѣли на колѣнахъ. Грудь не поднималась. Около кресла, на полу, усыпанномъ засохшими травами, стояло нѣсколько плоскихъ чашекъ съ темной жидкостью, издававшей сильный, почти удушливый запахъ, запахъ мускуса. Вокругъ каждой чашки свернулась, изрѣдка сверкая золотыми глазками, небольшая змѣйка мѣднаго цвѣта; а прямо передъ Муціемъ, въ двухъ шагахъ отъ него, возвышалась длинная фигура малайца, облеченнаго въ парчевую пеструю хламиду, подпоясанную хвостомъ тигра, съ высокой шляпой въ видѣ рогатой тиары на головѣ. Но онъ не былъ неподвиженъ; онъ то благоговѣнно кланялся и словно молился, то опять выпрямлялся во весь ростъ, становился даже на цыпочки; то мѣрно и широко разводилъ руками, то настойчиво двигалъ ими въ направленіи Муція и, казалось, грозилъ или повелѣвалъ, хмурилъ брови и топалъ ногою. Всѣ эти движенія видимо стоили ему большого труда, причиняли даже страданія: онъ дышалъ тяжело, потъ лилъ съ его лица. Вдругъ онъ замеръ на мѣстѣ и набравъ въ грудь воздуха, наморщивши лобъ, напрягъ и потянулъ къ себѣ свои сжатыя руки, точно онъ возжи въ нихъ держалъ... и къ неописанному ужасу Фабіа, голова Муція медленно отдѣлилась отъ спинки кресла и потянулась вслѣдъ за руками малайца... Малаецъ отпустилъ ихъ—и Муціева голова опять тяжело откинулась назадъ; малаецъ повторялъ свои движенія—и послушная голова повторила ихъ за нимъ. Темная жидкость въ чашкахъ закипѣла; самыя чашки зазвенѣли тонкимъ звономъ, и мѣдныя змѣйки волнообразно зашевелились вокругъ каждой изъ нихъ. Тогда малаецъ ступилъ шагъ впередъ, и высоко поднявъ брови и расширивъ до огромности глаза, качнулъ головою на Муція... и ѣлки мертвеца затрепетали, неровно расклевались и изъ-подъ нихъ показались тусклые какъ свинецъ зѣнцы. Гордымъ торжествомъ и радостью, радостью почти злобной, просіяло лицо малайца; онъ широко раскрылъ свои губы и изъ самой глу-

бины его гортани съ усиліемъ вырвался протяжный вой... Губы Муція разкрылись тоже, и слабый стонъ задрожалъ на нихъ въ отвѣтъ тому нечеловѣческому звуку...

Но тутъ Фабій не выдержалъ болѣе: ему представилось, что онъ присутствуетъ на какихъ-то бѣсовскихъ заклинаніяхъ! Онъ тоже закричалъ и бросился бѣжать безъ оглядки домой, скорѣй домой, творя молитвы и крестясь.

XIII.

Часа три спустя, Антоніо явился къ нему съ докладомъ, что все готово, всѣ вещи уложены и синьоръ Муцій собирается въ отъѣздъ. Ни слова не отвѣтивъ своему слугѣ, Фабій вышелъ на террасу, откуда былъ видѣнъ павильонъ. Нѣсколько вьючныхъ лошадей скучилось передъ нимъ; къ самому крыльцу былъ подведенъ могучій вороной жеребецъ съ широкимъ сѣдломъ, приспособленнымъ для двухъ сѣдовъ. Тутъ же стояли слуги съ обнаженными головами, вооруженные провожатаи. Дверь павильона растворилась и, поддерживаемый малайцемъ, снова надѣвшимъ обычное платье, появился Муцій. Лицо его было мертвенно, и руки висѣли какъ у мертвеца,—но онъ переступалъ... да! переступалъ ногами, и, посаженный на коня, держался прямо и ошупью нашелъ поводья. Малаецъ вдѣлъ ему ноги въ стремяна, вскочилъ съади его на сѣдло, охватилъ рукой его станъ—и весь поѣздъ двинулся. Лошади шли шагомъ, и когда онѣ заворачивали передъ домомъ, Фабію почудилось, что на темномъ лицѣ Муція мелькнуло два бѣлыхъ пятнышка... Неужели это онъ къ нему обратилъ свои зрачки?—Одинъ малаецъ ему поклонился... насмѣшливо, по обыновенію.

Видѣла ли это все Валерія? Жалюзіи ея оконъ были закрыты... но, можетъ быть, она стояла позади нихъ.

XIV.

Къ обѣду она пришла въ столовую и очень была тиха и ласкова; однако все еще жаловалась на усталость. Но ни тревоги уже не было въ ней, ни прежняго постоянного изумленія и тайнаго страха; и когда на другой день послѣ отъѣзда Муція, Фабій снова принялся за ея портретъ, онъ нашелъ въ ея чер-

тахъ то чистое выраженіе, мгновенное затмѣніе котораго такъ смутило его... и кисть побѣжала по полотну легко и вѣрно.

Супруги зажили прежней жизнью. Муцій для нихъ исчезъ, какъ будто его никогда не существовало. И Фабій, и Валерія, оба, точно условились не упоминать о немъ ни единымъ звукомъ, не освѣдомляться объ его дальнѣйшей судьбѣ: она впрочемъ и для всѣхъ осталась тайной. Муцій дѣйствительно исчезъ, точно провалился сквозь землю. Фабію однажды показалось, что онъ обязанъ рассказать Валеріи, что именно произошло въ ту роковую ночь... но она вѣроятно угадала его намѣреніе и притаила дыханіе, глаза ея прищурились, точно она ожидала удара... И Фабій ее понял: онъ не нанесъ ей этого удара.

Въ одинъ прекрасный осенній день Фабій оканчивалъ изображеніе своей Цециліи; Валерія сидѣла передъ органомъ и пальцы ея бродили по клавишамъ... Внезапно, помимо ея воли, подъ ея руками зазвучала та пѣснь торжествующей любви, которую нѣкогда игралъ Муцій—и въ тотъ же мигъ, въ первый разъ послѣ ея брака, она почувствовала внутри себя трепетъ новой, зарождающейся жизни... Валерія вздрогнула, остановилась...

Что это значило? Неужели же...

На этомъ словѣ оканчивалась рукопись.

И. В. Тургеневъ.

С. Спасское-Лутовиново, іюнь 1881.

ЗАПАДНОЕ ВЛІЯНІЕ

ВЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОЦѢНКѢ.

Безъ малаго сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ горсть усердныхъ патріотовъ, съ Шишковымъ во главѣ, ратовала изъ всѣхъ силъ противъ европеизма молодого Карамзина, объявляла отечество въ опасности и закликала русское общество вернуться на старую, единоспасающую, исключительно-національную стезю; мы стоимъ уже въ преддверіи двадцатаго столѣтія и должны бы, кажется, умудриться опытомъ,—а между тѣмъ старый шишковскій споръ не утратилъ своей свѣжести и снова занимаетъ умы. Точно будто вчера появились «Письма русскаго путешественника», и всей умственной работы нашей, всей дѣятельности лучшихъ представителей русскаго слова за цѣлое столѣтіе не бывало. Снова взвѣшиваются и разцѣниваются достоинства русскаго и западнаго элемента въ развитіи, снова примѣшиваются къ соображеніямъ культурно-историческаго свойства доводы, проникнутые заботой о государственной безопасности, общечеловѣческія симпатіи дѣлаются отвѣтственными за всѣ внутренніе русскіе недуги,—совсѣмъ такъ, какъ въ глазахъ Шишкова западничество Карамзина и его друзей было виновато въ московскомъ пожарѣ 1812 года.

Разница лишь въ томъ, что въ старину споръ велся въ мало-читавшихся журналахъ, въ скучныхъ на первый же взглядъ,

насыщенныхъ до-нельзя филологіей весьма сомнительнаго свойства, quasi-ученыхъ книгахъ, да въ потайныхъ доносахъ, смѣшившихъ даже Павловское правительство. Теперь же ареной спора является журналистика, располагающая десятками тысячъ читателей, онъ вышелъ изъ тѣснаго кружка такихъ полу-образованныхъ, воспитавшихся чуть не на часословѣ, старомодныхъ начетчиковъ, какъ Шишковъ, и располагаетъ разнообразными силами, претендующими на роль въ литературѣ и наукѣ. Возросла также и рыная нетерпимость, и умѣнье оттачивать звучныя, страстныя фразы, дѣйствующія на неразвитую массу читателей; выработана паеосъ, одинаково сильный и въ хвалебныхъ гимнахъ добрымъ народнымъ началамъ, и въ хулѣ всему иноземному. И этотъ приѣмъ оказывается иногда удачнымъ, находить отзвукъ въ темной средѣ; она вообще легко впадаетъ въ нетерпимость и никакъ не можетъ привыкнуть къ свободному обсужденію мнѣній; въ ея энтузіазмѣ всегда есть что-то исключительное, кому-то неопредѣленно грозящее. Любуясь, наприм., красивой народной пѣсней или любимымъ романсомъ, исполняемымъ въ какомъ-нибудь «національномъ» концертѣ, нашъ меломанъ-обыватель предается не одному только восторгу, но разражается, въ то же время, злобной выходкой противъ гнета западной музыки, — какъ будто изъ того, что пѣсня *Не были сныи* щемить намъ сердце, прямо слѣдуетъ, что Россіи или Бетховенъ бездарные люди! Стоило Достоевскому въ своей извѣстной «пушкинской» рѣчи окружить Татьяну неуваждающимъ ореоломъ высшаго самоотверженія и гуманности, и вся масса его поклонниковъ принялась съ его словъ повторять, что только русская женщина способна на такой поступокъ; а бѣдная западная женщина, чьи подвиги страданія за идею или самопожертвованія также могли бы быть подтверждены не ссылками на повѣстическія созданія, а фактами жизни, исторіи, была безжалостно заброшена, не признана...

Такую неопытную еще, младенчествующую въ критическомъ отношеніи массу не приходится учить нетерпимости и забвенію чувства мѣры. Каждое лишнее слово въ этомъ духѣ, произнесенное наставительнымъ тономъ или съ библейскимъ краснорѣчіемъ, подливаетъ только масло въ огонь. Этимъ похвальнымъ дѣломъ и занимаются шишковисты нашихъ временъ, вѣрно рассчитывая на успѣхъ. Они держатъ въ потьмахъ своихъ слушателей, не разумѣющихъ, что творять, когда повторяютъ избитыя фразы, навязанныя имъ вождями; этимъ хористамъ не приходится, вѣроятно, и въ голову, что, стремясь раздавить подъ своей

пятой все, что они приучились уже обзывать затасканнымъ названіемъ интеллигенціи, они поворачьтъ то, чѣмъ жила мыслящая Россія въ теченіе цѣлаго столѣтія, что составило красу и гордость нашей литературы, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Но для умственной тьмы нѣтъ злѣе врага, чѣмъ трезвое освѣщеніе подлинной дѣйствительности, спокойно разслѣдующее ходъ развитія мысли. Не имѣя достаточнаго запаса собственныхъ свѣдѣній, вмѣсто всякаго ученаго багажа располагая (въ лучшемъ случаѣ) лишь обрывками цитатъ и цифръ изъ десятка жалкихъ учебниковъ, заурядный читатель легко сбивается съ толку передъ докторальнымъ тономъ газетной статьи, вѣрить слѣпо тому, что въ ней говорится, и не въ силахъ былъ бы провѣрить сказанное, еслибъ даже на него и нашелъ такой приливъ пылливости. Оттого-то и могутъ такъ упорно держаться взгляды и теоріи, явно несостоятельныя. Въ разгарѣ ежедневной полемики застрѣльщикамъ обоихъ становъ недосугъ отклоняться отъ своей перестрѣлки для группировки и обзора основныхъ фактовъ. По неволѣ, хотя и ошибочно, они предполагаютъ ихъ общезвѣстными. Но если дѣло такъ ставится само собою, на обязанности стороннихъ свидѣтелей борьбы лежитъ возстановить по возможности истинную сущность спора, дать читателю средство оріентироваться въ немъ, освѣжить въ его памяти или раскрыть вновь совокупность фактовъ и вліяній, участвовавшихъ въ историческомъ процессѣ.

Въ ряду обычныхъ самоулаженій, которымъ всегда любили предаваться защитники нашей полной умственной самостоятельности, убѣжденіе въ богатствѣ силъ отечественной словесности, которая можетъ обойтись безъ смущающаго вліянія западныхъ литературныхъ элементовъ, играло всегда важную роль. Казалось, что это вліяніе только извращаетъ и портитъ здоровыя теченія въ области русскаго слова, подобно тому, какъ западныя политическія теоріи портятъ первобытно-чистое національное сознаніе наше. Докажемъ свѣту, что мы всегда обойдемся своими средствами и не станемъ болѣе страдать застарѣлой сухотою по чужому развитію, — такія мысли часто повторялись не только въ статьяхъ, проникнутыхъ опредѣленными славянофильскими воззрѣніями, но и въ порожденіяхъ того патріотическаго дилеттантизма, который, вопреки истинѣ и не справляясь черезъ-чуръ съ наукой, любитъ искупать внутреннимъ жаромъ, горячностью своего чувства, недостатокъ знакомства съ предметомъ. Разница между этими двумя оттѣнками сводится къ тому, что въ указа-

ніяхъ своихъ на образцы нашей самостоятельности славянофиль ограничаться ссылкой на созданія народной поэзіи, на писанія старыхъ нашихъ книжниковъ, и сдѣлаетъ уступку новому духу лишь въ томъ, что причтетъ къ избранному кругу излюбленныхъ писателей нѣсколько именъ изъ новой нашей литературы, преимущественно изъ тѣхъ, которые, по своимъ близкимъ связямъ съ патріархами славянофильства, подобно Гоголю, Языкову и др., зачислены уже какъ-то въ ряды *своихъ*; обыкновенный же ревнитель литературной независимости уважаетъ на все блестящее соимѣще корифеевъ нашей словесности, съ гордостью вызоветъ кичливый западъ на состязаніе и будетъ тѣшиться сознаніемъ, что все, добытое трудами этихъ людей, выросло и развилось исключительно на нашей національной почвѣ, питаясь одними лишь здоровыми соками, скрытыми въ ней.

Еще Бѣлинскій, въ самомъ началѣ своей дѣятельности, попрекалъ нашу литературу избыткомъ идолопоклонства—неумѣреннымъ самовосхваленіемъ. «Мы спали и видѣли себя Крезами, а проснулись Ирами», говорилъ онъ въ своихъ «Литературныхъ мечтаніяхъ», подводя итоги всему непомѣрно-раздутому лъстивою критикою литературному движенію; съ отраднымъ сознаніемъ провозгласилъ онъ тогда, что у насъ еще нѣтъ литературы въ точномъ смыслѣ слова, и съ надеждой глядѣлъ въ будущее. Съ той поры многое измѣнилось; мы не подвержены болѣе той страсти, надъ которою смѣялся Бѣлинскій, страсти имѣть во что бы то ни стало своихъ Вольтеровъ, Корнелей, Делилей, и производить въ геніи Херасковыхъ, Сумароковыхъ и Богдановичей; мы научились критически относиться къ произведеніямъ талантливейшихъ людей, не разобщаемъ ихъ болѣе съ ихъ средою и временемъ; историко-сравнительный методъ въ изученіи литературы одержалъ уже не мало успѣховъ. Но остатокъ того лирическаго восторга, того самовосхваленія, которое Бѣлинскій называлъ идолопоклонствомъ, еще живо и теперь,—только оно измѣнилось въ своемъ приложеніи, отъ частнаго перешло къ общему. Нестолько любимъ мы воздвигать себѣ радъ кумировъ, сколько ставить на высокой пьедесталъ все литературное достоинство наше и расположены торжествовать уже полную побѣду, одержанную на всей линіи, и если прежде считали высшей честью прилаживать всѣ писательскія репутаціи къ европейской мѣркѣ, то теперь немало охотниковъ отстаивать исключительно русскія основы всѣхъ нашихъ литературныхъ успѣховъ.

Высоко и почетно значеніе народной гордости, когда она опирается не на преимущества силы и власти, а на торжество

ума, творческаго генія. Но слѣпое идолопоклонство, — кто бы ни былъ предметомъ чествованій, отдѣльное ли лицо или вся совокупность дѣятелей, — никогда не приводило къ прогрессу, но помогало приукрашать и подслащивать застой. Кто же станетъ спорить, что и для нашего собственнаго развитія, и для исторической роли русскаго народа въ ряду другихъ было бы великимъ преимуществомъ, еслибъ онъ могъ выступать во всеоружіи богатой, гармонически развившейся литературы, которая одна уже могла бы привлекать къ себѣ симпатіи чужестранца, раньше всѣхъ виѣшнихъ государственныхъ преимуществъ! Но, зачѣмъ закрывать глаза на то, что литература эта, несмотря на всѣ ея успѣхи, все еще находится въ процессѣ своего созданія, построенія, что она еще до сихъ поръ *im Werden*, какъ говорилось бывало. Не втолковывать ей, что она уже всего достигла, а внушать ей бодрость, духъ неутомимой работы, сознаніе, что свѣтлое будущее впереди, но далеко еще не близко, — таковъ былъ бы самый здравый образъ дѣйствій со стороны всякаго истиннаго приверженца родной словесности. Не разобщать ее теперь же съ ходомъ развитія всей европейской мысли, но напоминать, что раскрытіемъ и уясненіемъ лучшихъ своихъ сторонъ она до сихъ поръ всегда обязана была влиянію и поддержкѣ своихъ западныхъ сверстницъ, что для избранныхъ ея дѣятелей путь къ независимому творчеству пролагался западными образцами, что инстинкты гуманности, даже самой народности, окрѣпли въ ней, благодаря той же школѣ, и что въ будущемъ, сколько бы ни развила она въ себѣ національной самостоятельности, она не можетъ болѣе выдѣлиться изъ общечеловѣческаго культурнаго процесса, потому что онъ неудержимо ведетъ не къ обособленію, а къ сближенію народовъ.

Въ припоминаніи всѣхъ нашихъ обязательствъ западу не только нѣтъ ничего обиднаго для нашего національнаго достоинства, какъ это можетъ показаться усерднымъ патріотамъ (да и что можетъ быть обиднаго въ заявленіи точныхъ фактовъ, которыхъ ничѣмъ не вырубши изъ исторіи!); напротивъ, въ сознаніи этой живой и старой связи коренится бодрое побужденіе къ дальнѣйшему развитію, возможно болѣе независимому. Это не жалкое благоговѣніе фон-визинскаго Иванушки передъ всѣмъ, что только носитъ иностранное обличье, не каррикатурное его заявленіе, что душа его принадлежитъ французской коронѣ, и только тѣло остается русскимъ. Это — отношеніе къ старому наставнику, съ которымъ для молодого ума связывается много добрыхъ воспоминаній, а старое русское правило прямо совѣтуетъ «помянуть

учителей своихъ». Они примѣромъ своимъ поддержали медленно развивавшіяся силы русской литературы, не давали ей заглухнуть подъ парализующимъ давленіемъ общественнаго равнодушія и полу-грамотности, и привлекая къ себѣ иногда даже самими увлеченіями своими, вывели насъ на твердую почву. Тѣмъ больше требовательности имѣемъ мы право предъявлять съ тѣхъ поръ къ самимъ себѣ, тѣмъ сильнѣе долженъ быть порывъ выказать когда-нибудь во всей полнотѣ развитіе нашей народной мысли, отразить въ словѣ содержаніе и задачи нашей національной жизни.

Намъ могутъ замѣтить, что въ связяхъ нашей образованности съ западомъ никто не сомнѣвается, что это стало общимъ мѣстомъ, что говорить объ этомъ значитъ вспоминать объ ученическихъ годахъ русской литературы, давно уже пережитыхъ ею; но въ томъ-то и дѣло, что въ размѣрѣ и силѣ западнаго вліянія масса обыкновенно жестоко ошибается. Она смотритъ лишь на нѣсколько слишкомъ ужъ бросающихся въ глаза, общезвѣстныхъ фактовъ; говоря о данномъ вопросѣ, вспомнить о Петрѣ, о введеніи ложно-классическаго направленія, пожалуй о романтикахъ и байронизмѣ, но не возьмутъ на себя трудъ всмотрѣться ближе въ дѣло и увидать, какъ въ *каждомъ*, сколько-нибудь крупномъ шагѣ литературы и общественнаго сознанія, до нашихъ временъ, мы встрѣчаемъ постоянно живые слѣды поддержки и руководства со стороны западной культуры.

Обзоръ этого неутомимаго воздѣйствія, по-крайней-мѣрѣ, за два послѣднихъ столѣтія—періодъ существованія такъ называемой искусственной, новой литературы нашей—будетъ предметомъ настоящаго очерка. Чуждый цѣлямъ стараго, слишкомъ исключительнаго западничества, онъ тѣмъ не менѣе попытается возстановить истину, слишкомъ часто искажаемую кичливостью и самодовольствомъ, опредѣлить степень испытаннаго нами вліянія и подвести итогъ всѣмъ дѣйствительно положительнымъ результатамъ нашей литературной самостоятельности.

I.

Вглядываясь пристальнѣе въ историческій ходъ развитія нашихъ литературныхъ связей съ Европой, мы не можемъ не замѣтить двухъ характеристическихъ явленій, повторяющихся съ систематической правильностью. Съ одной стороны мы видимъ какъ-бы волнообразное распространеніе идей, ученій и школъ, идущее

изъ умственныхъ центровъ запада, раньше и сильнѣе отражающееся на болѣе близкихъ къ нимъ мѣстностяхъ и разбивающееся въ мелкія брызги у нашего берега. Такъ и морская волна, надвигающаяся издали цѣлою водяной горою, обрушивается далеко отъ берега и потомъ долго, мелкими змѣйками, все еще катится вплоть до ногъ человѣка. Быть можетъ, эффектнѣе было бы иной разъ встрѣтиться прямо лицомъ къ лицу съ могучимъ валомъ, но это подѣлать одними скаламъ, чья сила можетъ помѣряться съ приближающимся исполиномъ; чего же ожидать отъ ровнаго берега, отъ зыбучихъ песковъ!... Зародившись подъ покровомъ живого движенія французской или англійской общественной мысли, новое ученіе находитъ благопріятный пріемъ въ нѣмецкой, голландской, польской средѣ; когда еще дойдетъ оно до насъ, сохранить ли оно всю первоначальную силу, переданное изъ вторыхъ рукъ! Могутъ, конечно, сложиться благопріятныя обстоятельства, которыя какъ будто ослабятъ географическую отдаленность и перенесутъ сразу мысль, точно легкое сѣмя черезъ огромное пространство. Но для этого необходимо всегда чье-нибудь, особенно сильное, личное вмѣшательство, наприм., страстное увлеченіе энциклопедизмомъ у Екатерины II въ раннюю пору; передача имѣетъ поэтому характеръ тепличной культуры и гложетъ съ той минуты, когда лично заинтересованнаго двигателя не станетъ, и тогда снова входитъ въ свои права естественный законъ.

Такъ это было у насъ вплоть до ближайшей къ намъ поры; и если теперь, съ каждымъ годомъ, становится замѣтнѣе быстрота передачи литературныхъ и научныхъ движеній, то этому порядку вещей, строго говоря, никакъ не долѣе двухъ, трехъ десятилѣтій. Запоздалость окончательнаго упроченія нашей образованности, при Петрѣ, не могла бы одна объяснить это явленіе; можно бы ожидать, что на свѣжей русской почвѣ будетъ воспринято сразу *позднее* слово мыслящей Европы, и что затѣмъ русскій культурный человѣкъ будетъ стараться идти въ ногу съ своими учителями, хотя и сознавая, что иногда это ему не подѣ силу. А между тѣмъ при Петрѣ у насъ увлекались Пуффендорфомъ, отжившимъ уже свой вѣкъ на родинѣ, переводили старомодныя, до-мольеровскія пьесы, читали Эразма и Юста Липсіа, и такъ это продолжалось до безконечности. Ложный классицизмъ явился у насъ тогда, когда на западѣ онъ былъ почти совершенно уже распатанъ; сатирическая журналистика опоздала на полъ-вѣка; Шиллера и Гёте стали у насъ цѣнить, когда прошла добрая половина ихъ дѣятельности; Байрона мы узнали лишь за нѣсколько лѣтъ до его смерти. И вмѣстѣ съ тѣмъ каждый разъ

степень интенсивности движенія ослаблялась по мѣрѣ передачи. Такъ просвѣтительное направленіе привело во Франціи къ политическому перевороту, въ Германіи оставила слѣдъ на идеалистическомъ поклоненіи свободѣ и братству, въ Россіи прошлаго вѣка дала пищу для либеральныхъ разговоровъ. Эта медленность передачи, усиливаемая еще разновременными стараніями отдѣлится насъ китайской стѣною отъ запада, должна быть неизбежно принята въ расчетъ. Насколько очевидно становится необходимость сравнительнаго изученія нашей литературы, настолько же ясно, что это сравненіе должно въ большинствѣ случаевъ сближать эпохи разновременныя.

Второе наблюденіе, выносимое нами, коренится отчасти въ этомъ же законѣ. Вступая на ту часть пути, которая только-что оставлена нашими предшественниками, мы переживали затѣмъ тѣ же стадіи, черезъ которыя они сами уже проходили, и это совершалось не вслѣдствіе рабской подражательности, но въ силу нормальнаго хода народнаго развитія, повторяющагося при одинаковыхъ условіяхъ. За примѣрами не далеко ходить. Нѣмецкая литература, въ концѣ семнадцатаго и началѣ восемнадцатаго вѣка, и состояніе самого общества въ ту пору дышало безличностью, слѣпымъ поклоненіемъ Франціи, модною манерностью и изломанностью приемовъ; мало-по-малу пробивается что-то похожее на національное самосознаніе, крайняя галломанія поднимается на смѣхъ сатирой, комедіей, журналами, начинается проповѣдь обновленія, реформъ, повѣія стремится къ самостоятельности, зарождается критическое и философское движеніе, складывается новая нѣмецкая наука; и руководясь всѣмъ, что было дѣйствительно живого и освобождающаго въ современной французской и англійской культурѣ, нѣмецкое умственное движеніе доходитъ наконецъ до полнаго разцвѣта въ классическій періодъ, блистающій именами Шиллеровъ, Гёте и Кантовъ. Подставьте вмѣсто этихъ фактовъ общезвѣстные русскіе данныя, начиная съ петровскаго времени вплоть до пушкинскаго періода, замѣните соотвѣтствующія имена нѣмецкихъ литературныхъ дѣятелей Кантемиромъ, Фонвизиномъ, Новиковымъ, Радищевымъ, Карамзинымъ, Державинымъ и т. д., и тотъ же процессъ постепеннаго исканія самостоятельныхъ путей окажется приложимымъ и къ намъ; онъ такъ же привелъ насъ отъ петиметровъ, осмѣянныхъ Кантемиромъ, и отъ бурсаковъ-виршенищевъ къ отважнымъ проявленіямъ независимости и художественной силы; онъ такъ же останавливается у порога пушкинской эры, какъ въ Германіи онъ вводитъ насъ въ преддверіе *Фауста* и *Донъ-Карлоса*.

Повинуясь этимъ законамъ, развивалось все наше общеніе съ западомъ, не остановившееся, несмотря на цѣлый рядъ препятствій. Мѣшалъ ему и слабый уровень образованности, долго не дававшій намъ усвоивать во всей полнотѣ сущность умственныхъ движеній и размѣнивавшій ихъ на мелочь, и охранительныя старанія многихъ представителей власти, Екатерины (во второй періодъ ея правленія), Павла и т. д.,—повременное усиленіе въ обществѣ нашемъ національной нетерпимости, отличавшее, наприм., время войнъ съ Наполеономъ. Характеръ и размѣры сближенія порою колеблются и мѣняются; въ болѣе отдаленную пору оно опирается лишь на усилія отдѣльныхъ личностей; съ поры Петра оно входитъ въ правительственную программу; когда же въ концѣ прошлаго вѣка въ слишкомъ рѣзкихъ чертахъ сказалась противоположность между словомъ и дѣломъ, между показнымъ, официальнымъ либерализмомъ во французскомъ вкусѣ и дѣйствительностью, полною обузданій и закрѣпощеній всякаго рода,—руководство движеніемъ снова переходитъ къ частной инициативѣ, чтобъ никогда болѣе не разставаться съ нею.

Насъ завело бы слишкомъ далеко желаніе обозрѣть всѣ проблески тяготѣнія къ западу, постепенно усиливавшагося вплоть до петровской поры. Въ послѣднее время наукѣ пришлось раскрыть въ этомъ отношеніи не мало данныхъ, которыя и теперь уже даютъ возможность перестроить наши ходячія представленія о старомъ періодѣ нашей образованности. Если передъ анализомъ двигателей сравнительнаго метода не устояло многое, даже въ мірѣ былинъ, ѣтихъ, казалось, иссонныхъ выразительницъ коренной народной стихіи, и отошло въ область международныхъ апокрифическихъ сказаній и даже книжныхъ источниковъ, то разслѣдованіе приплыхъ элементовъ, уже не византійско-славянскихъ, а западныхъ, начиная съ XVI вѣка, должно было обнаружить еще болѣшій запасъ фактовъ. Не въ новгородской только окраинѣ, слишкомъ давно соприкасавшейся съ иноземцами, но въ самомъ центрѣ русской самобытности рано сказывается тяготѣніе къ новой культурѣ. Она прокрадывается и въ заботливо охраняемое русское церковное искусство, пробуждая самостоятельную фантазію въ иконописцѣ; она увѣнчиваетъ стѣны зажиточныхъ хоромъ иностранными гравюрами, закрадывается въ любимые сборники повѣстей и, хотя и облачаясь въ грубоватую форму, заставляя стараго русскаго грамотѣя хотѣть надъ новеллой Боккаччо; она заноситъ вольнодумныя книги въ царскую бібліотеку и частныя книгохранилища, и этими книгами и вліяніемъ выѣзжихъ иноземцевъ шевелитъ въ мыслящихъ людяхъ и

религіозный, и политическій скептицизмъ. Откуда набрался своего «вольнодумства» дьякъ Грознаго, Висковатовъ, гдѣ научился любить стройность природы бояринъ Ѳеодоръ Карповъ, спорившій даже съ Максимомъ Грекомъ, кто указалъ путь за рубежъ пособнику Курбскаго, Оболенскому, образовавшемуся въ краковской академіи, или сектантамъ Ѳеодосію Косому и Игнатію, перешедшимъ даже въ протестантство,—безполезно было бы спрашивать: невольное влеченіе къ чему-то новому и болѣе свободному овладѣвало ими, и эта тоска по иной жизни привела къ той эмиграціи западниковъ, которая представляетъ собой такое характеристическое явленіе въ старой Руси. Такъ, пытается при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ бѣжать на западъ князь Хворостининъ, а въ слѣдующее царствованіе удачно бѣжить и поселяется навсегда во Франціи молодой Ордынъ-Нащокинъ.

Въ московской средѣ появляются и настоящіе пропагандисты современной западной образованности, люди съ энергіей и жаждой дѣятельности. Таковъ Максимъ Грекъ, несмотря на его греческія симпатіи и извѣстныя консервативныя предубѣжденія. Съ живыми воспоминаніями не только объ изученіи Виргилія, Аристофана, Тацита, но и о своихъ личныхъ связяхъ съ такими новыми людьми, какъ Анджело Полиціано или Альдъ Мануччи, съ вкусами и привычками современныхъ гуманистовъ, приходитъ онъ къ намъ. Начинается настоящая публицистическая пропаганда, будить умы уже своимъ задоромъ, то подвинетъ на совыѣ собора, то пристыдитъ невѣжествомъ, то упрочитъ такое великое дѣло, какъ введеніе типографскаго искусства; онъ не боится обновленія; по его мнѣнію, «нельзя только мнѣять заповѣдей, обычаи же царскіе и земскіе перемѣнять слѣдуетъ, какъ лучше государству». И эти-же рѣчи повторитъ, столѣтіе спустя, другой такой-же эмиссаръ, высылаемый къ намъ западной образованностью, хорватъ Крижаничъ. Несмотря на все свое панславистское рвеніе, онъ слишкомъ западный человѣкъ, воспитанный болонскихъ и римскихъ ученыхъ, чтобы мириться съ русской дѣйствительностью. Онъ краснѣетъ за нее, желалъ бы встряхнуть и обновить государство, которому въ его широкой программѣ выпадаетъ такая великая роль. Онъ также стыдитъ русскихъ людей необразованностью, учить, что «безъ слободинъ», т.-е. вольностей, жить нельзя, набрасываетъ фантастическій планъ народнаго собранія, съ которымъ Алексѣй Михайловичъ будетъ обсуждать основы новаго законодательства. Даже инны изъ стариковъ слушаютъ его со слезами, жалѣя, что молодость прошла и нельзя уже всѣ силы отдать на такое дѣло. И эти планы схо-

дятся съ первоначальнымъ (несравненно болѣе широкимъ, чѣмъ его осуществленіе) проектомъ стоглаваго собора, и въ обоихъ случаяхъ настоящимъ вдохновителямъ такихъ замысловъ приходится въ изгнаніи раздумывать о неудобствахъ свободнаго явленія мнѣній.

А тѣмъ временемъ на польско-русской окраинѣ широко разливается новая образованность, хоть и не чуждая еще схоластики, но полагающая основы для живой литературной дѣятельности. По западному образцу, перешедшему черезъ вторныя руки, возникаютъ образовательные центры юго-западной Руси, братства, школы, коллегіи, типографіи. Въ школьной тиши, задолго до Ломоносова, зарождается искусственное, ложно-классическое стихотворство, складывается блѣдное подобіе драмы, формируется персональ писателей и педагоговъ для московской Руси на цѣлыхъ два вѣка; и даже въ Москвѣ западничество одерживаетъ не малую побѣду, приведя къ устройству первой свѣтской сцены, заронивъ даже въ Алексѣя Михайловича настоящую страсть къ театральной иллюзіи, и съ этой поры устанавливается на цѣлое столѣтіе характеристическое вліяніе нѣмецкаго театра на русскую сцену. Такъ, къ концу семнадцатаго вѣка всюду успѣли просочиться незамѣтныя пока струйки европеизма; онъ уже приносилъ большую пользу, содѣйствуя усиленію свѣтскаго характера литературы, освобожденію ея отъ однообразно-клерикальнаго направленія. Тамъ, гдѣ старыя традиціи могли выставить печальный образъ удалаго молодца, преслѣдуемаго Горемъ-Злосчастіемъ вплоть до монастырскихъ воротъ, новая русская повѣсть уже рисовала живой типъ сутяги и ловкаго проходимца Фрола Скобѣева, искусно прокладывающаго себѣ путь къ богатству; и въ реальности этого изображенія, въ бойкости сатирическихъ приемовъ такъ и слышится отголосокъ непринужденности, привитой чтеніемъ многочисленныхъ шутовскихъ западныхъ повѣстей и приведшихъ въ Германіи къ созданію такъ-называемыхъ «Schelmen-Romane», въ которыхъ описывались похождения ловкаго плута, въ родѣ нашего Скобѣева, уже тогда обращавшихся въ средѣ нашихъ грамотѣевъ. Новое поколѣніе все смѣлѣе сбрасывало съ себя стѣсненія старой замкнутости, въ терема прокрался уже молюеровскій смѣхъ; вельможи, въ родѣ Василя Голицына, друга Софьи, накопили себѣ большія библіотеки, бесѣдовали иногда свободно съ иностранцами на ихъ языкахъ; къ концу столѣтія Пётръ уже могъ поставить на видъ архіепископу Адріану, что въ Москвѣ уже чрезвычайно распространился обычай поручать воспитаніе дѣтей

иноземцамъ ¹⁾; рассказы русскихъ путешественниковъ по западу становились все толковѣе, и въ самой Москвѣ все шумнѣе жужжала и волновалась постоянно разростающаяся толпа работающихъ и способныхъ западныхъ выходцевъ, высматривающихъ, гдѣ-бы приложить имъ къ дѣлу свои свѣдѣнія и энергію.

Борясь съ этимъ новымъ теченіемъ, которое бросило въ русскую среду зачатки новой учености, свѣтской письменности, искусственной поэзіи, непринужденности житейскихъ отношеній, и старая партія принуждена была подтянуться, усилить свой арсеналъ, пойти хотя нѣсколько въ уровень съ вѣкомъ. Тамъ, гдѣ еще недавно на мнѣнія, отличавшіяся еретичествомъ, умѣли отвѣчать только запрещеніями и проклятіями, нарождается полемика, опирающаяся на книжные авторитеты; если южные ученые, въ родѣ Симеона Полоцкаго, свободно обращаются съ трактатами Баронія, Герсонія и другихъ церковныхъ ученыхъ, а въ видѣ отдыха позволяютъ себѣ переводить отрывки изъ такихъ свѣтскихъ писателей, какъ Торквато Тассо (какъ это дѣлалъ Галятовскій, правда, изъ вторыхъ рукъ), то и противникамъ ихъ приходится шевелить листы ученыхъ греческихъ и латинскихъ фолиантовъ, для отраженія нападковъ. Въ серединѣ XVI вѣка, по словамъ Коллинса, духовенству удалось добиться закрытія единственнаго учебнаго заведенія въ Москвѣ, гдѣ изучался, между прочимъ, латинскій языкъ; а столѣтіе спустя пришлось не только стерпѣть, когда въ той-же Москвѣ, на западно-польскій манеръ, основалась академія, но и дѣлать видъ, какъ будто этотъ разсадникъ новой учености приходится всѣмъ по-сердцу. Такъ измѣнялись невольно воззрѣнія людей, которые выросли въ школѣ «Домостроя», пытавшася отдѣлать крѣпкою стѣной русскій бытъ отъ всякихъ внѣшнихъ вліаній и усыпить его въ патриархальной неподвижности ²⁾, а теперь выводились силою самой жизни на торную дорогу общаго развитія. Крѣпко не нравились Курбскому многія черты польской и ливонской культуры, онъ не церемонится въ презрительныхъ отзывкахъ, но силу умственного

¹⁾ Печарскій, Наука и литер., I, 124. Устряловъ, III, 511—12.

²⁾ Любопытно отмѣтить кстати, что даже по отношенію къ такому явн-о-охранительному и, какъ казалось даже, характерно-русскому произведенію, какъ «Домострой», настоящая точка зрѣнія была найдена лишь съ той поры, когда его сравнили не только съ старыми византійскими руководствами къ образцовой жизни, но и съ разнообразными, несравненно болѣе полными и близкими къ нему по духу, западными произведеніями, въ родѣ *Ménagier de Paris*, *Reggimento delle donne*, *Cas-toiement d'un père à son fils* и т. д. И здѣсь, какъ видимъ, пришлось предпочесть пріемъ возможно болѣе общаго изученія литературныхъ явленій.

превосходства сосѣдей все-таки отгадывается, и чтобъ бороться противъ вреднаго элемента, идегъ въ ученье къ противникамъ, старается овладѣть премудростью школьной науки, и незамѣтно превращается въ неутомимаго литературнаго дѣятеля. Конечно, это одинъ изъ наиболѣе живыхъ примѣровъ всепобѣждавшаго вліянія новой культуры.

Въ старинныхъ сказаніяхъ нашего народа (особенно сѣверянъ), даже въ мѣстныхъ житіяхъ, часто повторяется мотивъ таинственнаго пришествія невѣдомыхъ людей изъ туманной дали, подплывающихъ къ русской землѣ или по морскимъ волнамъ, или по какой-нибудь изъ широкихъ русскихъ рѣкъ. Фантазія, настроенная на чудесный ладъ, привышая облекать въ таинственные образы всю окружающую суровую природу, создавшая свою демонологию подъ завыванія бури, стукъ дождя и давящій мракъ, не могла не облечь въ загадочность и столбовеніи своихъ съ далекими чужаками. Съ тревогой и замираніемъ сердца обращалъ русскій человѣкъ свои взоры въ ту даль, которая могла вдругъ выслать къ нему своихъ диковинныхъ представителей. И дѣйствительно, по временамъ показывались они; но, вѣкъ отъ вѣка, ихъ обличье мѣнялось, и изъ сумрака вырѣзывались опредѣленные, осязательныя человѣческія черты. Въ далекую старину оттуда приплывалъ богатырь, чудовищно-сильный, съ ратью нездѣшней; оттуда-же появился потомъ на своей скалѣ Антоній Римлянинъ, занесенный морскимъ теченіемъ въ благочестивую русскую землю; оттуда стали приходить къ новгородцамъ ихъ иностранные гости, заноса съ собой стремленія къ религіозному свободомыслію, оставляя зародыши раннихъ русскихъ сектъ; оттуда прикочевали съ своимъ станкомъ первые учителя печатнаго дѣла, и оттуда-же заносили свой энтузіазмъ, свою странную, энергическую пропаганду такіа необычныя личности, какъ Максимъ Грекъ и Крижаничъ. Туманъ мало-по-малу расходился, даль перестала казаться зловѣщею; она начала уже дѣйствовать заманчиво, привлекательно; не даромъ, видѣли мы, въ нее уже уходило безвозвратно столько молодыхъ и способныхъ людей.

Въ такомъ переходномъ состояніи застали русскую жизнь петровскія преобразованія. Сразу все, что еще могло казаться страшнымъ и таинственнымъ, было осмотрено лицомъ къ лицу; дневной свѣтъ озарилъ и международныя отношенія и разницу культуръ; съ дѣловымъ, практическимъ реализмомъ намѣтились цѣли дальнѣйшей, ускоренной работы. Она не могла не повести за собой крупныхъ неудобствъ, неровностей; переходъ отъ медлен-

наго движенія къ форсированному маршу не могъ обойтись безъ того; усиленная подражательность во всемъ также являлась неизбѣжнымъ послѣдствіемъ переворота. Но если не изучать исключительно данное явленіе въ его русской обстановкѣ, а поискать аналогіи въ жизни болѣе культурныхъ западныхъ народовъ, то самый фактъ утратить въ значительной степени тотъ безотрадный характеръ, который такъ часто ему приписываютъ. Не одинъ только русскій народъ испыталъ на своемъ вѣку пору повальной подражательности, даже поработченія своего вкуса и образа мыслей чужимъ образцамъ; не въ одной лишь Россіи приходилось сѣтовать на разверзшуюся пропасть, отдѣлившую образованные сословія отъ народа, и не на одного Петра падаетъ историческій грѣхъ, которымъ его готовы при каждомъ случаѣ попрекнуть наши литературные старовѣры. Все это испытала раньше насъ сосѣдняя и во многихъ отношеніяхъ близкая намъ въ старину, Германія; не говоримъ уже о другихъ примѣрахъ, о повальной галломаніи въ англійской литературѣ во дни Попа и Аддисона и т. д.,—и здѣсь повторился весьма рельефно тотъ законъ послѣдовательной передачи, который мы попытались только-что характеризовать. Тридцати-лѣтняя война оставила Германію въ полномъ изнеможеніи; національное сознаніе ослабѣвало, разобщенность между населеніемъ различныхъ областей усиливалось; а въ эту пору рядомъ разгоралось во всемъ блескѣ величіе французской образованности, государственности, изящества, и слабая, безличная нѣмецкая умственная жизнь пошла *добровольно*, не по чьему-либо мощному внушенію, въ долгій плѣнъ къ французамъ.

И какой же это былъ плѣнъ! Вслушайтесь въ тѣ жалобы, которыми раздражаются рѣдкіе и самоотверженные патріоты, и безотрадность положенія окажется поразительною. Въ глазахъ умнаго сатирика Логгау (въ его *Sinngedichte*) Германія являлась тогда лакеемъ, носящимъ ливрею своего французскаго господина. Постоянныя поѣздки знати во Францію, господство моды во всемъ, пренебреженіе къ народному и низкому, изысканный слогъ чопорной литературы, преимущественно предназначенной процвѣтать или въ гостиныхъ, или въ душной атмосферѣ педантически-настроенной аудиторіи,—все это черты, какъ будто списанныя съ русской дѣйствительности восемнадцатаго вѣка, но съ еще ступенными красками, и какъ долго идетъ борьба противъ этого жалкаго, ограниченнаго чужебѣсія, какъ часты указанія на оторванность литературы отъ народа! Объ этомъ горевалъ, наприм., Лейбницъ; а чуть не столѣтіе спустя (1778), Гердеръ могъ

снова повторить о своемъ времени почти тѣ же мысли; онъ не видитъ вокругъ себя настоящей читающей публики въ широкомъ смыслѣ слова, горюетъ о безучастности поэзіи къ народной жизни, о ея замѣнутости въ тѣсномъ кругу, и, по мнѣнію его, все это неизбежно: «мы проснулись,—говоритъ онъ,—въ ту пору, когда солнце стояло вездѣ на полу-днѣ, а у нѣкоторыхъ народовъ склонялось уже къ закату. Придя слишкомъ поздно, мы стали подражателями, потому что нашли множество предметовъ, достойныхъ подражанія». Это откровенно сознавалъ потомъ и одинъ изъ творцовъ самостоятельной нѣмецкой поэзіи, Гёте, прямо признавая, что литература нѣмецкая образовалась въ чужеземной школѣ. И несмотря на долгій періодъ порабощенія, смѣнившася потомъ болѣе сознательнымъ, но все же необыкновенно тѣснымъ сближеніемъ съ французскими образцами, нѣмецкая литература вышла на свѣтъ и просторъ, заявивъ свою самостоятельность, но не поступившись общечеловѣческими симпатіями.

До-нельзя оскорбительно подѣйствовало тогда на многихъ искреннихъ любителей нѣмецкаго слова разсужденіе одного изъ почитаемыхъ въ старину французскихъ борзописцевъ, отца Бугура (Bouhours), носившее заглавіе: «si un Allemand pouvait être un bel esprit» и отвѣчавшее отрицательно на этотъ вопросъ. Хорошій урокъ подѣйствовалъ отрезвляющимъ образомъ; самые ревностные галломаны, въ родѣ Готтшеда, захотѣли доказать хвастливому французу несправедливость его мнѣнія. Мало-помалу закипаетъ дѣятельность въ различныхъ мелкихъ умственныхъ центрахъ Германіи; литература начинаетъ находить опору въ нарождавшемся образованномъ среднемъ сословіи; движеніе крѣпнетъ и объединяется, мѣсто такихъ благонамѣренныхъ, но мало даровитыхъ людей, какъ Готтшедъ, занимаютъ Лессинги и Гердеры, и торжество уже обезпечено. Кризисъ былъ пережитъ, никто не думалъ ограничиваться однимъ сидѣніемъ на брегахъ вавилонскихъ и плачемъ объ утраченной «почвѣ», но всякій дѣятельно участвовалъ въ борьбѣ школъ и направленій, которая должна была рано или поздно привести къ желанной цѣли.

Мы, русскіе, окончательно *проснулись* еще позже той минуты, о которой говоритъ Гердеръ, точно также «нашли много предметовъ, достойныхъ подражанія», осуждены были на долгую разобщенность литературы съ народомъ, пока не наступили лучшія времена, пока русская дѣйствительность не получила право гражданства въ словесности, пока у лирической поэзіи, комедіи, романа, не нашлось *своихъ словъ*. Сравненіе того же процесса у двухъ народностей показываетъ намъ, что въ замедленіи его

развязки виновата была у насъ не только порывистая воля Петра, не классическая, роковая «оторванность отъ почвы», а большая слабость личной инициативы, долгая узость и скудость общественнаго образованія, пробавлявшагося семинарской риторикой и затхлыми университетскими учебниками въ ту пору, когда въ Германіи дѣйствовалъ Кантъ или Фихте, и, наконецъ, вся сумма давящихъ вліяній внутреннихъ политическихъ обстоятельствъ, долго не выпускавшихъ литературу изъ-подъ заботливѣйшей опеки. Неутомимое, энергическое вниманіе Петра въ литературное движеніе, эта сила воли, способная шатать горами, была высоко полезна въ раннемъ періодѣ, когда все только еще складывалось; когда же жизнь въ полномъ ходу и самостоятельныя стремленія къ дѣятельности сказываются повсюду, необходимъ иной образъ дѣйствій. «Самое лучшее, что я сдѣлалъ для нѣмецкой литературы,—говоритъ другой умный человѣкъ, Фридрихъ Великій (въ брошюрѣ *De la littérature allemande*),—было именно то, что я предоставилъ ее самой себѣ»; и время Фридриха считается, какъ извѣстно, началомъ наиболѣе блестящей эпохи въ нѣмецкой литературѣ.

Попытавшись сдѣлать «примѣрное, времяисчислительное положеніе, во сколько бы лѣтъ, при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ, могла Россія сама собою, безъ самовластия Петра Великаго, дойти до того состоянія, въ какомъ она нынѣ есть» и т. д., историкъ Щербатовъ ¹⁾ приходилъ къ убѣжденію, что для этого потребовалось бы, по крайней мѣрѣ, три поколѣнія, и то при стеченіи наиболѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Нетерпѣніе и страстная энергія одного человѣка захотѣла придвинуть чуть не на цѣлое столѣтіе результаты естественнаго, медленнаго процесса, и на эту попытку его легла печать ускореннаго, спѣшнаго самообученія, которое шло тогда объ-руку съ многоразличными государственными заботами. Невозможно поэтому прилагать къ итогам тогдашней образовательной дѣятельности, складывавшейся подъ западнымъ вліяніемъ, требованія строгой программы, исполнѣ современной во всѣхъ частностяхъ. Случайный подборъ учителей и совѣтниковъ, личныя пристрастія къ той или другой отрасли науки или литературы, сложившія у Петра собственный запасъ знаній и вкусовъ,—все это должно было отозваться и на его дѣлѣ. Оттого произошелъ и тотъ нѣсколько смѣшанный, на первый взглядъ, составъ литературы петровскаго времени и задуманныхъ тогда реформъ. Лейбницъ встрѣчается тутъ съ Эразмомъ

¹⁾ Разныя сочиненія кн. М. М. Щербатова. М. 1860, стр. 23—28.

Роттердамскимъ; планъ перваго объ учрежденіи университетовъ въ Москвѣ, Кіевѣ, Астрахани, объ основаніи академіи, новомъ судоустройствѣ и законодательствѣ, сходится съ заботами о переводѣ «Исторіи разоренія Трои», Овидіевыхъ «Метаморфозъ» (за исправленіемъ текста которыхъ долженъ былъ надзирать синодъ); ходячій на западѣ въ ту пору энциклопедическій словарь Морері, пытавшійся сгруппировать добытыя въ тому времени исторію и географію точныя данныя, встрѣчался съ переводами старыхъ романическихъ жизнеописаній Александра Македонскаго, Юлія Цезаря, — героевъ лично симпатичныхъ Петру. Но на оцѣнку значенія данной эпохи эти неровности не имѣютъ первостепеннаго вліянія. Важнѣе всего тотъ духъ, который внесенъ былъ тогда въ нашу образованность, то нравственное перевоспитаніе, которое подѣйствовало вскорѣ на наиболѣе податливые умы и подготовило для слѣдующей эпохи убѣжденныхъ и честныхъ дѣятелей.

Новые начала и взгляды поражаютъ насъ, какъ только мы прикоснемся къ ветхимъ листамъ книгъ петровскаго времени. Чувствуешь, что чѣмъ-то молодымъ, свѣжимъ, свободнымъ пахнуло въ дремотной, заповѣдной тиши. Сличая эти идеалы съ дѣйствительностью, мы можемъ вспоминать подъ-часъ, что Петръ не всегда оставался вѣренъ поставленнымъ имъ же требованіямъ, что его нравъ и традиціи старой поры могли по временамъ увлекать его въ противоположную сторону; но важно отмѣтить, каковы же были, однако, эти взгляды и требованія, почитаемые обязательными и въ массѣ случаевъ дѣйствительно осуществлявшіеся. Переводы изъ нѣмецкихъ и голландскихъ юристовъ ставятъ неслыханный дотошъ въ оффиціальному русскому мірѣ принципы широкой гуманности; Пуффендорфъ разъясняетъ обязанности и права личности, имѣя въ виду «человѣка и гражданина»; «Театронъ», переведенный Гавріиломъ Бужинскимъ, учитъ религіозной вѣротерпимости, свободѣ совѣсти; полемика съ иностранными памфлетистами въ родѣ Нейгебауэра, составленіе извѣстнаго шафировскаго разсужденія о причинахъ войны со Швеціею только для отвѣда какому-то шведскому публицисту, наконецъ, созданіе русской журналистики, какъ бы наивна она ни была въ первое время, являются прямыми свидѣтельствами систематическаго пріученія народнаго мнѣнія къ гласности. Духъ политической сатиры, подкапывавшейся тогда подъ власть многихъ западныхъ правителей, вызываетъ сочувствіе въ Петрѣ; онъ съ удовольствіемъ читаетъ приносимые западными журналами образцы брошюръ и памфлетовъ, пишетъ на поляхъ юмористически-одо-

брительныя отмітки и велить переводить многія мѣста. Знаніе, точная наука впервые получаютъ у насъ почетное значеніе, и едва не устанавливается такая трезво-реалистическая точка зрѣнія, которая отдала бы надолго положительной наукѣ предпочтеніе передъ всякимъ умозрѣніемъ или художественнымъ творчествомъ.

Глубокое влеченіе Петра къ простотѣ во всей жизни налагаетъ свой спасительный отпечатокъ и на такомъ важномъ элементѣ литературы, какъ ея слогъ. Сличая легкій, непринужденный стиль европейскихъ произведеній съ напыщеннымъ, витиеватымъ, темнымъ слогомъ наличныхъ русскихъ книжниковъ, онъ бьется изъ силъ, чтобы приучить ихъ писать проще и «внятно». Но это такъ же трудно для него (стоитъ, напримѣръ, просмотрѣть ради забавы двѣ-три переводныхъ пьесы того времени, въ редактированіе которыхъ онъ такъ же энергически вмѣшивался), какъ отучить своихъ писателей отъ старинной привычки къ лести и лжи. Ему хочется имѣть исторію своего времени, но нѣсколько разъ уничтожаетъ онъ написанное и передаетъ порученіе другимъ лицамъ, потому что ему нестерпимъ и лакейскій духъ, и наглое искаженіе истины. Онъ, наконецъ, прямо заказываетъ Прокоповичу сатиру противъ лицемѣровъ, и на этомъ примѣрѣ снова обнаруживаетъ совершенно небывалое уваженіе къ силѣ литературнаго слова. Такимъ образомъ, не только въ количественномъ отношеніи выигрываетъ сразу образованность отъ совершившагося переворота, но съ усилившимся общеніемъ съ Европой живительныя струи новыхъ *идей* проникаютъ въ русскую общественность, пытаясь перевоспитать ее, подобно тому, какъ перевоспитывали онѣ богатую натуру ея передового представителя.

И если отъ его центральной личности мы перенесемъ наши взгляды на выдвигавшихся уже мало-по-малу новыхъ людей, живые слѣды этого духовнаго вліянія современной поры не замедлятъ сказаться. Для этихъ людей, безвѣстныхъ, затерянныхъ въ массы, въ родѣ, напримѣръ, аптекарскаго рабочаго Тверитинова, подмосковнаго крестьянина Посошкова, открывалась точно новая жизнь. Первоначальныя отношенія Петра къ расколу, его убѣжденіе, что «въ совѣсти воленъ Богъ», принесли свои плоды. Тверитиновъ, увлекаясь своей религіозной, наполовину протестантской пропагандой, ставитъ свое вольнодумство подъ охрану новаго духа времени: «нынѣ у насъ на Москвѣ, слава Богу, повольно всякому, кто какую вѣру изберетъ, такую и вѣруетъ», говоритъ онъ, и сознавая свѣтлую сторону этого прогресса въ срав-

неинъ съ стариннымъ отношеніемъ къ еретичеству, дѣлается какъ-бы приверженцемъ петровской реформы.

Тѣмъ же бодрымъ сознаниемъ всеобщаго пробужденія силъ вѣстѣ отъ каждой строки Посошкова. Самоучка, начетчикъ, еще недавно ревностный участникъ раскольничьихъ споровъ въ-за буквы, онъ можетъ иногда повторить отсталую мысль, напоминающую его прошлое, но виѣстъ съ тѣмъ, что за увлеченіе новымъ временемъ, что за уваженіе къ знанію, и какіе широкіе планы уже роятся въ головѣ этого человѣка! Ему кажется недостаточнымъ образованіе, получаемое заурядными людьми; для деревенскаго даже люда онъ желалъ бы введенія обязательнаго обученія ¹⁾, сыну своему приказываетъ въ завѣщаніи: «паче всѣхъ наукъ прилежать книжному наученію, не токмо славянскому одному, но и греческому, или латинскому, или хотя польскому, понеже и на польскомъ языкѣ много таковыхъ книгъ есть, которыя у насъ на славянскомъ языкѣ не обрѣтаются». Онъ на дѣлѣ показывалъ, что личныя его стремленія влекутъ его въ особенности къ прикладной сторонѣ науки, къ ремесламъ и промышленности, но уже онъ чуетъ великое значеніе всей новой образованности; по его мнѣнію, мы должны «украшати книжнымъ ученіемъ грамматическимъ, и риторскимъ, и философскимъ разумомъ, *и аще сія вся въ насъ будутъ, то на весь свѣтъ будемъ мы славны, а и на ономъ свѣтъ не безъ похвалы будемъ*». И эта высоко-важная, снисходительная въ ту пору требовательность развивается у другого, несравненно болѣе образованнаго «птенца Петрова», Татищева, въ широкую педагогическую программу, которую въ своей духовной онъ набрасываетъ для своего сына, и куда входятъ и историческая наука, и математика, знаніе законовъ, наука военная и нѣмецкій языкъ.

Эти живые отголоски пробужденія умственныхъ силъ къ новой жизни и дѣятельности, наставшаго съ той поры, когда упали послѣдніе остатки китайской стѣны, отдѣлявшей насъ отъ запада, показываютъ, какую пользу принесла для общаго развитія даже такая стѣнная, по неволѣ эклектическая образовательная реформа. Повѣяло свѣжимъ воздухомъ, провозглашена важность знанія, родная страна введена въ общечеловѣчскій строй народовъ и государствъ ²⁾, и постепенно выступаютъ охочіе убѣжденные дѣла-

¹⁾ «Я чаю, не худо было бы учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безграмотнаго человѣка, и положить имъ крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно отдавали учить дѣтей своихъ грамотѣ и положить имъ срокъ года на три или четыре».

²⁾ Любопытно видѣть, что даже на авторѣ отгрытой недавно русской повѣсти петровскихъ временъ (она издана Л. Н. Майковымъ въ „Журналѣ Мин. Нар. Пр.“,

тели, сходящіеся въ поклоненіи образованности, крестьяне, ремесленники, аристократы, духовныя лица, и «мизирный рабичищъ, ученію школьному неискусный, самый простецъ» Посошковъ и важный баринъ Татищевъ, и красноглазливый Оеофанъ Прокоповичъ, и другъ его, украинецъ Марковичъ, и юный еще, но, въ полномъ смыслѣ слова, созданный и выдвинутый на свое поприще петровскимъ временемъ Кантемиръ.

Но, какъ мы уже сказали, не въ этомъ только вполнѣ осязательномъ, возрождающемъ вліяніи отразилась реформа Петра на области слова. Ея послѣдствія были еще важнѣе въ ближайшій затѣмъ періодъ, когда положено было серьезное начало новой русской литературѣ. Традиціи петровскаго «западничества», рѣшимость всѣ силы затратить, чтобъ овладѣть знаніемъ, развитіе личной энергіи, не отступающей передъ лишеніями, странствіями, бѣдностью, своего рода фанатизмъ къ наукѣ и образованности, — все это наслѣдіе, оставленное самимъ Петромъ и его школой, если можно такъ выразиться, было воспринято и развито дѣятелями слѣдующей поры. Всѣ они обращаютъ взоры свои назадъ, но не изъ жажды простой переимчивости, а съ скрытыми помыслами о будущей самостоятельной дѣятельности, подсказанными народной гордостью. Ради этого они открыто пойдутъ въ ученіе къ иностранцамъ, поищутъ самаго источника знанія; Кантемиру тѣсно въ Петербургѣ, гдѣ послѣ Петра наука уже не въ почетѣ, а «ходитъ ободрана, въ доскутахъ зашита», гдѣ его могутъ понять только два, три человѣка, и онъ оживаетъ лишь въ Лондонѣ и Парижѣ, въ обществѣ Монтескьё, Мопертюи, въ перепискѣ съ Вольтеромъ. Ломоносовъ разгадываетъ свое настоящее призваніе лишь въ Германіи, куда его привлекло еще болѣе неодолимое влеченіе. Баснословно-чудесными путями, чуть не пѣшкомъ, перекочевываетъ въ Голландію и потомъ въ Парижъ другой основатель новаго стиха, Тредьяковскій; къ выѣздамъ французамъ идетъ въ науку Сумароковъ, къ нѣмцамъ — Федоръ Волковъ. И когда они приходятъ къ сознанію, что пора ученія и скитанія, ихъ *Lehr- и Wanderjahre*, для нихъ прошла, они закладываютъ фундаментъ обновленной словесности, внося каждый по мѣрѣ способностей свой вкладъ: Кантемиръ — свои сатиры, Ломоносовъ — научную пропаганду и торжественную лирику, Тредьяковскій — стихосложеніе, Сумароковъ — трагедію, Волковъ — національную сцену.

1880 г.) отразилось это смѣлое сближеніе съ западомъ. Его герой русскій матросъ, и приключенія этого предприимчиваго человѣка приводятъ его въ соприкосновеніе съ различными сторонами европейской жизни.

Ихъ ученическая добросовѣстная работа идетъ открыто и честно. Спросите у Кантемира, откуда онъ взялъ манеру своихъ сатиръ, одъ, поэмъ, анакреонтическихъ произведеній, онъ простоудушно уважаетъ, что тамъ онъ подражалъ Теофрасту и Лабрюйеру, тутъ «Горацію и Буалу французу», и въ подробныхъ примѣчаніяхъ къ сатирамъ раскроетъ всѣ мельчайшія частности своего писательскаго труда. Онъ признается охотно, что любитъ Францію, еще юношей переводить «утѣшное критическое описаніе Парижа», гдѣ говорится, между прочимъ, о веселыхъ гуляньяхъ въ «славномъ огородѣ детуллеріи». Тредьяковскій находитъ, что нужно имѣть «духъ звѣрскій», чтобъ не любить «красное мѣсто, драгой берегъ сенски», и извѣстныя замашки галломаніи не расстаются съ нимъ никогда. Въ первыхъ же одахъ Ломоносова такъ и сквозитъ подражаніе тому или другому мѣсту въ его нѣмецкихъ или французскихъ образцахъ. Открытая копировка Сумароковымъ приемовъ Вольтера, Расина, Мольера (въ комедіяхъ) слишкомъ извѣстна; наконецъ, Волковъ, всѣми свѣдѣніями своими объ устройствѣ театральнаго дѣла, главнымъ одобреніемъ къ его смѣлому замыслу устройства ярославскаго театра, былъ, какъ мы знаемъ теперь, обязанъ указаніямъ и тѣсной дружбѣ даровитаго нѣмецкаго актера Аккермана, въ ту пору директора нѣмецкой труппы въ Петербургѣ, впоследствии же одного изъ членовъ знаменитаго гамбургскаго театра, руководимаго Лессингомъ.

Но эти обязательства и эта зависимость не сдѣлала ихъ рабами чужой угазки. У cadaго изъ представителей этой ранней нашей литературной школы мы видимъ опредѣленное желаніе самостоятельной дѣятельности, каждому хочется занять на родной почвѣ такое же положеніе, какое занимаютъ передовые писатели запада, каждый стремится внести русское содержаніе въ свои произведенія. Въ какой степени удастся это имъ, будетъ зависеть отъ таланта или независимости той или другой личности; опытъ другихъ литературъ показываетъ намъ, что пора подражательности не скоро уступаетъ мѣсто вполнѣ своеобразному творчеству. Неудивительно поэтому, если извѣстныя неровности бросаются въ глаза и въ данномъ періодѣ у насъ. Но духъ соревнованія, задора къ работѣ, любви къ родному слову, подержанный сравненіемъ нашего дѣтскаго лепета съ европейскими литературными успѣхами, къ чести родоначальниковъ нашей новой словесности, высказывается рѣзко и опредѣленно. Кантемиръ и Ломоносовъ ставятъ себя подъ покровъ петровской идеи, и видя успѣхи западнаго развитія, какъ-бы хотятъ пока-

затѣ міру, что русская земля можетъ рождать *своихъ* Невтоновъ. Патріотизмъ Ломоносова слишкомъ извѣстенъ, его *разсужденія* обнаруживаютъ трезвую, практическую точку зрѣнія *русскаго* наблюдателя; но не странно ли, что и тутъ на каждомъ шагѣ встрѣчаются сличенія съ Германіей и другими образованными странами, желаніе реформъ мотивируется часто стремленіемъ не отстать отъ Европы, — подобно тому, какъ въ развитіи русскаго стиха мы видимъ у него свободное состязаніе съ иностранцами, а въ физико-химическихъ и иныхъ работахъ желаніе пересадить къ намъ, обрусить по возможности и развивать далѣе русскими силами цѣнные результаты западной науки? Кантемиръ, съ виду совсѣмъ принявшій внѣшность и привычки европейца, интересующійся такими предметами, которые въ ту пору могли интересоваться у насъ лишь немногихъ (таковы, напримѣръ, его «Письма о природѣ и человѣкѣ», въ Публичной библіотекѣ), и какъ будто ушедшій въ обособленную жизнь кабинетнаго ученаго, близко принимаетъ къ сердцу успѣхи русскаго слова, не только съ радостнымъ сознаніемъ участвуетъ въ заложении русской литературной своеобразности, но, несмотря на всю свою умѣренность, готовъ вынести всю тягость положенія писателя въ темной общественной средѣ. Даже такая блѣдная, пассивная личность, какъ Тредьяковскій, не чужда тому же стремленію возвести, съ помощью приобрѣтенныхъ вчужѣ знаній, нѣчто свое, національное!

Эти люди, какъ бы они ни расходились, ни враждовали между собой, дѣйствовали въ одномъ направленіи, и внесли сразу въ литературную область массу новыхъ облагораживающихъ понятій. Достоинство человеческой личности ставится высоко уже у Кантемира; жажда обновленія народной жизни, отличавшая еще Посошкова, развивается у Ломоносова въ цѣломъ рядѣ проектовъ реформъ, пронизанныхъ духомъ гуманности; отвѣтственность защитниковъ застоя передъ обличительнымъ словомъ устанавливается прочно въ кантемировыхъ сатирахъ, сумароковскихъ притчахъ и комедіяхъ, рѣзкихъ нападкахъ ломоносовскихъ разсужденій на суевѣрія и предрасудки; и даже тяжелая ложно-классическая трагедія, идя по слѣдамъ своей западной предшественницы, украсила себя торжественными и благонамѣренными монологами, которые, однако, звучали среди современной публики настоящей проповѣдью человѣчности и героическаго самопожертвованія. Недалеко еще ушла эта пора отъ первыхъ шаговъ петровской реформы, а уже народившаяся литература приобрѣла довольно опредѣленное обличье и внутреннее содержаніе.

Но положеніе ея еще шатко; поддержки сверху мало, под-
рость силъ незначительный, настоящей школьной образованности
еще нѣтъ, никто серьезно не брался за критическое руководи-
тельство дѣятельностью писателей, хотя по образцу заграничныхъ
журналовъ и возникли уже первыя наши повременныя изданія,
«Ежемѣсячныя сочиненія» Миллера, «Трудолюбивая пчела» Су-
марокова. Поэтому въ направленіи литературныхъ силъ еще
много случайнаго: Ломоносовъ взялъ у одного изъ своихъ образ-
цовъ, Гюнтера, торжественность тона его одъ, особенно ему
приглянувшихся, — тогда какъ въ несправедливо забытыхъ теперь
произведеніяхъ этого симпатичнаго стараго поэта главными до-
стоинствами является задушевность и простота его мелкихъ лири-
ческихъ пьесъ, которымъ удивлялся даже Гёте. Для московскаго
университета старались привлечь на кафедру эстетики Лессинга ¹⁾,
—и еслибъ это предложеніе было принято, вліяніе такого силь-
наго ума, обновляющій реформаторскій духъ, ниспровергавшій
ложно-классическую искусственность, живоительно отразились бы
на мѣстной литературной жизни. Изъ числа слушателей выдви-
нулась бы, конечно, не одна даровитая личность, на которую
Лессингъ могъ бы вознѣмѣть такое же вліяніе, какое бывшій
геттингенецъ Буле имѣлъ потомъ на Грибоѣдова. Но Лессингъ
не принялъ приглашенія; вмѣсто него кафедрѣ занялъ Рейхель,
и первымъ дѣломъ его было введеніе, въ качествѣ учебниковъ,
реторики и повтики Готтшеда, представителя той школы, которую
уже ниспровергнулъ въ Германіи Лессингъ. И этотъ Рейхель
былъ профессоромъ Фонъ-Визина и давалъ ему переводить право-
учительныя книжки... Точно также Сумароковъ всѣ свои силы,
все свое безграничное самолюбіе влагалъ въ отстаиванье спаси-
тельности классической теоріи. Сходясь въ рьяности и самоопѣ-
ніи съ Готтшедомъ, точно также порывавшимся захватить дикта-
туру въ нѣмецкой словесности и указывавшимъ современнымъ
писателямъ драмъ, въ качествѣ образцовъ, на Софокла и себя,
(совсѣмъ какъ Сумароковъ, дѣлившій власть надъ европейскимъ
театромъ лишь съ Вольтеромъ), — отецъ нашей трагедіи отстаи-
валъ псевдо-классическіе приемы въ ту самую пору, когда родина
Буало и Расина уже измѣняла ихъ традиціямъ для новой
мѣщанской драмы.

Но въ этомъ отсутствіи строгой системы, выработанной, *своей*
теоріи, въ этихъ невольныхъ анахронизмахъ была и значитель-
ная доля выгоды. Новымъ освобождающимъ направленіямъ, кото-

¹⁾ Lessing's Leben v. Adolf Stahr, 1868, I, 148.

рия тѣмъ временемъ развивались на западѣ, не пришлось выдерживать у насъ сильной борьбы съ стройнымъ и убѣжденнымъ полчищемъ защитниковъ старой теоріи. За неимѣніемъ лучшаго смотрѣлись высокопарныя трагедіи, слушались похвальные оды, тяжеловѣсныя сумароковскія комедіи. Но, какъ только стало устанавливаться нѣкоторое литературное равновѣсіе между нами и западомъ, и къ намъ проникла болѣе правдивая, сильно демократизированная форма драмы, чувствительная и субъективная лирика, социальная комедія Бомарше,—такъ всѣ здоровыя впечатленія молодой еще русской публики направили ее на встрѣчу болѣе свѣжаго и свободнаго творчества. Оттого одна волна такъ скоро смѣнила у насъ другую, и торжество псевдо-классицизма было такъ непродолжительно (хотя онъ съ виду и дожилъ даже съ Озеровымъ до александровскихъ временъ). Онъ скоро вызвалъ противъ себя насмѣшливыя нападки, принужденный иногда очистить мѣсто даже совсѣмъ безъ бою. Разливъ похвальной лирики въ Германіи обрывается сатирами Нейкирха и другихъ поэтовъ, осмѣявшими фабричное производство одъ,—и у насъ остроумный «Чужой толкъ» Дмитріева, попытавшійся пристыдить отечественныхъ виршеписцевъ указаніемъ на истинныхъ поэтовъ древности и новой Европы, наноситъ рѣзкій ударъ классической одѣ, всего черезъ какихъ-нибудь два десятилѣтія послѣ смерти Ломоносова. А тѣмъ временемъ московская театральная публика, увлеченная большою жизненностью новой драмы, проповѣдуемой и на словахъ, и на дѣлѣ, Дидро, Лессингомъ и Бомарше, скоро покидаетъ для нея своего недавняго любимца Сумарокова.

Въ этихъ счастливыхъ случайностяхъ сказываются здоровыя инстинкты тѣхъ, затронутыхъ, наконецъ, просвѣщеніемъ, общественныхъ слоевъ, которые должны были, съ теченіемъ времени, получить значительное вліяніе на ходъ литературы. Какъ во Франціи или Германіи, такъ и у насъ въ прошломъ вѣкѣ постепенное усиленіе того, что можно было бы назвать среднимъ сословіемъ, что собирало въ своихъ рядахъ лучшія силы различныхъ классовъ общества, отразилось на освобожденіи литературы отъ условной церемонности, утомительнаго однообразія героическихъ подвиговъ, и на водвореніи въ ней болѣе мѣщанской, бытовой реальности. Но какъ ни естественнымъ казалось бы и въ области слова, и въ искусствѣ, скорое водвореніе простоты и правдивости изображенія жизни, исторія культуры напоминаетъ намъ на каждомъ шагѣ, что эта желанная цѣль достигалась всегда послѣ многихъ колебаній, поисковъ за идеалами, блужданій ощупью и ошибокъ, что обыкновенно рядъ школъ и уче-

ній восходитъ и исчезаетъ, прежде чѣмъ найдена будетъ искомая близость къ жизни и свобода творчества. И мы можемъ съ увѣренностью сказать, что и русская литература прошлаго вѣка долго искала бы выхода, оставаясь съ своими Ярбами, Хоревами, Россіадою, философскими одами, дидактическими поэмами,—еслибъ пробудившіеся истинеты не получили могущественной поддержки извнѣ. Далекіе отголоски освободительнаго движенія, волновавшаго уже всю Европу, сгавившаго себѣ цѣлю внести и въ политическую жизнь народовъ, и въ ихъ духовную дѣятельность, и въ воспитаніе пріемы критическаго анализа, объявляя войну цѣлымъ полчищамъ застарѣлыхъ предрассудковъ, эти отголоски шевелили у насъ умы раньше того времени, которое принято считать офіціалнымъ началомъ русскаго просвѣтительнаго вѣка. Смѣлая выходка англійской сатирической журналистики противъ всего ложнаго и темнаго въ жизни и литературѣ, обойдя уже остальные страны, читалась у насъ давно съ сочувствіемъ; начиная съ журнала Миллера, во всѣхъ раннихъ нашихъ журналахъ и вѣдомостяхъ мы встрѣчаемъ частые переводы изъ «англійскаго Спектатора» или «Смотрителя», кое-какіе отрывки обличительныхъ повѣстей, взятыхъ въ однородныхъ съ нимъ французскихъ и нѣмецкихъ изданіяхъ, и мы уже предчувствуемъ близкое нарожденіе русской сатирической журналистики семидесятыхъ годовъ. Вкусъ къ чтенію переводныхъ романовъ въ старомъ духѣ, полныхъ фантастическаго вымысла и ничѣмъ не связанныхъ съ дѣйствительною жизнью, падаетъ подъ мягкимъ и человѣчнымъ вліаніемъ англійскаго чувствительнаго романа, ставящаго своей гордостью умѣнье изображать жизнь будничную съ ея тревогами,—и будущая русская повѣсть уже обрисовывается въ неясныхъ пока чертахъ. Комедія Детуша, Реньяра, Пирона, датчанина Гольберга, Шеридана борется противъ ложной образованности, свѣтской пустоты, трескучаго стихотворства, предугазывая первымъ же русскимъ комикамъ, Лукину, Фонъ-Визину, тѣмъ для ихъ обличительной дѣятельности, и даже свромная басня, едва поспѣвая за своими остальными собратьями, принимаетъ ту же воинствующую складку. Словомъ, пройдя впередъ, вытерпѣвъ уже въ значительной степени страду дня, литература запада, дѣйствующая съ той поры съ возрастающимъ единодушіемъ и стройностью, приходила во-время на помощь русскимъ образованнымъ людямъ, стоявшимъ на распутьѣ отжившей школы и новыхъ признаковъ времени. Эта поддержка является вторымъ крупнымъ фактомъ въ исторіи развитія нашей

новой образованности. Классической школь привелось быть ей воспріемницей, водворить извѣстное количество новыхъ для насъ литературныхъ формъ; а движеніе, связанное съ просвѣтительнымъ періодомъ, дало во-время противоудіе противъ искаженій и ошибокъ, которыя могли возникнуть отъ преобладанія ложно-классической искусственности.

Но этотъ положительный результатъ не могъ быть единственнымъ, — освѣженіе творчества новыми мотивами, возрастаніе реализма, близость къ жизни, все это составляло важныя приобритенія, лишь для литературной области въ-тѣсномъ ея смыслѣ. Но изъ-за новыхъ явленій въ мірѣ западной словесности величественно высились, осыняя и оживляя ихъ, завоеванія философской и научной мысли, призванныя вдохнуть новое содержаніе въ общечеловѣческую умственную работу, подчинявшія своему авторитету и плебеевъ, и всемогущихъ правителей, и деспотовъ, и мечтательныхъ филантроповъ. Въ то время, какъ у насъ слабый еще кружокъ интеллигентныхъ личностей едва влачилъ свое существованіе, когда преторіанскія волненія возводили и низводили правителей, мѣняя съ тѣмъ вмѣстѣ при дворѣ нѣмецкіе вкусы на французскіе, и вся эта сутолока считалась дѣломъ первостепеннымъ, какъ-бы поглощала всѣ общественныя интересы, — западная жизнь переживала блестящую пору разцвѣта умственныхъ силъ, привыкая ставить торжество мысли и челоуѣчности выше всякихъ внѣшнихъ преимуществъ. Насилія Бироновщины сходились въ оскорбительнѣйшемъ контрастѣ съ проповѣдью энциклопедистовъ, высоко державшихъ знамя гуманности. Когда самая черная пора миновала, и свѣтъ новаго ученія могъ уже свободнѣе проникать на Русь, оно должно было поѣтому встрѣтить во всѣхъ мало-мальски здоровыхъ умахъ невольное сочувствіе. Еще разъ повторилось то же радостное сознаніе наступленія свѣтлой поры, которое мы видѣли въ дни Петра. Какъ нѣкогда Тверитиновъ или Посопковъ, такъ теперь не только талантливые и интеллигентные люди, но и Фонвизинскіе герои, благонамѣренные говоруны современныхъ образованныхъ салоновъ, стихотворцы и т. д. предаются при каждомъ случаѣ восхваленію блаженства настоящей минуты; оно способно даже развивать въ нихъ непомѣрный, недалководидный оптимизмъ. Становится моднымъ щеголять, драпироваться имъ, и въ рѣчахъ официальныхъ резонеровъ, въ родѣ Бецкаго, столько же благонамѣренныхъ общихъ мѣстъ, сколько въ разсужденіяхъ театральнаго резонера Правдина. Въ этомъ оптимизмѣ далеко не все

должно быть отнесено къ стремленію подладиться подъ господствующій тонъ; это скорѣе проявленіе той дѣтской довѣрчивости, которая заставляла столько разъ русское общественное мнѣніе предаваться преждевременнымъ ликоваціямъ при малѣйшемъ просвѣтѣ. Становилось легче жить, личное существованіе какъ-будто осмысливалось, приобрѣтало цѣль, и всякаго тѣшила мысль, что онъ тоже участвуетъ въ общемъ возрожденіи. Не обошлось, конечно, и тутъ безъ крайностей или смѣшныхъ, или просто пошлыхъ. Свободный полетъ мысли умалился иногда у людей, даже далеко не бездарныхъ, до грошоваго вольнодумства, безопасно касавшагося одной лишь поверхности вещей, до циническихкихъ прибаутокъ и грозно-радикальныхъ, но въ сущности совершенно несерьезныхъ заявленій, придававшихъ человѣку безъ большого труда ореолъ свободомыслія въ полу-грамотномъ обществѣ. Или же, наконецъ, ходячій запасъ либерально-звучащихъ фразъ и бессознательное томленіе по французской цивилизаціи затверживались наизусть людьми, совершенно неспособными понять настоящій смыслъ современнаго движенія. Таковъ Иванушка въ «Бригадирѣ», побывавшій даже лично въ Парижѣ; таковъ одинъ изъ тогдашнихъ провинціальныхъ епископовъ, говорившій о себѣ при каждомъ удобномъ случаѣ: «я французъ, я французъ!» Въ этомъ явленіи опять же нѣтъ специально-русской уродливости; при однородныхъ обстоятельствахъ оно повторялось вездѣ; каждое движеніе имѣетъ своихъ хористовъ, послушно тянущихъ одну и ту же ноту, своихъ каррикатурныхъ исказителей. Въ Германіи успѣхи просвѣтительнаго направленія не разъ портились, благодаря слишкомъ педантическимъ ревнителямъ его; въ послѣдствіи пора знаменитаго «Sturm-und Drang» выродилась въ смѣшную растрепанность чувствъ и ухарство, повончившее со всякими законами въ поэзіи; до забавности заразительно дѣйствовали на подражателей-лилипутовъ вертеризмъ и байронизмъ. Такъ это было и съ нашей галломаніей и такъ называемымъ волтеріанствомъ въ прошломъ вѣкѣ. Образецъ былъ совершенно неповиненъ въ томъ, что его портило и дѣлало смѣшнымъ грубое обезьянство. Насмѣшка русской сатиры и комедіи была въ этомъ отношеніи вполнѣ законной, но замѣчательно, что и при этомъ не обошлось безъ постороннихъ указаній. Намъ трудно представить себѣ, чтобы на созданіе перваго же сколько-нибудь удачнаго сатирическаго портрета въ этомъ родѣ, — фон-визинскаго Иванушки, осталась безъ вліянія комедія Гольберга, такъ и назвавшего ее по герою своему

«*Jean de Paris*» и осмѣивающаго датское подобіе нашего изнѣ-
женнаго бригадирскаго сына ¹⁾).

Но для полнаго успѣха обновляющаго вліянія обществен-
ныхъ, литературныхъ и научныхъ теорій недоставало еще мно-
гого и самаго существеннаго. Прежде и главнѣе всего не было
того прочнаго, основательнаго образованія, на которое съ поль-
зою могли бы упасть сѣмена оживляющаго движенія. Составляя
различные проекты «созданія новой породы людей», не поза-
ботились серьезно о томъ, чтобы для нея было гдѣ учиться.
Университетъ долго не выходилъ изъ-подъ фѣрулы самаго соннаго
педантизма, лишь по временамъ оживляясь благодаря случайно-
забрѣвшей туда талантливой личности; собранныя теперь свѣ-
дѣнія и воспоминанія о томъ, что дѣлалось тогда въ гимназіяхъ,
московской, казанской, говорятъ о порядкахъ почти допотопныхъ.
Наконецъ и о народномъ образованіи стали заботиться только
тогда, когда Іосифъ II поставилъ его на первый планъ, и,
чтобъ дать русскому крестьянину или мѣщанину школы, выпи-
сали казеннымъ способомъ изъ *Венгріи* серба Янковича... На-
дежды на домашнее образованіе, какъ всегда, оказались шаткими,
и мы слишкомъ хорошо знаемъ, въ чьихъ рукахъ находилось
оно тогда по большей части. Потому-то все, что воспринималось
въ ту пору съ запада, усваивалось дилеттантически, оча-
ровывало, но не могло совершенно перейти въ плоть и кровь,
не дало тѣхъ результатовъ, которые могло дать. Не *слишкомъ*
много заимствовали и учились мы въ ту пору у нашихъ запад-
ныхъ сосѣдей (какъ это кажется инымъ), но слишкомъ мало и
не такъ, какъ слѣдовало. Многого и понять не смогли, мимо
многого важнаго прошли безъ вниманія. Неудивительно, что у
перваго поколѣнія новыхъ, екатерининскихъ дѣятелей убѣжденія
оказывались иногда необыкновенно шаткими. Фонъ-Визинъ на-
чинаетъ съ увлеченія новыми идеями, готовъ удариться въ край-
ность кошунства, — но достаточно случайнаго обстоятельства,
встрѣчи съ суровымъ мистикомъ Тепловымъ, чтобъ пробудить въ
немъ раскаяніе и угрызения совѣсти, достаточно недовольства
Екатерины на мнимую вольность его «Вопросовъ», чтобъ отважный
сатирикъ совсѣмъ растерялся; когда же въ послѣдніе годы,
разбитый параличемъ, онъ публично, въ университетской церкви,
указываетъ студентамъ на свое полу-мертвое тѣло, какъ на знакъ
гнѣва небеснаго, показавшаго его за его грѣхи, онъ становится

¹⁾ Это тѣмъ вѣроятнѣе, что Фонъ-Визинъ интересовался произведеніями Голь-
берга и перевелъ его басни (1761, „Бригадиръ“ же появился въ 1764).

просто жалокъ. Да и не у него одного исчезъ потомъ слишкомъ легко приобрѣтенный налетъ мнимо-усовершенствованнаго свободомыслия!

При такомъ дилеттантическомъ отношеніи къ дѣлу понятно, почему многія стороны движенія, передаваясь черезъ посредствующія звенья, такъ блѣднѣли и мельчали. Въ борьбѣ своей противъ предразсудковъ общества, въ проповѣди сближенія съ естественнымъ порядкомъ, Руссо нашелъ мѣсто и заступничеству за вѣротерпимость и свободу совѣсти и въ своемъ «Савойскомъ священникѣ» (Vicaire savoyard) набросалъ симпатичный образъ честнаго и дѣйствительно христіански-гуманнаго пастыря душъ, не знающаго различія людей по религіямъ; идя тѣмъ же путемъ, Лессингъ глубокими, художественными чертами осуществилъ тотъ же принципъ свободы вѣры въ своемъ «Натанѣ». Какимъ жалкимъ, въ виду этого, является отзвукъ возбужденнаго интереса къ вопросамъ религіи въ каррикатурной фон-визинской проповѣди сельскаго попа, едва грамотнаго духовнаго вождя полупьяныхъ крестьянъ! Личность бѣднаго попа взята изъ того же комическаго альбома, гдѣ красуются Кутейкинъ съ Цыфиркинымъ, да бригадирша Акулина Тимоѣевна,—и самое большое, если авторъ имѣетъ въ виду напомнить, кому слѣдуетъ, что необходимо было бы нѣсколько пообучить и пастырей, и паству. Съ теченіемъ времени подобное отношеніе къ дѣлу начало мѣняться; дилеттанты-начетчики (для иныхъ и это несомнѣнно подходящій терминъ; *orecchianti*, такъ зовутъ въ Италіи безграмотныхъ пѣвцовъ, которые, не зная нотъ, поютъ цѣлыя оперы по слуху,—у насъ такого слова еще нѣтъ) начинаютъ смѣняться людьми образованными, убѣжденными; за отсутствіемъ серьезнаго образованія въ Россіи, они ищутъ его за границей, особенно въ Германіи, и возвращаются дѣйствительно новыми людьми, съ жаждой полезной дѣятельности. Таковъ въ особенности весь кружокъ Радищева, таковы тѣ безвѣстные поклонники энциклопедистовъ въ юговосточныхъ русскихъ окраинахъ, для которыхъ извѣстный Винскій дѣлалъ свои рукописные переводы классическихъ произведеній новой школы, таковъ въ извѣстной степени и самъ Винскій, не чуждый фанатическаго увлеченія ею; таковъ даже молодой Карамзинъ, съ грезами о швейцарской свободѣ и поклоненіемъ Канту. Но по капризу судьбы, именно въ ту пору, когда для дѣла подготовлено было уже небольшое число ревностныхъ и способныхъ работниковъ, и само движеніе, и горячій порывъ этихъ людей къ дѣятельности становятся предметомъ сильнѣйшей подозрительности со стороны власти; общество, еще недавно

выслушивавшее рѣчи новыхъ людей съ благоговѣйнымъ удивленіемъ, отворачивается отъ нихъ, издѣвается надъ ними; общеніе съ западомъ снова подавлено въ ту минуту, когда обѣщало сдѣлаться наиболѣе полезнымъ.

Въ неясномъ отношеніи правительственныхъ сферъ въ движенію заключается вторая существенная причина недостаточнаго его успѣха у насъ. Не говоря уже о томъ слишкомъ явномъ фактѣ, что покровительственный образъ дѣйствій прилагался въ сущности лишь въ теченіе самаго ранняго и непродолжительнаго періода, постепенно смѣняясь недоувѣріемъ и попытками сдержать, осадить неуемные будто бы порывы, — необходимо уяснить себѣ, до какой степени двойственна была сама эта политика. Съ одной стороны, она величаво рисовалась передъ всемірно-исторической ареной зрителей, съ другой — она безмѣрно черствѣе и бюрократичнѣе выполняла свои задачи дома. Безспорно весьма интереснымъ эпизодомъ въ международной литературной исторіи являются всѣ разнообразныя сношенія Екатерины съ Вольтеромъ, Дидро, д'Аламберомъ и многими другими представителями современной мысли; — но эти сношенія, особенно когда они выражаются въ перепискѣ, гдѣ съ обѣихъ сторонъ непринужденно сверкаютъ искры ума, тонкой веселости или остроумія, входятъ во всякомъ случаѣ въ составъ чисто *личной* исторіи развитія. Это болѣе или менѣе откровенныя признанія или тонкая *sauserie* челоуѣка, которому, несмотря на окружающій его блескъ, тягостно имѣть постоянно дѣло съ людьми ниже его уровня, и который съ увлеченіемъ отдаетъ часть дня своего на письменныя бесѣды съ умнѣйшими людьми Европы. У Екатерины есть между ними свои кумиры въ родѣ Вольтера, она спрашиваетъ ихъ совѣта въ разныхъ сложныхъ русскихъ дѣлахъ, забывая, до какой степени они имъ незнакомы и какъ она сама часто излагаетъ свои вопросы и затрудненія, придавая имъ произвольную окраску. Но отъ этой блестящей корреспонденціи до осуществленія затрогиваемыхъ ею вопросовъ весьма далеко. Едва дѣло слишкомъ близко коснется внутренней политики, — и уже въ тонѣ отвѣтовъ *ученицы*, какъ она любила называть себя, слышится скрытое неудовольствіе на вторженіе непривзванныхъ судей въ заповѣдную область. Неудивительно поэтому, если Вольтеръ иной разъ поддавался своему старинному хитроумію, помогавшему ему ладить даже съ Фридрихомъ, если онъ соглашался съ нѣкоторыми доводами и останавливался, напримѣръ, въ нерѣшительности передъ вопросомъ о немедленномъ освобожденіи крестьянъ, особенно когда толки эти сопровождались тревож-

ними свѣдѣніями объ успѣхахъ пугачевского возстанія. Болѣе же откровенные люди, въ родѣ Дидро, пытавшіеся прямо въ глаза высказывать свои мысли и давать совѣты (быть можетъ, и не всегда практическіе въ русскомъ смыслѣ, но все-таки осуществимые съ измѣненіями), видѣли скоро, что весь интересъ сосредоточивается только на процессѣ обмѣна мыслей. Вся исторія поѣздки Дидро въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ обласканъ, служилъ предметомъ любопытства и удивленія, могъ откровенно проповѣдывать свои убѣжденія, и все-таки возвратился безъ всякаго успѣха, встрѣтивъ на многихъ пунктахъ вѣжливый отпоръ, — эта исторія, на нашъ взглядъ, необыкновенно живо характеризуетъ всю систему дѣйствій.

Первая, наиболѣе свѣтлая, пора полна была, по крайней мѣрѣ, открытыхъ заявленій либеральныхъ принциповъ, неслыханныхъ дотошъ въ официальныхъ русскихъ сферахъ; за ними послѣдовалъ разливъ чиновничьей говорливости, варьировавшей эти принципы на разные лады, заговорили Бецкіе, Домашневы, Мелиссино и т. д.; затѣмъ наступили иные заботы, прежніе сборы въ просвѣдательной дѣятельности остались *словами*, факты пошли съ ними въ разрѣзъ, старые боги были оставлены и предавались порицанію ¹⁾, — и мыслящіе люди, заливовавшіе-было при наступленіи золотого вѣка, доживали его втихомолку, съ постояннымъ трепетомъ за свою цѣлость, мучимые призракомъ Шешковскаго и видѣніями его пытокъ. Стоитъ вчитаться даже въ письма болѣе умѣреннаго Карамзина за послѣдніе годы Екатерининскаго царствованія и за краткій періодъ правленія Павла, чтобъ видѣть, до какой степени подъ конецъ замерли всѣ интеллигентныя силы, только-что начавшія выдвигаться изъ общественной массы.

Нечего, кажется, вникать въ вопросъ, представлялась ли дѣйствительно какая-нибудь опасность со стороны оживавшей образованности. Мнѣнія, заявляемыя тѣмъ или другимъ лицомъ, могли быть иногда довольно смѣлы, но оставались далеко позади того, что говорилось тогда на западѣ писателями, вовсе не революціонными, да и притомъ самой же Екатериной хотѣлось отучить окружающее общество отъ старой привычки къ безгласности. Какая государственная опасность могла проистечь (какъ замѣтила это еще Дашкова) оттого, что нѣсколько сотъ человѣкъ въ многомилліонной и еще неграмотной странѣ прочли бы княжнин-

¹⁾ См. переписку Екатерины съ Гриммомъ. Изъ новыхъ людей, Мирабо уже „достойнъ нѣсколькихъ висѣлицъ“.

скаго *Вадима* съ его дионрамбами свободѣ; что за бѣда была въ томъ, что новиковскіе сатирическіе журналы не вторили умѣренной и осторожной сатирѣ изданій, покровительствуемыхъ императрицей, и предпочитали называть вещи по именамъ,—въ томъ, что Фонъ-Визинъ отважился сдѣлать нѣсколько скромныхъ вопросовъ, касавшихся аристократіи,—что даже Радищевъ, какъ находили тогда же современники, опоздалъ на какихъ-нибудь десять лѣтъ съ своей книгой, гдѣ касался вопросовъ, нелюбимыхъ и давно намѣченныхъ самой Екатериной? Сфера дѣятельности всѣхъ подобныхъ заявленій была еще очень ограничена, въ рукахъ власти всегда нашлось бы достаточно силъ, чтобы бороться съ послѣдствіями ихъ, еслибы они дѣйствительно стали слишкомъ сильны и безпокойны. Но ничего подобного на дѣлѣ не было; — и новые ростки, только было-взошедшіе подъ вліяніемъ западнаго развитія, опять захирѣли и едва дожили до лучшихъ дней.

Такимъ образомъ мы видимъ, что, когда заходить у насъ рѣчь о воздѣйствіи европейскихъ идей на русскую среду прошлаго столѣтія, не принимаются во вниманіе тѣ обстоятельства, которыя не давали ему развиваться въ ширь; — и что часто, основываясь лишь на одностороннихъ или слишкомъ скудныхъ, или невѣрно направленныхъ результатахъ этого воздѣйствія, произносится огульное осужденіе всей просвѣтительной поры. Еслибъ новая эпоха принесла вмѣстѣ съ тѣмъ съ собою и дѣйствительный просторъ знанію, еслибъ просвѣтительный вѣкъ въ Россіи былъ такимъ на дѣлѣ, а не на бумагѣ, и покрылъ всю Русь и высшими, и средними, и народными училищами, еслибъ принять былъ руководящимъ извѣстный уже намъ взглядъ Фридриха на литературу, или, по крайней мѣрѣ, покровительство удержалось на томъ же уровнѣ, не колеблемое несостоятельными политическими опасеніями, — не такихъ бы плодовъ могли бы потомки ждать отъ Екатерининскаго вѣка и не повторили бы обо многихъ показныхъ заявленіяхъ того времени горькаго гамлетовскаго приговора: Words! Words! Words!

Но, даже поневолѣ замкнувшись въ болѣе узкія рамки, западное вліяніе сумѣло принести съ собою великую пользу, и сколько ни старались потомъ его же непостоянные приверженцы издѣваться надъ нимъ, сколько разные семинарскіе мудрецы ни писали и ни переводили обличеній «Заблужденій Волтеровыхъ» и т. п., какъ ни старалось все старое поколѣніе сдѣлать такъ-называемое волтеріанство страшнымъ пугаломъ въ глазахъ порядочныхъ людей, — живые отголоски воспринятыхъ идей не за-

глиби нікогда, пережили трудныя времена и выразились во многихъ начинаніяхъ новаго времени. Не проникнуты ли всѣ добрыя намѣренія первыхъ лѣтъ александровскаго царствованія принципами либерализма прошлаго столѣтія; не подають ли, въ лицѣ старика Радищева (при Александрѣ), съ его проектомъ введенія суда присяжныхъ и мечтами о крестьянскомъ освобожденіи съ землею, другъ другу руку гуманная молодежь восемнадцатаго вѣка и лучшіе люди двадцатыхъ годовъ и не остался ли вплоть до пушкинскаго періода опорою и освященіемъ дѣятельности многихъ передовыхъ представителей образованности нашей тотъ запасъ идеализма, прямо ли политическаго, усвоеннаго изъ французскихъ источниковъ, или мечтательно-гуманнаго, широко-филантропическаго, перенятаго у нѣмцевъ, который давалъ этимъ людямъ возможность освѣжаться отъ соприкосновенія съ дѣйствительностью и не падать духомъ! Исторія лучшихъ годовъ жизни Карамзина, Жуковскаго, Муравьева, Батюшкова, многихъ декабристовъ, даетъ тому немало примѣровъ.

Результаты движенія можно изучать въ двоякомъ направленіи. Съ одной стороны это результаты *общіе*, — итогъ всѣхъ новыхъ взглядовъ и принциповъ, которые были въ ту пору привиты нашей литературѣ и проведены въ общество; — съ другой стороны видимъ слѣды вліянія, оказаннаго на отдѣльныя личности, на направленіе и выработку таланта тѣхъ или другихъ нашихъ писателей.

Чтобъ вполне оцѣнить значеніе *общаго* мыслительнаго подъема, произведеннаго въ ту пору образовательнымъ движеніемъ, стоить слѣдить тѣ темы, которыя завѣщала екатерининской литературѣ пора Ломоносовыхъ и Сумароковыхъ, съ позднѣйшей программой ея дѣйствій. Велика была служба, сослуженная родоначальниками новой словесности, но узка была еще сфера, въ которой они вращались. Философское изученіе и восхваленіе знанія, науки; радость при мысли о различныхъ успѣхахъ русской власти; поприщаніе невѣжества и пошлости противниковъ просвѣщенія; частныя вылазки противъ сословій, борьба Кантемира противъ духовенства, Ломоносова противъ нѣмецкой касты, Сумарокова противъ «крапивнаго» приказнаго сѣмени; небольшой рядъ трезво обсужденныхъ русскихъ практическихъ вопросовъ въ ломоносовскихъ разсужденіяхъ, — вотъ и весь наличный составъ темъ, перелагаемый на разные лады, въ стихахъ и прозѣ. Коснемся ли немедленно затѣмъ какого-нибудь изъ произведеній нашей просвѣтительной поры, будетъ ли это екатерининскій «Наказъ», статья сатирическаго журнала, рѣчь резонера въ комедіи, глава радищевскаго путешествія, и мы тотчасъ же почуемъ иныя, болѣе

глубокія ноты. Дѣло идетъ уже о высшихъ правахъ личности и народа, взвѣшиваются и опредѣляются обязанности правителей, устанавливаются человѣчныя отношенія къ низшей братіи, преступнику, рабу, дѣтямъ; выдвигается вопросъ объ освобожденіи крестьянъ; высшее дворянство и дворъ гнутъ подъ ударами насмѣшекъ Державина и Фонъ-Визина; темное и жестокое помѣщичество, вороватый судъ, обличаются журналами; развивается широкая филантропическая и образовательная дѣятельность первоначальнаго масонства, которое видитъ передъ собой однихъ братьевъ людей тамъ, гдѣ прежде были лишь господа и холопы; сильно затронуты вопросы о свободѣ печати, гласности суда; литература пытается усвоить себѣ самостоятельность, даже прямо оппозиціонность сужденій, живительно дѣйствующую тамъ, гдѣ все дышало однообразіемъ мнѣній; пробужденъ интересъ къ жизни народа и бытовая стихія внесена на сцену; самъ Фонъ-Визинъ пишетъ цѣлую книгу о необходимости образованія средняго сословія изъ здоровыхъ и просвѣщенныхъ между-сословныхъ элементовъ; близость къ жизни, серьезность призванія литературы раскрываются начинающеюся литературною полемикой, и, наконецъ, необходимость серьезно стать въ уровень съ современнымъ движеніемъ общечеловѣческой мысли выражается огромною массой переводовъ со всѣхъ языковъ, которая предпринимается уже не все по приказу свыше, а по энергическому частному почину.

Таковы стали любимыя тѣмы и задачи преобразенной литературы; ей не удастся вполнѣ осуществить ихъ, но важно то, что она все же твердо поставила ихъ себѣ идеаломъ. Если намъ покажутъ, что ихъ могла выдвинуть и выработать одна лишь русская дѣйствительность, съ своимъ слабымъ еще культурнымъ слоемъ, съ старой бурсой и университетомъ, гдѣ твердили Квинтиліана и Бургія, съ глубокими пластами невѣжества и жестокости нравовъ, и что пришлая стихія дала намъ только Иванушекъ, совѣтницъ, шевалье де-Мансонжей и Вральмановъ, то смертный приговоръ просвѣтителному времени будетъ произнесенъ. Пока же этого серьезно сдѣлать нельзя, заслуги просвѣтительнаго времени въ цивилизуемомъ отношеніи, какъ бы онѣ ни были неполны и неглубоки, останутся всегда высоко цѣнными. Но намъ необходимо взглянуть также на частные результаты его вліянія на слѣды его въ личной дѣятельности главныхъ писателей эпохи. Это мы попытаемся выполнить въ слѣдующей статьѣ.

Алексѣй Веселовскій.

НА ИСКУСѢ

I.

Въ степяхъ.

Съ часъ времени кибитка ѣхала шагомъ; до станціи оставалось верстъ десять. Лошади притомились, колокольчикъ позвякивалъ уныло. Конюхъ, мужикъ лѣтъ пятидесяти, въ мохнатой шапкѣ, надвинутой на самыя брови, все лѣнивѣе и лѣнивѣе погонялъ свою тройку; между вскрикиваньями: «эй вы, голубчики!» или: «эхъ вы, черти-дьяволы, выручайте!» которыми онъ, весело помахивая кнутомъ, подбодрялъ своихъ коней, промежутки молчанія дѣлались все длиннѣе и длиннѣе и, наконецъ, они совершенно смолкли. Конюхъ задремалъ. Задремала и молодая женщина, которую онъ везъ изъ уѣзднаго городъ въ деревню своихъ господъ,—да такъ крѣпко, что даже начала грезить. Грезилась ей прелестная, гористая мѣстность, яркое теплое солнце на синемъ безоблачномъ небѣ, кусты розъ и магноліи въ цвѣту... Чудилось ей журчанье ручья, пробирающагося между высокой, сочной травой, усѣянной цвѣтами, шумъ водопада, спадывающаго серебристой пеленой съ крутого утеса, зеленые холмы, по которымъ она поднимается все выше и выше... Сердце радостно бьется, дышется легко, чувствуется, что сейчасъ еще легче будетъ и, вдругъ... земля разступается у самыхъ ея ногъ, все дальше и дальше, все глубже и глубже зияетъ страшная бездна, ухватиться не за что, все кругомъ поглощено пустотой, все ушло во мракъ... Съ громкимъ стономъ летитъ она въ пространство... Жутко, больно, холодно, точно ледянымъ кольцомъ какимъ-то охватываетъ съ ногъ до головы.

Еще бы! Кононъ выпустилъ изъ рукъ возжи и лошади, предоставленныя самимъ себѣ, сбились съ пути, вибитка скользнула въ глубокую ложбину, занесенную рыхлымъ снѣгомъ, и при этомъ такъ наклонилась въ сторону, что Катерина Николаевна стукнулась вискомъ объ заиндевѣвшую рогожу. Она проснулась и въ испугъ приподняла навѣсъ, спускавшійся съ верху повозки, чтобъ увидѣть, чтó случилось и гдѣ она? Все тамъ же, среди сугробовъ. На необозримое пространство разстилалась снѣжная равнина кругомъ; въ ней все по-прежнему тихо, безучастно и неподвижно; не видать ни звѣря, ни птицы, только сѣрые облака скользятъ по темному небу, да Кононъ надрывается надъ своей тройкой, которая, не взирая на его проклятія и мольбы, при каждомъ новомъ усиліи вылѣзть изъ оврага, уходитъ въ снѣгъ все глубже и глубже. Минутъ десять оретъ онъ безъ умолку, неистово щелкая кнутомъ, подь унылый аккомпаниментъ колокольчика. «Ну-у! Ну-у! Ну-у! Родные, голубчики! Соколки ясные!» вопить онъ безъ устали, приподнявшись на облучекъ и усердно работая возжами. Наконецъ, хлопоты его увѣнчиваются успѣхомъ: вѣроятно, тронутые краснорѣчіемъ, съ которымъ онъ умолялъ ихъ понатужиться еще немножко, еще крошечку, воины дѣлаютъ требуемое усиліе и торжественно вывозятъ вибитку изъ ложбины.

Снова заныряла повозка изъ ухаба въ ухабъ. До станціи еще далеко; пройдетъ добрыхъ два часа до остановки; хоть бы проспать это время. Прерванный сонъ былъ такъ сладокъ, а пробужденіе такъ тяжело! Катерина Николаевна прижалась лицомъ къ подушкѣ и закрыла глаза. Ей ужасно хотѣлось опять уйти отъ дѣйствительности, забыться хотя бы на минуту, но отлетѣвшія грезы не возвращались, и чѣмъ усерднѣе гонялась она за ними, тѣмъ дальше онѣ уходили, а на смѣну имъ являлись непрощенныя воспоминанія иного рода, грустная исторія послѣднихъ событій начала разворачиваться передъ нею, но какъ всегда, беспорядочными клочками, безобразными отрывками... Сгруппировать эти отрывки, составить изъ нихъ нѣчто цѣлое, изъ чего можно было бы извлечь если не утѣшеніе, то, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе разумный и логичный выводъ, не было никакой возможности. А главное, съ чего началось, то-есть самое-то начало, первый случай, слово или взглядъ, или другое что, по которому она поняла, что ей нельзя больше тамъ оставаться, начало конца, однимъ словомъ, вотъ чего она никакъ не могла себѣ ни уяснить, ни припомнить...

Село Дѣтково, въ которое она ѣхала, находилось на очень

далекомъ разстояніи не только отъ Москвы и Петербурга, но также и отъ ближайшаго уѣзднаго города. Вотъ ужъ третьи сутки какъ они ѣдутъ, а конца путешествія все еще не видать. Лѣтомъ, говорятъ, ближе, лѣтомъ можно проселками ѣхать и такимъ образомъ сократить путь верстъ на восемьдесятъ, ну, а въ прочія времена года, когда разливы, либо распутица отъ грязи, да отъ снѣжныхъ заносовъ, опасно пускаться въ путь проселками.

— Ужъ мы лучше хуторами поѣдемъ, верстовой значить, — объяснялъ Катеринѣ Николаевнѣ Кононъ, передъ тѣмъ какъ усадить ее въ крѣпкую рогожную повозку, съ широкими откосами, запряженную тройкой сытенькихъ, сильныхъ лошадей. — Если свернуть на Карякино, а оттелева на Селиху, верстъ на пятьдесятъ, а можетъ и поболѣ, ближе будетъ, но за то, какъ бы грѣшнымъ дѣломъ въ оврагъ не влопаться, либо въ другое какое ни на есть непутевое мѣсто, изъ котораго живымъ и не вылѣзти, — продолжалъ онъ, почесывая затылокъ и внимательно поглядывая исподлобья на новую «губернанку», которую и сами господа, и бурмистръ Филатычъ, такъ строго наказывали довести какъ можно покойнѣе и безопаснѣе.

Поѣхали хуторами. Давно ужъ Катерина Николаевна не видѣла такое множество снѣгу; надо было ѣхать безостановочно пять, шесть часовъ, прежде, чѣмъ натѣнуться на громадные навозныя кучи, высывающіяся черными буграми изъ-подъ сугробовъ. Между ними кое-гдѣ торчатъ высокій шесть сворешницы, да изъ соломенныхъ крышъ, занесенныхъ снѣгомъ, валитъ дымъ, селеніе значить, а тамъ опять степь, опять безконечные сугробы. Памятуя барскіе наказы, мохнатый Кононъ правилъ тройкой осмотрительно и всего только раза три въ продолженіе всего пути вывалилъ свою спутницу, причемъ каждый разъ преблагополучно, прямо въ мягкій, разсыпчатый снѣгъ, ну, вотъ точно въ пуховую перину. Если ее и пришибло разъ въ голову, а другой разъ въ бокъ, свалившейся корзинкой съ провизіей, да маленькимъ сундукомъ, и если въ третій разъ, когда этотъ анаема Красавчикъ (лѣшій бы его драгъ!) переступилъ черезъ постромку, поскользнулся въ оврагъ и, увлекши за собой всю тройку, перевернулъ повозку полосьями въ верху, губернанкѣ порядкомъ-таки отдало ноги и спину тяжелымъ чемоданомъ, поставленнымъ на самое дно экипажа, — ужъ въ этомъ Кононъ ни душой, ни тѣломъ не виноватъ, вольно же было набирать въ дорогу такую прорву всякой всячины, ѣхала бы вотъ какъ онъ, налегкѣ, съ одной краюхой хлѣба за пазухой, да съ за-

паснымъ кнута за голенищемъ, нечѣмъ было бы зашибиться, хоть на дно морское лети.

Ночи были лунныя. Ъхали и ночью, останавливаясь только ватѣмъ, чтобъ покормить лошадей. На одной изъ такихъ остановокъ, въ душной курной избѣ, наполненной ползающими по стѣнамъ тараканами, да ревущими благимъ матомъ ребятишками, съ неизбежными бабьей или дѣдкой, вряхтющими отъ невзличимаго недуга на полатахъ, Катерина Николаевна познакомилась съ Сашенькой.

Дѣло было вечеромъ. Хозяйка той избы, въ которой происходила остановка, доводилась кумой Конону и особенно усердствовала, чтобъ угодить прїѣзжимъ. Достали огромный пузатый самоваръ у волостного писаря и когда наложили въ него угольевъ, да подпалили эти уголья сырыми лучинками, поднялся такой чадъ, что у Катерины Николаевны позеленѣло въ глазахъ и закружилась голова. Хозяйка, замѣтивъ ея блѣдность, предложила ей выйти въ сѣнцы. Тутъ ихъ обдало морознымъ воздухомъ, пропитаннымъ всевозможною гнилью; сѣнцы служили складочнымъ мѣстомъ для всякой всячины, старыхъ веревокъ, сапогъ, тулуповъ, горшковъ съ остатками кислой капусты и молока. Изъ-подъ кучи тряпья, наваленнаго въ одномъ изъ угловъ, у самаго входа, раздавался громкій и звучный храпъ.

— Кто это у васъ тутъ?—спросила Катерина Николаевна, отступая съ испугомъ отъ живого существа, на которое она нечаянно наступила въ потьмахъ.

Ей отвѣчали, что это дядя Пафнутьичъ изъ Кузовковъ. Попалъ онъ въ Опалиху на праздникъ, напился тамъ пьянъ и не то, чтобъ очень, выѣхалъ изъ кабака въ порядѣ, самъ и лошадь запрегъ и все какъ слѣдуетъ, ну, а дорогой его и разобрало, совсѣмъ въ безчувствіи сюда вѣхалъ, лошадка сама нашла путь къ знакомой избѣ. Засвѣтло еще это было, и вотъ дрыхнетъ съ той поры безъ просыпу, врядъ ли только къ завтраму очухаться.

— А тутъ у дьяча барышня его дожидается, общалъ до Кузовковъ довести, да гдѣ ужъ таперича!

Катерина Николаевна полюбопытствовала узнать, про какую барышню идетъ рѣчь.

— Да учительша Кузовская, Сашенька, нашего стараго дьяча племянница,—пояснила хозяйка.

Къ разговору прислушивались остановившіеся въ дверяхъ мужикъ, да пожилая баба, его мать.

— Ты бы, Ефимовна, попросила барыню довести ее,—обратилась къ снохѣ старушка, кивая головой на прїѣзжую.—Тепе-

рича по позднему времени, да по тому случаю, что народъ пьянъ напился въ Опалихѣ, по всей деревнѣ ни одной свободной подводы не найти, а ей завтрашний день безпремѣнно надо на мѣстѣ быть, неравно начальство понаѣдетъ...

— Служба тоже въ родѣ какъ у станового писмоводителя долженъ безпремѣнно при своемъ мѣстѣ находиться, во всякое время, — съострилъ мужъ Ефимовны.

Катерина Николаевна успѣшила заявить, что она съ большимъ удовольствіемъ довезетъ Кузовскую учительницу до мѣста.

— Ну, вотъ и чудесно, сбѣгай за ней, Петруха, скажи чтобъ не печалилась, барыня, что въ Дѣтково ѣдетъ, довезетъ, — приказала старушка сыну.

Молодой паренъ отыскалъ шапку и вышелъ на улицу. Когда онъ растворилъ дверь, изъ нее пахнуло такимъ холодомъ, что оставаться дольше въ сѣнцахъ стало не въ терпѣжъ, и Катерина Николаевна приняла предложеніе хозяйки вернуться въ избу, гдѣ, по ея словамъ, угару нѣтъ больше ни крошечки.

И дѣйствительно, душную, низкую комнату съ прогнившими мѣстами поломъ и пучками темной пакли, высывавшейся между бревнами, такъ выстудило, что всѣ ребятишки залѣзали къ старому дѣдѣ на полати и выглядывали оттуда точно галчата изъ гнѣзда, окутанные по самое горло въ овчинныя отрепья. Да и было на что глазѣть; диковинныя штуки вынимала старая баушка, по просьбѣ кума Конона Василича, изъ дорожной корзины проѣзжей барыни и разставляла вокругъ самовара, взятаго на прокатъ у нисара: хрустальная граненая банка съ чаемъ такъ и сверкаетъ разноцвѣтными искорками въ блескѣ зажженной сальной свѣчки, вставленной въ широкій, оловянный подсвѣчникъ, колотый сахаръ въ синей бумагѣ и пирожки съ вареньемъ и мясомъ, вывернутые изъ промасленной насквозъ газетной бумаги, красныя яблоки, жареная курица, — у ребятишекъ слюньки текли при созерцаніи такихъ рѣдкостныхъ лакомствъ.

— Сичасъ ѣсть станеть, — шепнула маленькая Кулька своему вихрастому сосѣду, пятилѣтнему Ѳедѣѣ, вытягивая при этомъ шею, чтобъ заглянуть какъ можно дальше, прямо въ ротъ счастливой незнакомкѣ.

Но Кулька ошиблась, Катеринѣ Николаевнѣ было не до ѣды. У нея разболѣлась голова до тошноты, всѣ кости ныли отъ ломоты и нервы такъ расходились, что ей стоило немалого труда удержать слезы, подступавшія къ горлу. Никогда не думала она, чтобъ дорога могла такъ утомить ее, не только физически, но и нравственно; перспектива провести еще нѣсколько длинныхъ

часовъ въ повозкѣ среди снѣжной пустыни пугала ее и раздражала, какъ раздражали угаръ и дымъ въ избѣ, тараканы, ползающіе по стѣнамъ, неистовое шипѣніе самовара, пристальные взгляды, устремленные на нее со всѣхъ сторонъ...

Скорѣе бы доѣхать до мѣста! Какое оно будетъ это мѣсто, что за люди, что за обстановка ее тамъ ждетъ, этого она даже и представить себѣ не могла. Условіе съ Дѣтковскими помѣщиками было совершено черезъ одного общаго знакомаго, который, узнавъ, что она желаетъ получить мѣсто гувернантки, предложилъ ей поступить къ его родственникамъ, поручившимъ ему найти наставницу для ихъ дѣтей. Въ цѣнѣ сошлись живо. Катеринѣ Николаевнѣ было необходимо уѣхать, куда бы то ни было, скорѣе, и чѣмъ дальше тѣмъ лучше.

Ну, ужъ кажется дальше того мѣста, въ которое везъ ее теперь Кононъ, отыскать было трудно. Съ недѣлю времени ѣхала она до Москвы по желѣзной дорогѣ, а потомъ дней пять съ попутчикомъ, толстобрюхимъ купцомъ, въ возкѣ, на почтовыхъ, да вотъ теперь тащится уже третью сутки въ повозкѣ, присланной за нею ея будущими хозяевами. Когда она пыталась представить себѣ топографическое положеніе мѣстности, окружавшей ее, воображеніе рисовало ей тѣ пустыя мѣста на картѣ Россіи, поперегъ которыхъ стоятъ надписи, съ далеко отстоящими одна отъ другой буквами: с-о-л-о-н-ч-а-к-и, к-и-р-г-и-з-ы, с-т-е-п-и. Изучая эту карту въ дѣтствѣ, ей всегда мерещились безконечныя пространства безводной почвы, покрытой мѣстами бѣлесоватыми буграми, мѣстами пожелтѣвшими травами, и тоскливое чувство сожалѣнія къ человѣческимъ существамъ, обреченнымъ безвыѣздно прозябать въ этихъ степяхъ, невольно сжимало ей сердце. Не думала она тогда, чтобъ ей пришлось когда-нибудь на опытъ узнать эту жизнь и обстановку.

Вотъ одна изъ представительницъ здѣшняго населенія стоитъ передъ нею, заложивъ руки подъ передникъ и глазъ съ нея не спускаетъ. Это жена хозяина избы, такъ-называемая «молодуха»; хозяйкой покамѣстъ ее никто не считаетъ, всѣмъ домою заправляетъ теща, та старушка, что услала сына за учительницей, на долю же молодухи выпадаетъ одинъ только трудъ, ворчанье старухи, да время отъ времени напоминаніе о супружеской власти въ видѣ потасовокъ. Въ былое время она, быть можетъ, была и миловидна, но теперь кожа у ней потемнѣла, черты лица огрубѣли. Ей нѣтъ еще и тридцати лѣтъ, но она уже родила и выкормила грудью девять человѣкъ дѣтей, и работы по дому такая пропасть, что она не знаетъ отдыха ни днемъ, ни ночью,

ни въ будни, ни въ праздниѣ; одни дѣти съ ногъ собьютъ: одного поворми, другого обмѣни, третій оретъ въ люлькѣ, никакъ заснуть не хочетъ, какъ не будыхаетъ его старшая сестренка, а парнишки вѣѣпились другъ въ дружку какъ пѣтухи, если не разнять — всѣ волосенки другъ у дружки выщиплютъ, да глаза выпарапаютъ... Съ полатей старшій дѣдка зоветъ, всю ноченьку кашлемъ промаялся, просить водицы испить, въ горлѣ пересохло, самъ не можетъ ни рукой, ни ногой пошевелить, жондрашка хватилъ еще въ запрошломъ году, да такъ придавивши на половину и оставляетъ жить, — одна мука и себѣ, и другимъ. Пока она съ нимъ возится, шалунъ трехлѣтній пузанчикъ въ печку лѣзетъ, того и гляди, рубашонка загорится, долго ли до грѣха! Долго ли и самому сгорѣть да и всю избу подпалить!.. Не допивши дѣдку, молодуха кинется въ ребенку, оттащить отъ печки, надаетъ ему шлепковъ и спѣшитъ къ коровѣ, которая мычитъ еще недоенная и неповормленная. А тамъ мужъ вернется, обѣдъ надо стряпать; пряжу напрастъ, да холстъ соткать тоже некому, кромѣ какъ той же молодухѣ, вѣдь каженному въ избѣ рубаха нужна. Это зимой, лѣтомъ же работы втрое больше, — и такъ всю жизнь, пока Господь смертушки не пошлетъ, либо парализъ не хватить какъ дѣдку... При такой жизни гдѣ ужъ молодости сохранить! Молодухѣ на видъ лѣтъ сорокъ. Вокругъ мигающихъ глазъ образовалось множество мелкихъ морщинокъ, углы губъ опустились, съ поблѣдшаго лица не сходитъ выраженіе скорбной озабоченности даже и теперь, въ ту минуту, когда все вниманіе ея сосредоточено на незнакомой барынѣ, на которую она смотритъ въ упоръ, съ пристальнымъ любопытствомъ.

Чтобъ уйти отъ этого взгляда, Катерина Николаевна отвертывается къ оконцамъ, чернѣющимъ направо отъ того почетнаго угла подъ образами, въ который ее посадили, но зеленныя стекла этихъ оконцевъ тоже сплошь залѣплены съ улицы любопытными глазами, слѣдящими съ напряженнымъ вниманіемъ за каждымъ ея движеніемъ. Вѣсть о томъ, что въ Петрухиной избѣ остановилась барыня, за которой Дѣтвовскіе господа послали лошадей въ городъ, съ быстротою молніи разнеслась по всей деревнѣ, и всаѣ, кто только могъ, прибѣжали сюда. Если прислушаться, то несмотря на вой вѣтра, можно различить сдержанный гулъ десятковъ голосовъ. Наступилъ вечеръ, въ обыкновенное время во всѣхъ избахъ народъ давно бы ужъ спалъ, но сегодня ни одной дѣвки, ни одного парня не загонишь домой, и можно чѣмъ угодно поручиться, что толпа, тѣснящаяся у Петрухиной

избы, не разоидется до тѣхъ поръ, пока сквозь заиндевѣвшія стекла не перестанетъ мерцать красноватый огонь расплывшейся сальной свѣчи на столѣ, уставленномъ невиданными диковинками.

Въ сѣнцахъ раздалось шлепанье ногъ, входная дверь скрипнула, и въ ней появился мужъ молодухи.

— Вотъ, привелъ Сашеньку, — объявилъ онъ, низко нагибая голову, чтобъ не стукнуться лбомъ о притолку.

А затѣмъ, встряхнувъ жесткими, густыми кудрами, спадывающими въ беспорядкѣ на его лицо, Петруха отошелъ къ печкѣ и скромно ступешался за нею, а въ горницу вошла худенькая, тщедушная фигурка въ черномъ узкомъ платьѣ изъ поношеннаго люстрина, повязанная бѣлымъ платочкомъ концами назадъ.

Отвѣчая на почтительный поклонъ своей будущей спутницы, Катерина Николаевна окинула ее съ ногъ до головы внимательнымъ взглядомъ.

Дѣвушка эта представляла въ ея глазахъ совершенно новый типъ, народившійся въ Россіи во время ея десятилѣтняго пребыванія заграницей. За эти десять лѣтъ Катерина Николаевна встрѣчалась со многими соотечественниками, посвятившими свой досугъ и средства на изученіе педагогической дѣятельности во всевозможныхъ странахъ Европы и Америки, съ благою цѣлью примѣнить эту дѣятельность въ отечествѣ; между ними встрѣчались люди безспорно умные и даровитые, полные безкорыстной любви къ дѣлу; она была убѣждена въ ихъ страстномъ желаніи примѣнить на практикѣ пріобрѣтенныя познанія, но ни одного изъ этихъ дѣятелей не могла она себѣ представить въ роли школьнаго учителя или учительницы въ глухомъ захолустѣ, среди степей, куда вѣсти изъ цивилизованнаго міра проникають уже тогда, когда онѣ для всего остального свѣта давно перестали быть новостью, или вовсе никогда не проникають, гдѣ не имѣють ни малѣйшаго понятія о требованіяхъ современнаго комфорта, гдѣ люди поглощены одной заботой собрать лѣтомъ съ земли столько, чтобъ не умереть съ голоду зимою, не задаваясь при этомъ уже никакими больше соображеніями... Учить такой народъ грамотѣ, развивать въ немъ нравственныя и гражданскія чувства, посвящать его въ тайну всемірнаго прогресса, заставить всѣмъ этимъ заинтересоваться темное, забытое, заморенное людское стадо, называемое народомъ, да это такая задача, которая по плечу развѣ только генію. Такъ думала Катерина Николаевна каждый разъ, когда при ней заходила рѣчь о народномъ образованіи въ Россіи.

Теперь передъ нею стоялъ одинъ изъ этихъ геніевъ, подвиг-

завѣдѣвшійся успѣшно, если судить по тому, какъ относятся къ нему туземцы. Ни страха, ни презрѣнія не было въ этихъ отношеніяхъ, а еще менѣе недовѣрія или отчужденія. Она была имъ очень близка, эта дѣвушка, съ простымъ, некрасивымъ лицомъ, и грубоватыми, неловкими манерами. Мало того, всѣ ее здѣсь любили, и старыи, и малыи; дѣти со смѣхомъ закивали ей головками, когда она вскинула мелькомъ свои сѣро-зеленоватыя глаза на полати, а старушка, мать хозяина, вышла изъ-за печки и, предварительнo дернувъ учительницу сзади за платье, начала шептать ей что-то на ухо, очень фамиллярно, ежеминутно указывая худой, костлявой рукой съ длинными темными пальцами на зыбку, висѣвшую въ одномъ изъ угловъ горницы. Изъ этой зыбки, съ полчаса тому назадъ, раздавались тѣ неистовые крики, которые въ совокупности съ чадомъ отъ самовара заставили проѣзжую барыню бѣжать въ сѣнцы. Старушка шептала и дергала учительницу за платье до тѣхъ поръ, пока эта послѣдняя не вытащила изъ кармана какой-то свертокъ и не передала его ей.

— Завари въ чашкѣ и дай ему выпить съ ложечки... Тутъ на три раза будетъ... И пусть запьетъ водицей или чайкомъ горячимъ.

Слова эти были произнесены шопотомъ, однако, настолько громко, что Катерина Николаевна ихъ слышала.

— Гдѣ ужъ, Сашенька! Гдѣ намъ взять чаю! — жалобно заныла старуха. — Хлѣбушка бы хватило до свѣтлаго праздника, а не то чтобъ... Чай-то, по нѣвѣстному времени купцамъ развѣ кушать, да господамъ, — начала причитывать старуха и причитывала бы долго, еслибы Сашенька не перебила ее.

— Не гнѣви Бога, баушка, есть и побѣднѣ васъ, вы еще, слава Богу!.. Ребятишки ваши лебеды-то еще и не пробовали.

— Не пробовали, родимая, не пробовали, — тотчасъ же согласилась старуха.

— Ну, вотъ видишь ли! Вѣчно жалиться, грѣшно вѣдь это, баушка!

Она взглянула на проѣзжую барыню и, поощренная улыбкой, съ которой Катерина Николаевна ее слушала, — продолжала:

— Вотъ вамъ Господь гостей послалъ. Барыня то, поди чай, не увезетъ съ собой всей провизіи, оставить вамъ горсточку, другую китайской травки, да нѣсколько кусочковъ сахару? — продолжала она, снова выразительно взглядывая на Катерину Николаевну.

Эта послѣдняя поспѣшила заявить, что она ничего изъ оставшейся провизіи не возьметъ съ собой.

— Ну, вотъ видишь ли! Ты чайку-то завари, подсласти, да и дай ребенку запить лекарство... Какъ ему горячимъ-то распаришь желудочекъ, онъ и успокоится. Ты это завтра утромъ сдѣлай, а отнюдь не вечеромъ, слышишь? Напоешь чаемъ вечеромъ, всю ночь не уснешь, такъ и знай... Вы представить себѣ не можете, какъ этотъ самый чай съ непривычки на нихъ дѣйствуетъ, — замѣтила она, обращаясь къ Катеринѣ Николаевнѣ.

— Вы здѣсь и лечите?

— По неволѣ будешь и лечить; ближайшая-то больница отсюда верстъ триста, пока довезутъ, больной сто разъ помереть успѣетъ... Впрочемъ, жалѣть объ этомъ особенно нечего, — продолжала она, помолчавъ немного, — наше простонародье больницъ не любитъ; я какъ жила въ городѣ, такъ видѣла, бывало только такихъ и тащутъ туда, которые совсѣмъ ужъ ума рѣшились и языкомъ не владѣютъ.

Катерина Николаевна замѣтила, что, по всей вѣроятности, причиной тому грубость и безнравственность фельдшеровъ и небрежное отношеніе къ дѣлу доктора, но Сашенька и за доктора, и за фельдшеровъ заступилась. По ея мнѣнію, имъ нельзя иначе, по ихъ трудамъ да непріятностямъ трудно человеку и не выпить иногда лишнее. — Надо знать ихнюю жизнь, — прибавила она со вздохомъ.

— Да вѣдь вотъ вы же переносите всѣ эти неудобства?

— Я женщина. Баба всегда выносливѣе и въ подобныхъ развлеченіяхъ не нуждается; это въ какомъ угодно сословіи возьмите и съ поконъ вѣка такъ заведено.

Разговоръ этотъ происходилъ уже въ повозкѣ. Морозу было градусовъ 20, но метель стихла, луна свѣтила ярко и отдохнувшія лошади бѣжали дружной рысцой по серебрящимся снѣжнымъ громадамъ. Изъ темнаго угла, къ которому прижималась Катерина Николаевна, ей видно было лицо ея спутницы, примостившейся къ самому краю сидѣнья, какъ разъ къ той широкой щели между фартукомъ и плохо спущенной рогожей, придѣланной къ верху, сквозь которую пронизывался широкой полосой лунный свѣтъ. Свѣтъ этотъ скользилъ то по выпуклому лбу дѣвушки, то по ея крупному, слегка выдающемуся подбородку, задѣвая мимоходомъ блѣдныя губы съ крѣпкими, бѣлыми зубами, маленькій вздернутый носъ. Глаза у нея были очень живые и выразительные. Говорила она осмотрительно и неохотно, прерывая свою рѣчь долгими перерывами, во время которыхъ

она мелькомъ взглядывала на свою спутницу, какъ будто для того, чтобъ отгадать, по выраженію ея лица, какъ именно относится она къ ея словамъ; но лицо Катерины Николаевны было въ тѣни и на немъ трудно было что-либо прочесть. Вообще разговоръ не клеился, остановки между вопросами дѣлались продолжительнѣе, отвѣты на нихъ были короче, отрывистѣе, недозвѣрчивѣе и, наконецъ, обѣ путешественницы смолкли.

Катерина Николаевна откинула голову на подушки и закрыла глаза. Разсѣянные новыми впечатлѣніями, думы о прошломъ снова вернулись и снова унесли ее такъ далеко, что дѣйствительность ей стала казаться грѣзами, а грѣзы дѣйствительностью. По временамъ, какой-нибудь толчокъ сильнѣе прочихъ заставлялъ ее открыть глаза и тогда она видѣла неподвижную фигуру своей спутницы, спустившуюся на самый край сидѣнья, къ козламъ. Головой, окутанной въ платокъ, дѣвушка приподнимала край рогожи и внимательно смотрѣла вдаль. Губы ея были сосредоточенно сжаты и опущенные къ низу углы ихъ придавали всей фizioноміи выраженіе глубокой озабоченности. Она казалась теперь много старше, чѣмъ въ первую минуту ихъ знакомства. Сколько ей могло быть лѣтъ? Давно ли ведетъ она свою трудовую жизнь? Кто натолкнулъ ее на эту дѣятельность?

Сначала вопросы эти пролетали только мелькомъ въ умъ Катерины Николаевны, но мало-по-малу они стали возвращаться настойчивѣе и она снова заговорила со своей спутницей, спросила у нея довольна ли она своимъ положеніемъ?

Лицо Сашеньки мгновенно прояснилось. Еще бы не быть довольной! Цѣлыхъ шесть лѣтъ добивалась она того мѣста, которое занимаетъ теперь!

— Шесть лѣтъ! — изумилась Катерина Николаевна, — но который же вамъ годъ?

Двадцать девять стукнуло. Родители ея померли, когда она была совсѣмъ еще маленькая. Отца она и не помнила, онъ былъ солдатъ и долго пропадалъ безъ вѣсти, а потомъ узнали, что онъ умеръ въ какомъ-то госпиталѣ, на пути къ родному селу. Мать жила стрипухой у дьяча, того самаго, котораго Сашенька пріѣзжала навѣщать въ Лопуховку; Сашенька считала старика, какъ отца родного; въ его семьѣ пріютили сиротку послѣ смерти матери и держали до тѣхъ поръ, пока не пріѣхала старшая дочка съ дѣтьми и больнымъ мужемъ. Тогда уже въ домикѣ за церковью стало такъ тѣсно и надо было накармливать столько ртовъ, что на чужихъ не хватало ни мѣста, ни

хлѣба. Какая-то кума, женщина опытная и хорошо знавшая городскую жизнь, посоветовала помѣстить Сашеньку на мѣсто. Такую юркую, да шустрю дѣвушку завсегда возмуть въ наньки, либо въ горничныя, утѣрала она, а что ничего она не умѣетъ дѣлать, окромя деревенской работы, самой простой, такъ объ этомъ сокрушаться нечего, при охотѣ да смекалкѣ всему выучится, особливо если, Богъ дастъ, на добрыхъ людей нападетъ.

И тутъ же благодѣтельница вызвалась съ одной товаркой перетолковать, которая говорила ей, что учитель уѣзднаго училища, Иванъ Александрычъ, прислугу ищетъ. Господа совсѣмъ простые, сама все дѣлаетъ, и кушанье стряпаетъ, и бѣлье стираетъ, а самъ, послѣ урока, ребятишекъ къ себѣ на домъ зазываетъ, да по цѣльнымъ вечерамъ книжки съ ними читаетъ, а лѣтомъ ходить съ ними въ лѣсъ да въ поле гулять, и въ самыя бѣднѣйшія хаты заходить и разговоры съ простонародьемъ водить объ его нуждахъ, ну, вотъ, точно и самъ къ тому же словію принадлежить. Наговорила кума объ учителѣ съ учительшей съ три короба и все сущую правду: господа Ивановы оказались еще добрѣе, чѣмъ Сашенька ожидала; они не только приучили ее всему тому, что при городскомъ хозяйствѣ знать необходимо, но сверхъ того, барыня Калерія Дмитріевна выучила ее грамотѣ, а Иванъ Александровичъ ариметикѣ...

При этихъ словахъ слушательница Сашеньки встрепенулась. — Какая она собой эта Калерія Дмитріевна? — перебила она ее взволнованнымъ голосомъ. — Черноглазая, маленькая ростомъ, тоненькая? Носъ прямой, волосы сами вьются и все колечками, да?

По мѣрѣ того, какъ вопросы эти сыпались на Сашеньку, лицо дѣвушки все болѣе и болѣе прояснялось.

— Колечками, — подтвердила она, весело кивая головой. — Да вы должно быть ихъ знаете? И не дождавшись отвѣта, она продолжала, увлеченная своими воспоминаніями: — Зубки такіе были у нихъ бѣлые, бѣлые, помните? Какъ засмѣются, точно солнышкомъ все личико озарится.

— Она, она, — прошептала Катерина Николаевна. — Расскажите мнѣ про нее, моя голубушка, я ее очень коротко знала и крѣпко любила.

Онѣ учились въ одной гимназіи, отцы ихъ служили въ одномъ и томъ же департаментѣ и часто посѣщали другъ друга. Катерина Николаевна помнила и мужа Карички. Это, должно быть, тотъ самый студентъ, который готовилъ ее изъ математики, когда ей въ предпоследнемъ классѣ дали переекзаменовку по этому предмету. Каричка была отъ него въ такомъ восторгѣ.

...Разъ на улицѣ, когда онѣ возвращались изъ гимназій, она показала его своей пріятельницѣ, онѣ выходилъ изъ какого-то дома на Владимірской, и когда они поравнялись, онѣ поклонился имъ и сказалъ что-то такое своей ученицѣ, очень обыкновенное, что онѣ придетъ къ ней на урокъ часомъ раньше или позже, что-то въ этомъ родѣ, но Каричка такъ покраснѣла отъ этихъ словъ и всю остальную дорогу находилась въ такомъ возбужденномъ состояніи, что подруга ея тутъ же рѣшила, что она влюблена въ своего учителя.

— А какой онѣ изъ себя, бѣлокурый, съ карими глазами? Высокій и широкоплечій, съ русой бородой? И угадывая по лицу Сашеньки, что она не ошибается, Катерина Николаевна продолжала:—Сколько мнѣ помнится, онѣ былъ очень добрый человекъ.

— Добрый? Ужъ такой-то добрый,—что у Сашеньки духъ захватывало, когда она вспоминала про его доброту! Про нее и говорить нечего, онѣ ее вполне облагодѣтельствовалъ, благодаря ему она теперь школьная учительница; но развѣ онѣ одной только ей сдѣлалъ добро? Пусть Катерина Николаевна спроситъ въ томъ городѣ, гдѣ онѣ жилъ, тамъ до сихъ поръ его помнить. Это былъ душа-человекъ, такихъ въ тѣхъ краяхъ и не видывали съ тѣхъ поръ, да и не увидать... только и думы и заботы у него было, что о другихъ, и это въ такія минуты, когда самому ужъ было такъ тяжело, такъ тяжело...—У меня до сихъ поръ цѣла та книжка, которую онѣ мнѣ по запискѣ оставилъ, дороже этой книжки у меня ничего нѣтъ на свѣтѣ. На заглавномъ листѣ онѣ своей рукой написалъ: «Сашенькѣ на память отъ ея перваго учителя». Вспомнилъ, голубчикъ, обо мнѣ въ такую минуту!..

Она одушевлялась все болѣе и болѣе, но Катерина Николаевна прервала ее.

— А Каричку онѣ любилъ? Вѣдь она для него родительскій домъ покинула, отецъ такъ и умеръ, не помирившись съ нею, а бабушка, отъ которой ей должно было достаться довольно большое наследство, завѣщала, говорятъ, весь свой капиталъ монастырю какому-то... Схумѣлъ ли Иванъ Александрычъ оценить ея самоотверженіе, любилъ ли онѣ ее такъ, какъ она его любила?

— Онѣ-то? Господи! Да какъ же еще любить-то?—вскричала въ себя отъ волненія Сашенька.—Онѣ ее больше жизни любилъ, вотъ что я вамъ скажу.

— Вы не сердитесь, Сашенька,—улыбнулась Катерина Николаевна:—я вѣдь его вовсе не знала, а потому и спрашиваю.

Я всего только одинъ разъ его видѣла, меня ужъ не было въ Петербургѣ, когда Каричка съ нимъ ушла и тайкомъ обвѣчалась; это случилось много лѣтъ тому назадъ, и вотъ только сегодня я объ нихъ въ первый разъ отъ васъ слышу. Мнѣ было очень пріятно узнать, что Каричка не ошиблась въ своемъ мужѣ и что она счастлива съ нимъ...

— Нѣтъ, она не была съ нимъ счастлива, но только онъ тутъ не приче́мъ, то-есть не то, чтобъ не приче́мъ, всѣ говорили, что отъ него бы зависѣло совсѣмъ иначе жизнь свою устроить, но только онъ не могъ... а что могъ онъ, то сдѣлалъ... Я право не знаю, какъ вамъ это объяснить, словъ таинхъ не знаю; а вотъ, что случилось при мнѣ, на моихъ глазахъ, такъ-сказать, совершилось, это я вамъ расскажу; можете по этому судить, что это былъ за человѣкъ и какая жизнь у него была!.. Я, можно сказать, на первыхъ порахъ, какъ поступила къ нимъ, была поражена ихнимъ положеніемъ и даже до чрезвычайности. Прошло такъ дня четыре не больше, какъ вдругъ, входитъ ко мнѣ на кухню баринъ, Иванъ Александровичъ.—Мнѣ, говорить, Сашенька, съ вами переговорить надо.—Что прикажете-съ? говорю.—А вотъ, говорить, что: если къ вамъ зайдетъ сюда квартирный надзиратель, въ сумерки или въ другое какое время, да начнетъ разспрашивать про наше житье-бытье, съ кѣмъ мы видимся, какіе разговоры промежъ себя ведемъ и получаемъ ли часто письма съ почты—вы не смущайтесь и не волнуйтесь, а отвѣчайте все, что вы знаете, безъ малѣйшей утайки. Говоритъ онъ мнѣ это, а я выпучила на него глаза, ничегошенько не понимаю. Совсѣмъ тогда дурочкой, должно быть, я ему показалась; засмѣялся, а потомъ: объ одномъ, говорить, Сашенька, васъ прошу, чтобъ жена моя объ этихъ полицейскихъ дознаніяхъ не знала, ее кажинный разъ эти допросы такъ разстраиваютъ, даже до болѣзни. Ужъ объ этомъ, я васъ, душа моя, не въ службу, а въ дружбу прошу, говорить, и руку мою взялъ, да крѣпко такъ пожалъ, дружески, а голосъ такой ласковый сдѣлался. Крѣпко смутили меня въ первую минуту эти слова, такъ смутили, что даже морозъ по кожѣ подралъ и въ толкъ не возьму... Господи, Господи! думаю, куда это я попала, и за что на нихъ такая напасть? Какое такое преступленіе они совершили? И какъ ни ломала я себѣ голову надъ этимъ вопросомъ, ни до чего не сумѣла додуматься, такъ и рѣшила, что не моего ума дѣло и во всемъ положиться на волю Божию. Прошло такъ съ мѣсяцъ времени, совсѣмъ спокойно, ужъ я и забывать стала, о чемъ меня баринъ предупреждалъ, какъ вдругъ

пошла я какъ-то въ лавочку за булкой и случилась тамъ встрѣча... Потомъ оказалось, что тамъ меня дожидались, кажинный день ходила я въ ту лавочку забираться и завсегда въ одинъ и тотъ же часъ, передъ сумерками. Не успѣла я переступить черезъ порогъ, а хозяинъ лавки и говоритъ кому-то: вотъ та самая прислуга учителя Иванова и есть, ваше благородіе, можете съ ней самой переговорить. Смотрю: у выручки квартальный надзиратель сидитъ, а рядомъ съ нимъ какой-то чужой господинъ, въ пальтѣ и мѣховой шапкѣ. Встали оба какъ я подошла, и глазами уперлись на меня такъ пристально, что меня даже въ краску бросило и въ глазахъ затуманилось, а двинуться не смѣю, такъ столбомъ и стою середь лавки, ни рукой ни ногой пошевелить не могу. А они тѣмъ временемъ оба встали:—Не ловко намъ тутъ на юру разговаривать; нѣтъ ли тутъ у васъ уголочка поукотнѣе?—спрашиваетъ квартальный у лавочника. А этотъ и радъ подслужиться полиціи!—Съ нашимъ удовольствіемъ, говоритъ, пожалуйста за мною въ горенку. Отворилъ дверь за прилавкомъ и впустилъ насъ всѣхъ троицъ въ большой чуланъ съ окошечкомъ подъ самой крышей. Кругомъ на полкахъ товаръ разложенъ, на полу ящики да боченки нагромождены одинъ на другомъ. Жарко тутъ было и ерѣпко мыломъ пахло да сальными свѣчами. Квартальный предложилъ господину пальто снять.—Взопрѣте тутъ, какъ бы не простудиться потомъ, говоритъ, эти люди, по необразованности своей, никогда форточекъ въ окнахъ не прорубаютъ, какъ законопатятся осенью, такъ и живутъ вплоть до лѣта, не провѣтриваясь. А онъ ему на это:—ничего, говоритъ, по нашей должности и не такіе запахи приходится выносить, вотъ мы эту дѣвицу допросимъ, а тамъ и пойдемъ въ трактиръ прохладжаться. Сѣли на ящики съ мыломъ и начали допрашивать. Ужъ они меня пытали, пытали, шпыняли, шпыняли: какъ баринъ съ барыней живутъ, о чемъ разговариваютъ промежъ себя, какія книжки читаютъ, кому письма пишутъ, все-то имъ Расскажи и объясни. Памятуя бариновъ наказъ ничего не скрывать, я рассказала все, что знала, до крошечки, но имъ этого мало показалось, зачали съизнова вопросами закидывать и все о томъ же, не вѣрять, что я ничего больше не знаю, не вѣрять да и все тутъ. Съ часъ времени простояла я передъ ними, ноги затекли, спина заныла, ну, вотъ ни дать, ни взять въ церкви въ длинную службу. И страшно-то мнѣ, и тоскливо, а ужъ про обиду и говорить нечего! Повѣрите ли, никогда еще такого зла и досады я ни на кого не чувствовала, какъ на этихъ двухъ Иродовъ! А ужъ,

кажется, сиротой жимши въ чужомъ домѣ, какихъ, какихъ обидъ да пинковъ не испытала! А тутъ не про меня вовсе и разспрашивали, про совершенно чужихъ людей, къ которымъ я и привыкнуть еще не успѣла, всего безъ году недѣлю у нихъ жила, чего бы, кажется, ужъ такъ огорчаться да оскорбляться, а вотъ подите же! До сихъ поръ вспомнить не могу равнодушно про этотъ допросъ, такъ и залетѣть сердце горечью, и душить тебя, и плакать хочется... Стояла я, стояла передъ ними, да какъ вдругъ зареву!—Чего ты, спрашиваютъ,—бьютъ что ли тебя? Вотъ дура-то! А я-то пуще, да пуще, подкатило къ горлу, крикъ изъ души такъ и рвется, удержать невозможно! Испужались, не знаютъ, что и дѣлать со мной, какъ унять, стали скорѣе выпроваживать.—Ступай, говорятъ, домой, съ Богомъ, ступай, да чуръ у насъ не болтать... Если, говорить, мы узнаемъ, что ты господамъ про наши разпросы рассказала, плохо тебѣ будетъ!

Какъ я черезъ лавку, да черезъ улицу перелетѣла, да какъ на нашемъ крыльцѣ очутилась, ужъ теперь и сказать не могу; помню только, что баринъ поджидалъ меня въ прихожей и прямо на дверь въ кухню указываетъ, чтобъ шла туда не останавливаясь, а самъ въ ту горенку прошелъ, гдѣ у нихъ спальня была и гдѣ барыня на кровати лежала. Въ тотъ вечеръ я ихъ и не видѣла больше, ни того ни другого, слышала только, какъ Кагерія Дмитриевна плакала и какъ супругъ утѣшалъ да успокоивалъ ихъ. Стѣны-то въ домѣ были тонкія, тѣснота къ тому же и уйти некуда, по неволѣ все слышишь изъ кухни.—Полно, Каричка, этого надо было ожидать, не въ первый разъ, пора и привыкнуть! Успокойся, мой ангелъ, подумай только, вѣдь въ твоемъ положеніи такъ волноваться ужасно вредно! А она все свое:—Господи, Господи! Да когда же это кончится! Когда же насъ оставить въ покоѣ! Вѣрно, опять доносъ какой-нибудь...—Ну, зачѣмъ же такъ думать, Каричка! Кому на насъ доносить и за что? Просто новый прокуроръ пріѣхалъ и усердствуетъ на первыхъ порахъ, обживется, узнаетъ насъ и угомонится, вотъ увидишь.

Провозился онъ такимъ манеромъ съ ней всю ночь, а когда она, наконецъ, намазавшись слезами да рыданіями, къ утру заснула, онъ всталъ, одѣлся тихонько, тихонько, чтобъ не разбудить ее, и вышелъ ко мнѣ въ кухню.

— Чего вы такъ испужались вчера, Сашенька? Вѣдь я васъ предупреждалъ, что васъ будутъ допрашивать и что страшиться этого ни вамъ, ни намъ нечего.

Говорить это и улыбается, а самъ блѣдный, преблѣдный и

глаза такіе усталые . да печальные. Еще бы! всю ночь округь супруги хороводился, ни минутки не довелось заснуть. Хотѣлось мнѣ ему сказать, какъ мнѣ жалко его и какъ обидно, да слова съ языка нейдуть, молчу потупившись.

— Мы черезъ Авдотью Силышну, говорить, узнали про ваше приключеніе, такая добрая, нарочно зашла намъ сказать, чтобъ мы васъ въ скорости изъ лавки Сипягина не ждали, что васъ тамъ квартальный надзиратель съ пріѣзжимъ изъ губернскаго города ревизоромъ строго-на-строго допрашиваютъ...

— Я вамъ, Иванъ Александровичъ, въ точности могу сказать, о чемъ они меня разспрашивали и что я имъ отвѣчала, начала-было я, но онъ не далъ и договорить, да строго такъ:— Никогда, говорить, вы намъ этого не передавайте, слышите? На этомъ условіи мы васъ только и держимъ.

И сейчасъ ушелъ въ школу, а я, прибрамшись въ кухнѣ, пошла на барыню посмотриѣть: лежить, утѣнувшись головой въ подушки, а не спитъ и по всему видно, что плачетъ. Ужъ какъ мнѣ тутъ жалко се стало, просто даже и сказать не могу! и должна сознаться, что съ этой минуты сдѣлались они мнѣ оба совсѣмъ близкіе, ну, ближе всѣхъ на свѣтѣ. Они тоже меня полюбили и въ скорости такъ меня поняли, что совсѣмъ перестали меня чуждаться и я всю ихъ жизнь узнала; всѣ свои радости и печали, все это они при мнѣ высказывали, ни крошечки не стѣсняясь и не опасаясь, чтобъ сплетни какъ-нибудь изъ этого вышли или другое что нехорошее. Много было у нихъ теперь заботъ, печалей и всякихъ непріятностей, надо правду сказать, но прежде было еще хуже. Какъ начнетъ бывало Калерія Дмитриевна рассказывать про то, что имъ пришлось вынести, такъ дивиться только надобно ихнему терпѣнію. Вѣдь Иванъ Александровичъ въ острогѣ около года высидѣлъ за какія-то книжки, которыя у нихъ нашли при обыскѣ; подумайте только, каково было Калеріи Дмитриевнѣ, при ихъ нѣжности да деликатности, ходить туда навѣщать супруга промежъ арестантовъ! А потомъ его судили. На судѣ выяснилось, что онъ ни въ чемъ худомъ не повиненъ, окромя того, что вотъ и тогда, какъ и теперь, народъ уму-разуму училъ. Его и оправдали, но только не совсѣмъ, а оставили до поры до времени подъ надзоромъ полиціи... Ну, это я вамъ скажу, все равно, какъ если челоуѣку, отрубивши ноги и руки, сказать: живи, промышляй какъ знаешь. Насмѣшка одна, а не свобода, ни за какое дѣло нельзя взяться, вездѣ тебѣ препона отъ полиціи и въ такую минуту, когда всего менѣ этого ожидаешь... Однакожъ имъ повезло; какой-то благодѣтель выхло-

поталъ Ивану Александровичу мѣсто учителя въ земской школь. Стали жить. Сначала обходились безъ прислуги, на тѣ 200 рублей, которые Иванъ Александровичъ получалъ, никакихъ лишнихъ роскошей нельзя было себѣ позволить, тутъ и квартира, и ѣда, и одежда. Однако, жить можно было бы и еслибы не старыя привычки...

Вотъ эти привычки-то, по мнѣнію Сашеньки, и сгубили ея господъ. Онъ-то, самъ Иванъ Александровичъ, закаленный былъ въ нуждѣ человѣкъ, ему все ни по чемъ, привыкъ съ измалства и къ голоду, и холоду, ну, а она другого поля ягода, въ ней, какъ она ни старалась переломить себя, безпрестанно проявлялась натура извѣженная и набалованная, съ капризами истой барышни. А главное, что здоровье стало измѣнять ей, особливо послѣ того, какъ ребеночка имъ Богъ далъ. Не принесъ имъ счастья этотъ ребеночекъ! Дохленькимъ такимъ да слабенькимъ родился, сущій котенокъ. Калерія Дмитриевна бывало день-деньской надъ нимъ плачетъ, только тогда и вытретъ глаза и приободрится, какъ мужу со службы придти. Но вѣдь любящаго человѣка провести трудно, не могли ускользнуть отъ внимательнаго взгляда Ивана Александровича ни худоба, ни блѣдность жены, ни то обстоятельство, что характеръ ея день ото дня портился и что ласки его, да утѣшенія, не дѣйствовали на нее по-прежнему. Сталъ и онъ скучать. Только разъ пришелъ домой изъ училища и застаетъ жену въ большомъ волненіи. Раскраснѣлась вся, улыбается, глаза блестятъ. — Что случилось? спрашиваетъ. Зубокъ вѣрно у Гриши прорѣзался? — Нѣтъ еще, говорить, зубочковъ у Гриши не видать. — Чего же ты такая радостная, моя крошка?

И самъ любовно такъ на нее смотритъ, а она — прыгъ къ нему на колѣни, точно кошечка, да и давай ласкаться. Ужъ она его цѣловала, цѣловала, миловала, миловала! Огкинется головкой назадъ и смотритъ ему въ глаза долго, долго, а тамъ опять начнетъ цѣловать и вдругъ: — Ваня, говорить, я письмо отъ бабушки получила...

— Ну, чтожъ изъ этого?

— Я ужъ отвѣчала на него, и вотъ Сашенька снесла на почту... Вѣдь вы отнесли, Сашенька?

— Огнесла, говорю.

— При ней сортировщикъ въ сумку положилъ... Лошади были заложены, почтальонъ взялъ сумку и поспекалъ...

И опять обернулась ко мнѣ: — вѣдь такъ, Сашенька?

— Точно такъ-съ, говорю. А баринъ: — Что же это было за

письмо, — спрашиваетъ, — что на него такъ скоро отвѣчать надо было? Тутъ что-то не ладно, Каричка!

— Ладно не ладно, а дѣло сдѣлано и теперь его не поправишь... и я очень, очень этому рада... Отгадай, о чемъ мнѣ писала бабушка!

Подумалъ съ минуту и затуманился. — Зовутъ вѣрно тебя домой?

Калерія Дмитріевна захлопала въ ладоши. — Такъ и есть, отгадалъ!... Я имъ сейчасъ же отписала отвѣтъ, будутъ помнитъ!.. Съ чего это они взяли, что я несчастна съ тобой, что мнѣ здѣсь скучно!.. Этакій вздоръ! Я написала имъ, чтобъ они по себѣ не судили... Ну, чтожъ ты меня не цѣлуешь за это?

И сама танется къ нему, обѣими руками обвила ему шею, да ласково заглядываетъ ему въ глаза. Онъ нагнулся, поцѣловалъ, а морщина между бровями все не разглаживается и взглядъ такой разсѣянный, да печальный. Часто стала я у него подмѣчать этотъ взглядъ послѣднее время. — Запечалилась и она, на него глядя. — Вотъ ты какой, Ваня! Я думала утѣшить тебя, обрадовать, а между тѣмъ... Ничѣмъ, ничѣмъ тебѣ не угодишь!

Надула губки, начала плакать. Насилу, насилу онъ ее успокоилъ.

— И часто у нихъ такія исторіи выходили? — спросила Катерина Николаевна.

— Часто. Кажинный разъ какъ получится письмо изъ дому, такъ неприятели. Прежде имъ не писали, ни бабушка, ни другіе родственники, адреса, слышь, не знали, ну, а потомъ, какъ узнали, гдѣ они проживаютъ, да при какихъ обстоятельствахъ, и зачастили. Не хорошо дѣйствовали на Калерію Дмитріевну эти письма! Поняла я тогда, о чемъ Иванъ Александровичъ такъ запечалился, когда она ему съ такимъ восторгомъ стала рассказывать о бабушкиномъ предложеніи и какъ она отказалась отъ него. Отказалась-то она отказалась, это правда, потому что супруга слишкомъ крѣпко любила и въ мысляхъ еще не держала, чтобъ разстаться съ нимъ, но потомъ, какъ зачали ее искушать, какъ зачали... сердечушко и пошло раздираться, и пошло... Тамъ всякія блага земныя сулятъ, а здѣсь нужда невылазная, ребенокъ хворый, лечить бы надо, за границу въ теплые края поехать, а денегъ даже и на то не хватаетъ, чтобъ въ губернской городъ ѣхать, хорошему доктору показать... Стала задумываться. Иногда мыслями залетитъ такъ далеко, что точно во снѣ ходитъ, ничего не слышитъ и не видитъ, что ей ни говори и что передъ ней ни дѣлай. На барина было страшно смотрѣть въ такія ми-

нуты, весь изъ лица перемѣнится, губы побѣлѣютъ и сейчасъ уйдти куда-нибудь норовить, на улицу, либо въ садикъ, что у насъ за домомъ былъ, и вернется ужъ тогда, когда сердце у него совсѣмъ отойдетъ. Крѣпился онъ крѣпился такимъ образомъ, да разъ и не выдержалъ.

— Знаешь, говорить, Каричка, лучше бы ты уѣхала къ твоимъ роднымъ, и тебѣ, и ребенку тамъ лучше будетъ. Вѣдь ты меня знаешь, я жертвъ ни отъ кого принимать не желаю.

Разобидѣлась, въ слезы:—ты, Ваня, безжалостный какой-то сдѣлался, говорить.

А онъ ей на это:—если, говорить, ты меня такимъ понимаешь, тѣмъ лучше для тебя, говорить.

Слова эти мы уже потомъ поняли... Впрочемъ, она-то, Калерія Дмитриевна, и послѣ не хотѣла ихъ понимать, все твердила: никогда, никогда онъ меня не любилъ и не жалѣлъ! А кто же могъ съ ней спорить? Даже и вспомнить о томъ было страшно, не то что говорить!... Дѣло было весной, во время разлива... Всю эту зиму у насъ были большія непріятности въ домѣ, барина три раза бумагой въ губернской городъ вызывали и каждый разъ онъ возвращался оттуда мрачный, премрачный и похудѣвши крѣпко. Похудѣешь тутъ! Проявился въ губерніи человѣкъ какой-то съ книжками недоброкачественными. По книжкамъ тѣмъ онъ, слышь, мужиковъ грамотѣ училъ и за это въ острогъ попалъ, да только не здѣсь, а въ Москвѣ кажется, или въ Кеевѣ, ну, далече отсюда однимъ словомъ. И пишутъ оттуда нашему губернатору: розыскать и допросить всѣхъ людей, съ кѣмъ онъ въ здѣшней губерніи знался. Какъ пошли розыски, кто-то и сбrehни, что его, этого самого человѣка, въ нашемъ городѣ видѣли и будто онъ съ учителемъ по базару ходилъ, огурцы вмѣстѣ, слышь, покупали. По этому случаю и меня въ губернской городъ вызвали, строго, черезъ повѣстку, которую самъ квартальный принесъ. Безотлагательно, говорить, должны явиться къ судебному слѣдователю, такого-то числа, въ восемь часовъ утра. Ахъ ты, Господи! говорю, ну, а какъ я къ тому дню не поспѣю, подводы не найду, вѣдь отъ насъ, говорю, тоже не каждый день въ городъ оказія бываетъ, что тогда?—Въ отвѣтъ, говорить, будете и даже въ престестомъ. Побѣжала о подводѣ хлопотать, туды, суды сунулась, нашла, наконецъ. Мужичокъ одинъ, Тетеркой звать изъ нашей Лопуховки, яца въ городъ везъ къ празднику; умолила я его Христомъ Богомъ тремя деньками раньше поѣхать и меня довести. Согласился за рубль серебра, отправились. Въ назначенный день являюсь къ слѣдова-

телю. Заставили въ сѣнцахъ часа четыре прождать, а тамъ прямо въ канцелярію провели.—Знакома вамъ эта личность? спрашивается слѣдователь. И портретъ мнѣ при этомъ показывается, замусленная карточка какого-то косоротата господина.—Никогда такого не видала, говорю.—А не ходилъ ли съ нимъ вашъ баринъ огурцы покупать на базарѣ?—Можетъ и ходилъ, говорю, но только не при мнѣ, я у нихъ всего только второй годъ живу.—Осенью, говорить.

— Осенью такого у насъ не было въ домѣ, говорю.

Переглянулись съ письмоводителемъ, помолчали съ минуту, а тамъ опять:

— А не говорили ли они промежъ себя про губернатора, что его п-во вмѣсто того, чтобъ государственными дѣлами заниматься, только въ карты изволятъ играть?

— Кто да кто? спрашиваю.

— Вашъ баринъ вотъ съ этой личностью.

И опять на карточку указываетъ.

— Да я же вамъ говорю, что эту личность я никогда не видывала ни у барина, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ.

— Такъ вы упорствуете въ своемъ показаніи?

Ну, что на это скажешь? Молчу, конечно. И онъ ни слова, только смотреть на меня въ упоръ, точно глазами-то душу хочетъ пронизать насквозь. А мнѣ что, смотри пожалуй, все та же останусь, хоть всѣ глаза на меня прогляди!

Помолчали мы такъ съ нимъ минуту, а тамъ онъ опять:— Такъ вы не хотите припомнить эту личность? говорить. Молчу.— Ну, хорошо, говорить, я подожду, можетъ черезъ часъ вы и припомните.

Повзвонилъ и указалъ сторожу на дверь въ сосѣднюю комнату. Отвели меня туда и приказали ждать, пока не позовутъ. Дѣлать нечего, жду. До вечера меня тутъ проморили, не пимши, не ѣмши и, наконецъ, разрѣшили идти ночевать, а завтра въ восемь часовъ, чтобъ опять здѣсь быть. Спасибо и за это! Отошла я такъ, что насылу допелась до того постоялаго двора, гдѣ мы съ Тетеркой пристали. Вошла въ горницу, попросила у хозяйки шей тарелку, сѣла въ уголокъ къ окошечку, да и зачала хлебать. Кругомъ народъ, который входитъ, харчей себѣ требуетъ, распоясывается да за столъ садится, который кресты владеть да расплачивается за постой... смѣхъ, говоръ. Какой-то старикашка до того наугостился, что пѣсенку затянулъ... А я сижу себѣ смиренхонько, глазъ ни на кого не поднимаю, и одна у меня забота, чтобъ не заprimѣтили меня, да не заговорили бы

со мной. Не до разговоровъ мнѣ было; все мнѣ кажется, что кажинному извѣстно, изъ какихъ мѣстовъ я сюда проявилась и что завтра опять должна туды же отправляться. У насъ въ просто-народѣ за большой позоръ считаютъ, когда начальство на допросъ вызоветъ. Виновать человѣкъ или нѣтъ, этого никто не разбираетъ, страдать только, да и все тутъ. — Кончила ѣсть, поставила тарелку на мѣсто и стала высматривать хозяйку, чтобъ насчетъ ночлега съ ней переговорить. Вижу, кое-кто изъ мужичковъ ужъ и полушубки съ себя стаскиваютъ, располагаются спать, кто на лавкѣ, кто прямо на полъ одѣжу разстилаетъ. Пойти развѣ въ кухню, попросить хозяйку, чтобъ мнѣ тамъ отвели уголочекъ съ стряпухой, либо въ другомъ какомъ мѣстѣ, отдѣльно бы только отъ мужиковъ... Думаю я это, а хозяйка въ ту самую минуту сама въ горницу входитъ и прямо ко мнѣ: — не желаете ли, говорить, въ чуланчикѣ вмѣстѣ съ странницей переночевать? Чего лучше! Захватила свой узелокъ и пошла за ней въ чуланъ. Тамъ старушка какая-то ужъ храпитъ. Легла я рядышкомъ съ ней, укуталась шубенкой и свѣчку задула, а сонъ нейдетъ да нейдетъ. Кости ноютъ, въ голову страшныя мысли лѣзутъ, сердце тоска грызетъ... Какъ вспомню сегодняшній допросъ и какъ слѣдователь добивался, чтобъ я ему доказывала не то, что было, а то, что ему втемяшилось въ голову по наговорамъ злыхъ да глупыхъ людей, точно варомъ меня оболеть! Зачала съ великой тоски молиться. Господи, Господи! угомони ты его! Дай терпѣнія глупымъ какимъ словомъ не обмолвиться, да не погубить благодѣтеля моего Ивана Александрыча! Господи!

Сползла съ постели, лбомъ о холодный полъ стубуюсь передъ образомъ, да горячими слезами обливаюсь. Сколько времени молилась я, и сказать не могу, наконецъ, на сердцѣ будто полегчало и ко сну стало клонить. Повалилась какъ снопъ на постель и крѣпко, крѣпко заснула. Утромъ чуть зорька забѣлалась въ окошечко, толкаетъ меня въ бокъ старушка странница: вставай, говорить, милая дѣвушка, пойдемъ со мною къ ранней обѣднѣ, поставь свѣчку Царицѣ Небесной всѣхъ скорбящихъ, помолись поусерднѣе, да и ступай съ Богомъ куда тебѣ надоть, а какъ предстать тебѣ передъ начальствомъ, не забудь трижды помянуть царя Давида и всю кротость его, очень это помогаетъ.

Пошли, отстояли обѣдню и какъ вышли изъ церкви на улицу: — поняла я, говорить, изъ вчерашняго разговора объ тебѣ съ хозяйкой, что тебя вызвалъ сюда слѣдователь по важному дѣлу, хотятъ тебя свидѣтельницей противъ твоихъ господъ поставить, такъ ли?

— Такъ, баушка, говорю. Боюсь, чтобъ меня и сегодня тамъ до вечера не продержали, и завтра, а все-таки не могу я доказать то, чего не было!

— И не могли. Самъ Господь сказалъ: не свидѣтельствуй на друга твоего свидѣтельства ложна. А грамотѣ знаешь?—Знаю, говорю.—Ну, и чудесно. Какъ значить допросъ съ тебя кончать снимать, да дадутъ подписать бумагу, ты эту бумагу безпремѣнно прочти и обмысли какъ слѣдуетъ. Въ той бумагѣ всѣ твои слова будутъ прописаны, такъ замѣть хорошенько, вѣрно ли ихъ списали, не прибавили ли, не убавили ли чего. По опыту говорю тебѣ, милая дѣвушка, шесть лѣтъ я въ острогѣ просидѣла и всего состоянія рѣшилась изъ-за того только, что подмахнула бумажку не зная, что въ ней написано. Кабы не такая оказія, кто бы мнѣ велѣлъ на старости лѣтъ странничать, гдѣ день, гдѣ ночь, въ жаръ и въ холодъ, мірскимъ подаваніемъ питаюсь? Вѣдь я изъ купеческаго званія, у меня свой домъ послѣ татеньки оставили, да капиталъ, все оттягали стрекулисты проклятые, пользуясь моею темнотою, да дуростью, до-чиста обобрали. Шустрый народъ, только тѣмъ и живетъ, что другіе простаки прозѣваютъ. Помни это, милая дѣвушка.—Буду помнить, баушка, говорю. И съ тѣхъ поръ ни одного показанія не подписываю не прочитавши его и не поспоровши о немъ.

Сашенька такъ и сказала: «показаніе». Странно звучало это техническое выраженіе въ устахъ степнячки!—Видно часто приходится вамъ подписывать показаніе?—докончила вслухъ свою мысль Катерина Николаевна.

Сашенька съ досадой махнула рукой.—Ужъ и не говорите! Кабы не язва эта... Знаете, что я вамъ скажу,—продолжала она дрожащимъ отъ волненія голосомъ:—не одного Ивана Александровича стубили эти доносы да допросы, я знаю многих... вѣдь подумайте только, каково человѣку безъ правовъ жить? На такомъ положеніи, что кажинная свинья, съ позволенія сказать, надругаться надъ нимъ можетъ, а онъ все это молча сносить долженъ и окромя подлости ничего округъ себя не видитъ. Чтожъ изъ этого можетъ произойти,—отвращеніе къ жизни и ничего больше. Да вотъ, хотя бы Ивана Александровича взять: сначала куражился, отпоръ всѣмъ давалъ, наврутъ на него—самъ сейчасъ ѣдетъ оправдываться передъ начальствомъ, изъ силъ выбивается свою правоту доказать и клеветниковъ на свѣжую воду вывести, ну, а потомъ притомился, до равнодушія дошелъ, и ужъ совсѣмъ жизнь опостыла. А тутъ, точно взбѣсился всѣ, и попъ приходскій, и становой, и исправникъ съ

исправничихой, всё, точно сговорившись, на него напустились. Всё наперерывъ желаютъ доносомъ на него угодить начальству. Чего! Даже вдова офицерша, что въ нахлѣбницахъ у помѣщика Салова жила, и та на допросѣ наплела, будто сама своими глазами видѣла, какъ Иванъ Александровичъ въ страстную пятницу скоромное ѣлъ! А за ней и лавочникъ, тотъ самый, сыннишку котораго Иванъ Александровичъ въ гимназію приготовилъ, такъ и тотъ поднялся: никогда, говорить, нашего учителя въ храмѣ Божьемъ не видать. Ну, всё однимъ словомъ на насъ ополчились: кто лягнетъ, кто пырнетъ, травятъ со всѣхъ сторонъ, да и на-поди! Пробовалъ Иванъ Александровичъ объясняться съ ними, черезъ этого самого лавочника:— послушай, Игнатичъ, говорить, человекъ ты умный и добрый, съ какою стати набрежалъ ты на меня передъ начальствомъ? Какая тебѣ въ томъ корысть, если на мое мѣсто другого учителя посадить? Плохо что ли я съ вашими ребятишками занимаюсь? Ничего плохого, окромя хорошаго мы отъ тебя не видимъ, говорить, и даже очень тобою довольны, а насчетъ моихъ разговоровъ съ прокуроромъ, говорить, такъ пойми же ты, милый человекъ, что когда начальство тебя допрашиваетъ и отвѣты, такъ сказать, само подсказываетъ, такъ тутъ языкъ точно не свой дѣлается, мелеть самъ не знаетъ что и готовъ всякой чепухи нагородить, отпустили бы только скорѣй душу на показаніе... Вѣдь своя рубашка ближе къ тѣлу; хоть кому доведись... Ну, что съ такимъ народомъ подѣлаешь, подумайте сами? Ложись да помирай скорѣе, одно остается.

— Ну, а какъ же вы-то, вы-то живете и работаете въ этой средѣ?—невольно вырвалось у Катерины Николаевны.

— Я-то?—переспросила Сашенька.—Я до сихъ поръ въ сторонѣ и меня до сихъ поръ Господь Богъ миловалъ. Что дальше будетъ, не знаю, но думаю такъ, что по безпонятію, да тупоумію моему, обойдетъ меня зараза, дѣла останусь...

Она тихо засмѣялась. — Вотъ вы обо мнѣ услышите по со-сѣдству, совсѣмъ простой и глупой дѣвушкой я здѣсь слышу. Да и въ самомъ дѣлѣ простая—мнѣ до другихъ учительницъ далеко, другія журналы читаютъ и разговоры умные умѣютъ вести, а у меня одна только забота—какъ можно больше ребятишекъ грамотѣ выучить, вотъ и все тутъ. Такой меня и Иванъ Александровичъ понималъ; сколько разъ бывало говаривалъ: оставайтесь въ темнотѣ, Сашенька, по нынѣшнимъ временамъ только такимъ, какъ вы, и возможно сохранить разумъ. Много и безъ васъ погибнетъ людей въ той сумятицѣ, что поднялась на Руси и крутить человѣческими умами безъ устали и удержу

и какъ бурянь въ степи слѣпить очи людямъ и застилаеть передъ ними самого солнца свѣтъ... Ну, а народъ-то, тѣмъ временемъ, сидитъ безъ хлѣба и безъ книжки...

Она смогла. Лошади, чуя приближеніе отдыха, бѣжали такой дружной рысью, что Коновъ только для проформы ласково покрикивалъ и помахивалъ надъ ними кнутомъ; начинавшаяся было метелица стихла, выплыла изъ-за тучъ луна, и въ морозномъ воздухѣ все чаще и чаще проносились струи дымнаго запаха.

— Сейчасъ вотъ и кузница, а тамъ поселокъ, а за поселкомъ и Кузовки,—проговорила Сашенька выглядывая изъ кибитки.—Верстъ семь остается, не больше, поселочные ребятишки въ намъ въ школу бѣгаютъ... Спасибо вамъ, что довели, завтра въ обычный часъ у меня классъ начнется...

Катерина Николаевна вспомнила толки, слышанные нѣсколько часовъ тому назадъ въ Петрухиной избѣ.—Вы начальство ждете?—спросила она.

— Какое начальство?—удивилась Сашенька.

Но затѣмъ, сообразивъ въ чемъ дѣло, она тонко, претонко усмѣхнулась.

— Это вы насчетъ того, что въ Лопуховѣхъ болтали? Нѣтъ, никакого начальства я не жду, я только постращать ихъ хотѣла, чтобъ нашли мнѣ съ кѣмъ домой вернуться. Ужъ народъ такой, что прикажете съ нимъ дѣлать! Скажи имъ, что торопишься изъ-за того, чтобъ дѣти учебнаго дня не пропустили, ни за что не повѣрять, пожалуй даже смѣяться зачнутъ, ну, вотъ я имъ и пускаю пыль въ глаза начальствомъ... А какое тамъ начальство! На одно только оно у насъ и ретиво—вольный духъ искоренять въ людяхъ, ни на что больше. Ну, а на меня ужъ, кажется, въ этомъ случаѣ положиться можно, тоже вѣдь искусь не малый прошла.

— Какой искусь?

— А какъ бы вы думали? Послѣ той оказіи съ Иваномъ Александровичемъ, какъ вытасили его тѣло, на половину съѣденное раками, изъ рѣки, за кого имъ было схватиться какъ не за меня? За Калеріей Дмитриевной дяденька генералъ изъ Москвы пріѣхалъ и увезъ съ собой, вознеслась вдругъ такъ высоко да далеко, что рукой не достанешь! А мнѣ дѣваться некуда было, гдѣ жила, тамъ и осталась за всѣхъ отвѣтъ держать... Вотъ тутъ я и выучилась слѣдовательскія показанія читать. Съ годъ времени меня подъ слѣдствіемъ проморили. Спасибо добрымъ людямъ, что на поруки взяли, а то, пожалуй, пришлось бы и тюрьмы отвѣдать... А куда бы я изъ острога-то пошла, на что бы го-

дилась? Нашей сестрѣ одна дорога,—оттуда либо въ воду, какъ Иванъ Александровичъ, либо въ петлю... Ужъ въ учительницы мнѣ бы тогда ни за что не попасть!

— Чѣмъ же вы жили, пока находились подъ слѣдствіемъ?—спросила Катерина Николаевна.

Вопросъ этотъ даже удивилъ Сашеньку.—Какъ чѣмъ? Работой, конечно; руки, ноги не отсохли, слава Богу! Кому бѣлье выстираешь, у кого огороды выкопашешь, капусту нарубишь, помыла, шила, за дѣтьми ходила, мало ли работы? Меня и за компанію любятъ. Тутъ по близости одна помѣщица, Софьей Никитишной Поповой звать, я у нея варенье въ то лѣто варила, такъ вѣдь какъ приставала, чтобы я къ ней въ пріятельницы поступила, со слезами даже просила.

— Какъ это въ пріятельницы?

— А такъ въ родѣ какъ въ экономки и главной надзирательницы за прислугой, ну, также компанію ей составить, гостей ея занимать... У насъ многія на такія мѣста льстятся.—Можетъ, и я бы польстилась, кабы не такое мое пристрастіе къ ребятишкамъ. Засѣла у меня въ голову мысль школьной учительницей сдѣлаться, да и все тутъ, ничѣмъ не выбьешь. И чѣмъ больше препятствій я себѣ въ этомъ дѣлѣ вижу, тѣмъ больше рвусь къ нему, ну, вотъ точно бѣсъ какой въ меня вселился. Сама не знаю какъ и хлопотать объ этомъ, вижу со всѣхъ сторонъ однѣ только препоны себѣ, слышу, какъ трудно попасть въ школьныя учительницы даже и такимъ, которые съ дипломами и съ протекціями, у меня же ни того, ни другого нѣтъ, а все не унываю. Назначили замѣсто Ивана Александровича другого учителя. Явилась я къ нему: такъ и такъ, говорю, не будетъ ли вашей милости меня замѣсто прислуги взять, кушанье значить варить, бѣлье стирать... могу также и по школѣ помогать. Засмѣялся.—Мѣсто у меня, говорить, занято, на будущей недѣлѣ въ законный бракъ вступаю, на племянницѣ становаго пристава женюсь, по той причинѣ, говорить, что одинокому въ такой трущобѣ отъ скуки взбѣситься можно.

— Можетъ, супругъ вашей прислуга потребуется? говорю.

— Ну, нѣтъ, говорить, по нашимъ достаткамъ супруга моя сама себѣ прислугой должна быть.

Не выгорѣло, значить, стала высматривать, какъ бы другимъ какимъ манеромъ устроиться. Думала, думала, да и надумала къ самому господину слѣдователю обратиться. Безъ малаго два года хороводились мы съ нимъ по дѣлу Ивана Александровича, успѣли коротко другъ дружку узнать.—Лють онъ былъ ко мнѣ

въ началѣ, правда, ну, а потомъ, какъ увидѣлъ, что тиранить меня только время попусту тратить, стихать сталъ и только для проформы, такъ сказать, подъ надзоромъ держалъ, да изрѣдка къ допросу требовалъ. Вотъ разъ, набралась духу, да говорю ему:—Павелъ Петровичъ, могу ли у васъ одной милости попросить? Нахмурился, лицо важное сдѣлалъ.—Что такое? спрашиваетъ.—Вѣдь вы меня теперь хорошо знаете, говорю.—Ну?—Знаете, что я никакого вольнаго духа въ себѣ не имѣю?—Гм! А у самого глаза смѣются, вижу, что только для виду строгость на себя напускаетъ, и разхрабрилась еще пуще.—У васъ, говорю, въ городѣ знакомство большое и всѣ васъ за хорошаго господина почитаютъ; достаньте мнѣ такое мѣсто, гдѣ бы я могла къ экзамену въ сельскія учительницы приготовиться, окажите такую божескую милость. Подумалъ немного.—Хорошо, говорить, я вамъ такое мѣсто достану.

И досталъ; съ малымъ мѣсяцъ такъ спустя, поступила я къ его полюбовницѣ въ кухарки. Домъ у нея — нетолченая труба всякаго народу, офицеры, чиновники, купцы, дворяне разные, то одинъ, то другой заѣдетъ... Кажинную минуту звонка, только и знай отпирай, да запирай за ними дверь, а ночью въ карты до пѣтуховъ дуются и другой прислуги, окромя меня, не было. Однако, управлялась. У нихъ тамъ крикъ, смѣхъ, пѣсни да пляски, такое веселье да дебошъ, что дымъ коромысломъ, а я себѣ, заткнувши уши, ариметику либо грамматику твержу. Экзаменъ въ уѣздномъ училищѣ выдержала, но только такой дипломъ, по которому можно было въ учительницы поступить, мнѣ не достался по той причинѣ, что въ уѣздномъ училищѣ не выдаютъ такихъ; надо другой экзаменъ въ гимназіи держать, и по другой совсѣмъ программѣ. Вѣдь вотъ горе-то какое, подумайте только! Стала опять умомъ раскидывать, какъ тутъ быть, и пошла къ учителю посоветоваться, къ тому самому, который экзаменовалъ меня. Объяснила ему, въ чемъ дѣло, а онъ мнѣ на это:

— И это вы, говорить, жимши у слѣдовательской полюбовницы въ кухаркахъ, одинъ-одинешеньки къ экзамену приготовились? спрашиваетъ.

— Точно такъ, говорю. И самое смѣхъ такъ и разбираетъ, такъ и разбираетъ, такимъ онъ чуднымъ мнѣ тогда показался и глаза выпучилъ отъ удивленія и смотреть на меня съ ногъ до головы съ такимъ любопытствомъ, ну вотъ, точно у меня за ночь-то на лицѣ узоры какіе новые появились.

— У васъ, должно быть, призваніе, говорить, къ этой дѣятельности; совѣтую вамъ не отчаиваться. Поступайте въ помощ-

ницы къ новой учительницѣ, что въ земскую школу назначена. Я ее знаю, ей одной съ этимъ дѣломъ не справиться, я посоветую ей васъ взять и жалованье вамъ положить. А тамъ, увидимъ, можно будетъ и программу вамъ достать, и книги, какія нужно, доставить. Мнѣ такъ сдается, что вы съ гимназическимъ экзаменомъ непременно должны сладить.

Сладить-то она съ нимъ сладила, но только не скоро. При новой должности свободнаго времени на собственныя занятія оказалось еще меньше, чѣмъ на мѣстѣ у возлюбленной слѣдователя; въ матеріальномъ отношеніи тоже нельзя сказать, чтобы легко было концы съ концами сводить. Жалованья Сашенька получала 5 рублей въ мѣсяцъ и деньги эти распределяла слѣдующимъ образомъ: три рубля на пищу, фунтъ чернаго хлѣба да бутылку снятого молока въ день, да два рубля на одежду, башмаки, платье и все прочее.

— Растрѣпой тоже нельзя было ходить, увидеть въ классѣ съ продранными локтями, да въ стоптанныхъ башмакахъ, осмѣютъ и осудятъ, не хорошо. Одѣваться надо было чистенько.

— Ну, а съ квартирой какъ же?—спросила Катерина Николаевна. Новая знакомая не на шутку начинала интересоваться ее.

Съ квартирой Сашенька чудесно устроилась. Учительница сама предложила ей почевать въ классной комнатѣ. За это Сашенька ей замѣсто горничной служила, бѣлье ей стирала, одѣжу чистила и чинила. Понятно, что ни тюфяковъ, ни перинъ въ классную натаскивать нельзя, надо было спать на деревянныхъ скамейкахъ, либо на голомъ полу, безо всего. Но къ этому неудобству она привыкла также скоро, какъ къ пищѣ изъ одного хлѣба со снятымъ молокомъ.

— И долго прожили вы такимъ образомъ?

— Пять лѣтъ,—отвѣчала Сашенька, не замѣчая, съ какимъ любопытствомъ смотритъ на нее ея слушательница.—На шестомъ году, прошлой осенью, пріѣхалъ въ городъ кузовскій помѣщикъ Илья Ивановичъ учительницу въ свою школу искать. Меня ему и отрекомендовали, экзаменъ-то при гимназій я выдержала первой, у меня такъ и въ дипломѣ прописано,—прибавила она съ наивной гордостью.—Вотъ какъ пріѣдете ко мнѣ когда-нибудь въ гости, я вамъ покажу.

Катерина Николаевна молча пожала ей руку.

— Эхъ вы, голубчики, соколики ясные! Вотъ и Кузовки!—весело выкрикнулъ Кононъ, указывая куномъ на черноватые бугры, высовывавшіеся изъ сугробовъ.

Тройка помчалась еще быстрее; изъ навозныхъ кучъ началъ

раздаваться собачій лай, сначала глухо, а затѣмъ все громче и громче. То тутъ, то тамъ засверкали огоньки, запахло дымомъ сѣльнѣе—еще минутка и кибитка въѣдетъ въ деревню. Катерина Николаевна продолжала всматриваться въ лицо своей спутницы. Неужели это то самое лицо, которое въ первую минуту показалось ей такъ вульгарно, безцвѣтно и некрасиво?—Знаете, Сашенька,—проговорила она,—вы первая женщина, съ которой мнѣ пришлось столкнуться по возвращеніи на родину...

И не замѣчая недоумѣвающаго взгляда, которымъ отвѣчали на ея заявленіе, она прибавила:—и я очень, очень этому рада.

Н. СЕВЕРИНЪ.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ *).

III.

Съ тѣхъ поръ, что у всѣхъ и у правительства раскрылись глаза на печальное положеніе крестьянства, выдвинулся на первый планъ и обсуждается вопросъ о крестьянскомъ управленіи, въ которомъ справедливо видятъ одну изъ главныхъ причинъ упадка крестьянскаго быта. Что крестьянское управленіе во всѣхъ отношеніяхъ крайне плохо—понимаютъ всѣ. Но о томъ, что и какъ сдѣлать, чтобы его улучшить, высказываются самыя разнообразныя и противорѣчивыя мнѣнія, доказывающія, что по этому вопросу мы тоже ходимъ въ туманѣ, и не успѣли еще додуматься до ясной и опредѣленной мысли. Можно смѣло сказать, что она и не уяснится до тѣхъ поръ, пока мы не разберемъ дѣла по существу, не возведемъ недостатковъ теперешняго положенія къ принципамъ, изъ которыхъ они проистекаютъ, и не поищемъ въ самыхъ условіяхъ нашего общественнаго быта и строя основаній для болѣе удовлетворительной организаціи крестьянскаго управленія.

Въ чемъ заключаются его недостатки? Они сводятся, главнымъ образомъ, къ двумъ слѣдующимъ: по имени, по названію, по наружнымъ формамъ, принципъ его есть самоуправленіе; на самомъ же дѣлѣ, въ дѣйствительности, самоуправленія вовсе не существуетъ. На дѣлѣ крестьянами управляютъ разнаго рода

*) См. выше: октябрь, 713 стр.

власти, назначаемыя правительствомъ, выбранныя отъ земства и отъ дворянства, и это *дѣйствительное* управленіе во всѣхъ отношеніяхъ крайне неудовлетворительно. Органы крестьянскаго самоуправления во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ поставлены въ полную, совершенную зависимость отъ уѣздныхъ и губернскихъ властей и всѣ, указанныя въ законѣ, гарантіи ихъ самостоятельности и самостоятельности существуютъ только на бумагѣ. Съ этимъ, пожалуй, можно было бы кое-какъ и помириться, еслибъ отсутствіе самоуправления выкупалось несомнѣнными достоинствами введенныхъ для крестьянъ на дѣлѣ порядковъ: строго законностью и справедливостью, безукоризненною честностью, вниманіемъ къ нуждамъ и потребностямъ крестьянъ, просвѣщенною заботливостью о ихъ матеріальномъ благосостояніи, умственномъ и нравственномъ развитіи. Къ несчастію, такія черты встрѣчаются въ крестьянскомъ управленіи лишь здѣсь и тамъ, въ видѣ рѣдкаго изытія. Часто, напротивъ, встрѣчаются примѣры полнѣйшаго произвола, явнаго нарушенія несомнѣнныхъ правъ, злоупотребленій съ корыстною цѣлью, грубаго невѣжества и незнанія законовъ, а чаще и больше всего, почти въ видѣ общаго правила, замѣчается совершеннѣйшее пренебреженіе къ прямымъ обязанностямъ, полное бездѣйствіе, полное равнодушіе къ интересамъ, нуждамъ и положенію крестьянъ. Результатъ всего этого есть хаосъ, безурядица и анархія въ управленіи ими.

Такое положеніе вещей многіе надѣются измѣнить къ лучшему кое-какими частными поправками: оживленіемъ крестьянскаго самоуправления посредствомъ измѣненія его атрибутовъ и формъ; новой комбинаціей властей, на самомъ дѣлѣ управляющихъ крестьянами; измѣненіемъ существующихъ теперь отношеній крестьянства и крестьянскаго управленія къ земству и коронной администраціи и т. п. Отъ такихъ подправокъ и заплатъ мы, признаемся, не ожидаемъ ничего, кромѣ горькихъ разочарованій въ ближайшемъ будущемъ. Крестьянское самоуправленіе оказалось несостоятельнымъ, уступило мѣсто другому управленію, и послѣднее оказалось тоже нигуда не годнымъ не по одной злой волѣ людей; послѣдніе только воспользовались слабыми сторонами существующихъ порядковъ. Причины лежатъ гораздо глубже, и пока мы ихъ не дойдемъ и не войдемъ въ самую глубь вопроса, до тѣхъ поръ всѣ попытки улучшить крестьянское управленіе не приведутъ къ ожидаемымъ результатамъ.

Противъ всѣхъ элементовъ, на которыхъ построено и предполагалось или предполагается построить крестьянское управле-

ніе, приводятся, въ интересахъ крестьянъ, весьма серьезныя и вѣсныя возраженія.

Начнемъ съ самоуправленія, которое, съ самаго призванія крестьянъ къ гражданской жизни, долгое время считалось надежнѣйшимъ оплотомъ ихъ самостоятельности, самымъ прочнымъ обезпеченіемъ ихъ интересовъ. Оно имѣетъ многочисленныхъ и ярыхъ противниковъ. Какое, говорятъ они, возможно самоуправленіе у безграмотныхъ, невѣжественныхъ и полудикихъ мужиковъ? За ведро вина они готовы выбрать кого угодно, постановить какой угодно приговоръ, праваго сдѣлать виноватымъ, виноватаго правымъ. Развѣ они имѣютъ малѣйшее понятіе о сколько-нибудь порядочномъ веденіи общественныхъ дѣлъ? Мало-мальски грамотный писарь дѣлаетъ изъ ихъ выборныхъ властей все, что хочетъ; мало-мальски смысленный и достаточный мужикъ вертитъ цѣлымъ обществомъ, какъ ему вздумается! Горланы и безотвѣтная, равнодушная, покорная толпа—вотъ міръ. Одинъ лѣнивый не помыкаетъ имъ. Предоставьте мужиковъ самимъ себѣ, отстраните отъ нихъ всякое начальство, они сами придутъ просить, чтобъ кто-нибудь взялъ надъ ними власть и привелъ ихъ къ уму-разуму: имъ самимъ отъ себя житья не будетъ. Устройте между ними идеальное самоуправленіе, оно непременно сведется къ тому, что одинъ кто-нибудь заберетъ ихъ въ руки и будетъ ими воеводствовать по своей прихоти. Отъ того, а не по чему-либо другому, они и попали подъ полный произволъ чиновниковъ. У нихъ въ крови сидитъ быть подъ чьей-нибудь командой. А гдѣ самъ человѣкъ за себя не стоитъ, тамъ какіе уставы и регламенты самоуправленія ни дать, все, силою вещей, придетъ къ тому же чиновничьему произволу.

Отбросимъ крайности и преувеличенія такого строгаго приговора и взглянемъ на дѣло совершенно спокойно и безпристрастно. Можно ли, положиа руку на сердце, сказать, что въ этомъ описаніи крестьянскихъ общественныхъ порядковъ нѣтъ ни слова правды? Мы, по совѣсти, этого не думаемъ. Общественная самодѣятельность, смыслъ къ общественному самоуправленію и у крестьянъ, и во всѣхъ другихъ слояхъ нашего общества, развиты очень слабо. Одни раскольники и сектанты составляютъ исключеніе изъ правила. По нимъ мы можемъ заключать, что недостатокъ общественнаго почина, равнодушіе и безучастіе къ дѣламъ общественнымъ не есть наше прирожденное свойство, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ, самоуправленіе можетъ выработаться и окрѣпнуть въ народной массѣ. Но это пока въ будущемъ. Рѣчь идетъ о томъ, можно ли, какъ

нѣкоторые думаютъ, теперь же отдать крестьянское управленіе исключительно въ руки самихъ крестьянъ? Нашъ взглядъ на дѣло мы изложимъ ниже въ своемъ мѣстѣ, а теперь пойдемъ далѣе.

Какъ сказано, управленіе крестьянами въ дѣйствительности находится теперь въ рукахъ органовъ дворянства, земства и коронной администраціи.

Противъ участія всѣхъ этихъ элементовъ въ управленіи крестьянами дѣлаются многія и сильныя возраженія. Ему приписывается многими дурное состояніе крестьянъ и крестьянскаго дѣла.

Что касается до дворянства, какъ особаго *сословія*, то ему, по весьма понятнымъ причинамъ, не можетъ быть ввѣрено управленіе крестьянами и веденіе крестьянскаго дѣла. Дворянство, — мы, конечно, не говоримъ здѣсь объ отдѣльныхъ лицахъ, — до сихъ поръ все еще не вполне освободилось отъ крѣпостныхъ воззрѣній, воспоминаній и привычекъ; въ тому же интересы дворянъ, въ качествѣ землевладѣльцевъ, часто идутъ въ разрѣзъ съ интересами крестьянъ. Естественно, что первые, во вредъ послѣднимъ и въ ущербъ справедливости, проводятъ то, что имъ выгодно и полезно въ земскихъ раскладахъ, въ крестьянскомъ управленіи и крестьянскихъ учрежденіяхъ, въ дѣлахъ поземельныхъ, въ веденіи школьнаго дѣла.

Въ составѣ земствъ, въ большинствѣ губерній, по закону и фактически, преобладаетъ дворянство и потому къ земствамъ относится въ настоящее время все то, что сказано выше о неудобствѣ и невозможности ввѣрить дворянству управленіе крестьянами и веденіе крестьянскаго дѣла. Но нельзя не замѣтить, что земства стали по-преимуществу дворянскими не по мысли, лежащей въ основаніи земскихъ учреждений, а вслѣдствіе ошибочнаго направленія, какое получило развитіе ихъ съ самаго начала. Къ участию въ земскомъ управленіи законъ призываетъ всѣ сословія и всѣ общественные элементы. Такъ какъ дворянство изъ всѣхъ сословій есть самое образованное и почти исключительно знакомое съ дѣлами и практикой управленія, то естественно, что его представителямъ даны, въ земскихъ учрежденіяхъ, нѣкоторыя преимущества передъ другими земскими элементами. Но законъ, очевидно, и не помышлялъ отдать земскія дѣла въ руки дворянства; онъ имѣлъ въ виду, для пользы общей, привлечь къ веденію земскихъ дѣлъ только лучшія силы изъ среды этого сословія. Къ сожалѣнію, основная мысль земскихъ учреждений была пренебрежена; при практическомъ ихъ осуществленіи лучшею частью дворянства была признана та, ко-

торая преслѣдовала особенныя, узко-сословныя его цѣли и всачески старалась, насколько возможно, удержать за собою исключительныя права, которыми дворянское сословіе обладало до отмѣны крѣпостной зависимости. Лучшіе, самые просвѣщенные элементы дворянства не пользовались никакой поддержкой, напротивъ были по возможности устраняемы или устранились сами отъ веденія земскихъ дѣлъ и уступили мѣсто дворянскому большинству, которое, имѣя развязанныя руки, успѣло воспользоваться своимъ вліяніемъ на крестьянское управленіе въ дурно-понятыхъ сословныхъ интересахъ. Огромную поддержку получило оно въ чрезвычайныхъ полномочіяхъ, предоставленныхъ предсѣдателямъ сословныхъ и земскихъ собраний, и въ направленіи, какое давалось земскому дѣлу въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Такой оборотъ земскаго дѣла, противный духу земскихъ учреждений и вредный не только для крестьянъ, но и вообще для развитія цѣлаго общества и самаго государства, можетъ быть устраненъ лишь совершенной отмѣной дворянскихъ привилегій въ земскихъ учрежденіяхъ и чрезвычайныхъ полномочій предсѣдателей собраний, пониженіемъ имущественнаго ценза и введеніемъ, рядомъ съ нимъ, ценза образовательнаго; наконецъ, значительнымъ пониженіемъ возраста для избирателей и избираемыхъ въ земскіе гласные и должности. Необходимо возстановить въ земскихъ учрежденіяхъ равновѣсіе силъ и элементовъ, нарушенное чрезмѣрнымъ преобладаніемъ имущественныхъ и сословныхъ интересовъ надъ образованіемъ и личными качествами.

Но еслибы земская жизнь и была снова, послѣ длиннаго періода ошибокъ и искаженій, направлена въ русло, предназначенное ей смысломъ и духомъ законодательства, слѣдовало ли бы ввѣрить земскимъ учрежденіямъ управленіе крестьянами? Объ этомъ, равно какъ и о крестьянскомъ самоуправленіи, мы скажемъ ниже.

Остается разсмотрѣть роль коронныхъ чиновниковъ въ управленіи крестьянами. О ней отзывы тоже крайне неблагопріятны. Большому участию административныхъ должностныхъ лицъ въ крестьянскомъ управленіи, сильному ихъ вліянію на крестьянскія дѣла приписываются, главнымъ образомъ, вопіющія несправедливости и злоупотребленія, разоряющія крестьянъ въ концѣ. Ввѣрить управленіе крестьянами однимъ короннымъ чиновникамъ, какъ было съ государственными крестьянами до преобразованія ихъ устройства, само собою разумѣется, совершенно невозможно; нельзя также защищать и роль коронной администраціи въ управленіи крестьянами. Но справедливость и безпристрастіе

требуютъ сказать, что дѣятельность полицейскихъ и другихъ коронныхъ чиновниковъ, по отношенію къ крестьянамъ, если и не лучше, то ужъ никакъ и не хуже выборныхъ должностныхъ лицъ дворянства и земства. Простой народъ и не различаетъ ихъ,—такъ для него нечувствительна ихъ разница. Въ сѣтованіяхъ и жалобахъ на правительственныхъ чиновниковъ, съ указаніемъ то на дворянство, то на государственное представительство, то на земство, какъ на средства улучшить мѣстное управленіе, слышится голосъ общихъ политическихъ воззрѣній на наше теперешнее внутреннее положеніе и на средства изъ него выдти, а не выводъ изъ дѣйствительныхъ фактовъ мѣстной жизни. Что наше мѣстное чиновничество оставляетъ желать очень многого—не подлежитъ никакому сомнѣнію; что оно, по своему образованію и нравственнымъ свойствамъ, не удовлетворяетъ своему назначенію; что въ его дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ слишкомъ часто царитъ совершенный произволъ, на который рѣдко можно добиться управы; что дѣйствія и распоряженія мѣстной администраціи запечатлѣны очень часто бездушнымъ, бессмысленнымъ и беспощаднымъ формализмомъ, который давитъ жизнь, вовсе не принимая въ соображеніе ея требованій и дѣйствительныхъ обстоятельствъ дѣла; что бездѣйствіе, безпечность и совершенное равнодушіе чиновниковъ и проистекающая отсюда баснословная медленность въ распоряженіяхъ и отправленіи дѣлъ, при другихъ существенныхъ недостаткахъ мѣстнаго управленія не могутъ не вызывать справедливаго неудовольствія и ропота населенія, — все это къ несчастію совершенная правда. Но для правильной оцѣнки положенія и средствъ, которыя могли бы измѣнить его къ лучшему, надо строго различать недостатки, присущіе самой бюрократической системѣ управленія отъ ненормальной, неправильной постановки ея у насъ, отъ специфическихъ пороковъ русской администраціи; а этого, въ большинствѣ случаевъ, у насъ не дѣлается. Наше мѣстное чиновничество мало образовано, потому что вообще число образованныхъ людей въ Россіи очень не велико и ихъ на нашъ огромный административный составъ, очевидно, недостаетъ. Ничтожное содержаніе, котораго, при растущей дороговизнѣ, не хватаетъ на самое скромное существованіе, конечно не можетъ привлекать въ уѣздную и губернскую службу и тѣхъ немногихъ образованныхъ и порядочныхъ людей, какіе у насъ есть; а устарѣлость нашихъ административныхъ уставовъ, въ которыхъ нѣтъ ни точныхъ опредѣленій обязанностей и отвѣтственности должностныхъ лицъ, ни какихъ бы то ни было обезпеченій подчи-

ненныхъ противъ произвола и злоупотребленій начальства, естественно отпугиваютъ отъ мѣстной службы людей съ достаткомъ, и привлекаютъ только тѣхъ, которые умѣютъ въ мутной водѣ рыбу ловить, или же такихъ, которые, находясь въ безысходной нуждѣ, готовы идти на все, чтобъ не умереть съ голоду. Наконецъ, нашъ бюрократическій формализмъ, не знающій соображеній справедливости и здраваго смысла и падающій всею своею тяжестью больше всего на безграмотный, невѣжественный, беспомощный и безотвѣтный деревенскій людъ, есть сложный продуктъ многихъ причинъ. Его производятъ и питаютъ всѣ коренные недостатки нашего административнаго механизма—его дурной личный составъ, неспособный живымъ образомъ отнестись къ дѣлу, глубокое недовѣріе къ нему самого правительства, которому онъ служитъ органомъ, и полная необеспеченность младшихъ передъ старшими, подчиненныхъ передъ начальствомъ. Всѣ эти недостатки, вмѣстѣ взятые, сводятъ дѣло къ бумагѣ, живое явленіе къ формѣ, дѣйствительную отвѣтственность за дѣйствія и поступки и дѣйствительный за ними контроль—къ бумажной исправности и повѣркѣ служебныхъ дѣйствій не по ихъ результатамъ, а по слѣду, оставленному ими въ перепискѣ. Пока въ служебныя отношенія, дѣйствія и распоряженія не вдохнется живой души, пока идеаломъ административной дѣятельности будетъ считаться одинъ только правильный ходъ заведенной машины, до тѣхъ поръ формализмъ останется ея девизомъ, и ея безпощадное отношеніе къ фактамъ и явленіямъ дѣйствительной жизни останется неизмѣннымъ и неотвратимымъ. Мы жалуемся на чрезмѣрное, подъ часъ бессмысленно-жестокое вмѣшательство полиціи въ жизнь и бытъ народа, мечтаемъ о мѣстной администраціи съ мягкими, человеколюбивыми и просвѣщенными приѣмами, исполненными вниманія къ нуждамъ народа и заботливой пощадой къ его скудости и беспомощности. Но пока существуютъ непомѣрно тяжкія подати и повинности, превышающія платежныя средства крестьянъ, мечтать объ этомъ значить предаваться несбыточнымъ грѣзамъ и маниловскимъ фантазіямъ. Еслибъ полицейскіе чиновники, становые пристава и исправники не подвергались сами суровой отвѣтственности за неисправное поступленіе податей, недоимокъ и взысканій, ихъ безпощадность могла бы быть отнесена къ ихъ винѣ, жестокости и безсердечію. Но вѣдь съ нихъ самихъ строго взыскивается то, чего ласковыми и мягкими мѣрами добиться нельзя. Поговорите съ должностными лицами полиціи: они вамъ поразскажутъ, каково бываетъ присутствовать при продажѣ крестьянскаго имуще-

ства съ публичнаго торга за долги и недоимки. Большинство ихъ не безсердечные и не злые люди; они часто бываютъ жестоки скрѣпя сердце, потому что нужно самимъ кормиться и кормить семью. Не ставьте ихъ въ необходимость дѣлать зло, не требуйте отъ нихъ героизма и самоотверженія, и большинство ихъ будетъ поступать хорошо. Съ измѣненіемъ теперешней системы податей и повинностей отпадетъ самъ собою и безобразный произволъ полиціи относительно крестьянъ; а до тѣхъ поръ никакіе законы, контроли, суды и разглагольствованія не будутъ въ состояніи измѣнить строгую логику вещей, роковымъ образомъ выводящую послѣдствія изъ данныхъ условий.

Мы разсмотрѣли элементы, участвующіе теперь въ организациіи крестьянскаго управленія. Ни одинъ изъ нихъ не удовлетворяетъ своему назначенію, а другихъ нѣтъ и быть не можетъ. Волей-неволей приходится придумывать различныя ихъ сочетанія, чтобъ создать хоть сколько-нибудь сносное управленіе народными массами, вмѣсто теперешняго, никуда негоднаго. Такъ и дѣлается. Никто не предполагаетъ передать крестьянъ исключительно въ завѣдываніе дворянскаго сословія или коронной администраціи, слѣдовательно, о неудобствахъ и невозможности такихъ комбинацій и говорить нечего. Разсмотримъ другія, которыя съ перваго взгляда какъ будто имѣютъ за себя многое. Мы говоримъ о двухъ, пользующихся, въ извѣстныхъ кружкахъ, сочувствіемъ, именно объ устройствѣ всесословной волости и о сосредоточеніи управленія крестьянами въ рукахъ земства.

Вопросъ о всесословной волости возникъ у насъ со времени освобожденія крестьянъ, и съ тѣхъ поръ, до настоящей минуты, раздѣляетъ мнѣнія на два рѣзко-противоположныя, враждебные лагеря. Теперь составъ волости есть исключительно сословный, крестьянскій. Предполагается преобразовать ее въ территориальную и чрезъ это сдѣлать всесословной. Всѣ лица, живущія на пространствѣ земли, образуемомъ волостью, какого бы ни были сословія, званія или общественнаго положенія, должны войти въ ея составъ, быть ея членами и участвовать въ завѣдываніи ея дѣлами на основаніи закона, опредѣляющаго организацію волости и порядокъ управленія ею.

Мысль эта горячо поддерживалась и до сихъ поръ поддерживается людьми совершенно противоположныхъ воззрѣній. Одни надѣются внести, посредствомъ всесословной волости, свѣтъ, политическую и общественную мысль, культуру, привычку къ веденію общественныхъ дѣлъ и авторитетность высшихъ образованныхъ и зажиточныхъ слоевъ общества въ приниженную, не-

образованную крестьянскую среду, мало смыслящую въ дѣлахъ общественныхъ и управленія. Этою мѣрою думаютъ поднять ее, возвысить, влить въ нее правовую жизнь, придать ей вѣсъ и значеніе въ глазахъ администраціи и такимъ способомъ оградить крестьянъ отъ злоупотребленій и притѣсненій мелкаго провинціального чиновничества. Другіе, совсѣмъ напротивъ, хотѣли бы ввести различные общественные элементы въ крестьянство, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе забрать его въ свои руки, и—безъ всякой помѣхи, подъ самымъ благовиднымъ предлогомъ и на законномъ основаніи, заставить крестьянъ служить своимъ сословнымъ или частнымъ и личнымъ интересамъ. Послѣ неудачной попытки удержатъ при освобожденіи крестьянъ за помѣщиками право вотчинной полиціи на манеръ остзейскихъ бароновъ, всесословная волость представлялась самой удобной формой достигнуть той же цѣли. При помощи вина, подкупа и экономического давленія, помѣщикъ, фабрикантъ, ростовщикъ, кабатчикъ, скупщикъ и кулакъ, живущіе въ предѣлахъ волости, могли бы легко попасть въ волостные старшины, судьи, сельскіе старосты и, прикрываясь законною властью, обдѣлывать свои сословныя и личныя дѣла и дѣлишки какъ вздумается; всякое сопротивленіе ихъ хищничеству и насиліямъ облекалось бы тогда въ форму сопротивленія власти и начальственнымъ распоряженіямъ. Этимъ маневромъ воспользовался во времена оны и ханъ Букѣвской орды, и еще недавно нѣкоторые изъ мировыхъ посредниковъ, передъ отпѣной этого учрежденія. Несостоятельность, бѣдность, невѣжество крестьянъ и наслѣдственная безответность ихъ передъ всякимъ начальствомъ такъ велики, что включеніе въ составъ волости элементовъ, не принадлежащихъ къ крестьянству, составляетъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, опасаться именно этихъ послѣдствій и лишь въ очень немногихъ случаяхъ, въ видѣ рѣдкаго изыатія, тѣхъ благодатныхъ результатовъ, о которыхъ мечтаютъ благонамѣренные поборники всесословной волости. Если волостные старшины изъ крестьянъ часто забираютъ въ свою власть мужиковъ и дѣлаютъ безнаказанно все, что хотятъ, то нетрудно угадать, что могутъ дѣлать люди много ихъ опытиѣе, образованиѣе и вліятельнѣе.

Въ настоящее время многіе предлагаютъ передать управленіе крестьянами земству. Будучи образовано изъ всѣхъ мѣстныхъ элементовъ, оно, по своему личному составу, представляетъ, какъ думаютъ поборники этого мнѣнія, наибольшія гарантіи совершеннаго безпристрастія; въ то же время, какъ мѣстное учрежденіе, и притомъ заправляющее мѣстными хозяйственными дѣлами,

земство непосредственно и всего болѣе заинтересовано въ томъ, чтобъ крестьяне управлялись какъ можно лучше. Но мы видѣли, что въ большинствѣ земствъ преобладаютъ теперь дворянскіе интересы, почему не только исключительное заведываніе земства крестьянскими дѣлами, но и самое участіе большинства теперешнихъ земствъ въ управленіи крестьянами, какъ доказываютъ опытъ и практика, не могутъ быть полезны для крестьянъ. Допустимъ, однако, что земства стали тѣмъ, чѣмъ они должны быть—вполнѣ безпристрастными, чуждыми всякихъ сословныхъ стремленій, представителями мѣстныхъ нуждъ, пользы и интересовъ. Спрашивается, на какомъ справедливомъ основаніи можно было бы возложить на нихъ заведываніе крестьянскими дѣлами? Почему же управленіе крестьянъ, а не дворянъ, мелкихъ землевладѣльцевъ, купцовъ, мѣщанъ, ремесленниковъ должно быть подчинено земствамъ? Вѣдь законъ призываетъ всѣ мѣстныя сословія и общественныя разряды къ заведыванію мѣстными дѣлами, слѣдовательно признаетъ ихъ въ этомъ отношеніи равноправными: отчего же эта равноправность можетъ быть нарушена только по отношенію къ крестьянамъ, которые, наравнѣ съ другими, участвуютъ въ земскомъ управленіи посредствомъ своихъ представителей? Одно изъ двухъ: или дѣла всѣхъ составныхъ элементовъ земства должны быть переданы въ его заведываніе, или ни одинъ изъ нихъ не долженъ находиться подъ его управленіемъ. Передача крестьянъ въ заведываніе земствъ имѣла бы необходимымъ послѣдствіемъ подчиненіе однихъ сословій другимъ, подчиненіе массы крестьянъ нѣкоторымъ изъ нихъ, вошедшимъ въ составъ земства, въ которомъ они находятся, фактически, въ меньшинствѣ, и должны волей-неволей подчиняться голосу и мнѣніямъ представителей другихъ сословій.

Такимъ образомъ выходитъ, что ни одинъ изъ мѣстныхъ элементовъ въ отдѣльности и никакая ихъ комбинація не представляютъ прочнаго основанія для созданія сколько-нибудь правильнаго и удовлетворительнаго управленія крестьянами. Такой выводъ прямо показываетъ, что въ самую постановку задачи вкралась ошибка, до сихъ поръ не замѣченная, которая спутываетъ наши сужденія и приводитъ къ неправильнымъ результатамъ. Мы думаемъ, что ошибка заключается въ самой предположеніи всѣхъ нашихъ разсужденій о крестьянскомъ и земскомъ дѣлѣ, которую мы вводили въ соображеніе, не подвергнувъ сперва анализу и проверкѣ. Мы смѣшиваемъ земское и крестьянское управленіе, считая послѣднее необходимою составною частью перваго, и вслѣдствіе того считаемъ крестьянское устрой-

ство и веденіе крестьянскихъ дѣлъ низшей ступеню земскихъ и коронныхъ административныхъ учреждений и ихъ дѣятельности. Вотъ гдѣ лежитъ ключъ къ объясненію всѣхъ затрудненій и вмѣстѣ указаніе, какъ изъ нихъ выйти.

Разсуждая объ управленіи дѣлами купцовъ, ремесленниковъ, мѣщанъ, мы не помышляемъ воспользоваться ихъ сословной организаціей и сословными учрежденіями для городскихъ, земскихъ или административныхъ цѣлей, и очень хорошо понимаемъ, что эти учрежденія существуютъ только для, такъ сказать, домашнихъ сословныхъ дѣлъ купцовъ, мѣщанъ и т. п. То же самое должно сказать о дворянствѣ. До учрежденія земствъ, дворянскія сословныя учрежденія имѣли значеніе и сословное, и вмѣстѣ земское, по той первенствующей роли, какая принадлежала дворянству въ мѣстномъ управленіи; но гдѣ введены земскія учрежденія, тамъ большая часть мѣстныхъ дѣлъ перешла къ нимъ, а за дворянствомъ удержаны лишь нѣкоторые атрибуты земской власти; въ остальномъ же дворянскія учрежденія обратились въ чисто-сословныя, завѣдывающія только дѣлами дворянства. Только къ крестьянскому управленію мы примѣняемъ иной масштабъ. Теперешнія волостныя и сельскія учрежденія соединяють въ себѣ двойственный характеръ: они, въ одно и то же время, и сословныя крестьянскія и вмѣстѣ административныя, правительственныя и земскія. На нихъ лежатъ полицейскія обязанности, обязанности по производству дознаній, дѣла рекрутскія, раскладка податей и повинностей, дѣла по земскому страхованію. Такое смѣшеніе частныхъ сословныхъ и общихъ мѣстныхъ, правительственныхъ и земскихъ функций, и создаетъ искусственно вопросъ о завѣдываніи крестьянами и крестьянскими дѣлами. Когда рѣчь идетъ о неспособности крестьянъ къ самоуправленію, о несостоятельности крестьянскихъ властей и учреждений, о необходимости держать ихъ подъ опекою дворянской, правительственной или земской и т. п., рѣчь идетъ о земской и правительственной роли крестьянъ и крестьянскихъ учреждений; ибо свои домашнія сословныя дѣла крестьяне знаютъ какъ нельзя лучше, не хуже другихъ сословій, и если въ веденіи этихъ дѣлъ безнаказанно совершаются большія злоупотребленія, то вина этого всецѣло падаетъ на ошибочную и неудовлетворительную организацію крестьянскихъ властей и судовъ, а также на отсутствіе выработаннаго законодательства для крестьянъ. Для пользы земскаго и крестьянскаго дѣла необходимо строго, точнымъ образомъ, разграничить то, что, въ нашихъ понятіяхъ и въ нашемъ законодательствѣ, слито въ одно. Съ этого и слѣдуетъ начать реформу

крестьянскихъ и земскихъ учреждений. Пока такого разграниченія не будетъ сдѣлано, до тѣхъ поръ мы по необходимости будемъ впадать въ неисходныя противорѣчія: или будемъ обращаться къ крестьянскимъ учреждениямъ съ требованіями, которыми они, по степени культуры крестьянъ, удовлетворить не въ состояніи; или же станемъ отказывать имъ въ той долѣ самостоятельности, на которую они имѣютъ право наравнѣ съ другими сословіями и которой они, безъ явной несправедливости, не могутъ быть лишены. Напротивъ, какъ только дѣла мѣстнаго и сословнаго управленія будутъ разграничены и одни послѣднія останутся въ завѣдываніи крестьянъ, а первыя отойдутъ по принадлежности къ земскимъ или правительственнымъ органамъ, вся путаница исчезнетъ, вопросы чрезвычайно упростятся, земское и крестьянское дѣло начнутъ развиваться, не мѣшая другъ другу.

Чтобы правильно провести границу между кругомъ завѣдыванія крестьянъ и различными сферами мѣстнаго управленія, необходимо сперва ясно опредѣлить, что именно входитъ въ кругъ сословныхъ крестьянскихъ интересовъ и какъ далеко простирается смыслъ и навыкъ крестьянъ къ дѣламъ общественнымъ. То и другое не такъ легко, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Крестьянскія общества не суть только личныя, какъ другія сословныя общества, но вмѣстѣ и территоріальныя, поселенныя на извѣстномъ пространствѣ земли, которая, на томъ или другомъ правѣ, находится во владѣніи и пользованіи крестьянъ, принадлежащихъ къ обществу; съ территоріальнымъ же или поземельнымъ характеромъ находятся въ тѣснѣйшей связи различныя общественныя функціи, имѣющія не частный сословный, а публичный земскій характеръ. Такъ, наприм., охраненіе личной и имущественной безопасности, въ обществахъ съ личнымъ характеромъ, естественно принадлежитъ общей мѣстной полиціи, тогда какъ въ обществахъ территоріальныхъ обязанности общей полиціи и общественныхъ сословныхъ властей по этому предмету, по необходимости, соприкасаются и въ нѣкоторыхъ пунктахъ даже совпадаютъ. Замѣчаніе это относится и ко многимъ другимъ функціямъ. Что касается смысла, навыка и интереса къ дѣламъ общественнымъ, то они у крестьянъ обыкновенно ограничиваются ближайшимъ обиходомъ и тѣсными предѣлами общаго поселенія; за предѣлами села или деревни привычки и интересы общественности дѣйствуютъ уже гораздо слабѣе и рѣдко когда переходятъ границы волости. Чтобы заранѣе устранить всякія недоразумѣнія, спѣшимъ прибавить, что мы здѣсь гово-

римъ не о сочувствіяхъ и сознаніи, которыя у крестьянъ, какъ и у другихъ людей, могутъ обнимать и обнимаютъ цѣлый край или все государство; рѣчь идетъ только о подробномъ знаніи и ясномъ пониманіи дѣлъ общественныхъ и о живомъ дѣятельномъ въ нихъ интересѣ, который побуждаетъ человека въ нихъ участвовать и охоту ими заниматься, приложить въ нихъ свои руки. Такого рода общественный духъ и общественный смыслъ несомнѣнно развитъ у крестьянъ, но онъ нейдетъ далѣе села, деревни, много-много волости. Теперь и этотъ общественный смыслъ и духъ ослабляются у обитателей деревень вслѣдствіе опеки, которой подчинены крестьянскія общественныя власти въ качествѣ низшихъ органовъ общаго мѣстнаго управленія. Дѣльные, толковые, энергическіе крестьяне, которые отлично бы умѣли вести домашнія крестьянскія общественныя дѣла и гордились бы своею дѣятельностью и своею ролью, теперь всячески сторонятся отъ общественныхъ должностей изъ боязни попасть подъ отвѣтственность по завѣдыванію тѣмъ, что не относится къ общественному крестьянскому обиходу, въ чемъ они мало смыслятъ и потому волей-неволей попадаютъ въ руки писарей, въ большинство случаевъ недобросовѣстныхъ и невѣжественныхъ. Съ этими фактами должно сообразоваться при разграниченіи крестьянскаго сословнаго управленія отъ общаго мѣстнаго, правительственнаго и земскаго. Крестьянскому самоуправленію должны быть предоставлены одни лишь домашнія крестьянскія общественныя дѣла въ границахъ сельской и волостной территоріи; но волости не должны быть обширны; надобно, чтобъ онѣ обнимали лишь ближайшее сосѣдство, за предѣлы котораго связи и частныя сношенія, а съ ними общественный смыслъ и общественное участіе у крестьянъ не простираются; изъ общихъ же мѣстныхъ дѣлъ въ завѣдываніи крестьянъ должны быть оставлены только тѣ, которыя находятся въ такой непосредственной и неразрывной связи съ домашними крестьянскими, что никакъ не могутъ быть отъ нихъ отдѣлены, и притомъ оставлены только въ той мѣрѣ, какъ это совершенно необходимо для правильнаго хода мѣстной общественной жизни. Но и въ этихъ тѣсныхъ границахъ крестьянское самоуправленіе, по низкой степени культуры и развитія крестьянъ, принесетъ имъ и земскому дѣлу не пользу, а вредъ, если не будетъ обставлено условіями, обезпечивающими его правильность и добросовѣстность. У насъ часто смѣшиваютъ самоуправленіе съ автономіей и самосудомъ, тогда какъ между ними есть большая разница. Самоуправленіе крестьянъ, въ означенныхъ выше предѣлахъ, не только желательно, но и необходимо, тогда

какъ автономія и самосудъ, при теперешнемъ умственномъ и нравственномъ состояніи крестьянъ, повели бы только къ неустойчивымъ и вопіющимъ нарушеніямъ самыхъ неотъемлемыхъ правъ. Обеспеченіемъ правильнаго хода крестьянскаго самоуправленія послужать, во-первыхъ, хорошій сельскій уставъ, точно, ясно и просто опредѣляющій организацію крестьянскихъ учреждений и властей, порядокъ и формы ихъ дѣятельности, ихъ права и обязанности, и во-вторыхъ, судебныя гарантіи. По всѣмъ дѣламъ крестьянскаго самоуправления должны быть устроены, кромѣ крестьянскаго, еще особые суды, близкіе и доступные крестьянскому населенію, для обжалованія рѣшеній крестьянскихъ судовъ, а также дѣйствій и распоряженій крестьянскихъ учреждений и властей. Такіе суды должны быть образованы изъ крестьянъ, съ придаткомъ образованныхъ, знающихъ и опытныхъ юристовъ, и служить регуляторомъ крестьянскаго самоуправления. Въ то же время, они будутъ служить посредниками и связью между крестьянскимъ и общимъ мѣстнымъ управленіемъ.

Съ выдѣленіемъ крестьянскаго сословнаго управленія, всѣ остальные мѣстные дѣла должны быть изъяты изъ завѣдыванія крестьянскихъ сословныхъ учреждений и должностныхъ лицъ и переданы по принадлежности, въ руки общихъ мѣстныхъ правительственныхъ и земскихъ учреждений и властей. Здѣсь не мѣсто изслѣдовать, какъ и на какихъ началахъ надлежало бы организовать общее мѣстное управленіе, освобожденное отъ чуждой ему сословной примѣси: предметъ этотъ не входитъ въ нашу задачу и отвлекъ бы насъ слишкомъ далеко. Замѣтимъ только мимоходомъ, что точное отграниченіе его отъ сословнаго крестьянскаго упростило бы его существенно во всѣхъ отношеніяхъ. Мы теперь не знаемъ, какъ согласить довольно высокія требованія отъ волостныхъ старшинъ съ невѣжествомъ и безграмотностью лицъ, выбираемыхъ въ эту должность, какъ улучшить личный составъ волостныхъ писарей, которые, при смѣшеніи крестьянскаго управленія съ общимъ мѣстнымъ и при теперешнемъ состояніи крестьянства, не могутъ не играть выдающейся роли въ веденіи дѣлъ; мы ломаемъ себѣ голову, какимъ бы образомъ сдѣлать участіе крестьянъ въ дѣлахъ земства болѣе дѣятельнымъ и полезнымъ и установить въ земскомъ управленіи равновѣсіе между различными земскими элементами и интересами. Всѣ эти и многіе имъ подобные вопросы, кажушіеся почти неразрѣшимыми, отпали бы вовсе или разрѣшились легко и просто, съ изыятіемъ общихъ мѣстныхъ дѣлъ изъ завѣдыванія крестьянъ. Волостныя правленія обратились бы тогда въ чисто крестьянскія

сословныя учрежденія; волостные писаря сдѣлались бы вовсе ненужными; на мѣсто ихъ появились бы органы мѣстнаго управленія, непосредственно зависящіе отъ общихъ мѣстныхъ учреждений, дѣйствующие подъ ихъ контролемъ и по ихъ указаніямъ, и сами отвѣчали бы за свои дѣйствія. Вопросъ о представительствѣ различныхъ мѣстныхъ элементовъ въ земскихъ учрежденіяхъ, съ выдѣленіемъ крестьянскаго управленія въ особую, самостоятельную группу, въ значительной степени потерялъ бы свою важность, въ особенности, если, какъ и слѣдуетъ ожидать, образовательный цензъ займетъ приличное ему мѣсто въ уставѣ о земскомъ представительствѣ.

Чтобы пояснить нашу мысль, укажемъ, въ общихъ чертахъ, какія дѣла слѣдовало бы, при такомъ разграниченіи, отнести къ общему мѣстному и какія къ крестьянскому управленію.

Самимъ крестьянамъ и ихъ учрежденіямъ надлежало бы, по самому существу дѣла, предоставить на всемъ пространствѣ крестьянской территоріи прекращеніе всякихъ дѣйствій и фактовъ, нарушающихъ личную неприкосновенность и безопасность, а также владѣніе и имущественныя права; задержаніе людей, совершившихъ преступленіе; раскладка, сборъ и внесеніе, куда слѣдуетъ, денежныхъ податей; распредѣленіе и отправленіе натуральныхъ повинностей между лицами, принадлежащими къ составу сельскаго или волостнаго общества; составленіе и представленіе списковъ лицъ, обязанныхъ отбывать воинскую повинность; завѣдываніе и распоряженіе землями, входящими въ составъ общественной территоріи, и вообще движимымъ и недвижимымъ общественнымъ имуществомъ, въ предѣлахъ правъ, принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; наконецъ призрѣніе сиротъ и бѣдныхъ. Всѣ прочія дѣла управленія, какъ-то: по народному продовольствію, народному образованію, полиціи народнаго здравія, путей сообщенія, строительной, пожарной, торговой, фабричной и ремесленной и т. п., должны быть совершенно исключены изъ крестьянскаго управленія и всецѣло перейти въ завѣдываніе общихъ мѣстныхъ учреждений и властей. Крестьянскія общества не должны быть, ни подъ каемъ предлогомъ, обременяемы ни перепиской, ни срочными вѣдомостями, ни требованіемъ свѣдѣній по такимъ дѣламъ. Имъ только должно быть вмѣнено въ обязанность доводить до свѣдѣнія ближайшихъ органовъ общаго мѣстнаго управленія о событіяхъ извѣстнаго рода, какъ, наприм., о появленіи заразы, повальныхъ болѣзней, вредныхъ насѣкомыхъ и животныхъ и т. п.; но всѣ обязанности такого рода должны быть точно и опредѣлительно перечислены

въ сельскомъ уставѣ; они могутъ быть расширяемы лишь закономъ, а не по усмотрѣнію властей. Въ то же время крестьянскія общества и власти должны имѣть право доводить до свѣдѣнія общаго мѣстнаго управленія или его органовъ обо всемъ, на что, по соображенію крестьянъ, нужно или полезно обратить вниманіе общаго мѣстнаго управленія.

Остается часть судебная и нотаріальная. Она, какъ мы думаемъ, подлежитъ коренному преобразованію.

Во-первыхъ, компетенція крестьянскихъ судовъ должна быть ограничена спорами и нарушеніями только по такимъ предметамъ, которые предоставлены завѣдыванію крестьянъ, съ ограниченіемъ гражданскихъ тяжбъ извѣстною небольшою суммою, а наказаній—извѣстною незначительною суммою денежнаго штрафа и непродолжительнымъ арестомъ. Прочія затѣмъ спорныя дѣла и нарушенія должны быть отнесены къ компетенціи мировыхъ и общихъ судебныхъ учреждений. Во-вторыхъ, необходимо возстановить юрисдикцію сельскихъ обществъ по дѣламъ, касающимся ихъ членовъ или возникающимъ въ предѣлахъ сельской территоріи; волостной же юрисдикціи должны быть подвѣдомы тѣ же самыя дѣла, но между различными сельскими обществами или членами разныхъ сельскихъ обществъ, въ предѣлахъ одной и той же волости. За исключеніемъ этого различія компетенція сельскихъ и волостныхъ судовъ должна быть совершенно одинакова, съ апелляціею, на рѣшенія и постановленія тѣхъ и другихъ судовъ, въ суды, образованные изъ крестьянъ и кулаковъ. Послѣдніе суды должны рѣшать всѣ дѣла окончательно. Сельская юрисдикція можетъ быть, по желанію и усмотрѣнію крестьянъ, отнесена къ сельскимъ сходамъ, или къ особымъ сельскимъ судамъ. Организація сельскихъ сходовъ, въ качествѣ судебныхъ учреждений, судовъ сельскихъ, волостныхъ и апелляціонныхъ, а равно и правила процедуры и исполненія рѣшеній и приговоровъ должны быть опредѣлены въ главныхъ чертахъ, безъ мелочныхъ подробностей, въ особомъ крестьянскомъ судебномъ уставѣ, который давно уже составляетъ одну изъ насущныхъ потребностей.

Точно такую же потребность составляетъ и нотаріальный крестьянскій уставъ, съ точнымъ и яснымъ опредѣленіемъ компетенціи крестьянскаго нотаріата, его организаціи и законной силы крестьянскихъ нотаріальныхъ актовъ. Всякаго рода договоры и условія въ предѣлахъ волости, до извѣстной суммы, могутъ быть, какъ мы думаемъ, совершаемы при волостныхъ судахъ, хотя бы лица, заключающія договоры и сдѣлки, не при-

надлежали къ числу крестьянъ; завѣщанія же крестьянъ могутъ быть, по ихъ желанію, совершаемы при апелляціонныхъ крестьянскихъ судахъ и утверждаемы ими въ исполненію, если завѣщатели живутъ въ округѣ того суда. Наконецъ, при тѣхъ же апелляціонныхъ судахъ могутъ быть совершаемы крѣпостные акты на недвижимое имущество, не превышающее извѣстной цѣны или извѣстнаго пространства земли.

Таковы должны быть общія черты крестьянскаго управленія, какъ мы его себѣ представляемъ. Мы глубоко убѣждены, что только въ этомъ направленіи слѣдуетъ искать разрѣшенія задачи, которая теперь занимаетъ правительство, обсуждается въ земскихъ собраніяхъ и глубоко интересуется всѣхъ мыслящихъ людей. При нашемъ теперешнемъ положеніи едва ли возможенъ другой выходъ изъ тѣхъ трудностей, на которыя мы наталкиваемся на каждомъ шагѣ при обсужденіи сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ земскаго и крестьянскаго управленія.

Ознакомившись съ нашимъ взглядомъ, читатели, можетъ быть, заподозрять насъ въ желаніи возвратиться къ прежнему раздѣленію русскаго общества на сословія, значительно ослабленному реформами минувшаго царствованія. Но такое подовѣріе было бы несправедливо. Говоря о необходимости выдѣлить и обсуждать особенно вопросъ объ устройствѣ и управленіи крестьянъ, мы далеки отъ мысли разсматривать ихъ, какъ особое, замкнутое сословіе; также мало хотѣли бы мы увѣковѣчить ихъ теперешнюю изолированность посреди другихъ слоевъ русскаго общества. Но нельзя закрывать глаза на то, что прошедшее, исторія завѣщала намъ до сихъ поръ еще рѣзко между собою различенные общественные и государственные разряды или «чины», которые до Петра Великаго почти походили на касты. Только въ XVIII вѣкѣ они переименованы въ сословія. Непереступаемыя границы, раздѣлявшія ихъ между собою, въ теченіе того же и текущаго столѣтія значительно вывѣтрились, частью совсѣмъ сгладились; но созданныя долгою жизнью по разрядамъ и сословіямъ бытовые различія нравовъ, привычекъ и воззрѣній удержались до нашего времени, такъ же какъ и бывшія прежде взаимныя отношенія этихъ разрядовъ и сословій. Кромѣ того, различіе занятій и общественныхъ положеній создаетъ и навсегда удержитъ разные интересы, раздѣляющіе или соединяющіе людей. Разсуждая объ общественномъ устройствѣ и управленіи нельзя не принимать въ соображеніе этихъ историческихъ и бытовыхъ различій; волей-неволей мы должны съ ними считаться. Безъ сомнѣнія, надо всячески стараться соединять и сводить вмѣстѣ разныя общественныя группы

въ дѣлахъ общаго ихъ интереса; но будемъ помнить и то, что отъ нашего желанія и постановки задачи факты вдругъ по шуму велѣнію не перемѣняются и лишь медленно, черезъ многія поколѣнія исчезаютъ или получаютъ новый видъ. Пока еще живы взаимныя бытовыя предубѣжденія разныхъ нашихъ классовъ, пока ихъ интересы еще стѣсняются и расходятся, хотя бы только вслѣдствіе ошибочныхъ понятій и предразсудковъ; пока не только степень, но и самый характеръ культуры нашихъ различныхъ званій и общественныхъ разрядовъ очень замѣтно между собою разнятся, до тѣхъ поръ надо всячески облегчать переходы изъ одного класса въ другой, устранять всѣ препятствія къ ихъ взаимному сближенію, но невозможно, на основаніи одной юридической или политической фикціи, строить общественное зданіе и мѣстное управленіе. Крестьянство есть особая бытовая группа, имѣющая свои особые интересы, нравы, понятія, складъ ума и весьма отсталая по культурѣ. Всѣмъ этимъ она поставлена особнякомъ между другими группами и потому должна быть изъ нихъ выдѣлена не юридически или политически, а по самому факту, и имѣть возможность оставаться выдѣленной, пока ея особенности будутъ того требовать.

Кромѣ того, низкая степень развитія крестьянъ, своеобразныя условія и формы ихъ быта настоятельно требуютъ возстановленія учрежденія, когда-то у насъ существовавшаго подъ разными формами, но впослѣдствіи отмѣненнаго и теперь забытаго. Мы говоримъ о стряпчихъ по дѣламъ крестьянскимъ. Принадлежа, въ видѣ особаго сословія, къ составу общества и государства, крестьяне находятся, внѣ тѣснаго круга своей общественной жизни, въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ другими классами и сословіями, съ сословными, земскими и правительственными, мѣстными и центральными учрежденіями и должностными лицами. Эти сферы мало имъ извѣстны или неизвѣстны вовсе, а общественная и государственная жизнь, по мѣрѣ перехода отъ низшихъ ступеней къ вершинамъ, по самому существу дѣла становится сложнѣй, искусствѣннѣй и формальнѣй. Въ этой, чуждой ему средѣ, крестьянинъ совершенно теряется и ходитъ какъ въ тѣсу. Оно и понятно. Чтобъ найтись въ ней, мало одной бытовой умѣлости и смѣтки, которая выручаютъ въ тѣсномъ кругу мелкихъ интересовъ и ежедневныхъ сношеній: нужно знаніе законовъ и людей, извѣстная степень образованности, знакомство съ дѣлами суда и администраціи и нѣкоторая опытность въ ихъ веденіи. Всего этого крестьянину недостаетъ. Оттого, выйдя изъ круга близкихъ ему сельскихъ отношеній, онъ чувствуетъ себя

въ неловкомъ положеніи, путается, дѣлаетъ массу ошибокъ, которыя тяжело отзываются на его карманѣ; нерѣдко становится по незнанію нарушителемъ законовъ, безвинно подвергается различнымъ карамъ и попадаетъ, беззащитный, въ руки разныхъ обманщиковъ и проходимцевъ, которые, подъ видомъ помощи и заступничества, безсовѣстно и безстыдно его обираютъ. Во времена крѣпостного права, естественными оберегателями, совѣтниками и ходатаями помѣщичьихъ крестьянъ были, въ такихъ случаяхъ, помѣщики; нѣкоторые изъ нихъ исправляли эту обязанность очень усердно и добросовѣстно. Потребность въ оберегателяхъ личности и имущества крестьянъ ясно сознавало во времена оны и правительство. Для удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ были учреждены особые стряпчіе, которыхъ обязанность состояла въ ходатайствѣ по дѣламъ крестьянскимъ. Но съ отмѣною крѣпостного права и соединеніемъ всѣхъ крестьянъ въ одно свободное крестьянское состояніе подъ управленіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, охрана со стороны помѣщиковъ исчезла, должность стряпчихъ упразднена и крестьяне предоставлены собственнымъ силамъ, правильнѣе сказать—собственной слѣпотѣ и безпомощности и выданы головою нахальному и алчному безстыдству частныхъ ходатаевъ. О восстановленіи охраны и защиты крестьянъ и ихъ интересовъ въ прежнемъ видѣ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи. Патронать и опека надъ крестьянами извращали принципъ такой охраны и защиты, въ существѣ совершенно правильный и отвѣчавшій дѣйствительной потребности: огражденіе крѣпостныхъ крестьянъ зависѣло отъ доброй воли помѣщика; стряпчіе чиновники навязывали не всегда безкорыстно свою помощь крестьянамъ и обратили ее во власть и подчиненіе. Съ тѣхъ поръ, что крѣпостное право и опека надъ крестьянами упразднены, старинныя формы попечительства надъ ними не могли удержаться; но потребность въ попечительствѣ, конечно, въ другомъ видѣ и въ другихъ формахъ, существуетъ и долго будетъ существовать вездѣ, гдѣ быть, культура и возвышенія высшихъ и низшихъ слоевъ общества существенно различны, гдѣ рядомъ съ сложнымъ правительственнымъ механизмомъ и болѣе зрѣлой гражданственностью живутъ большія земледѣльческія массы, туго, медленно вдвигающіяся въ условія культурной жизни и культурной обстановки. Только благодаря незнанію и непониманію русской дѣйствительности, попечительство надъ крестьянами могло быть забыто во время крестьянской реформы и вычеркнуто изъ числа крестьянскихъ учреждений. Давно пора его установить вновь, въ формахъ, соответствующихъ новому положенію вещей. Необходимо, чтобы кре-

стыне имѣли, когда имъ нужно и когда они сами захотятъ, къ кому обратиться съ полнымъ довѣріемъ за указаніемъ, совѣтомъ, помощью и защитой по дѣламъ судебнымъ и административнымъ. Въ ихъ услугахъ должны быть поставлены люди добросовѣстные, знающіе, опытные, назначенные правительствомъ и имъ рекомендуемые. Потребность въ такихъ попечителяхъ или ходатаяхъ и страпчихъ для крестьянъ указывается самою жизнью. Въ кругѣ присяжной адвокатуры есть не мало почтенныхъ лицъ съ выдающимся положеніемъ и именемъ, которыя охотно и безкорыстно отдаютъ свое время и свои труды на защиту крестьянъ въ судахъ. Въ нашемъ молодомъ образованномъ поколѣніи сочувственное отношеніе къ крестьянству составляетъ характеристическую черту. Изъ этого матеріала было бы легко выработать институтъ официальныхъ крестьянскихъ попечителей и страпчихъ, въ замѣну теперешнихъ невѣжественныхъ, полуграмотныхъ и недобросовѣстныхъ ходатаевъ, къ которымъ крестьяне невольно попадаютъ въ руки, не зная къ кому обратиться. При заботливомъ и тщательномъ выборѣ лицъ не по однимъ внѣшнимъ признакамъ, а по дѣйствительнымъ качествамъ, достоинствамъ и любви къ дѣлу, такіе попечители и ходатаи, официально признанные въ этомъ званіи, съ обязанностью давать совѣтъ и помощь крестьянамъ, съ правомъ вести ихъ дѣла въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ, за условное или опредѣленное умѣренное вознагражденіе, принесли бы огромную пользу, предохраняя крестьянъ во многихъ случаяхъ отъ большихъ потерь и разоренія. Такіе официальные повѣренные и страпчіе должны быть учреждены во всѣхъ городахъ и во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ промышленныхъ и торговыхъ пунктахъ; смотря по надобности, ихъ должно быть по нѣскольку. О существованіи ихъ должно быть объявлено во всеобщее свѣдѣніе понятнымъ и доступнымъ и для малограмотныхъ людей образомъ, чтобъ крестьяне знали, къ кому могутъ съ полнымъ довѣріемъ обращаться съ своими дѣлами и нуждами.

Окончимъ этотъ очеркъ крестьянскихъ учреждений и крестьянскаго управленія однимъ общимъ замѣчаніемъ. Теперь съ разныхъ сторонъ раздаются голоса о необходимости сближенія между различными слоями русскаго общества и въ особенности о необходимости засыпать ту бездну, которая раздѣляетъ крестьянство отъ образованныхъ классовъ и интеллигенціи. Къ этой задачѣ подходить все чаще и чаще, съ самыхъ различныхъ сторонъ, всѣ направленія русской мысли, враждебныя другъ другу во всемъ остальномъ и въ самой постановкѣ вопроса. Это слу-

жить несомнѣннымъ признакомъ, что задача назрѣваетъ и выдвигается на первый планъ насущными потребностями дѣйствительной жизни, которая у насъ къ сожалѣнію слишкомъ часто опережаетъ мысль и застаётъ насъ врасплохъ, неприспособленными. Пока мы съ ожесточеніемъ споримъ о народной правдѣ и народномъ духѣ, котораго никто еще не разгадалъ, прежній бытъ крестьянскихъ массъ, ихъ міросозерцаніе и вѣрованія разлагаются, и это разложеніе, какъ вездѣ и всегда, обнаруживается въ крайне ненормальныхъ, отталкивающихъ явленіяхъ, рядомъ съ свѣтлыми проблесками, указывающими на попытки замѣнить старинныя основанія жизни и воззрѣній другими, ближе подходящими къ стремленіямъ и понятіямъ культурныхъ слоевъ. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на это явленіе, но оно показываетъ, что на встрѣчу направленію, побуждающему образованные классы сближаться съ крестьянскими массами, въ послѣднихъ тоже идетъ бессознательная, темная, стихійная работа, приближающая ихъ, пока еще медленно, къ культурнымъ и образованнымъ слоямъ. Посреди хаоса и мрака, въ которыхъ мы влечимъ нашу убогую жизнь, каждому мыслящему человеку, безъ сомнѣнія, случилось наталкиваться на факты, доказывающіе, что такая двойная работа у насъ дѣйствительно совершается. Только крайняя близорукость или вольное и невольное ослѣпленіе могутъ помѣшать ихъ разглядѣть или понять ихъ громадное значеніе для нашего настоящаго и ближайшаго будущаго. Что результатомъ такой работы будетъ, рано или поздно, коренное перерожденіе и высшихъ, и низшихъ слоевъ русскаго народа,—это можно предсказать уже теперь, не будучи пророкомъ. Пора отнестись къ этому нарождающемуся факту, благодатному зародышу лучшаго будущаго, со всею серьезностью и вниманіемъ, какихъ онъ заслуживаетъ по своей неизмѣримой важности. Пора, давно пора разстаться съ напрасными надеждами снова забрать крестьянство въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ или капиталистовъ, промышленной и торговой буржуазіи, или, напротивъ, воспользоваться крестьянскими массами для политическаго или соціальнаго переворота; но пора также и перестать бояться сопривосновенія интеллигенціи и нарождающихся молодыхъ силъ съ крестьянскимъ населеніемъ. Такая боязнь совершенно понятна со стороны тѣхъ, которые все еще надѣются, тѣмъ или другимъ способомъ, въ томъ или другомъ видѣ, удержать народныя массы въ черномъ тѣлѣ и забрать ихъ въ руки высшихъ слоевъ; но съ точки зрѣнія правильной внутренней политики подобная боязнь—большое недоразумѣніе и ошибка, уже повлекшія за собою самыя горестныя послѣдствія. Су-

дѣть по нѣкоторой и притомъ небольшой части молодежи о всей молодежи также странно и несправедливо, какъ по нѣкоторымъ органамъ печати составлять себѣ понятіе о всей печати, или по нѣкоторымъ офицерамъ и чиновникамъ произносить приговоръ всѣмъ офицерамъ и чиновникамъ. Интеллигентная молодежь вездѣ отражается въ себѣ, въ преувеличенномъ видѣ, мысли и направленія образованнаго общества, котораго нельзя же разобщить съ простымъ народомъ. Вмѣсто того, чтобъ задерживать естественный порывъ молодыхъ силъ къ дѣятельности, ими, напротивъ, надо воспользоваться въ интересахъ общества и государства и направить ихъ туда, гдѣ онѣ всего нужнѣе.

Безкорыстная, самоотверженная, идейная любовь молодежи къ народу нашла бы наилучшій себѣ исходъ въ служеніи на пользу грубыхъ и темныхъ массъ, заѣданныхъ нищетою, невѣжествомъ и дурнымъ управленіемъ, — въ должностяхъ народныхъ учителей, низшихъ полицейскихъ служителей, письмоводителей станovýchъ, исправниковъ, мировыхъ судей и съѣздовъ, земскихъ управъ, въ званіи фельдшеровъ и т. п. Такая мысль покажется нѣмъ безумной, пожалуй даже злонамѣренной и преступной; но мы глубоко убѣждены, что будь она осуществлена ранѣе, не было бы многихъ несчастій, которыя мы пережили, много сохранилось бы молодыхъ силъ, потраченныхъ и погибшихъ даромъ, безплодно, и броженіе, найдя естественный выходъ, не приняло бы остраго характера, который надѣлалъ столько зла. Не зная народа, склада его ума и воззрѣній, мы, со словъ генерала Фадѣева и ему подобныхъ, воображаемъ, что наши земледѣльческія крестьянскія массы — волнующееся море западно-европейскихъ рабочихъ и пролетаріевъ, что стоитъ бросить въ нихъ искру, чтобъ произвести всеобщій пожаръ; а на повѣрку оказывается, что и европейскіе фабричные рабочіе и пролетаріи со всѣмъ не такой легко-воспламеняющійся матеріалъ, какимъ намъ его изображали писатели сварятинскаго образа мыслей; наши же сельскія массы и подавно далеко не такъ политически подвижны, какъ многимъ думается. Еслибъ нашей интеллигентной молодежи были настѣжь открыты двери въ низшія должности, имѣющія непосредственное отношеніе къ крестьянству, изъ этого не вышло бы ничего, кромѣ хорошаго, отраднаго и желаннаго. Фразеры, болтуны, рисующіеся либерализмомъ, скоро бы соскучились въ средѣ, гдѣ фразами и словами ничего не подѣлаешь и гдѣ жадныхъ слушателей, аплодирующихъ либеральнымъ воззрѣніямъ, не существуетъ. Простой народъ въ деревняхъ фразами не поднимешь. Ему, въ его низменной долѣ, нужны дѣла, услуги,

факты: имъ только онъ повѣрить, но и то не вдругъ, а годами. Дѣльная, умная, трудолюбивая молодежь, увлекающаяся либерализмомъ, скоро увидѣла бы и поняла жизнь какова она есть, и найдя себѣ полезное дѣло, занялась бы имъ съ увлеченіемъ и великою пользою для крестьянъ и для службы, въ средѣ, гдѣ теперь царятъ мракъ, невѣжество и вопіющія злоупотребленія. Въ этой средѣ, способной отрезвить хоть кого, изъ порядочной молодежи, послѣ двухъ-трехъ-лѣтней службы, выработались бы превосходные общественные и государственные дѣятели, отлично знающіе крестьянскій людъ, и, что всего важнѣе, съ сложившимся, окрѣпшимъ въ трудѣ характеромъ. Съ такими людьми можно провести какую угодно полезную реформу, устроить какое угодно правильное управленіе. Теперь такихъ полезныхъ дѣятелей было бы уже много между нами. Очистивъ темныя дебри сельскаго и низшаго чиновничества, они бы пригодились и въ провинціальной и центральной службѣ.

На простую мысль—обновить у насъ низшій служебный персоналъ молодыми образованными силами, у насъ теперь начинаютъ указывать съ разныхъ сторонъ. Земства желаютъ пониженія имущественнаго ценза и возраста для вступленія въ земскую службу и введенія ценза образованія, между прочимъ съ тою цѣлью, чтобъ привлечь въ провинцію молодыхъ образованныхъ силы и дать имъ возможность тамъ, на мѣстѣ, подготовиться къ земской дѣятельности. Возникаетъ и другая, весьма плодотворная, мысль поднять должность волостного писаря и соединить съ нею приличное содержаніе, для того, чтобъ образованные молодые люди съ этой должности начинали свою службу и не могли занять никакого мѣста по министерству внутреннихъ дѣлъ иначе, какъ прослуживъ нѣсколько лѣтъ волостными писарями. Рано или поздно, въ той или другой формѣ, мы должны, наконецъ, придти къ убѣжденію, что образованные молодые силы могутъ съ пользою начать служить государству и странѣ не прежде, какъ хорошо ознакомившись на мѣстахъ, практически, съ бытомъ, привычками и воззрѣніями народной массы. Этимъ путемъ достигнута, въ одно и то же время, двѣ полезныя цѣли: гнетъ безобразнѣйшаго и хищническаго приказнаго сельскаго люда, тяготящій теперь на народныхъ массахъ, будетъ существенно облегченъ; мракъ, царящій въ нихъ, понемногу начнетъ рѣдѣть подъ вліяніемъ справедливости и человѣческихъ понятій, которыя образованная молодежь внесетъ въ свои отношенія къ народу; а въ то же время въ составъ земства и въ государственную службу на всѣхъ ея ступеняхъ внесутся свѣжіе элементы, теоретически образованные и

вѣсть практически знакомые съ народнымъ бытомъ и народными потребностями, чего намъ такъ недостаетъ во всѣхъ слояхъ нашего общества. Образование, рано или поздно, должно пробраться и проникнуть въ народныя массы и коренно преобразовать ихъ бытъ и нравы; лучше же, чтобъ оно проникало этимъ, нормальнымъ путемъ, видимымъ для всѣхъ, чѣмъ потайными, боковыми источниками, которые текутъ во мракѣ, незамѣтно ни для кого, и раздражаются внезапностями, часто опаснаго характера, которыхъ невозможно предвидѣть и отстранить во-время. До сихъ поръ мы старались вносить въ массы образование чрезъ усиленіе вліянія и власти зажиточныхъ, владѣльческихъ, промышленныхъ и торговыхъ слоевъ общества, и ничего этимъ не достигли, только усложнили и запутали наше внутреннее положеніе. Остается избрать другой путь, который мы до сихъ поръ упорно отвергали, какъ вредный и опасный. Онъ на дѣлѣ окажется наилучшимъ и принесетъ благіе плоды.

IV.

Какъ бы ни были сами по себѣ полезны и благотворны мѣры, предлагаемыя для устройства и поднятія у насъ крестьянскаго быта, онѣ, смѣло можно сказать, не приведутъ ни къ чему, пока наши крестьяне будутъ оставаться на той степени умственного, нравственного и гражданскаго развитія и культуры, на какой теперь находятся. Мы говоримъ преимущественно о великорусскихъ крестьянахъ, съ которыми ближе знакомы. Они составляютъ огромное большинство въ русскомъ государствѣ и потому естественно занимаютъ самое видное мѣсто во всѣхъ разсужденіяхъ и заботахъ объ устройствѣ сельскаго населенія имперіи. Теперешнее культурное состояніе нашихъ крестьянъ составляетъ самую существенную, самую непобѣдимую помѣху не только для улучшенія ихъ быта, но и вообще для всего нашего развитія. Объ нее, какъ о подводный камень, разбиваются въ прахъ всѣ самыя энергическія усилія, откуда бы онѣ ни шли, къ улучшенію нашего внутренняго положенія. О чемъ бы мы ни заговорили — о самоуправленіи, гражданскихъ и политическихъ правахъ, о сельскомъ хозяйствѣ, о водвореніи у насъ добрыхъ нравовъ, о промышленности, торговлѣ, судѣ, полиціи — вездѣ и во всемъ мы лицомъ къ лицу встрѣчаемся съ невѣжествомъ крестьянъ, ихъ неразвитостью, отсутствіемъ въ нихъ азбучныхъ культурныхъ понятій и привычекъ. Они представляютъ то упор-

нѣйшее, непобѣдимое препятствіе, передъ которымъ всякая сила въ концѣ-концовъ ослабѣваетъ, въ сознаніи своей несостоятельности и ничтожества. Народное образованіе, — вотъ къ чему, въ послѣднемъ выводѣ, сводится теперь все. Его успѣхами будутъ отнынѣ измѣряться всѣ наши успѣхи. Безъ образованія народныхъ массъ мы не можемъ ступить шагу, и всякія улучшенія будутъ мнимыми, кажущимися, а не настоящими, прочными, дѣйствительными.

Къ несчастію, именно по этому предмету существуетъ въ нашихъ образованныхъ слояхъ самое рѣзкое разномысліе, самыя странныя и поразительныя недоразумѣнія. Ни въ чемъ разбродъ мыслей не выражается съ такою яростью и выпуклостью, какъ во взглядахъ на народное образованіе. Мы вообще бѣдны интеллигенціей и культурными силами; а разногласіе по важнѣйшей изъ всѣхъ нашихъ современныхъ задачъ парализуетъ дѣятельность и тѣхъ немногихъ, какія есть на лицо, и борьба съ народнымъ невѣжествомъ, предрасудками, дурными привычками и безобразными понятіями и нравами по необходимости отлагается; а время, между тѣмъ, уходитъ, увеличивая трудности для будущихъ поколѣній. Несмотря на то, что вопросъ о народномъ образованіи поднятъ и обсуждается у насъ уже давно, мы не только не успѣли согласиться въ мѣрахъ и способахъ, какъ вести это дѣло, но не могли даже столковаться о томъ, — нужно ли народу образованіе или нѣтъ, полезно оно ему или вредно, и нашъ споръ объ этомъ грозитъ сдѣлаться нескончаемымъ.

Многіе отрицаютъ необходимость народнаго образованія, — странно сказать, во имя національнаго величія и доблестей русскаго народа! Патриоты этого пошиба разсуждаютъ такъ: русскій народъ основалъ обширное и могущественное государство, выказалъ великія военныя и гражданскія добродѣтели и политическій смыслъ въ битвахъ, въ эпохи внутреннихъ нестроений и смутъ; онъ сумѣлъ сохранить и поддержать государственную власть неприкосновенной въ години самыхъ тяжелыхъ испытаній. Какое же ему еще нужно воспитаніе и образованіе, когда онъ всею своей жизнью и исторіей доказалъ, что воспитанъ и образованъ болѣе, чѣмъ многіе другіе народы, считающіеся образованными?

Ошибочность такого взгляда бросается въ глаза. Поборники его останавливаются на однихъ крупныхъ событіяхъ и эпохахъ русскаго исторіи, когда національная и политическая живучесть русскаго народа, подвергнутая испытанію великими народными бѣдствіями, выразилась съ особенной силой, соединяють эти событія и

эпохи въ дѣйствительно знаменательную и поразительную картину и по ней составляютъ себѣ понятіе объ образованіи и культурѣ русскаго народа. Но національное сознаніе, національный духъ не имѣютъ съ ними ничего общаго. Живучесть, чувство самосохраненія присущи великимъ историческимъ народамъ, пока они живутъ на всѣхъ ступеняхъ ихъ развитія, и въ эпоху дикости, и въ эпоху высокаго просвѣщенія. Культура не касается этой стороны народной жизни, а выражается въ ежедневномъ будничномъ, общественномъ и домашнемъ бытѣ народа.

И дикіе, и образованные народы могутъ быть и не быть одушевлены національнымъ чувствомъ. Слѣдуетъ также замѣтить, что ненормальныя, болѣзненные явленія въ ежедневномъ, домашнемъ бытѣ народа, съ которыми онъ не умѣетъ справиться по недостатку культуры, часто отражаются, въ концѣ-концовъ, и на внѣшней политической его жизни.

Такъ-называемые славянофилы занимаютъ въ вопросѣ о народномъ образованіи своеобразное положеніе, послѣдовательно вытекающее изъ ихъ основныхъ воззрѣній. Такъ какъ взглядъ ихъ чрезвычайно распространенъ и раздѣляется значительнѣйшимъ большинствомъ русскаго общества, въ томъ числѣ множествомъ лицъ, не принадлежащихъ къ славянофильскому лагерю, то необходимо рассмотреть этотъ взглядъ подробнѣе.

Славянофилы не отрицаютъ необходимости народнаго образованія. Напротивъ, они относятся къ нему весьма сочувственно, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ оно строго сообразовалось съ направленіемъ, которое они, съ своей точки зрѣнія, считают единственно полезнымъ и благотворнымъ для русскаго народа. А ихъ точка зрѣнія опредѣляется слѣдующимъ образомъ: всѣ качества и добродѣтели въ высшей степени соединены въ русскомъ народѣ, какимъ его воспитала и выработала древняя, до-петровская Россія. Простой русскій народъ, незараженный европейскими вліяніями, представляетъ по преимуществу типъ челоуѣка. Въ основаніи всѣхъ его духовныхъ и нравственныхъ качествъ лежитъ глубокая религіозность, внѣдренная въ него православіемъ. Такъ-называемое образованіе, которое приходитъ къ нему изъ городовъ и отъ культурныхъ слоевъ русскаго общества, пропитано европейскими вліяніями, сосредоточено, какъ и въ Европѣ, на улучшеніяхъ внѣшняго быта, но чуждо нравственныхъ и религіозныхъ началъ и потому, вмѣсто истиннаго образованія, несетъ съ собою только внѣшнее благообразіе и внутреннее духовное растлѣніе. Благодаря ему, въ деревняхъ добрые старые нравы и обычаи падаютъ; вмѣсто единенія, хри-

стіанскаго смиренія, любви и довѣрія, между людьми водворяются раздоръ, злоба, неправда и обманъ, развращеніе нравовъ, ослабленіе семейныхъ связей. Такое мнимое образованіе приноситъ русскому народу не пользу, а вредъ, и усиливать, распространять его значитъ ускорять и обострять процессъ разложенія здоровой нормальной русской жизни и русскаго національнаго быта. Истинное, желательное у насъ образованіе народа должно заключаться въ утвержденіи его въ ученіи православной церкви, въ послушаніи ея постановленіямъ, въ соблюденіи, во всей чистотѣ, добрыхъ старыхъ нравовъ и народныхъ преданій.

Вся эта аргументація, съ ея предпосылками, выводами и заключеніями, кажется намъ ошибочной, и вотъ по какимъ соображеніямъ.

Славянофильскій взглядъ предполагаетъ, какъ доказанное и несомнѣнное, что извѣстныя умственныя и нравственныя качества народа, его религіозныя вѣрованія и воззрѣнія, его бытъ, нравы, обычаи и привычки должны неизмѣнно оставаться одни и тѣ же, что ихъ ослабленіе и измѣненіе есть признакъ упадка народной жизни и народнаго духа. Мы никакъ не можемъ съ этимъ согласиться. Изученіе исторіи доказываетъ, что вѣрованія, воззрѣнія, бытъ и нравы народа, въ любое данное время, представляютъ результатъ различныхъ эпохъ культуры, пережитыхъ народомъ, слѣдовательно не суть прирожденные, не явились вдругъ, сразу, а создавались постепенно, измѣнялись и переходили черезъ разные фазисы или эпохи развитія. Отсюда слѣдуетъ, что ослабленіе и упадокъ вѣрованій и формъ народнаго быта еще не доказываетъ упадка народной нравственности или религіозности; это служитъ только вѣрнымъ признакомъ, что послѣдняя фаза или эпоха развитія народа приходитъ къ концу и нарождается другая, потребность которой всегда является, сначала въ видѣ равнодушія къ существующему, и болѣе или менѣе рѣзкаго сознательнаго его отрицанія. Вотъ почему невозможно смѣшивать природныя народныя качества и свойства съ установившимися обычаями, воззрѣніями и вѣрованіями и принимать послѣдніе за первыя. Народныя качества и свойства выражаются въ разные эпохи развитія въ разныхъ формахъ, свойственныхъ данному времени и обстоятельствамъ, часто бывають скрыты и какъ-бы вовсе не существуютъ, а потомъ, при благоприятныхъ условіяхъ, выступаютъ съ большою рельефностью; также и наоборотъ: извѣстныя черты народнаго характера, ярко выдававшіяся сначала, въ послѣдствіи совсѣмъ исчезаютъ. Только у долго существовавшаго и дѣйствовавшаго народа, при пристальномъ изученіи его

въ разныя эпохи его исторіи, удастся подмѣтить нѣкоторыя особенности и характеристическія свойства, которыя красной ниткой проходить чрезъ всю его жизнь и могутъ быть признаны за отличительныя черты его національнаго характера. Смѣшивать ихъ съ добродѣтелями и пороками, свойственными той или другой эпохѣ, значило бы заравѣе сдѣлать невозможнымъ правильный выводъ о характерѣ и свойствахъ народа и о значеніи переходовъ и колебаній, которымъ быть его и вѣрованія подвергаются въ продолженіе его исторіи.

Славянофилы объясняютъ всѣ совершенства русскаго народа воспитаніемъ его въ до-петровской Россіи въ духѣ православія и потому требуютъ, чтобъ въ томъ же духѣ образованіе народа продолжалось и теперь. Такое требованіе, хотя бы оно и было справедливо и вѣрно по отношенію къ православному населенію, не можетъ сдѣлаться программой народнаго образованія для цѣлаго государства, считающаго раскольниковъ, сектантовъ и ино-вѣрцевъ десятками милліоновъ. Чѣмъ же замѣнить ее для нихъ? Религіознымъ направленіемъ народнаго образованія въ духѣ той вѣры, каковую каждый исповѣдуетъ? Но программа славянофиловъ систематически враждебна такому отвѣту на вопросъ, ибо она признаетъ только православіе религіозной истиной и только его считаетъ способнымъ вести людей къ совершенству. Или исключеніемъ религіи и вѣроученія изъ программы образованія тѣхъ, которые не исповѣдуютъ православія? Но это было бы столько же противно доктринѣ, ставящей вѣроученіе во главу угла народнаго воспитанія и образованія. Такимъ образомъ, взглядъ славянофильской школы не разрѣшаетъ весьма важнаго вопроса: въ какомъ направленіи должно быть ведено образованіе неправославныхъ подданныхъ русскаго государства. Съ этой неполнотой еще можно было бы помириться, еслибъ самая программа славянофиловъ, признающая православіе за единую истину и строящая на этой истинѣ всю систему народнаго образованія, не порождала въ крайнихъ ея ревнителяхъ и поборникахъ совершенно естественнаго стремленія водворить истину православія и между неправославными подданными. Разъ великороссъ признанъ идеаломъ истиннаго христіанина и чловѣка, стремленіе обратить всѣхъ не только въ православныхъ, но и въ великороссовъ рождалось само собой, и И. С. Аксаковъ весьма послѣдовательно отрицалъ у малороссійскаго нарѣчія право на существованіе въ видѣ литературнаго языка.

Пойдемъ далѣе. Славянофилы потому признаютъ православіе основаніемъ народнаго воспитанія и образованія, что оно самымъ

совершеннымъ образомъ выражаетъ смыслъ и духъ Христова ученія; въ послѣднемъ же заключается послѣднее слово всякой истины. Но христіанство, какъ сама жизнь, неисчерпаемо. Оно имѣетъ безчисленное множество сторонъ. Одному болѣе доступна догматическая истина Христова ученія и въ ней онъ по преимуществу сосредоточивается; другому, напротивъ, практическая, — дѣло любви, милосердіе и личное нравственное совершенствованіе; одному ближе къ сердцу созерцательная жизнь, удаленіе отъ соблазна, отреченіе отъ міра и его страстей, умерщвленіе плоти; другой, напротивъ, видитъ верхъ христіанскаго совершенства въ борьбѣ и побѣдѣ надъ своими грѣховными влеченіями и зломъ, въ мірѣ, посреди его соблазновъ. Который же изъ этихъ различныхъ способовъ воспріятія истины христіанской болѣе отвѣчаетъ духу и смыслу Христова ученія? Который долженъ быть признанъ ближайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ къ совершенству въ духѣ христіанства? Даетъ ли въ этомъ отношеніи православіе какія-либо положительныя указанія? На послѣдній вопросъ мы должны отвѣчать отрицательно. Въ исторіи православной церкви мы находимъ всѣ эти направленія или рядомъ, или же съ преобладаніемъ, въ тотъ или другой періодъ, то одного, то другого. Въ исторіи русской церкви замѣчаемъ также различныя пониманія православія. Наша церковь была православною съ самаго начала; такую же остается она и теперь. Но православіе понималось, напримѣръ, въ XVI и XVII вѣкѣ такъ различно, что изъ этого возникъ расколъ, раздѣлившій вѣрующихъ на два враждебные лагеря, и то, что считалось православнымъ до XVII вѣка, впослѣдствіи отвергнуто какъ лжеученіе. Раскольники, оставшіеся вѣрными старинѣ, считаютъ православными только себя, а насъ нѣтъ. Такимъ образомъ слово «православіе» не довольно точно и опредѣлительно выражаетъ народно-образовательную программу славянофиловъ. Оно обнимаетъ правовѣріе догматическое и практическое, созерцательное, монашеское и дѣятельное, свѣтское, мірское, русское до XVII в. и начиная съ XVII вѣка. Напрасно стали бы намъ возражать, что правовѣріе одно и обнимаетъ всѣ указанныя направленія. Исторія нашей церкви доказываетъ, что различныя направленія такъ между собою могутъ расходиться, что доводятъ до вражды и преслѣдованій. Но допустивъ, что православіе обнимаетъ всѣ эти направленія, мы стоимъ на томъ, что необходимо точно указать, которое именно изъ нихъ должно быть преимущественно примѣняемо въ воспитаніи и образованіи народа, а

именно на это мы и не находимъ указаній въ программѣ славянофиловъ.

Въ письмѣ къ покойному О. М. Достоевскому ¹⁾ мы изложили наши мысли о различныхъ сторонахъ христіанства и воспріятіи его людьми. Каждый народъ, какъ и каждый человѣкъ, усваиваетъ себѣ изъ него то, къ чему наиболѣе расположенъ и подготовленъ, и притомъ настолько, насколько можетъ и способенъ принять по степени своего развитія. Вотъ почему христіанство весьма различно воспринимается различными народами и отчего одинъ и тотъ же народъ, въ разныя эпохи своего развитія, съ большею или меньшею вѣрою, горячностью и увлеченіемъ, относится къ тому или другому изъ его безчисленныхъ направленій и отгѣнковъ. На эту чрезвычайно важную сторону вопроса славянофилы не обратили вниманія. Но подразумеваемый отгѣтъ на вопросъ, неразрѣшаемый ихъ программой, опредѣляется всею совокупностью и духомъ славянофильскаго ученія. Ихъ идеалъ совершенства есть старинный русскій человѣкъ допетровскаго періода; народное воспитаніе должно сохранить этотъ типъ у насъ на всегдашнія времена; слѣдовательно и православіе должно ему внушаться въ томъ направленіи, смыслѣ и духѣ, въ какомъ его восприняли, поняли и усвоили себѣ наши предки до Петра Великаго. Но оставляя въ сторонѣ, что наши прадѣды различно понимали православіе въ XVI и XVII вѣкѣхъ, замѣтимъ, что вообще такая постановка еще болѣе суживаетъ народно-образовательную программу славянофиловъ: мы можемъ, оставаясь православными, чувствовать сердечную потребность и настоятельную необходимость развить въ себѣ ту сторону христіанскаго ученія, на которую, по обстоятельствамъ и степени развитія, до сихъ поръ меньше обращали вниманія, и наоборотъ, сдѣлаться менѣе чувствительными и воспріимчивыми къ той, которая до сихъ поръ исключительно нами владѣла, занимала нашъ умъ и наполняла наше сердце. Программа, которая погребуетъ отъ народа, чтобъ онъ во вѣки вѣковъ оставался таковъ, каковъ былъ во времена дны, при другихъ обстоятельствахъ и условіяхъ,—не разрѣшить вопроса о народномъ воспитаніи и образованіи; она только помѣшаетъ его правильному развитію. Славянофильскія воззрѣнія, очевидно, вовлечены въ ошибку правильностью, цѣльностью и законченностью нашей культуры въ московскій періодъ. Все въ ней спѣло и слажено въ цѣломъ и въ подробностяхъ; одни и тѣ же начала, сверху до низу, опре-

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1880, ноябрь, стр. 481 и слѣд.

дѣлають быть. Глядя на такое зданіе, выстроенное по одному плану и отдѣланное до мелочей въ одномъ стилѣ, невольно увлекаешься архитектурическою его стороною, особливо, когда время, старина скрадываетъ коренные недостатки плана и шероховатости деталей. Думается; что людямъ жилось хорошо въ этомъ зданіи, сооруженномъ многими поколѣніями въ теченіе вѣковъ. Невольно приходишь къ мысли, что было бы лучше, еслибъ его поддерживали, исправляли, ремонтировали искусной рукой; вмѣсто того пришелъ Петръ, разрушилъ зданіе, всколебалъ мирную и правильную жизнь, набросалъ проектъ какого-то новаго зданія въ самыхъ общихъ чертахъ, смыслъ которыхъ понималъ только онъ самъ и горсть его сотрудниковъ, и умеръ, оставя послѣ себя хаосъ, въ которомъ мы до сихъ поръ не можемъ разобраться. Быть народный, глубоко потрясенный внезапностью и насиліемъ, былъ надорванъ; мысль народная, выбитая изъ колеи, мечется изъ стороны въ сторону и до сихъ поръ не можетъ придти въ себя и успокоиться. Увлеченіе готовымъ, установившимся, законченнымъ по сравненію съ нарождающимся, еще несладкимъ, рѣзкимъ, на добрую половину только отрицательнымъ, сулящимъ много впереди и мало дающимъ въ настоящемъ, было и долго еще будетъ камнемъ преткновенія для мыслящихъ людей, историковъ, романтиковъ, поэтовъ и археологовъ. Самъ Гёте не убергся отъ идеализированія священной Римской имперіи съ ея чинами, сословіями, гильдіями и цехами, разрушенной французскою революціей и наполеоновскими войнами. Нѣмецкая романтическая школа возвела въ идеалъ средневѣковой бытъ, о которомъ мы теперь хорошо знаемъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Въ такую же ошибку впалъ въ свое время и «божественный» Платонъ, и римскіе республиканцы временъ имперіи. Ошибка заключается въ томъ, что историческое, археологическое, художественное созерцаніе отворачивается отъ требованій практической жизни, не знаетъ ихъ. Вглядѣвшись пристально въ дѣйствительную жизнь, схваченную и уложенную въ превосходно отдѣланныя рамки, вслушавшись въ ея неудовлетворенныя требованія, громко выраженные современниками, защитники старины и преданій поняли бы, что привело рамки къ упадку и разрушенію; они замѣтили бы также, что старина и преданіе, до своего разрушенія, были уже сильно поколеблены въ народныхъ вѣрованіяхъ, убѣжденіяхъ и привязанностяхъ. Но созерцаніе, романтизмъ не любятъ живой дѣйствительности. Они охотно уходятъ въ отвлеченности, изукрашаютъ ихъ отъ себя цвѣтами воображенія и эти прикрасы принимаютъ за бывшую когда-го дѣйствительную жизнь,

о которой воздыхаютъ. Хороша или дурна была степень культуры древней Великороссіи, вполне вызрѣвшей и опредѣлившейся въ своихъ формахъ въ московскій періодъ—вопросъ праздный, ни къ чему не ведущій. Она была подготовлена предшествующими событіями, условіями и обстоятельствами и глубоко вошла въ нашу жизнь, такъ что и до сихъ поръ, въ теченіе двухъ-сотъ лѣтъ и несмотря на реформу Петра, мы далеко еще отъ нея не освободились. Славянофилы совершенно правы утверждая, что великорусское крестьянство сохранило въ чистотѣ и неприкосновенности преданія, обычаи и нравы добраго стараго времени, именно степени культуры, разрушенной Петромъ. Какая же ея существенная, характерная черта? Та самая, которая и до сихъ поръ характеризуетъ нашего крестьянина и нашъ деревенскій бытъ. Крестьянинъ прежде и больше всего безусловный послѣдователь и приверженецъ обряда, обычая, заведеннаго порядка, преданія. Вся его дѣятельность, воззрѣнія, привязанности и предубѣжденія опредѣлены уже впередъ, и въ нихъ онъ движется, въ нихъ укладываетъ всю свою жизнь, не внося отъ себя лично ничего, не стараясь видоизмѣнить окружающее своей изобрѣтательностью или усиліями своего личнаго ума, своей личной воли. Его вѣра состоитъ въ исполненіи церковнаго устава; его бракъ устроенъ не имъ самимъ, а помимо него, родительскою властью. Весь его домашній и хозяйственный обиходъ предопредѣлены тѣмъ, какъ ихъ завели и устроили отцы и дѣды; но и они тоже не выдумали ихъ отъ себя, а приняли готовыми отъ своихъ предковъ. Крестьянинъ радуется или горюетъ, жалуется на свою судьбу или благодаритъ за нее Бога, но принимаетъ и доброе, и худое, не допуская мысли, что первое можно привлечь, съ послѣднимъ можно бороться и побѣдить. Все въ его жизни дано, предопредѣлено, представлено. Бытъ его мѣняется, съ перемѣной обстоятельствъ и обстановки; но эти перемѣны не плодъ его личнаго почина, а являются въ его глазахъ результатомъ дѣятельности той же судьбы и тайныхъ невидимыхъ силъ, которыя управляютъ его жизнью. Полное отсутствіе самостоятельности, полное и всецѣлое, безграничное подчиненіе тому, что приходитъ извнѣ,—вотъ основной принципъ всего міровоззрѣнія крестьянина. Имъ опредѣляется вся его жизнь. Протестъ противъ обстановки, когда она приходится не въ моготу, выражается или бѣгствомъ, или внезапнымъ, дикимъ порывомъ разрушенія. Иначе и не можетъ поступать человѣкъ, котораго воззрѣнія по принципу исключаютъ творческую, зиждательную дѣятельность людей какъ начало, источникъ матеріальныхъ и ду-

ховныхъ благъ, какъ орудіе противъ золь и напастей. Теперь, конечно, замѣчаются нѣкоторыя отступленія отъ такого міросозерпанія и если мы, здѣсь и тамъ, видимъ признаки нарожденія другого, признающаго участіе человѣка въ созданіи собственной судьбы, то это пока только лишь одни проблески, намеки. Много пройдетъ времени, пока слабые зачатки перевоспитанія народной массы окрѣпнутъ и пустятъ корни.

Славянофилы не обращаютъ вниманія на эту основную, господствующую, характерную черту народнаго міросозерпанія, и усматривая въ глубокомъ фатализмѣ и пассивности христіанское смиренномудріе и покорность волѣ Провидѣнія, не понимаютъ ни характера и значенія Петровской реформы, ни того, что происходитъ въ наше время. Тамъ, гдѣ человѣкъ самъ по себѣ ничего не значить, гдѣ онъ вполнѣ, исключительно зависитъ отъ внѣшнихъ фактовъ и обстановки, которые представляются велѣніями судьбы и невидимыхъ, добрыхъ или враждебныхъ силъ, тамъ преобразованія и не могли начинаться съ перемѣны взглядовъ, убѣжденій, какъ въ другихъ странахъ, а могли заключаться только въ перемѣнѣ обстановки и условій жизни. Реформа Петра по необходимости могла выдти только внѣшнею. И долго послѣ, грубый, внѣшній фактъ имѣлъ въ нашихъ глазахъ больше авторитета, чѣмъ мысль, убѣжденіе. Далеко ли мы ушли теперь? Предпочитаемъ ли мы и теперь силу мысли, убѣжденія, нравственной духовной стороны внушительности внѣшняго факта и внѣшнихъ обязательныхъ мѣръ? Къ сожалѣнію, у насъ и до сихъ поръ слишкомъ еще мало довѣрія къ могуществу мысли и побужденіямъ нравственнаго характера.

Послѣ всего сказаннаго мы можемъ, не боясь вызвать какія-либо недоразумѣнія, утверждать, что воспитаніе и образованіе народа въ направленіи и духѣ до-петровской Россіи было бы не только не полезно, но положительно вредно. У насъ, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, оно призвано перевоспитать народныя массы, ослабить въ нихъ страдательное отношеніе къ окружающей дѣйствительности, внушить довѣріе къ силѣ мысли и знанія, вызвать самодѣятельность и подорвать въ мѣнѣи народа невѣжество, грубость и предрасудки.

Кромѣ славянофильскихъ взглядовъ на народное образованіе у насъ есть и другіе, хотя далеко не такъ распространенные. Скажемъ и о нихъ нѣсколько словъ.

Въ послѣднее время, съ поднятіемъ народнаго духа, съ развитіемъ народнаго самосознанія, выросла и широко распространилась въ нашихъ образованныхъ слояхъ привязанность и лю-

бовъ къ русскому простому народу, помимо всякихъ школьныхъ доктринъ, воззрѣній и теорій. Это явленіе громадной важности, служащее живымъ опроверженіемъ славянофильскихъ теорій о несомѣстимости нашего образованія на европейскій ладъ съ любовью къ русскому народу, показываетъ, что образованность и культура перестаютъ у насъ быть экзотическимъ растеніемъ, переходятъ въ нашу плоть и кровь. Но многіе послѣдователи этого плодотворнаго и весьма симпатичнаго строя мыслей, существующаго у насъ въ разныхъ отгѣнкахъ, впадаютъ, какъ мы думаемъ, въ ошибку, очень понятную, естественную и извинительную, но на которую, въ интересъ дѣла, нельзя не указать. Глубоко сочувственное отношеніе къ печальной долѣ крестьянина и сильно развитое національное чувство скрадываютъ въ ихъ глазахъ темныя стороны нашего крестьянства и тѣмъ ослабляютъ и притупляютъ критическое къ нему отношеніе. Зная, и понимая, отчего крестьянинъ таковъ, какимъ мы его видимъ, люди этого направленія, особливо молодежь, склонны изъ-за смягчающихъ и оправдывающихъ обстоятельствъ видѣть однѣ хорошія и сочувственныя его стороны. Эта своего рода идеализація ведетъ тоже, хотя и безсознательно, и съ другой точки зрѣнія, чѣмъ у славянофиловъ, къ перецѣнкѣ качествъ и свойствъ русскаго простаго народа. Отсюда—какое-то равнодушное отношеніе къ дѣлу народнаго образованія. Это—не враждебность къ нему или къ тому, или другому его направленію, а увѣренность, что воспитывать намъ народъ въ томъ или въ другомъ направленіи вовсе не нужно. Народъ хорошъ каковъ онъ есть; ему только недостаетъ грамотности, да техническихъ знаній; ихъ-то и надо ему дать и больше ничего не нужно. Такимъ образомъ, люди отличнаго направленія, сами того не замѣчая, въ вопросахъ народнаго образованія подаютъ руку злѣйшимъ его врагамъ. Одно это уже обнаруживаетъ ихъ ошибку. Мало дать нашему народу средства для образованія и для матеріальнаго улучшенія его быта; народъ нашъ долженъ быть кореннымъ образомъ перевоспитанъ для правильной личной и гражданской жизни. Безъ этого онъ не въ состояніи будетъ воспользоваться и данными ему въ руки средствами для устройства своего матеріальнаго положенія.

Наконецъ, немало у насъ людей, сознательно не желающихъ никакого образованія для народа. Они могутъ быть подраздѣлены на двѣ группы. Одни находятъ въ невѣжествѣ массъ прямой свой расчетъ, полагая, что чѣмъ онѣ неразвитѣе, тѣмъ легче и удобнѣе извлекать изъ нихъ пользу и выгоду. Эти люди очевидно не знаютъ или забываютъ, что если грубаго невѣжествен-

наго простолюдина и можно дешевле нанять и содержать, заставить за стаканъ вина лишнее сработать, то онъ и хуже работаетъ, и меньше сдѣлаетъ, и больше испортитъ, и меньше на него можно положиться, чѣмъ на образованнаго и порядочнаго рабочаго. Другіе убѣждены, что въ интересахъ государственной власти и общественнаго порядка лучше держать народныя массы въ невѣжествѣ и закоснѣлости. Съ неразвитыми массами, думаютъ они, легче управиться, чѣмъ съ понимающими и разсуждающими людьми. Если народное образованіе есть необходимое зло, то надо допускать его какъ можно въ меньшихъ размѣрахъ. Выучка, дрессировка—вотъ что нужно простому народу по мнѣнію этихъ людей, а никакъ не ученіе, не образованіе, всего менѣе развитие; послѣднее положительно вредно и опасно. Черни нужно только умѣть читать, писать, считать, да выучиться техническимъ знаніямъ, съ практическимъ примѣненіемъ къ тому или другому мастерству. Такія и подобныя имъ разсужденія обыкновенно опираются на опытъ Западной Европы. Но именно опытъ Европы и нашъ собственный какъ разъ доказываютъ противное. Образованныя и развитыя народныя массы гораздо труднѣе поддаются всякому нелѣпому и бессмысленному слуху или возбужденію, чѣмъ невѣжественная, темная и грубая чернь, которая вѣрить всякому слуху и волнуется безъ всякаго разумнаго повода. Наши домогощенные враги народнаго образованія во имя государственныхъ и политическихъ интересовъ, вдобавокъ, смѣшиваютъ земледѣльческія деревенскія массы съ городскими и фабричными рабочими и примѣняютъ къ первымъ то, что нѣкогда о послѣднихъ говорилось, но теперь ужъ давно не говорится и въ Европѣ. Европейцы хорошо знаютъ по опыту, что и низшіе слои городского населенія, въ которыхъ образованіе естественно развивается вкусы образованной жизни и наводитъ на сравненія жалкаго быта бѣдныхъ съ бытомъ зажиточныхъ классовъ,—что и эти слои городскихъ жителей, при образованіи, гораздо трезвѣе и спокойнѣе обсуждаютъ свое положеніе, чѣмъ грубые и невѣжественные пролетаріи, воображающіе, что можно насиліемъ и бунтомъ добиться всякаго благополучія и довольства. Послѣ этого, о необходимости и пользѣ образованія земледѣльческаго сельскаго населенія и говорить нечего. Объ этомъ нѣтъ и не можетъ быть спора. Будь наши народныя, почти исключительно земледѣльческія массы образованнѣе и просвѣщеннѣе, ихъ, конечно, было бы гораздо труднѣе волновать слухами о какихъ-то золотыхъ царскихъ грамотахъ и указахъ, приглашающихъ грабить евреевъ,

или о наборѣ дѣвокъ для отсылки въ царской дочери въ бѣлую Арапію.

При такой разногласиѣ сужденій о народномъ образованіи весьма важно было бы знать мнѣніе, взглядъ самихъ крестьянъ. Но съ этой стороны до сихъ поръ нельзя добиться никакихъ, сколько-нибудь опредѣлительныхъ указаній. У насъ много говорится о единствѣ, цѣльности народной жизни, народныхъ воззрѣній; но даже у великорусскихъ крестьянъ оно больше эгографическое, чѣмъ сознательное, духовное. Между ними, какъ и въ образованныхъ слояхъ, сколько головъ, столько и умовъ. Старые обычай глубоко потрясены; въ народныхъ массахъ совершается переходъ къ другому порядку жизни и воззрѣній. Каковы они будутъ — нельзя еще предвидѣть; ясно и несомнѣнно то, что прежній строй вѣрованій, понятій и привычекъ ветшаетъ и разрушается. Индивидуализмъ, прежде пассивно, безъ всякой реакціи, подчинявшійся внѣшнимъ условіямъ и обстановкѣ жизни, начинаетъ мало-по-малу, медленно и робко, заявлять о своемъ существованіи. Теперь, на первыхъ порахъ, эти нетвердые еще шаги крестьянства на пути къ созданію новой гражданственности и новаго міросозерцанія выражаются пока, какъ сказано, отрицательнымъ образомъ, въ ослабленіи и упадкѣ старыхъ обычаевъ и нравовъ, въ постепенномъ распаденіи стараго строя жизни, въ перемѣнѣ привычекъ ежедневнаго быта и въ большой порчѣ нравовъ, всегда появляющейся тамъ, гдѣ унаслѣдованныя вѣрованія, теряя свой авторитетъ, свою обязательность, еще не замѣнились другими, равносильными убѣжденіями. Вотъ почему нельзя теперь и требовать отъ нашего простого народа какого-нибудь опредѣленнаго взгляда на народное образованіе. Крестьяне еще не успѣли подняться въ своихъ понятіяхъ выше самаго первобытнаго, грубаго, непосредственнаго утилитаризма и не могутъ составить себѣ сколько-нибудь яснаго понятія не только о томъ, какого рода образованіе имъ нужно, но даже о томъ, нужно ли оно вообще или нѣтъ, полезно или вредно. Замѣтки и отзывы о сужденіяхъ народа по этому предмету такъ разнообразны и прогнорѣчивы, что по нимъ нельзя придти къ какому-нибудь общему заключенію. Одни говорятъ, что народъ любитъ ученіе и желаетъ имѣть школы; другіе увѣряютъ, что онъ въ нихъ равнодушенъ, считая ихъ бесполезными; по отзывамъ однихъ, народъ желаетъ въ школахъ прежде всего религіознаго наставленія, чтенія церковныхъ книгъ и обученія молитвамъ и церковно-славянской грамотѣ; послушать другихъ, народъ требуетъ отъ школы одной грамотности, обученія чтенію и письму;

третьи говорятъ, что народъ соединяетъ съ школой понятіе объ обученіи полеводству или ремесламъ, и безъ нихъ считаетъ школу совсѣмъ не нужной; одни, со словъ крестьянъ, передаютъ, что школа безъ строгихъ наказаній не школа, а баловство; другіе, тоже со словъ народа, требуютъ отъ учителя ласковаго, кроткаго, любовнаго отношенія къ учащимся и говорятъ, что строгость, хотя бы и справедливая, отпугиваетъ не однихъ дѣтей, но и ихъ родителей отъ школы. Всѣ эти отзывы вполнѣ вѣрны; мы сами не разъ слышали ихъ отъ крестьянъ. Это доказываетъ, что и въ крестьянствѣ тотъ же хаосъ мнѣній и взглядовъ на народное образованіе, какой замѣчается и въ образованныхъ слояхъ. Чтожъ удивительнаго, что оно у насъ идетъ крайне плохо; что народныя школы больше существуютъ на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ; что тѣ, которыя существуютъ, за немногими исключеніями, находятся въ очень печальномъ положеніи; что преподающіе, въ большинствѣ, по своимъ познаніямъ и нравственнымъ качествамъ, не удовлетворяютъ и скромнымъ требованіямъ; что народное образованіе далеко не приноситъ тѣхъ плодовъ, которыхъ общество и государство отъ нихъ ожидаютъ.

Е. Кавелинъ.

НА ЗАКАТѢ

РОМАНЪ.

XIX *).

Спиридонъ Яковлевъ въ этотъ день два раза проходилъ мимо господскаго дома, искоса оглядывая дворъ и всматриваясь въ окна. Чтобы не возбудить къ себѣ подозрѣнія, онъ проходилъ мимо дома не останавливаясь, и уже отойдя на нѣкоторое отъ него разстояніе, подолгу ожидалъ чего-то, смотря то на господскій домъ, то вдоль большой дороги, по направленію къ Малорѣченску. На господскомъ дворѣ никого не было, ни своихъ, ни чужихъ; по дорогѣ изъ Малорѣченска тоже никто изъ ожидаемыхъ Спиридономъ Яковлевымъ не ѣхалъ и онъ тревожно почесывалъ затылокъ.

— Отчего это такъ мѣшкаютъ? — томился онъ: — судебного пристава дома нѣтъ развѣ, что ли... Должно, эта причина, а то чего бы мѣшкать!

Шелъ онъ обратно каждый разъ по задворкамъ и не столько для того, чтобы нейти мимо господскаго дома, сколько изъ желанія обойти домишко о. Захара, на котораго сердился за взятые «лишки». День однакожь оканчивался и въ господскомъ домѣ уже появились огни, но Спиридонъ Яковлевъ не только не дождался пріѣзда пристава, а даже не узналъ о томъ, почему онъ не пріѣхалъ. Ему хотѣлось заглянуть въ господскій домъ, освѣдомиться, чего ждутъ господа и какъ ведетъ себя Анатолій Петровичъ, а освѣдомиться было не отъ кого. Изъ господской дворни

*) См. выше: октябрь, 449 стр.

ему была ближе другихъ горничная барыня и отъ нея онъ могъ узнать, что дѣлается въ домѣ, но какое-то, самому ему непонятное, чувство осторожности и даже боязни удерживало его отъ желанія зайти на господскую кухню и вызвать горничную.

— Какъ бы не натолкнуться на кого лишняго, — думалъ онъ, а то пожалуй еще попадетсѣ Анатолій, да съ пьяныхъ глазъ начнетъ городить несообразное, чего вовсе пока ненужно никому знать.

Томленія души его были несомнѣнно тяжкія. Возникали сами собой и опасенія насчетъ того, не случилось бы чего худого отъ вѣнчанья, ежели вдругъ по горячимъ слѣдамъ поднимуть дѣло, и мучила въ то же время жадность — не ускользнулъ бы какъ грѣхомъ случай перехитрить Хохлаковыхъ и вырвать у нихъ изъ рукъ лѣсную дачу Пояркова. Такъ что, подходя къ господскому дому, онъ собственно не зналъ, чего желать — отсутствія ли всякаго движенія во дворѣ, указывающаго, что о бракѣ Анатолія никто не знаетъ, или же суеты и тревоги, могущихъ служить яснымъ доказательствомъ, что Хохлаковъ съ приставомъ пріѣхали и выполняютъ формальности, необходимыя для предстоящей продажи имѣнія съ аукціона.

— Ну, слава Богу, кажется, ничего, — свободно вздыхалъ онъ, проходя мимо, и радовался, что горячіе слѣды остываютъ. Но вслѣдъ за такимъ облегчающимъ душу утѣшеніемъ Спиридонъ Яковлевъ впадалъ въ сомнѣніе насчетъ дѣла и опять страдалъ.

— Эй, миленькая! — встрѣтилъ онъ, наконецъ, дѣвчонку, служившую на побѣгушкахъ въ кухнѣ и выбѣжавшую за ворота поглазѣть.

— Чего тебѣ, дяденька Спиридонъ?

— Ничего... Я такъ, шелъ мимо, гляжу, ты тутъ вертишься и окликнулъ, — отвѣтилъ Спиридонъ Яковлевъ, оглядываясь, нѣтъ ли кого вблизи, посторонняго.

— Что это, я слышалъ, будто не ладно у вашихъ господъ-то?... — спросилъ онъ, подходя поближе. — Говорятъ, будто изъ города чиновники пріѣзжали къ барину за деньгами, будто долгъ требуютъ какой-то?.. Ты не видала?

— Нѣтъ, не видала, дяденька. Никого, кажись, не было, — бойко отвѣтила дѣвчонка, переминаясь съ ноги-на-ногу и ежась отъ холода.

— А что, баринъ-то сердитый! — спросилъ Спиридонъ Яковлевъ, опять оглядываясь.

— Нѣтъ, дяденька... Онъ сегодня веселый, хохочетъ, сказываютъ, да таково шибко, говорятъ...

— Что же это онъ такъ, съ чего?

— А кто его знаетъ!.. Вечоръ будто сердился... въ городѣ ѣздить, кучеръ говоритъ, такой, говоритъ, сердитый, а обратно ѣхалъ, все пѣлъ, говорилъ что-то такое веселое и свисталъ.

Спиридонъ Яковлевъ слушалъ, какъ говорится, въ оба уха и ничего не могъ понять.

— А баричъ, что?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— Не знаю, не видала, дяденька... Ой, озябли ноги, заколѣла я...—вдругъ поспѣшно добавила дѣвчонка и убѣжала, прыгая по снѣгу какъ коза.

— Что такое тамъ съ нимъ случилось, съ чего онъ повесѣлъ?—удивился Спиридонъ Яковлевъ, и одолеваемый новыми подозрѣніями пошелъ домой.

Анатолій Петровичъ въ это время былъ во флигелѣ отцовскаго дома и не видѣлъ ни разу проходившаго мимо Спиридона Яковлева, такъ какъ все время просидѣлъ на кровати, не снимая ни фуражки, ни пальто, и мрачно косился на окна, на полъ, на стѣны. Онъ страдалъ не менѣе Спиридона, хотя страданія его вызывались совершенно противоположными причинами. Онъ томился мрачными думами о своемъ положеніи и не зналъ, что теперь дѣлать, какъ себя вести, куда идти. Просидѣлъ онъ такъ часа два, рѣшался нѣсколько разъ идти къ отцу, объяснить, сказать ему всю правду, обвинить его самого за то, что именно онъ, одинъ онъ «всѣхъ золъ причина», и откладывалъ рѣшеніе на томъ основаніи, что «все ерунда». Савелій нѣсколько разъ заходилъ къ нему въ комнату въ то время, когда онъ спалъ, и молча уходилъ обратно, осторожно притворяя за собой двери, чтобы не разбудить его.

Приходилъ потомъ еще старый дворový, исполнявшій въ домѣ должность истопника, грохнулъ охапку дровъ на полъ и долго возился около печи, затопляя ее. Анатолий все время не отрывалъ глазъ, притворяясь спящимъ, ему противно было видѣть людей, и этотъ едвадвигающій ноги старикъ тѣмъ болѣе томилъ его теперь, что и ранѣе всегда, во всякое время, видѣ его возбуждалъ въ Анатолиѣ досаду, и именно потому, что по одному этому старику, таскающемуся съ непосильными ношами дровъ по пустыннымъ комнатамъ дома, можно было судить о разстроенныхъ дѣлахъ отца. Онъ едва вылежалъ до тѣхъ поръ, пока старикъ, вкряхтя и охая, не ушелъ изъ комнаты, и сейчасъ же по выходѣ его, сѣлъ на кровати и охватилъ правое колено руками, начиная раскачиваться изъ стороны въ сторону.

— Пойду къ нему и прямо, такъ вотъ прямо и бухну,—рѣ-

шалъ онъ въ десятый разъ, — женился, молъ, и лѣсную дачу выкуплю самъ, потому что ты дурной хозяинъ и раззорилъ все имѣніе. Пойду, да такъ вотъ и выложу все на-чистоту.

— Вы бы, Анатолій Петровичъ, умылись! — вдругъ услышалъ онъ около себя голосъ Савелія, прихода котораго, занятый думами, онъ и не замѣтилъ и изумленно оглянулъ его, даже не понимая въ первый моментъ, какъ это случилось, что вдругъ передъ нимъ, точно изъ-подъ земли, появился человѣкъ.

— Уйди ты отъ меня... — дико отшатнулся Анатолій, — уйди! Ты съ отцомъ за-одно...

— Господь съ вами, — успокоивалъ Савелій, — умойтесь, очень это облегчаетъ...

— Убирайся съ своими совѣтами къ чорту!

— Чего же въ этомъ хорошаго, Анатолій Петровичъ, ежели вы такъ будете гнѣваться... Теперича извольте сообразить, сколько дней папаша мнѣ постоянно выговариваетъ... Какъ же такъ возможно?

— Нѣтъ ли тутъ чего-нибудь выпить? мрачно хмурясь, спросилъ Анатолій.

— Откуда же? сами знаете... — пожалъ плечами Савелій. — Пожалуйста въ столовую-съ, папаша васъ проситъ-съ.

— Приду сейчасъ... Я приду... Скажи, что я приду, да! Приду, да еще и скажу кое-что, да! Скажи имъ, что кое-что у меня есть для нихъ новенькое...

Савелій изумленно посмотрѣлъ на Анатолія, такъ странно показалось ему его измѣненное лицо, дергавшееся около губъ какими-то странными судорогами, и его лихорадочный взглядъ.

— Лучше бы при мнѣ умылись... Я бы помогъ... Анатолій Петровичъ... — тихо замѣтилъ Савелій.

— Что ты ко мнѣ присталъ? — вдругъ закричалъ Анатолій, почти дикимъ голосомъ: — что я вамъ дался, мальчишка, что ли какой! Убирайся! Я самъ приду и все скажу, да! Всѣ скажу! Я наслѣдникъ и имѣю полное право выкупить имѣніе на аукціонѣ... Убирайся отсюда, тебѣ говорить!

Отъ такъ дико закричалъ, что Савелій нашелъ лучшимъ уйдти, чтобъ не раздражать его болѣе, и уходя, пришелъ къ рѣшительному заключенію, что «дѣло худо: баричъ заговариваться начинаетъ».

Анатолій сталъ-было снимать пальто, намѣреваясь умыться, но вдругъ рѣшилъ, что все ерунда, и вышелъ изъ комнаты. Однако же, онъ пошелъ не къ отцовскому завтраку, а прямо

на улицу и чрезъ нѣсколько времени былъ уже въ избѣ Спиридона Яковлева наединѣ съ своей молодой женой.

Однако же, въ этотъ вечеръ Петръ Ѳедоровичъ не успѣлъ выѣхать изъ усадьбы, задержанный долгими сборами Глафиры Александровны и Насти, и отложилъ отъѣздъ до утра.

XX.

На другой день утромъ Спиридонъ Яковлевичъ опять отправился въ господскому дому, но какъ только дошелъ до него, такъ сейчасъ же зашагалъ обратно торопливымъ, почти бѣглымъ шагомъ.

— Спиридонъ Яковлевъ, а Спиридонъ Яковлевъ?—остановилъ его знакомый крестьянинъ старикъ:—погоди-ка немного... скажи пожалуйста, правду ли это болтають, будто ты господскаго сына на своей дочери женилъ, а?

— Врутъ, врутъ, дѣдушка,—торопливо отвѣтилъ Спиридонъ Яковлевъ,—прости ты меня, мнѣ, видишь, некогда, по дѣламъ своимъ бѣжать надо.

— Дѣловъ у тебя, вѣстимо, много... Такъ врутъ, говоришь, а? То-то я и самъ думаю, что врутъ — куда эоо дерево рубить! Какъ ни какъ, а все же господа...

Но Спиридонъ Яковлевъ не слушалъ старика и торопливо зашагалъ по направленію къ своему дому. Не заходя въ комнаты, онъ захватилъ въ амбаришѣ конскую сбрую, самъ запрегъ лошадь въ санишки и, спустя нѣсколько минутъ, уже гналъ по большой дорогѣ въ Малорѣченскъ, немилосердно нахлестывая лошадь вкutomъ. Встрѣтился ему на дорогѣ обозъ и какъ нарочно такой длинный, что и конца ему не было видно, и докуда глазъ могъ различать предметы, все танулись воза, оглобли, дуги и унылыя конскія головы. Спиридонъ Яковлевъ сталъ обгонять обозъ, направивъ свои сани прямо по свѣгу около дороги и ругалъ обовныхъ мужиковъ, самъ не зная за что, и въ отвѣтъ отъ нихъ слышалъ тоже отчаянныя ругательства. Онъ не опустилъ бы случая побраниться съ ямщиками, еслибъ даже и не очень спѣшилъ въ городъ, потому что брань съ ними всегда ведется безъ злобы, больше по обычаю и чуть ли даже не служить пріятнымъ развлеченіемъ для обѣихъ сторонъ; но теперь онъ отчаянно злобствовалъ за то, что обозъ мѣшалъ ему гнать лошадь во весь скакъ по дѣлу самой экстренной важности. Миновалъ онъ, наконецъ, обозъ и погналъ опять лошадь, не слу-

шая посылаемыхъ ему въ догонку ругательствъ, и только тогда поѣхалъ рысью, когда былъ уже въ Малорѣченскѣ, находя, что гнать въ скакъ по городу неприлично. Остановившись у воротъ дома Филарета Павловича Хохлакова, онъ зацѣпилъ наскоро возжи за тротуарную тумбу и ушелъ внутрь двора, забывъ даже затворить за собой калитку у воротъ.

— Филаретъ Павловичъ у себя? спросилъ онъ перваго встрѣтившагося во дворѣ человѣка.

— Кажись, у себя...

Спиридонъ Яковлевъ бойко зашагалъ по лѣстницѣ и спустя минуту раскланивался съ Филаретомъ Павловичемъ въ его кабинетѣ. Филаретъ Павловичъ сидѣлъ въ валенкахъ, въ бѣлищемъ халатѣ и съ окутанной полотенцемъ шеей, лицо его было почти малиноваго цвѣта и волосы влажны: онъ только-что возвратился изъ бани и не снималъ съ шеи полотенца, находя почему-то, что очень полезно для здоровья, если влажное полотенце, которымъ онъ вытирался въ банѣ, высохнетъ у него на шеѣ.

— Милости прошу, Спиридонъ Яковличъ, садись, братецъ, гость будешь,—пригласилъ Филаретъ Павловичъ, пристально всматриваясь въ лицо Спиридона.

— Въ банькѣ были?—спросилъ онъ изъ приличія, чтобы не начинать нужнаго разговору сразу и безъ всякаго предисловія.

— Да... братецъ мой, помылся, и очень расчудесно, такъ какъ будто, напимѣръ, лѣтъ на десять съ костей долой.

Говоря это, Филаретъ Павловичъ замѣчалъ, что глаза Спиридона Яковлевича что-то очень бойко бѣгаютъ и сидитъ онъ на стулѣ точно на раскаленныхъ угляхъ, шапчонку свою такъ и вертитъ во все стороны и мнетъ немилосердно.

— А я къ вамъ, Филаретъ Павловичъ, по очень нужному дѣлу,—сказалъ онъ, наконецъ, не имѣя силы выдерживать долѣе роль гостя.

— Что-жъ, это хорошо,—протянулъ Филаретъ Павловичъ,— послушаемъ, какое такое дѣло...

— Дѣло, Филаретъ Павловичъ, требуетъ спѣшности, надо вамъ поторопиться, очень надо поторопиться. Вотъ теперича извольте разсудить, какое дѣло: иду я давеча мимо поярковского дома и вижу во дворѣ у него возокъ, крытый возокъ и прислуга суетится что-то, вещи укладываетъ... Я догадываюсь, Филаретъ Павловичъ, что это, значить, Поярковъ-то удирать хотеть изъ усадьбы!

— Куда же это онъ хотеть удирать-то, какъ ты полагаешь, Спиридонъ Яковличъ?

— Я этого не могу знать, только мнѣ, признаться, удивительно, съ чего вы такъ спокойно къ этому относитесь,—тревожно объяснялъ Спиридонъ Яковлевъ:—вѣдь это дѣло такого сорта, что если онъ уйдетъ изъ усадьбы, тогда, можно сказать, ищи вѣтра въ полѣ.

— Ну, ужъ ты тоже сморозишь вздоръ-то!

— Нѣтъ, не вздоръ, Филаретъ Павловичъ,—горячился Спиридонъ Яковлевъ, составляя совершенную противоположность спокойствію Хохлакова:—не вздоръ, а настоящее дѣло. Вѣдь теперича, извольте сообразить, вѣдь нельзя назначить продажу съ аукціона его имѣнія, ежели приставомъ не будетъ вручена ему лично повѣстка. Такъ-ли-съ? Теперь понимаете-съ, онъ удеретъ, приставъ ему повѣстки не вручилъ, и извольте его съ этой повѣсткой искать. Такъ-ли-съ? Надобно, Филаретъ Павловичъ, его остановить.

— Ну, Богъ съ нимъ... Пусть его ѣдетъ...—вяло протянулъ Филаретъ Павловичъ, взявъ въ руки блюдечко и не сводя въ то же время глазъ съ изумленного Спиридона Яковлева.

Спиридонъ уже поднялся со стула и стоялъ предъ нимъ, размахивая сжатой въ правой рукѣ шапкой и забывая, что переходить въ своей горячности тѣ границы, которыя ему нужно было, по его собственному сознанию, соблюдать, чтобы не выдать своихъ плановъ.

— Какой вамъ расчетъ, Филаретъ Павловичъ, какой расчетъ... Извольте сообразить, можетъ онъ десять лѣтъ не прѣдетъ... Сторожите-ка вы все это время лѣтъ-то!

— Десять лѣтъ положено по закону на давность,—протянулъ Хохлаковъ.

— Ну, хорошо-съ, такъ будемъ говорить—хотя бы на десять лѣтъ... Какой расчетъ выпускать изъ рукъ, когда дѣло налажено?

При этихъ словахъ Спиридонъ Яковлевъ и самъ уже замѣтилъ, что зарвался далеко и сразу понизилъ тонъ, пугливо оглянувшись почему-то назадъ, точно боясь чьего-то нападенія отсюда.

— Что ты такъ, Спиридонъ Яковличъ, хлопчешь объ этомъ дѣлѣ. Тебѣ-то какая отъ него польза?

— Я для васъ, для васъ... Повѣрьте, я довольно даже много вамъ благодаренъ, потому, который годъ съ вами дѣла дѣлаю...

— На этомъ спасибо, братецъ мой! Вотъ я тебѣ что скажу, а ты послушай да хорошенько, понимаешь?

— Извольте-съ, Филаретъ Павловичъ, какъ прикажете такъ и будетъ-съ...

— Ну, вотъ и дѣло. Садись-ка на стулъ, а то толчешься на мѣстѣ, даже безобразно...

Спиридонъ Яковлевъ сѣлъ.

— Такъ вотъ слушай... Эй, дѣвушка, — крикнулъ онъ, стуча чайной ложечкой по краю блюдечка, — послушай, подай-ка сюда чаю. Вотъ видишь ли, Спиридонъ Яковлевичъ, — обратился къ нему Хохлаковъ, какъ будто не замѣчая, что Спиридонъ Яковлевъ едва сидитъ на мѣстѣ, охваченный тысячью подозрѣній: — вотъ видишь ли, ты говоришь, надо задержать Пояркова, чтобы поскорѣе его задушить?

— Какъ задушить? Помилуйте, Филаретъ Павловичъ, невозможное дѣло-съ... Я только, значить, по закону.

— Это все то же, Спиридонъ Яковличъ, и разницы не составляетъ. И по закону можно отлично хорошо сцапать чело-вѣка въ лапы и такъ его исковеркать въ одну минуту, что и духъ вонъ. Развѣ это благородно? Это, братецъ ты мой, вовсе дѣло неодобрительное и такъ нельзя. Ты по чело-вѣчеству суди, а не то, чтобы какъ либо этакъ не по-христіански. Такъ-то! Вотъ пей-ка чай. Чай у меня самый ханскій, изъ первыхъ сборовъ.

Спиридонъ Яковлевъ былъ блѣденъ, руки его немного вздрагивали, когда онъ бралъ съ подноса стаканъ, сунувъ предвари-тельно подъ свое сидѣнье шапку. Судя по тону голоса Фила-рета Павловича, онъ догадывался, что расчеты его на жирный кусокъ ускользаютъ, кѣмъ-то разрушаемые, и подавляемый мрач-ными подозрѣніями, онъ чувствовалъ, что подъ нимъ какъ будто роетъ кто-то яму, и вотъ, вотъ сейчасъ столкнетъ его туда.

— Такъ вотъ, братецъ мой, Спиридонъ Яковличъ, — тянулъ Хохлаковъ, любуясь смущеніемъ гостя и давно уже догадываясь о его разрушающихся надеждахъ. — Теперь, можетъ, Петръ-то Фе-доровичъ закатывается уже вдоль по большой дорогѣ въ губер-нію, а можетъ, и въ самый Питеръ укатить, а ты вотъ сидишь тутъ да и сердись на меня, что я его отпустилъ.

— Я что-же... Помилуй-те... Я только ради угожденія вамъ.

— Это такъ! Это я понимаю. Я только къ примѣру. Пей еще стаканчикъ. Эй, дѣвушка!

— Покорнѣйше благодаримъ, довольно, — отговаривался Спи-ридонъ, кивая головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого нельзя! Подавай еще. Я, братецъ мой Спиридонъ Яковличъ, и самъ тебя очень люблю, потому какъ ты мужикъ съ разсудкомъ и умѣешь все понимать.

— Покорнѣйше благодарю, — тревожно отвѣтилъ Спиридонъ Яковлевъ, не зная, какъ бы отдѣлаться отъ чаю и убѣжать поскорѣе отъ Филарета Павловича.

— Благодарить не за что, а правда, она правдой завсегда и будетъ. Только я тебѣ скажу, что на счетъ Пояркова ты ошибся... Ей-ей ошибся, прозѣвалъ...

— Что такое, въ чемъ, на примѣръ?

— А въ томъ, что мимо твоихъ рукъ дача проскользнула — вотъ что! Чего таять, проскользнула — и шабашъ!

— То-есть какъ это? — съ безпокойствомъ спрашивалъ Спиридонъ Яковлевъ, чувствуя, что яма подъ нимъ дѣлается все глубже.

— Да такъ же, прозѣвалъ... Я, братецъ мой, гусь старый и давно вижу, куда ты мѣтишь, только ужъ извини, — не умѣтишь.

— Филаретъ Павловичъ... — заговорилъ Спиридонъ Яковлевъ, опять вставая со стула и отодвигая подальше отъ себя ненавистный ему стаканъ съ чаемъ. — Филаретъ Павловичъ, вы меня извините — лучше прямо все сразу, нежели такъ томить... Что же я прозѣвалъ, на примѣръ, такое? Вѣдь я и самъ не скрываюсь, что дѣйствительно тогда оплошалъ, когда можно было у Петра Ѳеодоровича взять въ залогъ дачу... Ну, такое время было и деньги затрачены на другое... Но чѣмъ же я оплошалъ теперь?

— Нѣтъ, я не о томъ, — уклончиво отвѣтилъ Филаретъ Павловичъ, — я говорю, братецъ мой, что аппетитъ у тебя большой, ну, только еще сноровки мало. Вотъ хоша бы теперь взять на счетъ поярковского сына, гляди, парень, какъ бы и тутъ не случилось какой-нибудь оказіи.

Спиридонъ Яковлевъ при этихъ словахъ опять пугливо оглянулся назадъ, думая, что ужъ не узналъ ли Хохлаковъ о женитьбѣ Анатолія.

— Ничего, не бойся, никто не услышитъ, — успокаивалъ, улыбаясь, Хохлаковъ, — да и что же такого неблагороднаго, ежели ты и въ дружбѣ съ нимъ. Дѣло хорошее. Ты человѣкъ съ понятіемъ, знаешь, что онъ наслѣдникъ и можно его опутать, а черезъ него на аукціонѣ дачу лѣсную выкупить... Ну, только я тебѣ скажу, все это, братецъ мой, вилами на водѣ писано... хе, хе, хе!

Филаретъ Павловичъ посмѣялся тихимъ хохотомъ и неторопливо распуталъ часть полотенца, окутывавшаго его шею.

— Тепловато стаеетъ мнѣ, — добавилъ онъ, раскрывая нѣсколько и полы халата. — Такъ-то-съ, другъ сердечный, прозѣвалъ, ужъ извини, а я тебя обошелъ и аукціону теперь ждать долго.

— Какъ же это такъ, Филаретъ Павловичъ, и зачѣмъ же вы повадку ему дѣлаете?

— Миѣ, братецъ мой, его жалъ. Очень я его жалѣю... хорошій человекъ...

— Вы, значитъ, отсрочили ему, проценты приписали, Филаретъ Павловичъ.

— Н-да-а! Отсрочилъ... Нельзя круто съ людьми. Надо тоже и о Богѣ подумать.

— Большіе проценты-съ, Филаретъ Павловичъ?

— Зачѣмъ большіе... Какъ слѣдуетъ, по закону.

Спиридонъ глубоко вздохнулъ, не зная, куда теперь броситься, и сталъ прощаться съ Хохлаковымъ.

— Нѣтъ, ты погоди, Спиридонъ Яковличъ, — остановилъ его Хохлаковъ, — погоди, миѣ нужно съ тобой по большому дѣлу поговорить. Садись-ка, да выпей еще стакавъ, что ты, вѣдь это не хмѣльное. Вонъ ты какъ спаиваешь Анатолія Пояркова, да еще хмѣльнымъ; а вѣдь это чай.

— Что вы, Филаретъ Павловичъ, это врутъ все, такъ съ дуру болтають. Зачѣмъ миѣ его спаивать, какая польза?

— Ну, да ладно... Садись. Дѣло есть къ тебѣ и большое.

Спиридонъ Яковлевъ послушно сѣлъ. Вся его фигура представляла теперь что-то запуганное, растерявшееся и дѣйствующее подъ чужимъ вліяніемъ; глаза перестали пытливо нырять по угламъ; правая рука съ измятой шапкой уныло повисла, и рыжая бородѣнка немилосердно страдала отъ щипаній, которымъ подвергала ее лѣвая рука Спиридона Яковлева, не замѣчавшаго въ тревогѣ своего самоистязанія.

— Вотъ видишь ли, какого роду статья, — началъ Хохлаковъ: — правду ли говорить, что ты аренду Поярковской мельницы отсрочилъ еще на два года?

— Правда, Филаретъ Павловичъ, это точно. Отсрочилъ. Такъ хорошо наладилось дѣло, что и лучше не надо...

— Жаловался миѣ Петръ Ѳеодоровичъ, что ты очень его стѣснилъ и больно мало ему далъ за это.

— Дѣло торговое вѣдь. У всякаго свой расчетъ.

— Оно такъ, вѣрно... Только ужъ очень жаловался Петръ Ѳеодоровичъ; можно сказать, говорить, онъ меня ограбилъ. И лугъ, говорить, арендованъ даромъ почти.

— Вреть онъ, ей-Богу, вреть, то-есть такъ вотъ прямо и вреть, — торопливо оправдывался Спиридонъ, забывая, что въ этомъ оправданіи нѣтъ никакой надобности.

— Вреть ли, нѣтъ ли, не знаю, а жаловался! И я пожалѣлъ

его, признаться, очень пожалѣлъ; потому, ежели по его словамъ судить, такъ вѣдь это дѣйствительно грабежъ...

— Дѣло любовное, Филаретъ Павловичъ, я не неволилъ, какъ говорится, не чортъ толкалъ, самъ напалъ...

— Чего тутъ любовнаго, братецъ мой, ежели человѣку приходится туго.

— Да вы что же это, Филаретъ Павловичъ, разспрашиваете меня,—вдругъ спохватился онъ, вспомнивъ, что Хохлаковъ хотѣлъ говорить о дѣлѣ, а вмѣсто того завелъ рѣчь совсѣмъ о постороннемъ предметѣ.—Вы хотѣли что-то такое поговорить о дѣлахъ.

— Я о нихъ, братецъ мой, и говорю. Эта самая мельница и луга касаются меня.

— То-есть, это вы какъ же... на счетъ чего же... Филаретъ Павловичъ?—испугался Спиридонъ Яковлевъ:—какъ же мельница и луга могутъ васъ касаться, ежели они у меня въ арендѣ? Я, значить, арендатель, а имъ хозяинъ до самаго послѣдняго дня срока.

— Это та-акъ, — протянулъ Хохлаковъ, оправляя на шеѣ полотенце,—это ты такъ, правильно. Только, видишь ли, тутъ есть теперь кое-какіе вопросы. Они, пожалуй, и небольшіе, а все же ихъ надо рѣшить, чтобы безъ суда, а ежели судиться, такъ вѣдь хуже.

— Зачѣмъ же судиться, Филаретъ Павловичъ, что вы, неужели мы не знаемъ, что это ужъ послѣднее дѣло. Помилуйте, довольно хорошо понимаемъ, что значитъ судъ...

— То-то я и говорю, что по суду не въ примѣръ хуже будетъ... Видишь ли, когда ты въ аренду мельницу-то взялъ, такъ тутъ около нея было ивовыхъ деревъ видимо-невидимо, а теперь вѣдь больно порѣдѣло... Ты ужъ за это мнѣ заплати.

— Какъ это вамъ? Вѣдь мельница Пояркова,—изумился Спиридонъ Яковлевъ, привставая со стула.

— Нѣтъ ужъ, она не Пояркова, а наша, да и лугъ-то нашъ тоже, вотъ что! Ты хотя и арендатель и до послѣдняго дня срока аренды хозяинъ, ну, только я тебѣ скажу, лучше ты возьми обратно арендные деньги и отступись.

— Помилуйте-съ, Филаретъ Павловичъ, не обидьте...

— Зачѣмъ обижать, это неблагородное дѣло, лучше въ миру да въ согласіи. Ты возьми арендные деньги, а мельницу я перестрою и пушу на восемь поставовъ замѣсто двухъ-то. Вотъ что! Въ такомъ разѣ, то-есть ежели мирно, я тебя тѣснить

не буду, хоша ты этого лѣсу повырубилъ тутъ страсть сколько — я вѣдь ужъ видѣлъ, нарочно ѣздилъ самъ...

— Ну, что же, за лѣсъ-то можно заплатить, — робко замѣтилъ Спиридонъ Яковлевъ.

— Хорошо, и на этомъ спасибо, Спиридонъ Яковичъ, спасибо. Только видишь ли, въ такомъ разѣ ежели, значить, не хочешь отъ аренды отказываться, въ такомъ разѣ мы кредитъ тебѣ по лавѣѣ закроемъ, да окромя того, пошлемъ нашего молодца съ товаромъ по тѣмъ селамъ, гдѣ твои ребята торгуютъ; — можетъ, у нашего-то приказчика товаръ подешевле будетъ... Гляди самъ, какъ лучше... Не потерпѣлъ бы ты убытку, а? Какъ смѣяешь?

Спиридонъ молчалъ.

Спустя нѣкоторое время онъ ѣхалъ обратно въ Красныя Горки унылый и часто оглядывался назадъ, точно боясь, что ласковый, тихій и всегда пріятливый Фаларетъ Павловичъ догонитъ его и верадчиво, закинувъ на шею петлю, потихоньку будетъ ее затягивать.

— Экая жила, — ругалъ его Спиридонъ Яковлевъ, — я его считалъ за апостола, а теперь считаю за кобеля пестраго — вся ему и цѣна въ этомъ. — Спиридонъ Яковлевъ досадовалъ, и въ то же время его одолевали сомнѣнія на счетъ того, что, пожалуй, въ Красныхъ Горкахъ уже всѣ знаютъ о женитьбѣ Анатолія, что если встрѣтившійся утромъ старикъ слышалъ объ этомъ разговорѣ, то и другіе могли слышать и передать вѣсти и на барскій дворъ. И что если Петръ Ѳедоровичъ узналъ о женитьбѣ сына, какую онъ теперь подниметъ бурю! Спиридонъ Яковлевъ, томимый подозрѣніями, раскаивался даже и въ томъ, что женилъ Анатолія на своей дочери.

Санишки его проѣхали, наконецъ, мимо барскаго дома. Взглянувъ туда съ замираніемъ сердца, онъ увидалъ во дворѣ у крыльца возокъ, запряженный четверкой лошадей.

— Уѣзжаютъ! — рѣшилъ онъ, и не зналъ, радоваться ли этому или печалиться.

XXI.

Но слухи о женитьбѣ Анатолія были уже занесены въ домъ Пояркова, только еще не проникли далѣе людской. Въ то время, когда сносились и укладывались въ возокъ вещи, на кухнѣ прислуга шушукалась между собою. Никто, однако же, не рѣ-

шался идти въ господамъ и разсказывать о новостяхъ, отчасти сомнѣваясь еще, справедлива ли она.

Въ господскихъ комнатахъ въ это время готовились къ отъѣзду. Петръ Ѳедоровичъ былъ уже въ дорожномъ костюмѣ, съ сумкой черезъ плечо и въ высокихъ, опушенныхъ медвѣжьимъ мѣхомъ сапогахъ, а Глафира Александровна и Настя — въ суконныхъ черныхъ платьяхъ. Отъѣздъ замедлялся только изъ-за разговора, который завелъ Анатолій съ отцомъ. Никто этого разговора не ожидалъ и тѣмъ болѣе потому, что Анатолій всегда упорно отмалчивался въ отвѣтъ на всѣ нравоученія, но теперь такъ неожиданно заговорилъ и со странною всѣхъ поразившею дерзостью. Началось съ того, что вся семья собралась въ залу, чтобы, посидѣвъ по обычаю нѣсколько секундъ молча, помолиться потомъ на образъ и проститься съ отъѣзжающими. Петръ Ѳедоровичъ, какъ человекъ европейскаго образованія, не признавалъ за этимъ обычаемъ никакого значенія, но изъ угожденія матери, исполнялъ его всегда, и теперь точно также хотѣлъ исполнить, но только-что всѣ усѣлись на стулья, — вдругъ Анатолій сказалъ:

— Напрасно ты, папѣ, меня обвиняешь... Я ни въ чемъ не виноватъ... Скорѣе ты самъ...

— Я виноватъ, что ты дурно себя ведешь?

— Нѣтъ, я о другомъ... Есть тутъ одно обстоятельство, — уклончиво намекнулъ Анатолій и замолчалъ.

Молчаніе это было странно при намекахъ Анатолія на какое-то обстоятельство, о которомъ онъ не захотѣлъ ничего разсказывать.

— Что за странные намеки! — брезгливо замѣтила Глафира Александровна.

— Къ чему же ты начинаешь? — встревожился Петръ Ѳедоровичъ, испугавшійся, не намекаетъ ли Анатолій на тѣ тяжелыя условія, на которыхъ былъ отсроченъ долгъ Хохлакову. — Если ты, — продолжалъ онъ, — нѣсколько исправляешься и сегодняшній день ведешь себя лучше, какъ я замѣчаю, съ предъидущими днями, то я этому душевно радъ.

— Это ты мнѣ, папѣ, зубы заговариваешь... — перебилъ Анатолій, мрачно косясь на отца. — Радуетъ ли ты моему хорошему поведенію или печалишься — это еще вопросъ. Даже и въ томъ вопросѣ, я ли дурно себя веду, не другіе ли кто. Если поприсмотрѣться, такъ, пожалуй, можетъ быть, ты одинъ и виноватъ во всемъ.

— Анатолій, не говори нехлѣбностей! — возразилъ Петръ Ѳедоровичъ, — постарайся лучше исправиться. Оглянись на себя.

— Покорнѣйше благодарю, и вамъ того же желаю...

— Ахъ, какъ ты грубъ!—обиженно возразила Глафира Александровна.

— Позвольте, мама, попросить минутку молчанія, не волнуйтесь, а то опять нервы, мигрени и т. д.—старая исторія...

— Это, однако-же, ни на что не похоже... Всему есть мѣра, — сказала Глафира Александровна, поднимаясь со стула.—Петръ Ѳедоровичъ, прикажите ему замолчать, или я уйду и уведу дѣтей.

Петръ Ѳедоровичъ тоже всталъ и началъ для чего-то поправлять на плечѣ ремень свой дорожной сумки.

— Снѣге татап, — обратился онъ къ матери, —позвольте проститься, —и видя, что она на него сердится, нашелъ нужнымъ еще разъ ее успокоить.—Увѣряю васъ, татап, —говорилъ онъ, нѣжно припадая къ ея руцѣ, —увѣряю васъ, что я буду аккуратно каждую недѣлю вамъ писать. Я и объ Анютѣ тоже, татап, позабочусь... Можно будетъ вообще подготовить почву къ ея экзаменамъ, если она дѣйствительно хочетъ сдавать гимназическій курсъ.

— Пожалуйста, объ Анютѣ не нужно, — перебила бабушка почти строго, —о ней предоставь заботы мнѣ...

— Виноватъ, татап! Я ничуть, я только вообще замѣтилъ... и если вамъ угодно...

— Давно уже ты это знаешь и слыхалъ не разъ, —продолжала Вѣра Антоновна, несмотря на сына:—и не для чего распространяться.

— Я не смѣю возражать, татап! Я только хотѣлъ объяснить свои намѣренія. И вообще о дѣтяхъ...

— Конечно, татап, —поддержала и Глафира Александровна, видя, что мужъ нѣсколько ѣжится отъ холодного тона матери:— конечно, онъ иногда увлекается. Много въ немъ огня, вообще... Но нельзя же думать, что онъ не заботится о дѣтяхъ!

Глафира Александровна величественно приподняла голову и посмотрѣла на Настю, ища въ ея глазахъ одобренія своимъ сказаннымъ съ достоинствомъ словамъ. Настя сейчасъ же смѣтила, чего отъ нея ждутъ, и склонилась головой къ плечу матери.

Петръ Ѳедоровичъ пріободрился и бойко подскѣлъ къ матери, начиная ее увѣрять въ своей благонамѣренности.

— Ну, хорошо, хорошо, —нетерпѣливо замѣтила Вѣра Антоновна, —собрались, такъ чего же еще оправдываться и откладывать. Поѣзжайте.

— Погодите, —перебилъ Анатолій вставая, —мнѣ необходимо сказать... вотъ что... Видите ли, какое дѣло. Я хочу сказать,

что... вы обо мнѣ не безпокойтесь, незачѣмъ... Лучше о себѣ, а я какъ-нибудь самъ...

Онъ былъ въ волненіи и дышалъ тяжело и голосъ его, сразу упавшій на низкія ноты, вдругъ оборвался.

Всѣ въ недоумѣніи переглянулись, не понимая, что за странныя такія перемѣны происходятъ съ Анатоліемъ, и только поняли, что онъ чѣмъ-то томится и что-то хочетъ сказать, несомнѣнно его безпокоющее, какъ вдругъ онъ нахмурился и рѣшительно махнулъ рукой, точно говоря этимъ жестомъ, что не стоить объясняться.

— Ну, что же, что? Говори, Анатолій, — нетерпѣливо просилъ Петръ Ѳеодоровичъ.

— Нѣтъ, не стоить... Вздоръ... — рѣзко отвѣтилъ онъ, — все равно... Повѣжайте... Я хотѣлъ сказать, зачѣмъ вы Анюту не взяли — съ чего вы дѣтей восстанавливаете противъ себя... И меня восстановили, и я теперь не могу безъ злобы на васъ взглянуть. Что я теперь такое, куда я годенъ? Бросили какъ щенка, ну, я и попалъ въ собачьи лапы... Стыдно вамъ, стыдно, по границамъ разбѣзжаете, а тутъ чортъ знаетъ, что со мной дѣлають... Опутали... Теперь я, можетъ быть, совсѣмъ пропащій человекъ.

Губы его дрожали отъ волненія, которое, видимо, увеличивалось съ каждымъ словомъ, но то, что мучило его и сосало сердце, еще все оставалось не сказаннымъ и въ этомъ была причина того волненія, которое овладѣло имъ.

— Анатолій, что съ тобой? — съ изумленіемъ спрашивалъ Петръ Ѳеодоровичъ, — на кого ты жалуешься, кто тебя, говоришь, опуталъ?

— Вы опутали... Конечно... Я вамъ прямо всю правду скажу. Что тутъ еще въ самомъ дѣлѣ. Ну, пропалъ я — и только — и все равно: не сегодня, завтра, черезъ годъ, черезъ десять — все равно — пропаду я такъ же, какъ и всѣ мы, живущіе въ этомъ отвратительномъ свѣтѣ...

— Перестань такъ говорить, — сердито остановила его бабушка, вставая. — Это тебѣ онъ обязанъ такими прекрасными мыслями, — замѣтила она, обращаясь къ Петру Ѳеодоровичу.

Петръ Ѳеодоровичъ пожалъ плечами и, вздохнувъ, сказалъ:

— Матап, — позвольте... Лошади такъ долго ждутъ.

— Я не задерживаю, видишь самъ.

— Но, бабушка, — обратился къ ней Анатолій, — долженъ же онъ меня дослушать... это что же, наконецъ, такое...

— Нѣтъ, нѣтъ, уволь, Анатолій, — заторопился Петръ Ѳеод-

ровичъ,—лучше послѣ, потомъ, когда я возвращусь. Я тебѣ только одно скажу, что не приведетъ къ добру такое поведеніе.

— Какая новость!—замѣтилъ Анатолій, смотря въ полъ.

Старушка стала молиться. Петръ Ѳедоровичъ изъ приличія помоталъ рукой около груди, что замѣняло у него крестное знаменіе; помолились всѣ, кто какъ хотѣлъ, и стали прощаться. Прощаясь съ Анатоліемъ,—Петръ Ѳедоровичъ сказалъ:

— Исправляйся, я буду хлопотать. Можетъ, удастся пристроить тебя куда-нибудь.

— Не нужно. Я не поѣду. Я не могу.

— Ну, хорошо, хорошо. Тамъ увидимъ.

И когда возокъ, наконецъ, тронулся со двора, Анатолій все еще колебался, сказать ли отцу о своей женитьбѣ или умолчать. Онъ шелъ рядомъ съ окномъ, у котораго сидѣлъ теперь въ возкѣ Петръ Ѳедоровичъ и отдавалъ послѣднія приказанія Савелію, шедшему тутъ же около Анатолія.

— Хозяйственные припасы, какіе нужно будетъ, получайте изъ Малорѣченска, изъ лавокъ Хохлакова. Объ этомъ я условился,—сказалъ онъ.

— Слушаю-съ,—почтительно отвѣчалъ Савелій и косился на Анатолія, присматриваясь къ его лицу. Слухи о его женитьбѣ уже дошли и до Савелія, но онъ, какъ и всѣ слышавшіе объ этомъ, былъ въ сомнѣніи, правду ли рассказываютъ — и молчалъ.

Когда возокъ выѣхалъ за ворота, Анатолій махнулъ рукой, точно отгоняя отъ себя одолевавшія его думы. Бабушка и Анюта уже вернулись въ комнаты, и Савелій, оглянувшись назадъ, точно удостовѣрившись, дѣйствительно ли онъ ушелъ,—тихо сказалъ Анатолію, въ раздумьи стоявшему по срединѣ улицы:

— Анатолій Петровичъ, о васъ говорятъ въ деревнѣ что-то совсѣмъ несообразное.

— Ну?—рѣзко спросилъ Анатолій.

— Сказываютъ такъ, что будто бы вы женились на Спиридоновой дочери. Неужели это, Анатолій Петровичъ, правда. Скажите, баринъ, голубчикъ, не танте. Неужели это возможное дѣло, а?

Анатолій повернулъ къ нему въ полъ-оборота голову, помолчалъ, точно прислушиваясь къ его словамъ:

— Пошелъ къ чорту,—рѣзко сказалъ онъ, и отправился къ себѣ во флигель, одолевая мрачными думами.

Савелій, однако, шелъ за нимъ и шепталъ свое.—Вѣдь если

они васъ въ нетрезвомъ видѣ... вѣдь ихъ за это можно судить-съ... Извольте сообразить...

Анатолій сталъ прислушиваться. Савелій, замѣтивъ это, началъ развивать свои соображенія, что можно послать депешу къ папашѣ на первую же станцію и упечь не только попа, а и Спиридона Яковлева со всѣми его свидѣтелями.

— Все вздоръ, ерунда!—вдругъ возразилъ Анатолій.

— А ежели такъ, то и слава Богу-съ,—почти радостно замѣтилъ старикъ,—и все это малодушіе слѣдуетъ вамъ, Анатолій Петровичъ, бросить. Васъ папаша могутъ устроить нетокома што въ губернскомъ, а прямо къ дѣдушкѣ Павлу Степановичу. Дѣдушка сановитый вельможа-съ!.. И тогда, Богъ дастъ, даже и себя не повѣрите-съ, что бывали въ такомъ малодушіи. Оно, конечно, здѣсь мѣсто глухое и отъ мечтаній больше разныхъ этакихъ житейскія слабости. А тамъ, въ Питерѣ, совсѣмъ другой порядокъ, и ежели Господь поможетъ папашѣ, вы, то-есть, въ наилучшемъ видѣ преобразитесь. И невѣсту сообразную съ положеніемъ вашимъ присмотрать.

— Отстань ты отъ меня, старый хрѣнь,—вдругъ завопилъ Анатолій, вскакивая съ кровати, на которой лежалъ, слушая вкрадчивую рѣчь Савелія.

Старикъ вздрогнулъ и отступилъ отъ него шага на два, съ удивленіемъ смотря на искривленное злобой лицо Анатолія.

— Что ты мнѣ тутъ бобы разводишь?—злобно кричалъ онъ, развѣ я не знаю отца? Ты изъ ума выжилъ отъ старости и не замѣчаешь, что кругомъ дѣлается. Вотъ подожди, увидишь, какъ мы всѣ полетимъ внизъ головой въ пропасть.

— Да вы женились, что ли?—спросилъ еще разъ Савелій.

— Пошелъ къ чорту!—дико закричалъ Анатолій и свалился опять на кровать, закрывъ лицо руками.

Такъ пролежалъ онъ до того времени, пока не ушелъ изъ его комнаты Савелій.

— Куда броситься?—томился онъ, когда дверь за старикомъ тихо затворилась.—Пойду къ бабушкѣ и все расскажу, пусть, что хочетъ, то и дѣлается, пусть телеграфируетъ отцу.

Онъ вышелъ изъ флигеля и рѣшеніе свое, казалось, считалъ непреложнымъ, но войдя въ столовую, почти обрадовался, что бабушки въ этой комнатѣ не было.

— Анюта, гдѣ бабушка?—спросилъ онъ сестру, испуганно вышедшую изъ своей комнаты на звукъ его шаговъ.

— Тише,—зашептала она,—тише: бабушка нездорова.

— Что съ ней?—зашепталъ и онъ, охваченный испугомъ сестры.

— Давеча выходила провожать пану, вѣроятно, простудилась, теперь лежитъ въ жару. Тебѣ зачѣмъ ее? Если что нужно, скажи—я сдѣлаю.

— Ахъ, отстань,—нахмурился онъ и пошелъ обратно къ себѣ во флигель.

Оставаться одному съ тоской и сомнѣніями не было никакой возможности, и спустя полчаса, Анатолій оказался опять въ избѣ того же Спиридона Яковлева, на котораго только-что хотѣлъ жаловаться бабушкѣ.

— Проводили родителя? — спросилъ Спиридонъ Яковлевъ, какъ только онъ вошелъ въ избу.

— Да,—отвѣтилъ мрачно Анатолій, не кланяясь, и молча сѣлъ на скамью у стола.

Спиридонъ Яковлевъ тоже помолчалъ.

— Деньжонками раздобылся Петръ Ѳеодоровичъ, — сказалъ онъ, прерывая молчаніе.

— Не знаю. Вѣроятно.

— Это ничего-съ, Анатолій Петровичъ, повѣрьте, сколько бы тамъ ни было-съ, все единственно, какъ въ трубу... Конечно, жаль, вотъ теперича насчетъ мельницы и лужка—очень даже обидно.

Спиридонъ Яковлевъ сталъ рассказывать о своемъ разговорѣ съ Хохлаковымъ, но Анатолій едва ли слышалъ что-либо изъ его разказа, занятый своими думами.

— Замолчи ты, чортъ тебя побери!—вдругъ прервалъ онъ Спиридона Яковлева, вздрогнувшего даже отъ его громкаго, а главное неожиданнаго крика:—что ты мнѣ тутъ городишь всякій вздоръ? Очень мнѣ нужны твои жалобы. Я самъ хочу на тебя жаловаться и на пріятеля твоего Захара. Вы меня съ нимъ опутали и думаете, что такъ вотъ и удалось вамъ вывернуться.

— Это дѣло ваше, Анатолій Петровичъ, какъ угодно,—спокойно замѣтилъ Спиридонъ Яковлевъ,—я супротивъ этого ничего не могу-съ... Тамъ разберутъ, какъ и что... Марейныя,—крикнулъ онъ, пріотворяя дверь,—принеси-ка закусить. Что-то проголодался и прозябъ, давеча ѣздилъ въ городъ, — сказалъ онъ въ видѣ поясненія причинъ, по которымъ потребовалась закуска.

Выпивку достать было ближе, она въ той же избѣ въ крашенномъ шкапчикѣ стояла. Спустя минуту, другую, мрачное расположеніе духа Анатолія нѣсколько просвѣтлѣло, въ избѣ уже не было Спиридона, а съ Анатоліемъ сидѣла законная жена его, Марѳа Спиридоновна.

— Да вѣдь ты просто красавица,—увѣрялъ онъ, ласкаясь къ ней,—вѣдь у тебя такое свѣжее румяное лицо и душа у тебя такая славная, добрая.

— Ну, ну, ладно ужъ.

— Милая, милая... ласкался онъ.

— Ты самъ такой же, — стыдливо потупясь, прошептала она,—ишь, какъ ухватился... пусти, безстыдникъ.

XXII.

Бабушка расхварывалась. Анатолій не видалъ ее уже дней пять. Ночеваль онъ обыкновенно у Спиридона, который изъ дальновидныхъ соображеній ничѣмъ не вмѣшивался въ его отношенія къ молодой женѣ, не дѣлалъ ему даже никакихъ намековъ на то, что пора бы ему взять ее къ себѣ, и какъ-будто даже соглашался, что Анатолій именно такъ и долженъ вести себя: утромъ уходить домой и вечеромъ приходить къ женѣ и ночевать съ ней. Спиридонъ Яковлевъ въ тайнѣ радовался, что горячіе слѣды остыли и Анатолій живетъ съ его дочерью «въ законѣ». Но слухи о женитьбѣ Анатолія перешли уже изъ области предположеній въ дѣйствительность, и не только прислуга въ домѣ Пояркова говорила объ этомъ громко, но и возвратившаяся изъ своей поѣздки жена Спиридона Яковлева уже явно кичилась родствомъ съ господами. Знала уже и сестра Анатолія Анюта, что братъ женился на дочери Спиридона Яковлева, и что мать ея только о томъ и думаетъ, какъ бы помѣстить свою дочь вмѣстѣ съ господами. Анюта услыхала объ этомъ отъ Савелія вскорѣ послѣ отъѣзда изъ усадьбы Петра Ѳеодоровича. Она вспыхнула, не зная, что ему отвѣчать, и хотѣла тотчасъ же идти къ бабушкѣ, чтобы все слышанное передать ей, но Савелій самъ испугался того волненія, которое замѣтилъ на лицѣ Анюты.

— Вы, барышня, не извольте тревожиться, а тѣмъ паче бабушку беспокоить. Сами извольте знать, что она въ болѣзни...

— Но какъ же, что же дѣлать?—спрашивала Анюта, не зная, куда смотрѣть.

— Главная причина-съ—нужно хладнокровіе, а тамъ уже все какъ-нибудь, Богъ дастъ, обойдется. Прежде всего извольте съ братцемъ поговорить, внушите имъ, что во флигелѣ не возможно... Папенька узнаютъ, поднимутъ баталію...

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ Савелій, я не могу!.. Ахъ, какія ужас-

ныя обстоятельства!—воскликнула она и ушла, не сказавъ Савелію ничего рѣшительнаго.

Она была въ большой тревогѣ, не зная, въ чемъ искать спасенія отъ неожиданной бѣды, вдругъ обрушившейся надъ ихъ домомъ, и послѣ разговора съ Савеліемъ долго томилась тяжелыми предчувствіями: то ей казалось, что извѣстіе о женитьбѣ Анатолія убьетъ бабушку, то вдругъ представлялось, что отецъ убьетъ Анатолія, какъ только узнаетъ о его женитьбѣ на крестьянской дѣвушкѣ.

Однако же, она пересилила себя и въ этотъ же день заговорила съ братомъ. Они сидѣли въ столовой за самоваромъ. Анатолій молча пилъ чай и не смотрѣлъ на сестру, сидѣвшую на мѣстѣ бабушки. Онъ былъ почти трезвый, что въ послѣдніе дни чаще стало въ немъ замѣчаться.

— Толя,—обратилась сестра, боязливо на него взглянувъ.

— Что тебѣ?—отвѣтилъ онъ, не глядя на нее.

— Скажи мнѣ, что это такое... рассказываютъ... будто ты женился.

— Можетъ быть.

— Правда это? Да? На дочери Спиридона?—спрашивала она, стараясь казаться спокойною.

— Правда.

— И ты такъ беззаботно объ этомъ говоришь! Толя!..

— Что же мнѣ, на стѣну, что ли, лѣзть?—грубо отвѣтилъ Анатолій и сердито отодвинулъ стулъ, выходя изъ-за стола.

— Ахъ, ради Бога, тише,—испуганно прошептала сестра:—бабушка только-что заснула.

Онъ хотѣлъ уйти, не находя никакого интереса въ разговорѣ съ сестрой, но она остановила его, торопливо выйдя съ другой стороны стола ему на встрѣчу.

— Толя, ради Бога, на одну минуту останься. Мнѣ нужно поговорить.

— О чемъ это? о томъ, что «ахъ, ахъ, какой ужасъ!» Этого я не хочу слушать, не хочу. И въ чему тутъ разпросы: «какъ же, да зачѣмъ же»? Безполезны они!

— Но что же скажетъ папа... родные?..

Анатолій помолчалъ и вдругъ перемѣнилъ тонъ.

— Бабушка не знаетъ?—прошептала она, оглядываясь.

— Нѣтъ еще... Я не говорила. Я и сказать не рѣшаюсь.

Онъ сѣлъ на диванъ и замолчалъ, склонивъ голову на обѣ руки.

— Нельзя ли, Толя, какъ-нибудь поправить? — спросила сестра.

— Фу, какой ты вздоръ говоришь, — прервалъ онъ, сердясь и вставая съ дивана. — Какъ это въ васъ нѣтъ нисколько соображенія. Ну, что поправить, подумай, какая нелѣпость! Развѣнчивать, что ли, меня? Да, наконецъ, я просто самъ не хочу никакихъ переменъ.

— Ты страдаешь, я вижу, что ты страдаешь...

— Я страдаю не отъ того, что женился. Есть много другихъ причинъ. Дѣла отца...

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ, ты не то говоришь... погоди, погоди пожалуйста, не уходи, — зашептала она, видя, что братъ взялся за фуражку: — я слышала... мнѣ говорили... Неужели ты въ самомъ дѣлѣ хочешь ее перевести сюда?

Онъ остановился и выраженіе его лица рѣзко измѣнилось.

— Да... Я и самъ теперь не знаю, какъ быть, — нерѣшительно проговорилъ онъ, вздохнувъ, — обстоятельства такъ скверно складываются. И я рѣшительно не виноватъ.

— Ахъ! Это ужасно! Я понимаю, что поправить нельзя. Но какъ же быть, что дѣлать?

Ея печальный тонъ снова возмутилъ его.

— Какъ мнѣ противны эти ваши вздохи и ахи, — брезгливо перебилъ онъ. — Ну, что важнаго въ томъ, что человекъ женился, или тамъ женили его, что ли? Кто тутъ въ дуракахъ, ужъ не я ли по-твоему? Вотъ вздоръ какой!.. Вовсе не я! Я свободный человекъ всегда и вездѣ. Мила мнѣ она, живу съ ней, не мила — могу всегда оставить... Онъ, оселъ, воображаетъ по своей глупости, что связалъ меня женитьбой по рукамъ и ногамъ. Ошибается, очень ошибается.

— Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же ты хочешь ее перевести сюда во флигель? Оставь ее, когда самъ говоришь, что это такъ легко сдѣлать.

— Я и оставлю, когда захочу.

— Но отчего же не теперь?..

— Теперь, во-первыхъ, отецъ ее гонитъ, говорить, чтобы я взялъ ее къ себѣ.

— Ахъ, Толя, какой ты странный! Тебя рѣшительно не поймешь...

— Нечего и понимать! — грубо отвѣтилъ онъ, впадая въ свое обычное мрачное настроеніе духа.

— Но потомъ, когда ты оставишь ее, что-жъ тогда съ тобой

будеть? Подумай, ты же будешь связанъ ею. Ты будешь не холостой и не женатый.

— И даже не вдовый, — добавилъ онъ съ грустной улыбкой.

— Да, да, Толя... Это ужасное положеніе, подумай...

— Ничего ужаснаго нѣтъ, никакой разницы... Это прежде давно... при царѣ Горохѣ... Теперь чортъ знаетъ, что кругомъ творится. Мужья женъ бросаютъ, жены мужей и живутъ себѣ припѣваючи.

— Ахъ, Толя, — перебила она: — ты только себя утѣшаешь, обманываешь...

— Ничуть. Мы почти бездомные, все заложено у насъ и перезаложено — стоить ли въ такомъ положеніи задумываться... Все равно...

— Я знаю. Мнѣ бабушка говорила, что дѣла папы запутались... И тѣмъ болѣе ужасно, Толя, что въ такомъ положеніи ты себя связалъ.

— Ничѣмъ! — рѣзко возразилъ онъ.

— Какъ ничѣмъ? Ты могъ исправиться отъ своихъ, извини, недостатковъ, поступить на службу... И отецъ говорилъ, уѣзжая, что можетъ найти тебѣ службу, гдѣ-нибудь въ частной конторѣ.

— Вреть онъ!

— Зачѣмъ ты такъ грубо...

— Пожалуйста, безъ правоученій.

— Къ чему теперь правоученія, — грустно сказала она, покачивая головой и потомъ, видимо подъ впечатлѣніемъ новыхъ напугавшихъ ее мыслей, быстро зашептала:

— Подумай... Представь себѣ... Что же будетъ потомъ, когда папá приѣдетъ; какъ посмотреть на это мамаша... А дѣдушка услышитъ... Что онъ скажетъ?

— Нечего впередъ заглядывать, — рѣзко проговорилъ онъ.

— Но и теперь, Толя, въ настоящее время не лучше... Подумай!.. Если ты ее перевезешь во флигель, что же бабушка скажетъ, какъ она къ этому отнесется?

— Ну, что же, что же мнѣ дѣлать, — вдругъ заговорилъ онъ, сердито разводя руками: — куда же мнѣ дѣваться, въ прорубь, что ли, головой кинуться? Пойди, послушай, что они, скоты, говорятъ.

— Кто это? — изумленно спросила сестра.

— Они, отецъ и мать ея... Еще вчера стали приставать: возьми, да возьми ее къ себѣ, а сегодня я разругался съ нимъ изъ-за этого... И онъ, и она въ одинъ голосъ: — выгонимъ дочь на улицу. Она плачетъ. Конечно, она скромная. Я собственно

ничуть не жалѣю... Ну ихъ!.. Но вѣдь пойми, вѣдь это свинство... Согласись, не ловко же въ самомъ дѣлѣ, если они ее гонять изъ дому. Ну, чтожъ бабушка! Все равно, рано ли, поздно ли, узнаетъ же она о моей женитьбѣ.

Сестра печально опустила на стулъ.

— Толя, Толя! что ты надѣлалъ!—прошептала она и тихо заплакала, закрывъ лицо руками.

XXIII.

Мареа не понимала плановъ отца и плакала, утирая рукавомъ слезы.

— Татенька, за что же ты сердчаешь, вѣдь я не по своей же волѣ вышла за него замужъ. Мамонька, родимая! За что же вы такіе оба со мной? Нешто я васъ не почитала, али я въ домѣ не работница?

— Глупая, ты уймись,—утѣшалъ ее Спиридонъ Яковлевъ,—о твоей же пользѣ мы радѣемъ. И гдѣ же видано, чтобы мужъ да врозь съ хозяйкой жилъ? Мѣстовъ, что ли, у нихъ въ домѣ нѣту? Слава Богу, чай найдется довольно. Пойди къ нему во флигель, а я слѣдомъ за тобой на саняхъ привезу что надоть.

— Да я боюсь,—колебалась Мареа:—Анатолій Петровичъ мнѣ строго на-строго приказывалъ, чтобы не слушаться тебя, татенька.

— Полно, полно, Марейня, —утѣшала мать,—поди, родная, къ мужу. Сама видишь, вѣдь онъ, какъ барашекъ, ласковый, не обидитъ.

— Ой, мамонька, вѣдь онъ ласковый-то, когда выпивши, а тверезой-то все хмурится. Теперь, какъ татенька пересталъ ему давать хмѣльного, боязно мнѣ съ нимъ.

— Ничего, не бойся, Марейня, —утѣшалъ отецъ:—все оботрется и обомнется. Знаешь, пословица говорить: крута гора, да забывчива, такъ ли?

Мать суетливо снаряжала дочь изъ дому и заботилась, чтобы одѣть ее понаряднѣе, думая въ простотѣ души, что нарядъ можетъ благотворно подѣйствовать на расположеніе духа Анатолія.

Не такъ простодушно смотрѣлъ на это дѣло Спиридонъ Яковлевъ и не о нарядахъ онъ думалъ, отправляя дочь въ господскій домъ.—Не выгналъ бы,—опасался онъ: «а то срамота одна будетъ и пересудовъ не оберешься».

Изъ предосторожности онъ настоялъ, чтобы дочь шла къ мужу

одна и нарочно медлилъ отъѣздомъ, выжидая, не возвратится ли пожалуй она, и только тогда тронулся въ путь, когда уже былъ нѣтъ всякаго сомнѣнія на счетъ того, что дочь осталась во флигелѣ у Анатолія. Время для исполненія своего плана онъ избралъ, конечно, вечернее, когда нѣтъ лишнихъ глазъ, и наложивъ на сани кое-какой скарбъ, составившій приданое Марѣ, перевезъ его въ господскій домъ.

— Не осудите, Анатолій Петровичъ, — кланялся онъ, войдя во флигель: — все же какъ ни какъ, а дочка она мнѣ, Марейника-то.

— Ахъ, уходи пожалуйста, уходи, нечего тебѣ здѣсь дѣлать, — затопалъ ногами Анатолій: — самъ дочь выгналъ, да самъ же опять и идешь.

— Нѣтъ, я вѣдь не то чтобы такъ, зря... Я за дѣломъ, будьте покойны, не гнѣвайтесь, — вкрадчиво говорилъ онъ, разводя руками и кланяясь. — Я Марейникѣ привезъ вещи по домашности, что слѣдуетъ. Ужъ дозвольте, все же родители и желаемъ честь честью. Вещи вонъ тамотка, въ передней комнатѣ.

— Уходи, уходи, чортъ тебя поberi! — закричалъ Анатолій, еще болѣе раздражаясь отъ вкрадчивой рѣчи Спиридона.

Марѣа стояла въ сторонѣ отъ нихъ, понутивъ голову, и всхлипывала, удерживаясь отъ громкаго плача. Она не поднимала глазъ ни на отца, ни на Анатолія, и только когда Анатолій закричалъ, она встрепенулась и испуганно оглянула обоихъ.

— Тятенька, уйди. Грѣхъ одинъ промежду васъ только.

— Никакого тутъ грѣха нѣтъ, Марейника, — перебилъ отецъ: — дѣло самое настоящее и ты не тревожься. Прощенья просимъ, Анатолій Петровичъ. Я всегда со всякимъ къ вамъ уваженіемъ. Сами увидите послѣ, какой такой я на свѣтѣ семь человѣкъ. Я, можетъ, болѣю о васъ сердцемъ побольше вашихъ родителей. Такъ ли-съ?

Анатолій упорно молчалъ и даже кивкомъ головы не отвѣтилъ на усердные поклоны и заискивающій тонъ своего тестя.

— Прощенья просимъ. Марейника, заходи, — сказалъ Спиридонъ Яковлевъ уже въ дверяхъ, и потомъ, какъ только выѣхалъ изъ воротъ господскаго дома, снялъ шапку и перекрестился на церковь.

— Ну, теперь слава Богу, значить, — рѣшилъ онъ, — а никого больше не боюсь.

Возвратившись домой, онъ встрѣтилъ въ избѣ дьячка, давно уже ожидавшаго его возвращенія.

— А, Гома Лукичъ, что скажешь? — радостно спросилъ онъ, здороваясь съ нимъ.

Оома Лукичъ былъ все тотъ-же. На затылкѣ косичка, напоминавшая крысѣй хвостъ, носъ сизый, тусклые глаза и желто-зеленаго цвѣта подрясникъ, закапанный воскомъ и украшенный кое-гдѣ заплатами.

— Я ожидаю тебя, Спиридонъ Яковличъ.

— Какое такое дѣло?—улыбаясь, спросилъ Спиридонъ Яковлевъ.

— Да на счетъ того... Сובлаговоли, какъ назначилъ въ прошлый разъ. Красненькую-то бумажечку въ приношеніе. Самъ же опредѣлилъ недѣлю сроку.

— Что-й-то я въ толкъ не возьму,—нахмурился Спиридонъ Яковлевъ, почесываясь:—о чемъ ты это толкуешь.

— Эге,—подмигнувъ Оома Лукичъ,—ты, я вижу, что-то возвращаешься вспять. Это не благоразумно. Я донесу въ такомъ случаѣ преосвященному владыкѣ и бракъ могутъ расторгнуть.

— Опоздалъ, Оома Лукичъ. Не расторгнуть. Теперь ужъ крѣпко; время прошло довольно, и молодые живутъ вмѣстѣ.

— Да это что-же за притча такая,—всплеснулъ руками Оома Лукичъ:—отецъ Захарія не далъ ни одной то-есть копѣечки, ты нарушаешь свое слово. Гдѣ-же искать защиты? Нѣтъ, я подамъ прошеніе. Вѣнчали пьянаго. Какъ угодно, этого нельзя.

— Бери рубль, такъ и быть, чтобъ безъ хлопотъ.

— Да вѣдь ты обѣщалъ красненькую. Какъ шли мы изъ церкви, припомни, самъ же ты крестился и увѣрялъ. Развѣ можно такъ?

— Повремени, нельзя-же такъ кричать, иида въ ушахъ звонъ,—улыбаясь, уговаривалъ Спиридонъ Яковлевъ, открывая дверцы красненькаго шкафика, гдѣ стоялъ у него графинъ съ водой.

— Я громогласенъ, это справедливо, очень я громогласенъ,—согласился Оома Лукичъ, понижая тонъ своей сердитой рѣчи при первомъ же взглядѣ на вынутый изъ шкафика графинъ.

— Вотъ выпей-же перво-на-перво,—предложилъ хозяинъ,—а тамъ, Богъ дастъ, дѣло уладится.

— Меньше синенькой не возьму. Невозможно, и то дешево... лепеталъ Оома Лукичъ, спустя нѣкоторое время послѣ того какъ графинъ былъ поставленъ на столъ.

— Рубль—вся цѣна! Въ самый разъ, и больше не полагается,—стоялъ на своемъ Спиридонъ Яковлевъ, тоже прихлебнувшій на радостяхъ. Онъ похлопывалъ по плечу Оому Лукича, въ самодовольномъ сознаніи своего надъ нимъ превосходства, и

поглаживалъ потомъ бородку, радуясь, что, наконецъ, ему удалось сбыть дочь на руки ея законнаго мужа.

— Ничего... Богъ дастъ и лѣсную дачу добудемъ, — утѣшался онъ: — все потихоньку, да полегоньку. Филаретъ Павловичъ свое, а мы тоже свое... Такъ ли, Оома Лукичъ?

Оома Лукичъ вздрагивалъ отъ неожиданнаго хлопанья по плечу и твердилъ свое, что «меньше нельзя». Такъ они бесѣдовали, пока не отворилась изъ сосѣдней комнаты дверь и не нарушила ихъ мирной бесѣды жена Спиридона Яковлева, вошедшая къ нимъ съ заплаканными глазами.

— Что ты, хозяйка, съ чего такъ, — удивился Спиридонъ Яковлевъ, уже порядочно раскраснѣвшійся отъ бесѣды около графина.

— Ахъ, ты, головушка, головушка беззаботная, — слезливо запыла она: — нѣтъ въ тебѣ ни жалости, ни печали. Дочка-то у насъ была одна-одинехонька, да и ту не путемъ замужъ отдали. Охъ, ты горе мое, гореваньице! Плачетъ, чай, и она теперь, заливаясь.

Къ удивленію Спиридона Яковлева въ дверяхъ показались еще двѣ-три печальныя фигуры тетусекъ и бабушекъ и затаили въ тонъ хозяйки.

— Да вы что это! Никакъ тоже и у васъ тамъ графинчикъ, — изумился Спиридонъ Яковлевъ, поднимаясь изъ-за стола.

— Охъ, батюшка ты, нашъ кормилецъ! Выпили и мы, родименькій, — поддержали всѣ женщины хоромъ, покачиваясь одна на другую. — Выпили, родименькій, за молодущку-то нашу, за голубушку. Что-й-то она теперь тамъ промежду господъ-то дѣлаетъ... Безталанная головушка!

— Стой, бабы, дѣло не ладно!.. — остановилъ громко Спиридонъ Яковлевъ: — Оома Лукичъ, слышь, затагивай веселую! Такъ нельзя, что мы въ самомъ дѣлѣ нашу Маренину-то на горе отдали, что-ли? — Катай «во лузяхъ»!..

— Я преосвященному прошеніе... — бормоталъ Оома Лукичъ, не понимая, о чемъ ему говорить.

— Ахъ, въ ротъ-тѣ каши, какъ скоро ты намокъ! — пожалѣлъ Спиридонъ Яковлевъ. — Жена, хозяйка, тетинька! Затагивайте «во лузяхъ»! Оома разойдется... Онъ это живо пойметъ.

Женщины затаили «во лузяхъ»; Оома Лукичъ изумленнымъ взглядомъ окинулъ ихъ при первыхъ знакомыхъ звукахъ, потомъ сталъ притопывать одной ногой, вслѣдъ за тѣмъ другой, а потомъ и плечами сталъ пошевеливать, оживляясь все болѣе и болѣе. Визгъ женскихъ голосовъ дѣлался все сильнѣе, притопыванья

Оомы Лукича становились опредѣленнѣе и шли уже въ тѣтѣ пѣвию.

— Очень расчудесно! Отчетливо! — похвалилъ Спиридонъ Яковлевъ, стоя фертонъ посрединѣ избы. — Ничего и поплясать, и выпить можно, ежели во-время и укуратно! Оома! Ходи круче.

— «Во лужахъ, во лужахъ, во зеленыхъ лужахъ!»! визжали женщины.

— «Ходи изба, ходи печь! Хозяину негдѣ лечь!» — подзадоривалъ Спиридонъ, пошевеливая плечами.

Оома Лукичъ, уже совсѣмъ оживившійся, отплясывалъ въ присядку.

XXI.

— Извольте написать папашѣ и безпремѣнно сегодня-же. Я письмо самолично свезу на почту въ Малорѣченскъ. Невозможно-съ допустить такихъ пустяковъ Анатолія Петровича-съ...

Такъ шепталъ Савелій Аниютѣ, вызвавъ ее изъ комнаты больной бабушки. Аниута стояла предъ нимъ съ заплаканными глазами, точно она именно и была во всемъ виновата.

— Я напишу. Но пока письмо дойдетъ, пока папа придетъ, что намъ дѣлать? Боже мой, если бабушка услышитъ — это ее убьетъ! — говорила Аниута, утирая слезы.

— Не извольте подавать виду, главное въ этомъ-съ... А тамъ папаша сами, какъ имъ угодно, распорядятся. Извольте прежде всего озаботиться на счетъ письма.

— Я напишу сейчасъ-же.

Но въ такомъ незначительномъ дѣлѣ, какъ отправка письма, вдругъ возникли затрудненія, куда адресовать его, и Аниута выжидала удобной минуты для того, чтобы узнать отъ бабушки адресъ отца.

— О чемъ же ты плачешь? — спрашивала старушка въ отвѣтъ на вопросъ Аниуты объ адресѣ и пытливо всматриваясь впалыми глазами въ ея лицо.

— Я, бабушка, такъ... грустно что-то...

— Что дѣлать, душечка, — утѣшала бабушка, едва приподнимаясь на подушкахъ и прося подложить ей подъ голову повыше: — не нужно унывать. Уныніе грѣхъ, и вотъ, Богъ дастъ, придетъ весна, мы съ тобой поѣдемъ въ Петербургъ, къ брату Павлу Степановичу. Онъ меня всегда любилъ и уважалъ. Онъ намъ съ тобой сдѣлаетъ все, что я попрошу. Будь спокойна. Зимой я не могу, простужусь. О чемъ-же ты писать хочешь отцу?

— Я не отцу,—пугливо отвѣтила Анюта и покраснѣла:—я хочу... сестрѣ Настѣ.

— Ну, что-жъ, пиши. Только письмо-ее тамъ не застанетъ. Вѣроятно, они уже уѣхали въ Петербургъ. О, Господи! Пишутъ Богъ знаетъ что, хотя-бы не оправдывались...

— Но куда-же тамъ адресовать, бабушка?

— Адресуй на имя дяди Павла Степановича. Конечно, они будутъ у него... Неужели и этого не догадаются сдѣлать? Закружились съ деньгами-то... О Боже мой!.. Боже мой...

Анюта молчала, стараясь избѣгать взглядовъ бабушки, и думала только о томъ, какъ бы уйти отъ нея и снова посоветоваться съ Савеліемъ; но бабушка въ это утро чувствовала себя нѣсколько лучше, спрашивала объ Анатолиі и удивлялась, что такъ долго не видала его. Получивъ отвѣтъ, что онъ ведетъ себя хорошо, бабушка стала просить, чтобы Анюта непременно сегодня-же привела его къ ней въ комнату. Анюта еще болѣе растерялась и не знала, что отвѣчать ей.

— Пойди сейчасъ-же и позови,—просила старушка:—сама же говоришь, что онъ дома, и позови. Я посмотрю на него. Поговорю. Я знаю, у него душа хорошая, только онъ озлобленъ. Позови.

Анюта вышла отъ бабушки, совсѣмъ растерянная, и затворившись въ своей комнатѣ, принялась плакать, уткнувшись въ подушку. Письмо не было написано, и Савелій цѣлое утро напрасно ждалъ его и напрасно простояла въ упряжи лошадь, на которой онъ хотѣлъ поѣхать съ этимъ письмомъ въ Малорѣченскъ. Зимній короткій день уже оканчивался, и Савелій, рассчитавъ, что до отхода почты остается всего часъ-другой, послалъ въ Анютѣ вухонную дѣвчонку. Дѣвчонка не нашла барышни въ ея комнатѣ, такъ какъ Анюта, успокоившись отъ слезъ, поняла, что нужно же дать какой-нибудь отвѣтъ бабушкѣ объ Анатолиі, ушла къ ней въ комнату и сказала, что Анатолиі нѣтъ дома. Дѣвчонка въ комнату бабушки идти не рѣшилась, и Савелій, растревожившійся до того, что морщины на старческомъ лицѣ его стали подергиваться и руки тряслись, отправился самъ къ дверямъ бабушкиной комнаты и постучалъ въ нихъ, вызвавъ затѣмъ Анюту въ столовую.

— Что-же, барышня, письмо-то? Пожалуйте. Сколько времени жду. Опоздать можно. Извольте сообразить, почта изъ Малорѣченска уходитъ только разъ въ недѣлю, и пожалуй изъ-за одного часу нужно на семь днѣй дѣло отложить. Пожалуйте поскорѣе, еще успѣю, погоню въ скакъ.

— Ахъ, Боже мой, ахъ! Я не знаю, что дѣлать!—растревожилась Анюта:—я не знаю, куда писать. Бабушка говоритъ, что папѣ, вѣроятно, уже уѣхалъ въ Петербургъ.

— Въ Петербургъ посылайте. Все же недѣлей раньше уйдетъ...

— Лучше когда такъ телеграмму...—предложила Анюта:—у меня достанетъ на телеграмму денегъ.

— Извольте, когда такъ, депешу,—задумчиво согласился Савелій:—но адресъ-то папаша въ Петербургѣ вамъ извѣстенъ?

— Нѣтъ, нужно на имя дѣдушки Павла Степановича.

Савелій отчаянно замахалъ руками, лицо еще больше сморщилось и онъ зашепталъ чуть не въ слезахъ.

— Нельзя-съ, нельзя-съ этого! Помилуйте-съ! Извольте сообразить, какое такое дѣло! Развѣ возможно, дѣдушка узнаетъ, избави Богъ! Проклянуть! А ежели въ депешѣ не упомянуть объ Анатоліи Петровичѣ, т.-е. на счетъ ихъ брака, папаша въ такомъ разѣ не придутъ и вниманія ни на что не обратятъ.

— Но развѣ же дѣдушка будетъ читать чужую телеграмму? изумилась Анюта.

— Будутъ-съ, навѣрное будутъ-съ. Прелюбопытны они. Прежде, когда здѣсь бывало гасили при покойникѣ дѣдушекъ зашемъ, и письма чужія всегда любили читать-съ... Дѣдушка даже бывало сердился... Ахъ, барышня, барышня,—вдругъ опять затревожился Савелій, смотря въ окно:—солнце уже закатывается—опоздаемъ мы съ письмомъ.

— Я рѣшительно не знаю, что дѣлать,—вздыхая и въ слезахъ отвѣтила Анюта.

Въ это время во флигелѣ Анатолій Петровичъ молча сидѣлъ на диванѣ, угрюмо осматривая комнату. Онъ удивлялся, отчего она въ одинъ день могла такъ измѣниться и принять совсѣмъ другой видъ. Казалось, и средствъ для этого подъ рукой не было; но его бойкая жена сумѣла поставить дѣло такъ, что все нужное для приведенія въ порядокъ комнатъ флигеля появилось у ней точно само собой. Поднявшись съ постели рано утромъ, по обыкновенію далеко до разсвѣта, она сразу сообразила, что дѣла во флигелѣ много, и принялась хозяйничать. Закутавшись наскоро платкомъ и охраняемая темнотой еще не разсвѣтаваго дня, она слетала почти бѣгомъ къ матери, захватила рогожки и тряпки, ведро и все то, въ чемъ, по соображеніямъ, имѣла неотложную надобность, и пока Анатолій спалъ, сдѣлала въ обстановкѣ флигеля большой перевероть. Самоваръ она отъ отца получила въ приданое, значить, кипятокъ можно было добыть са-

мой, воды принести удалось до свѣта, пова барская прислуга спала, дрова принесены были съ вечера старикомъ дровносомъ,— и новое хозяйство Марѣи сразу стало на твердую почву. Во флигелѣ оказалась кухонная плита, и Марѣя въ этотъ же день сообразила, что хорошо бы самой тутъ кое-что постряпать, но затрудненія являлись въ томъ, что готовить было не изъ чего. Когда Анатолій проснулся, Марѣя была уже не въ томъ видѣ поломойки, въ какомъ ползала по полу, заткнувъ подолъ рубашки за поясъ, а причесаная и одѣтая въ пестрое шерстяное платье. Печи въ комнатахъ весело топились, полы были чисты, на столѣ кипѣлъ самоваръ свѣтлый и блестящій, и Марѣя сидѣла около него, подперши правой рукой щеку и задумчиво поглядывая въ сосѣднюю комнату, гдѣ спалъ Анатолій.

— Марѣя!—изумился онъ, отрывая глаза,—кто здѣсь все такъ переставилъ?

— Это я, Натолій Петровичъ,—застыдилась она.

— Зови ты меня какъ слѣдуетъ,—перебилъ онъ:—Анатолій, а не Натолій, слышишь?

— Слышу, Натолій Петровичъ.

— Говорятъ тебѣ: не Натолій, а Анатолій... Что это ты тутъ какъ переставила?—мрачно нахмурился онъ,—зачѣмъ съ середины комнаты передвинула столъ къ стѣнѣ и кресла туда же убрала. Глупо! Переставь, какъ было. Не знаешь, а дѣлаешь.

— Я думала столъ на серединѣ-то нехорошо и стульчики-то кружкомъ тоже. Думала, какъ лучше.

— Что ты понимаешь... И молчи!

Однакожь, какъ ни мраченъ былъ тонъ рѣчи Анатолія, все-таки онъ въ душѣ былъ доволенъ, что въ комнатахъ такъ чисто, печки топятъ и такая пріятная теплота распространяется отъ нихъ.

— Откуда самоваръ-то?—отрывисто спросилъ онъ, косаясь на Марѣю.

— Отъ тятеньки... И чаю фунта три никакъ въ сундучкѣ, сахаръ тоже тамъ... много... Тятенька у меня добрый.

Марѣя замолчала и конецъ своего передника потянула къ глазамъ, отдаваясь пріятнымъ, но исполненнымъ грусти воспоминаніямъ о родительскомъ домѣ.

Анатолій упорно молчалъ, сидя около стола неумный и нечесанный.

— Одѣньтесь, Анатолій Петровичъ. Не годится вѣдь такъ-то, не крестясь, къ самовару.

— Отвяжись.

— Эвона у меня и образовъ на полочкѣ, поглядитъ-ко!

— Молчи.

Бто-то постукался въ дверь въ прихожей, которая до сихъ поръ оставалась открытой, а теперь была на крючкѣ.

— Это ты заперла, что ли?—спросилъ Анатолій.

— Я. Мнѣ будто неловко, Анатолій Петровичъ, ежели кто войдетъ. Отоприте сами, а я тамотѣ въ той горницѣ побуду. Тамъ еще и постель надо убрать.

Анатолій вышелъ въ прихожую. Пришедшій былъ старикъ истопникъ, намѣревавшійся затопить печи. Отпустивъ его обратно, Анатолій поддался увѣщаніямъ Марѣи и одѣлся.

— Ты вѣдь хорошій, Анатолій Петровичъ, право слово,—приласкалась она,—только напрасно виномъ балуешься.

— Молчи, не твое дѣло!—сердито отвѣтилъ онъ, утираясь полотенцемъ:—ишь вѣдь какая грубая холстина-то!—ворчалъ онъ,—все лицо обдерешь.

— Ничего, миленькій мой, не обдерешь. Глянь-ка на мое-то лицо, развѣ ободрано, а я, вишь ты, завсегда такимъ утираюсь.

— Молчи, Марѣя! Не хочу я съ тобой разговаривать.

Анатолій помолчалъ и тѣмъ же сердитымъ тономъ, какимъ съ ней говорилъ все время, сказалъ:

— Какъ хочешь, а я тебя брошу. Я теперь тебя вяжъ въ себѣ только потому, что все же... жалко... А послѣ брошу. Ты мнѣ не пара; я уѣду...

— А скоро, Анатолій Петровичъ, поѣдете?—спросила она, простодушно смотря ему прямо въ лицо.

XXV.

Оома Лукичъ послѣ вечера, весело проведеннаго у Спиридона Яковлева, веселился еще цѣлый день и ночь на полученной отъ него рубль и пропилъ его въ его же питейномъ домѣ. На слѣдующее утро онъ въ большомъ уныніи вспоминалъ о «канареечкѣ», которая, въ видѣ этого рубля, залетѣла-было въ карманъ его подрясника и такъ быстро выпорхнула.

— Была и не стало! Все суета, и міръ весь, и слава его!—вздыхая, воскликнулъ онъ, не зная, гдѣ найти успокоивающій источникъ.

Пошатываясь, онъ забрелъ въ господскій домъ и наткнулся на Савелія.

— Поднеси... ставанчикъ... изнемогаю...

— Эхъ, Оома Лукичъ,—печально отвѣтилъ Савелій,—не изъ чего. Не тѣ времена. Самъ безъ денегъ.

Савелій спѣшилъ отдѣлаться отъ Оомы Лукича. Онъ торопился въ Малорѣченскъ съ телеграммой Анюты, которую она рѣшила, наконецъ, отправить къ отцу въ Петербургъ, съ убѣдительною просьбой немедленно пріѣхать домой по весьма нужному и требующему безотлагательнаго рѣшенія дѣлу. Бросивъ отрывистое «прощай» Оомѣ Лукичу, Савелій уѣхалъ, погнавъ лошадей въ свакъ, лишь только сани выѣхали за ворота.

— Пойду, когда такъ, къ Анатолю Петровичу, я знаю, онъ во флигель съ молодой женой,—рѣшилъ Оома Лукичъ, и пошелъ во флигель.

— Душа моя скорбитъ,—бормоталъ онъ, идя во флигель:—отъ нищеты моя взываю къ тебѣ, достопочтенный бояринъ,—обратился онъ, стуча кулакомъ въ дверь.

— Кто тамъ?—визгливо спросила Марѳа, не отпирая дверей.

— Дщерь Спиридонова! Слышу гласъ твой. Сблаговоли... стаканчикъ...

— Уйди, Оома Лукичъ, я не отопру. Анатоля Петровича нѣту: въ городъ уѣхалъ.

Оома Лукичъ уныло отошелъ отъ дверей флигеля, и продолжая что-то бормотать себѣ подъ носъ, направился въ большой домъ. На дворѣ никого не было, въ прихожей тоже никто не встрѣтился, и онъ безъ всякаго препятствія пробрался въ комнаты барскаго дома.

— Смиранный рабъ Оома,—продолжалъ онъ бормотать, забывшись уже въ столовую,—взываетъ къ щедротамъ боярыни. Не правдолюбѣцъ я, но немощенъ, и утроба моя сгораетъ отъ палящаго огня.

Онъ усялся на диванъ, оглядывая мутными и блуждающими глазами стѣны и продолжая свое моленіе въ томъ же возвышенномъ тонѣ.

— Кто тамъ, Анюта, кто тамъ вошелъ?—спросила Вѣра Антоновна, услышавшая странный говоръ въ столовой.

Анюты въ эту минуту не было въ сосѣдней комнатѣ, и Оома Лукичъ, услышавшій вопросъ Вѣры Антоновны, нашелъ возможнымъ подняться съ своего удобнаго сидѣнья на диванѣ и идти дальше черезъ дверь, отворенную изъ столовой въ корридоръ. Комната старушки отдѣлялась отъ столовой деревянной перегородкой и до двери этой комнаты разстояніе по корридору было всего два шага. Оомѣ Лукичу была такимъ образомъ дорога не дальняя, и заслышавъ изъ столовой бабушкинъ голосъ, онъ ясно

уразумѣлъ, гдѣ теперь ему искать помощи въ своемъ тяжкомъ положеніи. Однако же, пріотворивъ дверь въ комнату Вѣры Антоновны, онъ въ нерѣшительности остановился, встрѣтивъ въ изумленію своему почти у самой двери ширму, поставленную, какъ видно, для того, чтобы воздухъ изъ корридора не сразу проникалъ въ комнату.

Вѣра Антоновна полулежала въ это время въ кровати, обложенная подушками и перечитывала письмо сына, въ которомъ онъ десятками серьезнѣхъ причинъ оправдывалъ свой отъѣздъ изъ губернскаго города въ Петербургъ.

— Что мнѣ съ нимъ дѣлать—неисправимъ! Да и жена у него такая же... Теперь жди ихъ домой, когда всѣ десять тысячъ растрясуть...—уныло раздумывала она, вдыхая и охая.

— Не празднолюбецъ я!...—пробормоталъ Оома Лукичъ, выходя, наконецъ, изъ-за ширмы въ комнату.

— Ахъ, царь небесный! — простонала старушка, увидѣвъ его, — что это за безпорядки... Оома? Ты зачѣмъ? Какъ ты сюда пришелъ?..

— Боголюбивая... не отврати лица,—возгласилъ Оома Лукичъ, и не долго думая, опустился передъ кроватью Вѣры Антоновны на колѣни, кланаясь до полу и даже касаясь его лбомъ.

Такая почтительность успокоила встревоженную старушку и нѣсколько развеселила ее, въ особенности при взглядѣ на крысиный хвостикъ Оомы Лукича и на его умиленное лицо.

— Болырыня,—продолжалъ онъ, стоя на колѣняхъ,—припадаю къ стопамъ ногъ твоихъ и приношу покаяніе.

— Встань, встань, Оома! Въ чемъ ты просишь прощенія, встань!

— Душа моя скорбитъ. Я не виноватъ... Отецъ Захарія... Онъ пріялъ воздаяніе, онъ и въ отвѣтъ будетъ на страшномъ судѣ... Но я изнемогаю. Повели хотя единый стаканчикъ.

Вѣра Антоновна не поняла ничего изъ словъ Оомы Лукича, и улыбаясь, стала спрашивать, въ чемъ онъ обвиняетъ отца Захарія. Въ это время вошла Анюта и вздрогнула, увидѣвъ Оому Лукича, стоявшаго на колѣняхъ.

— Ахъ, что это... — встревожилась она, — встаньте, пойдемте... сюда, за мной... Здѣсь нельзя быть..

— Кроткая голубица, каюсь чистосердечно... Но я не повиненъ... Отецъ Захарія, это онъ, и Спиридонъ злочестивый, они, одни они во всемъ виноваты.

— Ахъ,—почти взвизгнула Анюта, испугавшись, что Оома

вотъ-вотъ скажетъ о женитьбѣ Анатолія, и поспѣшно схватила его за рукавъ, насильно таща изъ комнаты.

— Анюта, что съ тобой?—остановила ее бабушка, —чего ты такъ испугалась? Оставь его... Оома, говори яснѣе, —обратилась она къ нему:—въ чемъ ты извиняешься?

— Ахъ, нѣтъ, бабушка, нѣтъ. Ему здѣсь нельзя, нельзя, —тревожно заговорила Анюта, —идите, Оома, туда...

Оома Лукичъ въ недоумѣніи остановился, сложивъ руки на груди.

— Голубица... Я не могу... Болярыня пріемлетъ мое покаяніе... Я никакой власти не имѣю во храмѣ... Я только по обязанности моей участвовалъ при совершеніи бракосочетанія, но вины на меня не падаетъ...

— Перестань, перестань,—поспѣшно перебила Анюта, становясь между Оомой Лукичемъ и бабушкой.

— Что такое ты рассказываешь, Оома Лукичъ?—изумленно спросила Вѣра Антоновна.

— Нѣтъ, нѣтъ, бабушка... Онъ лжетъ... Видите, видите, онъ... выпивши... Пойдемъ, Оома, сюда, пойдемъ поскорѣе... Я тебѣ вина налью, рюмку, стаканъ... сколько хочешь... Пойдемъ скорѣе.

Она силилась тащить его за рукавъ изъ комнаты, но Оома Лукичъ, видимо изумленный страннымъ выраженіемъ лица бабушки и тревогою Анюты, не зная, куда идти, и продолжалъ оправдываться въ томъ, что онъ невиновенъ въ совершеніи брака.

— Незаконное, матушка, дѣло. Сами знаете, незаконное. Пьянаго вѣнчали и Богъ ихъ накажетъ. Возмѣрится имъ!

— Кого женили, кого? — въ ужасѣ шептала Вѣра Антоновна, поднимаясь съ кровати.

Страшное подозрѣніе уже охватило ее. Оома потерялъ всякое понятіе о томъ, что вокругъ него происходитъ, и сѣлъ въ изнеможеніи на стулъ, уставя неподвижный взглядъ на искривившееся отъ ужаса лицо Вѣры Антоновны.

— Кого женили? Кого? Анатолія? На дочери Спиридона?—спрашивала она Оому Лукича, почти тормоша его за подрысникъ.

— Бабушка, бабушка!—просила Анюта, —бабушка, успокойтесь, лягте... Видите, онъ пьяный... Ахъ, Боже мой!—волновалась она, не зная, какъ увлечь бабушку отъ Оомы Лукича, сидѣвшаго теперь на стулѣ въ видѣ неподвижной статуи.

На шумъ прибѣжала горничная и, изумленная, остановилась въ дверяхъ.

— Саша, Саша! — почти закричала Анюта, видаясь въ ней, — иди, помоги мнѣ... Бабушка, милая, — обратилась она къ старушкѣ: — успокойтесь. Ахъ, Боже мой! Саша! Помоги...

Глаза Анюты были полны слезъ. Испуганная горничная не понимала, какой помощи просить отъ нея барышня, растерялась, смотря то на Оому Лукича, то на бабушку.

— Женили? пьянаго обвинчали? На дочери Спиридона, да? Говори же, говори, — хриплымъ голосомъ спрашивала бабушка, задыхаясь.

— Изнемогаю! — пробормоталъ Оома Лукичъ, взятый уже за руку горничной.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте его, — волновалась старушка, отстраняя отъ Оомы Лукича горничную и вслушиваясь въ его бормотанье: — я хочу знать все, все. Оома, Оома, что ты бормочешь, говори яснѣе?..

— Былъ во флигелѣ у Анатолія Петровича, въ отсутствіи онъ. Молодая жена его... дщерь Спиридонова возгордилась. Не отворила даже дверей.

— Она здѣсь!.. во флигелѣ!.. Крестьянка!.. — прошептала бабушка и вдругъ смокла. Лицо ея мгновенно поблѣднѣло, правая рука приподнялась къ головѣ и замерла, судорожно сжавъ въ кулакъ сѣдую прядь распустившихся волосъ. Опершись лѣвою рукою о спинку кресла, бабушка закачалась и упала навзничь на полъ.

— Бабушка, бабушка! Что съ вами? — рыдая, спрашивала Анюта, наклоняясь къ ней и сиюсь приподнять ее съ полу, но бабушка не могла выговорить ни слова, и только губы ея что-то бессвязно шептали.

XXVI.

— Батюшки мои, свѣты! Ужъ не пожаръ ли? Что это за суета такая у господъ? — тревожно спрашивала сама себя Марѳа, стоя у окна во флигелѣ и замѣчая необычайное движеніе во дворѣ.

Кто-то выѣхалъ изъ воротъ на неосѣдланной лошади и погналъ на ней во весь скакъ по большой дорогѣ, по направленію къ Малорѣченску, потомъ горничная Александра бѣгомъ промчалась чрезъ дорогу мимо церкви къ дому отца Захара, не обращая вниманія на то, что платокъ сбился у нея съ головы. Изъ кухни пробѣжала тоже, чѣмъ-то видимо перепуганная

дѣвчонка и столкнулась у подъѣзда съ Ѳомой Лукичемъ, вышедшимъ изъ комнатъ, покачиваясь. Не успѣвъ еще Ѳома Лукичъ выйти за ворота двора, какъ встрѣтился ему о. Захаръ, торопливо шедшій во дворъ. Онъ о чемъ-то спросилъ его и вслѣдъ за вопросомъ махнулъ почему-то рукой, выражая видимое къ Ѳомѣ Лукичу или къ его отвѣту пренебреженіе.

— Что-й-то тамъ такое случилось?—недоумѣвала Марѳа и порывалась броситься сама въ господскій домъ, охваченная не только желаніемъ узнать, отчего произошла такая тревога, но и помочь въ случаѣ надобности. Послѣ того, какъ о. Захаръ вошелъ въ домъ, она вышла на крыльцо флигеля, ожидая новой съ кѣмъ-нибудь встрѣчи, чтобы спросить о причинѣ видѣнной ею суеты. Въ это время къ воротамъ подъѣхалъ Анатолій Петровичъ. Марѳа, завидя его, выбѣжала на встрѣчу, забывая о своемъ неопредѣленномъ въ барскомъ домѣ положеніи. Анатолій былъ навеселѣ, но нельзя сказать, чтобы очень. Бросивъ возжи въ санишки, онъ пустилъ лошадей по двору одну и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на Марѳу.

— Должно... Анатолій Петровичъ... что-то неладно,—торопливо рассказывала она,—надо быть, кто захворалъ шибко. Батюшка попѣ прошелъ въ домъ...

— Пойди, пойди туда, назадъ!—сердито отвѣтилъ Анатолій, тыкая пальцемъ по направленію къ флигелю, и пошелъ самъ въ комнаты дома.

Отецъ Захаръ первый встрѣтился ему въ столовой. Онъ что-то укладывалъ въ серебряный ящичекъ и уныло покачивалъ головой.

— Что случилось?—испуганно спросилъ Анатолій, нѣсколько заплетаясь языкомъ.

— Бабушка ваша, Вѣра Антоновна, лишилась языка... Въ большемъ изнеможеніи находится.

— Какъ? что такое? отчего?

— Параличъ! — печально отвѣтилъ о. Захаръ, завертывая ящичекъ въ кусочекъ какой-то парчи и, взявъ его въ руки, добавилъ:—сподобилась приобщиться.

— Но отчего?

— Въ волненіи будто бы, и оскорбилась очень...

— Сказали ей, что ли, обо мнѣ?—прошепталъ Анатолій.

— Признаться, я подробно не освѣдомлялся...

Отецъ Захаръ имѣлъ теперь совсѣмъ не то хищническое выраженіе лица, какое было замѣтно у него во время вѣнчанія Анатолія, и смотрѣлъ грустнымъ взглядомъ человѣка, сознающаго тщетность всего земного.

— Конечно, въ мірѣ не безъ скорбей, Анатолій Петровичъ, — сказалъ онъ въ утѣшеніе.

— Пожалуйста не вздыхайте такъ... противно!..

— Я отъ чистаго сердца. Признаться, давно васъ не встрѣчалъ... Однако же, освѣдомляясь... и утѣшенъ.

— Чѣмъ это?

— Благополучіемъ вашимъ, — прошепталъ отецъ Захаръ, погладивъ Анатолія по плечу: — живете, какъ слышанъ, съ супругою въ мирѣ и согласіи...

— Оставьте, оставьте, — хмуро замѣтилъ Анатолій.

— Низайше клявлюсь. Спѣшу тоже съ требою; крестьянинъ тутъ одинъ, старичокъ — къ нему.

И сохраняя благодушное выраженіе лица, отецъ Захаръ вышелъ изъ комнаты, бережно держа въ рукахъ ларецъ съ дарами. Оставшись одинъ, Анатолій колебался, боясь идти къ бабушкѣ. Онъ заглянулъ въ сосѣднюю комнату, тамъ тоже никого не было.

— Александра, — позвалъ онъ появившуюся, наконецъ, горничную.

— Очень слабы-съ, — отвѣчала она, не дожидая вопроса.

— Гдѣ Анюта?

— Тамъ-съ. Только губками что-то шевелятъ, а словъ нѣтъ-съ, и правая ручка тоже не двигается... Какъ мы съ барышней перепугались! А все Ома-съ. Онъ, онъ все рассказалъ. Такъ онъ и грохнули-съ. Барышня плачутъ. А доктора нѣтъ-съ. Давно уже уркалъ верховой.

Горничная шептала торопливо и безсвязно. Анатолій, совсѣмъ отрезвѣвшій, нѣсколько разъ останавливалъ ее и спрашивалъ, и когда понялъ, что извѣстіе о его женитьбѣ было причиною паралича бабушки, схватился обѣими руками за голову и долго стоялъ въ такомъ положеніи.

— Анатолій Петровичъ, вы бы зашли туда. Барышню бы утѣшили. Очень онъ въ большемъ огорченіи.

— Ахъ, это невозможно! Невозможно, — прошепталъ онъ, — она увидитъ меня и ей еще будетъ хуже.

Анюта вошла въ это время въ столовую, блѣдная, съ заплаканными глазами, и увидѣвъ брата, зарыдала, прислонившись плечомъ къ стѣнѣ.

— Анюта! какъ это случилось? Кю впустилъ Ому къ бабушкѣ?

Сестра стала-было рассказывать, но послѣ двухъ-трехъ фразъ голосъ ея оборвался.

— Ахъ, я не могу. Это ужасно... Ей не поправиться. Она, можетъ быть, прожила бы еще сколько лѣтъ... Толя, Толя! Какое несчастіе!

Братъ молчалъ, понуривъ голову.

Вскорѣ явился изъ города докторъ, посмотрѣлъ больную, помычалъ что-то себѣ подъ носъ и потомъ, выйдя въ столовую, отвѣтилъ на вопросъ Анюты молчаливымъ вздохомъ и печально развелъ руками.

— Докторъ, ради Бога... Неужели?— задыхаясь, спрашивала Анюта.

— Успокойтесь,—спохватился онъ, замѣтивъ ея волненіе и въ ту же секунду лицо его приняло глубокомысленное выраженіе.

— Конечно-о... говоря вообще-е, медицина-а...—началъ онъ важно, поводя правой рукой,—но бываютъ случаи-и... Такъ что-о... Можетъ быть...

— Все-таки, значить, можно еще надѣяться?—глухо спросилъ Анатолій.

— Гм... да-а...—протянулъ докторъ, и какъ-бы сознавъ, что утѣшеніе должно имѣть все-таки извѣстныя границы, торопливо добавилъ:—н-но... я не ручаюсь... День, два-а... Это вѣроятно...

Онъ небрежно сунулъ въ жилетный карманъ, поданную ему Анютою бумажку и уѣхалъ.

Вернулся изъ города Савелій, только-что отправившій телеграмму Петру Оедоровичу.

— Надо бы, барышня, опять ѣхать,—настаивалъ онъ:—надо новую депешу папашѣ и безпремѣнно... И дѣдушкѣ Павлу Степановичу... И къ родственникамъ-съ...

— Подождите, пусть опредѣлится дѣло...—отрывисто отвѣтилъ Анатолій, не смотря на Савелія.

Савелій тоже избѣгалъ его взглядовъ и отвѣчалъ, смотря въ полъ:

— По мнѣ, какъ угодно-съ... Только по всему видно, что опредѣляться тутъ нечему.

XXVII.

На похороны бабушки пріѣхали изъ губернскаго города родные, человѣкъ до десяти мужчинъ и женщинъ, такъ что дворъ позрковскаго дома, обыкновенно безлюдный и пустой, получилъ вдругъ сходство съ дворомъ почтовой станціи. Родные вздыхали

и хмурились, слушая рассказы Савелія о походе Анатолія, и мрачно посматривали на флигель, въ которомъ, по рассказамъ Савелія, скрывалась Марѳа, не смѣя даже взглянуть въ окно.

— Какой ужасъ! Какой ужасъ!—шептали родственники и жалобно настаивали на томъ, чтобы Анатолій былъ непременно розысканъ и приведенъ къ нимъ для необходимыхъ какихъ-то объясненій, необходимость которыхъ едва ли сознавали они сами. Объясниться съ Анатоліемъ однако-жъ имъ не удалось: онъ съ горя запилъ и пропадалъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ, неизвѣстно гдѣ.

— Гдѣ же Анатолій?—въ тоскѣ спрашивала Анюта и безпрестанно посылала прислугу во флигель узнавать, не вернулся ли онъ. Прислуга возвращалась съ отвѣтомъ, что Анатолія нѣтъ. Такъ прїѣзжіе родные и не видали его. Больше всѣхъ заботился о немъ Спиридонъ. Онъ каждый день ѣздилъ розыскивать его и привозилъ въ усадьбу; но наступало утро, и повторялась вчерашняя исторія.

Родные видѣли его только въ церкви, въ день похоронъ бабушки, но вступить съ нимъ въ разговоръ не рѣшились по причинѣ его необычайно дикаго вида. Волоса его были растрепаны, и онъ точно звѣрь косился на всѣхъ и при этомъ что-то бормоталъ себѣ подъ носъ, видимо злясь и негодуя на кого-то, можетъ быть даже, на самого себя. Къ нему рѣшилась подойти только сестра Анюта. Она была, какъ и многія другія, вся въ черномъ, съ заплаканными глазами и сильно поблѣднѣвшая. Анатолій, услыша ея голосъ, вздрогнулъ и пугливо отъ нея отшатнулся, однако, молча выслушалъ ея просьбу не прятаться отъ родныхъ и придти послѣ похоронъ въ домъ для участія въ общемъ обѣдѣ. Онъ кивнулъ ей молча головой и вдругъ, можетъ быть, и самъ не зная зачѣмъ, задушилъ восковую свѣчу, бывшую въ его рукахъ и подалъ ее Анютѣ.

— Зачѣмъ же ты такъ?—изумленно прошептала она.

— Все ерунда... вздоръ... Не нужно,—мрачно отвѣтилъ онъ.

— Перестань, Толя. Подумай, кого хоронимъ,—проговорила сквозь слезы Анюта, подавая брату зажженную свѣчу.

Онъ послушно взялъ и сталъ сосредоточенно смотрѣть на пламя свѣчи и какъ будто наблюдая его колебанія, въ сущности же не видя его и витая остатками мыслей Богъ знаетъ гдѣ. Пока продолжалось отпѣванье, Анюта не переставала наблюдать за братомъ и только тогда потеряла его изъ виду, когда зарыдала, прощаясь въ послѣдній разъ съ дорогимъ ей прахомъ бабушки. Анатолій въ это время вышелъ изъ церкви и бродилъ по церковной оградѣ, держа въ рукахъ давно погасшую свѣчу. Кто-то

изъ прїѣхавшихъ на похороны родныхъ, какъ видно тоже придерживавшійся взглядовъ Анатолія на то, что «все ерунда», вышелъ вслѣдъ за нимъ изъ церкви и намѣренно обошелъ ее кругомъ для того, чтобы встрѣтиться съ Анатоліемъ лицомъ къ лицу. Онъ отрекомендовался, напомнилъ о времени, когда въ послѣдній разъ видѣлъ его, и показалъ рукой аршина на полтора отъ земли.

— Вотъ такимъ я васъ видѣлъ, въ шотландскомъ костюмчикѣ!—добавилъ онъ.

Анатолій, не говоря ни слова, отвернулся отъ него и пошелъ въ другую сторону, къ немалому изумленію оскорбившагося родственника. Спиридонъ Яковлевъ, бывшій тоже въ числѣ другихъ на похоронахъ, внимательно потомъ слѣдилъ глазами по обнаженнымъ головамъ родныхъ, стоявшихъ съ грустными лицами около могилы, куда опускали прахъ бабушки, и искалъ Анатолія, озабоченно встряхивая волосами, которые вѣтеръ точно нарочно набрасывалъ ему на глаза. Анатолія уже не было въ церковной оградѣ. Не пришелъ онъ и на поминальный обѣдъ, увеличивъ этимъ тоску и слезы сестры.

Филаретъ Павловичъ Хохлаковъ, присутствовавшій на похоронахъ и на поминкахъ, съ большимъ сердечнымъ сокрушеніемъ замѣтилъ объ отсутствіи Анатолія Петровича, добавивъ при этомъ, что и Петръ Ѳеодоровичъ будетъ тяжело соболѣзновать о смерти своей достопочтенной родительницы. Говоря грустнымъ тономъ, Филаретъ Павловичъ почему-то очень пытливо посматривалъ по стѣнамъ и потолкамъ комнаты и не разъ оглядывалъ долгимъ взглядомъ картины и мебель и потомъ, когда кончился поминальный обѣдъ, попросилъ позволенія «полюбоваться на апартаменты». Позволенія просить было почти не у кого: родные, прибывшіе на похороны, сторонились отъ него, важничая своимъ барствомъ, а Аня была точно въ какомъ-то забытіи, смутно понимая, о чемъ ее спрашиваютъ, и часто закрывала лицо руками, вздрагивая и удерживаясь отъ рыданій. Филаретъ Павловичъ пошелъ по комнатамъ одинъ, не обращая вниманія на недружелюбные взгляды прїѣзжихъ родственниковъ, видѣвшихъ въ этомъ расхаживаньи Хохлакова невѣжественное и грубое нарушеніе приличій. — «Ничего-о, хорошо-о!» разсуждалъ онъ самъ съ собой, «обстановка первый сортъ». Дверь въ кабинетъ Петра Ѳеодоровича была заперта. Филаретъ Павловичъ осторожно попробовалъ разъ-другой надавить ручку и со вздохомъ отошелъ въ сторону. «Жаль», подумалъ онъ, «а надо бы и тамъ посмотреть. Бывалъ я прежде, ну, да ужъ времени тому назадъ пожалуй года три

будетъ. Можетъ быть, ужъ тамъ теперь другое все». Однако, несмотря на то, что ему не удалось заглянуть въ кабинетъ, онъ былъ все-таки доволенъ осмотромъ комнатъ и уже соображалъ, сколько можно будетъ дать Петру Федоровичу еще денегъ за всю обстановку, за картины и за мебель, когда для этого придетъ подходящее время. Онъ зналъ, что это время придетъ, и возвратившись опять въ залу, по которой рассказывали прїѣзжіе родные, встрѣтившіе его съ прежнею надменностію, посмотрѣлъ на нихъ съ такой иронической улыбкой, какъ будто хотѣлъ сказать: «ничего, важничайте пока на остальные», и потомъ объявилъ во всеуслышанье:

— Домъ у Петра Федоровича первый сортъ! Дай Богъ всякому въ такомъ прїятномъ домѣ имѣть свое мѣстожительство!.. И потомъ, въ утѣшеніе Анюты, добавилъ:—не впадайте въ уныніе: грѣхъ передъ Богомъ. Всѣ помремъ, только не въ одно время... За симъ прощайте!—сказалъ онъ, дѣлая общій поклонъ.

Однако же, выйдя изъ дому, онъ еще не скоро уѣхалъ въ Малорѣченскъ; а побродилъ по поярковскому двору, заглянулъ даже черезъ рѣшетку въ садъ, и проходя мимо флигеля, гдѣ жила теперь Мареза, внимательно всматривался въ его окна. — «Флигелекъ ничего», соображалъ онъ, «однако, ремонту потребуется тутъ вездѣ достаточное количество. Царство небесное! Всѣ помремъ!» прошепталъ онъ, потомъ, сдѣлавъ знакъ рукою своему кучеру, стоявшему все время около церкви, поѣхалъ, но не по дорогѣ въ Малорѣченскъ, а въ противоположную сторону по направленію къ мельницѣ, отъ аренды которой Спиридонъ Яковлевъ уже отказался, сознавъ свою неспособность въ борьбѣ съ нимъ. Около мельницы толпилось нѣсколько крестьянъ, возившихъ бревна для новыхъ, предполагаемыхъ съ весны построекъ, и Филаретъ Павловичъ, побранивъ ихъ за замѣченные безпорядки, поѣхалъ къ лѣсной дачѣ, да кстати ужъ завернулъ и къ лугамъ, купленнымъ имъ у Пояркова.

— Лужокъ ничего, ладный лужокъ, сѣнца, Богъ дастъ, покосимъ на немъ въ волю...—утѣшался онъ, и проѣзжая снова мимо церкви перекрестился, вспомнивъ о бабушкѣ: «царство ей небесное! Помремъ, всѣ помремъ».

На половинѣ пути между Красными Горками и Малорѣченскомъ онъ встрѣтился съ Спиридономъ Яковлевымъ, возвращавшимся изъ Малорѣченска съ Анатоліемъ. Анатолій спалъ, скорчившись на днѣ саней. Спиридонъ Яковлевъ правилъ лошадей.

— Погодитъ-ка!—окликнулъ Филаретъ Павловичъ, останавливаясь, — откуда это ты?

Спиридонъ суетливо сдернулъ шапчонку и махнулъ ею въ воздухѣ.

— Да вотъ, Филаретъ Павловичъ, сами видите... Зятя везу. Сбилса съ ногъ, искавши... То-есть, чистое наказаніе.

— Съ чего это онъ такъ?

— Ослабѣлъ больно, дюже ослабѣлъ... Жаль ему, видно, стало бабушку, — дѣйствительно-съ, примѣрная была; ну, и закрутилъ. Вотъ уже три дня крутить.

— Не по себѣ дерево рубишь, вотъ что... За это Господь тоже не очень одобряетъ... — поучительно сказалъ Филаретъ Павловичъ. — И старушку-то, какъ слышно, эта самая женитьба пришибла.

— Я вѣдь, Филаретъ Павловичъ, ей-ей, и самъ то же говорилъ имъ, — печально отмахнулся Спиридонъ Яковлевъ. — Сколько я словъ-то потратилъ, уговаривалъ: не ходи, дѣвка, не пара онъ тебѣ, загубишь свой вѣкъ. Нѣтъ, да нѣтъ. То-есть, повѣрите ли, слезъ-то сколько было! Вѣдь они почти крадучись отъ меня и повѣнчались-то. Ей-ей.

Филаретъ Павловичъ покачалъ головой.

— А вѣдь я слышалъ совсѣмъ иначе, — задумчиво сказалъ онъ: — вотъ поди-жъ ты, какъ люди-то врутъ!

— Врутъ, врутъ, Филаретъ Павловичъ, — торопливо подсказалъ Спиридонъ Яковлевъ: — судите сами, какой мнѣ расчетъ не въ свои сани лѣзти.

— Плохо! — протянулъ Хохлаковъ, всматриваясь въ сани Спиридона Яковлева: — гляжу я на тебя, Спиридонъ Яковличъ, и думаю, какая тебѣ все неудача. Смѣйся, какъ бы зять-то тебѣ не сѣлъ на шею.

— Охъ, ужъ не пугайте, Филаретъ Павловичъ. Я и то, можно сказать, ума рѣшилса. Хозяйка меня грызетъ, дочь воетъ и несообразное такое несетъ — не приведи Богъ.

— Худо дѣло, — сказалъ Филаретъ Павловичъ: — ты, Спиридонъ Яковличъ, у мельницы тамъ разныя доски твои свежи, — дѣловымъ тономъ замѣтилъ онъ: — у меня стали бревна возить, такъ мѣшаютъ.

XXVII.

Къ вечеру того же дня, въ который похоронили бабушку, на половину опустѣлъ дворъ поярковского дома; нѣсколько родственниковъ уже уѣхали, и остались самые ближайшіе. Общимъ совѣтомъ ихъ было рѣшено остаться въ усадьбѣ, до приѣзда

Петра Ѳеодоровича, Серафимъ Антоновнѣ, старой дѣвѣ, родной сестрѣ Вѣры Антоновны. Родственники рѣшили, что, по возвращеніи въ усадьбу Петра Ѳеодоровича, Анюта будетъ увезена въ губернскій городъ столько же для развлечения послѣ тяжелой утраты, сколько и для экзаменовъ, которые, несмотря на всѣ возраженія родныхъ, Анюта все-таки хотѣла непременно сдать и получить учительскія права. Теперь съ ней никто не спорилъ объ этомъ, видя, до какой степени она разстроена, и никто не возражалъ на ея произносимыя сквозь слезы объясненія своихъ плановъ въ будущемъ.

Уѣхали, наконецъ, и остальные родственники, и осталась Анюта вдвоемъ съ Серафимой Антоновной. День за днемъ проходилъ, а о Петрѣ Ѳеодоровичѣ не было ни слуху, ни духу. Серафима Антоновна уже соскучилась о дѣтяхъ своей двоюродной сестры, у которой она жила въ губернскомъ городѣ, и теперь уговаривала Анюту переѣхать къ нимъ.

— Какъ же Толя?.. Подумайте... — колебалась Анюта.

— Ахъ, Богъ мой! — укоризненно возражала Серафима Антоновна, — ну что тебѣ Толя? Все равно, ты его почти не видишь. Онъ тамъ во флигелѣ точно сурокъ прячется. Ну, и пусть его...

Ей долго не удавалось убѣдить Анюту уѣхать изъ усадьбы до пріѣзда отца. Такъ прошло недѣли три. Савелій уже сталъ покачивать головой и многозначительно потиралъ свой длинный тонкій носъ, подозрѣвая, что съ Петромъ Ѳеодоровичемъ случилось что-нибудь недоброе.

— Ахъ, Богъ мой, — волновалась Серафима Антоновна, нетерпѣливо прерывая его монотонные доклады, — ничего съ нимъ недобраго случиться не можетъ, онъ здоровый человѣкъ. Я положительнo увѣрена, что онъ не получилъ ни телеграммъ, ни писемъ, потому что его нѣтъ въ Петербургѣ.

— Но куда же онъ могъ уѣхать?

— Ахъ, Богъ мой, мало ли куда? Можетъ быть за-границу уѣхалъ. Онъ такъ любитъ Европу.

— Я очень довольно хорошо понимаю, — почтительно возражалъ Савелій, — что Петръ Ѳеодоровичъ имѣютъ большія склонности къ за-границѣ; ну, все же по нонѣшнему времени разъѣзды эти составляютъ расчетъ, тѣмъ паче съ ними и барыня, и барышня.

— Ты ничего не понимаешь, — восклицала Серафима Антоновна.

Савелій пожималъ плечами и молча уходилъ въ свой уголъ.

Сбила-таки она Аnięту, наконецъ, ѣхать и не утерпѣла, — въ день отѣзда заглянула во флигель, посмотрѣть жену Анатолія.

— Я не одобряю... Мои взгляды совершенно другіе, — тараторила она, зайдя во флигель. — Я очень, очень удивлена была, когда услышала. Но я все-таки не могу, Толя, ты понимаешь... Я не могу... Ты мнѣ родной. Я пришла проститься... Я не одобряю, но если такъ случилось, — что же дѣлать... Любите другъ друга... Я всегда, всегда завидую любящимъ...

Анатолій упорно молчалъ и смотрѣлъ въ полъ; Марѳа дивилась, слушая торопливую рѣчь Серафимы Антоновны и, конечно, тоже молчала, да и трудно было бы уловить минуту, чтобы что-нибудь сказать.

— Какъ у васъ здѣсь чисто, — прелестно! Я всегда люблю, когда чисто. Это такъ мило! — сказала она, уходя, очевидно съ намѣреніемъ оставить по себѣ пріятное впечатлѣніе,

— Часто ѣдъ мою, — пояснила ей вслѣдъ Марѳа.

— Да, да, это хорошо. Я очень люблю это...

— Молчи ты, — шепнулъ Анатолій женѣ, боясь, чтобы Серафима Антоновна опять не вернулась къ нимъ во флигель, и ушелъ вслѣдъ за ней къ сестрѣ.

— Толя, — шептала сквозь слезы Аня, прощаясь съ братомъ: — деньги... сколько осталось... немного, рублей шестьдесятъ... у Савелія... Извини... Самъ знаешь, такъ нужно... На необходимое онъ выдастъ...

— Довольно. Поѣзжайте, — нахмурился Анатолій, — я и самъ думаю, какъ бы убѣжать отсюда, да, кажется, такъ и будетъ, — добавилъ онъ и сердито махнулъ рукой.

Аня и Серафима Антоновна уѣхали, и большой домъ опустѣлъ.

XXVIII.

Филаретъ Павловичъ раза два-три проѣзжалъ мимо барскаго дома, посматривалъ, не пріѣхалъ ли Петръ Ѳеодоровичъ, и покачивалъ головой. Сталъ онъ что-то подозрительно хмуриться, раздумывая о недалекомъ будущемъ. Похаживая около мельницы, гдѣ уже были навалены цѣлыя горы бревенъ, онъ уныло мурлыкалъ себѣ подъ носъ: «Душе моя, душе моя, возстани, что спиши», и часто прерывалъ свое мурлыканье торопливымъ вопросомъ, обращеннымъ къ кому-нибудь изъ мужиковъ.

— А что слышно о Петрѣ Ѳеодоровичѣ, не пріѣхалъ ли?

— Ничего не слыхать.

— Ишь ты, загулялся какъ, — вздыхалъ Филаретъ Павловичъ и мурлыкалъ: «...конецъ приближается и имаша судитися». Увезли дочку-то въ губернской? — опять спрашивалъ онъ.

— Да, увезли... Плакала, слышь, больно...

— Хорошая дѣвица... Скромная... — замѣчалъ онъ и отдавался думамъ о Петрѣ Фёдоровичѣ. — А что если и въ самомъ дѣлѣ штуку онъ хочетъ выкинуть, этакъ годика два-три протянетъ... Гм... гм... худо дѣло.

— А что сынъ-то какъ живетъ? — снова обращался онъ съ вопросомъ къ мужикамъ.

— Сами знаете, какъ... Со всячиной... Извѣстно, бросили парня безъ призору, ну, онъ и крутитъ иной разъ.

— Ребенокъ онъ малый, что ли? — ворчливо возразилъ Филаретъ Павловичъ.

— Ребенокъ не ребенокъ, а похоже, ей-ей!

— Гм... гм..! не ладно, — думаетъ Филаретъ Павловичъ, — что-то такое во всемъ этомъ дѣлѣ выходитъ не такъ. Надо, значить, поощждать, а то, пожалуй, надѣлаешь напрасныхъ расходовъ.

Дѣло въ томъ, что Филаретъ Павловичъ присмотрѣлъ уже удобное около барской усадьбы крестьянское мѣстечко и намѣревался арендовать его для складки камня, предполагая въ недалекомъ будущемъ начать перестройку барскаго дома на свой ладъ; но замѣчая что-то странное въ образѣ дѣйствій Петра Фёдоровича, не пріѣхавшаго даже проститься съ умиравшей матерью, онъ сталъ часто мурлыкать стихиры и ирмосы, что уже ясно указывало на его тревожное состояніе духа. Сидя одиноко въ своемъ кабинетѣ, онъ упорно смотрѣлъ въ потолокъ, поглаживалъ свою широкую лысину и монотонно тянулъ: «И покрыла мя естъ чуждая тьма океаннаго», но это ни мало не доказывало согласованія словъ ирмоса съ его душевнымъ состояніемъ духа. Напротивъ, духъ его виталъ въ это время высоко и далеко и отыскивалъ способы къ тому, чтобы, въ случаѣ какихъ-либо «каверзныхъ дѣйствій» со стороны Петра Фёдоровича, уметь дать ему во-время надлежащій отпоръ. Нотариусъ уже нѣсколько разъ появлялся въ его кабинетѣ, и Филаретъ Павловичъ совѣтовался съ нимъ, какъ поступить въ случаѣ, если что выйдетъ неладное.

— Пока, знаете ли, ничего, — объяснялъ Филаретъ Павловичъ, — а такъ на всякъ чась не мѣшаетъ подумать и сообразить.

Нотариусъ молча поправлялъ свои золотые очки и успокаивалъ, что «все крѣпко», и что каверзы можно дѣлать всегда и

во всякомъ дѣлѣ, какъ бы оно крѣпко ни было, но толку изъ нихъ для Петра Ѳеодоровича никакого не выйдетъ, кромѣ только того, что дѣло затянется на лишніе три-четыре мѣсяца.

— Однако, это расчетъ тоже, — вздыхалъ Филаретъ Павловичъ: — главное дѣло, вотъ задача, гдѣ теперича Петръ Ѳеодоровичъ обрѣтается и какіе такіе у него въ головѣ планы.

Филаретъ Павловичъ пришелъ въ тому рѣшенію, что нужно съѣздить въ Питеръ (встати и торговое дѣло есть), и сталъ собираться въ дорогу.

— Вотъ, братецъ, говорилъ я вамъ тогда, не отсрочивайте Пояркову, — грустно замѣтилъ Степанъ Павловичъ: — вотъ теперь вамъ забота.

— Да, да, Степа, ты, братъ, справедливый человѣкъ. Это ты точно, — отвѣчалъ, впадая въ его тонъ, Филаретъ Павловичъ: — моя ошибка, мнѣ ее и поправлять надо. — Я какъ-нибудь авось поправлю, — утѣшалъ онъ, вздыхая. — Что дѣлать! Жаль мнѣ его было. Ты по человѣчеству суди. Нельзя же такъ, взялъ да и скрутилъ. Да и что же въ самомъ-то дѣлѣ такое случилось, еще ничего ровно нѣтъ сомнительнаго. Ну, уѣхалъ — уѣхалъ. Мать безъ него умерла, — не суть важное: всѣ помремъ. Сынъ женился на крестьянкѣ, — тоже не суть важное. Сынъ сыну ровень. Этому и цѣна-то вся гривенникъ. Да Петръ Ѳеодоровичъ, можетъ быть, ничего этого и не знаетъ, потому и не ѣдетъ.

Степанъ Павловичъ вздыхалъ искренно, а Филаретъ, украдкой на него взглядывая, думалъ:

— Фофанъ, что ты понимаешь!

Спиридонъ Яковлевъ тоже тревожился о Петрѣ Ѳеодоровичѣ и дергалъ свою рыжую бороденку, томясь неизвѣстностью о планахъ Хохлакова и о дѣйствіяхъ Петра Ѳеодоровича. Женильба Анатолія его уже не беспокоила, онъ зналъ, что чрезъ два мѣсяца послѣ женитьбы поздно начинать дѣло о разводѣ и въ особенности въ виду того, что Анатолій живетъ съ женою вмѣстѣ; но желательно было имѣть плоды отъ своихъ трудовъ, хотѣлось поскорѣ аукціона на лѣсную дачу, горѣло сердце желаніемъ перехитрить Хохлакова и, главное, набить карманъ деньгами отъ продажи лѣса. Все это, однако же, оставалось въ неосуществленныхъ проектахъ, — и уныло смотрѣлъ Спиридонъ Яковлевъ на опустѣвшій господскій домъ.

— Что, Савелій Прокофьевичъ, какъ? — вкрадчиво спрашивалъ онъ, забравшись въ каморку Савелія.

— На счетъ чего? — нехотя переспрашивалъ Савелій, сидя въ очкахъ и занимаясь починкой своего ветхаго скюртука.

— То-есть, на счетъ Петра Ѳедоровича, какъ они? Гдѣ, на-
примѣръ, теперь изволятъ быть?

— Въ иностранныхъ земляхъ,—важно отвѣчалъ онъ, вдѣвая
нитку въ иглу и прищуривая при этомъ одинъ глазъ.

— Значить за моремъ? Такъ-съ!.. А когда будутъ, какъ
пишутъ?

— Объ этомъ свѣдѣній нѣтъ... Серафима Антоновна, уѣзжая,
мнѣ передавать изволили, что господа отбыли за-границу,—отвѣ-
чалъ Савелій, не теряя ни на одну каплю важности и сознанія
своего превосходства предъ Спиридономъ Яковлевымъ.

— А когда, на-примѣръ, вернутся?—продолжалъ разспраши-
вать Спиридонъ Яковлевъ, не обращая вниманія на холодный
тонъ Савелія.

Савелій потерялъ терпѣніе. Онъ положилъ на колѣни свою
работу, медленно снялъ очки съ носа и, смотря сердитымъ взгля-
домъ на Спиридона Яковлева, отвѣтилъ:

— Чтѣ я для тебя есть такое? Справочная контора, чтѣ ли?
Ты такъ предполагаешь по своему необразованію, что можешь
обо всемъ разспрашивать. Уйди, прошу тебя. Ты думаешь, что
обвинчалъ дочь съ баричемъ, такъ можешь мечтать о себѣ...
Вотъ погоди, пріѣдетъ самъ баринъ, онъ тебѣ покажетъ меч-
танія.

— Старая крыса, беззубая!—ворчалъ, уходя, Спиридонъ Яков-
левъ, неудовлетворенный въ своихъ разспросахъ.

Зная по личному опыту, что Филаретъ Павловичъ не мо-
жетъ не интересоваться вопросомъ о причинахъ таинственнаго
исчезновенія въ неизвѣстную даль владѣльца усадьбы Красныя
Горки, Спиридонъ Яковлевъ отправился въ Хохлакову и во-
шелъ во дворъ его дома какъ разъ въ ту минуту, когда Фила-
ретъ Павловичъ, закутанный въ шубу, опоясанный вязанымъ
шарфомъ и въ высокой мѣховой шапкѣ, спускался съ лѣстницы,
намѣреваясь куда-то ѣхать по своимъ торговымъ дѣламъ. Жен-
щины, дѣти, прислуга мужская и женская, прикащики и ку-
чера—все это, составляя значительную толпу около повозки,
проводило отъѣзжавшаго. Степанъ Павловичъ стоялъ рядомъ съ
братомъ и выслушивалъ его послѣднія распоряженія. Спиридонъ
Яковлевъ, войдя во дворъ, поколебался, не рѣшаясь подойти къ
Филарету Павловичу: и даже думалъ, что останется въ сторонѣ
незамѣченный, но бойкій глазъ Филарета Павловича тотчасъ же
остановился на немъ.

— Спиридонъ Яковлевъ!—окликнулъ онъ, даже какъ будто
обрадовавшись:—ну, что, какъ у васъ тамъ?

Спиридонъ Яковлевъ понялъ, что вопросъ касается мельницы и возки къ ней бревенъ,—отвѣтилъ:

— Ничего, возать, Филаретъ Павловичъ. А я было къ вамъ,—заговорилъ онъ, почтительно прикасаясь своей загорѣлой рукой къ мягкой рукѣ Хохлакова, милостиво ему протянутой.

Филаретъ Павловичъ пылливо поглядѣлъ на него и перебилъ его рѣчь новымъ вопросомъ.

— А что слышно, когда Петръ Ѳеодоровичъ пріѣдетъ?

— Да болтаютъ разное... Будто бы за-границу уѣхалъ.

— Гм... гм... Такъ, такъ... Безпремѣнно за-границу... Ну, прощайте, прощайте,—закивалъ онъ головой всей толпѣ чадъ и домочадцевъ, вышедшихъ его провожать, и еще разъ поцѣловался съ братомъ Степаномъ Павловичемъ.

— Прощай, братецъ, ежели что—сейчасъ депешу, да гляди, подальше держись отъ этого...—прошепталъ онъ, кивнувъ головой на Спиридона.—Прощай, Спиридонъ Яковлевъ,—громко сказалъ онъ ему.

— Куда же это вы изволите, Филаретъ Павловичъ?..

— Да вотъ помолиться захотѣлось... Не все, братъ, по-твоему только о дѣлахъ, да объ аукціонахъ. Надо, братъ, и о душѣ тоже подумать.

Повозка тронулась въ путь, и вся толпа вышла за ворота, смотря ей вслѣдъ. Спиридонъ Яковлевъ тоже смотрѣлъ и думалъ: «Душа!.. о душѣ!.. Вреть старый чортъ, непремѣнно вреть!..»

XXIX.

Петръ Ѳеодоровичъ дѣйствительно былъ за-границей и, разумѣется, въ Парижѣ; и Серафима Антоновна не ошиблась, судя по себѣ о наклонностяхъ всякаго дворянски-образованнаго чело-вѣка непремѣнно быть тамъ, гдѣ собирается побольше празднаго народу. Петръ Ѳеодоровичъ попалъ въ Парижъ съ семьей такъ же неожиданно, какъ и въ Петербургъ. Получивъ въ губернскомъ городѣ деньги отъ довѣреннаго Хохлакова, онъ заявилъ женѣ, что имѣетъ крайнюю надобность съѣздить ненадолго въ Петербургъ; но Глафира Александровна рѣшительно отвѣтила, что ни-зачто его одного въ Петербургъ не отпустить. Петръ Ѳеодоровичъ попробовалъ-было протестовать и указывалъ ей на свои законныя права, какъ мужа и главы семьи, однако же, такія указа-нія ни къ чему не повели. Глафира Александровна поставила вопросъ ребромъ,—или вмѣстѣ всѣмъ троемъ ѣхать, или пусть

Петръ Ѳедоровичъ оставитъ деньги у ней и ѣдетъ одинъ съ самыми ограниченными средствами. Конечно, Глафира Александровна имѣла много оснований для того, чтобы держать Петра Ѳедоровича поближе къ себѣ въ то время, когда у него въ карманѣ имѣлись деньги, такъ какъ давно знала, что онъ можетъ ихъ проиграть, пожалуй, въ одинъ вечеръ. Волей-неволей пришлось ему взять ихъ съ собой въ Петербургъ, тѣмъ болѣе, что оставаться на зиму въ губернскомъ городѣ, имѣя десять тысячъ рублей въ карманѣ, они нашли невозможнымъ и даже просто глупымъ. Въ Петербургѣ же какъ разъ кстати и дѣло подвернулось,—нужно бы посѣтить дядю Павла Степановича.

Но по приѣздѣ въ Петербургъ опять случилась неожиданность: встрѣтился кто-то изъ старыхъ пріятелей и въ разговорѣ между прочимъ упомянулъ, что былъ въ Парижѣ и только-что вернулся оттуда. Петръ Ѳедоровичъ вдругъ оживился, глаза заблестали, и онъ забросалъ пріятеля вопросами. «Ну, что? какъ? хорошо, не правда ли? а? Милая страна! Прелестный городъ!..» Пріятель оказался захваченнымъ подъ руку. Бесѣдуя съ нимъ и восторгаясь воспоминаніемъ прошлаго, Петръ Ѳедоровичъ почувствовалъ неотразимое желаніе ѣхать за-границу. «Нѣтъ, ужъ какъ угодно, Глафира Александровна,—рѣшительно заявилъ онъ женѣ,—какъ угодно, а я поѣду, хотя ненадолго, ну, на двѣ на три недѣли не больше. Мнѣ, главное, сравнить, каковъ теперь Парижъ. Рассказываютъ, что тамъ большія перемѣны. Я знаю прежній Парижъ, наполеоновскій, а теперь, говорятъ, просто узнать нельзя. Ну, ей-Богу я ненадолго и только для сравненія. По крайней мѣрѣ можно будетъ судить, дѣйствительно ли республика много сдѣлала тамъ новаго».

Но несмотря на то, что Петръ Ѳедоровичъ приводилъ, казалось, уважительныя причины для своей поѣздки за-границу, Глафира Александровна опять напомнила о томъ, что ѣхать ему одному ни въ какомъ случаѣ нельзя, и что если въ самомъ дѣлѣ ему такъ хочется сравнить республиканскій Парижъ съ прежнимъ монархическимъ, то почему же имъ всѣмъ троицъ не съѣздить на нѣкоторое время въ «столицу свѣта», когда и средства для этого есть, и милой Настѣ эта поѣздка можетъ доставить большое удовольствіе. Милая Настя, само собой разумѣется, тотчасъ повисла на шеѣ у тата, расцѣловала папу и въ губы, и въ щеки, и въ эспаньолку.

И поѣхали они въ Парижъ.

Предполагалось пробыть подъ небомъ Франціи не больше

двухъ-трехъ недѣль, въ крайнемъ случаѣ мѣсяцъ, и потому о поѣздѣ за-границу увѣдомленіе въ Красныя-Горки не было послано. Главнымъ образомъ имѣлось при этомъ въ виду спокойствіе старушки Вѣры Антоновны, которую такое извѣстіе могло, какъ они предполагали, только напрасно раздражить. Случилось, однако-жъ, какъ-то такъ, что, вмѣсто трехъ недѣль, Поярковы прожили въ Парижѣ два мѣсяца и прожили бы пожалуй и дольше, да встрѣтился кто-то изъ знакомыхъ дяди Павла Степановича и передалъ, что Павелъ Степановичъ за что-то очень недоволенъ Петромъ Ѳедоровичемъ, упоминалъ о какихъ-то письмахъ изъ Красныхъ-Горокъ, о телеграммахъ, о какомъ-то параличѣ и о какой-то будто бы свадьбѣ, даже болѣе ужасной чѣмъ параличъ. Толкомъ сказать знакомый ничего не могъ, потому что и самъ ясно не понялъ ворчанья Павла Степановича, но Петръ Ѳедоровичъ разстался съ нимъ въ большой задумчивости. Смутно онъ подозрѣвалъ, что параличъ могъ поразить Вѣру Антоновну (болѣзненная и старая женщина), но никакъ не могъ догадаться, что это за странная такая свадьба, которую дядюшка признаетъ болѣе ужасной, чѣмъ параличъ.

— Станный вы человѣкъ, Петръ Ѳедоровичъ,—упрекнула его Глафира Александровна, выслушавъ рассказъ о встрѣчѣ:—скажутъ вамъ всякій вздоръ, да еще съ какими-то совсѣмъ невозможными и даже неприличными сравненіями паралича со свадьбой, а вы слушаете!.. И, вѣроятно, даже не возражаете... Стыдитесь! Вы сами женатый, семейный человѣкъ, развѣ же можно позволять при себѣ такъ глупо выражаться?

Глафира Александровна теперь держалась еще величественнѣе чѣмъ въ Красныхъ-Горкахъ; платье на ней было въ большомъ обиліи опутано какими-то тюлями, лентами и бахрамами и очень рельефно обрисовывало ея крупныя формы. Настя тоже раздѣляла взгляды матери, какъ всегда и во всемъ. Одѣтая подобно ей съ большимъ шикомъ и обтянутая платьемъ до того, что едва могла передвигать ноги, она съ неменьшею надменностію отнеслась къ новостямъ, сообщеннымъ отцомъ. Но несмотря на то, что Петръ Ѳедоровичъ былъ человѣкъ слабохарактерный, увлекающійся и поддающійся всякому постороннему вліянію, онъ все-таки былъ мужчина и могъ хотя изрѣдка имѣть правильное сужденіе о своемъ положеніи. Онъ задумался надъ полученнымъ извѣстіемъ и ясно понималъ, что тамъ въ далекой Россіи, въ невыносимо-скучныхъ Красныхъ-Горкахъ что-то случилось такое, о чемъ нельзя говорить по-женски. Это извѣстіе

не только своимъ страннымъ содержаніемъ, но даже такъ само по себѣ напомнило ему многое изъ того, о чемъ онъ позабылъ или, вѣрнѣе сказать, старался забывать, и заставило его заглянуть въ бумажникъ. Оказалось, что бумажникъ постоицалъ уже изрядно и, слѣдовательно, надо по-добру по-здорову домой. Жена и дочь сильно было возстали, поднялись мигрени, нервы и т. п., но все это затянуло отъѣздъ только дня на два, на три.

Возвращались они въ Россію совсѣмъ не такими, какими ѣхали впередъ: тогда былъ между ними миръ и любовь, теперь царствовалъ раздоръ, слышались взаимные упреки. Глафира Александровна часто нюхала спиртъ; Настя же, хотя спирту и не нюхала, но упрекать отца умѣла не хуже матери. Поводовъ для упрековъ съ обѣихъ сторонъ было много. Петръ Ѳеодоровичъ жаловался на бѣшеную трату денегъ за туалеты; Глафира Александровна намекала на его слишкомъ будто бы нескромный образъ жизни; Настя обвиняла за то, что поскупился на уроки, которые она могла бы съ большой, по ея мнѣнію, пользой взять въ Парижѣ у лучшихъ профессоровъ музыки.

Такъ они проводили скучное время переѣзда на родину, и тѣмъ болѣе имъ удобно было спорить и раздражать другъ друга, что до русской границы съ ними въ вагонѣ не было никого изъ соотечественниковъ.

— Вотъ и родина ваша! Любуйтесь!—досадливо замѣтила Глафира Александровна, когда они миновали Вержболово.

— Вы, насколько помню, тоже не иностранка, — угрюмо возразилъ Петръ Ѳеодоровичъ, смотря въ окна на жалкія избушки деревеньки, мимо которой мчался поѣздъ.

— Къ сожалѣнію, да!—вздыхнула Глафира Александровна, и отвернувшись съ явнымъ презрѣніемъ отъ Петра Ѳеодоровича, заговорила съ дочерью.

— Пред-с-тавь, онъ иронизируетъ! Онъ ставитъ мнѣ въ упрекъ мое уваженіе къ Европѣ, къ ея правамъ, богатству, благосостоянію народа. Это мило... Взгляни въ окно, сравни то, что мы видимъ, съ тѣмъ, что осталось позади... Эти бѣдныя коровенки, похожія на телятъ, эти избушки... Эта грязь... Гадко видѣть!.. И онъ думаетъ, что мы, женщины, не понимаемъ, на комъ лежать священные заботы о благосостояніи массъ! Онъ воображаетъ, что можетъ жить весь вѣкъ, сложя руки, и никто за это его не обвинитъ.

— Ну, а на васъ этихъ, какъ вы называете, священныя обязанности нѣтъ?—ядовито спросилъ Петръ Ѳеодоровичъ.

— Ахъ, перестаньте, непріятно слышать ваши странныя возраженія. Вы Богъ знаетъ, что говорите...

— Мнѣ кажется, папѣ, — возразила дочь, — что призваніе женщины только помогать мужу, а не работать за него.

— Натурально-о, та-а-къ! — величественно подсказала Глафира Александровна.

— Но ты, папѣ, насколько я знаю, прожилъ жизнь, ничего не дѣлая, въ чемъ же мама могла тебѣ помогать?

Петръ Ѳедоровичъ нетерпѣливо махнулъ рукой и вышелъ изъ вагона на площадку.

Поѣздъ мчался мимо какой-то деревеньки, бѣдныя избушки которой, старыя и покосившіяся, наводили Петра Ѳедоровича на сравненіе этой жалкой жизни съ жизнью животныхъ, и онъ обвинялъ мужиковъ въ невѣжествѣ, въ грубости, въ лѣни и, конечно, ни разу не задумался надъ тѣмъ, что все свое невѣжество, грубость, лѣнь, все, все дурное этотъ обвиняемый имъ русскій мужикъ смѣло могъ раскрыть предъ нимъ, какъ явныя и неотразимыя вещественныя доказательства его же собственной вины: его небреженія въ выполненіи той высокой обязанности, которая именно на немъ и его предкахъ столько вѣковъ лежала. Но, по правдѣ говоря, Петръ Ѳедоровичъ обвинялъ теперь мужика не за то, что живетъ онъ бѣдно и грязно, а потому только, что въ его собственномъ дворянскомъ карманѣ оставалось мало денегъ и впереди было мало видовъ на ихъ прибыль.

Приѣхали они, наконецъ, въ Петербургъ съ такими же непріязненными другъ къ другу чувствами, съ какими выѣхали изъ Парижа. Петръ Ѳедоровичъ заявилъ-было о необходимости поэкономничать и предложилъ остановиться въ гостинницѣ средней руки, но Глафира Александровна рѣшительно противъ этого возстала.

— Помилуй, — въ ужасѣ зашептала она, — что скажетъ дядя, тѣтя, знакомые!.. Ты представь, что они о тебѣ могутъ подумать!

— Глафира Александровна, мои средства... — началъ-было Петръ Ѳедоровичъ, но самъ же вдругъ и рѣшилъ, что можно себя ужасно скомпрометтировать въ глазахъ знакомыхъ, которыхъ, впрочемъ, въ Петербургѣ у него почти не было.

— Да и собственно не стоитъ экономничать, — утѣшалъ онъ самъ себя, — дядя же богатъ и не сто лѣтъ будетъ жить.

Утѣшиться ему тѣмъ болѣе было легко, что въ бумажникѣ еще оставалась нѣкоторая сумма денегъ и не предстояло еще заботъ о завтрашнемъ днѣ. Теперь пока главная забота Петра

Федоровича была повидаться съ дядей Павломъ Степановичемъ и узнать, что за странныя такія вѣсти сообщали ему отъ его имени въ Парижѣ, и во всякомъ случаѣ успокоить старика своею почтительностію и покорностію. Петръ Федоровичъ немного расканивался въ томъ, что во время своего свиданія съ дядей, при отъѣздѣ въ Парижъ, позволилъ себѣ нѣсколько свободный тонъ въ разговорѣ съ нимъ и поспорилъ о чемъ-то въ либеральномъ духѣ. Дядя этого не любилъ, и Петръ Федоровичъ зналъ, что ему непріятно слышать либеральныя фразы, но тогда у Петра Федоровича было въ карманѣ десять тысячъ рублей чистыми деньгами, и либеральное направленіе какъ-то само собой овладѣло имъ. Теперь онъ значительно смирился, что отчасти совпадало и съ суммою денегъ, остававшихся у него отъ парижской жизни. Глафира Александровна собиралась къ дядѣ тоже съ нѣкоторымъ душевнымъ волненіемъ: она видѣла, что Петръ Федоровичъ хотя и свободно пока закидываетъ голову кверху, но по временамъ какъ будто начинаетъ горбиться и прятать руки въ карманы пальто. Это ее сердило и волновало, напоминая о томъ, что карманъ его опять пустъ. Но вмѣсто того, чтобы поддерживать Петра Федоровича въ болѣе или менѣе спокойномъ состояніи духа, она подливала масла въ огонь и иронизировала при каждомъ удобномъ случаѣ, не стѣсняясь ни мало присутствіемъ дочери.

На другой день утромъ, когда они всѣ трое собрались ѣхать къ дядѣ, Глафира Александровна, сядя въ карету и забирая лѣвой рукой длинный шлейфъ платья, вдругъ взглянула на Петра Федоровича и презрительно замѣтила по поводу его мрачности:

— Гамлетъ!

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе Настя хихикнула, а Петръ Федоровичъ, бывшій почти въ совершенно спокойномъ состояніи духа, ужасно вдругъ разстроился и сердито захлопнулъ дверцы кареты. Пока они ѣхали до квартиры дяди, онъ всю дорогу злился, избѣгая взглядовъ жены и никакъ не могъ припомнить тѣхъ фразъ, которыя утромъ цѣлый часъ придумывалъ для того, чтобы ими начать объясненіе съ дядей.

Карета остановилась у богатаго подъѣзда. Высокій и хорошо откормленный швейцаръ подскочилъ къ ней и, на вопросъ Петра Федоровича, тихо отвѣтилъ, отворяя дверцы:

— Дома; пожалуйте...

Задержанный глубокой вздохъ стѣснилъ грудь Петра Федоровича, и идя потомъ по богатымъ коврамъ лѣстницы, онъ прошепталъ Глафирѣ Александровнѣ:

— Хотя здѣсь-то поудержитесь.

— Какъ вы наивны! — отвѣтила Глафира Александровна, однако, тоже шопотомъ, и съ большой заботой поправляя какую-то складочку на пышномъ платьѣ дочери.

На верху лѣстницы ихъ встрѣтилъ тоже лакей и тоже шопотомъ отвѣтилъ имъ, почтительно кланаясь и растворяя двери въ залу.

— У его п—ства съ докладомъ чиновникъ-съ. Пожалуйте-съ... Сейчасъ доложу ей п—ству.

Д. СТАХЗЕВЪ.

МИРНЫЕ ЭПИЗОДЫ

изъ

ВОЕННОЙ ЖИЗНИ

ВОЙСКЪ КОРПУСА ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА ЦИММЕРМАНА.

II. СИЛИСТРИЙСКІЙ САНДЖАКЪ *).

Поѣздка въ Силистрію.—Картина мѣстности.—Наши порядки у демаркаціонной линіи.—Первое свиданіе съ комендантомъ крѣпости.—Грубый тонъ его приѣма.—Обѣдъ у турецкаго коменданта.—Пріятельская бесѣда за чашкою кофе.—Дружественное прощаніе.

На другой день, 3-го февраля, предстояло совершить верховъ длинный переходъ въ 60 верстъ, вплоть до квартиръ штаба казачьяго полка — деревни *Кучукъ-Кайнарджи*.

Какъ ни рано поднялся я въ путь-дороженьку, а уже нашелъ весь нашъ обширный дворъ наполненнымъ толпами татаръ и турокъ, которые собрались поздравать на сцену отъѣзда, составившую событіе дня въ ихъ однообразной деревенской жизни.

Призвавъ мухтара, я передалъ ему требованія русскаго правительства, а всѣхъ снабдежилъ въ защитѣ и покровительствѣ. Толпа напутствовала насъ наружными знаками пожеланій счастливаго пути. Какого внутренняго свойства были эти пожеланія, конечно, трудно было отгадать, глядя на ихъ спокойныя, неподвижныя лица; но судя по ходу событій, позволительно думать,

*) См. выше: августъ, 683 стр.

что они отъ души желали намъ, по меньшей мѣрѣ, провалиться сквозь землю.

Переходъ начался съ разсвѣтомъ. День былъ сѣренькій, воздухъ мягкій, иногда проглядывало солнышко; 10 казаковъ по прежнему сопровождали насъ.

Сначала мѣстность сохраняла тотъ же распылчатый и открытый видъ; далѣе же холмы стали дѣлаться рельефнѣй, долины уже и глубже; показался кустарникъ, и природа стала замѣтно облекаться въ болѣе твердыя очертанія. По мѣрѣ движенія впередъ, холмы эти выросли болѣе и болѣе, не теряя, однако, своего яйцеобразнаго вида, и, наконецъ, превратились въ горы съ плоскими и широкими вершинами. Начались частые спуски и подъемы для объѣзда балокъ и, наконецъ, вѣхали мы въ знаменитый горный Дели-Орманскій лѣсъ, который придавалъ такой суровый характеръ и страсть, и населяющимъ ее жителямъ; онъ тянется широкою сплошною площадью къ сторонѣ Рущука, минуя Силистрію и Шумлу. Въ немъ дубъ вытѣснилъ всѣ остальные древесныя породы; могучіе корни его, выѣзая изъ земли, вились по всей дорогѣ; но лѣсъ этотъ имѣлъ видъ жалкій, растрепанный, далеко не соответствовавшій его прежней славѣ; замѣтенъ былъ вездѣ произволъ въ рубкѣ, которымъ безпощадно терзало его густое населеніе этихъ мѣстъ. Въ Турціи хотя лѣса и считаются государственною собственностію, но право пользованія ими, — отнюдь, впрочемъ, не для торговли, а только для домашняго обихода, — остается за мѣстными жителями; поэтому ни то ни другое юридическое лицо не можетъ назваться полнымъ собственникомъ лѣсовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пропадаетъ у нихъ и желаніе къ строгому сбереженію ихъ разумною порубкою.

Путь пролегалъ по водораздѣлу, минуя деревни. Лѣсныя дороги въ Турціи рѣдко тянутся одною полосою, большею частію онѣ расчучиваются на 3—4 и болѣе вѣтвей, которыя то сливаются вмѣстѣ, то перекрещиваются; а пороку совѣмъ уходить въ стороны. Горе тому неосторожному всаднику, который, довѣрившись общему направленію, выбралъ бы произвольно одну изъ ряда идущихъ; она коварно завела бы въ невылазную трущобу; но казакъ-проводникъ, хотя всего по одному разу въ оба конца по ней проѣхавшій, не затруднялся въ выборѣ истинныхъ линій: смѣло уходилъ дорогой въ стороны, круто поворачивалъ и спускался въ балки въ то время, когда достигаемый предметъ, по видимому, лежалъ впереди, на горизонтѣ вершины горы... словомъ, выказывалъ такое твердое знакомство съ мѣстностью, которое успокаивало за исходъ странствованія. Могучій торсъ его

безжалостно налегая на неказистаго мажтана и, казалось, въ концѣ-концовъ долженъ бы раздавить его своею тяжестью; но конь шелъ бодрою иноходью, стальные его мускулы легко подбрасывали эту не менѣе мускулистую массу, которая равномерно раскачивалась на сѣдлѣ.

Никогда въ жизнь мою не приходилось мнѣ совершать длинный путь при такой однообразной и скучной обстановкѣ: съ боковъ даль была закрыта сухими вѣтвями и стволами обнаженныхъ отъ листьевъ деревьевъ, перспектива же дороги записалась, какъ бутылка пробкой, ражымъ дѣтиной — моимъ проводникомъ. Безконечная его пижа мозолила и колола глаза.

На пути, какъ на зло, ни села, ни хутора; только изрѣдка надвигались на дорогу изъ чащи лѣса кладбища: сбитыя въ тѣсную кучу бѣлыя мраморныя доски, торчмя поставленныя и увѣнчанныя чалмами. Вѣрно по близости гдѣ-либо находились залежи мрамора. Густой кустарникъ заволакивалъ эти кладбища и свидѣтельствовалъ, что они давно уже покинуты переселившимися куда-то деревнями. Глядя на эти заброшенныя кладбища, подчасъ злорадная мысль, какъ змѣя, прокрадывалась въ душу и создавала нелюбимую прелести картину того ужаса и негодованія, въ которое пришли бы покойно спящіе здѣсь, подъ заросшими лѣсами памятниками, гордые борцы мусульманскаго востока, еслибы увидѣли они, что земля ихъ попирается ногами того самаго гаура, къ которому привыкли они относиться съ вѣковымъ презрѣніемъ, что гауръ нынѣ властелинъ этой земли, и что вскорѣ ударить часъ, когда внукамъ ихъ придется разстаться съ этими лѣсами и нивами, можетъ быть смоченными ихъ кровью и потомъ.

Приуныли, наконецъ, и казаки: незамѣтно для самихъ себя втянулись они въ мурлыканье пѣсни безъ словъ. Пѣсня эта оригинальная, носитъ совершенно мѣстный колоритъ; подобной я не слышалъ у другихъ племенъ, населяющихъ Россію: въ ней хоръ голосовъ переходитъ отъ мотивовъ унылыхъ къ безотрадно-грустнымъ и все безъ словъ; потомъ мало-по-малу растетъ въ силѣ, экспрессіи и раздражается, наконецъ, пѣніемъ раскатыстымъ и безконечнымъ, какъ и тѣ прожженныя солнцемъ степи, которыя ихъ вскармливаютъ и готовятъ души къ принятію вѣчно щемящей тоски, болѣе или менѣе присущей каждому степовому казаку. Нужно полагать, что ее создали унылая природа и древнія историческія невзгоды жизни.

Также мало радовала меня и перспектива будущей дѣятельности.

Командиръ корпуса, генералъ-лейтенантъ Циммерманъ, вслѣдъ за полученіемъ изъ штаба главнокомандующаго условій перемирія, послалъ въ Силистрію съ однимъ казачьимъ полкомъ генеральнаго штаба подполковника Шурупова для переговоровъ на счетъ сдачи этой крѣпости. Выборъ сдѣланъ былъ очень удачный: молодой этотъ штабъ-офицеръ отличался твердою волею, бойкостью и находчивостію. Встрѣченъ онъ былъ подъ стѣнами крѣпости съ понятнымъ недоувѣріемъ, и только послѣ долгихъ препятствій рѣшились его впустить въ Силистрію и то одного, съ повязанными глазами. Но турецкому коменданту трудно было бороться съ требованіями обстоятельствъ: онъ уступилъ, и по обоюдному соглашенію отбита была для насъ демаркаціонная линія, шедшая въ восьми верстахъ отъ крѣпости; она изгибалась полукружіемъ вокругъ верковъ.

Такимъ образомъ въ силу однихъ международныхъ сношеній турки Силистріи отдѣлили себя отъ прочихъ частей своей арміи тою слабою цѣпью казачьихъ аванпостовъ, которую могли они сами прорвать во всякое время. За этой линіей оставлена была нейтральная полоса шириною отъ 3 до 4 верстъ. Предварительными этими распоряженіями положены были прочныя основанія для правильнаго развитія порученнаго дѣла.

Въ Базарджикѣ, въ штабѣ 14-го армейскаго корпуса, съ нетерпѣніемъ ожидали передачи крѣпости, какъ вѣрнаго признака мира; но свѣдѣнія получались оттуда далеко не утѣшительныя: не смотря на то, что въ это время всѣ силы турокъ сведены были за Балканы, крѣпость занята была гарнизономъ, который, по частнымъ слухамъ, состоялъ изъ 8 т. низама и 6 т. башни-бузуковъ (народнаго ополченія), на столько хорошо обученныхъ, что они могли даже маневрировать въ крѣпостныхъ верковъ. Духъ мусульманъ, покорныхъ твердой волѣ коменданта, былъ имъ поднятъ до фанатизма. «Крѣпость Силистрія, — говорили они, — грозно отразила въ 1854 году нападеніе русскихъ войскъ, и оставленные ими пушки, поставленные теперь на валы крѣпости, убѣждаютъ въ нашей непобѣдимости». Опасались возмущенія мусульманъ при сдачѣ крѣпости. Къ этому прибавлялось, что вслѣдъ за отдѣленіемъ города отъ зависающаго отъ него санджака (уѣзда), началась полная дезорганизація деревенской жизни; черкесы будто бы стали рѣзать христіанъ, болгары нападать на мирныхъ турокъ, и что одновременно съ этимъ открылись подъ стѣнами Силистріи какія-то нежелательныя препирательства съ нашими

войсками за самовольный проходъ какой-то кучки казаковъ черезъ демаркаціонную линію.

Время уходило, но не приносило желаемого улучшенія. Хотя въ условіяхъ прелиминарнаго договора и сказано было, что всѣ крѣпости, лежащія по Дунаю, а въ томъ числѣ и Силистрія, должны быть намъ переданы въ семидневный срокъ, но турки видимо затягивали сдачу послѣдней, рассчитывая на возможность счастливаго для нихъ оборота дѣлъ. Посланные по этому поводу два офицера генеральнаго штаба — полковникъ Повало-Швейковский и капитанъ Гершельманъ — въ Шумлу, къ Фазли-пашѣ, главному начальнику войскъ и крѣпостей при-дунайской Болгаріи, — хотя и были имъ встрѣчены гостепріимно и изысканно вѣжливо, тѣмъ не менѣе не привезли положительнаго отвѣта: Фазли-паша говорилъ, что онъ дѣйствительно извѣщенъ официальной депешей о послѣдовавшемъ актѣ замиренія, но о сдачѣ Силистріи въ ней ни однимъ словомъ не упоминалось, и что по отдаленности этого мѣста (80 съ небольшимъ верстъ) извѣщеніе можетъ быть туда доставлено только на третьи сутки.

Полученное мною предписаніе отъ командира корпуса лаковизмомъ своимъ и сдержаннымъ тономъ далеко не разрѣшало накопившіяся въ головѣ недоразумѣнія. Въ немъ предлагалось только принять крѣпость и край въ мое вѣдѣніе; упоминалось, что со временемъ къ Силистріи прибудетъ изъ Меджидье и Бюстенджи бригада пѣхоты съ ея артиллеріей; но подоспѣетъ ли она во дню сдачи крѣпости — не было возможности не только приблизительно опредѣлить, но и предсказать: грязь стояла невылазная; непроходимость же узкаго, ведшаго туда горнаго пути требовала серьезныхъ саперныхъ работъ; въ концѣ предписанія присовокуплялось, безъ всякихъ оговорокъ, что прилагается для руководства копія съ телеграммы, опредѣляющей условія перемирія. Словесно же передано имъ было наставленіе не только избѣгать мелочной придирчивости при принятіи крѣпости, но, напротивъ, предлагалось оказывать самое усердное содѣйствіе въ скорѣйшему ея очищенію. «Пусть перевезутъ лишній десятокъ орудій, лишь бы скорѣе оставленъ былъ турками этотъ оплотъ ихъ на Дунаѣ, въ тылу нашей арміи», — прибавилъ мой главный начальникъ.

Литографированная эта копія съ телеграммы передъ отъѣздомъ прочитываема была мною такъ часто, что условія сдачи я могъ выучить наизусть. Скучный путь и заботы о будущемъ часто выдвигали ихъ одно за другимъ и зарождали вопросы, которые казались мнѣ тогда неразрѣшимыми; пространный актъ

перемирія переданъ былъ телеграфомъ въ сокращенномъ видѣ, во многихъ мѣстахъ слабо отпечатаннымъ съ исчезнувшими словами и знаками препинанія и съ такими оборотами фразъ, которые не давали твердаго смысла многимъ пунктамъ условія; словомъ, вызывалось произвольное толкованіе въ пользу обѣихъ сторонъ. Обстоятельство это заставило командира корпуса, нѣсколько дней спустя, вытребовать отъ коменданта Силистріи подлинныя условія; но они оказались написанными на турецкомъ языкѣ, еще менѣе доступномъ нашему пониманію. Въ главныхъ чертахъ они заключались въ слѣдующемъ: а) очищеніе въ семидневный срокъ крѣпости отъ войскъ, имущества и военныхъ судовъ; б) оставшееся въ крѣпости казенное имущество, по выходѣ турецкихъ войскъ, переходить въ руки русскаго правительства, и можетъ быть обращено имъ въ свою собственность, но не иначе, какъ за деньги, по справедливой оцѣнкѣ, и, наконецъ, в) седьмой пунктъ прелиминарнаго договора гласилъ, что гражданское управленіе въ переданныхъ городахъ и санджакахъ остается въ рукахъ турокъ впредь до заключенія мира, мы же обязуемся защищать ихъ отъ насилій, и охранять въ неприкосновенности все ихъ частное имущество, — и много другихъ болѣе мелкихъ условій.

Долгій поземельный процессъ, веденный мною въ частной жизни, заставилъ меня узнать и оцѣнить всю важность значенія писаннаго слова; тѣмъ болѣе казалось мнѣ опаснымъ довѣряться колеблющемуся смыслу телеграммы въ международномъ дѣлѣ, касающемся приобрѣтенія такого государственнаго имущества какъ крѣпость съ пространнымъ уѣдомъ, которые, конечно, должны оцѣниваться десятками милліоновъ, не говоря уже о политической окраскѣ самого дѣла. Положимъ, что общалась и скорая высылка изъ С.-Стефано писанной копии съ оригинала заключенной конвенціи, но самый срокъ для приѣма крѣпости назначался такой короткій, а путь для привоза копій лежалъ такой кружной и длинный, что не представлялось надежды получить ее вовремя. Нужно ли прибавлять ко всему здѣсь изложенному, что подобный характеръ передачи условій перемирія устранялъ всякую возможность, скажу болѣе, право, у какова бы то ни было начальствующаго лица, прибавлять какую бы то ни было инструкцію для правильнаго веденія и окончанія поручаемаго мнѣ дѣла; она могла бы только исказить точный смыслъ литографированныхъ условій перемирія; а потому не была она мнѣ дана и командиромъ корпуса вопреки его обыкновенію. Последнее, наконецъ, затрудненіе состояло въ томъ, что силистріійскій нашъ

отрядъ отрывался отъ силъ корпуса на 95 верстъ, что составляло, вслѣдствіе распутицъ, такое протяженіе, при которомъ по возникающимъ недоразумѣніямъ получался бы отвѣтъ только на пятые сутки.

Нужно ли говорить, что стеченіе подобныхъ неблагоприятныхъ условій, повидимому, не обѣщало счастливаго исхода порученному мнѣ дѣлу. Между тѣмъ, миссія эта была отвѣтственная и щекотливая: Россія и армія съ нетерпѣніемъ ждали извѣстій о сдачѣ крѣпостей; минуты опозданія казались часами, почему и неудача могла бы покрыть виновника ея нежелательною гласностью. Посмотримъ теперь, насколько оправдались всѣ эти тревожныя недоумѣнія.

Нить моихъ мыслей была, наконецъ, прервана чувствомъ развивавшагося голода; нужно было подумать и объ отдыхѣ.

По соображеніямъ казаковъ, мы должны были отъѣхать верстъ 20 отъ ночлега. Вдали мелькала большая турецкая деревня и заманивала насъ уютностію своего расположенія; она называется *Сутуклы*. Рѣшились въ ней остановиться.

При вѣздѣ стоятъ школа; двери ея открыты настежь, несмотря на зимнюю пору; до 20 дѣтей обоего пола отъ 5-ти до 8-ми лѣтъ, прилежно выкрикиваютъ что-то по книжкамъ. Вхожу въ школу; гибкій черкесъ въ темной папахѣ и стеганомъ бешметѣ, незамѣтно проскользнулъ въ двери; остался одинъ учитель—старый турокъ. Дѣти съ блѣдными лицами, худенькіе, скученно сидѣли, поджавъ ножонки, на коврикахъ, вокругъ огонька, тлѣвшаго въ большомъ очагѣ. Неожданное мое появленіе не только ихъ не перепугало, но они еще звонче стали твердить уроки.

Школа всегда меня сильно интересовала, и я рѣшился ознакомиться съ ихъ знаніями. Спрошенныя дѣти читали безъ всякаго страха или смущенія, съ какимъ-то хвастливымъ задоромъ; черные глазенки ихъ пылливо вглядывались въ непонятнаго для нихъ экзаменатора. Читали они громко и быстро, тѣмъ не менѣе совершенно бессознательно, какъ читается все то, что уже давно и многократно затверживалось; а предметъ стоилъ большаго вниманія. Переводчикъ объяснилъ мнѣ, что то были стихи изъ Корана, написанные на арабскомъ языкѣ, и что самъ учитель навѣрное его не понимаетъ.

Сознаюсь, не безъ удовольствія задумывалъ я внести въ свои замѣтки, что вотъ-де среди турокъ, стоящихъ на низшей ступени цивилизаціи, до сихъ поръ такъ мало созрѣли педагогическія понятія, что заставляютъ они дѣтей своихъ заучивать одни звуки

словъ, не справляясь о ихъ внутреннемъ содержаніи; но вспомнилъ, что по нашимъ деревнямъ посѣщеніе дѣвушками школы до сихъ поръ составляетъ рѣдкое отпадное исключеніе; что сознательное народное обученіе, въ которомъ память развивалась бы наравнѣ со смысломъ, стало проглядывать только за послѣдніа десятилѣтія нашего тысячелѣтнаго существованія; что и въ культурной Финляндіи, какъ успѣлъ я лично убѣдиться, при начальномъ обученіи придерживаются той же порочной методы; что, наконецъ, весь католическій западъ Европы, стоящій на высшей ступени культурнаго развитія, заучиваетъ еще болѣе простыя, высокія и полезныя для жизни—христіанскія истины,—также на мертвомъ и совершенно для него непонятномъ латинскомъ языкѣ, и я невольно измѣнилъ обличительное направленіе своихъ помысловъ на болѣе общее и безпристрастное...

За всю кампанію ни разу не удалось мнѣ видѣть турецкой женщины безъ покрывала; понятно, что я съ особымъ любопытствомъ вглядывался въ черты дѣвочекъ-школьницъ, чтобы составить себѣ понятіе, какого рода сокровища такъ ревниво турки оберегаютъ въ своихъ гаремахъ, и пришелъ въ крайнее недоумѣніе: всѣ онѣ носили явные признаки недавняго монгольскаго происхожденія, — широкія скулы, узко и на-вось прорѣзанные глаза, съ однимъ намекомъ на носы. Чѣмъ объяснить такой странный подборъ представительницъ турецкой красоты? Татаръ въ деревнѣ не было, но нельзя было также допустить, чтобы маленькія эти коротконосыя пугала, сдѣлавшись женами, способны были создавать красивыхъ узколицыхъ и длинноносыхъ турокъ. Изъ опасенія нарушить этикетъ турецкой жизни, я не рѣшился вдаваться въ разслѣдованіе этого явленія.

Остановились мы опять въ кофейнѣ, почти въ серединѣ деревни, на краю оврага. Казаки, выставивъ часового у дверей дома, рассыпались по разнымъ улицамъ отыскивать фуража. Вѣхатъ застали мы порядочную толпу турокъ, изъ которыхъ одни, по распоряженію переводчика, отправились за провизіей, а другіе стали разводять огонь и грѣть воду. Разговоръ не замедлилъ завязаться самый оживленный, и среди его незамѣтно состряпано было кушанье турецкой кухни — яичница, жареная курица и пилавъ; а также сваренъ былъ вкусный черный кофе безъ сахара.

Турки, конечно, знали о перемиріи, съ видимою радостію ожидали наступленія мирныхъ дней и, конечно, не предчувствовали тѣхъ невгодъ и лишеній, которыя вызовутся этимъ миромъ.

Едва окончили нашъ обѣдъ, какъ часовой-казакъ пришелъ

доложить, что 4 вооруженныхъ турка, по всей вѣроятности военныхъ, желаютъ войти въ кофейню. Сила есть право; а общественное зданіе, стоящее на проѣзжей дорогѣ, достояніе общее, почему дано было согласіе на впускъ непрошенныхъ гостей. Какъ только замѣтили вошедшіе турки, что мы сидимъ обезоруженными, не медля снимали съ себя весь свой подвижной арсеналъ—магазинныя ружья, пистолеты, которые торчали изъ-за широкаго ихъ пояса и даже сабли, и все это бережно поставили въ уголъ комнаты. Меня крайне удивила эта черта утонченнаго житейскаго такта, выказанная турками! одинъ изъ нихъ особенно выдѣлялся свободною рѣчью, движеніями, расшитымъ золотомъ жилетомъ, и это заставляло видѣть въ немъ начальника остальныхъ. Бойкій и красивый, онъ невольно привлекалъ къ себѣ общее вниманіе. Разговоръ оживился; переводчикъ отчетливо переводилъ мнѣ каждое ихъ слово на французскій языкъ, которымъ владѣлъ онъ въ совершенствѣ, проведя 4 года во французской константинопольской коллегіи. Оказалось, что они были посланы комендантомъ Силистріи собрать свѣдѣнія о подводахъ. Отвѣты ихъ по части военной были настолько сдержанны, что отбивали охоту допрашивать о состояніи крѣпости.

Часамъ къ тремъ по-полудни, сдѣлавъ 45 верстъ, добрались мы до второго казачьяго этапа, дер. *Бенюк-Кайнарджы*, гдѣ расположенъ былъ сотенный дворъ. Вѣроятно, предупрежденный, командиръ сотни встрѣтилъ меня съ уставной почестью у калитки двора.

— Ну что, есаулъ, какъ дѣла!

— На счетъ фуража, вашество, жаловаться не смѣю: въ изобиліи и цѣны подходящія, только растутъ онѣ не по днямъ, а по часамъ; вѣрно рассчитываютъ, что по пятамъ нашимъ вся армія сюда нагрянетъ. Только то плохо, что брезгаютъ нашей ассигнаціей: сначала турки принимали ее безъ затрудненій, а теперь вертять ее передъ глазами и притворяются, будто не понимаютъ, что это деньги; все подавай имъ звонкую; а гдѣ ей на всѣхъ хватить; она дается въ извѣстной долѣ. Какъ это скоро они прозрѣли; а все братушки ихъ просвѣщаютъ. Такіе промышленные, право... А тутъ какъ на бѣду всѣ села кругомъ Силистріи ими переполнены.

Впослѣдствіи я лично убѣдился, какъ силенъ былъ запросъ на звонкую монету: полкъ очень скоро истощилъ ее и прибѣгъ къ займу у меня изъ экстраординарныхъ суммъ.

— Ну, а на счетъ тишины и спокойствія?

— На этотъ счетъ уже совсѣмъ плохо: грабежи и разбои кругомъ; не сообразишь, какъ тутъ и порядокъ завести: одно дѣло расслѣдуешь и виновныхъ арестуешь—является другой случай грабежа или насилія; и все больше со стороны болгаръ. Мстять неистово. Казаки просто измучились; только и дѣла, что командируешь ихъ верстъ за 10, 15 для поимокъ. Вамъ же извѣстно, какъ мало казаковъ при сотенномъ дворѣ. А тутъ еще ежедневно являются мухтары изъ турецкихъ деревень съ просьбою отпустить имъ хоть по одному казаку на деревню для одного хоть духа, то-есть, чтобы вѣсть о нихъ разошлась... я и безъ того уже по два казака въ ближайшія деревни откомандировалъ. Да что съ нихъ проку: деревни большія, а силы малыя...

— Что же вы думаете дѣлать?

— Я такъ теперь, вашество, завелъ, чтобы отъ каждой деревни человекъ 10, 15 турокъ ѣздили подѣ начальствомъ одного казака разѣздами до смежныхъ деревень. Начальство разрѣшило... Гдѣ такой разѣздъ покажется, по новизнѣ дѣла не знаютъ, что и подумать... не сообразать, кто кѣмъ заправляетъ; ну, и притихнуть на время. Турки съ однѣми палками ѣздить; а огнестрѣльное или холодное... ни, ни! Боже упаси! Мы знаемъ противъ кого воюемъ. Только доложу вашему, что теперь пошелъ такой развалъ, да хаосъ, что и до истины не скоро доберешься: совсѣмъ не разберешь, съ кѣмъ и противу кого? Ну ужъ, сторонуща!

— Но все-таки деликатнѣе бы относительно болгаръ... за нихъ война велась!

— На этотъ счетъ не извольте беспокоиться; мы сами знаемъ, что нужно дѣйствовать на обѣ стороны; оттого иногда передъ туркомъ притворишься, что ничего не понимаешь; а передъ тѣмъ толмача куда-либо подальше ушлешь, словомъ, бездѣйствуешь, пока не остынетъ, ну, и болгаръ стараешься усовѣститъ; а подѣ часъ велишь его и тупымъ концемъ—пяткою пика—ткнуть, если уже слишкомъ разсвирѣпетъ и въ свалку вступить. Кое-какъ улаживаемъ. Не мировыхъ же судей для нихъ приглашать—миримъ сами: декларацію Государя Императора относительно защиты мусульманъ, по силѣ возможности, выполняемъ. Только такіе порядки службы несказанно тяжелы. Передъ миромъ дѣло попроще было.

Командиръ этой сотни ¹⁾ долгое время служилъ на Кавказѣ

¹⁾ Въ минувшую кампанію почтенный этотъ офицеръ принималъ живое участіе, какъ при форсированіи переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай, въ Добруджѣ, такъ

и станичнымъ атаманомъ, выборнымъ правителемъ, что, при его смѣлвости, служило достаточнымъ ручательствомъ въ разумномъ веденіи дѣла, дѣйствительно крайне щекотливыхъ, особенно въ виду строгихъ требованій со стороны корпуснаго штаба, которыя не ослабѣвали за всю кампанію, чтобы мусульманское населеніе, мирно живущее, повсемѣстно оберегалось.

Въ предшествовавшей статьѣ, съ достаточною, кажется, убѣдительною было доказано, въ какомъ благимъ послѣдствіямъ повела эта миролюбивая политика въ Добруджѣ; она вредила турецкому правительству едва-ли не больше самого оружія: подкупая вниманіемъ, развивая въ немъ анти-турецкія привязанности, — цѣлыя области отрывала она отъ очага народныхъ востаній. Этимъ путемъ привлечена была на нашу сторону не только вся масса татарскаго народонаселенія, но и большинство турецкихъ деревень оставались спокойными зрителями совершавшихся передъ ихъ глазами грозныхъ событій.

Еслибы войска наши, занимавшія Добруджу, стали придерживаться системы репрессалій, вызываемыхъ исторіей болгарской жизни, мы навязали бы себѣ много тяжелыхъ заботъ: вся обширная и густо заселенная площадь въ срединѣ знаменитаго четырехугольника крѣпостей, кишѣла неприваннымъ къ оружію здоровымъ и сильнымъ контингентомъ; не много нужно было употребить со стороны нашей усилій при оплотнѣніи этихъ массъ отъ прилива скопившагося здѣсь всего татарскаго населенія, чтобы вывести его изъ апатіи; тогда весь театръ войны глѣбаго фланга занялся бы пламенемъ народныхъ востаній, которое нелегко бы было потушить войсками 14-го армейскаго корпуса при ихъ крайне слабомъ составѣ, какъ относительно * силъ окружающаго его непріятеля, сгруппированнаго по крѣпостямъ, такъ и того громаднаго протяженія земель, которыя вѣрены были ихъ защитѣ. Въ своемъ мѣстѣ будетъ мною указано, на сколько соотвѣтствовали силы этого корпуса важности возложеннаго на него дѣла.

Передъ отъѣздомъ, есауломъ Аврамовымъ были мнѣ представлены мухтары деревень, старѣйшіе и почетные мусульмане; а

и въ рекогносцировать. Однажды усердіе офицера генеральнаго штаба близко подошло къ лодку подъ турецкіе выстрѣлы. Раздался залпъ ружей спрятанныхъ въ камышахъ турокъ, и рулевой казакъ, смертельно раненный, сталъ выпадать за бортъ. Есаул своею сильною рукою повалилъ раненаго казака на дно, взялъ его руль, и лавируя вывелъ ее изъ-подъ выстрѣловъ. Справедливая награда послѣдовала за этимъ подвигомъ.

также благообразный, сѣдобородый хозяинъ дома Сулейманъ съ сыновьями. Чуткій къ тону завязывающихся отношеній, есаулъ просилъ меня обратить особенное вниманіе на этого почтеннаго старика. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что онъ личнымъ своимъ гуманнымъ вліяніемъ спасъ, во время смутъ войны, отъ разгрома и позора, которыми баши-бузуки грозили болгарскимъ семействамъ, три большія и густо ими заселенныя деревни.

Нужно ли говорить, что я ему обѣщалъ особое вниманіе и покровительство нашего правительства.

Стало уже смеркаться, когда мы добрались, наконецъ, до дер. *Кучукъ-Кайнарджи*, квартиры штаба полка. Двѣ трети пути проѣхали хорошею лѣсною дорогою, а послѣднюю по густой и липкой грязи; но обычная комфортабельная обстановка на квартирѣ командира полка обѣщала намъ скорое возстановленіе нашихъ силъ.

Деревня эта дорога для насъ по историческимъ воспоминаніямъ; здѣсь были заложены глубокіе подкопы для разрушенія политическаго могущества Порты: 10 іюля 1774 года заключенъ былъ миръ съ Турціей, по которому она уступила намъ Керчь, Еникале, Азовъ и Кинбурнъ; кромѣ того, купеческіе корабли получили права свободнаго плаванія изъ Чернаго моря въ Средиземное. Нынѣ мы вполне пожинали плоды великихъ дѣлъ Екатерины.

Деревня расположена на двѣ глубокихъ, развѣтвляющихся во всѣ стороны балокъ. Дома съ садами разбросаны здѣсь отдѣльными хуторами, иногда очень живописными. Улицы ея были буквально залиты вонючею жидкою грязью. Казаки двигались какъ гуси: стоя на одной ногѣ, зорко высматривали липкій бугорокъ, чтобы помѣстить на немъ другую; иначе грязь засосала бы сапоги. Болгары, одѣтые въ чепяки, шлепали по грязи истинно съ восточнымъ равнодушіемъ. Вся деревня была ими одними заселена.

Разочарованіе настигло быстро. Командиръ полка, полковникъ Варламовъ, со всѣми чинами штаба тѣснился въ одной убогой комнатѣ, а въ сосѣдней собраны были обычные завсегдатели ставки полевого командира въ военное время—какой-то факторъ, безъ признаковъ національности, говорящій на всѣхъ языкахъ, суетливый и много обѣщающій, переводчикъ, проводникъ и караульные урядники. Обоза своего полка изъ осторожности не притягивалъ; поэтому мебель и постели замѣнили разостланные по соломѣ коврики, шинели и пальто, и видомъ своимъ напоминали скорѣе больничныя околотовъ на бивуакахъ; только

здоровья и молодые лица штабныхъ офицеровъ и ихъ веселый говоръ разгоняли накопившійся служебный сплинъ.

Всѣхъ ихъ собрала сюда стихійная причина—невылазная грязь: по улицамъ иначе нельзя было двигаться, какъ верхомъ; а какъ призывы этихъ чиновъ къ командиру полка въ кампанію почти ежечасные, то пришлось бы имъ, ни днемъ, ни ночью, не кормить и не разсѣдлывать своихъ лошадей; а лошадь для кавалериста то же, что крылья для птицы.

Прискрывать квартиру по грязи было уже поздно, — пришлось принять радушно предлагаемое импровизированное ложе: подушку и коверъ, и удовольствоваться убогимъ угломъ.

Свѣдѣнія, усердно передаваемые, были далеко не утѣшительны: за послѣдніе четыре дня дѣло по сдачѣ крѣпости нисколько не подвинулось; шайки болгаръ-мстителей грабили и разоряли мусульманъ; въ поимку за ними посылались команды отъ всего полка, различной силы. Пылкій подполковникъ III. самъ погнался за одной изъ нихъ, и поѣтому въ тотъ вечеръ я не могъ его видѣть. Отъ постоянныхъ разгоновъ по грязнымъ дорогамъ казачьи лошади видимо худѣли и изнурялись. Суровый комендантъ Силистріи не выказывалъ желанія оставить крѣпости, напротивъ того, относился къ намъ холодно; враждебность его настроенія высказывалась въ придирчивости по недостаточному будто-бы уваженію казаковъ къ демаркаціонной линіи. Какой-то болгарскій священникъ, должно быть, большой руки политикъ, живя въ деревнѣ на нейтральной полосѣ, испугавшись, вѣроятно, шаткости своего положенія, вздумалъ выработать свои отношенія въ такомъ направленіи, чтобы выгадать расположеніе обѣихъ враждующихъ сторонъ; для этого, чуть не одновременно, донесъ турецкому коменданту, что казаки появились на нейтральной полосѣ, а русскимъ, — что турки ихъ грабятъ и обираютъ. Подполковникъ III. немедленно произвелъ строгое дознаніе, и, убѣдясь въ противномъ, счумѣлъ вынудить отъ коменданта извиненіе въ неумѣстной придирчивости.

Но самая тревожная новость, которую передалъ мнѣ по секрету командиръ полка, придвинувшись къ самому уху, состояла въ томъ, что англійскій флотъ вошелъ въ Босфоръ: не много нужно было имѣть прозорливости, чтобы даже въ началѣ кампаніи убѣдиться, что мы вели войну съ англичанами, а можетъ быть и съ участіемъ всего Запада, и что турецкая армія была только ихъ слѣпымъ и послушнымъ орудіемъ: она снабжена была такими богатыми матеріальными средствами, которыхъ не могло скопить безъ ихъ участія турецкое правительство

при крайнемъ истощеніи своихъ финансовъ; патроны въ бою раскидывались турками съ невиданною дотогѣ расточительно-стію; стрѣляя безъ мѣры и разчета, они бросали ихъ еще по пути своего отступленія цѣлыми кучами; линіи ихъ боя и отступленій ясно всегда обозначались рядами разбросанныхъ нераскупоренныхъ патронныхъ ящиковъ и разсыпанныхъ по землѣ патроновъ. Еслибы собрать во-едино все то, что ими было выпущено, разбросано по дорогамъ и оставлено въ складахъ при отступленіи, то однѣ эти массы зарядовъ могли-бы образовать цѣлыя горы порохового груза. Отличныя магазинныя ружья, помимо снабженія ими штатныхъ войскъ—низама—хранились еще въ арсеналахъ въ такомъ числѣ, что могли они ими вооружать цѣлыя племена, призываемыя въ ополченіе; дорогія крупновскія пушки избыткомъ своимъ отягощали крѣпостныя веревы; пшеничныя вкусныя и красивыя галеты, кофе, сахаръ, рисъ, лаваретныя принадлежности, артиллерійскій обовъ, щегольское и прочное обмундированіе, скопленные въ излишествѣ и носящіе явную печать европейскаго приготовленія, словомъ, всѣ могучія средства, приготовленныя для обороны государства, указывали на участіе въ этой войнѣ иного скрытаго врага, болѣе предусмотрительнаго, богатаго и развитаго, чѣмъ турки, и что дѣло это съ дальновидностію, достойною лучшихъ цѣлей, затѣялось уже имъ издавна. Особенно поражали красотою формъ, обдѣлки и правильностію расположенія линій крѣпостныя сооруженія, что также, вѣроятно, не обошлось безъ указанія европейскаго глаза; да и самая прелюдія въ войнѣ, избіенія и звѣрства, совершаемыя башни-бузукими надъ безоружными болгарами, позорно обогрившія страницы европейской исторіи неповинною кровію славянскихъ женщинъ и дѣтей,—были плодами косвеннаго вліянія жестокаго европейскаго эгонизма.

Прошедшее заправляетъ будущимъ, и по немъ можно было судить, какою вредъ и помѣху нанесетъ дѣлу нашего примиренія съ Портою, а слѣдовательно и сдачи Силистріи, непредвидѣнное вступленіе ихъ грознаго флота въ затихнувшія турецкія воды. Оно вселяло въ турокъ бодрость и надежду на возобновленіе войны... Опоздай англичане недѣлей или двумя съ своимъ флотомъ, и Силистрія была-бы нами занята безпрепятственно; поэтому подполковникъ III. поступалъ весьма предусмотрительно, съ энергіей преслѣдуя шайки ополчившихся для мести болгаръ; этимъ путемъ устранялись основательные для турокъ предлоги не покидать той страны, гдѣ братья ихъ могли-бы подвергнуться избіенію.

На другой день были мною собраны на совѣтъ всѣ лица,

близко стоявшихъ къ текущимъ дѣламъ: подп. III., уже очерченный мною на предшествовавшихъ страницахъ, генеральнаго же штаба кап. Кр., не менѣе его горячій защитникъ русскихъ интересовъ, образованный и дѣятельный, и, наконецъ, командиръ казачьяго полка — полный такта, спокойный и разсудительный. Рассказы ихъ подтвердили всю неопредѣленность и шаткость нашего положенія.

Взвѣсивъ до мельчайшихъ подробностей всѣ собранныя отъ нихъ свѣдѣнія, пришелъ я въ убѣжденію въ необходимости скорѣе переговорить съ комендантомъ крѣпости, и затѣмъ во что бы то ни стало добыть изъ-за Дуная свѣдѣнія о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ сдаются при-дунайскія турецкія крѣпости. Румынскій гор. Каларашъ былъ связанъ телеграфомъ съ Бухарестомъ, мѣстопробываніемъ начальника тыльных войскъ, и туда рѣшился я послать нарочнаго казака съ телеграммой для уразумѣнія истиннаго смысла условій перемирія.

На маленькомъ этомъ совѣтѣ опредѣлено было, какихъ вопросовъ касаться, какіе обходить молчаніемъ и какіе давать отвѣты въ дѣлахъ, составляющихъ сокровенныя тайны армій, и, въ виду всего вышеупомянутаго, раздуть цифры нашей арміи до устрашающихъ размѣровъ, а именно, 60 т. подъ Варной и 40 т. въ Добруджѣ; а всего въ стотысячный составъ, изъ котораго уже выдѣленъ-де нашъ оккупационный отрядъ, силою въ 12 т. пѣхоты, кромѣ казаковъ и артиллеріи.

Вслѣдъ затѣмъ посланы были гонцы въ Силистрію съ извѣщеніемъ, что я прибуду туда для переговоровъ въ тотъ же день около полудня; а также вопреки завѣренію подполковн. III., что комендантъ Силистріи, по своему недовѣрію, ни за что не рѣшится перевезти въ Каларашъ нашего казака съ депешей, написана она была на всякій случай на такомъ тонкомъ листѣ бумаги, который удобно было уничтожить, и вручена лучшему изъ нижнихъ чиновъ — вахмистру Кирѣеву, на усердіе и ловкость котораго я могъ вполнѣ положиться.

Оставалось позаботиться о нарядахъ, чтобы въѣздъ вышелъ по возможности представительнѣе; но по этой части пришлось желать многого: у иныхъ за долгій періодъ войны платье поистрепалось и обносилось; другіе не успѣли захватить новаго за снѣжностью отъѣзда; у кап. Кр., напримѣръ, выглядывалъ красный вязанный шарфъ изъ-подъ солдатскаго пальто, замѣнившаго ему мундиръ, вмѣсто серебромъ прошитаго воротника. По наряду среди блестящихъ мундировъ турецкаго штаба мы скорѣе могли походить на оборванныхъ вандаловъ, прибывшихъ къ богатому

Риму требовать его сдачи. Оставалось поэтому возложить упование на русскую пословицу, гласящую, что «по платью только встрѣчаютъ».

Съ небольшимъ отрядомъ казаковъ двинулся я къ Силистріи, сопровождаемый генеральнаго штаба подполк. Ш. и капитаномъ Кр., гусарскимъ офицеромъ, высланными изъ корпуснаго штаба для усиленія эффекта, инженернымъ офицеромъ Е. и двумя переводчиками, молодыми болгарамп-патріотамп.

Подп. Ш., до мелочей изучившій мѣстность, смѣло руководилъ поѣздкой, то пробираясь на прямикъ черезъ канавы, то тропинками.

Вскорѣ миновали мы казачью аванпостную цѣпь и выѣхали на шоссе. Ровная какъ доска мѣстность, слабо поднимаясь къ Дунаю, закрывала горизонтъ, сама же вездѣ была открыта. День былъ сѣренъкій; только на окраинахъ горизонта немного сгущались краски, переходя въ синеву дали.

— Смотрите: увидѣли, увидѣли! — воскликнулъ подп. Ш., приподнимаясь на стремяна.

— Кто увидѣлъ?

— Да турки — насъ. Вонъ, вонъ поскакали. Я воображаю, какой у нихъ теперь поднимется переполохъ.

Всматриваюсь; дѣйствительно, влѣво отъ дороги, на дальнѣйшемъ планѣ сѣраго горизонта какъ будто заволоклись былинки.

— У нихъ тамъ главный караулъ стоитъ. Съ того мѣста издалека видятъ cadaго подѣвжающаго къ крѣпости, и не пропускаютъ; вотъ увидите, какъ скоро выѣдетъ къ намъ на встрѣчу ихъ драгунскій офицеръ.

Дѣйствительно, стало замѣтно, какъ по линіи горизонта скакалъ во весь опоръ всадникъ, крошечный и сѣрый какъ мошка, и скрылся за горизонтомъ.

Не прошло и четверти часа, а уже по дорогѣ стремительно неслась, какъ облачко пыли, группа всадниковъ. Коричневый офицеръ сталъ выдѣляться изъ толпы, росъ въ величинѣ, и, наконецъ, на всемъ скаку, вмѣстѣ съ остальными всадниками, осадилъ передо мною коня и приложился къ фескѣ.

Подп. Ш., перезнакомившійся уже со всѣми турецкими порядками, выѣхалъ впередъ съ переводчикомъ и о чемъ-то поговорилъ съ офицеромъ; послѣдній повернулъ лошадь, вскотилъ въ толпу красноголовыхъ драгунъ, и изъ нея немедленно выдѣлился другой турокъ и поскакалъ въ Силистрію.

Вслѣдъ затѣмъ турецкій офицеръ съ двумя всадниками ловко повернули коней передо мною, остальные заскакали сзади, и мы

такимъ образомъ, окруженные скорѣе строгимъ карауломъ, чѣмъ почетнымъ конвоемъ, двинулись въ дальнѣйшій путь. Подъ всѣми всадниками лошади были малорослыя, но пылія и хорошо наѣзженныя, а потому поворотливыя.

Черезъ версту показались парные часовые рѣдко разставленные по курганамъ.

За этой линіей аванпостовъ поверхность земли замѣтно погнулась въ сторонѣ крѣпости, и мы, послѣ нѣсколькихъ поворотовъ, стали въѣзжать въ долину.

— Смотрите, вотъ и Арабъ-табія, наша старая знакомая! Много принесла ты намъ бѣдъ въ прошлую кампанію, наконецъ-то попадешь въ наши руки! — воскликнулъ съ самоувѣренностью подполковникъ.

Если память мнѣ не измѣняетъ, то передъ окончаніемъ осады Силистріи, въ войну 1853—54 годовъ, при внезапномъ штурмѣ Арабъ-табін, турками отбитомъ, пало отъ 800 до 1,000 нижнихъ чиновъ, убитъ начальникъ дивизіи, виновникъ несчастія, генералъ Сельванъ, и раненъ съ потерей лѣваго глаза вышшій посолъ нашъ во Франціи, князь Орловъ.

«Еслибы только скорѣе сбылось это предсказаніе», подумалъ я, вслушиваясь въ интересныя объясненія Ш. Дѣйствительно, ядѣли, вправо отъ дороги, замѣтно господствуя надъ окрестною мѣстностію, на растянutomъ полого курганѣ, выдѣлялись зубчатые стѣны передового укрѣпленія. Оно густо подернуто было синею краскою. Арабъ-табія скрылась; мы ѣдемъ надъ кручею горы, по мертвому пространству.

— А вѣдь здѣсь отъ выстрѣловъ укрыться можно...

— Не укроетесь, не укроетесь! — вновь воскликнулъ Ш., страстный поклонникъ военнаго искусства. — Смотрите... и это пространство обстрѣливается вонъ изъ той линіи бойницъ.

Дѣйствительно, при небольшомъ поворотѣ влѣво, открылась большая батарея, насыпанная на широкомъ природномъ курганѣ, которая, казалось, запирала выходъ изъ ущелья; то была Орду-табія.

— А вотъ, наконецъ, и Абдуль-Меджидъ-табія, — указалъ подполковникъ нагайкою влѣво.

На вершинѣ высокой горы гнѣздилося массивное укрѣпленіе, къ которому отъ дороги тянулся прямолинейный прикрытый путь, внизу еще не оконченный.

Съ каждымъ поворотомъ балки мѣнялись военныя картины и возбуждали живой интересъ. Во всѣхъ укрѣпленіяхъ замѣчался одинъ существенный недостатокъ: вышнія покатости были

слишкомъ круты, почему должны осыпаться отъ выстрѣловъ; подпольевникъ III. нашелъ и тутъ причины къ оправданію: по увѣренію турецкаго штаба, земля, будучи глинистой, давала сильную вязкость всѣмъ частицамъ бруствера.

Показалось вправо на горѣ новое большое укрѣпленіе, — Еланлы — служившее какъ-бы редюитомъ для Арабъ-табін; и наконецъ, балка расширилась, и глазамъ нашимъ предстала бесконечно широкая картина низменностей, подернутая легкой си-невой, которую разсѣкали многими рукавами полны воды Дуная. Потянуло освѣжающимъ вѣтеркомъ; подъ ногами нашими также разостлалась ровная площадь прибрежья; но линіи укрѣпленій продолжали насъ преслѣдовать по всему остальному пути, то вытягиваясь въ линіи, то сокращаясь въ острые углы; ими усыяны были оба берега Дуная. По всему было замѣтно, что турки здѣсь не дремали и свободное отъ боя время употребили на возведение цѣлаго лабиринта новыхъ взаимно обороняющихся укрѣпленій и исправить старыя.

У дороги копошились большіе отряды турецкой пѣхоты, одѣтые въ новые темносиніе капоты съ кашпонами и въ красныя фески. По низамъ потянулись отлично содержимые фруктовые сады, преимущественно изъ абрикосовыхъ деревьевъ и виноградныхъ лозъ; а изъ-за нихъ показались, наконецъ, тонкіе минареты и черныя крыши домовъ.

Обѣхавъ два бастіонныхъ фронта самой крѣпости, одѣтой гранитомъ, съ глубокимъ рвомъ впереди, стали мы приближаться къ массивнымъ крѣпостнымъ воротамъ. У воротъ стоялъ караулъ и отдалъ намъ честь такими же ружейными приѣмами, какіе употребляются и въ русской арміи; офицеръ склонилъ саблю, и мы втѣнулись въ узкія и кривыя улицы, переполненныя народомъ, солдатами и башки-бузуками.

Судя по наружному виду проходившаго мимо насъ народа, спокойнаго и безстрашнаго, казалось, что побѣда нашъ ни въ комъ не возбуждала особаго любопытства; но судя по свойству человеческого духа, можно было сказать съ увѣренностію, что въ обѣихъ туземныхъ расахъ сильно билось сердце: у болгаръ надеждой, у турокъ злобой и опасеніемъ за будущее.

Наконецъ, натѣнулись мы на одномъ изъ поворотовъ узкихъ улицъ на пѣхотный караулъ. Изъ дверей каменнаго высокаго забора выбѣжали турки, чтобы принять нашихъ лошадей, и мы очутились во дворѣ, передъ большимъ и узкимъ, бѣлымъ каменнымъ домомъ; здѣсь нашли новую линію караульныхъ солдатъ; но

зданіе смотрѣло непригѣтливо: никто не выходилъ къ намъ навстрѣчу. Входимъ въ холодныя сѣни. Какой-то черномазый олухъ стоялъ со щеткой въ рукѣ; ему сдали мы наши верхнія платья.

Приемную находимъ также пустою; наконецъ, отворяются двери, и шорохъ встающихъ лицъ ясно призываетъ насъ ко входу. Мы очутились въ тѣсномъ кабинетѣ Салиме-паши, коменданта Силистріи, рыскаго фанатика-турка. Онъ сидѣлъ на диванѣ за письменнымъ столомъ; а вокругъ него собрались всѣ подчиненные ему генералы. Комната переполнилась народомъ.

Комендантъ всталъ и безъ торопливости сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ко мнѣ на встрѣчу.

Я съ любопытствомъ осмотрѣлъ его съ головы и до ногъ. Фигура его сразу и надолго запечатлѣлась въ моей памяти; я опишу вамъ ее въ увѣренности, что рано или поздно, по своему уму и твердому характеру, онъ выдвинется впередъ и будетъ играть значительную роль въ Турціи.

Салиме-паша носитъ отпечатокъ татарскаго типа, немного облагороженнаго европейскою кровью: лицо мясистое, круглое и красное; скулы замѣтно выдающіяся, маленькій вздернутый носъ, небольшіе сѣрые глаза и рыжеватые усы. Большая его голова поставлена на коренастое тѣло; ростъ средній. Движенія медленны; лицо выражало равнодушіе, переходящее въ презрѣніе. Отъ роду ему всего 45 лѣтъ; но сутуловатость придаетъ ему видъ болѣе пожилого человѣка.

Онъ командовалъ кавалеріей въ сербскую войну; усердно истреблялъ, какъ носился слухъ, по приказанію Порты, ни въ чемъ неповинныхъ болгаръ за Балканами, и по какому-то особенно счастливому случаю, какъ самъ передавалъ, несмотря на нерасположеніе начальства, быстро выдвинувшись впередъ, занялъ настоящій постъ. Чинъ его — фериш-паша: генераль-лейтенантъ.

Случайно или съ расчетомъ, но въ тотъ день собранъ былъ вокругъ него весь подчиненный ему генералитетъ: два артиллерійскихъ и два пѣшихъ бригадныхъ командировъ, вице-адмиралъ дунайской флотиліи; какой-то молодой человѣкъ, хотя въ турецкомъ платьѣ, но безъ военныхъ украшеній, и юный адъютантъ, круглолицый черкесъ, недавно выпущенный изъ константинопольскаго военнаго училища.

Я отрекомендовался и объявилъ о цѣли моего прибытія. Послѣ вялаго рукопожатія, мы взаимно представили находившихся съ нами сотрудниковъ. Салиме-паша медленно опустился на диванъ, и на глазахъ нашихъ сталъ спокойно продолжать свои канцелярскія занятія, какъ будто бы мы прибыли къ нему

не для принятія крѣпости и веденія международныхъ переговоровъ, а для усиленія комплекта его штаба.

Наклоненная его голова съ напряженнымъ вниманіемъ вчитывалась въ какія-то бумаги; по прочтеніи клалъ онъ каждую на ладонь лѣвой руки, а правой, обмакнувъ тростинку, очиненную на подобіе пера, въ густыя, какъ тушь, чернила, вырисовывалъ съ правой стороны листа къ лѣвой какія-то лаконическія каракули. Подписавъ бумагу, передавалъ ее ближайшему генералу, тотъ въ свою очередь, сдѣлавъ какую-то помѣтку, — своему сосѣду и т. д., пока бумага, совершивъ круговое вращеніе, не возвращалась вновь къ творцу ея, Салиме-пашѣ. Послѣдній, вложивъ ее въ конвертъ, тутъ же черезъ вѣстового пересылалъ по назначенію.

Этимъ занятіямъ въ круговую, казалось, не будетъ конца; въ кабинетѣ всѣ молчали; только изрѣдка относился онъ съ какимъ-нибудь шутивымъ замѣчаніемъ къ подполковни. Шурупову, который своею горячею преданностію дѣлу успѣлъ ему понравиться, а смѣтливостію поставить себя въ какія-то пріятельскія отношенія.

Въ этотъ тяжелый для меня промежутокъ времени я успѣлъ присмотрѣться и изучить физіономіи моихъ новыхъ знакомыхъ: по лѣвую отъ меня руку сидѣлъ зять Салиме-паши, по сестрѣ своей, выданной за него замужъ, командиръ бригады Сулейманъ-паша, бывшій профессоръ тактики въ константинопольской военной академіи. Тонкія, нѣжныя черты лица, мягкія движенія и умные черные глаза придавали ему красивый типъ извѣщеннаго француза. Сулейманъ-паша отлично говорилъ по-французски. Вдали около Салиме-паши расположился вице-адмиралъ Реуфъ-паша, начальникъ дунайской флотиліи, весьма высокій и здоровый мужчина, не первой молодости, съ открытымъ лицомъ и привѣтливымъ взглядомъ. Онъ былъ въ отличномъ настроеніи духа.

Остальные генералы, толстые и неуклюжіе, съ простыми лицами, сидѣли на диванахъ съ поджатыми ногами и напоминали собою скорѣе грубыя гончарныя издѣлія нашихъ деревень; но болѣе всѣхъ притягивалъ мой взглядъ сосѣдъ съ правой стороны, красивый худощавый брюнетъ, отрекомендованный мнѣ за врача англичанина. Часто встрѣчались наши взгляды; черные его глаза юрко бѣгали, уста вѣжливо улыбались; мягкое же выраженіе лица носило ясную печать славянскаго происхожденія, словомъ, качества, діаметрально противоположныя присущимъ солидному англичанину.

Покончивъ занятія, Салиме-паша, не удостоивъ меня своимъ вниманіемъ, обратился вновь съ разговоромъ къ подполковнику

Шурупеву и сталъ его благодарить за употребленные имъ усилія къ подавленію восстанія болгаръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразилъ опасеніе, что они вновь могутъ повториться и усилиться. Я вмѣшался въ этотъ разговоръ и сталъ увѣрять пашу, что порядкомъ легко можетъ быть мною водворенъ, если представится возможность перевезти казака въ Каларашъ, что тамъ стоитъ другой полкъ вѣренной мнѣ бригады, который, немедленно по моему вызову, можетъ переправиться на нашу сторону для усиленія разѣдовъ и надзора за деревенскими жителями.

Салиме-паша обрадовался этому предложенію и просилъ вице-адмирала дать казаку гребцовъ и лодку; я же обрадовался еще болѣе пашин удачному исходу придуманной мною стратагемы: стоявшій у Калараша донской № 40 казачій полкъ никогда мнѣ не былъ подчиненъ; но обманъ этотъ давалъ мнѣ возможность передать депешу въ Каларашъ прямою дорогою, не дѣлая по грязямъ объѣзда въ сто с лишкомъ верстъ на городъ Гирсово, а вслѣдствіе того и своевременно получить увѣдомленіе отъ генералъ-адъютанта Дрентельна объ условіяхъ и ходѣ дѣлъ по сдачѣ Рушукъ.

Разговоръ немного оживился.

Салиме-паша по-французски не говорилъ, почему поручилъ своему зятю Сулейману быть нашимъ посредникомъ въ разговорахъ. Предложеніе это пришлось мнѣ также по душѣ: симпатичный и умный этотъ бригадный командиръ внушалъ мнѣ полное довѣріе.

Глаза молодого англичанина-доктора заискрились; быстро перебѣгали они отъ одного говорящаго лица къ другому; а еще болѣе, кажется, наострались уши, когда заговаривали мы между собою по-русски; онъ видимо ловилъ каждое наше слово; но поймать насъ въ опрометчивомъ разговорѣ было довольно трудно: мы были своевременно предупреждены, что найдемъ въ немъ агента одного изъ враждебныхъ намъ славянскихъ обществъ.

Нѣтъ ничего выгоднѣе и пріятнѣе какъ вести переговоры черезъ переводчика: въ то время какъ толмачемъ медленно объясняется отвѣтъ, вы имѣете достаточно времени, чтобы освоиться съ новыми мыслями противной стороны и приготовиться къ новому отпору; я былъ очень доволенъ этимъ обстоятельствомъ, — явилась возможность обдумывать каждую мысль и взвѣшивать каждое слово, прежде, чѣмъ кинуть его безвозвратно въ уши противника. Приближался уже обѣденный часъ, который рѣзко напоминали и наши проголодавшіеся желудки, и звонъ посуды, раздававшейся въ сосѣдней комнатѣ, а о сдачѣ крѣпости не

было и помину; я не рѣшался приступать къ переговорамъ изъ опасенія поднять щекотливый для турокъ вопросъ не въ добрый часъ,—въ минуты желчнаго настроенія самовластнаго коменданта. Откровенно долженъ сознаться, что въ то же время я боялся попасть при опрометчивомъ веденіи дѣла въ комическое положеніе, въ которое такъ мастерски умѣетъ приводить обывшая въ тому турецкая интеллигенція непріятныхъ для нея лицъ: вращаясь среди сброда разныхъ проходимцевъ, со всѣхъ концовъ Европы приливающихъ въ крупные турецкіе административные центры ради корыстной наживы, а также среди серьезныхъ политическихъ агентовъ, не менѣе часто развѣзжавшихъ по Турціи для изученія выгоднѣйшихъ сторонъ политико-экономической эксплуатаціи этого апатичнаго народа, высшія правительственные лица пріобрѣли тамъ своего рода тактъ въ обращеніи съ этими нежеланными гостями: третируя ихъ на всѣ лады,—кого съ поддѣльнымъ уваженіемъ, кого съ презрѣніемъ,—они пріучили себя, со свойственнымъ имъ спокойствіемъ, разыгрывать несомнѣнные съ ихъ политическимъ развитіемъ роли, и съ такимъ искусствомъ, что не разъ ставили новичковъ въ сношеніяхъ съ турками въ такое нелѣпное положеніе, изъ котораго не представлялось даже приличнаго выхода. Не далѣе какъ дня за три до описываемаго мною свиданія,—какъ рассказывалъ очевидецъ подполковникъ Ш.,—въ подобное глупое положеніе попалъ румынскій чиновникъ, посланный съ противоположнаго берега Дуная для разузнанія, подъ благовиднымъ предлогомъ, о времени очищенія турками Силистріи. Несчастная эта жертва неумѣлаго служебнаго усердія была ими такъ тонко осмѣяна, что онъ не зналъ, въ какія двери улѣзнуть изъ кабинета коменданта.

Единственное приличное отношеніе къ Салиме-пашѣ, которое въ одинаковой мѣрѣ поддерживало бы и личное достоинство, и правильное развитіе переговоровъ, по мнѣнію моему, только и могло выработаться при реальномъ и спокойномъ преслѣдованіи сущности самаго дѣла; для этого я считъ себя обязаннымъ, во-первыхъ, отбросить всякую обидчивость и щепетильность при видѣ той наглости, съ которою наша попираетъ всѣ условія общественнаго приличія, и затѣмъ съ терпѣніемъ ожидать наиболѣе удобнаго случая для вчинанія переговоровъ, хотя бы пришлось для этого высиживать у турокъ до глубокой ночи. По житейскому опыту я зналъ, что голодъ—дурной совѣтникъ здороваго человѣка, и что удачно наполненный желудокъ, наоборотъ, располагаетъ его душу къ снисходительному вниманію, а глаза видѣть все въ розовомъ цвѣтѣ; поэтому я заранѣе рѣшился, въ виду важности

порученнаго мнѣ дѣла, отбросить патріотическое самолюбіе въ сторону, принять приглашеніе къ обѣду.

Наконецъ, пришелъ столь желанный часъ, и мы перешли въ столовую.

Обѣдъ былъ сервированъ человекъ на 20. Ловкая прислуга въ мягкихъ башмакахъ, безъ суеты, быстро мѣняла посуду. Картинный нарядъ официантовъ отчасти разнообразилъ обстановку обѣда, которой недоставало существеннаго украшенія—того стройнаго ряда бутылокъ, который вливаетъ оживленіе въ европейскую кухню. Только двѣ бутылки мѣстнаго краснаго вина нищенски фигурировали за обѣдомъ. Къ вину, кромѣ насъ, христіанъ, принаслася одинъ профессоръ тактики—почтенный Сулейманъ-паша; нужно думать, что наука, даже у турокъ, убиваетъ религіозные предрассудки. Салиме не пилъ, сидѣлъ, отвернувшись отъ меня въ сторону, и скупно угощалъ меня своимъ грубымъ виномъ, вѣроятно, рассчитывая, что я такой же ярый угодникъ пророка, какъ и онъ самъ; онъ видимо избѣгалъ затягивать со мною разговоръ; тарантилъ только англичанинъ—докторъ. Два прекрасныхъ императорскихъ оркестра музыки играли стройно и мягко. Обѣду, казалось, не будетъ конца; одно кушанье быстро замѣнялось другимъ, и каждое имѣло непривычный для меня вкусъ, но были нѣжны и не лишены своеобразныхъ кулинарныхъ достоинствъ.

Насталъ и конецъ обѣда. Мы вновь перешли въ кабинетъ коменданта, гдѣ и заняли прежнія мѣста; симпатичный и примиряющій Сулейманъ-паша помѣстился около меня. Намъ подали душистый черный кофе въ маленькихъ чашкахъ.

За чашкою кофе Салиме-паша чрезъ своего зятя задаетъ мнѣ давно ожидаемый вопросъ: много ли было нашихъ войскъ въ дѣлѣ подъ варненскимъ Базарджикомъ? А какъ войска эти составляли всю силу нашего корпуса, выставленную по занятіи этой крѣпости противъ Варны, то этимъ путемъ предлагалось мнѣ туркомъ разоблачить наши силы.

До сихъ поръ, нужно сказать, Салиме-паша явно преобладалъ надо мною, тяготя меня своимъ грубымъ высочайшимъ приемъ; я рѣшился воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы сбросить свои духовныя оковы и въ свою очередь занять подобающее положеніе въ общемъ мнѣніи. Я просилъ Сулейманашу передать коменданту, что нахожу его вопросъ по меньшей мѣрѣ страннымъ, и прибавилъ, что самъ спрашивающій, я увѣренъ, не ожидаетъ отъ меня отвѣта, иначе я въ правѣ думать,

что онъ считаетъ меня за человека безъ всякаго житейскаго опыта, если не разума.

Салиме-паша видимо переконфузился, смолеъ, затѣмъ впалъ въ раздумье и сталъ скорбѣть объ участи Турціи, которая, начавъ будто бы настоящую войну противъ своего желанія, понесла такіа чувствительныя потери. Въ утѣшеніе его гражданской скорби я просилъ передать мои замѣчанія, что пораженія приводятъ часто къ непредвидѣнно-благимъ результатамъ: много потерь понесли мы изъ-за Крымской кампаніи, и еще болѣе наши старые враги—французы въ послѣднюю франко-прусскую; но объ побѣжденныхъ націи отъ этихъ ударовъ судьбы не только не ослабили, а напротивъ, воспрянувъ отъ усыпленія, въ короткій послѣдующій затѣмъ срокъ сдѣлались еще болѣе сильными и цвѣтущими. Можетъ быть, такой же счастливый поворотъ дѣлъ готовить небо и для Турціи: она и за урѣзками остается еще такою обширною по количеству владѣемыхъ ею земель и богатою почвою, что въ короткое время можетъ вновь сдѣлаться могущественною державою.

— Спросите,—говорилъ Салиме-паша,—у генерала, затѣмъ намъ не дали времени развить и закрѣпить тѣ преобразованія, которыя давали свободу, а вмѣстѣ съ нею и новую жизнь государству. — Онъ видимо намекалъ на пресловутую конституцію Мидхата-паши.

Отвѣтъ у меня былъ готовый:—у васъ, друзья, послѣ Крымской кампаніи, было на это довольно времени; но имъ вы не воспользовались; кромѣ того, пришлось бы въ отвѣтъ коснуться недавно совершенныхъ ими звѣрствъ, вызвавшихъ настоящую войну; я предпочелъ ограничиться молчаніемъ, чтобы не порвать тѣхъ добрыхъ связей, которыя видимо стали проглядывать въ нашихъ сношеніяхъ.

Затѣмъ разговоръ коснулся египетской кавалеріи, — съ нею дрался нашъ 17-й казачій полкъ подъ Мамуздами, — и египтянъ вообще, нашихъ недавнихъ пріятелей. Я счелъ нужнымъ хвалить ихъ войска, а еще болѣе ихъ мягкую обходительность, причемъ не преминулъ рассказать, какъ внимательно и изысканно вѣжливо были встрѣчены въ Варѣ наши уполномоченные египетскимъ принцемъ Гассаномъ и его свитой, и что тѣ же любезность и вниманіе нашимъ уполномоченнымъ оказаны были другимъ, болѣе близкимъ къ намъ, старѣйшимъ турецкимъ начальникомъ—муширомъ (главнокомандующимъ) Фазли-пашею, жившимъ въ Шумѣ: любезность послѣдняго простерлась до того, что онъ, вопреки корана, пилъ шампанское за здоровье нашего

государя императора. Тутъ же вскользь я развилъ мой личный взглядъ на важность общей намъ миссии, окончанія которой ждала съ нетерпѣніемъ вся Европа, и что за неточность въ ея выполненіи мы можемъ сдѣлаться государственными преступниками, ответственными за свои упущенія не только передъ нашими правительствами, но и передъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ.

Разговоръ нашъ сталъ видимо оживляться. Я напиралъ на необходимость поддерживать тѣ гуманныя отношенія и чувства взаимнаго довѣрія, которыя теперь стали видимо развиваться между обѣими воюющими сторонами. Хвалилъ Османа-пашу, какъ безукоризненнаго представителя рыцарской чести военного сословія, и закончилъ свой разговоръ тѣми стереотипными взглядами относительно человѣческой добродѣтели, которые должны быть одинаково обязательными какъ для мусульманъ, такъ и для христіанъ. Несмотря на всю избитость затрогиваемыхъ мною мыслей, изъ которыхъ инныя нашли мѣсто даже въ школьныхъ прописяхъ, обмѣнъ ими видимо содѣйствовалъ къ скорѣйшему сближенію съ Салиме-пашою, и частная бесѣда наша прервалась, наконецъ, блестящимъ финаломъ — предложеніемъ, сдѣланымъ самимъ комендантомъ: выработать порядокъ передачи Силестріи. Этотъ порядокъ уже давно былъ выработанъ въ моей головѣ; поэтому немедленно, по неостывшимъ еще, такъ-сказать, слѣдамъ, сдѣланъ ему былъ рядъ предложеній, съ которыми, вопреки сомнѣніямъ подп. III., Салиме и согласился безъ всякихъ колебаній.

Оставался не затронутымъ одинъ только основной вопросъ — о времени сдачи крѣпости; внутренній мой голосъ твердилъ, что онъ пока несвоевремененъ, и я рѣшился, послѣ всѣхъ уступокъ коменданта, отложить его до болѣе удобнаго времени.

Такой внезапный переходъ Салиме-паши отъ тона холоднаго, проникнутаго неуваженіемъ, къ отношеніямъ пріязненнымъ далъ мнѣ право видѣть въ немъ самодура — типъ, впрочемъ, и для насъ не новый.

Среди этого благодушнаго настроенія, какъ бомба среди пирующихъ гостей, упали слова доктора-англичанина:

— А знаютъ ли русскіе, — спросилъ онъ, ехидно улыбаясь и какъ будто невзначай, — что англійскій флотъ вошелъ уже въ Босфоръ, и, можетъ быть, въ настоящую минуту стоитъ подъ стѣнами Константинополя? Я спрашиваю объ этомъ, — почти равнодушнымъ тономъ прибавилъ онъ, — только потому, что свѣдѣнія эти частныя... получили мы ихъ изъ Калараша случайно.

— И конечно, лгалъ; по всей вѣроятности свѣдѣнія эти сообщены были коменданту официальнымъ путемъ, по телеграфу.

По всему было замѣтно, что почтеннаго псевдо-англичанина сильно коробили видимо возроставшія наши добрыя отношенія, развитіе которыхъ онъ не могъ пріостановить; съ досады онъ, непрощенный, вторгнулся въ наши переговоры и, сказать въ слову, своимъ вопросомъ всѣхъ насъ поставилъ въ тупикъ. Надо сказать, что намъ не пришло въ голову на предварительномъ совѣщаніи обсудить этотъ простой и естественный случай, потому что появленіе флота считалось штабною тайною; словомъ, забыли мы, какъ это иногда случается съ русскими людьми, о самомъ существенномъ, и теперь не знали, какимъ путемъ выпутаться изъ бѣды. Всѣ шансы были на сторонѣ нашего благодушнаго пріятеля — вопросъ былъ предложенъ безразлично всей нашей компаніи, въ составъ которой входило не мало горячихъ головъ; въ добавокъ экспромтомъ, исключавшимъ возможность заранее обдумать отвѣтъ; и не скажу, чтобы мы съ честью сами вышли изъ этого неудобнаго положенія: помощь пришла со стороны Реуфа-паши, а пожалуй и всѣхъ турокъ, здѣсь присутствовавшихъ, которые, за исключеніемъ Сулеймана-паши, не понимая французскаго языка, не догадывались, изъ-за чего возникли у насъ слащавыя препирательства. Почтенный вице-адмиралъ, соскучившись своею пассивною ролью, сталъ неожиданно нападать на насъ съ своими безобидными шутками, отвлекая во-время вниманіе коменданта, и въ концѣ-концовъ сталъ допытываться, сколько платятъ родители въ годъ за сыновей, воспитывающихся въ нашемъ морскомъ корпусѣ, причемъ прибавилъ, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ недавнихъ подвиговъ, совершенныхъ нашими моряками надъ его судами, что сына своего онъ ни-за-что не пошлетъ ни въ Англію, ни во Францію для изученія морскаго искусства, въ которыхъ много общаются, но мало даютъ, а непременно въ Россію.

Почтенный адмиралъ прислужился во-время, — онъ замаялъ разговоръ, начинавшій принимать острый характеръ. Не желая измѣнять добраго настроенія, достигнутаго въ послѣдній часъ свиданія, я рѣшился разстаться съ новыми пріятелями; да и пришла къ тому пора, — стало вечерѣть.

Передъ отъѣдомъ, Салиме-паша неожиданно для меня предложилъ мнѣ остаться въ городѣ впредь до сдачи вѣрности и общалъ отвезти лучшую квартиру. Я не могъ понять, какое чувство руководило имъ въ ту минуту — простота или коварство, и, конечно, отклонилъ это любезное предложеніе подъ тѣмъ пред-

логемъ, что долженъ встрѣтить и расквартировать приближающійся 12,000 отрядъ пѣхоты для занятія крѣпости; но пылкіе мои сотрудники, оба офицера генеральнаго штаба, подполковникъ Шуруповъ и капитанъ Краевскій, сами назвались остаться вмѣсто меня въ городѣ, тѣсно набитомъ разною мусульманскою сволочью. Я съ радостью согласился. Двѣ причины побуждали меня прибѣгнуть къ этой мѣрѣ: скорѣйшее разоблаченіе тайнъ Силистріи, этой чуть не дѣвственной для насъ крѣпости, и увѣреніе Салиме-паши, что они найдутъ въ немъ усерднаго и вѣрнаго защитника. На подполковника Шурупова возложено было собраніе свѣдѣній по военной части, а на капитана Краевского по гражданской, то-есть собраніе всевозможныхъ данныхъ по части статистики, суда и гражданской администраціи, столь необходимыхъ для будущихъ нашихъ сношеній; комендантъ обѣщалъ въ томъ содѣйствовать.

Вниманіе Салиме-паши возросло crescendo. Онъ проводилъ насъ со всѣмъ своимъ генералитетомъ на крыльцо; по данному имъ сигналу оркестръ музыки заигралъ какой-то торжественный маршъ, караулъ отдалъ честь, и мы двинулись въ путь уже при почетной обстановкѣ: по узкимъ улицамъ города, впереди меня, для указанія дороги, ѣхалъ на красивомъ горячемъ сѣромъ жеребцѣ симпатичный Сулейманъ-паша, а сзади насъ драгунскій офицеръ съ отрядомъ запѣивъ, разодѣтыхъ какъ зуавы. Съ такимъ конвоемъ прослѣдовали мы черезъ весь городъ и затѣмъ еще далѣе, по пути слѣдованія, версты на три за крѣпостію. Здѣсь я дружески простился съ утонченно-вѣжливымъ пашою. Мои же оба сотрудника остались въ городѣ.

Ночью рѣшился я испытать, насколько прочно къ намъ довѣріе Салиме-паши, для чего, подъ пустымъ предлогомъ, послалъ казаковъ съ запискою къ Шурупову. Возвратившіеся казаки донесли, что вокругъ крѣпости сняты всѣ кавалерійскіе аванпосты, и что они безпрепятственно были впущены въ самый городъ.

Нашей радости не было мѣры; но она вскорѣ померкла, — мы мало были знакомы съ характеромъ турокъ.

О счастливомъ исходѣ свиданія съ Салиме-пашою мною въ ту же ночь донесено было командиру корпуса.

И. Андріановъ.

КАКОМУ ГОСПОДИНУ СЛУЖИШЬ?

РОМАНЪ

Е. ЛИННЪ ЛИНТОНЪ, АВТОРА «ПАТРИЦІИ КЭМБЕЛЛЪ» И ПР.

Глава XVI.—По полученнымъ свидѣніямъ *).

Рѣшиться «поговорить» — одно, исполнить это — другое, въ особенности, когда съ этимъ разговоромъ соединяется возможность поставить себя въ ложное положеніе и сдѣлать больше зла, чѣмъ добра, въ чемъ Рингровъ и сознался самому себѣ, когда въ понедѣльникъ утромъ сталъ обдумывать, какъ бы ему лучше сообщить Ричарду Фуллертону о томъ, что ему пришлось наканунѣ вечеромъ пережить въ Чѣрчлендсѣ. Онъ былъ вполне убѣжденъ, что его другу ничего неизвѣстно о настоящихъ отношеніяхъ, существовавшихъ между его родной семьей и викаріатомъ; и признавалъ, что сказать ему о томъ слѣдуетъ. Но сдѣлать это было не легко, да оно могло, пожалуй, и оказаться неблагодарной задачей. Кромѣ того, никакому порядочному человѣку неприятно войти въ домъ гостемъ и выйти изъ него доносчикомъ; а между тѣмъ Рингрову казалось, что предстоитъ настоятельная необходимость прибѣгнуть къ этому мелкому предательству.

Въ силу своей привязанности къ нимъ долженъ онъ донести на этихъ дорогахъ ему женщинъ тому, кто одинъ имѣетъ власть остановить ихъ. Для ихъ же пользы необходимо причинить имъ теперь боль, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи спасти ихъ отъ гибели; образумить ихъ прежде, чѣмъ онѣ окончательно отдадутся

*) См. выше: октябрь, 638 стр.

во власть унизительному деспотизму клерикаловъ. Тѣмъ не менѣе, дѣло тяжелое и неприятное.

Ѣхавши верхомъ по дорогѣ, онъ различилъ контуръ хорошо-знакомой фигуры, двигавшейся легкой граціозной поступью, и не слишкомъ быстро, между покрытыхъ инеемъ изгородей изъ боярышника. Это была хорошенькая Беатриса Незбитъ, укутанная въ мѣха по ямочку на подбородкѣ и провожавшая двухъ своихъ младшихъ сестеръ, съ которыми совершала утреннюю прогулку за отсутствіемъ гувернантки, миссъ Лори, уѣхавшей домой на Рождество. Беатриса, какъ старшая, была правой рукой матери, и почиталась вполне способной присматривать за меньшими дѣтьми и оказывать имъ покровительство; а такъ какъ она была дѣвушка добрая и чистосердечная, то вполне оправдывала ожиданія матери и отвѣчала всѣмъ требованіямъ ея.

Когда Рингровъ поровнялся съ нею, онъ сошелъ съ лошади, перебросилъ поводья на руку и подошелъ къ дѣвушкѣ, которую, послѣ Виргиніи, находилъ самой милой изъ ея подругъ, и которая, не будучи его идеаломъ, была ему товарищемъ. Онъ всегда говорилъ, что изъ всѣхъ знакомыхъ ему дѣвушекъ всего охотнѣе взялъ бы себѣ въ сестры Беатрису Незбитъ. Она, съ своей стороны, всегда утверждала, что Рингровъ Гардисти точно ея братъ — старшій братъ, положимъ, болѣе достойный довѣрія и менѣе склонный къ приставанью, чѣмъ Фредъ или Гарри; и что она бы желала, чтобъ онъ былъ въ дѣйствительности тѣмъ, тѣмъ былъ по чувству. Они положительно были большими друзьями, а когда бывали вмѣстѣ, то представляли прелестнѣйшій контрастъ.

— Какъ, Рингровъ, это вы? — съ притворнымъ удивленіемъ проговорила Беатриса, поднимая брови, что, впрочемъ, трудно было замѣтить изъ-за спутанныхъ локоновъ и мѣховой бахромы, ниско свѣшивавшихся на ея широкой блѣлой лобъ.

Она желала выразить «тихое удивленіе и кроткое негодованіе», такъ какъ до нихъ сегодня утромъ дошла вѣсть о появленіи Рингрова Гардисти въ Чѣрчлендсѣ наканунѣ вечеромъ и о томъ, что его теперь уже считаютъ членомъ новой школы. Онъ уже не былъ болѣе энергическимъ защитникомъ свободы, поборникомъ независимости мірянъ, отнынѣ его приходилось сопричислять къ сторонникамъ клерикальнаго господства и ожидать, что въ скоромъ времени увидишь, какъ онъ несетъ хоругвь и слѣдитъ за Кутбертомъ Молине, потрясающимъ кадильницей. И хотя Беатриса знала, что во всемъ слышанномъ ими въ это утро отъ горничной, почерпнувшей свои свѣдѣнія отъ мясника, въ свою очередь получившаго ихъ отъ самой кухарки изъ

Чёрчлендса — на половину преувеличений, она не могла примириться съ остальной половиной, или хотя бы съ четвертью разсказа. Дымъ могъ быть слишкомъ силенъ, но онъ все же свидѣтельствовалъ о скрывавшемся за нимъ пламени.

— Вы отправляетесь въ викаріатъ или были у заутрени? — спросила она, стараясь скрыть свой не слишкомъ глубокой сарказмъ подъ личиною притворнаго простодушія.

— Викаріатъ? Заутрени? Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, смѣясь и дружески пожимая ей руку.

Никого онъ такъ не желалъ встрѣтить, какъ ее. Онъ могъ раскрыть ей свое сердце легче, чѣмъ кому-либо другому, такъ какъ она была одной изъ тѣхъ личностей, которыя, не обладавъ высшимъ умственнымъ развитіемъ, отличаются здравымъ смысломъ, источникомъ которому служить: чистота нравственная, горячее сочувствіе, и отсутствіе волнующихъ страстей; въ эту минуту ему хотѣлось разсказать ей обо всемъ происходившемъ наканунѣ и о непріятномъ впечатлѣніи.

— Почему вы задаете мнѣ этотъ вопросъ? — прибавилъ онъ. — Зачѣмъ долженъ я отправляться или въ викаріатъ или къ заутренѣ?

— Мы слышали, что вы совсѣмъ примирились съ викаріемъ и сдѣлались его духовнымъ сыномъ. Кажется, это такъ называется? — скромно проговорила Беатриса.

— Съ какихъ поръ принимаете вы меня за сумасшедшаго, миссъ Беатриса Незбѣтъ? — спросилъ Рингровъ, снова смѣясь.

— Всѣ объ этомъ толкуютъ, а потому я и подумала, что что-нибудь да есть, — былъ ея неслишкомъ прямой отвѣтъ.

— О чемъ толкуютъ? Вы должны объясниться. Загадки никогда не составляли моей спеціальности.

— О томъ, что вы вчера вечеромъ были въ Чёрчлендсѣ, на одномъ изъ этихъ знаменитыхъ воскресныхъ ужиновъ, которые такъ скандализуютъ всѣхъ. Вы представить себѣ не можете, что говорятъ объ этихъ воскресныхъ ужинахъ, Рингровъ! По послѣднимъ извѣстіямъ, вы вчера вечеромъ приняты въ члены, хотя я хорошенько не знаю — чего собственно, и будете однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ сотрудниковъ викарія.

— Новости скоро распространяются и быстро растутъ въ Кроссгольмѣ, — добродушно замѣтилъ Рингровъ.

— Такъ вы не были въ Чёрчлендсѣ вчера вечеромъ?

Она предложила этотъ вопросъ съ большимъ одушевленіемъ. Какъ рада бы она была, еслибъ онъ отвѣтилъ: нѣтъ!

— Да, я былъ тамъ вчера вечеромъ, — отвѣчалъ онъ. — Почему же и не быть?

— О! — сказала Беатриса.

Больше она ничего не прибавила; но звукъ этотъ былъ краснорѣчивъ.

— Онъ меня просили ѣхать, отчего-жъ мнѣ было отказываться? — продолжалъ онъ.

— На воскресный ужинъ? — сказала Беатриса, поднявъ брови.

— Ну, такъ что-жъ? Что слышно объ этихъ ужинахъ? До сей минуты я и не зналъ, что они правильно организованы. Я поѣхалъ только потому, что мистриссъ Фуллертонъ и Виргинія выразили желаніе, чтобы я принялъ приглашеніе, и предложили взять меня съ собою, если я поѣду. Но все тамъ происходившее было для меня такою же новостью, какъ и ваши заключенія.

— А я думала, что всѣ слышали объ этихъ ужинахъ, — сказала Беатриса, — и что ѣхать въ Чѣрчлендсъ или въ викаріатъ въ воскресенье вечеромъ значить больше, чѣмъ принять обыкновенное приглашеніе.

— Я этого не зналъ, — возразилъ онъ.

— Теперь васъ сопричисляютъ къ нимъ, такъ какъ одинъ кружокъ тамъ бываетъ. Фуллертоны, на примѣръ, бываютъ тамъ каждое воскресенье; а со стороны мистриссъ Фуллертонъ право очень нехорошо бросать своего бѣднаго мужа, какъ она его бросаетъ. Мама въ совершенномъ отчаяніи, и говорить, что не знаетъ, какъ быть. Она очень желаетъ потолковать съ нею и съ Виргиніей, а между тѣмъ не можетъ на это рѣшиться, такъ какъ, понятно, это до насъ не касается. Отчего я не старше! Я увѣрена, что я бы тогда ни на что не посмотрѣла, — проговорила дѣвушка съ мягкимъ голосомъ и большими глазами, искренно вѣрившая, что съ годами усилится въ ней воинственный духъ, въ которомъ отказала ей природа.

— Я ничего этого не зналъ, — сказалъ Рингровъ, казаншійся огорченнымъ.

— Да какъ вамъ и знать? Мужчины никогда не замѣчаютъ того, что вокругъ нихъ происходитъ. Однѣ женщины умѣютъ открыть истину, — сказала Беатриса.

— Дѣло главнымъ образомъ въ томъ, что мистриссъ Фуллертонъ совершенно увлечена викаріемъ, «совсѣмъ закружилась», по выраженію нянюшки, она-то, замужняя женщина! И Виргинія ничѣмъ не лучше. Мистеръ Лассель и его ужасная сестра совершенно забрали ихъ въ руки и распоряжаются обѣими, какъ хотятъ.

— Вы не должны такъ дурно отзываться о мистриссъ Фуллертонъ и о Виргиніи, — серьёзно замѣтилъ Рингровъ.

— Могу ли я хвалить ихъ? — убѣждала она. — Каждое утро онѣ отправляются въ заутренѣ, приобщаются каждое воскресенье, мистриссъ Фуллертонъ каждую недѣлю исповѣдывается мистеру Ласселю въ ризницѣ; это ли еще не дурно и не ужасно?

— Увѣрены ли вы въ томъ, что говорите, Беатриса? — спросилъ Рингровъ полу-взволнованнымъ, полу-сердитымъ тономъ. — Трудно мнѣ повѣрить, чтобы мистриссъ Фуллертонъ исповѣдывалась мистеру Ласселю — она, жена человѣка, мѣжня котораго, по этимъ вопросамъ, ни для кого не составляютъ тайны!

— Да, совершенно увѣрена. Помилуйте! она теперь свои письма помѣчаетъ не числами, а праздниками! Такая аффектація, что просто неприлично! — съ презрѣніемъ замѣтила Беатриса Незбитъ.

— Ничего нѣтъ особенно неприличнаго помѣчать свои письма праздниками, — съ досадой проговорилъ Рингровъ. — Это еще не доказываетъ, чтобы она исповѣдывалась.

— Рингровъ! по-моему все это отвратительно! — горячо воскликнула хорошенькая дѣвушка. — Это все никуда не годится, и всякому ясно сколько зла оно причиняетъ. Мистриссъ Фуллертонъ была такая кроткая и милая, а теперь такъ измѣнилась, точно переродилась. А какой болѣзненный видъ у бѣднаго мистера Фуллертона! какимъ онъ смотритъ печальнымъ и надломленнымъ, онъ, всегда такой веселый и оживленный! Не мудрено, что онъ, бѣдняга, тоскуетъ и хвораетъ, когда жена и дочь такъ съ нимъ обращаются.

— Въ такомъ мѣстечкѣ, какъ наше, все очень преувеличиваютъ, — сказалъ Рингровъ. — Мистриссъ Фуллертонъ и Виргинія не могутъ быть жестоки ни къ кому.

— Не могутъ быть жестоки? — Говорятъ вамъ, что онѣ вовсе не обращаютъ на него вниманія, и идутъ своей дорогой, точно онъ и не существуетъ! Что бы вы сказали, еслибъ мы съ мама оставляли бѣднаго папѣ обѣдать въ одиночествѣ каждое воскресенье, и сами бы убѣждали и веселились въ обществѣ его злѣйшаго врага? И послѣ всего, что мистеръ Лассель позволилъ себѣ относительно мистера Фуллертона за его собственнымъ столомъ, это постыдно отъ начала до конца! — съ негодованіемъ сказала Беатриса.

— Во всемъ виноватъ этотъ лицемеръ! — гнѣвно воскликнула Рингровъ.

— Не менѣе виноваты и поклонницы его, позволяющія ему

распоряжаться ими по своему произволу, — возразила Беатриса. — Взгляните на эту несчастную глупенькую Терезу! Она убиваетъ себя постомъ, эпителиями, хожденіемъ въ церковь во всѣ часы дня и ночи. Это право ужасно! Она обмываетъ весь престолъ, стоя на колѣнахъ, единственно въ надеждѣ угодить мистеру Ласселю и заставить его полюбить ее; — сама же она влюблена въ него какъ только можетъ. И Виргинія дѣлаетъ то же самое.

— Нѣтъ, нѣтъ, — воскликнулъ Рингровъ, взмахнувъ головою и невольно сжавъ кулаки.

— Дѣлаетъ, Рингровъ, увѣряю васъ, что дѣлаетъ! Мнѣ страшно тяжело вамъ это говорить, но если вы ничего не знаете, то должны узнать. Она чиститъ подсвѣчники! — Виргинія, которая никогда въ жизни не дѣлала ничего практически-полезнаго, не умѣла пришить пуговицы или зашить себѣ перчатку, она чиститъ эти большіе тяжелые подсвѣчники порошкомъ и суконкой, точно такъ, какъ нашъ лакей чиститъ серебро! Теперь вы поймете, почему васъ такъ огорчило извѣстіе о вашемъ вчерашнемъ появленіи въ Чѣрчлендсѣ, и какимъ горемъ было бы для насъ, еслибъ вы, подобно имъ, потеряли голову и поддались всей этой негѣ и вредной чепухѣ.

Слезы стояли въ прекрасныхъ темныхъ глазахъ Беатрисы. Она съ своей точки зрѣнія также хлопотала о спасеніи Рингрова, какъ Виргинія и Герміона со своей.

Рингровъ молчалъ. Все это казалось ему, въ нѣкоторомъ смыслѣ, откровеніемъ, хотя также и печальнымъ подтвержденіемъ всего видѣннаго наканунѣ; болѣе чѣмъ когда-либо сознавалъ онъ, что надо предупредить Ричарда о настоящемъ положеніи дѣлъ, чтобы онъ могъ воспользоваться своею властью мужа и отца и запрудить потокъ, уносящій его возлюбленныхъ — куда?

• Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, онъ, не глядя на Беатрису, но полу-отвернувъ отъ нея лицо, тихимъ голосомъ спросилъ:

— Неужели Виргинія, подобно матери, исповѣдывается мистеру Ласселю?

Беатриса украдкой бросила на него взглядъ, полный состраданія.

— Она не ходитъ въ ризницу, — сказала она. — Если она исповѣдывается, то въ викаріатѣ. Всѣ остальные ходятъ въ ризницу, кромѣ Виргиніи. Тѣмъ не менѣе она исповѣдывается. Я въ этомъ увѣрена, потому что она мнѣ говорила; но ее вообще окружаетъ какая-то таинственность, никто хорошенько не понимаетъ, въ чемъ тутъ дѣло. Мистриссъ Фуллергонъ постоянно съ мистеромъ

Ласселемъ, а Виргинія постоянно съ сестрой Агнесой, — этой ужасной женщиной.

— Быть можетъ, Виргинія не ходитъ на исповѣдь, — сказалъ Рингровъ, какъ-бы говоря самъ съ собою.

— Не знаю, — отвѣчала она; — но очевидно, съ ней что-то такое происходитъ. Никто не знаетъ, что именно, но никто бы не удивился, что бы ни случилось. Еслибъ она вступила въ одинъ изъ этихъ глупыхъ орденовъ, пошла въ монастырь или стала проповѣдывать, я бы не удивилась. Все это ужасно! — воскликнула она съ энергіей, рѣдко появлявшейся въ рѣчахъ кроткой Беатрисы Незбитъ.

— Мистеръ Лассель негодяй! — воскликнулъ Рингровъ.

— А Фуллертоны слабы, слѣпы и глупы; нѣтъ, я это считаю возможнымъ, — сказала Беатриса.

Онъ сдѣлалъ гнѣвный жестъ.

Это кроткое, сочувствующее существо рѣдко видало подобное выраженіе на лицѣ его или возбуждало въ немъ это чувство.

— Не сердитесь на меня, Рингровъ, — продолжала она вѣрнымъ, молящимъ тономъ. — Мнѣ извѣстны ваши чувства къ Виргиніи, а вы знаете, какъ искренно я всегда вамъ сочувствовала. Но право она за послѣднее время показала себя такой глупой, что я не въ силахъ притворяться, что принимаю въ ней какое-либо участіе, ни относиться съ уваженіемъ къ ея понятіямъ. Таково мое настоящее мнѣніе!

— Ни слова противъ Виргиніи, — съ страстнымъ порывомъ воскликнулъ Рингровъ. — Все, что бы она ни дѣлала, проистекаетъ изъ чистѣйшихъ побужденій. Если она и увлеклась этими людьми, то вспомните, какъ она молода, какое она кроткое, святое существо! Она такая именно дѣвушка, изъ какихъ выходятъ святые и мученицы, она служитъ олицетвореніемъ нашего представленія объ ангелахъ, — болѣе тихимъ голосомъ прибавилъ онъ.

— Да, я знаю, — сказала Беатриса, — я знаю, какъ она кротка и добра; но это не дѣлаетъ ее благоразумной, Рингровъ! Для нея самой было бы во сто разъ лучше, еслибъ она болѣе походила на обыкновенную смертную, а меньше на ангела, какъ вы ее называете, — или во всякомъ случаѣ на лицо, взятое изъ книги. Виргинія не похожа на обыкновенныхъ дѣвушекъ; и право, онѣ съ Терезой доходятъ до нелѣпостей со своимъ фанатизмомъ и возбужденіемъ. Въ сущности, бѣдняжка Тереза дѣлаетъ столько же, сколько и Виргинія, быть можетъ, больше. Мы не должны забывать этого.

— Да, но вся разница заключается въ томъ, что ихъ оду-

шевяется, — сказала Рингровъ. — То, что дѣлаетъ Виргинія, происходитъ изъ чистыхъ принциповъ и изъ ея убѣжденія, что такъ поступать слѣдуетъ, тогда какъ, по вашимъ же словамъ, Тереза примѣшиваетъ къ своей религіи личное чувство къ мистеру Ласселю, а это совсѣмъ измѣняетъ дѣло.

— Бѣдная Тереза! — съ выраженіемъ состраданія проговорила Беатриса. — Она себя уводитъ, если не будетъ осторожнѣе. И безъ того она смотритъ чахоточной, вспомните ея ужасный кашель!

— И этотъ негодяй будетъ ея убійцей! — сказала Рингровъ, глядя на небо. Казалось, будто онъ призываетъ мщеніе на красивую голову викарія. — Онъ будетъ ей убійцей, какъ былъ разрушителемъ счастливѣйшаго домашнего очага въ цѣлой Англіи, — повторилъ онъ.

— Желала бы я, чтобъ его можно было арестовать и посадить въ тюрьму, — проговорила не мудрствовавшая лукаво Беатриса Незбитъ; а затѣмъ оба замолчали и продолжали идти — онъ мрачный и подавленный всѣмъ слышаннымъ, она недоумѣвая, хорошо ли она поступила, передавъ ему свои свѣдѣнія. Ей казалось, что хорошо, тѣмъ не менѣе она недоумѣвала и нѣсколько, хотя и въ тайнѣ, даже мучилась.

— Меня страшно огорчилъ вашъ рассказъ, Беатриса, — проговорилъ затѣмъ Рингровъ, тяжело переводя духъ. — Жалѣю, что я ничего этого прежде не зналъ; еслибы зналъ, не поѣхалъ бы вчера вечеромъ. Понятно, мнѣ и въ голову не пришло, чтобъ это приглашеніе могло значить что-нибудь особенное или что я рискую быть причтеннымъ къ сторонникамъ викарія изъ-за того, что провелъ нѣсколько часовъ въ Чѣрчлендсѣ. Одно меня нѣсколько смущало, это — мистеръ Фуллертонъ. Мнѣ не хотѣлось ѣхать, такъ какъ я зналъ объ ихъ разладѣ; но съ другой стороны, я вообще не люблю мѣшаться въ чужія ссоры.

— Но скоро же всѣ узнаютъ, что это было одно недоразумѣніе, и что васъ сманить не удалось, — сказала Беатриса. — Серьезнаго вреда не будетъ никакого. Папѣ съ самаго начала утверждалъ, что тутъ что-нибудь да не такъ, что не могли же вы такъ сильно и такъ внезапно измѣниться; но мама немного трусила. Она говорила, что опасается вліянія мистриссъ Фуллертонъ; но, какъ видите, папѣ былъ правъ! — съ торжествующимъ видомъ промолвила она.

— Такъ, значить, не надо придавать большое значеніе сплеткамъ, не такъ ли? — сказалъ Рингровъ, пытаясь улыбнуться.

— Это были бы дѣйствительно пустяки, еслибы дѣло шло о

комъ-нибудь другомъ, но самъ мистеръ Лассель всему придастъ такое громадное значеніе, — довольно разумно отвѣчала Беатриса. — У него такая странная манера сторожить васъ! а при малѣйшемъ поводѣ онъ бросается на васъ какъ кошка на мышъ. Напримѣръ, намъ съ мама и думать нельзя поѣхать къ будничной службѣ. Явись мы, мистеръ Лассель всюду сталъ бы разглашать, что мы католики, или какіе-нибудь пустяки въ этомъ же родѣ! А потому немудрено, что они придавали большое значеніе вашему присутствію на одномъ изъ ихъ особенныхъ собраний. Кстати, какъ вамъ все это понравилось, Рингровъ?

— Совсе не понравилось, — отвѣчалъ онъ. — Самый тонъ ихъ кружка былъ мнѣ страшно неприятенъ. — Онъ не объяснилъ почему.

— Бѣдный Рингровъ! — кратко проговорила Беатриса.

Глаза ихъ встрѣтились.

— Какъ вы добры ко мнѣ! — вздыхая, проговорилъ Рингровъ.

Чтобы Виргиніи быть къ нему такой же доброй, какъ эта кроткая сестра-другъ! чтобы ей быть такой же разумной и сочувствующей!

Онъ пожалъ ей руку, сѣлъ на лошадь и уѣхалъ, опечаленный и негодующій, недоумѣвая болѣе прежняго. Если Ричарду все это извѣстно, думалось ему, то не къ чему и говорить ему; если же нѣтъ, обязанность эта не изъ пріятныхъ.

Въ этотъ самый вечеръ Ричардъ читалъ лекцію о вліяніи воображенія и о томъ, какъ далеко простираются законныя функціи его; отдѣляя научное предвидѣніе, основанное на возможномъ развитіи извѣстныхъ условій, отъ заключеній, основанныхъ на чистѣйшей фантазій и не находящихъ себѣ оправданія въ фактахъ. Къ этому онъ прибавилъ нѣсколько словъ объ авторитетахъ, спрашивая, насколько разумно полагаться на общее мнѣніе просто по тому, что оно общее, и не гораздо ли разумнѣе подождать рѣшеніемъ и отказаться вѣрить въ недоказанное, даже если не можешь представить противоположной теоріи. Обще мнѣніе не доказываетъ здѣсь ничего. Оно, правда, выражаетъ среднее разстояніе, пройденное мыслью, среднюю норму приобрѣтенныхъ знаній; но значеніе оно имѣетъ временное и мѣстное, а не постоянное и окончательное. Рѣчь шла также о колдовствѣ, въ которое лучшіе умы, два съ половиной вѣка тому назадъ, вѣрили какъ въ абсолютную истину — въ дѣйствительность, признаваемую словомъ Божиимъ и находящуюся подъ руководствомъ дьявола; — понятно, что Ричардъ отлично воспользовался этимъ сюжетомъ. Затѣмъ онъ, по своему обыкновенію, примѣнилъ свои принципы къ обли-

ченію откровенія, христіанства, церкви и мистера Ласселя, и увѣщевалъ своихъ слушателей наслѣдовать и испытывать прежде, чѣмъ принимать или вѣровать. При этомъ нѣкоторые изъ слушателей стали шептаться, говоря, что хорошо мистеру Фуллертону толковать, а не мѣшало бы на свой-то домъ обратить вниманіе, прибавляя, что если онъ хочетъ, чтобы слова его принимались посторонними, то долженъ былъ бы присмотрѣть и за тѣмъ, чтобы его домашніе не шли противъ нихъ. Разладъ въ аббатствѣ составлялъ теперь главный предметъ мѣстныхъ разговоровъ, и причинялъ много вреда обѣимъ сторонамъ. Воззрѣнія Ричарда уже не пользовались прежнимъ уваженіемъ, вслѣдствіе того, что его жена и дочь публично исповѣдывали ритуализмъ; а мистеръ Ласселю приписывали больше вліянія, чѣмъ слѣдовало, тѣмъ болѣе, что онъ завоевалъ расположеніе однѣхъ женщинъ, оставивъ умы мужчинъ не тронутыми. Вообще, положеніе дѣлъ было отчаянное; это каждый и чувствовалъ, къ какой бы сторонѣ онъ ни принадлежалъ. Единственное оправданіе, какое мужская половина населенія находила для мистера Фуллертона, заключалось въ томъ, что ему не могло быть извѣстно, какъ далеко зашли его дамы, вслѣдствіе чего онъ скорѣй заслуживаетъ состраданія, чѣмъ осужденія. Тѣмъ не менѣе этимъ упрямымъ, мало впечатлительнымъ, лишеннымъ эстетическаго чувства людямъ казалось, что честь мужчины требуетъ, чтобы человѣкъ былъ господиномъ въ своемъ собственномъ домѣ, и что тотъ, кто позволяетъ женщинамъ поступать по своему усмотрѣнію, не исполняетъ одной изъ первыхъ своихъ обязанностей и вообще представляетъ изъ себя жалкое существо, съ какой стороны его ни рассматривай. Они не формулировали способа, съ помощью котораго можно было удержать за собою это главенство. Они только утверждали, что показали бы своей «женѣ», кто въ ихъ домѣ господинъ, но не объясняли, побили ли бы они своихъ женъ или заперли ихъ въ такую комнату, какая имѣлась у Синей Бороды, еслибъ тѣ возмутились и рѣшились остаться на свободѣ и идти своимъ путемъ.

Рингровъ, по обыкновенію, пришелъ на лекцію. Онъ былъ почти такимъ же постояннымъ посѣтителемъ этихъ вечернихъ бесѣдъ, какъ самъ Джонъ Гревсъ, и конечно принадлежалъ къ числу лучшихъ цѣнителей изъ всей аудиторіи. Но аудиторія замѣтно рѣдѣла. Каждую недѣлю кого-нибудь не доставало и по этимъ пробѣламъ можно было считать побѣды викарія. Онъ выждалъ, пока не сталъ твердой ногою въ приходъ, и тогда только началъ требовать удаленія изъ читальни отъ всѣхъ, кто

хотѣлъ остаться съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ или быть допущеннымъ въ наиболѣе священнымъ обрядамъ, кто отъ нихъ не отставалъ окончательно. Здѣсь члены убывали, тогда какъ число пасомыхъ имъ возрастало. Но джентльменовъ, поддерживавшихъ читальню и лекціи, онъ оставлялъ въ покоѣ. При всей его искренности, общественное положеніе и богатство оказывали свое смягчающее вліяніе; ему все-таки казалось, что священникъ не можетъ примѣнять въ джентльмену ту духовную безцеремонность, какою, съ полнымъ основаніемъ, можетъ употребить съ мужикомъ.

Пріятно было Рингрову слѣдить за тѣмъ, какъ Ричардъ Фулertonъ, въ этихъ своихъ лекціяхъ, добирался прямо до корня вещей. Его восхищало сознаніе, что одинъ человѣкъ, по крайней мѣрѣ, такъ высоко и столь твердой рукою держитъ знамя независимой мысли. Въ этотъ вечеръ его особенно обрадовало, когда Ричардъ такъ сильно выразился по вопросу объ авторитетахъ, и сравнилъ клерикальныя притязанія съ притязаніями индійскаго знахара или буддистскаго бонзы. Это облегчало предстоящую ему задачу, лишь бы только представился удобный случай. Въ этотъ вечеръ онъ не представился. Ричардъ не возвращался пѣшкомъ черезъ паркъ по своему обыкновенію. Экипажъ ждалъ его у дверей, также какъ и лошадь Рингрова; они разстались безъ всякихъ интимныхъ разговоровъ. Когда они пожимали другъ другу руки, Ричардъ, однако, сказалъ:—Вы, разумѣется, по обыкновенію обѣдаете съ нами въ первый день Рождества? на что Рингровъ отвѣчалъ: Да; причемъ ни тотъ, ни другой не думалъ о могущихъ возникнуть затрудненіяхъ.

Герміона была одна въ гостиной, когда Ричардъ возвратился. Она ошиблась въ своихъ надеждахъ ускользнуть отъ мужа, и засидѣлась слишкомъ поздно, доканчивая подарокъ къ Рождеству, предназначавшійся викарію. Виргинія легла спать. Ричардъ вошелъ, внося съ собой свѣжую струю морознаго воздуха и такъ живо напоминая холодную ночь, что хорошенькая женщина почувствовала легкій ознобъ, дошивая послѣдніе листочки на атласной епитрахили и думая о томъ, какъ эффектно она окружить священную шею викарія въ день Рождества.

При входѣ мужа она одинъ только разъ подняла голову, по правдѣ сказать, досадуя на его раннее возвращеніе; а когда онъ нѣжно промолвилъ:—Ну, жена!—она отвѣчала: Да? умышленно-обыденнымъ тономъ.

— Дѣвочка, вѣроятно, спать легла?—спросилъ онъ, осматриваясь по сторонамъ.

Хотя онъ самъ себѣ въ этомъ не признавался, но за послѣднее время находилъ трудной бесѣду съ возлюбленной женою. Она производила на него такое впечатлѣніе, точно постоянно была на-сторожѣ, точно выжидала повода къ осужденію.

— Да,—сказала Герміона, продолжая трудиться надъ своими листьями.—Она цѣлый день усердно работала и устала.

— Усердно работала,—надъ чѣмъ это?—спросилъ онъ.

— Надъ убранствомъ школы къ Рождеству, отвѣчала она.

— Не слишкомъ-ли она предается подобнаго рода занятіямъ, жена?—серьезно спросилъ онъ.—Здоровья она не крѣпкого и по моему черезъ-чуръ утомляетъ себя. Она за послѣднее время похудѣла, поблѣднѣла и смотритъ очень грустной.

— За нею заботливо наблюдаютъ,—сказала мать Виргиніи, слегка мотнувъ хорошенькой головкой.

— Желалъ-бы я, чтобы за нею наблюдалъ кто-нибудь имѣющій на то право,—со вздохомъ замѣтилъ Ричардъ.

— Оно такъ и есть,—сказала Герміона, такъ сильно сжимая мягкія губы, что онѣ образовали одну прямую линію, какъ у викарія, и съ страннымъ полу-вызывающимъ выраженіемъ.

— Не по моимъ понятіямъ,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, но по моимъ,—совершенно спокойно возразила она.

— А ты моихъ взглядовъ принять не желаешь?—спросилъ онъ.

— Я ей мать, и признаю за собой право рѣшать, что для нея лучше,—сказала она.

— Ты, вѣроятно, съ удовольствіемъ услышишь, что Рингровъ, по обыкновенію, обѣдаетъ у насъ въ первый день Рождества?—сказалъ Ричардъ, не желая сегодня касаться опасныхъ вопросовъ.

Онъ зналъ, что не въ далекомъ будущемъ должно произойти громадное нравственное землетрасеніе; но покамѣстъ дѣло еще не дошло до него.

— Я за тебя рада, что онъ будетъ здѣсь,—отвѣчала Герміона.—Тебѣ пріятнѣе будетъ провести день съ нимъ, чѣмъ совершенно одному. Мы съ Виргиніей будемъ въ викаріатѣ.

Руки ея, по-прежнему занятія вышиваньемъ виноградныхъ листьевъ на бѣлой атласной эпитрахили, слегка дрожали когда она говорила; но голосъ отлично изображалъ равнодушіе.

— Въ первый день Рождества, жена?—спросилъ онъ, слегка вадрогнувъ.

— Я и не воображала, чтобы этотъ день имѣлъ въ глазахъ

твоихъ какое-нибудь значеніе, — отвѣчала она, взглянувъ на него съ притворнымъ удивленіемъ.

Это нѣкогда совершенно простодушное существо удивительно быстро усваивало себѣ уроки «сдержанности, затаенныхъ намѣреній» и прочихъ видовъ обмана, неуклонно даваемые ей во время исповѣди. По понятіямъ мистера Ласселя, какъ и всей его клики, цѣль оправдываетъ средства; а цѣль окончательнаго пораженія Ричарда Фуллертона имѣла такое важное значеніе для дѣла церкви и спасенія человѣческихъ душъ въ Броссгольмѣ, что оправдывала какія угодно средства.

— Какъ воспоминаніе о рожденіи Христа, онъ его и не имѣетъ, — сказалъ онъ, — что тебѣ очень хорошо извѣстно; — но если разсматривать его какъ день, скрѣпляющій семейное согласіе, поддерживающій пріятныя общественныя сношенія, то я питаю къ нему прирожденную всякому англичанину симпатію, и очень жалѣю, что ты бросаешь свой собственный домъ для дома чужака посторонняго въ этотъ именно день, исключительно посвященный семейной жизни и семейнымъ привязанностямъ.

— Викарій и его дорогая сестра не посторонніе; а мы съ Виргиніей предпочитаемъ обѣдать тамъ, гдѣ этотъ благословеннѣйшій въ цѣломъ году день не лишенъ своего духовнаго значенія, своихъ религіозныхъ утѣшеній, — сказала Герміона, повторяя заученный урокъ. — Здѣсь онъ ознаменовывается только плумпудингомъ, приправленнымъ невѣріемъ, въ викаріатѣ онъ будетъ отпразднованъ надлежащимъ образомъ; и мы будемъ вспоминать, какое дѣйствіе божественнаго милосердія онъ означаетъ.

— Моя бѣдная жена! — съ состраданіемъ замѣтилъ онъ; — какъ эти чудотворцы отуманили тебя!

— И какъ твое невѣріе тебя ослѣпило! — съ досадой возразила Герміона. — Прежде, чѣмъ ты станешь жалѣть меня, Ричардъ, подумай, не можешь-ли ты самъ быть предметомъ глубочайшаго сожалѣнія, какъ душа, на вѣки погибшая!

— Жена! чѣмъ все это кончится? — воскликнулъ Ричардъ. — Это становится слишкомъ мучительнымъ, почти невыносимымъ! Точно какія-то чары опутали нашу жизнь!

— Ты можешь все это прекратить; когда только пожелаешь, Ричардъ, — сказала жена его, склоняясь надъ нимъ съ чарующей лаской, поднимая на него свои голубые глаза и какъ-бы призывая его къ себѣ, какъ призывала въ оны дни, полные невѣрія и любви. — Обратись къ церкви, примиришь съ Богомъ, и между нами не будетъ ни единой тучки! Это зависитъ отъ тебя, единственно отъ тебя.

— Это все равно, какъ еслибъ ты требовала отъ рѣки, чтобъ она вернулась къ своему источнику, — воскликнулъ Ричардъ. — Милая жена, ты знаешь, что я не могъ-бы возвратиться въ образъ мыслей, олицетворяющему въ моихъ глазахъ грубѣйшее суевѣріе и невѣжество. Затѣмъ-же ты убѣждаешь меня, зная меня такъ, какъ ты меня знаешь, и зная также, что «вѣра», есть нравственное состояніе, котораго не достигнуть усиленіемъ воли? Я бы не могъ увѣровать въ басни, даже еслибъ и желалъ.

— Такъ не требуй-же и отъ меня, чтобъ я была такою, какою была до своего обращенія, — сказала Герміона, поспѣшно убирая работу.

— Неужели я не имѣю надъ тобою никакого вліянія въ силу нашей долгой и вѣрной любви? — спросилъ онъ. — Неужели ты не признаешь моей власти, въ качествѣ мужа?

Она подняла свои темно-голубые глаза, переполненные слезами, и взглянула ему прямо въ лицо.

— Какое вліяніе можешь ты имѣть? Ты невѣрующій, а я христіанка. Какую власть можешь ты имѣть надо мною? и церковь и Библія запрещаютъ мнѣ повиноваться тебѣ.

Слова эти она проговорила отчетливо, но спокойно. Мягко-сердая, слабая, постоянно находящаяся подъ вліяніемъ нѣжныхъ воспоминаній, она бывала рѣзка только когда была раздражена. Когда дѣло доходило до холодной рѣшимости, она всегда сдавалась, по крайней мѣрѣ, отчасти!

— Жена! во имя всего священнаго для насъ обоихъ, пусть это страшное недоразумѣніе кончится, — воскликнулъ онъ, подходя къ ней и обнимая ее.

Она, въ свою очередь, обняла его, поцѣловала съ прежней нѣжной страстью, затѣмъ высвободилась изъ его объятій и ускользнула отъ него, проговоривъ надломленнымъ голосомъ:

— Одного себя долженъ ты винить, Ричардъ, за все, что случилось и что еще случится.

Прежде, чѣмъ онъ понялъ, что она вышла изъ комнаты — глухое рыданье послышалось изъ залы, а Ричардъ остался на прежнемъ мѣстѣ какъ человѣкъ, которому нанесли ударъ, сознавая только, что изъ этого столкновенія между любовью и фанатизмомъ послѣдній вышелъ побѣдителемъ.

Глава XVII.—Великій праздникъ.

Виргинія, ничего не анализировавшая, не подозрѣвавшая даже о существованіи того, чего не видѣла во-очію, ничего не знала о чувствахъ Рингова, ни о томъ, что попытка обратить его имѣла единственнымъ результатомъ отторженіе его отъ группы «вѣрныхъ». Она такъ всецѣло была погружена въ свою новую жизнь, что она казалась слѣпой и глухой въ міру внѣшнему. У нея было одно желаніе—творить волю Божью, возвѣщаемую церковью; единственнымъ удовольствіями ея были тѣ, какія она почерпала въ религиозной жизни—въ посѣщеніи церкви, въ молитвѣ въ тиши своей комнаты согласно съ указаніями отца Трускота, въ работѣ на церковь, въ исполненіи смиреннѣйшихъ обязанностей по уборкѣ престола, въ родѣ чистки подсвѣчниковъ и тому подобныхъ занятій, въ чтеніи духовныхъ книгъ, причемъ она изъ жизни святыхъ и мучениковъ почерпала мужество, какое было ей необходимо для того, чтобы не отказаться отъ того шага, какой она замышляла.

Если она имѣла одно только желаніе, она также имѣла одно только горе—безнадежное состояніе души отца и сомнительное—Рингова. Ежедневно молилась она за обоихъ, исполняла за нихъ различныя эпителии, произносила обѣты въ надеждѣ, что они помогутъ имъ свести счеты съ небомъ, но источникъ благодати доселѣ оставался запечатлѣннымъ, и какъ отецъ Трускоть, такъ и сестра Агнеса начинали толковать ей, что относительно отца ея, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть и дерзостью надѣяться на чудо, и что если Богъ предоставилъ этого безбожника попеченіямъ сатаны, то не ей стараться измѣнить божественный приговоръ.

Вообще эта дѣвушка, по настроенію своихъ мыслей и чувствъ, жила въ совершенно иной сферѣ, чѣмъ воображалъ свѣтъ, въ сферѣ, доступной пониманію только сестры Агнесы и отца Трускота. Даже самъ мистеръ Лассель не зналъ всего, что происходило въ этой молодой, восторженной душѣ; отецъ Трускоть заботливо скрывалъ это отъ него. «Сдержанность», которой вся эта школа придерживается по отношенію къ грѣховному внѣшнему міру, нерѣдко превращается въ двоедушіе во взаимныхъ отношеніяхъ самихъ «вѣрныхъ»; старшая группа имѣетъ своихъ эмиссаровъ въ самомъ центрѣ младшей, фактически ведущей пропаганду въ пользу того, что, повидимому, отвергаетъ. Такова была роль отца Трускота и сестры Агнесы; и Виргинія была одной

изъ многихъ, которыхъ они, повидимому, вели къ одному алтарю, тогда какъ въ сущности направляли ихъ къ другому. Отецъ Трускотъ принималъ дѣвушку подѣ свое руководство съ согласія, даже по желанію мистера Ласселя, которому почему-то не хотѣлось принять ее въ число своихъ духовныхъ дочерей вмѣстѣ съ ея матерью и Терезой Молинѣ;—но разѣ принявъ ее подѣ свое крыло, не выдавалъ ни ея, ни своихъ тайнъ и не сообщалъ никому кромѣ сестры—своей старой союзницы, —какой оборотъ принимаютъ дѣла. Слѣдующій актъ клерикальной драмы, насколько онъ пока былъ намѣченъ, долженъ былъ заключать въ себѣ пребываніе Виргиніи, на нѣкоторое время, въ монастырскихъ стѣнахъ, такъ называемую *retraite*, предшествующую принятію св. тайнъ на Пасхѣ; но до этого должно было произойти многое.

Въ числѣ другихъ порученій второстепенной важности, Фулertonамъ было приказано привезти Рингрова Гардисти съ собой въ викаріатъ въ первый день Рождества, такъ какъ викарій послалъ ему формальное приглашеніе на обѣдъ. Виргиніи снова было поручено, въ видахъ пользы его души, употребить свое вліяніе на любящаго ее человѣка, что она и исполнила съ отѣнкомъ нѣжности, но все съ тѣмъ-же «не отъ міра сего» выраженіемъ въ глазахъ, которое, если и уподобляло ее тому представленію, какое ребенокъ дѣлаетъ себѣ объ ангелѣ, то придавало ей такой видъ, будто она ничѣмъ на свѣтѣ серьезно не интересуется внѣ религіи. Она не считала нужнымъ особенно настаивать, такъ какъ не воображала, чтобы возможно было отказать отъ того, что, въ ея понятіяхъ, было высшимъ преимуществомъ, на какое можно было рассчитывать въ этой жизни. Ей было неизвѣстно также, что Рингровъ далъ слово обѣдать въ аббатствѣ съ ея отцомъ; мать еще не говорила ей объ этомъ; но и зная объ этомъ, она конечно сочла бы вполне законнымъ нарушить это обѣщаніе въ виду высшаго блага: общенія съ «вѣрными» въ викаріатѣ.

— Вы, разумѣется, будете? — крѣтко сказала она, послѣ того какъ онъ прочелъ записку викарія, которую ей поручено было передать ему.

— Нѣтъ, никогда не буду я въ этой клинѣ, по крайней мѣрѣ, въ воскресный вечеръ! — твердо отвѣчалъ онъ.

Она широко раскрыла свои голубые глаза и взглянула на него съ выраженіемъ упрека и удивленія.

— О, Виргинія, еслибъ вы могли взглянуть на все это моими глазами, — горячо продолжалъ онъ, покраснѣвъ. — Это

странное возбужденіе Терезы, рабская покорность Кутберта, ваше собственное состояніе, Віргинія, при всей вашей добротѣ, столь-же неестественное какъ и состояніе бѣдной Терезы, унижительная лесть, какую вы расточаете мистеру Ласселю, неразумныя крайности въ вашемъ благочестіи, — на все это тяжело смотрѣть такому человѣку какъ я: мнѣ ненавистно то мнѣніе, что священники непохожи на прочихъ людей; во всей ритуалистической сектѣ я вижу только эгоистическое честолюбіе безсовѣстныхъ людей, спекулирующихъ на лучшія чувства женщинъ, въ виду своихъ личныхъ цѣлей.

— Рингровъ! я не думала, чтобъ вы были такой грѣшникъ — вспыхнула Віргинія.

— Мнѣ жаль огорчать васъ! — ласково отвѣтилъ онъ, — но я обязанъ это сказать! Какъ могли вы, гордая, чистая дѣвушка, дойти до вашей настоящей покорности! Какъ могла мистриссъ Фуллертонъ допустить до этого, или сама придти къ тому-же! Какъ могъ Кутбертъ, хотя-бы на минуту, допустить до этого сестру! Во мнѣ кровь кипѣла, когда я видѣлъ, какъ мистеръ Лассель распоряжается въ чужомъ домѣ, я краснѣлъ отъ гнѣва и стыда, замѣтивъ, что вы и ваша мать потворствуете этому, вы, которымъ я всю жизнь поклонялся, какъ моему идеалу того, чѣмъ должна быть женщина. Простите меня, дорогая, я не былъ-бы истиннымъ другомъ, если-бы не высказалъ того, что думаю и чувствую объ этихъ вещахъ.

— Вы ничего не понимаете въ томъ, о чемъ говорите, а потому васъ можно простить какъ человѣка, который грѣшитъ по невѣдѣнію, — серьезно замѣтила Віргинія съ яркимъ румянцемъ на кроткомъ личикѣ. — Никакому постороннему человѣку не понять связи, существующей между духовной дочерью и ея духовнымъ отцомъ.

— Такъ вы ходите на исповѣдь! — съ волненіемъ прервалъ Рингровъ.

Она подняла глаза.

— Конечно, — спокойно проговорила она. — Отецъ Трусковъ мой духовникъ, болѣе чѣмъ мой отецъ. Онъ какъ-бы данъ мнѣ Богомъ, его устами говорить Богъ.

— Вашъ родной отецъ былъ бы во сто разъ лучшимъ руководителемъ, — съ досадой замѣтилъ Рингровъ. — Богъ далъ вамъ его безъ всякихъ *какъ-бы!*

Она вздохнула и отвернулась.

— Мой погябъ! — сказала она.

— Віргинія! и этому-то научили они васъ!

— Благодать можетъ произвести чудо въ его пользу,—продолжала она, говоря точно во снѣ.—Но какъ можемъ мы надѣяться на это, когда онъ замыкается въ своей гордости и не хочетъ воспользоваться открываемыми ему путями ко спасенію?

— Онъ лучшій человѣкъ, чѣмъ любой изъ тѣхъ, кого вы ставите неизмѣримо выше его,—твердо проговорилъ Рингровъ.—Онъ не тратитъ своихъ силъ на то, чтобы влюбить въ себя глупыхъ дѣвушекъ въ родѣ Терезы Молинѣ, ни на то, чтобы ломать самоуваженіе такой дѣвушки, какъ вы, заставляя ее исполнять унижительную работу, какую вы исполняете для церкви.

— Можетъ ли работа, производимая во славу и для украшенія Дома Божьего, унижить бѣдное, грѣшное существо, подобное мнѣ? Рингровъ! все же вы христіанинъ, какъ можете вы говорить подобныя вещи?

— Еслибъ эта работа приносила какую-нибудь дѣйствительную пользу, еслибъ она сколько-нибудь служила великому дѣлу человѣчества, я бы этого не сказалъ. Но если она просто упрочиваетъ власть такого человѣка, какъ мистеръ Лассель, удовлетворяетъ его капризамъ, я нахожу ее до послѣдней степени унижительной!—страстно проговорилъ Рингровъ.

— Для меня это безграничная честь и утѣшеніе!—возразила Виргинія съ восторженнымъ взглядомъ.—Стоять на колѣняхъ и молиться, пока я убираю престолъ,—какое блаженство!

— О, это ужасно!—съ невыразимымъ горемъ воскликнулъ Рингровъ.—Никакому человѣку, уважающему себя, не вынести этого! Видѣть свою жену, дочь, сестру, дошедшей до этого, видѣть, что въ ней уже не осталось ни самоуваженія, ни гордости, видѣть, что она охладѣла и къ старымъ друзьямъ, и къ семейнымъ узамъ, это страшно, Виргинія, это чудовищно, отъ этого можно съ ума сойти!

Глаза его сверкали, губы дрожали, вся его фигура дышала негодованіемъ. Виргинія никогда не видала его въ такомъ волненіи, никогда не видала такого выраженія въ его глазахъ. Она тяжело вздохнула. Вотъ и другая надежда рушилась, и другая душа человѣческая погибла, и все глубже и глубже опускается въ эту страшную преисподнюю!

— Я не хочу этого слышать,—проговорила она скорѣй холодно, чѣмъ грустно.—Если вы не желаете внять голосу истины, а хотите стать на сторону враговъ нашихъ, мы можемъ только молиться за васъ и горевать. Отецъ настоятель дѣлалъ все, что могъ, чтобы обратить васъ, но если вы обратиться не желаете,

если вы держитесь за ваши заблужденія и затворяете ваше сердце... Глаза ея наполнились слезами, голосъ оборвался.

— Не я заблуждаюсь!—сказалъ Рингровъ, котораго ея горе почти сводило съ ума.—Виргинія, еслибъ я могъ заставить васъ видѣть этотъ ужасный фанатизмъ въ его настоящемъ свѣтѣ, всю его чудовищность, всю его опасность!

Онъ взялъ обѣ ея руки, она отняла ихъ.

— Я нашла истину, благодаря благословенному Господу нашему и святой Матери Его, сохраню ее въ теченіе всей жизни, и буду защищать цѣною самой жизни моей!—горячо проговорила она.—И жить я желаю только для одного этого.

— А ваши семейныя привязанности, ваши дочернія обязанности, ваши старые друзья, ваши общественныя отношенія,—неужели все это потеряло для васъ всякое значеніе?

— Сравнительно съ религіей? да, — сказала она. — Самъ отецъ Трускотъ разрѣшаетъ мнѣ это.

— Отецъ Трускотъ *разрѣшаетъ* вамъ! да онъ-то на кой-чортъ сюда суется?—воскликнулъ Рингровъ, неожиданно раздражаясь гнѣвомъ. Онъ не могъ сердиться на самую Виргинію, но обращалъ на первое попавшееся имя злобу, возбуждаемую непобѣдимостью ея упорства.

Виргинія встала. Она была очень блѣдна, губы ея дрожали.

— Прощайте, Рингровъ,—мягко сказала она. —Когда-нибудь вы пожалеете...

Когда-нибудь! ему нечего было ждать будущаго...

Въ нынѣшнемъ году Кроссгольму пришлось довольствоваться не совсѣмъ обычной обстановкой рождественскихъ службъ. Служба теперь совершалась въ школьной залѣ, такъ какъ церковь окончательно завладѣли рабочіе; и хотя было сдѣлано все возможное по части драпировокъ и облаченій, убранства и процессій, тѣмъ не менѣе общее впечатлѣніе было не такъ внушительно, какъ должно быть въ будущемъ году, когда передѣлки будутъ окончены и торжество ритуализма упрочено. Тѣмъ не менѣе было сдѣлано все возможное, и бѣлая эпитрахиль работы Герміоны играла роль въ общей картинѣ и дѣлала викарія «прекраснымъ».

Рингровъ слишкомъ несочувственно относился ко всему этому и не отправился къ службѣ, несмотря на свое званіе помощника церковнаго старосты; онъ поѣхалъ въ Кроссгольмъ только къ обѣду, приготовившись въ тяжелой обязанности предостеречь Ричарда, сообщивъ ему все, что узналъ самъ.

Что это былъ за обѣдъ для обоихъ его участниковъ, что за

народія рождественскаго обѣда! Оба чувствовали себя покинутыми; каждый сознавалъ невѣрность любимой женщины. Они говорили обо всѣхъ предметахъ, кромѣ одного, самаго имъ близкаго, и каждый старался скрыть отъ другого горе и стыдъ, причиняемые раной, отъ которой оба страдали одинаково. Ричардъ сообщилъ Рингрову о послѣднихъ открытіяхъ въ области химіи и біологіи, Рингровъ, въ свою очередь, сообщилъ Ричарду нѣкоторыя мѣстные политическія новости. Но оба знали, что этотъ бойкій разговоръ не что иное какъ комедія, и что, еслибы не стыдно, они-бы ушлись поближе къ камельку и громко застонали. Теперь, присутствіе слугъ заставляло ихъ сдерживаться; изъ гордости они мужественно играли комедію, выказывая спокойное удовольствіе, не обманувшее никого, кромѣ ихъ самихъ. Но съ послѣднимъ стаканомъ вина, представленіе кончилось, они перешли въ кабинетъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, чувствовали себя свободнѣе. Здѣсь Рингровъ сообщилъ своему другу все, что узналъ, не исключая ежедневнаго ходженія къ раннимъ службамъ и еженедѣльной исповѣди Герміона мистеру Ласселю, а также не менѣе достойной исповѣди Виргиніи отцу Трусовоту.

Кончивъ, онъ положилъ руку на плечо своего друга и горячо проговорилъ:

— Вы не примините мнѣ побужденій, какихъ у меня нѣтъ, Фулмертонъ? Вы знаете, какъ я люблю Виргинію и ея мать; но для ихъ пользы я желаю, чтобы вы узнали обо всемъ, что дѣлается, и положили конецъ этому, пока еще не поздно.

Ричардъ ласково протянулъ ему руку.

— Благодарю васъ, — сказалъ онъ тихимъ голосомъ. — Я знаю, чего это вамъ стоило, а вы можете судить, что я чувствую; но благодарю васъ за усиліе, которое вы должны были сдѣлать надъ собой.

Послѣ этого между ними настало долгое молчаніе; а затѣмъ, Ричардъ, взявъ въ руки гипсовую модель человѣческаго мозга, заговорилъ о мозговыхъ вѣтвѣнкахъ Геккеля и о матеріальныхъ условіяхъ мысли.

Поздно вечеромъ вернулись домой Герміона и Виргинія. Онѣ надѣялись-было не застать Рингрова и найти Ричарда полу-соннымъ, и слѣдовательно избавиться отъ споровъ, которые при настоящихъ обстоятельствахъ, были бы непріятны. Дѣлать, однако, было нечего; и если Герміона не желала показаться трусихой, ей приходилось идти на встрѣчу затрудненію, которое она создала сама для себя. Мать и дочь вошли раскраснѣвшія и необыкновенно возбужденныя, подъ впечатлѣніемъ своего духов-

ного объясненія, всю прелесть котораго, въ глазахъ одной, составляло утонченное ухаживанье и романтизмъ, а въ глазахъ другой .религіозная экзальтація и первые начатки тайнаго намѣренія. Мужчины встали и пошли навстрѣчу этимъ дорогимъ имъ женщинамъ, радуясь ихъ возвращенію даже и въ этотъ поздній часъ; но оба были смущены, Рингрову казалось, что онъ предалъ ихъ, Ричардъ сознавалъ, что ему скоро придется быть ихъ обвинителемъ и судьей.

Герміона, желая въ этотъ великій праздникъ быть милосердой даже и въ двухъ отщепенцахъ, вошла съ холодной искусственной улыбкой. Ей казалось, что, входя въ кабинетъ, она обнаруживаетъ необыкновенную доброту. Комната эта всегда была ей противна; но въ эту минуту, въ этотъ день, она, по ея мнѣнію, имѣла болѣе сатанинскій характеръ, чѣмъ обыкновенно. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ и вдругъ остановилась, бросивъ полуиспуганный, полу-презрительный взглядъ на все, что ее окружало. (На столѣ стояли три черепа, первый принадлежалъ чimpanзе, второй диварю, третій европейцу; очевидно, они были разставлены въ этомъ порядкѣ для объясненія какаго-нибудь коннун-ственного пункта сравнительной краіологіи. Анатомическій атласъ лежалъ раскрытый, наполнившія его безобразія казались хорошенькой женщинѣ отвратительными; притомъ она всегда думала, что углубляться въ тайны человѣческаго механизма — преступно, исключая тѣхъ случаевъ, когда человѣкъ собирается сдѣлать медицину своей профессіей и получать деньги за свои непріятныя знанія. Образцы геологическихъ породъ и окаменѣлостей были разбросаны среди костей и скелетовъ рыбъ и пресмыкающихся; микроскопъ былъ наведенъ, электрическая машина раскрыта, вся антипатичная обстановка этого заслуживающаго порицанія храма науки была въ полномъ ходу, самый воздухъ казался пропитаннымъ матеріализмомъ и невѣріемъ. Рингровъ только-что вурлилъ, что не мало усиливало отталкивающее впечатлѣніе, производимое всей картиной; паръ отъ двухъ стакановъ пунша смѣшивался съ запахомъ табаку, сафьянными переносовъ, химическихъ реактивовъ и съ землестнымъ запахомъ геологическихъ породъ и старыхъ костей.

Герміона и Виргинія явились съ праздника, проникнутаго высшей христіанской эстетикой, съ священной музыкой и нѣжными гимнами, съ горячими молитвами въ картинныхъ новахъ, пріятными параллелями съ земной любовью, какъ-бы придающими плоть и кровь духовнымъ стремленіямъ, съ таинственными бесѣдами, съ волненіями и экзальтаціей, съ тѣмъ особаго рода извѣ-

нимъ и не слышимъ голымъ аскетизмомъ, который очаровываетъ женщинъ известнаго характера. Онѣ оставили все это, чтобы войти въ самую грубую, земную атмосферу, гдѣ раскрывалась вся завистливость и грѣховность этихъ двухъ, язычниковъ, самая любовь которыхъ къ нимъ заставляла ихъ содрогаться. Хотя Гермiona желала быть милосердой въ этотъ день и хотя-бы на минуту протянуть черезъ пронасть руку своему нераскаившемуся мужу, ея терпимость не шла такъ далеко, чтобы оправдать подобный грѣхъ.

Хорошенькое личико Гермiony покрывалось яркимъ румянцемъ, Виргинія поблѣднѣла, мужчины остановились на половинѣ комнаты, удивленные выраженіемъ ихъ лицъ, смотрѣвшихъ на нихъ съ такимъ очевиднымъ отвращеніемъ. Но что эти дорогія женщины сдѣлали съ собою? Золотистые волосы Гермiony, украшавшіе ея голову въ видѣ очаровательныхъ локончиковъ, были просто и туго заплетены въ косы; ея платье отличалось простотой на столько очевидной, что даже мужчины должны замѣтить ее; она, изъкогда обѣщивавшая себя цѣлыми, браслетами, бусами на подобіе индійскаго богама, не имѣла никакихъ украшеній кромѣ большого чернаго креста, висѣвшаго у нея на шеѣ—подарка викарія на Рождество. Виргинія всегда просто одѣвалась, но даже ея простота приняла оттѣнокъ строгости, котораго прежде не имѣла; она смотрѣла совершенной монахиней. Это сходство съ монахиней поразило Ричарда и Рингрова.

— Здравствуй, жена, — сказалъ Ричардъ.

— Эти ужасныя вещи! Какъ можешь ты держать ихъ на виду? Виргинія не годится смотрѣть на нихъ! — проговорила она.

— Понятно, что эти вещи не для тебя и нашей дѣвочки, — отвѣчалъ онъ, спокойно закрывая книгу съ анатомическими рисунками. — Перейдемте въ гостиную. Идемъ, Рингровъ.

— Нѣтъ, отъ васъ слышномъ пахнетъ табакомъ. Я не могу позволить такихъ ужасовъ въ моей гостиной, — отвѣчала она съ особеннымъ удареніемъ на словѣ моеѣ. — Какъ можете вы предаваться такой вульгарной привычѣ, — Рингровъ?

— Мнѣ очень досадно, что вы меня поймали, мистриссъ Фуллертонъ, — отвѣчалъ онъ.

— Вы сдѣлались рабомъ и другой привычки, если не остережетесь, — сказала Гермiona, выразительно поглядывая на дымившіеся стаканы съ пуншемъ.

— О, жена! сегодня Рождество, а мы бѣдные, покинутые люди предоставлены нашимъ низшимъ инстинктамъ, — сказалъ Ричардъ, съ насильственной шутивостью.

— Бить можетъ, во всемъ этомъ заключается причина моего одиночества, — сказала она. — Какая порядочная женщина можетъ сочувствовать подобнымъ привычкамъ, подобнымъ занятіямъ.

— Мнѣ очень жаль, что это тебя сердитъ, — сказалъ Ричардъ, уже безъ всякой шутиливости, но серьезно и сжатою и обыкновеннаго. — Въ сущности, жена, ни сигара Рингрова, ни нашъ пуншъ не составляютъ такого необычнаго явленія, чтобы оправдывать твой гнѣвъ. Мнѣ кажется, не дальше какъ въ прошломъ году мы распили чашу въ столовой, и жена моя собственно ручио притюжила намъ напитокъ.

— Нынешній годъ не прошедшій, я тогда дѣлала многое, чего не стала бы дѣлать теперь. — Ну, доброй ночи! — неожиданно проговорила Гермиона. — Пойдемъ, Виргинія, поздно. Доброй ночи, Рингровъ. Мнѣ очень жаль. — Она останавливалась.

— Чего жаль, мистриссъ Фуллертонъ? — спросилъ онъ, не выпуская ея руки.

— Многого, — неопредѣленно отвѣчала она.

Онъ взглянулъ на Виргинію. Виргинія печально смотрѣла на него, ея грустные глаза и полураскрытыя губы какъ-бы вторили словамъ матери. — Она видимо чувствовала себя немошно въ домѣ отца, въ обществѣ своего старата друга, и наружность ея выражала ея чувства.

— Доброй ночи, Рингровъ, — сказала Виргинія; — доброй ночи, папѣ.

— Неужели дочь моя уйдетъ, не поцѣловавъ меня? — сказалъ Ричардъ, протягивая ей руку.

Виргинія нехотя подошла. Хотя онъ былъ ея отцомъ, нѣкогда нѣжно любимымъ, она также охотно приняла бы поцѣлуй Іуды.

Отецъ взялъ ея за холодныя руки и взглянулъ ей въ лицо.

— Взгляни на меня, Виргинія, — сказалъ онъ вротко, — взгляни на меня, дочь моя!

Она поднимала глаза, потемнѣвшіе отъ страха, потомъ тотчасъ же опустила ихъ, какъ человѣкъ, увидавшій что-нибудь отталкивающее.

— Неужели твое сердце такъ отвернулось отъ меня, что ты даже отказываешься поцѣловать меня, не хочешь, какъ бывало, пристально посмотреть мнѣ въ лицо? — спросила онъ.

Она не отвѣчала.

— Говори, Виргинія, скажи мнѣ правду, — сказалъ онъ серьезно, почти сурово.

— Пока вы во враждѣ съ Богомъ, вы отлучены отъ церкви, — проговорила Виргинія, почти шопотомъ, но ясно и отчетливо.

Отецъ вынулъ изъ руки, а Рингровъ невольно закрылъ глаза руками.

— Дети мое! — сказалъ Ричардъ; — неужели ты думаешь угождать Богу, забывая любовь и обязанности къ отцу? Неужели съ твоей же точки зрѣнія плата заповѣдъ не имѣетъ для тебя значенія.

— Онъ пришелъ возстановить дѣтей противъ отца, вѣрующахъ противъ отрицающихъ, — сказала Виргинія тѣмъ же тихимъ голосомъ, какъ человѣкъ, говорящій истину съ сознаніемъ предстоящей смерти. — Любящій первымъ не можетъ любить ея врага.

— Довольно, милая, — отвѣчалъ онъ: — теперь я знаю, что дѣлать. Гермюна, намъ съ тобой надо завтра серьезно переговорить. Теперь слышномъ поздно, но завтра ты и дочь наша должны выслушать меня.

Гермюна наклонила голову, на лицѣ ея мелькнуло полусмугланное выраженіе.

— Это ни въ чему не поведетъ, — сказала она тихимъ голосомъ, выходя изъ комнаты съ дочерью.

— Мама, — воскликнула Виргинія тономъ, полнымъ ужаса и страданія, схвативъ руку матери своей худенькой ручкой и сжимая ее точно въ тискахъ, — вы должны помочь мнѣ уговорить папѣ, должны помочь мнѣ выбраться изъ дому! этого я выносить не въ силахъ! и отецъ Трускотъ, и сестра Агнеса говорятъ, что мой долгъ на время удалиться отъ свѣта. Мама, дорогая мама, помогите мнѣ!

— Что могу, то сдѣлаю, — успокоительно проговорила Гермюна, — но ты сама понимаешь, Виргинія, что это будетъ не легко. Ты знаешь, какъ упорно отецъ твой держится своихъ взглядовъ, и какъ онъ возстановленъ противъ насъ. А пока, милая, старайся не огорчать его болѣе, чѣмъ это необходимо. Онъ такъ всегда любилъ тебя, да въ тому же онъ твой отецъ; помни, Виргинія, онъ твой отецъ, — внятно прибавила она, проповѣдуя ей правила нравственности, которымъ сама не слѣдовала.

— Онъ атенетъ, — сказала Виргинія съ ужасомъ и восторгомъ.

Глава XVIII. — Новое приказаніе.

На слѣдующее утро тяжелая туча нависла надъ обитателями аббатства, почти такая же тяжелая какъ тѣ, которыя бѣгутъ на лебедѣ. Гермюна и Виргинія проснулись съ смутнымъ предвѣщеніемъ.

предстоящихъ тревогъ, Ричардъ съ ощущеніемъ страданія; всѣмъ было понятно, что дню не пройти безъ домашней бури.

Снѣгъ выпалъ за ночь и продолжалъ падать густыми хлопьями; но мать и дочь, по обыкновенію, отправились въ утренней службѣ, хотя Герміона рѣшилась доѣхать частью изъ нежеланія идти по снѣгу, частью изъ-за Ричарда, котораго не хотѣла сердить по-пусту. Это была большая уступка домашнему миру со стороны хорошенькой женщины, для которой ежедневное испытаніе ранней утренней прогулки по холоду облегчалось сознаніемъ, что отецъ-настоятель одобритъ усиліе, которое она надъ собой дѣлаетъ, и принимаетъ ее жертву какъ выраженіе личной въ нему привязанности и неуклонное исполненіе религіозной обязанности. Но сегодня она закуталась въ мѣха и исполнила свою эпитимію безъ особыхъ для себя затрудненій. Еслибъ это было возможно, — она убѣдила бы Виргинію ѣхать съ ней, но смягченіе налагаемыхъ на нее *послушаній* не входило въ религіозную программу дѣвушки, она отправилась пѣшкомъ.

По окончаніи заутрени, Герміона не уходила изъ школьной залы, пережидая тетюшку Екатерину, явившуюся отъ Терезы за разрѣшеніемъ какаго-то вопроса, смущавшаго ее совѣсть.

— Позвольте мнѣ говорить съ вами наединѣ, — встревоженнымъ голосомъ сказала она мистеру Ласселю, когда миссъ Моллиѣ, наконецъ, ушла. — Можете ли вы удѣлить мнѣ минуту?

— Шестидеять, — любезно отвѣчалъ онъ; — двадцать шестидеять, если нужно. Пожалуйста со мной, дорогое дитя.

Онъ провелъ ее въ комнату школьной учительницы, служившую ему ризницей во время службы, а въ случаѣ надобности и исповѣдальной.

— Время моихъ испытаній настало, отецъ-настоятель, — сказала Герміона со слезами на глазахъ. — Мужъ мой что-то знаетъ, и сегодня намѣренъ переговорить со мной, другими словами: хочетъ воспротивиться моему теперешнему образу жизни и запретить Виргиніи жить такъ, какъ она живетъ. Что мнѣ дѣлать?

— Не измѣнять вашей вѣрѣ, — сказалъ мистеръ Лассель довольно сурово.

Она опустила глаза. Онъ видѣлъ, какъ дрожали ея руки, какъ судорожно подергивались ея нѣжныя губки.

— Я знаю, какъ сильно вы любите вашего мужа, какъ вы ему покорны, какъ, до нѣкоторой степени, поклоняетесь ему, — заговорилъ мистеръ Лассель, съ видомъ откровеннѣйшаго простодушія и сочувствія: — но вы должны помнить, что защита вашей религіозной свободы есть болѣе высокая обязанность, чѣмъ

повиновение вашему вселюбленному мужу; и какъ бы вамъ ни было тяжело идти противъ его желаній, вы должны храбро повернуть плечъ въ ранѣ и принести въ жертву ваше истекающее кровью сердце.—Онъ говорилъ съ особенной кротостью, нѣжно, довѣрчиво, сочувственно, давая ей понять, что преднамѣренно забываетъ свои собственные права и ихъ взаимныя отношенія въ ея интересахъ.

— Я прежде такъ любила его—грустно проговорила Герміона, покладая въ ловушку.

Мистеръ Лассель, глаза котораго были такъ прищурены, что между бровями видѣлась одна узенькая, блестящая полоска, улыбнулся сострадательно.

— Бѣднее дитя!—сказала онъ,—если бы вы только знали, сколько горя, сочувствія, восхищенія, вызываетъ во мнѣ ваша страстная любовь! Видѣть преданность такого кроткаго, прелестнаго существа человѣку, исполнѣ недостойному этой высокой признанности, восхищаться привязанностью, какъ восхищаюсь я, до глубины души, и задыхать при мысли о предметѣ ея—едва ли можете вы составить себѣ понятіе о состраданіи и уваженіи, какими превосколнены мои чувства къ вамъ.

Герміона вскинула. Она неловко переставляла ноги, рассматривала швы на перчаткахъ, замѣтила, что одинъ палецъ дурно сидитъ, гладила муфту. Потомъ, точно принявъ внезапное рѣшеніе, подняла глаза на викарія.

— Я прежде такъ любила Ричарда,—повторила она тихимъ голосомъ;—но теперь не люблю.—Мистеръ Лассель широко раскрылъ свои блестящіе глаза и встрѣилъ ея взглядъ. Въ его глазахъ было выраженіе, заставившее ее опустить глаза; деревное торжество, свершавшееся въ нихъ, точно опалило ее, жестокость, сказывавшаяся въ этомъ торжествѣ, возбудила въ ней на минуту состраданіе и страхъ. Она не по прежнему любила Ричарда, но не желала отдать его на жертву въ руки викарія, а между тѣмъ понимала, что она это дѣлала, и теперь раскаявалась въ своемъ признаніи, опасаясь его послѣдствій.

Мистеръ Лассель взялъ ее за руки и привлекъ къ себѣ. Кротно, но твердо заставилъ онъ ее стать на колѣни, склонился надъ ней и шепнулъ что-то, заставившее ее покраснѣть и задрожать, любя и заплакать. Ея горе не смутило его.

— Я призываю вамъ,—отчетливо проговорилъ онъ.—Безъ этого вы будете грѣшницей, отверженной.

— Я и теперь грѣшница; мнѣ не слѣдовало въ этомъ сознаться!—сказала Герміона.

— Не сознаться мнѣ, вашему духовнику? — говорилъ мистеръ Лассель удивленнымъ тономъ. — Бѣдное дитя мое, неужели вы такъ еще плохо понимаете ваши обязанности послѣ всѣхъ мѣръ съ вами хлопотъ?

Она слышала его слова и довольно ясно понимала ихъ умомъ; но сердце болѣло по нѣвогда любимомъ мужѣ...

— Не упрекайте себя, — сказалъ мистеръ Лассель, свободно читавшій въ душѣ ея. — Это прекрасно, это должно было случиться! Вы не могли продолжать любить этого нераскаивающаго атеиста, не отвергнувшись Христа, не опозоривши церкви. Вамъ надо было выбрать себѣ господина. Кого-же выбрать — Бога или человѣка? Церковь или домашній очагъ? Спасителя или мужа? Меня, какъ руководителя вашего на пути ко спасенію, или его, какъ руководителя въ неизбежной погибели? Вы разрѣшили этотъ вопросъ, объявили, какому господину вы намѣрены служить, отрекшись отъ дьявола, посвятили себя Богу. Теперь успокойтесь. Утраченная любовь къ мужу есть прямое дѣйствіе божественной благодати на ваше сердце; она меня успокоила, обрадовала, уяснила вамъ путь, облегчила вамъ крестъ.

Тѣмъ не менѣе слезы продолжали литься изъ голубыхъ глазъ Герміоны. Она со страхомъ думала о предстоящихъ событіяхъ. Она жалѣла, что не открыла способа одновременно служить Богу и мамонтъ, угождать мистеру Ласселю, не огорчая мужа. Ей было такъ тяжело держаться упорнаго противодѣйствія; обманъ, выразившійся молчаніемъ и сдержанностью, имѣлъ для нея такую роковую прелесть, такъ убаюкивалъ ее, отъ природы не любившую борьбы! Какая жалость, думалось ей, что дѣло дошло до кризиса, что ей приходится выбрать себѣ роль и держаться ея! Какъ жалъ, что она не можетъ жить какъ хочетъ, а мужъ не слѣпъ по прежнему! Дѣлать, однако, было нечего, и Герміона вышла отъ викарія въ глубокомъ горѣ, связанная по рукамъ и ногамъ приказаніемъ духовника отстаивать свои убѣжденія безъ малѣйшихъ колебаній, но до смерти боясь предстоящаго испытанія.

Положеніе Виргиніи было иное, въ ней не таилось мало-душнаго желанія показать себя не такою, какою она была. Ей жалъ было огорчать отца, но было-бы еще болѣе жалъ отступиться отъ своей вѣры. Религіозность ея уже тѣмъ была искреннѣе, что въ ней не было примѣся личного чувства, кромѣ дочерней привязанности, которую она питала къ сестрѣ Агнесѣ и отцу Трускоту. Поэтому исходъ предстоящей борьбы съ отцомъ былъ уже предусмотрѣнъ; еслибъ она должна была кончиться даже

слабымъ видомъ мученичества, какое можетъ причинить самая крайняя вѣтерпимость девятнадцатаго столѣтія, то и тогда она остается вѣрной себѣ.

Уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Виргинія ежедневно ходила къ ранней, утренней службѣ. Шаль-ли снѣгъ, свѣтило-ли солнце, дулъ вѣтеръ, лилъ дождь, падалъ градъ, болѣла у ней голова, или она была совершенно здорова, ее всегда можно было видѣть на ея мѣстѣ; и прогулка эта, часто непріятная, составляла часть религіозной экзальтаціи, среди которой она жила. Когда она вернулась домой, въ запорошенномъ снѣгомъ платьѣ, съ мокрыми ногами, отецъ встрѣтилъ ее въ залѣ.

— Гдѣ-ты была, Виргинія?—спросилъ онъ, когда она вошла, сдерживая у дверей снѣгъ съ платья и кофточки.

— У заутрени, папá,—отвѣчала она.

— Съ ума ты сошла, что-ли, дитя мое; что выходишь въ такую погоду, когда ты уже и безъ того не совсѣмъ здорова?—сказалъ онъ довольно строго.

— Никому не можетъ быть вредно ходить въ церковь, а моя простуда самая легкая,—отвѣчала Виргинія, вѣсело не выходящимъ, но серьезнымъ и спокойнымъ тономъ.

— Послушай, Виргинія; я запрещаю тебѣ ходить къ этой ранней службѣ.

Дѣвушка поблѣднѣла, но не отвѣчала. Въ эту самую минуту Герміона подѣхала къ дверямъ; слуги столпились въ залѣ, и Ричарду пришлось удовольствоваться тѣмъ, чтобы съ серьезнымъ лицомъ высадить жену изъ экипажа, причемъ оба хранили знаменательное молчаніе.

Завтракъ прошелъ въ томъ-же мертвомъ молчаніи; по окончаніи его Ричардъ обратился къ женѣ:

— Мнѣ сегодня надо поговорить съ тобой о нашей дочери; впрочемъ, намъ слѣдовало-бы поговорить наединѣ. Оказывается, что съ нашей Виргиніей произошло многое, о чемъ я не зналъ и даже не подозрѣвалъ, чего я положительно не одобряю и что не менѣе положительно запрещаю.

Онъ остановился. Герміона, играющая чайной ложечкой, не подняла глазъ.

— Чего ты не одобряешь?—спросила она, понимая, что надо-же что-нибудь сказать.

— Во-первыхъ, этого ежедневнаго ходенія къ заутренѣ, а во-вторыхъ, того, что у нея завелся по вашему *руководитель*, а говоря языкомъ простыхъ людей—духовникъ.

— Папá!—сказала Виргинія,—я не могу не ходить къ за-

утренѣ; даже еслибъ у насъ дома ежедневно совершалась общая молитва, я сочла-бы для себя лишніемъ отказаться отъ службы въ церкви; но когда и этого нѣтъ, это было-бы просто грѣшно! Не могу, право не могу, папѣ!

— Твой долгъ повиноваться мнѣ, дитя мое,—сказалъ онъ.— Я твой отецъ и лучший руководитель, котораго ты можешь имѣть, потому уже, что онъ данъ тебѣ природой.

— Нѣтъ, папѣ, мой долгъ повиноваться Богу и церкви.

— Не думаю, чтобы тебѣ удалось заставить Виргинію отказаться отъ своихъ религіозныхъ правъ, — неутвердѣннымъ голосомъ сказала Герміона. — Жизнь приобрѣла для нея новый смыслъ съ тѣхъ поръ, какъ, подготовленная сестрой Агнесой, она стремится въ спасенію подъ руководствомъ отца Трускота.

— Можетъ быть; тѣмъ не менѣе я это запрещаю — моею отцовскою властью. Никакому духовнику не позволю я стать между мной и моею дочерью, между мной и моею женой.

Герміона вспыхнула, а Виргинія такъ взглянула на отца, точно онъ произнесъ ей смертный приговоръ.

— Папѣ!—сказала она страдальческимъ голосомъ: — вы не знаете, что дѣлаете!

— Слишкомъ хорошо знаю, дитя мое,—отвѣчалъ онъ.— Я стараюсь защитить тебя отъ твоего собственнаго невѣдѣнія и отъ безсовѣстныхъ людей,—отъ людей, которые ни болѣе ни менѣе, какъ духовные шарлатаны, имѣющіе претензію на могущество, противорѣчащее всѣмъ извѣстнымъ законамъ. Они, напримѣръ, могутъ прощать грѣхи и обезпечивать душѣ принятіе ея въ царство небесное! изъ ихъ рукъ исходятъ какія-то божественныя испаренія, сообщающія ту-же способность другимъ, и передающія ту-же чудотворную силу отдаленнѣйшимъ поколѣніямъ! Вотъ отъ этихъ-то пустяковъ, дитя мое, желалъ-бы я защитить тебя и отъ всего, что они производятъ.

— Ричардъ!—воскликнула возмущенная Герміона:—въ тебѣ не осталось ни стыда, ни чувства приличія!

Виргинія, съ растеряннымъ видомъ, подвинулась съ своего мѣста.

— Папѣ, слушать васъ грѣхъ,—сказала она.

— Останься, Виргинія,—строго проговорилъ отецъ. — Сиди, пока я не позволю тебѣ уйти.

— Что ты вдругъ дѣлаешься тираномъ?—гнѣвно воскликнула Герміона.

— Если тебѣ угодно называть меня такъ—да, тираномъ,—сказалъ онъ. — Во всякомъ случаѣ, я намеренъ упогребить въ дѣло свою власть хозяина дома, охранителя семьи, и положить ко-

пасть беспорядкамъ, которые проникли въ нее. Желаю, чтобъ вы объ меня поняли, и ты, жена, и ты, дитя мое, я запрещаю ходить въ заутреннѣ, я запрещаю еженедѣльную исповѣдь. Тебѣ, Виргинія, я приказываю исполнить мою волю, тебѣ, Герміона, слѣдить за этимъ.

— У меня есть другая высшая обязанность, — тихимъ голосомъ сказала Виргинія. — То, что дѣлали древніе святые и мученики то же должна дѣлать и я, мнѣ приходилось страдать за свою вѣру, и я пострадаю за свою, если вамъ угодно довести меня до этого, папѣ.

— Ты хочешь сказать, что ослушаешься меня, Виргинія? — спросилъ онъ.

Виргинія опустила глаза. Она дотронулась до распятія, скрывавшагося на груди ея, прошептала молитву, потомъ подняла свои ясные голубые глаза, въ нихъ незамѣтно было вызова, а видѣлась только сморъ, свойственная одной изъ тѣхъ идеальныхъ дѣвъ-мученицъ, преданія которыхъ она какъ-бы продолжала въ современной жизни.

— Вы восстаете противъ церкви, вы прокляты, — сказала она. — Я должна ослушаться Бога или васъ, — но Богъ больше отца.

— Теперь ступай, дитя мое, — сказалъ онъ, послѣ паузы, продолжавшейся нѣсколько минутъ. — Я получилъ твой отвѣтъ, а ты — мое приказаніе.

Онъ былъ озадаченъ и не зналъ, какъ держать себя. Отвѣтъ дѣвушки былъ такъ зорень, такъ чуждъ колебаній, всякихъ личныхъ соображеній, опираясь на такія высокія основанія, что онъ сознавалъ всю безполезность борьбы съ нею; не только бесполезность, но и затруднительность. Онъ не могъ превратиться въ тирана, запереть ее въ ея комнату, обращаться съ ней, какъ съ преступницей или арестанткой. Если она хочетъ бросать ему вызовъ, какъ можетъ онъ помѣшать этому?

Оставалась, правда, Герміона; онъ рѣшился обратиться къ ней.

— Жена, — сказалъ онъ, когда они остались наединѣ: — ты должна помочь мнѣ убѣдить нашу дѣвочку. Ты должна бросить всѣ эти глупости, голуба, и снова занять свое прежнее мѣсто моей разумной помощницы. Возбужденіе дѣвушки легко побѣдить и извинить. Она не боится какъ ребенокъ, и если ты, ее мать, примешься за нее, все обойдется благополучно.

— Не могу, — сказала Герміона. — Виргинія права въ своемъ желаніи до конца жить религіозной жизнью; отецъ Трускотъ для нея хорошій и разумный руководитель.

— Жена! я не желаю быть ни рѣзкимъ, ни несправедливымъ,—сказалъ онъ:—но какъ могла ты допустить себя, допустить дочь свою до этого возмутительнаго обряда—исповѣди! Въ чемъ такой дѣвухи, какъ она, исповѣдываться? что можешь ты въ тайнѣ сообщать кому-бы то ни было—ты, имѣющая мужа, которому можешь довѣрять всѣ твои мысли и чувства?

— Всѣ мои мысли и чувства *тебѣ*?—сказала Гермиона. — Развѣ я могу говорить съ тобой о моемъ поклоненіи св. тайнамъ, о моей надеждѣ на заступничество Богоматери. Ричардъ, самая эта мысль—богохульство!

— Ты хочешь сказать, что обряды, которыхъ ты придержи-
ваешься, твои фантастическія вѣрованія нелѣпы... — презрительно замѣтилъ онъ.

— Ты хоть кого возмущаешь!—съ гнѣвомъ сказала Гермиона. —У меня кровь кипитъ, слушаая тебя! Одного бы я только желала — чтобъ мы съ Виргиніей могли оставить этотъ домъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока настроеніе твое не измѣнится и ты не перестанешь оскорблять насъ твоимъ ужаснымъ безбожіемъ.

— Вы теперь за это намѣрены приняться? — спросилъ Ричардъ, въ которомъ внезапно явилось подозрѣніе.

— Это было бы полезно для Виргиніи, хотя я къ несчастію принуждена остаться,—отвѣчала она. — Сестра Агнеса желаетъ, чтобъ она, на короткое время, поѣхала съ нею въ С. Это развлекло бы ее, бѣдняжку, а такъ какъ она будетъ конфирмизаться на паскѣ, то очень полезно было бы посвятить нѣкоторое время занятіямъ и приготовленіямъ къ этому святому дѣлу.

— Она не поѣдетъ съ миссъ Ласселъ!—сказалъ онъ:—и я не допущу никакихъ комедій, въ родѣ конфирмацій, у себя въ семьѣ.

— Такъ ты дѣйствительно намѣренъ тиранствовать надъ дочерью? Это довольно странно при твоихъ принципахъ относительно свободы и личныхъ правъ!

Она засмѣялась короткимъ смѣхомъ.

— Не тиранство мѣшать ребенку, хотя бы противъ его воли, губить себя,—сказалъ онъ.—Подъ мнимой свободой не слѣдуетъ понимать разрѣшенія совершить надъ собой нѣчто хуже нравственнаго и умственнаго самоубійства.

— Это твой взглядъ на вопросъ,—сказала Гермиона. — Мы же думаемъ, что живемъ высшей жизнью, чѣмъ та, которую ты можешь намъ предложить съ твоимъ матеріализмомъ, что вѣра выше разума, и что мы отстранились бы отъ Господа нашего, еслибъ

повиновались тебѣ. Я съ Виргиніей заодно, и тебѣ не полагать ни ее, ни меня.

— Значить я, мужъ и отецъ, не имѣю никакого вліянія?

— Никакого, — сказала Герміона, думая о мистерѣ Ласселѣ и черпая силу въ этой мысли. — Ты безбожникъ.

— Неужели ты разлюбила меня, жена?

Онъ былъ очень блѣденъ, предлагая этотъ вопросъ.

Герміона была глубоко взволнована. Тяжело было отвѣчать на вопросъ, поставленный такъ прямо.

— Я не люблю тебя такъ, какъ любила, — сказала она тихимъ голосомъ: — меня слишкомъ огорчаетъ и возмущаетъ твое невѣріе.

— И религія, разрывающая священнѣйшія узы, разрушившая счастливѣйшій домашній очагъ въ цѣлой Англіи, по-твоему добрая и святая? и человѣкъ, приведшій тебя въ отреченію отъ твоихъ брачныхъ узъ, по-твоему мудрый и благородный руководитель? По-моему нѣтъ, да и ты сама должна признать, что: *по плодамъ ихъ узнаете ихъ* — изреченіе знаменательное.

— Не могу я слышать изъ твоихъ устъ словъ священнаго писанія, — сказала Герміона: — на одинъ этотъ текстъ я могла бы привести двадцать, оправдывающихъ насъ и осуждающихъ тебя. Мы должны служить Богу больше, чѣмъ человѣку, и предпочитать божественную любовь всѣмъ видамъ человѣческихъ привязанностей.

Вѣчно одно и то же, вѣчно та же неумовимая, но непреодолимая преграда! Что тутъ дѣлать? Свѣтъ вдругъ превратился для Ричарда Фуллертона въ заколдованный лѣсъ, гдѣ нѣтъ ни тропинки, ни выхода, гдѣ съ каждымъ шагомъ только больше сбиваешься съ дороги.

— Ты говоришь мнѣ это спокойно, жена, — сказалъ онъ, стараясь говорить твердо, хотя голосъ его, несмотря на всѣ усилія, дрожалъ и прерывался. — Въ твоей любви я когда-то былъ также увѣренъ какъ въ томъ, что завтра будетъ свѣтитъ солнце, а теперь ты позволила этому пришлецу стать между нами и отнять тебя у меня. Ты ему исповѣдуешься, ему повинуешься, въ него вѣруешь; если ты не любишь его такъ, какъ жена не должна любить никого вромѣ мужа, то это потому, что ты слишкомъ добра и чиста, чтобы питать преступную страсть; но ты даришь ему лучшія сокровища твоей любви, все то, чѣмъ бракъ отличается отъ грубой чувственности, ты ограбила меня, чтобы обогатить его. Ты смотришь на него глазами, ослѣпленными страннымъ фанатизмомъ. Новый порядокъ вещей увлекъ тебя,

какъ увлечь и нашу дочь; но, пока еще не поздно, послушайся меня, твоего мужа, друга, защитника! Вернись ко мнѣ, жена! Безлюбленная моя, вернись ко мнѣ! Будь снова самой собою, пока ты не разбила мое сердце и не измѣнила собственной чистотѣ своей!

Онъ подошелъ къ ней, обнявъ ее.

— Жена! — молилъ онъ: — взгляни мнѣ въ глаза также честно, какъ бывало, позволи твоему сердцу говорить за меня!

Но она опустила глаза, отвела его руки и, дрожа всѣмъ тѣломъ, тихонько освободилась изъ его объятій.

— Теперь поздно, — сказала она. — Ты врагъ церкви, и съ моей стороны было бы грѣхомъ, еслибъ я продолжала любить тебя, какъ любила, или осталась для тебя тѣмъ, чѣмъ была!

Она закрыла лицо руками и громко зарыдала. Онъ снова обнялъ ее, цѣловалъ съ прежней юношеской нѣжностью, цѣловалъ ее голову, шею, лицо, руки, но милые ласки, въ которыхъ она когда-то находила все свое счастье, теперь наполняли душу ее страхомъ; она снова съ содроганіемъ отвернулась отъ него.

— Нѣтъ! — сказала она, протягивая впередъ руки, точно желая оттолкнуть его; — никогда не бываю намъ другъ для друга тѣмъ, чѣмъ мы были. Я призналась тебѣ сегодня, что уже болѣе не люблю тебя какъ любила; вся наша жизнь теперь должна измѣниться.

Ричардъ молчалъ. Брожденное достоинство мужчины пришло ему на помощь. Онъ подошелъ къ окну и простоялъ тамъ нѣсколько времени, глядя на падавшій тусклыми хлопьями снѣгъ, на печальное сѣрое небо. Потомъ онъ снова обратился къ женѣ.

— Скажи мнѣ, — сказалъ онъ, — и скажи мнѣ съ твоей прежней искренностью — ты никогда еще не бывала обманщицей, Гермiona, а едва ли твоя новая религія видитъ во лжи святиню, — что эта разлука наша произойдетъ по твоему собственному побужденію или по чужому совѣту, — быть можетъ, *приказанію*?

Гермiona смотрѣла въ сторону въ сильномъ смущеніи. Съ усиліемъ приподнявъ опущенныя брови, она вслѣнула въ лицо мужу.

— Мой духовникъ запрещаетъ мнѣ быть твоей женой, — сказала она.

— Мистеръ Лассель?

— Да, отецъ настоятель.

— Спасибо, — сказалъ Ричардъ не своимъ голосомъ. — Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать.

Нѣсколько минутъ оба молчали.

— Не бойся, голубка, — кротко сказала онъ, наконецъ, — я не буду надѣбать тебѣ любовью, которая сдѣлалась тебѣ неприятна. Только вѣрь и знай, что я для тебя тотъ же, какимъ былъ сначала, какимъ оставался всю жизнь. Когда я тебѣ буду нуженъ, ты найдешь меня.

Онъ протянулъ ей руку, нѣжно пожать ея ручку, глядя ей въ лицо долгимъ, долгимъ взглядомъ человека, прощающагося на вѣки. Потомъ онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты, и черезъ нѣсколько минутъ шелъ по улицѣ, не обращая вниманія на валившій снѣгъ, съ трудомъ пролагая себѣ дорогу — куда?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I. — Нога въ ногу.

Дуль рѣзкій вѣтеръ, снѣгъ валилъ; но Ричардъ, не замѣчавшій вовсе міра внѣшняго, утратившій способность ощущать какія бы то ни было неудобства, не замѣчалъ ни того, ни другого, поспѣшно подвигаясь впередъ. Страданіе, переполнявшее его сердце, подавляло всѣ прочія чувства, онъ также былъ равнодушенъ къ состоянію погоды, какъ равнодушенъ несчастный, мучающійся на вострѣ, къ тому — во мракѣ ли ночи, или при яркомъ свѣтѣ полуденнаго солнца горить его тѣло. Онъ сознавалъ только одно: что его прежняя жизнь, жизнь, полная мира, любви, почета, неожиданно кончилась, что жена и дочь отделились отъ него по настоянію пришепца, въ котораго онъ вѣрилъ больше, чѣмъ вѣрилъ въ него. Онъ съ горечью сознавалъ, что врагъ оказался сильнѣе его. А теперь, что оставалось ему дѣлать? Бѣдному развѣнчанному королю, котораго любовь нѣкогда помазала на царство, а фаворитъ лишилъ власти! Что дѣлать? Какъ возвратить себѣ утраченное? Какъ удержать то, что еще осталось въ рукахъ? Не зная куда онъ идетъ, онъ механически подвигался впередъ, перебирая въ умѣ различные планы дѣйствій и не попадая ни на одинъ сколько-нибудь осуществимый, не приходя ни къ какому удовлетворительному заключенію. Конечно, онъ могъ выѣхать отсюда, бросить свою работу, передать свои обязанности управляющему, создать для себя и семьи своей новую жизнь въ другомъ мѣстѣ; но что пользы въ этомъ? Эти рововыя клерикальные сѣти разставлены повсюду; куда онъ мысленно ни обращался,

вездѣ видѣлъ тѣ же смертоносныя вліянія, витающія надъ тѣми, кто дороже ему всего на свѣтѣ.

Нельзя было предположить, чтобы вся эта перемена въ Герміонѣ и Виргиніи зависѣла исключительно отъ мистера Ласселя и сестры Агнесы, хотя эти несомнѣнно были первыми двигателями въ «обращеніи»; которому придавали такое большое значеніе, и до сихъ поръ оставались средоточіемъ, вокругъ котораго вращалось все остальное. Тѣмъ не менѣе Ричардъ не могъ надѣяться на то, что еслибъ онъ даже увелъ ихъ изъ Кроссгольма, его дорогія ослѣпленные энтузіастки отступились бы отъ своего «христіанства», возвратились-бы къ своей прежней терпимости, къ своему прежнему равнодушію. Побѣдка за границу могла-бы принести нѣкоторую пользу въ томъ отношеніи, что пресѣкла-бы исключительное вліяніе одного человѣка; но она не уничтожила-бы ихъ вѣры въ самое ученіе, не ослабила-бы вліянія признанныхъ проповѣдниковъ его, — такъ что и это не возстановило бы прежней жизни.

А что, если онъ рѣшитъ ѣхать, а онѣ откажутся? Герміона, находящаяся подъ вліяніемъ мистера Ласселя, который держитъ совѣсть ея зажатой въ ладонь, легко можетъ отказаться за себя и за дочь; и не можетъ-же онъ силой принудить ихъ повиноваться? Не переговорить-ли съ мистеромъ Ласселемъ? но въ какомъ тонѣ? бросить ему вызовъ, или хладнокровно рассуждать съ нимъ о неудобствахъ и нецелесообразности подобнаго вторженія въ чужой домъ? Неужели забыть свою гордость и достоинство, унизиться до жалобной мольбы о состраданіи? Не опереться-ли на святость брачныхъ узъ, на права отца? Чего онъ ни предумывалъ, онъ ни въ чемъ не видѣлъ никакой надежды на успѣхъ. Викарій сложилъ свои длинныя, бѣлыя руки кончиками пальцевъ, опустил свои нѣжныя вѣки, улыбнулся своей любовно-виноватой улыбкой, потомъ скажетъ своимъ ровнымъ голосомъ, что его печальный долгъ огорчать невѣрующихъ, что какъ служитель Слова онъ обязанъ извлечь мечъ, который Божественный Учитель его, Князь Міра, принесъ въ міръ, и употребить его противъ безбожниковъ, для навазанія которыхъ онъ сдѣланъ и отточенъ. Его пастырскій долгъ спасать драгоценныя души, о погибелѣ которыхъ всячески хлопочутъ агностицизмъ и современная наука. Онъ въ своемъ правѣ какъ священникъ, въ предѣлахъ закона какъ гражданинъ; убѣжденія были-бы также тѣотны какъ и мольбы, также бесполезны какъ угрозы. Лассель взглянетъ на него, его тонкія губы сложатся въ презрительную улыбку, онъ скажетъ, что сочувствуетъ человѣку, находящемуся въ такомъ не-

пріятномъ положеніи и охотно-бы помогъ ему выдти изъ него, еслибъ могъ,—онъ пожалуй и можетъ, но однимъ только путемъ. Въ этого пути онъ ничего сдѣлать не можетъ; а у него, Ричарда, не было ни пяди земли, на которой онъ могъ-бы противостоять ему. Все это Ричардъ зналъ наизусть, все это страшно затрудняло его дѣйствія. Поле было такъ узко, рука его такъ ослабѣла, врагъ такъ отлично окопался. Но дѣла не могли продолжаться такъ, какъ шли теперь, онъ долженъ сдѣлать усиліе, чтобъ остановить ихъ прежде, чѣмъ окончательно покориться—если поворотиться необходимо. Онъ живо чувствовалъ весь стыдъ, всю унижительность своего положенія въ этой борьбѣ изъ-за близкихъ ему женщинъ. Онъ, мужъ и отецъ, вынужденъ бороться, хотя такимъ лишь оружіемъ, какъ доказательства, споры, гнѣвъ, противодѣйствіе воли,—но все-же бороться изъ-за любви жены своей, изъ-за повиновенія дочери. Это постыдно, унижительно! Могучій потокъ его отчаяннаго негодованія унесъ съ собой всякую философію. Его любимые принципы, отстаивающіе права личности, права всякаго человѣческаго существа развиваться по своему усмотрѣнію, свободу совѣсти, равенство женщины, все рухнуло передъ безобразіями настоящаго. Еслибъ явная, грубая сила могла возвратитъ этихъ дорогихъ ему женщинъ на путь истины и разума, онъ употребилъ-бы ее, какъ помѣшалъ-бы самоубійству сумасшедшаго, связавъ ему руки веревками, или, въ случаѣ надобности, сурово остановилъ-бы ребенка, безпечно бѣгающаго по краю пропасти. Но онъ ничего сдѣлать не могъ. Пока онъ спалъ спокойно, онѣ отдали его связаннаго въ руки непріятеля. Онъ не сердился на нихъ, его сердце не возмущалось противъ нихъ за все, что онѣ надѣлали. Его обидѣлъ, оскорбилъ этотъ пришлецъ, этотъ священникъ, ворвавшійся къ нему въ домъ и причинившій ему стыдъ и горе. Еслибъ онъ могъ убить его, какъ убиваютъ пресмыкающихся, онъ-бы убилъ, но онъ былъ безсиленъ. Руки его были связаны; неправда, которую онъ не могъ ни наказать, ни предотвратить, должна идти своимъ путемъ. Свѣтъ продолжаетъ допускать нѣкоторые виды тиранніи и несправедливости, продолжаетъ требовать, чтобы жертва преклонялась передъ Цезаремъ, и этотъ клерикальный палачъ, этотъ христіанскій Кайнъ, этотъ, хуже чѣмъ убійца, будетъ жить и разрушить еще много домашнихъ очаговъ, погубить много жизней, разобьетъ сердца многихъ мужчинъ, подорветъ добродѣтель многихъ женщинъ, и никакой законъ не коснется его, никакая рука не ударитъ!

Продолжая идти, ничего не слыша и не видя, съ глазами,

устремленными на блѣдшую передъ нимъ дорогу, но не замѣчавшими куда она ведетъ, онъ дошелъ до дверей викаріата и, не колеблясь и не задумываясь, сильно дернулъ звонокъ.

— Я пришелъ къ вамъ по необходимости, — сказалъ Ричардъ, входя въ кабинетъ; гдѣ онъ засталъ мистера Ласселя сидящимъ у камина съ газетой въ рукахъ.

Комната, въ которой онъ находился, хотя и просто меблированная, согласно съ законами изящнаго аскетизма, которыми руководствовался викарій, была тепла, уютна, а самъ красивый священникъ, сидящій передъ ярко-пылавшимъ каминомъ, былъ также изященъ какъ и его комната. Какъ мало походилъ онъ на этого блѣднаго, измученнаго, полу-обезумѣвшаго человѣка, который вошелъ шатаясь, точно разбитый бурей челнъ, выброшенный на мирный берегъ!

Мистеръ Лассель всталъ, когда онъ вошелъ, съ усиленіемъ скрывая свое удивленіе; у него просто духъ захватило отъ торжества.

— Очень радъ васъ видѣть, — сказалъ онъ съ изысканной вѣжливостью и полнымъ самообладаніемъ, но руки не протянулъ. Протяни онъ ее, Ричардъ бы ее не взялъ.

— Я желаю сказать вамъ нѣсколько словъ, — медленно сказалъ Ричардъ.

Оба стояли — мистеръ Лассель у камина, мистеръ Фуллертонъ у стола.

— Съ удовольствіемъ готовъ васъ слушать, — любезно сказалъ викарій. — Присядьте.

— Нѣтъ, коротко отрѣзалъ Ричардъ. — Я предпочитаю стоять.

— Какъ вамъ угодно, — возразилъ мистеръ Лассель, садясь самъ; передъ его довольными взорами проносился образъ Герміоны, съ красивымъ, раскраснѣвшимся личикомъ, выражавшимъ то же самое, что оно выражало сегодня утромъ, когда она, застычиво глядя на него, призналась, что уже не любитъ мужа, какъ любила. Теперь этотъ мужъ явился самъ, и зачѣмъ бы онъ ни пришелъ, просить или усовѣщивать, спорить или упрекать, во всякомъ случаѣ это было торжество и признакъ побѣды.

— Вы такъ распоряжаетесь у меня въ домѣ, мистеръ Лассель, что этого не вынесъ бы ни одинъ честный, уважающій себя человѣкъ, — началъ Ричардъ.

— Я дѣлаю, что могу, — съ сухимъ смиреніемъ возразилъ мистеръ Лассель, какъ человѣкъ, отстраняющій похвалы, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознающій, что онъ ихъ заслужилъ.

— Дѣлаете, что можете, чтобъ оторвать отъ меня жену и дочь, ослабить ихъ привязанность и уничтожить мое вліяніе?

— Именно, — отвѣчалъ онъ.

— По крайней мѣрѣ, вамъ нельзя отказать въ откровенности, доходящей до цинизма, — сказалъ Ричардъ.

— Въ чемъ я уподобляюсь вамъ, — съ улыбкой возразилъ викарій.

— Постарайтесь понять другъ друга, мистеръ Лассель.

Викарій положилъ ногу на ногу, сложилъ руки кончиками пальцевъ и состроилъ серьезно-внимательную мину. Какъ ни непріятель, какъ ни ужасенъ во всѣхъ отношеніяхъ этотъ атеистъ, какъ ни безнадежно его дѣло, онъ долженъ убѣдиться въ неизсякаемыхъ сокровищахъ христіанской привѣтливости, въ томъ, что избранные могутъ быть любезны и съ отверженными.

— Я только-что узналъ, до исполненія какихъ обрядовъ вы довели мою жену и дочь, — продолжалъ Ричардъ: — онѣ ежедневно ходятъ въ службѣ, еженедѣльно пріобщаются на-тощахъ, вы заставляете ихъ исполнять различныя унизительныя обязанности, по крайней мѣрѣ, дочь мою; а главное, онѣ исповѣдуются. Всего этого я терпѣть не намѣренъ. Этому надо положить конецъ, я запрещаю вамъ всякое дальнѣйшее вмѣшательство въ дѣла тѣхъ, за чье поведеніе я отвѣтствую, чьи дѣйствія затрагиваютъ мою репутацію и честь не менѣе ихъ собственной.

— Вы не можете запретить мнѣ пользоваться моимъ вліяніемъ на мистриссъ и миссъ Фуллертонъ, и не можете помѣшать имъ уступать этому вліянію, — сладко проговорилъ Лассель.

— Я въ своемъ домѣ — господинъ, — сказалъ Ричардъ.

Викарій улыбнулся. Онъ посмотрѣлъ на свои бѣлыя, тщательно-вымытыя руки, осмотрѣлъ свои ногти, потомъ внезапно поднималъ глаза и устремилъ ихъ прямо на лицо мистера Фуллертона.

— Нѣтъ, — рѣшительно проговорилъ онъ, — вы въ своемъ домѣ не господинъ, мистеръ Фуллертонъ, по той простой причинѣ, что у васъ нѣтъ дома, гдѣ вы могли бы быть господиномъ.

— Вы съ ума сошли! — воскликнулъ Ричардъ, дѣлая шагъ впередъ.

— Нѣтъ, насколько мнѣ извѣстно, я просто заявляю фактъ, — возразилъ викарій спокойнымъ, полунасмѣшливымъ тономъ. — Нужно ли мнѣ напоминать вамъ, мистеръ Фуллертонъ, что вы здѣсь въ Кроссгольмѣ не имѣете никакого юридически-признаннаго положенія, ни клочка земли, которую могли бы назвать своей собственной, никакой власти надъ женой и дочерью? Попробуйте! — продолжалъ онъ, возвышая голосъ и поднимая руку, чтобъ остановить Ричарда, собиравшагося заговорить. — Попробуйте!

тесъ! и вы докажете, что я правъ и погубите собственное дѣло. Если вы попытаетесь помѣшать вашей дочери въ исполненіи ея религіозныхъ обязанностей, ея мать—руководимая моими совѣтами—привесетъ свою жалобу въ судъ, и вы будете лишены всякой власти. По закону вы—атеистъ, котораго можно уличить въ явное богохульствѣ, и который не станетъ—за что я васъ уважаю—отрицать публично того, что утверждалъ въ интимномъ кружкѣ; вы, — отступникъ и безбожникъ, — не имѣете голоса въ нравственномъ воспитаніи вашей дочери, какъ не имѣете никакихъ правъ на имущество жены, кромѣ простого содержанія, которое не допустило бы васъ обременить собою приходъ. Вамъ, можетъ быть, тяжело слышать эти истины; но это—истины, и чѣмъ ближе вы ихъ примете къ сердцу, тѣмъ вѣроятнѣе, что вы, по собственному побужденію, впадете въ нищету, или причините намъ затрудненія, вынудивъ насъ, въ видахъ самозащиты, прибѣгнуть къ враждебнымъ дѣйствіямъ. Куда вы ни обратитесь, у васъ нѣтъ точки опоры. Вы изъяли себя не только изъ лона христіанской церкви, но и изъ-подъ болѣе широкаго покровительства гражданскихъ законовъ. Возжи въ рукахъ жены вашей, хотя она до сихъ поръ позволяла вамъ держать ихъ; даже дочь ваша освобождается отъ предписаннаго ей природой повиновенія, и никого за это винить нельзя, кромѣ васъ самихъ. Теперь позвольте мнѣ кончить совѣтомъ—скорѣй въ вашихъ интересахъ, чѣмъ въ нашихъ. Уступите новому порядку вещей, и васъ будутъ великодушно выносить; попробуйте бороться, и вы будете побѣждены. На нашей сторонѣ не только слово Божіе, но парламентъ и судъ; предупреждаю, что мы, въ случаѣ необходимости, воспользуемся своимъ авторитетомъ. Справедливость требуетъ, чтобъ я вамъ это заявилъ, но большаго и она не требуетъ.

Кротость, самообладаніе, благоразуміе, философія несомнѣнно были выдающимися чертами въ характерѣ Ричарда Фуллертонъ. Онъ воспиталъ въ себѣ эти качества; любовь и спокойствіе были его учителями. Но тотъ, кто могъ бы читать въ его сердцѣ въ настоящую минуту, не нашелъ бы въ немъ много кротости или философскаго терпѣнія. Одна только издавна вкоренившаяся привычка къ самообладанію помѣшала ему схватить этого дерзкаго священника за горло и задушить его, пока онъ сидѣлъ и разглагольствовалъ о его позорѣ и пораженіи, смакуя ихъ точно лакомый кусокъ. Онъ стоялъ передъ нимъ, борясь со своимъ гнѣвомъ и стыдомъ, недоумѣвая, почему не можетъ онъ убить этого человѣка, какъ убилъ бы тигра, собирающагося прыгнуть на него, или пританывающаго диваря, натягивающаго

тивую. Впослѣдствіи, при воспоминаніи объ этой минутѣ, для него всегда было тайной, какъ могъ онъ настолько побѣдить свой природный инстинктъ, чтобы оставить жизнь этому безстыдному челоѣку. Молча, съ высоко вздымающейся широкой грудью, съ сжатыми руками, съ крѣпко-стиснутыми полными, добродушными губами, съ опущенными глазами, стоялъ онъ, нравственный атлетъ, борющійся съ хищными звѣрами бѣшенства и отчаянія. Мистеръ Лассель, полу-закрывъ глаза, слѣдилъ за нимъ, недоумѣвая, чѣмъ все это кончится. Ричардъ физически былъ сильный челоѣкъ, и легко могъ быть опаснымъ, тѣмъ болѣе, что жгучее страданіе имѣетъ непріятное свойство заставлять джентльменовъ забывать свою благовоспитанность и разнуздывать природныя страсти, обузданіе которыхъ входитъ въ кругъ ихъ общественныхъ обязанностей.

Наконецъ Ричардъ настолько овладѣлъ собою, что могъ говорить.

— Планъ вашихъ дѣйствій хорошо составленъ, — принужденно сказалъ онъ. — Вы, не колеблясь, высказываете ваши условія.

— Я зналъ, что вы предпочтете откровенность, — съ похлестливымъ видомъ возразилъ викарій. — Между порядочными людьми — истина всего лучше, а кратчайшій путь — вѣрнѣйшій.

— Но, быть можетъ, вы упустили изъ виду одного фактора въ общей суммѣ, — сказалъ Ричардъ, все также принужденно, услаивъ воли заставляя себя быть спокойнымъ.

— Да? А именно?

— Привязанность любящей женщины, которая не пожелаетъ способствовать униженію своего мужа.

Мистеръ Лассель улыбнулся.

— Во дни ея невѣднія, прежде, чѣмъ она была призвана, вы могли надѣяться на ея согласіе жить по-вашему, на ея отказъ принять участіе въ какомъ-нибудь враждебномъ вамъ планѣ дѣйствій; но теперь она обратилась и прежде всего служить Богу. — Онъ проговорилъ это ясно и отчетливо. Онъ такъ хорошо зналъ душу Гермионы Фуллертонъ, что могъ въ этомъ помочь даже ея мужу, который нѣкогда зналъ все, а теперь не понималъ ничего.

— Богу! Вашему демону, хотите вы сказать, Молоху! — сказалъ Ричардъ съ горькимъ смѣхомъ.

— Богохульство не поможетъ вамъ, — спокойно замѣтилъ мистеръ Лассель. — Называйте Его, какимъ именемъ вамъ угодно; Онъ теперь ея господинъ, она повинуется волѣ его, выражаемой голосомъ церкви.

— Голосъ, проповѣдующій ложь и суевѣріе, вражду и обманъ,

голосъ болѣе жестокой и также мало правдивый какъ голосъ дельфійскаго оракула!—сказалъ Ричардъ.

— Проповѣдующій истину и добродѣтель, — возразилъ викарій: — съ благодарностью могу сказать, что жена и дочь ваши слышали этотъ голосъ и повинуются ему.

— И этому вы радуетесь! Что же, хвалитесь тѣмъ, что погубили одно изъ чистѣйшихъ сердець, что разрушили одинъ изъ счастливѣйшихъ домашнихъ очаговъ!

— Такъ говорить грѣшникъ; христіанинъ сказалъ бы, что я имѣю поводъ къ глубокой благодарности, такъ какъ послужилъ избраннѣйшиму орудію, посредствомъ котораго спасена драгоценная душа, обреченная на вѣчную погибель до моего появленія. — Мистеръ Лассель говорилъ съ видомъ человѣка, скромно принимающаго заслуженную похвалу. — Къ тому же, — продолжалъ онъ, — я могу смѣло утверждать, что жена ваша, моя дорогая духовная дочь, не имѣла ни одной добродѣтели, которой бы я не взлелѣялъ посредствомъ церковной дисциплины, не развилъ посредствомъ исповѣди. Она облеклась въ красоту святости, вслѣдствіе чего ея природная красота сіяетъ вдвое ярче прежняго. Нечего и спрашивать, что лучше, — ваше ли созданіе или мое!

Проговоривъ это, мистеръ Лассель всталъ и позвонилъ. Внезапный блескъ въ глазахъ Ричарда, какое-то быстрое движеніе нѣсколько напугали его; присутствіе третьяго лица, хотя бы служанки, могло пригодиться.

— Вина, — сказалъ онъ, когда дѣвушка тотчасъ появилась передъ нимъ.

Приходъ мистера Фуллертонъ взволновалъ всѣхъ обитателей викаріата, а если замочныя скважины не предназначаются для глазъ и ушей, желающихъ получить точныя свѣдѣнія, то что же въ нихъ было бы толку?

— Не выпьете ли стаканъ вина, мистеръ Фуллертонъ? сегодня день холодный, — проговорилъ викарій тономъ самаго радушнаго гостепріимства.

Ричардъ отвернулся и простоялъ нѣсколько минутъ вдали, потомъ снова подошелъ къ мистеру Ласселю.

— Пустыя разглагольствованія ни къ чему не ведутъ, — медленно проговорилъ онъ. — Я понимаю васъ безъ дальнѣйшихъ словъ. Игру свою вы вели искусно; выиграшъ пока на вашей сторонѣ. Хитрость и обманъ обыкновенно берутъ верхъ надъ слѣпымъ довѣріемъ, а мое довѣріе было слѣпое. Легко можетъ быть, что я испробую нѣкоторые изъ тѣхъ средствъ, по поводу

которыхъ вы бросили мнѣ вызовъ, и постараюсь оградить себя противъ васъ при помощи законовъ.

— Попробуйте,—весело сказалъ мистеръ Лассель,—и вы убѣдитесь, что я сказалъ вамъ правду. Законъ не на вашей сторонѣ. Вы—атеистъ, и общественная совѣсть Англіи отрицаетъ васъ. Вы отлучили себя отъ церкви, и подобно преступнику—вы не что иное какъ духовный преступникъ—преступленіе ваше лишило васъ вашихъ естественныхъ правъ. А, вотъ и хересь. Позвольте мнѣ предложить вамъ стаканчикъ. Вино доброе, а погода ужасная.

— Господи! неужели можетъ существовать подобный человѣкъ!—въ полголоса проговорилъ Ричардъ.—И онъ-то—образцовый служитель Христа, онъ, почти заставляющій меня вѣрить въ возможность существованія дьявола.

Мистеръ Лассель улыбнулся.

— Я бы исполнилъ свой долгъ, заставивъ васъ повѣрить вполне,—сказалъ онъ.—Это могло бы избавить васъ отъ болѣе непріятнаго съ нимъ знакомства въ будущемъ.

Онъ говорилъ съ удивительнымъ спокойствіемъ. Сравненіе его съ дьяволомъ было камнемъ, брошеннымъ руками нечестивца, и причинило ему такую же боль, какую причиняли святымъ брошенные въ нихъ камни, превращавшіеся при паденіи въ розовые лепестки. Оно составляло часть того сомнительнаго мученичества, которое такъ любятъ приписывать себѣ эти популярныя владетели душъ, эти балованные инквизиторы, радующіеся тому, что ихъ почитаютъ достойными пострадать «правды ради» въ то время, какъ они сами жгутъ и пытаются, губять здѣсь и обрекаютъ на вѣчную погибель тамъ.

— Лучше адъ съ тѣми умными и добрыми людьми, съ которыми я связалъ свой жребій, чѣмъ рай съ подобными вамъ!—сказалъ Ричардъ съ жестомъ, выражавшимъ отвращеніе.

— Прекрасно,—сказалъ мистеръ Лассель:—всегда хорошо довольствоваться участью, которую самъ себѣ готовилъ. Право, вамъ бы слѣдовало позволить мнѣ налить вамъ стаканъ вина. Оно предохранило бы васъ отъ холода.

Ричардъ не отвѣчалъ, но быстро повернувшись, вышелъ изъ комнаты.

Свиданіе ни къ чему не повело, никакой пользы не принесло,—думалъ онъ, снова шагая по дорогѣ. Было сказано нѣсколько дерзкихъ истинъ, нѣсколько горькихъ словъ, но существенные факты остались неизмѣнными; любовь жены, повиновеніе дочери отняты у него, и если онъ не сумѣетъ возвратить себѣ ихъ

привязанность, то не можетъ разсчитывать и на ихъ послушаніе. Законъ дѣйствительно поставилъ въ одномъ случаѣ жену, въ другомъ церковь выше мужа и отца. Если только захочетъ Герміона, онъ будетъ также безсиленъ въ отношеніи къ ней, благодаря условіямъ завѣщанія, предоставившаго ей состояніе въ ея исключительное пользованіе, какъ его власть надъ Виргиніей будетъ парализована парламентскими актами и судебными рѣшеніями, требующими, чтобы каждый англичанинъ принадлежалъ къ какой-нибудь церковной фракціи, если желаетъ пользоваться своими правами.—Парламентскіе акты и судебныя рѣшенія,—съ горечью думалъ Ричардъ,—прямо заявляютъ, что ученость, честность, добпорядочность, самоотверженность не имѣютъ никакого значенія для контроля челоѣка надъ собственными дѣтми, если не опираются на книгу, утверждающую, что міру около шести тысячъ лѣтъ, и почитающую землю средоточіемъ системы. Да, законъ на сторонѣ викаріата, а также и громадное большинство, состоящее изъ тѣхъ слабыхъ душъ, которыя должны держаться за что-нибудь осязательное и внѣшнее, если хотятъ вообще держаться на ногахъ.

— Тогда какъ я,—вслухъ сказалъ онъ,—могъ только разсчитывать на собственныя силы и на правоту своего дѣла въ борьбѣ, которую велъ противъ суевѣрія, въ моихъ усиліяхъ замѣнить слѣпую вѣру въ легенды, которыхъ никто доказать не можетъ, изученіемъ фактовъ и уваженіемъ къ законамъ. Но опять-таки: что дѣлать? Убѣждать? Но что толку употреблять убѣжденіе противъ слѣпой вѣры, въ пользу разума, когда самый разумъ почитается сѣтью, разставленной дьяволомъ для уловленія душъ, а слѣпая вѣра одна принимается за надежное руководство, такъ какъ въ ней видятъ Божественное просвѣтленіе? Обращеніе къ давнимъ привязанностямъ, къ любви, къ священной гармоніи, царившей въ семьѣ, также бесполезно въ виду твердаго, хотя и печальнаго увѣренія, что святые прославились мученичествомъ, что лучше служить ученію, принесшему въ міръ спасеніе посредствомъ возстановленія дѣтей противъ родителей и жены противъ мужа, чѣмъ слѣдовать десяти заповѣдямъ, нѣкогда избравшимъ волю Божью и не допускавшимъ разсужденій или комментариевъ. Куда онъ ни обращался, всюду встрѣчалъ пораженіе; онъ испытывалъ ощущенія челоѣка, на котораго быстро надвигаются стѣны желѣзной клѣтки, не оставляя ему надежды на спасеніе, ни возможности жить. Казалось, будто годы прошли надъ нимъ съ утра, когда онъ вернулся домой въ тотъ именно моментъ, когда короткія сумерки уступали мѣсто вечеру. Никакъ

не могъ онъ вспомнить, гдѣ онъ былъ, далеко ли зашелъ. Еслибъ его спросили, онъ отвѣчалъ бы, что простоялъ на мѣстѣ всѣ эти часы, ища выхода изъ ужасной нравственной тюрьмы и не находя его. Но онъ понималъ, что, вѣроятно, забрелъ далеко и шелъ быстро, гонимый вѣтромъ, осыпaeмый снѣгомъ, на какомъ-нибудь открытомъ мѣстѣ, такъ какъ добравшись до дому, чувствовалъ смертельное утомленіе и промокъ до костей. Въ сущности физическая усталость сослужила ему службу, такъ какъ возвратила его въ сознанію дѣйствительности.

Глава II. — Мимолетная радость.

Мать и дочь стояли у окна гостиной, печально и тревожно глядя на дорогу, и простояли болѣе часу, пока маленькая боковая калитка не отворилась, и утомленный господинъ, но не владѣлецъ, прошелъ въ нее, двигаясь точно во снѣ, и инстинктивно повернулъ на кратчайшую, лѣсную дорожку, пролежавшую черезъ верхнюю часть парка. Глаза Герміоны были полны слезъ, глаза Виргиніи также, но она искала утѣшенія въ горячей, безмолвной молитвѣ, чего Герміона не дѣлала.

Это былъ день тяжелыхъ волненій для хорошенькой женщины. Она испугалась, увидавъ, что Ричардъ бросился изъ дому, не обращая вниманія на снѣгъ и вѣтеръ; она подумала, что онъ, вѣроятно, отправляется въ викаріатъ. Эта мысль долго ее мучила. Но время проходило, а Ричардъ не возвращался; завтракъ былъ поданъ и убранъ, онъ все не появлялся; тогда ея овладѣло одно всепоглощающее чувство страха, и воображеніе перебирало всевозможныя трагическія катастрофы, какія могло создать. Время проходило; она почувствовала приливъ горя, самообвиненія, раскаянія, смиренія. Лишь бы онъ вернулся! Она такъ будетъ рада его видѣть! Каждый разъ, какъ часы били, бремя ея виновности становилось тяжелѣе, предчувствія невыносимѣе. Не находя нигдѣ покою, она переходила изъ комнаты въ комнату, безцѣльно бродила по дому, вдругъ показавшемуся ей необыкновенно обширнымъ и пустымъ, потомъ стала у окна въ гостиной и ждала, ждала, ждала... Наконецъ, онъ появился изъ-за группы лавровыхъ деревьевъ, стоявшей въ центрѣ аллеи, ведущей къ дому и составлявшей самый дальній пунктъ, какой можно было разсмотрѣть при сгущавшихся сумеркахъ. Какимъ сторбленнымъ и усталымъ смотрѣлъ онъ! Съ своей слоненной головой и невѣрной поступью, онъ показался ей тѣнью самого себя. Но все же это

былъ онъ; съ легкимъ крикомъ отбѣжала она отъ окна и бросилась въ залу, повторяя:

— Ричардъ! Наконецъ-то, наконецъ! — потомъ поспѣшно крикнула дочери: — скорѣй, Виргинія! приходи встрѣчать милаго папа!

Она сама отворила входную дверь и вышла на крыльцо; снѣгъ продолжалъ идти; ея темно-голубое платье мгновенно покрылось серебристыми порошинками. Она ничего не замѣчала, ни на что не обращала вниманія. Она думала только о немъ, о возлюбленномъ ея молодости, о другѣ ея зрѣлыхъ лѣтъ, знавала только свою радость по поводу его возвращенія. Нѣжная, любящая, самоотверженная жена вернулась, а покорное созданіе духовнаго соблазнителя, подъ маской божественнаго руководителя, исчезло.

— Ричардъ, мое сокровище! какой ты мокрый, усталый, прозябшій, несчастный! Ты точно полумертвый! Голубчикъ,ходи поскорѣй и отдохни. Гдѣ ты былъ весь этотъ ужасный день? — я измучилась, думая о тебѣ!

Она говорила безсвязно, подъ вліяніемъ страха и нѣжности, идя ему на встрѣчу, пока онъ съ трудомъ поднимался по ступенямъ крыльца. Она положила руку ему на плечо и почти ввела его въ залу, гдѣ взяла обѣ его руки въ свои и нѣжно согрѣвала ихъ.

— Мое бѣдное, полу-замерзшее сокровище! — проговорила она, глядя ему въ лицо большими влажными глазами; Виргинія сказала также съ прежней лаской:

— Позвольте мнѣ помочь вамъ снять пальто, милый папа. Оно совсѣмъ промокло, позвольте мнѣ снять его!

Ричардъ стоялъ и смотрѣлъ то на ту, то на другую, какъ курящійся опиума, внезапно пробужденный отъ сна, ничего не видя, ничего не понимая, не сознавая даже, сонъ ли его есть дѣйствительность — или то, что передъ нимъ происходитъ. Теперь ли онъ съ ума сошелъ, или былъ сумасшедшимъ? Неужели его разстроенный мозгъ породилъ все, что онъ выстрадалъ? или онъ теперь находится подъ вліяніемъ галлюцинаціи и лихорадочныхъ грезъ, порожденныхъ такимъ тяжкимъ отчаяніемъ, что оно приняло на себя личину надежды и счастья? Случается же людямъ, умирающимъ съ голоду въ пустынѣ, видѣть себя, въ мечтахъ, въ саду, гдѣ они отдыхаютъ среди счастья и наслажденій. Онъ, съ растеряннымъ видомъ, провелъ себя рукою по лбу, бросилъ на все окружающее неопредѣленный взглядъ, и снова обратился въ нимъ съ печально-вопросительнымъ выраженіемъ на лицѣ, потомъ тяжело вздохнулъ и закрылъ глаза.

Да, это домъ; это его жена и дочь, которыхъ онъ любитъ всѣми фибрами своего существа, чье мягкое прикосновеніе чувствуетъ, въ чьи кроткіе глаза глядитъ, чьи ласковые голоса слышитъ. Неужели онъ былъ у этого священника, у этого человѣка, что хвасталъ своей побѣдой надъ дорогими ему женщинами, и утверждалъ, что ему не подчинить ихъ вновь своему вліянію? Неужели онъ сегодня говорили съ нимъ такъ, какъ ему помнилось? Неужели дочь сказала, что онъ проклятъ? Неужели Герміона навѣки разсталась съ нимъ?

Въ нерѣшимости, въ ужасѣ отъ запутанности собственныхъ мыслей, стоялъ онъ нѣсколько времени молча, но дрожа всѣми членами и почти не дыша, по мѣрѣ того, какъ безмолвная тревога его недоумѣнія замѣнялась удовольствіемъ, доходившимъ до боли.

— Жена! дѣвочка моя!—сказалъ онъ, наконецъ, надломленнымъ голосомъ, съ любовью привлекая ихъ къ себѣ и цѣлуя каждую, какъ въ оны дни.

Слезы Виргиніи закапали на его блѣдное, холодное лицо, когда она прикоснулась къ его губамъ почти такими же блѣдными и холодными губами, какъ и его собственные; но Герміона льнула къ нему по старому, и снова видѣла въ немъ своего возлюбленнаго, дорогого.

«Онъ вашъ губитель, любовь его къ вамъ—поворъ души вашей, ваша любовь къ нему—преступленіе противъ Бога», вдругъ прозвучало у нея въ ухахъ. Да, сегодня утромъ она общалась мистеру Ласселю то, что законъ соединилъ, а любовь освятила; а теперь, менѣе чѣмъ черезъ двѣнадцать часовъ послѣ своего общанія, она обнимала мужа, изгнаніе котораго было рѣшено, и губы ея отвѣчали на его нѣжные поцѣлуи. Съ минуту она какъ-бы сжалась, отстранилась отъ него, но потомъ крѣпче прижала его къ своему сердцу, сказавъ себѣ:—«Онъ мой мужъ, я его жена, никто не долженъ стоять между нами».

Продолжая молчать, изъ опасенія какимъ-нибудь новымъ диссонансомъ нарушить эту божественную гармонию, Ричардъ медленно поднялся по лѣстницѣ въ сопровожденіи жены. Она собственными руками придвинула кресло къ камину въ его уборной и вслѣдствіе прислуживала ему прежде, чѣмъ позвать слугу. Онъ улыбался и не мѣшалъ ей. Ея заботливость успокаивала и освѣжала его больше сна или пищи. Когда она, наконецъ, ушла отъ него, обѣщая вернуться черезъ полъ-часа, онъ былъ спокоенъ, утѣшенъ, а она сама была счастливѣе чѣмъ когда-либо, со дня рокового обѣда. Что бы ни было, а онъ ея мужъ, кра-

сивый, благородный, нѣжный, справедливый и вѣрный; любить его—сладко!

Когда она вернулась къ себѣ въ комнату, ей подали записку отъ мистера Ласселя, со вложеніемъ его фотографической карточки, снятой въ «полномъ облаченіи», часть котораго была ея работы, и роскошно-переплетенную рукопись, писанную его рукою и трактовавшую о преступности непослушанія священнику, представителю Бога, и о страшной власти, какую даетъ ему исповѣдь и отпущеніе грѣховъ.

Если эти приношенія были не лишены значенія въ качествѣ напоминаній, то этимъ же характеромъ отличалось письмо сопровождавшее ихъ. Въ немъ приводили Герміонѣ подлинныя выраженія священнаго обѣщанія, даннаго ею писавшему не далѣе сегодняшняго утра, и обязывали ея совѣсть къ неуклонному исполненію всѣхъ предписанныхъ имъ условій. Условія эти были тяжелы, слова, въ которыхъ онѣ были выражены—сильны и рѣзки, но онѣ все относилъ къ волѣ Божіей, истолкователемъ и исполнителемъ которой почиталъ себя, отрицая, чтобы дѣтя святой матери-церкви могло ослушаться приказанія свыше. Онѣ точно съ помощью волшебства провидѣлъ все, что совершалось въ ея бѣдной, слабой, ввволнованной душѣ. Онѣ предвидѣлъ эти колебанія, это озираніе назадъ, подобно женѣ Лота на покинутый домъ, на жизнь, къ которой влекли привычка и любовь. Но рука, ее державшая, была цѣпка; не такой человекъ былъ мистеръ Лассель, чтобы спасовать передъ слабыми усиліями жертвы, стремящейся освободиться изъ рукъ того, кто овладѣлъ ею и теперь крѣпко привязывалъ къ жертвеннику. Подъ страхомъ вѣчной гибели приказывалъ онѣ Герміонѣ продолжать упорствовать въ священномъ сопротивленіи этому забытому Богомъ грѣшнику и окончательно освободиться отъ ненавистнаго его вліянія.

Когда она вернулась къ мужу, она уже была не та. Она была ласкова, грустна, но точно будто снова ушла въ себя. Ею опять овладѣлъ нравственный холодъ, погубившій уже многое, такой-же неумовимый и непреодолимый, какъ морозъ, поражающій сады и хлѣбныя посѣвы. Въ своемъ страхѣ за его безопасность, въ своемъ грѣховномъ раскаяніи въ причиненномъ ему страданіи, она забыла, что Ричардъ—атеистъ, а помнила только, что онѣ ея мужъ, котораго она когда-то боготворила, до сихъ поръ любила, и—вопреки самой себѣ—уважала. Теперь же она вспомнила, что онѣ отлученъ отъ церкви, и что единственная

связь между ними—прошлое, которое она не может уничтожить, хотя всячески старается забыть.

Ричардъ протянулъ ей руку, когда она вошла. Онъ сидѣлъ, откинувшись на спинку кресла, усталый тѣломъ, но съ душой, переполненной сладостнымъ довѣріемъ, радостной любовью, составлявшими коренныя свойства его характера. Онъ считалъ все, что съ нимъ совершилось въ теченіе послѣдняго часа, за признакъ полного и совершеннаго примиренія. Онъ снова нашелъ жену свою; ихъ новая жизнь начнется съ этого дня. Они будутъ бесѣдовать совершенно откровенно, какъ въ оны дни, будутъ совѣтоваться, какъ имъ лучше жить въ полной гармоніи и любви, даже еслибъ ихъ образъ мыслей по-прежнему былъ несходенъ, а ихъ вѣрованія противоположны. По крайней мѣрѣ, они сошлись, никто не стоитъ между ними.

Онъ улыбнулся и повернулъ къ ней голову.

— Жена, милая жена! какъ отрадно тебя видѣть!—тихо и ласково сказалъ онъ.

Румянецъ исчезъ съ ея лица, она казалась такой блѣдной, при свѣтѣ лампы, точно была не она, а Виргинія.

— Я рада, что ты дома и въ безопасности. Я боялась за тебя,—принужденно проговорила она.

— Мнѣ жаль, что я напугалъ тебя, дорогая жена, но мнѣ пріятно слышать о твоей тревогѣ,—отвѣчалъ онъ, продолжая улыбаться.

— Надѣюсь, что ты не простудился, ты казался такимъ усталымъ, когда вошелъ, такъ прозябъ и вымокъ,—сказала она страннымъ, отрывистымъ тономъ, не глядя на него и дѣлая видъ, что поправляетъ накидку на креслѣ свободной рукой, другую онъ держалъ въ обѣихъ своихъ.

— Теперь мнѣ совсѣмъ хорошо, я держу твою милую ручку въ моей рукѣ,—сказалъ онъ, цѣлуя нѣжные, розовые пальчики.

Она отвернулась въ страшномъ горѣ. Ей казалось такой жестокостью снова огорчать его. Но ея обѣтъ; письмо отца настоятеля; эта рукопись, полная священныхъ совѣтовъ; божественное руководство, подъ которымъ она жила; приказанія, которыя должны быть исполнены, какія бы человѣческія соображенія этому ни препятствовали: да, она не смѣла возвратитъ свое сердце мужу, не смѣла ослушаться священника, котораго выбрала себѣ въ духовные руководители, предпочла его этому атеисту, нѣкогда ея возлюбленному. Ея собственное сердце разрывалось при мысли о разлуцѣ съ нимъ, но приказаніе было сильнѣе страданія, и хотя бы это страданіе убило, приказаніе все-же должно

быть исполнено. Одно, что нѣсколько утѣшало ее въ эту минуту, было сознаніе, что сама она страдаетъ не менѣе, чѣмъ заставить страдать мужа. До сихъ поръ она, безъ особыхъ затрудненій, подчинялась новому закону. Онъ даже давалъ ей больше, чѣмъ она терпѣла, и она часто бывала сильнѣе возмущена невѣріемъ атеиста, чѣмъ растрогана страданіемъ мужа.

Теперь она горько страдала и сожалѣла—и какъ искренно!—что не можетъ быть въ одно и то же время вѣрной дочерью церкви и преданной женой.

Спустя нѣсколько времени, она снова обратила къ нему лицо свое, и взглянула на него мягкимъ, но уже не прежнимъ ласковымъ взглядомъ.

— Я люблю тебя также какъ любила, — тихимъ голосомъ сказала она, съ полной вѣрой въ свои слова, тогда какъ слезы полились по щекамъ:—но съ нынѣшняго утра ничто не измѣнилось. Ты атеистъ, я христіанка, — пока ты не примиришься съ Богомъ, я не могу быть для тебя ничѣмъ. Наши мысли и дороги расходятся, также должны разойтись и наши жизни.

Онъ приподнялся въ своемъ креслѣ и пристально взглянулъ на нее, потомъ закрылъ глаза, голова его опустилась на грудь...

Она подумала, что съ нимъ обморокъ, и склонилась надъ нимъ, едва дыша, но подергиваніе рта, дрожаніе вѣкъ и выраженіе муки, печальнѣе слезъ, ужаснѣе крика, доказали ей, что здѣсь не было блаженнаго облегченія, доставляемаго потерей сознанія. Онъ страдалъ какъ не многіе могутъ страдать, не изнемогая подъ бременемъ; но его достаточно укрѣпили короткій отдыхъ отъ пытки, чтобы дать ему возможность снова твердо выносить ее. Но все-же тяжело было имѣть надежду только для того, чтобы видѣть ее разбитой въ ту самую минуту, когда онъ считалъ себя въ полной безопасности. Тѣмъ не менѣе такъ случилось, надежда его оказалась иллюзіей. Ея воля—хотя-бы движимая другой болѣе сильной, болѣе рѣшительной, но все-же ея воля—рѣшила, что имъ должно разстаться; и онъ тутъ ничего сдѣлать не могъ. Кромѣ сознанія своей безпомощности, его выручило свойственное мужчинѣ чувство собственнаго достоинства, превышающее даже любовь влюбленнаго и запрещающее ему упорствовать въ безплодной борьбѣ съ соперникомъ изъ-за преданности жены.

— Пусть будетъ по-твоему, жена,—сказалъ онъ наконецъ спокойнымъ голосомъ, въ которомъ не слышалось подавленныхъ слезъ, а звучала только покорность неизбежному, и самое тро-

гательное терпѣніе. — Когда-нибудь ты вернешься ко мнѣ добровольно. До тѣхъ поръ я покорюсь твоей волѣ и буду ждать.

Необыкновенное спокойствіе его отреченія тронуло Герміона болѣе, чѣмъ тронуло бы страстное отчаяніе. Оно такъ напоминало смерть! Она, въ эту минуту, какъ-бы поняла, чего она добровольно лишилась, что убила собственными руками, и опустившись на колѣни подлѣ него, спрятавъ лицо у кресла, она заплакала жалкими, беспомощными слезами, какъ нельзя лучше выразившими всю ея природную слабость.

Онъ нѣжно положилъ ей руку на голову. Голова эта, уже болѣе не покрытая мягкими, пушистыми, безчисленными локонами, замѣненными гладко зачесанными и просто заплетенными въ косы волосами, показалась ему головой посторонней женщины, а не его жены, не его возлюбленной. Ему недоставало легкихъ колючекъ и бархатокъ, которыя онъ такъ часто ласкалъ, которыми такъ гордился; и онъ подумалъ, какъ думается иной разъ о пустякахъ въ серьезные минуты: «даже это измѣнилось вмѣстѣ съ остальнымъ».

Онъ ничего не находилъ сказать ей въ утѣшеніе, не зналъ, чѣмъ убѣдить ее. Все это несчастіе было дѣломъ ея рукъ: она одна могла разрушить магическую преграду, воздвигнутую между ними, какъ одна дозволяла или помогала другимъ воздвигнуть ее. Онъ наклонился къ ней и ласково приподнял ея лицо, поцѣловалъ ее въ лобъ, какъ человѣкъ, прощающійся на вѣки, и нѣжно промолвилъ: — Моя бѣдная жена! Какое горе для насъ обоихъ — и все изъ-за чего?

— На то воля Божья! — рыдая, сказала бѣдная Герміона; потомъ медленно приподнялась и стала подлѣ мужа, не рѣшаясь оставить его — какъ оба чувствовали — на вѣки.

Глаза ихъ встрѣтились; онъ слегка приподнялся и раскрылъ объятія; ея нѣжное личико склонилось къ его лицу, она положила ему руку на плечо.

— Жена! жена! — прошептала онъ; — жизнь моя! любовь моя!

Еще минута, и онъ прижалъ бы ее къ своему сердцу, но она быстро отвернулась, точно пламя прошло ей по лицу.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты — атеистъ! — сказала она. — Любить тебя грѣхъ.

— Да будетъ такъ, — отвѣчалъ онъ, и закрылъ лицо руками.

Рыдая, бросилась Герміона изъ комнаты, вернулась къ себѣ, и опустилась на колѣни передъ распятіемъ, начала читать молитвы, всячески стараясь увѣрить себя, что находитъ въ нихъ утѣшеніе, но сознавая, что этого нѣтъ. Сердце ея было полно

милымъ мужемъ, котораго она на вѣки отдала отъ себя; въ своемъ горѣ она начала жалѣть, что *обратилась*, и не можетъ безбоязненно любить того, кто обладаетъ всѣми добродѣтелями, кромѣ вѣры. Но Ричардъ прошелъ черезъ это испытаніе, даже безъ того утѣшенія, какое даетъ молитва: поддержкой служило ему одно его мужественное сердце, а утѣшеніемъ любовь къ покинувшей его женщинѣ.

Глава III.—Изъять изъ пламени.

Не одно утонченное духовное ухаживаніе, имѣвшее цѣлью превращать праздныхъ и богатыхъ женщинъ въ преданныхъ дочерей церкви, наполняло время и занимало мысли мистера Ласселя. Ему приходилось отдаваться и болѣе серьезной работѣ по приходу, убѣждать грубыхъ простолюдиновъ и завоевывать расположеніе ихъ мягкосердыхъ женъ. Надо отдать ему справедливость, онъ обнаруживалъ неутомимую дѣятельность по части прозелитизма во всѣхъ слояхъ общества.

Онъ дѣйствительно всецѣло посвящалъ себя «доброму дѣлу», какъ онъ величалъ свое стремленіе сломить нравственную независимость и самоуваженіе, и сдѣлать привычку къ труду и предусмотрительности излишнею. Клерикальная система, какъ извѣстно, имѣетъ въ рукахъ своихъ богатая милости для своихъ послушныхъ дѣтей, замѣняющія плату за трудъ; она ставитъ себѣ въ обязанность доказать вѣрнымъ, что время, посвященное на служеніе Господу, не отнято у семьи, и что пѣващъ не долженъ быть пустымъ изъ-за того, что на крылосѣ есть пѣвчіе, а въ церкви молящіеся. Викарій придавалъ большое значеніе этому благочестивому подкупу, вполне законному въ его глазахъ, и всѣми силами стремился къ нравственному и экономическому развращенію народа посредствомъ щедрыхъ подаваній, составляющихъ такое могучее орудіе въ рукахъ ищущаго прозелитовъ священника.

Тѣмъ временемъ они съ сестрой Агнесой набрали себѣ столько работы, что нивакъ не могли обойтись безъ посторонней помощи. Убѣжище для выздоравливающихъ было въ полномъ ходу: сестра Варвара была надзирательницей, сестра Агнеса попечительницей, викарій настоятелемъ, а дамы, стоявшія во главѣ округовъ, членами-посѣтителями. Въ связи съ убѣжищемъ находился сельскій госпиталь, также посѣщаемый дамами въ опредѣленные дни. Желая оправдать самое его существованіе, онъ всячески

старались наполнить его больными, все равно подходящими или неподходящими. Если у старика дѣлались ревматическія волотья или у женщины боль въ спинѣ, поспѣвательница убѣждала того и другую идти въ госпиталь, гдѣ ритуализмъ и бульонъ, исповѣдь и мягкая постель, заступничество Мадонны въ награду за молитвы и человѣческая заботливость даромъ, молитвенное призываніе святыхъ и подарки дѣтямъ шли рука объ руку, а «церковь» являлась матерью, служеніе которой обезпечиваетъ не только спасеніе, но и благосостояніе.

Кромѣ того, ежедневно служилась заутреня и вечерня, по средамъ и пятницамъ бывали полныя службы съ пѣвчими, по воскресеньямъ ранняя обѣдня и еще три службы; строго соблюдались праздники святыхъ, устраивались процессіи; сверхъ того приходилось надзирать за воскресной школой, выслушивать исповѣди—правда, въ тайнѣ, но тѣмъ не менѣе постоянно; имѣть классы для чтенія библіи для мужчинъ и для женщинъ, отдѣльно, читать еженедѣльные лекціи, мужчинамъ наблюдать за библіотеккой, устраивать митинги матерей, собранія на *чашку чая* для женщинъ, дѣтскіе праздники, поддерживать ясли, школу для малолѣтнихъ, клубъ для снабженія бѣдныхъ одеждой, бань для мелкихъ сбереженій, фонды для приобрѣтенія одѣялъ, обуви и пр., и пр. День былъ переполненъ, не доставало ни времени, ни силъ для постоянного наблюденія за этимъ механизмомъ, организованнымъ въ видахъ подчиненія прихода путемъ корысти и суевѣрія. Необходимо было имѣть помощниковъ, и не мало. Средства викарія не позволяли ему платить имъ, но семейство Молинѣ пожертвовало значительную сумму, сокративъ для этого свои расходы на одинъ экипажъ, пару лошадей и одного слугу; Герміона сдѣлала то же и ничего не сократила, но надѣлала долговъ. Преданные инопородные друзья оказали свое содѣйствіе въ этой войнѣ противъ «злого начала».

Сначала мистеръ Лассель самъ справлялся, съ нѣкоторой помощью, частью мѣстной и постоянной, частью инопородной и временной. Кутбертъ Молинѣ, почти съ самаго начала, сдѣлался его мірскимъ помощникомъ, а теперь готовился къ принятію священства, чтобы стать помощникомъ настоящимъ; разные бродячіе священники и братья, или какой-нибудь «отецъ» — всего чаще отецъ Трусовъ, пролагавшій себѣ собственную дорожку, пока искусно скрытую — являлись изъ своихъ городскихъ приходовъ и миссій посмотреть, какъ идутъ дѣла, и помочь въ служеніи. При помощи семьи Молинѣ и Герміоны былъ организованъ постоянный причтъ; такъ что, считая викарія и его сестру, ихъ

было всего—съ сестрами милосердія и Кутбертомъ Молине—восемь человѣкъ, исключительно посвятившихъ себя обработыванію полуторы тысячъ душъ населенія Кроссгольма. Считая же дамъ-посѣтительницъ и *богомыслящихъ* молодыхъ людей и дѣвушекъ, изъ семей болѣе зажиточныхъ ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, получалось цѣлое полчище работниковъ на пользу ритуализма и противъ свободы.

Достоинно замѣчанія, что, подъ вліяніемъ вѣры и непрерывной заботливости, начало возрастать нищенство. До сихъ поръ Кроссгольмъ отличался своей мужественной независимостью и чистотой нравовъ. Совершенно чуждый религіознаго фанатизма, онъ выкупалъ недостатокъ духовныхъ стремленій гражданскою дѣятельностью; нравственность его была чиста, хотя вѣрованія были очень туманны. При мистерѣ Астонѣ приходская церковь служила лишь символомъ приходскихъ правъ и національности и никакому миссіонеру не удалось открыть какой-нибудь сектаторской часовни. Методисты, баптисты, всѣ пытались и всѣ потерпѣли неудачу; сѣмя падало на такую каменистую почву, что даже сорныя травы не всходили на ней! Въ теченіе послѣднихъ четырнадцати-пятнадцати лѣтъ постепенно составлялась группа мужчинъ, вдохновляемая и руководимая Ричардомъ Фуллертономъ, отказавшаяся и отъ таверны, и отъ церкви и жившая жизнью честныхъ, прямыхъ, трезвыхъ язычниковъ. Роль благотворительности была самая ничтожная; проступки встрѣчались рѣдко; преступленій вовсе не было. Жить на счетъ прихода считалось здѣсь почти также позорнымъ, какъ сидѣть въ тюрьмѣ; во всемъ сказывалось доброе, дружеское чувство, потому что бѣдняки уважали самихъ себя и тѣмъ самымъ заставляли богатыхъ уважать ихъ. Конечно, въ суровое зимнее время нѣсколько понижался этотъ вообще очень высокій уровень нравственности; цѣлыя вострюли хорошаго, крѣпкаго, вкуснаго супа раздавались на кухнѣ аббатства всѣмъ, кто только приходилъ за ними. Но и супъ этотъ давался, какъ и спрашивался, подъ какимъ-нибудь прозрачнымъ предлогомъ, взывавшимъ къ человѣческому добродушію и выгораживавшимъ гордость, напримѣръ: согрѣть маленькихъ дѣтей, когда они возвращаются домой мокрыми и полу-замерзшими изъ школы; накормить больного или старика. Достоинство мужчинъ также бывало ограждено при помощи фантасма, когда этого требовали обстоятельства: для нихъ придумывалась работа, вовсе не нужная, но исполненіе которой доставляло имъ заработанныя деньги и мѣшало принимать подаваніе. Такъ-что нищенство и пьянство почти не существовали, и Кроссгольмъ

обходился, платящимъ налогъ для бѣдныхъ, дешевле всякаго другого прихода въ Соединенномъ Королевствѣ, и не значился вовсе въ статистикѣ преступленій графства.

Теперь дѣла измѣнились; съ изумительной быстротой возросло хожденіе въ церковь и вмѣстѣ нищенство. Женщины, подкупленные подарками и ласковыми рѣчами, вліяли на мужчинъ какъ всегда и вездѣ. Какая мать могла колебаться между пустымъ швапомъ, передъ которымъ кричали голодные дѣти, и обильнымъ столомъ? Въ особенности, когда вся плата за это заключалась въ ежедневномъ посѣщеніи хорошо освѣщенной и отопленной церкви, гдѣ видишь красивыя вещи, слышишь пріятные звуки, на возвратномъ пути поболтаешь съ сосѣдками, да еще получишь ласковое слово отъ господъ въ придачу! Если мистеръ Фуллертонъ хорошій человекъ и добрый господинъ, то мистеръ Лассель еще и получше. Мистеръ Фуллертонъ требуетъ работы за свой фунтъ говядины; а викарій даетъ все даромъ, не требуя ничего взаменъ, кромѣ того, что служить на пользу ихъ же душамъ. Никто не можетъ отрицать, что хорошо ходить въ церковь въ будни, какъ и въ воскресенье; если она домъ Божій въ день субботній, то она остается имъ и въ простой день. Такъ говоритъ викарій; а кому же и знать это какъ не ему — это по его части. Конечно, въ тысячу разъ лучше дѣтямъ имѣть крѣпкіе башмаки, а самимъ теплое одѣяло или хорошее платье, чѣмъ Джэку или Биллю цѣлые вечера слушать джентльмена, который, по словамъ викарія и его сестры, учитъ чистой неправдѣ, что можетъ быть доказано на основаніи библіи, когда угодно. А ужъ если толковать о независимости, то хорошо чваниться людямъ обезпеченнымъ, но сама библія говоритъ, что богатые должны помогать бѣднымъ, а она никогда бы этого не сказала, еслибъ бѣднымъ было стыдно принимать то, что имъ даютъ.

Такъ разсуждали женщины; и непрерывныя капли долбили камень самоуваженія.

Одновременно съ этимъ обращеніемъ къ ихъ личнымъ интересамъ, черезъ посредство женщинъ, викарій старался подорвать вліяніе Ричарда надъ умами мужчинъ путемъ разума. Онъ всегда говорилъ о немъ свысока, съ отгнѣвомъ состраданія, но также и съ саркастическимъ презрѣніемъ ученаго къ шарлатану. Онъ тщательно избѣгалъ относиться къ нему какъ къ равному себѣ въ умственномъ отношеніи, когда говорилъ о немъ съ людьми, преданными агностицизму, а отзывался какъ о шарлатанѣ, котораго могъ изобличить всякій образованный духовный. Напримѣръ, отецъ Трускотъ, который въ прошлое воскресенье говорилъ проповѣдь о

божественномъ характерѣ власти, или братъ Свинфенъ, который доказывалъ существованіе дьявола и вѣчныхъ, матеріальныхъ мукъ ада, убѣждая ихъ, какъ благоразумныхъ людей, побѣдить перваго и уйти отъ вторыхъ посредствомъ путей, указанныхъ имъ церковью, — любой изъ нихъ можетъ доказать полную несостоятельность мистера Фуллертона въ теченіе десяти минутъ и выставить его тѣмъ, чѣмъ онъ есть: дерзкимъ, лживымъ, самоувѣреннымъ безбожникомъ. Тяжело ему, говорилъ онъ тономъ состраданія, тяжело ему видѣть, какъ, за неимѣніемъ человѣка, способнаго обнаружить его заблужденія, они, честные вроссгольмскіе жители, не имѣвшіе возможности исключительно посвятить себя изученію любимыхъ предметовъ этого несчастнаго шарлатана, были доведены до того, что повѣрили въ заблужденія, надъ которыми всякій дѣйствительно образованный человѣкъ сталъ бы смѣяться, и которыя, будучи сегодня провозглашены окончательными и непогрѣшимыми, завтра могутъ быть опровергнуты посредствомъ новой теоріи и дальнѣйшихъ открытій. Онъ не обѣщаетъ больше того, что можетъ сдержать, говорилъ онъ въ библейскомъ классѣ, гдѣ по большей части металъ эти громы противъ агностицизма; онъ, безъ утайки, изложилъ имъ обѣ системы и предоставилъ имъ выборъ между божественной истиной и выдумками мистера Фуллертона.

Согласно съ этимъ обѣщаніемъ онъ устроилъ научныя, вечернія лекціи по поведѣльникамъ, именно потому, что въ этотъ день и въ это время читалъ и Ричардъ. Онъ выписывалъ изъ Лондона специалистовъ и предоставлялъ имъ трудную работу, но кто бы ни былъ лекторъ, доказательства всегда были діаметрально противоположны доказательствамъ Ричарда и показывали, что всѣ заключенія, къ которымъ пришелъ этотъ безбожникъ, противорѣчатъ очевидности. Потомъ онъ снова обращался къ возможности существованія тайнъ и къ невозможности доказать противное, требуя, чтобы они доказали, въ чемъ его объясненія менѣе вѣроятны, чѣмъ объясненія мистера Фуллертона. Оба исходить изъ одного и того же понятія, которое онъ называетъ Богомъ, а тотъ — силой; онъ — божественнымъ, живымъ, благодѣтельнымъ и премудрымъ Провидѣніемъ, тотъ — мертвымъ, неразумнымъ закономъ. Въ Библии нѣтъ ничего, что бы могло смущать или затруднять ихъ; чудеса точно также одинъ изъ видовъ божественной власти, какъ и обыкновенные законы, такъ какъ недѣло предположить, чтобы сила создавшая не могла контролировать.

Онъ кончалъ всегда увѣщаніемъ вѣрить въ христіанство и въ Библію. *Если даже въ нихъ нѣтъ истины, то вамъ отъ этого

вреда не будетъ; но если есть, а вы будете отрицать ихъ, то что съ вами станется? Вы будете осуждены на вѣчную погибель и на безконечныя муки ада!»

Лекціи эти всегда сопровождались чаемъ и сладкими булками, музыкой и пѣніемъ и оживлялись хорошенькими картинками, развѣшанными по стѣнамъ и часто перемѣняемыми. Женщинъ приглашали приносить съ собою вязанье или питье; всѣ остатки сладкаго пирога разсовывались по материнскимъ карманамъ для дѣтокъ, оставленныхъ дома. За все это ничего не надо было платить какъ въ читальнѣ, гдѣ Ричардъ, уважая независимость своихъ послѣдователей, желалъ, чтобъ они смотрѣли на нее скорѣй какъ на свою собственность, чѣмъ какъ на его даръ. Но мистеръ Лассель давалъ все и взаимно требовалъ только послушанія. Одна изъ статей въ этой хартіи послушанія касалась литературы. Ничего не должно было брать изъ атеистической библіотеки при читальнѣ, читать только тѣ сочиненія, которыми снабжала библіотека, находившаяся подъ вѣдѣніемъ викарія. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ и становился болѣе твердой ногой въ Кроссгольмѣ, требованія его начали возрастать; людямъ было приказано окончательно перестать посѣщать читальню; число членовъ читальни и связаннаго съ нею клуба замѣтно уменьшилось, какъ уменьшилось и число слушателей этого атеиста по понедѣльникамъ. За исключеніемъ лицъ вполне скомпрометтированныхъ и совершенно серьезно относившихся къ дѣлу, всѣ начали заглядывать туда робко, изрѣдка, иные, казалось, почти боялись какъ бы ихъ тамъ не увидали, чувствуя, что нарушаютъ законъ и опасаясь, что ихъ выдадутъ, если поймутъ; другіе выказывали притворное мужество, выдававшее ихъ не менѣе, чѣмъ выдавало болѣе робкихъ ихъ откровенное смущеніе. Затѣмъ викарій началъ устраивать деревенскія игры, крокетъ и игру въ мячъ, но только для своей партіи, разбивая этимъ пары, до сихъ поръ игравшія вмѣстѣ. Этимъ путемъ онъ переманилъ на свою сторону не малое число приверженцевъ мистера Фуллертонна, когда игра оказалась вялой, по недостатку игроковъ. Онъ щедро жертвовалъ, для всякихъ цѣлей, духовныхъ, мірскихъ, общественныхъ, умственныхъ, — но только для вѣрныхъ, строго исключая всѣхъ посѣщавшихъ лавочку безбожника у воротъ аббатскаго парка.

Всѣми этими путями было завоевано столько новобранцевъ для арміи воинствующей церкви, что братъ и сестра имѣли право, пересчитывая свои пріобрѣтенія, чѣмъ они нерѣдко зани-

мались въ викаріатѣ, увѣрять другъ друга, что теперь уже окончательно оцѣплена твердыня безбожника, и онъ скоро падеть.

Читатели, быть можетъ, помнятъ, что Джонъ Гревсъ и зять его Джорджъ Пирсъ арендовали землю, принадлежавшую къ помѣстью Молинѣ, что лавка и кузница Тома Мургеда стояли на землѣ, составлявшей собственность аббатства, а лавка Адама Белля на землѣ, составлявшей часть владѣній викаріата. Викарій живо покончилъ съ маленькимъ торговцемъ, или, вѣрнѣе, онъ самъ живо покончилъ съ своимъ заигрываніемъ съ невѣріемъ; Адамъ Белль раньше всѣхъ повернулъ спину мистеру Фуллертону и устремилъ свои взоры на мистера Ласселя. Онъ былъ въ безопасности; но Джонъ Гревсъ, братъ его Бенъ, Джорджъ Пирсъ, и другіе, не могли сказать того же; да и судьба Тома Мургеда должна была измѣниться, если онъ не исправится, пока еще не поздно.

Хотя мистеръ Лассель, въ силу своего положенія, и былъ возмущенъ дерзкой независимостью этихъ упорствующихъ членовъ христіанской церкви, онъ, тѣмъ не менѣе, рѣшилъ не упускать случая возвратить ихъ въ *дворъ овчій*, и съ самаго начала высказывалъ особое уваженіе къ тремъ главнымъ виновникамъ. Съ величавой вѣжливостью выслушивалъ онъ ихъ аргументы, несмотря на всю ихъ безсвязность—аргументы, въ которыхъ скорѣе сказывался результатъ, чѣмъ методъ, и которые обнаруживали, что они вѣрятъ потому, что имъ такъ сказано, а не потому, что сами дошли до извѣстныхъ результатовъ; онъ всячески стремился уничтожить ихъ увѣренность въ самихъ себѣ и въ ихъ наставникѣ неожиданными, рѣзкими и пытливыми вопросами, на которые у нихъ вовсе не было готовыхъ отвѣтовъ, и въ заключеніе всегда спрашивалъ: почему не можетъ жизнь быть дѣломъ божественнаго разума, стоящаго внѣ мірозданія, точно также какъ и свойствомъ матеріи, медленно дорабатывающейся до сознанія? Самому мистеру Фуллертону приходится останавливаться передъ невѣдомымъ: почему же не признать тотъ видъ тайны, въ которомъ заключается утѣшеніе, а признавать лишь тотъ, который внушаетъ уныніе?

Но хотя простые люди не могли представить ему ученыхъ аргументовъ, хотя ихъ нельзя было ни подкупить милостями, ни сломить посредствомъ страха, тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ слегка начали колебаться, признавая, что наука не вполне удовлетворяетъ ихъ. Джорджъ Пирсъ, главнымъ образомъ, охладѣвалъ въ ученію о законѣ и о самосознаніи матеріи въ пользу ученія о духовномъ провидѣніи и божественномъ вліяніи, тогда

какъ Томъ Мургеда только сильнѣе утверждался въ упорнѣйшей оппозиціи аргументами, употребляемыми викаріемъ противъ него.

Теперь же, истощивъ свой запасъ терпимости, мистеръ Лас-сезъ далъ волю своему праведному негодованію и рѣшилъ, что церковь не должна долѣе быть раздражаема дальнѣйшимъ присутствіемъ у вратъ ея этихъ враговъ. Джонъ Гревсъ и зять его были простыми арендаторами, отъ которыхъ можно было отдѣлаться когда угодно, объявивъ имъ о своемъ нежеланіи имѣть ихъ на своей землѣ за мѣсяць впередъ, но по договору, заключенному съ Томомъ Мургедомъ, его должны были предупредить о нарушеніи его за три мѣсяца впередъ. Понятно, что согласіе Кутберта было у викарія въ карманѣ и онъ намѣревался испытать свою власть надъ Гермионой, потребовавъ отъ нея изгнанія кузнеца.

Болѣзненная жена Джорджа Пирса только-что начинала оправляться, когда викарій однажды зашелъ навѣстить ее. Она сидѣла у камина, нянчaya своего ребенка, жалкая, еле-мерцавшая жизнь котораго, едва не стоившая ея собственной, очевидно не должна была долго продолжаться въ этомъ мірѣ, нетерпящемъ слабости. Тяжелое вообще было это время для Нанни, но викарій и сестра его были такъ добры, говорила она со слезами на глазахъ, что она никогда этого не забудетъ; а сестра Варвара изъ убѣжища была для нея точно мать родная: еслибы не они, ей бы никогда не выдержать, но они очень ужъ объ ней заботились и она съ ребенкомъ уцѣлѣла.

Когда Джорджъ, дорожившій своей независимостью, желалъ отвергнуть ихъ помощь и отослать имъ ихъ кастрюльки нетронутыми, они такъ мягко успокаивали его сомнѣнія, показавъ себя такими христіанами, такими коммунистами если угодно, такъ горячо, повидимому, желали только сохранить міру вновь народившуюся жизнь, послужить больной, нуждавшейся въ уходѣ; такъ тщательно избѣгали вербовать себѣ прозелитовъ *въ его присутствіи*, что его гордость сдалась, опасенія умоляли, и онъ не могъ не чувствовать благодарности за помощь, сохранившую ему жену и ребенка, причемъ люди, ее оказавшіе, не требовали взаимъ ничего, кромѣ позволенія еще послужить.

Даже викарій не приставалъ къ нему съ религіей, хотя онъ, тайкомъ отъ него, молился съ Нанни, лежавшей между жизнью и смертью, и тронулъ ея сердце однажды навсегда, на что, конечно, и рассчитывалъ. Джорджа онъ предоставилъ ходу вещей, вѣрно рассчитавъ, что его привязанности приведутъ его къ тѣмъ же результатамъ; а теперь зашелъ съ цѣлью глубже вко-

лотить гвоздь и посмотрѣть, какую тяжесть можно на него повѣсить.

Когда онъ вошелъ въ коттеджъ, Нанни встала съ бессознательной граціей и преднамѣренной почтительностью. Красивая наружность викарія, его изящныя манеры поразили ея воображеніе столько же, сколько его снисходительность и доброта всѣхъ церковныхъ работниковъ возбудили ея благодарность. Улыбка освѣтила ея исхудалое лицо, когда онъ, наклонивъ свою красивую голову, вошелъ съ своей особенной осанкой, совмѣщавшей въ себѣ джентльмена и священника. Она улыбнулась еще больше и покраснѣла, когда онъ отечески пожалъ ей руку, взглянулъ на ребенка, дотронулся до его личика, просилъ ее сѣсть и началъ подробно разспрашивать о здоровьѣ обоихъ—онъ, такой важный джентльменъ!

Потомъ, усѣвшись подлѣ нея, онъ осторожно открылъ огонь и сообщилъ ей, что она должна дѣлать.

Ему очень жаль,—говорилъ онъ,—очень жаль; ему до сихъ поръ удавалось останавливать молодого мистера Молинѣ, такъ какъ онъ надѣялся, что Богъ смягчитъ упорныя сердца своихъ враговъ и обратитъ ихъ къ благодати и истинѣ; но онъ не можетъ болѣе останавливать мистера Молинѣ. Онъ рѣшился,—говорилъ мистеръ Лассель, полу-сострадаельнымъ, полу-одобрительнымъ тономъ,—не держать болѣе на своей землѣ людей, невѣрующихъ въ Бога, презирающихъ все, что онъ, на ряду со всѣми прочими приверженцами церкви, почитаетъ самымъ дорогимъ и священнымъ. Нанни сама должна согласиться,—говорилъ онъ,—что едва ли прилично такому человѣку, какъ мистеръ Молинѣ, давать у себя пріютъ людямъ, идущимъ по пути, избранному ея отцомъ, ея мужемъ и нѣкоторыми другими. Пріятно ли бы ей было пріютить у себя человѣка, который бы клеветалъ на ея мать, причинялъ всевозможный вредъ ея мужу, готовъ бы былъ убить ея ребенка, лишь бы представился въ тому удобный случай? Совершенно то же чувствуютъ христіане къ тѣмъ, кто своимъ безбожіемъ вновь распинаетъ Христа.

Со всѣмъ этимъ бѣдная Нанни печально согласилась, такъ какъ, по справедливости, не могла этого отрицать.

Такъ что же дѣлать-то? — продолжалъ викарій. Отецъ ея слишкомъ далеко зашелъ по выбранной имъ дорогѣ, чтобъ можно было надѣяться на уступку съ его стороны, но Джорджъ—неужели на него нельзя повліять? Онъ не былъ бы первымъ невѣрующимъ мужемъ, спасеннымъ вѣрующею женой. Къ тому же зима приближается. Она здоровья слабаго и не въ силахъ вы-

нести утомленія, соединеннаго съ переѣздомъ; ребенокъ слишкомъ слабенькій. Не могла ли бы она убѣдить Джорджа перестать посѣщать лекціи мистера Фуллертонна и вычеркнуть свое имя изъ списка членовъ читальни и клуба? Требованіе это не Богъ вѣсть какое; тогда бы онъ сохранилъ свой домикъ и не подвергалъ ее и ихъ ребеночка вѣрной опасности.

Долго и краснорѣчиво викарій убѣждалъ Нанни, и уходя получалъ отъ нея обѣщаніе повліять на мужа,—если съумѣетъ; причемъ она прибавила, что еслибъ могла обратить и отца, то вѣнецъ славы ея былъ бы полный.

Это, впрочемъ, было невѣроятно. Джонъ находилъ во мракѣ агностицизма болѣе утѣшенія и менѣе противорѣчій, чѣмъ въ той системѣ, которая оставляетъ дѣла въ томъ же положеніи какъ и противоположное ученіе,—говаривалъ онъ,—но только усложняетъ вопросъ, допуская существованіе силы, которая могла бы все уладить, еслибъ только захотѣла; могла бы однимъ дуновеніемъ уничтожить грѣхъ, нищету и невѣжество, простить дьявола, уничтожить адъ и съ завтрашняго же дня положить начало царству добродѣтели и счастья, еслибъ только захотѣла! Онъ былъ умный, благородно-мыслящій человекъ, который умѣлъ страдать, не нуждаясь въ утѣшеніи; но Джорджъ не отличался таковой умственной силой, онъ былъ моложе, еще не привыкъ страдать; горе надламывало его, какъ оно надламываетъ женщинъ, и заставляло его ждать поддержки извнѣ. Близость Нанни къ смерти глубоко взволновала его. Человѣческая философія хороша, какъ умственное упражненіе, когда на душѣ спокойно; но душа его находила эту философію мертвой и сухой во время своихъ страданій, а когда викарій сказалъ Нанни, а Нанни повторила ему какъ-бы отъ себя, что Богъ ведетъ его путемъ скорби,—наказуетъ его какъ грѣшника прежде, чѣмъ принять его какъ сына,—онъ далъ этимъ словамъ проникнуть въ самую глубь его сердца.—Доброе сѣмя,—говорилъ викарій,—оно прозябнетъ и дастъ обильный плодъ.

Тѣмъ не менѣе ему невыразимо тяжело было сознавать, что люди будутъ въ правѣ сказать, что онъ измѣнникъ, что онъ, какъ Адамъ Бель, или ему подобные, бѣжитъ съ корабля, боясь, чтобы онъ не пошелъ ко дну. Никогда до сихъ поръ никто не могъ сказать про него дурного слова; и хотя онъ перешелъ бы въ болѣе сильный лагерь, еслибы оставилъ свой собственный, онъ боялся, что люди скажутъ, что онъ измѣнилъ своему слову. Съ другой стороны, ему приходилось считаться съ собственной совѣстью и съ ужасной мыслью: «а что, если это правда?».

которая преслѣдовала его день и ночь. Кромѣ того, онъ нѣжно любилъ жену, и она имѣла надъ нимъ вліяніе такое, какое добрыя, нѣжныя, скромныя женщины имѣютъ надъ добрыми и нѣсколько женоподобными мужчинами. Конечно, и тесть его имѣлъ надъ нимъ вліяніе, а также и Ричардъ Фуллертонъ. Но все-таки мысль: «а что, если это правда?» впиалась въ него точно піявка, и располагала его слушать — и болѣе чѣмъ слушать — когда Нанни уговаривала его отказаться отъ заблужденій своихъ и Фуллертона для церкви и христіанства. Онъ согласился наконецъ позволить ей взять молитву въ церкви въ будущее воскресенье, и открыто крестить ребенка. Викарій категорически заявилъ ей, что еслибы ребенокъ умеръ некрещенымъ, онъ не позволитъ похоронить его на кладбищѣ, ни прочесть надъ нимъ погребальныхъ молитвъ, сострадательно прибавивъ: «бѣдный, слабенькій агненокъ! Онъ такъ смотритъ, точно и нынѣшняго дня не выживетъ; подумать только, что онъ лишится вѣчной жизни изъ-за жестокой слѣпоты человѣческой!»

Этотъ аргументъ окончательно убѣдилъ Нанни, а черезъ нее завоевалъ и Джорджа. Онъ объявилъ, что пойдетъ съ нею и смѣло, какъ слѣдуетъ мужчинѣ, встрѣтитъ взгляды сосѣдей.

Вслѣдствіе чего, въ слѣдующее воскресенье, всѣ, знавшіе взгляды плотника и его тестя, были умилены или возмущены, смотря по ихъ чувствамъ и убѣжденіямъ, увидавъ Джорджа Пирса и жену его въ церкви, гдѣ она взяла молитву, а ребенокъ былъ окрещенъ и открыто принятъ въ лоно англиканской церкви. На другой же день Джонъ Гревсъ и нѣсколько другихъ получили приказаніе очистить квартиры въ концѣ мѣсяца, и Нанни, горько оплакивавшей отцовское горе, казалось, что Господь вступился, чтобы спасти ее отъ смерти, а ея собственный домъ отъ разрушенія.

— Хоть бы Джонъ накинулся на меня, — думалъ Джорджъ, когда они сидѣли небольшой группой у камина. Для него было бы облегченіемъ, еслибы тесть напалъ на него и наградилъ нѣсколькими бранными эпитетами, — несправедливыми, конечно, но, повидимому, слишкомъ заслуженными! Его кротость была самымъ тажкимъ крестомъ для бѣднаго малаго; но брань и упреки не входили въ привычки Джона, и онъ зналъ, что Джорджъ обратился потому, что его въ этомъ побуждала совѣсть, а вовсе не потому, чтобы онъ былъ измѣнникъ и боялся послѣдствій.

Какъ бы то ни было, все это случилось нехотати. Джонъ сознавалъ это не менѣе самого Джорджа. Видъ былъ нехорошій,

а видѣ иногда значить не менѣе сущности дѣла; люди должны быть менѣе склонны дурно думать о ближнемъ, чѣмъ склонно въ этому большинство, чтобы подобное совпаденіе можно было счесть дѣломъ случая. Томъ Мургедь не отличался такимъ великодушіемъ, ни дядя Бенъ, ни Дикъ Стернъ, никто изъ получившихъ приказаніе очистить квартиру. Каждый кидалъ въ Джорджа словечкомъ, когда ихъ выгоняли, а его оставляли въ покоѣ; а когда, въ первый разъ въ теченіе десяти или болѣе лѣтъ, Джонъ одинъ отправлялся на лекцію, ему казалось, что среди близкихъ его прошла смерть и что онъ навѣки утратилъ любимаго сына. Бѣдный Джорджъ также почувствовалъ себя неловко, когда его другъ и отецъ ушелъ безъ него, но онъ дѣйствовалъ по совѣсти и согласно съ своими новыми убѣжденіями; но вѣдь и самъ Ричардъ Фуллертонъ училъ его полагаться на самого себя и мужественно отстаивать свои убѣжденія.

Какъ все измѣнилось! Вмѣсто великихъ каменныхъ скрижалей геологіи, изъ которыхъ мистеръ Фуллертонъ обыкновенно черпалъ данныя для своихъ лекцій, Нанни заставила мужа читать вслухъ отрывки изъ Новаго Завѣта, указанные мистеромъ Ласселемъ, а сама стала на колѣни и молилась по маленькому молитвеннику, который онъ же далъ ей, въ ту самую минуту, когда смѣлый лекторъ доказывалъ своимъ слушателямъ не только бесполезность, но дерзость молитвы, утверждая, что она бесполезна, если міромъ управляютъ неизмѣнные законы, дерзка, если имъ управляетъ всемогущая и благодѣтельная сила.

— Гдѣ Джорджъ? — спросилъ Ричардъ, ничего не знавшій о томъ, что происходило въ церкви наканунѣ.

Джонъ Гревсъ смотрѣлъ въ сторону, смущенный, огорченный.

— Онъ не боленъ, надѣюсь? — снова спросилъ Ричардъ.

— Не тѣломъ, сэръ, — сказалъ Джонъ.

— Онъ въ горѣ? Что случилось, Джонъ?

— Имъ завладѣли, сэръ. Болѣзнь Нанни очень огорчила его, онъ чувствовалъ себя одинокимъ и будто во мракѣ. Онъ говорилъ мнѣ въ тотъ день, когда ей было особенно плохо: о, еслибъ я могъ молиться и вѣрить, что буду услышанъ! А теперь, сэръ, и повѣрилъ. Вчера ребенка крестили въ церкви и онъ самъ тамъ былъ. Не думаю, чтобы онъ продолжалъ ходить сюда, и очень объ этомъ сожалѣю, но убѣжденія человека слѣдуетъ уважать, какъ бы онѣ ложны ни были.

— Мнѣ тоже очень жаль, — серьезно замѣтилъ Ричардъ. — Я понимаю въ чемъ дѣло. Мистеръ Лассель выбралъ благоприятную минуту. Они всѣ на это мастера.

— Да, — съ легкимъ вздохомъ сказалъ Джонъ: — лаской да угрозой, дѣйствуя на людской страхъ и привязанности, на человеческое себялюбіе и суевѣріе, они овладѣвають гораздо большимъ числомъ людей, чѣмъ сколько перешло бы къ нимъ по собственному побужденію. Они и дочь мою прибрали къ рукамъ черезъ Джорджа; мнѣ жаль, что это случилось именно теперь.

Онъ замолчалъ, и опустилъ глаза въ землю.

— Отчего? — спросилъ Ричардъ, вспыхнувъ.

Неужели его несчастная исторія стала извѣстна? Неужели толкуютъ о его униженіи, о его отчаяніи?

— Извольте видѣть, сэръ, всѣмъ намъ приказано выѣзжать съ квартиры, — сказалъ Джонъ: — всѣмъ намъ, принадлежащимъ къ читальнѣ; одного Джорджа оставили въ покоѣ. Я знаю, что онъ какъ младенецъ неповиненъ ни въ какихъ интригахъ, но кое-кто изъ нашихъ ему не довѣряютъ; да видъ-то нехорошій, въ этомъ и сомнѣнія нѣтъ!

— Мнѣ очень жаль слышать, что вамъ приходится выѣзжать изъ своего дома, — сказалъ Ричардъ. — Куда-же вы думаете переехать?

Портной покачалъ головой.

— Нѣтъ для меня болѣе подходящаго мѣста по моей работѣ, — сказалъ онъ, — и мистеру Молинѣ это извѣстно. Самъ я жилъ на ихъ землѣ тридцать лѣтъ, да отецъ мой столько-же. Тяжеленъко оно; но новые люди и новые порядки! Кажется, оно теперь на то пошло, здѣсь въ Кроссгольмѣ.

— Если васъ выживаютъ, я построю домикъ для васъ съ братомъ Беномъ, да и для всѣхъ изгнанныхъ. — Мнѣ бы пріятно было имѣть васъ всѣхъ моими жильцами.

Джонъ Гревсъ поднялъ голову и улыбнулся.

— Благодарю васъ, сэръ, — задумчиво отвѣчалъ онъ. — Между нами нѣтъ человека, который не предпочелъ-бы имѣть васъ своимъ хозяиномъ, чѣмъ всякаго другого. — Потомъ нѣсколько встревоженнымъ тономъ прибавилъ: — Надѣюсь, что вы не чувствуете себя дурно нынче, сэръ? Вамъ какъ будто не по себѣ.

— Нѣтъ, — спокойно сказалъ Ричардъ. — Я совершенно здоровъ, благодарю васъ, Джонъ.

— Очень радъ это слышать, сэръ. Берегите себя; вы вѣдь наша главная опора, мистеръ Фуллертонъ, — сказалъ портной, глядя ему въ лицо съ открытымъ сочувствіемъ и дружелюбіемъ. Затѣмъ они пожали другъ-другу руки и расстались. Ричардъ вернулся въ свой несчастный домъ и чувствовалъ, какъ Джонъ Гревсъ, что смерть похитила у него тѣхъ, кого онъ любилъ.

Глава IV. — Новое уклоненіе.

Изгнаніе, угрожавшее многимъ обитателямъ мѣстечка, сильно взволновало Кроссгольмъ. Этого, впрочемъ, слѣдовало ожидать, и мистеръ Лассель это предвидѣлъ. Онъ сознавалъ, что поступилъ сурово, и что выгнать изъ ихъ жилищъ цѣлую группу трудолюбивыхъ, трезвыхъ, порядочныхъ людей потому, что они не ходятъ въ церковь и вѣрятъ въ науку скорѣй, чѣмъ въ откровеніе, очень похоже на гоненіе, насколько оно допускается духомъ времени. Но онъ рассчитывалъ на врожденное людямъ уваженіе къ силѣ, хотя слѣдовало-бы также принять во вниманіе и врожденную имъ ненависть къ тиранніи—и думать, что смѣло совершить смѣлое дѣло и будетъ отвѣчать за послѣдствія.

Онъ, разумѣется, услыхалъ о намѣреніи Ричарда Фуллертонна построить коттеджи для обездоленныхъ, и улыбнулся, услыхавъ это. Онъ, конечно, позволить построить домъ; но кто будетъ жить въ нихъ—другой вопросъ. Погода, однако, стояла такая, что въ настоящее время только и можно было, что отмирать землю и вырыть фундаментъ; повѣмъ-съ мистеру Фуллертону удалось помѣстить Джона Гревса и брата его Бена въ довольно большомъ домѣ, оказавшемся пустымъ, а Рингровъ, несмотря на то, что предвидѣлъ неудовольствіе Герміоны и отчаяніе Виргиніи, многимъ доставилъ мѣста, остальныхъ пріютилъ мистеръ Незбитъ и другіе. Поэтому, въ сущности, изгнаніе не имѣло тѣхъ роковыхъ послѣдствій, какими угрожало; люди не были разорены, хотя церковь показывала свою власть. Она намѣрена была показать ее еще въ болѣе-большой степени со временемъ; но пока этого перваго удара было достаточно.

Тѣмъ временемъ, хотя толковъ было много, не сдѣлано было ничего; сожженіе на вострѣ кузлы, изображающей викаріа, обсуждавшееся у Тома Мургеда, никогда не осуществилось. Томъ охотно принялъ бы въ этомъ участіе и съ радостью-бы пожертвовалъ своей лучшей шляпой, еслибъ это могло сдѣлать сходство поразительнѣе; но, пообдумавъ, они отказались отъ своего намѣренія. Мистеръ Фуллертонъ, говорили они между собой, нагѣрное этому воспротивится. Деревня потолковала объ изгнаніи—продолжая считать его скорѣй дѣломъ викаріа, чѣмъ этого глупца, молодого Молинѣ—какъ на биржѣ толкуютъ о предстоящей войнѣ; но если не считать нѣсколькихъ робкихъ недовольныхъ, разсердившихся на церковь въ теченіе нѣсколькихъ воскресеній, но

мѣръ не было принято никакихъ. Вообще, хотя всѣ говорили, что это стыдъ и грѣхъ, что мистеръ Лассель не лучше римскаго папы, что имъ придется смотрѣть въ оба, но благоговѣніе англичанъ передъ силой взяло верхъ, и если викарій заслужилъ нерасположеніе нѣкоторыхъ, значительное большинство относилось къ нему съ уваженіемъ, смѣшаннымъ со страхомъ.

Въ аббатствѣ наступила та именно тишина, которая слѣдуетъ за бурей; въ теченіе нѣсколькихъ недѣль тамъ, повидимому, все было спокойно — спокойствіемъ смерти. Никакой посторонній зритель не замѣтилъ-бы, что любви, нѣкогда такой глубокой и искренней, нанесенъ смертельный ударъ, и что въ этомъ благоустроенномъ, приличномъ семействѣ нѣтъ истиннаго мира и счастья.

Герміона, въ тайнѣ недовольная собою и, какъ всѣ женщины, тосковавшая о любви, которую окончательно оттолкнула, сначала не желала прибавлять къ своему разрыву излишней горечи; а викарій, довольный своими существенными пріобрѣтеніями, пересталъ на время гоняться за пустяками. Зная, что слабость представляетъ всегда невѣрную добычу, опасаясь, какъ-бы Герміона не вернулась къ своимъ старымъ привычкамъ, если слишкомъ сильно натянуть струну, зная, что отдыхъ порою необходимъ даже среди борьбы, — мистеръ Лассель до поры до времени спокойно относился ко всему, и давалъ ей возможность свыкнуться съ старыми оковами прежде, чѣмъ надѣть новыя. Онъ даже какъ-бы предоставилъ своему сопернику нѣкоторое преимущество ослабленіемъ церковныхъ обрядовъ, которое предписывается, кстати замѣтить, самою природою.

Зима была особенно сурова, вьюги были частыя, короткіе дни темны: по неволѣ пришлось отказаться отъ заутрени и вечерней службы за неимѣніемъ усердствующихъ. И Герміона, и Виргинія сильно простудились. Викарій боялся обнаружить излишнюю суровость въ дисциплинѣ, хотя она была необходима для сохраненія его вліянія. Тереза Молинѣ, съ ея возраставшей худобой, глухимъ кашлемъ и постоянной лихорадкой, не имѣла никакой возможности ходить въ церковь въ такую погоду, которая тяжело отзывалась на сильныхъ мужчинахъ; а мистеръ Лассель не придавалъ такого значенія душѣ здоровенной тетушки Еватерины, чтобы устраивать ежедневныя службы единственно для ея удовольствія. Другіе члены паствы были также больны и слабы, такъ что, по зрѣломъ обсужденіи, онъ предпочелъ отказаться отъ ежедневныхъ службъ, пока погода не измѣнится, чѣмъ продолжать ихъ наперекоръ стихіямъ, связывая «величаніе» съ бронхитомъ, и завершая «благодареніе» — пневмоніей.

Въ настоящую минуту отъ «вѣрныхъ», здоровье которыхъ находилось въ удовлетворительномъ состояніи, требовалось только ходить къ главнымъ службамъ и не уклоняться отъ еженедѣльной исповѣди.

Исполненіе этихъ обязанностей предписывалось всѣмъ желавшимъ оставаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ мѣстнымъ папою и обезпечить себѣ мѣстечко въ царствѣ небесномъ; но и требованія эти не привели къ семейнымъ столкновеніямъ въ аббатствѣ.

Хотя Ричардъ бывалъ съ женою и дочерью чаще прежняго, онъ не могъ превратиться ни въ ихъ тюремщика, ни въ шпиона, и пока онъ зналъ, что извѣстныя вещи не дѣлаются, ему приходилось мириться съ остальнымъ. Когда онъ спрашивалъ у Виргиніи, что почти всегда дѣлалъ за завтракомъ:

— Выходила-ли ты, дитя мое? а она отвѣчала:

— «Нѣтъ, папъ»,—онъ довольствовался и тѣмъ, что, повидимому, тормазь здраваго смысла пріостановилъ убійственное клерикальное колесо... Онъ и не подозрѣвалъ о записочкахъ, которыми, въ теченіе дня, обмѣнивались аббатство и викаріатъ; объ увѣщаніяхъ, признаніяхъ, о постоянномъ «духовномъ давленіи», которому никогда не позволяли изглаживаться изъ ихъ сознанія. Онъ зналъ только, что въ теченіе безъ малаго двухъ недѣль двѣ дорогія ему женщины, которыхъ онъ думалъ охранять, не совершили ничего чудовищно-неблагодарнаго, и что ни мистеръ Лассель, и никто другой изъ духовенства не входилъ въ домъ. Но это была только вѣшняя сторона вопроса, суть оставалась та же.

Его сближеніе съ ними, его наблюденіе за ихъ дѣйствіями, въ концѣ-концовъ не подвинуло дѣла Ричарда въ глазахъ жены или дочери. Какъ онъ ни былъ ласковъ и кротокъ съ обѣими, онъ тѣмъ не менѣе былъ помѣхой, будучи одновременно надзирателемъ и контролеромъ, въ обществѣ котораго не слѣдовало позволять себѣ находить удовольствіе. Не будь онъ такъ исковерканы, это частое общеніе радовало-бы ихъ безконечно, но теперь было слишкомъ поздно:—«слишкомъ поздно!» вздыхала Герміона, оглядываясь на старый храмъ съ его засохшими цвѣтами и обезображеннымъ кумиромъ, въ то время какъ воля, болѣе сильная чѣмъ ея собственная, увлекала ее въ храмъ, гдѣ кумиръ этотъ былъ проклятъ, а поклоненіе ему почиталось непростительнымъ грѣхомъ.

Пока погода была такъ дурна, что имъ по неволѣ приходилось проводить большую часть времени въ четырехъ стѣнахъ, частыя появленія Ричарда, то съ какою-нибудь свѣжей новостью

изъ только-что полученной газеты, то съ разсказомъ о прекрасномъ уголкѣ волшебнаго міра, открытомъ посредствомъ микроскопа, если иногда и смущали, когда приходилось писать записку, но иногда не были неприятны,—по крайней мѣрѣ Герміонѣ, настроеніе которой мѣнялось ежеминутно. Виргинія присутствіе отца теперь всегда причиняло страданіе. Но когда самая суровая часть зимы миновала, когда жизнь ихъ вернулась на старый путь и мистеръ Лассель снова принялся ими командовать, присутствіе это превратилось для обѣихъ въ положительную пытку.

Какъ могли онѣ, по принятому обычаю, ежедневно отправляться въ викаріатъ, когда Ричардъ съ улыбкой предлагалъ сопровождать ихъ на прогулкѣ или просилъ, чтобъ онѣ взяли его къ себѣ въ экипажъ? Разъ или два въ недѣлю онѣ могли сказать, что у нихъ работа по приходу, но каждый день это было невозможно! Если онѣ не желали довести дѣла до преждевременнаго кризиса, имъ приходилось быть какъ можно осторожнѣе. Какъ они всѣ были несчастны! Мистеръ Лассель и сестра Агнеса горько сѣтовали на это легкое препятствіе полнотѣ ихъ вліянія; горечь ихъ выражалась довольно злобнымъ бичеваніемъ двухъ особъ, страдавшихъ больше всѣхъ. Холодность сестры почти разбила сердце Виргинія и заставляла ее бросаться на колѣни въ порывахъ отчаянія, вслѣдствіе чего она становилась все холоднѣе и холоднѣе съ отцомъ, видя въ этомъ какъ-бы искупленіе; тогда какъ Герміона, то раздражаемая насмѣшливыми поздравленіями викарія по поводу явнаго мира между нею и ея мужемъ, то возбуждаемая къ судорожной дѣятельности его намеками на ея имущественныя права, его сожалѣніями о томъ, что она не въ силахъ взять обратно уступленное ею право контроля, «не устоявъ противъ человѣка, котораго такъ страстно любила»; Герміона, ощущавшая то лихорадочную тревогу отъ его похвалъ, то ненормальное волненіе отъ его недоговоренныхъ словъ, отъ его мнимаго самообладанія, недовольная собою, своимъ прошлымъ и настоящимъ, вскорѣ впала въ то же состояніе, изъ котораго ее, казалось, вывелъ двухъ-недѣльный отдыхъ. Сердце ея разрывалось между двумя противоположными вліяніями, то она жаждала броситься въ объятія мужа, умолять его простить ея вину противъ его любви и полюбить ее по старому, то она стояла на колѣняхъ передъ мистеромъ Ласселемъ, исповѣдуя ему свои сокровеннѣйшія чувства и мысли, отдаваясь подъ его руководство, то колебалась между супружеской любовью и клерикальнымъ фанатизмомъ, между старыми привязанностями и новыми стремленіями; едва ли слѣдуетъ удивляться тому, что ея

настроение духа сдѣлалось измѣнчивѣе, чѣмъ когда-либо. Нечего также удивляться и тому, принимая во вниманіе настоящее положеніе дѣлъ, что въ глазахъ Виргиніи появилось тревожное выраженіе, безпокойное, пытливое, напоминавшее взглядъ существа, запертаго въ клетку и ищущаго, какъ бы вырваться изъ нея.

Близость, которая должна была охранить, соединить, образумить, день ото дня становилась невыносимѣе и Герміонъ и Виргинія, а слѣдовательно день ото дня болѣе вредила собственнымъ интересамъ Ричарда. Благодаря ей, прелесть затрудненій и очарованіе запрещеннаго плода легли на чашку вѣсовъ рядомъ съ прочими прелестями викаріата. Свиданіи Герміоны съ мистеромъ Ласселемъ, Виргинія съ сестрой Агнесой и отцомъ Трускотомъ были короче и рѣже прежняго, но по этому самому были горячѣе, напряженнѣе. Такъ многое приходилось сжимать въ малый періодъ времени; а нныя чувства, нныя рѣшенія и желанія, подобно гремучей ватѣ, отъ сжиманія приобрѣтають силу. Какъ онъ ни хлопоталъ, Ричардъ чувствовалъ, что земля бѣжитъ у него изъ-подъ ногъ, а руки, которыя онъ всячески старается удержать въ своихъ, выскользають изъ нихъ, оставаясь по прежнему холодными, безжизненными. Его какъ-бы преслѣдовалъ злой рокъ, дѣлавшій всѣ его усилія безполезными. Сила, противостоявшая ему, была также непреодолима, какъ электричество, также всесильна, какъ тяготѣніе, а онъ, относительно, былъ также слабъ, какъ Торъ, когда онъ потрясалъ основанія земли и боролся съ слабой на видъ старушонкой, имя которой было Время.

То, что было справедливо по отношенію къ Герміонъ, было также справедливо и по отношенію къ Виргиніи. Убѣдившись, что ни ему, ни имъ нечего ждать добра отъ настоящей методы, Ричардъ въ одно прекрасное утро предложилъ путешествіе за границу, проговоривъ:

— Не желала ли бы ты уйти отъ суровой зимы, Герміона? Погода дѣйствительно страшно тяжелая. Что до меня, то я жажду солнечнаго свѣта и голубого неба. Италія. Что ты объ этомъ думаешь? не отправиться ли намъ?

Не легко ему было предложить это. Онъ слышномъ любилъ свой домъ, свое физическое спокойствіе и умственную дѣятельность, чтобъ увлекаться шатаньемъ по иностраннымъ городамъ, гдѣ также мало отдыха, какъ и обязанностей.

— Путешествовать? о, нѣтъ,—съ притворной дрожью сказала Герміона, повернувъ голову къ окну и глядя на унылый видъ, разстилавшійся передъ нею. Она рѣдко, за послѣднее время,

смотрѣла на мужа; никогда, если только могла этого избѣгнуть, не встрѣчалась съ нимъ глазами.

Виргинія задумчиво взглянула на мать.

— Неужели вы бы не желали поѣхать въ Италію, мама? — спросила она: — въ Римъ?

— Нѣтъ, даже не въ Римъ, — съ принужденнымъ смѣхомъ отвѣчала мать. — Дома лучше.

— Если тебѣ, дѣвочка, этого хочется, я очень радъ былъ бы ѣхать, — сказалъ Ричардъ, обращаясь къ Виргиніи какъ къ неожиданно приобретенному адвокату.

— Конечно, нѣтъ! — съ нервнымъ покашливаніемъ сказала Герміона.

Мистеръ Лассель предвидѣлъ возможность подобнаго предложенія и предупредилъ ее, чтобы ее не захватили врасплохъ.

— Нѣсколько дней удобнаго путешествія въ хорошо-натопленныхъ вагонахъ, и мы оставимъ позади себя весь этотъ снѣгъ и холодъ, и попадемъ туда, гдѣ свѣтитъ лѣтнее солнце и цвѣтутъ весенніе цвѣты, — сказалъ Ричардъ, щедро черпая краски для этой картины изъ собственного воображенія.

— Да, мама, — настаивала Виргинія: — теперь въ Римѣ было бы такъ прелестно!

Мать бросила на нее знаменательный взглядъ.

— Если ты хочешь ѣхать съ отцомъ, поѣзжай, дорогая, — сказала она. — Я тебѣ не помѣшаю. Я не поѣду. Я и подумать не могу уѣхать изъ дому въ это время года; но ты, конечно, можешь ѣхать, если желаешь.

— Виргинія была бы очень милой спутницей, — ласково сказалъ Ричардъ: — но безъ ея матери не думаю, чтобы и ей, и мнѣ пріятно было ѣхать.

Герміона покраснѣла и казалась смущенной.

— Ты очень добръ, — робко сказала она, точно молодая дѣвушка, которой женихъ сказалъ любезность. — Я думаю, что въ Италіи теперь было бы очень пріятно, я даже увѣрена въ этомъ; но по многимъ причинамъ я предпочитаю остаться дома, и толковать о поѣздѣ значить только попусту тратить время.

Затѣмъ она встала и вышла изъ комнаты, подъ предлогомъ какой-то хозяйственной обязанности, которой не существовало и которую она бы не занялась, еслибы таковая и была.

Въ награду ей, мистеръ Лассель увѣрилъ ее, что вся небесная іерархія довольна ею, и (это, быть можетъ, было для нея важнѣе) что самъ онъ совершенно доволенъ. Но онъ предупредилъ ее, что безбожники снова разставятъ сѣти, и снабдилъ ее

оружіемъ для защиты противъ «безчисленныхъ измышленій сатаны», избраннымъ исполнителемъ которыхъ почиталъ ее мужа.

Вотъ почему, когда Ричардъ вернулся къ тому же предмету, на этотъ разъ подкрѣпляя свое желаніе жалобой на нездоровье, — дѣйствительно онъ имѣлъ страшно болѣзненный видъ, — увѣряя, что страдаетъ отъ погоды, жаждетъ солнца, перемѣны, движенія, Герміона проговорила съ неестественной твердостью и равнодушіемъ, достаточно ясно показывавшими, чья непобѣдимая сила воли стоитъ за ее плечами:

— Если тебѣ дѣйствительно необходимо развлеченіе, Ричардъ, поѣзжай за границу. Съ нами ничего не случится, а тебѣ поѣздка принесетъ пользу.

— Но развѣ ты не поѣдешь со мной?—спросилъ онъ.

Она покачала головой.

— Невозможно, — былъ ее отвѣтъ.

— Мнѣ не хотѣлось бы ѣхать безъ тебя, — съ серьезной нѣжностью сказалъ онъ.

— О, это ребячество, — отвѣчала она съ шутилой чопорностью. — Люди, которые такъ давно женаты, какъ мы, могутъ разстаться на нѣсколько недѣль безъ особенныхъ терзаній.

Говоря это, она вдругъ вспыхнула, потомъ отвернулась съ легкимъ смѣхомъ, такимъ же ненатуральнымъ, какъ и все остальное.

— А еслибъ я сказалъ, что считаю это за твою обязанность, въ качествѣ жены, — съ улыбой спросилъ Ричардъ, сознавая, что идетъ на опасный опытъ.

— Я бы противопоставила тебѣ мои обязанности въ качествѣ владѣлицы, — сказала Герміона, повторяя свой урокъ. — Еслибъ ты уѣхалъ, я бы осталась, чтобы слѣдить за моими дѣлами.

Она говорила искусственнымъ тономъ, съ замирающимъ сердцемъ. Но отецъ настоятельно сказалъ ей что говорить, а она обязана повиноваться ему. Ричардъ, читавшій между строкъ, все понималъ.

— Морсъ — уѣздный судья — присмотрѣлъ бы за дѣлами, — спокойно замѣтилъ онъ.

— Я не желала бы все предоставить Морсу. Я предпочла бы сама заниматься дѣлами, — отвѣчала она.

Онъ улыбнулся. Слова ее вызвали одну изъ милыхъ картинъ прошлаго.

— Пріятно было бы видѣть тебя сидящей за счетными книгами, — сказалъ онъ, вспоминая ее давнишнюю неспособность

подвести хоть сколько-нибудь вѣрный итогъ одной страницѣ въ расходной книгѣ.

Герمیона вспыхнула.

— Ты виноватъ, если я мало на что гошусь,—съ досадою проговорила она.—По-моему совсѣмъ не весело, что я такъ мало смыслю въ собственныхъ дѣлахъ; должна признаться, что мнѣ вовсе не нравится пребывать въ потѣмкахъ, въ которыхъ меня держали всю жизнь.

Это была первая карта новой игры.

Ричардъ взглянулъ ей прямо въ глаза; его лицо было скорѣй серьезно, чѣмъ сурово.

— Ты получишь всѣ необходимыя свѣдѣнія о нашихъ дѣлахъ во всякую минуту, когда пожелаешь этимъ заняться,—сказалъ онъ.—Я вовсе не желаю держать тебя въ потѣмкахъ.

— Въ такомъ случаѣ странно, что ты это дѣлалъ,—сказала Герміона. Потомъ, рассказавшись въ своей несправедливости, порывисто прибавила:—Нѣтъ, я не должна была бы это говорить! Всему виной моя собственная несчастная лѣнь.

— Не столько она, сколько твое любящее довѣріе,—сказалъ Ричардъ.—Тамъ, гдѣ на все хватитъ одного, развѣ не бесполезно работать двоимъ? Съ своей стороны я буду очень радъ посвятить тебя во всѣ тайны веденія книгъ и заключенія различныхъ условій. Когда же ты придешь на урокъ?

Онъ снова улыбнулся при этихъ словахъ. Въ воображеніи его мелькала ея хорошенькая голова, склоненная надъ счетами въ его кабинетѣ, какъ въ первые дни ихъ брака, когда она воображала, что у нея прибавилось денегъ за ночь, потому что она вписала пятнадцать фунтовъ въ столбецъ, въ который слѣдовало вносить шиллинги; ему думалось что съ этого, быть можетъ, начнется для нихъ новая жизнь.

— Когда же ты придешь, жена?—снова спросилъ онъ, забывая ихъ настоящія отношенія и оживленно наклоняясь къ ней. Она почувствовала, что сдѣлала промахъ. Что бы сказалъ отецъ настоятель, еслибъ узналъ объ этомъ чудовищномъ предложеніи дружескаго общенія съ ея отлученнымъ отъ церкви мужемъ? Мысль эта заставила ее содрогнуться.

— Если ты уѣдешь, я сама до всего дойду,—поспѣшно сказала она полу-испуганнымъ тономъ.—А, какъ ты справедливо замѣчаешь, пока ты всѣмъ завѣдуешь, мнѣ тутъ дѣлать нечего.

Тѣмъ разговоръ и кончился. Ричардъ усталой поступью вернулся въ себѣ въ кабинетъ, а она, заглушивъ страданія своего сердца чтеніемъ нѣсколькихъ страничекъ *De Imitatione*,

принялась за раскрашиваніе картинки, которую викарій просилъ ее подарить ему для его комнаты. Это должно было быть тайной между ними. Но хотя работа доставляла ей удовольствіе, а отецъ настоятель былъ средоточіемъ священнѣйшихъ ея чувствъ и высшихъ интересовъ—она постоянно повторяла это себѣ,—на тонкій пергаментъ упала слеза, слѣдъ которой ей съ большимъ трудомъ удалось изгладить.

Послѣ этого уже рѣчи не было объ отъѣздѣ изъ Кроссгольма.

Пропастъ между невѣрующимъ отцомъ и мужемъ и его возлюбленными обращенными съ каждымъ днемъ становилась глубже и шире, какъ вдругъ въ одну среду утромъ, Герміона и Виргинія явились къ завтраку въ черномъ, и съ такимъ вообще строгимъ видомъ, что только слѣпой не замѣтилъ бы этого. Онѣ были у заутрени, Герміона очевидно плакала, Виргинія была еще серьезнѣе обыкновеннаго, въ глазахъ ея еще сильнѣе отражалось лихорадочное недоумѣніе, замѣнившее теперь ея прежнюю спокойную силу. Религія для нее не означала ни страха, ни сомнѣній, ни раздвоенности чувствъ. Она была для нея прямой дорогой, по которой она призвана идти, хотя бы это стоило ей жизни. Теперь въ душѣ ея возникло нѣчто, о чемъ не знала даже ея мать, не зналъ и отецъ настоятель, и что должно было оставаться сокрытымъ отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока она не увидитъ ясно дальнѣйшій путь, лежащій передъ нею. Но во время борьбы съ обступившими ее затрудненіями, она была почти также несчастна какъ отецъ, испытывала почти тѣ же терзанія и колебанія какъ мать. Лицо ея въ это утро было зеркаломъ ея души.

Ричардъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на нихъ и, какъ мужчина, сразу не понялъ, что именно произвело общую перемену въ ихъ наружности; потомъ замѣтилъ, что онѣ обѣ выпили по маленькой чашкѣ кофе безъ сливокъ, и съѣли по маленькому кусочку поджареннаго хлѣба безъ масла. Онъ оставилъ эту странность безъ всякихъ комментаріевъ. За вторымъ завтракомъ онъ былъ одинъ, а когда спросилъ, гдѣ дамы, ему отвѣчали, что онѣ въ церкви. Маленькій колоколъ печально звонилъ въ теченіе цѣлаго утра,—теплаго, тихаго февральскаго утра, когда первое дуновеніе весны уже сказывалось на скатахъ и кустахъ. Но Ричардъ не зналъ, что такое затѣвается. Онъ видѣлъ только, что нѣчто необычайное происходитъ въ кверниальномъ мірѣ, и съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя, какую еще задумали тамъ суевѣрную нелѣпость. Обѣдъ отличался такимъ же страннымъ характеромъ какъ и завтракъ. Цвѣты и всѣ столовые украшенія были убраны, а супъ, который не былъ-бы новостью для француза,

по постнымъ днямъ, былъ совершенно неизвѣстенъ Фуллертону. Соленая рыба также не часто подавалась къ его столу, и онъ былъ до нея не охотникъ. Герміона и Виргинія также не любили ея, но онѣ ничего другого не ѣли, да и этого-то кушанья вѣли по маленькой порціи; мясныя же блюда, слѣдовавшія за нимъ, были очевидно приготовлены только для одного лица, и ставились передъ Ричардомъ.

Обѣдъ былъ торжественный, похоронный; и хотя за послѣднее время обѣды ихъ вообще проходили среди такого молчанія и такой скуки, что становилось даже неловко, сегодня это было еще замѣтнѣе, и явное умерщвленіе плоти у вѣрующихъ дѣлало беззаботность еретика особенно грубой и постыдной.

— Почему вы съ Виргиніей не ѣдите?—спросилъ Ричардъ у жены.

Ласковыя названія и нѣжныя эпитеты вышли у нихъ изъ употребленія. Герміона такъ часто отклоняла ихъ, что человѣкъ, съ какимъ-нибудь чувствомъ собственного достоинства, не могъ упорствовать въ томъ, что было такъ явно неприятно.

— Сегодня среда на первой недѣлѣ великаго поста, — тономъ упрека сказала Герміона.

— Но хотя бы и такъ, отчего вы не обѣдаете?—возразилъ онъ, накладывая себѣ на тарелку фризасе изъ голубей, составлявшее его грѣховную *entrée*.

— У насъ сегодня постный день, — сказала Герміона, упирая на мѣстоименіе.

Ричардъ поднялъ голову, въ глазахъ его сверкнулъ гнѣвъ.

— Вотъ какъ! вы думаете угодить великой первичной причинѣ, употребляя въ маломъ количествѣ очень неприятную пищу и позволяя вашему желудочному соку ссориться съ вашей слизистой оболочкой!—воскликнулъ онъ.

— Ричардъ! Какъ ты ужасно грубо выражаешь свою мысль!—сказала Герміона.

— Выражаю какъ слѣдуетъ, — отвѣчалъ онъ. — Какое разумное отношеніе можешь ты найти между соленой рыбой и вѣчной жизнью, между сельдереемъ и невѣдомымъ?

— Эти вещи сами по себѣ ничего не значать, — сказала Герміона. — Цѣнятся повиновеніе церкви.

— Неприятно оно какъ-то, — возразилъ ей неоваренный благодарю мужъ. — Что до меня, то я не вижу нравственного значенія разстройства желудка или религіознаго значенія голода.

— Прямой путь не есть путь удовольствія, мы посланы въ этотъ міръ не за тѣмъ, чтобы всѣвать чувственныхъ наслажденій.

— Ну, въ этомъ дѣлѣ я не судья, — сказалъ Ричардъ. — Хорошее пищевареніе и счастье, благоденствіе и добродѣтель — часто въ жизни понятія однородныя. Тягчайшія преступленія, извѣстныя человѣчеству, были совершены самыми строгими аскетами; недостаточная, также какъ и дурная пища разстраиваетъ печень, а затѣмъ дѣйствуетъ на мозгъ столько-же сколько и обжорство.

— А богатъ и игольное ухо? — саркастически спросила она.

— О, это все вздоръ, — съ досадою отвѣчалъ онъ. — Царство небесное здѣсь просто означаетъ коммунизмъ и саморазореніе. Мы въ правѣ думать, что молодой богатъ былъ достаточно благо-разуменъ, чтобы понять, что подаваніе болѣе развращаетъ, чѣмъ помогаетъ, и что добросовѣстный капиталистъ, употребляющій свое богатство на плату за трудъ, есть лучшее провидѣніе работника. Богатые люди, говоря вообще, несравненно добродѣтельнѣе бѣдныхъ, такъ какъ лучше ихъ воспитаны и подвержены меньшимъ искушеніямъ. Мы не находимъ опасныхъ людей среди богатыхъ, точно также какъ не находимъ болѣзней, порождаемыхъ нищетою между людьми, имѣющими хорошее помѣщеніе и хорошую пищу. Для чего же возвращаться къ условіямъ, избавитися отъ которыхъ составляетъ цѣль цивилизаціи?

— Я предпочитаю путь, указываемый церковью и ея учениемъ, — строго сказала Герміона. — Пожалуйста, оставимъ этотъ разговоръ. Оно и пора, если ты называешь это вздоромъ.

— Я не желаю обидѣть тебя, — сказалъ Ричардъ. — Но къ стыду моему сознаюсь, что я иногда выхожу изъ терпѣнія, когда вижу, что ученія, имѣвшія дѣло съ совершенно инымъ фазисомъ цивилизаціи, чѣмъ настоящій, служатъ вѣчнымъ препятствіемъ прогрессу и разуму; а въ моей личной жизни превращаются въ орудіе, разрушающее мое счастье. Идолопоклонство, которое ты осуждаешь по отношенію къ Вишну и Сивѣ, нигдѣ не скрывается такъ сильно какъ въ этомъ слѣпомъ поклоненіи мифамъ и аксіомамъ, соответствующимъ младенчеству общества, но опровергаемымъ, по всѣмъ пунктамъ, наукою позднѣйшихъ временъ.

— Если ты скажешь еще слово въ томъ же духѣ, я выйду изъ-за стола, — еще строже сказала Герміона, тогда какъ Виргинія, съ заалѣвшимъ лицомъ, быстро встала и вышла изъ комнаты, не говоря ни слова. — Безполезно спорить съ тобой, — съ досадою продолжала она. — Будемъ говорить о чемъ-нибудь другомъ или молчать, — это, пожалуй, было бы всего лучше.

— Нѣтъ, будемъ говорить о чемъ-нибудь другомъ — о твоёмъ новомъ платьѣ, — сказалъ Ричардъ, предпочитавшій высказаться

сразу.—Что на васъ съ Виргиніей сегодня надѣто? У васъ такой видъ, точно вы были на похоронахъ.

— У насъ постъ,—строго сказала Герміона.

— Вы въ траурѣ?

— Да; церковь, мать наша, въ траурѣ, а мы ея дѣти.

— Такъ этимъ-то современная модистка замѣняетъ восточные пепель и вретиче? Сорокъ дней мрачнаго безобразія! Тяжело оно такимъ непросвѣщеннымъ людямъ, какъ я, любящимъ яркіе цвѣта и гордящимся красотой жены, граціей дочери!

Онъ говорилъ съ грустью, смѣшанной съ насмѣшкой.

— Если ты ищешь яркихъ цвѣтовъ, любуйся новой горничной,—тономъ досады сказала Герміона.

— Да? я никогда не обращалъ особеннаго вниманія на горничныхъ или на ихъ платья,—покойно возразилъ онъ.—Но я надѣюсь, что не вся же моя прислуга облечется въ черное изъ-за поста...

— Облечется, если желаетъ остаться у меня,—возразила Герміона.—Ты кончилъ? Въ такомъ случаѣ, я пойду къ Виргиніи. Бофе тебѣ подадутъ сюда. Доброй ночи. Не безпокойся сегодня приходить къ намъ.

— Значить, я ни тебя, ни дѣвочку сегодня больше не увижу? —спросилъ Ричардъ, не поднимая глазъ. Онъ не могъ свыкнуться съ этимъ мучительнымъ отчужденіемъ, и съ каждымъ новымъ доказательствомъ, съ каждымъ новымъ фазисомъ его усиливалась горечь его печали, такъ-что онъ удивлялся иногда, какъ онъ переживаетъ всѣ эти терзанія.

— Нѣтъ,—сказала Герміона, также не поднимая глазъ, но стараясь припомнить все, что мистеръ Лассель говорилъ ей сегодня утромъ, и стараясь живѣе представить себѣ преступность Ричарда, чтобы сильнѣе закалить сердце свое противъ него: —Виргинія и я желаемъ кончить этотъ торжественный день въ мирѣ и святости. Мы не хотимъ, чтобы всѣ наши священные воспоминанія были омрачены богохульствами, на которые ты такъ щедръ.

— Какъ тебѣ угодно,—сказалъ Ричардъ. Онъ тяжело вздохнулъ.—Когда и чѣмъ все это кончится?—спросилъ онъ почти про себя.

— Это зависитъ отъ тебя одного,—возразила Герміона.—Истина неизмѣнна, а мы на пути, ведущемъ къ ней. Доброй ночи. Я пожелаю Виргиніи доброй ночи отъ тебя.

— Доброй ночи,—отвѣчалъ онъ нетвердымъ голосомъ.—

Этотъ постъ, этотъ трауръ, въ который вы играете, составляетъ для меня слишкомъ печальную дѣйствительность!

Она ничего не отвѣчала. Что могла она сказать? Ей все было слишкомъ хорошо извѣстно; но онъ атеистъ, и если страдаетъ, то по своей собственной винѣ. Онъ отрѣзалъ себя отъ мира, отъ свѣта, отъ истины, и чудовищный господинъ, которому онъ служить, поступаетъ съ нимъ согласно съ законами своей природы. Съ такимъ же печальнымъ вздохомъ, какъ и его вздохъ, она молча отвернулась отъ него. Когда она затворила за собою дверь, онъ скрестилъ на столѣ руки и устало приникъ къ нимъ лицомъ. Еслибъ онъ только могъ предвидѣть конецъ всему этому! Онъ сталъ бы ждать съ терпѣніемъ и съ любовью, былъ бы снисходителенъ, не употребилъ бы въ дѣло своихъ правъ, еслибы только могъ надѣяться, что когда-нибудь снова найдетъ то, чего теперь такъ странно лишился. Но положеніе дѣлъ ухудшалось, а не улучшалось; надежды его становились все болѣе смутными, тяжесть на сердцѣ все невыносимѣе; каждый день приносилъ съ собою новое торжество его врагу, новое пораженіе ему самому.

Пока онъ сидѣлъ въ раздумьѣ, ему вдругъ захватило дыханіе, и спазма въ сердцѣ, оторвавъ его отъ сожалѣній, возвратила ему сознаніе. Онъ за послѣднее время сильно страдалъ сердцемъ. Послѣдовавшая за спазмой дурнота была, однако, непродолжительна; и когда Джонсъ принесть кофе, онъ ничего не замѣтилъ особеннаго, кромѣ того, что господинъ его былъ смертельно блѣденъ, съ такимъ выраженіемъ страданія на кроткомъ, красивомъ лицѣ, отъ котораго сочувственно заняло сердце слуги; при видѣ мученій своего господина человѣкъ этотъ—въ сущности вовсе не «обращенный», хотя и старался казаться такимъ въ угоду своей госпожѣ—въ душѣ проклиналъ «этого чернаго мерзавца», какъ онъ называлъ викарія; порядкомъ бы досталось ему за эти проклятія, еслибы онъ сознался въ нихъ на исповѣди.

Строгости, начавшіяся въ среду на первой недѣлѣ, продолжались цѣлый постъ. Натянутость отношеній между Ричардомъ, его женой и дочерью усилилась до такой степени, что сдѣлалась почти невыносимой. Никогда не играла церковь такой выдающейся роли въ его домашнемъ быту; никогда внушаемое ею недовѣріе такъ открыто не бросалось ему въ лицо. По средамъ и пятницамъ мать и дочь ѣли постное; опять началось хожденіе въ утренней, вечерней службѣ; воскресенье онъ съ утра до ночи проводилъ въ викаріатѣ.

Тщетно Ричардъ усовѣщивалъ, убѣждалъ, насмѣхался, запрещалъ. Жена и дочь противопоставляли ему безмолвное упорство

женщинъ, сознающихъ, что ихъ принудить нельзя, и не желающихъ подчиниться чьему-либо вліянію; онѣ шли своей дорогой, несмотря на все его сопротивленіе. Однажды Герміона сказала ему, когда онъ убѣждалъ ее настоячивѣе обыкновеннаго, побуждаемый къ тому усиливающейся блѣдностью Виргиніи и ея собственнымъ лихорадочнымъ волненіемъ,—что если онъ не запретъ ихъ на ключъ, онѣ будутъ продолжать не слушаться его, будучи связаны высшей волей!

Что могъ онъ сдѣлать? Ничего. Мистеръ Лассель сказалъ правду—законъ связывалъ ему руки. Изъ-за его философскихъ воззрѣній, права, дарованныя ему самой природой, отрицались людьми; однажды жена, по настоянію своего духовника, объявила ему, что если онъ не оставитъ ихъ съ Виргиніей въ покоѣ, она будетъ искать покровительства высшихъ судебныхъ властей; затѣмъ она, подобно мистеру Ласселю, предложила ему покориться новому порядку вещей, заявивъ, что его, въ такомъ случаѣ, оставить въ покоѣ и будутъ выносить его ужасное безбожіе; если же онъ предпочитаетъ сразиться съ ними—что-жъ! она готова исполнить его желаніе; пусть ихъ разсудятъ представители высшаго правосудія!

Таково было положеніе дѣлъ, и Ричардъ ничего въ немъ измѣнить не могъ; Рингровъ, хлопотавшій изъ всѣхъ силъ и связавшій свой жребій съ жребіемъ своего друга, былъ также бессиленъ какъ и онъ. Герміона и Виргинія жили своей жизнью, а отверженный мужъ и отецъ своею. Встрѣчались они только за столомъ и больше никогда; наименѣе тяжелъ былъ тотъ обѣдъ, за которымъ меньше говорилось. Молчаніе было всего безопаснѣе; а потому молчаніе и царило въ аббатствѣ.

Но хотя побѣда и осталась за клерикалами, въ викаріатѣ и среди всей церковной партіи вообще не иначе говорили о дамахъ изъ аббатства какъ объ угнетаемыхъ поборниками истины, о мученицахъ; объ облегченіи ихъ страданій «вѣрные» должны возсылать усердныя и частыя молитвы, ихъ постоянствомъ должны восхищаться, а въ случаѣ надобности и подражать ему. На высочій пьедесталъ были вознесены жена, измѣнившая своимъ клятвамъ, дочь, отрѣкшаяся отъ своего послушанія; съ самообманомъ, свойственнымъ подобнымъ имъ женщинамъ, принимали онѣ пальмовую вѣтвь—эмблему мученичества—точно она принадлежала имъ по праву. И пока Ричардъ Фуллертонъ все ниже и ниже склонялъ голову подъ сразившимъ его смертельнымъ ударомъ, человекъ, его побѣдившій, и женщины, его покинувшія, призы-

вали благословеніе на свое дѣло разрушенія и плакались надъ своими неzasлуженными несчастіями.

Глава V.—Взрывъ.

Если Герміона и Виргинія были самыми интересными изъ обращенныхъ, вслѣдствіе семейныхъ затрудненій, которыя имъ приходилось побѣждать, и существенныхъ выгодъ для церкви, какихъ можно было ожидать отъ нихъ въ будущемъ, семейство Молине представляло самое выгодное приобрѣтеніе въ настоящемъ. Надъ ними мистеръ Лассель имѣлъ власть безусловную, съ ними могъ обойтись безъ такта или осмотрительности въ своемъ поведеніи, могъ не опасаться враждебнаго вліянія на ихъ образъ дѣйствій. Онъ располагалъ ихъ временемъ, ихъ собственностью, ихъ личностями, ихъ дѣйствіями, точно независимость и самоуваженіе—слова, лишенные значенія въ жизни англичанъ; они ему повиновались точно родились въ рабствѣ, и не знаютъ ничего выше покорности собаке, слѣдующей по пятамъ своего господина.

Если ему требовалось денегъ больше, чѣмъ онъ считалъ приличнымъ просить у Герміоны, онъ обращался къ Кутберту. Если у Кутберта карманы были пусты—что теперь часто случалось—онъ обращался къ тетущкѣ Екатеринѣ, у которой были еще свои средства; затѣмъ онъ бралъ деньги у Терезы изъ суммы, предоставленной ей на личные расходы, ограничивая ее пятью фунтами на три мѣсяца и забирая остальное подъ видомъ приношенія Господу. Съ той или другой изъ этихъ овецъ, во образѣ человѣческаго, ему удавалось настричь шерсти въ достаточномъ количествѣ для прихода.

Когда священники и братья наѣзжали въ такомъ множествѣ, что онъ не могъ помѣстить ихъ въ винаріатѣ, онъ увѣдомлялъ тетущку Екатерину, сколько ему требуется кроватей, и сообщалъ ей имена гостей также хладнокровно, какъ еслибы она была привратникомъ гостиницы, обязаннымъ вести списки пріѣзжающихъ. Онъ не просилъ оказывать гостепріимство его друзьямъ или помощь бѣднымъ. Онъ заказывалъ то, что было ему нужно, безъ всякихъ предисловій или благодарностей. Когда онъ желалъ дать больному столько-то фунтовъ мяса, онъ выдавалъ чекъ на Черчлендъ точно на банкъ, гдѣ у него былъ бы текущій счетъ. Если ему нуженъ былъ экипажъ, онъ послалъ человека сказать объ этомъ и назначалъ часъ; если у него не доставало ви-

ложь или ложекъ, ставановъ или посуды, для данного случая, служанка его отправлялась въ Черчлендсъ съ корзиной и приказаніемъ принести по столько-то всего. Тѣла и души его трехъ прозелитовъ были въ его полномъ распоряженіи, они стояли передъ нимъ на колѣняхъ и гордились тѣми крайностями, до которыхъ доводили свою покорность.

Тетуска Екатерина, кромѣ рабскаго уваженія, питала къ нихъ красавцу-викарію и страхъ, какъ къ самовластному раздателю духовныхъ мукъ и преимуществъ, вѣчныхъ каръ и награды; ничего она такъ не боялась какъ его неудовольствія. Священная власть связывать и разрѣшать, признанія которой за собою онъ требовалъ какъ священникъ, подъ вліяніемъ настроеннаго на суевѣрный ладъ воображенія, представлялась ей богѣ значительной, чѣмъ онъ самъ ее считалъ. Она нѣсколько разъ шопотомъ сообщала друзьямъ свое убѣжденіе, что кроссгольмскій викарій—вновь воплотившійся апостолъ, совѣтуя оказывать ему покорность *здесь*, чтобы получить хорошее мѣсто *тамъ*. Какъ всѣ неразумяющіе люди, она все преувеличивала, какъ всѣ слабые люди, была идолопоклонницей подъ именемъ христіанки. Результатомъ всего этого было то, что ея слабый мозгъ день ото дня становился слабѣе, пока не сдѣлалось совершенно очевиднымъ, что она скоро впадетъ въ идіотизмъ и проведетъ остатокъ своей жизни въ качествѣ безвредной сумасшедшей, посвящающей все свое время дружескому общенію съ полубогами христіанскаго Олимпа.

Но если тетуска Екатерина по прежнему была его креатурой, въ Кутбертѣ за послѣднее время произошла какая-то перемѣна, которую мистеръ Лассель, при своей гордости и самоувѣренности, почти не замѣтилъ, а еще менѣе давалъ себѣ трудъ анализировать. Тѣмъ не менѣе она существовала; представлялся вопросъ: что это такое? любовь къ Виргиніи? и ради этой любви нѣкоторое ослабленіе его прежняго священнаго усердія? или оглядываніе назадъ?

Некрасивый, худощавый, неловкій, бѣдный Кутбертъ едва ли могъ нравиться людямъ съ избалованнымъ вкусомъ. Онъ былъ способенъ, подъ вліяніемъ необычайнаго оживленія, оригинально ухаживать за предметомъ своей страсти: взять ея руку за кисть, съ минуту продержать въ своей и выпустить, точно она обожгла ему пальцы; безумно смѣяться надъ шутками, въ которыхъ никто, кромѣ его самого, не усматривалъ ничего смѣшного; спрашивать ее, достаточно ли тепло его пальто по погодѣ, надѣвать ли ему шерстяной шарфъ или нѣтъ. Въ радостномъ настроеніи онъ да-

рилъ ей копіи съ картинъ Фга-Angelico и Боттичелли; въ печальномъ цитировалъ тексты изъ библіи, выражавшіе его земную страсть, но не позволявшіе душѣ его сойдти съ прямого пути; въ поэтическомъ, отличавшемся какимъ-то средневѣковымъ характеромъ, слѣдовалъ за своей возлюбленной на почтительномъ разстояніи, видя въ себѣ слугу, посвятившаго себя пріятной задачѣ покоряться ея волѣ и прославлять ея красоты; писалъ плохіе стихи, въ которыхъ постоянно шла рѣчь о его мнимой любви и ея садѣ

Но до подобныхъ демонстрацій онъ, въ настоящее время, не доходилъ. Онъ довольствовался тѣмъ, что питалъ въ Виргиніи слабое, сентиментальное поклоненіе, служившее въ его понятіяхъ выраженіемъ дивнаго безумія, отъ котораго умеръ Ромео, страстного благоговѣнія, отъ котораго погибъ Торквато Тассо. Онъ выражалъ свою любовь — если и вообще выражалъ ее — одними взглядами. Онъ не желалъ ничего, кромѣ того, что имѣлъ: видѣть Виргинію ежедневно, а часто по нѣскольку разъ въ день; причемъ всегда становился на такомъ мѣстѣ, откуда могъ любоваться ея чистымъ и безстрастнымъ профилемъ; устремивъ на нее свои свѣтло-сѣрые глаза, онъ уже не отрывалъ отъ нея взгляда. Но онъ никогда не заговаривалъ съ ней. Несмотря на это, между ними существовало какое-то безмолвное соглашеніе, подѣ которымъ могло таиться многое.

Викарій, хотя и одобрялъ это и безконечно предпочиталъ всякимъ расчетамъ на Рингрова, но не принималъ особаго участія въ безцвѣтномъ ухаживаніи своего вялаго приверженца. Онъ былъ также увѣренъ въ немъ какъ въ Виргиніи, и рассчитывалъ на обоихъ какъ на лично-преданныхъ ему друзей и на вѣрныхъ дѣтей англиканской церкви. Еслибъ они женились, ему пришлось бы обсудить различные шансы перемѣтъ, могущихъ возникнуть изъ ихъ новыхъ отношеній.

Смѣлое требованіе возвращенія части собственности, отнятой проблематическимъ порядкомъ у святой матери-церкви, могло понадобиться, принимая во вниманіе, что земная любовь иногда ослабляетъ преданность клерикаламъ. Но покажѣсь торопиться было нечего, хотя кое-что и измѣнилось.

Въ началѣ своего увлеченія облаченіями и оміамомъ, Кутбертъ очень часто заявлялъ викарію, что ничто такъ не облегчитъ его совѣсти какъ это священное возвращеніе нечестиваго богатства. Они даже вмѣстѣ разсматривали планъ имѣнія, и съ согласія Терезы, какъ совладѣлицы, рѣшили, какія фермы и поля слѣдуетъ продать съ тѣмъ, чтобы полученные за нихъ деньги возвратитъ

церкви. За послѣднее время онъ, однако, уклонялся отъ этого вопроса, когда отецъ настоятель или Тереза касались его. Ничего опредѣленнаго сдѣлано не было; а онъ всю вину за промедленіе взваливалъ на страпчихъ. Онъ объявлялъ, что терпѣть всякое терпѣніе, и даже разрѣшилъ себѣ маленькую ложь, сказавъ, что писалъ и справлялся, хотя вовсе не писалъ.

Молодой человѣкъ колебался также относительно своего посвященія на Пасхѣ, то увѣряя, что онъ не подготовленъ умственно, и что канланъ-экзаменаторъ никогда его не пропуститъ, то ссылаясь на то, что недостойнъ посвятить себя священному служенію, на которое должны идти одни святые люди. Но онъ всегда кончалъ увѣреніемъ, что, вѣроятно, будетъ рукоположенъ на Пасхѣ или непремѣнно какъ-нибудь впослѣдствіи.

Какъ бы то ни было, онъ уклонялся отъ перваго вопроса и колебался относительно втораго. Мистеръ Лассель часто раздражался, но не имѣлъ никакихъ опасеній: онъ улыбался при мысли о томъ, какъ крѣпко онъ держитъ этого слабаго брата въ своей сильной рукѣ, и думалъ, что это колебаніе дѣйствительно должно быть приписано—сомнѣніямъ слишкомъ чутвой совѣсти, заставлявшимъ Кутберта считать себя недостойнымъ.

При такихъ условіяхъ прошла половина поста. Рѣшено было, что конфирмація Виргиніи состоится на Пасхѣ.

Отецъ Трускотъ приготовлялъ ее, на сопротивленіе Ричарда не обращали вниманія. Конфирмація входитъ въ обыкновенную жизнь добропорядочныхъ протестантовъ, и возраженія безбожника-отца не должны были имѣть никакого значенія передъ закономъ. На этотъ счетъ безпокоиться было нечего, нѣкоторые опасенія внушала поѣздка дѣвушки въ С. для ея подготовленія къ конфирмаціи. На это Ричардъ, конечно, никогда не согласится, и такъ какъ это вообще не принято у протестантовъ, въ этомъ случаѣ сила могла оказаться на сторонѣ безбожника, еслибъ дѣло дошло до столкновенія между отцомъ и дочерью.

Тѣмъ не менѣе, поѣздку эту устроить слѣдуетъ, чего бы это ни стоило въ смыслѣ домашняго мира и дочернихъ обязанностей. Такъ рѣшили отецъ Трускотъ и сестра Агнеса, а мистеръ Лассель и Герміона одобрили.

Отецъ Трускотъ теперь почти поселился въ Кроссгольмъ, гдѣ старался быть полезнымъ и работалъ больше всѣхъ. Онъ энергически помогалъ викарію по приходу и по богослуженію, и многихъ исповѣдывалъ. Изъ всѣхъ его духовныхъ дѣтей самой выдающейся была, конечно, Виргинія Фуллертонъ. Онъ втайнѣ воздѣлывалъ ея душу какъ духовное поле, еще не давшее видимаго

плода, но жатва котораго тѣмъ не менѣе зрѣла, — хотя молча и тайно, но все-же зрѣла. Онъ приносилъ ей книги, четки и частицы мощей; послѣднія онъ отдавалъ ей одной съ особой торжественностью и благоговѣніемъ, требуя, чтобы она отъ всѣхъ ихъ прятала. Она не должна была показывать ихъ даже матери. Одной сестрѣ Агнесѣ дозволялось прикасаться къ нимъ. Она при этомъ крестилась, прижимала ихъ ко лбу, къ губамъ, становилась передъ ними на колѣни, поднимала руки, призывая покровительство святыхъ, священными останками которыхъ почитались эти предметы. Она одна знала обо всемъ, происходившемъ за кулисами, о томъ, что все это значить и чѣмъ должно кончиться. Ея поддержка поощряла Virginію — эту нѣкогда чистую и прозрачную душу — на постоянную ложь. Безъ этой поддержки дѣвушка сочла-бы свое положеніе невыносимымъ; съ нею хитрость и ложь, подъ маской религіи, роковымъ образомъ облегчались. Сестра забрала надъ нею такую-же власть, какъ викарій надъ Герміонной, и такъ всецѣло заняла мѣсто матери, что дѣйствительная мать и дочь были только друзьями. Сестра Агнеса была настоящей матерью Virginіи, отецъ Трускотъ настоящимъ отцомъ; совѣсть ея была спокойна, когда они одобряли то, чего мать съ викаріемъ не позволили-бы, а тотъ бѣдный погибшій служитель сатаны запретилъ-бы.

Если тетушка Екатерина боялась отца настоятеля, Тереза боготворила его. Никогда не бывала она счастливѣе какъ когда ее заставляли служить славіи церкви и обращенію прихожанъ, но непремѣнно подъ его руководствомъ. Безъ его одобренія, его улыбки, его совѣта, даже его выговоромъ — какъ хорошо ей была знакома радость любящихъ, цѣлующихъ руку, ихъ наказующую! — религія показалась-бы ей безцвѣтной. При настоящемъ-же положеніи вещей, состояніе Терезы, впадавшей то въ экстазъ, то въ отчаяніе, граничало съ безуміемъ; самая жизнь ея подтачивалась страстной любовью къ мужчине, подъ видомъ служенія церкви и поклоненія Богу.

Въ одномъ только случаѣ оказывала она неповиновеніе своему повелителю; она ни за что не соглашалась воздержаться отъ благочестивыхъ неосторожностей, составлявшихъ ея благополучіе и разрушавшихъ ея здоровье. Съ наступленіемъ поста она постилась съ зрымъ самоотверженіемъ, хотя ея состояніе требовало покоя и хорошаго питанія.

Какова бы ни была погода, ее всегда можно было видѣть на ея обычномъ мѣстѣ у заутрени и у вечерни, она сочла бы себя отверженной и несчастной, еслибы пропустила раннюю обѣдню,

разумѣется на-топчакъ. Она была вынуждена отказаться отъ своей пріятной обязанности убирать временной престолъ, устроенный въ школьной залѣ. Измѣнявшія силы дали себя знать даже ея пылкой душѣ; послѣ того какъ она два или три раза падала въ обморокъ за своей работой, ей оставалось покориться своей слабости. Миссъ Прайеръ, швольная учительница, питавшая къ красивому викарію одну изъ тѣхъ безнадежныхъ *нассий*, составляющихъ романтическую сторону жизни многихъ смиренныхъ женщинъ, для которыхъ дѣйствительность представляется въ видѣ брака съ торговцемъ модными товарами — взяла на себя эту работу и исполняла ее гораздо лучше.

Тяжело было Терезѣ это вынужденное отреченіе. Большая жертва сломила бы ее, хотя бы самъ отецъ настоятель ее одобрилъ. Она не могла заставить себя отказаться отъ своихъ святыхъ неосторожностей, особенно отъ хожденія въ службамъ. Счастливейшей минутой въ ея жизни была та, когда она видѣла этого возлюбленного священника стоящимъ между нею и божествомъ, олицетворяющимъ для нея божество; когда она слышала его голосъ, позволяла душѣ своей возноситься на крыльяхъ его молитвы, какъ-бы въ его духовныхъ объятіяхъ, до самыхъ вратъ Царства Небеснаго, получать свою долю благословенія, которое звучало гораздо знаменательнѣе въ его устахъ, чѣмъ въ устахъ кого-либо другого, выражать свою любовь и называть это — то гимномъ, то молитвой.

Если она ожидала видѣть отца настоятеля и не видѣла, ея муки становились невыносимыми, а бессонныя ночи, проводимыя среди страстныхъ рыданій и лихорадочнаго отчаянія, вовсе не были полезны дѣвушкѣ, жизнь которой висѣла на волоскѣ, готовомъ ежеминутно порваться.

Если одно изъ двухъ чудесъ не совершится въ ея пользу, очевидно, что бѣдной Терезѣ придется плохо. Если ей не удастся возвратитъ себѣ здраваго смысла и самообладанія — или если священникъ-ритуалистъ, находящій безбрачіе выгоднымъ для себя, не нарушитъ своихъ обѣтовъ и не женится на дѣвушкѣ, представляющей для него нѣкоторыя выгоды въ качествѣ духовной дочери и никакихъ въ качествѣ жены — на старомъ кладбищѣ, до истеченія года, прибавится еще одна могила. Еще одна надежда заключалась въ ея немедленномъ отъѣздѣ; съ перемѣной мѣста могли возникнуть и новые интересы, здоровье ея могло бы быть восстановлено, еслибъ сердце ея изцѣлилось.

Викарій все это видѣлъ совершенно ясно и рѣшился дѣйствовать на основаніи своихъ наблюденій. Присутствіе ея при слу-

женіи чрезвычайно смущало его. Эти опасно-блестѣвшіе глаза, не отрывавшіеся отъ него во время исполненія имъ священнѣйшихъ обрядовъ, отвлекали его вниманіе, наполняли душу его страхомъ передъ возможнымъ будущимъ. Ея бурныя слезы, то огорчали, то раздражали его; ея самообвиненія въ воображаемыхъ грѣхахъ, которыя должны были объяснять ея неодолимое истерическое волненіе, заставляли его ломать голову надъ вопросомъ: чѣмъ бы ее успокоить съ надлежащей серьезностью и вмѣстѣ кѣжностью; ея отчаяніе, когда онъ сдерживалъ ея излишнее усердіе, ея опасная экзальтація, когда онъ поощрялъ ее, приводили его въ недоумѣніе; онъ жаждалъ поскорѣй удалить изъ Кроссгольма особу, религіозное усердіе которой была очевидная бурная страсть.

Уже не разъ прежде, въ теченіе своей карьеры, случалось ему превращать своихъ преданныхъ поклонницъ въ преданныхъ дочерей церкви. Игра эта, всегда опасная, никогда не представляла такой опасности, какъ теперь и хотя она всегда кончалась принесеніемъ въ жертву тѣхъ несчастныхъ и его собственнымъ торжествомъ, въ данномъ случаѣ онъ далеко не былъ увѣренъ въ благопріятномъ исходѣ. Тереза отъ природы была болѣе страстная, чѣмъ большинство англичанокъ, ее легче было воспламенить, труднѣе поработить.

Варывъ, котораго мистеръ Лассель смутно опасался, произошелъ въ одно воскресенье, за утренней службой, при самомъ началѣ молебствія. Ослабленная предательской болѣзнью, съ воображеніемъ, воспламененнымъ сильнѣе обыкновеннаго отъ чрезвычайнаго поста, Тереза впала въ экстазъ, нѣсколько напоминавшій припадокъ, бывшій съ нею въ день Праздника Жатвы, послѣ ея первой исповѣди въ ривницѣ. Во время всей службы она находилась въ сильномъ волненіи, горько плакала во время общей исповѣди, пѣнія псалмовъ и гимновъ, ее тяготило сознаніе грѣховности, которое одинъ отецъ настоятель могъ съ нею снять, тяготила мысль, что она погибаетъ и онъ одинъ можетъ спасти ее. Но онъ такъ далеко! Школьная зала и все, что въ ней находилось, исчезло изъ глазъ ея, одна колѣнопреклоненная фигура викарія рѣзко выдѣлялась на свѣтломъ фонѣ. Мало-помалу, она совершенно перестала сознавать, гдѣ находится. Она стояла на колѣняхъ, не сводя глазъ съ любимаго человека, подъ влияніемъ воображенія и фанатизма, казавшагося ей еще прекраснѣе прежняго, но за то и страшнѣе, слова замирали на губахъ ея...

Когда служба кончилась и всѣ поднялись съ колѣнъ, она

оставалась въ прежней позѣ, окаменѣлая, блѣдная, ничего не слыша, не видя и не понимая.

Тетушка Екатерина дотронулась до нея.

— Тереза!—шепнула она:—ты спишь?

Сначала дѣвушка не отвѣчала, но при второмъ прикосновеніи сознаніе возвратилось къ ней, и съ рѣзкимъ крикомъ, заставившимъ всѣхъ вздрогнуть, она воскликнула:

— Отецъ настоятель! Возлюбленный отецъ настоятель! Спасите меня! О, спасите меня! Безъ васъ я погибну! Богъ оставилъ меня—мой Богъ во плоти—спасите меня!

Она упала навзничъ въ истерическомъ припадкѣ, крича, рывая, лова руками воздухъ, отталкивая воображаемыхъ враговъ, снова умоляя викарія спасти ее, проходя черезъ всѣ унижительные фазисы этого ужаснаго временнаго безумія. Женщины, сидѣвшія ближе къ ней, столпились вокругъ нея.

Тетушка Екатерина, сама въ истерикѣ, хотя и менѣе сильной, начала кричать, что она одержима и молитъ отца настоятеля изгнать бѣса и возвратитъ ей племянницѣ разумъ и спокойствіе. Миссъ Прайеръ, проливая слезы, согрѣвала ей руки, сестра Агнеса, еще сохранившая нѣкоторый здравый смыслъ, несмотря на всѣ свои фанатическія увлеченія, пробовала взять строгостью тона, а мистриссъ Незбитъ сказала: — Вынесите ее на свѣжій воздухъ и брызните ей въ лицо холодной водой.

Виргинія, блѣдная и дрожащая, горячо молилась Пресвятой Дѣвѣ, внося этимъ свою лепту на изцѣленіе больной; а Кутбертъ машинально взялъ кадильницу, потрясъ ею, и напустилъ въ комнату цѣлое облако ладона. Но все это нисколько не помогло больной, пока Рингровъ, съ довольно суровой миной, не подошелъ къ взволнованной группѣ, не поднялъ кричащую дѣвушку на руки и не вынесъ ее, продолжавшую вырываться отъ него и стонать точно умирающая, на открытое мѣсто, передъ школой. Здѣсь онъ бережно опустилъ ее на песокъ, и прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ опомниться, мистриссъ Незбитъ принялась брызгать ей въ лицо холодной водой, и постепенно привела ее въ чувство.

Но все же это была ужасная сцена: она не должна была пройти викарію даромъ, и теперь, и тогда, когда настанетъ время реакціи, если оно когда-нибудь настанетъ!

На другой день викарій отправился въ Чѣрчлендсъ, вооружившись духовнымъ бичомъ, употребить который входило въ его обязанности. Онъ засталъ Терезу лежащей на диванѣ съ разгорѣвшимся лицомъ и тяжело переводящей дыханіе. Когда онъ

вошелъ въ комнату, она вскочила съ лихорадочнымъ восторгомъ, но не безъ страха, боясь, что онъ будетъ бранить ее за вчерашнюю сцену.

— Дитя мое! вы огорчили меня, — сказалъ онъ отечески, серьезно, тономъ, въ которомъ слышалось и горе, и упрекъ. Ему чего-нибудь да стоило ласково говорить съ нею. Онъ помогъ ей снова опуститься на подушки, взявъ ее горячую, исхудалую руку въ свою. — Я пришелъ потолковать съ вами, — продолжалъ онъ: — мнѣ надо для васъ что-нибудь придумать, иначе насъ всѣхъ можетъ постигнуть страшное горе.

— Какъ вы добры, да еще въ такой негодной, какъ я! — прошептала Тереза, и большіе глаза ея наполнились слезами. Онъ пригладилъ ея темные и блестящіе волосы, по своей отеческой привычкѣ, когда они бывали наединѣ; но въ его прикосновеніи сегодня было что-то необычайное. Женская любовь до странности чутка; Тереза отъ природы была впечатлительна, какъ мимоза; но она находилась въ томъ состояніи, которое дѣлаетъ людей любящихъ постыдно благодарными, хотя-бы за оскорбительное вниманіе.

— Дорогой отецъ настоятель, — сказала она, поднявъ на него глаза съ тѣмъ восторженнымъ выраженіемъ, въ которомъ скрывалось все, что устамъ ея не дозволялось произносить.

— Я очень беспокоюсь на вашъ счетъ, Тереза, — сказалъ викарій сладчайшимъ голосомъ, а какую сладость умѣлъ онъ ему придать когда желалъ!

— Дорогой отецъ настоятель! — снова проговорила она.

Сердце ея было слишкомъ переполнено, чтобъ съ языка ея могло сорваться что-нибудь, кромѣ этихъ, похожихъ на рыданья, восклицаній.

— Я серьезно размышлялъ о томъ, что было бы для васъ полезнѣе, — продолжалъ онъ, глядя не на нее, а на противоположное окно, какъ человѣкъ, погруженный въ глубокія соображенія. — Всю прошлую ночь я провелъ безъ сна, думая о васъ и молясь за васъ. Нѣтъ, молчите, дитя! Слушайте меня въ смиреніи молчанія! — сказалъ онъ съ неожиданной строгостью. — У меня для васъ есть планъ, чтобы вы на нѣкоторое время оставили Кроссгольмъ и жили въ болѣе тепломъ климатѣ. Мнѣ бы хотѣлось отправить васъ въ Пензансъ. У меня тамъ есть друзья, которые ухаживали бы за вами, мѣстность прелестная, воздухъ дивный, и вы, этимъ способомъ, избѣгли бы холодныхъ восточныхъ вѣтровъ, которые здѣсь такъ губельны весною.

— О, отецъ настоятель! Я бы не могла оставить Кросс-

гольма,—воскликнула бѣдная Тереза, вся дрожа и съ внезапно хлынувшими слезами.—Службы, мой округъ, сестра Агнеса—я бы не могла пожертвовать ими!—Саркастическая улыбка мелькнула на тонкихъ губахъ викарія. Всѣ причины перечислила, а о главной не упомянула!

— Вы бы это сдѣлали въ угоду мнѣ, я въ этомъ увѣренъ, съ удареніемъ проговорилъ онъ.

Она закрыла лицо руками.

— Ваши желанія для меня священны,—сказала она, а горячія слезы такъ и капали изъ-подъ ея исхудалыхъ пальцевъ:—но, право, мнѣ будетъ такъ тяжело уѣхать изъ дому, что я увѣрена, что мнѣ будетъ гораздо хуже, чѣмъ теперь; я не больна, дорогой отецъ-настоятель, право не больна, мнѣ гораздо лучше.

Она подняла голову, говоря это, лицо ея жалобное, молящее, краснорѣчиво говорило о ея страстномъ горѣ, о ея любви. Лицо это могло служить оправданіемъ мужчинѣ, поддавшемуся слабости состраданія, но мистеру Ласселю оно въ эту минуту показалось безобразнымъ, ненавистнымъ.

— Вы считаете себя сильнѣе, чѣмъ вы есть, какъ и всѣ больные подобны вамъ,—холодно сказалъ онъ, несмотря на свое желаніе притвориться ласковымъ. Неужели ничто не утѣшитъ этихъ пламенно горящихъ глазъ?—Друзья ваши лучше васъ знаютъ, какъ вы теперь нуждаетесь въ уходѣ. Нѣсколько недѣль въ хорошемъ климатѣ вѣроятно приведутъ ваше здоровье въ обычное состояніе и успокоятъ насъ всѣхъ на вашъ счетъ.

— Не отсылайте меня, отецъ-настоятель,—шепнула она, положивъ ему руку на плечо!—Позвольте мнѣ остаться со всѣми вами. Я готова подчиниться всякимъ стѣсненіямъ, какимъ прикажете, лишь бы мнѣ было позволено остаться дома. Я совсѣмъ поправлюсь, когда настанетъ весна, и вы позволите мнѣ снова приняться за работу въ милой церкви, когда она откроется. Я очень была послушна, отецъ-настоятель,—прибавила она съ насильственной улыбкой, которую желала сдѣлать веселой, и которая, вмѣсто того, была исполнена трогательной печали.—Я такъ неуклонно исполняла всѣ ваши приказанія; позвольте мнѣ на этотъ разъ только поступить по-своему; не гоните меня изъ дому.

— Для вашей же пользы, Тереза,—сказалъ викарій съ самой сладкой улыбкой, самымъ мягкимъ голосомъ, но съ самымъ суровымъ взглядомъ.—Мнѣ будетъ очень непріятно не видать васъ среди моей паствы; но ради васъ самихъ вы должны ѣхать.

Вспомните эту ужасную, эту страшнѣйшую вчерашнюю сцену. Мы не должны допустить до повторенія ея.

Онъ проговорилъ это съ неудержимымъ порывомъ негодованія, приподнявшись со стула и сбрасывая ея руку съ своего плеча.

— Это была чистая случайность. Не знаю, что со мною случилось. Этого прежде никогда не бывало, это никогда бы не повторилось, — проговорила, заикаясь, вающаяся и огорченная Тереза.

— Могло бы, но не повторится, — возразилъ мистеръ Лассель не безъ жестокости. Вы и не подозреваете, сколько зла это надѣлало. Нѣтъ, вы должны на время уѣхать изъ дому, хотя бы въ видѣ наказанія за ваше грѣховное безуміе.

— Но нигдѣ такъ не хорошо какъ дома, когда нездоровится, — молила бѣдная дѣвушка, съ безсознательной непослѣдательностью мѣняя позицію.

— Перемена воздуха полезнѣе, — сказалъ викарій.

— Даже еслибъ это разбило мое сердце? — молящимъ тономъ спросила она.

— Церковь не разбиваетъ сердецъ, повинующихся ей. Миръ всего легче находится путемъ долга и послушанія, — сентенціозно отвѣчалъ онъ. Потомъ, уже другимъ голосомъ, онъ проговорилъ сурово и рѣзко: — вопросъ не подлежитъ обсужденію, Тереза. Я хочу, чтобы вы ѣхали. Неужели этого не довольно?

Она не отвѣчала, но взявъ его руку, поцѣловала ее съ благоговѣніемъ.

— Ваша воля для меня воля Бога, — сказала она надломленнымъ голосомъ. — Я буду вамъ повиноваться, хотя бы это убило меня.

Въ эту минуту Кутбертъ вошелъ въ комнату.

— Вы должны помочь мнѣ, Молинѣ, убѣдить вашу милую сестру, — сказалъ викарій, обрадованный диверсіей, и болѣе дружескимъ тономъ, чѣмъ говорилъ до сихъ поръ, хотя дружеское это было дѣланное.

— Что могу я сдѣлать, дорогой отецъ-настоятель? — смиренно спросилъ его будущій помощникъ. — Мнѣ бы казалось, что вамъ съ нею не нужно ничьей помощи. Сестра покорна.

— Заставьте ее спокойно покориться неприятели на короткое время уѣхать изъ дому, — отвѣчалъ мистеръ Лассель.

— Зачѣмъ же ей уѣзжать изъ дому? — спросилъ Кутбертъ.

— Изъ-за состоянія здоровья этого милаго ребенка, которое крайне огорчаетъ меня, — сказалъ мистеръ Лассель сострада-

тельно. — Пожить въ болѣе тепломъ климатѣ, до окончательнаго наступленія весны, будетъ ей полезно.

— Тяжело будетъ ѣхать, — сказала Тереза; но поворно прибавила, хотя слова эти почти душили ее: — разумѣется, отцу-настоятелю лучше знать, и если онъ этого желаетъ, я готова по-виноваться.

Странное выраженіе появилось на лицѣ Кутберта, смиренное и приниженное какъ всегда, когда онъ говорилъ съ мистромъ Ласселемъ, но не вполне искреннее. По лицу его также мелькнуло отраженіе мысли. Если она такъ покорна, то на что же моя помощь? что скрывается за этимъ притворнымъ безсміемъ. Вслухъ, онъ неуверенно проговорилъ:

— Едва ли можетъ сестра ѣхать одна.

— Обо всемъ этомъ я позаботился, — отвѣчалъ викарій, у котораго былъ отвѣтъ на всѣ возраженія. — У меня есть друзья, которые будутъ ухаживать за нею въ Пензансѣ, куда я желаю, чтобъ она ѣхала; ей надо взять съ собой Друзиллу.

Друзилла была горничная.

— Мнѣ кажется, что тетушка едвали согласится отпустить сестру одну, — сказалъ Кутбертъ, твердившій свое съ упорствомъ, свойственнымъ людямъ его категоріи.

— Даже если я приму на себя всю отвѣтственность? — спросилъ викарій почти съ угрозой. Онъ любилъ встрѣчать въ своихъ креатурахъ слѣпое повиновеніе; а что такое этотъ будущій его помощникъ, какъ не главная изъ его креатуръ?

— Вы всегда добры и заботливы, дорогой отецъ-настоятель, — сказалъ Кутбертъ, льстиво какъ всегда, но тѣмъ же страннымъ неискреннимъ тономъ. — Но мы всегда были такъ близки другъ другу, сестра, я и тетушка. Мнѣ кажется, для тетушки будетъ тяжелымъ испытаніемъ отпустить сестру одну; она же такъ кашляетъ.

— Испытанія служатъ для нашего совершенствованія, — сказалъ викарій.

— По указанію свыше, да, — сказалъ Кутбертъ, опустивъ глаза.

— Какъ теперь, — съ особымъ удареніемъ сказалъ мистеръ Лассель.

Кутбертъ наклонилъ голову и сложилъ руки точно основатель монашескаго ордена, принимающій благословеніе святого.

— Какъ теперь, — благоговѣнно повторилъ онъ; но губы его слегка сжались, а голосъ звучалъ сухо и рѣзко.

— Вопросъ, значить, рѣшенъ и Тереза ѣдетъ въ Пензансъ на будущей недѣлѣ, — сказалъ викарій.

— Если вы этого желаете, отецъ-настоятель, — возразила Тереза, принося свою любовь въ жертву изъ любви же. Но на лицѣ ея отразилось такое отчаяніе, что даже мистеръ Ласселъ былъ тронутъ и почувствовалъ состраданіе, но не смягчился.

— Если вы будете умицей и скоро поправитесь, то можете скоро возвратиться, — ласково сказалъ онъ. — Вы, однако, нуждаетесь въ большемъ уходѣ, чѣмъ сами думаете, и я долженъ позаботиться о доставленіи вамъ его. У насъ не такъ много вѣрныхъ дочерей церкви, чтобы мы могли лишиться такой, какъ вы.

— Благодарю васъ, — сказала Тереза, бросивъ на него быстрый, полный обожанія, взглядъ. — Когда вы одобряете меня, отецъ настоятель, совѣсть моя спокойна. Высшаго авторитета я не знаю.

Кутбертъ повторилъ слова сестры, точно попугай.

— Я стараюсь быть вѣрнымъ истолкователемъ и добрымъ руководителемъ, но часто, подобно другимъ, впадаю въ грѣхъ. Я все-таки человѣкъ, — сказалъ викарій съ улыбкой изыскаго смиренія.

— Для меня больше, чѣмъ человѣкъ! — прошептала Тереза, закрывая глаза и глубоко опуская голову въ подушки.

Что мудренаго, если сердце этого человѣка ощутило удовлетворенную гордость? Правда, безуміе, фанатизмъ, тщеславіе, страстность, легковѣріе не могутъ быть отнесены къ числу высшихъ побужденій, посредствомъ которыхъ человѣкъ можетъ приобрести вліяніе надъ себѣ подобными. Но когда вліяніе это приобретено? Когда онъ можетъ заставить любящую жену отречься отъ своего мужа и перенести на него преданность и повиновеніе, по праву принадлежавшія другому? Когда онъ можетъ внушить порядочной дѣвушкѣ безумную страсть; уничтожить вліяніе нѣжно любящаго отца надъ нѣкогда обожавшимъ его ребенкомъ? Погубить обаяніе человѣка, одареннаго благородной душой, въ его собственныхъ владѣніяхъ? Когда онъ все кругомъ побѣждаетъ, что мудренаго, если онъ, при этихъ условіяхъ, возгордится и припишетъ себѣ мнимую божественную непогрѣшимую власть, отрицать которую ни у кого не хватаетъ мужества или здраваго смысла? Положеніе священника-ритуалиста одно изъ самыхъ независимыхъ въ средѣ вожаковъ человечества. Свободный отъ сложной организаціи, отъ власти римской церкви, онъ въ своей области всесиленъ; никто этого лучше не понималъ, чѣмъ досто-

почтенный Лаунсло Лассель, побѣдоносный врагъ Ричарда Фуллертонна.

Когда онъ ушелъ, Кутбертъ напалъ на сестру, сказавъ, что она слишкомъ поддается викарію, — онъ уже не называлъ его отцемъ настоятелемъ, а просто викаріемъ, — и оказываетъ ему слишкомъ много чести.

— Какъ могу я это сдѣлать? — сказала Тереза. — Слишкомъ много чести! моему духовнику, священнику, которому дана надо мною власть!

— До нѣкоторой степени, — промямлилъ Кутбертъ.

— Что ты хочешь сказать, Кутбертъ? — Неужели ты охлаждаешь къ отцу настоятелю? — воскликнула Тереза, приподнятая подъ вліяніемъ ужаса.

— Нѣтъ, я вовсе къ нему не охлаждаю, — отвѣчалъ онъ: — но его притязанія чрезмѣрно велики. Ему не дано власти говорить и дѣлать все, что онъ говорить и дѣлаетъ.

— Никому бы не предоставила я большей власти надъ собой, — сказала Тереза, не вполне его понимавшая.

Онъ не объяснилъ своей мысли, но возразилъ просто:

— Мнѣ кажется, что дорогой отецъ Трускотъ поддержалъ бы меня, еслибъ я предложилъ вопросъ на его разрѣшеніе. Онъ сказалъ бы вѣроятно, что твоя покорность отцу настоятелю граничитъ нѣсколько съ идолопоклонствомъ, а это грѣхъ противъ церкви наравнѣ съ колдовствомъ. Ты сама говоришь, что покорность мистриссъ Фуллертонъ не вполне нормальная.

— Она замужемъ, — быстро возразила Тереза: — а я нѣтъ. Въ этомъ вся разница.

Оно такъ и было; но ни братъ, ни сестра ясно не поняли всей знаменательности простодушнаго разсужденія дѣвушки, безсознательно обнаружившей направленіе собственныхъ чувствъ, а быть можетъ, и отблескъ своихъ надеждъ.

Послѣдствіемъ этого, какъ и другихъ разговоровъ подобнаго рода, было то, что взволнованная, огорченная, разочарованная, сама не зная чѣмъ, Тереза плакала и рыдала такъ сильно, что это произвело разрывъ одного изъ небольшихъ кровеносныхъ сосудовъ, платокъ ея окрасился кровью. За послѣднее время такіа опасная крововызванія случались нерѣдко, но никто объ этомъ не зналъ, кромѣ Друзиллы, а съ нея взяли слово молчать. Сама полулюбленная въ красиваго викарія и слишкомъ хорошо понимавшая, до какаго состоянія довела себя бѣдная Тереза, она хранила въ строгой тайнѣ то, что знала. Ей не хотѣлось огор-

чать свою молодую госпожу, ни причинять вреда дорогому викарію; она справедливо заключила, что тетуська Еватерина слишкомъ слаба и Кутбертъ слишкомъ глупъ, чтобы отъ нихъ была какая-нибудь польза, даже еслибъ она сообщила имъ все, что знала; она думала, что Тереза должна бороться, полагаясь только на собственные силы, и погибнуть или спастись — «какъ Богъ велитъ», благочестиво говорила Друзила, принимая безуміе за судьбу.

О. П.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ КОППЕ.

Въ Консьержери то было, въ термидоръ,
Когда Парижъ изнемогалъ въ терроръ.

Двѣ сотни жертвъ томились безъ вины
Въ безжалостномъ, позорномъ заточеньѣ,
Одни—уже на смерть осуждены,
Другіе—лишь въ зловѣщемъ подозрѣньѣ.
И по утрамъ—бывало, чуть блеснетъ
Разсвѣта лучъ—тюремщикъ неизбежно
Являлся къ нимъ и выликала небрежно
Тѣхъ избранныхъ, кого ждалъ эшафотъ;
На скорбный вликъ служило неизмѣнно
Отвѣтомъ: здѣсь!—такъ, пылкій жирондистъ
И, рядомъ съ нимъ, спѣсивый роялистъ—
Шли умирать спокойно и степенно.

Парижъ стоналъ. Все чаще и сильнѣй
Лились ручьи вызвавшей къ небу крови...
И вотъ, въ одинъ изъ этихъ страшныхъ дней,
При роковомъ, уже привычномъ зовѣ,
На имя: Шарль Легэ—раздался въ мигъ
Двойной отвѣтъ; тюремщикъ сталъ въ тупикъ;
Но изъ толпы ужъ выходили двое —
Въ торжественномъ безмолвѣіи и покоѣ:
Исполненный достоинства старикъ
И юноша—красавецъ горделивый;

Невѣдомыхъ другъ другу до сихъ поръ,
 На жизненномъ пути ихъ свелъ терроръ
 Лишь случая игрою прихотливой:
 Одинъ глядѣлъ зажиточнымъ купцомъ,
 Другой блисталъ породой именитой —
 Хотя мундиръ, узорами расшитый,
 Висѣлъ теперь лохмотьями на немъ.

Захотѣвъ, воскликнулъ стражъ суровый:

— Мнѣ одного довольно, господа!
 Вы, значить, такъ воветесь оба?
 — Да,
 Сказалъ старикъ, — и оба мы готовы.

— Ну, вѣтъ! ужъ вы сторгуйтесь какъ-нибудь —
 Да поскорѣй, а тамъ и въ добрый путь!

И вотъ ихъ торгъ — рѣшительный и скорый:

— Женаты?
 — Да.
 — Есть дѣтя?
 — Да — семья!

Тюремщикъ вновь спросилъ:
 — Ну, что-жъ, который?
 И юноша отвѣтилъ громко:
 — Я!..

В. Лихачовъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ МЕЧТАНІЯ

И

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

ПО ПОВОДУ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЙ О НАРОДѢ.

Обострившійся въ послѣднее время вопросъ о «народѣ» принялъ такой странный и неожиданный оборотъ, столь удивительное направленіе, что приглядѣться къ нему ближе, изучить его существенныя стороны—становится положительнѣйшей необходимостью. Что слова наши объ удивительности его направленія имѣютъ, къ сожалѣнію, несомнѣнный смыслъ, едва ли нужно доказывать. По какой-то странной логикѣ оказалось, что все, желающее народу просвѣщенія, очеловѣченія, гуманнаго развитія,—враждебно народу, идетъ въ разрѣзъ его интересамъ и «идеаламъ». И напротивъ, все, что стоитъ за сохраненіе въ немъ первобытности, незатронутости, является его защитниками, покровителями и даже въ нѣкоторой степени почитателями. Въ дѣлѣ любви къ народу, вѣры въ него, дѣятельности въ его пользу, образовалось нѣкоторое соперничество: каждый старается доказать, что онъ лучше всѣхъ другихъ любить народъ.

Повидимому, какое это отрадное явленіе въ жизни націй? Имя народа на всѣхъ устахъ; оно служитъ непремѣннѣйшимъ, неизбѣжнымъ украшеніемъ каждой печатной статьи, cadaго частнаго разговора. Какая трогательная забота о нуждахъ народа, о его благосостояніи матеріальномъ и нравственномъ! Въ вопросахъ исторической жизни народовъ нужна, однако, нѣкоторая осмо-

трительность и осторожность въ сужденіяхъ и поменьше довѣрія къ существующему «повидимому». То, что теперь всѣ у насъ говорятъ и пишутъ о народѣ, отнюдь не доказываетъ серьезности трогательныхъ заботъ о немъ, и свидѣтельствуетъ лишь, что вопросъ о народѣ, какъ говорится, «назрѣлъ» и требуетъ немедленнаго разрѣшенія, иными словами, — что положеніе народа невыносимо и грозитъ бѣдствіями. Исторія представляетъ намъ многочисленные примѣры явленій подобнаго рода. Посмотрите, какою трогательною заботою о такъ называемомъ «благѣ народномъ» дышали рѣчи англійскихъ лордовъ противъ ирландскихъ феніевъ, или въ древности рѣчи римскихъ патриціевъ противъ аграрныхъ мечтаній Гракховъ! Принципъ народного блага есть безъ сомнѣнія прекрасный принципъ, а злоупотребленіе принципами слишкомъ обычное дѣло. Во имя величайшихъ принциповъ совершались и величайшія преступленія; избиеніе 30,000 христіанъ въ «Вареоломеевскую ночь» во славу и торжество христіанства и знаменитый «Те Деумъ», пропѣтый по случаю этого радостнаго событія христіаннѣйшимъ папою — не исключительный примѣръ.

Итакъ, трогательною картиною любви къ народу, охватившей «повидимому» все наше общество, мы увлекаться не будемъ. Замѣтимъ притомъ, что мы не думаемъ кого-либо винить въ неискренности, потому что можно быть искренно убѣжденнымъ въ любви къ народу, чувствовать въ себѣ эту любовь, и въ то же время быть врагомъ ему въ дѣйствительности, въ силу личныхъ, сословныхъ или иныхъ интересовъ и убѣждений, впитавшихся въ человѣка всѣмъ складомъ воспитанія и образа жизни и отъ которыхъ не такъ-то легко отдѣлаться, несмотря ни на какія чувства любви и преданности къ народу.

Дѣло, разумѣется, не въ одной любви, а и въ дѣлѣ, въ пониманіи, безъ котораго всякая любовь, какъ и вѣра — мертвы. Только анализъ дѣйствительныхъ, практическихъ стремленій и всего склада понятій каждой изъ партій, соперничающихъ преданностью народнымъ интересамъ, можетъ освѣтить, на чьей сторонѣ больше истины. Можетъ быть, и дѣйствительно просвѣщеніе, очеловѣченіе, гуманное развитіе, предлагаемое народу такъ-называемыми «западниками», не составлять блага для народа! Быть можетъ, незатронутость народа желательна, идеалы его выше того просвѣщенія, до котораго дошелъ Западъ! Какъ, въ сущности, ни проблематиченъ подобный взглядъ, но допустимъ его. Тогда, конечно, «западникамъ» осталось бы только очистить мѣсто такъ называемымъ «славянофиламъ», или соединиться съ ними, отказаться отъ своихъ стремленій.

I. „Западничество“.

Есть ли отъ чего отказаться русскому западничеству, т.-е. въ чемъ собственно состоитъ западничество? Этотъ вопросъ далеко не лишній, ибо тѣ же господа славянофилы, — намѣренно или по недопониманію, все равно, — придаютъ ему совершенно ложный, даже можно сказать, неумный характеръ. Они говорятъ, что западникъ — это поклонникъ, слѣпой и упрямый, всего, что существуетъ въ Европѣ, безсмысленный подражатель, обезьяничающій, не относящійся критически ни къ чему европейскому. Но вѣдь этотъ взглядъ — несомнѣнная ложь. Мы не беремъ на себя опредѣленія русскаго западничества, мы предоставляемъ сдѣлать это одному изъ самыхъ давнихъ и коренныхъ западниковъ. Вотъ что писалъ онъ: «мы являемся въ Европу съ ея собственнымъ идеаломъ и съ вѣрой въ него. Мы знаемъ Европу книжно, литературно, по ея праздничной одеждѣ, по очищеннымъ, перегнаннымъ отвлеченностямъ, по всплывшимъ и отстоявшимся мыслямъ, по вопросамъ, занимающимъ верхній слой жизни, по исключительнымъ событіямъ, въ которыхъ она не похожа на себя. Все это составляетъ свѣтлую четверть европейской жизни. Жизнь *темныхъ трехъ четвертей* не видна издали, вблизи она постоянно передъ нами. Между дѣйствительностью, которая возносится къ идеалу, и той, которая теряется въ грязи улицъ, между цѣлью политическихъ и литературныхъ стремленій и цѣлью рыночной и домашней дѣятельности, столько же различія, сколько вообще между жизнью христіанскихъ народовъ и евангельскимъ ученіемъ. Одно — слово, другое — дѣло; одно — стремленіе, другое — быть; одно безпрестанно говорить о себѣ, другое рѣдко оглашается и остается въ тѣни; у одной на умѣ созерцаніе, у другой нажива».

Этотъ западникъ очень хорошо понималъ, откуда происходитъ это оскорбительное противорѣчіе въ жизни Европы. «Разумѣется, быть этотъ не произволень, — говоритъ онъ. Онъ сложился посильно, какъ могъ, изъ историческихъ данныхъ, нависпѣлъ вѣками, захватилъ въ себя *всякую грязь*, всякія наслѣдственные болѣзни, въ немъ остались наносы *всѣхъ націй*. Ряды народовъ жили, истощились и погубили въ этомъ *потокъ западной исторіи*, который *влечетъ съ собою ихъ кости и трупы, ихъ мысли и мечты*». Но это нисколько не утѣшительно, а «русскій — страстный зритель (Европы). Онъ оскорбленъ въ своей любви, въ своемъ упованіи, онъ чувствуетъ, что обманулся, онъ ненавидитъ такъ, какъ ненавидятъ ревнивые отъ избытка любви и довѣрія».

Это было писано еще въ 1854 году. Западничество очень ясно

видѣло въ Европѣ губительное противорѣчіе между ея идеями и бытомъ, между словомъ и дѣломъ; понимало ту дѣйствительность ея, которая теряется въ грязи улицъ, видѣло кости и трупы народовъ, прошедшихъ въ ней. Такимъ образомъ западничество состояло лишь въ признаніи идей, выработанныхъ историческою жизнью не Европы только, а и всего человѣчества. Идеи эти также тяжело прививаются въ жизни Европы, какъ и въ жизни Россіи. «Средневѣковые пилигримы находили, по крайней мѣрѣ, въ Іерусалимѣ пустой гробъ—воскресеніе Господне было снова подтверждено; русскій въ Европѣ находитъ *пустую колыбель* и женщину, истощенную мучительными родами»,—говорило западничество подъ вліяніемъ идей человѣчества. «Изъ міра исторіи, міра чистаго разума, русскій идетъ въ Европу... и находитъ то, что нашелъ бы въ IV, V столѣтіи какой-нибудь остроготъ, начитавшійся св. Августина и пришедшій въ Римъ искать Вѣсь Господню»... И это западничество горестно, но съ гордостью говорить въ заключеніе: «Россія никогда не будетъ протестантскою!.. Россія никогда не будетъ *juste milieu*. Неужели же такое западничество—простое «обезьянничанье?»

Но, быть можетъ, это противорѣчіе между идеями западными и бытомъ есть результатъ безсилія этихъ идей? На это отвѣтъ мы находимъ уже въ нашей собственной исторіи. Все, что возникло лучшаго въ Россіи, всѣ реформы и между ними величайшая—освобожденіе рабовъ, все это сдѣлалось именно подъ вліяніемъ европейскаго просвѣщенія, подъ вліяніемъ европейскаго «міра чистаго разума». Напрасно увѣрять, что главная существенная реформа обязана своимъ существованіемъ славянофиламъ. И западничество, и славянофильство не возникли бы безъ міра европейскіхъ идей и стремленій, ни о какихъ реформахъ не было бы и рѣчи. Вѣковое рабство народа было у насъ такъ прочно установлено, что прошло бы много столѣтій, и никто не замѣтилъ бы возмутительности этого явленія; появившаяся задолго до какаго бы то ни было славянофильства, книга Радищева, истого западника, подчинившагося вліянію европейскіхъ идей и перваго, заявившаго протестъ противъ возмутительнаго порядка вещей,—эта книга была бы невозможною. Въ Европѣ, безъ «міра чистаго разума», при «трехъ темныхъ четвертяхъ» ея жизни, вѣроятно, не было бы и одной свѣтлой четверти. Если ей суждено пасть, какъ это предсказываютъ славянофилы, то паденіемъ она будетъ обязана не «идеямъ», а тѣмъ «костямъ и трупамъ», которые влечетъ за собою потокъ западной исторіи. Отсюда ясно, что и формы, въ которыя облачаются эти идеи въ европейской

жизни, страдаютъ несовершенствами только отъ тѣхъ же костей и труповъ.

Такимъ образомъ, русское западничество не хочетъ слѣплого подчиненія европейскому «игу», какъ увѣряютъ славянофилы. Оно хочетъ только возможно полнаго вліянія европейскихъ гуманическихъ идей на потокъ нашей исторіи, влекущій тоже не мало костей и труповъ. Оно не претендуетъ на навязываніе народу европейскихъ формъ жизни, а только формъ, которыя были бы носителями человѣческихъ гуманическихъ идеаловъ. И еслибы въ Россіи удалось создать формы жизни болѣе совершенныя, чѣмъ существующія въ Европѣ, это было бы только дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ же европейскихъ, вѣрнѣе—общечеловѣческихъ идеаловъ, и такъ-называемые западники не могли бы и не захотѣли бы быть противниками этого движенія впередъ. Это было бы развитіемъ европейскихъ идеаловъ, но не той дѣйствительности, которая «теряется въ грязи улицъ», которую славянофилы стараются навязать, въ качествѣ идеаловъ, западникамъ и которая уже давно томить и волнуетъ лучшіе умы Европы. Что эти идеалы пришли къ намъ отъ Европы съ запада—очевидно. Русская жизнь до-петровской эпохи сложилась въ крѣпкій бытъ, безапелляціонно не признававшій ни права личности, ни права общества, и грозившій окаменѣть на идеалахъ «Домостроя». Счастливыя историческія обстоятельства двинули Россію въ идейную жизнь Европы, и «Домострой» уступилъ. Съ тѣхъ поръ вся умственная жизнь Россіи совершалась по пути, пробитому Европою и стоившему ей тяжкихъ мукъ. Пытливый европейскій умъ, анализируя свой бытъ и приходя къ его отрицанію, приучилъ и насъ критически относиться къ явленіямъ нашей жизни; безъ него же мы были горды своимъ «домостройнымъ» бытомъ и признавали всѣ чужіе жизненные порядки «бусурманскими». Когда мы, выведенные Европою на путь мысли, преклонились передъ нею, то она же сама, создавъ идею національности, возвратила намъ самоуваженіе, и создалось славянофильство, какъ отрицаніе, реакція крайнимъ увлеченіямъ Европою. Дальше Европы въ идеяхъ мы не ушли и не могли уйти,—ни въ любви, ни въ отрицаніи. Отрицаая, вслѣдъ за Европою, ея порядки, пороки которыхъ намъ не были бы и извѣстны безъ обличенія ихъ въ себѣ самою Европою, мы, однако, еще не указали, какіе же они должны быть, чтобы удовлетворять, приближаться къ идеаламъ, если не считать уже позднѣйшихъ нашихъ измышленій въ родѣ казого-то «уѣзда», о которомъ рѣчь впереди. Между тѣмъ, Европа выставила уже рядъ теорій общественнаго

устройства. Вотъ почему такъ называемые западники, сознавая всѣ противорѣчія жизни Европы съ ея идеями, не видятъ необходимости промѣнять послѣднія на нѣчто туманное и глухое, составляющее сущность непонятнаго славянофильства.

Отношеніе западниковъ къ народу вполне опредѣленно; оно опредѣляется уже самымъ признаніемъ европейскихъ идеаловъ. Западничеству, какъ и представителямъ лучшихъ идей въ Европѣ, извѣстно, что какъ на востокѣ, такъ и на западѣ торжество великодушныхъ идей, добытыхъ страшными усилиями и потоками крови, тормазится неразвитостію, темнотою массъ народныхъ и невѣжествомъ большинства того класса людей, что зовется интеллигенціей. Широко разлитое просвѣщеніе въ каждой странѣ положило бы конецъ всѣмъ худшимъ несправедливостямъ человѣческихъ отношеній. Западничество думаетъ, что невѣжество есть могила лучшихъ стремленій человеческой души. И потому-то оно заботится больше всего о просвѣщеніи народа. Но просвѣщеніе не придетъ при неблагоприятныхъ условіяхъ жизни, между которыми первое мѣсто принадлежитъ рабство, убивающее всѣ стремленія человеческого духа. И западничество хлопочетъ о такомъ устройствѣ общественнаго быта, которое доставляло бы наибольшую независимость человѣку, наибольшую возможность развитія умственныхъ силъ. Чисто русская жизнь опять не выработала такихъ формъ общественности. И западничество, при всемъ признаніи порочныхъ сторонъ европейской жизни, видя въ Европѣ и развитія формы общества, и борьбу противъ темныхъ сторонъ ихъ, соглашается принять изъ этихъ формъ то, что не противорѣчитъ коренному идеалу, лежащему въ нихъ, и желаетъ устраненія всего противорѣчащаго ему. Все, что измѣнится въ нихъ подъ вліяніемъ индивидуальности нашего народа, западничество признаетъ; оно не понимаетъ перениманія, оно признаетъ только усвоеніе. И историческій опытъ уже оправдалъ ожиданія западниковъ въ нѣкоторыхъ областяхъ нашего общественнаго быта. Западный судъ, наприм., быстро привился къ русской жизни, а нашъ домашній, самобытный, канцелярскій судъ уже начинаетъ составлять только историческое воспоминаніе и для народа нашего, воспоминаніе тягостное. Всѣ недостатки современнаго, ставшаго русскимъ, суда, блѣднѣютъ передъ однимъ этимъ воспоминаніемъ, воскрешающимъ въ воображеніи историка недавняго прошлаго тину вѣлузъ и произвола, теперь или несравненно меньше или *совсѣмъ* невозможныхъ. Спросите народъ, захочетъ ли онъ промѣнять теперешній судъ на прежній

«самобытный», выработанный историческою жизнью, собственнымъ опытомъ?

Вотъ въ чемъ состоятъ чаянія современныхъ западниковъ. Еще недавно у насъ постоянно говорилось, что собственно западниковъ, какъ и чисто-славянофиловъ, у насъ нѣтъ. Какъ мы показали на примѣрѣ западника старыхъ годовъ, *чистаго* западничества не было уже тридцать лѣтъ назадъ, а дальнѣйшая наша западническая печать еще съ большей убѣдительною подтвердила эту мысль. Въ шестидесятихъ годахъ, въ самый разгаръ примѣненія къ нашей жизни западническихъ реформъ, цѣлая плеяда блестящихъ публицистовъ-западниковъ предостерегала общество отъ увлеченій парламентаризмомъ, показывая его мрачныя стороны. И чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе и яснѣе пробивалась въ западничествѣ живая струя критическаго отношенія къ европейскимъ порядкамъ общественнаго быта. Но это не было отрицаніемъ западническихъ *идей*, а скорѣе признаніемъ ихъ, потому что идеи и идеалы и на самомъ западѣ ушли далеко впередъ передъ существующею дѣйствительностью. Западничество, такимъ образомъ, жило и развивалось, но такъ-называемаго «чистаго» западничества, какимъ его *хотятъ* представить славянофилы, никогда не было, по крайней мѣрѣ, оно не было вліятельно. Что касается до славянофильства, то и оно развивалось въ сторону своего паденія. Чистыя мечтательныя теоріи старыхъ славянофиловъ исчезали въ силу своей очевидной непрактичности. Но,—быть можетъ, послѣдняя вспышка невыдерживающаго критики ученія!—славянофильство ожило въ наши дни, и мнѣнія о сближеніи славянофиловъ съ западниками замолкли. Теперь опять во всеоружіи стоятъ другъ противъ друга двѣ враждебныя партіи. Западничество невольно уклоняется въ пылу спора въ сторону нѣкотораго идеализированія Европы, не сходя, однако, съ точекъ зрѣнія на нее, выраженныхъ выше, а славянофильство... Что же предлагаетъ славянофильство русскому обществу и народу? Что противопоставляетъ оно чаяніямъ западниковъ? Ученіе славянофиловъ должно, наконецъ, быть подвергнуто серьезному анализу. Нужно посмотреть, что же такое за основанія имѣетъ оно, въ чемъ состоитъ, къ чему идетъ и какъ можетъ быть облечено въ практическія-житейскія формы? Именно этому анализу, насколько онъ *возможенъ* въ настоящее время, и посвящается эта статья. Мы не имѣли намѣренія излагать ученіе западничества, и выше-сказанное о немъ можетъ служить только нѣкоторымъ основаніемъ для сравненія и оцѣнки стремленій литературныхъ партій.

Вглядимся же въ современное славянофильство и оцѣнимъ его по достоинству.

II. Достоевскій.

Имя Достоевскаго въ послѣдніе годы—на всѣхъ славянофильскихъ устахъ. Ограничивая нашу задачу разборомъ славянофильскаго ученія послѣдняго момента, мы именно съ него должны начать, потому что онъ именно въ своемъ «Дневникѣ писателя» началъ новую эру славянофильской литературной пропаганды. Начавшееся тогда славянское движеніе какъ нельзя болѣе было встать, представляя факты, какъ-бы оправдывавшіе славянофильскія тенденціи, и давая славянофильству матеріалъ для литературной разработки. Достоевскій высказывался не сразу, по частямъ, по отрывкамъ, влиявшимъ на читателей именно своею отрывочностью, неполнотою, недосказанностью. За его словами севозили какія-то величественныя поэтическія перспективы, которыя каждый могъ представлять себѣ по своему вкусу. Читатели не могли, конечно, понимать, что множество насущныхъ вопросовъ нашей жизни совсѣмъ не разъяснились и не рѣшались этими «перспективами», что еслибы Достоевскому предложенъ былъ одинъ изъ этихъ вопросовъ прямо, поставленъ ребромъ, то ему пришлось бы или ничего не сказать, или сказать нѣчто, совершенно противорѣчащее дѣйствительности. Мы ниже и увидимъ примѣры того, какъ онъ просто уклонялся отъ разговора при прямой постановкѣ вопроса. Ученіе Достоевскаго лишено всякой опредѣлительности; съ нимъ мы вступаемъ вполнѣ въ сферу «литературныхъ мечтаній», основывающихся на неизвѣстно откуда добытыхъ данныхъ.

Все это совершенно ясно становится тогда, когда въ вашихъ рукахъ все ученіе цѣликомъ, когда вы сопоставите цѣлый рядъ его мыслей, высказанныхъ по разнымъ поводамъ и случаямъ, и начнете обобщать ихъ въ одно цѣлое представленіе, въ одну общую идею. Мы позволяемъ себѣ высказать это такъ прямо, именно потому, что считаемъ нужнымъ наконецъ прояснить этотъ процессъ обобщенія.

Первымъ пунктомъ ученія Достоевскаго, какъ ученія славянофильскаго, естественно будетъ «отрицаніе» Европы, «гнилого Запада». Мы не будемъ, конечно, повторять всѣ наивные доводы въ пользу гнилости Европы. Это тѣ «темныя три четверти» европейской жизни, которыя гораздо яснѣе видѣлъ цитированный нами западникъ. Эти три четверти представляются Достоевскому

въ такихъ ужасныхъ размѣрахъ, что освобожденія отъ нихъ, даже какого-нибудь просвѣта въ нихъ онъ не ожидаетъ. Экономическое порабощеніе массъ, ведущее къ порабощенію и нравственному, существуетъ-де тамъ, въ Европѣ, такъ прочно, что спасенія не видно ни откуда. Идея освобожденія массъ, идея «четвертаго сословія» кажется Достоевскому безсильною. «Никакой муравейникъ, никакое торжество «четвертаго сословія», никакое уничтоженіе бѣдности, никакая организація труда не спасутъ человѣчество отъ ненормальности, а слѣдственно и отъ виновности и преступности», говоритъ нашъ «учитель», выводя такое заключеніе изъ романа гр. Л. Толстаго. «Ясно и понятно до очевидности,—продолжаетъ онъ,—что зло таится въ человѣчествѣ глубже, чѣмъ предполагаютъ лекаря-соціалисты, что ни въ какомъ устройствѣ обществъ не избѣгнете зла, что душа человѣческая останется та же, что ненормальность и грѣхъ исходятъ изъ нея самой, и что, наконецъ, законы духа человѣческаго столь еще неизвѣстны, столь невѣдомы науцѣ, столь непредѣланны и столь таинственны, что нѣтъ и не можетъ быть еще ни лекарей, ни даже судей окончательныхъ»... (Дневн. Пис. 1877, стр. 189). Какъ видятъ всякій мыслящій читатель, въ этой горячей тирадѣ первая половина мысли окончательно уничтожается второю. Дѣйствительно, если законы духа столь «неизвѣстны и таинственны», и если поэтому «нѣтъ и не можетъ быть судей окончательныхъ», то на чемъ же основываетъ Достоевскій свое мнѣніе о невозможности возникновенія духа нравственности въ Европѣ? Можетъ быть, законы духа человѣческаго и допускаютъ такое возникновеніе? Можетъ быть, торжество «четвертаго сословія, уничтоженіе бѣдности, иная, справедливая организація труда и составляютъ тѣ условія, которыя помогутъ подъему человѣческаго духа? Но все дѣло въ томъ, что Достоевскій мыслить не по человѣческой логикѣ, а *пророчески*, какъ это говорить онъ и самъ въ другомъ мѣстѣ; поэтому «невѣдомость» и «таинственность» законовъ духа человѣческаго не могутъ служить для него препятствіемъ къ какому бы то ни было широкимъ обобщеніямъ.

Впрочемъ, не всѣ законы духа человѣческаго таинственны для Достоевскаго, и его мнѣніе о невозможности для Европы «спастись» путемъ иного устройства общества основывается на слѣдующемъ «законѣ». Европа, какъ извѣстно, хочетъ свободы. «А свобода эта ведетъ огромное большинство лишь къ лакейству передъ чуждой мыслью, ибо страхъ какъ любить чуждыя все то, что подается ему готовымъ» (ib. 39). Таково мнѣніе Достоевскаго о человѣчествѣ. Читателю представляется вопросъ, къ чему

же ведетъ отсутствіе свободы, рабство? Не въ отсутствіи ли лакейства мысли? И можетъ быть, оттого, что человекъ любитъ «все, что подается ему готовымъ», только при свободѣ, — рабство уничтожаетъ эту «любовь къ готовому»? Когда вы анализируете воззрѣнія Достоевскаго, открывающія «перспективы», вамъ становится жутко за человека, — такъ безнадежно это ученіе, такъ велико въ немъ отсутствіе вѣры въ человека и человечество, почти презрѣніе къ нему. Спѣшимъ оговориться — отсутствіе вѣры въ западнаго человека, презрѣніе къ европейскому человеку. Русское человечество — совсѣмъ иное дѣло.

Отрицая для человѣческаго общества, значеніе «уничтоженія бѣдности», «организациі» труда и т. п., признавая вѣтъ, при всей «нензвѣстности» законовъ человѣческаго духа, одинъ общій законъ, что свобода ведетъ къ «лакейству передъ чужой мыслью», Достоевскій естественно имѣетъ инныя основанія человѣческихъ обществъ. Основаніе это, этотъ идеалъ — въ нравственномъ совершенствѣ каждой отдѣльной личности; другихъ идеаловъ, идеаловъ общественнаго устройства, ведущихъ къ подъему нравственности въ человечествѣ, Достоевскій не признаетъ. Онъ говоритъ: «Мыслители провозглашаютъ общіе законы, т.-е. такія правила, что всѣ вдругъ (?) сдѣлаются счастливыми, безо всякой выдѣлки, только бы эти правила наступили. Да еслибъ этотъ идеалъ и возможенъ былъ, то съ *неподдѣльными* (курсивъ автора), людьми не осуществились бы никакія правила, даже самыя очевидныя». И читателю вновь представляются тревожныя вопросы. Что же нужно, чтобы люди «додѣлались»? Если свобода ведетъ просто къ «лакейству», т.-е. къ полнѣйшему несовершенству человѣческой личности, то не рабство-ли составить тотъ архимедовъ рычагъ, которымъ можно будетъ перевернуть міръ, сдѣлать его «додѣланнымъ», нравственнымъ?

Впрочемъ, пусть читатель не пугается ужасающихъ выводовъ изъ Достоевскаго. Вѣдь ученіе его основано не на логикѣ, а на «пророчествахъ», и потому можетъ измѣняться по прихоти минуты и случая. Дѣйствительно, говоря о Жоржъ Зандъ и ея вліяніи въ Россіи, Достоевскій рисуетъ картину европейской мысли не такъ уже безнадежною... «Въ эту эпоху, — говоритъ онъ про сороковые года, — вдругъ возникло (въ Европѣ) дѣйствительно новое слово и раздалась новая надежда: явились люди, прямо возглашавшіе, что дѣло остановилось напрасно и неправильно, что ничего не достигнуто политической смѣной побѣдителей (буржуа), что надобно дѣло продолжать, что обновленіе человечества должно быть радикальное, социальное... Глав-

ное было въ томъ, что засвѣтилась опять надежда и опять начала возрождаться вѣра. Исторія этого движенія извѣстна, — оно продолжается до сихъ поръ и кажется вовсе не намѣрено останавливаться». И Достоевскій останавливается надъ этой картиной историческаго роста Европы съ великимъ сочувствіемъ. Но само собою разумѣется, это сочувствіе — минутная и такая же непослѣдовательная вспышка, исчезающая въ общемъ отрицаніи Европы, въ непризнаніи за ней права и возможности хоть какого-нибудь обновленія.

Три темныя четверти евронеиской жизни свидѣтельствуютъ о невозможности ея обновленія. Есть-ли такія четверти и сколько ихъ въ русской жизни? О, Достоевскій очень хорошо видѣлъ и чувствовалъ ихъ, но онѣ не свидѣтельствовали для него о невозможности нашего обновленія, и даже совершенно напротивъ. Въ русскомъ народѣ онъ видѣлъ задатки безграничнаго роста, задатки обновленія не только самой Россіи, не только цѣлой Европы, но и всего человѣчества. Признавая существеннымъ основаніемъ для обновленія обществъ исключительно нравственное совершенство людей, онъ видѣлъ это совершенство въ русской душѣ. Эта вѣра, вѣроятно, трогательна. Но мы предоставимъ другимъ двѣрять его чувствамъ, и анализируемъ его мысли. Итакъ, будемъ продолжать доказательство наше, что ученіе Достоевскаго не имѣетъ за себя ни логики, ни дѣйствительности.

Мы пришли теперь къ одному изъ наиболѣе коренныхъ, наиболѣе захватывающихъ сущность дѣла, различій между западничествомъ и славянофильствомъ. Первое признаетъ источникомъ возможнаго обновленія человѣчества развитіе въ немъ гуманическихъ идей и идеаловъ. Оно ждетъ спасенія человѣчества отъ той «дѣйствительности, которая возносится къ идеалу», отъ политическихъ и литературныхъ стремленій, отъ «евангельскаго ученія, а не отъ существующей жизни христіанскихъ народовъ» — мы беремъ сравненіе отъ нашего западника — отъ умственной жизни народовъ, отъ цивилизаціи, отъ развитія. По своимъ воззрѣніямъ оно склоняется къ мнѣнію Бюкла, что нравственное улучшеніе человѣчества тѣсно связано съ накопленіемъ знаній, если совсѣмъ не зависитъ отъ него. Въ исторической жизни народовъ оно видитъ подтвержденіе этого закона; въ ней ему представляется медленный ростъ свободолюбивыхъ мнѣній и альтруистическихъ чувствъ: изъ полного жестокосердія дикаря вырастаетъ постепенно гражданинъ въ человѣчествѣ, рабство и всякое непризнаніе правъ ближняго постепенно уходитъ въ прошлое, по мѣрѣ того, какъ старѣется человѣчество. Экономическое

рабство нашего времени, вызванное неблагоприятными обстоятельствами, уже стало противорѣчіемъ растущей идеѣ равноправности каждаго человѣка на блага жизни, и намъ суждено быть свидѣтелями суровой борьбы этой плодотворной идеи съ дѣйствительностію, теряющейсѣ «въ грязи улицъ». Славянофильство, напротивъ, особенно у Достоевскаго, не признаетъ этой силы за идеальными стремленіями, вызываемыми развитіемъ мысли человѣчества. Само славянофильство представляетъ собою примѣръ этихъ идеальныхъ стремленій, но все-таки оно отрицаетъ эти послѣднія. Славянофильство есть извѣстнаго рода самоотрицаніе. Это въ извѣстномъ смыслѣ есть тургеневскій Пигасовъ, *убѣжденный*, что нѣтъ *убѣжденій*. Всю силу, всю мочь историческаго роста общества оно видитъ въ «народѣ» и въ его «идеалахъ», не имѣющихъ ничего общаго съ идеалами общественнаго устройства въ такъ называемой «цивилизациі». Иначе оно должно было бы признать идеалы народа совпадающими съ идеалами, выработанными мыслию; но оно не дѣлаетъ этого, а безусловно отрицаетъ европейскіе идеалы общественнаго быта, не видя въ нихъ источника будущаго счастья человѣчества, признавая такимъ источникомъ только нравственное усовершенствованіе человѣка, имѣющее придти неизвѣстно откуда, но во всякомъ случаѣ не изъ общественныхъ формъ. Какъ мы видѣли, свободныя формы были бы даже вредны, ведя къ «лакейству передъ чужой мыслию».

Нельзя безусловно сказать, чтобы между воззрѣніями западничества и славянофильства Достоевскаго не было сближенія, тѣсныхъ точекъ соприкосновенія. Въ Европѣ уже давно взоры мыслящихъ людей обращены также на народъ. Даже оттуда именно и пришли къ намъ идеи, породившія узкое славянофильство. Дѣло въ томъ, что въ Европѣ точно также нѣтъ вѣрны въ буржуазное устройство общества, и спасенія тамъ тоже ждутъ отъ народа,—но совершенно въ иномъ смыслѣ. Тамъ говорятъ, что буржуазный бытъ, основанный на эксплуатаціи однимъ классомъ общества другихъ, не воспитателенъ для массы общества, какъ не былъ воспитателенъ крѣпостной русскій бытъ. И не только не воспитателенъ, но развратителенъ, залагая въ души человѣка съ самаго дѣтства равнодушіе къ страданію массъ. Говоря образно — буржуа самой своей жизнью готовится къ тому, чтобы обѣдать спойной и равнодушно при крикахъ и отчаяніи толпы, умирающей голодною смертію. Таковъ истинный буржуа толпы и таковы его дѣти, если съ возрастомъ не подчинятся вліянію гуманическихъ идей. Такая жизнь дѣлаетъ цѣ-

лыя поволенія невоспріимчивыми въ этомъ послѣднемъ. И вотъ потому-то въ Европѣ ожидаютъ благъ отъ народа, который считается болѣе чутымъ въ страданіямъ ближняго, какъ самъ ихъ испытывшій,—но ожидаютъ отъ него благъ въ томъ случаѣ, когда онъ сознательно восприметъ гуманическія идеи; безъ этого идеала его—тоже идеала буржуазные. Такимъ образомъ западничество ждетъ обновленія все-таки отъ развитія, отъ торжества европейскихъ, человѣчныхъ, образовательныхъ идей, но только развитыхъ въ массахъ народа. Въ этомъ смыслѣ и оно ждетъ отъ народа обновленія, именно, что когда и массы будутъ призваны къ просвѣщенію и дѣйствительному вліянію на общественныя дѣла, то шансы на несправедливую общественную стануть неизмѣримо меньше, ибо просвѣщенный народъ не захочетъ, чтобы его эксплуатировали, а ему—некого эксплуатировать. Западничество видитъ это въ желаемомъ будущемъ, но видитъ и понимаетъ трудность достиженія этого идеала и заботится о развитіи такихъ формъ общественной жизни, которыя обезпечивали бы за народомъ возможность защиты своихъ интересовъ и участія въ просвѣщеніи.

Посмотримъ теперь, на чемъ же основываетъ Достоевскій свои воззрѣнія на народъ и его идеалы?

Въ первомъ же выпускѣ «Дневника Писателя», въ его январской книжкѣ 1876 г., мы наталкиваемся на цѣлый длинный рядъ мыслей, подъ которыми подписался бы всякій западникъ, смѣгчивши, впрочемъ, черезъ-чуръ мрачный взглядъ Достоевскаго на народъ. Указывая на пьянство въ народѣ, отравляющее цѣлыя поколѣнія, Достоевскій говоритъ: «Вѣдь иссякаетъ народная сила, гложетъ источникъ будущихъ богатствъ, блѣднѣетъ умъ и развитіе, — и что вынесутъ въ умъ и сердца своемъ современные дѣти народа, выросшія на сквернѣхъ отцовъ своихъ? Загорѣлось село и въ селѣхъ церковь, вышелъ цѣловальникъ и крикнулъ народу, что если отстоятъ кабаки, то выкатитъ народу бочку. *Церковь сгорѣла, а кабаки отстояли. Примеры эти еще пока ничтожныя въ виду неисчислимыхъ будущихъ ужасовъ (!)*».

Читателю не безъизвѣстно, что приурочивать такія явленія къ кабаку можно только при непониманіи элементарнѣйшихъ законовъ общественной жизни. Вѣдь, очевидно, что кабаки—не причина этихъ явленій, а слѣдствіе болѣе общихъ причинъ, производящихъ какъ пьянство, такъ и рядъ другихъ аналогичныхъ явленій, свидѣтельствующихъ о ненормальности условий жизни. Тутъ же рядомъ Достоевскій какъ-бы признаетъ внѣшніе факторы жизни дѣйствующими чрезвычайно сильно на внутрен-

нюю народную жизнь; онъ самъ же свидѣтельствуешь, что видишь нѣчто и кромѣ пьянства, что еще болѣе развращаетъ народную жизнь. «Да и одно ли вино свирѣпствуетъ и развращаетъ народъ въ наше удивительное время?—говорить онъ. Носится какъ-бы какой-то дурманъ повсемѣстно, какой-то зудъ разврата. Въ народѣ началось какое-то *несмысленное извращеніе идей* съ повсемѣстнымъ *поклоненіемъ матеріализму*. Матеріализмомъ я называю, въ данномъ случаѣ, *преклоненіе народа передъ деньгами, передъ властью золотого мѣшка*. Въ народѣ какъ-бы вдругъ прорвалась мысль, что мѣшокъ теперь всё, заключаетъ въ себѣ всякую силу, а что всё, о чемъ говорили ему и чему учили его доселѣ (чему же учили?)—все вадоръ. Бѣда, если онъ укрѣпится въ такихъ мысляхъ; а какъ ему и не мыслить такъ? Неужели, напримѣръ, это недавнее крушеніе побѣда на одесской желѣзной дорогѣ, съ царскими новобранцами, гдѣ убили ихъ болѣе ста человекъ — неужели вы думаете, что на народъ не подѣйствуетъ такая власть развратительно? Народъ видитъ и дивится такому могуществу: «что хотятъ, то и дѣлаютъ» — и по неволѣ начинаетъ сомнѣваться: «вотъ она гдѣ, значить, настоящая сила, вотъ она гдѣ всегда сидѣла; стань богатъ и всё твое и всё можешь». Развратительнѣе этой мысли не можетъ быть никакой другой. А она носится и проникаетъ все мало-по-малу. *Народъ же ничѣмъ не защищенъ отъ такихъ идей, никакимъ просвѣщеніемъ, ни малѣйшей проповѣдью другихъ противоположныхъ идей*»...

Что можетъ сказать читатель противъ этого? Выводы отсюда ясны и просты: нужна проповѣдь «другихъ» идей въ народѣ и уничтоженіе «развратительной власти» надъ нимъ. И самъ Достоевскій, пять лѣтъ спустя повторилъ, что «первый корень, который предстоить непремѣнно и какъ можно оздоровить—это, безъ сомнѣнія, всё тотъ же русскій народъ, все тотъ же море-океанъ...» Можно бы возразить Достоевскому, что «извращеніе идей» въ народѣ началось не теперь, что оно, быть можетъ, и не особенно противорѣчитъ тому, «о чемъ говорили и чему учили народъ доселѣ». Но мы сейчасъ увидимъ, что спорить противъ Достоевскаго по этому поводу рѣшительно не предстоить надобности, ибо онъ совершенно согласенъ съ этимъ возраженіемъ.

И именно, въ слѣдующей же, февральской, книжкѣ, читатель съ нѣкоторымъ удивленіемъ видитъ это согласіе съ возраженіемъ, а рядомъ удивительнѣйшее признаніе того, что народъ совсѣмъ не нуждается въ «просвѣщеніи», которое выше было необходимо для защиты народа отъ проникающей въ него «раз-

вратительнѣйшей мысли». «Я вотъ, напримѣръ, написалъ въ январскомъ номерѣ «Дневника», — говоритъ Достоевскій, — что народъ нашъ грубъ и невѣжествененъ, преданъ мраку и разврату, *варваръ, ждущій сѣта*. А между тѣмъ я только-что прочелъ въ «Братской помощи», въ статьѣ незабвеннаго и дорогаго всѣмъ русскимъ покойнаго Константина Лесякова, что русскій народъ — *давно уже просвѣщенъ и образованъ*. (Эту же самую мысль и самъ Достоевскій повторилъ въ «единственномъ выпускѣ» «Дневника» въ августѣ 1880 г., увѣряя, что «просвѣщеніе» народъ получилъ изъ молитвъ. Но читателямъ, конечно, извѣстно, насколько народъ, т.-е. масса народная понимаетъ ихъ дѣйствительный смыслъ. Что же, смутился ли я отъ такого, повидимому, разногласія моего съ мнѣніемъ Константина Лесякова? — продолжаетъ Достоевскій. Нисколько, я вполне *раздѣляю это же самое мнѣніе*, горячо и давно ему сочувствую. Какъ же я соглашаю такое противорѣчіе? Но въ томъ и дѣло, что, по-моему, это очень легко согласить, а по другимъ, къ удивленію (?) моему, до сихъ поръ эти обѣ тѣмы несогласимы. Въ русскомъ человѣкѣ изъ простонародья нужно умѣть отягчать *красоту* его отъ *наноснаго варварства*. *Обстоятельствами всей почти русской исторіи* народъ нашъ до того былъ преданъ разврату (см. выше, гдѣ говорится о томъ, чему учили народъ до сихъ поръ) и до того былъ развращаемъ, соблазнаемъ и постоянно мучимъ, что еще удивительно, какъ онъ дожилъ, сохранивъ человѣческій образъ... И дальше Достоевскій такъ опредѣляетъ свой способъ воззрѣнія на народъ: «Судите народъ не по тѣмъ мерзостямъ, которыя онъ такъ часто дѣлаетъ, а по тѣмъ великимъ и святымъ вещамъ, по которымъ онъ и въ самой мерзости своей постоянно воздыхаетъ... Нѣтъ, судите нашъ народъ не потому, что онъ есть, а по тому, чѣмъ онъ желалъ бы стать. А идеалы его сильны и святы»...

А лишь мѣсяцъ назадъ Достоевскій утверждалъ, что въ народѣ — «поклоненіе матеріализму», «преклоненіе передъ деньгами». На чемъ же онъ основываетъ свое мнѣніе о томъ, чѣмъ народъ желалъ бы стать? Такъ онъ думаетъ потому, что «не всѣ же въ народѣ — мерзавцы, есть прямо святые...» Насколько дѣйствителенъ такой критерій, насколько онъ можетъ служить оправданіемъ мысли Достоевскаго о народѣ — мы можемъ и не рѣшать. Но не приложимъ ли онъ всюду? Не могли ли бы и другіе сказать: судите Европу не по тому, что она есть, а по тому, чѣмъ она желала бы стать, — и представить многочислѣннѣйшій списокъ жертвъ за величайшія идеи, прямо направленные во

блага народа и всего человѣчества? Не могли ли и во времена нравственнаго разложенія Рима говорить: судите римскихъ патриціевъ не по тому, что они есть, а по тому, чѣмъ они желали бы стать; и въ доказательство великихъ вещей, по которымъ онѣ «выдыхаетъ», можно бы указать тоже на отдѣльныхъ «святыхъ», напримѣръ, на великую Корнелію, Кая и Тиберія Гракховъ. Возьмите любой моментъ исторіи, любой народъ въ любое время, всюду окажется примѣнимымъ для оправданія самой печальной дѣйствительности этотъ пресловутый критерій идеаловъ въ отдѣльныхъ личностяхъ. Не можетъ ли онъ послужить для оправданія въ глазахъ славянофиловъ и столь ненавистой для нихъ «интеллигенціи»? Почему же интеллигенцію надо судить по Ландсбергамъ, Юханцевымъ, по одесской желѣзной дорогѣ, по представителямъ «власти золотого тельца», по тѣмъ, которые «что хотятъ, то и дѣлаютъ», а не по тѣмъ, кто всѣ свои силы и всю жизнь отдаетъ на служеніе народной идеѣ? И «святые» изъ славянофиловъ, которые тоже—отдѣльныя личности изъ интеллигенціи, почему они не могутъ послужить поводомъ въ возгласамъ о необыкновенномъ величіи и «просвѣщеніи» нашей интеллигенціи. Не очевидно ли, что «судите» Достоевскаго не имѣетъ за собою того значенія, какое тутъ придается ему.

Но разница, быть можетъ, въ идеалахъ; т.-е. быть можетъ, нужно судить по тому, *на что* именно устремлены желанія народа? быть можетъ, то, чѣмъ народъ нашъ, взятый въ отдѣльныхъ «святыхъ» представителяхъ, желалъ бы стать, такъ высоко, что нельзя было бы и сравнить этого ни съ чѣмъ изъ нашихъ идеалами? Въ томъ же февральскомъ номерѣ Достоевскій указалъ на нѣсколько качествъ народа, которыя будто бы проявились въ типахъ Гончарова и Тургенева. «Тутъ, конечно, не народъ,—говоритъ онъ,—но все, что въ этихъ типахъ вѣковѣчнаго и прекраснаго,—все это отъ того, что они въ нихъ соприкоснулись съ народомъ, это соприкосновеніе съ народомъ придало имъ необычныя силы. Они заимствовали у него его простодушіе, чистоту (уже?), кротость, широкость ума и незлобіе»... Удивительное дѣло: «простодушіе и незлобіе» придали Обломову (указаніе на него сдѣлано самимъ Достоевскимъ) «необычныя силы»?! Но все это не рѣшало, конечно, вопроса о какихъ-то особенныхъ идеалахъ нашего народа, существующихъ въ отвлеченіи, рядомъ съ «мерзостями», «развратомъ», «преклоненіемъ передъ деньгами» и прочимъ «просвѣщеніемъ и образованіемъ». Скоро Достоевскому пришлось высказаться на этотъ счетъ гораздо опредѣленнѣе, такъ какъ это уже совсѣмъ понадобилось.

Случилось это вотъ по какому поводу. Въ «Голосѣ» не совсѣмъ поняли, какъ это такъ вышло, что «народъ—ужасная дрянь на дѣлѣ, но за то идеалы у него хороши», какъ тамъ было выражено. Дальше ставился вопросъ: «да откуда же стали извѣстны идеалы?» Достоевскому предстояло указать, какіе именно идеалы есть въ народѣ, и откуда они исходятъ. И вотъ какъ онъ отвѣчаетъ на это: «Положительно отказываюсь отвѣчать на такой вопросъ, ибо сколько бы мы ни проговорили на эту тему, мы никогда ни до чего не договоримся. Это споръ длиннѣйшій, а для насъ важнѣйшій. *Всѣмъ у народа идеалы или совсѣмъ изъ нѣтъ—вотъ вопросъ* нашей жизни или смерти. Споръ этотъ ведется слишкомъ уже давно и остановился на томъ, что однимъ эти идеалы выяснились какъ солнце, другіе же совсѣмъ ихъ не замѣчаютъ и окончательно отказались замѣчать. Кто правъ—рѣшимъ не мы, но рѣшится это можетъ быть довольно скоро»...

Мы сказали, что въ этомъ «отвѣтѣ» Достоевскій высказался гораздо опредѣленнѣе. Опредѣленность эта состояла въ томъ, что онъ призналъ «вопросомъ» вопросъ о народѣ, и ничего не сказалъ, что бы далъ хотя малѣйшее понятіе о дѣйствительныхъ идеалахъ народа, «выяснившихся для него какъ солнце». Съ этихъ поръ мы уже не встрѣчаемъ въ «Дневникѣ» отрицательныхъ характеристикъ народа. Напротивъ, постоянно замѣчается въ немъ стремленіе разъяснить его достоинство и его идеалы. «Дневникъ» принявъ характеръ болѣе полемическій и первымъ, подвергшимся нападенію Достоевскаго, оказался въ качествѣ «западника» и «коленноровыхъ манишекъ безпощаднаго Ювенала», г. Авсѣенко, нынѣ, какъ извѣстно, уже волею Божіей славянофильствующій. Достоевскій опредѣляетъ этого нынѣ его послѣдователя такъ: «трудно представить писателя, менѣе внимающаго въ то, что онъ пишетъ; а впрочемъ, еслибъ онъ и внималъ, то вышло бы то же самое»... Отвѣчать такому противнику было немудрено, и «интеллигенція», конечно, не могла быть благодарною г. Авсѣенко. Въ сопоставленіи съ столь культурными «западниками» оказывалась какъ будто бы и вѣрною мысль, что «мы должны преклониться передъ народомъ». Не касаясь, однако, этой стороны дѣла, мы остановимся на дѣйствительно любопытныхъ мнѣніяхъ, противъ которыхъ востаетъ Достоевскій. Мнѣнія эти состоятъ въ томъ, что мы—люди чистые, а народъ все еще—черный, что народъ намъ не далъ идеала дѣятельной личности, и т. п. Трудно ли спорить противъ этого? И вотъ, Достоевскій припоминаетъ исторію Россіи, «вынесенную народомъ на своихъ плечахъ» и представляющую рядъ дѣятелей, «благочестивыхъ

князей, бояръ и земскихъ людей изъ тѣхъ, которые работали Россіи до пожертвованія жизнью»... А въ результатъ у Достоевскаго получилась мысль, что такъ какъ народъ нашъ «во много вѣковъ перенесъ много страданій, и въ горѣ своемъ всегда, сначала и до нашихъ дней слыхивалъ о Богѣ-Христѣ, то въ этомъ смыслѣ даже самыя темныя слои народа образованы гораздо больше, чѣмъ предполагаютъ западники въ культурномъ невѣдѣніи». Непониманіе этого г-мъ Авсѣенко Достоевскій считаетъ «общимъ теперь западническимъ мнѣніемъ о народѣ». Онъ приписываетъ западничеству мнѣніе, «что у народа нѣтъ вовсе никакой правды» и пр., и пр.

Странное недоразумѣніе, чтобы не сказать больше, лежитъ во всемъ этомъ спорѣ. Народъ тутъ представляется «несущимъ на плечахъ независимость» Россіи, въ качествѣ исключительнаго примѣра, — какъ будто другіе независимые народы не сдѣлали того же самаго, а между тѣмъ для нихъ это общее всѣмъ обстоятельство не служитъ въ глазахъ Достоевскаго залогомъ какого-либо будущаго. Совершенно упускается также изъ виду, какъ составляются сложные народы. Когда два народа сталкиваются между собою на одной и той же почвѣ, начинается взаимодѣйствіе; какое бы племя ни оказалось сильнѣйшимъ, оно не можетъ не захватить съ собою многихъ качествъ другого, живущаго съ нимъ. Нашъ народъ, съ его князьями, боярами, понятно, не избѣжалъ рѣзкаго вліянія татарщины, что и отразилось на всемъ бытѣ, на общественномъ устройствѣ, на языкѣ, на обычаяхъ и пр. И теперь въ томъ самомъ народѣ, который представляется вынесшимъ татарское иго и многое другое, есть элементы, обязанные своимъ происхожденіемъ исключительно татарству. Такимъ образомъ, «вынесеніе исторіи на своихъ плечахъ» во многихъ случаяхъ было, можетъ быть, результатомъ принятія, допущенія въ себя этихъ чуждыхъ элементовъ. Извѣстно, что татарскіе князья поступали на службу русскихъ князей и царей, и это играло, вѣроятно, не совсѣмъ ничтожную роль въ борьбѣ съ татарщиной. И теперь, когда насъ увѣряютъ, что народъ, въ крѣпкомъ союзѣ съ царями, прошелъ незапятнаннымъ черезъ свою страдальческую исторію, напрашиваются сами собою курьезныя сопоставленія. Представьте, напримѣръ, что во Франціи вдругъ поднялся бы споръ, въ которомъ патріоты стали бы упорно и гордо указывать на франковъ и ихъ первоначальныя идеи, какъ на элементы, которымъ исключительно эта страна обязана своею «независимостью», стали бы говорить, что «франки вынесли на своихъ плечахъ исторію», оставаясь незапятнанными въ борьбѣ съ пер-

воначальнымъ населеніемъ страны. Можно было бы допустить, что эту самую роль приняло на себя и полу-римское — полукельтское населеніе, которое застало въ странѣ пришедшее племя...

Трудно говорить о современныхъ идеалахъ народа на основаніи историческихъ данныхъ, въ которыхъ неясны перипетіи междуплеменной борьбы, сложившей данную исторію. Почему, напримѣръ, «терпѣніе» народа, нѣкогда столь нетерпѣливаго, не признавать вынужденнымъ грозной силой, извратившей правильное теченіе русской исторіи: не отсюда ли его «незлобивость»? И почему какой-то европейской цивилизаціи приписывать гнѣтъ высшихъ классовъ на народъ, когда это объясняется несравненно проще историческими данными совсѣмъ иного порядка. А между тѣмъ, въ устахъ Достоевскаго знаменательна фраза: «стоило васъ культивировать, чтобы взаимно того развратить народъ», хотя эта фраза и высказана условно. Не нужно ли дальше признать, что пороки нашей интеллигенціи составляютъ тоже результатъ историческихъ наслоеній, не имѣющихъ ничего общаго съ европейской цивилизаціей? Вездѣ у Достоевскаго вы найдете упрекъ этой интеллигенціи въ томъ, что она презрительно относится къ народу; и это приводится въ доказательство того, что народъ, терпѣливый, смиренный и незлобивый, выше ея. Но вѣдь очевидно, что это свойство интеллигенціи есть прямо результатъ того времени, когда изъ свободнаго населенія страны возникли смерды и холопы, и что оно исчезаетъ передъ лицомъ просвѣщенія, создававшего защитниковъ народа, а въ томъ числѣ и самихъ славянофиловъ. Ничего этого не признаютъ и не видятъ противники европеизма, какъ Достоевскій.

Во всякомъ случаѣ необходимо признать, что въ ученіи Достоевскаго чувствовалась неполнота. То проблематическое обстоятельство, что народъ нашъ пронесъ черезъ свою исторію великіе идеалы, могло считаться лишь фактомъ, свидѣтельствующимъ о силѣ народной; но кромѣ этого нужно было указать и прнесенныя черезъ исторію идеалы и свойства народныя. Они и послужили темой для многочисленныхъ характеристикъ, которыя мы теперь рассмотримъ. Оговоримся, что мы вовсе не считаемъ нашъ народъ противоположностью тому, что говорить о немъ Достоевскій: мы говоримъ не противъ народа, а только разсматриваемъ «ученіе» Достоевскаго, анализируемъ его логическую силу и практическое значеніе. Итакъ, какія же свойства находятъ въ народѣ Достоевскій.

Во-первыхъ: «русскій народъ, по его мнѣнію, бываетъ иногда ужасно неправдоподобенъ». Это «слово» должно обозначать, что

въ народѣ нашемъ существуютъ чувства безкорыстной любви къ несчастнымъ и угнетеннымъ братьямъ своимъ (славянамъ), и идея—«православное дѣло». Народъ, видите ли, не забылъ свою великую идею, свое «православное дѣло» въ теченіе двухвѣкового рабства, мрачнаго невѣжества и пр. Здѣсь представляется вопросъ: когда же началась эта идея и въ чемъ состояла? Въ исторіи малорусской борьбы съ католической Польшей мы находимъ дѣйствительно признаки борьбы за свободу вѣроисповѣданія; но кто же не знаетъ, что эта борьба имѣла въ сущности политическій характеръ. Допустимъ, однако, что стойкость за православіе, за свою религію, характеризуетъ нашъ народъ. Но какой же изъ европейскихъ народовъ не вель кровавой борьбы за религію? Почему же для нихъ это обстоятельство не играетъ никакой роли, не имѣетъ никакого значенія? Почему тамъ оно не служитъ доказательствомъ преимуществъ передъ другими народами, а въ томъ числѣ и русскаго? Необыкновенно интенсивное стремленіе католичества объять весь міръ крайне антипатично Достоевскому, а ужъ оно ли не отличалось идеєю «католическаго дѣла». Отсюда ясно, что достоинство нашего народа не въ томъ, что его идея—«религіозное дѣло»,—это не даетъ ему преимуществъ передъ другими народами,—а въ томъ, что идея эта—«православное дѣло». Православіе—вотъ преимущество нашего народа. Но вѣдь православіе—не прирожденное свойство нашего народа, а исторически привнесенное вѣрованіе, да притомъ еще и не усвоенное народомъ вполне. Что же остается тогда отъ мысли о преимущественно счастливой психической организаціи народа?

Какъ результатъ этого исключительнаго православія русскаго народа является дальше, по мнѣнію Достоевскаго, его безкорыстная любовь къ своимъ братьямъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько существуетъ эта любовь къ совершенно неизвѣстнымъ народу братьямъ; допустивъ, что она—фактъ,—гдѣ мы найдемъ доказательства, что свойство это исключительно русское? Не представляетъ ли намъ исторія Европы многочисленнѣйшіе примѣры безкорыстнаго служенія идеѣ свободы «братьевъ»? Не русскіе только были въ сербскихъ войскахъ. За освобожденіе Италіи, подъ начальствомъ Гарибальди, шли на смерть люди всѣхъ націй. За освобожденіе отъ тѣхъ же турокъ Греціи—тоже, и лордъ Байронъ—не единственный человѣкъ, оставившій всѣ блага личной жизни, чтобы бороться за идею. Далѣе, на свойствахъ русскаго народа основывается у Достоевскаго мнѣніе, что Европа погибнетъ, а «Россія заключаетъ въ себѣ начала, способныя разрѣшить все-европейскій роковой вопросъ низшей братіи, безъ

боя и безъ крови, безъ ненависти и зла»; но что «Россія скажетъ свое слово только тогда, когда Европа будетъ залита своею кровью». Нельзя не пожалѣть, что любвеобильная Россія такъ поздно скажетъ свое слово; изъ любви къ ближнимъ слѣдовало бы сказать его раньше «крови». Спросите доказательствъ, и вамъ Достоевскій скажетъ: «вотъ, мы, вѣрующіе, *пророчествуемъ*»... («Дневн. П.», 1877, стр. 185). Между тѣмъ, въ первой книжкѣ «Дневника» вы найдете слѣдующее о народѣ, имѣющемъ «безъ крови и ненависти» спасти Европу: «началось обожаніе даровой наживы, наслажденіе безъ труда; всякій обманъ, *всякое злодѣйство совершается хладнокровно*; убиваютъ, чтобы вынуть хоть рубль изъ кармана... Главное, носится такая мысль, такое какъ-бы ученіе или вѣрованіе»—и представляется примѣръ. «Въ Петербургѣ, двѣ-три недѣли тому, молоденькій паренекъ, извозчикъ, врядъ ли даже совершеннолѣтній, везъ ночью старика и старуху, и замѣтивъ, что старикъ безъ сознанья пьянъ, вынулъ *перочинный ножичекъ* и сталъ рѣзать старуху. Ихъ захватили, и дурачокъ тутъ же повинился: не знаю, какъ и случилось, и какъ ножичекъ очутился въ рукахъ»... Чему же вѣрить? Откуда же у народа, обожающаго даровую наживу, совершающаго хладнокровно всякое злодѣйство, явится сила спасти міръ необыкновенной силой любви, справедливости и идеи?

Рядомъ съ такими фактами утверждается, что «Россія здорова», тогда какъ Западъ боленъ. Еще удивительнѣе видѣть, что спасеніе міра заключается въ томъ, что Россія займетъ Константинополь («Дн.», 1877, стр. 285—287), «займетъ одна, за свой счетъ». Россія суждено спасти міръ еще потому, что русскіе отличаются «всемирностью духа». Доказательство въ Пушкинѣ, въ его вѣковѣчныхъ произведеніяхъ. Дѣло въ томъ, что «онъ и человекъ древняго міра, онъ и германецъ, онъ и англичанинъ, глубоко сознающій геній свой, доску своего стремленія (Пиръ во время чумы), онъ и поэтъ Востока. Всѣмъ этимъ народамъ онъ сказалъ и заявилъ, что русскій геній знаетъ ихъ, понялъ ихъ, соприкоснулся имъ какъ родной, что онъ можетъ *переволноваться* въ нихъ во всей полнотѣ, что лишь одному только русскому духу дана всемирность, дано назначеніе въ будущемъ постигнуть и объединить все многообразие національностей и снять всѣ противорѣчія ихъ» (ib. 187). Юношескую, почти дѣтскую, переимчивость, подражательность, неустойчивость духовной фізіономіи, отсутствіе рѣзко очерченной индивидуальности, Достоевскій принимаетъ за особое свойство русскаго духа, имѣющее спасти міръ. Любопытно бы знать, какимъ образомъ

вляло бы это свойство на фактѣ, въ дѣйствительности. Вѣдь еслибы оно владѣло всѣмъ міромъ, оно обезличило бы человечество, потому что такая «всемирность» есть только признакъ того, что индивидуальность недостаточно опредѣлилась. Отсутствіе ея не значитъ непониманіе, незнаніе, неспособность постигнуть душу чужую, а лишь рѣзкую опредѣлительность своей нравственной жизни, которая проявится всюду, и отъ которой трудно отрѣшиться, не отказавшись отъ самого себя, отъ своего индивидуальнаго существованія. Пресловутая «всемирность» есть только поверхностность, несерьезность собственной внутренней жизни.

Въ октябрѣ 1876 года, когда разрасталось «славянское движеніе», Достоевскій писалъ: «Одной матеріальной выгодой, однимъ «хлѣбомъ» — такой высокой организмъ, какъ Россія, не можетъ удовлетвориться. И это не идеалъ и не фразы: отвѣтъ на то — весь русскій народъ и все движеніе его въ этомъ году. Движеніе почти *безпримѣрное въ другихъ народахъ* по своему самоотверженію и безкорыстію, по *благотворной релігіозной жаждѣ пострадать за правое дѣло*. Такой народъ не можетъ внушать опасенія за порядокъ, это не народъ безпорядка, а народъ твердаго возрѣнія и уже ничѣмъ непоколебимыхъ правилъ, народъ — *любитель жертвъ и ищущій правды и знающій, идѣ она*, народъ кроткій, но сильный, честный и чистый сердцемъ, какъ одинъ изъ высокихъ идеаловъ его — богатырь Илья-Муромецъ, чтимый имъ за святого. Сердце Хранителя такого народа должно радоваться на такой народъ, — и оно радуется, и народъ про то знаетъ! Нѣтъ, тутъ не было безпорядка...

Здѣсь что ни слово, то фантазія. Движеніе это — совсѣмъ не безпримѣрное. Неужели же французы, шедшіе въ концѣ прошлаго вѣка освобождать Италію, шли на смерть и жертвы, съ цѣлю корыстною? Благотворная, релігіозная жажда пострадать за правое дѣло — фантазія. Если же это чувство и проникало нѣкоторыхъ возвышенныхъ души, то подобныхъ явленій въ Европѣ было множество. «Страданіе за правое дѣло» рядомъ съ способностью исполнѣть хладнокровно «зарѣзать человѣка хошъ за рубль!» Какое изумительное противорѣчіе!.. Дѣйствительно, народъ русскій въ ученіи Достоевскаго совсѣмъ, совсѣмъ «неправдоподобенъ!»

Для доказательства своихъ идей Достоевскій ссылается на любовь народа къ «землѣ» и на освобожденіе его съ землею. Эти два неоспоримые факта, совершенно не вяжущіеся съ «всемирностью русскаго духа», съ самоотверженностью и безкорыстіемъ, очевидно, и сами по себѣ не имѣютъ исключительнаго

смысла. Освободить народъ съ землею вынудило сознаніе невыгоды поступить иначе, — о ней свидѣтельствовалъ примѣръ Европы, страдавшей отъ пролетаріата. Мы заимствовали эту идею изъ Европы же и примѣнили у себя. Но своекорыстные, недалёковидные, узвіе расчёты сказались и у насъ. Извѣстно, насколько неполно идея осуществилась въ дѣйствительности. Привязанность, любовь къ землѣ! Еще бы не любить земли, единственнаго источника пропитанія. Въ мірѣ не найдется ни-дѣ чувства противоположнаго. А между тѣмъ, мы знаемъ, какъ легко народъ нашъ отказывается отъ земли, получая возможность жить другимъ трудомъ.

Достоевскій указываетъ на противодѣйствіе освобожденію негровъ, въ то время, какъ у насъ сами помѣщики освободили рабовъ. Извѣстно опять, что миллионы людей шли на ихъ освобожденіе, а у насъ, освобождая крестьянъ, приводя въ исполненіе идеи высшаго правительства, за невозможностью поступить иначе, старались и успѣли, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, обездолить народъ, не выгадавши для себя, по неумѣнью, ничего.

Всѣ эти доводы оказываются, очевидно, лишенными основаній въ дѣйствительности. Но Достоевскій и высказываетъ все это случайно, по поводамъ. Главная, первенствующая идея его въ томъ, что у насъ «православіе», въ которомъ все спасеніе міра. Мы уже показали выше, что дѣло тутъ не въ догматахъ, а въ психикѣ народной, въ томъ, какъ принято религиозное ученіе душою народа. Достоевскій проводитъ въ этомъ направленіи особую теорію, заимствованную у славянофиловъ. Вотъ эта теорія.

Три идеи встаютъ передъ міромъ. Идея католическая должна погибнуть. Она провозглашаетъ своимъ принципомъ, устами своихъ *отъявленныхъ атеистовъ*: *liberté, égalité, fraternité—ou la mort*. Даже социализмъ европейскій есть продолженіе той же идеи, ибо онъ есть не что иное, какъ *насильственное* единеніе человѣчества. Другая идея—протестантизмъ, вѣрующій, что лучше его ничего не можетъ быть, а между тѣмъ *не сказавшій новаго слова*. Наконецъ, третья идея—идея славянская, идея нарождающаяся,—можетъ быть, третья грядущая возможность разрѣшенія судебъ человѣческихъ и Европы. Всѣмъ ясно теперь, что съ разрѣшеніемъ Восточнаго вопроса двинется въ человѣчество новый элементъ, новая стихія, которая лежала до сихъ поръ пассивно и косно, и которая, во всякомъ случаѣ и наименѣе говоря, не можетъ не повліять на міровыя судьбы чрезвычайно сильно и рѣшительно. Что эта за идея, что несетъ съ собою

единеніе славянъ? — *все это еще слишкомъ неопредѣленно*, но что дѣйствительно *что-то* должно быть внесено и сказано новое, — въ этомъ почти уже никто не сомнѣвается. И всѣ эти три огромныя міровыя идеи сошлись, въ развязкѣ своей, почти въ одно время». («Дневн. Пис.», 1877, стр. 5).

Читатель, если онъ не совсѣмъ понимаетъ, въ чемъ тутъ дѣло, можетъ утѣшиться вотъ какимъ соображеніемъ: «Всякій великій народъ вѣрить и долженъ вѣрить, если только хочетъ быть долго живъ, что въ немъ-то, и только въ немъ одномъ, и заключается спасеніе міра, что живетъ онъ на то, чтобъ стоять во главѣ народовъ, приобщить ихъ всѣхъ къ себѣ во-едино и вести ихъ, въ согласномъ хорѣ, къ окончательной цѣли, всѣмъ имъ предназначенной» (тамъ же, 14).

Для доказательства своихъ мыслей, Достоевскій указываетъ иногда на факты, надъ которыми стоить остановиться. Нянька, отдающая «господамъ» накопленные деньги, — какой разительный примѣръ чувствъ и преданности и незаботы о собственныхъ интересахъ. Мужикъ, указывающій барину дорогу изъ лѣса! и т. п. Боже мой, кто же отрицаетъ человѣческія чувства въ народѣ. Но факты эти доказываютъ нѣчто и другое. Посмотрите, что за преданность у обломовскаго Захара. Все дѣло тутъ въ томъ, что рабы еще въ Римѣ отличались этой преданностью господамъ; явленіе это — всеобщее, объясняемое, кажется, тѣмъ, что человѣкъ, лишенный свободы и человѣческихъ правъ, невольно переноситъ свойственное человѣку самоуваженіе на того, кто владѣетъ имъ, у кого въ рукахъ всѣ его права. Въ подобныхъ отношеніяхъ нѣтъ середины: человѣкъ или ненавидитъ человѣка, отъ котораго зависитъ, или уже безмѣрно предается ему, потому что вся жизнь раба зависитъ отъ этого человѣка. Этимъ и объясняется преданность старымъ дворовымъ, немогшихъ представить для себя самостоятельнаго существованія, помимо барина. Факты, приводимые Достоевскимъ, доказываютъ, къ сожалѣнію, только вѣковое рабство, черезъ которое прошелъ народъ, и не обнаруживаютъ особыхъ свойствъ русскаго духа.

Но предположимъ опять, что мнѣнія Достоевскаго о народѣ вѣрны, что народъ, только въ силу историческихъ обстоятельствъ, погрязаетъ въ развратѣ (это мнѣніе можно бы нѣсколько смягчить), при исключительныхъ свойствахъ душевныхъ. Что же отсюда слѣдовало бы? Очевидно, нужно устранять страшныя вліянія, желать, по крайней мѣрѣ ихъ устраненія? Вѣдь по смыслу мнѣній самого же Достоевскаго, эти вліянія извращаютъ народную жизнь и нравственность. Но нѣтъ, Достоевскій не хочетъ

ничего этого. Онъ утверждаетъ, что все дѣло—въ улучшеніи нравственности самостоятельно человѣкомъ, путемъ страданія, которое однако же губить народъ. Что же нужно? Что нужно? Достоевскій даетъ на это отвѣтъ санкціонированіемъ почти всего существующаго: онъ защищаетъ современное положеніе финансовъ русскихъ; ему кажутся необходимыми славянскія войны, истощающія народъ; онъ за распространіе нашего вліянія въ Азію, при имъ же признаваемой нравственной и матеріальной гибели народа—дома; онъ за все, что мучитъ нашу родину, и только предлагаетъ нравственно упавшей интеллигенціи примкнуть къ народу. А между тѣмъ, народъ все болѣе и болѣе, опять-таки по сознанию самого Достоевскаго, развращается нравственно!

Какой сумбуръ чувствъ, движеній душевныхъ, мыслей! И это «ученіе»!..

Мы искренно преклоняемся передъ поэтическимъ талантомъ Достоевскаго и знаемъ, что его долго не забудутъ. Онъ умѣлъ трогать интимнѣйшія струны человѣческой души, заглядывать въ самую глубь души человѣка. Но его ученіе! Нужно ли говорить, сколько горя приноситъ оно родинѣ!

Мы повончили съ Достоевскимъ. Обратимся теперь къ его сообщникамъ по идеямъ и послѣдователямъ.

N.

ИЗУЧЕНІЯ РУССКОЙ НАРОДНОСТИ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОРЪ.

III *).

Понятія о народности въ XVIII вѣкѣ.

Послѣ реформы, въ теченіе XVIII вѣка, произошелъ въ русской жизни слѣдующій поворотъ въ образовательномъ отношеніи. Въ прежнее время народъ и высшія сословія («общество») составляли по складу своихъ понятій почти однородную массу — однородную по бытовому и идейному преданію, или по скудости свѣдѣній, не нарушавшей ни въ чемъ этого преданія, по безграничному суевѣрію, по недовѣрію къ научному знанію природы, въ которомъ видѣли волшебство и дѣйствіе нечистой силы; — естатіи представителями этого знанія являлись иноземцы, заподозрѣнные впередъ за поганое латынство и люторство. Немногія исключенія въ этомъ порядкѣ составляли люди, усвоившіе киевское образованіе или другими случайными путями успѣвшіе познакомиться съ пользой и интересомъ иноземной науки и ея безвредностью для душевнаго спасенія. — Съ появленіемъ новой школы, съ посылкой русскихъ молодыхъ людей въ ученіе за границу, эти исключенія стали умножаться, и вскорѣ, еще при Петрѣ, образовалась хотя все не весьма многочисленная, но уже ясно опредѣлившаяся группа людей новаго образованія. Въ этомъ и состоитъ тотъ «разрывъ» съ народомъ, въ которомъ полагается извѣстной школой преступленіе петровскаго періода. Мы объяс-

*) См. вѣст.: сентябрь, 288 стр.

няли въ другомъ мѣстѣ, что существенный «разрывъ», — который бывалъ у насъ, какъ и у всѣхъ народовъ, — совершился гораздо раньше неравенствомъ состояній, которое давнымъ-давно было узаконено въ неравенство общественныхъ правъ; паденіемъ народныхъ учреждений; господствомъ чиновничества; крѣпостнымъ правомъ. Различіе образованія, которое теперь (въ силу этого стараго неравенства) доставалось почти исключительно служилому сословию или высшему классу, увеличило, повидимому, разстояніе между ними, прибавило разницу понятій, производимую образованіемъ; но въ дѣйствительности, этотъ новый «разрывъ» былъ знаменательнымъ историческимъ шагомъ къ общественному самосознанію, которому предназначено примирить общество и народъ, связать ихъ въ единое нравственно-общественное цѣлое. Въ освобожденіи крестьянъ мы видѣли уже одинъ великій фактъ этого историческаго процесса.

Современники и позднѣйшіе историки вообще изображали наступившій поворотъ какъ яркій контрастъ стараго и новаго, и контрастъ дѣйствительно былъ. Въ литературѣ, отражавшей событія, произошла также глубокая перемѣна. Литература, нѣкогда однородная, раздвоилась и распредѣлилась по разнымъ классамъ общества. Старая письменность въ образованномъ классѣ совсѣмъ забылась: здѣсь церковно-лѣтописный складъ старой книжности смѣнился новымъ складомъ содержанія, которое почерпалось изъ западной школы и литературы, и новымъ складомъ языка, который стремился къ сближенію съ языкомъ жизни; новая литература выросла подъ вліяніями новой свѣтской образованности, принадлежавшей по-преимуществу высшему общественному классу, дворянству и чиновничеству, военному и гражданскому. Въ эту литературу перешли высшіе интересы научнаго знанія и поэзіи, выросшихъ подъ вліяніемъ новыхъ условій и возбужденій. Старая письменность продолжала храниться въ народномъ грамотномъ классѣ: купцы, посадскіе люди, грамотные крестьяне продолжали читать старыя душевспасительныя книги, увеселялись старинными повѣстями и сказками. Въ какой обширной степени старая письменность продолжала жить въ прошломъ столѣтіи, свидѣлствуютъ массы ея памятниконъ разнаго рода въ спискахъ XVIII столѣтія и цѣлая литература народныхъ картинокъ, начало которыхъ восходитъ къ до-петровской старинѣ.

Два литературы, какъ два образованія и два склада нравовъ, были, конечно, крайнимъ контрастомъ *по существу*; этотъ контрастъ и признается обыкновенно какъ рѣзкій историческій фактъ. Но взгляды ближе въ дѣйствительность, въ этомъ представ-

леніи надо сдѣлать весьма существенныя ограниченія и оговорки. На практикѣ противоположность не была такою крайнею, и вообще, реформа, круто проводившаяся въ области государственной и служебной; не такъ быстро овладѣвала нравами и обычаями. Историческое преданіе, запомнившее деспотическія мѣры Петра Великаго въ исполненіи его плановъ; дальнѣйшее распространеніе европейскихъ обычаевъ; новѣйшіе доктринерскіе споры о значеніи преобразованія, — создали вообще преувеличенное представленіе объ этой сторонѣ періода реформы, и оно теперь только можетъ быть провѣрено, съ ближайшимъ изученіемъ тогдашней жизни. — Въ самомъ дѣлѣ, перемѣна въ нравахъ, даже въ наиболѣе образованномъ классѣ, была не такая быстрая и глубокая, какъ обыкновенно думаютъ; самое образованіе распространялось не такъ ужъ сильно и охватывало не такую массу людей, чтобы перемѣна могла считаться столь внезапной и рѣшительной. Напротивъ. Извѣстно теперь, что самъ Петръ, при всемъ несомнѣнномъ желаніи передѣлать въ извѣстныхъ отношеніяхъ нравы, при всей ненависти ко многимъ явленіямъ старины, при всей несомнѣнной ломкѣ въ арміи, флотѣ, гражданскихъ учрежденіяхъ, школахъ, книжности, — что *потомъ* отразилось новыми формами общественности и типами людей, — вовсе не былъ врагомъ бытовыхъ обычаевъ, гдѣ они не мѣшали его намѣреніямъ, и самъ соблюдалъ такіе обычаи. Его сподвижники перваго поколѣнія реформы были приверженные исполнители его дѣла, но помнили, однако, хорошо старыя обычаи, окружавшіе ихъ повсюду внѣ казенной службы. Семейный и народный бытъ были исполнены этой старины, и послѣ насильственныхъ мѣръ Петра, направленныхъ только на нѣкоторые исключительные старыя обычаи (какъ, на примѣръ, невѣжество и лежебичество стараго боярства, азіатское заключеніе женщины, разныя глупыя суевѣрія и предрассудки), на старину уже не было никакого особеннаго давленія кромѣ того, какое дѣлалось само собою, естественнымъ ходомъ развивавшейся новизны, потребностями общественной жизни и просвѣщенія. Второе и третье поколѣніе въ своихъ болѣе серьезныхъ представителяхъ были такими же русскими людьми по складу своихъ бытовыхъ понятій и не чувствовали разлада съ народностью, который имъ такъ усердно теперь навязываютъ. Срединѣ XVIII вѣка наполнена царствованіемъ Елизаветы; историкамъ оно представляется какъ время русской національной реакціи. (т.-е. побѣды надъ придворной нѣмецкой партіей), хотя западное вліяніе продолжалось. Замѣчательнѣйшіе дѣятели литературы первой половины вѣка, величайшіе

поклонники Петра, были самые несомнѣнные русскіе люди, напр., не только доморощенный самоучка Посошковъ, но Ломоносовъ, прошедшій заграничную школу и высоко ее чтившій, Татищевъ, котораго уже винили въ вольнодумствѣ, даже Кантемиръ и проч., писатели, усиленно работавшіе для введенія въ нашу литературу иноземнаго содержанія и стили. Чѣмъ больше разрабатывается біографія историческихъ дѣятелей прошлаго вѣка, именно изъ того образованнаго дворянскаго класса, который считается по преимуществу «оторваннымъ» отъ народа, — тѣмъ больше біографы находятъ ихъ людьми чисто-русскаго склада, съ воспитаніемъ, основаннымъ на впечатлѣніяхъ русскаго быта и преданія; они были болѣе специфически «русскими», чѣмъ нынѣшніе образованные люди съ И. С. Аксаковымъ включительно, — такъ что навязывается вопросъ: въ чемъ же эти люди «оторвались» отъ народа? Остановимся нѣсколько на этомъ вопросѣ.

Если народъ становился все-таки дальше отъ высшихъ образованныхъ классовъ, то внѣшняя общественная причина этого была, какъ мы сказали, отношеніе этихъ классовъ къ народу, какъ помѣщиковъ и чиновниковъ къ крѣпостнымъ, и злоупотребленія первыхъ, вообще равнодушно принимавшія самой властью, стали главнымъ источникомъ народнаго раздраженія и недовѣрія къ барству; затѣмъ извѣстное образованіе произвело разницу понятій, гдѣ, конечно, логическій перевѣсъ былъ не на сторонѣ наивнаго и суевѣрнаго невѣжества; бывали, наконецъ, примѣры, что люди высшихъ классовъ дѣйствительно отрывались отъ народности до нелѣпой французоманіи, до незнанія русскаго языка, — но это составляло принадлежность исключительно той высшей общественной сферы, которая и донинѣ остается въ томъ же безучастномъ отношеніи къ русской жизни: извѣстное число великосвѣтскихъ хлыщей и барынь донинѣ живутъ въ состояніи межеумковъ, сохранившихъ изъ русской жизни только крѣпостническіе вкусы и, конечно, крайне далекихъ отъ настоящаго европейскаго просвѣщенія.

Словомъ, корень удаленія «общества» отъ народа заключался въ крѣпостничествѣ и въ томъ покровительствованіи ему общественномъ режимѣ, который дѣлалъ сближеніе съ народомъ невозможнымъ для просвѣщеннѣйшихъ людей, на которыхъ этотъ упрекъ и не можетъ пасть. Болѣе просвѣщенные люди и старались о смягченіи этого режима, въ чемъ и заключалась дѣйствительно важнѣйшая потребность общества. Новиковъ и Радищевъ погибали при злорадныхъ аплодисментахъ крѣпостниковъ. Власть не могла одобрять Чацкого, но еще раньше подняли

противъ него вопль сами люди «общества», конечно не въ силу того, чтобъ приверженность къ иноземному оторвала ихъ отъ народа, а именно въ силу освященнаго закономъ крѣпостничества: они были націоналы, а Чацкій—приверженецъ запада.

Но вѣдь несомнѣнно же, скажутъ намъ, что общество наше не только XVIII-го, но и XIX-го вѣка, и почти до нашихъ дней, жило подражательностью, заимствованіемъ чужого, забывало національныя черты, быта народной поэзіи, искусства, нравовъ, и пр.? Да, но слѣдуетъ вдуматься въ разные мотивы и размѣры этой подражательности и оторванности.

Принятіе нѣкоторыхъ иноземныхъ обычаевъ не было не только бѣдой, но было очень естественно, безобидно и, наконецъ, благотворно, и во многихъ случаяхъ началось задолго до Петра. Если Петръ заводилъ ассамблеи, это былъ естественный протестъ противъ теремной жизни, которую мудрено исторически и нравственно защищать: женщина пріобрѣтала свое личное право, вступала въ общество, ей становилось доступно образованіе, нравственное вліяніе въ семьѣ и обществѣ; ассамблея была не нарушеніемъ народнаго обычая,—народъ собственно не зналъ терема, составлявшаго принадлежность зажиточнаго класса,—а отмѣной привившагося у насъ обычая восточнаго. Перемѣна одежды, длинной восточной на короткую западную, могла быть непріятна насильственностью, пожалуй прибавляла новую «оторванность»; но эта переиѣна не впервые была сдѣлана Петромъ, и западная одежда опять смѣняла не только русскія, но и восточныя платья. Въ прежнее время, въ XVI вѣкѣ, у насъ прямо начинали входить восточныя, туркестанскія моды, дошедшія до бритья головъ и ношенія «тафьи», татарской ермолки; бритые бороды началось еще при Василии Ивановичѣ ¹⁾.

Нѣкоторыя изъ нововведеній были таковы, что, составляя дѣйствительную потребность возникающей общественности, они и не могли найти для себя основанія въ соотвѣтственномъ русскомъ обычаѣ. Таковы были ассамблеи: въ быту русскаго боярства не было формы общественнаго собранія мужчинъ и женщинъ, общаго препровожденія времени.—Театръ, установившійся въ XVIII вѣкѣ (собственно долго спустя послѣ Петра) впервые введенъ былъ—при самомъ дворѣ—еще во времена царя Алексѣя, въ разгарѣ московскаго царства, какъ примѣръ такой же на-

¹⁾ Ср. разныя подробности у Костомарова, «Очеркъ домашней жизни и нравовъ въ XVI и XVII стол. Сиб. 1860; Забѣлина, «Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ», 1862—69.

рождавшейся потребности, для которой не было опоры въ русскомъ обычаѣ: этотъ театръ при царѣ Алексѣѣ былъ иностранный. Совершенно такъ продолжался театръ въ XVII вѣкѣ, когда при дворѣ держалась итальянская опера, французскіе спектакли, балетъ, къ которымъ только долго спустя присоединилась русская сцена, — и зрителей, придворныхъ, надо бывало обязывать подпиской къ посѣщенію театра. Съ тѣхъ поръ и донинѣ театръ оставался дворцовой монополіей, и теперь, когда національные вкусы очень развиваются, друзья искусства и приверженцы народа хлопочуть объ уничтоженіи этой монополіи, о предоставленіи этой *иностранной* затѣи для народной публики. — Очень большая доля иноземнаго входила въ жизнь черезъ иностранное устройство арміи и флота; цѣлый запасъ иностраннаго входилъ черезъ школу, научныя знанія, наконецъ — литературу. На огульный счетъ, все это была масса всевозможной иноземщины, — но гдѣ же было въ самой русской *национальной* жизни что-либо, дававшее, въ этихъ случаяхъ, возможность обойтись безъ этой иноземщины? И необходимость ея достаточно указывается тѣмъ, что очень многія изъ всѣхъ этихъ нововведеній, чуть не всѣ, впервые, хотя слабо, возникали задолго до Петра. — Новѣйшіе обличители реформы видѣли въ изобиліи иноземщины неуваженіе къ своей народности, но справившись съ фактами, мы убѣждаемся, что у людей реформы не только отсутствовала мысль объ униженіи своей народности, но, напротивъ, была прямая забота о возвышеніи «россійской славы», — иноземщина была не цѣлю, а средствомъ, и люди реформы спѣшили только скорѣе имъ воспользоваться; борьба противъ стараго вѣстога была иногда суровая (по *старой* привычкѣ къ суровости), но велась она не противъ народности, а за нее, за ея возвеличеніе. Мысль о *русскомъ* благополучіи, о *русскихъ* успѣхахъ въ войнѣ, наукахъ, промыслахъ и т. д. была господствующая; за народность (въ широкоемъ смыслѣ) не было ни малѣйшаго опасенія, потому что дѣйствительно она всей силой національнаго характера, и въ частности цѣлой массой преданій, нравовъ и пр., господствовала надъ входившей иноземщиной, которая въ ея средѣ была небольшимъ процентомъ, сливавшимся и исчезающимъ.

Петръ сталъ *народнымъ лицомъ*, героемъ народной поэзіи; въ народныхъ представленіяхъ образовался новый типъ царя, — не царя-лежебоки и полу-монаха XVI—XVII столѣтія, а царя энергическаго, дѣятельнаго, всюду проникающаго, дѣйствительно идущаго впереди своего народа.

Нападенія на подражательность западу, на «галломанію» тогдашняго общества стали ходячей фразой еще съ прошлаго вѣка. Но, свѣряя дѣло съ фактами, нельзя не увидѣть, что въ этихъ нападеніяхъ была значительная доля недосказанности, или прямо лицемѣрія, и у позднѣйшихъ историковъ, быть можетъ, еще больше, чѣмъ у современниковъ. Число слѣпыхъ подражателей и настоящихъ «галломановъ» было во всякомъ случаѣ не такъ велико, чтобъ они представляли опасность для національной жизни; качество «галломанства» въ громадномъ большинствѣ было слишкомъ поверхностное, и оно заслуживало развѣ только водевильной комедіи. Раздуваніе «галломаніи» въ преступленіе и измѣну, какъ начинали дѣлать еще въ XVIII-мъ столѣтіи, какъ потомъ дѣлалъ Шишковъ и графъ Ростопчинъ (самъ — ужасный любитель французскаго языка), было или глупостью, или лицемѣріемъ, потому что, хлопоча будто бы о спасеніи общества, бросалось на пустяки и скрывало дѣйствительныя смердящія язвы, и вмѣстѣ съ тѣмъ забывало, что влеченіе къ европейскимъ идеямъ (часто отождествлявшееся съ галломаніей) было жизненной потребностью нашего просвѣщенія, и приносило ему богатые результаты. Национальное чувство могло бы достаточно успокоиваться тѣмъ, что немудренныя обличенія «галломаніи» (по новѣйшему «европейничанья») были чрезвычайно изобильны, — начиная отъ Фонъ-Визина и... до Достоевскаго, и находили всегда сочувствіе въ массѣ общества...

Мы видѣли, наконецъ, въ предъидущей главѣ, что все движеніе науки и литературы, т.-е. наиболѣе просвѣщенной части общества, шло именно къ изученію народности, къ ея осмысленію, къ историческому возстановленію ея прошлаго, къ пониманію настоящаго. Обращеніе къ западу и его знанію именно и дало первыя дѣйствительныя средства къ этому изученію; идеи западнаго просвѣщенія сообщали болѣе гуманный взглядъ на народъ, учили уважать въ рабѣ человеческое достоинство, готовили мысль о необходимости освобожденія. Это была, слѣдовательно, неизбежная ступень общественнаго и національнаго самосознанія, такъ-какъ послѣднее могло совершиться только на почвѣ критической мысли, а не наивно-эпической фантазіи.

Возвращаемся къ отношеніямъ двухъ литературъ. Судьба ихъ и не могла быть иная. Новое общество, въ самыхъ серьезныхъ своихъ запросахъ, не могло найти пищи въ старой письменности; новая литература обращалась къ западному образованію, откры-

вавшему *идейное содержаніе*, о какомъ не имѣла понятія (или получала только слабыя отдаленныя намеки) старая письменность, и это содержаніе естественно привлекало людей новаго порядка; вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ обращенія къ западнымъ литературамъ не было средствъ пріобрѣсти тѣ *формы*, которыя были необходимы для болѣе широкаго литературнаго развитія: не было образцовъ для эпоса, романа, лирики, драмы, — какъ въ жизни не было формъ болѣе свободнаго обществія, интересовъ искусства и простого техническаго знанія по всѣмъ его отраслямъ. XVII вѣкъ уже чувствовалъ эту самую потребность, что и выказалось давними неуспѣшными попытками усвоить западный романъ, драму, легкую повѣсть, комедію Мольера, а наконецъ, двумя-тремя удачными опытами самостоятельной русской повѣсти ¹⁾.

Какое же было въ частности отношеніе новаго образованія и литературы къ *народности*?

Вопросъ объ этомъ отношеніи спутывается обыкновенно тѣмъ, что новѣйшіе историки, обоеихъ направленій, вносятъ въ сужденія о тѣхъ временахъ нынѣшнія понятія о значеніи народности и забываютъ объ условіяхъ, въ которыхъ начиналась дѣятельность литературы въ тѣ времена.

Прежде всего, въ тѣ времена вопросъ о народности, какъ мы ставимъ его теперь, совсѣмъ не существовалъ.

Настоящая основа нашего понятія о народности есть вовсе не мысль о возвращеніи отъ чего-то чужого къ своему, какъ это представляютъ славянофилы, — а мысль объ освобожденіи народа, о расширеніи его общественнаго права, о введеніи его интересовъ въ область гражданской жизни и просвѣщенія. Это — понятіе существенно новое, развившееся подъ многообразными вліяніями и особенно подъ вліяніемъ именно западной образованности, возвысившей чувство человѣческаго достоинства въ личности и чувство къ достоинству народному. На переходѣ отъ XVII къ XVIII столѣтію, еще не очень далеко отъ среднихъ вѣковъ, не только у насъ, но и въ самой западной Европѣ, собственно «народъ» былъ служебная масса, которая поставляетъ матеріальныя средства государства — и даже буквально поставяла, напр., припасы для царскаго двора — и не можетъ имѣть никакого притязанія на политическую и общественную равноправность ²⁾.

¹⁾ Какъ извѣстный «Фролъ Скобѣевъ». Ср. ст. Л. Майкова: „Неизвѣстная русская повѣсть Петровскаго времени“, въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1880.

²⁾ Намъ дѣлали упрекъ, что мы забываемъ о земскихъ соборахъ. Это было действительно прекрасное начало, но мы не вводимъ его въ общія очертанія стараго быта по слѣдующей причинѣ: земскіе соборы были историческимъ остаткомъ отъ

У насъ, это понятіе о народѣ было унаслѣдовано отъ московскаго царства, и Петръ, если отягчилъ положеніе массы, требуя большей службы для государства, то слѣдовалъ только прежнему направленію. Но отрицаніе народнаго обычая?—Это была одна черта въ цѣломъ процессѣ реформы, а на реформу должно смотрѣть, какъ на борьбу двухъ историческихъ началъ,—и здѣсь *большинство* національной массы стало на сторонѣ, защищаемой Петромъ. Свидѣтельство—вся дальнѣйшая исторія Россіи. Новѣйшее стремленіе къ народности, — не въ понятіяхъ ограниченныхъ людей или фанатиковъ, а людей здравомыслящихъ, — было ни мало не отрицаніемъ, а, напротивъ, ревностнымъ развитіемъ реформы. На счетъ реформы ставить обыкновенно господство нѣмцевъ при дворѣ и въ правленіи, преторіанскія безобразія прошлаго вѣка и т. д.; но эти факты относятся къ политическому безправію русскаго общества, а оно было дѣломъ давнимъ и вкоренившимся, и при этомъ ничтожество преемниковъ Петра легко давало возможность къ преторіанскому господству. Царствованіе Елизаветы считается возстаніемъ русской народности противъ иноземщины, но основное направленіе образованности не измѣнилось; это было время дѣятельности Ломоносова, безусловнаго поклонника и послѣдователя реформы.

Ни самому Петру, ни его приверженцамъ и послѣдователямъ, какъ мы уже говорили, не могла бы вмѣститься въ голову мысль, чтобы они были противниками русской народности; такая мысль показалась бы имъ безумной, и справедливо: именно русской народности посвящена была вся ихъ самоотверженная работа. Дѣло въ томъ, что понятіе народности, неизвѣстное тогда въ его спеціальному новѣйшему смыслѣ, совмѣщалось въ *національномъ чувствѣ*, и съ этой стороны дѣятели реформы, общество и самая народная масса были удовлетворены, исключая только періодъ бироновщины, когда господствовала придворная партія, поднатая, впрочемъ, самодержавною императрицей. Петръ Великій ни мало не думалъ превращать русскихъ въ шведовъ или голландцевъ; онъ просто желалъ, чтобы русскіе были не глупѣе шведовъ и голландцевъ. Какъ съ реформой, въ понятіяхъ ея привер-

прежней народоправной старини, къ истребленію которой и стремилось московское едновластіе и, наконецъ, этого достигло. Это было не развивавшееся, а истребляемое, отживавшее начало,—отживавшее потому, что оно и не могло себя защитить; начало патріархальное, которое по существу уже отрицалось московскимъ порядкомъ, а вовсе не было именно его достоинствомъ и достоинствомъ. Если земскіе соборы могутъ быть политическимъ идеаломъ, то лишь пройдя черезъ нѣны возвращенія, въ формѣ сознательнаго, опредѣленнаго, а не патріархальнаго учрежденія.

женцевъ, отождествлялись успѣхи и слава «россійскаго народа», такъ литература, среди явнаго и нескрываемаго подражанія нѣмцамъ, французамъ и проч., мечтала о томъ, чтобы русскіе, не уступая европейцамъ, имѣли своихъ Платоновъ и Невтоновъ, своихъ Расиновъ, Корнелей и даже Вольтеровъ. Убѣжденіе, что доморощенные Расины и Корнели были *самые русскіе*,—было полное, и въ доказательство являлись трагедіи съ Рюриками, Хоревыми, эпическія поэмы съ Владиміромъ, Іоанномъ, баснословные романы изъ временъ русскаго язычества съ жрецами Перуна, комедіи, гдѣ рядомъ съ Скапинами ставились просто-душно русскія имена, и т. д. Но мало-по-малу въ чужую условную форму стала все больше пробиваться настоящая русская жизнь,—въ комедіи Фонъ-Визина слышались взятые прямо изъ дѣйствительности рѣчи, когда еще дѣйствовалъ Ломоносовъ, когда еще неизвѣстенъ былъ Державинъ. Начинались нападки на галломанію; нападавшіе не подовѣрѣвали, что сами были повинны въ ней, копируя французскія книги, но они замѣтили ее въ нравахъ и осудили, повинувшись инстинктивному національному чувству.

Представленіе о народности, особенно господствовавшее въ литературѣ прошлаго вѣка, было окрашено псевдо-классицизмомъ. Французскій ложный классицизмъ былъ неизмѣримо выше нашего по своему литературному значенію и выработкѣ, но по существу, по пониманію народнаго элемента въ литературѣ, онъ былъ вонечно фальшивъ и одностороненъ, и его свойства были перенесены къ намъ. Онъ относился къ народу равно фальшиво и въ исторіи, и въ современности: въ обоихъ случаяхъ онъ не понималъ простой, реальной дѣйствительности. Въ исторіи, старыя времена представлялись писателямъ того времени или эпохой героической, на манеръ классической древности, какъ она понималась школой; или эпохой патріархальности, съ невинностью первобытныхъ нравовъ, на манеръ классической идилліи и эклоги; или эпохой невѣжественной грубости. Французскій псевдо-классицизмъ презиралъ свою національную старину, не знавшую изящнаго быта, говорившую «грубымъ», не вылощеннымъ академіями языкомъ. Къ народу современному онъ былъ высокомерно равнодушенъ: въ этомъ народѣ смѣшно было искать героевъ, кромѣ развѣ героевъ слащавой добродѣтели, какую у насъ представилъ собою извѣстный Фролъ Силинъ; но въ немъ допускали идиллическую патріархальность, а больше находили невѣжественную грубость и простоватость.

Въ этомъ псевдо-классическомъ взглядѣ на народъ не трудно

было бы прослѣдить отраженія многообразныхъ явленій западно-европейской жизни и образованности: отголоски и феодальнаго презрѣнія къ народу, и пренебреженія школьной науки эпохи Возрожденія къ *profanum vulgus*, и литературной изысканности, пренебрегавшей грубостью народной рѣчи и ея произведеній, и фактической подавленности народа. Этотъ взглядъ, приходившій къ намъ книжнымъ путемъ, находилъ и свои домашнія подтвержденія,—прежде всего, въ бытовыхъ условіяхъ, гдѣ народъ былъ крѣпостнымъ, «чернью», гдѣ новая школа выдѣлялась отъ старины, какъ отъ невѣжества, и новые нравы вводили чужую изысканность. Въ литературѣ того времени мы найдемъ изобиліе примѣровъ этого псевдо-классическаго представленія народности. Такъ оно повторилось въ историческихъ понятіяхъ о старинѣ и народности. Героическая подераска древности дошла до самого Карамзина вмѣстѣ съ сентиментальной подераской древней «невинности», «простыхъ нравовъ» и т. п. Современный народъ, въ ходячихъ понятіяхъ, былъ народъ «подлый», правда, не въ томъ отчаянномъ смыслѣ, какой имѣетъ это слово теперь, но все-таки въ смыслѣ не очень одобрительномъ. Литература псевдо-классическая, занятая отвлеченными моральными идеями, поглощаемая усвоеніемъ образцовъ и имъ подчинявшаяся въ стилѣ и содержаніи, рѣдко вспоминала о народѣ; всего чаще онъ отсутствовалъ въ обиходѣ ея интересовъ, но если появлялись народныя фигуры, то или въ чертахъ крѣпостного быта, какъ подначальная масса, или въ шутивно-комическихъ, или, наконецъ, въ чувствительно-идиллическихъ.

Но рядомъ съ этимъ господствомъ псевдо-классицизма въ высшей литературной сферѣ, очень рано сказывается другое теченіе, еще мало прослѣженное, но заслуживающее вниманія. Школьная ученая литература не заглушила интереса къ народу, народному содержанію и формѣ. Въ разныхъ видахъ, съ различною силой, это влеченіе къ народному, стремленіе вводить его въ литературу, проявляется съ первыхъ шаговъ новой литературы, и указанный псевдо-классическій взглядъ сопровождается другимъ направленіемъ—въ народную сторону. Это не было именно направленіе сознательное, ясно опредѣляющее свои взгляды и цѣли; это былъ скорѣе инстинктъ, простое побужденіе народно-національнаго чувства, въ которомъ теперь хотятъ отказывать XVIII-му вѣку.

Первымъ источникомъ этого направленія было естественное продолженіе бытового преданія.

Относительно XVIII вѣка есть не мало предубѣжденій, не

мало фальшивыхъ восхваленій и осужденій. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ преувеличенные толки о внезапной измѣнѣ образованнаго класса народности, со временъ Петра. Напротивъ, дѣдовскіе нравы жили очень долго нерушимыми, и въ разгарѣ XVIII вѣка, французскихъ вкусовъ двора и крупнаго барства, подъ иномезной витѣшностью, подъ иностранными названіями жили старосвѣтскія понятія, вкусы и обычаи и въ крупныхъ, и въ мелкихъ житейскихъ отношеніяхъ. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

Общество нашего времени, при всемъ развитіи научныхъ изслѣдованій, стоитъ уже очень далеко отъ народнаго быта, преданій, поэзіи, — знаетъ ихъ по книгамъ и настолько, насколько успѣли проникнуть въ него настоятельныя разъясненія ученой и поэтической этнографіи. Въ прошломъ вѣкѣ было еще столько простоты, или грубоватости, быта, что даже люди высшаго барства не бывали далеки отъ «народности», знали, а иной разъ и раздѣляли, народныя понятія, суевѣрія, и услаждались народной поэзіей. Настоящій перерывъ бытового преданія совершился (очень постепенно) вовсе не при Петрѣ, а гораздо позднѣе въ теченіе XVIII-го вѣка, въ то же самое время начиналось сознательное стремленіе къ восстановленію этой связи.

Сахаровъ, въ «Сказаніяхъ русскаго народа», говоря объ извѣстномъ сборникѣ былинь, который приписывается Кирпѣ Данилову, а по его мнѣнію сдѣланъ былъ въ Тулѣ Прокофіемъ Демидовымъ, такъ рассказываетъ о барскомъ бытѣ прошлаго вѣка, по собственной памяти и преданіямъ:

«Я зналъ и доселѣ знаю обыкновеніе тульскихъ бояръ собирать пѣсельниковъ и сказочниковъ, слушать пѣсни и сказки. Потѣшники, — такъ въ старину называли этихъ людей, — принимали на себя всѣ увеселительныя должности. Они за деньги нанимались: лежать мѣсяцъ на одномъ боку; простоять недѣлю на одной ногѣ; бѣгать на пристажѣхъ вмѣстѣ съ лошадыю; выпивать непомѣрное число воды. Всѣ рѣдкости записывались грамотнымъ дворовымъ человѣкомъ. Потѣшники странствовали изъ одного мѣста въ другое во всю свою жизнь, и стекались толпами тамъ, гдѣ щедрость боярская давала имъ пріютъ. Потѣшника, какъ новаго гостя, приводили прежде всего посмотрѣть на боярческія очи. Дворецкій предлагалъ боярину искусство новаго потѣшника. Начиналась проба. Если потѣшникъ нравился боярину, то его оставляли гостить; онъ долженъ былъ и сказывать сказки, и пѣть пѣсни, и творить разныя продѣлки. Въ свободное время умный дворецкій заставлялъ его обучать дворовыхъ людей новымъ пѣснямъ и сказкамъ. Все это дѣлалось на случай, когда

боярину бывало скучно, когда не являлось новыхъ потѣшниковъ. Въ скучные часы дворецкій входилъ съ новыми пѣвцами и подавалъ книгу съ чудесными пѣснями и сказками... Таковы были въ старину увеселенія у И. въ селѣ Дѣдновѣ, у М. въ Яковлевскомѣ, у И. въ Высокомѣ, у М. въ Горенкахъ... Вотъ какъ составлялись сборники пѣсенъ и сказокъ».

И дѣйствительно, біографія и мемуары прошлаго вѣка, разные случайныя и неслучайныя свидѣтельства тогдашней литературы, даютъ множество указаній, что при всемъ господствѣ крѣпостного права, дѣлившаго помѣщиковъ отъ крестьянъ точно два разные племени, точно побѣдителей и побѣжденныхъ, старосвѣтскій помѣщичій бытъ былъ гораздо ближе, чѣмъ впоследствии, къ быту народному, къ старымъ правамъ и мировоззрѣнію. Учителя изъ дворовыхъ, «дядьки» и няни стараго времени—до классической няни Пушкина—составляли посредствующее звено, черезъ которое этнографическія черты народной жизни цѣликомъ доходили до сословія, которое считаютъ теперь «оторваннымъ отъ народа западною культурой», можетъ быть, дѣлая ему этимъ лишнею много чести.

Крѣпостное право, безъ сомнѣнія, влекло за собой множество, всякихъ безобразій, отъ мелкихъ притѣсненій до крупной и (закрѣпками исключеніями) безнаказанной уголовщины, — но это конечно, принадлежало не къ «оторванности», а къ самой русской почвѣ. Напротивъ, помѣщичій бытъ былъ своего рода продолженіемъ и примѣненіемъ стараго «Домостроя». Напомнимъ одинъ фактъ, гдѣ это примѣненіе дошло до настоящей виртуозности. Во времена Петра Великаго, учился, еще юношей, «навигационому» искусству въ Голландіи Вас. Вас. Головинъ. Впоследствии онъ жилъ въ деревнѣ, и здѣсь обставилъ свой помѣщичій бытъ курьезными обрядностями въ чисто-русскомъ складѣ, въ стилѣ «Домостроя». У него было заведено, чтобы къ нему ежедневно являлись съ докладомъ всѣ деревенскія власти; каждый разъ ихъ впускала горничная съ обрядовымъ причитаньемъ: «входите, смотрите тихо, смирно, бережно и опасно, съ чистотою и молитвою, съ докладами и за приказами къ барину нашему, къ государю; кланяйтесь низко его боярской милости и помните-жъ — смотрите накрѣпо!» Начинались чинныя донесенія дворецкого, ключника, выборнаго и старосты. Вотъ, напримѣръ, докладъ выборнаго: «во всю ночь, государь нашъ, вокругъ вашего боярскаго дому ходили, въ колотушки стучали, въ трещотки трещали, въ ясаки звенѣли и въ доску гремѣли. Въ рожокъ, сударь, по очереди трубили и всѣ четверо между собою громко говорили.

Нощныя птицы не летали, страннымъ голосомъ не кричали, молодыхъ господъ не пугали и барской замазки не клевали, на крышѣ не садились и на чердакѣ не водились». Староста оканчивалъ свой докладъ такъ: «во всѣхъ четырехъ деревняхъ, милостію Божіею, все состоитъ благополучно и здорово: крестьяне ваши господскіе богатѣютъ, скотина ихъ здоровѣетъ, четвероногія животныя пасутся, домашнія птицы несутся, на землѣ трасенія не слышали и небеснаго явленія не видали» и т. д. ¹⁾.

Въ деревенскомъ быту старый обычай хранился иногда одинаково обѣими сторонами. Помѣщики-домосѣды хорошо знали, да и сами исполняли требованія старинны и въ обычаяхъ благочестія, и въ повѣрьяхъ, и суевѣрьяхъ, и въ увеселеніяхъ, и въ вѣрѣ въ колдовство, и т. д. Въ быту хозяйственномъ помѣщики знали и уважали крестьянскій внутренній распорядокъ и обычай ²⁾.

Напомнимъ еще классическую картину стараго барскаго быта въ «Семейной Хроникѣ» С. Т. Аксакова. Герой хроники, въ которомъ еще слышится дикость временъ, когда русскими боярами и помѣщиками дѣлались настоящіе татары, князья и мурзы, есть такой же вѣрный послѣдователь «Домостроя», какіе бывали вѣроятно въ XVI вѣкѣ, и съ этой стороны онъ ни мало не «отрывался» отъ народа. Онъ не далеко ушелъ отъ народа и по образованію. «При общемъ невѣжествѣ тогдашнихъ помѣщиковъ, и Багровъ не получилъ никакого образованія, русскую грамоту зналъ плохо; но служа въ полку, еще до офицерскаго чина выучился онъ первымъ правиламъ ариметики и выладеѣ на счетахъ, о чемъ любилъ говорить даже въ старости». Это была уже вторая половина XVIII-го вѣка! Онъ и его крестьяне совершенно понимали другъ друга, и по-своему были довольны домостроевскимъ образомъ правленія, — по его смерти «никогда безъ слезъ о немъ не вспоминали»: домъ онъ держалъ строго; онъ былъ очень добрый человекъ, по свидѣтельству автора, но при случаѣ «спуску не давалъ», свою жену уже старухой таскалъ за волосы, дочерей бивалъ, его неудовольствія боялись какъ огня... Двоюродная сестра Багрова, очень богатая молодая помѣщица, «страстно любила пѣсни, качели, хоробы и всякія (т.-е. деревенскія) игрища», «всякаго рода русскихъ пѣсенъ она знала безчисленное множество». Нѣкоторые изъ помѣщиковъ уфимскаго

¹⁾ Родословная Головинныхъ, собранная П. Казанскимъ, М. 1847; Печарскій, Наука и литер., I, 142—143.

²⁾ В. Семейскій, Крестьяне въ царствованіе Екатерины II. Спб. 1881, въ разныхъ мѣстахъ, объ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами.

захолустья въ деревенской жизни совѣмъ дичали и, по выраженію автора, «обашкиривались», — слѣдовательно «отрывались отъ народности» совѣмъ въ противоположную сторону, чѣмъ обыкновенно.

Образованіе дворянства въ прошломъ вѣкѣ вообще было очень слабое; большинство были «люди неграмматикальные и никакихъ исторій отъ роду не читывавшіе», какъ рекомендуетъ себя одинъ защитникъ крѣпостного права въ концѣ прошлаго столѣтія. Новые обычаи, конечно, заходили и въ эту среду; но въ ней легко сберегались и старинные нравы. Эта непосредственная связь съ народностью сохранялась и въ тѣхъ людяхъ этого круга, которые уже были «грамматикальны» и дѣйствовали въ литературѣ. Читая старыхъ писателей, касавшихся народнаго быта не съ литературно-школьной точки зрѣнія, можно видѣть, что этотъ бытъ, его нравы и языкъ были имъ весьма достаточно извѣстны, (напримѣръ, В. Майковъ, Аблесимовъ, Мих. Поповъ, Н. Львовъ и проч.).

Это непосредственное чувство народности и становилось безсознательнымъ противовѣсомъ псевдо-классицизму. Интересъ къ народу возбуждается въ то же время и съ серьезной общественно-политической точки зрѣнія, какъ въ извѣстныхъ статьяхъ Ломоносова. Тредьяковскій, защищая тоническое стихосложеніе, считаетъ его наиболѣе свойственнымъ русской поэзіи, и доказательство находитъ въ народныхъ пѣсняхъ. Усердно, какъ и Ломоносовъ, перенося къ нимъ псевдо-классическія теоріи и образцы, онъ въ то же время горячо вступаетъ за достоинство русской народной поэзіи, къ которой уже тогда многіе относились съ пренебреженіемъ. Тредьяковскій высказываетъ любопытное мнѣніе, что первыя народно-поэтическія произведенія принадлежали жрецамъ, и что складъ ихъ сохранился въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ, между которыми есть очень древнія. «Народный составъ стиховъ есть подлинный списокъ съ богослужительскаго... Просто-народное стихотворство, за подлостью ¹⁾ стихотворцевъ и матерій, отъ честныхъ ²⁾ и самою именитыхъ людей презираемо было всеконечно, такъ что и понынѣ суетно строптивые люди *занираютъ неосновательно*, ежели кто народную старинную пѣсню приведетъ токмо въ свидѣтельство на писемъ». Отвѣчая тѣмъ, кто говоритъ, что онъ взялъ новое стихотвореніе съ французскаго, онъ говоритъ: «поэзія нашего простаго народа къ сему

¹⁾ Въ тогдaшнемъ смыслѣ: грубость, необразованность.

²⁾ Въ тогдaшнемъ смыслѣ: людей высшаго сословія.

меня довела. Даромъ, что слогъ ея весьма некрасный, отъ не-искусства слагающихъ; но *сладчайшее, пріятнѣйшее и правильнѣйшее* разнообразныхъ ея стоишь, нежели тогда греческихъ и латинскихъ, *паденіе* подало мнѣ непогрѣшительное руководство... Онъ взялъ названія изъ французской версификаціи, но — «самое дѣло у самой нашей природной наидревнѣйшей оныхъ простыхъ людей поэзіи».

Въ самомъ разгарѣ псевдо-классицизма съ его античными героями, натянутыми формами, въ литературѣ продолжается эта наклонность къ «природной поэзіи», въ простому народному содержанію. Когда нашъ псевдо-классицизмъ высокаго стиля вводитъ русскихъ историческихъ героевъ въ трагедію, пытается ввести русскую жизнь въ комедію, и т. д., популярная литература охотно останавливается на рыцарскомъ волшебномъ романѣ, восточной сказкѣ, шутливой повѣсти, которыя даютъ поводъ ввести въ книгу русскую баснословную старину, народную сказку, наконецъ, народную пѣсню. Еще нѣтъ прямой цѣли этнографическаго изученія или литературной реформы, но видимо чувствуется сила и красота народной поэзіи, затрогивающей непосредственное чувство, и возникаетъ желаніе ввести ее изъ круга любителей въ литературное обращеніе, напереморъ школъ. Нѣтъ яснаго представленія о старинѣ, котораго не давала и только-что начинавшаяся историческая наука, — но въ баснословныхъ сказкахъ съ охотой выводятся сказочные и былинные богатыри; старина восстанавливается при помощи фантазій, и въ русскія преданія прибавляются преданія, или клочки преданій и имена западно-славянскія, скандинавскія, литовскія, нѣмецкія, какія нашлись въ литературномъ обиходѣ.

Это направленіе обнаружилось очень рано. Новая образованность медленно одолѣвала старину и новая литература долго не могла установиться. Лишь около 1740 г. является первое стихотвореніе Ломоносова; въ 1755 основанъ московскій университетъ; въ 1750-хъ годахъ начинается русскій театръ; въ 1764 является первая комедія фонъ-Визина; въ 1770-хъ годахъ едва начинаетъ Державинъ, и въ это же время является, по своему времени замѣчательный пѣсенный сборникъ, гдѣ, на ряду съ книжными пѣснями, какими увеселялась нарождавшаяся читающая публика, уже поставлены произведенія подлинной народной поэзіи.

Замѣчательнѣйшимъ работникомъ въ этой области былъ трудолюбивый, довольно талантливый писатель, Михайло Дмитріевичъ Чулковъ (ум. 1793), московскій студентъ и сенатскій секретарь,

разсказчикъ не безъ юмора и, видимо, большой любитель народной старины и поэзии. Мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ его трудовъ, какъ на образчикъ тогдашнихъ этнографическихъ понятій.

Въ 1770—74 годахъ Чулковъ издалъ въ Петербургѣ «Собраніе разныхъ пѣсенъ», въ четырехъ частяхъ. Второе изданіе этихъ пѣсенъ явилось, уже безъ имени Чулкова, въ шести частяхъ ¹⁾,—это такъ-называвшійся «Новиковскій пѣсенникъ». Сборникъ Чулкова заключалъ въ себѣ два разряда произведеній: во-первыхъ, пѣсни или романсы различныхъ тогдашнихъ авторовъ, по преимуществу или исключительно любовные, и во-вторыхъ, множество пѣсенъ чисто народныхъ (историческихъ и другихъ), которыя у него впервые были занесены въ печать въ такомъ изобиліи и въ подлинной народной одеждѣ. Книга, очевидно, пришлась по вкусу читателей: это доказывается скорымъ повтореніемъ изданій и появленіемъ другихъ сборниковъ, подобнымъ образомъ соединявшихъ пѣсни сочиненныя и народныя ²⁾. Впослѣдствіи, такого рода пѣсенники размножаются, и постоянно видоизмѣняясь, доходятъ до нашего времени въ произведеніяхъ—по преимуществу московской книжной торговли, имѣющей главное гнѣздо на Невольской.

Въ 1780 г. Чулковъ началъ издавать свои «Сказки» ³⁾. Въ «извѣстіи», т. е. въ предисловіи къ книгѣ, онъ замѣчаетъ, что «издать въ свѣтъ книгу, содержащую въ себѣ отчасти повѣствованія, которыя разсказываются въ *каждой харчевнѣ*, кажется, былъ бы трудъ довольно суетный»,—но онъ уповалъ найти свое оправданіе въ слѣдующемъ соображеніи:

«Романы и сказки, —говоритъ онъ,—были во всѣ времена у всѣхъ народовъ; они оставили намъ вѣрнѣйшія начертанія древнихъ каждой страны народовъ и обыкновеній, и удостоились потому преданія на письмѣ, а въ новѣйшія времена, у просвѣ-

¹⁾ «Новое и полное собраніе російскихъ пѣсенъ; содержащее въ себѣ Пѣсни Любовныя, Настушескія, Шутильныя, Простонародныя, Хоральныя, Свадебныя, Святочныя, съ присовокупленіемъ Пѣсенъ изъ разныхъ Російскихъ Оперъ и Комедій». Въ Москвѣ, въ университетской типографіи у Н. Новикова, 1780—81. Шесть частей. Затѣмъ «Собраніе разныхъ Пѣсенъ» вышло «вторымъ тысячелѣтѣмъ» въ Москвѣ же, въ типографіи при театрѣ у Хр. Клаудіа, въ 1788.

²⁾ Двѣ части, прибавленныя въ «Новиковскомъ пѣсенникѣ», состоятъ только изъ пѣсенъ сочиненныхъ.

³⁾ «Рускія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и прочія оставшіяся чрезъ пересказываніе въ памяти приключенія». Въ Москвѣ, въ университетской типографіи у Н. Новикова, 1780—88, 10 г. Третье изданіе, сокращенное, въ 6-ти частяхъ. М. 1820.

ценнѣйшихъ народовъ, почтили оныхъ собраніемъ и изданіемъ въ печать. Помѣщенные въ Парижской Всеобщей Вивліонѣ Романовъ повѣсти о Рыцаряхъ, ни что иное какъ сказки богатырскія; и французская Bibliothèque Bleue содержитъ таковыя же сказки, каковыя у насъ рассказываются въ простомъ народѣ. Съ 1778 г. въ Берлинѣ также издается Вивліоника Романовъ, содержащая между прочими два отдѣленія: Романовъ древнихъ нѣмецкихъ Рыцарей, и Романовъ народныхъ. Россія имѣетъ также свои, но оныя хранятся *только въ памяти*; я заключилъ подражать издателямъ, прежде меня начавшимъ подобныя изданія, и издаю сіи сказки Рускія, съ намѣреніемъ сохранить сего рода наши *древности* и поощрить людей, имѣющихъ время, собрать все оныхъ множество, чтобъ составить Вивліонку Рускихъ Романовъ.

«Должно думать, что сіи приключенія Богатырей Рускихъ имѣютъ въ себѣ отчасти дѣла бывшія, и есть ли совсѣмъ не вѣрить онымъ, то надлежитъ сумнѣваться и *во всей древней исторіи*, коя по большей части основана на оставшихся въ памяти Сказкахъ; впрочемъ, читатели есть ли похотятъ, могутъ различить истинну отъ баснословія, свойственнаго древнему обывленію въ повѣствованіяхъ, въ чемъ, однако, никто еще не успѣлъ.

«Наконецъ, во удовольствіе любителямъ Сказокъ включилъ я здѣсь таковыя, которыхъ *никто* еще не *слыхивалъ*, и которыя вышли въ свѣтъ во первыхъ (т.-е. впервые) въ сей книгѣ».

Это извѣстіе производитъ въ читателей нѣкоторое недоумѣніе; съ одной стороны, издатель общаетъ повѣствованія, рассказываемыя «въ каждой харчевнѣ», заключающія наши «древности», хранящіяся «только въ памяти», — но рядомъ ссылается на Bibliothèque Bleue, на рыцарскіе романы, и «въ удовольствіе любителямъ» общаетъ и такія сказки, которыхъ «никто еще не слыхивалъ». Очевидно, что здѣсь нечего искать подлинной народной старины. Какого-нибудь правильнаго этнографическаго пониманія въ то время еще вовсе не было; подлинная древность была очень мало извѣстна; за стариной вообще признавалось значеніе чисто поэтическое, баснословное, думали, что новѣйшій писатель можетъ смѣло пользоваться ею какъ матеріаломъ, можетъ дополнять и совершенствовать его по своему усмотрѣнію. Чулковъ не усумнился, для сказочной реставраціи русской древности, взять себѣ въ образецъ «Синюю библіотеку» и берлинское собраніе рыцарскихъ романовъ.

«Сказки» Чулкова именно и наполнены чудесными рассказами въ этомъ вкусѣ. Богатыри не даромъ названы въ заглавіи и играютъ не малую роль въ его повѣствованіяхъ, отчасти вѣр-

ную съ народной поэзіей, но гораздо больше произвольную. Въ началѣ книги Чулковъ посвятилъ имъ шутиливое вступленіе, изъ котораго видно, впрочемъ, что онъ хорошо знаетъ ихъ героическія происхожденія.

«Мы опоздали вѣнчаться грамотѣ, — говоритъ онъ, — и чрезъ то лишились свѣдѣнія о славнѣйшихъ нашихъ Рускихъ Ирояхъ въ древности, которыхъ довольному числу надлежитъ быть въ народѣ, прослаившемся въ свѣтѣ своею храбростію, и котораго науки состояли въ одномъ только оружіи и завоеваніяхъ. Насильство времени истребило оныя изъ памяти, такъ что не осталось намъ извѣстія, какъ только со времени великаго князя Владиміра Святославича Кіевскаго и всея Россіи». Этотъ монархъ прославился своими побѣдами, великолѣпіемъ двора, къ которому привлекалъ людей ученыхъ и могучихъ богатырей. «Войски его учинились непобѣдими, и войны ужасны; понеже сражались и служили у него славнѣйшіе богатыри: Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ, Чурило Пленковичъ, Илья Муромецъ, и дворянинъ Заалешенинъ... Но и удивительно ли государю премудрому и имѣющему таковыхъ богатырей, покорять народовъ?.. Ибо въ старину сражались не по нынѣшнему: довольно тогда было одной силы и бодрости. Придетъ ли войско непріятелей отъ двухъ до трехъ сотъ тысячъ: всякій монархъ, не имѣющій большаго числа рати, долженъ откупаться златомъ, либо покоряться; но не такъ со Владиміромъ! Онъ посылаетъ лишь одного богатыря, и горе, горе наступающимъ!» Авторъ приводитъ эпизодъ изъ подлинной сказки о Добрынѣ Никитичѣ, выѣзжающемъ въ поле на богатырскомъ конѣ, съ однимъ только слугою:... «богатырь гонитъ силу поганую — гдѣ конемъ вернетъ, тамо улица; онъ конемъ махнетъ, нѣту тысячъ; а мечемъ хватитъ, гибнетъ тьма людей». — «Посему нѣтъ чуднаго, если изъ таковыхъ великихъ воинствъ, наступавшихъ на Россію, не спасалось ни души живой. Подобной несчетной силы, съ каковою въ старину цари персидскіе наступали на Грецію, мало бы было, чтобъ управиться съ нею одному богатырю. Не нужно-бъ было храбрымъ грекамъ терять жизнь свою, защищая Термопилы: довольно бы послать Чурилу Пленковича, и онъ, заслоня сей узкій путь щитомъ своимъ, поморилъ бы всѣхъ съ досады; ибо сломить его было дѣло невозможное. Жаль, что Александръ убрался съ свѣта заблаговременно; не нужно бы ему опиваться вина до смерти: было бы и безъ того кому унять его проказы: послать бы лишь Илью Муромца: онъ на конѣ своемъ поспѣлъ бы дней въ пять въ Индію, догналъ бы его и за Гангесомъ, и второча бы его къ сѣду

своему, какъ славнаго Соловья Разбойника, привезъ въ славный Кіевъ градъ, гдѣ заставили-бъ его сухари толочь», и т. д.

Первыя повѣсти рассказываютъ о князѣ Владимірѣ, Добрынѣ Никитичѣ, Тугаринѣ Змѣевичѣ, но онѣ уже пересыпаны выдуманными приключеніями; затѣмъ героями сказокъ являются и Алеша Поповичъ, и Василій Богуслаевичъ, и Дворянинъ Заалешенинъ, и Баба-Яга, но рядомъ богатырь Сидонъ, Баламиръ, Гассанъ, волшебница Добрада, и даже польскій волшебникъ Твердовскій и пр., и большею частью плетутся совсѣмъ фантастическія исторіи въ духѣ волшебныхъ рыцарскихъ романовъ, безъ мѣста и времени. Мнимый колоритъ русской древности достигается тѣмъ, что въ сказкахъ явится иногда: скифская царевна, обрскій или варяжскій князь, царица Динара, капище Лады; описывается заря таковой картиной: «тъма удалалась и скрывала съ собою звѣзды, убѣгающія пришествія бога Свѣтовидъ», и т. п. Но Чулковъ зналъ сказочные и былинные факты богатырской исторіи, которые иногда и приводятся въ его книгѣ. Между прочимъ, сообщаетъ онъ, что у него самого было собраніе богатырскихъ пѣсенъ ¹⁾, и помѣщаетъ ноты одного былиннаго напѣва. Затѣмъ, среди фантастическихъ исторій являются «сказки народныя», напримѣръ, шуточный пересказъ, повидимому, подлинныхъ народныхъ сказокъ о воровскихъ продѣлкахъ ²⁾, и нѣсколько, нравоописательныхъ повѣстей собственнаго сочиненія ³⁾.

Въ 1782, Чулковъ издалъ «Словарь русскихъ суевѣрій», который явился потомъ вторымъ дополненнымъ изданіемъ ⁴⁾. Книга эта замѣчательна какъ первая чисто этнографическая попытка своего времени. Правда, между «русскими» суевѣріями болшую долю книги занимаютъ вѣрованія и обычаи всякихъ русскихъ инородцевъ, — татаръ, мордвы, чувашъ, камчадаловъ и пр., о ка-
кихъ авторъ могъ найти свѣдѣнія; правда также, что русская старая мнелогія излагается съ разными прикрасами, какія считались въ то время позволительными въ изображеніяхъ «древ-

¹⁾ „Еще крайнему моему сожалѣнію, въ пожарный случай, погибло у меня собраніе древнихъ богатырскихъ пѣсенъ, между коими и о семъ подвигѣ Добрыни Никитича“ (борьбы съ Тугариномъ). „Голосъ оныя и отрывки словъ остались еще въ моей памяти, кои и прилагаю здѣсь“. Сказки, 1-е изд. I, стр. 188—189.

²⁾ Напримѣръ, о ворѣ Тимошкѣ, о Цыганѣ, о племянникѣ Боимкѣ.

³⁾ О новоходномъ дворянинѣ, Два брата соперники, Досадное пробужденіе.

⁴⁾ „Абелега русскихъ суевѣрій, идолопоклонническихъ жертвоприношеній, свадебныхъ простонародныхъ обрядовъ, колдовства, шеманства и проч., сочиненная М. Ч.“ Москва, 1786.

ности»¹⁾, но въ то же время собрано и аккуратно описано много дѣйствительныхъ народныхъ обычаевъ. Цѣну этихъ описаній достаточно указать тѣмъ, что многими указаніями изъ «Абелеги» нашелъ возможнымъ пользоваться ученый нашего времени, Афанасьевъ, въ своихъ этнографическихъ работахъ, и особенно въ книгѣ: «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу».

Если обратить вниманіе на то, что во всѣхъ перечисленныхъ трудахъ русскій писатель былъ почти совсѣмъ лишенъ руководства, какое въ другихъ отношеніяхъ доставляла тогда литература европейская, и напротивъ послѣдняя еще сбивала съ толку «Синими библіотеками» и рыцарскими романами, то нельзя не оцѣнить этихъ попытокъ, гдѣ среди ошибочныхъ литературныхъ понятій вѣка просвѣтливаетъ стремленіе къ изученію народности, близкое ея знаніе, вкусъ и сочувствіе къ народной повѣи.

Мы не будемъ исчислять другихъ трудовъ Чулкова и подобныхъ имъ сочиненій²⁾ и уважемъ еще другую книгу того времени, весьма замѣчательную по сознательному интересу къ народной повѣи. Это—очень извѣстное у любителей «Собраніе русскихъ народныхъ пѣсень съ ихъ голосами, положенныхъ на музыку Иваномъ Прачемъ»³⁾. Въ рукописномъ сборникѣ, извѣстномъ подъ именемъ Кириши Данилова, уже прибавлены были ноты для напѣва. Чулковъ упоминаетъ о своей сгорѣвшей рукописи съ былинными напѣвами. Прачъ въ первый разъ издалъ значительный сборникъ вновь записанныхъ напѣвовъ лирическихъ пѣсень: такъ-называемыхъ протяжныхъ и скорыхъ, плясовыхъ, свадебныхъ, хороводныхъ, святочныхъ, наконецъ, малороссійскихъ. Въ послѣдующихъ изданіяхъ собраніе значительно размножено (до 150 пѣсень). Изданіе Прача, по отзыву знаю-

¹⁾ Ср. объ этомъ негодующія объясненія Сахарова, въ Сказ. р. народа, т. I, гдѣ собраны примѣры этихъ прикрасъ, иногда дѣйствительно великихъ, идущихъ еще съ XVII вѣка, съ Иннокентія Гизела и Стрийковскаго.

²⁾ Того же Чулкова: „Пересмѣшникъ, или Славянскія сказки“, 5 частей. Москва. 1783—85; 3-е изд. М. 1789.

— М. Попова: Славянскія древности, 1770—71; 2-е изданіе: Старинныя дикозвѣнія или приключенія славянскихъ князей, 1778; 3-е изд. 1793. Объ его мнѣніи упомянемъ дальше.

— Вечерніе часы, или древнія сказки славянъ древлянскихъ. М. 1787—88, 6 частей.

— Повѣствователь русскихъ сказокъ, и Продолженіе. М. 1787. 2 ч.

— Бабушкины сказки, Сергія Дружовцова, М. 1778 (никакихъ сказокъ нѣтъ; только безсмысленно разсказанные анекдоты).

И т. д.

³⁾ Спб. 1790. Второе изданіе, въ двухъ частяхъ, вышло въ 1806; третье въ 1815, 4°.

щихъ людей, есть весьма цѣнный опытъ изученія народной музыки и первый въ своемъ родѣ. Онъ приступалъ къ дѣлу уже съ полнымъ пониманіемъ важности дѣла: предисловіе (авторомъ котораго называютъ Н. Львова) посвящено опредѣленію музыкальнаго характера нашей народной пѣсн, возможныхъ источниковъ нашей музыки (предполагаются греческіе); авторъ умѣетъ цѣнить старину, въ которой находитъ иногда и лучшіе музыкальные мотивы; особое «раченіе» было употреблено на то, чтобы съ возможной точностью записать народную мелодію. «Сохранивъ, такимъ образомъ, все свойство народнаго русскаго пѣнія, собраніе сіе имѣетъ и все достоинство подлинника: простота и цѣлость онаго ни украшеніемъ музыкальнымъ, ни поправками иногда странной мелодіи нигдѣ не нарушены». Это понятіе о неприкосновенности изучаемаго народнаго матеріала замѣчательно для конца XVIII вѣка. Прачу представлялось и широкое научно-музыкальное значеніе его изученій. «Можетъ быть,—говоритъ онъ,—не бесполезно будетъ сіе собраніе и для самой философіи»... «Можетъ, сіе новымъ какимъ-либо лучемъ просвѣтитъ музыкальный міръ? Большимъ талантамъ довольно малой причины для произведенія чудесъ, и упавшая на Невтона группа послужила къ открытію великой истинны» ¹⁾... Указывая богатство и разнообразіе мелодическаго содержанія русскихъ пѣсень, Прачъ еще въ первомъ изданіи ожидалъ, что оно доставитъ богатый источникъ для музыкальныхъ талантовъ (даже иностранныхъ) и для сочинителей оперъ. Въ позднѣйшемъ изданіи онъ уже съ большей увѣренностью думаетъ, что композиторы, «воспользуясь не только мотивами, но и самою странностію (т. е. оригинальнію) нѣкоторыхъ русскихъ пѣсень, посредствомъ изящнаго своего искусства, доставятъ слуху новыя пріятности и любителямъ музыки новыя наслажденія: чему уже съ большимъ успѣхомъ подали примѣръ господа Сарти, Мартини, Паскевичъ, Тицъ, Жарновизи, Пальтау, Карауловъ (amateur) и другіе» ²⁾.

Въ изданіи Прача, такимъ образомъ, является уже серьезная, теоретически обдуманная работа надъ русскими пѣснями.

Съ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, одновременно съ первыми изданіями Чулкова, являются первыя «народныя» оперы: «Анюта», Михайла Попова (поставленная въ первый разъ въ 1772 г. съ музыкой Омина); «Мельникъ», Аблесимова (поставленный въ 1779); «Перерожденіе» и «Гостинный дворъ».

¹⁾ Пред. къ изданію 1790 г., стр. XI.

²⁾ Изд. 1815 г., предисловіе, стр. V—VI.

Михайла Матинскаго (1777, 1787), и др. Михайло Поповъ, одинъ изъ учениковъ знаменитаго актера Волкова, основателя русскаго театра, вывезенный имъ изъ Ярославля и учившійся въ шляхетскомъ корпусѣ, послѣ актеръ, затѣмъ секретарь при комиссіи о сочиненіи уложенія, человѣкъ изъ народа, извѣстенъ былъ своими пѣснями и отличался вообще направленіемъ «народнымъ» — въ тогдашнемъ стилѣ. Матинскій былъ крѣпостной графа Ягужинскаго, получившій на счетъ своего помѣщика основательное образованіе въ Россіи и потомъ въ Италіи. Біографія его неизвѣстна; но это, видимо, былъ человѣкъ даровитый; онъ много писалъ и переводилъ по научнымъ и литературнымъ предметамъ, и сочинялъ комедіи и оперы, въ послѣднихъ и текстъ, и музыку. Къ сожалѣнію, всѣ эти пьесы столь основательно забыты, что мы не можемъ сказать о томъ, въ какой мѣрѣ эти «народныя» оперы имѣли народную пѣсенную подделку; но съ литературной стороны, сочиненія Мих. Попова, Аблесимова и пр., хотя второстепенныя по достоинству, имѣютъ значеніе какъ попытки распространять въ литературѣ народную стихію недурными изображеніями народнаго быта. Современныя свидѣтельства единогласно говорятъ, что эти народныя пьесы и оперы вообще имѣли очень большой успѣхъ ¹⁾.

Народность интересовала и съ другихъ сторонъ; начинаютъ обращать вниманіе и описывать народные обычаи, старину, собирать преданія, пословицы и т. п. ²⁾. Правда, псевдо-класическій взглядъ, пренебрегавшій простою народностью по ея грубости, нерѣдко ее уродовалъ, по-своему прикрашивая ее (какъ, напр., Богдановичъ нелѣпо прикрашивалъ пословицы); тѣмъ не менѣе народная стихія становилась болѣе и болѣе привычною въ книгѣ; нѣкоторые писатели (какъ Фонъ-Визинъ, Новиковъ, Радивцевъ, Чулковъ, М. Поповъ, Н. Львовъ, В. Майковъ и др.), еще въ концѣ XVIII вѣка, умѣли тогда очень хорошо передать черты быта, народный языкъ. Все это прокладывало путь для дальнѣйшаго и болѣе сильнаго вліянія народной стихіи въ языкѣ и въ содержаніи литературы.

¹⁾ Желаніе усвоить русскія народныя черты драмъ и въ частности оперъ проглядываетъ и гораздо раньше: есть извѣстіе о „комедіи на музыкѣ“ Коллчева, поставленной въ 1740 годахъ, которая вѣроятно была авторомъ „изъ древнихъ русскихъ сказокъ“; при Елизаветѣ въ головинскомъ „вольномъ театрѣ“ дана была комическая опера „въ русскихъ нравахъ“: „Танюша или счастливая встрѣча“, текстъ которой былъ написанъ Дмитревскимъ, а музыка О. Г. Волковымъ.

²⁾ Упомянемъ, напр., замѣчательный сборникъ пословицъ прошлаго вѣка, издаанный (въ „Архивѣ“ г. Калачова) г. Буслаевымъ.

Впослѣдствіи, когда съ новыми успѣхами литературы требованія возросли и началась критическая этнографія, на эти попытки XVIII вѣка стали вообще смотрѣть съ большимъ или меньшимъ пренебреженіемъ, виня ихъ за искаженіе или непониманіе народности и т. п. Такъ, въ особенности строго обличалъ ихъ извѣстный Сахаровъ, отзывъ котораго одно время и были ходячимъ сужденіемъ объ «этнографахъ» прошлаго столѣтія. Успѣхи литературы осудили, конечно, старую манеру относиться къ народной старинѣ; но тѣмъ не менѣе нападки на писателей школы XVIII вѣка были преувеличены. Нѣкоторые изъ нихъ совершали, безъ сомнѣнія, великія нецѣпости съ нашей точки зрѣнія, какъ напр., Поповъ въ своемъ «Описаніи славянскаго баснословія» (1768), Чулковъ, Григорій Глинка въ «Древней религіи славянъ» (1801), Кайсаровъ (1807), и пр.; но ихъ незачѣмъ причислять къ ученымъ изслѣдователямъ, какъ они себя сами не причисляли, — кромѣ развѣ Кайсарова ¹⁾. Они не претендовали на ученое изложеніе, даже не подовѣрвали, что подобныя предметы должны быть трактованы только подъ условіемъ строгаго критическаго изслѣдованія, и думали напротивъ, что эта древность, о которой осталось такъ мало свѣдѣній, гораздо меньше входитъ въ область исторіи, чѣмъ поэзіи. Тогдашняя историческая наука, — не у насъ только, но и на западѣ, — еще не умѣла понимать древности, едва начинала придавать значеніе произведеніямъ народной поэзіи, и если прямыя свидѣтельства были скудны, научныя изысканія незрѣлы, то писателямъ популярнымъ, которыхъ привлекала старина, по тогдашнимъ понятіямъ оставалось дополнять воображеніемъ то, чего не давала исторія. Такъ они и дѣлали, и — этого не скрывали. Поповъ прямо заявляетъ о своемъ трудѣ: «Сіе сочиненіе сдѣлано больше для *увеселенія читателей*, нежели для историческихъ справокъ, и больше для *стихотворцевъ*, нежели для историковъ». Дѣйствительно, Херасковъ внесъ его описаніе древнихъ божествъ въ свою эпическую поему «Владиміръ», а послѣ Глинка вносилъ въ мифологію вычитанное у Хераскова, и «морского царя» описывалъ по Ломоносовской «Петриадѣ». Во введеніи къ своей книгѣ Глинка также прямо заявляетъ: «Описывая произведенія *фантазіи* или *мечтательности* (такъ онъ считалъ древнюю мифологію), я думаю, что не погрѣшу, если при встрѣчающихся

¹⁾ Сочиненіе Кайсарова вышло сначала по-нѣмецки: Versuch einer slavisch Mythologie. Göttingen. 1804, потомъ по-русски 1807. Объ источникахъ его мифологіи ср. Срезневскаго, Чешскія glossы въ Mater Verborum; Сборн. русск. А. Н., т. XIX, стр. 120—121.

пустотахъ и недостаткахъ въ ея произведеніяхъ буду дополнять собственною *подъ древнюю стать фантазією*... Я переселяюсь въ пространныя разнообразныя области фантазіи древнихъ славянъ» — говоритъ онъ, и собирается дополнить недостающее «по законамъ соображенія или мечтанія». Онъ не стѣснялся въ дополненіяхъ, и между прочимъ помѣстилъ въ книгѣ гимнъ Перуну, отсутствующій у историковъ и сочиненный имъ самимъ «подъ древнюю стать»:

„Боги велики, но страшенъ Перунъ;
Ужасъ наводитъ тяжела стопа“, и т. д.

Извѣстно, что одинъ не очень хитрый поддѣльщикъ тѣхъ временъ сочинилъ на мнимо-старомъ языкѣ гимнъ Баяна, найденный въ «свитѣхъ перваго вѣка», вмѣстѣ съ нѣсколькими «произреченіями пятаго столѣтія новгородскихъ жрецовъ»: были люди, которые не рѣшались отвергать его подлинности, Державинъ переложилъ этотъ гимнъ въ новѣйшіе стихи ¹⁾. Волхвъ «Злогоръ», упоминаемый въ гимнѣ, послужилъ героемъ для стихотворенія Державина (1813). Державинъ не одинъ разъ бралъ темы изъ русской старины — какъ онъ ее понималъ, и любопытно (и совершенно послѣдовательно), что его привлекали не подлинныя черты ея, а именно тѣ извращенія, отъ которыхъ не остерегались популярныя этнографы ²⁾.

Далѣе. Сахаровъ по обыкновенію свысока говоритъ о сборникѣ пѣсенъ Чулкова, и винить его, что онъ издавалъ пѣсни съ готовыхъ списковъ, а не «самъ собиралъ ихъ, не подслушивалъ ихъ въ селеніяхъ» и пр. Дѣйствительно, въ предисловіи къ пѣснямъ Чулковъ жалуется, что имѣлъ плохія рукописи, — «такъ что нидѣ ни стиха, ни *римы*, ниже мысли узнать нѣ было можно»; но если говорится о *римахъ*, значитъ, рѣчь шла о пѣсняхъ литературныхъ, бывшихъ въ обращеніи и ко-

¹⁾ Въ первомъ языкѣ писали въ такомъ стилѣ (по переводу Державина):

„Не умолчи, Воля, снова воспой:
О комъ пѣлъ благо тому.
Суда Велесова не убѣжать,
Славы Славяновъ не умяти.
Мечи Болюновъ на языкѣ остались;
Память Злогора волхвы поглотили.
Одну воспоминаніе, Сжеу пѣснь.
Златныя нескомъ тривны поспилемъ“.

Ср. Соч. Державина, въ изданіи Грота, III, 137.

²⁾ Объ его псевдо-классическомъ взглядѣ на русскую народную поэзію, ср. Сочин. III, 92 и др.

торыя издатель не всѣ бралъ съ печати. Какъ именно добывалъ онъ народныя пѣсни,—не совсѣмъ ясно; но ничего нѣтъ мудренаго, что немало ихъ онъ зналъ и самъ изъ живой народной пѣсни.

Какъ бы ни было, хотя бы Чулковъ и печаталъ пѣсни съ готовыхъ списковъ, мы имѣли бы любопытный фактъ, что интересъ къ народности былъ такъ уже распространенъ къ 70-мъ годамъ прошлаго вѣка, что издатель имѣлъ въ распоряженіи цѣлую массу пѣсень, записанныхъ любителями (тексты Чулкова все-таки недурны). Почти половина сборника Чулкова занята пѣснями народными (по счету Сахарова, изъ 800 всѣхъ пѣсень—336 народныхъ, поставленныхъ обыкновенно особо). Сахаровъ былъ болѣе справедливъ къ Чулкову, когда говорилъ, что «предпріятіе его было самое замѣчательное: онъ первый осмѣлился къ новымъ пѣснямъ тогдашнихъ *знаменитыхъ писателей* присоединить и старыя народныя». Главной цѣлью Чулкова было дать книгу для любителей пѣсни, какъ увеселенія; народныя пѣсни уже и раньше служили этой цѣли въ извѣстныхъ кругахъ грамотнаго общества, но Чулковъ желалъ дать имъ еще болѣе мѣста, и его большая литературная заслуга состоитъ въ томъ, что онъ не усумнился поставить ихъ рядомъ съ твореніями «*знаменитыхъ писателей*»—псевдо-классиковъ, пренебрегавшихъ народными пѣснями, и впервые издалъ много, иногда прекрасныхъ, текстовъ ¹⁾.

Въ этихъ и подобныхъ трудахъ мы видимъ начатки этнографическаго изученія народности, которые пользуются въ очень небольшой степени иностранными указаніями, но гораздо больше руководятся собственнымъ инстинктомъ—т.е. тѣмъ національно-народнымъ чувствомъ, въ недостатокъ котораго обыкновенно упрекаютъ литературу XVIII столѣтія. Историческое мѣсто этихъ попытокъ въ развитіи литературной народности опредѣляется тѣмъ, что онѣ въ разгаръ псевдо-классицизма идутъ (хотя безъ явнаго протеста) противъ него, примыкая къ той народно-поэтической струѣ, которая продолжала жить въ народѣ и въ самомъ «обществѣ» путемъ непосредственнаго бытового преданія,—и вводя

¹⁾ Чулковъ послужилъ отчасти и г. Безсонову (въ изданіи „Пѣсень“ Кирѣвскаго); Безсоновъ справедливо защищаетъ его отъ нападокъ Сахарова, который самъ производилъ надъ произведеніями народной поэзіи въ сущности гораздо худшія искаженія, нежели Чулковъ. См. „Пѣсни“ Кир., вып. 5, стр. III—XIII, CXXI—CXXIII и др.

наконецъ въ печать тотъ народно-поэтический запасъ, который хранился въ памяти и въ записяхъ любителей.

Этихъ записей извѣстно теперь довольно много отъ XVII вѣка ¹⁾, есть указанія и на XVI столѣтіе. Съ тѣхъ поръ идетъ непрерывавшееся рукописное преданіе до сборника Кириши Данилова, до сборника былинъ съ нотами, который былъ у самого Чулкова, и до тѣхъ рукописей, съ которыхъ онъ печаталъ свои пѣсни. Не переводилось и устное преданіе: сказочники (которые держали бывало при московскомъ царскомъ дворѣ), пѣвцы былинъ, духовныхъ стиховъ и пѣсенъ, дѣйствуютъ и по сіе время, а въ XVIII вѣкѣ повидимому занимались своимъ дѣломъ какъ настоящей профессіей и вовсе не въ одной простонародной средѣ ²⁾, — какъ «погѣшники», описываемые Сахаровымъ, были повидимому прямыми продолжателями старинныхъ скомороховъ.

Это народно-поэтическое преданіе становилось теперь достояніемъ литературы, и возбуждало уже сознательный интересъ.

Чтобы справедливѣе оцѣнить это обращеніе къ народности и съ нею къ бытовой старинѣ, должно еще принять въ расчетъ, что собственно историческая наука очень немного помогла этому движенію. Самой этой наукѣ старина представлялась чрезвычайно темною. Историки до-шлѣцеровскіе или до-карамзинскіе блуждали въ разсказахъ о скифахъ, сарматахъ, мосо-хахъ и т. п., считая скифовъ и сарматовъ чуть не за чистыхъ русскихъ; о временахъ болѣе достовѣрной исторіи повторяли Нестора и, не менѣе того, Стрыйковскаго, и только рѣдкіе изъ нихъ имѣли смутное представленіе о той связи, которая — чрезъ вѣка историческихъ перемѣнъ — соединяетъ далекую древность съ новой народностью. Нарождавшемуся историческому знанію приходилось еще уразумѣвать и разяснять другимъ самыя элементарныя положенія и требованія научной критики, устанавливать основные внѣшніе факты исторіи.

Возьмемъ два-три примѣра.

Татищевъ (онъ умеръ въ 1750, но книга его вышла только въ 1768—84 г.), приступая къ дѣлу, долженъ былъ посвятить длинное «предъизвѣщеніе» объясненію этихъ первоначальныхъ понятій объ исторіи, объ ея научной и практической пользѣ, и защищаться тутъ-же отъ людей, которые, познакомившись съ

¹⁾ Ср. Л. Майкова, «О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народн. пѣсенъ и былинъ», въ Журн. М. Народн. Просв. 1880, ноябрь; «Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка, открытое Е. В. Барсовымъ», въ «Запискахъ» Акад. Н., томъ XL, приложенія № 5. Спб. 1881.

²⁾ См. Ровинскаго, Русскія народн. картинки. Спб. 1881, V, 100 и слѣд.

его книгой въ рукописи, успѣли усмотрѣть, что онъ «православную вѣру и законъ опровергалъ», что заставило его прибѣгнуть къ защитѣ новгородскаго митрополита Амвросія.

Въ главѣ «о идолослуженіи бывшемъ», гдѣ можно бы было ожидать свѣдѣній о народной миеологической старинѣ, —заботой Татищева, какъ и другихъ нашихъ историковъ прошлаго вѣка, было только собрать всякія упоминанія о языческихъ божествахъ славянъ и русскихъ. Татищевъ и собираетъ ихъ изъ всякихъ источниковъ, старыхъ и новыхъ, какіе только могъ добыть. О западномъ славянствѣ онъ знаетъ извѣстія средневѣковыхъ латинскихъ лѣтописцевъ—Гельмольда, «Саксограмматика»; изъ новыхъ цитируются у него: Фабріусъ въ «Исторіи міра», Кранцій въ «Вандалинъ», Германинъ Гедерихъ въ его «Лексиконахъ древностей и миеологическомъ», Арикіель... Относительно собственно русскаго «идолослуженія», Татищевъ полагалъ, что у русскихъ были тѣ же божества какъ у западныхъ славянъ, а «о которыхъ Несторъ описалъ, то всѣ суть званія сарматскія или варязскія»; свѣдѣнія о русскомъ «идолослуженіи» онъ беретъ изъ Нестора, изъ Стрыйковскаго ¹⁾, указываетъ на трудъ Дмитрія Ростовскаго ²⁾, наконецъ, замѣчаетъ: «въ Берлинѣ, памятую, напечатана была о сихъ книжка, подъ именемъ *Московитинше религія*, токмо я ея нынѣ достать не могъ». Далѣе, разсказывается о идолахъ у скиновъ, и проч. Словомъ, дѣло шло только о томъ, чтобы, худо ли хорошо ли, собрать фактическія свѣдѣнія, —да и здѣсь были затрудненія, которыя трудно себѣ вообразить. Оказывается, что находились суевѣрные невѣжды, которые заподозрѣвали эти разсужденія о древнемъ «идолослуженіи»: «отъ такихъ безумныхъ,—говоритъ Татищевъ,—нужно предостерегаться, чтобы объявленное мое о мерзости идолослуженія не принимали за то, что яко бы я оное съ почитаніемъ святыхъ мужей или иконъ равняю (!), на что кратко можно отвѣтствовать словами святаго Павла: вое соравненіе есть Христа съ Веліаромъ» ¹⁾. Какъ будто въ самомъ дѣлѣ Татищевъ рекомендовалъ поклоненіе Перуну, Хорсу или Мокошу! Неудивительно, что въ началѣ главы объ «идолослуженіи» находится философическій трактатъ объ идолопоклонствѣ вообще.

Но Татищевъ чувствовалъ, что есть связь древности съ новымъ обычаемъ, и въ концѣ перваго тома помѣстилъ особую статью «о *чинахъ* и суевѣріяхъ древнихъ», т. е. обычаяхъ, по-

¹⁾ «Въ книгѣ 4, гл. 4, изъ русскаго древняго лѣтописца скадуеъ».

²⁾ Который, по его словамъ, пространно объ этомъ писалъ, но въ печати Татищевъ этого не видѣлъ.

³⁾ Исторія Россійская т. I, Спб. 1768, стр. 18—19.

вѣрѣхъ и обрядахъ. Въ тѣ времена, какъ онъ писалъ свою книгу, мысль о томъ, что «чины» должны входить въ исторію, какъ объясненіе событій, рѣдко кому приходила въ голову; и здѣсь опять Татищеву надо было давать общія объясненія. Правда, описаніе очень несовершенно ¹⁾; но любопытно то, что историческая этнографія уже затрогивается въ самыхъ первыхъ трудахъ прошлаго вѣка. Писатели популярныя дѣлали изъ этнографіи предметъ литературнаго «увеселенія», но и они предчувствовали болѣе глубокий смыслъ изученія народности, а серьезныя историческіе писатели къ концу вѣка уже ясно видѣли всю пустоту произвольнаго раскрашиванія старины ²⁾. Многія страницы въ книгѣ Болтина имѣютъ уже свою цѣнность для историческаго изученія народности и готовятъ къ здоровой научной критикѣ карамзинскаго періода.

Къ концу вѣка вопросъ народности замѣшивается въ историческій споръ о Петровской реформѣ, въ которомъ видятъ начало новѣйшихъ споровъ о направленіи русской жизни. Объ этомъ мы скажемъ дальше.

А. Пипинъ.

¹⁾ Рядомъ съ русскими, между прочимъ, описываются и «чины» инородцевъ, — какъ послѣ въ „Абевегѣ“ Чулкова.

²⁾ Напримѣръ, Болтинъ пишетъ о „Досугахъ“ Михайли Попова (Спб. 1772), который, между прочимъ, пользовался Деклеркзъ: „Г. Поповъ, будучи въ древностяхъ славянскихъ мало свѣдущъ, внесъ въ свою баснословію все, что ему ни попалось безъ разбору, и многія такія вещи подъ статью боговъ помѣстилъ, кои никогда славянами боготворимы не были“ и проч. („Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Деклерка“. Спб. 1788, I, 98).

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е ноября, 1881.

Совѣщаніе свѣдущихъ людей.—Доктрина „разныхъ высотъ“ и „разныхъ точекъ зрѣнія“.—Система, лежащая въ основаніи совѣщанія, и ея содержаніе.—Земство, какъ возможная основа совѣщаній,—гласность, какъ необходимая еѣ опора.—Мнѣнія свѣдущихъ людей по питейному вопросу.—Отвѣтъ г. Копелеву.—Князь А. И. Васильчиковъ †.

Призывъ „свѣдущихъ людей“ для предварительнаго обсужденія законодательныхъ вопросовъ входитъ у насъ, повидимому, въ обычай, и сообразно съ этимъ измѣняется отношеніе къ нему общественнаго мнѣнія. Совѣщанія экспертовъ по вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей прошли почти незамѣченными; совѣщанія по вопросамъ питейному и переселенческому возбудили живой интересъ, вызвали обширную журнальную полемику. Способствовала этому, конечно, гласность, данная послѣднимъ въ отличіе отъ первыхъ; но главной причиной перемѣны слѣдуетъ считать надежду на повтореніе подобныхъ призывовъ въ вопросахъ, менѣе техническихъ, но тѣмъ не менѣе важныхъ. Въ приглашеніи двѣнадцати экспертовъ по вопросу о выкупныхъ платежахъ можно было видѣть случайную мѣру, въ родѣ тѣхъ, которыя неоднократно принимались въ теченіе послѣдняго десятилѣтія; быстро слѣдуя за первымъ и обнимая гораздо большее число лицъ, второе приглашеніе указываетъ на существованіе системы, въ составъ которой входитъ именно этотъ способъ обращенія къ обществу. Къ тому же заключенію ведутъ слова министра внутреннихъ дѣлъ, сказанныя при открытіи второго совѣщанія: „Земскіе свѣдущіе люди приглашаются для того, чтобы самыя жизненные вопросы страны не были рѣшаемы безъ выслушанія мѣстныхъ дѣятелей, хорошо знакомыхъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ“.

Отъ системы должно ожидать, прежде всего, полноты и послѣдовательности. Если разрѣшенію жизненныхъ вопросовъ должно предшествовать выслушаніе мѣстныхъ дѣателей, то единственнымъ мѣриломъ, опредѣляющимъ возможность или невозможность обойтись безъ вызова экспертовъ, должна быть признаваема степень важности вопроса, подлежащаго разрѣшенію. Мы видимъ, однако, что въ промежутокъ времени между первымъ и вторымъ призывомъ свѣдущихъ людей составленъ и изданъ, по прежней системѣ, законъ первостепенной важности—положеніе 14-го августа объ усиленной и чрезвычайной охранѣ. Объяснить это обстоятельство безотлагательностью принятыхъ мѣръ едва ли возможно, такъ какъ положеніе 14-го августа не прибавило почти ничего новаго къ дѣйствовавшимъ уже до него узаконеніямъ; главною цѣлью законодателя было опредѣлить, какія изъ нихъ должны быть оставлены въ силѣ. Отзывъ свѣдущихъ людей, конечно, не оказался бы бесполезнымъ при исполненіи этой задачи. Они могли бы объяснить, какое впечатлѣніе производилъ тѣ или другія чрезвычайныя мѣры, какъ онѣ были понимаемы разными частями населенія, къ какимъ приводили результатамъ. Призывъ къ общественному содѣйствію, раздавшійся въ первый разъ въ памятные, тяжелые дни августа 1878 г., получилъ бы, такимъ образомъ, исполнѣ реальное значеніе. Дѣло, недоступное для печати, было бы сдѣлано хотя отчасти лицами, пользующимися довѣріемъ правительства. Что же могло помѣшать примѣненію новой системы къ случаю, болѣе чѣмъ многіе другіе подходившему подъ ея дѣйствіе? Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что стуживаетъ сферу „совѣщаній“ больше всего взглядъ, высказываемый иногда и въ печати,—взглядъ, по которому „свѣдущіе люди“ являются единственно представителями *мысленныхъ* интересовъ.

„У правительства и у земскихъ свѣдущихъ людей,—читаемъ мы въ „Руси“ (№ 47),—задачи и цѣли общія; обѣ стороны стоятъ на разныхъ, но не враждебныхъ другъ другу точкахъ зрѣнія—одна на высотѣ общихъ государственныхъ интересовъ, другая—на высотѣ лучше ей вѣдомыхъ интересовъ мѣстныхъ, интересовъ населенія, и обѣ стороны, сближая обѣ точки зрѣнія, изыскиваютъ сообща рѣшеніе, удовлетворяющее всѣмъ интересамъ, равно дорогимъ имъ обѣимъ“. Приверженцы русской „самобытности“ сошлись здѣсь съ нѣмецкою—въ Германіи, впрочемъ, давно уже сданною въ архивъ—теорією „ограниченнаго подданническаго разсудка“ (beschränkter Unterthanenverstand); они провозгласили недоступность для простыхъ гражданъ той высоты взгляда, на которой стоитъ правительство, и только одно правительство. Вращаясь среди противурѣчій, они отдѣлили „общіе государственные интересы“ отъ „интересовъ населенія“, и

признали, что „интересы, равно дорогіе для обѣихъ сторонъ“, не могутъ быть, однако, въ одно и то же время представляемы обѣими сторонами. Болѣе полное и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе вредное смѣшеніе понятій трудно себѣ представить. Общіе государственные интересы дороги не для одного правительства именно потому, что они не для него одного понятны и доступны. Чтобы „подняться на высоту“ этихъ интересовъ, не нужно самому стоять близъ кормила; нужно только знать прошедшее и настоящее народа и имѣть опредѣленный взглядъ на его будущее. Политическія и социальныя науки, вмѣстѣ съ практическимъ изученіемъ народной жизни—таковъ фундаментъ, на которомъ одинаково строятся и планы государственныхъ людей, и предположенія частныхъ лицъ, научившихся думать не объ одной личной своей пользѣ; иной основы ни для тѣхъ, ни для другихъ, нѣтъ и быть не можетъ. „Разныя точки зрѣнія“, на которыхъ стоятъ, будто бы, правительственные дѣятели и земскіе свѣдущіе люди, не выжуются даже съ славянофильскимъ ученіемъ объ отношеніи народа къ государству. Славянофилы признають—или по крайней мѣрѣ признавали—за народомъ способность и право подавать голосъ по *всѣмъ* государственнымъ дѣламъ; они настаивали и настаиваютъ только на томъ, что этотъ голосъ не долженъ имѣть рѣшающаго значенія, не долженъ стѣснять правительство въ выборѣ того или другого образа дѣйствій. Обратимся отъ теоріи къ практикѣ—и мы увидимъ, что сила вещей съ перваго раза разрушила тѣсныя рамки, логически вытекающія изъ доктрины „разныхъ высотъ“ и „разныхъ точекъ зрѣнія“. Еслибы земскіе свѣдущіе люди рассматривались правительствомъ исключительно какъ „мѣстные дѣятели“, хорошо знакомые съ положеніемъ и потребностями того или другого уѣзда, той или другой губерніи, то на долю ихъ выпала бы совсѣмъ не та роль, которую они теперь играютъ передъ нашими глазами. Отъ нихъ потребовали бы статистическихъ данныхъ, наблюденій, фактовъ, цифръ, но не мнѣній—или мнѣній развѣ о томъ, какъ устранить тѣ или другія неблагопріятныя условія, специально свойственныя ихъ родному краю. Имъ не было бы предоставлено участіе въ составленіи законопроекта, распространяющагося на всю имперію. Во имя чего землевладѣлецъ царства Польскаго можетъ судить объ устройствѣ переселенцевъ за Волгой и Ураломъ, предводитель дворянства саратовской губерніи—объ организаціи питейнаго дѣла, общей для приволжскаго края съ остзейскимъ или привислянскимъ? Конечно—во имя общихъ началъ, общихъ государственныхъ интересовъ. Знаніе мѣстныхъ условій служитъ здѣсь только пробнымъ камнемъ для опредѣленія практичности и удобопримѣнимости предлагаемыхъ мѣръ, для повѣрки общихъ выводовъ и заключеній.

Въ этомъ смыслѣ оно чрезвычайно драгоцѣнно, даже незамѣнимо—но взятое само по себѣ, безъ болѣе глубокой подкладки, оно крайне недостаточно для тѣхъ задачъ, надъ которыми работаютъ свѣдущіе люди. Какъ мѣстные дѣятели, они легко могли бы сдѣлаться односторонними защитниками ближайшихъ имъ интересовъ, образовывать столько группъ, сколько полосъ, въ томъ или другомъ отношеніи, образуетъ Россія,—внести въ совѣщаніе, вмѣсто готовности къ разумному соглашенію, безконечное и непримиримое разнообразіе мнѣній. Если мы не видимъ ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ, то это объясняется именно тѣмъ, что земскіе свѣдущіе люди стоятъ „на высотѣ общихъ государственныхъ интересовъ“. Познакомившись на мѣстѣ съ послѣдствіями, которыя влечетъ за собою существующая система питейной торговли, они принесли съ собою (мы говоримъ; конечно, объ общемъ правилѣ, всегда допускающемъ исключенія) не только запасъ ничѣмъ не обобщенныхъ и не связанныхъ наблюденій, но болѣе или менѣе выработанные взгляды на средства противодѣйствія пьянству. То же самое можно сказать и о всѣхъ другихъ вопросахъ, подлежащихъ или могущихъ подлежать разсмотрѣнію свѣдущихъ людей. Лучшимъ аргументомъ въ пользу нашего мнѣнія служитъ тотъ фактъ, что однимъ и тѣмъ же свѣдущимъ людямъ поручено разсмотрѣніе столь различныхъ вопросовъ, какъ питейный и переселенческій. Еслибы главнымъ условіемъ для участія въ совѣщаніи было близкое знакомство съ положеніемъ извѣстнаго дѣла въ извѣстной мѣстности, то къ обсужденію переселенческаго вопроса были бы призваны, безъ сомнѣнія, исключительно или по крайней мѣрѣ преимущественно жители тѣхъ губерній, откуда и куда идетъ широкій потокъ переселенія. Приблизительно равномѣрное распредѣленіе свѣдущихъ людей между губерніями европейской Россіи, съ нѣкоторыми только преобладаніемъ центральной и восточной полосъ передъ западною и южною, свидѣтельствуетъ о томъ, что правительству желательно было выслушать не спеціалистовъ по тому или другому вопросу, а вообще знатоковъ народнаго быта, особенно великорусскаго.

Итакъ, система, лежащая въ основаніи „совѣщаній“, требуетъ распространенія ихъ на всѣ важнѣйшіе государственные вопросы, какъ экономическіе и административные, такъ и политическіе. Одною, изъ лучшихъ сторонъ этой системы слѣдуетъ признать сопряженное съ нею оглашеніе правительственныхъ законопроектовъ, допускающее своевременную ихъ оцѣнку печатью и обществомъ. Нельзя не замѣтить, однако, что достоинство „совѣщаній“, какъ свѣтильника во тьмѣ, окружавшей до сихъ поръ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, дѣятельность нашего законодательнаго механизма, зави-

ситъ главнымъ образомъ отъ степени развитія, которое будетъ дано этому учрежденію. Вопросы, до сихъ поръ обсуждавшіеся свѣдущими людьми, принадлежать къ числу тѣхъ, которыхъ и прежде сравнительно легко могъ касаться анализъ общественной мысли. О тяжести выкупныхъ платежей, о необходимости облегчить и упорядочить крестьянскія переселенія нельзя было говорить лишь въ рѣдкія минуты усиленнаго гнета надъ печатью, въ тѣ минуты, когда приходилось либо молчать, либо признавать, что все обстоитъ благополучно. Возможность обсуждать не только самый вопросъ, но и выбранный правительствомъ способъ его разрѣшенія, безспорно составляетъ шагъ впередъ; несравненно важнѣе, однако, было бы снятіе пламбаумовъ съ тѣхъ дорогъ, на которыхъ они почти никогда не поднимались и до сихъ поръ еще не подняты. Потребность въ гласности, въ свободной критикѣ, особенно велика именно для областей, къ которымъ ведутъ эти дороги. Мы говоримъ здѣсь не о вопросахъ, никогда еще не возникавшихъ официально въ нашихъ правительственныхъ сферахъ, а о вопросахъ, постоянно выдвигаемыхъ событіями и разрѣшаемыхъ старымъ способомъ, по старой методѣ. Позволительно думать, напримѣръ, что еслибы вопросъ объ усиленной охранѣ былъ подвергнутъ предварительному обсужденію земскихъ свѣдущихъ людей, положеніе 14-го августа освободилось бы отъ существенно-важнаго недостатка, котораго мы коснемся въ другомъ мѣстѣ нашего обзорѣ.

Указавъ на предѣлы, до которыхъ желательно было бы расширить новую систему, перейдемъ къ самому содержанію ея. Чѣмъ больше число лицъ, призываемыхъ къ обсужденію вопросовъ государственнаго управленія, чѣмъ ближе ихъ знакомство съ потребностями и желаніями народа, тѣмъ вѣроятнѣе правильное разрѣшеніе задачъ, поставленныхъ на очередь правительствомъ. Съ этой точки зрѣнія, обращеніе къ свѣдущимъ людямъ представляется несомнѣнно полезнымъ; не слѣдуетъ только преувеличивать его значеніе, не слѣдуетъ заблуждаться насчетъ истиннаго его характера. Публицистъ, разбирающій предполагаемую реформу въ газетѣ или журналѣ, гласный, высказывающій о ней свое мнѣніе въ земскомъ собраніи или городской думѣ, „свѣдущій человекъ“, отвѣчающій на предложенные ему правительствомъ вопросы, — немногимъ, въ сущности, различаются между собою; каждый изъ нихъ говоритъ лишь отъ своего собственнаго лица, не имѣя за собою ничьей авторитетной поддержки. Выслушавъ свѣдущихъ людей, правительство узнаетъ только, что думаютъ о данномъ предметѣ нѣсколько отдѣльныхъ лицъ; степень распространенности этихъ мыслей остается такою же загадкой, какъ и степень распространенности взглядовъ, высказываемыхъ въ печати. Положимъ, что истина далеко не всегда на сторонѣ большинства,

что самое большинство не всегда можетъ быть съ точностью опредѣлено и констатировано; никто, однако, не станетъ отвергать, что большая или меньшая распространенность мнѣнія — одинъ изъ элементовъ, съ которыми долженъ считаться законодатель, что убѣжденіе, глубоко залавшее въ умы, имѣетъ больше правъ на вниманіе правительства, чѣмъ единичная мысль, раздѣляемая, можетъ быть, весьма немногими. Намъ могутъ замѣтить, что въ печати говорить всякій желающій, въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ — всякій избранный для завѣдыванія мелкими, заурядными дѣлами мѣстнаго хозяйства; что въ „совѣщаніи“, наоборотъ, раздается голосъ людей, облеченныхъ довѣріемъ правительства; что въ устахъ этихъ людей мнѣнія, остающіяся незамѣченными въ тысячахъ газетныхъ листовъ, въ протоколахъ нѣсколькихъ сотъ общественныхъ собраній, приобрѣтаютъ особый вѣсъ, удвоенную силу. До известной степени это такъ; но преимущество, оказывающееся такимъ образомъ на сторонѣ приглашенныхъ правительствомъ свѣдущихъ людей — оружіе обоюдоострое, полезное въ однихъ случаяхъ, вредное въ другихъ, смотря по составу „совѣщанія“ и по направленію, господствующему въ его средѣ. Позволительно сомнѣваться, напримѣръ, чтобы мнѣніе большинства свѣдущихъ людей по вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей было шагомъ впередъ, сравнительно съ правительственнымъ проектомъ. При томъ способѣ избранія свѣдущихъ людей, который принятъ въ настоящее время, „совѣщаніе“ слишкомъ легко можетъ обратиться въ эхо первой выслушанной имъ рѣчи; перевѣсъ всегда можетъ оказаться на сторонѣ того взгляда, который сложился еще прежде призыва свѣдущихъ людей, независимо отъ высказанныхъ ими мнѣній. О совѣщаніяхъ, происходившихъ до сихъ поръ, этого сказать нельзя; но дважды обойти подводный камень, не значить еще устранить его совершенно. Самое свойство вопросовъ, для обсужденія которыхъ были устроены два первыхъ совѣщанія, не располагало къ особой тенденціозности въ выборѣ свѣдущихъ людей; отсутствіе во второмъ совѣщаніи нѣкоторыхъ лицъ, участвовавшихъ въ первомъ (напр., кн. Васильчикова, скончавшагося уже послѣ второго призыва, а также председателей харьковской, тверской и с.-петербургской губернскихъ земскихъ управъ) едва ли, однако, можетъ быть объяснено одною случайностью. Весьма вѣроятно, что въ слѣдующемъ, третьемъ совѣщаніи — если оно будетъ организовано на тѣхъ же началахъ — будутъ участвовать не всѣ тѣ, которые призваны ко второму.

Газеты, безусловно защищающія новую систему, утверждаютъ, что при свободномъ выборѣ свѣдущихъ людей составъ совѣщаній былъ бы приблизительно тотъ же, или развѣ нѣсколько похуже, —

что приглашаются къ участію въ совѣщаніяхъ, болѣею частью, именно тѣ лица, которыя были бы облечены довѣріемъ общества, избранію которыхъ могли бы помѣшать развѣ „интриги партій и случайности баллотировки“. Не знаемъ, на чемъ основана эта увѣренность. Изъ числа тридцати двухъ членовъ второго совѣщанія болѣе или менѣе широко извѣстностью, какъ литературные или общественные дѣятели, пользуются не болѣе одиннадцати (гг. А. Аксаковъ, Вагановъ, кн. Волконскій, Галаганъ, Гордѣенко, Колупановъ, Е. Марковъ, Д. Самаринъ, Уманецъ, Хвостовъ и кн. А. Щербатовъ). Изъ числа остальныхъ, восемь состоятъ или состояли предсѣдателями или членами губернскихъ земскихъ управъ, двое—городскими головами; но избраніе на должность, требующую преимущественно административныхъ способностей, не даетъ еще само по себѣ права предполагать, что тому же самому лицу было бы вѣрено полномочіе совершенно другого рода. Еще меньше ручательствъ представляетъ, съ этой точки зрѣнія, носимое нѣкоторыми свѣдущими людьми званіе губернскаго или уѣзднаго предводителя дворянства. Допустимъ, однако, что свѣдущіе люди, приглашенные къ участію въ совѣщаніи — тѣ самыя лица, которыхъ выдвинуло бы впередъ общественное избраніе; во всякомъ случаѣ это только счастливая случайность, которая можетъ повториться, но можетъ и не повториться при слѣдующихъ призывахъ. Избраніе, какъ и приглашеніе, конечно, не исключаетъ возможности ошибокъ; но оно исключаетъ возможность односторонности, одноцѣтности совѣщанія, возможность предрѣшенія вопросовъ, подлежащихъ его обсужденію. Защищая, въ настоящемъ, существующій способъ приглашенія свѣдущихъ людей, „Русь“ допускаетъ, въ ближайшемъ будущемъ, избраніе ихъ самимъ земствомъ; она желаетъ только, чтобы къ этому времени былъ уже видоизмѣненъ способъ выбора въ гласные, вмѣстѣ съ преобразованіемъ всего уѣзднаго самоуправления. Признавая необходимость и безотлагательность этой послѣдней реформы, мы не видимъ основанія связывать съ нею вопросъ о составѣ совѣщаній, по той простой причинѣ, что самый проектъ преобразованія земскихъ учреждений, безъ сомнѣнія, будетъ подвергнутъ обсужденію свѣдущихъ людей. Съ задачей, столь важной и столь обширной, успѣшно можетъ справиться только собраніе, представляющее собою нѣчто болѣе, чѣмъ совокупность личныхъ, единичныхъ мнѣній. Говоря о представительствѣ, мы разумѣемъ его здѣсь не въ буквальномъ, точномъ его смыслѣ; мы не утверждаемъ, чтобы избранникъ того или другого земства олицетворялъ собою цѣлый уѣздъ или цѣлую губернію; мы не предлагаемъ облечь его такъ называемымъ повелительнымъ полномочіемъ (*mandat impératif*); о которомъ неизвѣстно

почему заговорила „Русь“; мы констатируемъ только тотъ безспорный фактъ, что лицо, избираемое собраніемъ для опредѣленнаго дѣла, признается этимъ самымъ съ одной стороны—способнымъ къ этому дѣлу, съ другой стороны—желающимъ направить его къ излюбленной собраніемъ цѣли. Въ такихъ же отношеніяхъ находится собраніе къ своимъ избирателямъ. Отношенія эти могутъ быть болѣе или менѣе правильны, болѣе или менѣе близки, но въ той или другой степени они существуютъ вездѣ, гдѣ только есть что-нибудь похожее на свободные выборы. Какъ ни мало удовлетворительна избирательная система, созданная земскимъ положеніемъ—а вслѣдствіе того и настоящій составъ земскихъ собраній,—земство все-таки представляетъ собою население, соединяя въ себѣ различные его элементы, чувствуя его нужды, раздѣляя его желанія и взгляды. Чѣмъ важнѣе вопросъ, предлагаемый на обсужденіе земства, тѣмъ живѣе пробуждается въ немъ сознаніе лежащаго на немъ долга, сознаніе солидарности съ народомъ. Земство, единодушно осудившее подушную подать и вообще податныя привилегіи, земство, высказавшееся, десять лѣтъ тому назадъ, за коренную финансовую реформу, за введеніе подоходнаго налога ¹⁾, доказало уже этимъ однимъ свою политическую зрѣлость. Новымъ доказательствомъ ея служить отношеніе земства къ прошлогоднему декабрьскому циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ. Спеціальнѣйшій вопросъ о преобразованіи крестьянскихъ присутствій обратился, подъ руками земства, въ общій вопросъ о преобразованіи всего губернскаго и уѣзднаго управленія и самоуправления. Не ограничиваясь постановкой этого вопроса, многія земскія собранія разработали и разрабатываютъ его до сихъ поръ со всею подробностью, приготавливая такимъ образомъ прочныя основанія для ожидаемой реформы. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мелкія интриги, слишкомъ часто наполняющія собою будничную жизнь земства, отступаютъ на задній планъ, перестаютъ вліять на рѣшенія собраній. Вспоминая извѣстный стихъ нѣмецкаго поэта: „Es wächst der Mensch mit seinen höh'eren Zwecken“,—можно сказать, что земство растетъ по мѣрѣ возвышенія его цѣлей. То же самое явленіе повторилось бы, безъ сомнѣнія, и въ случаѣ предоставленія зем-

¹⁾ Забѣлимъ мимоходомъ, что этотъ фактъ плохо выжется съ разсужденіями „Руси“, признающей, что „только особенно важныя соображенія могутъ побудить правительство пренебречь искреннимъ, добросовѣстно выработаннымъ мнѣніемъ людей земскихъ, если къ тому же это мнѣніе пользуется всеобщимъ сочувствіемъ“. Мнѣнія земскихъ собраній о подушной подати безспорно отличались искренностью и добросовѣстною разработкой, безспорно пользовались всеобщимъ сочувствіемъ—но все это не помѣшало имъ остаться мертвой буквой.

ству избранія свѣдущихъ людей, особенно еслибы оно было обставлено всѣми условіями, соотвѣтствующими важности дѣла.

Продолжительный періодъ реакціи или застоя, миновавшій въ началѣ 1880-го года, оказался столь же неблагоприятнымъ для земства, какъ и для всѣхъ другихъ областей государственной и народной жизни. Недовѣріе къ земству сверху повлекло за собою охлажденіе къ нему снизу; избирательные съѣзды сдѣлались малочисленнѣе, уровень земскихъ собраній и управъ сталъ клониться къ пониженію. Перемена къ лучшему, происшедшая полтора года тому назадъ, оживила дѣятельность земства, но не успѣла еще отразиться съ одинаковой силой на всѣхъ земскихъ собраніяхъ. Избранію земствомъ свѣдущихъ людей могло бы предшествовать, поэтому, распушеніе всѣхъ земскихъ собраній и избраніе новыхъ, причемъ избирателямъ было бы извѣстно, какую серьезную обязанность предстоитъ исполнить вновь избираемымъ гласнымъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что на избирательные съѣзды съѣхалось бы небывалое прежде число избирателей, что между составомъ собранія и населеніемъ установилось бы такое единеніе, какое только возможно при дѣйствующей избирательной системѣ, что число гласныхъ, никогда или почти никогда не посѣщающихъ собраніе, оказалось бы гораздо меньшимъ, чѣмъ въ настоящее время. Сообразно съ составомъ уѣздныхъ собраній, измѣнился бы, конечно, и составъ губернскихъ собраній; мы считали бы, однако, болѣе осторожнымъ возложить избраніе свѣдущихъ людей не на губернскія собранія, въ которыхъ, за немногими исключеніями, превзвѣдуетъ сильно преобладаніе личныхъ землевладѣльцевъ, а на уѣздныя собранія, или, если число ихъ было бы признано для этого слишкомъ значительнымъ, на особые, избранные ad hoc уѣздными собраніями уполномоченныхъ. Извѣстную часть этихъ уполномоченныхъ слѣдовало бы обязательно избирать изъ среды гласныхъ-крестьянъ; всѣмъ уполномоченнымъ слѣдовало бы выдавать небольшую сумму, достаточную для того, чтобы самый бѣдный изъ нихъ могъ проѣхать въ губернскій городъ и прожить тамъ, не нуждаясь, два или три дня, впредь до окончанія выборовъ. Предсѣдательство въ собраніи уполномоченныхъ слѣдовало бы предоставить одному изъ нихъ, по выбору большинства. Свѣдущихъ людей уполномоченные могли бы избирать какъ изъ своей среды, такъ и изъ числа другихъ уѣздныхъ гласныхъ той же губерніи. Слѣшимъ прибавить, что и безъ предлагаемыхъ нами гарантій избраніе свѣдущихъ людей губернскими земскими собраніями могло бы способствовать достиженію цѣли, лежащей въ основаніи совѣщаній. Предоставленіе земству, въ той или другой формѣ, выбора свѣдущихъ людей ускорило бы съ одной стороны реформу земскихъ учрежденій, съ дру-

гой—распространеніе ихъ на тѣ части государства, въ которыхъ они до сихъ поръ еще не введены. И то, и другое, было бы большимъ шагомъ впередъ къ обновленію русскаго государственнаго организма.

Намъ случалось слышать мнѣніе, что приглашеніе свѣдущихъ людей, въ настоящей его формѣ, составляетъ какъ-бы переходъ къ избранію ихъ земствомъ, что на это указываетъ и преобладаніе между приглашенными земскихъ дѣятелей, и официальное наименованіе ихъ *земскими* свѣдущими людьми, и постепенное увеличеніе числа участниковъ въ совѣщаніяхъ. Мы желали бы вѣрить въ правильность такого мнѣнія, но не можемъ не замѣтить, что основанія его довольно шатки. Разъ, что рѣшено было призвать къ участию въ совѣщаніяхъ людей дѣйствительно свѣдущихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не состоящихъ на государственной службѣ,—обойти земскихъ дѣятелей, очевидно, не представлялось возможнымъ; образоватъ совѣщаніе преимущественно изъ ихъ среды, естественно было назвать его членовъ земскими свѣдущими людьми. Возрастаніе числа приглашенныхъ, увеличивая до извѣстной степени шансы всесторонняго разсмотрѣнія вопроса, не измѣняетъ характера совѣщаній. Переходной, въ выше опредѣленномъ смыслѣ, мѣрой можно было бы признать только такую комбинацію, при которой участіе въ совѣщаніи обусловливалось бы извѣстнымъ званіемъ или положеніемъ, напримѣръ, званіемъ предсѣдателя губернской земской управы. Совѣщаніе, составленное изъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, могло бы не только соотвѣтствовать своему назначенію, не соединять въ себѣ всѣхъ лучшихъ силъ земства, наиболѣе способныхъ къ организаціонной, законодательной работѣ; но по способу происхожденія своему оно имѣло бы хоть что-нибудь общее съ избраніемъ, противопологаемымъ назначенію. Мы далеки отъ мысли рекомендовать какія бы то ни было переходныя мѣры; непосредственное избраніе свѣдущихъ людей земскими собраніями представляется намъ вполне возможнымъ и въ настоящее время. Мы хотѣли только указать на то, что существующій порядокъ вызова свѣдущихъ людей не можетъ считаться переходнымъ и не можетъ, слѣдовательно, быть отставляемъ обычными аргументами въ пользу среднихъ мѣръ, среднихъ терминовъ политики.

Въ нашей печати возникъ споръ о моментѣ, когда должна начинаться дѣятельность свѣдущихъ людей; высказана была мысль, что незначѣмъ призывать ихъ раньше окончательнаго изготавленія законопроекта, что достаточно допустить ихъ къ обсужденію его въ послѣдней инстанціи, т.-е. въ государственномъ совѣтѣ. Съ отвѣченной точки зрѣнія это можетъ быть и справедливо, но практическихъ результатовъ, по-крайней-мѣрѣ на первыхъ порахъ, слѣдуетъ ожидать

скорѣе отъ принятаго теперь двукратнаго призыва свѣдущихъ людей — сначала въ особое совѣщаніе, потомъ въ государственный совѣтъ. Спрошенные заблаговременно, свѣдущіе люди легче могутъ достигнуть измѣненій въ правительственномъ проектѣ, легче могутъ провести мнѣніе, несогласное съ первоначальнымъ взглядомъ администраціи. Высказанное въ первый разъ въ государственномъ совѣтѣ, мнѣніе свѣдущихъ людей могло бы иногда остаться безъ послѣдствій именно потому, что съ принятіемъ его была бы сопряжена полная передѣлка законченной уже работы. Еще важнѣе, въ нашихъ глазахъ, то обстоятельство, что, благодаря двукратному призыву свѣдущихъ людей, очередной законопроектъ раньше становится извѣстнымъ обществу и печати, и притомъ становится имъ извѣстнымъ въ такое время, когда всякое возраженіе, всякая критическая замѣтка, могутъ быть приняты во вниманіе и составителями проекта, и самими свѣдущими людьми. Само собою разумѣется, что оглашеніе законопроектовъ и преній, возбуждаемыхъ ими въ средѣ свѣдущихъ людей, принесетъ тѣмъ больше пользы, чѣмъ менѣе стѣснено будетъ обсужденіе тѣхъ и другихъ въ печати. Помимо вѣшнихъ стѣсненій возможны и внутреннія, налагаемыя на себя самою печатью. Устранить или уменьшить стѣсненія перваго рода зависитъ не отъ печати; но стѣсненіямъ послѣдняго рода она ни въ какомъ случаѣ не должна поддаваться. Непрошенные охранители „совѣщаній“ проповѣдуютъ „преждевременность“ критики, вызванной первыми предположеніями свѣдущихъ людей. „Общее совѣщаніе, — говоритъ „Русь“ (№ 48), — рѣшая вопросы въ принципахъ, передаетъ ихъ для редакціи и разработки въ особую комисію, — но кто же не знаетъ, что такая разработка есть въ сущности повѣрка, притомъ самая дѣйствительная, принятыхъ общихъ положеній и нерѣдко приводитъ къ обличенію ихъ несостоятельности, къ необходимости радикальной ихъ перемѣны“. Мотивируя этими соображеніями „преждевременность“ критики, московская газета не замѣчаетъ, что логическій изъ нихъ выводъ долженъ быть прямо противоположный. Если рѣшенія, постановленныя свѣдущими людьми въ началѣ совѣщанія, не имѣютъ окончательнаго характера и могутъ оказаться несостоятельными, то именно отсюда вытекаетъ право и обязанность печати подмѣтить и указать ихъ недостатки, ихъ ошибочность или непрактичность. Поступая такимъ образомъ, печать, конечно, не мѣшаетъ, а наоборотъ, помогаетъ дальнѣйшей работѣ совѣщанія. Салонная деликатность требуетъ, можетъ быть, воздержанія отъ критики допущенныхъ ошибокъ, въ ожиданіи поправки ихъ самимъ ошибшимся; но въ дѣлахъ общественныхъ для такой деликатности — или, лучше сказать, для такого деликатничанья — не должно быть мѣста. Сдержанность, приличный тонъ, отсутствіе придирчи-

вості—вотъ единственныя условія, которыя должны быть соблюдаемы печатю при разборѣ трудовъ совѣщанія; эти условія не были ею нарушены. Въ увѣщаніяхъ „Руси“ мы видимъ только доказательство того, какъ трудно для печати отрѣшиться отъ привычекъ, привитыхъ къ ней многолѣтнимъ тяжелымъ гнетомъ. Дѣятельность свѣдущихъ людей, чтобы быть успѣшной, требуетъ нѣкотораго простора не только для нихъ самихъ, но и для всего общества, требуетъ атмосферы, въ которой дышалось бы сравнительно легко и свободно—а при современныхъ условіяхъ нашей жизни, такой атмосферой можетъ служить преимущественно печать.

Нашъ взглядъ на питейный вопросъ высказанъ уже отчасти въ одномъ изъ предъидущихъ обозрѣній. Констатировавъ вредное вліяніе кабака, въ настоящемъ его видѣ, и широкое развитіе тайной питейной торговли, мы остановились на мысли, что лучшимъ средствомъ къ устраненію зла (насколько оно зависитъ отъ формъ и условій торговли крѣпкими напитками) представляется устройство общественныхъ питейныхъ заведеній. Къ тому же выводу пришло какъ министерство финансовъ, такъ и большинство свѣдущихъ людей. Сокращеніе числа питейныхъ домовъ, безсильное само по себѣ къ уменьшенію пьянства, можетъ способствовать этой дѣли именно въ связи съ открытіемъ общественныхъ питейныхъ заведеній. Непосредственно заинтересованные въ правильномъ ходѣ питейной торговли, крестьяне съумѣютъ принять дѣйствительныя мѣры противъ тайной продажи вина; для этого необходимо только, чтобы въ управленіи общественнымъ питейнымъ заведеніемъ и въ полученіи съ него дохода участвовало не только общество той деревни, въ которой оно находится, но и сосѣднія общества, не имѣющія и не могущія имѣть своихъ питейныхъ заведеній. Предположенное свѣдущими людьми обращеніе кабака въ трактиръ, гдѣ, кромѣ водки, можно было бы получать кушанья, чай, пиво, нисколько не исключаетъ веденія этого дѣла сельскимъ обществомъ. Сельскій трактиръ—не такое обширное предпріятіе, которое требовало бы большой своровки и опытности, сложнаго счетоводства, затраты значительнаго капитала. Если сельское общество способно справиться съ операціей, состоящей въ закупкѣ оптомъ вина и распродажѣ его по мелочи, то его не затруднитъ такая же операція въ примѣненіи къ небольшому числу другихъ продуктовъ, простыхъ и дешевыхъ. Противорѣчія въ постановленіяхъ свѣдущихъ людей, указаннаго въ печати, мы поэтому не видимъ. Что касается до продажи вина на выносъ, которую совѣщаніе признаетъ возможнымъ соединить съ торговлей другого рода, то она, по всей вѣроятности, не будетъ приурочена къ общественнымъ питейнымъ заведеніямъ, настоящее назначеніе которыхъ—распивочная

продажа. Большой заслугой со стороны совѣщанія было бы ограниченіе права частныхъ лицъ на открытіе питейныхъ заведеній—ограниченіе, къ которому склоняется, повидимому, большинство свѣдущихъ людей. Всего правильнѣе, въ нашихъ глазахъ, было бы оставить право на открытіе распивочной продажи, внѣ городовъ, исключительно за сельскими обществами, а въ городахъ—за городскимъ обществомъ.

Существованіе, рядомъ съ общественными, частныхъ питейныхъ заведеній можетъ совершенно парализовать ту пользу, которой слѣдуетъ ожидать отъ первыхъ. Весьма можетъ быть, что въ защиту частныхъ питейныхъ заведеній послышатся обычные возгласы о неприкосновенности правъ частной собственности; но послѣ изданія Положеній 19-го февраля, возможность и законность ограниченія этихъ правъ, во имя высшей государственной необходимости, едва ли требуетъ доказательствъ. Запрещеніе частнымъ лицамъ распивочной продажи крѣпкихъ напитковъ столь же мало было бы превышеніемъ власти со стороны государства, какъ и запрещеніе имъ продажи пороха или динамита.

Говоря о необходимости новыхъ основаній для питейной торговли, мы высказали убѣжденіе, что упрочить за ними практическое значеніе и жизненную силу можетъ только реформа крестьянскаго и городского самоуправления. То же самое слѣдуетъ сказать и о предлагаемомъ свѣдущими людьми земскомъ надворѣ за питейною торговлею. При настоящемъ устройствѣ земскихъ учреждений, этотъ надворъ остался бы мертвой буквой, уже потому, что у земства не оказалось бы органовъ для его осуществленія. Чтобы быть дѣйствительнымъ, надворъ долженъ быть порученъ лицамъ, живущимъ на мѣстѣ и непосредственно подчиненнымъ земству; такихъ лицъ въ настоящее время нѣтъ вовсе. Мы встрѣчаемся здѣсь съ тѣмъ же вопросомъ о мелкой земской единицѣ, который возникаетъ по поводу всѣхъ другихъ, существующихъ въ настоящемъ, или возможныхъ въ будущемъ функцій земства. Устройство всесловной или бессловной волости столь же необходимо для правильной организаціи питейной торговли, какъ и для приведенія въ порядокъ дорожной, пожарной, санитарной части. При томъ положеніи, въ которомъ находится теперь наше мѣстное управленіе и самоуправленіе, плодотворною можетъ быть только совокупность реформъ, согласованныхъ между собою и обнимающихъ всѣ стороны мѣстной жизни; отдѣльныя реформы были бы только заплатами на тришкиномъ кафтанѣ. Столь же тѣсна связь, соединяющая питейный вопросъ съ общимъ вопросомъ объ улучшеніи народнаго быта. Какъ бы ограничено ни было число кабаковъ, какъ бы ни было измѣнено къ лучшему ихъ устройство, какъ

бы ни былъ усиленъ надзоръ за ними, значительнаго уменьшенія пьянства нельзя ожидать до тѣхъ поръ, пока народъ испытываетъ нужду въ самыхъ элементарныхъ матеріальныхъ и духовныхъ благахъ.

Кромѣ совѣщанія свѣдущихъ людей, общественное вниманіе было занято въ послѣднее время „Положеніемъ о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“, утвержденнымъ 14-го августа и обнародованнымъ около половины сентября. Мы не станемъ говорить о подробностяхъ этого закона, теперь достаточно уже извѣстныхъ, не станемъ указывать на значительное расширеніе полномочій, предоставленныхъ второстепеннымъ полицейскимъ агентамъ и высшимъ мѣстнымъ властямъ, даже въ мѣстностяхъ, не объявленныхъ въ положеніи усиленной или чрезвычайной охраны. Мы остановимся только на тѣхъ мѣрахъ, которые не имѣютъ прямого отношенія къ главной цѣли закона — къ предупрежденію преступленій, уже около трехъ лѣтъ составляющихъ несчастье Россіи. Положеніе 14-го августа оставляетъ въ силѣ данное губернаторамъ, въ 1879-мъ г., право не утверждать и даже увольнять, по своему усмотрѣнію, всѣхъ служащихъ по судебно-мировымъ, земскимъ и городскимъ установленіямъ, за исключеніемъ лицъ, избираемыхъ земскими собраніями и городскими думами. Это право оставлено въ силѣ *восемьдесятно*, безъ всякаго различія между мѣстностями, объявленными въ положеніи усиленной охраны, и мѣстностями, пользующимися полнѣйшимъ спокойствіемъ (мы хотѣли назвать ихъ мѣстностями, состоящими внѣ дѣйствія чрезвычайныхъ законовъ, но вспомнили, что такихъ мѣстностей, въ виду ст. 28—31 Положенія и ст. 3. Высочайшаго указа 14-го августа, теперь нѣтъ вовсе). Исходя изъ той мысли, что „временныя исключительныя мѣры должны соотвѣтствовать дѣйствительной потребности охраненія порядка“, нельзя не спросить себя, необходимо ли, съ этой точки зрѣнія, вышеупомянутое право? Намъ кажется, что здѣсь нѣтъ выхода изъ слѣдующей дилеммы: или лицо, служащее по найму въ судебно-мировыхъ, земскихъ или городскихъ установленіяхъ, навлекаетъ на себя серьезное подозрѣніе въ преступномъ образѣ дѣйствій—въ такомъ случаѣ противъ него, безъ сомнѣнія, будутъ приняты мѣры болѣе рѣшительныя, чѣмъ простое удаленіе отъ должности, мѣры, естественнымъ послѣдствіемъ которыхъ будетъ потеря занимаемаго имъ мѣста; или для серьезнаго подозрѣнія нѣтъ основаній—въ такомъ случаѣ нѣтъ основаній и для удаленія отъ должности, съ оставленіемъ которой въ рукахъ даннаго лица связано, можетъ быть, безбѣдное существованіе цѣлаго семейства и правильное отправленіе важной функціи городского или земскаго хозяйства. Поводомъ къ принятію чрезвычайныхъ мѣръ въ Положеніи 14-го августа вездѣ выставляется „подозрѣніе

въ совершеніи государственныхъ преступленій или въ прикосновенности къ нимъ, а равно въ принадлежности къ противозаконнымъ сообществамъ"; поводомъ къ удаленію отъ должности можетъ быть развѣ подозрѣніе въ „преступномъ образѣ мыслей“, т.-е. въ чемъ-то неуловимомъ, неопредѣлимомъ и слѣдовательно ненаказуемомъ, — а кто же станетъ отвергать, что удаленіе отъ должности есть настоящее наказаніе? Съ другой стороны, въ какихъ случаяхъ и какимъ образомъ званіе, напримѣръ, секретаря мирового съѣзда или земской управы можетъ быть обращено въ орудіе противозаконной агитаціи? Увеличиваетъ ли оно настолько значеніе и силу облеченнаго имъ лица, чтобы сдѣлать его опаснымъ для государственнаго порядка и общественнаго спокойствія? Не слѣдуетъ ли признать, наоборотъ, что при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій лицо, занимающее скромную общественную должность, менѣе опасно, чѣмъ лицо, лишенное средствъ къ существованію, озлобленное и доведенное до отчаянія? Мы думаемъ, что въ области общественной службы возвращеніе къ порядку вещей, существовавшему до августа 1879-го года, не могло бы принести рѣшительно никакого вреда и было бы вполне согласно съ общими началами, выраженными въ указѣ 14-го августа; въ особенности ненормальнымъ представляется подведеніе, въ этомъ отношеніи, подъ одинъ уровень всѣхъ мѣстностей Имперіи. Нельзя не пожалѣть, далѣе, что Положеніемъ 14-го августа не отмѣнена та часть закона 26-го сентября 1879 г., въ силу которой правительствующій сенатъ облеченъ правомъ не утверждать мировыми судьями лицъ, политически неблагонадежныхъ. Случаи пользованія этимъ правомъ встрѣчаются рѣдко; но примѣръ Вятской губерніи, въ которой не было утверждено около десяти мировыхъ судей, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ тяжело, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ отзываться на цѣломъ краѣ чрезвычайное полномочіе, не вызываемое необходимостью. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что привлеченіе мировыхъ судей къ отвѣтственности за политическія преступленія, хотя бы въ административномъ порядкѣ — явленіе исключительное, и что поводъ къ обвиненію былъ данъ не служебною дѣятельностью обвиняемыхъ. Мировой судья облеченъ не маловажною властью, но власть эта, по самому своему свойству, не можетъ быть употребляема какъ орудіе пропаганды, какъ средство противодѣйствія правительству или укрывательства преступниковъ. Изъ-за того ничтожнаго вреда, который, въ одномъ случаѣ изъ тысячи, можетъ принести злонамѣренный мировой судья, собственно въ качествѣ судьи, едва ли стоитъ подвергать десятки полезныхъ дѣятелей опасности устраненія отъ должности, вслѣдствіе неопредѣленныхъ слуховъ и ничѣмъ не доказанныхъ предположеній. Мы говоримъ: *ничѣмъ*

не доказаннымъ, потому что въ противномъ случаѣ мѣры предосторожности со стороны администраціи, конечно, не ограничились бы сообщеніемъ правительствующему сенату о неблагонадежности избраннаго лица. Мы ни мало не сомнѣваемся въ безпристрастіи и осмотрительности сената; но за невозможностью повѣрить доставляемымъ свидѣніямъ, опредѣленія его не представляются достаточной гарантіей противъ ошибокъ, тяжело отзывающихся и на отдѣльныхъ лицахъ, и на населеніи цѣлыхъ мировыхъ участковъ. Законъ 8-го августа 1880 г., сохраняющій свою силу и послѣ изданія Положенія 14-го августа, ограждаетъ отъ произвола служащихъ по выбору городскихъ думъ и земскихъ собраний; обставляетъ избраніе мировыхъ судей большими предосторожностями, чѣмъ избраніе членовъ земскихъ и городскихъ управъ, не представляется, повидимому, никакого основанія.

Въ № 43 „Земства“ напечатано возраженіе г. Кошелева противъ нѣкихъ о мелкой земской единицѣ, высказаннаго въ №№ 7 и 8 „Вѣстника Европы“. Главнымъ аргументомъ противъ безусловной волости является у г. Кошелева внутреннее различіе между крестьянами и личными землевладѣльцами, препятствующее сліянію ихъ въ одно гармоническое цѣлое. „Между членами крестьянскихъ обществъ, — говоритъ г. Кошелевъ, — есть связь, единодушіе, братство, о которыхъ личные землевладѣльцы почти понятія не имѣютъ и которые скрывали и теперь одушевляютъ сельскую общину... Личные землевладѣльцы, между которыми мало общинности и много индивидуальности, внесли бы въ мелкую земскую единицу понятія и чувства совершенно инныя и окончательно погубили бы нашу сельскую общину“. Дальше г. Кошелевъ доказываетъ необходимость существованія въ крестьянскихъ домашнихъ единицахъ, общиннаго быта отдѣльно и независимо отъ личнаго. Во всѣхъ этихъ положеніяхъ много справедливаго, но онѣ нисколько не относятся къ спорному между нами вопросу. Безусловная волость, какъ мы сами ее представляемъ, оставила бы неприкосновенными не только сельскую общину, но и сельское общество ¹⁾, не только хозяйственную, но и административную крестьянскую единицу; она замѣнила бы собою только существующую теперь *крестьянскую волость*.

Наше личное знакомство съ деревенскою жизнью было не особенно продолжительно, но оно и не такъ поверхностно и теоретично, какъ

¹⁾ Если бы г. Кошелевъ обратилъ вниманіе на сказанное по этому предмету въ нашемъ июльскомъ обзорѣ (стр. 363), онъ могъ бы начать возраженія противъ нашего взгляда прямо со второй ихъ половины.

предполагаетъ г. Кошелевъ; она извѣстна намъ настолько, насколько это возможно послѣ трехъ-лѣтняго почти безвыѣзднаго пребыванія въ деревнѣ. Основываясь не только на нашихъ личныхъ наблюденіяхъ, но и на множествѣ другихъ данныхъ, мы рѣшаемся утверждать, что къ крестьянской волости картина, начертанная г. Кошелевымъ, вовсе непримѣнна. Искусственно созданная и скоро получившая исключительный административный, *казенный* характеръ, волость не даетъ простора для развитія тѣхъ добрыхъ чувствъ, которыя несомнѣнно живутъ въ крестьянской общинѣ. На сельскихъ сходахъ, а не на волостныхъ, слѣдуетъ искать проявленій единодушія и братства, о которыхъ говоритъ г. Кошелевъ. Волостной сходъ — это орудіе, посредствомъ котораго волостной старшина и волостной писарь устраиваютъ иногда свои личныя дѣла, назначаютъ себѣ содержаніе, учитываютъ самихъ себя, посылаютъ угодныхъ начальству выборщиковъ на избирательные сѣзды; волостное правленіе — это оплачиваемое одними крестьянами агентство, исполняющее порученія всѣхъ возможныхъ правительственныхъ и земскихъ учреждений, а иногда и частныхъ лицъ. Поставить на ихъ мѣсто волостное собраніе, соединяющее въ себѣ представителей всѣхъ элементовъ населенія, волостного старшину, отвѣтственнаго не только передъ своими избирателями, но и передъ земскимъ собраніемъ, значило бы ввести жизнь въ мертвыя формы и подорвать господство міроѣдовъ, свившихъ себѣ гнѣздо именно въ волостныхъ учрежденіяхъ. Какимъ образомъ бессословная волость могла бы *поубить* сельскую общину — этого нельзя себѣ даже представить. Вопросы, касающіеся общиннаго владѣнія землею, по прежнему разрѣшались бы общиною, безъ всякаго вмѣшательства волости; кругъ дѣйствій послѣдней обнималъ бы собою только такіе предметы, которые теперь подвѣдомственны отчасти волостнымъ, отчасти земскимъ учрежденіямъ. Г. Кошелевъ опасается *благодѣній*, которыя землевладѣльцы, въ бессословной волости, стали бы навязывать крестьянамъ; но отчего же онъ въ такомъ случаѣ не боится *благодѣній*, навязываемыхъ земствомъ? Трудно предположить, чтобы землевладѣльцы, даже имѣя на своей сторонѣ большинство въ волостномъ собраніи, воспользовались бы имъ, чтобы ввести между крестьянами обязательное бритье бородъ, употребленіе носовыхъ платковъ, ношеніе европейскаго платья и т. п. Такимъ фантазіямъ, если и допустить ихъ возможность, легко положить предѣлъ закономъ, опредѣляющимъ функціи и власть волостныхъ собраній. Учрежденіе больницъ, проведеніе дорогъ, открытіе школъ — вотъ *благодѣнія*, которыхъ могутъ ожидать крестьяне отъ волостныхъ собраній; основательнаго повода къ опасеніямъ они, кажется, не представляютъ.

Остальные возраженія г. Кошелева касаются затрудненій, съ ко-

тории было бы сопряжено правильное устройство, въ бессословной волости, волостныхъ собраній, волостныхъ исполнительныхъ органовъ, отношеній волости къ земскому собранію и т. п. Затрудненія дѣйствительно велики, но это еще не значитъ, чтобы они были непреодолимы. Укажемъ, для примѣра, на возможность ограниченія волостного сбора извѣстнымъ добавочнымъ процентомъ съ уѣзднаго земскаго сбора. Признавая пользу общаго попеченія объ общихъ надобностяхъ, г. Кошелевъ предлагаетъ достигнуть его путемъ добровольныхъ соглашеній, преимущественно черезъ посредство приходскихъ попечительствъ. Намъ кажется, что не этимъ путемъ должны быть удовлетворяемы первыя, насущныя потребности мѣстнаго населенія. Когда изъ одной деревни въ другую почти нельзя проѣхать, когда цѣлый край лишенъ медицинской помощи, едва-ли цѣлесообразно прибѣгать къ сбору добровольныхъ пожертвованій для устройства дороги или пріемнаго покоя; едва-ли справедливо возлагать на немногихъ бремя такого дѣла, плодами котораго будутъ пользоваться всѣ. Какъ бы широки ни были права волостного собранія, для приходскихъ и другихъ попечительствъ всегда останется много работы; не нужно только возлагать на нихъ тѣхъ функций, исполненіе которыхъ составляетъ *обязанность* правильно организованнаго самоуправления.

Русское общество понесло въ началѣ минувшаго мѣсяца весьма чувствительную потерю въ лицѣ кн. А. И. Васильчикова. Смерть застала его тѣмъ же неутомимымъ, энергичнымъ борцомъ за общее благо, какимъ онъ былъ въ продолженіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ своей жизни. Земскій дѣятель въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ могъ бы оказать большія услуги именно теперь, въ эпоху преобразованій, предстоящихъ земству и всему обществу. Такія книги, какъ „Землевладѣніе и земледѣліе“—не только цѣнный литературный трудъ, но и честный поступокъ. Въ то время, когда крестьянское дѣло официально признавалось законченнымъ, положеніе крестьянъ—вполнѣ обезпеченнымъ, дальнѣйшее улучшеніе ихъ быта—опасной и неблагоприятной фантазіей, крупный землевладѣлецъ, аристократъ по рожденію и положенію, смѣло пошелъ наперекоръ теченію и провозгласилъ безотлагательность тѣхъ реформъ, которыя только теперь начинаютъ выдвигаться на очередь. Рискуя навлечь, и дѣйствительно навлекши на себя обвиненіе въ „соціализмъ“, онъ сталъ на сторону общины, мелкаго землевладѣнія, болѣе правильнаго распредѣленія поземельной собственности между различными классами населенія; онъ лишилъ противоположный лагерь возможности утверждать, что столь разрушительныя ученія находятъ за-

щитниковъ лишь между тѣми, которымъ нечего терять, которыми руководить зависть къ богатству и ненависть къ богатымъ. Онъ вѣрилъ въ счастливое разрѣшеніе важнѣйшихъ экономическихъ вопросовъ, но подѣ условіемъ своевременной и широкой ихъ постановки. Съ отдѣльными мнѣніями его можно было не соглашаться; онъ ошибался, напримѣръ, отрицая крестьянское малоземелье,—но ошибки его всегда были искренни и вознаграждались вѣрнымъ, ярымъ освѣщеніемъ другихъ сторонъ предмета. Немногіе способствовали больше, чѣмъ онъ, разъясненію важности крестьянскихъ переселеній, убыточности и неправильности той системы раздачи казенныхъ земель, которой только недавно положенъ конецъ. Кн. Васильчиковъ—одинъ изъ первыхъ русскихъ *научныхъ социалистовъ* (Katheder-socialisten), если понимать подѣ этимъ именемъ людей, усвоивающихъ себѣ то, что есть хорошаго въ социализмѣ, ставящихъ себѣ задачей мирное, постепенное устраненіе несовершенствъ общественнаго строя и отвергающихъ всякую мысль о насильственномъ переворотѣ, о безусловной нивелировкѣ. Память о немъ, какъ о честномъ писателѣ и гражданинѣ сохранится надолго, не только въ русской литературѣ, но и въ русскомъ обществѣ и народѣ.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ЭПИЗООТИИ СИБИРСКОЙ ЯЗВЫ

НА ВЪЧЕВНИКАХЪ КАНАЛОВЪ И ВЪ УЪЗДАХЪ НОВОЛАДОЖСКОМЪ И ШЛИССЕЛБУРГСКОМЪ, ВЪ НАВИГАЦІЮ 1881 ГОДА.

Существованіе сибирской язвы въ предѣлахъ Петербургской губерніи составляетъ печальное явленіе, повторяющееся изъ году въ годъ, если не съ одинаковою силою и степенью злокачественности, то съ замѣчательнымъ постоянствомъ. Не останавливаясь на историческомъ изслѣдованіи причинъ происхожденія и возникновенія язвенія эпизоотіи,—причинъ, начало которыхъ слѣдуетъ искать въ томъ отдаленномъ уже отъ насъ времени, когда великій преобразователь Россіи, открывая новые пути сообщенія, соединилъ созданную имъ столицу, посредствомъ водныхъ путей, съ центральными и плодородными территоріями своей имперіи, мы коснемся лишь эпизоотіи сибирской язвы со стороны тѣхъ условій и факторовъ, которые въ настоящее время, для каждаго безпристрастнаго наблюдателя, устраняютъ всякое сомнѣніе въ существованіи такихъ постоянныхъ и неизмѣнныхъ причинъ, которыя въ предѣлахъ Петербургской губерніи, и именно въ уѣздахъ новолadoжскомъ и шлиссельбургскомъ, поддѣрживаютъ и, такъ сказать, питаютъ ея.

Причины эти—двоякаго рода; одніи прямыя, непосредственныя; другія побочныя, или случайныя.

Къ прямымъ, постояннымъ причинамъ принадлежать: а) климатическія условія, б) почвенныя, в) бытовыя, и d) бычьея тяга, существующая со времени прорытія канала Петра I.

Вліяніе климатическихъ условій на происхожденіе и развитіе эпизоотическихъ болѣзней не нуждается болѣе въ доказательствахъ. Столь же очевидно, въ настоящее время, вліяніе почвенныхъ условій на происхожденіе таковыхъ. Теорія Петтенкофера, какъ нельзя лучше, оправдываетъ и поучаетъ насъ въ непреложности впервые имъ указаннаго значенія уровня повышенія и пониженія почвенныхъ водъ. По крайней мѣрѣ, за послѣднія 10 лѣтъ, мы видимъ, что сибирская язва, послѣ достиженія своего maximum'a въ 1872 г., появлялась въ послѣдующіе затѣмъ годы гораздо слабѣе, и затѣмъ въ 1880 и 1881 г. снова достигла какъ-бы своего maximum'a. Это значительное развитіе эпизоотіи сибирской язвы въ только-что названные два года находится въ прямомъ повидимому соотношеніи

съ состояніемъ почвенныхъ водъ. Благодаря тому обстоятельству, что въ 1879 г. разлитіе водъ въ предѣлахъ новолодожскаго уѣзда было весьма значительное, можно было, а priori, предсказать, что въ предстояшіе 1880 и 1881 г. слѣдовало ожидать значительнаго развитія эпизоотіи сибирской язвы, что и имѣло мѣсто, такъ какъ повышение температуры въ лѣтніе мѣсяцы было значительнѣе, въ особенности въ 1880 г. Картина состоянія бичевниковъ р. Куйвасари и части Свирскаго канала, на протяженіи около 10 верстъ, во время разлитія водъ въ 1879 г. рельефно представлена въ годовомъ отчетѣ врачебной управы за тотъ же годъ. Но, независимо отъ этого, почвенныя условія новолодожскаго уѣзда,—что касается собственно бичевниковъ,—представляютъ характерную особенность, состоящую въ томъ, что, благодаря ежегоднымъ эпизоотіямъ, бичевники эти обращены, въ настоящее время, почти-что въ сплошныя падалища; на этихъ-то падалищахъ, изъ году въ годъ, таятся тысячи изнуренныхъ и истощенныхъ лошадей; на узкихъ истоптанныхъ полянахъ, которыя составляютъ собственно берега бичевниковъ, скудно покрытыхъ растительностью, утоляютъ голодъ едва влачащія свое существованіе бѣдные животныя и жажду водою каналовъ, куда изъ могильной почвы, какъ сквозь фильтры, просачивается почвенная вода.

Къ числу какъ-бы роковыхъ причинъ, способствующихъ развитію сибирской язвы, мы выше причислили бытовыя условія. Не касаясь здѣсь деморализирующаго значенія бичевой тяги на населеніе, укажемъ лишь на то, что, несмотря на близость столицы, невѣжество, и съ послѣднимъ связанное суевѣріе, существуютъ и понынѣ въ такой степени, что даютъ мѣсто проявленіямъ почти-что невѣроятнымъ въ наше время. Такъ, напримѣръ, независимо отъ обрядностей, имѣющихъ религіозный отбѣнокъ, въ числѣ презервативовъ отъ сибирской язвы—существуетъ, напримѣръ, слѣдующій обычай: молодыхъ дѣвушекъ раздѣваютъ до-нага и, снабжая ихъ мѣдными, заставляютъ прогуливаться вокругъ деревни (д. Кириша, солецкой волости); другой презервативъ состоитъ въ томъ, что въ одной и той же вырытой ямѣ зарываютъ одновременно курицу, собаку и кошку, или въ подворотняхъ того двора, въ которомъ падаетъ первое животное,—оно зарывается, стоя на головую къ выходу!..

Что касается тяги и условій послѣдней, то въ томъ же отчетѣ врачебной управы за 1879 г. фотографически вѣрно изложены самый способъ тяги и роковыя послѣдствія ея, отражающіяся на тяговыхъ лошадяхъ, непосильно обремененныхъ трудомъ и заѣрски бичуемыхъ погонщиками.

Всего связаннаго было бы достаточно для объясненія этиологій

приисхожденія эпизоотіи сибирской язвы по бичевникамъ каналовъ, къ сожалѣнію, существуютъ, однако, еще побочныя и случайныя причины, способствующія, какъ нельзя больше, къ переносу и распространенію эпизоотіи. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ, во-первыхъ: переносъ заразы изъ смежныхъ селеній новгородской губерніи; явленіе это постоянное. Такъ и въ нынѣшнюю эпизоотию можно было прослѣдить заносъ болѣзни изъ предѣловъ новгородской губерніи; эпизоотія именно началась и въ нынѣшнюю навигацію съ юга, по теченію р. Волхова. Хотя въ новолад. уѣздѣ спорадическіе случаи сибирской язвы были наблюдаемы съ 17 мая въ 16 вер. отъ г. Ладоги, на каналѣ Александра II, и въ дер. Леднево, гдѣ въ то же время пали 4 коровы,—тѣмъ не менѣе, начало эпизоотіи слѣдуетъ считать съ іюня мѣсяца, со времени появленія ея въ д. Турь, тигодской волости, близъ границы новгородской губерніи на пути къ селенію Грузино.

За переносомъ сибирской язвы тяговыми лошадьми въ инкубационномъ періодѣ, когда кромѣ точныхъ термометрическихъ наблюденій не существуетъ еще достаточныхъ объективныхъ явленій къ распознаванію болѣзни, заносъ заразы болѣе всего совершается посредствомъ сбруи, торонливо снимаемой погонщиками съ павшихъ лошадей и тутъ же одѣваемой на другихъ, или сбываемой путемъ продажи, равно какъ и возвращеніемъ тяговыхъ лошадей въ селенія.

Къ случайнымъ причинамъ нынѣшняго года нельзя не отнести еще двухъ.

Въ доможировской, шахновской и нисадской волостяхъ, именно въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, пало 270 лошадей и 61 корова. Въ прошломъ году, въ тѣхъ же самыхъ волостяхъ пало 17 лош. и 5 кор. По числу селеній въ названныхъ волостяхъ было поражено въ нынѣшнемъ году 75, въ прошломъ же 9.

Причину распространенія эпизоотіи въ этихъ селеніяхъ можно почти достовѣрно приписать слѣдующему случаю: на третьей верстѣ отъ селенія Сясскихъ-Рядковъ, по Свирскому каналу, произвольно выгружены были кости на бичевникѣ канала по почтовой сторонѣ, изъ затонувшаго судна коломенки, въ полномъ грузѣ, принадлежавшемъ вологодскому купцу Назарову; кости эти, при выгрузкѣ, издавали зловонный запахъ, такъ что нѣкоторые рабочіе отказывались отъ работы вслѣдствіе головной боли и тошноты. По осмотру костей особою комиссіею, въ составѣ которой находился и предсѣдатель новолад. уѣздной земской управы, оказалось, что онѣ лежали на бичевникѣ и занимали все пространство послѣдняго, причемъ многія кости были покрыты остатками ткани.

Кромѣ прямого почти вліянія описываемаго обстоятельства, на

развитіе сибирской язвы въ выше названныхъ трехъ волостяхъ мы находимъ подтвержденіе связаннаго еще въ нижеслѣдующихъ цифрахъ. Въ 1880 г. въ Саяскихъ-Рядкахъ пала 1 лошадь, къ тому же отъ неизвѣстной причины. Въ настоящемъ же, 1881 году, тамъ же пало 35 лошадей и 2 коровы; въ прошломъ году по Саяскому каналу вовсе не было падежа, въ нынѣшнюю же навигацію пало 32 тяговыхъ лошади, слѣдовательно, отношеніе какъ 1:67.

Другая случайность обуславливалась не вполне удавшеюся попыткой земства ввести въ новолдож. и шилессельбургск. уѣздахъ сборъ за убіеніе рогатаго скота отъ чумы. Крестьяне, внесшіе %о сборъ и имѣя очень неопредѣленное понятіе о томъ, отъ какой болѣзни они, уплатою сбора, гарантируютъ свои кровные интересы, не сомнѣвались въ томъ, что и потери, понесенныя ими отъ эпизоотіи сибирской язвы, будутъ возмѣщены.

Вслѣдствіе этого, при падежѣ рогатаго скота въ нынѣшнемъ году отъ сибирской язвы хозяева терпѣливо ждали прибытія земскаго ветеринара, для освидѣтельствованія павшихъ животныхъ, и сопротивлялись зарытію, видя въ распоряженіяхъ полицейской власти, о быстромъ зарытіи животныхъ, мѣру, прямо посягающую на ихъ кровные интересы. Отсюда—медленность въ уборкѣ падали; отсюда—непріязненное, почти враждебное отношеніе крестьянъ ко всякаго рода санитарнымъ мѣрамъ вообще и къ ветеринарамъ въ особенности, которые выбивались изъ силъ, чтобы какъ можно ближе подойти къ нуждамъ минуты, къ интересамъ населенія и къ выполненію возложенныхъ на нихъ служебныхъ обязанностей.

Нежеланіе платить сбора за убіеніе скота лишь отъ чумы выразилось и въ явномъ неповиновеніи, поставившемъ полицію въ немалое затрудненіе. Такъ, крестьяне шахновской волости отказались наотрѣзъ платить, несмотря на всѣ настоянія властей, и новолдожскій исправникъ испрашивалъ разрѣшенія начальника губерніи приступить къ описи имущества за неплатежъ сбора, обращая, вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, вниманіе, что мѣра эта можетъ вызвать волненія среди населенія. Съ другой стороны, губернская земская управа сообщала губернатору, что въ нѣкоторыхъ волостяхъ крестьяне согласны платить установленный закономъ 3 іюня 1879 г. сборъ съ рогатаго скота въ такомъ лишь случаѣ, если скотъ будетъ *застрахованъ* и отъ другихъ эпизоотій, въ противномъ случаѣ они отказываются отъ уплаты.

Коснувшись вопроса о несвоевременной уборкѣ падали, нельзя не остановиться на нѣкоторыхъ особенностяхъ его, имѣющихъ важное санитарное значеніе.

Первое всего, слѣдуетъ отдѣлать уборку падали собственно на

каналахъ и въ селеніяхъ и деревняхъ уѣздовъ новолдожскомъ и шилсебургскомъ. Забота объ устройствѣ падалищъ, о надзорѣ за ихъ состояніемъ и за своевременною уборкою падали на бичевникахъ падаетъ всецѣло на губернскую администрацію. Въ этихъ видахъ, министерство ежегодно ассигнуетъ извѣстную, въ большей части случаевъ, крайне недостаточную сумму на этотъ предметъ. По понятіямъ врачебнаго управленія с.-петербургскаго губернскаго правленія локализациа падалищъ по бичевникамъ, представляющимъ, какъ изложено выше, въ особенности по каналамъ императора Петра I, сплошной могильникъ, казалась мѣрою цѣлесообразною; тѣмъ не менѣе, еще въ прошломъ году, высшая правительственная медицинская инстанція взглянула на локализацию падалищъ нѣсколько иначе, и сдѣлала распоряженіе о зарытіи труповъ на мѣстѣ смерти животныхъ.

Не касаясь здѣсь основаній, послужившихъ къ такому распоряженію, если вообще по закону, падалища разрѣшается имѣть вдали лишь отъ городовъ и селъ, т.-е. отъ населенныхъ мѣстъ, и пораженныхъ эпизоотіею мѣстности предписывается наистрожайше обходить и объѣзжать, вѣроятно, въ санитарныхъ же видахъ, то разбросанность падалищъ на путяхъ непрерывнаго движенія взадъ и впередъ массы лошадей и людей, независимо отъ антисанитарнаго значенія таковой мѣры, не только затрудняетъ, но дѣлаетъ почти невозможнымъ бдительный надзоръ за состояніемъ могилъ, на разстояніи болѣе чѣмъ 250 верстъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на скудные средства и недостаточность поэтому постояннаго надзора, при мѣрѣ несвоевременной уборки падали на каналахъ по бичевникамъ бывали лишь исключительныя. Но вообще по отзывамъ инспекціи каналовъ морского министерства, уборка производилась немедленно, и никакихъ жалобъ, въ этомъ отношеніи, ни отъ инспекціи морского вѣдомства, ни таковой же отъ министерства путей сообщенія не было по сей день заявлено; между тѣмъ по бичевникамъ каналовъ по 14 августа пало свыше 700 тяговыхъ лошадей, включая въ это число около 100 лошадей, павшихъ не отъ сибирской язвы, а отъ другихъ случайныхъ причинъ. Переходя затѣмъ къ уборкѣ падали, собственно въ селеніяхъ, контроль за которой не относился уже непосредственно къ вѣдѣнію врачебной губернской администраціи, за своевременною уборкою падали и выполненіемъ установленныхъ на сей предметъ законныхъ и санитарныхъ мѣръ имѣли надзоръ: земскія учрежденія и мѣстная сельская полиція. Для этой цѣли, какъ вообще для общихъ санитарныхъ мѣропріятій губернскаго земскою управою, еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, были командированы въ новолдожскій уѣздъ 3 ветеринарныхъ врача, 4 студента и къ нимъ, въ качествѣ фельд-

шеровъ, прикомандированы двое крестьянъ; уѣздъ былъ раздѣленъ на 6 участковъ. Въ шлиссельбургскомъ уѣздѣ находились 2 земскихъ ветеринарныхъ врача. Изъ инструкціи, прочитанной 23 сего августа земскимъ ветеринаромъ г. Левинскимъ, въ соединенномъ засѣданіи управъ городской и земской, при бытности представителя полицейской власти и всѣхъ наличныхъ правительственныхъ и земскихъ врачей, видно, что мѣропріятія, предначертанныя для руководства земскимъ ветеринарамъ, почти буквально почерпнуты изъ 1724 ст. уст. мед. полиціи; причемъ, однако, упущено было изъ виду, что общія, предохранительныя отъ скотскихъ падежей, мѣропріятія, безъ непосредственнаго вмѣшательства исправниковъ, не могутъ быть съ успѣхомъ выполняемы за силою извѣстныхъ статей того же устава.

На засѣданіи этомъ выяснилось, однако, что до исправника гораздо позже доходили извѣстія о появленіи сибирской язвы, нежели до начальника губерніи; такъ, напримѣръ, о появленіи сибирской язвы въ селѣ Кабонѣ, Лавровѣ и въ хваловской волости сообщено губернатору, письменно, губернской земскою управою 13 іюня, и о томъ же губернатору сообщено телеграммою новолодомскихъ исправникомъ лишь чрезъ 5 дней, т.-е. 18 іюня. Другой примѣръ: объ усиленіи сибирской язвы губернская земская управа сообщаетъ губернатору письменно 24 іюня, исправникъ же телеграфируетъ о томъ же губернатору лишь 29-го, и т. д. Принимая во вниманіе, что репрессивный характеръ, съ которымъ вообще связаны ветеринарно-полицейскія мѣры, ложится тяжкимъ бременемъ на населеніе, недоувѣряющее и сомнѣвающееся какъ въ цѣлесообразности этихъ мѣропріятій, такъ равно въ компетентности пришлыхъ и имъ совершенно чуждыхъ, лишь на время эпизоотіи поспѣшно командируемыхъ лицъ; что эти мѣропріятія, въ особенности требующія затраты времени отъ крестьянъ, именно въ самый разгаръ ихъ лѣтнихъ работъ, они считаютъ для себя въ высшей степени надобными; что къ пользѣ врачеванія вообще и спеціально ветеринарами, они относятся крайне скептически и двусмысленно; что въ горячее время работъ, въ селеніяхъ, кромѣ дряхлыхъ старухъ и дѣтей, никого не остается; что скотъ пасется, за неимѣніемъ хорошихъ и даже средственныхъ выгоновъ, тамъ и сямъ, въ разбродъ; что рогатый скотъ, непонятно по какой причинѣ, съ яростью почти набрасывается на могилы животныхъ, павшихъ отъ эпизоотіи, и рѣдкая, попадающаяся имъ на пути могила, остается цѣлою; что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ грунтъ до такой степени твердъ, что трудно, даже невозможно, достигнуть въ немъ закономъ установленной глубины; что падалица въ селеніяхъ вовсе не локализована, а попадаетъ повсемѣстно; что зимою крестьяне зарываютъ павшихъ животныхъ только въ

сѣтъ; что крестьяне нерѣдко зарываютъ трупы на собственныхъ дворахъ; что требованіе закона о зарытіи труповъ на указанныхъ полиціею мѣстностяхъ не только не выполняется, но служитъ причиною къ тому, что владѣльцы, не имѣя ни средствъ, ни времени къ зарытію труповъ, украдкою бросаютъ ихъ куда ни попало,—то дѣлается до очевидности яснымъ, отчего не только полиція, но и земство остаются безсильными въ выполненіи самыхъ элементарныхъ санитарныхъ мѣръ. Между тѣмъ, безобразное состояніе падалищъ, ихъ крайняя разбросанность по цѣлому уѣзду, притомъ же при недостаткѣ выгоновъ, служитъ также немаловажнымъ и постояннымъ источникомъ къ заболѣванію скота. Лучшимъ доказательствомъ послѣдняго служатъ падалища вблизи самого города Новой Ладогѣ, куда выгоняется постоянно на пастбу скотъ, не взирая ни на какія запрещенія, такъ какъ иныхъ мѣстъ для пастбы не существуетъ почти, а если кому-либо извѣстны и эксплуатируются, то отнюдь уже не бѣдными городскими жителями...

Сооружаемыя и возобновляемыя ограды вокругъ падалищъ постоянно разбираются погонщиками для костровъ, что повторяется и на всѣхъ другихъ падалищахъ по бичевникамъ и отнимаетъ всякую возможность изолировать послѣдніе отъ скота.

Въ эпизоотіи сибирской язвы настоящаго года можно отмѣтить слѣдующее: сибирская язва въ новолadoжскомъ уѣздѣ существовала въ 16 волостяхъ и 305 дер. Заболѣло до 18 августа лошадей 1050; изъ нихъ пало 922, выздоровѣло 128; рогатаго скота заболѣло 750, пало 590, выздоровѣло 160; въ шлиссельбургскомъ уѣздѣ пало 91 лош. и рогатаго скота 44; по каналамъ: на новолadoжскомъ (Петра I и Александра II) пало 249; на сясскомъ 32; на свирскомъ 100; на р. Куйвосари 62; на р. Свирицѣ 14, и на р. Сяси 8 тяговыхъ лошадей; по каналамъ въ районѣ шлиссельбургскаго уѣзда 104 тяговыхъ лошади; итого пало въ новолadoжскомъ и шлиссельбургскомъ уѣздахъ 1650 лошадей и коровъ 634. По всѣмъ каналамъ тяговыхъ лошадей пало 569. Кромѣ того въ г. Новой Ладогѣ пало 68 лошадей. Итого отъ сибирской язвы пало всего 2284 головы. Въ это число не включены животныя, павшія отъ другихъ болѣзней. Въ сравненіи съ эпизоотіею прошлаго года, за тотъ же періодъ времени, въ который пало только на каналахъ Петра I и Александра II 839 головъ, изъ числа коихъ въ двѣ недѣли, съ 1 по 14 іюня, пало 224 тяговыхъ лошадей, а въ іюлѣ 615, т.-е. 76,5⁰%, оказывается, что эпизоотія сибирской язвы въ нынѣшнюю навигацію далеко не имѣла столь сильнаго распространенія и объ ужасающихъ размѣрахъ которой говорила печать. Такъ какъ, по теченію своему, сибирская язва нынѣшняго года имѣла характеръ въ высшей степени скоротеч-

ный и злокачественный, и цифра наличнаго числа, какъ рогатаго скота, такъ и лошадей, въ названныхъ двухъ уѣздахъ еще не вполне выяснена, то нельзя представить точнаго заключенія о процентѣ смертности къ числу наличныхъ животныхъ; но, принимая во вниманіе, что интенсивность эпизоотіи въ нынѣшнемъ году была значительна, и что въ первомъ періодѣ заболѣванія въ прошломъ 1880 г. % смертности равнялся 90,3%, можно предположить, что % смертности, какъ къ числу заболѣвшихъ, такъ и къ общему числу наличнаго скота, отнюдь и въ нынѣшнемъ году не будетъ меньше. Къ числу порицаній, высказанныхъ въ губернской администраціи по поводу неуспѣшности мѣръ, было, между прочимъ, замѣчено, что гг. ветеринары, разъѣзжая по уѣзду, не обращали вниманія на лечение заболѣвшихъ животныхъ. Это въ высшей степени поспѣшное заключеніе не выдерживаетъ и самой поверхностной критики.

По выводамъ людей науки и по заявленію вполне авторитетныхъ писателей о сибирской язвѣ, свыше 30% животныхъ, пораженныхъ сибирскою язвою, не выздоравливаютъ; фактъ этотъ существуетъ именно въ отношеніи сибирской язвы въ западныхъ государствахъ, гдѣ условія содержанія скота, гигиена, діететика послѣднихъ, способы и удобства врачеванія, а также уходъ за скотомъ, представляются, въ сравненіи съ нашими бытовыми условіями, недостижимымъ идеаломъ; къ этому надобно присовокупить, что за границею о бичевникахъ, на подобіе нашихъ, и понятія не имѣютъ; у насъ, по вполне добросовѣстнымъ наблюденіямъ гг. ветеринарныхъ врачей, знакомыхъ вполне съ сибирскою язвою на бичевникахъ и въ предѣлахъ двухъ разсматриваемыхъ нами уѣздовъ, во-очію явствуется, что даже въ третьемъ періодѣ заболѣванія этою болѣзнію, именно когда эпизоотія уже слабѣе и медленное теченіе ея даетъ время къ врачеванію, % смертности не бываетъ ниже 51,7; во второмъ же періодѣ % смертности равняется 76,7; общій же % выздоравливающихъ не бываетъ никогда выше 22%, при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ.

Принимая же во вниманіе, что наши ветеринарно-полицейскія мѣропріятія обыкновенно значительно запаздываютъ, и что лишь тогда вниманіе высшей администраціи, а равно вниманіе общества, устремляется на данную мѣстность, когда эпизоотія въ полномъ разгарѣ, и что именно въ первомъ періодѣ заболѣванія эпизоотіею сибирской язвы % смертности обыкновенно достигаетъ свыше 90%, то сдѣлается яснымъ, что врачеваніе тутъ не причемъ. И возможно ли вообще безъ загоновъ, безъ средствъ прокормленія и должнаго ухода за животными, при недостаткѣ лекарственныхъ веществъ, на которыя въ настоящее время никакихъ суммъ администраціи не отпускается, говорить о врачеваніи? Къ этому слѣдуетъ присово-

купить, что если для эпизоотии чумы на рогатомъ скотѣ леченіе отвергнуто въ принципѣ, и что не только заведомо больныя, но даже и подозрительныя животныя обязательно убиваются, то польза врачеванія животныя, пораженныхъ сибирскою язвою, въ видахъ пресѣченія распространенія эпизоотии, можетъ быть и оспариваема, особенно при условіяхъ, какими дѣло врачеванія у насъ обставлено. Въ концѣ прошлаго года петербургскій губернаторъ вошелъ съ представленіемъ въ министерство, въ которомъ, изложивъ ходъ сибирской язвы въ 1880 г. на водяныхъ путяхъ, между прочимъ указывалъ на полную невозможность устраненія тяговыхъ лошадей отъ вліянія неблагоприятныхъ почвенныхъ условій, облегченія ихъ тяжелаго труда и избѣжанія скученности лошадей; онъ указывалъ затѣмъ на слабосиліе лошадей въ сравненіи съ везомыми тяжестями, на отсутствіе защиты ихъ отъ сильной жары и непогоды, на отсутствіе правильно организованной рабочей силы по уборкѣ труповъ, далѣе—на невозможность изолированія заболѣвшихъ, и потому просилъ объ ассигнованіи средствъ, между прочимъ, и на устройство загоновъ на каналахъ, для помѣщенія заболѣвающихъ язвою лошадей, на устройство сараевъ для ихъ отдыха и т. д.

Къ сожалѣнію представленіе это осталось безъ послѣдствій. Такимъ образомъ, губернская администрація представляется въ видѣ рыцаря, съ картоннымъ мечомъ посылаемаго для отраженія могущественнаго врага, почерпающаго свои силы въ климатическихъ, почвенныхъ, бытовыхъ и въ массѣ другихъ условій, способствующихъ развитію, распространенію и переносу сибирской язвы на пространствахъ свыше 11 тысячъ кв. верстъ. Заканчивая отчетъ за 1879 г. по мѣропріятіямъ противъ эпизоотии сибирской язвы на водяныхъ путяхъ, губернское врачебное управленіе остановилось, между прочимъ, на томъ, что пока вышеизложенныя причины и условія къ возникновенію сибирской язвы существуютъ, нельзя говорить о цѣлесообразности предупредительныхъ мѣръ къ ея ограниченію. Было упомянуто о разрозненности силъ, о недостаткахъ солидарности между различными вѣдомствами и ихъ агентами; о розни взглядовъ и ближайшихъ распоряженій по одному и тому же вопросу; было, наконецъ, упомянуто и о томъ, что палліативы, противопоставляемые нами эпизоотіямъ вообще и сибирской язвѣ въ особенности, оказываются на дѣлѣ слишкомъ слабыми, чтобы ими одними можно было удовлетворить современнымъ санитарнымъ требованіямъ. Къ крайнему приискорбію приходится повторить сказанное и въ настоящее время.

Д-ръ Г. БЕРТЕНСОНЪ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

4/17 октября, 1881.

Ирландскія дѣла и экономическое положеніе Англіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ лордъ Биконсфильдъ сошелъ съ политической сцены, на ней, можно сказать, нераздѣльно господствуетъ только одинъ человѣкъ — Гладстонъ; своими личными качествами, даже и помимо официальнаго положенія, онъ сосредоточиваетъ теперь на себѣ весь политическій интересъ минуты. Противная партія не можетъ выставить ни одного имени, которое могло бы, хотя бы въ силу контраста, соперничать съ нимъ; съ другой стороны, и въ рядахъ самой либеральной партіи есть пока только люди, подающіе надежду, но нѣтъ ни одного, который могъ бы равняться въ государственныхъ талантахъ съ нынѣшнимъ своимъ вождемъ. Гладстону суждено, повидимому, особенное счастье постоянно встрѣчаться съ такими политическими событіями, которыя даютъ ему случай выказать себя на высотѣ своего положенія. Поле дѣятельности постоянно расширяется передъ нимъ; предъявляемыя къ нему требованія увеличиваются, и — случай рѣдкій въ біографіи государственныхъ людей — онъ всякій разъ доказываетъ, что его собственное развитіе не останавливается, несмотря на возрастъ, въ который людскія убѣжденія обыкновенно теряютъ подвижность и эластичность, и не отстаетъ отъ младшихъ поколѣній. Иные обвиняютъ его въ непослѣдовательности, ссылаясь на рѣчи, которыя онъ говорилъ лѣтъ тридцать или сорокъ тому назадъ, и въ которыхъ высказывалъ взгляды, не согласные съ его настоящими взглядами. Гладстонъ отвѣчаетъ на это, что онъ измѣнился только потому, что измѣнились обстоятельства. Ему слѣдовало бы поставить въ заслугу эту перемену, потому что она всегда была направлена къ прогрессу. Иные, правда, называютъ прогрессъ этотъ ложнымъ, и обвиняютъ Гладстона въ идеализмѣ. Умъ его будто бы витаетъ въ отвлеченныхъ сферахъ, упускаетъ изъ виду практическую сторону дѣлъ и не приспособляется къ несовершенствамъ человѣческой природы. Гладстонъ, дѣйствительно, былъ идеалистомъ въ ту пору, когда писалъ свою книгу въ защиту государственной церкви, и когда Маколей называлъ его „надеждой серьезныхъ и независимыхъ торіевъ“. Но теперь онъ переизмѣнился, и если его политика непрактична, то мы послѣ того не знаемъ, какъ и назвать ее. Идеализмъ его состоитъ просто въ умѣнши

глубже всматриваться въ положеніе дѣлъ, чѣмъ способны дѣлать это его противники, и въ обладаніи той мѣрой мужества, которая необходима для преодоленія предразсудковъ на пути реформъ. Вдобавокъ, Гладстонъ и счастливъ,—счастливъ, именно, вслѣдствіе безукоризненности своего личнаго характера. Англичане вполне оцѣнили его заслуги. Труды его, въ послѣднюю парламентскую сессію, представляли зрѣлище, невиданное въ Вестминстерѣ. Всѣмъ извѣстно, что земельный законъ былъ почти исключительно дѣломъ его собственныхъ рукъ; и законъ этотъ, по ясности изложенія, по цѣлесообразности всѣхъ подробностей и по глубокому знанію дѣла, едва ли имѣетъ что-нибудь равное себѣ въ своемъ родѣ. Но всего замѣчательнѣе та несокрушимая настойчивость, то терпѣніе, которыя выказалъ Гладстонъ во время обсужденія этого закона въ парламентѣ. Личное присутствіе его въ палатѣ съ начала до конца преній было необходимо, потому что ни одинъ изъ другихъ членовъ правительства не соединялъ его знанія дѣла съ его умѣньемъ возражать на доводы противниковъ и отвѣчать на вопросы друзей, подчасъ очень неумѣстные. Необыкновенное знаніе своего предмета, выказанное при этомъ случаѣ премьеромъ, объясняется тѣмъ, что онъ уже изучалъ его по поводу своего прежняго земельного закона. Но это самое обстоятельство всего болѣе послужило къ чести Гладстона, доказавъ въ немъ способность провѣрки своихъ прежнихъ взглядовъ и измѣненія ихъ, сообразно перемѣнѣ обстоятельствъ. Рѣдко доводится государственному человѣку провѣрять такимъ образомъ свой собственный законъ, и еще рѣже уроки времени не остаются, въ подобномъ случаѣ, напрасными. Но Гладстонъ воспользовался свѣжимъ опытомъ и нашелъ въ себѣ свѣжія силы, чтобы примѣнить его къ дѣлу.

О томъ, какъ принять земельный законъ въ Ирландіи, я буду говорить ниже; что же касается до англичанъ, то они вообще убѣждены, что ирландцы должны остаться довольны имъ. Но нельзя сказать, чтобы сами англичане были довольны той затратой времени, которой потребовало обсужденіе этого закона. Цѣлая сессія была посвящена исключительно ирландскимъ дѣламъ, хотя на очереди стоятъ серьезныя и неотложныя вопросы, требующіе законодательныхъ мѣръ для Англіи и Шотландіи. Впрочемъ, еслибы даже жертва оказалась напрасной, то и въ такомъ случаѣ Гладстона осудить только сторонники исключительнаго подавленія военной силой; въ смыслѣ же реформы онъ сдѣлалъ все, что было практически возможно, и въ случаѣ неудачи, можетъ съ спокойною совѣстью передать дѣло въ руки своего преемника.

Но возвратимся къ земельному биллю, къ тому пункту обсужде-

нія его въ комиссіи, на которомъ я оставилъ его въ моемъ прошломъ письмѣ. Вносимыя поправки продолжали тормозить пренія, но большею частью устранялись, когда не согласовались со взглядами правительства. Последнее само внесло въ билль три поправки: одну, допускающую пересмотръ земскими судами контрактовъ на аренду, заключенныхъ съ 1870, если есть поводъ предполагать, что на фермеровъ дѣйствовали принужденіемъ; другую, предложенную фермерамъ и клонящуюся къ пользѣ земледѣльческихъ рабочихъ; и третью, касающуюся недоимокъ въ арендной платѣ. 23-го іюля, билль вышелъ изъ комиссіи. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, Гладстонъ объявилъ имена трехъ комиссаровъ, изъ которыхъ онъ намѣревался составить верховный земскій судъ, и палата одобрила его выборъ. Однако, въ публикѣ, объявленіе этихъ именъ произвело нѣкотораго рода разочарованіе. Правительство, дѣлая свой выборъ, отдавало предпочтеніе людямъ, обладающимъ специальными свѣдѣніями въ томъ дѣлѣ, для котораго они предназначаются, но не пользующимся громкою извѣстностью. Поэтому иные думаютъ, что комиссіи будетъ недоставать авторитета въ глазахъ ирландскаго народа. Во всякомъ случаѣ, выборъ сдѣланъ хорошо. О'Гэгонъ, Литтонъ и Вернонъ — люди, несомнѣнно способные, энергичные и свѣдущіе въ своемъ дѣлѣ. Парнелль и парнеллисты полагаютъ, что этого недостаточно, и что эти люди, въ силу своего официального положенія и политическихъ убѣжденій, непременно будутъ держать руку лэндлордовъ. О'Гэгонъ — католикъ и скорѣе вигъ, чѣмъ либераль; Литтонъ — представлявшій Тайровъ въ парламентъ — юристъ и землевладѣлецъ, равно какъ и Вернонъ, который въ то же время служитъ земскимъ агентомъ многихъ крупныхъ помѣстьевъ въ Ирландіи. Но, при всемъ томъ, крики парнеллистовъ едва ли имѣютъ какое-нибудь основаніе, кромѣ предвзятаго осужденія всѣхъ правительственныхъ мѣръ. Ирландская печать вообще отнеслась къ этому выбору благопріятно, да и въ самомъ дѣлѣ, трудно было бы разомъ найти трехъ человѣкъ, болѣе способныхъ къ данной задачѣ и съ большими ручательствами въ безпристрастіи.

Земельному биллю оставалось пройти еще одну инстанцію прежде, чѣмъ поступить въ палату на третье чтеніе, — инстанцію доклада. Это было послѣднимъ случаемъ внести поправки, которыя еще не успѣли быть внесены. Наиболѣе важною изъ нихъ была поправка Парнелля, предложенная съ одобренія правительства. Въ ней требовалось, чтобы въ продолженіе шести мѣсяцевъ, по изданіи закона, земскій судъ имѣлъ право приостанавливать взысканія съ фермеровъ до исполненія необходимыхъ формальностей для опредѣленія судебной ренты, — все равно, поступило ли, или еще не поступало проше-

не объ опредѣленіи такой ренты. 29-го іюля, билль окончательно прошелъ въ палатѣ общинъ, получивъ 220 голосовъ противъ 14. Парнелль, согласно своей системѣ, воздержался отъ участія въ голосованіи, но большая часть его послѣдователей присоединилась къ большинству.

Главная опасность ожидала земельный законъ въ палатѣ лордовъ. Трудно было рассчитывать на одобреніе его собраніемъ, состоящимъ изъ тѣхъ самыхъ землевладѣльцевъ, права и выгоды которыхъ онъ такъ существенно урѣзываетъ. Еслибы пришлось положиться только на великодушіе, то—оно далеко не составляетъ отличительной черты палаты лордовъ въ ея цѣломъ. Къ счастью, для сторонниковъ билля, не одно великодушіе, но и страхъ долженъ былъ побуждать къ уступчивости. Упорство лордовъ могло бы имѣть слишкомъ серьезныя послѣдствія, и сколько бы они ни ворчали противъ билля, а въ концѣ-концовъ они должны были бы принять его.

Впрочемъ, лорды и сами, повидимому, сознавали необходимость покориться обстоятельствамъ; они собирались, для перваго чтенія билля, въ тотъ же вечеръ, когда онъ прошелъ въ палатѣ общинъ. Вторичное чтеніе билля было назначено, по предложенію одного изъ лордовъ, 1-го августа. Говоря въ качествѣ ирландскаго землевладѣльца, этотъ лордъ призналъ, что новый законъ не можетъ повредить интересамъ лэндлордовъ, которые не берутъ несправедливой аренды, и можетъ успокоить волненія, которыя грозятъ въ концѣ разорить Ирландію. Но глава оппозиціи, лордъ Сольсбери, отнесся къ биллю, какъ и ожидали, рѣшительно враждебно. Онъ, правда, не противился вторичному чтенію и даже подалъ за него голосъ; но въ то же время онъ внесъ множество поправокъ существенной важности, пригласивъ милордовъ принять ихъ во вниманіе. Въ сущности, благородный лордъ выказалъ въ этомъ случаѣ большую непоследовательность. Не предлагая напрямикъ отвергнуть билль, онъ всѣми силами старался, однако, доказать его нецѣлесообразность и несправедливость. „Фермерамъ,—говорилъ онъ,—дается право продавать то, чего сами они никогда не покупали. У лэндлордовъ отнимается право управлять своими помѣстьями; оно переносится въ руки суда, который несомнѣнно будетъ благопріятствовать фермерамъ, въ ущербъ землевладѣльцамъ“. Спихватились, однако, что это значить обвинять комиссаровъ въ пристрастіи; Сольсбери поспѣшилъ смягчить значеніе своихъ словъ, пояснивъ, что судьямъ трудно будетъ отрѣшиться отъ предубѣжденія противъ лэндлордовъ: „говорить, что законъ будетъ примѣняться судомъ, значить играть словами, такъ какъ судъ этотъ будетъ рѣшать всѣ дѣла безапелляціонно, хотя и нѣтъ достаточной причины отступать такимъ обра-

зомъ отъ нашихъ старыхъ традицій“. Но тутъ же милордъ оговорился, что отвергнуть законъ невозможно, не давая повода къ анархїи въ Ирландїи, которую стали бы тогда выдавать за результатъ упорства лордовъ. Стало быть, оставалось только принять билль—но съ поправками. Лордъ Сольсбери посовѣтовалъ ввести въ него большую часть тѣхъ поправокъ, которыя были отклонены палатой общинъ, въ томъ числѣ поправки объ изъятїи изъ вѣдѣнія новыхъ судовъ имѣній, управляемыхъ по англійской системѣ, и контрактовъ съ болѣе богатыми изъ фермеровъ, платящими высшую норму аренды. Сольсбери предложилъ также поправку въ установленїи нормы такъ называемой „справедливой ренты“. Лорды шумѣли, негодовали, критиковали билль по всѣмъ пунктамъ, но все-таки вотировали вторичное чтеніе его. Лордъ Аргайлъ сравнивалъ правительство съ студенистыми рыбами, которыя не плаваютъ, а даютъ нести себя водѣ, хотя это сравненіе справедливѣе было бы примѣнить къ самой палатѣ лордовъ. Билль поступилъ на разсмотрѣніе комиссїи. Лордъ Аргайлъ провелъ въ него двѣ важныя поправки: одну относительно имѣній, управляемыхъ по англійской системѣ, дающую лэндлорду право не соглашаться на перепродажу фермерамъ аренды, если земледѣльческія улучшенія были сдѣланы не фермеромъ, а самимъ землевладѣльцемъ. Эта поправка не могла имѣть большого значенія, въ виду малаго числа такихъ земель въ Ирландїи, но она усложняла дѣло судовъ и придавала закону видъ неравноправія. Лордъ Сольсбери провелъ другую важную поправку, дававшую право землевладѣльцу, купившему себѣ наследственное право аренды въ Ольстерѣ, или другія соотвѣтствующія права, требовать отъ новаго арендатора уплаты затраченной суммы. Эта и другія поправки могли, по мнѣнію всѣхъ практическихъ людей, серьезно подорвать законъ и возбудить въ Ирландїи, въ особенности въ Ольстерѣ, сильное неудовольствіе. Но никакія представленія не помогали; сословный интересъ и личный эгоизмъ иѣшали вынять голосу разсудка, и, такимъ образомъ, билль возвратился въ палату общинъ для пересмотра.

Палата отнеслась къ поправкамъ лордовъ весьма внимательно и сдѣлала всевозможныя уступки. Прошла и поправка лорда Аргайля, съ оговоркой: „если улучшенія на фермѣ были сдѣланы землевладѣльцемъ не одновременно, но и поддерживались“. Но другая поправка его, о вознагражденїи лэндлордовъ, была отвергнута. Гладстонъ, желая примирить лордовъ съ биллемъ, самъ внесъ нѣкоторыя поправки въ пользу землевладѣльцевъ, въ томъ числѣ одну, которая допускаетъ право землевладѣльца, по истеченїи срока контракта, брать себѣ обратно ферму, если онъ нуждается въ ней для своихъ личныхъ цѣлей, но лишь въ томъ случаѣ, если землевладѣ-

лець или кто-нибудь изъ членовъ его семьи будутъ лично жить на ней. Оговорка эта была введена въ успокоеніе ирландскихъ членовъ, которые доказывали, что эта поправка поведетъ къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ и сдѣлаетъ дѣйствіе закона фиктивнымъ. Словомъ, въ результатѣ пересмотра оказалось то, что правительство, въ восьми главныхъ поправкахъ изъ пятнадцати, сдѣлало уступки противникамъ билля. Впрочемъ, тѣ изъ предложенныхъ поправокъ, которыя могли бы существенно измѣнить характеръ билля, были отклонены, послѣ чего билль опять возвратился въ палату лордовъ. Последняя рѣшительно объявила, что она не можетъ отказаться отъ своихъ поправокъ. Положеніе дѣлъ стало въ высшей степени критическимъ. Разрывъ между двумя палатами казался неизбежнымъ. Лорды видимо пытались сдѣлать билль противорѣчащимъ самому себѣ и практически бесполезнымъ. Еслибы таковъ, дѣйствительно, оказался результатъ цѣлой сессіи, посвященной ирландскимъ дѣламъ, то ирландцы могли бы съ полнымъ правомъ заключить, что англійское правительство неспособно управлять ихъ страной. Ни одна серьезная газета, даже консервативнаго оттѣнка, не одобряла поведения пэровъ, которые предпочитали подкапываться подъ законъ, вмѣсто того, чтобы прямо и честно отвергнуть его. Главнымъ виновникомъ такого положенія дѣлъ былъ, какъ мы уже сказали, лордъ Сольсбери, дававшій въ этомъ случаѣ тонъ своей палатѣ.

Публика находилась въ напряженномъ ожиданіи исхода этого спора. Билль опять возвратился въ палату общинъ, и Гладстонъ видимо не желавшій доводить дѣло до разрыва, сдѣлалъ новыя уступки, впрочемъ, не имѣвшія существеннаго значенія для билля. Между прочимъ, была исключена поправка Парнелля. Въ этотъ разъ, когда билль возвратился въ палату лордовъ, Сольсбери вдругъ измѣнилъ свое „твердое“ рѣшеніе не уступать, и билль прошелъ. Борьба оказалась напрасной тратой времени, какъ и всегда бываетъ, когда палата общинъ твердо рѣшается настоять на какой-нибудь мѣрѣ и когда общественное мнѣніе съ ея стороны. Въ своей заключительной рѣчи, лордъ Сольсбери сложилъ отвѣтственность за билль на правительство и выразилъ „надежду, но не увѣренность, что онъ принесетъ пользу ирландскимъ фермерамъ и не слишкомъ подорветъ интересы землевладѣльцевъ“.

Прежде, чѣмъ продолжать мой отчетъ объ ирландскихъ дѣлахъ, я долженъ поговорить о нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ, занимавшихъ парламентъ въ концѣ послѣдней сессіи. Однимъ изъ нихъ былъ вопросъ трансваальскій. 25-го іюля, Гиксъ-Бичъ внесъ предложеніе объ изъясненіи порицанія политики правительства въ дѣлахъ Трансваала. Доводы, на которые ссылался бывшій секретарь колоній,

были очень не новы: необходимость защитить туземцевъ противъ боэровъ; поддержаніе престижа Англіи; восстановленіе ея военной чести, подорванной пораженіями. Отвѣчалъ министръ торговли Чэмберлэнъ, назвавшій опасность, которой подвергаются туземцы отъ боэровъ, воображаемой, такъ какъ въ Трансваалѣ, на 770,000 негровъ приходится всего 38,000 боэровъ и какихъ-нибудь 5,000 англійскихъ поселенцевъ. Гиксъ-Вичъ предпочелъ бы, чтобы Трансвааль управлялся, какъ колонія; но правительство не могло нарушить, безъ вреда для чести Англіи, даннаго боэрамъ обѣщанія предоставить имъ самоуправленіе. На вопросъ, почему правительство, имѣя въ виду такой конецъ, не отказалось ранѣе отъ политики присоединенія, и почему оно не попыталось восстановить побѣдой честь англійскаго оружія, Чэмберлэнъ пояснилъ, что официальные агенты въ Трансваалѣ вводили правительство въ заблужденіе насчетъ мѣстнаго положенія дѣлъ и настроенія боэровъ. Англію утѣшали, что враждебныя чувства боэровъ уступаютъ другому настроенію; что они сами не прочь теперь отъ присоединенія; что, въ случаѣ выступленія англичанъ, въ Трансваалѣ вспыхнула бы междоусобная война. Что же касается до поддержанія авторитета англійской короны, то правительство возложило это на генерала Коллея, имѣя въ виду воспользоваться первымъ случаемъ для очищенія Трансвааля. Коллей не оправдалъ надеждъ, которыя на него возлагались, но это былъ не резонъ отказываться отъ условій мира, предложенныхъ боэрами. Условія эти были вполне почетны для Англіи, и дальнѣйшее кровопролитіе, въ видахъ поддержанія ея военной чести, имѣло бы характеръ дикой мести. На эту же тему и Гладстонъ произнесъ одну изъ своихъ лучшихъ рѣчей. Предложеніе Гикса-Вича, разумѣется, было отклонено.

Другимъ вопросомъ, рассмотрѣннымъ палатой въ то самое время, когда земельный билль перешелъ въ верхнюю палату, былъ вопросъ о дополнительномъ бюджетѣ. Такъ какъ времени оставалось мало, то Гладстонъ предложилъ собираться на засѣданія по вторникамъ и средамъ, — дни, предоставляемые членамъ для ихъ частныхъ дѣлъ. Парнелль горячо возсталъ противъ этого предложенія, говоря, что оно лишитъ ирландскихъ членовъ возможности взывать къ странѣ объ освобожденіи ихъ заключенныхъ соотечественниковъ. Оратора призвали къ порядку за превышеніе границъ предложенія, но это только болѣе раззадорило его, и онъ называлъ Гладстона деспотомъ. За это увлекшійся ораторъ былъ лишенъ слова. Но Парнелль воспользовался первымъ случаемъ, чтобы возобновить свои обвиненія. Къ предложенію о передачѣ дополнительнаго кредита въ комиссію онъ внесъ поправку, гласившую, что охранительный законъ принѣ-

няется въ Ирландіи „несоотвѣтственно общаніямъ, даннымъ правительствомъ, когда палата согласилась приостановить дѣйствіе конституціи въ Ирландіи“. По этому поводу, между ирландскими членами и представителями правительства, завязался длинный споръ, который мы резюмируемъ въ короткихъ словахъ. Парнелль утверждалъ, что аресты въ Ирландіи дѣлаются произвольно и противузаконно, а генеральный прокуроръ Ирландіи увѣрялъ, что въ каждомъ данномъ случаѣ доказательства вины были убѣдительны для суда присяжныхъ. Гладстонъ, также принявшій участіе въ этомъ спорѣ, далъ понять, что правительство будетъ соображаться въ примѣненіи принудительнаго закона съ положеніемъ, которое займутъ ирландскіе члены относительно земельного билля. Ирландскіе члены утверждали, что принудительный законъ осуждается самымъ фактомъ своей неудачи, и въ этомъ отношеніи они, дѣйствительно, могли опереться на цифры. Ни Гладстонъ, ни Форстеръ не могли отрицать, что польза, принесенная этимъ закономъ, весьма сомнительна. Въ пять мѣсяцевъ предшествовавшихъ его изданію, въ Ирландіи было совершено 995 аграрныхъ преступленій, а въ пять послѣдующихъ мѣсяцевъ, ихъ было совершено 843. Но въ первые три мѣсяца, по изданіи закона, число преступленій значительно превышало данную ими цифру въ три предшествовавшихъ мѣсяца. Къ концу сессіи, оно снова значительно возросло. Ирландскіе члены особенно напирали на вторичный арестъ Дэвитта, не даваго, по ихъ словамъ, никакого повода къ этой строгости. Имъ взялся возражать министръ внутреннихъ дѣлъ Гаркортъ, имѣющій особенный даръ дѣлать промахи. Такъ было и на этотъ разъ. Вторичный арестъ Дэвитта остался необъясненнымъ для публики, и всѣ думали, что правительство имѣло какія-нибудь тайныя причины принять эту мѣру. Но Гаркортъ откровенно пояснилъ, что никакихъ такихъ причинъ не было, и что Дэвитта арестовали просто-на-просто „за слишкомъ рѣзкія рѣчи и за угрозы, что ирландцы найдутъ себѣ поддержку въ Америкѣ“. Словомъ, оказалось, что Дэвиттъ арестованъ не въ силу принудительнаго закона, а какъ вліятельный предводитель аграрной лиги. Предложеніе Парнелля, разумѣется, было отклонено, но онъ достигъ того, что принудилъ правительство выслушать нѣсколько правоченій отъ консерваторовъ, которые въ сущности всегда горячо отстаиваютъ принудительный законъ.

Всѣ эти эпизоды не помѣшали, однако, вотировать дополнительный кредитъ еще въ августѣ. Статьи его не представляютъ особеннаго интереса, за исключеніемъ той, которая касается индійскаго бюджета. Она показываетъ, что афганская война обошлась Англіи въ 23,412,000 фунт. ст. Не будь этой войны, бюджетъ Индіи далъ бы

излишекъ, теперь же онъ далъ дефицитъ. Это даетъ понятіе о томъ, во что обходится Англіи „империалистская“ политика.

27-го августа кончилась, наконецъ, эта необыкновенно однообразная сессія, въ которую, несмотря на безпримѣрное напряженіе силъ, представители страны не имѣли времени обсудить многихъ вопросовъ, касающихся ея неотложныхъ интересовъ.

Однимъ изъ самыхъ бурныхъ эпизодовъ послѣдней сессіи, надѣлавшимъ въ свое время много шума, была исторія съ нортгэмптонскимъ депутатомъ Брэдло, исключеннымъ изъ парламента за отказъ принести установленную присягу. 2-го августа, Брэдло созвалъ въ Трафальгаръ-скверѣ публичную сходку, чтобы торжественно протестовать противъ исключенія. Массы народа откликнулись на призывъ, и Брэдло изложилъ передъ ними свои жалобы, прибавивъ, что ихъ уже выслушали 200,000 человѣкъ на сходкахъ, которыя онъ созывалъ въ различныхъ частяхъ Англіи. Въѣстъ съ тѣмъ, онъ объявилъ о своемъ намѣреніи повторить, на слѣдующій день, свою попытку занять свое мѣсто въ парламентѣ. Брэдло исполнилъ свое намѣреніе. Но прибытія его ожидали, и въ сѣняхъ палаты была поставлена полиція. Когда нортгэмптонскій депутатъ вошелъ въ сѣни и намѣревался пройти въ залу, его остановили. Произошла борьба, и Брэдло принужденъ былъ уступить превосходству силъ. Восемь человѣкъ вытащили его на дворъ, обезсиленнаго отъ сопротивленія. Все это произошло на глазахъ безчисленной толпы народа, собравшейся передъ парламентомъ, и Брэдло, пожалуй, не безъ основанія, говорилъ потомъ, что довольно было бы въ ту минуту одного знака его, чтобы произвести весьма серьезные безпорядки. Но онъ воздержался.

Между тѣмъ, другой членъ отъ Нортгэмптона, Лабушерь, довелъ до свѣдѣнія палаты о случаѣ, происшедшемъ въ сѣняхъ парламента, и предложилъ заявить, что полицейскій офицеръ и помогавшіе ему пристава, выгнавшіе члена палаты изъ ея корридоровъ, нарушили ея привилегіи. Но спикеръ, прежде, чѣмъ прочесть это предложеніе, напомнилъ, что резолюцію 10-го мая, исключившею Брэдло изъ парламента, пристава были уполномочены удалять исключеннаго члена изъ палаты, если онъ покусится нарушить порядокъ. На основаніи этой резолюціи, спикеръ, предупрежденный о намѣреніи Брэдло, предписалъ приставамъ удалить его, если онъ исполнитъ свое намѣреніе. Предложеніе Лабушера было, однако, поддержано, такъ что самъ премьеръ нашелся вынужденнымъ вмѣшаться въ пренія. Онъ защищалъ спикера, говоря, что онъ дѣйствовалъ въ интересахъ должнаго палатѣ уваженія и заслуживалъ ея признательности. Глава оппозиціи согласился съ этимъ мнѣніемъ, и только голосъ Брайта

нѣсколько нарушилъ гармонію. Онъ посовѣтовалъ палатѣ отнестись серьезнѣе къ этому вопросу и пересмотрѣть дѣло Брэдло. Однако, за предложеніе Брайта высказалось всего семь голосовъ, потому что принять его—значило бы осудить сингера. Брайтъ и нѣкоторые другіе изъ либераловъ тотчасъ же удалились изъ палаты. Черезъ нѣсколько дней, Лабушеръ снова спросилъ правительство, скоро ли оно разсмотритъ дѣло Брэдло. Гладстонъ отвѣтилъ, что резолюція, исключаящая Брэдло изъ палаты, имѣетъ силу только на текущую сессію; если же онъ повторитъ свои попытки проникнуть въ палату, то правительство взглянетъ на вопросъ лишь съ точки зрѣнія прекращенія спора во что бы то ни стало. Другими словами, значило, что поучительныя сцены, которыхъ была свидѣтельницей англійская публика передъ зданіемъ палаты, могутъ возобновиться. Впрочемъ, до этого не могли допустить тѣ, кому дорога честь представительнаго собранія. Дѣло Брэдло еще продолжало нѣкоторое время волновать умы, хотя въ сущности, оно и не имѣетъ большого интереса, такъ какъ затронутый въ немъ вопросъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ вскорѣ устранивъ новымъ законодательствомъ. Во всякомъ случаѣ, въ немъ высказалась вся нецѣлостность примѣненной къ нему процедуры, а уже и это одно составляетъ приобрѣтеніе.

Среди политико-экономистовъ замѣчается въ послѣднее время сильное движеніе, вслѣдствіе возрождающейся теоріи протекціонизма. Во многихъ кружкахъ серьезно заговорили, что политика свободной торговли, которая, казалось, установилась въ Англіи окончательно, нуждается въ реформѣ, въ виду измѣнявшагося положенія англійской промышленности. Это движеніе составляетъ любопытное явленіе, впрочемъ, легко объяснимое. Оно порождено неудовольствіемъ земледѣльческихъ классовъ, положеніе которыхъ, въ самомъ дѣлѣ, становится незавиднымъ, вслѣдствіе невозможности конкурировать съ иностраннимъ привозомъ хлѣба, въ особенности изъ Америки. Неудовольствіе распространилось далѣе и на ближе заинтересованные классы, и консерваторы, видя это, рѣшились основать на этой почвѣ политич. своей партіи.

Кстати, консерваторамъ не доставало, въ послѣднее время, лозунга; представлявшагося случая нельзя было упустить. Торійскій журналъ „Quarterly Review“ открылъ походъ проведеніемъ контраста между мрачными перспективами англійской свободной торговли и блестящими успѣхами протекціонистской Америки. Практическій результатъ этой агитаціи не заставилъ себя ждать. Въ началѣ сентября, въ сѣверномъ Линкольнширѣ происходили выборы новаго члена парламента, и консервативный кандидатъ, поднявшій знамя протекціонизма, безъ труда прошелъ, при поддержкѣ земледѣльче-

скихъ избирателей. Та же политика была съ успѣхомъ примѣнена и на другихъ выборахъ; нѣкоторые изъ консерваторовъ открыто провозгласили старую покровительственную систему, которая довела, въ свое время, бѣднѣйшіе классы въ Англіи до послѣдней степени нищеты. Теперь система эта окрещена именами „взаимности“ и „справедливой торговли“, подъ которыми подразумѣвается возмездіе тѣмъ странамъ, которыя, не придерживаясь у себя принципа свободной торговли, пользуются выгодами, которыя она представляетъ имъ въ сношеніяхъ съ Англіей, будто бы въ ущербъ этой послѣдней. Затрудненія, возникшія между Англіей и Франціей, по поводу возобновленія торговаго договора, дали новую пищу этой пропагандѣ „взаимности“.

Чарльсъ Дилъкъ заявилъ въ палатѣ, что англійское правительство предложило продлить договоръ на три мѣсяца, чтобы дать себѣ время обсудить сдѣланныя Франціей предложенія относительно пошлинъ на нѣкоторые товары. Франція не приняла предложенія, и переговоры были прерваны. Между тѣмъ, срокъ договора истекалъ 5-го ноября, и англійскіе фабриканты находились въ тревогѣ, не зная, подпадутъ ли закупленные у нихъ французскими купцами товары подъ общія французскія пошлины, или не подпадутъ. Въ это время фэтредерская (fair trade, справедливая торговля) агитація и дѣлала свое дѣло. Между тѣмъ, препятствія, встрѣтившіяся къ заключенію договора, были устранены, и Франція согласилась продлить его, подъ условіемъ, чтобы предварительная конвенція была подписана до 5-го ноября. Переговоры возобновились, и фэтредерская лига принялась громко скорбѣть объ отсталости англійской торговой системы отъ требованій времени. Ораторы этой лиги значительно расходились во взглядахъ; но въ одномъ они всѣ были согласны между собой: это въ необходимости установить пошлину на пшеницу. Фэтредеры стараются увѣрить, что рабочіе раздѣляютъ ихъ взглядъ; но вотъ, что имъ возражаютъ въ „Nineteenth Century“, въ статьѣ, написанной, очевидно, съ точки зрѣнія рабочихъ: „Еслибы оказалось, что протекціонистская система способна облегчить положеніе фермеровъ, то, конечно, къ ней слѣдовало бы прибѣгнуть. Но ближайшимъ послѣдствіемъ было бы увеличеніе лэндлордами ренты и вздорожаніе хлѣба. Тогда пришлось бы расширить протекціонистскую систему и на другія отрасли промышленности, иначе народъ сталъ бы голодать на пользу фермеровъ; а разъ мы вступили бы на дорогу всеобщаго протекціонизма, то трудно и предсказать, гдѣ бы могли остановиться“. Впрочемъ, громче всего говорятъ противъ предлагаемой системы факты: огромное уменьшеніе пауперизма съ тѣхъ поръ, какъ Англія отказалась отъ протекціонизма, и срав-

нительное пониженіе цѣнъ на сѣятные припасы. Англійскіе рабочіе слишкомъ близко заинтересованы въ этомъ вопросѣ, чтобы увлечься пустыми теоріями.

Вопросъ о протекціонизмѣ обсуждался также и въ ученыхъ собраніяхъ. Въ собраніи экономическаго отдѣла британской ассоціаціи, профессоръ Леви подробно разобралъ отношенія англійской свободной торговли къ протекціонизму другихъ странъ. Онъ совѣтовалъ сравнить иностранные тарифы во времена, предшествовавшія въ Англіи введенію Робертомъ Пилемъ свободы торговли, съ тарифами настоящаго времени. Прогрессъ очевиденъ, пошлины на привозные товары понижены до самаго малаго процента, и если онѣ не отменены совершенно, то этому мѣшаютъ затруднительныя финансовыя дѣла другихъ государствъ, войны и пр., не позволяющія имъ урѣзывать свои доходы. Противъ жалобъ на то, что отпускъ въ Англію не увеличивается соразмѣрно съ привозомъ, Леви ссылался на дурные урожаи, заставлявшіе Англію закупать за границей огромное количество хлѣба. Но если сравнить большіе періоды времени, то результатъ получится обратный. Профессоръ утверждалъ, что Англія приноситъ огромную выгоду каждый шагъ въ прогрессу, дѣлаемый другими странами, и что она должна подавать имъ собою примѣръ свободы. Еще полнѣе былъ разработанъ этотъ вопросъ на сѣздѣ общества социальныхъ наукъ, гдѣ профессоръ Прайсъ противопоставилъ фертредерамъ свой научный авторитетъ. „Торговля,—сказалъ онъ,—есть равный обмѣнъ продуктовъ; что бы мы ни приобрѣтали за границей, мы ожидаемъ за это что-нибудь и съ своей стороны. Стало быть, если мы приобретаемъ больше, чѣмъ отдаемъ, то этотъ излишекъ составляетъ нашу чистую прибыль. Нельзя не жалѣть людей, страдающихъ отъ застоя въ какой-нибудь отрасли торговли; но вводить для нихъ протекціонизмъ, значить, облагать всю Англію постояннымъ налогомъ въ ихъ пользу“.

Всѣ эти аргументы не новы, и если мы снова слышимъ ихъ, то причиной тому дѣйствительно печальное положеніе англійскаго земледѣлія, давшее поводъ къ фертредерской агитаціи. При настоящихъ условіяхъ, земледѣліе въ Англіи не можетъ существовать, и, какъ съ сѣвера, такъ и съ юга, раздаются отчаянные голоса фермеровъ. Непосредственною причиною ихъ бѣдствій служатъ погода и неурожай послѣднихъ годовъ; но послѣднюю роль въ этихъ бѣдствіяхъ играютъ также и дурные законы, установившіе отношенія между фермерами и землевладѣльцами. Наглядной иллюстраціей къ положенію дѣлъ можетъ служить тотъ фактъ, что засѣянное пшеницей пространство земли въ Англіи было въ 1880 г. на 591,000 акровъ менѣе, нежели въ 1870 г. Въ сѣверной Шотландіи началась

уже серьезная агитація противъ законовъ о землевладѣніи, и комитетъ союза фермеровъ постановилъ выработать проектъ земельного закона для Англіи и послать депутацію къ Гладстону. Составители проекта позаимствовались у ирландскаго земельного закона, но въ принципѣ проектъ этотъ вовсе не такой революціонный, какъ иные его считаютъ. Онъ представляетъ, напротивъ того, полныя гарантіи для землевладѣльца противъ нарушенія или извращенія контракта въ ущербъ его интересамъ. Но фермеру предоставляется право продавать улучшения, сдѣланныя имъ на фермѣ. Если между лэндлордомъ и фермеромъ не состоится соглашенія на счетъ ренты, которую долженъ платить покупатель, то они обращаются къ земскому суду, который устанавливаетъ ренту на семь лѣтъ. Слово „улучшенія“ не допускаетъ въ этомъ проектѣ никакихъ недоразумѣній: подъ нимъ подразумѣвается все то, „что поднимаетъ цѣнность фермы“. Любопытно сравнить начало этой агитаціи въ Англіи съ начинаніями ирландской аграрной лиги. Но если въ Англіи дѣло обходится безъ всякихъ насилій, то это объясняется тѣмъ, что англичане, въ противоположность несчастнымъ ирландцамъ, привыкли къ мысли, что имъ достаточно выразить свои желанія, чтобы найти себѣ поддержку въ общественномъ мнѣніи, которое принудитъ законодателей обратить вниманіе на эти желанія.

Показавъ темную сторону настоящаго экономическаго положенія Англіи, слѣдуетъ показать и свѣтлую. Данныя для этой послѣдней я заимствую у лорда Дерби, который въ одной изъ своихъ недавнихъ рѣчей энергически возражалъ пессимистамъ, утверждающимъ, что торговое могущество Англіи есть дѣло прошлаго. „Развѣ мы обѣднѣли? спрашивалъ благородный лордъ. Загляните въ книги сберегательныхъ банковъ. Въ 1870 г. въ нихъ стояло 53 милліона, а въ 1880 г.—почти 78 милліоновъ. Или, взгляните на статистику пауперизма: въ 1870 г. въ Англіи и княжествѣ Уэльсомъ числилось 1,079,000 бѣдныхъ, получавшихъ пособіе, а въ 1880 г. это число уменьшилось почти на четверть милліона, несмотря на увеличеніе населенія. Еще лучшимъ доказательствомъ служитъ цифра доходовъ, подлежащихъ обложенію подоходнымъ налогомъ. Цифра эта возростала въ данное десятилѣтіе среднимъ счетомъ на 13,000,000 въ годъ.“ На основаніи всѣхъ этихъ фактовъ, лордъ Дерби не хочетъ и слушать тѣхъ, кто, ссылаясь на сравнительныя цифры привоза и отпуса, увѣряетъ, будто Англія живетъ теперь не на проценты, а на капиталъ.

Изъ ежегодныхъ конгрессовъ, которыми такъ богато это время года въ Англіи, ни одинъ не возбудилъ такого живого интереса, какъ конгрессъ рабочихъ союзовъ. Одобреніе и участіе, съ которыми

отнеслись къ нему публика и печать, составляютъ любопытный контрастъ съ предрассудками противъ рабочихъ союзовъ, господствовавшими нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Рабочіе союзы легализированы въ Англіи только съ 1871 г., и поворотъ, происшедшій въ такое короткое время во взглядахъ англичанъ на эти организаціи, громко свидѣтельствуетъ объ успѣхахъ, сдѣланныхъ англійской демократіей и вообще о политическомъ прогрессѣ Англіи. При открытіи конгресса присутствовало болѣе 150 делегатовъ, въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ. Засѣданіе было открыто рѣчью временнаго президента, предѣлительствующаго въ такъ называемомъ „парламентскомъ“ комитетѣ рабочихъ союзовъ. Онъ сдѣлалъ обзоръ практической дѣятельности рабочихъ союзовъ. „Рабочіе,—сказалъ онъ,—пользуются теперь такою долей прямого политическаго вліянія, что имъ слѣдуетъ заботиться не о расширеніи, а только о правильномъ употребленіи его. Когда является надобность въ какомъ-нибудь законѣ или въ указаніи на недостатки законодательства, то на парламентскомъ комитетѣ лежитъ обязанность обращать на это вниманіе правительства и парламента, причемъ требованія рабочихъ всегда выслушиваются внимательно“. Спикеръ предостерегалъ рабочихъ не вдаваться въ борьбу партій и не упускать изъ вида главной цѣли своей организаціи—защиты интересовъ промышленныхъ классовъ. Рабочіе союзы уже многое сдѣлали; много золъ, тяготѣвшихъ, 20 лѣтъ тому назадъ, надъ англійскою промышленностью, устранены ихъ усиліями. Но передъ ними остается еще не мало задачъ. Какъ на одну изъ главныхъ, спикеръ указалъ на необходимость оградить рабочихъ отъ опасностей, которыми они слишкомъ часто подвергаются по небрежности нанимателей. Онъ прибавилъ, что выжидательная политика, которой принуждены были слѣдовать до сихъ поръ вожди рабочихъ, вслѣдствіе своей слабости, должна быть покинута и замѣнена „политикою дѣятельнаго почина, подкрѣпляемою соответствующею силой“. Вотъ, какъ смѣло заявляютъ теперь свою волю, въ Англіи такъ называемые низшіе классы, не возбуждая ни негодованія, ни насмѣшекъ.

Первымъ дѣломъ конгресса рабочихъ было изъясненіе негодованія по поводу покушенія на жизнь президента Гарфильда и осужденіе всякаго рода политическихъ убійствъ. Затѣмъ былъ прочтенъ докладъ комиссіи за истекшій годъ, который ознаменовался для рабочихъ однимъ важнымъ событіемъ:—введеніемъ въ правительственную систему непосредственнаго представителя рабочихъ. На должность помощника инспектора фабрикъ и мастерскихъ назначенъ рабочій по профессіи. До сихъ поръ къ государственной службѣ были доступъ только сыновья аристократіи и высшей буржуазіи,

стало бытъ фактъ этотъ открываетъ путь къ новому порядку вещей. Во второмъ засѣданіи, спикеръ сдѣлалъ обзоръ настоящаго положенія рабочихъ союзовъ, которое, по его словамъ, „можетъ не быть болѣе только оборонительнымъ“. Парламентская дѣятельность признается рабочими не совсѣмъ удовлетворительною. Реформа важныхъ уголовныхъ законовъ остановилась въ послѣдніе два года, и нѣкоторые изъ нихъ примѣняются опаснымъ для политической свободы способомъ. Въ особенности совѣтовалъ спикеръ настаивать на отмѣнѣ закона о заговорахъ, обратившаго на себя въ послѣднее время вниманіе рабочихъ, въ виду сдѣланныхъ правительствомъ попытокъ возстановить его силу въ Ирландіи. Приводитъ цѣликомъ часть этой рѣчи, показывающую, какимъ духомъ воодушевлены въ Англіи рабочіе классы. „Между нами нѣтъ ни одного, который не былъ бы близко знакомъ съ ужаснымъ зрѣлищемъ нищеты, рядомъ съ самою безпутною роскошью, и у котораго не наболѣло бы сердце отъ этого зрѣлища. Мы не революціонеры, но мы намѣрены требовать, чтобы парламентъ и правящіе классы не ставили препятствій къ полному освобожденію рабочихъ“. Коснувшись протекціонистскаго движенія, ораторъ объявилъ, что рабочіе классы не поустятъ возстановленія этой старой системы. „Я не думаю, чтобы эта опасность существовала. Еслибы она явилась, тогда для рабочихъ пришла бы пора дѣйствовать. Въ такомъ случаѣ они заявили бы противъ возстановленія этой системы такое рѣшительное вѣто, что никакое правительство не нашло бы возможнымъ пренебречь имъ. Существуютъ и другія причины, стѣсняющія промышленный прогрессъ, и одна изъ главныхъ—земельные законы. Починъ, сдѣланный въ Ирландіи, не позволяетъ оставить безъ вниманія Англію и Шотландію. Но еще важнѣе вопросъ, допускать ли рабочимъ на будущее время войны съ другими народами для расширенія и поддержанія нашей имперіи? Если англійскіе рабочіе стоятъ за свою собственную независимость, то они должны стоять и за независимость другихъ рабочихъ и другихъ націй. Войны, мало того, что разоряютъ рабочіе классы и усиливаютъ нищету, но и оказываютъ глубоко деморализирующее вліяніе на народы. Нѣтъ худшаго преступленія, какъ война!“ Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшимъ преніямъ, конгрессъ поручилъ своему постоянному комитету провѣрить полномочія присутствующихъ делегатовъ. По программѣ комитета, въ конгрессѣ имѣли право участвовать только тѣ делегаты, которые получали средства на свое содержаніе отъ рабочихъ союзовъ, а не отъ постороннихъ лицъ или учреждений. На слѣдующій день, комитетъ, отдавая отчетъ въ исполненномъ порученіи, объявилъ, что въ конгрессѣ участвуютъ 157 делегатовъ, служащихъ представителями 123 рабочихъ союзовъ, имѣю-

щихъ 463,689 членовъ. Изъ этого числа, пять делегатовъ, какъ признано комитетомъ, не обладаютъ надлежащими полномочіями и получаютъ содержаніе отъ фэртредерской лиги. Это возбудило бурю, и виновные были призваны къ отвѣту. Нѣкоторые изъ нихъ смѣло объявляли, что они дѣйствительно члены фэртредерской лиги, желавшіе доказать рабочимъ основательность ея принциповъ. Очевидно, фэртредеры думали воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы показать, что рабочіе на ихъ сторонѣ. Сборомъ голосовъ рѣшено было исключить фэртредеровъ. Въ слѣдующее засѣданіе, пренія были внезапно прерваны вторженіемъ двоихъ изъ изгнанныхъ делегатовъ. Многие изъ членовъ хотѣли тотчасъ же силой выпроводить ихъ, но вожаки, не желая ронять достоинство конгресса въ глазахъ публики, предложили обратиться къ административнымъ властямъ. Выѣшавшаяся въ дѣло полиція рѣшила дѣло очень просто. Конгрессъ засѣдалъ въ частномъ домѣ, а въ частныхъ домахъ никто не въ правѣ вторгаться насильно. Вслѣдствіе этого, виновниковъ безпорядковъ просто-напросто вывели на улицу, поставивъ у дверей надежныхъ сторожей. Публика осталась очень довольна тѣмъ, что конгрессъ вышелъ изъ этого затрудненія, не скомпрометтировавъ себя. Дальнѣйшія пренія его продолжались безъ всякихъ перерывовъ, и онъ разошелся, принявъ нѣсколько резолюцій. Одною изъ нихъ требовалось допущеніе представителей рабочихъ въ палату общинъ; другою осуждался существующій законъ въ Англіи и Шотландіи, „какъ противный интересамъ народа, удаляющій земледѣльца отъ земли, уменьшающій производительность и ставящій націю въ зависимость отъ иностраннаго привоза“.

Двухдневное пребываніе Гладстона въ Лидсѣ дало поводъ къ шумнымъ политическимъ демонстраціямъ. Восторженный пріемъ, сдѣланный премьеру въ этомъ городѣ, превзошелъ даже оваціи, которыя дѣлаются въ подобныхъ случаяхъ королевѣ. Шесть рѣчей, произнесенныхъ Гладстономъ въ Лидсѣ, полны содержанія. Онѣ представляютъ подробный отчетъ въ дѣйствіяхъ правительства и даютъ ясныя указанія на его будущую политику. Одна изъ рѣчей была исключительно посвящена ирландскимъ дѣламъ, и въ ней ясно проглядывало раздраженіе, въ которое привелъ премьера образъ дѣйствій вожаковъ аграрной лиги относительно земельного закона. Но прежде, чѣмъ мы передадимъ сущность этихъ рѣчей, не мѣшаетъ бросить взглядъ на положеніе дѣлъ въ Ирландіи, со времени утвержденія земельного билля. Въ общемъ, въ чувствахъ этой страны замѣчались два противоположныхъ направленія: одна часть фермеровъ, очевидно, была склонна воспользоваться выгодами новаго закона, но прекращенію непріязненныхъ дѣйствій противъ правительства мѣ-

шло раздраженіе, по случаю произведенныхъ арестовъ въ силу охранительнаго закона,—раздраженіе, доведенное теперь до крайняго предѣла внезапными строгостями правительства. Люди компетентные не сомнѣвались, что примѣненіе новаго закона не замедлитъ принести хорошіе плоды. На сходку аграрной лиги, происшедшую въ Коркѣ, 27-го августа, тотчасъ послѣ утвержденія закона королевой, собралось не болѣе 50 человекъ, вмѣсто 200 или 300, какъ бывало прежде, и фермеровъ между ними было очень мало. То же самое замѣчалось и на другихъ сходкахъ. Но еще болѣе важнымъ признакомъ успѣха земельного закона служили выборы въ Тайронѣ, на мѣсто выбывшаго члена парламента, Литтона. Изъ трехъ кандидатовъ; консерватора, либерала и кандидата лиги,—прошелъ либераль, несмотря на личное участіе Парнелли въ агитаціи противъ этого кандидата; этотъ примѣръ былъ тѣмъ болѣе знаменателенъ, что до того времени Тайронъ служилъ оплотомъ консерватизма. Въ Ольстерѣ, на сходкѣ делегатовъ ассоціаціи фермеровъ, было предложено добросовѣстно испытать новый законъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ было выражено мнѣніе, что пора бы освободить заключенныхъ. На это Форстеръ отвѣтилъ, что положеніе дѣлъ въ Ирландіи еще не настолько удовлетворительно, чтобы дозволить отмѣну охранительнаго билля. Вскорѣ послѣ того, собрался конклавъ ирландскихъ епископовъ, одобрившій земельный билль и пригласившій ирландскій народъ принять его. Но и епископы требовали освобожденія арестованныхъ, какъ мѣры „способной содѣйствовать замиренію страны“.

Положеніе правительства было затруднительно. Хотя, съ одной стороны, освобожденіе арестованныхъ, несомнѣнно, увеличило бы шансы земельного закона противъ аграрной лиги, но, съ другой,—въ виду угрозъ лиги, правительство не могло уступить, не роняя своего достоинства. Тактика лиги, повидимому, къ тому и клонилась, чтобы помѣшать правительству удовлетворить общественному мнѣнію и тѣмъ окончательно подорвать его вліяніе. Нѣкоторые изъ дублинскихъ узниковъ были, однако, освобождены, въ томъ числѣ Диллонъ и одинъ изъ патеровъ. Но рѣчи, которыя они стали говорить, вслѣдъ затѣмъ, на сходкахъ, доказали, что они далеки отъ примиренія съ правительствомъ.

Какъ эти, такъ и другіе факты доказали самымъ очевиднымъ образомъ бесплодность примѣненія принудительнаго закона въ Ирландіи. Въ августѣ, число аграрныхъ преступленій значительно возросло. Система насилій и террора распространилась на всю страну, положеніе которой сдѣлалось самымъ безотраднымъ. Но аграрная лига, отвѣтственная въ значительной мѣрѣ въ такомъ положеніи дѣлъ, считала его неизбѣжнымъ зломъ, ведущимъ къ полному освобожденію

Ирландія. Впрочемъ, одобрителное отношеніе фермеровъ къ земельному закону сдѣлалось настолько яснымъ, что сама лига не рѣшалась прямо предложить отвергнуть этотъ законъ. На конвентѣ лиги, собравшемся въ Дублинѣ, въ половинѣ сентября, подъ предсѣдательствомъ Парнелля, были предложены слѣдующія резолюціи: конвентъ обязывается вести борьбу за національное самоуправленіе; принудительный законъ осуждается; ирландскій народъ долженъ остаться вѣрнымъ принципамъ лиги; фермеры не должны обращаться къ земскому суду, пока комитетъ лиги не сдѣлаетъ имъ испытанія, представивъ на ихъ разсмотрѣніе нѣсколько тяжбъ по собственному выбору. Парнелль пояснилъ, что онъ предлагаетъ не пользоваться закономъ, а только испытать его. Онъ былъ увѣренъ, что законъ Гладстона не выдержитъ этого испытанія, и предостерегалъ фермеровъ, чтобы они не довѣряли правительству, главная цѣль котораго состоитъ будто бы въ томъ, чтобы уничтожить ихъ организацію. Кто-то покусился внести предложеніе совсѣмъ не заниматься земельнымъ закономъ; однако, это предложеніе было отклонено внушительнымъ большинствомъ. Словомъ, результатъ конвента ясно показалъ, что люди лиги, при всемъ своемъ желаніи прямо отвергнуть земельный билль, не рѣшаются сдѣлать это, несмотря даже на настоянія американскихъ ирландцевъ, грозившихъ, въ противномъ случаѣ, отнять у лиги свою весьма существенную денежную помощь. Въ успокоеніе ихъ Парнелль и старался увѣрить, что лига принимаетъ земельный законъ лишь съ тѣмъ, чтобы доказать его несостоятельность. Онъ развивалъ эту мысль въ нѣсколькихъ рѣчахъ, которыя онъ произнесъ во время своего послѣдняго путешествія по Ирландіи, ознаменовавшагося повсюду восторженными оваціями, свидѣтельствовавшими объ его популярности.

Несмотря на всѣ усилія лиги, можно напередъ предсказать, что съ открытіемъ земскихъ судовъ, фермеры не преминутъ обратиться къ ихъ содѣйствію. Лига далеко не такъ сильна, чтобы помѣшать имъ воспользоваться предлагаемыми выгодами. Покуда еще трудно предсказать, къ чему поведетъ смѣлый шагъ, который сдѣлало правительство арестомъ Парнелля, — всѣми предвидѣннымъ послѣ прощаннаго намека, который сдѣлалъ Гладстонъ, въ одной изъ своихъ рѣчей, въ Лидсѣ. Говоря о лигѣ, онъ назвалъ ее воплощеніемъ вражды, враждебныхъ закону и порядку, но прибавилъ, что многие изъ ея членовъ и даже отдѣловъ, безъ сомнѣнія, имѣютъ въ виду разумныя и законныя цѣли. Гладстонъ съ похвалою отзывался о Диллонѣ, отдавая справедливость искренности его убѣжденій; о Парнеллѣ же онъ говорилъ съ видимымъ раздраженіемъ. Первый министръ провелъ контрастъ между настоящимъ вождемъ аграрной

лиги и О'Коннелемъ. Онъ назвалъ теорію Парнелля „теоріей грабежа“, и осуждалъ его за то, что онъ никогда не возражалъ противъ пропаганды убійствъ, которую ведетъ ирландская печать въ Америкѣ. Парнелль не посмѣлъ противиться земельному закону въ парламентѣ, зная, что сама лига возстала бы за это противъ него, и предпочелъ тайно подкапываться подъ этотъ законъ. „Если нарушенія закона въ Ирландіи не прекратятся, сказалъ въ заключеніе Гладстонъ, то средства цивилизаціи еще не истощились, и правительство до конца исполнить свой долгъ“. Характеръ отвѣта Парнелля на эти обвиненія не трудно было предугадать; труднѣе было предсказать, какъ отвѣтитъ Диллонъ на сдѣланный ему комплиментъ. Диллонъ отплатилъ за него безусловнымъ одобреніемъ политики Парнелля и удивленіемъ искусству Гладстона извращать факты. „Репутація политической честности, сказалъ онъ, которою пользуется первый министръ, есть репутація ложная“. Съ своей стороны, и Парнелль не замедлилъ отвѣтитъ на обвиненія перваго министра. „До сихъ поръ, сказалъ онъ, Гладстонъ старался всѣхъ увѣрить въ своей гуманности и ненависти къ деспотизму, но теперь онъ самъ является передъ нами, какъ величайшій изъ деспотовъ, и какъ убійца ирландскаго народа. Онъ сбросилъ съ себя личину и готовъ идти съ огнемъ и мечомъ противъ ирландской націи, чтобы заставить ее склониться передъ нимъ и передъ лэндлордами. Онъ называетъ нашу теорію теоріей грабежа; но кто первый ограбилъ Ирландію, какъ не предки тѣхъ самыхъ людей, которыхъ онъ поддерживаетъ теперь своими штывками?“

Въ другихъ своихъ рѣчахъ въ Лидсѣ, Гладстонъ подробно анализировалъ экономическіе вопросы, волнующіе въ настоящее время Англію и побѣдоносно опровергъ теоріи фэртредеровъ. Удовлетворяя желанію своихъ слушателей узнать, на чемъ остановились переговоры съ Франціей о торговомъ договорѣ, первый министръ призналъ, что договоръ 1860 г. не далъ тѣхъ результатовъ, которыхъ отъ него ожидали, но онъ въ огромной мѣрѣ увеличилъ торговый обмѣнъ между двумя странами и оказалъ не маловажное вліяніе на законодательство другихъ странъ. Гладстонъ не вѣдалъ предсказать, будетъ ли возобновленъ этотъ договоръ, но увѣрилъ слушателей, что, какъ бы ни были велики его выгоды, правительство Англіи не принесетъ имъ въ жертву основныхъ принциповъ англійской торговли. „Договоръ, прибавилъ онъ, если онъ состоится, ни въ какомъ случаѣ не будетъ договоромъ ретрограднымъ“. Возражая протекціонистамъ, представляющимъ въ мрачномъ свѣтѣ положеніе англійской торговли, премьеръ указалъ на то, что въ 1880 г. доля участія Англіи въ всемірной торговлѣ составляла 698.000,000 фунт. ст., и въ самомъ худшемъ изъ послѣднихъ годовъ она не опускалась ниже 612.000,000,

при населеніи въ 35.000,000 душъ; тогда какъ доля участія германской имперіи во всемірной торговлѣ, при населеніи въ 40.000,000 душъ, не превышала 370.000,000. Доля Соединенныхъ-Штатовъ, при населеніи въ 50.000,000 душъ, составляла всего 239.000,000, изъ которыхъ огромную часть далъ отпускъ хлѣба въ Англію. Такимъ образомъ, отпускъ этой послѣдней страны превышалъ отпускъ обоихъ названныхъ государствъ.

Говоря объ иностранной политикѣ, Гладстонъ коснулся послѣдняго кризиса въ Египтѣ и встрѣтившихся затрудненій въ трансваальскомъ вопросѣ, вслѣдствіе возраженія боэровъ противъ нѣкоторыхъ пунктовъ новой конвенціи. Премьеръ не далъ ключа къ будущей политикѣ Англіи въ этихъ вопросахъ, увѣривъ только, что правительство не пожертвуетъ достоинствомъ своей страны. Будущую внутреннюю программу своего правительства Гладстонъ охарактеризировалъ слѣдующимъ образомъ: твердость въ ирландскомъ вопросѣ; пересмотръ англійскихъ земельныхъ законовъ и реформа подробностей парламентской процедуры. Таковы общіе выводы изъ этихъ политическихъ заявленій Гладстона, на которыя торійская партія не замедлила отвѣтить устами лорда Сольсбери и Норскота.

Туманный намекъ премьера на „неистощившіяся средства цивилизаціи“ очень скоро разъяснился. 12-го октября собрался совѣтъ министровъ, и на слѣдующее утро былъ объявленъ одинъ изъ результатовъ его совѣщанія—арестъ Парнелла, заключеннаго въ дублинскую тюрьму, вмѣстѣ съ другими „подозрительными“ лицами. Событіе это было объявлено лондонцамъ самимъ Гладстономъ, среди весьма торжественной обстановки. Донесеніе объ арестѣ главнаго вождя лиги застало премьера въ лондонской ратушѣ, куда онъ былъ приглашенъ для принятія адреса отъ старшинъ лондонской Сити. Когда онъ объявилъ собранію объ этой мѣрѣ, въ залѣ раздался взрывъ рукоплесканій, повторявшійся послѣ каждой фразы перваго министра, когда онъ объяснялъ причины, заставившія его прибѣгнуть къ этой строгости. Политическія разногласія были на минуту позабыты, и люди всѣхъ партій привѣтствовали энергическую политику правительства дружнымъ одобреніемъ. Этотъ фактъ чрезвычайно знаменателенъ, онъ показываетъ, что, относительно Ирландіи, въ Англіи не существуетъ различія мнѣній.—G. R. G.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

ГЕРМАНИЯ НАКАНУНѢ ВЫВОРОВЪ.

Тяжелый внутренний кризисъ переживаетъ въ настоящую минуту сосѣдняя съ нами Германія. Все стало въ ней вопросомъ за послѣднее время: ея политическое устройство, экономическій и общественный строй, наконецъ область религій и морали. На нашихъ глазахъ въ многочисленныхъ частяхъ этой страны происходитъ частью скрытая и незамѣтная, частью явная внутренняя работа, исходъ которой трудно предвидѣть теперь, но которая несомнѣнно должна вывести ее на новую дорогу. За это ручается высокая степень германской образованности, тотъ богатый запасъ идей, знаній и опыта, накопленныхъ прежними и нынѣшними поколѣніями и которыми пропитана историческая почва Германіи. Но новая дорога, на которую должна она выйти, раскроется передъ нею лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ; ея очертанія пока еще не видны, или видны смутно и гадательно, сквозь густой туманъ, которымъ покрыто настоящее страны. Туманъ этотъ такъ густъ и непроницаемъ въ данную минуту, что прочность самыхъ лучшихъ новѣйшихъ пріобрѣтеній европейской политической жизни подвергается теперь въ Германіи тревожнымъ сомнѣніямъ, и даже раздаются голоса въ пользу грубой реакціи и искусственнаго возвращенія къ безправнымъ временамъ абсолютизма.

Нашъ берлинскій корреспондентъ охарактеризовалъ недавно ¹⁾ политическія партіи, на которыя распадается современная Германія, и относительное положеніе ихъ въ странѣ. Мы поэтому не будемъ возвращаться къ нимъ, и только укажемъ на крайнюю разрозненность политическихъ кружковъ въ нынѣшней Германіи. Эта крайняя разрозненность дѣлаетъ возможнымъ лишь такое парламентское большинство въ германскомъ народномъ представительствѣ, какое удастся искусственно составить центральной власти, которое измѣняется изо дня въ день, смотря по характеру обсуждаемыхъ въ рейхстагѣ вопросовъ. Она же вызываетъ вмѣшательство сверху, очень близкое къ диктатурѣ. Дѣло дошло до того, что въ настоящее время самое существованіе германскаго парламентаризма, самая пригодность послѣдняго и его способность удовлетворять нужды страны стала во-

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“, октябрь.

просомъ дня, о которомъ спорятъ между собою солиднѣйшіе органы германской печати. Это ли еще не кризисъ, когда подвергаются сомнѣнію коренныя основанія государственнаго устройства, и органы власти, опираясь на свое вліятельное положеніе, ссылаясь на невозможность сдѣлать что-нибудь въ пользу народа при существованіи парламентской системы, бросаютъ либеральнымъ партіямъ въ лицо рѣзкіе упреки въ неспособности и непригодности парламентскихъ формъ для осуществленія ближайшихъ и настоятельнѣйшихъ задачъ народной жизни? Развѣ возможно что-нибудь подобное въ Англіи, во Франціи или въ Италіи?

Пруссійскій парламентаризмъ, господствующій въ Германіи уже потому, что въ ней господствуетъ Пруссія, дѣйствительно во многомъ провинился передъ страной. Онъ узокъ, педантиченъ, сухъ, онъ умѣлъ на минуту поступиться своимъ доктринерствомъ послѣ крупныхъ побѣдъ 1866 и 1870 годовъ, но для того, чтобы снова подпасть тому же доктринерству, стоящему за букву права больше, чѣмъ за духъ его, за шаблонно понятые интересы средняго класса больше, чѣмъ за общіе интересы народныхъ массъ, а слѣдовательно и всей страны. За это онъ и несетъ теперь тяжелую кару. Въ томъ видѣ, въ какомъ онъ до сихъ поръ являлся странѣ, ему предстоитъ одно изъ двухъ: или измѣнить кореннымъ образомъ свои цѣли и стремленія, или сойти со сцены. Положеніе его тѣмъ труднѣе, чѣмъ исключительнѣе тѣ реальныя условія, среди которыхъ была введена парламентская система въ Германской имперіи. Введеніе конституціонной свободы совпало въ Германіи съ установленіемъ государственнаго единства послѣ большихъ внѣшнихъ войнъ, естественно выдвинувшихъ на первый планъ диктаторскіе таланты и силы руководителей внѣшней политики и военнаго дѣла. Глубокое противорѣчіе таилось въ этомъ совпаденіи. Странѣ пришлось мечомъ добиваться національнаго объединенія, а мечъ всегда требуетъ сильной руки, сильной военной и диктаторской власти, которая не легко уживается съ парламентской системой. Пруссійскій и имперскій парламентаризмъ въ Германіи явился, такимъ образомъ, результатомъ компромисса, нѣкотораго рода сдѣлки между диктатурой, выдвинутой на первый планъ удачными войнами, и общественными стремленіями къ конституціонной жизни. Разумѣется, каждое изъ этихъ двухъ наличныхъ условій политической жизни старалось дѣлать другому какъ можно меньше уступокъ, и перевѣсъ не могъ не остаться на сторонѣ сильнѣйшаго изъ нихъ.

Вотъ это часть моя, по договору;

Вотъ это мнѣ, какъ льву, принадлежитъ безъ спору—

вотъ что, и прямо, и косвенно говорилъ кн. Бисмаркъ либераламъ послѣ побѣдъ при Кениггрецѣ и Седанѣ, послѣ чрезвычайнаго усиленія Пруссіи на счетъ Австріи, и ослабленія Франціи при помощи союза съ Россіей. Эти событія доставили ему совершенно самостоятельное положеніе въ Европѣ и въ Германіи, очень сходное съ положеніемъ Наполеона I во Франціи послѣ побѣдъ его въ Италіи, Германіи и Австріи. Сравнивая этихъ двухъ выдающихся людей съ соблюденіемъ историческихъ пропорцій, мы видимъ ихъ въ одинаковой степени чуждыми и духу, и формамъ парламентской системы. Пока они на сценѣ, съ ними необходимо считаться, и считаться не мелочно, не педантски и доктринерски, причемъ можно только раздражать ихъ и проиграть дѣло: нужно противопоставлять ихъ диктаторскимъ наклонностямъ и замашкамъ живое и широкое пониманіе духа времени и его требованій.

Нѣмецкіе либералы ничего этого не сдѣлали. Выставленные ими таланты были слишкомъ слабы для борьбы съ талантомъ и самостоятельнымъ положеніемъ германскаго канцлера, передъ которымъ они же и воскурjali еніямъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, воскурjali и тогда, когда ему понадобилось формальное гоненіе на католиковъ и другія репрессивныя мѣры, и въ ту пору, когда онъ замышлялъ новую войну съ Франціей. Окончательный разладъ произошелъ только тогда, когда кн. Бисмаркъ выступилъ съ своимъ проектомъ застрахованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и органы его приняли на себя защиту памяти Лассалля. Со стороны либераловъ это было въ высшей степени неполитично и безтактно.

У германскаго канцлера, разумѣется, были при этомъ свои заднія мысли. Послѣ всего того, что онъ говорилъ и дѣлалъ, несомнѣнно, что онъ имѣлъ въ виду разложеніе прежнихъ партій, мѣшавшихъ его диктаторскимъ цѣлямъ. Но, во-первыхъ, его проектъ затрогивалъ одну изъ насущнѣйшихъ народныхъ потребностей, и притомъ въ духѣ того „государственнаго социализма“, который имѣетъ теперь многочисленныхъ сторонниковъ въ средѣ ученыхъ нѣмецкихъ экономистовъ; во-вторыхъ, доктринерское равнодушіе либераловъ къ положенію рабочаго класса могло только окончательно отшатнуть этотъ классъ отъ либеральной партіи и привлечь его на сторону канцлера. Замыкаясь въ свою конституціонную скорлупу, нѣмецкіе либералы отрѣшались отъ жизни и теряли почву подъ ногами. Они до того попали въ сѣти, разставленные имъ канцлеромъ, что въ настоящую минуту, передъ самыми выборами, серьезныя органы германской печати, вовсе не расположенныя въ пользу какой бы то ни было диктатуры, мимоходомъ высказываютъ такія вещи, которыя несомнѣнно

свидѣтельствуютъ о крайнемъ равнодушіи народа, разумѣется временною, къ конституціонному вопросу въ настоящемъ его видѣ.

Со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы на то, какъ трудно избирателямъ находить подходящихъ кандидатовъ. Многіе объясняютъ это обстоятельство тѣмъ, что члены германскаго рейхстага не получаютъ никакого вознагражденія за свои законодательныя работы, тогда какъ сессіи его бываютъ очень продолжительны. Отсутствие вознагражденія, при продолжительности сессій, дѣйствительно, не можетъ не имѣть вліянія на людей съ ограниченными матеріальными средствами. Оно отнимаетъ возможность принять депутатское званіе у всѣхъ, кто не имѣетъ обезпеченнаго состоянія и живетъ личнымъ трудомъ, въ томъ или другомъ его видѣ. Кн. Висмаркъ хорошо знаетъ это и упорно противится назначенію содержанія депутатамъ на время сессіи и пребыванія ихъ въ Берлинѣ. Но есть и болѣе глубокая причина тѣхъ затрудненій, съ которыми сопряжено для избирателей присланіе подходящихъ кандидатовъ. Парламентская дѣятельность, при настоящихъ условіяхъ Германіи, мало удовлетворяетъ самостоятельныхъ людей и многимъ кажется непривлекательной. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, что сессіи германскаго рейхстага приводятъ только къ усиленію разлада между партіями и отгѣнками партій, къ однимъ только отрицательнымъ результатамъ, горечь которыхъ обостряется еще и оскорбительнымъ отношеніемъ диктатора къ народному представительству.

Жалуются также на равнодушіе народа къ тому, что говорится и дѣлается въ стѣнахъ рейхстага. Несмотря на формально-введенную всеобщую подачу голосовъ, рейхстагъ остается какимъ-то экзотическимъ тепличнымъ растеніемъ, украшающимъ политическій строй Германіи только для вида. Въ жизни, на дѣлѣ, совершается только то, что угодно всемогущему канцлеру. Мысль соединить всѣ отгѣнки либеральныхъ партій въ одну „парламентскую оппозиціонную партію“ не нашла себѣ сочувствія ни въ обществѣ, ни въ народѣ. На нее отвѣчали, что кандидатъ, который вздумалъ бы предстать въ настоящее время передъ избирателями лишь въ качествѣ члена слитой во-едино парламентской оппозиціонной партіи, могъ бы заранѣе быть увѣренъ въ ожидающемъ его пораженіи. Не формальная оппозиція нужна теперь множеству избирателей, а новая программа, способная улучшить общее положеніе дѣлъ и указать странѣ выходъ изъ нынѣшняго запутаннаго и томительнаго состоянія шаткости даже и основныхъ условій государственной жизни. Пока нѣтъ ни такой программы, ни талантовъ, способныхъ создать ее, Германіи предстоитъ лишь переживать томительный процессъ умиранія старыхъ партій и дик-

таторскія попытки способствовать ихъ разложенію въ видахъ исключительно правительственныхъ.

Никакого другого значенія не имѣетъ та реакція, на которую справедливо жалуются теперь представители либеральныхъ партій въ Германіи. Прислушайтесь къ этимъ жалобамъ, и вы не откажете имъ въ нѣкоторой основательности. Да, какъ жаловался въ своей рѣчи къ берлинскимъ избирателямъ извѣстный депутатъ Ласкеръ, политическая борьба ведется теперь въ Германіи со стороны реакціи съ тѣмъ вопіющимъ пренебреженіемъ ко всякой справедливости, котораго каждый постыдился бы въ своей частной жизни, и которое считается совершенно позволительнымъ въ жизни политической. Да, все стало вопросомъ; но Ласкеръ отказывается понять, что многое въ силу вещей должно было стать вопросомъ. Онъ ужасается государственнаго вмѣшательства въ отношенія между хозяевами и рабочими, онъ дѣлитъ Германію на два лагеря: „на тѣхъ, кто доволенъ нынѣшнимъ развитіемъ культуры“, и „тѣхъ, кто недоволенъ настоящимъ положеніемъ“, и прямо относитъ себя и нѣмецкихъ либераловъ къ числу довольныхъ, предоставляя своему сопернику Штёкеру оставаться недовольнымъ. Онъ и не подозреваетъ, какое оружіе противъ либеральныхъ партій даетъ онъ въ руки реакціи подобными заявленіями. Рабочій вопросъ волнуетъ Германію; причинъ къ довольству вообще очень мало, и видный представитель нѣмецкаго либерализма объявляетъ во всеуслышаніе, что государство не должно ничего дѣлать для рабочаго класса, что надо быть довольнымъ тѣмъ, что есть. Реакція, конечно, отвѣчаетъ на это: нѣтъ, государство должно участвовать въ разрѣшеніи рабочаго вопроса, и только доктринеры могутъ быть особенно довольны соблюденіемъ однихъ формальныхъ условій парламентской жизни. Нельзя представить себѣ бѣлой путаницы въ относительномъ положеніи партій. Другой либераль, прогрессистъ Рихтеръ, прямо обвинялъ князя Бисмарка въ сочувствіи къ социаль-демократіи, даже къ извѣстному Мосту, недавно попавшему въ одну изъ лондонскихъ тюремъ за восхваленіе пареубійства. Рихтеръ даже увѣрялъ своихъ слушателей-избирателей, что социалистическое движеніе значительно усилилось именно вслѣдствіе рѣчей консерваторовъ и вслѣдствіе плановъ кн. Бисмарка. Онъ жаловался на то, что этимъ исполнѣ парализованъ извѣстный законъ, направленный противъ социалистовъ. Кн. Бисмаркъ, по мнѣнію Рихтера, одною рукой разрушаетъ то, что строитъ другою. Прогрессистамъ не нравится также смягченіе того суроваго режима, которому были подвергнуты католики. Пока законъ не измѣненъ формальнымъ порядкомъ, до тѣхъ поръ, говорятъ они, правительство не должно было смягчать его въ примѣненіи; но

еслибы подобный смягчающій проект былъ внесенъ въ рейхстагъ, то онъ навѣрное былъ бы отвергнутъ національ-либералами и прогрессистами, которые видятъ въ притѣсненіи католиковъ одну изъ основъ имперскаго могущества и единства. И въ этомъ вопросѣ тоже безвыходное положеніе, какъ и въ вопросѣ экономическомъ!

Есть что-то роковое, трагическое въ такомъ положеніи дѣлъ. Между прогрессистами есть люди способные, убѣжденные, искренніе. Но имъ приходится тратить свои способности и свою искренность на такія неблагодарныя задачи, какъ противодѣйствіе государственному вмѣшательству въ экономическія дѣла, — задачи, въ которыхъ они принуждены расходиться кореннымъ образомъ съ интересами народныхъ массъ. Въ виду новыхъ выборовъ они сглотились съ такъ-называемыми сецессионистами — тою фракціей національ-либераловъ, которая отошла отъ этой послѣдней партіи, испугавшись ея податливости въ отношеніи къ канцлеру. Они выставили изъ своей среды многочисленныхъ кандидатовъ. Но они открыто высказываютъ, что опираются на одинъ только средній классъ, въ немъ одномъ видятъ все государство, а въ дорогомъ ему формально-конституціонномъ порядкѣ, при которомъ государство поглощается среднимъ классомъ, „Bürgerthum“, единственный способъ къ удовлетворенію всѣхъ сложныхъ потребностей современной государственной жизни. Односторонность и устарѣлость этого взгляда составляетъ теперь силу кн. Бисмарка. И самъ онъ и его многочисленные органы не перестаютъ, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, взывать противъ такой односторонности къ народнымъ массамъ, не останавливаясь даже передъ грубой клеветой, давать имъ крупныя обѣщанія и выставять себя единственными защитниками ихъ заброшенныхъ интересовъ.

До чего доходило во время выборовъ взаимное раздраженіе между сторонниками правительства и бюргерскаго либерализма, можно судить по нѣкоторымъ образцамъ происходившей между ними полемики. Органы кн. Бисмарка прямо приписывали прогрессистамъ измѣну въ отношеніи къ императору и къ имперіи, обвиняая ихъ въ реноподданническихъ заявленіяхъ избирательнымъ шарлатанствомъ. „Прогрессисты относятся къ германской идеѣ, какъ ложная мать на Соломоновомъ судѣ, предпочитавшая погубить ребенка, чѣмъ видѣть его въ рукахъ другой“. Они будто бы „скрытые республиканцы“. Они нѣкогда отказывали правительству въ денежныхъ средствахъ по преобразованію арміи, и слѣдовательно противодѣйствовали будущимъ побѣдамъ Пруссіи надъ Австріей и Франціей. Самое содѣйствіе, оказанное ими правительству въ борьбѣ съ католической церковью, выставляется какъ содѣйствіе лживое и коварное, направлен-

ное къ тому только, чтобы свергнуть правительство въ новыя затрудненія. Эта грубая полемика не прекратилась и тогда, когда прогрессисты отвѣчали, что, по ихъ мнѣнію, королевская власть въ Пруссіи развивалась вмѣстѣ съ народомъ и ничѣмъ не можетъ быть поколеблена, что вредить ей можетъ только всемогущество какого-нибудь государственнаго человѣка въ родѣ кн. Бисмарка, что они хотятъ быть управляемы не такимъ министромъ-диктаторомъ, а именно Гогенцоллернами! И они очень кстати ссылались при этомъ на поступокъ одного жандарма, который угрожалъ закрыть сходку, критиковавшую дѣйствія канцлера. „Канцлеръ точно такъ же не долженъ подлежать критикѣ, какъ и коронованная особа“, заявилъ на сходкѣ угрожавшій жандармъ.

Вполнѣ понятно ожесточеніе прогрессистовъ противъ подобнаго образа дѣйствій. По всѣмъ свѣдѣніямъ, какія мы могли собрать, эта партія обнаружила передъ выборами лихорадочную дѣятельность и располагала большими средствами, чѣмъ когда-нибудь прежде. На ея сторонѣ были и раздраженіе недавними преслѣдованіями еврей. Утративъ значительную долю своего вліянія въ странѣ послѣ счастливыхъ войнъ съ Австріей и Франціей, прогрессисты старались теперь наверстать утраченное. Въ послѣднемъ рейхстагѣ ихъ партія имѣла всего только 26 представителей, вмѣсто прежнихъ 46-ти. Теперь они надѣются получить нѣкоторое подкрѣпленіе въ имперскомъ представительствѣ. Особенно работаютъ они въ Берлинѣ, чтобы привлечь на свою сторону столичныхъ избирателей. Они рассчитываютъ также и на поддержку приморскихъ городовъ, недовольныхъ протекціонистскими намѣреніями князя Бисмарка, и многихъ избирательныхъ округовъ южной Германіи, которая не перестаетъ тяготиться прусскимъ владычествомъ. Консерваторы, съ своей стороны, не щадятъ усилій, чтобы нанести имъ пораженіе въ столицѣ, нанимаютъ всякія свободныя помѣщенія для сходокъ и безпрестанно устраиваютъ новыя сходки, на которыхъ съ одинаковымъ ожесточеніемъ предаются проклятію прогрессисты и евреи. И тѣ, и другіе выставляются консерваторами какъ заговорщики, пытающіе мрачное намѣреніе предать бѣдный рабочій людъ Германіи на произволъ иноземной конкуренціи и тѣмъ держать его въ рабской зависимости. Устами пастора Штѣкера, консерваторы сулятъ освободить кредитъ отъ гнета капиталистовъ посредствомъ корпоративнаго устройства промышленности, торговлю — отъ необузданнаго соперничества, трудъ — отъ эксплуатаціи со стороны крупныхъ фирмъ, общають новый налогъ на биржевыя операціи, законъ противъ ростовщичества. Все это громко провозглашаетъ органъ консерваторовъ „Reichsbote“. Другой журналъ, вдохновляемый консервативнымъ избирательнымъ комитетомъ

и усиленно распространяемый въ большомъ числѣ экземпляровъ, — „Нѣмецкій патриотъ“ — патетически обращается къ народу съ такимъ воззваніемъ: „Выслушай меня, нѣмецкій работникъ. Еслибъ ты, удрученный обстоятельствами, утратилъ вѣру въ возможность улучшенія твоей участи, возрожденія корпоративнаго объединенія рабочихъ, ты доказалъ бы этимъ незнаніе той силы, которая лежитъ въ тебѣ. Эта сила заключается въ твоёмъ неотъемлемомъ правѣ охранять твой трудъ, избавлять его законнымъ путемъ отъ подавляющаго соперничества большихъ промышленныхъ заведеній и капитала. Хотя дополнительные статьи къ закону о промышленности, утвержденному рейхстагомъ, не дали тебѣ всего, что нужно, онѣ все-таки составляютъ начало дѣла. Консерваторы не имѣли возможности оказать тебѣ болѣе дѣйствительную помощь, а прогрессисты и либералы вычеркнули именно самую важную часть проекта: они это сдѣлали, потому что составляли большинство въ парламентѣ. Но если всѣ твои товарищи и ты будете дѣйствовать свободно, вы можете противостоять либераламъ, этимъ защитникамъ необузданной промышленной свободы, сглубившимъ твое благосостояніе; подайте ваши голоса за людей, въ самомъ дѣлѣ принимающихъ къ сердцу интересы рабочаго, и законныя ваши желанія легко будутъ исполнены“.

Этотъ образчикъ нынѣшняго краснорѣчія германскихъ консерваторовъ чрезвычайно характеристиченъ. Онъ ярко освѣщаетъ тотъ политическій приѣмъ, котораго въ пору борьбы и общественныхъ тревогъ консерваторы придерживаются не въ одной только Германіи. Обѣщать народу всевозможныя блага, если онъ откажется отъ всякихъ политическихъ правъ, выставлять эти права источникомъ всякихъ бѣдъ для него — это дѣлаютъ не одни нѣмецкіе консерваторы. Но въ Германіи, въ данномъ случаѣ, положеніе дѣлъ усложняется тѣмъ, что нѣмецкіе либералы и прогрессисты, своимъ образомъ дѣйствій въ парламентѣ, дѣйствительно поставили себя въ очень двусмысленное отношеніе къ народу, отвергая безусловно всякое право государства вмѣшиваться въ отношенія между рабочими и хозяевами и заботиться о народномъ благосостояніи внѣ тѣхъ границъ, какія положены ему въ этомъ отношеніи господствомъ среднихъ классовъ.

Разумѣется, та раздробленность и то взаимное ожесточеніе, съ какими относятся теперь другъ къ другу политическія партіи въ Германіи, отнюдь не представляетъ явленія безнадежнаго и настолько критическаго, чтобы страна могла выйти изъ своего нынѣшняго состоянія только путемъ переворота. Государство, пользующееся болѣе или менѣе свободными учрежденіями, всегда имѣетъ въ своемъ распоряженіи разнаго рода коррективы противъ возможныхъ переворотовъ.

Но борьба и ожесточеніе, о которыхъ мы говоримъ, могутъ затянуться. Они могутъ много лѣтъ держать страну въ безпокойствѣ, въ томительной неизвѣстности ближайшаго будущаго, могутъ истощать ея силы въ безплодномъ упражненіи надъ задачами, неразрѣшимыми ни путемъ консервативной диктатуры, ни путемъ отчаяннаго политическаго доктринерства. Новыя выборы, безъ сомнѣнія, намѣняютъ численность и относительное положеніе партій въ германскомъ рейхстагѣ, но они едва ли измѣнятъ существо дѣла. Нынѣшнее неопредѣленное, почти смутное положеніе, вѣроятно, продлится и еще цѣлую сессію. Ни князь Бисмаркъ, ни ненавистные ему либералы, конечно, не уступятъ, и рѣшающій голосъ будетъ принадлежать той сторонѣ, на которой будетъ сильно организованная и многочисленная партія центра. Но эта сессія прибавитъ много политическаго опыта, и притомъ горькаго опыта, нынѣшнимъ политическимъ партіямъ Германіи. Оно еще разъ докажетъ либераламъ ихъ бессилие бороться съ консерваторами, предводимыми княземъ Бисмаркомъ, и сдѣлать что-нибудь для страны помимо внимательнаго отношенія къ социальному вопросу; она еще разъ обнаружитъ двусмысленность тѣхъ разглагольствій консервативной партіи, образчикъ которыхъ мы привели выше, и полную невозможность въ наше время основывать народное благополучіе на одной только диктатурѣ. Германія, еще такъ недавно познавшая парламентскую систему на практикѣ, должна пройти черезъ это испытаніе, чтобы выйти на широкую дорогу права и свободы, которая одна спасаетъ народы отъ жестокихъ потрясеній.

Очень можетъ случиться, что этотъ процессъ будетъ продолжительнѣе въ Германіи, чѣмъ въ другихъ странахъ. Германія никогда не была цѣльнымъ государствомъ. Она и теперь, послѣ своего десятилѣтняго объединенія, представляетъ союзъ многихъ государствъ, которыя, будучи единообразно управляемы въ дѣлахъ, признанныхъ за общія дѣла имперіи, имѣютъ каждое свою верховную власть, свое правительство, свой парламентъ по всѣмъ остальнымъ дѣламъ. Глубоко укоренившаяся привычка къ политической разрозненности еще и теперь даетъ себя сильно чувствовать въ стремленіяхъ населенія и его партій. Объединеніе еще и теперь представляется многимъ въ видѣ суроваго прусскаго господства. Всѣми общими дѣлами Германіи завѣдуетъ собственно Пруссія. Въ желѣзныхъ рукахъ послѣдней находятся законодательства таможенное, торговое, податное, монетное, желѣзно-дорожное и вообще путей сообщенія, почтовое, военное, морское; она же завѣдуетъ внѣшними дѣлами имперіи. Союзный совѣтъ и союзный парламентъ, такъ-называемый рейхстагъ, находятся исключительно подъ прусскимъ вліяніемъ. Изъ 397 членовъ рейхстага, избираемыхъ на три года всеобщей подачей голо-

совъ, 235 принадлежать Пруссіи. Депутаты не получаютъ никакого вознагражденія за свои законодательные труды, и потому это званіе могутъ принимать на себя только люди вполне обезпеченные. Такимъ образомъ цензъ, прямо неустановляемый конституціей, провозглашающей всеобщую подачу голосовъ, косвенно вводится тою же конституціей, исключая многочислѣннѣйшіе слое населенія отъ личнаго участія въ народномъ представительствѣ. Самыя права рейхстага очень ограничены сравнительно съ правами выборныхъ представительныхъ учреждений въ другихъ конституціонныхъ государствахъ. Всѣ принимаемые имъ законы подлежатъ утвержденію не императора только, но и союзнаго совѣта, учрежденія не выборнаго, въ которомъ засѣдаютъ представители всѣхъ германскихъ государствъ, располагающіе въ общей сложности 58 голосами; имперскому канцлеру, т.-е. Пруссіи, принадлежатъ и предсѣдательство въ этомъ совѣтѣ, и 17 голосовъ противъ 41 голоса другихъ германскихъ правительствъ, по необходимости покорныхъ волѣ Пруссіи и ея руководителя. Союзный совѣтъ, будучи такимъ образомъ законодательной палатой, въ то же время исполняетъ и функціи государственнаго совѣта, и функціи министерства; ему присвоена въ извѣстныхъ случаяхъ еще и судебная власть. Въ глазахъ всей Германіи, имперскій канцлеръ и союзный совѣтъ представляютъ такую силу, противъ которой рейхстагу очень трудно, даже невозможно бороться съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ. При такихъ условіяхъ, опытъ примѣненія парламентской системы не легокъ для Германіи. Онъ естественно влечетъ за собой или равнодушіе къ дѣлу, или даже разочарованіе. Тѣмъ не менѣе, усиленное оживленіе, выказанное партіями передъ выборами 15 (27) октября, повидимому свидѣтельствуетъ о близости политическаго пробужденія страны. Со времени учрежденія имперіи, вопросъ о преобладаніи ни разу еще не ставился такъ рѣзко между правительствомъ въ лицѣ имперскаго канцлера и либеральными партіями. Все дѣло въ томъ, какъ отнесутся къ этому вопросу народныя массы.

Надо отдать справедливость нѣмецкимъ либераламъ: они до сихъ поръ сдѣлали очень мало для того, чтобы привлечь на свою сторону народныя симпатіи. Прикрываясь своею формальной политической доктриной, они очень неловко предоставляли это дѣло сторонникамъ канцлера—консерваторамъ, и его противникамъ—соціалъ-демократамъ, которыхъ они чурались, какъ нечистой силы, тогда какъ канцлеръ не убоился выступить съ своимъ проектомъ застрахованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Имперскій канцлеръ, въ своей безпощадной ненависти къ либераламъ, не остановился даже передъ сближеніемъ съ католическимъ центромъ, чтобы обезпечить своимъ планамъ

большинство голосовъ въ будущемъ рейхстагѣ. Въ ужасу нѣмецкихъ либераловъ, Германія узнала въ одно прекрасное утро, что между папствомъ и канцлеромъ состоялось какое-то соглашеніе. Въ чемъ оно заключается—никому положительно не извѣстно; но многіе признаки обнаруживали, что князь Бисмаркъ и въ церковномъ вопросѣ разстается съ своими прежними либеральными союзниками, нѣкогда помогавшими ему наложить желѣзную руку на религіозныя вѣрованія милліоновъ германскихъ католиковъ во имя всемогущаго авторитета государства. Въ католическомъ собраніи въ Боннѣ, предводитель центра въ прежнемъ рейхстагѣ, извѣстный Виндгорстъ, заявилъ, что можно довѣрчиво ожидать въ болѣе или менѣе скоромъ времени прекращенія такъ-называемаго культуркампфа, хотя и счелъ нужнымъ прибавить, что все случившееся въ послѣднее время еще не можетъ склонить ни его, ни его партію, снять съ себя оружіе. „Мы сохранимъ нашу программу во всей ея неприкосновенности, мы не измѣнимъ ни одной ея частички“, сказалъ онъ. А эта программа была ясно изложена въ воззваніи центра къ избирателямъ. Центръ требовалъ въ этой программѣ христіанскаго направленія въ обученіи, воспитаніи и наукѣ, въ законодательствѣ и общественной жизни, а для этого, прибавляла она, необходимы свобода церкви и устраненіе тѣхъ имперскихъ законовъ, которые стѣсняли самостоятельность и право церкви. Центръ высказывался также въ пользу такой экономической политики, которая была бы способна ограждать отечественное производство, за преобразованія въ смыслѣ улучшенія условий, въ какихъ находится рабочій классъ, за уменьшеніе прямыхъ налоговъ и другія финансовыя облегченія. Условно одобряя планы князя Бисмарка, программа католическаго центра въ то же время безусловно требовала отмены майскихъ законовъ и восстановленія тѣхъ условий, въ которыхъ находилась прежде католическая церковь въ Германіи. Въ такомъ же духѣ были составлены и рѣшенія, принятые недавно общимъ собраніемъ нѣмецкихъ католиковъ въ Боннѣ.

Оставаясь при своей церковной программѣ, центръ идетъ, однакоже, на сдѣлку съ кн. Бисмаркомъ и признаетъ вопросъ объ улучшеніи участи рабочихъ не утопической затѣей, а одною изъ серьезныхъ задачъ государства въ Германіи. Ему доступны не только интересы панства, но и живые интересы современности, доступенъ социальный вопросъ хотя-бы съ католической точки зрѣнія. Посмотримъ теперь, что проповѣдывалъ избирателямъ руководитель національно-либеральной партіи, Беннигсентъ. Въ началѣ октября, на съѣздѣ этой партіи въ Магдебургѣ, онъ проповѣдывалъ „свободную дѣятельность индивида“, т.-е. полный застой нынѣшнихъ общественныхъ отношеній. Признавая, что настоящее время неблагоприятно

ды его партіи, что теперь преобладают матеріальные интересы и требованія, которыми успѣлъ завладѣть имперскій канцлеръ, Беннигсенъ возстаётъ, однако же, противъ всякой матеріальной помощи государства въ пользу рабочаго класса. „Мы въ Германіи не хотимъ ни социаль-демократіи, ни социаль-бюрократіи“, сказалъ онъ, между прочимъ. „Германецъ дорожитъ свободной дѣятельностью индивида. Государство и безъ того имѣетъ обширное поле для дѣятельности; оно не должно заниматься промышленными предпріятіями и принимать на себя попеченіе объ отдѣльных лицахъ“. Другое дѣло—громкіе расходы на армію: уменьшеніе ихъ представляется Беннигсену равносильнымъ нарушенію мира во всей Европѣ...

Въ этомъ вопросѣ, давно уже составляющемъ большое мѣсто нѣмѣцкой Германіи, національ-либералы стоятъ на одной почвѣ съ жемогущимъ канцлеромъ, несмотря на всѣ свои протесты противъ его самовластья. Они остаются до сихъ поръ представителями того двойственнаго характера, которымъ, какъ мы упомянули выше, отличается германскій парламентаризмъ. Огромныя военныя силы, стоящія нѣмъ всякихъ парламентскихъ вліяній, трудно совмѣстимы съ широкимъ примѣненіемъ мирной парламентской системы. Преобладающій идеалъ кн. Бисмарка — сильно вооруженная и грозная сосѣдка Германія — остается также идеаломъ національ-либераловъ. Всѣ другія цѣли государства, всѣ другія народныя нужды и стремленія должны уступить рѣшительное первенство осуществленію этого идеала, которое сдѣлало Германію дѣйствительно грозною военною державою, но отнюдь не счастливою страной. Все въ Германіи насильственно пригоняется теперь къ военной и дипломатической задачѣ канцлера: парламентская жизнь, экономическая политика, наука и литература, и новые выборы еще не измѣняютъ этого направленія правительственной политики въ теченіе ближайшаго трѣхлѣтія. По всей вѣроятности, князю Бисмарку, въ союзѣ съ католическимъ центромъ, удастся провести три главныя мѣры, около которыхъ вращается теперь избирательная борьба: проектъ застрахованія рабочихъ, предоставленіе табачной монополіи государству и продленіе усиленныхъ вооруженій. Повидимому, чаша еще не перекинута, да еслибъ она и была переполнена, то при нынѣшнемъ состояніи Германіи, при данномъ относительномъ положеніи ея партій, страна не расположена довѣрить судьбы свои ни одной изъ нихъ и по необходимости должна оставаться въ желѣзныхъ рукахъ своего заслуженнаго диктатора. Конституціонная система, въ томъ видѣ, въ какомъ стремятся осуществить ее нѣмецкіе либералы, въ наше время теряетъ почву подъ ногами всякій разъ, когда становится силовъ къ социальному вопросу. Отдѣльные представители этого на-

правленія могутъ быть безукоризненные люди, глубоко преданные своей идее; но они уже не стоятъ на уровнѣ требованій времени, они повторяютъ зады, и народныя массы относятся къ нимъ недо- вѣрчиво или безучастно. Крайнее раздраженіе, обнаруженное пар- тіями въ нынѣшней избирательной борьбѣ и доходившее до того, что эту борьбу называютъ „междоусобіемъ въ мирное время“, отчасти свидѣтельствуетъ о безсиліи прежнихъ партій, о разлагающемъ вліяніи политики германскаго канцлера на устарѣвшія политическія про- граммы сороковыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ. Попавшія въ такое положеніе партіи уже не имѣютъ будущности. Имъ нужно коренное обновленіе, радикальное измѣненіе программъ, поменьше заботъ о внѣшнемъ могуществѣ и побольше вниманія и сердца къ насущнымъ вопросамъ внутренней жизни. Воспользуются ли онѣ въ этомъ смыслѣ хотя тѣмъ трехлѣтіемъ, на которое избирается теперь новый рейхстагъ — таковъ вопросъ, къ которому собственно сво- дится нынѣшнее запутанное и смутное состояніе Германіи.

Въ то время, когда мы оканчивали нашъ очеркъ избирательной борьбы въ Германіи, телеграфъ передалъ намъ еще не полныя извѣстія о результатѣ новыхъ выборовъ 15-го (27) октября. Въ Бер- линѣ правительственная партія потерпѣла рѣшительную неудачу на выборахъ. Ея кандидаты должны были уступить усиленному напору частью прогрессистовъ, соединившихся съ отщепенцами національ- либеральной партіи, такъ-называемыми сецессионистами, частью со- ціаль-демократовъ. Но общій результатъ, насколько онъ теперь из- вѣстенъ, подтверждаетъ пока то, что мы сказали выше о вѣроят- номъ значеніи католическаго центра въ будущемъ рейхстагѣ. Изъ 295-ти избирательныхъ округовъ, которыхъ выборы теперь извѣстны, консерваторы одержали побѣду только въ 66-ти; въ соединеніи со 100 членами центра, они могли бы составить 166 голосовъ противъ 127-ти голосовъ, принадлежащихъ разнымъ оттѣнкамъ оппозиціи, т.-е. національ-либераламъ, сецессионистамъ и прогрессистамъ, чле- намъ такъ-называемой народной партіи, затѣмъ полякамъ и пар- тикюляристамъ. Но предстоитъ еще множество перебаллотировокъ, которыя могутъ значительно видоизмѣнить это численное отношеніе между партіями въ германскомъ парламентѣ новаго состава.

Результатъ во всякомъ случаѣ, болѣе благопріятный для оппо- зиціи, чѣмъ она ожидала. Католическій центръ—союзникъ не на столько надежный, чтобы кн. Бисмаркъ и его политическіе сторон- ники могли рассчитывать на него во всѣхъ своихъ замыслахъ. Къ тому же передъ выборами вопросъ былъ поставленъ такъ рѣзко, что

избирателямъ прямо предлагалось выбирать между планами канцлера и программами либеральныхъ партій. Со стороны канцлера были употреблены всѣ усилія, чтобы вытѣснить либеральныя партіи изъ будущаго парламента; въ этомъ смыслѣ былъ имъ пущенъ въ ходъ весь прусскій и имперскій бюрократическій аппаратъ, были даны демократической партіи громкія обѣщанія. Но результатъ выборовъ оказался совсѣмъ не соразмѣрнымъ со всѣми этими чрезвычайными усиліями консерваторовъ. Особенно чувствительное поражение понесли они въ столицѣ имперіи, гдѣ не избраны ни сынъ канцлера, ни профессоръ Вагнеръ, одинъ изъ горячихъ сторонниковъ такъ-называемаго „государственнаго социализма“, а выбраны значительнымъ большинствомъ голосовъ прогрессисты и сецессионисты, заклейменные именемъ „измѣнниковъ“ во время избирательной борьбы. Несмотря на всѣ усилія канцлера и его сторонниковъ, самыя непріятныя ему политическія личности—Рихтеръ, Генель, Форкенбекъ, Риккеръ, Штауффенбергъ, Ласкеръ, Моммзенъ, Вирховъ, войдутъ въ составъ новаго рейхстага, въ качествѣ депутатовъ отъ столицы. Но существенный вопросъ заключается въ томъ, внесутъ ли они съ собою что-нибудь новое, измѣнять ли они что-нибудь въ той программѣ, какою руководствуются уже много лѣтъ и которая представляла нападкамъ канцлера, католическаго центра и социал-демократовъ столько слабыхъ сторонъ? А на этотъ вопросъ, какъ мы видѣли, уже дали отвѣтъ ихъ избирательныя рѣчи и программы.

Характерна также чрезвычайная радость въ лагерѣ прогрессистовъ и сецессионистовъ по поводу избранія нѣсколькихъ десятковъ ихъ кандидатовъ въ члены новаго рейхстага. Они какъ будто совсѣмъ не ожидали такого благополучія и успѣха. Съ ними вмѣстѣ радуются и либеральныя органы нѣмецкой и австрійской печати. Намъ сдается, что эта радость преувеличена и преждевременна. Что значать нѣсколько десятковъ прогрессистовъ и сецессионистовъ въ сравненіи съ цѣлою сотней католиковъ, избраніе которой ясно говоритъ о томъ, какъ сильна эта партія въ Германіи и какъ много способствуютъ ея усиленію либералы, усердно помогавшіе канцлеру поднять на нее формальное гоненіе? Эта сторона новыхъ выборовъ—плодъ ихъ внутренней политики, который они едва ли найдутъ сладкимъ. На германскихъ выборахъ 27-го (15-го) октября побѣдили собственно не консерваторы и не либералы: побѣдили католики, отъ которыхъ теперь будетъ зависѣть рѣшеніе важнѣйшихъ дѣлъ въ германскомъ рейхстагѣ.

НЕКРОЛОГЪ.

Князь Александръ Иларіоновичъ Васильчиковъ.

(род. 27-го октября 1818, ум. 2-го октября 1881 г.)

Князь А. И. Васильчиковъ, сынъ предсѣдателя государственнаго совѣта, князя Иларіона Васильевича, родился въ Петербургѣ. Въ 1839 г., покойный окончилъ курсъ, въ здѣшнемъ университетѣ, кандидатомъ по юридическому факультету. На слѣдующій же годъ онъ былъ командированъ на Кавказъ къ барону Гану, которому было поручено введеніе за Кавказомъ новаго административнаго устройства. Къ этой эпохѣ самой первой юности покойнаго относится участіе его, во время отпуска на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, какъ секунданта, при дуэли между отставнымъ майоромъ Мартыновымъ и потомъ Лермонтовымъ, въ то время служившимъ поручикомъ въ тенгинскомъ пѣхотномъ полку. За „бытіе секундantomъ“ при дуэли, „на которой Лермонтовъ отъ полученной раны умеръ на мѣстѣ“, А. И. былъ преданъ военному суду. Но послѣдствій судимости ему не пришлось испытать, такъ какъ императоръ Николай Павловичъ простилъ виновнаго „во вниманіе къ заслугамъ отца“. Послѣ Кавказа, вся служебная дѣятельность А. И. исчерпывается тѣмъ, что въ 1845 году онъ былъ чиновникомъ во II отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи; въ 1846 году, сдѣлавъ церемоніймейстеромъ двора; въ 1854 году, служилъ въ дружинѣ ополченія, послѣ чего былъ зачисленъ въ сверхштатные чиновники канцеляріи начальника новгородской губерніи, а въ 1856 году причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ 1861 году, онъ занималъ должность члена новгородскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, а въ 1866 году совершенно оставилъ службу, которая для него была, по большей части, одною формальностью: онъ всегда болѣе числился на службѣ, чѣмъ служилъ, а числился онъ потому, что въ то время такъ было это принято въ томъ кругу, которому онъ принадлежалъ по рожденію; на дѣлѣ же онъ проводилъ время главнымъ образомъ въ деревнѣ. Вотъ, какъ онъ самъ говоритъ объ этой эпохѣ своей жизни въ послѣдней брошюрѣ: „Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи“ (Спб. 1881): „я прожилъ болѣешую часть моей жизни въ провинціи и въ деревнѣ, управлялъ имѣ-

ніями и занимался хозяйствомъ въ разныхъ полосахъ Россіи, на сѣверѣ—въ новгородской и псковской губ., въ срединной полосѣ—въ ковенской губерніи, въ черноземной—тамбовской губерніи и въ степной части—воронежской и саратовской губерніяхъ“. Такъ проводилъ покойный время службы, числясь въ томъ или другомъ вѣдомствѣ.

Дѣйствительно, князь А. И. рано началъ дѣятельно заниматься хозяйствомъ, зналъ всѣ условія веденія его, какъ при крѣпостномъ правѣ, такъ и послѣ уничтоженія его, и успѣлъ накопить себѣ много опытности, давшей ему впослѣдствіи возможность, въ одной изъ статей объ „абсентеизмѣ дворянскаго сословія“, высказать энергическій протестъ противъ несправедливыхъ жалобъ на реформу 1861 года, имѣвшую будто бы результатомъ „обездоленіе“ дворянскаго сословія. Какъ сельскій хозяинъ, А. И. могъ справедливо оцѣнить степень справедливости подобныхъ жалобъ и доказалъ фактами и примѣромъ личныхъ наблюденій всю неосновательность сѣтованія на убыточность сельскаго хозяйства со стороны лицъ, иногда не выдавшихъ своего имѣнія въ глаза.

Живя въ провинціи, А. И. пользовался уваженіемъ и довѣріемъ мѣстнаго общества, и нерѣдко былъ избираемъ на общественныя должности. Такъ, въ 1846 году дворянство новгородскаго уѣзда избрало его своимъ предводителемъ; а въ 1849 году онъ былъ и губернскимъ предводителемъ дворянства. Съ 1866 г., общественная, по выборамъ, служба А. И. продолжалась уже въ земствѣ; онъ былъ гласнымъ новгородскаго губернскаго земства, гдѣ и пробылъ полныхъ два трехлѣтія. Начало служенія его земству, въ 1866 году, совпадаетъ съ временемъ оставленія имъ гражданской службы, вслѣдствіе испытаннаго имъ неудобства—соединить коронную службу съ общественною. Проживая въ деревнѣ и углубясь въ мѣстные интересы, А. И., можетъ быть, и забылъ, что онъ продолжаетъ числиться на службѣ; но ему напомнили о томъ еще въ 1866 году, вслѣдъ за произнесенною имъ въ земскомъ собраніи рѣчь, въ которой онъ старался выяснитъ отношеніе обязательныхъ земскихъ расходовъ къ необязательнымъ, и указывалъ, что земству при такомъ отношеніи предстоитъ трудная задача рѣшить вопросъ о рациональномъ удовлетвореніи мѣстныхъ пользъ и нуждъ, въ предѣлахъ, указанныхъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ. Хотя впослѣдствіи и выяснилось, что А. И. былъ правъ, но на его отставку, или, вѣрнѣе сказать, отчисленіе отъ службы смотрѣли въ то время неблагоприятно, и репутація самостоятельнаго человѣка осталась за нимъ съ тѣхъ поръ на всю жизнь.

Въ бытность свою въ земствѣ, А. И. былъ однимъ изъ дѣятель-

нѣйшихъ гласныхъ, какъ о томъ можно судить по массѣ мнѣній, докладовъ и т. п. документовъ, въ свое время внесенныхъ имъ въ земскія собранія и напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ новгородскаго губернскаго земства.

Оживленіе русскаго общества въ 60-хъ годахъ такъ сильно охватило А. И., что онъ не ограничился одною практическою дѣятельностью и земскою службою, но и почувствовалъ потребность высказаться: результатомъ того и было изданіе имъ въ свѣтъ обширнаго изслѣдованія, подъ заглавіемъ: „О самоуправленіи“. Ему исполнилось тогда 50 лѣтъ.

Этотъ первый трудъ А. И., въ теченіе всего трехъ лѣтъ, 1869—1871 г., выдержалъ три изданія. Авторъ задумалъ и исполнилъ его какъ разъ въ то время, когда въ части общества происходила ожесточенная агитація противъ земской реформы, когда для многихъ даже „сожителство высшихъ и низшихъ классовъ въ одной общественной средѣ представлялось ихъ налуганному воображенію чудовищной анархіей“ (Самоупр., изд. 3-е, стр. ХLI). Въ предисловіи къ 3-му изданію, А. И. самъ заявилъ, что онъ „началъ писать это сочиненіе въ то время, когда принципъ „самоуправленія“ вовсе еще не пользовался тою популярностью, которую онъ нынѣ (1872 г.) приобрѣлъ; когда Франція, въ полномъ цвѣтѣ своего могущества, основаннаго на строжайшей административной централизаціи, признавалась всѣми друзьями порядка представительницею высокихъ началъ личнаго авторитета, полицейскаго благоустройства и военной дисциплины; когда Пруссія всѣми силами сдерживала порывы нѣмецкой націи къ самоуправленію и отвергала послѣдовательно, систематически всякіе проекты о реформѣ своихъ общественныхъ учреждений.“ Защищая принципъ „самоуправленія“, „выражающаго правильное взаимодѣйствіе мѣстнаго общества и мѣстныхъ властей въ предѣлахъ закона и подъ сѣнью суда“, А. И. въ своемъ изслѣдованіи далъ полный сравнительный обзоръ русскихъ и иностранныхъ земскихъ и общественныхъ учреждений. Можно смѣло сказать, что первый литературный трудъ А. И. имѣлъ образовательное значеніе для массы земскихъ дѣятелей. Это сочиненіе сдѣлалось въ то время настольною книгою образованныхъ земцевъ и помогало уяснить массу тѣхъ вопросовъ, которые пришлось вѣдать и рѣшать земскимъ людямъ самостоятельно, внѣ административной опеки. Богатый опытъ А. И., тѣсное его сближеніе съ такими дѣятелями въ дѣлѣ реформъ, какъ Ю. Самаринъ, Н. Милютинъ, наконецъ общее оживленіе въ лучшей части общества въ 60-хъ годахъ, все это относилось къ числу тѣхъ благопріятныхъ условий, благодаря которымъ А. И. не ограничился служебною земскою дѣятельностью; онъ нашелъ въ себѣ силы

идти далѣе, чтобъ возможно плодотворнѣе служить обновлявшемуся реформами русскому обществу.

И вотъ, вслѣдъ за „Самоуправленіемъ“, А. И. принялся за новый обширный трудъ, вышедшій въ свѣтъ въ 1876 г. подъ заглавіемъ: „Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ“. Это сочиненіе вызвало у насъ цѣлую литературу по аграрному вопросу и сдѣлалось предметомъ оживленныхъ сужденій и въ заграничной печати. Преслѣдуя на этотъ разъ болѣе цѣли публициста, нежели строгаго научнаго изслѣдователя, А. И. обнаружилъ всю оригинальность своихъ личныхъ воззрѣній, вытекавшихъ изъ обильнаго опыта, и въ то же время собралъ въ своемъ трудѣ массу данныхъ, освѣщающихъ земельный вопросъ. Каковы бы ни были взгляды критиковъ на новый трудъ А. И., но нельзя отрицать одного основнаго обстоятельства, что въ моментъ выхода въ свѣтъ „Землевладѣнія и земледѣлія“, это изслѣдованіе оказало уже ту услугу, что оно со всѣхъ сторонъ освѣтило настоящій смыслъ крестьянской реформы, начинавшій теряться въ массѣ самыхъ разнородныхъ мнѣній и положительныхъ и отрицательныхъ явленій въ народной жизни. Не надо при этомъ забывать, что время выхода книги было критическимъ въ томъ отношеніи, что противники реформы старались тогда всѣ отрицательныя явленія въ народной жизни отнести на счетъ самой реформы и получить тѣмъ право на порицаніе ея основной идеи. Ссылаясь на исторію аграрнаго устроенія въ Англіи, Германіи и Франціи и находя, что тамъ оно было проведено не въ пользу народной массы, экономическій и соціальныи бытъ которой не представляетъ тамъ поэтому собою прочнаго, устойчиваго благосостоянія; что масса не можетъ вынести на себѣ тяжести государственнаго строя, А. И. указывалъ на нашъ аграрный строй и говорилъ: „мы полагаемъ, напротивъ, что Россія находится въ этомъ отношеніи въ положеніи лучшемъ, чѣмъ другія страны, что имущества у насъ распределены ровнѣе, чѣмъ у другихъ народовъ, и что въ общемъ фондъ народнаго богатства остается у насъ довольно свободнаго мѣста, свободныхъ имуществъ, чтобы уравнять по возможности соціальныя неровности. Наконецъ, мы также полагаемъ, что русское общество, въ своемъ историческомъ развитіи, не перешло еще того роковаго рубежа, когда мирныя соглашенія и преобразованія становятся неисполнимыми по той причинѣ, что интересы разныхъ классовъ жителей, соприкасаясь и тѣся другъ друга, вступили уже между собой въ соперничество и борьбу“. Говоря далѣе, что этой борьбы пока еще нѣтъ у насъ, А. И. высказалъ, отъ лица лучшей части общества, слѣдующее пожеланіе: „дай Богъ, чтобъ мы воспользовались промежуточнымъ періодомъ, когда соціальныя отношенія у

насъ еще окончательно не установились, чтобы порѣшить *по правдѣ и справедливости* аграрный вопросъ, причинившій столько замѣшательства всѣмъ народамъ древняго и новаго міра“.

Предлагая въ своемъ сочиненіи цѣлую систему государственныхъ мѣръ, желательныхъ и необходимыхъ, вытекающихъ прямо изъ жизни, для поземельнаго устройства народнаго быта, А. И. и лично не оставался въ бездѣйствіи. Еще въ 1870 году онъ сталъ во главѣ кружка дѣятелей по организаціи народнаго кредита; благодаря этой группѣ лицъ, поддержанной земствами, а впоследствии и правительствомъ, возникли въ Россіи сельскія ссудныя товарищества. Не прошло и шести лѣтъ, какъ они начали устраиваться въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, какъ А. И. выступилъ съ вопросомъ о мелкомъ поземельномъ кредитѣ, которому посвящена имъ особая брошюра: „Мелкій земельный кредитъ въ Россіи“ (Спб. 1876). Въ устройствѣ такого кредита онъ видѣлъ осуществленіе части вопроса о поземельномъ устройствѣ крестьянъ.

Со времени выхода въ свѣтъ „Землевладѣнія и земледѣлія“ и только-что названной брошюры прошло пять лѣтъ, и за это время, какъ извѣстно, не произошло у насъ особеннаго движенія въ рѣшеніи поставленныхъ А. И. вопросовъ. Была тяжелая война, а за нею настала экономическій кризисъ; получилась новая масса отрицательныхъ фактовъ въ народной жизни. И вотъ, А. И. является съ новою брошюрою: „Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи“ (Спб. 1881). Повторяя здѣсь основныя положенія свои, высказанныя въ сочиненіи 1876 года, и освѣщая ихъ новыми фактами, А. И. высказался, однако, и по вопросу о значеніи „кризиса“; онъ указывалъ, что кризисъ этотъ подготовленъ исторически и усиливается на счетъ неполнаго рѣшенія крестьянскаго поземельнаго вопроса.

Такова та область вопросовъ, ради служенія которымъ выступилъ на публицистическое поприще кн. А. И. Васильчиковъ, около 12 лѣтъ тому назадъ. Насколько онъ преданъ былъ сельскому дѣлу, можно судить по тому, что его постоянно можно было видѣть въ зимнее время за письменнымъ столомъ, работающимъ надъ какою-либо запискою, въ которой онъ излагалъ свои мнѣнія по какому-нибудь спеціальному вопросу, обсуждавшемуся въ правительственныхъ сферахъ, о чемъ часто просили его многія изъ лицъ, стоящихъ во главѣ управленія. Такъ, имъ было составлено не мало записокъ о нашей винно-акцизной системѣ, о подушной подати, о народномъ кредитѣ, о пониженіи выкупныхъ платежей. Въ 1876 году онъ написалъ брошюру: „Восточный вопросъ“, замѣчательную по оригинальности взглядовъ автора. Брошюра, какъ и тѣ записки, не изданы въ свѣтъ. Наконецъ, нельзя не упомянуть о брошюрѣ А. И.,

изданной имъ въ 1875 году за границею подъ названіемъ: „Письмо министру народнаго просвѣщенія, графу Толстому“.

Прошлую зимою покойный А. И. работалъ надъ пересмотромъ своего сочиненія о землевладѣніи и земледѣліи, и къ веснѣ окончилъ даже печатаніе новаго изданія. Лѣтомъ онъ собирался написать предисловіе, но такъ и не успѣлъ. Силы его значительно ослабли, и для восстановленія ихъ онъ даже собирался уѣхать за границу. Смерть остановила все, и вмѣстѣ навсегда вырвала изъ небогатой дѣятельности среды русскаго общества человека честнаго, симпатичнаго и много потрудившагося—во имя одной общественной пользы.

А. Г.

Федоръ Федоровичъ Резенеръ ¹⁾).

25-го августа, скончался въ Удѣльной больницѣ для умалишенныхъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ педагоговъ и педагогическихъ писателей, немало потрудившійся и для литературы вообще, Ф. Ф. Резенеръ. Замѣчательная личность эта, рѣдкая по цѣлности натуры и неуклонному многолѣтнему служенію одной излюбленной имъ идеѣ воспитанія, въ смыслѣ любви къ дѣтямъ и уваженія въ нихъ человѣческаго достоинства, стоить обстоятельной біографіи, которая, можетъ быть, и будетъ составлена кѣмъ-нибудь изъ близкихъ къ нему лицъ, а пока ограничимся указаніемъ нѣкоторыхъ, наиболѣе выдающихся, фактовъ изъ его жизни.

Родился покойный въ 1825 году, и первоначальное воспитаніе получилъ въ гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ, откуда, въ числѣ лучшихъ окончившихъ курсъ учениковъ, поступилъ въ петербургскій университетъ по юридическому факультету. Обладая необыкновенною памятью и способностью быстро усваивать себѣ прочитанное, Ф. Ф. уже въ университетѣ слылъ между товарищами человекомъ серьезнымъ и энциклопедически образованнымъ, и пользовался большимъ авторитетомъ въ кругу наиболѣе серьезной университетской молодежи, жившей въ сороковыхъ годахъ особенно возбужденной умственной жизнью. По выходѣ изъ университета, онъ поступилъ на службу въ военное министерство, откуда и вышелъ въ отставку въ 1858 году.

Выходъ Резенера въ отставку счастливо совпалъ съ свѣтлымъ

¹⁾ Некрологъ является нѣсколько поздно, такъ какъ мы желали имѣть свѣдѣнія именно отъ кого-либо изъ лицъ, близко знавшихъ покойнаго.—Ред.

періодомъ нашего умственнаго и нравственнаго пробужденія конца пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ. Это было именно время, когда для людей, въ родѣ Резенера, открылась нѣкоторая возможность общественной и литературной дѣятельности. Какъ извѣстно, главное вниманіе русскаго общества обратилось къ вопросамъ воспитанія и образованія, и вотъ на это педагогическое, въ широкомъ смыслѣ слова, поприще и выступилъ покойный. Съ одной стороны, дѣятельность его была литературная: онъ переводилъ много съ нѣмецкаго и англійскаго—между прочимъ, имъ переведена значительная часть исторіи Шлоссера и логика Милля,—и принималъ дѣятельное участіе въ журналѣ „Учитель“; съ другой—его дѣятельность была практическая, въ качествѣ самостоятельнаго, настойчиво проводившаго свои убѣжденія члена петербургскаго педагогическаго общества и комитета грамотности при вольномъ экономическомъ обществѣ, а также учителя открывшихся тогда бесплатныхъ школъ. Объ этой послѣдней сторонѣ дѣятельности покойнаго, какъ болѣе намъ извѣстной, позволимъ себѣ сказать подробнѣе.

Много самыхъ гнусныхъ инсинуацій, много самой беззастѣнливой лжи было брошено и въ литературѣ, и въ обществѣ, въ эти бѣдныя бесплатныя школы, конца пятидесятихъ и начала шестидесятихъ годовъ; въ чемъ только не обвиняли ихъ, какъ ехидно надъ ними не подписывались—иногда тѣ самые люди, которые должны были бы, по officialному своему положенію, оправдать ихъ отъ несправедливыхъ нареканій и поддержать, а не губить; но мы, люди шестидесятихъ годовъ, близко эти школы знавшіе, и многіе изъ насъ, сами въ нихъ учившіе, должны сказать прямо, что, несмотря на кратковременное свое существованіе, онѣ принесли самую серьезную пользу, какъ дѣлу русскаго просвѣщенія въ лучшемъ смыслѣ этого слова, такъ и развитію у насъ чувства общественности, сознанія необходимости работать не только для себя, но и для общества. Въ этихъ бѣдныхъ, не успѣвшихъ еще развѣсть вполне, школахъ выработались на практикѣ методы преподаванія грамотности, а также и другихъ школьныхъ предметовъ, результатомъ чего явились многія руководства и книги для чтенія дѣтямъ, составленныя самими дѣателями этихъ школъ, не говоря уже про массу дѣльныхъ педагогическихъ статей; въ этихъ школахъ впервые въ русскомъ, до того сухомъ и чисто формальномъ, педагогическомъ дѣлѣ, были приложены гуманныя воспитательныя начала, въ смыслѣ любви и ласки къ дѣтямъ, въ смыслѣ уваженія въ нихъ человѣческаго достоинства и возбужденія интереса къ знанію; въ этихъ школахъ, благодаря частнымъ совѣтамъ и взаимному контролю самихъ преподавателей, можно сказать, родилась первая русская учительская семинарія, чуждая вся-

наго формализма и дрессировки; въ этихъ школахъ, наконецъ, сходились на общемъ дѣлѣ люди различныхъ классовъ общества и самыхъ различныхъ мѣтій, и невольно приучались интересоваться дѣломъ общественнымъ. Въ одну изъ такихъ школъ, а именно въ *Василье-островское безплатное училище*, Резенеръ поступилъ преподавателемъ въ мартѣ 1859 года.

Училище это было открыто, 25 января 1859 г., небольшимъ кружкомъ студентовъ петербургскаго университета, къ которому принадлежало еще два-три молодыхъ лица, уже изъ окончившихъ свое образованіе. Это училище было ежечасное и имѣло цѣлю дать общее элементарное образованіе малолѣтнимъ дѣтямъ бѣдныхъ родителей оловотка. Подобное заведеніе уже существовало въ Петербургѣ подъ именемъ *Таврическаго училища*, такъ что Василье-островское въ началѣ устроилось какъ-бы по его образцу. Содержалось послѣднее на взносахъ членовъ кружка, которые, почти всѣ бѣдняки сами, нарочно давали уроки, или занимались переводами, чтобы пріобрѣсти требуемую для взноса сумму, и управлялось совѣтомъ самихъ членовъ кружка, раздѣлившихъ между собой и самое преподаваніе. Разумѣется, что, при всемъ уличеніи этимъ дорогимъ для кружка дѣломъ, члены, какъ лица въ педагогическомъ дѣлѣ еще неопытные, повели преподаваніе довольно неумѣло. Тутъ-то и явился на помощь школѣ Резенеръ. Характерная личность его, необыкновенная по своей ясности и умная рѣчь, сразу произвели на молодой кружокъ поражающее впечатлѣніе, и уже въ первый совѣтъ, на которомъ онъ присутствовалъ, онъ, естественно, сталъ во главѣ дѣла. Работая не ночамъ надъ переводами и статьями, которыми онъ кое-какъ существовалъ, онъ всецѣло посвятилъ себя школѣ, то давая уроки самъ, то посѣщая уроки другихъ преподавателей или проводя время съ дѣтьми, которые любили его до обожанія. Мало того:—видя, что средства школы скудны, онъ выискивалъ пожертвованія деньгами, книгами и школьными вещами, гдѣ только могъ, и даже нарочно переводилъ и доставалъ переводы нѣкоторыми изъ членовъ, самъ ихъ редактируя, чтобы пополнить скудный бюджетъ школы, или чтобы купить платье и книги почти нищимъ ученикамъ. Вскорѣ, благодаря Резенеру, школа обогатилась многими учебными пособиями и прекрасной библіотекой, книги для которой предварительно просматривались членами и имъ самимъ, причемъ выбиралось только лучшее, что являлось въ литературѣ для дѣтскаго чтенія. Но особенно интересны и полезны для молодыхъ членовъ школы, изъ которыхъ многіе впоследствии сдѣлались лицами, извѣстными въ педагогическомъ мірѣ, были школьные совѣты, куда приглашались, въ случаѣ обсужденія особенно важныхъ педагогическихъ вопросовъ, и

непринадлежащія къ школѣ компетентныя лица, напр., К. Д. Кавелинъ, А. Ѳ. Погодскій, О. И. Паульсовъ, Ф. Г. Толль и многіе другіе, принимавшіе горячее участіе въ обсужденіи школьныхъ вопросовъ; нерѣдко или самъ Резенеръ, или кто-нибудь другой изъ членовъ школы, отправлялся въ подобный же совѣтъ другой школы, Таврической, и такимъ образомъ между этими двумя большими ежедневными школами установилась нѣкоторая связь въ веденіи педагогическаго дѣла. Въ этихъ-то совѣтахъ Василье-островской, или какъ ее называли иногда, Резенеровской, школы былъ выработанъ методъ обученія грамотѣ, результатомъ чего явилась извѣстная, составленная Резенеромъ и Волековымъ, *Книжка для чтенія* и—за что особенно всю послѣдующую жизнь свою и въ литературѣ, и на педагогической практикѣ, боролся Резенеръ—выработались, примѣненные и на практикѣ въ школѣ, особенныя воспитательныя начала, по которымъ уваженіе къ личности ребенка и возбужденіе въ немъ нравственнаго достоинства и благороднаго самолюбія принималось за основаніе, причемъ самое воспитаніе должно было вестись безъ всякихъ наказаній, какъ не выдерживающихъ здоровой педагогической критики. Эти гуманныя воспитательныя идеи съ увлеченіемъ проводились покойнымъ и въ журналѣ „Учитель“, въ первые лучшіе годы его существованія, и эти статьи Резенера останутся въ ряду лучшихъ страницъ русской педагогической литературы. Василье-островское училище, просуществовавъ около семи лѣтъ, было въ 1866 г. закрыто вмѣстѣ со всѣми другими бесплатными школами; но, можно сказать, созданное Резенеромъ, оно, по нашему мнѣнію, оставило большой результатъ. Оно, во-первыхъ, показало на практикѣ,—въ чемъ прямо сознавались и сами лица официальные, много разъ посѣщавшія школу, какова должна быть настоящая разумная элементарная школа, управляемая общимъ совѣтомъ самихъ учащихся; во-вторыхъ, кромѣ самого Резенера, многіе изъ членовъ школы своими сочиненіями и педагогическою дѣятельностью распространили впоследствии лучшія педагогическія идеи, которыя первоначально были усвоены именно въ этомъ Василье-островскомъ училищѣ.

Съ закрытіемъ училища, Резенеръ почти исключительно обратился къ литературѣ и, принимая по прежнему дѣятельное участіе въ журналѣ „Учитель“, котораго одно время онъ былъ редакторомъ, онъ издавалъ, кромѣ того, особое приложение къ журналу: „Чтеніе для юношества“, первый томъ котораго, носящій названіе: „Что окружаетъ насъ“, принадлежитъ къ числу лучшихъ книгъ для дѣтскаго чтенія, и также переводилъ много полезныхъ книгъ по научной и педагогической литературѣ.

Но повѣяло въ обществѣ инымъ духомъ; вопросы педагогическіе

были отодвинуты назад; долженъ былъ, наконецъ, прекратиться и лучший изъ русскихъ педагогическихъ журналовъ „Учитель“, и Резенеръ на нѣсколько лѣтъ какъ-бы сходитъ съ педагогическаго поприща. Разочарованный въ своихъ лучшихъ надеждахъ на процвѣтаніе у насъ педагогическаго дѣла, видя вокругъ все больше и больше равнодушіе общества ко всякимъ умственнымъ интересамъ, онъ, кажется, въ первый разъ въ жизни опустилъ голову и съ горечью говорилъ близкимъ людямъ о томъ, по какому скользкому пути пошло это общество, еще такъ недавно, повидимому, горячо преданное интересамъ разумнаго просвѣщенія...

Въ это тяжелое время, когда опять пришлось Резенеру страдать и матеріально, и нравственно, сталъ онъ дѣлаться все угрюмѣе и раздражительнѣе; пошатнулось и здоровье его; но натура эта была жгѣвшая и сберегла его еще для новаго труднаго дѣла.

Въ 1869 году основалось въ Петербургѣ общество для устройства въ Россіи земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ и бродячихъ мальчиковъ.

Намѣтивъ въ Резенерѣ будущаго директора такого, имѣющаго открытыя, заведенія, комитетъ общества предложилъ ему отправиться за границу съ цѣлью изучить на мѣстѣ способы исправленія порочныхъ дѣтей. Онъ подробно изучилъ исправительныя заведенія прусскія, саксонскія, бельгійскія, голландскія и виртембергскія, и, по возвращеніи въ концѣ 1870 года въ Петербургъ, представилъ замѣчательный отчетъ о своемъ путешествіи, тогда же напечатанный въ „Вѣстникѣ Европы“. Въ іюнѣ 1871 года онъ занялъ должность директора ремесленнаго пріюта, а его бывший сотрудникъ по Васильевскому училищу, А. Я. Гердъ—директора земледѣльской колоніи, помѣщавшейся рядомъ съ пріютомъ, за Пороховыми Заводами, въ глухой, отдаленной отъ Петербурга на 14 верстъ мѣстности. Здѣсь дѣятельность покойнаго была, по истинѣ, изумительная и доходила до полного самоотверженія. Въ уставѣ заведенія былъ, между прочимъ, пунктъ, что однимъ изъ воспитательныхъ средствъ должно быть *личное вліяніе директора*. И Резенеръ, считая этотъ пунктъ наиболѣе священнымъ, жилъ буквально среди своихъ питомцевъ, не имѣя особой комнаты; одѣвался, какъ они, въ блузу, ѣлъ съ ними за однимъ столомъ и ту же грубую пищу, не пилъ чаю, пересталъ курить. Онъ работалъ съ ними буквально цѣлый день, отъ ранняго утра до ночи; а ночью, когда всѣ спали, подготавливался къ урокамъ слѣдующаго дня; былъ и воспитателемъ, и учителемъ, и работникомъ, и даже товарищемъ игръ и дальнихъ прогулокъ питомцевъ, которыя всегда сопровождалъ живыми разказами изъ области естествознанія. Мало того, онъ и жалованье свое почти все тратилъ на нихъ же, этихъ

порочныхъ отверженныхъ ребятешекъ, покупая имъ книжки, лакомства и игрушки, чтобы хоть чѣмъ-нибудь потѣшить ихъ, вознаграждать для нихъ отсутствіе близкихъ къ нимъ лицъ. И дѣти любили его какъ отца, были откровенны съ нимъ, и самый легкій его выговоръ считали величайшимъ для себя наказаніемъ. „До и послѣ открытія колоніи,—пишетъ г. Никитинъ,—я, въ качествѣ директора тюремнаго комитета, завѣдывалъ малолѣтнимъ отдѣленіемъ и близко зналъ воспитанниковъ, но, посѣщая колонію, я поражаюсь быстрою переменною въ нихъ характеръ, образъ жизни и успѣхами въ наукахъ и ремеслахъ. Мы, члены комитета, не разъ ѣздили въ колонію учиться у Федора Федоровича, какъ бытъ съ маленькими сорванцами, и всегда выносили самое отрадное чувство“.

Непосильные труды и лишенія, которымъ добровольно подвергалъ себя Резенеръ, а также и всякія непріятности, которыхъ встрѣчалъ онъ не мало въ своемъ новомъ у насъ дѣлѣ, разстроили сильно его здоровье, и онъ черезъ два года, къ крайнему своему сожалѣнію, оставилъ колонію. „Зная,—пишетъ г. Никитинъ,—его плодотворное воздѣйствіе на умы и сердца малолѣтнихъ преступниковъ, его нѣсколько разъ (въ 1875—1878 гг.) буквально упрашивали поступить въ воспитатели малолѣтняго отдѣленія сперва—тюремнаго замка, а потомъ—коломенской части, съ самыми широкими правами въ выборѣ себѣ трехъ-четырехъ помощниковъ для 50 мальчиковъ, и въ способѣ ихъ исправленія, съ жалованьемъ въ 3—4000 рублей въ годъ, но онъ каждый разъ на отрѣзъ отказывался только потому, что считалъ *невозможнымъ перевоспитать ихъ съ тюремныхъ стѣнъ*“. И это было, прибавимъ мы, именно въ то время, когда онъ нуждался въ средствахъ къ жизни до того, что нерѣдко голодалъ по цѣлымъ днямъ и не имѣлъ даже теплой одежды и крѣпкой обуви. Всегда полный чувства собственного достоинства до щепетильности, онъ никогда при этомъ не поступался своими убѣжденіями и не жаловался никому на свое положеніе.

За нѣсколько лѣтъ до своей смерти, Резенеръ былъ снова призванъ къ общественному педагогическому дѣлу:—его пригласили въ качествѣ старшаго воспитателя въ помѣщающійся на Выборгской сторонѣ пріютъ Тименкова и Фролова. Но это учебное заведеніе, на которое основателями былъ пожертвованъ чуть не миллионъ, устроенное по внѣшности на очень широкую ногу, не могло удовлетворить идеальнаго педагога и безусловно честнаго человѣка, каковымъ былъ покойный. Управляемое нѣсколькими лицами изъ богатѣйшаго купечества, можетъ бытъ, людьми и доброжелательными, но незнакомыми съ педагогическимъ дѣломъ, оно не могло представить покойному того простора и свободы дѣйствій, безъ которыхъ это дѣло не-

мыслимо, и раздраженный, наконецъ, вмѣшательствомъ въ его воспитательную дѣятельность и неудовлетвореніемъ его разумныхъ требованій, Резенеръ вскорѣ оставилъ заведеніе, убѣдившись, что разумнаго воспитанія на тѣхъ гуманныхъ началахъ, въ которыя до конца жизни своей онъ вѣрилъ, здѣсь провести нельзя.

Не болѣе успѣшна была и другая кратковременная служба его учителемъ русскаго языка въ митавской гимназіи, куда призвалъ его бывшій министръ народнаго просвѣщенія, г. Сабуровъ, рассчитывавшій со временемъ дать покойному, по праву ему подобавшее, болѣе широкое поле педагогической дѣятельности. Но тамъ встрѣтилъ Резенеръ такую распушенность и неурядицу и такое открыто враждебное къ нему отношеніе со стороны педагогическаго персонала, что черезъ два-три мѣсяца оставилъ и гимназію по невозможности вести дѣло хотя сколько-нибудь разумно и добросовѣстно.

Въ послѣдніе два года своей жизни онъ уже сильно сталъ слабѣть здоровьемъ: труды, потрясенія нравственными, лишенія матеріальными, сдѣлали изъ него точно совсѣмъ другого человѣка; онъ постѣдѣлъ, осунулся, все чаще и чаще задумывался, сталъ какъ-то угрюмъ и мраченъ; желѣзная энергія его какъ будто пошатнулась; близкія къ нему лица стали замѣчать въ немъ что-то странное... Но и за это время онъ все-таки продолжалъ писать, и въ журналахъ „Женское образованіе“ и „Дѣтское чтеніе“ появлялись его переводныя или компилятивныя работы.

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, онъ получилъ мѣсто преподавателя педагогикѣ въ тверской учительской женской семинаріи, устроенной г. Максимовичемъ. Немногіе близкіе къ нему люди порадовались за него, рассчитывая, что вполне обеспеченное положеніе и спокойная дѣятельность по душѣ возстановятъ упадающія силы и ободрятъ духъ покойнаго;—но уже было поздно. Въ маѣ уже пришла вѣсть, что у Резенера открылась душевная болѣзнь, принявшая размѣры до того серьезныя, что больного должны были привести въ Петербургъ и помѣстить въ Удѣльную больницу, гдѣ доктора объявили болѣзнь неизлечимой... 25-го августа Резенеръ скончался 56-ти лѣтъ отъ роду, и 28-го августа немногіе близкіе къ нему люди скоронили его на парголовскомъ кладбищѣ. Мы слышали, будто литературный фондъ открываетъ подписку на стипендію имени покойнаго; дай-то Богъ, чтобъ эта добрая мысль была приведена въ исполненіе: такая стипендія была бы лучшимъ памятникомъ самоотверженному педагогу и человѣку рѣдкой честности и высокаго, идеальнаго благородства.

Викторъ Острогорскій.

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КОТЛЯРЕВСКІЙ.

Въ послѣднихъ числахъ сентября умеръ въ Пизѣ профессоръ кievскаго университета, А. А. Котляревскій, которому принадлежитъ почетное имя въ русской археологіи и этнографіи, и въ русскихъ изученіяхъ славянства. Онъ умеръ въ тѣхъ лѣтахъ, когда именно развивается вся полнота силъ; тѣмъ прискорбнѣе потеря даровитаго дѣятеля для нашей небогатой науки.

А. А. Котляревскій родился въ 1837 г., въ городѣ Кременчугѣ, полтавской губерніи. По окончаніи курса въ полтавской гимназій, онъ поступилъ въ 1853 г. въ московскій университетъ, гдѣ пробылъ обычные четыре года, выбравъ своей спеціальностью исторію русскаго языка и литературы, подъ руководствомъ Шевырева, но особенно г. Буслаева и Водянскаго. Тема диссертациі на медаль, назначенная Бодянскимъ по древней славянской исторіи, направила Котляревскаго на изученіе славянскаго міра, который съ того времени и сдѣлался главнымъ предметомъ его научныхъ работъ. Онъ кончилъ университетскій курсъ, не знаеиъ—почему, дѣйствительнымъ студентомъ, и степень кандидата получилъ уже въ 1861, въ петербургскомъ университетѣ. Литературную дѣятельность онъ началъ очень рано, еще студентомъ; онъ помѣщалъ въ тогдашнихъ (конца 1850-хъ годовъ) „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ тогдашнемъ „Русскомъ Вѣстникѣ“ статьи по русской народной поэзій и литературѣ, и эти статьи „эксъ-студента“ уже тогда обращали на себя вниманіе живымъ, остроумнымъ взглядомъ и изложеніемъ. Въ 1861, одинъ рядъ этихъ статей былъ собранъ въ книжкѣ „Старина и народность“, которая долго послѣ удостоивалась цитатъ ученыхъ археологовъ. Онъ началъ тогда-же свою службу преподавателемъ русскаго языка и словесности въ московскомъ alexандровскомъ корпусѣ.

Около этой поры мы лично узнали Котляревскаго—свѣжаго, талантливаго, богатаго силами, окончательно выбравшаго себѣ ученую дорогу. Предстояла много обѣщавшая дѣятельность,—но къ несчастію въ это-то самое время надъ нимъ стряслась бѣда, которая тяжело отразилась на его дальнѣйшей жизни, та же бѣда, которая постигла другого замѣчательнаго дѣятеля нашей науки, А. Н. Афанасьева. Въ 1863, Котляревскій былъ арестованъ по „кельсіевскому дѣлу“. Ивѣстный эмигрантъ Кельсіевъ, кажется, отчасти фантастъ, отчасти вралъ, затѣвалъ тогда какую-то пропаганду между раскольниками, подъ чужимъ именемъ пріѣхалъ въ Москву и видѣлся, между прочимъ, съ Котляревскимъ. Свиданіе не имѣло въ результатѣ никакихъ противозаконныхъ поступковъ со стороны Котляревскаго, но недо-

несеніе было преступленіемъ. Котляревскій, который передъ тѣмъ только женился, подвергся шестимѣсячному одиночному заключенію въ Петропавловской крѣпости, потомъ при III Отдѣленіи. Заключеніе отозвалось на его здоровьѣ: здѣсь появились зачатки болѣзни, которая мало-по-малу развивалась и, наконецъ, свела Котляревскаго въ могилу. Кромѣ заключенія, ему, какъ и Аванасьеву, замѣшанному въ то же „дѣло“, пришлось потерять мѣсто и впредь запрещено было вступленіе на государственную службу.

Этотъ остракизмъ, Аванасьева лишившій средствъ къ существованію и заставившій его распродать свою богатую библіотеку, не менѣе тяжелъ былъ Котляревскому. Существовать онъ, правда, могъ, но для него закрыта была та служба, которой онъ мечталъ посвятить свои силы—профессура; и долгихъ хлопотъ стоило снятіе этого остракизма. Наконецъ, въ 1868 г. онъ защищалъ въ Петербургѣ свою магистерскую диссертацию „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ“ (М. 1868), и ему разрѣшено было занять предложенную ему дерптскимъ университетомъ каведру русской словесности и славянской филологіи. Въ это время мы снова видали его—съ виду крѣпкимъ, но уже жаловавшимся на болѣзнь груди. Въ Дерптѣ Котляревскій оставался до 1873, когда, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, отправился надолго за-границу, гдѣ ему совѣтовали жить въ тепломъ климатѣ.

Между тѣмъ, учено-литературная дѣятельность его развивалась. Послѣ упомянутыхъ первыхъ начатковъ, онъ много писалъ отдѣльныхъ небольшихъ статей въ „Отеч. Запискахъ“ прежней редакціи, „Спб. Вѣдомостяхъ“ редакціи г. Корша, „Атеней“, „Лѣтописяхъ русской литературы и древности“ г. Тихонравова, въ воронежскихъ „Филологическихъ Запискахъ“, „Основѣ“, въ „Трудахъ эстонскаго ученаго общества“, въ „Весѣдахъ“ московскаго общества любителей словесности, въ академическихъ отчетахъ по уваровскимъ преміямъ (разборъ книги Аванасьева), но въ особенности, когда жилъ еще въ Москвѣ, много работалъ въ московскомъ археологическомъ обществѣ: подъ редакціей Котляревскаго издано было два тома „Трудовъ“ общества и одинъ томъ „Археологическаго Вѣстника“. Болѣе значительные его труды были: „Для сравнительной науки древности“, М. 1865; „Запоздалые листки изъ исторіи языка и литературы“, Ворон. 1871; „Къ вопросу о разработкѣ славянской міеологіи“, Спб. 1871; „Успѣхи славистики въ Россіи“—на чешскомъ языкѣ, въ журналѣ Чешскаго Музея, и отдѣльно, Прага 1874. Во время пребыванія за границей, Котляревскій издалъ въ Прагѣ два обширные труда по славянской археологіи: „Сказанія объ Оттонѣ Бамбергскомъ въ отношеніи славянской исторіи и древности“, 1874,

и „Древности юридическаго быта, балтійскихъ славянъ“, 1874. Последний трудъ онъ представилъ въ 1875 въ петербургскій факультетъ въ качествѣ диссертации на степень доктора. Въ это время ему разрѣшено было принять катедру славянской филологіи, предложенную ему кіевскимъ университетомъ, которому и принадлежали послѣдніе годы его дѣятельности.

Пребываніе за границей, между прочимъ, жизнь въ Италіи, мало помогло его здоровью; онъ продолжалъ болѣть. Каждую осень онъ чувствовалъ себя дурно, съ каждымъ годомъ все хуже; но онъ усердно работалъ въ университетѣ и въ кіевскомъ историко-археологическомъ „Обществѣ лѣтописца Нестора“.

Въ нынѣшнемъ году онъ издалъ книгу, которая должна была служить началомъ обширнаго труда, посвященнаго критической исторіи нашей филологической и археологической науки: „Древняя русская письменность. Опытъ библиологическаго изложенія исторіи ея изученія“ (Воронежъ, 1881; изъ „Филол. Записокъ“, 1879—1880). Это — систематическая библіографія, въ соединеніи съ критикою, трудовъ по изученію древней русской письменности, исполненная съ замѣчательною точностію и обиліемъ матеріала: трудъ, какіе очень рѣдко принимались въ нашей литературѣ. Подобныя обзрѣнія, кромѣ чисто историческаго интереса, какой имѣютъ онѣ представляя постепенное развитіе науки, возростаніе ея направленій и отдѣльныхъ вопросовъ, могутъ также быть чрезвычайно полезны практически, помогая новымъ изслѣдователямъ оріентироваться въ предметѣ, — на что обыкновенно тратится не мало времени. Изъ писемъ Котляревскаго нынѣшнимъ лѣтомъ мы знаемъ, что у него почти законченъ былъ второй, еще болѣе интересный отдѣлъ этого библиологическаго труда — исторія нашей этнографіи. Надобно желать, чтобы этотъ трудъ былъ изданъ по возможности немедленно, чтобы сохранилась историческая свѣжесть фактовъ: теперь онъ принесъ бы и наиболѣе пользы. Другая работа Котляревскаго за послѣднее время былъ подробный разборъ извѣстной книги г. Забѣлина: „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ“ (въ кіевскихъ „Универс. Извѣстіяхъ“).

Въ началѣ лѣта Котляревскій снова отправился за границу — уже совсѣмъ больной. Онъ жилъ въ Рейхенгаллѣ, но прекрасный климатъ, горный воздухъ этого края не избавили его отъ изнурившей его лихорадки. Онъ сохранялъ живой интересъ къ научнымъ вопросамъ, его не покидали юморъ и шутка, безъ которыхъ не обходился у него ни разговоръ, ни письмо; но болѣзнь угнетала. 4-го октября, когда въ здѣшнихъ газетахъ явилось первое извѣстіе о его смерти, принесенное телеграфомъ, мы получили его письмо изъ Пизы, отъ

8-го октября нов. ст., за три дня до смерти... Путь изъ Рейхенгалля былъ медленный и тягостный: въ каждомъ мѣстѣ, при каждой остановкѣ, — писалъ онъ, — его мучили приступы лихорадки — „такъ что, пока добрался до Пизы, отъ меня осталась одна тѣнь моя. Что будетъ далѣе — не вѣдаю“. Далѣе была смерть. Онъ умеръ 29-го сентября (11-го октября). Тѣло было перевезено въ Москву, гдѣ похороны совершены были 14-го октября, въ Покровскомъ монастырѣ.

Такъ безвременно кончилъ свою жизнь талантливый ученый, которому могла еще предстоять плодотворная дѣятельность. Имя его останется памятно въ исторіи русской науки, какъ ученаго изслѣдователя и преподавателя. Свидѣтели его профессорской дѣятельности, товарищи и ученики высказали свое уваженіе къ этой дѣятельности словами искренняго сочувствія и печали. Въ газетахъ сообщено было извѣстіе о засѣданіи кievскаго общества лѣтописца Нестора, посвященномъ памяти Котляревскаго, гдѣ близкіе свидѣтели его трудовъ говорили о достоинствахъ его какъ живого, многосторонняго преподавателя, о томъ благотворномъ вліяніи, какое онъ оказывалъ своей преданностью дѣлу науки, своимъ сочувствіемъ и помощью начинающимъ ученымъ. Къ сожалѣнію, то тяжелое испытаніе, которое ему пришлось вынести въ первые годы молодости, долго оказывало гнетущее вліяніе на его дѣятельность: онъ замыкался въ себѣ и уходилъ въ археологію, далекую отъ жизненныхъ вопросовъ и тревоженій. Только въ послѣдніе годы этотъ гнетъ, какъ намъ говорили, сталъ спадать, и Котляревскій болѣе свободно и открыто высказывался за жизненные условія науки, за ея право и достоинство. Изъ его писемъ мы знаемъ, что онъ съ негодованіемъ относился къ нѣкоторымъ неблагополучнымъ явленіямъ во внутренней жизни кievскаго университета за послѣдніе годы...

Котляревскій отличался обширной начитанностью, особенно въ своей спеціальности, и рѣдко кто былъ бы такъ способенъ произвести библиологическій трудъ, о которомъ мы упоминали. По своимъ средствамъ, онъ въ состояніи былъ собрать замѣчательную библіотеку по своему предмету. Это былъ великій знатокъ библіографіи, и библіоманъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Его библіотека, сколько мы слышали и знаемъ по его упоминаніямъ, должна заключать много рѣдкихъ и цѣнныхъ книгъ. Высказывались желанія, чтобы она сохранена была въ цѣлости и была сдѣлана доступной для спеціалистовъ. Мы выскажемъ и другое желаніе — чтобы близкіе ему люди озаботились изданіемъ оставшейся части его библиологическаго труда и собранія его сочиненій. Это сдѣлаетъ великую честь ихъ заботѣ и будетъ должной данью памяти Котляревскаго.

А. П.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е ноября, 1881.

I.

— *Переклады зъ Н. Гоголя (Два романтихъ зразен). Олени Личакм. Кіевъ. 1881.*
Зъ давняго житку. Пісні і думи. Переклавъ М. Старицкий. Кіевъ, 1881.

Щедринъ полагаетъ, что древнее изреченіе: *erga humanum est*, для нашего времени должно быть измѣнено въ: *humanum est mentis*. Дѣйствительно,—ограничиваясь литературной областью,—едвали когда видано было у насъ господство такой необузданной лжи, какъ теперь,—лжи, захватывающей самыя существенныя вопросы, самыя простые предметы, и лжи злокачественной, которая, извращая дѣло, знаетъ, что это извращеніе можетъ имѣть пожалуй самыя неблагополучныя послѣдствія для людей и для цѣлыхъ сторонъ общественной жизни. Будущій историкъ нашего времени подивится этому обилію лжи и зложелательства.

Этому настроенію извѣстной доли нашей печати подпадаетъ, между прочимъ, и вопросъ о литературномъ употребленіи малорусскаго языка,—вопросъ, о которомъ не однажды говорилось въ „Вѣстникѣ Европы“ и на который снова наводятъ малорусскія книжки, какія начали опять появляться.

Недавно, въ одномъ „органѣ“, имѣвшемъ свои большія достоинства, когда онъ имѣлъ смѣлость быть правдивымъ, но въ послѣднее время слишкомъ часто подпадающемъ упомянутому настроенію, говорилось слѣдующее:

„Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ органахъ, какъ провинціальной, такъ и столичной нашей печати стали раздаваться *громкіе (?)*, *болѣе и болѣе настойчивые (?)* голоса сначала за поляковъ, а потомъ за малоруссовъ. *Требуютъ (?)* какихъ-то *особыхъ (?)* правъ (?) для этихъ народностей, хотя онѣ, въ числѣ другихъ едино и разноплеменныхъ народовъ, входятъ въ составъ единой Россіи“. „Оставимъ на этотъ разъ поляковъ въ сторонѣ, хотя они и высоко подняли (?)

свои шляхетскія головы по поводу нашего литературнаго энміама (?); займемся пока малоруссами. Говорятъ, что необходимо *поднять* (?) малорусскую литературу и поэзію, *возстановить* (?) малорусское нарѣчіе, сдѣлать его обязательнымъ (?) для всѣхъ „чиновъ“ юго-западнаго края. Къ чему и для чего?... и такъ далѣе.

Не легко въ немногихъ строкахъ наговорить столько странно-стей и положительныхъ неправдъ въ тонѣ благоразумно негодующаго патриотизма. Оглянувшись на дѣйствительную, настоящую литературу, съ недоумѣніемъ ищешь тѣхъ вещей, о которыхъ говорится здѣсь совершенно положительно. Гдѣ эти „громкіе и болѣе и болѣе настойчивые голоса“? кто это, въ нашей печати, былъ такъ храбръ, что „требовалъ“, и еще требовалъ „особыхъ“ правъ? и если кто говорилъ о возможности дозволить малорусскія книги, какое это имѣетъ отношеніе къ „составу единой Россіи“? гдѣ наши поляки „поднимали головы“? гдѣ „литературный энміамъ“? кто говорилъ, что „необходимо поднять“ малорусскую литературу? можно ли говорить о „возстановленіи“ малорусскаго нарѣчія, которое живетъ понынѣ съ давнихъ вѣковъ? кто говорилъ объ его „обязательности“ для „чиновъ“?

Новѣйшая отечественная литература можетъ отучить удивляться чему бы то ни было; но удивительно, зачѣмъ было нужно это огульное извращеніе фактовъ, слишкомъ достаточно извѣстныхъ. „Къ чему и для чего?“

Въ дѣйствительности, положеніе вещей таково. Не далѣе, какъ пять лѣтъ тому назадъ, на малорусскую книгу и малорусскій языкъ наложено было запрещеніе, примѣнявшееся столь строго, что цензура не позволяла печатать малорусскихъ словъ даже къ музыкальнымъ нотамъ; формально и официально, запрещеніе не отменено до сей минуты, дѣлается только нѣкоторое послабленіе, и какъ слышно, готовится еще образованіе новой комиссіи для рѣшенія вопроса о малорусскомъ языкѣ, или нарѣчіи. Понятно, что при положеніи нашей печати и этомъ положеніи даннаго предмета нѣтъ возможности кому-нибудь заявлять „требованія“, поднимать „болѣе и болѣе настойчивые голоса“. Въ дѣйствительности, высказаны были только очень скромныя желанія, чтобы малорусскій языкъ былъ освобожденъ отъ запрещенія употреблять его въ книгѣ, въ нотѣхъ, въ концертѣ—въ средѣ малорусскаго народа, и высказывались очень деликатно сомнѣнія въ пользѣ этихъ запрещеній, направленныхъ противъ малорусскаго языка, или нарѣчія. Лица, подававшія въ защиту этого языка свой голосъ,—скромность котораго достаточно обезпечивалась уже существующимъ положеніемъ печати,—не говорили ничего такого, что заставило бы напоминать объ „единой“ Россіи: въ един-

ствѣ никто не сомнѣвался, а иные помышляли о томъ, какъ бы его еще усилить, расширить, дать ему болѣе сознательное нравственное основаніе.

Къ чему же дѣлается приведенное извращеніе фактовъ; кого и съ какой цѣлью хотятъ раздражать этимъ тономъ нетерпимости, съ какимъ говорится о предметѣ? Все это было бы понятно у несмысленныхъ фанатиковъ или у людей, сознательно мутящихъ воду для рыболовнаго промысла. Но изданіе, себя уважающее, не должно бы позволить себѣ подобнаго языка и забывать то, что уже говорилось серьезно, искренно и многократно по вопросу о малорусскомъ литературномъ языкѣ.

Если вопросъ все возвращается, это одно показываетъ, что здѣсь говорить дѣйствительная потребность цѣлаго края, принадлежащаго къ единому отечеству, но имѣющаго свои историческія и этнографическія особенности, отвергать которыя не позволяютъ учебники географіи и исторіи, даже вполне „одобренные“. Малорусъ естественно дорожитъ языкомъ своей родины и народа; эта привязанность становится для него нравственной связью съ народомъ, отсутствіе которой, въ другихъ случаяхъ, теперь именно ставятъ въ особенный укоръ образованному и высшему классу; на этомъ языкѣ создавалась и хранится народная поэзія высокаго художественнаго достоинства; вошедши въ книгу, этотъ языкъ имѣетъ уже многихъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ писателей, которыми дорожатъ ихъ земляки и которыхъ начинаютъ узнавать и цѣнить славянскіе единоплеменники; возрастающія нынѣ, съ развитіемъ нашей собственной науки, изученія этнографическія и историческія дѣлаютъ для малоруссовъ еще болѣе любезной ихъ народность и старину. Все это отражается, наконецъ, на желаніи дать еще болѣе совершенства своей народной рѣчи и ея литературной формѣ.

Не будучи малоруссомъ, но не потерявъ простой способности понимать нравственныя и человѣчныя явленія, нельзя отказать этому движенію въ сочувствіи. Если, можетъ быть, указать на какія-нибудь заявленія нетерпимости со стороны такъ-называемыхъ „украинофиловъ“ (нужно было дать особую кличку людямъ, любящимъ свою родину, и дѣлать изъ нея пунетъ доноса!), то не явились ли эти случаи нетерпимости прямымъ слѣдствіемъ того, какъ встрѣчено было это движеніе съ другой стороны?

Но обратимся къ книжкамъ, заглавія которыхъ мы выписали, и особенно къ первой. Малорусская литература, о которой у насъ говорятъ съ такой подозрительностью и угрозами, представляетъ нѣчто, еще далеко не опредѣлившееся; она еще стоитъ на распутии, не зная, гдѣ ея настоящій путь, къ чему слѣдуетъ ей направить свои усилія; главнѣйшіе ея дѣятели не рѣшили еще: должна ли она

остаться мѣстной литературой, ограниченной одними поэтическими и народно-педагогическими задачами, когда рядомъ русская литература удовлетворить потребностямъ и интересамъ высшей дѣятельности и научнаго знанія; или она должна поставить свою задачу шире, имѣя въ виду и ту отрасль малорусскаго племени, которая живетъ внѣ границъ Россіи, во многомъ тѣсно связана съ нашею южною Русью и, вслѣдствіе своего положенія, нуждается въ иной, болѣе широкой постановкѣ литературы? Оба взгляда имѣютъ свои основанія, достаточно серьезныя, и какую глубокую тревогу можетъ возбуждать въ умахъ впечатлительныхъ народный вопросъ, выражающійся въ этомъ литературномъ недоумѣніи, можетъ указать примѣръ г. Кулиша, нѣкогда одного изъ столповъ „украинофильства“, потомъ его—обвинителя и врага.

Для малорусской литературы остается вмѣстѣ не порѣшеннымъ и основной вопросъ—о языкѣ. Въ настоящую минуту литературный малорусскій языкъ еще далеко не въ состояніи выйти изъ упомянутыхъ тѣсныхъ мѣстныхъ предѣловъ на болѣе широкую дѣятельность; нужно еще много труда, чтобы онъ могъ служить для болѣе обширнаго горизонта понятій и болѣе сложныхъ цѣлей искусства.

Г-жа Елена Пчилка, иначе Елена Пчелка, представила въ своей книжкѣ два перевода изъ Гоголя. Цѣлью ея было съ одной стороны сдѣлать новый опытъ въ обработкѣ литературнаго малорусскаго языка, съ другой—въ переводѣ, нѣкоторымъ образомъ, возвратить Украинѣ писателя, который былъ ея сыномъ, котораго дѣятельность пропитана малорусской стихіей, но который условіями времени приведенъ былъ дѣйствовать на иномъ, не малорусскомъ поприщѣ, и давшемъ ему славу. Разбирая въ предисловіи вопросъ о нереводѣ Гоголя, г-жа Пчелка дѣлаетъ любопытныя замѣчанія, съ которыми мы впрочемъ не вездѣ согласны.

Мысль переводить Гоголя,—говорить авторъ,—приходила не одному украинскому писателю; сочиненія Гоголя, такъ часто относящіяся къ Украинѣ, естественно возбуждали эту мысль; но въ русской литературѣ не разъ высказывалось мнѣніе, что Гоголя не слѣдуетъ переводить,—что Гоголь самъ писалъ бы по-украински, еслибъ считалъ это нужнымъ. Но почему Гоголь не писалъ по-украински? Авторъ думаетъ, что это еще не рѣшенное дѣло. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что прежде всего дѣйствовали обстоятельства времени: Гоголь могъ естественно предпочесть языкъ, доставлявшій обширную массу читателей, чѣмъ писать заброшеннымъ мѣстнымъ языкомъ. Но кромѣ того, недостаточно было бы даже захотѣть писать на этомъ послѣднемъ; надо было умѣть. Умѣлъ ли это Гоголь? Современники его

разсказываютъ, что онъ прекрасно говорилъ по-украински; но знать прекрасно обиходный языкъ, еще не значитъ уметь владѣть имъ литературно, съ тѣми пріемами, какіе господствовали въ тогдашнемъ стилѣ; а для этого стиля малорусскій языкъ еще не былъ выработанъ, поэтому Гоголь и не могъ бы такъ написать своихъ твореній по-малорусски, какъ написалъ ихъ по-русски. Только позднѣе изученіе народной поэзіи, сочиненія талантливыхъ писателей, какъ Шевченко, Марко Вовчокъ, Кулишъ, Стороженко, дали украинской литературной рѣчи силу, какой она прежде не имѣла.

Но переводить Гоголя теперь ничто не мѣшаетъ; напротивъ, онъ въ особенности можетъ быть переведенъ, потому что „не только своимъ происхожденіемъ, но талантомъ, мировоззрѣніемъ и симпатіями Гоголь есть именно украинскій писатель.“ Не только матеріалъ его произведеній взятъ на Украинѣ, но произведенія его свидѣлствуютъ, что сильнѣйшія симпатіи Гоголя были украинскія. Авторъ указываетъ извѣстные восторженные отзывы Гоголя о малорусской пѣснѣ (искренніе, безъ сомнѣнія, но высказанные, можетъ быть, нѣсколько аффектированно?); указываетъ, что новыя этнографическіе сборники открыли въ подлинныхъ народныхъ преданіяхъ почти всѣ темы „Вечеровъ на хуторѣ“, и замѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ русскій языкъ разсказовъ не былъ достаточно для передачи всѣхъ подробностей изображенія, и что украинскихъ словъ встрѣчалось бы въ нихъ, вѣроятно, больше, еслибы Гоголь не опасался быть непонятнымъ своими читателями въ русскомъ обществѣ. Но если въ то время не было ни украинскихъ писателей, ни читателей, то теперь сочиненія Гоголя, по мнѣнію автора, могутъ быть вполне переданы на малорусскомъ языкѣ.

Затѣмъ, авторъ переходитъ къ вопросу о состояніи малорусской литературной рѣчи. Автору приходится защищать ее отъ людей, обвиняющихъ ее за нововведенія, неизвѣстныя настоящему народному языку. Очевидно, говоритъ авторъ, что книжный языкъ не можетъ быть вполне такимъ, какимъ говорятъ; каждый языкъ, на которомъ начинаютъ писать, принимаетъ необходимо новыя черты и новыя слова, которыя и дѣлаютъ его литературнымъ. „Кованна“ слова необходимы для выраженія понятій и предметовъ, неизвѣстныхъ народной массѣ. Въ подтвержденіе авторъ указываетъ на такую же разницу русскаго литературнаго языка съ народнымъ (народъ не пойметъ высокихъ твореній Лермонтова, Пушкина, Тургенева), и думаетъ, что въ этомъ отношеніи украинскій книжный языкъ представляетъ и представить при дальнѣйшей разработкѣ больше достоинствъ, нежели русскій.

Справедливо, что русскій литературный языкъ не вдругъ дошелъ до своего послѣдняго состоянія, что въ немъ бывало много

тяжелого и не-народнаго. Мы не станемъ осуждать привязанности автора къ своему родному слову, которое можетъ казаться ему лучше русскаго; но нѣкоторыя изъ его мнѣній должны отвергнуть, какъ не совсѣмъ отвѣчающія исторической дѣйствительности. Указывая, напримеръ, на „чужезычную фонетику“ въ русскомъ литературномъ языкѣ (какъ: брегъ, младой, хладный и т. п.), авторъ забываетъ, что она была не совсѣмъ чужая, такъ какъ церковно-славянскій языкъ многіе вѣка былъ настоящей основой русскаго книжнаго языка; и если сталъ отступать все болѣе съ XVIII вѣка, то оставался весьма привычнымъ по старой памяти и какъ несмѣнявшійся языкъ церкви; господство славянской фонетики часто бывало только дѣломъ стиля, она принималась въ „высокомъ слогѣ“ и исчезала въ „среднемъ“ и „низкомъ“; наконецъ, эта фонетика не совсѣмъ „чужезычная“, потому что является иногда и въ народной поэзи. Далѣе, русскія литературныя слова, осуждаемыя авторомъ, какъ „восторгъ“, „мировоззрѣніе“ и т. под., слова или славянскаго происхожденія, или новой книжной формакціи,—опять не составляютъ въ русскомъ языкѣ чего-либо чуждаго: слова подобнаго рода или издавна вошли въ языкъ высшихъ понятій, для которыхъ и не можетъ быть чисто-народнаго слова,—или являются какъ новая формація для выраженія новыхъ научныхъ понятій, которая составляетъ вовсе не недостатокъ и слабость, а напротивъ, силу и жизненность языка. Мы могли бы указать примѣры, что новѣйшіе украинскіе писатели, гдѣ имъ приходилось выражать эти высшія понятія, цѣлкомъ брали русскія слова подобнаго склада. У нѣмцевъ слова, какъ Weltanschauung, das Ding an sich или für sich, и проч. и проч., также ни мало не принадлежать народному языку.

Авторъ ожидаетъ великаго обогащенія украинскаго книжнаго языка изъ обильнаго источника народно-поэтическихъ произведеній; но этотъ источникъ можетъ служить только въ предѣлахъ известнаго народно-бытоваго содержанія, но прибавить очень немного (или ничего) для выраженія научныхъ и высшихъ общественныхъ понятій.

Наконецъ, сравнивая два литературныя языка, авторъ забылъ одно обстоятельство, которое владетъ весьма существенную разницу между ними—именно: употребленіе языка государственное, употребленіе его въ общественной жизни и въ высшемъ научномъ преподаваніи. Эти три условія даютъ такое сильныя побужденія и богатые средства къ развитію литературнаго языка, каковыхъ не можетъ замѣнить самая усердная кабинетная разработка языка...

Въ книжкѣ помѣщенъ переводъ одного разсказа изъ „Вечеровъ на хуторѣ“ и „Записокъ сумасшедшаго“. Предоставимъ критикамъ малорусскимъ судить о достоинствѣ перевода, о качествахъ языка. По всей вѣроятности, переводъ ловѣсти, малорусской по сюжету,

вышелъ очень хорошъ; и, по всей вѣроятности, переводъ „Записокъ сумасшедшаго“ вышелъ тяжелѣе. Г-жа Пчелка полагаетъ, что герой и этой повѣсти — малоруссъ, по видимой задумчивости его характера. Можетъ быть, — но это не измѣняетъ трудности передать по-малорусски содержаніе разсказа, идущаго среди петербургской чиновнической обстановки. Здѣсь мы имѣемъ образчикъ той трудности, какая возникаетъ при передачѣ на языкѣ, какъ малорусскій, такихъ общественныхъ формъ и понятій, которыя въ жизни не выражаются на этомъ языкѣ. Трудность еще возрастаетъ, когда рѣчь идетъ о формахъ и понятіяхъ, еще болѣе сложныхъ, о возвышенныхъ областяхъ научнаго знанія, о мудреныхъ тонкостяхъ всевозможныхъ явленій жизни, до возможности выраженія которыхъ, напримѣръ, русскій языкъ дошелъ только черезъ долгую вѣковую школу изученій, научнаго и поэтическаго труда. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что не только въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, но и теперь, когда, по словамъ г-жи Пчелки, малорусскій книжный языкъ уже очень выработанъ, Гоголь не въ состояніи былъ бы написать по-малорусски многія изъ своихъ лучшихъ страницъ: ему не достало бы этого языка.

Вообще, вопросъ о литературномъ языкѣ не такъ простъ, какъ, повидимому, представляется автору. Мы считаемъ несправедливыми стѣсненія, какія ставятся часто развитію мѣстныхъ литературъ, но думаемъ также, что дѣятели послѣднихъ не должны закрывать глаза на вѣкоторыя существенныя обстоятельства, опредѣляющія отношеніе литературъ мѣстныхъ къ господствующей: вниманіе къ этимъ обстоятельствамъ можетъ предохранить отъ преувеличенія и ошибокъ.

Книжка г. Старицкаго заключаетъ, кромѣ немногихъ собственныхъ стихотвореній, переводы изъ Байрона, Гейне, Мицкевича, Сыромли, и множества пѣсенъ изъ сборника Караджича. Переводы г. Старицкаго считаются образцовыми. — Строгимъ судіямъ малорусской литературы укажемъ маленькое предисловіе этой книжки: авось они поймутъ положеніе дѣла.

Викторъ Рагозинъ. Волга. — Томъ второй. Отъ Оки до Камы. Географическій обзоръ Волги. Географическо-историческій обзоръ Оки и Камы. — Томъ третій. Отъ Оки до Камы. О народахъ по средней Волгѣ. Историческій очеркъ. Спб. 1881. Съ атласомъ.

Въ свое время мы говорили о первомъ томѣ изданія г. Рагозина; передъ нами теперь еще два тома съ рисунками и прекраснымъ подробнымъ атласомъ теченія Волги отъ Оки до Камы. По прежнему предположенію, описаніе этого пространства теченія Волги должно было занять одинъ томъ; но матеріалъ, географическій, историческій, этнографическій, накопился въ такомъ количествѣ, что для наложенія потребовалось вмѣсто одного два тома. Такимъ образомъ, второй

томъ занять географическимъ обзоромъ Волги и историко-географическимъ описаніемъ Оки и Камы; третій томъ—историческимъ обзоромъ инородческаго населенія Волги, и въ приложеніяхъ, таблицами разныхъ подробностей теченія Волги, ея притоковъ, мелей, спискомъ населенныхъ мѣстъ по Волгѣ, Окѣ и Камѣ, и т. п.

Нельзя не высказать онятъ полнаго сочувствія прекрасному предпріятію г. Рагозина. Волга, въ ея историко-этнографическомъ значеніи въ судьбахъ русскаго народа, въ ея значеніи торгово-промышленномъ и бытовомъ, съ ея ролью въ народномъ преданіи и повѣи, конечно, давно требовала бы подробнаго описанія; и если теперь много говорится о необходимости изученія нашей страны и народа, то Волга и привязанная къ ней народная жизнь особенно вызывала бы это изученіе. Предпріятіе г. Рагозина и его сотрудниковъ разсчитано на широкіе размѣры, которые, какъ видимъ, еще вырастаютъ при исполненіи; при всемъ томъ предметъ такъ обширенъ и захватываетъ, въ самомъ планѣ изданія, столько разныхъ специальныхъ вопросовъ—геологій, топографій, гидрографій, исторій, этнографій и пр., что въ первомъ опытѣ ихъ объединенія трудно ожидать законченности. Такое замѣчаніе можно сдѣлать объ историко-этнографическомъ отдѣлѣ, въ которомъ надо бы желать болѣе полноты, самостоятельности и точности. Книга воспользовалась относительно инородцевъ главнѣйшимъ извѣстнымъ матеріаломъ, но могла бы очень расширить его, принявъ, между прочимъ, во вниманіе свѣдѣнія, разсыянные въ мѣстныхъ изданіяхъ; этихъ свѣдѣній не мало, и они были бы не лишними. Можно было также воспользоваться новыми изслѣдованіями археологическими. Напримѣръ, о болгарахъ волжскихъ авторъ ограничился почти только отрывкомъ изъ Ибнъ-Фодлана, переведеннымъ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Плюшара; но Ибнъ-Фодланъ существуетъ въ недавнемъ полномъ переводѣ, и свѣдѣнія о волжскихъ болгарахъ не такъ отчаянно скудны, какъ жалуется авторъ, — онъ нашелъ бы не мало любопытнаго въ изслѣдованіяхъ Гаркави, Куника и др. Относительно мордвы, чувашъ, черемисъ и пр., авторъ обыкновенно довольствуется простымъ сопоставленіемъ извѣстій старыхъ и новыхъ писателей, и встрѣчая противорѣчія, иногда самыя рѣзкія, выбираетъ то, что ему кажется болѣе вѣроятнымъ или отвѣчаетъ его теоретически составившемуся взгляду. Читатель остается иногда въ недоумѣніи,—какъ ему понимать показанія приводимыхъ источниковъ, показанія Лепехина, Сбоева, Вабста и т. п., какая между ними разница и какъ мирить ихъ разнорѣчія. Казалось бы, что для такого широкаго предпріятія, какъ настоящее, можно было бы сдѣлать и какія-нибудь самостоятельныя наблюденія, поѣздки въ инородческія поселенія, разспросы на мѣстѣ и т. п. Вопросы, о которыхъ идетъ рѣчь, имѣютъ большое этнографическое значеніе, —

какъ, напримѣръ, достовѣрная картина инородческаго быта; а иногда имѣютъ и еще болѣе широкій интересъ, какъ, напримѣръ, вопросъ о свойствахъ обрусенія инородцевъ,—въ какихъ размѣрахъ оно совершается, чѣмъ обнаруживается—добромъ или зломъ для населенія, и какого рода контингентъ принимаетъ въ себя русская народность въ обрусѣлыхъ инородцахъ.

Требовалось бы иногда и болѣе точности въ изложеніи. Въ самыхъ первыхъ строкахъ третьяго тома авторъ говоритъ: „...въ глубокой древности по среднему теченію Волги (т.-е. собственно первой части ея) жили народы финскаго племени. Въ западной окраинѣ нынѣшней нижегородской губерніи (въ горбатовскомъ уѣздѣ) жили мещеры, въ восточной и за Волгой—черемисы; а все остальное пространство занимала мордва“. А болгары, чуваша?—о которыхъ и идти дальше рѣчь.

Но затѣмъ, какъ книга популярная, „Волга“ имѣетъ свои большія достоинства. Книга вообще написана легко и занимательно; топографическое описаніе перемежается описаніемъ мѣстнаго ландшафта, указаніемъ лучшихъ видовъ, историческими воспоминаніями и преданьями; исторія останавливается на главныхъ чертахъ событій и соединяется съ описаніями этнографическими; за тѣмъ и другія не забывается значеніе края въ общемъ вопросѣ русской исторіи и народной жизни. Разсказъ ведется съ любовью къ предмету, и это отражается на впечатлѣніи читателя, несмотря на неровности книги.

Въ одномъ мѣстѣ автору приходитъ въ голову сравненіе Волги съ Рейномъ со стороны естественной красоты, и онъ отдаетъ предпочтеніе Волгѣ. Онъ недоумѣваетъ: „почему русскіе, имѣющіе средства путешествовать, часто путешествуютъ по Рейну и, кажется, никогда по Волгѣ“. Если даже иностранцы пріѣзжаютъ посмотрѣть Волгу, то отчего не интересуются ею русскіе? „Это очень странно въ виду того, что Волга, это величайшая изъ рѣкъ Европы, есть рѣка русская, протекаетъ по самой серединѣ, чуть не изъ конца въ конецъ, все русское государство, и Поволжье обнимаетъ собою такимъ образомъ самыя разнообразныя мѣстности во всѣхъ отношеніяхъ. При нынѣшнихъ дешевыхъ и удобныхъ способахъ сообщенія по Волгѣ, всѣ сколько-нибудь состоятельные русскіе должны были бы отправить своихъ дѣтей, для завершенія ихъ общаго образованія, въ путешествіе по Волгѣ: Волга оказала бы въ этомъ случаѣ немалую услугу въ воспитательно-образовательномъ отношеніи для подрастающаго русскаго молодого поколѣнія“ (т. II, стр. 238).

Съ этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ мы совершенно согласны: путешествіе по Волгѣ, въ сносныхъ условіяхъ, есть великое удовольствіе, подрастающему юношеству оно могло бы дѣйствительно служить прекраснымъ воспитательнымъ средствомъ—для знакомства съ

своимъ отечествомъ не по однимъ книгамъ, а по живой картинѣ природы, по непосредственному зрѣлищу народной жизни. Когда-то это будетъ! — Но отчего же этого нѣтъ? Отчего русское общество не интересуется Волгой, не ѣдетъ смотрѣть ее, какъ ѣдетъ на Рейнъ и т. д.? На это есть разныя причины, а авторъ, подумавши, самъ нашелъ бы ихъ. Въ Европу ѣдутъ не для одного Рейна, не для однихъ красотъ природы, — которыя въ Европѣ есть истинно поразительныя и привлекательныя тѣмъ болѣе, что окружены замѣчательной культурой; если не считать тѣхъ, кто ѣдетъ туда съ пустой головой, сорить деньгами, и вторыми нечего совѣтовать ѣхать на Волгу, въ Европу влечетъ русскихъ людей много естественныхъ и высокихъ интересовъ, наука всякихъ отраслей, искусство, техническое знаніе, промышленность, любопытство историческое, общественно-политическое и т. д., наконецъ, необходимость мягкаго климата и врачебной помощи. У насъ въ послѣднемъ отношеніи есть Крымъ и Кавказъ; но авторъ, вѣроятно, самъ знавалъ людей, которые бывали тамъ или здѣсь, и заваялись ѣхать туда вторично... Путешествія, съ цѣлю изученія отечества и народа, никогда не были у насъ особенно удобны, а въ послѣднія двадцать лѣтъ они чрезвычайно неудобны, даже не безопасны съ разныхъ сторонъ...

„Намъ, кажется, — продолжаетъ авторъ, — что нѣтъ ѣдущихъ по Волгѣ ея любятъ болѣе пассажиры 3-го класса, нежели пассажиры другихъ двухъ классовъ. Пріятно было бы въ этомъ ошибиться; но едва ли мы ошибаемся: въ публикѣ 3-го класса и частію 2-го гораздо больше лицъ (и абсолютно, и относительно), которыя самую жизнь поставлены въ тѣснѣйшія отношенія къ Волгѣ; очень многія изъ этихъ лицъ выросли на Волгѣ. Въ душѣ ихъ скоронено множество самыхъ разнообразныхъ и часто глубокихъ, порою горькихъ, по большенной частію самыхъ пріятныхъ воспоминаній и впечатлѣній... Благодаря этимъ воспоминаніямъ, прочно связаннымъ съ Волгою, послѣдняя прелестна для большинства (?) русскаго люда даже въ тѣхъ частяхъ ея, гдѣ на взглядъ много нѣтъ ничего привлекательнаго, гдѣ только и видны длинныя песчанныя отмели, бѣгающіе по нимъ жулики, и низкій тальникъ“... Авторъ припоминаетъ слова поэта:

...О, Волга! послѣ многихъ лѣтъ,
Я вновь принесъ тебѣ привѣтъ...

О, Волга!.. колыбель моя!
Любилъ ли кто тебя, какъ я?
Однѣ, по утреннимъ зарямъ,
Когда еще все въ мирѣ спитъ
И алый блескъ едва скользитъ
По темно-голубымъ волнамъ,
Я убѣгалъ къ родной рѣкѣ...”

Но надо припомнить, что Волга, восхищавшая поэта на его родинѣ, была далеко не та настоящая, грандіозная Волга, которая подѣйствовала на воображеніе народа и внушила ему то теплое, сочувственное представленіе, какое выразилось въ народной поэзіи.

— *Дифтеритъ*. Критическій этюдъ М. Зелетскаго. Спб. 1881.

Мы запоздали упоминаніемъ объ этой книгѣ; между тѣмъ она заслуживаетъ полного вниманія, когда дифтеритъ такъ прочно у насъ утвердился. Медицинская наша литература слишкомъ бѣдна самостоятельными работами по изслѣдованію дифтерита, несмотря на то, что этотъ неумолимый бичъ, почти исключительно дѣтей, лѣтъ 20—30 тому назадъ едва извѣстный въ нашемъ отечествѣ однимъ специалистами, въ послѣднее время быстро завоевалъ себѣ права гражданства и, въ наши дни, у всѣхъ на языкѣ. Авторъ излагаетъ обстоятельно господствующія въ наукѣ гипотезы о сущности дифтерита, его исторію, этиологію, діагностику, профилактику, терапію и пр. Онъ основательно ознакомился со всѣми наиболее видными въ нашей и европейской литературѣ авторитетами по этому спеціальному вопросу, подробно изложилъ, разобралъ и проверилъ болѣе извѣстныя теоріи о сущности дифтерита и пришелъ къ убѣжденію, что ни одна изъ нихъ въ своихъ конечныхъ выводахъ неосостоятельна. Даже знаменитая „микробіотическая гипотеза“, признающая микроскопическихъ грибовъ-бактерій ближайшею причиною и родоначальниками дифтерита (инфекція), по мнѣнію автора, не выдерживаетъ критики, такъ какъ онъ убѣжденъ, что самне микробки суть только постоянные спутники дифтерита, прямой результатъ его разрушительной силы, или продуктъ разпада ячеекъ пораженныхъ имъ тканей. Отвергнувъ старыя теоріи о сущности дифтерита, авторъ создаетъ и развиваетъ свою собственную, самостоятельную. Дифтеритъ, по мнѣнію его, есть не что иное, какъ упадокъ жизни и смерть (некрозъ) ячеекъ пораженныхъ тканей, или „клетчатая гангрена“. Онъ можетъ развиваться, или, 1) *самостоятельно*, вслѣдствіе упадка жизненныхъ процессовъ: кроветворенія, питанія, иннервации и пр., въ клеточкахъ тканей, или, 2) *путемъ зараженія*, не только чрезъ прямое соприкосновеніе съ предметами, пропитанными миазмой, но даже чрезъ воздухъ, насыщенный ею. Миазма же дифтеритическая есть специфическій ядъ, заразительный какъ оспа, скарлатина, сифилисъ, чума и пр., недоступный доселѣ физическому и химическому анализу, матеріально неуловимый. Дифтеритъ, слѣдовательно, по убѣжденію автора, болѣзнь не только инфекціонная, но, главнымъ образомъ, контагіозная. Мы очень далеки отъ того, чтобы вполне признавать гипотезу автора неоспоримую, и убѣждены

даже, что подобно многимъ другимъ, построеннымъ а priori гипотезамъ, она вызоветъ массу возраженій, и далеко не разсвѣтъ глубокой тьмы, покрывающей вопросъ въ его основѣ. Но, тѣмъ не менѣе трудъ г. Зеленскаго заслуживаетъ вниманія, какъ попытка освѣтить вопросъ съ новой стороны. Практическому врачу важно и необходимо при постели больного быть вооруженнымъ готовою и проверенною опытами теоріею болѣзни, проливающей на нее свѣтъ. Г. Зеленскій подходитъ къ постели страждущихъ дифтеритомъ съ такого рода теоріею, и предлагаетъ ее практическимъ врачамъ. Онъ удѣляетъ въ своей монографіи много мѣста гигиенѣ дѣтей и профилактикѣ, т.-е. устраненію причинъ, способствующихъ развитію дифтерита, даетъ много здравыхъ, практическихъ совѣтовъ родителямъ относительно содержанія здоровыхъ и больныхъ дѣтей, пищи, одежды, воздуха и пр., и потому предназначилъ свой трудъ „для врачей и родителей“.

II.

— *B. Carneri, Grundlegung der Ethik. Wien, 1881.* (Карнери, Основанія этики).

Карнери былъ одинъ изъ первыхъ нѣмецкихъ ученыхъ, принявшихъ ученіе Дарвина и отнесшихся къ нему съ надлежащей серьезностью. Въ 1871 году онъ выступилъ съ книгою „Sittlichkeit und Darwinismus, 3 Bücher Ethik“, въ которой сдѣлалъ попытку преобразовать нравственную философію согласно требованіямъ дѣйствительности, объясняемой современною наукою. Эта книга не имѣла большого успѣха, но была замѣчена. Дерптскій профессоръ Зейдлицъ въ своемъ обзорѣ успѣховъ дарвинизма (*Die Darwin'sche Theorie, 2 Auflage*) считаетъ ее самой глубокою книгою, появившеюся въ то время по вопросамъ нравственности. Главная заслуга Карнери заключалась въ томъ, что онъ разрушилъ предрассудокъ, будто наука и теорія развитія въ особенности вредятъ нравственности, такъ какъ, расшатывая старыя основы добраго поведенія людей, онѣ не даютъ имъ въ замѣнъ ничего, кромѣ вѣры въ существованіе жестокаго, каннибальскаго принципа борьбы за существованіе, оправдывающаго будто-бы всякія насилія и несправедливости.

Теперь Карнери издалъ въ свѣтъ новое сочиненіе, представляющее систематизацію высказанныхъ имъ раньше идей.

Сущность нравственной философіи Карнери состоитъ въ слѣдующемъ. Все живое стремится къ усовершенствованію (*Vervollkommenung*). Въ низшихъ животныхъ стремленіе это выражается въ формѣ самосохраненія; въ человѣкѣ—въ сознательномъ различеніи страданія отъ наслажденія и въ стремленіи къ счастью (*Glückselig-*

keit). Такъ какъ стремленіе къ счастью неразлучно съ доброй волей (Wille des Guten), то отсюда вытекаетъ, что оно достигаетъ цѣли лишь путемъ добродѣтели и само, строго говоря, есть не что иное, какъ добродѣтель. Подъ счастьемъ или блаженствомъ Карнери разумѣетъ не вѣчное блаженство вѣрующихъ; съ такимъ блаженствомъ наукъ нечего дѣлать, и понятіе о немъ превосходитъ предѣлы чловѣческаго разумнiя; блаженствомъ онъ называетъ наибольшую сумму матеріальныхъ и нравственныхъ благъ, которыми можетъ пользоваться когда-нибудь чловѣчество и къ чему должно стремиться роковымъ образомъ. Нравственная философія Карнери — это такъ называемый эвдемонизмъ на основѣ теорiи развитiя.

Книга распадается на три части. Первая часть посвящена вопросамъ о жизни, о душѣ и о чловѣкѣ. Во взглядѣ на жизнь авторъ сходится съ Кюдъ-Бернаромъ и не считаетъ возможнымъ сдѣлать ея опредѣленiя; жизнь можетъ быть характеризуема, но не опредѣляема. Какъ она произошла и когда — это тайна. Но несомнѣнно, что она возникала постепенно. Гдѣ кончается мертвая природа и начинается живая — мы въ точности не знаемъ; здѣсь переходы неуловимы. Поэтому мы можемъ разсматривать природу вообще, какъ жизнь въ полномъ ея расцвѣтѣ. Говоря объ одномъ какомъ-нибудь ея явленiи, неизбѣжно приходится брать во вниманіе совокупность жизненныхъ явленiй. Философъ въ особенности долженъ имѣть постоянно передъ глазами всю картину жизни, какъ бы спеціаленъ ни былъ предметъ его изслѣдованiя. Такимъ образомъ этика, предметъ которой — нравственность, то-есть высшая степень развитiя духовной жизни, можетъ быть только натур-философіею, и отдѣльно отъ явленiй жизни явленiя нравственности не могутъ быть трактуемы. Жизнь, однимъ словомъ, есть точка отправленiя нравственности.

Но что такое духовная жизнь? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, Карнери разсматриваетъ предварительно различныя современныя гипотезы о природѣ души (Seele), предложенныя Геккелемъ, Егеромъ, Шнейдеромъ и Вундтомъ. Онъ полагаетъ, что душа есть въ сущности синонимъ жизни, въ чемъ, такъ или иначе, и сходятся между собою вышеупомянутые ученые. На низшихъ ступеняхъ развитiя животная жизнь, дѣйствительно, совершенно совпадаетъ съ духовной жизнью, ибо одинаково выражается въ способности протоплазмы раздражаться. Но мало-по-малу совершается раздѣленіе физиологическаго труда, и извѣстныя функціи начинаютъ отпавляться только извѣстными органами, по мѣрѣ того, какъ низшія формы прогрессируютъ и превращаются въ высшія. Выдѣляется нервная система, и духовная жизнь становится сложнѣе. Головной мозгъ является мѣстомъ, гдѣ животное сознаетъ себя какъ цѣлое, то-есть чувствуетъ себя или

представляетъ. А разъ возникло это сознаніе, возникло и то, что, въ отличіе отъ души, можетъ быть названо духомъ. Функція души — бессознательны, инстинктивны; функція духа — сознательны, разумны.

Область нравственности — поведеніе человѣка, направленное инстинктами и разумомъ. Роль разума въ данномъ случаѣ верховная, такъ что тѣмъ разумнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ нравственно способнѣе, и только прогрессивнымъ развитіемъ разумности обуславливается развитіе нравственнаго принципа.

Вторая часть книги сначала рассматриваетъ законы мышленія, называемые авторомъ естественными законами духа, развившимися, какъ и все въ природѣ, въ направленіи наименьшаго сопротивленія, потомъ страсть, волю и умъ. Страсти, на которыя ветхозавѣтные психологи смотрѣли какъ на злыхъ демоновъ, подзадоривающихъ духъ къ совершенію различнаго рода грѣховъ, берутся авторомъ подъ защиту. Онѣ только показатели энергіи, какую мы можемъ развитъ, направивъ нашу дѣятельность на тотъ или другой пунктъ. Душевное спокойствіе — великое благо, но лишь въ такой степени, въ какой можетъ быть названа благомъ ясная погода послѣ счастливо пронесшихся бурь. Что касается воли и ума, то это лишь двѣ стороны нашего сознательнаго существованія. Умъ — это мы сами, или, правильнѣе, — совокупность нашихъ ощущеній въ ихъ взаимно-противопоставленіи. И такъ какъ сознаніе есть синтезъ нашихъ ощущеній, которыя, съ другой стороны, являются какъ подкладка жизни, безъ которой немислимъ инстинктъ самосохраненія, обуславливающий собою всѣ другіе инстинкты, то вышеупомянутая совокупность нашихъ ощущеній есть также воля. Въ строгомъ смыслѣ этого слова, воля можетъ быть признана принадлежностью только человѣка. Единеніе ума и воли является какъ разумъ и разрѣшаетъ человѣку загадку, какъ слѣдовать инстинкту счастья или стремленію въ блаженству.

Такимъ образомъ, разумъ, этотъ совершенный умъ, становится преимущественно носителемъ нравственности. Онъ есть самъ нравственный принципъ. Любовь, общественное чувство, гуманность освѣщаются имъ, какъ солнцемъ.

Третья часть книги Карнери, между прочимъ, посвящена идеалу. Нравственный человѣкъ не можетъ быть отдѣленъ отъ эстетическаго. Что понятія для ума, то идеи для разума, которыя суть конкретныя понятія. Только такія конкретныя понятія въ состояніи возбуждать дѣятельность духа, называемую фантазіей. Фантазія же рождаетъ идеалы. Эстетическій идеалъ — прекрасное, нравственный — хорошее (добро — въ противоположеніи злу). Первый приводитъ во второй, и если произведеніе искусства отвѣчаетъ законамъ этого послѣдняго, оно тѣмъ самымъ нравственно, ибо нравственно все то, что увеличиваетъ сумму нашихъ наслажденій. Отсюда уже ясно, что эстети-

ческій идеалъ есть счастье человѣка, или блаженства, какъ выражается авторъ. Но такъ какъ нѣтъ нигдѣ въ природѣ идеальнаго блаженства въ готовомъ видѣ, то приходится его создавать. Трудъ есть поэтому въ высшей степени нравственная дѣятельность, направленная къ тому, чтобы блага, которыми можетъ пользоваться человечество, выросли и накопились. На томъ основаніи имѣется здѣсь въ виду человечество, что нельзя наслаждаться полнымъ блаженствомъ, пока не будутъ всѣ счастливы или блаженны. Эгоистическій нравственный идеалъ есть въ то же время и альтруистическій, общечеловѣческій. Этимъ объясняется, между прочимъ, тайна самопожертвованія въ тѣхъ случаяхъ, когда охотно расстаются съ жизнью или подвергаютъ себя величайшимъ опасностямъ люди, не имѣющіе въ виду ни награды въ загробномъ мірѣ за свой подвигъ (загробный міръ для нихъ не существуетъ), ни славы въ этомъ, ни тѣмъ болѣе матеріальныхъ выгодъ, и приводящіе своимъ самопожертвованіемъ въ удивленіе или негодованіе недостаточно развитыя или нравственно ограниченныя натуры. Такіе люди представляютъ яркіе образчики людей будущаго, они идеальны, хотя при поверхностномъ взглядѣ и кажутся фантазерами.

Недостатки Карнери, какъ философа и моралиста, не велики сравнительно съ его достоинствами, ибо нравственная философія его ясна и позволяетъ дѣлать надлежащіе выводы тамъ, гдѣ, взамѣнъ ихъ, имѣются только данныя. Но, къ сожалѣнію, послѣднее не всегда случается, и авторъ иногда унижается до оправдыванія, посредствомъ своей этики, нѣкоторыхъ некрасивыхъ сторонъ современной государственной жизни. Даже и въ противномъ случаѣ книга потеряла бы со стороны солидности. Теперь же эти мѣста (напр., о социализмѣ по Гёккелю и Оскару Шмидту) производятъ просто непріятное впечатлѣніе, ибо идутъ въ разрѣзъ съ основной мыслью сочиненія, въ общемъ, тѣмъ не менѣе, весьма замѣчательною.

— *Oscar de Vallée*. „André Chénier et les Jacobins“. Paris 1881. (Оскаръ де-Валле. „Андрей Шенье и якобинцы“).

Цѣлая книга объ отношеніяхъ Шенье къ якобинцамъ можетъ очень заинтересовать тѣхъ, кому извѣстно имя знаменитаго французскаго поэта. Къ сожалѣнію, книга де-Валле не оправдываетъ ожиданія, какое возбуждается ея заглавіемъ. Это—не настоящая, спокойная и безпристрастная исторія, а нѣчто въ родѣ памфлета, гдѣ имя Шенье служитъ нерѣдко ширмой для мнѣній автора, враждебныхъ современному порядку вещей во Франціи. Это обстоятельство очень умѣраетъ интересъ книги, если не совсѣмъ уничтожаетъ.

Автору этой книги кажется, что современная Франція увлекается въ бездну анархіи. Встрѣженный такимъ положеніемъ вещей въ своемъ отечествѣ, онъ пожелалъ воспользоваться именемъ Шенье, чтобы обратиться съ поучительной рѣчью къ своимъ согражданамъ. Онъ говоритъ въ предисловіи къ своей книгѣ: „я думалъ найти въ этой борьбѣ (Шенье съ якобинцами) и въ этихъ жестокихъ воспоминаніяхъ подходящее къ дѣлу поученіе. Это слово меня не пугаетъ и я хотѣлъ, гораздо болѣе перомъ Шенье, чѣмъ своимъ собственнымъ, поставить передъ нашими глазами нѣкоторые отрывки изъ исторіи, которые похожи на зеркало, гдѣ, я знаю, каждый увидитъ вещи по-своему и какъ ему нравится, но гдѣ многіе, я надѣюсь, увидать то, что видѣлъ я самъ безпристрастнымъ взглядомъ“.

Авторъ слѣдитъ за политической борьбой, какую велъ Шенье съ своими противниками, приводитъ изъ статей его многочисленныя выдержки и сопровождаетъ ихъ своими, „подходящими къ дѣлу“, замѣчаніями, въ томъ смыслѣ, что слова Шенье будто бы имѣютъ и современное примѣненіе. Въ этомъ главное содержаніе книги. Въ концѣ разсказаны нѣкоторые факты о послѣднихъ дняхъ жизни Шенье и его товарища по журналу Руше (Roucher), раздѣлившему съ нимъ одну участь, о революціонномъ трибуналѣ, судившемъ Шенье, о „тюремномъ заговорѣ“, участникомъ котораго онъ былъ названъ, но въ которомъ не участвовалъ. Какъ видно изъ приведенныхъ словъ автора, онъ, чтобы быть выслушаннымъ, употребилъ средство—заставить говорить за себя Шенье, имя котораго внушаетъ такіа теплыя симпатіи. Чтобы средство удалось вѣрнѣе, онъ приводитъ слова Шенье и хвалитъ ихъ; но этого, конечно, еще недостаточно, чтобы слова Шенье доказывали то, что хочется автору. Для этого нужно вѣрно примѣнить ихъ къ дѣлу; иначе связь между приводимыми словами Шенье и словами автора будетъ только то, что они поставлены рядомъ. Именно въ такой связи находятся идеи де-Валле и слова Шенье. Когда писалъ Шенье, на лицо были бьющіе въ глаза факты, онъ именно и писалъ по ихъ поводу. Авторъ не указываетъ никакихъ опредѣленныхъ фактовъ, которые онъ хочетъ осудить въ современной жизни, и приводитъ обличительные эпизоды изъ Шенье, довольствуется восклицаніями, намеками, курсивами. Напримѣръ: Шенье, по поводу нѣкоторыхъ необузданныхъ сценъ насилія противъ церквей, писалъ: „...неужели можно позволить злонамѣреннымъ людямъ говорить, что во Франціи всѣ религіи позволены, *кроме одной?*“ Авторъ вслѣдъ за этими приведенными имъ словами восклицаетъ: „Этотъ столь краснорѣчивый и мірской крикъ (онъ сказалъ раньше, что Шенье не былъ религіозенъ) долженъ былъ звучать теперь въ ушахъ Франціи и заставить ее оттолкнуть политику, которая позво-

лаетъ всѣ религіи *кроме одной!* Но только авторъ не объясняетъ ближе, на что онъ собственно намекаетъ. Ему, кажется, неловко было это сдѣлать; иначе, ему пришлось бы говорить совсѣмъ не о религіи, а просто объ ордени іезуитовъ.

Когда авторъ говоритъ о Шенье, тогѣ его обыкновенно хвалебный, доходящій иногда до восторженности. Но онъ не всегда остается такимъ, и многія замѣчанія открываютъ между нимъ и Шенье полную несовмѣстимость. Разница между Франціей конца XVIII вѣка и Франціей (почти) конца XIX вѣка забывается авторомъ, но вовсе не забывается читателемъ,—не говоря о разницѣ частныхъ условій времени. Словомъ, точки зрѣнія Шенье и автора совсѣмъ различны. Авторъ находитъ, напримѣръ, что Шенье „предается истиннымъ излишествамъ языка“, когда защищаетъ Францію и революцію противъ книги Бёрка „Размышленія о французской революціи“. Очевидно, что самъ де-Валле не сталъ бы такъ защищать Францію.

Когда Шенье, говоря о томъ, какъ первоначальное парижское общество якобинцевъ произвело множество подобныхъ обществъ въ провинціи, ему подчиненныхъ, выражается: „такимъ же образомъ римская церковь насаждала вѣру и управляла міромъ черезъ конгрегаціи монаховъ“, то авторъ дѣлаетъ къ этимъ словамъ такое замѣчаніе: „изъ этой фразы довольно хорошо видно, что Шенье не былъ клерикаломъ, но скорѣе деистомъ или немного язычникомъ“. Очевидно, что способъ управления черезъ монашескія конгрегаціи кажется автору самымъ настоящимъ. Рядомъ съ восхваленіями Шенье, авторъ съ нѣкоторой колкостью замѣчаетъ о томъ, что Шенье имѣлъ философскую нѣжность къ „Декларациіи правъ“ и т. д., и т. д. Читатель можетъ судить, насколько правильно выходитъ изображеніе характера Шенье, когда оно проводится черезъ такую бонапартистскую или клерикальную призму.

Издатель и редакторъ М. СТАСОВИЧЪ.

АЛАСТОРЪ

ИЛИ

ДУХЪ УЕДИНЕНІЯ

Поэма Шелли *).

„Аласторъ“—одна изъ глубокомысленнѣйшихъ, но въ то же время и отвлеченнѣйшихъ поэмъ Шелли. Такова уже странная судьба этого своеобразнаго гения: въ то время, когда нѣкоторые изъ его произведеній признаются слишкомъ разсудочными и тенденціозными, тѣмъ-то въ родѣ социально-политическихъ трактатовъ, другія, наоборотъ, считаются не въ мѣру ээирными и совершенно чуждыми дѣйствительной жизни; если бы не описанія знакомой природы, то можно было бы думать, что эти поэмы были писаны на какой-нибудь дальней планетѣ и только случайно очутились на землѣ.

Къ числу такихъ высоко-талантливыхъ, но фантастически отвлеченныхъ и далекихъ отъ дѣйствительности поэмъ принадлежитъ и „Аласторъ“, и мы, быть можетъ, не безъ основанія опасаемся упрека въ несвоевременности появленія перевода этой поэмы. Могутъ сказать, что въ эпоху мучительныхъ вопросовъ и всеобщаго томленія не до идеальныхъ юношей, которые сами хорошенько не знаютъ, чего они хотятъ. Мы тѣмъ охотнѣе признаемъ долю справедливости въ такомъ упрекѣ, что сами ничуть не принадлежимъ къ тѣмъ, которые считаютъ себя застрахованными отъ этихъ мучительныхъ вопросовъ. Но мы всегда чувствовали непреодолимую потребность, которую считаемъ общою всѣмъ людямъ, послѣ долгаго скитанія по

*) Перси Бяши Шелли, — другъ и соперникъ по таланту Байрона, — родился въ 1792, умеръ въ 1822; онъ утонулъ во время прогулки на небольшой яхтѣ по Средиземному морю. На русскомъ языкѣ до сихъ поръ явилось только одно его произведение—трагедія *Ченчи*, въ перев. г. Вейнберга.

„трясинамъ и оврагамъ“ злобы дня, гдѣ воздухъ такъ душенъ и смертъ, хотъ на время взобраться на какую-нибудь вершину человѣческаго генія и надышаться вольнымъ, горнымъ воздухомъ на вновь предстоящее скитаніе. Наше чувство пойметъ всякій житель равнины, которому удалось хотъ разъ подняться на верхушку снѣжной горы. Къ числу такихъ снѣжныхъ вершинъ въ области человѣческаго духа несомнѣнно принадлежитъ и поэзія Шелли. Долго оставаться на такихъ высотахъ вредно, но временное пребываніе на нихъ освѣжаетъ и укрѣпляетъ.

Аласторъ—греческое названіе мстительнаго демона, который изгонялъ свои жертвы въ пустынные мѣста и тамъ терзалъ ихъ. Именемъ этого демона озаглавилъ Шелли поэму, въ которой описываются одинокія блужданія и смерть юноши, тщетно искавшаго въ жизни приснившійся ему въ образѣ женщины идеалъ. Поэма проникнута тихимъ, но безнадежнымъ отчаяніемъ; ее можно назвать мрачнымъ дирирабломъ смерти. Въ этомъ заключается ея глубокое, безсмертное значеніе. Всякій, кого манилъ въ жизни высокій идеалъ, все равно какой, и кто потомъ убѣдился въ его недосыгаемой высотѣ, съ примиряющею грустью прочтетъ о трагической судьбѣ таинственнаго юноши.

Н. М.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Поэма, озаглавленная «Аласторъ», можетъ быть разсматриваема какъ аллегорическое изображеніе одного изъ интереснѣйшихъ состояній человѣческой души. Она представляетъ юношу, съ неспорченнымъ сердцемъ и отважнымъ духомъ, котораго его пламенная фантазія, просвѣтленная общеніемъ со всѣмъ высокимъ и прекраснымъ, доводитъ до созерцанія вселенной. Глубоко пьетъ онъ изъ родника познаній, но его жажда не утоляется. Величіе и красота внѣшняго міра, проникая насквозь всѣ его мечты, даютъ имъ полноту и разнообразіе невыразимыя. И пока стремленія его могли ограничиваться этимъ безконечнымъ разнообразіемъ, онъ счастливъ и спокоенъ. Но наступаетъ время, когда оно его болѣе не удовлетворяетъ. Его душа внезапно пробуждается и жаждетъ общенія съ другою, родственною ей душою. Онъ самъ создаетъ въ воображеніи существо, которое любить,—и вслѣдствіе его знакомства съ совершеннѣйшими и совершеннѣйшими умовъ, видѣніе, воплощающее его собственныя мечты, соединяетъ въ себѣ все дивное, разумное и прекрасное, чтó только могъ вообразить поэтъ, философъ и влюбленный. Способности ума и фантазіи, равно какъ и впечатлѣнія чувствъ, неудержимо стремятся къ родственной встрѣчѣ

тѣхъ-же силъ въ другомъ человѣческомъ существѣ. Всѣ эти стремленія поэтъ объединяетъ и сливаетъ въ одинъ цѣльный образъ. Тщетно онъ ищетъ на землѣ подобіе своей мечты. Убитый и разочарованный, онъ сходитъ въ безвременную могилу.

Изображеніе это не лишено поучительности и для дѣйствительной жизни. Мстительныя фуріи непреодолимой страсти довели поэта до гибели, какъ-бы въ отомщеніе за его уединенность и замкнутость въ самомъ себѣ. Но та же сила, которая въ натурахъ возвышенныхъ будитъ слишкомъ большую впечатлительность къ своимъ вліяніямъ и затѣмъ поражаетъ эти міровые свѣтоочи мгновенною темнотою,—натуры низменные, держащія отрицать ея владычество, осуждаетъ на медленное, изнурительное угасаніе. Ихъ судьба презрительнѣй и безславнѣй, равно какъ и вина ихъ ничтожнѣй и пагубнѣй. Тѣ, которые никогда не увлекались низкимъ великодушнымъ порывомъ, никогда не томились священной жаждой сомнѣній и познаній, не были обмануты ни однимъ возвышеннымъ заблужденіемъ, держались вдали отъ сочувствія къ людскому роду, не радовались чужою радостью и не скорбѣли чужою скорбью,—такіе и имъ подобныя несутъ вполнѣ заслуженную кару. Они изнываютъ, потому что ни одна душа не признаетъ своего родства съ ними. Они—духовные мертвецы. Въ нихъ никто не видитъ ни друга, ни влюбленнаго, ни отца, ни гражданина вселенной, ни благодѣтеля своей страны. И посреди этихъ людей, умѣющихъ жить безъ людского сочувствія, осуждены на гибель вроткіе и чистые сердцемъ, безумно-страстно ищущіе родственной души, когда передъ ними внезапно возникаетъ сознаніе ихъ собственнаго одиночества. Всѣ же остальные, самолюбивые, ослѣпленные, безчувственные, составляютъ ту одичалую толпу, которая, вмѣстѣ со своимъ собственнымъ горемъ, создаетъ и поддерживаетъ горе и одиночество міра. Кто не любитъ себѣ подобныхъ,—проводитъ бесплодную жизнь и готовитъ себѣ жалкую могилу.

«Добрый угасаетъ рано,
А тотъ въ комъ сердце лѣтней пыли суше,
Весь до конца сгараетъ и падить».

14 декабря 1815.

„Nondum amabam et amare amabam,
quaerebam quid amarem amans amare.“

CONFESS. ST. AUGUSTINI

Земля и воздухъ, океанъ и небо,
Вы—братья, мной любимые! За то,
Что наша мать великая мнѣ въ душу
Вложила даръ дышать любовью вашей
И на любовь любовью откликаться,—
За то, что были дороги мнѣ утро
Росистое, душистый полдень, вечеръ
Со свитой тучекъ, пурпуромъ одѣтыхъ,
И полночи безмолвное дыханье,
И осени въ лѣсу глухіе стоны,
И снѣжный плащъ, и лѣдистая корона
Сѣдой зимы, и трепеть сладострастный,
И первое лобзаніе весны;
За то, что птичье радостной иль мошѣ
Сознательно ни разу не вредилъ я,
Но ихъ ласкалъ, какъ существа родныя:
За это все простите мнѣ, о братья,
Что я дерзнулъ васъ братьями назвать,—
И, какъ всегда, мнѣ будьте благосклонны.

Благослови, о ты, вселенной мать,
Торжественный мой гимнъ. Тебя всю жизнь,
Одну тебя, любилъ я. Неустанно
Я за твоей слѣдилъ воздушной тѣнью,
И проникать старался въ сумракъ тайный
Твоихъ путей и въ глубь твоихъ судебъ.
Я отдыхалъ среди могилъ, гдѣ Смерть
Скрываетъ счетъ трофеямъ, у тебя
Отторгнутымъ, и ждалъ въ надеждѣ тайной,
Что посланный тобой предстанетъ геній,
Повѣдаетъ мнѣ, кто я, и откроетъ
Разгадку всѣхъ мучительныхъ вопросовъ.
Въ безмолвные часы уединенія,
Когда молчить и что-то шепчетъ полночь,
Я, какъ сѣдой алхимикъ, что всю жизнь
Связалъ съ какой-то смутною надеждой,
Приготавливалъ таинственные чары
Изъ страшныхъ словъ, молящихъ взоровъ, вмѣстѣ

Съ невиннѣйшей любовью, со слезами
 Чистѣйшими, съ лобзаньями нѣмыми,
 Покуда силой этихъ чаръ могучихъ
 Не заставлялъ нѣмую ночь повѣдать,
 О чемъ ты съ ней бесѣдовала тайно.
 И хоть еще доннѣ не проникъ я
 Въ послѣднее святилище твое, —
 Но въ дивныхъ снахъ, въ мечтаніяхъ туманныхъ
 И въ ясныхъ мысляхъ столько мнѣ открылось,
 Что нынѣ я спокойно и недвижно, —
 Какъ лира, что виситъ въ пустынномъ храмѣ,
 Забытая, подъ сводомъ одинокимъ, —
 Жду твоего дыханія, о мать,
 Чтобъ звуки пѣсни полились согласно
 Съ роптаньемъ вѣтровъ, съ шелестомъ лѣсовъ,
 Съ журчаньемъ струй пѣвучихъ, съ голосами
 Живущихъ тварей, съ гимномъ дня и ночи,
 Съ бѣньемъ тайнымъ сердца человѣка.

Жилъ нѣкогда поэтъ. Гробницы ранней
 Надъ нимъ любовь людская не воздвигла,
 Лишь тлѣющій курганъ изъ листьевъ старыхъ
 Надъ юнымъ прахомъ, тлѣющимъ въ пустынѣ,
 Нагромоздила плачущая осень.
 Онъ былъ красивъ, но дѣвы молодыя
 Сырого ложа вѣчнаго покоя
 Не увѣнчали грустными вѣнками
 Изъ яркихъ розъ иль вѣтовъ кипарисныхъ.
 Онъ кротокъ былъ, отваженъ, благороденъ,
 Но звучными стихами бардъ искусный
 Его судьбы печальной не прославилъ.
 Онъ жилъ, угасъ и пѣлъ въ уединеніи.
 И плакали, внимая пѣснямъ страстнымъ,
 Сыны пустынь далекихъ, и повсюду,
 Гдѣ проходилъ невѣдомый онъ мимо,
 По немъ, грустя, вздыхали дѣвы, сердцемъ
 Отъ пламени очей его старая.
 Увы, теперь потухло это пламя,
 И, полюбивъ поэта голосъ сладкій,
 Молчаніе ревниво схоронило
 Его на вѣкъ въ своихъ владѣньяхъ мрачныхъ.

Въ мечтахъ высокихъ, въ свѣтлыхъ сновидѣньяхъ
 Онъ молодость провелъ,—и всякій образъ,
 И всякій звукъ въ природѣ необъятной
 Чистѣйшій звукъ и образъ въ немъ рождали.
 И устъ его, столь жаждавшихъ познаній,
 Не миновалъ божественный родникъ.
 Все доброе, великое, святое,
 Чтѣ лѣтопись или басня сохранили,
 Онъ чувствовать и зналъ. Когда же рано
 Дни юности минули, онъ покинулъ
 Свой тѣсный домъ и свой очагъ холодный,
 И въ поиски за правдой вдаль пустился.
 Его влекли далекія пустыни,
 Гдѣ голосомъ пріятнымъ, взоромъ кроткимъ
 Онъ дикарямъ платилъ за кровь и пищу.
 Онъ слѣдовалъ повсюду за природой,
 Какъ тѣнь, на всѣхъ путяхъ ея сокрытыхъ;
 Туда, гдѣ дымъ багровый отъ вулкана
 Клубится надъ натающими льдами
 И свѣжными полянами,—гдѣ бьются
 Объ острые утесы островковъ
 Озеръ смолистыхъ медленныя волны,—
 Гдѣ въ родникамъ огня или отравы
 Ведутъ, змѣясь, глубокія пещеры,
 Въ несчетныя палаты развѣтвляясь,
 Со сводами алмазно-золотыми,
 Съ хрустальными колоннами повсюду,
 Съ ковчегами изъ жемчужовъ блестящихъ,
 Съ престолами изъ хризолитовъ яркихъ,
 Для суетной корысти недоступныхъ.
 Но зрѣлище, прекраснѣе алмазовъ
 И золота,—цвѣтущая земля
 И сводъ небесъ, всегда разнообразныхъ,—
 Его мечты не меньше привлекало.
 Любя бродить въ долинахъ одинокихъ,
 Пустыню онъ въ жилище превращалъ,—
 И, нѣжнымъ очарованнымъ взоромъ,
 Тамъ голуби и бѣлки съ нимъ дѣлили
 Безкровную изъ рукъ безвредныхъ пищу.
 И дикая гавель, что отъ паденья
 Засохшей вѣтки вздрагиваетъ чуто,
 Свой быстрый бѣгъ невольно замедляла,

Чтобъ посмотрѣть на образъ лучезарный,
Ея самой прекраснѣе.

Стремленьямъ

Возвышеннымъ покорный, посѣтилъ
Онъ мрачныя руины дней минувшихъ:
Аѳины, Тиръ, Бальбекъ, Іерусалима
Пустынное кладбище, Вавилона
Поверженныя башни, пирамиды—
Любимицы вѣковъ—Мемфисъ и Оивы,
И тайны всѣ, которыя безмолвно
Начертаны на сфинесахъ поврежденныхъ,
На яшмовыхъ гробницахъ, обелискахъ
Изъ мрамора,—на всемъ, что сохранили
Пустынной Эѳіопіи холмы.
Среди колоннъ гигантскихъ, изваяній,
Превосходящихъ формы человѣка,
Среди руинъ давно забытыхъ храмовъ,
Гдѣ демоны изъ мрамора на стражѣ
Стоять вокругъ мѣдной тайны Зодіака,
Гдѣ по стѣнамъ безмолвнымъ притаились
Безмолвныя людей умершихъ думы,—
Тамъ долго онъ блуждалъ при свѣтѣ солнца,
И размышлялъ о молодости міра,
И вопрошалъ загадочные камни, —
И въ часъ, когда луна нѣмые своды
Дрожащими тѣнями населяла,
Онъ все глядѣлъ и размышлялъ, повуда
Сокрытый смыслъ минувшаго и тайны
Рожденія временъ не возникали
Въ его душѣ при блескѣ вдохновенья.

Межъ тѣмъ къ нему свою дневную пищу
Младая дочь Аравіи носила
Изъ шалаша отцовскаго, и ложе
Изъ тростника готовила, заботясь
О немъ въ часы занятій и досуговъ, —
Влюбленная, но отъ любви глубокой
Ему о томъ повѣдать не дерзая.
Поэта сонъ она оберегала,
Не зная сна, прикованная взоромъ
Къ его устамъ, дышавшимъ безмятежнымъ
Дыханіемъ невинныхъ сновидѣній.

Когда-же день румянился, и блѣдный
 Еще блѣднѣе мѣсяцъ становился,
 Она въ свой домъ постылый уходила,
 Печальная, дрожащая, пѣмая.

Такъ странствуя, прошелъ поэтъ счастливый
 Черезъ Персію, Аравію, пустыню
 Керманскую, заоблачныя горы,
 Гдѣ въ ледяныхъ пещерахъ Индъ и Оксусъ
 Рождаются, покуда, наконецъ,
 Онъ не достигъ долины Кашемира,
 И тамъ вдали, въ невѣдомой лощинѣ,
 Въ тѣни душистой зелени, подъ сводомъ
 Нависшихъ скалъ, на берегу ручья,
 Онъ отдыхомъ крѣпительнымъ забылся.
 И сонъ его видѣнье посѣтило,
 И грезы о блаженствѣ неизвѣстномъ,
 Доникѣ въ немъ не волновавшемъ крови.
 И видѣлъ онъ: закутанная дѣва,
 Сѣвъ близъ него, торжественно и тихо
 О чемъ-то съ нимъ бесѣду повела.
 И голосъ дѣвы былъ похожъ на голосъ
 Его души въ часы мечтаній тихихъ.
 И въ яркой сѣти нѣжныхъ словъ, сплетенной
 Изъ лепета ручья и вздоховъ вѣтра,
 Поэта сердце сильно трепетало.
 Она ему вѣщала про свободу,
 Про истину, любовь и добродѣтель,
 Про все ему святое, про искусство
 Поэзіи, — сама поэтъ искусный.
 Но вотъ души высокое паренье
 Все существо въ ней пламенемъ объяло,
 И голосомъ, безсильнымъ отъ восторга,
 Дрожащимъ отъ рыданій заглушенныхъ,
 Она предъ нимъ запѣла въ ритмѣ дикомъ.
 Одиѣ ея лишь видны были руки,
 Порхавшія по струнамъ арфы странной,
 И въ нѣжныхъ жилкахъ кровь переливаясь
 О чемъ-то дивномъ взору говорила.
 Бѣенье сердца тихо наполняло
 Прерывы пѣнья, страстное дыханье
 Сопровождало трепетные звуки.

И вдругъ она вскочила, словно сердце
 Изнемогло подъ бременемъ восторга.
 И, юноша увидѣлъ, обернувшись,
 Подъ легкой тканью дѣвственные члены
 Въ сіяньи тѣпломъ, ими-же разлитомъ.
 Обнажены простертыя объята,
 Разметана по вѣтру смоль кудрей,
 Опушены сверкающія очи,
 И блѣдныя, раскрытыя отъ страсти,
 Огнемъ любви уста ея трепещутъ.
 И сильное забилося въ немъ сердце
 Могучимъ чувствомъ. Онъ дрожа воспрянулъ,
 Дыханье затаивъ, простеръ объята,
 Чтобъ грудь ея прижать къ груди, пылавшей.
 На мигъ она въ испугѣ отелонилась,
 Но вслѣдъ затѣмъ, съ безумнымъ крикомъ счастья,
 Неодолимой страсти уступая,
 Къ нему въ объята мощныя упала.
 Тогда его глаза укуталъ сумракъ,
 И ночь видѣнье счастья поглотила,
 И сонъ, какъ-бы рѣка, преграду встрѣтивъ,
 Обратнo волны черныя погналъ
 На мозгъ его померкшій.

Онъ въ испугѣ
 Вскочилъ со сна и веругъ себя увидѣлъ
 Холодный блескъ разсвѣта, блѣдный мѣсяцъ,
 Надъ западомъ склонившійся, холмы
 Въ изломанныхъ и рѣзкихъ очертаньяхъ,
 Далекій долъ, пустынные лѣса, —
 Куда-жъ исчезли краски неземныя,
 Чей балдахинъ надъ нимъ простерся ночью,
 И звуки, чтó во снѣ его ласкали,
 И красоты земной восторгъ и тайны,
 И радость, и величье? Онъ глядѣлъ
 На мѣръ пустынный взоромъ безучастнымъ,
 Какъ смотреть мѣсяцъ, моремъ отраженный,
 На мѣсяцъ, въ небесахъ плывущій. Геній
 Земной любви послалъ свой свѣтлый призракъ
 Къ нему, пренебрегавшему столь долго
 Ея дарами лучшими. Теперь
 Онъ ищетъ жадно приракъ этотъ легкій
 Здѣсь на землѣ, внѣ царства сновидѣній.

Увы! Ужель дыханье, жизнь и члены
 Обманчивымъ сплетеньемъ только были?
 Потеряно, потеряно навѣки
 Въ пустынь сна, откуда нѣтъ дороги,
 Прекрасное видѣніе. О, сонъ,
 Ужель ведутъ въ таинственный твой рай
 Лишь темныя врата угрюмой смерти?
 И надъ твоимъ эдемомъ, полнымъ счастья,
 Ужель она свой синій сводъ простерла,
 Укутанный въ ползучіе туманы,
 Въ могильныя гнилыя испаренья,
 Которыя отъ глазъ ея скрываютъ
 Свѣтъ солнца ненавистный? Съ дикой силой
 Сомнѣнья эти грудь его сжимаютъ,
 И, горя безнадежнаго больѣе,
 Надежды жало мозгъ его завить.

Покуда день сіялъ кругомъ, поэтъ
 Съ своей душой велъ тайную бесѣду,
 А ночью страсть опять имъ овладѣла,
 Какъ злобный духъ горячечнаго бреда,
 Лишила сна и въ тьму впередъ погнала.
 Какъ-бы орелъ, змѣей обвитый пестрой,
 И жгучій ядъ въ груди своей почуявъ,
 Полетъ безумный слѣпо направляетъ
 Сявозъ мракъ и свѣтъ, и тишину, и бурю,
 И воздуха безбрежныя пустыни,
 И сумракъ тучъ, отъ мукъ изнемогая, —
 Такъ, дивнымъ сновидѣніемъ гонимый,
 Въ холодномъ блескѣ ночи безучастной
 Онъ шелъ впередъ чрезъ топи и лѣса,
 Вдоль сумрачныхъ ущелій пробирался,
 Пугая змѣй, дремавшихъ въ свѣтѣ лунномъ.
 Потомъ на небѣ утро заалѣло
 И блѣдное лицо его покрыло
 Румянцемъ жизни, словно насмѣхаясь, —
 А онъ все шелъ, покуда съ Петры дикой
 Не увидалъ Аорна средь тумана, —
 И черезъ Балхъ, и чрезъ холмы, гдѣ вѣтеръ
 Разноситъ прахъ съ могилъ царей пароянскихъ,
 Онъ дальше шелъ безъ мысли, день за днемъ,
 Носъ въ груди повсюду пламя скорби,

Всѣ соки жизни тайно пожирившей.
 Онъ исхудалъ, ослабъ. Играли вѣтры
 Волной кудрей, повисшихъ въ безпорядкѣ.
 Какъ мертвыя, бессильно опустились
 Исохшей кожей стянутыя руки.
 И лишь въ очахъ глубокихъ, словно искра
 Подъ грудой пепла, жизнь мерцала робко
 И догоралъ огонь страданій тайныхъ.
 Съ нимъ хлѣбъ дѣля, радушный поселанинъ
 Съ невольнымъ изумленіемъ и страхомъ
 На бѣглеца безмолвнаго глядѣлъ.
 И житель горъ, надъ пропастью бездонной
 Завидѣвши недвижный образъ, думалъ,
 Что вѣтровъ духъ, съ горящими глазами,
 Съ дыханьемъ жаркимъ, на полянѣ снѣжной,
 Ея стопой воздушной не касаясь,
 Отъ бѣга отдыхаетъ. И встрѣчая
 Безумный взоръ, испуганныя лица
 Въ одежду матерей скрывали дѣти,
 И часто имъ въ позднѣйшихъ сновидѣньяхъ
 Онъ грезился. Лишь только дѣвамъ юнымъ
 Природы голосъ открывалъ неясно
 Его тоски причину. Называли
 Онъ его названьемъ ложнымъ друга
 Иль брата,—разставаясь, крѣпко руку
 Безкровную сжимали и въ слезахъ
 Глядѣли на стезю, которой быстро
 Отъ хижинъ ихъ отцовъ онъ удалялся.

На берегу Харезма, въ мѣстѣ дикомъ,
 Среди болотъ печальныхъ и гнилыхъ,
 Онъ, наконецъ, далъ отдыхъ членамъ слабымъ.
 Его манилъ какой-то голосъ къ морю.
 Межъ тростниковъ, близъ тихаго ручья,
 Онъ лебедя узрѣлъ. Шаги почуявъ,
 Могучія простерла птица крылья
 И, къ небесамъ поднявшись, свой полетъ
 Направила надъ моремъ безпредѣльнымъ.
 Ей вслѣдъ глядѣлъ онъ. — «Ты свой домъ имѣешь,
 Въ свое гнѣздо, прекрасная, ты мчишься,
 Гдѣ твой прилетъ подруга встрѣтитъ нѣжно,
 Съ блестящими отъ радости глазами,

И шейкою пушистой обовьется
 Вокругъ твоей. А я,—увы,—скитаться
 Здѣсь осужденъ одинъ, хотя мой голосъ
 Пріятнѣе, чѣмъ твой напѣвъ предсмертный,
 Обширнѣй умъ, чѣмъ твой, прекраснѣй члены,—
 Но расточать я долженъ эти силы
 Наединѣ лишь съ воздухомъ глухимъ,
 Съ землей слѣпой, да съ небомъ безотвѣтнымъ! —
 И горькая улыбка искривила
 Его уста дрожавшія. Онъ зналъ,
 Что не отдастъ своей добычи милой
 Жестокій сонъ,—и тихій призракъ Смерти,
 Какъ призракъ сна, быть можетъ, вѣроломный,
 Съ улыбкою насмѣшливой и тайной
 Его манилъ туманнымъ обѣщаньемъ.

Испуганный мечтой, онъ оглянулся
 Вокругъ себя. Ничто не нарушало
 Спокойствія природы, кромѣ бури
 Его души. Нетерпѣливымъ взоромъ
 Онъ небольшой, близъ берега плывущій,
 Открылъ челнокъ. Тотъ былъ давно покинутъ
 И, по бокамъ разсѣвшійся мѣстами,
 По прихоти волны качался, утлый.
 И властный зовъ души ему велѣлъ
 Ступить въ челнокъ и по волнамъ пустыннымъ
 На встрѣчу плыть безмолвной Смерти. Зналъ онъ,
 Что любитъ Смерть прохладныя пещеры
 Морскихъ пучинъ, чудовищами полныхъ.

Былъ свѣтлый день. Сверкали небеса
 И море. Волны омрачая рябью,
 Дулъ сильный вѣтеръ съ берега. Въ челнокъ
 Прыгнулъ, послушный зову сердца, странникъ,
 Высоко плащъ простеръ надъ мачтой голой,
 Безмолвно сѣлъ, и по волнамъ спокойнымъ
 Помчался челнъ, какъ тучка передъ бурей.

Какъ-бы корабль волшебныхъ сновидѣній,
 Послушный крыльямъ вѣтровъ благовонныхъ,
 Несущійся по радужнымъ туманамъ,—
 Такъ быстро чрезъ бушующія воды

Летѣлъ челнокъ. Съ неукротимой силой
 По бѣлымъ гребнямъ бѣшеннаго моря
 Его бросалъ, рѣввася, вихорь дикій.
 И, корчась подъ бичами бури, словно
 Змѣя въ когтяхъ у жоршуна, все выше
 Вадимали волны головы сѣдя.
 Но юноша сидѣлъ безпечно-тихій
 Среди борьбы стихій неукротимыхъ,
 Сшибающихся вѣтровъ и потоковъ
 Кипящихъ водъ, въ разверстыя пучины
 Съ размаху низвергающихся. Сильно
 Держась за руль, сидѣлъ онъ, точно духи
 Пучины указать ему дорогу
 Должны въ очамъ любимымъ. Скоро вечеръ
 Насталъ, и въ брызгахъ пѣны, застилавшихъ
 Его подвижнымъ пологомъ, повсюду
 Лучи заката радуги зажгли.
 И сумерки, сойдя съ востока тихо,
 Разсыпали темнѣющія кудри
 Вкругъ свѣтлаго чела и глазъ лучистыхъ
 Красавца-дня. Въ одеждѣ звѣздной гордо
 Спустилась ночь. И точно насмѣхаясь
 Надъ тишиной сияющихъ небесъ,
 Еще грознѣй несчетные потоки
 Среди пустынь изборожденныхъ моря
 На битву, съ дикимъ ревомъ, устремились.
 А утлый челнъ все мчался передъ вихремъ,
 Все мчался, словно пѣна водопада,
 Рожденнаго средь скалъ потокомъ зимнимъ.
 То на верху вззубреннаго вала
 Онъ отдыхалъ, то, море потрясая,
 За нимъ вослѣдъ пучина разверзалась.
 А онъ впередъ стремился невредимо,
 Какъ будто-бы не человѣкъ безсильный,
 А мощный богъ стихій въ немъ сидѣлъ.

Луна. взошла лишь въ полночь. Посмотри:
 Вблизи встаютъ кавказскія вершины,
 И въ небесахъ вѣнцы ихъ ледяные
 Средь блѣдныхъ звѣздъ горятъ сіяньемъ солнца.
 А возлѣ ихъ ущелистой подошвы
 Неумолкаетъ бѣшенный прибой

И между скалъ кипить водоворотомъ.
 Туда челнокъ стремится.—Кто спасетъ?
 Кругомъ торчать объята скалъ угрюмыхъ,
 Ущелья горъ нависли надъ водами,
 И все быстрѣй, съ неодолимой силой,
 На выгнутомъ хребтѣ волны коварной
 Летить челнокъ. Глубокая пещера
 Зияла тамъ, и волны исчезали
 Въ ея изгибахъ мрачныхъ и далекихъ.
 Туда челнокъ влетѣлъ стрѣлой.—«Любовь
 И счастье»,—поэтъ воскликнулъ громко,
 «Я видѣлъ путь, которымъ вы исчезли;
 Пусть Сонъ и Смерть не разлучать насъ больше!»

Въ излучинахъ разсѣлины глубокой,
 Надъ черными водами, наконецъ,
 Забрезжилъ день. Здѣсь волны не шумѣли,
 И тихо плылъ челнокъ надъ глубио мирной.
 Но тамъ, гдѣ горъ изорванныя кручи
 Въ лазурь небесъ возносятъ мракъ ущелій,—
 Предъ тѣмъ какъ, громомъ скалы потрясая,
 Потокъ ниспалъ къ подножію Кавказа,
 Уже морской приливъ всю эту пропасть
 Водоворотомъ яростнымъ наполнилъ.
 Шумя, крутясь, какъ будто на ступени,
 Взабирались волны съ быстротой ужасной,
 И чередой съ разбѣгу ударялись
 Объ сѣтъ корней деревьевъ-великановъ,
 Простершихъ въ мракъ гигантскія объята.
 Лишь озеро стояло посрединѣ
 Въ безмолвіи зловѣщемъ и коварномъ,
 Уродливо всѣ тучи отражая.
 И вотъ челнокъ, подхваченный потокомъ,
 Бружиться сталъ быстрѣе и быстрѣе
 Съ утеса на утесъ, пока высоко
 Не сталъ у края пропасти, гдѣ воды
 Въ отвертое вливались ущелье
 И гдѣ среди кипящихъ волнъ недвижно
 Зеркальное пространство сохранилось.
 Что будетъ съ нимъ? Низвергнется-ль онъ въ пропасть?
 Его-ль потокъ, вернувшись, проглотитъ?
 Все кончено-ли? Съ запада примчавшись,

Вдругъ легкій вѣтеръ вѣдуль надъ лодкой парусъ,
И посмотри! Средь мшистыхъ скатовъ тихо
Плыветъ челнокъ по мирному ручью,
Подъ кущею прохладной. И послушай!
Далекій ревъ кипящаго потока
Сливается здѣсь съ шелестомъ пріятнымъ.
А гдѣ, тѣсняясь, деревья отступили,
Чтобъ мѣсто дать прогалинѣ зеленой, —
Тамъ вдругъ открылась спрятанная бухта,
На берегу цвѣты желтѣли ярко
И, наклонясь надъ зеркаломъ воды,
Глядѣли, молча, въ собственныя очи.
Но челнокомъ рожденное волненіе
Ихъ отвлекло отъ мирнаго занятія,
Которое донинѣ нарушали
Лишь шопотъ вѣтра, тростника паденье,
Да птицъ полетъ, да осени рука.
Ихъ красками веселыми поэтъ
Вдругъ увѣнчать свои задумалъ вудри,
Но вскорѣ вновь уединенія жажда
Проснулась въ немъ, — и онъ забылъ желанье.
Надъ жизнію его, еще не сбывшись,
Рѣшеніе роковое тяготѣло
И лишь во всѣхъ движеніяхъ отражалось,
Въ потупленныхъ очахъ, въ лицѣ безкровномъ:
Такъ молнія всю тучу освѣщаетъ,
Предъ тѣмъ какъ громъ еще не разразился
И ночи мракъ ея не поглотилъ.

Теперь сіялъ надъ темнымъ лѣсомъ полдень,
И, узкую долину обрамляя,
Играла зеленъ множествомъ тѣней.
Глухія, у подошвы скалъ, пещеры
Лѣсному гулу вторили немолчно,
Какъ-бы дразня. Причудливо сплетаясь,
Листва и вѣтви сумерки струили
Вокругъ пѣвца, который шелъ на зовъ
Любви, или сна, или Бога, или смерти,
Ища кругомъ уютный уголокъ, —
Природы колыбель, — чтобъ въ ней устроить
Себѣ могилу. Тѣни все сгущались.
Могучій дубъ и легкій букъ сжимали

Въ объятіяхъ другъ друга. Стройный ведръ
 Простеръ высоко куполъ величавый;
 Внизу подъ нимъ, какъ тучи на лазури,
 Акація и асень трепетали
 Листою блѣдной. Словно змѣи, въ пламя
 И въ радугу одѣтыя, вокругъ сѣрыхъ
 Стволовъ вились ползучія растенія,
 Усыяны несчетными цвѣтами
 И отпрысками нѣжными, ласкаясь
 Къ любимымъ сучьямъ, какъ дитя съ невинной
 И своенравной лаской обнимаетъ
 Родимой грудь. Лазурь дневного свѣта
 Сквозь сѣть вѣтвей причудливо играла,
 Какъ облаковъ неумовимый отблескъ.
 Душистыя и мягкія лужайки,
 Холмья въ тѣни зеленыхъ кущъ, глядѣли
 Цвѣткою веселыхъ яркими глазами.
 Изъ сумрака долины, опьяняя,
 Цвѣтущихъ розъ дыханье разносилось,
 Будя въ душѣ таинственныя грѣзы.
 Молчаніе и сумерки, обнавшись,
 Свершая свой полуденный дозоръ,
 Подъ сводомъ лѣса рѣяли незримо,
 Какъ призраки воздушные. Ручей
 Прозрачно-струйный, темный и зеркальный,
 Недвижно отражалъ навѣсъ изъ сучьевъ,
 И каждый листъ, и каждый просвѣтъ неба,
 Сквозь сѣть листовъ глядѣвшій безмятежно.
 Весь день онъ спитъ, его лишь ночью будить
 Прокравшися, звѣзды далекой трепеть,
 Да въ лунномъ свѣтѣ дремлющая птица,
 Да мотылекъ, порхающій беззвучно,
 Еще не видѣвъ солнца и полудню
 Еще не показавши пышность крыльевъ.

Туда пришелъ поэтъ. Въ ручьѣ глубокомъ
 Сквозь шелкъ кудрей свой собственный огонь
 Его глаза увидѣли: такъ сердце,
 Паря во снѣ надъ мракомъ гроба, видитъ
 Въ немъ собственный обманчивый свой образъ.
 Онъ слышалъ трепеть листьевъ, шелестъ травъ,

Испуганныхъ приходомъ необычнымъ,
 И сладкое журчанье ручейка,
 Рожденнаго незримыми ключами.
 Казалось, духъ стоялъ предъ нимъ могучій
 И въ шелестъ деревь, въ журчаньи струй,
 Въ безмолвіи долины, въ трепетаньи
 Сгущающихся сумерекъ вечернихъ,
 Съ нимъ важную бесѣду велъ. Казалось,
 Что цѣлый міръ былъ кромѣ нихъ безлюденъ.
 И лишь когда, задумавшись глубоко,
 Онъ поднималъ свой взоръ, предъ нимъ два глаза
 Сквозь дымку грѣзъ, какъ звѣзды, зажигались,
 И голубой, безоблачной улыбкой
 Манили вдаль, съ собой...

Послушный свѣту

Въ его душѣ сіявшему, онъ шелъ,
 Куда вели излучины долины.
 Свободно-рѣзвый, по оврагамъ яркимъ
 Бѣжалъ потокъ,—и смутное журчанье,
 Какъ будто тайный шопотъ, разносилось
 По мшистымъ берегамъ. Порой по камнямъ
 Отточеннымъ онъ прыгалъ, какъ дитя,
 Бѣгущее со смѣхомъ беззаботнымъ.
 Затѣмъ опять спокойно онъ змѣился
 Межъ береговъ цвѣтущихъ, отражая
 Цвѣточекъ каждый, каждую былинку.
 — «Скажи, потокъ, изъ родниковъ глубокихъ
 Незримо вытекающій! Куда ты
 Несешь свои невѣдомыя воды?
 На жизнь мою похожъ ты, о потокъ,
 Своимъ покоемъ темнымъ, чистотою
 Зеркальныхъ водъ, пучинъ сокрытыхъ глубиою,
 Тайнственнымъ началомъ и теченьемъ.
 Лишь океанъ, лишь сводъ небесный знаютъ,
 Куда несешь ты отраженья тучекъ
 Блуждающихъ иль тиныхъ пещеръ,
 Какъ мнѣ сказать вселенная лишь можетъ,
 Гдѣ будутъ жить живыя эти мысли,
 Когда мой прахъ бездомный вѣтеръ буйный
 По берегамъ твоимъ развѣетъ мирнымъ.

И вдоль потока шелъ онъ, погружая

Въ зеленый мохъ трепещущія ноги,
 Горѣвшія огнемъ зловѣщимъ. Будто
 Больной, поднятый съ ложа бредомъ дикимъ,
 Онъ вдаль спѣшилъ, но только, какъ больной,
 Не забывалъ о сумрачной могилѣ,
 Куда на вѣкъ сойти онъ будетъ долженъ,
 Когда порыва слабый пылъ остынетъ.
 Спѣша, онъ шелъ подъ тѣнью кущъ зеленыхъ,
 Болтливому ручью внимая молча.
 Но вотъ деревьевъ мрачный сводъ смѣнился
 Смѣющимся небесъ вечернихъ сводомъ.
 Сѣдыя скалы, въ тощій мохъ одѣты,
 Стѣснили путь взмущеннаго потока,
 По дикимъ скатамъ тонкій хвощъ цѣплялся,
 И спутанные корни старыхъ сосенъ,
 Поверженныхъ грозою и спаленныхъ,
 Съ землею безплодной крѣпко обнимались.
 Природа съ каждымъ шагомъ становилась
 Все сумрачнѣй: такъ и съ теченьемъ жизни
 Морщинуется открытое чело
 И волосы сѣдѣютъ и сѣкутся,
 И влажные, блестящіе глаза
 Становятся безцвѣтны и недвижны, —
 Но, позади все дальше оставляя
 Долинъ цвѣтущихъ яркіе цвѣты,
 Прохладу рошъ и шелестъ сладковучный
 Среди вершинъ и вѣтеръ ароматный,
 Спокойно шелъ впередъ онъ вдоль потока.
 А тотъ бѣжалъ съ стремительностью новой
 Черезъ лабиринтъ долины, пробивая
 Въ крутыхъ обрывахъ тѣсную дорогу.
 Со всѣхъ сторонъ утесовъ обнаженныхъ
 Могучія и черныя вершины
 Въ лучахъ заката высились угрюмо,
 А на верху, среди обломковъ камней,
 Зіяющія бездны раскрывали
 Свои ущелья, пропасти, пещеры.
 Тамъ эхо стоголосое, укрывшись,
 Потока реву вторило. Гляди!
 Гдѣ каменные челюсти тѣснины
 Разверзались, гора упала круто,
 И кажется, что будто надъ вселенной,

Столпившіся, ея нависли гребни:
 Предъ ней внизу, въ мерцаніи луны
 И блѣднѣхъ звѣздъ, раскинулись далеко
 Озера съ островами, цѣпи горъ
 Синѣющихъ, могучіе потоки,
 Въ свинець печальный сумерекъ вечернихъ
 Одѣтыя поляны и холмы,
 Горящіе на дальнемъ небосклонѣ
 Зари послѣднимъ отблескомъ и вскорѣ
 Покрыты ужъ тьмою. А вблизи,
 Какъ будто даль искусно отгнѣя,
 Все наготовъ суровою пугало.
 На голомъ камнѣ выросши, сосна
 Надъ бездною, дрожа, простерла сучья,
 На каждый зовъ грозы давая откликъ
 И каждый роздыхъ бури наполняя
 Могучимъ шумомъ, смѣшаннымъ со стономъ
 И съ грохотомъ потоковъ безпріютныхъ, —
 Межъ тѣмъ рѣка вспѣннная бѣжала
 По ложу каменистому и въ бездну
 Испуганно кидалася, по вѣтру
 Бѣлѣющія брызги разметавши.

Но не одинъ потокъ, сосна да пропасть,
 Пугая мысль, тамъ взору открывались.
 Такъ уголокъ еще видѣлся мирный
 Высоко, надъ ущельемъ. Окруженный
 Обломками утесовъ и борнами,
 Онъ весело взиралъ на миръ угрюмый
 И на мерцанье звѣздъ; въ объятыхъ сворби,
 Казалось, онъ безпечно улыбался.
 Всползая по растрескавшимся камнямъ,
 Зеленый плющъ бесѣдкой вѣчно яркой
 Раскинулся надъ дѣвственною почвой.
 Туда, рѣзвась, осеннихъ вихрей дѣти
 Сносили въ груду тлѣющія листья,
 Чѣмъ палевымъ и рдянымъ переливамъ
 Завидовать могла бы гордость лѣта;
 Тамъ отдыхали тихіе зефиры,
 Чье сладкое дыханье и пустыню
 Любить покой могло бы научить.
 Туда лишь разъ, одинъ лишь разъ ступила,

Нарушивъ тишину, нога людская, —
 Тамъ разбудилъ одинъ лишь голосъ эхо,
 Тотъ голосъ, что привелъ туда, примчавшись
 На крыльяхъ вѣтра, лучшаго изъ смертныхъ,
 И повелѣлъ похоронить въ пустынѣ
 Движеній юныхъ красоту и нѣгу,
 Совлечь свое величье, звуки пѣсенъ
 Развѣять по безчувственному вихрю
 И въ листьяхъ влажныхъ, и въ землѣ сырой,
 Поросшей мхомъ и яркими цвѣтами,
 Сокрыть лица измѣнчивую прелесть
 И снѣгъ груди, и скорбь очей глубокихъ.

Луна висѣла низко надъ горою
 И море свѣта по-небу струила.
 Ея сіяньемъ блѣднымъ насыщенный,
 Туманъ, желтъя, въ воздухѣ клубился.
 Ни звука, ни звѣзды. Въ объятыхъ безднѣ
 Заснулъ, какъ убаюванный, злой вихорь,
 Опасности угрюмый сотоварищъ.
 О, буря смерти! Ты, чья мощь незримо
 Молчанье этой ночи проникаетъ!
 И ты, Скелетъ гигантскій, ты, что правишь
 Ея побѣднымъ шествіемъ всевластно,
 Вселенной царь, къ тебѣ взываетъ голосъ
 Съ полей кровавыхъ битвъ, изъ тьмы больницы,
 Съ священнаго одра героя, съ ложа
 Невинности стыдливо-чистой, съ трона
 И съ эшафота. Гибельъ кличетъ смерть —
 Свою сестру. Всю землю обопедши,
 Она добычу царскую собрала.
 Насыться же и отдохни. Пусть люди
 Дотащатся спокойно до могилы,
 Какъ червяки, и больше не приносятъ
 На алтарѣ твоёмъ неумолимомъ
 Сердечъ разбитыхъ жертвы бесполезной.

Когда порога тишины и мрака
 Коснулся странникъ, зналъ онъ, что надъ нимъ
 Парилъ смерть. Но прежде чѣмъ умчаться,
 Высокій духъ въ немъ набожно предался
 Минушаго видѣнью лучезарнымъ.

И образы носились вереницей
Через его страдальческую душу,
Какъ будто чрезъ забытое жилище
Проходить тихо вѣтеръ сладковучный.
На грубый стволъ сосны онъ оперся
Иссохшею и блѣдною рукою
И голову усталую склонилъ
На камень, въ плющъ одѣтый. Неподвижно
У края бездны члены распростерлись.
Такъ онъ лежалъ, покуда силы жизни
Въ послѣдній разъ, готовны умчаться,
Его крылами тихо обвѣвали.
Надежда и отчаянье заснули,
И тайный пононь скорби или страха
Не нарушалъ глубокаго покоя.
Лишь только впечатлѣнья чувствъ да голосъ
Внутри души, земной печали чуждой,
Все тише становясь, давали пищу
Его мечтамъ, покуда онъ лежалъ,
Дыша спокойно, съ кроткою улыбкой.
Послѣдній взоръ его упалъ на мѣсяцъ,
Склонившійся надъ западомъ и грустно
Съ ночью тьмой сплетавшій лучъ свой блѣдный.
Вотъ свѣтлый серпъ кривой черты холмовъ
Коснулся, — и покуда исчезало,
Какъ метеоръ, далекое свѣтило, —
Поэта кровь, вторая всю жизнь
Въ согласіи какомъ-то тайномъ билась
Съ приливомъ и отливомъ мірозданья,
Все медленнѣй и медленнѣй текла.
Когда-жъ во тьмѣ лишь двѣ блистали искры,
Его дыханье ночи сонъ чуть слышно,
Слабѣя, нарушало. Но все время,
Покуда лучъ послѣдній не угасъ,
Еще въ груди пульсъ повторялся слабо.
Вотъ онъ замедлилъ, — дрогнулъ. И когда
Одѣлось небо тьмою непроглядной, —
Сгустившись, тѣни окружили образъ,
Недвижно холодѣющій, подобный
Землѣ нѣмой иль воздуху пустому.
И какъ туманъ, еще зарей пурпурной
Пропитанный, — добыча ночи близкой, —

Его черты дышали красотою,
 Движеніе, мысли, божества лишившись: —
 Осколки лиры, чьи живыя струны
 Дыханья неба прежде оживляло, —
 Потокъ изсохшій, нѣкогда плывавшій
 Зеркальныхъ струй журчаньемъ сладкозвучнымъ, —
 Сонъ юности, рукою черной ночи
 И времени потушенной на вѣки,
 Безмолвной, мрачной, мертвой, позабытой.

О, если-бъ былъ тамъ дивный сонъ Медеи,
 Который, павъ на камень, въ немъ рождаетъ
 Цвѣты — и вѣтви засохшую живить
 Весеннихъ почекъ нѣжнымъ ароматомъ!
 О, если-бъ Богъ, столь щедрый на отравы,
 Намъ далъ питье, что нѣкогда отвѣдалъ
 Лишь человекъ одинъ, который нынѣ —
 Ненасытимой ярости добыча,
 Презрѣнный рабъ, снѣдаемый стыдомъ, —
 Считаться осужденъ навѣкъ, безсмертный
 И одинокій, смерти воплощеніе!
 О, если-бъ сонъ алхимика сѣдого, —
 Что трепетной рукою, у края гроба,
 Безсмертія и власти ищетъ въ пеплѣ
 На черномъ днѣ плавыльника, — былъ въ мірѣ, —
 Столь радостномъ, — единственнымъ закономъ!
 Но ты исчезъ, какъ легкій паръ, одѣтый
 Лучемъ зари, — увя! но ты исчезъ, —
 Прекрасный, кроткій, чистый и великій,
 Дитя любви и генія. На свѣтѣ
 Есть много безсердечнаго. Какъ прежде,
 Живутъ и дышутъ черви, звѣри, люди;
 Могушая земля изъ глубины
 Морей и горъ, пустынь и городовъ
 Торжественный возносить къ небу голосъ
 Молитвы-ль тихой, гимна ли святаго, —
 Лишь ты исчезъ! Ты больше ужъ не видишь,
 Не любишь міра дивнаго, который
 Тебѣ всегда послушенъ былъ и нынѣ —
 Увы — живеть, хотъ нѣтъ тебя. — Но пусть
 Надъ этими безкровными устами,
 Столь милыми въ своемъ молчаньи вѣчномъ,

Надъ этими очами, на которыхъ
 Печати сна и смерть стереть не можеть,
 Надъ образомъ, не оскверненнымъ тѣнью,—
 Пусть ни одна надъ ними не прольется
 Слеза людская,—даже въ мысляхъ только!
 Когда-жъ исчезнетъ блескъ и формы жизни,
 И дивныя черты, холоднымъ прахомъ
 Развѣявшись по вѣтру, будутъ жить
 Въ простыхъ лишь звукахъ пѣсни этой скромной,—
 Пусть памяти о томъ, кого ужъ нѣтъ,
 Не сохранится въ пышныхъ мавзолеяхъ
 Высокихъ пѣсень, статуй иль картинъ,—
 Своимъ холоднымъ плачемъ говорящихъ
 Лишь о своемъ безсиліи. Искусства
 Мишурный блескъ и вопли краснорѣчья
 Безпомощны и слабы, чтобъ оплакать
 Того, кто всѣ ихъ свѣтомъ затемнялъ.
 Гдѣ сразу все потеряно, для слезъ
 Нѣмая скорбь тамъ слишкомъ глубока, —
 И если духъ высокій, освѣщавшій
 Весь міръ своимъ сіяньемъ, угасаетъ,—
 Онъ завѣщаетъ тѣмъ, кто остается,
 Не бурный плачь, не бредъ надеждъ крикливыхъ,—
 Но блѣдное отчаянье покоя,
 Холодную природы безпредѣльность,
 Людской судьбы причудливость нѣмую,
 Кругъ бытія, рожденіе и могилу.

Н. Минскій.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ *).

V.

Мы представили выше очеркъ различныхъ существующихъ у насъ взглядовъ на образованіе простого народа. Этотъ обзоръ показываетъ, что важнѣйшій теперь изъ всѣхъ русскихъ вопросовъ есть вмѣстѣ и самый трудный для разрѣшенія, ибо мы не только не знаемъ хорошенъко задачъ и цѣлей русскаго народнаго образованія, но даже не вполне еще убѣждены въ его необходимости; а между тѣмъ все указываетъ на то, что, по нашимъ особеннымъ обстоятельствамъ и условіямъ, оно должно получить въ жизни и развитіи русскаго народа чрезвычайно важное и рѣшительное значеніе, что оно призвано завершить преобразованіе, начатое Петромъ Великимъ.

Вездѣ, гдѣ есть преданіе, обычай, вѣрованія, выработанные сознательною работою поколѣній и отвѣчающіе духовнымъ и нравственнымъ потребностямъ людей, дѣло народнаго образованія сводится къ относительно простой и легкой задачѣ—ознакомить подрастающія поколѣнія съ тѣмъ, что общество уже имѣетъ, утвердить въ ихъ сердцахъ и привычкахъ и осмыслить въ ихъ умѣ тѣ основанія, на которыхъ оно стоитъ и которыми держится. У насъ народное образованіе имѣетъ совсѣмъ другія задачи. Оно должно преобразовать людей, а черезъ нихъ и самую жизнь, создать, т.-е. привести къ сознанію и при-

*) См. выше: ноябрь, 88 стр.

звать къ жизни то, что безсознательно лежитъ въ глубинѣ народнаго духа, но не играетъ еще никакой роли въ устроеніи быта и людскихъ отношеній. Народное образованіе призвано у насъ пересоздать народныя привычки, понятія, вѣрованія, — все, что въ народѣ выросло на почвѣ безличности, безправія и нечужества, что сложилось подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ и условій, коренно измѣнившихся и отошедшихъ въ область исторіи. Точно такая же роль выпала у насъ и на долю государства. Что оно призвано было дѣлать во внѣшней обстановкѣ и условіяхъ народной жизни, то народное образованіе должно совершить въ вѣрованіяхъ, понятіяхъ, умственныхъ и нравственныхъ привычкахъ людей. Такъ смотрѣли у насъ исполнители вѣка лучшіе русскіе люди на задачи и цѣли государства и народнаго образованія, и далеко еще впереди то время, когда преобразовательная роль того и другого прекратится. Теперь, пока, ни государство ни школа не могутъ отъ нея отказаться, безъ существеннаго вреда для русскаго народа. Измѣняться могутъ и должны, вмѣстѣ съ успѣхами нашего національнаго самосознанія, начала, основанія, идеалы, во имя которыхъ совершается преобразование; но оно должно, для блага народа, идти дѣлательно, безъ остановокъ, впередъ, пока не исполнитъ своего историческаго назначенія. Смѣшеніе потребности преобразования съ ея задачами и цѣлями было одною изъ главныхъ причинъ злосчастныхъ задержекъ въ нашемъ національномъ развитіи, имѣвшихъ самыя печальныя послѣдствія. Изъ того, что идеалы, во имя которыхъ совершалось преобразование, отжили свой вѣкъ, вывели заключеніе, что и преобразовательная роль государства и школы пришли къ концу. Пробужденіе народнаго самосознанія, ростъ и развитіе народной жизни истолкованы были въ смыслъ возвращенія къ старымъ, отжившимъ и вывѣтрившимся ея формамъ. Ихъ стали поддерживать и возстановлять и тѣмъ задерживать, тормазить естественный и необходимый ходъ національной жизни, національнаго развитія. Въ этой роковой ошибкѣ ключъ всѣхъ нашихъ неудачъ и несчастій въ минувшія два царствованія. Необходимость реформы, остановившейся на полудорогѣ въ высшихъ, образованныхъ сферахъ, съ особенною силою и настоятельностью чувствуется въ народномъ бытѣ, народныхъ привычкахъ, понятіяхъ и вѣрованіяхъ, которыхъ она еще не коснулась. Государство должно, для блага страны и народа, кореннымъ образомъ измѣнить условія крестьянскаго быта; образованіе должно точно такимъ же кореннымъ образомъ перевоспитать народъ, создать въ немъ другія понятія, другое міровоззрѣніе, вызвать въ дѣлатель-

ности и жизни индивидуальныя, умственныя и нравственныя его силы, которыя начинаютъ просыпаться, но за недостаткомъ воздуха и свѣта, бродятъ на угадъ, въ темнотѣ и бездѣйствіи. Напрасно думаемъ мы отдѣлаться отъ задачи, которая намъ предстоитъ, школами грамотности, чтеніемъ житій святыхъ и обученіемъ по часослову; напрасно надѣемся обойти Вія съ опущенными рѣсницами, приподнесеніемъ ему техническаго обученія, на которое тоже скупимся не по разуму. Всего этого ему мало; онъ начинаетъ задавать себѣ вопросы, на которыхъ нѣтъ отвѣта въ священныя исторіяхъ, катехизисахъ и молитвенникахъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они ему преподаются, и бѣжитъ искать ихъ у раскольниковъ и сектантовъ. Размноженіе и разнообразіе сектъ, которыя вырастаютъ какъ грибы, показываютъ, чего ищетъ народъ и какъ мало удовлетворяетъ его то, что ему даетъ школьное вѣроученіе; а возрастающее параллельно съ тѣмъ, въ большихъ размѣрахъ, растлѣніе нравовъ въ простомъ народѣ, отсутствіе руководящихъ нравственныхъ началъ, падкость къ наслажденіямъ, быстрой наживѣ и тунеядству, поддерживаемыя невозможными экономическими, юридическими и административными условіями народнаго быта, ясно показываютъ, что прежняя обстановка и употребительныя доселѣ приемы воспитанія и обученія крестьянъ отжили свой вѣкъ, не удовлетворяютъ болѣе своему значенію.

Мы заранѣе знаемъ, что такой нашъ взглядъ на дѣло народнаго образованія будетъ очень многими встрѣченъ съ величайшимъ неодобреніемъ и недовѣріемъ. Въ отвѣтъ мы можемъ только сказать слѣдующее: до сихъ поръ послѣдовательно и безпощадно проводились взгляды, которыхъ мы не раздѣляемъ. Какой же былъ результатъ такихъ усилій? Улучшилось ли отъ нихъ наше положеніе? Нѣтъ, они оказались безсильными въ борьбѣ со зломъ, которое растетъ изъ года въ годъ. Очевидно, противъ него необходимо принять совсѣмъ другія мѣры, пока еще есть время.

Прежде всего, приготовимся къ огромнымъ затратамъ на народную школу, на которую до сихъ поръ удѣляли скудныя крохи, расходуя нашъ скромный бюджетъ народнаго просвѣщенія почти исключительно на среднее и высшее образованіе. Запущенная народная школа потребуетъ большихъ жертвъ и не единовременныхъ, а ежегодныхъ, которыя будутъ расти и увеличиваться многіе и многіе годы, пока народныя массы придутъ въ состояніе принять часть этихъ издержекъ на себя и разовьются настолько, что будутъ это дѣлать охотно.

Разстанемся, далѣе, одинъ разъ навсегда съ злосчастною и пагубною мыслью, будто народная школа должна и можетъ служить

какимъ бы то ни было другимъ цѣлямъ, кромѣ умственнаго и нравственнаго развитія людей и гражданъ и сообщенія имъ необходимыхъ и полезныхъ въ жизни знаній. Школа, какъ церковь, судъ, наука, должна стоять въ сторонѣ отъ борьбы политическихъ, или общественныхъ, партій и интересовъ. Перенесеніе арены этой борьбы въ школу, вовлеченіе жизни школы и ученія въ безпрестанно измѣняющіяся условія и шансы этой борьбы убиваютъ народное воспитаніе и образованіе въ самомъ зародышѣ. Всѣ партіи, всѣ интересы, всѣ направленія должны въ этомъ сойтись, подать другъ другу руку и выжевать школу, какъ общее, самое дорогое достояніе всѣхъ и каждого, котораго никто не долженъ касаться. Пока этотъ основной принципъ не укоренится во всеобщемъ сознаніи, мы не будемъ въ состояніи справиться съ вопросомъ о народномъ воспитаніи и образованіи. Народная школа не можетъ и не должна ставить себѣ задачею отлучить тотъ или другой народъ отъ родного его языка, выучить той или другой вѣрѣ и отклонить отъ своей, внушить тотъ или другой политическій образъ мыслей, или помѣшать развитію ума и замѣнить его внѣшней дрессировкой челоуѣка, выучкой его тому или другому практическому дѣлу. Народное образованіе представляетъ, по своимъ задачамъ, двѣ стороны, которыя необходимо различать. Оно заключается въ сообщеніи необходимыхъ и полезныхъ въ жизни знаній и въ развитіи ума, сердца и воли. Достиженіе первой цѣли составляетъ задачу школъ грамотности и такъ называемыхъ профессиональныхъ, а второй—среднихъ и высшихъ классовъ народныхъ школъ или училищъ. Предметъ школъ грамотности—обученіе чтенію, письму и первымъ правиламъ ариметики. Въ мнѣніи огромнаго большинства все народное образованіе должно этимъ и ограничиваться, съ прибавленіемъ начатковъ вѣроученія, о которомъ скажемъ ниже. Обученіе чтенію, письму и начальнымъ правиламъ ариметики должно доставить невѣжественной, безграмотной массѣ самыхъ простыхъ умственныхъ средства, улучшить свой бытъ и свое положеніе; но и эта азбука народнаго обученія находится у насъ въ плачевнѣйшемъ состояніи: она до сихъ поръ еще не пользуется полными правами гражданства, существуетъ какъ-бы изъ милости, терпима—не болѣе. Въ бюджетахъ земствъ она даже не попала въ отдѣлъ обязательныхъ расходовъ и въ росписи расходовъ министерствъ выражается самыми мизерными цифрами. Неудивительно, что между всѣми народами, причисляющими себя къ образованнымъ, мы блистаемъ безграмотностью. Мы бы еще поняли, еслибъ бывшее министерство народнаго про-

свѣщенія, относясь подозрительно, недовѣрчиво и даже отрицательно въ умственному и нравственному развитію крестьянства, взаимно того дало полный ходъ и просторъ грамотности, необходимость которой признаютъ даже влѣйшіе враги народного образованія. Но оно не захотѣло сдѣлать даже этого простого различія, и подчинило самое обученіе грамотѣ такимъ стѣснительнымъ условіямъ, при которыхъ даже существованіе и размноженіе школъ грамотности сдѣлалось крайне затруднительнымъ. На право обучать чтенію, письму и четыремъ правиламъ ариметики нужно свидѣтельство; школы грамотности подчинены мелочной инспекціи. Благодаря этому, онѣ служены, стѣснены, едва прозябаютъ. Въмѣсто того, чтобъ размножаться, число ихъ во многихъ мѣстностяхъ уменьшается. И это въ то время, когда сами крестьяне начинаютъ понимать ихъ пользу!

Обученіе грамотѣ не можетъ долѣе оставаться въ такомъ положеніи. Оно должно быть совершенно освобождено отъ связывающихъ его теперь путь и предоставлено безконтрольно всѣмъ и каждому. Пока школы грамотности не окрѣпнутъ и не будутъ въ состояніи обходиться безъ посторонней помощи и поддержки, правительство должно взять это дѣло въ свои руки, систематически распространять ихъ всюду и вмѣнить ихъ распространеніе въ непремѣнную обязанность городскимъ обществамъ и земствамъ, а между тѣмъ исподоволь готовить средства для введенія со временемъ обязательнаго обученія грамотѣ. Обязательность его сдѣлается возможной лишь тогда, когда безграмотность станетъ исключеніемъ изъ общаго правила.

Какъ ни простъ, самъ по себѣ, вопросъ объ обученіи крестьянъ чтенію, письму и первымъ правиламъ счисленія, но дѣло это такъ пренебрежено и запущено и ведено такъ неправильно, что потребуются, кромѣ большихъ издержекъ, не мало усилій, труда и времени, чтобъ поставить его на ноги. Вызвать снова частную инициативу послѣ репрессивныхъ мѣръ, съ которыми она такъ долго боролась и передъ которыми должна была, наконецъ, поникнуть, будетъ уже теперь гораздо труднѣе. Стѣсняемая всячески естественнымъ своимъ защитникомъ и поощрителемъ, министерствомъ народного просвѣщенія, грамотность нашла себѣ убѣжище и пріютъ въ военномъ вѣдомствѣ, которое вынуждено было, въ виду неотложной практической потребности въ грамотныхъ солдатахъ, принять на свое попеченіе и заботу то, что должно было дѣлать министерство народного просвѣщенія и чего оно систематически не дѣлало. По какой-то ироніи судьбы, примѣровъ которой у насъ не мало, оба министерства перемѣнились

ролями, обязанности одного приняло на себя другое, и расходы государства на школы грамотности попали въ бюджетъ военнаго министерства.

Къ трудностямъ, вызваннымъ ошибками и неправильнымъ взглядомъ, присоединяются у насъ въ этомъ дѣлѣ и препятствія, которыхъ не знаетъ остальная Европа. Таковы: рѣдкость и разбросанность населенія; иногда нѣсколькими дворами, при огромности территоріи и неустроенности путей сообщенія; суровость нашего климата; невозможность прохода въ школы отъ непогодъ, снѣжныхъ заносовъ и вьюгъ въ теченіе почти восьми мѣсяцевъ, когда только и возможно ученіе. Наша печать и педагогическая литература давно придумываютъ мѣры, какъ устранить эти препятствія. Ихъ труды и усилія, едва обращавшія на себя вниманіе, когда грамотность народа считалась ненужной и даже опасной, представляютъ обильный и весьма полезный матеріалъ для проведенія въ практикѣ обученія крестьянъ грамотѣ.

Профессиональныя крестьянскія школы должны сообщить крестьянамъ необходимыя техническія свѣдѣнія и практически обучить правильнымъ приемамъ по различнымъ производствамъ и ремесламъ, существующимъ въ крестьянскомъ населеніи и составляющимъ предметъ ихъ занятій и заработковъ.

Профессиональное обученіе—предметъ специальный, техническій, о которомъ могутъ съ пользою подавать голосъ только знатоки дѣла, изучившіе его въ подробности; самое обсужденіе его выходитъ изъ рамокъ журнальной статьи. Мы позволимъ себѣ высказать, по поводу профессиональнаго обученія крестьянъ, только нѣсколько мыслей и соображеній, касающихся не самой сути дѣла, а лишь общей постановки его въ крестьянской средѣ.

Во всей не-черноземной полосѣ Россіи почти нѣтъ мѣстности, гдѣ бы крестьяне, рядомъ съ земледѣліемъ, не занимались какимъ-нибудь ремесломъ или производствомъ. Одними они промышляютъ на сторонѣ, другими у себя дома. Нерѣдко цѣлыя деревни живутъ и промышляютъ на мѣстахъ однимъ производствомъ, которое въ такомъ случаѣ называется кустарнымъ промысломъ и въ послѣднее время сдѣлалось предметомъ подробнаго изученія и изслѣдованія.

Этотъ видъ народнаго труда, чрезвычайно разнообразный, оставался до нашего времени въ совершенномъ пренебреженіи, какъ вообще все крестьянское. Онъ гложетъ и угасаетъ не только отъ бѣдности крестьянъ, недостатка капиталовъ и кредита, конкуренціи городскихъ, заводскихъ и фабричныхъ промысловъ и производствъ, поддержанныхъ сильными денежными

капиталами и банками, но и отъ недостатка техническихъ знаній, незнакомства съ усовершенствованными пріемами и способами производства и требованіями рынка, которыя измѣняются и чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще и быстрѣе. Помочь этому недостатку могутъ только профессиональныя школы; но ихъ у насъ для услугъ крестьянъ нѣтъ. Крестьянинъ лишь случайно можетъ попасть въ городъ и поучиться тамъ тому, что ему нужно для его ремесла или промысла: большинству крестьянъ городскія школы недоступны, или не подъ силу, по ихъ малообразованности. Но кромѣ того, есть и другое, весьма важное обстоятельство, которое дѣлаетъ городскія, фабричныя и ремесленныя школы для крестьянъ не совсѣмъ пригодными: городъ, фабрика, заводъ работаютъ обыкновенно, по большей части, на городскихъ потребителей и образованные классы, а сельскіе ремесленники и производители — на крестьянское населеніе. Но потребности, вкусы и требованія тѣхъ и другихъ такъ расходятся, что превосходный городской ремесленникъ можетъ никуда не годиться и остаться безъ работы въ деревнѣ, и наоборотъ, деревенскій мастеръ изъ мастеровъ быть поставленъ ниже плохого подмастерья въ городѣ. Стоитъ вспомнить шубниковъ, портныхъ, сапожниковъ, столяровъ, иконописцевъ, ткачей, кузнецовъ, слесарей и т. п. въ городѣ и деревнѣ, чтобы признать справедливость этого замѣчанія. Вотъ почему профессиональное обученіе крестьянъ, въ городѣ или въ деревнѣ, городскими, фабричными или заводскими мастерами не можетъ у насъ привиться, по крайней мѣрѣ привьется не скоро. Помочь теперешнему, крайне печальному положенію крестьянскихъ производствъ, ремеслъ и техническихъ промысловъ, кромѣ другихъ средствъ, о которыхъ здѣсь говорить не мѣсто, могутъ лишь профессиональныя школы, устроенныя на мѣстахъ, посреди крестьянскаго населенія, и притомъ школы самыя незатѣйливыя, приспособленныя къ низкой степени образованія крестьянъ и къ существующимъ уже у нихъ производствамъ. Онѣ отнюдь не должны обучать чему-либо совсѣмъ новому, не существующему между крестьянами и имъ неизвѣстному, а лишь помочь имъ дѣлать лучше, дешевле то, чѣмъ они уже сами занимаются и къ чему привыкли. Главная ихъ задача должна быть чисто практическая; теоретическое ученіе должно служить въ нихъ только необходимымъ подспорьемъ практическому умѣнью и сообщать лишь то, безъ чего послѣднее не можетъ быть улучшено или упрочено. Разъ знаніе будетъ пропущено въ невѣжественную и темную среду крестьянскихъ рутинистовъ въ видѣ только практически полезнаго и пригоднаго, оно будетъ принято охотно,

пустить ворни и легко акклиматизируется въ сельскомъ населеніи: тогда оно само за нимъ пойдетъ и будетъ его искать и требовать. Вся трудность — кромѣ матеріальной стороны дѣла — въ приготовленіи учителей. Въ нихъ не только желательно, но совершенно необходимо сліяніе знанія и городского и сельскаго или деревенскаго промысла; безъ этого дѣло не пойдетъ въ деревняхъ. Самое лучшее было бы, еслибъ, съ одной стороны, званіе учителя и мастера-хозяина, а съ другой — ученика и работника сливались въ одномъ лицѣ. Для этого слѣдовало бы устроить нѣчто въ родѣ профессиональных семинарій въ городахъ, которые лежатъ посреди или по близости крестьянскаго населенія, занимающагося какимъ-нибудь производствомъ или ремесломъ и привлекать въ нихъ сыновей мастеровъ и молодыхъ рабочихъ на годъ, на два. Возвратившись въ свои семьи, они сдѣлались бы рассадниками улучшеннаго производства и техническихъ знаній въ деревняхъ и селахъ. Гораздо труднѣе было бы распространить ихъ посредствомъ настоящихъ школъ, съ учителями не изъ туземцевъ, а откуда попало, приготовленныхъ въ городскихъ профессиональных семинаріяхъ. Учитель, не связанный интересами съ мѣстностью, незнакомый подробно съ заведенною рутинною производствомъ или ремесла, ни съ потребностями обычнаго рынка, не будетъ имѣть никакого вліянія, развѣ природа надѣлила его чрезвычайнымъ талантомъ и умѣньемъ приживаться къ людямъ; а такіе, какъ извѣстно, большая рѣдкость. Кромѣ того, мы думаемъ, что для профессиональнаго преподаванія въ правильно устроенныхъ школахъ по деревнямъ время еще не наступило. Наши крестьяне до него не доросли; а можетъ быть, эта форма обученія не свойственна вообще русскому простому человѣку, въ особенности крестьянину. Такъ или иначе, но отъ такого способа профессиональнаго преподаванія мы теперь пока не ожидаемъ никакой пользы въ крестьянской средѣ.

Если обученіе крестьянъ грамотѣ и сообщеніе имъ практически полезныхъ знаній у насъ едва, можно сказать, начинаются и представляютъ столько серьезныхъ трудностей, то что сказать о ихъ умственномъ и нравственномъ развитіи, которое составляетъ главную задачу народнаго образованія? Оно у насъ даже не въ зародышѣ, самая мысль о немъ еще въ далекомъ, туманномъ будущемъ; въ настоящемъ помыслы о немъ считаются иллюзіями, опасными для спокойствія и будущности государства, или фантазіями пустоголовыхъ болтуновъ. Всѣ усилія въ тому направлены, чтобъ понятія и вѣрованія крестьянъ оставались вѣрными

завѣту отцовъ и дѣдовъ, развѣ признано будетъ нужнымъ, по соображеніямъ политическимъ, претворить ихъ изъ инновѣрцевъ въ православныхъ, изъ инородцевъ въ русскихъ. Но для достиженія той и другой цѣли именно умственное и нравственное развитіе крайне неудобны. Въ нихъ уже скрывается зародышъ умственной и нравственной самостоятельности и свободы, отъ котораго недалеко до сомнѣній, разбора, критики, а тамъ и до стремленія проводить въ дѣйствительной жизни, на практикѣ, тѣ или другія понятія и убѣжденія, не согласныя съ обстановкой и данными условіями жизни. Стало быть, — такъ разсуждаетъ у насъ большинство, — гораздо лучше и благонадежнѣе не развивать, а только обучать практически необходимому и полезному. Умственные и нравственные потребности, особливо простого народа, насколько онѣ безопасны для общества и государства, могутъ быть съ избыткомъ удовлетворены предписаніями и наставленіями церкви и примѣрами изъ жизни святыхъ угодниковъ. Знаніе молитвъ, краткаго катехизиса, сокращенной священной исторіи ветхаго и новаго завѣта и пониманіе литургіи и церковной службы дадутъ простолюдину все, что ему нужно для удовлетворенія его запросовъ по высшимъ тайнамъ бытія и міра и для нравственнаго руководства въ дѣлахъ житейскихъ. Всякія излишнія умствованія, развивая критическія способности ума, безъ соотвѣтствующаго увеличенія запаса знаній, которыхъ простому человѣку неоткуда взять, только рождаетъ сомнѣнія и отвлекаетъ въ сторону умственныхъ упражненій, которыми онъ и будетъ предаваться въ ущербъ практической дѣятельности, полезной, здоровой и необходимой для его ближайшихъ цѣлей.

Вотъ обычный и весьма распространенный у насъ взглядъ на умственное и нравственное развитіе крестьянъ и простыхъ людей. Постараемся опредѣлить, что въ немъ есть правильнаго и что ошибочно и ложно.

Отвлеченныя умозрѣнія, предполагающія и достаточный запасъ знаній и нѣкоторую опытность въ умственныхъ упражненіяхъ, конечно, совершенно неумѣстны въ народной школѣ. Но, сколько извѣстно, никто еще не предлагалъ у насъ ввести ихъ въ кругъ начального народнаго образованія. Весь вопросъ въ томъ: достаточно ли для крестьянина одной выучки, или ему нужно умственное и нравственное развитіе? и если ему послѣднее дѣйствительно нужно, то какими средствами и способами всего легче и удобнѣе этого достигнуть? Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній нужно прежде всего условиться въ точномъ смыслѣ словъ. Умственное развитіе состоитъ въ осмысленномъ

отношенія къ предметамъ, въ осмысленномъ усвоеніи того, чему учать. Ему противоположно затверживаніе наизусть, на память, безъ яснаго пониманія и усвоенія себѣ того, что заучивается. Нравственное развитіе состоитъ въ усиленіи чувства добра, въ сознательномъ усвоеніи нравственныхъ правилъ, въ привычекѣ имъ слѣдовать, ихъ держаться въ мысляхъ и поступкахъ. Но въ этомъ смыслѣ кругъ познаній и дѣятельности не имѣетъ никакого отношенія къ степени умственного и душевнаго развитія, и смѣшивать ихъ между собою никакъ не слѣдуетъ; а противоположеніе круга познаній и дѣятельности умственному и нравственному развитію, мысль, что первое по своему существу исключаетъ послѣднее, именно основана на такомъ смѣшеніи. Можно знать очень мало, имѣть самый ограниченный кругъ дѣйствій и быть очень развитымъ умственно и нравственно; наоборотъ, можно имѣть обширныя знанія, обширную сферу дѣятельности и быть крайне поверхностнымъ, безхарактернымъ и развратнымъ. Кругъ знаній, сфера дѣятельности только расширяютъ или суживаютъ умственную и нравственную опытность: сила и степень сознательности воли и стойкости въ нравственныхъ правилахъ и привычкахъ отъ нихъ не зависятъ и не измѣняются необходимо въ ту или другую сторону, вмѣстѣ съ ихъ измѣненіями. Иной, съ расширеніемъ круга знаній, развиваетъ свой умъ; у другого онъ, напротивъ, теряетъ способность свободно ими распорядиться. Совершенно то же замѣчается и по отношенію къ нравственной сторонѣ, съ расширеніемъ круга дѣятельности: одинъ при этомъ растетъ нравственными силами, другой, на болѣе обширной аренѣ, падаетъ. Точно также нѣтъ прямой зависимости и связи между нравственною и умственною развитіею, которыя мы такъ часто смѣшиваемъ. Дѣятельность умственная и душевная, заключающаяся въ желаніяхъ, замыслахъ, намѣреніяхъ и поступкахъ, очень часто находятся въ рѣзкомъ противурѣчій другъ съ другомъ. Далеко не всегда сильному характеру и нравственному направленію соответствуетъ развитой умъ; всѣмъ также извѣстно, что есть люди очень развитые умомъ и въ то же время безхарактерные или безнравственные.

Зная и понимая это, надо прежде всего очертить предѣлы народнаго образованія, а не чураться развитія народа. Странно, что такія азбучныя истины, избитыя до тривіальности, у насъ приходится еще обсуждать и доказывать! Безъ развитія мы получимъ не образованныхъ дѣтей или крестьянъ, а куколъ, манекеновъ, негодныхъ и неспособныхъ ни къ чему толковому, го-

левскихъ Петрушекъ, улаждающихся процессомъ чтенія; приобретаемы ими ограниченныя свѣдѣнія, безъ развитія, не послужатъ имъ ни къ какому полезному употребленію, и въ скоромъ времени перезабудутся, потому что къ нимъ у неразвитыхъ людей и не лежитъ душа, а пользы и необходимости ихъ они не понимаютъ и потому ими не дорожатъ. У насъ теперь во многихъ мѣстахъ жалуются на бесполезность народной школы въ виду множества рецидивистовъ безграмотности, разучившихся всему, чему они учились. А отъ чего это происходитъ? Только отъ того, что начальная школа, по господствующимъ понятіямъ, должна только обучать, а не развивать. Но рецидивы такого рода еще не самая большая бѣда. Бываетъ и хуже. Способный ученикъ приобретаетъ, благодаря обученію, новыя, до тѣхъ поръ неизвѣстныя ему умственныя средства. Если умъ, сердце и воля его остаются неразвитыми, онъ легко поддается соблазну воспользоваться этими средствами для совершенія разныхъ противузаконныхъ проступковъ, на примѣръ, для поддѣлки или составленія фальшивыхъ актовъ, паспортовъ и проч. Къ чему у насъ грамотность, говорили у насъ еще не такъ давно, ея противники: развѣ для того, чтобъ еще больше расплодить поддѣльщиковъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ и документовъ? И они были правы: выучка безъ развитія легко создаетъ рецидивистовъ нечѣстнаго и усовершенствованныхъ негодяевъ, и только случайно, въ видѣ рѣдкаго исключенія, порядочныхъ и полезныхъ людей.

Съ нравственнымъ образованіемъ у насъ горе своего рода. По господствующему взгляду и принятой системѣ, нравственность воспитывается и укрѣпляется въ народѣ вѣроученіемъ или законоученіемъ, и притомъ, когда оно преподается духовнымъ, а не свѣтскимъ учителемъ. Взглядъ этотъ проводится строго въ народной школѣ. Уроки закона Божія занимаютъ въ обученіи самое видное мѣсто и берутъ много времени; отнѣтен по этому предмету имѣютъ рѣшительное вліяніе на аттестацію; нельзя получить свидѣтельства, дающаго право на сокращенный срокъ обязательной военной службы, если законоучителемъ не было духовное лицо. Какіе результаты принесли такіа мѣры? Улучшилась ли народная нравственность? Ни въ школѣ, ни въ жизни она не идетъ впередъ, а падаетъ. Возрастающая порча нравовъ во всѣхъ слояхъ русскаго народа и общества составляетъ обычную, излюбленную тему всѣхъ нашихъ разговоровъ и жалобъ. Это доказываетъ ошибочность принятой у насъ системы нравственнаго воспитанія. Мы обратили нравственность въ предметъ преподаванія, а она не преподается, а *воспитывается* всею обста-

новкою человѣка. Чтобы быть нравственнымъ, мало знать, что нравственно и что безнравственно: надо это почувствовать; надо имѣть твердую рѣшимость и навыкъ удалаться отъ зла и творить благо; а такая рѣшимость и такой навыкъ приобрѣтаются не заучиваньемъ, внушаются не балльными отмѣтками, аттестатами и выписаніями, а живымъ примѣромъ и руководствомъ нравственныхъ людей, горячимъ убѣжденіемъ, проводимымъ въ ежедневной жизни, во всѣхъ поступкахъ. Испорченный человѣкъ, живя въ обстановкѣ, гдѣ правила нравственности не остаются пустыми словами, а дѣйствительно примѣняются, мало-по-малу тоже становится нравственнымъ. Большинство людей впадаетъ въ безнравственность только потому, что потеряли вѣру въ осуществимость нравственныхъ правилъ, видя, какъ кругомъ ихъ всѣ говорятъ о нравственности, исповѣдуютъ ее на словахъ, а на дѣлѣ поступаютъ совсѣмъ иначе и вовсе не сообразуются съ ея началами.

Нравственности и нравственного воспитанія въ объясненномъ смыслѣ у насъ почти не существуетъ, или они существуютъ въ видѣ рѣдкаго изытія. Въ народной школѣ, собственно говоря, на нихъ не обращается никакого вниманія. Отъ преподавателя и законоучителя требуется только извѣстный запасъ знаній, педагогическая сноровка и формальная безукоризненность, особливо по отношенію къ религіозному и политическому образу мыслей. Его характеръ, добропорядочность, любовь къ дѣлу, отношенія къ воспитанникамъ, нравы и привычки въ обыденной жизни совсѣмъ не принимаются въ расчетъ. Народная школа, съ этой стороны, въ большинствѣ случаевъ ниже посредственности. Она еще можетъ, съ грѣхомъ пополамъ, обучить чему-нибудь, а ужъ никакъ не развить въ воспитанникахъ чувства добра и правды, вѣру въ нравственные принципы, рѣшимость и привычку проводить ихъ въ жизни; а именно эта-то сторона народного образованія и чрезвычайно важна, и ничѣмъ не уступаетъ собственно такъ-называемому обученію и развитію умственныхъ способностей, потому что въ ней-то и заключается по преимуществу преобразовательная роль воспитанія въ Россіи. Народное образованіе должно, рядомъ съ обученіемъ, развить человѣка въ нравственномъ смыслѣ, искоренить или, по крайней мѣрѣ, ослабить въ немъ нравственно-дурныя привычки, загроубѣлость, безсердечіе, которыя онъ выноситъ съ собою изъ ежедневной дѣйствительности, воспитать чувство и сознаніе своей и чужой нравственной личности, замѣнить обычнаго взгляда крестьянъ на человѣка какъ на пассивную арену, на которой свободно и безпрепятственно разыгры-

ваются вѣшнія силы и всякія вліянія. Въ современной народной школѣ нѣтъ и намека на такое ея преобразовательное значеніе. Обстановка ея, въ нравственномъ отношеніи, въ большинствѣ случаевъ ниже всякой критики, и потому нечего удивляться, что крестьяне относятся къ ней безучастно. Народная школа, по нравственнымъ качествамъ преподающихъ, надзирающихъ и попечителей, должна высоко стоять надъ общимъ уровнемъ, а она у насъ зачастую гораздо ниже его. Говорятъ: откуда же взять людей? Ихъ нѣтъ. Напротивъ, они есть и ихъ довольно; но ихъ надо искать, выбирать; а у насъ выборъ опредѣляется не внутренними, умственными и нравственными качествами, а шаблонными, вдобавокъ изветшавшими формальными наружными примѣтами, которыя всего менѣе могутъ служить мѣркой нравственныхъ и душевныхъ качествъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ основаніе народнаго образованія положены у насъ два ошибочныхъ начала: стремленіе стѣснить умственное развитіе и замѣнить его выучкой, дрессировкой и дать нравственное воспитаніе посредствомъ усиленія законоученія или вѣроученія. Благодаря этимъ двумъ ошибочнымъ мыслямъ, на которыхъ построено обученіе въ народной школѣ, она не пользуется сочувствіемъ и остается безъ всякаго вліянія на народныя массы. Роль ея ограничивается обученіемъ грамотѣ. Пока умственное и нравственное развитіе народа не станетъ единственною задачею народной школы, до тѣхъ поръ значеніе ея будетъ, какъ теперь, почти ничтожно.

Что нравственное развитіе возможно только посредствомъ нравственной обстановки, живыхъ нравственныхъ людей и нравственныхъ фактовъ, объ этомъ уже сказано выше. Разсмотримъ теперь, какимъ образомъ, посредствомъ какихъ предметовъ, можетъ быть достигнуто умственное развитіе крестьянъ.

У насъ теперь признается, что преподаваніе закона Божія вполне отвѣчаетъ умственнымъ потребностямъ крестьянскаго населенія. Оно, говорятъ, воспитываетъ и укрѣпляетъ религиозное чувство, даетъ доступный простому уму отвѣтъ на высшіе вопросы бытія и человѣческаго существованія и въ то же время воздерживаетъ отъ бесплодныхъ умствованій и сомнѣній.

Мы можемъ принять такой взглядъ лишь съ большими оговорками и дополненіями. Особливо въ томъ видѣ, какъ у насъ законоученіе понимается и преподается, оно одно, по нашему глубокому убѣжденію, не достигаетъ своей цѣли.

Ни вѣра, ни народное образованіе не должны, какъ мы сказали выше, служить средствомъ для достиженія какихъ-либо го-

сударственныхъ или общественныхъ цѣлей. Законоученіе должно оставаться религіознымъ назиданіемъ вѣрующихъ, каждаго по тому исповѣданію, къ которому онъ принадлежитъ. Принявъ это за основаніе, нельзя не придти къ заключенію, что вѣроученіе — предметъ весьма неудобный для умственного развитія народа. Прежде всего надо помнить, — а мы это слышимъ часто упускаемъ изъ виду, — что далеко не все сто-милліонное населеніе имперіи исповѣдуетъ христіанскую вѣру, по ученію православной церкви, и что между множествомъ самыхъ разнообразныхъ вѣръ, сектъ, расколовъ и исповѣданій, какія у насъ имѣются, есть и такія, которыя не могутъ служить предметомъ для умственного развитія. Затѣмъ, христіанство, направляя къ одной цѣли людей разныхъ націй, культуръ и степени развитія, говоритъ каждому языкомъ ему понятнымъ, обращено къ нему тою своею стороною, которую онъ наиболѣе способенъ принять и усвоить. Еврею христіанство представилось какъ завершеніе іудейскаго закона; греку — какъ послѣднее слово греческой философіи и науки, какъ полнѣйшее ихъ осуществленіе; восточный квіетизмъ и факирство увидѣли и поняли въ немъ отрицаніе тѣла и его вожделѣній, удаленіе отъ міра и созерцаніе божьей истины и правды. Точно также и другія племена и народы усвоили себѣ преимущественно тѣ стороны христіанства, къ которымъ всего больше привлекались своимъ народнымъ характеромъ. Русскому народному генію, при нашей природной живости и склонности къ реальному и практическому, повидимому, особенно близка и сочувственна дѣятельная сторона христіанства въ обществѣ, заповѣдь христіанской жизни въ общеніи съ другими людьми. Поэтому, одни лишь начала христіанской нравственности, имѣющія всемірный характеръ, одинаково обязательныя для всѣхъ людей, какого бы они ни были племени и исповѣданія, могутъ и должны служить основаніемъ для нравственнаго развитія и образованія народныхъ массъ; собственно же вѣроученіе, догматы, какъ предметъ вѣрованія, а не обсужденія, различно объясняемые въ различныхъ исповѣданіяхъ, не могутъ служить удобной тѣмой для умственного развитія простыхъ людей. Для этого нужны предметы болѣе имъ близкіе и болѣе доступные ихъ пониманію.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что въ христіанскихъ школахъ лучшими уроками нравственности будутъ чтеніе и объясненіе евангелія; въ не-христіанскихъ мѣсто евангелія заступитъ объясненіе и толкованіе обязанностей человѣка къ ближнему и правилъ честной жизни и поступковъ. Къ этому долженъ еще быть присоединенъ краткій обзоръ гражданскихъ правъ и обя-

занностей въ обществѣ и государствахъ. Поддержанное нравственною обстановкою школы, безъ которой никакіе уроки нравственности не поведутъ ровно ни къ чему, такое преподаваніе внесетъ свѣтъ въ темный и печальный бытъ крестьянина, исподволь переродитъ и перевоспитаеъ его къ лучшей жизни. Что касается умственного развитія, то оно должно происходить на предметахъ, которые крестьянину полезно и необходимо знать въ его быту. Таковы: отечественная исторія, географія, статистика, естественныя науки, сельское хозяйство, технология и т. п. Само собою разумѣется, что о систематическомъ изложеніи этихъ предметовъ въ народной школѣ не можетъ быть рѣчи. Преподаваніе ихъ должно замѣняться толковымъ чтеніемъ, веденнымъ такимъ образомъ, чтобы ученики, переходя отъ легкаго къ трудному, усвоили себѣ наиболѣе полезныя для нихъ свѣдѣнія по всѣмъ названнымъ и близкимъ къ нимъ отраслямъ знанія. Въ каждой мѣстности выборъ предметовъ для чтенія и объясненій будетъ различенъ, смотря по ближайшимъ потребностямъ мѣстнаго населенія. Чтобы учитель имѣлъ подъ руками обильный и разнообразный матеріалъ для выбора предметовъ такого толковаго чтенія и могъ вести его по извѣстному, обдуманному плану, надо всачески поощрять составленіе и изданіе сборниковъ статей для чтенія въ народныхъ школахъ, и не ограничивая учителей тѣмъ или другимъ руководствомъ, предоставить имъ выборъ статей и сборниковъ, право сокращать ихъ, вводить въ преподаваніе статьи, не вошедшія въ изданные сборники, словомъ вести толковыя чтенія по собственному усмотрѣнію. Опытъ, педагогическая литература и критика, народныя потребности, различныя въ разныхъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе вліянія различныхъ мѣстныхъ условій и особенностей, совпадутъ и выработаютъ разные типы такихъ сборниковъ, установятъ ихъ нормальный составъ и предѣлы школьнаго толковаго чтенія. Всего этого никакъ нельзя заранѣе предугадать и предуставить. Сама жизнь, практика лучше всего укажутъ что нужно.

Къ числу необходимыхъ предметовъ для нравственного и умственного развитія крестьянскаго населенія принадлежитъ и пѣніе, въ особенности церковное, различное смотря по вѣрѣ и исповѣданію. Ничто такъ не привлекаетъ къ школѣ простой народъ, ничто такъ не располагаетъ къ ней мѣстнаго крестьянскаго населенія, какъ хорошее, благообразное церковное пѣніе. Эта сторона народнаго образованія и развитія такъ важна, такъ настоятельно необходима, что при невозможности на первый разъ обучать въ народныхъ школахъ пѣнію посредствомъ школь-

нихъ учителей, надлежало бы привлечь въ этому дѣлу, гдѣ можно, церковнослужителей, воспитанниковъ духовныхъ школъ и семинарій.

Собственно вѣроученіе, т.-е. наставленіе въ религіи, должно составить особый предметъ ученія и ограничиваться необходимѣйшимъ знаніемъ важнѣйшихъ молитвъ и катехизическаго ученія въ связи съ священной исторіей,— для христіанъ, главнымъ образомъ, новаго заветъ. Оно можетъ происходить въ школахъ и вне школы, смотря по обстоятельствамъ и удобству. Каждый получаетъ религіозное назиданіе и наставленіе въ той вѣрѣ и томъ исповѣданіи, въ которому принадлежитъ. Наблюденіе за ходомъ и духомъ вѣроученія есть дѣло церкви и духовнаго, а не школьнаго вѣдомства.

Въ такомъ видѣ представляется намъ школьное дѣло, какъ оно должно быть устроено по деревнямъ и селамъ. Школы грамотности и профессиональныя не имѣютъ, по существу дѣла, непосредственной связи съ школами, предназначенными для умственнаго и нравственнаго развитія крестьянъ, и потому, смотря по обстоятельствамъ и удобству, могутъ существовать отдѣльно отъ нихъ, или вмѣстѣ. Тамъ, гдѣ грамотность мало распространена и усилій частныхъ лицъ, сельскихъ обществъ и земствъ, недостаточно для учрежденія ихъ, хотя бы по одной, въ каждомъ поселкѣ, правительство должно придти на помощь мѣстному населенію и основать такія школы отъ себя. Школы для умственнаго и нравственнаго развитія народа, которыя, въ отличіе отъ другихъ, мы назовемъ народными училищами, должны находиться, по крайней мѣрѣ, по одной въ каждой волости. Ихъ слѣдуетъ поставить въ связь съ городскими училищами и прогимназіями, такимъ образомъ, чтобъ окончившіе ученіе въ народныхъ училищахъ могли быть принимаемы въ низшіе или подготовительные классы городскихъ училищъ и прогимназій.

Самое пристальное и заботливое вниманіе должно быть обращено на личную обстановку народныхъ училищъ. По причинамъ, на которыхъ мы не можемъ довольно настаивать, они должны не только учить, но и воспитывать, готовить для жизни людей, развитыхъ умственно и нравственно. Надо, чтобъ вся обстановка школы, все чтó въ ней дѣлается, дышало нравственнымъ характеромъ. Подъ нравственностью же мы разумѣемъ не безпрекословное, неукоснительное наружное исполненіе предписанныхъ правилъ, не наружную только благопристойность, а добросовѣстное, по внутреннему сознанію, исполненіе каждымъ лежащаго на немъ долга по школахъ, съ участіемъ и справедли-

востью въ ученикамъ, съ заботливымъ вниманіемъ къ ихъ учению, успѣхамъ и поступкамъ. Школа должна быть у насъ расадницею добрыхъ нравовъ, честныхъ и добросовѣстныхъ отношеній между людьми. Ей должны быть одинаково чужды и грубая наказанія, и равнодушная снисходительность къ нехорошему, недобросовѣстному и нечестному. Нигдѣ, можетъ быть, воспитательное назначеніе школы не чувствуется такъ сильно какъ у насъ; среда, въ которой ей суждено дѣйствовать, особенно въ этомъ нуждается. По нашимъ особеннымъ обстоятельствамъ, крестьянская школа должна быть прежде всего расадникомъ добрыхъ нравовъ. До хорошей во всѣхъ смыслахъ, народной школы мы еще не доросли, и много пройдетъ времени, пока она у насъ будетъ возможна; поэтому надо, на первый разъ, удовлетвориться тѣмъ, что возможно, и требовать отъ нея только самаго необходимаго, а такимъ настоятельно необходимымъ мы считаемъ прежде всего честные и добрые нравы, вполне добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Изъ опыта, который у насъ передъ глазами, мы знаемъ, что при нравственныхъ условіяхъ не одни дѣти, но и взрослые, вообще довольно равнодушные къ дѣлу образованія, получаютъ уваженіе къ школѣ, привязываются къ ней, и она пускаетъ корни въ мѣстномъ населеніи. Кто не знаетъ, что для дѣтей и юношей ученіе и знаніе становятся милы и дороги сперва въ образѣ любимаго преподавателя? А нашъ народъ пока тотъ же ребенокъ, вдобавокъ воспитанный въ крайне печальной обстановкѣ и условіяхъ. На крестьянскихъ дѣтей порядочная нравственная обстановка школы дѣйствуетъ глубоко на всю жизнь. Видя правду на дѣлѣ, они мало-по-малу начинаютъ вѣрить, что люди другого съ ними общественнаго положенія и образованія, на которыхъ они отъ колыбели привыкли смотрѣть съ глубокимъ недовѣріемъ, могутъ искренно желать имъ добра, и—что гораздо важнѣе—сохраняютъ память о годахъ, проведенныхъ въ школѣ, какъ о времени, когда имъ было хорошо и легко на душѣ, когда они встрѣчали любовь и ласку. Память объ этихъ годахъ, выдающихся какъ свѣтлая точка въ ихъ нерадостной жизни до и послѣ школы, будетъ служить имъ поддержкой посреди тяжелыхъ испытаній, съ которыми русскій человѣкъ свыкся до равнодушія и апатіи. Воспитанники такой школы не будутъ рецидивистами безграмотности, потому что она, возбудивъ въ нихъ любовь, довѣріе, а съ ними и интересъ къ мысли и знанію, возбудитъ и охоту къ чтенію. Такіе результаты порядочно поставленной въ нравственномъ смыслѣ школы, повторяемъ, мы сами видѣли и можемъ удостовѣрить, что они—не

идея, какъ многіе готовы думать, а живой, дѣйствительный фактъ.

Чтобы школа получила такое значеніе, не только нужно, чтобъ учитель соединялъ въ себѣ способности и знаніе съ нравственными качествами, но надо, чтобъ онъ былъ поставленъ самостоятельно и могъ устранять всякія постороннія вредныя вліянія на веденіе преподаванія и нравственное воспитаніе дѣтей. Ни того, ни другого у насъ теперь нѣтъ. Мѣриломъ для выбора учителя служить только его аттестатъ; о нравственныхъ качествахъ его мало думаютъ. Ни малѣйшей тѣни самостоятельности онъ не имѣетъ. Учитель въ народной школѣ—послѣдняя спица въ колесницѣ: имъ помыкаетъ и инспекторъ, и попечитель школы, и приходскій священникъ, и волостной старшина, и волостной писарь, и помѣщикъ, и прикащикъ. Нѣтъ маленькаго чиновника менѣе самостоятельнаго, болѣе зависащаго отъ доброй воли и каприза множества лицъ. Если онъ мало-мальски понимаетъ призваніе школы—горе ему: его преслѣдуютъ со всѣхъ сторонъ, пока не выживутъ. Онъ только и можетъ держаться, усердствуя всѣмъ и жертвуя направо и налѣво интересами школы и школьнаго дѣла, въ угоду тѣмъ, отъ кого зависитъ. Причина, почему школьный учитель такъ у насъ поставленъ—та же, почему безотвѣтенъ и беззащитенъ чиновникъ. Выбираютъ людей не по ихъ внутреннимъ достоинствамъ, а по наружнымъ, шаблоннымъ признакамъ. Такъ какъ эти признаки нисколько не обезпечиваютъ правильности выбора, то лица, назначенныя къ должности, не пользуются ни малѣйшимъ довѣріемъ, окружаются со всѣхъ сторонъ надзоромъ, подвергаются на каждомъ шагѣ мелочному контролю, который, при громадномъ развитіи, какое онъ у насъ имѣетъ, не можетъ быть другой какъ формальный и бумажный, и отдаются на полное благоусмотрѣніе и произволъ начальства, отъ котораго всегда зависитъ поправить ошибку выбора удаленіемъ отъ мѣста и должности.

Чтобы народная школа достигла своей цѣли и школьный учитель могъ вести ее какъ надо, необходимо, чтобы выборъ его и удаленіе отъ должности не зависѣли отъ случайностей и единичнаго усмотрѣнія и произвола. Въ школьномъ учителѣ, кромѣ знанія и педагогическихъ способностей, кромѣ нравственныхъ качествъ и честнаго отношенія къ дѣлу и ученикамъ, необходимы еще способность и умѣнье хорошо поставить себя посреди мѣстнаго населенія, заслужить довѣріе и расположеніе родителей учениковъ, безъ чего немислимъ успѣшный ходъ школьнаго дѣла. Поэтому надо, чтобы какъ въ выборѣ, такъ и въ удале-

ни школьнаго учителя участвовала не одна учебная дирекція, но сверхъ того и попечитель школы, и мѣстные жители округа или прихода, для которыхъ школа существуетъ. Пока эта существенная гарантія не будетъ дана народной школѣ и народному учителю, до тѣхъ поръ объ успѣхахъ народнаго образованія нечего и думать; будетъ возможна одна лишь выучка и школьная дрессировка.

Чтобъ создать хорошую русскую народную школу, надо создать сословіе или классъ хорошихъ русскихъ народныхъ учителей и учительницъ: ими только она и можетъ держаться. Вотъ почему, рядомъ и наравнѣ съ заботами о размноженіи и устройствѣ школъ, должны идти заботы о размноженіи и хорошей постановкѣ учительскихъ семинарій. Въ нихъ влючъ къ разрѣшенію задачи нашего народнаго образованія. Когда онѣ станутъ готовить учителей, какихъ намъ надо, половина дѣла будетъ сдѣлана. Что касается учителей грамотности, то въ нихъ, при доброй волѣ ихъ найти, недостатка не будетъ. Впослѣдствіи ихъ въ изобиліи будутъ поставлять народные училища. Главная задача—приготавливать учителей для послѣднихъ. Устройство учительскихъ семинарій для народныхъ училищъ, курсовъ этихъ семинарій, методъ преподаванія въ нихъ, способъ комплектованія учениковъ семинарій и т. п., все это вопросы спеціальные, которыхъ мы не можемъ здѣсь касаться. Замѣтимъ только, что требованія умственнаго и нравственнаго развитія, поставленныя выше народной школѣ, относятся въ гораздо большей еще степени къ учительскимъ семинаріямъ. Мелочный формализмъ, придирчивое педанство, подчиненіе знанія и ученія постороннимъ цѣлямъ, замѣна внутренней, нравственной дисциплины внѣшнимъ благоприличіемъ, угодничествомъ, ханжествомъ и лицемеріемъ должны быть рѣшительно и тщательно изгнаны изъ заведеній, призванныхъ разсылать въ народъ воспитателей и учителей.

Наконецъ замѣтимъ, что школа и школьныхъ учителей еще недостаточно, для поддержанія и развитія народнаго образованія. Когда оно будетъ правильно поставлено и пустить корни въ простомъ народѣ, въ немъ пробудится, начиная съ бывшихъ учениковъ школы, охота къ чтенію. У насъ въ деревняхъ и селахъ этому много способствуетъ отсутствіе всякихъ развлеченій и пропасть свободнаго времени по окончаніи полевыхъ и хозяйственныхъ работъ, особливо поздней осенью и зимой. Чтеніе необходимо и самому учителю, который, не поддерживая и не освѣжая себя имъ, мало-по-малу естественно впадаетъ въ рутину и тупѣть. Вотъ почему вездѣ, гдѣ народная школа хо-

рошо поставлена, она должна быть поддержана, подкреплена хорошей школьной библиотекой и библиотекой для народного чтенія. Потребность въ нихъ уже начинается, здѣсь и тамъ, живо чувствоваться, и ей необходимо удовлетворить устройствомъ библиотекъ разнообразнаго содержанія, приуроченныхъ къ потребностямъ школы, къ степени пониманія и нуждамъ мѣстнаго населенія. Школы и народныя библиотеки будутъ продолжать и развивать дѣло народныхъ училищъ и сослужать народному умственному и нравственному образованію неоцѣнимую, по своимъ полезнымъ послѣдствіямъ, службу.

Повторяемъ, давно пора перестать смотрѣть на образованіе и развитіе крестьянъ какъ на мечты утопистовъ, какъ на бесполезную, а пожалуй, чего добраго, вредную и опасную забаву филантроповъ отъ нечего дѣлать. Пока мы такъ разсуждаемъ, потребность народа въ свѣтѣ растетъ, растетъ быстро, и не находя себѣ удовлетворенія въ томъ, что мы даемъ такъ неохотно, обращается, на нашихъ глазахъ, къ расколамъ, ересямъ и сектамъ. Церковь, по многимъ причинамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто, да и неудобно говорить, тоже бездѣйствуетъ. Вся теперь надежда, все спасеніе въ правильной постановкѣ народной школы. Если для нея ничего не будетъ сдѣлано хорошаго безотлагательно и въ большихъ размѣрахъ, трудно предвидѣть и предсказать къ чему мы придемъ.

VI.

Взглядомъ на задачи народнаго образованія въ Россіи оканчивается все существенное, что мы имѣли сказать о крестьянскомъ вопросѣ.

Въ предъидущемъ изложеніи мы представили, въ общихъ чертахъ, чрезвычайную важность крестьянскаго дѣла въ Россіи, теперешнее его печальное положеніе, и обозначили то направленіе, въ какомъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы дѣйствовать, чтобъ вывести наше крестьянство на путь правильнаго, нормальнаго, здороваго развитія, крайне необходимаго не только для пользы самихъ крестьянъ, но и всего государства, общества и всѣхъ слоевъ и классовъ русскаго народа.

Есть ли надежда, чтобъ крестьянское дѣло заняло въ нашихъ думахъ и заботахъ то первенствующее мѣсто, какое ему безспорно у насъ принадлежитъ,—это другой вопросъ, на который мы, по многимъ причинамъ, затруднились бы отвѣчать

утвердительно. Правда, въ послѣднее время, въ правительственныхъ сферахъ замѣтенъ поворотъ къ лучшему во взглядахъ на этотъ предметъ. Во главѣ его не стоитъ, какъ стояло еще недавно, торжествующее легкомысліе, съ ребяческою самоувѣренностью впередъ, съ отсутствіемъ чувства нравственной отвѣтственности передъ государствомъ и родиной въ арьергардѣ, съ своекорыстіемъ и недобросовѣстностью по бовамъ. Такъ-называемая либеральная русская печать, газетная и журнальная, потерявшая за свое доброжелательное и просвѣщенное отношеніе къ крестьянскому дѣлу самыя тяжелыя испытанія, продолжаетъ, какъ и прежде, несмотря на отбѣйки мнѣній, дружно отстаивать правильный взглядъ на крестьянскій вопросъ. Но огромное большинство посреди образованныхъ слоевъ русскаго общества, безъ дѣлательнаго участія котораго не можетъ быть проведена, какъ слѣдуетъ, ни одна серьезная реформа, а особливо такая важная, какъ предстоящая крестьянская—какъ оно относится къ крестьянскому дѣлу? Какъ оно ведетъ его теперь въ лицѣ земскихъ дѣателей и представителей мѣстной администраціи? Вотъ надъ чѣмъ приходится часто задумываться съ стѣсненнымъ сердцемъ. При недостаткѣ строгаго единства въ управленіи, при отсутствіи полной гласности, усиленнаго, сознательнаго и просвѣщеннаго интереса къ дѣламъ общественнымъ, при безмолвіи и безотвѣтности крестьянъ, трудно составить себѣ хотя приблизительное понятіе о дѣйствительномъ положеніи крестьянскаго дѣла на огромномъ пространствѣ обширнаго государства. Случайно прорываются, здѣсь и тамъ, факты самаго противоположнаго свойства и характера; обобщать ихъ, значило бы умышленно впадать въ ошибки и дѣлать пристрастные выводы. Постановленія земскихъ, дворянскихъ и городскихъ собраній, при случайности ихъ личнаго состава, подачи голосовъ, образованія большинства и меньшинства, не могутъ считаться выраженіемъ общественнаго мнѣнія, даже едва ли могутъ разсматриваться какъ вѣрный отголосокъ мнѣній наличныхъ членовъ собраній. Наша общественная жизнь еще не сбросила съ себя завѣтнаго халата и потому не имѣетъ вѣрныхъ показателей; а сужденія, мысли, взгляды, которые удастся слышать въ нашей образованной публикѣ, представляютъ невыразимый хаосъ, въ которомъ нѣтъ возможности разобраться. Сколько головъ, столько и умовъ; что городъ, то норовъ, что деревня, то обычаи. Та же разноголосица, смѣшеніе языковъ, которыя замѣчаются у насъ вездѣ и во всемъ, царятъ и по отношенію къ крестьянскому вопросу. Общественное мнѣніе у насъ задыхается подъ взаимными недоразумѣ-

ніями, и они-то вяжутъ насъ по рукамъ и ногамъ. Пока они не разъяснятся, пока мнѣнія и взгляды не разберутся по группамъ и отгѣнкамъ, пока не установится хоть какая-нибудь дисциплина въ воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ, до тѣхъ поръ о разрѣшеніи не только крестьянскаго, но и вообще какого бы то ни было государственнаго или общественнаго вопроса нечего и думать. Какова мысль, таково будетъ и ея примѣненіе. Только у насъ думаютъ, что можно хорошо выполнить дѣло какими бы то ни было руками: очевидно, что это возможно только при помощи людей добросовѣстныхъ, умѣлыхъ и сочувствующихъ; а гдѣ ихъ набрать сколько нужно, когда у насъ не прищепъ и десятка людей одного взгляда и образа мыслей? Всѣ разрознены и враждуютъ между собою, почти всегда только по недоразумѣнію, а недоразумѣнія происходятъ главнымъ образомъ отъ того, что у насъ ко всякому взгляду тотчасъ же прищипливается готовый ярлыкъ и по такому ярлыку человекъ зачисляется въ тотъ или другой лагерь. Вы говорите съ горячимъ сочувствіемъ о печальномъ положеніи крестьянъ—значить, вы демократъ; вы высказываете мнѣніе, что мировоззрѣніе нашихъ крестьянъ глубоко фаталистическое, по принципу азіатское—значить, вы смотрите на нихъ какъ на «быдло», глазами старыхъ польскихъ пановъ, другими словами, вы аристократъ, народъ для васъ низшая порода; вы признаете необходимымъ дополнить крестьянскіе надѣлы—васъ записываютъ въ лагерь социалистовъ; вы вѣрите, что русскій народъ имѣетъ свой народный геній и великую историческую будущность—въ васъ усматриваютъ славянофила. Всѣ эти этикетки, исключаютъ другъ друга, наклеиваются на ваши взгляды, не задумываясь надъ тѣмъ, что они составляютъ одно цѣлое, вытекаютъ изъ одной основной мысли. Пока такіа трафареточныя заключенія не уступятъ мѣста серьезнымъ усиліямъ мысли понять другъ друга, до тѣхъ поръ нѣтъ никакой надежды, чтобъ наше теперешнее положеніе улучшилось. И какъ ему улучшиться! Общественная мысль, повитая безчисленными предразсудками, частью унаслѣдованными, частью благопріобрѣтенными, не свободна, не имѣетъ ни энергіи, ни размаха, ни полета. Робко, невѣрными шагами, ощупью двигается она взадъ и впередъ, принимая за свѣточи блуждающіе огоньки, которые представляютъ не образы вещей, а вздохи и стоны, выходящіе изъ земли. Цѣпляясь за первое, что попадется подъ руку, не имѣя твердой точки опоры въ себѣ самой, отдаваясь безъ оглядки то фантастическимъ, неопредѣленнымъ страхамъ, то рововымъ надеждамъ и мечтамъ, она не смотритъ далеко назадъ и впе-

редъ, не задается задачами, рассчитанными на даль будущаго, крохоборствуетъ въ ближайшей непосредственной обстановкѣ; оттого она мелка и узка. Каждое, сколько-нибудь значительное явленіе русской жизни представляется ей неожиданностью, застигаетъ ее върасплохъ и опрокидываетъ вверхъ дномъ.

Попробуемъ, отбросивъ шаблоны, которые насъ путаютъ, объяснить явленія прошедшей и настоящей нашей жизни изъ соображенія ихъ между собою и съ основными условіями нашего существованія.

Центръ тяжести русскаго государства, какъ мы старались показать, лежитъ въ крестьянствѣ. Вездѣ народныя массы числомъ преобладаютъ надъ всѣми прочими слоями населенія; вездѣ послѣдніе относятся къ первымъ, какъ незамѣтное меньшинство. Въ этомъ смыслѣ Россія не представляетъ ничего особеннаго и повторяетъ лишь фактъ, общій всѣмъ государствамъ и народамъ въ мірѣ. Наша особенность заключается въ социальномъ положеніи и характерѣ народныхъ массъ, какъ они выработались въ исторіи и ясно опредѣлились въ минувшее царствованіе. У всѣхъ народовъ, успѣвшихъ подняться до организованнаго государственнаго строя, народная жизнь сосредоточилась въ верхнихъ слояхъ, въ меньшинствѣ, которое получило преобладающее значеніе и вліяніе, взяло власть въ свои руки и своимъ развитіемъ, образованностью и богатствомъ стало надолго единственнымъ выразителемъ народной жизни, заслонивъ собою подчиненныя и подвластныя ей народныя массы и сдѣлавшись для нихъ образцомъ и идеаломъ умственнаго развитія и гражданскаго быта. То же или почти то же долгое время было и у насъ. Малочисленное меньшинство высшаго слоя стремилось изстари занять у насъ такое же положеніе, какъ и въ другихъ государствахъ, и въ XVII, въ особенности въ XVIII и началѣ XIX вѣка, отчасти въ этомъ успѣло. Простой народъ былъ заслоненъ образованнымъ, просвѣщеннымъ и богатымъ меньшинствомъ, которое получило надъ нимъ большую власть. Народная жизнь сосредоточилась въ этомъ меньшинствѣ и была имъ представляема. Къ нему перешло исключительно вліяніе на дѣла государственныя и общественныя, въ немъ заключались національное развитіе и образованность. Но этимъ параллель Россіи съ другими государствами и оканчивается. Образованное, вліятельное, богатое меньшинство верхняго слоя народа утратило свое выдающееся положеніе и не оказало почти никакого вліянія на бытъ и нравы народныхъ массъ. Съ 1861 года, власть, принадлежавшая меньшинству надъ простымъ народомъ, упразднена. Въмѣстѣ съ тѣмъ

изъ владѣнія этого меньшинства выдѣлена и часть земель, необходимыхъ для обезпеченія осѣдлости и существованія крестьянъ. Съ того времени оно, какъ особый слой народа, начало быстро клониться къ упадку и сходиться со сцены. За весь длинный періодъ времени господства у насъ высшаго слоя надъ народными массами, въ теченіе слишкомъ двухъ съ половиною столѣтій, передъ нимъ постоянно носились идеалы того положенія, какое господствующее меньшинство занимало въ другихъ странахъ. Роль литовскихъ вельможъ и польскихъ пановъ, шведскихъ и французскихъ аристократовъ и англійскихъ лордовъ, попеременно ласкала ихъ воображеніе и представлялась завѣтною цѣлью ихъ политическихъ и социальныхъ мечтаній. Напрасно дѣятельность двухъ московскихъ Ивановъ, третьяго и четвертаго, Петра Великаго, и Положенія 19 февраля 1861 года, съ одной стороны, а съ другой употребленіе, сдѣланное изъ «правъ и вольностей», дарованныхъ дворянству Петромъ III и Екатериною II, совершенно ясно указывали, что въ жизни русскаго государства образованному, вліятельному, богатому меньшинству предстоитъ совсѣмъ другая роль, прибережено совсѣмъ другое мѣсто въ народной жизни, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Эту особую роль, особое призваніе надо было уяснить себѣ, отбросивъ готовые образцы и примѣры. Но у насъ этого упорно не понимали. Многие не только не понимаютъ и до сихъ поръ.

Другая, не менѣе характерная особенность въ положеніи нашихъ народныхъ массъ, сравнительно съ тѣмъ, что было въ другихъ государствахъ, заключается въ огромномъ преобладаніи земледѣльческихъ, сельско-хозяйственныхъ промысловъ надъ ремесленными, фабричными и торговыми. Въ Европѣ послѣдніе возникли рано. Средневѣковая неурядица и необезпеченность вынудили ремесленниковъ и торговцевъ выдѣлиться въ особые замкнутые, обособленные отъ остальнаго населенія поселки и корпораціи. Развившись и разбогатѣвъ, они сложились мало-помалу въ особое сословіе съ своими особыми уставами, порядками, образомъ жизни и правами, — сословіе, занявшее видное мѣсто между другими классами населенія и получившее вліяніе и власть. Съ расширеніемъ круга дѣятельности промышленнаго и торговаго класса за предѣлы государства и, наконецъ, на весь міръ, вліяніе и власть этого класса росли, крѣпли и постепенно поставили его во главѣ народовъ. Строй промышленный, торговый сложился въ особый типъ, который сталъ идеаломъ и прототипомъ всей народной жизни и быта. Фабричная и заводская промышленность, начавшая работать на всѣ страны свѣта, втя-

нула въ себя массы простого народа и закрѣпила за собою господство надъ значительною частью населенія. Образовался типъ городского, фабричнаго, заводскаго рабочаго, заслонившій собою, въ свою очередь, земледѣльца, сельчанина. Когда въ Европѣ говорятъ о простомъ народѣ, о массахъ народныхъ, передъ мыслью носится преимущественно классъ фабричныхъ и городскихъ работниковъ.

У насъ, какъ и вездѣ, есть и ремесленное производство, и фабрики, и заводы, и торговля. Но изстари развитіе ихъ, исключая немногихъ пунктовъ, было такъ слабо, люди, ими занимающіеся, такъ малочисленны, что они не успѣли выдѣлиться въ особый классъ, сплотиться въ особое сословіе, стать силой, и потому не могли забрать въ свои руки власть надъ народными массами. Хотя въ послѣдствіи и у насъ развились ремесла, торговля получила большіе размѣры, появились фабрики и заводы, фабричныя и заводскія рабочіе; но время для образованія особаго городского сословія, въ смыслѣ особой ремесленной, торговой, промышленной корпораціи, уже прошло; выработка особаго городского типа стала невозможной. Начиная съ Петра, и далѣе при Екатеринѣ II, отчасти при императорѣ Александрѣ I, правительство всѣми мѣрами старалось, законодательнымъ путемъ, придать нашимъ городамъ значеніе городовъ европейскихъ, городскому населенію — характеръ европейскаго городского средняго класса. Обособленность старинныхъ разрядовъ или «чиновъ» московскаго государства, послужившая основаніемъ для обособленности городского населенія, устроеннаго въ XVIII вѣкѣ по началамъ европейскихъ городскихъ уставовъ, придала ему внѣшній видъ замкнутаго городского сословія. Но внѣшній видъ не могъ внести содержанія, которое не было дано исторіей и условіями развитія. Съ императора Николая началась, а при императорѣ Александрѣ II окончена отмѣна различныхъ постановленій, искусственно разобщавшихъ городское населеніе отъ остальнаго. Въ новомъ городскомъ положеніи 1870 г. нѣтъ и слѣда прежней изолированности городскихъ классовъ, созданной законодательствомъ XVIII вѣка.

Въ новѣйшей Европѣ промышленная и торговая дѣятельность, вышедшая первоначально изъ городовъ, приняла небывалое развитіе, охватила всю жизнь и, вмѣстѣ съ несомнѣнными благами, принесла съ собою великое зло — господство капитала надъ трудомъ, поработеніе человѣка игу новаго рода. Этимъ вызваны были социальныя движенія, теоріи и ученія, которыя, при всѣхъ увлеченіяхъ и крайностяхъ, неизбежныхъ во всякомъ человѣ-

ческомъ дѣлѣ, имѣютъ свою несомнѣнно справедливую и вѣрную сторону: они служатъ признаками и показателями ненормальнаго положенія, созданнаго въ Европѣ исключительнымъ господствомъ капитала, и представляютъ попытку доказать ошибочность теоріи, на которой оно основано, и противопоставить ей болѣе справедливое политико-экономическое ученіе, въ которомъ права труда въ производствѣ цѣнностей, а слѣдовательно и право его на извѣстную ихъ долю, были бы признаны и заняли принадлежащее имъ мѣсто.

Тотчасъ послѣ крымской войны, когда наша крайняя отсталость отъ Европы въ промышленности и торговлѣ сдѣлалась для всѣхъ очевидной, господствующіе тамъ взгляды на промышленное и торговое развитіе нашли у насъ, въ правительственныхъ сферахъ, благосклонный приѣмъ, и для Россіи начался періодъ всаческаго покровительства промышленной и торговой предприимчивости и денежному капиталу. О ихъ значеніи и роли, и отношеніяхъ къ сельскому населенію у насъ существуютъ различные взгляды, которые и прямо, и косвенно переносятся въ жизнь, отражаются на законодательствѣ и административныхъ мѣрахъ. Поэтому необходимо установить, относительно этихъ предметовъ, правильную точку зрѣнія.

Мы, конечно, не можемъ навсегда оставаться исключительно при одномъ земледѣліи и сельскихъ промыслахъ. Для ихъ успѣха и процвѣтанія нужно развитіе обрабатывающей промышленности и торговли, а съ ними и ихъ необходимыхъ спутниковъ—денежныхъ капиталовъ, банковъ и кредита. Противъ этого нието и не спорить. Весь вопросъ въ томъ, въ какихъ условіяхъ и границахъ ихъ развитіе желательно и полезно и гдѣ, съ какого момента, оно начинаетъ приносить народу вредъ, истощая его живыя силы.

Промышленность и торговля, капиталъ и кредитъ, какъ всякая дѣятельность, всякая сила, суть несомнѣнное благо вездѣ, гдѣ возникаютъ естественно, вслѣдствіе возрастающаго довольства и достатка населенія, не приобрѣтая никакихъ исключительныхъ правъ или привилегій, дающихъ имъ власть и господство надъ населеніемъ. Но гдѣ они вызываются искусственно, ограждаются монополіей и приобрѣтаютъ власть, тамъ они становятся источникомъ зла, притѣсненій и эксплуатаціи, создаютъ особый видъ зависимости и рабства, тѣмъ болѣе тяжкаго, что оно не такъ очевидно, какъ юридическое рабство, ибо прикрито обманчивымъ покровомъ добровольныхъ сдѣлокъ и соглашеній и подъ этимъ благовиднымъ и лицемѣрнымъ предлогомъ высасываетъ, въ пользу

своекорыстнаго и жаднаго меньшинства, всѣмъ достатки, имущество и рабочія, физическія и умственные силы населенія, мужского и женскаго, взрослога и малолѣтняго. Капиталъ, какъ всякая сила, естественно стремится сосредоточиться, монополизироваться, освободиться отъ всего, что его стѣсняетъ, и властвовать, не зная никакихъ границъ. Единственная сила, которая можетъ его сдерживать—это другіе капиталы, вступающіе съ нимъ въ борьбу. Но для того, кто не имѣетъ равносильнаго капитала, борьба съ нимъ немыслима. Акціонерныя общества, ассоціаціи даютъ въ промышленной борьбѣ капиталовъ орудіе въ руки только тѣхъ, которые имѣютъ или могутъ дѣлать сбереженія; а для огромной массы народа, не имѣющей ничего, живущей изо дня въ день своимъ трудомъ, борьба съ капиталомъ невозможна. Оттого масса и вынуждена, волей-неволей, отдаться ему во власть и на милость.

Въ Европѣ капиталъ забралъ власть въ свои руки и получилъ привилегированное положеніе вмѣстѣ съ городскимъ сословіемъ, которое купило себѣ исключительное положеніе сначала у королей, во время борьбы ихъ съ феодалами. Занимая середину между родовой и поземельной аристократіей съ одной стороны, крестьянствомъ съ другой, средній промышленный и торговый классъ, въ составъ котораго вошли впоследствии магистратура и интеллигенція, сталъ господствовать надъ другими слоями евронеискихъ обществъ, высшимъ и низшимъ. Гнетъ капитала, сосредоточеннаго въ его рукахъ, заступилъ мѣсто юридическаго рабства, наложеннаго на низшіе классы крѣпостнымъ правомъ. Но въ Европѣ привилегированное положеніе и выдающаяся роль капитала, созданныя постепенно, вѣками, объясняются и отчасти оправдываются ходомъ европейской исторіи. Къ тому же тамъ многія обстоятельства долгое время заслоняли истинный смыслъ его господства, задерживали, отдаляли и смягчали неизбежныя послѣдствія такого господства, почему они и выяснились поздно, на нашихъ глазахъ. Въ Европѣ сила капитала, посреди довольства и благосостоянія городской жизни, росла съ успѣхами просвѣщенія и культуры, и содѣйствовала имъ, удовлетворяя нуждамъ и потребностямъ, которыя они вызывали. Тамъ богатство капиталовъ, порождая между ними соперничество и борьбу, долгое время удерживало ихъ въ равновѣсіи и ограничивало злоупотребленія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, если не въ пользу рабочихъ, то, по крайней мѣрѣ, потребителей; наконецъ, захватамъ и злоупотребленіямъ капитала въ Европѣ подверглись не пассивныя и невѣжествен-

ныя массы, а народы, стоявшіе уже на высокой ступени образованія и культуры, дѣятельные, трудолюбивые, сравнительно достаточные; а когда завоевательный характер и насилія капитала создали тяжелый гнетъ, противъ него началась упорная борьба, которая идетъ, все усиливаясь, при дѣятельномъ участіи всѣхъ лучшихъ живыхъ силъ народа, общества и ассоціацій, науки, литературы и самихъ правительствъ.

Совершенно при иныхъ условіяхъ появилось господство капитала у насъ. Цивилизація, успѣхи гражданственности и просвѣщенія, создавая богатство, сами въ свою очередь требуютъ большихъ денежныхъ затратъ и издержекъ. Они уже предполагаютъ развитую промышленность и торговлю, которыя всюду несутъ съ собою достатокъ и довольство и всѣ блага устроенной общественной жизни. Прельщаясь ими, образованные слои русского общества призываютъ своими горячими желаніями то, что они видятъ въ очію въ сосѣднихъ странахъ высокой культуры, и справедливо убѣждены, что будь у насъ промышленность и торговля на той же ступени процвѣтанія, какъ въ Европѣ, и намъ бы жило такъ же хорошо какъ тамъ. Отсюда не менѣе естественное стремленіе по возможности развить и у насъ тѣ условія, какія въ Европѣ произвели всѣ блага, хотя бы даже съ временными пожертвованіями. Фабрика, торговля, капиталъ, банкъ, кредитъ, правда, любятъ все захватить въ свои руки и поживиться на счетъ народнаго труда и мелкихъ промысловъ; но за то они создаютъ чудеса цивилизаціи, культуры и комфорта, и потому на ихъ захваты можно смотрѣть немного сквозь пальцы, тѣмъ болѣе, что въ послѣдствіи, когда они принесутъ свои благіе плоды и разовьютъ богатство, явятся и средства смягчить и устранить временный вредъ, который они могутъ нанести. Такія надежды кажутся тѣмъ основательнѣе, что въ Европѣ временное разореніе мелкихъ промысловъ фабриками увеличило потомъ запросъ на народный трудъ и заработки въ несчетное число разъ, что развитіе заграничной и всемірной торговли, убивая мѣстное производство, доставляетъ потребителямъ дешево и лучшаго качества то, что производилось хуже и за что они платили дорого; вдобавокъ, торговля открываетъ сбытъ для такихъ предметовъ, на которые никакого запроса не было. Краснорѣчіе всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ соображеній особенно убѣдительно въ глазахъ непосредственно пользующихся благами цивилизаціи и культуры, тѣмъ болѣе, что они видятъ только пользу, приносимую господствомъ капитала, а вредъ, который оно приноситъ — перестановка средствъ и достатка изъ

многихъ рукъ въ немногія, отъ мелкихъ производителей къ крупнымъ, совершаются исподоволь, незамѣтно, въ низменныхъ, темныхъ слояхъ народа, которые скрыты отъ глазъ. И вотъ, мы возложили всѣ надежды и упованія на развитіе, во что бы ни стало, обрабатывающей промышленности, торговли, банковъ, кредита, дали имъ щедрую поддержку и помощь изъ государственныхъ средствъ, стали поощрять акціонерныя компаніи и товарищества. Возбужденіе частной промышленной и торговой инициативы и развитіе кредита, столь полезныхъ для общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для частныхъ интересовъ, составляютъ завѣтную цѣль нашихъ помысловъ и стремленій. Намъ кажется, что благодаря этимъ усиліямъ, въ которыхъ правительство и частныя лица подаютъ другъ другу руки и идутъ вмѣстѣ, наша дѣятельность и благосостояніе должны начать быстро расти и развиваться, обѣщая самыя благодатныя результаты въ будущемъ. Но въ то время, когда мы предавались самымъ сладостнымъ грѣзамъ и въ мечтахъ считали богатства, которыя должны разлиться широкой рѣкой въ общество и государствъ, капиталъ, созданный на казенныя деньги, дѣлалъ свое дѣло: сосредоточился въ немногихъ рукахъ, опустошилъ частныя средства, сталъ усиливаться на счетъ народнаго труда и обогатилъ нѣсколькихъ на счетъ всѣхъ. Разочарованіе было полное. Мы искусственно вызвали къ жизни и дѣятельности силу, которая обратилась противъ насъ самихъ. Какъ и отчего это произошло? Очень просто. Какъ мы сказали выше, развитіе промышленности и торговли, капиталъ и кредитъ въ высокой степени полезны и благотворны, когда выросли на почвѣ общаго довольства и народнаго благосостоянія, представляютъ ихъ продолженіе и дальнѣйшее развитіе; когда народныя массы, экономически обезпеченныя и огражденныя противъ захватовъ и насилій капитала, могутъ равными силами вести съ ними экономическую борьбу и не дать себя въ обиду. Когда же этихъ двухъ необходимыхъ условій нѣтъ, когда капиталъ не есть естественный результатъ зажиточности и довольства, а созданъ искусственными мѣрами, когда невѣжественныя и убогія народныя массы предоставлены его эксплуатаціи безъ достаточнаго огражденія противъ его злоупотребленій, онъ только разлагаетъ народное благосостояніе въ пользу немногихъ и можетъ только на время создать обманчивый призракъ довольства—призракъ, который вслѣдъ за тѣмъ быстро исчезаетъ, оставляя послѣ себя дѣйствительное разореніе. Всячески поощряя капиталъ, мы не подумали объ экономическомъ обезпеченіи и развитіи народныхъ массъ и горько поплатились

за эту ошибку. Капиталь, не встрѣчая у насъ никакихъ преградъ, напротивъ поддерживаемый со всѣхъ сторонъ, могъ дѣйствовать на просторѣ, какъ хотѣлъ,—и дѣйствовалъ.

Такимъ образомъ, самъ опытъ, сама жизнь, силою и логикой вещей, привели насъ къ заключенію, что по недостатку условій и классовъ общества, которые въ Европѣ создали обрабатывающую промышленность и торговлю, какъ особую экономическую силу, развитіе экономической стороны не можетъ у насъ, даже при искусственной поддержкѣ и поощреніи, совершаться на тѣхъ основаніяхъ и принести съ собою тѣ же блага, какъ въ Европѣ. У насъ нѣтъ для этого данныхъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что такъ-какъ въ составѣ нашего политическаго тѣла нѣтъ тѣхъ двухъ могущественныхъ высшихъ слоевъ, которые въ европейскихъ государствахъ сложились въ началѣ ихъ исторіи, опредѣляли ходъ ихъ развитія и формы ихъ гражданскаго, политическаго и хозяйственнаго быта, то намъ нечего и рассчитывать на эти слои, ожидать отъ нихъ того, что они дали Европѣ. Затѣмъ, у насъ изъ всѣхъ составныхъ слоевъ общества остается одинъ низшій, въ видѣ крестьянъ, по преимуществу земледѣльцевъ.

Съ этимъ выводомъ, вытекающимъ изъ всей нашей исторіи, доказанной до ослѣпительной ясности событіями послѣднихъ двадцати лѣтъ, многіе никакъ не могутъ примириться. Что въ крестьянствѣ ключъ нашего національнаго существованія, что въ немъ разгадка всѣхъ особенностей нашего политическаго, гражданскаго и экономическаго быта, что отъ матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго состоянія нашего крестьянства зависѣли и будутъ зависѣть успѣхи и развитіе всѣхъ сторонъ русской жизни и что потому на устройство и развитіе его должны быть направлены, прежде всего, всѣ усилія правительства и частныхъ лицъ,—эти мысли многимъ кажутся и, конечно, долго еще будутъ казаться дикими, эксцентричными, чуть-чуть не революціонными. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ однимъ изъ центральныхъ пунктовъ тѣхъ безчисленныхъ недоразумѣній, въ которыхъ путается русская мысль.

Какъ, скажутъ намъ, вы считаете возможнымъ, чтобъ нація, живущая притязаніе на историческую роль, жила безъ высшихъ слоевъ, представляющихъ національное сознаніе, мысль, идеалы, культуру, заправляющихъ ея внутренней и вѣшной жизнью, стремленіями и судьбами? Да гдѣ же видано что-нибудь подобное въ цѣлой исторіи? гдѣ же, когда существовалъ подобный народъ?

Ничего подобнаго мы и не говоримъ. Мы вполне понимаемъ, и признаемъ, что народныя массы, а тѣмъ болѣе наши малоразвитые крестьяне, по преимуществу занимающіеся земледѣліемъ, не могутъ дать странѣ того, что даютъ одни высшіе слои: правительственную среду, интеллигенцію, культуру, безъ которыхъ ни одинъ историческій народъ существовать не можетъ. Наша мысль совсѣмъ другая. Заключается она вотъ въ чемъ: до сихъ поръ, вездѣ высшіе слои народа противопоставляли себя народной массѣ, смотрѣли на себя какъ на какую-то особую отъ нея силу, или элементъ національной жизни, имѣющій особливныя, независимыя отъ нея условія существованія. Вездѣ образованію такого взгляда существенно способствовали историческія обстоятельства, которыя его создали и поддерживали. Наша жизнь, вслѣдствіе нашихъ особыхъ историческихъ обстоятельствъ, напротивъ, сложилась такъ, что высшіе слои, которые у насъ также существуютъ и также необходимы, какъ и вездѣ, не имѣютъ ни условій, ни основаній противопоставлять себя народной массѣ, считать себя за какой-то особый, чуждый, посторонній ей элементъ, призванный подчинить ее своей власти и воспользоваться ею для какихъ бы то ни было своихъ особыхъ цѣлей. Каждый разъ, когда появлялись такія поползновенія, когда зачатки обособленныхъ высшихъ слоевъ пытались окрѣпить въ самостоятельныя, властныя организаціи въ народномъ составѣ, судьба имъ не благопріятствовала, ходъ исторіи постоянно и беспощадно уничтожалъ всѣ такіе зародыши. Сильное, могучее, вліятельное, промышленное и торговое сословіе оказалось у насъ столько же невозможнымъ, какъ и сильная, властная, родовая и поземельная аристократія. Этотъ характеристическій фактъ русской исторіи и русской дѣйствительности, волей-неволей, приводитъ къ заключенію, что у насъ высшее общественное положеніе само по себѣ ничего не значитъ, что смыслъ его и значеніе состоятъ въ выраженіи національнаго генія, въ формулированіи и удовлетвореніи матеріальныхъ и духовныхъ нуждъ и потребностей націи. Эта роль, указанная волею судьбы и исторіи высшимъ слоямъ общества въ Россіи, заключается тоже въ своего рода «годности къ службѣ», о которой говорилъ Петръ Великій, а совсѣмъ не въ годности къ господству и власти. Можно ли назвать такой взглядъ крайнимъ демократическимъ радикализмомъ, какъ назовутъ его, можетъ быть, иные, подыскивая ему соотвѣтствующій терминъ въ европейскомъ политическомъ лексиконѣ? Но въ жизни Европы вопросъ объ отношеніяхъ различныхъ слоевъ народа никогда не былъ поставленъ такъ, какъ онъ поставился у насъ, и

потому напрасно было бы отыскивать у европейцевъ названія явленію, на которое мы указываемъ. Демократія и демократизмъ, радикальный и умѣренный, существуютъ тамъ, гдѣ народная масса, въ противоположность высшимъ слоямъ, представляетъ особый самостоятельный политическій принципъ и имѣетъ свой особенный интересъ. Къ этому народныя массы, рано или поздно, и приходятъ тамъ, гдѣ высшіе слои общества выделяются въ особую, самостоятельную силу, обособляются въ особый замкнутый въ себѣ интересъ, который противопоставляется всѣмъ прочимъ національнымъ интересамъ. Но у насъ, какъ мы старались показать, нѣтъ высшихъ слоевъ народа съ такимъ исключительнымъ положеніемъ. Откуда же у насъ взяться демократіи и какому бы то ни было демократизму? Для него у насъ нѣтъ почвы ни въ настоящемъ, ни въ историческихъ воспоминаніяхъ. Демократизмъ на русской почвѣ также невозможенъ, какъ и аристократизмъ. Наши демократическія поползновенія и возрѣнія суть только антитеза нашимъ аристократическимъ фантазіямъ. Тѣ и другія доказываютъ только очень слабое развитіе русскаго національнаго самосознанія. Какъ только мы себя выразумѣемъ въ прошедшемъ и настоящемъ, демократизмъ и аристократизмъ исчезнутъ изъ нашего языка, какъ ихъ нѣтъ въ условіяхъ нашей дѣйствительности. Въ томъ-то и дѣло, что у насъ всѣ интересы, всѣ направленія, всѣ общественные слои, всѣ теоріи и возрѣнія, всѣ общественныя положенія, словомъ всѣ разнообразныя явленія русской жизни имѣютъ свой центръ тяжести въ крестьянствѣ, изъ него исходятъ и къ нему сходятся, но въ то же время демократическій принципъ совершенно чуждъ нашему социальному строю.

Съ этою мыслью, при нашихъ ходячихъ возрѣніяхъ и понятіяхъ, конечно, крайне трудно освоиться,—такъ мы привыкли подыскивать объясненія русскихъ фактовъ во всѣхъ когда-либо бывшихъ и теперь существующихъ политическихъ и социальныхъ комбинаціяхъ, и признавать за первыми право гражданства только тогда, когда они совершенно тождественны съ послѣдними. Но сравненіе и справка есть лишь приготовленіе къ самостоятельной работѣ мысли. Ссылка на авторитетъ того что было, какъ на безапелляціонное рѣшеніе, есть приѣмъ несовершеннолѣтняго сознанія. Надо критически провѣрить господствующія политическія и социальныя теоріи, вездѣ и всегда выводимыя изъ исторіи и опыта. Чтобы объяснить непонятныя явленія русской жизни, мало прикинуть къ нимъ готовую мѣрку и окрестить ихъ любимымъ извѣстнымъ именемъ, какъ это безпрестанно у насъ

практикуется; надо вдуматься въ факты въ ихъ общей живой связи и отыскать законъ, опредѣляющій смыслъ каждаго изъ нихъ отдѣльно, и формулу ихъ взаимныхъ отношеній, воздѣйствія ихъ другъ на друга. Стоить только съ нѣкоторымъ вниманіемъ обратиться къ фактамъ русской исторіи и русской современной жизни, чтобъ тотчасъ же подмѣтить тѣсную ихъ зависимость отъ жизни и движеній не дѣйствующаго на первомъ планѣ, скрытаго отъ поверхностнаго взгляда, русскаго крестьянства. Однимъ фактомъ своего существованія, оно незримо и безъ нашего вѣдома служило и служитъ камертономъ и регуляторомъ нашей политической и соціальной жизни. Еще очень недавно никто не подозревалъ существованія Нептуна; а онъ производитъ и всегда производилъ пертурбаціи въ ходѣ небесныхъ тѣлъ солнечной системы; никто не видитъ процессовъ пищеваренія и кровообращенія, а отъ нихъ зависятъ всѣ жизненные отправления тѣла и нормальная дѣятельность психическихъ способностей. Такова и роль народныхъ массъ въ политическихъ организмахъ. Онѣ живутъ трудомъ, по своему положенію вращаются почти исключительно въ тѣсномъ кругу своихъ ближайшихъ частныхъ интересовъ, и не имѣютъ ни охоты, ни досуга, ни необходимыхъ знаній, навыка и смысла, чтобъ заниматься дѣлами, выходящими изъ ближайшей обычной сферы ихъ ежедневныхъ заботъ. Общія дѣла, высшіе интересы, широкая дѣятельность естественно и неизбежно находятся въ рукахъ высшихъ, т.-е. достаточныхъ и образованныхъ слоевъ народа. Ихъ выдающееся положеніе, выдающаяся роль остаются за ними безспорно и ненарушимо, пока они не обособятся въ особый интересъ, въ особое замкнутое тѣло, живущее своею особою жизнью. Какъ только появляются такіа стремленія, какъ только начинаются попытки ихъ осуществить, въ народной жизни появляются признаки общественныхъ недуговъ, безпокойство, броженіе. Если причина, которая ихъ производитъ, не будетъ устранена во-время, болѣзнь начинаетъ расти; зарождается сперва глухая, а потомъ и открытая борьба народныхъ массъ противъ высшихъ классовъ. Какъ первыя себя обособляютъ отъ послѣднихъ, такъ и онѣ обособляютъ себя отъ первыхъ. Название «самодержавный народъ» есть политическая фикція, созданная борьбою народныхъ массъ противъ высшихъ классовъ, которые обособились, политически или экономически, въ самостоятельное политическое тѣло и пользуются своимъ выдающимся положеніемъ и властью въ своемъ исключительномъ, сословномъ интересѣ, а не на пользу всего народа.

Вотъ чему учить исторію. Европа вывела эти уроки изъ собственнаго тяжкаго, кроваваго опыта. Въ ней повсемельная аристократія, независимая отъ государства церковь и первые зародыши особаго средняго сословія сложились и кристаллизировались, когда политическихъ и социальныхъ наукъ еще не существовало и самые свѣтлые умы не могли предсказать, къ чему приведетъ изолированность различныхъ составныхъ элементовъ и факторовъ народной жизни. Когда въ Европѣ началась выработка правильной общественной и государственной жизни, не было и не могло быть понятія о томъ, что каждый изъ различныхъ слоевъ общества представляетъ лишь извѣстную функцію народной жизни,—такъ они были равнообщены и жили каждый про себя, преслѣдуя свои частные, сословные интересы. Аристократія, церковь, какъ впоследствии среднее сословіе, были наивно убѣждены, что онѣ—весь народъ и всѣ остальные классы существуютъ для нихъ и ихъ блага. Для насъ, по особеннымъ нашимъ обстоятельствамъ, по ходу всей нашей исторіи, подобныя иллюзіи немислимы; и слава Богу, что вступая въ гражданское совершеннѣйшее, мы не имѣемъ надобности съ ними бороться и раздѣляться! Не демократическій принципъ, которому у насъ нѣтъ мѣста, какъ и аристократическому, а русскій національный интересъ, польза родины и государства, помимо всякихъ предвзятыхъ теорій, заставляютъ обратить всѣ помыслы, всѣ средства и усилія прежде всего на устройство, обезпеченіе и поднятіе у насъ крестьянства, такъ какъ отъ его матеріальнаго довольства, умственнаго развитія и нравственнаго состоянія больше всего зависитъ настоящее положеніе и будущія судьбы русскаго государства и русскаго народа. Хорошій или плохой быть нашихъ крестьянъ отзывается на всѣхъ насъ. Бѣдны они—и намъ никакъ не побогатѣть; живутъ они въ довольствѣ—оно распространяется и на насъ. Степенью умственнаго и нравственнаго состоянія и развитія крестьянъ опредѣлится и состояніе культуры во всѣхъ слояхъ русскаго общества, весь нашъ политическій и общественный бытъ и строй русскаго государства. Итакъ, чтобы улучшить наше общее положеніе, теперь крайне незавидное, надо работать внизу надъ положеніемъ народныхъ массъ. Безъ его улучшенія, все, что мы ни сдѣлаемъ, будетъ построено на песокъ; первый вѣтеръ снесетъ какъ карточные домики все, надъ чѣмъ мы трудились, сколько бы живыхъ силъ, умѣнья, таланта и самоотверженія мы ни положили въ нашъ трудъ. Во всемъ, на каждомъ шагу, мы казимся бѣдностью, невозможно низкою ступенью умственнаго образованія и нрав-

ственного развитія нашихъ крестьянъ, почти полнымъ отсутствіемъ въ нихъ азбучныхъ понятій о правильной гражданственности, поразительнымъ ихъ равнодушіемъ и пассивностью къ общественнымъ интересамъ, даже въ ближайшей ихъ обстановкѣ, и къ улучшенію собственнаго ихъ быта. Конечно, есть изытія, но они только подтверждаютъ общее правило. Конечно, есть множество причинъ, которыя сдѣлали такимъ нашего крестьянина и теперь удерживаютъ его въ томъ же положеніи; но отъ этого ни ему, ни намъ не легче. Надо всячески устранять эти причины. Безъ поднятія экономическаго быта крестьянъ, безъ ихъ умственнаго и нравственнаго развитія при ихъ теперешнихъ основахъ міросозерцанія и глубокомъ фатализмѣ, всѣ попытки къ лучшему не приведутъ ни къ чему.

Сужденіе о русскомъ народѣ, которое мы высказали, тоже найдетъ мало сочувствія. Оно покажется многимъ не-патріотичнымъ; найдутся читатели, которые упрекнутъ насъ, что мы смотримъ на русскій народъ свысока, глазами няньки, или наставника, съ указкой въ одной рукѣ и розгой въ другой. Такія обвиненія, каковы бы ни были ихъ источники, будутъ однимъ изъ безчисленныхъ недоразумѣній, которыми мы такъ богаты. Наши лучшіе люди такъ прислушались къ презрительному, высокомерному, безсердечному и недобросовѣстному отношенію къ крестьянину, что потеряли способность различать голосъ правды, и справедливо негодуя на клеветы и напраслины, которымъ такъ долго и такъ незаслуженно подвергался русскій народъ, ударились въ идиллическое превознесеніе его воображаемыхъ добродѣтелей и несуществующихъ качествъ. Но правда всего дороже, и ей должно принадлежать послѣднее слово въ разрѣшеніи вопросовъ дѣйствительной жизни. Самъ крестьянинъ считаетъ себя темнымъ человѣкомъ, называетъ себя «теменью непроглядною». Таковъ онъ и есть на самомъ дѣлѣ, такимъ надо его понимать, съ какимъ бы участіемъ и любовью мы на него ни смотрѣли. Мы приписываемъ ему разные высокія христіанскія добродѣтели только вслѣдствіе смѣшенія фатализма съ смиреніемъ, равнодушія — съ покорностью велѣніямъ судьбы и промысла, природнаго добродушія простаго человѣка — съ любовью, вытекающею изъ признанія христіанскимъ ученіемъ. Но между тѣмъ и другимъ нѣтъ ничего общаго, хотя бы первое и прикрывалось словами и терминами, заимствованными у послѣдняго. Восточное соверщеніе и отреченіе отъ міра можно только по недоразумѣнію признать за власть и господство надъ страстями, или за стремленіе къ совершенству, которому учитъ евангеліе. Страдатель-

ное, равнодушное и безучастное отношеніе къ окружающему не имѣетъ и отдаленнаго сходства съ побѣдой надъ самомнѣніемъ, кичливостью и гордостью. Русскому крестьянину еще предстоитъ впереди проникнуться ученіемъ дѣятельной христіанской любви и дѣятельнаго нравственнаго совершенствованія.

Мы по возможности коснулись главнѣйшихъ возраженій противъ взгляда на крестьянскій вопросъ, какъ мы его понимаемъ. Читатели разсудятъ, правы мы или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, ни этотъ и никакіе другіе коренные, основные вопросы русской жизни не могутъ быть рѣшены правильно при помощи тѣхъ трафареточныхъ взглядовъ, которыми мы запасаемся въ архивахъ нашего и чужого прошедшаго. Они видимо уже обветшали и безъ сильной, основательной критической провѣрки не могутъ болѣе примѣняться къ нашимъ обстоятельствамъ и условіямъ. У насъ, какъ и въ Европѣ, жизнь прокладываетъ новые, неизвѣстные еще пути, открываетъ невиданныя доселѣ перспективы. Примѣняя къ новымъ явленіямъ и задачамъ старыя, рутинныя приемы, мы, въ ущербъ себѣ, задерживаемъ понапрасну ходъ дѣйствительной жизни, или тратимъ бесполезно силы на борьбу съ нимъ. Правильная оцѣнка и постановка крестьянскаго вопроса требуетъ, какъ мы старались показать, коренного переворота въ нашихъ ходячихъ воззрѣніяхъ, представляющихъ пеструю смѣсь унаслѣдованныхъ и заимствованныхъ предразсудковъ, политическихъ и соціальныхъ суетвѣрій, божь-о-божь съ какими-то неопредѣленными стремленіями и неясными мечтами. Со всѣмъ этимъ нужно разстаться, и чѣмъ скорѣе мы это сдѣлаемъ, тѣмъ лучше.

VII.

Пока мы между собою споримъ и не можемъ столковаться въ основныхъ вопросахъ, жизнь идетъ своимъ путемъ, вывода, поочередно, безъ спроса съ нами, явленія въ извѣстной исторической послѣдовательности. Такую центральную русскую задачу, каково поднятіе матеріальнаго быта, умственнаго и нравственнаго состоянія крестьянъ, нельзя ни отдалить, ни заговорить никакими софизмами и парадоксами. Разные факты, крупныя и мелкія, съ виду незначительныя, показываютъ, что эта задача назрѣваетъ и въ скоромъ времени выдвигнется на первый планъ, вазойливо требуя безотлагательнаго рѣшенія. Готовы ли мы къ тому или нѣтъ, способны ли взять дѣло въ свои руки и вести

его или неспособны — передъ этимъ жизнь, дѣйствительность, развитіе останавливаться не станутъ.

Правительству первому придется вѣдаться съ этой задачей практически, и такъ или иначе отвѣтить на великую государственную и національную нужду. Нельзя не предвидѣть, что это дѣло, обнимая почти всѣ стороны народной жизни, по своей обширности и многосторонности, будетъ несравненно труднѣе великаго правительственнаго и народнаго акта, который двадцать лѣтъ тому назадъ ему предшествовалъ. На совершеніе этого новаго дѣла потребуются всѣ матеріальныя, умственныя и нравственныя силы страны, такъ какъ рѣчь будетъ идти о коренномъ перерожденіи всего русскаго народа и окончательной выработкѣ основъ его дальнѣйшаго экономическаго, гражданскаго и духовнаго существованія и развитія.

Когда разъ мысль о крестьянской реформѣ созрѣетъ и при участіи всѣхъ живыхъ умственныхъ силъ страны получить опредѣленную выработанную форму, настанетъ время осуществить ее въ дѣйствительности, во всѣхъ подробностяхъ.

Какъ этого достигнуть съ устраненіемъ тѣхъ прискорбныхъ, вольныхъ и невольныхъ ошибокъ и нарушеній, которыя омрачили, при практическомъ примѣненіи, великую реформу крестьянскаго быта въ шестидесятыхъ годахъ?

Разрѣшеніе этого вопроса чрезвычайно трудно, — гораздо труднѣе, чѣмъ опредѣлить главные основанія и самыя подробности преобразованія; а между тѣмъ все его значеніе и его благотворныя послѣдствія будутъ существенно зависѣть отъ правильнаго и строго-добросовѣстнаго примѣненія въ дѣйствительности.

Трудности осуществленія коренной крестьянской реформы зависать у насъ, главнымъ образомъ, отъ свойства и характера установившихся на практикѣ приѣмовъ нашей администраціи, отъ умственнаго и нравственнаго состоянія всѣхъ классовъ русскаго общества и отъ крайне низкой степени развитія крестьянъ.

Провести коренную крестьянскую реформу посредствомъ однихъ административныхъ органовъ немислимо; да объ этомъ едва ли кто теперь и думаетъ. Устраняя здѣсь совершенно вопросъ о разныхъ недостаткахъ нашего административнаго механизма, замѣтимъ, что характерная черта всякой администраціи, хотя бы и наилучшей, заключается въ болѣе или менѣе беспощадномъ примѣненіи формы. Эта черта вытекаетъ изъ самаго существа администраціи и смягчается другими отправлениями государственной и общественной жизни, — высшими общими пра-

вительственными соображеніями, судомъ, нравами и культурой. Сама по себѣ администрація формальна и безпощадна, какъ всякій механизмъ, исполняющій свое дѣло. Но именно это его свойство дѣлаетъ невозможнымъ провести, посредствомъ одной лишь администраціи, какое бы то ни было живое дѣло, требующее осторожнаго обращенія съ живыми лицами и фактами, примѣняясь къ ихъ особенностямъ и индивидуальнымъ свойствамъ. Въ Россіи характерная односторонность административныхъ приемовъ еще осложняется и увеличивается присущими ей у насъ недостатками — неудовлетворительностью личнаго административнаго состава, несовершенствами административной организаціи и уставовъ, опредѣляющихъ дѣятельность административнаго механизма.

Не лучше и наша общественная организація. У насъ очень распространено мнѣніе, что обращеніе правительства къ общественнымъ силамъ могло бы дать странѣ то, чего не даетъ администрація и бюрократія. Въ примѣненіи къ выработкѣ правительственной программы, органическихъ законоположеній и важнѣйшихъ административныхъ мѣръ, мнѣніе это совершенно вѣрно. Но приведеніе въ исполненіе коренной реформы, въ особенности крестьянской, исключительно, или хотя бы только преимущественно при помощи общества и органовъ общественнаго управленія, точно также немыслимо, какъ и посредствомъ одной администраціи, хотя по другимъ причинамъ. Первая изъ нихъ — та же самая, которая тормазитъ и выясненіе важнѣйшихъ русскихъ задачъ и вопросовъ, именно крайнее разнообразіе мнѣній и взглядовъ, неуспѣвшихъ еще сложиться въ ясныя, болѣе или менѣе опредѣленныя направленія общественной мысли, безчисленныя недоразумѣнія, дробящія русскую мысль на мелкіе кружки и котеріи, которые не имѣютъ между собою ничего общаго и живутъ въ постоянной враждѣ. Эта крайняя разрозненность волей-неволей переносится и въ веденіе общественныхъ дѣлъ и имѣетъ весьма неблагоприятное вліяніе на ихъ ходъ; въ примѣненіи же къ коренной государственной реформѣ, которая при своемъ осуществленіи прежде и больше всего требуетъ единства направленія въ общемъ и подробностяхъ, она могла бы имѣть самыя печальныя послѣдствія.

Но этого мало. Наша общественная организація, земская и сословная, благодаря кореннымъ ея недостаткамъ, не представляетъ собою даже мнѣній и интересовъ большинства. Частные, личные и случайные интересы безпрестанно въ нее врываются и въ ней господствуютъ, свободно распоряжаясь всѣми дѣлами и общественной кассой. Общественныя дѣла, въ большинствѣ слу-

чаевъ, ведутся у насъ крайне дурно. Какъ же ожидать, чтобъ государственное дѣло, идущее въ разрѣзъ съ нѣкоторыми частными интересами, было приведено въ исполненіе какъ слѣдуетъ тѣми органами, которые оказываются на дѣлѣ негодными даже для представленія интересовъ земскаго или сословнаго большинства и правильнаго веденія общественныхъ дѣлъ?

Что касается до самихъ крестьянъ, то отъ нихъ, по низкой степени ихъ культуры, по совершенной ихъ неопытности въ дѣлахъ общественныхъ внѣ предѣловъ села или деревни, нельзя ожидать никакого полезнаго участія въ проведеніи на мѣстахъ крестьянской реформы. Мало того, въ рѣдкихъ только случаяхъ, въ видѣ отраднаго изъятія, они позаботятся сами выигнуть въ смыслъ реформы и сознательно пойдутъ ей на встрѣчу; огромное большинство отнесется къ ней пассивно и равнодушно, подчинится новымъ порядкамъ также безучастно, какъ подчиняется заведеннымъ теперь, и снесетъ, безъ жалобъ и протестовъ, обиды, несправедливости и злоупотребленія непосредственныхъ исполнителей преобразованія, когда они здѣсь и тамъ будутъ встрѣчаться, въ полной увѣренности, воспитанной и вскормленной вѣками гнета и притѣсненій, что правды не добыешься нигдѣ и мужику на роду написано ее не видать какъ своихъ ушей. У насъ мало выполнить реформу, а надо еще и надбавить, чтобъ тотъ, въ пользу кого она сдѣлана, не былъ ею или по ея поводу обиженъ, потому что самъ онъ, въ большинствѣ случаевъ, не подастъ объ этомъ голоса, въ увѣренности, что такъ тому и быть должно, и изъ боязни, что пожалуешься, выйдетъ пожалуй еще хуже.

При неудовлетворительности органовъ, чрезъ которые должна быть проведена крестьянская реформа, при слабости и невыработанности естественной внушительной повѣрки правильности ихъ дѣйствій—голоса самихъ заинтересованныхъ въ точномъ и справедливомъ ея примѣненіи,—необходимо придумать коррективъ, достаточно сильный и дѣйствительный, чтобъ обезпечить и государству, и народнымъ массамъ дѣйствительное выполненіе закона по его буквѣ и духу.

Такимъ коррективомъ могло бы служить участіе въ крестьянской реформѣ всѣхъ людей въ государствѣ, сочувствующихъ дѣлу, въ составѣ правильно организованнаго общества, примыкающаго въ своей дѣятельности къ высшимъ правительственнымъ сферамъ. Всѣ искренно преданные крестьянскому дѣлу люди, разбѣянные по лицу имперіи, не входящіе въ составъ административныхъ и общественныхъ органовъ и дѣятелей реформы,

могли бы принять дѣятельное, хотя и косвенное участіе въ ея осуществленіи, въ качествѣ членовъ такого общества. Единственной задачей его должно быть ни больше ни меньше, какъ содѣйствіе правильному, точному и справедливому приведенію въ исполненіе крестьянской реформы въ тѣхъ предѣлахъ и въ томъ направленіи, какъ она задумана правительствомъ и выражена въ изданныхъ имъ съ этою цѣлью законахъ и постановленіяхъ. Содѣйствіе общества реформѣ главнымъ образомъ должно заключаться въ наблюденіи за примѣненіемъ ея на мѣстахъ. Не имѣя права прямо вмѣшиваться въ дѣйствія правительственныхъ и общественныхъ органовъ, которымъ поручено ея введеніе, оно должно быть уполномочено знать, чтѣ дѣлается, доставлять свои свѣдѣнія и выражать свой взглядъ на то и другое дѣло и возбуждать, въ законномъ порядкѣ, преслѣдованіе за нарушеніе законовъ и постановленій, относящихся къ реформѣ. Но чтобы дѣйствительно принести пользу своею дѣятельностью, общество само должно съ особенною разборчивостью выбирать своихъ членовъ, агентовъ и корреспондентовъ и тщательно исключать изъ своей среды какъ тѣхъ, которые только принимаютъ на себя личину сочувствія, на самомъ же дѣлѣ суть тайные враги реформы, такъ и тѣхъ, которые, изъ какихъ бы то ни было побужденій, не желаютъ строго сообразоваться съ цѣлью общества и вздумали бы выдти изъ предѣловъ реформы, указанныхъ правительствомъ. Одной изъ главнѣйшихъ обязанностей членовъ общества должно быть наблюденіе другъ за другомъ, чтобы въ этомъ отношеніи оно не подвергалось никакимъ нареканіямъ и чтобы личный его составъ вполне и во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовалъ своему назначенію.

Кромѣ того, общество должно быть уполномочено, для достиженія цѣлей реформы, требующей значительныхъ денежныхъ средствъ, собирать и принимать пожертвованія и употреблять ихъ на покупку для крестьянъ земли, гдѣ это необходимо, на устройство швель, фермъ, библиотекъ, учительскихъ семинарій и т. п. Какъ личный составъ, такъ и всѣ дѣйствія и распоряженія общества должны быть извѣстны высшему правительству. Архивы его и переписка должны быть для него всегда открыты.

Подобная организація частныхъ живыхъ силъ, не призванныхъ къ осуществленію реформы, но сочувствующихъ ей и дѣйствующихъ рука объ руку съ высшимъ правительствомъ, въ духѣ его программы, послужила бы могущественнымъ орудіемъ крестьянской реформы и не дала бы ей застрять въ бумажной перепискѣ, отъ неумѣнья или недобросовѣстности исполнителей и не-

законнаго вторженія въ общественное и государственное дѣло частныхъ, своекорыстныхъ интересовъ. Изъ состава общества, люди способные, знающіе, практическіе и добросовѣстные, но дотоѣ вовсе неизвѣстные правительству, могли бы впослѣдствіи быть приняты имъ въ коронную службу и пополнить составъ служащихъ достойными лицами. Этимъ же путемъ высшее правительство могло бы ближе и подробнѣе ознакомиться съ дѣятельностью и характеромъ своихъ органовъ, помимо официальной переписки и бумагъ, которыя нерѣдко болѣе затемняютъ, чѣмъ выясняютъ то, что есть на самомъ дѣлѣ. Такъ произошло бы то, во всѣхъ отношеніяхъ желанное, сближеніе и взаимодѣйствіе официальной дѣятельности и неофициальныхъ стремленій и направленій русской жизни, которыхъ разъединеніе, а нерѣдко и полный разладъ, составляютъ основную тему всѣхъ неудовольствій и жалобъ и по всей справедливости могутъ быть названы слабой стороной русской публичной жизни.

Многіе найдутъ мысль о такомъ обществѣ неосуществимой, забывая или не зная, что послѣдняя цѣль и задача всевозможныхъ учреждений, государственныхъ и общественныхъ, сколько ихъ ни есть и ни было, всегда заключались въ такомъ сочетаніи всѣхъ силъ, стремленій, сторонъ и отправленій общества или государства, которое приводило бы ихъ къ возможному единству и гармоніи. Къ этому должны идти и мы, если наши виды и надежды на историческую роль и значеніе не пустыя слова или вздорная мечта. Вся разница между народами и государствами, призванными жить и имѣющими будущность, состоитъ только въ томъ, что они различными путями и способами достигаютъ гармоническаго сочетанія своихъ составныхъ элементовъ и функцій. Если различные историческія, національныя и бытовыя особенности русскаго государства и народа лишаютъ его возможности достигнуть этой послѣдней главной цѣли тѣми путями, которыми шли къ ней другіе народы, то надо искать другихъ путей, возможныхъ и примѣнимыхъ у насъ. Такимъ ближайшимъ, сподручнымъ и легко осуществимымъ представляется намъ организація, рядомъ съ официальными органами, частныхъ силъ, подъ верховнымъ водительствою государства, призывъ ихъ къ публичной дѣятельности въ условіяхъ, благопріятныхъ для правильнаго разрѣшенія государственныхъ и общественныхъ вопросовъ, стоящихъ на очереди. Такое привлеченіе частныхъ силъ на службу государству не было бы у насъ чѣмъ-либо новымъ. Забота частныхъ лицъ о бѣдныхъ послужила основаніемъ для созданія Человѣколюбиваго общества. Забота частныхъ же лицъ

о распространеніи духовнаго просвѣщенія въ народѣ, о приврѣненіи дѣтей, о содержаніи арестантовъ, о созданіи черноморскаго и добровольнаго флота, рельсовыхъ путей и множества другихъ подобныхъ общепользныхъ предпріятій представляютъ, по крайней мѣрѣ представляли при началѣ своемъ, обращеніе частныхъ средствъ и добровольныхъ усилій на пользу государства и общества. Но эта давняя мысль до сихъ поръ не получила соотвѣтствующей ей формы. Организациі частныхъ добровольныхъ силъ и средствъ на общую и государственную пользу то вырождались въ правительственныя учрежденія и замирали, то искусственно вызывались самимъ правительствомъ и были на самомъ дѣлѣ правительственными учрежденіями, подъ фирмою частныхъ и добровольныхъ. Съ успѣхами образованія, съ расширеніемъ круга интересовъ, съ развитіемъ общественнаго духа и направленія, потребность въ организациі частныхъ силъ для достиженія разнообразнѣйшихъ общепользныхъ цѣлей выразилась въ учрежденіи безчисленнаго множества частныхъ обществъ, дѣйствующихъ самостоятельно въ предѣлахъ своихъ уставовъ и приносящихъ громадную пользу. Такимъ образомъ и почва, и самыя формы для общества, о которомъ мы говоримъ, уже подготовлены и выработаны; съ самою мыслью о привлеченіи частныхъ силъ и средствъ на службу общественному дѣлу, русское общество успѣло вполне освоиться. То чтó мы предлагаемъ было бы лишь возобновленіемъ въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ и посреди сравнительно гораздо болѣе зрѣлаго и развитаго общества, опытовъ, начатыхъ безъ ясной, обдуманной мысли еще въ царствованіе Александра I-го. Мы убѣждены, что крестьянская реформа въ минувшее царствованіе была бы осуществлена успѣшнѣе и привела бы къ болѣе плодотворнымъ результатамъ, еслибъ наличныя тогда частныя живыя силы, которыхъ было не мало, были организованы въ общество и могли дѣйствовать на пользу крестьянскаго дѣла, опираясь на высшее правительство. Такъ или иначе, но мы не можемъ представить себѣ въ будущемъ ни одной глубокой коренной реформы въ Россіи безъ дѣятельнаго участія въ ея начертаніи и проведеніи всѣхъ живыхъ силъ народа, и тѣмъ далѣе, тѣмъ это участіе будетъ необходимѣе для пользы государства и самого правительства.

Е. Кавелинъ.

ЗАПИСКИ СТЕПНЯКА

XV *).

ИДИЛЛІЯ.

Есть у меня статскій совѣтникъ знакомый. Имя ему громкое —Гермогенъ; фамилія—даже историческая въ нѣкоторомъ родѣ — Пожарскій. Ко всему къ этому онъ крупный помѣщикъ и, какъ самъ говорить, до самоотверженія любитъ мужичка.

О, любовь эта причинила много хлопотъ статскому совѣтнику Гермогену... Такъ, напримѣръ, когда не издыхало еще крѣпостное право, Гермогенъ, благодаря этой любви, былъ нѣкоторое время даже подъ опекой. Вамъ непонятно это? Вы тутъ не видите логики? О, это только на первый разъ какъ будто оно и дѣйствительно непонятно...—Дѣло въ томъ, что Гермогенъ такъ старательно слѣдилъ за благосостояніемъ мужичковъ своихъ и съ такой настоятельностью внушалъ имъ правила экономической и душевной благопристойности, что далъ поводъ сопричислить себя къ сонму помѣщиковъ, «злоупотреблявшихъ своимъ правомъ». Кромѣ того онъ, поглощенный мыслью о присовокупленіи благороднаго элемента къ мужичковой простотѣ, не оставлялъ втунѣ «права» *primaе postis*... Все это, какъ я и сказалъ, повело за собой опеку. Это было, разумѣется, въ 1856 году. Онъ покори́лся и стихъ, подавивъ въ груди чувство справедливаго негодованія.

Въ пору губернскихъ комитетовъ, памятуя нѣжность Гермогена къ мужичку, его призвали. Комитету онъ далъ тонъ. Ко-

*). См. выше: сентябрь, 187 стр.

интерьер проектировалъ: майораты — разъ, патронатство — два, и третьихъ: ограниченіе надѣловъ усадьбами. Гермогена выѣстъ съ проектомъ отправили въ Петербургъ. Тамъ, въ комиссіяхъ и въ салонахъ, въ вельможескихъ пріемныхъ и въ гостиныхъ великодушныхъ львицъ, объ одномъ просилъ онъ слезно, объ одномъ неотступно молилъ — не обездоливать мужичка, не покидать его на волю судьбы, не лишать его благотѣльнаго воздѣйствія помѣщика, не давать его въ жертву «краснымъ» — Ростовцеву и К^о... Онъ молилъ: «Уразумѣйте же, наконецъ, алчу и жажду мужичкову — дайте ему поле для самостоятельности, поручивъ самому отправлять государственныя повинности, какъ и подобаетъ полноправному сыну отечества; пробудите въ немъ самодѣятельность; воздвигните передъ нимъ идеалъ упорнаго и настойчиваго труда, пусть онъ дѣйствуетъ *motu proprio* (Гермогенъ питалъ страсть къ латыни), но выѣстъ съ тѣмъ всѣмъ высокія прозвѣнія мужичковой души урегулируйте воздѣйствіемъ помѣщика... Не упраздняйте нашего родного, краеугольнаго, принципа семейственности: «вы наши отцы, мы ваши дѣти», — не опустошайте души народной, не рвите исконной связи благороднаго дворянства съ его добрымъ, благодарнымъ мужичкомъ. — Крѣпостное право — зло, и я сознаю это, — вѣщала Гермогенъ, проливая токи умиленныхъ слезъ, — и я благословляю молодого императора... Зло оно тѣмъ, что развращаетъ мужичка отсутствіемъ идеаловъ экономическихъ, что пріучаетъ его сморгнуть на жизнь, какъ на блюдо полное яствъ, которымъ, что бы онъ ни дѣлалъ, конца не будетъ... Итакъ, освободите его, дайте ему усадьбу и широкое поле... самодѣятельности. Но не отнимайте отъ него выѣстъ съ этимъ идеаломъ нравственныхъ. Пусть новые, экономическіе его идеалы непрестанно облагораживаются, непрестанно смягчаются нынѣшними нравственными. Пусть образъ «добраго помѣщика», образъ «ангела-барыни и барышни-благотѣльницы» не испаряется изъ благодарной мужичковой души и вѣчно умиляетъ ее, вѣчно располагаетъ къ добру и трудолюбію... А для этого вооружите помѣщика атрибутами и судья, и старшины, и начальника». Въ противномъ случаѣ онъ, конечно, вызывалъ призраки «крестьянской войны» и «Пугачевщины», а дальше — всеобщей анархіи и всеобщей гибели, и грозилъ этими призраками несчастной Россіи.

И въ концѣ-концовъ снова пострадалъ: ему посоветовали исчезнуть изъ Петербурга и притомъ, по старой памяти, исчезнуть въ баснословно краткій срокъ. Онъ исчезъ, разумѣется. Онъ

снова покорился, затанѣвъ въ душѣ горькое чувство обиды и томительную гражданскую скорбь.

И вотъ въ глуши, въ деревнѣ, въ своемъ пустынномъ Монрепо, — Гермогенъ предвосхитилъ Щедрина: онъ смиренно изобразилъ Цинцинната. Съ заступомъ въ одной рукѣ и съ перомъ въ другой, неустанно трудился онъ на пользу отечества. Онъ всю Россію наводнилъ брошюрами. Эти брошюры печатались и у Брокгауза въ Лейпцигѣ, и у Каткова въ Москвѣ, и въ Берлинѣ и въ Дрезденѣ — и начинались всегда одинаково: «Блаженнѣйшей памяти императрица Екатерина Великая, отъ неизреченныхъ щедротъ своихъ соблаговоливъ пожаловать благородному дворянству всемілостивѣйшую грамоту 21 апрѣля 1785 года...» а кончались:... «не обижайте мужичка, не отгоняйте его отъ нѣщика, не тревожьте его идеаловъ... Памятуйте ужасы французской революціи и злодѣйства Пугачевщины!» Кромѣ брошюръ этихъ сочинялъ онъ статьи и рефераты, трактаты и докладныя записки. Но, увы, лавры не вѣнчали старика на литературномъ поприщѣ... Брошюры его не раскупались и онъ почти силой навязывалъ ихъ своимъ знакомымъ и даже рассылалъ по адресамъ, собраннымъ изъ календарей. Все это стоило денегъ. Что касается до статей — даже редація самаго крѣпостническаго изданія непрестанно отвергала ихъ, изобличая Гермогена въ безграмотности. Рефераты Гермогена повергали непремѣнныхъ слушателей въ уныніе и сонъ, трактаты — гнили, а докладныя записки, въ благодушныя минуты сановники цитировали для развлечения, какъ во время оно Тилемахиду и оды Хвостова.

И было время, когда Гермогенъ упалъ духомъ, — «ослабъ» по его выраженію. Но тутъ подошла работа «освобожденія» и онъ забился въ ней отъ литературныхъ тревоженій мятежныхъ, отдался этой работѣ всею своею душой. Съ утра до ночи олонялся онъ съ мужичками по полямъ, съ утра до ночи задавалъ имъ пиры и произносилъ медовыя рѣчи. И въ концѣ-концовъ уставная грамота благополучно сошла у него съ рукъ, а мужички очутились «на дарѣнкѣ». Гермогенъ успокоился. И когда въ присутствіи всѣхъ дворянъ околота, благодарные мужички поднесли ему серебряное блюдо съ хлѣбомъ-солью (блюдо самъ Гермогенъ и на свои деньги заказывалъ у Сазикова), онъ вздохнулъ отрадно и, пожимая мужичкамъ крѣпко руки, пролезился.

Послѣ же уставныхъ грамотъ, наступило царствіе Бутенѣна. Гермогенъ и Бутенѣну данъ уплатилъ. Онъ даже изъ Саксоніи рабочихъ выписалъ и настроилъ великое количество нѣмцевъ.

фургоновъ... Впрочемъ на этомъ и сѣлъ, ибо въ-время уразумѣлъ плету заграничнаго труда. Саксонцы разбрелись изъ Монрепо оборванные и голодные. Гермогенъ возвратился къ исконной первобытности, къ трехполкѣ, и къ своимъ, въ то время уже обнищавшимъ на «дарѣнкѣ» мужичкамъ.

А время текло; почва зрѣла все это время и вотъ въ одно прекрасное утро Гермогенъ Пожарскій снова очутился на горѣ стоящимъ. Снова воспрянулъ онъ, и помолодѣлъ, и не стихаетъ уже до сей поры, а напротивъ, какъ-бы остервеняется и усугубляетъ свою ревность. Дѣло въ томъ, что онъ очутился земскимъ гласнымъ.

И онъ окончательно предался мужичку. При первомъ же дебютѣ своемъ онъ заявилъ объ этомъ земскому собранію ясно и рѣшительно, и поднялъ свое знамя съ умилительной торжественностью. Весь трепеща отъ волненія, съ дрожащими колѣнками и съ бакенбардами, мокрыми отъ слезъ, онъ прерывающимся голосомъ произнесъ свою исповѣдь. Онъ говорилъ:

— Нынѣ отпускаеши раба твоего!.. Дожилъ я, господа гласные, до часа, коего вождѣла и многія, многія лѣта тщетно и томительно ожидала душа моя... Дожилъ я, господа гласные, до той минуты, коей величіе стѣсняетъ духъ мой и старческое мое сердце заставляетъ трепетать въ нѣкоей сладости!.. — Я стою теперь и мыслю: за что пострадалъ я? за что претерпѣлъ я? За что на поприщѣ и помѣщика, и совѣтодателя былъ посрамленъ и выметенъ совѣстно съ плевелами?... Стою и мыслю и возсылаю Провидѣнію благодареніе. Нынѣ dospѣлъ тотъ часъ, въ который я, немощный, удрученный лѣтами старецъ, посрамлю кичливыхъ враговъ моихъ и докажу имъ, что я и мужичокъ, — простой, православный мужичокъ и я, представитель древняго рода Пожарскихъ, — тѣло и духъ, воля и дѣйствіе, сѣдствие и причина... Въ духѣ исконныхъ помысловъ мужичковыхъ и въ духѣ мужичковыхъ смиренныхъ воззрѣній вся моя жизнь происходила, на рубежѣ которой стою теперь... И меня закидывали грязью, меня заушали, меня на всѣхъ распутіяхъ вмѣняли къ крѣпостникамъ и къ врагамъ народа... *Sic transit gloria mundi!* — Теперь же что мы видимъ! — Мы видимъ въ половинѣ собранія нашего мужичковъ. Одни изъ нихъ претерпѣли двойное избраніе, двойную почесть: почтены должностью старшинъ волостныхъ и обязанностью гласнаго, другіе — по достатку своему, по своей сметливости и здравосмысленности, по своей приближенности къ властямъ, суть цѣтъ деревни, ея соль — и среди нихъ я, коего предки памятуютъ Іоанна Калиту, а нѣкоторые изъ нихъ дово-

дѣлись свойственниками самому знаменитому спасителю отечества, князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому (это Гермогенъ со-
вралъ)... Я возжелѣю въ нимъ, они во мнѣ возжелѣють. Я
вѣрю въ здравость идеаловъ ихнихъ, они вѣрятъ въ мои идеалы.
До сей поры все это могло казаться гадательнымъ. Пусть же
теперь предстанетъ во-очію единство наше и пусть измѣнники-
либералы посрамятся!.. Они буйствовали эти исчадія, они злосло-
вили, они торжествовали побѣду, но они забыли мудрое латин-
ское изреченіе: *finis coronat opus!*

И Гермогенъ не ошибся. Съ разу сталъ онъ угоденъ му-
жичкамъ. Поднималось ли предложеніе усилить медицинскую
часть назначеніемъ докторовъ и акушеровъ, Гермогенъ вставалъ
и говорилъ вѣтко:

— Мы, полагаю, и безъ того обременены... (Мужички кивали головами). — Мы и безъ того отягощены поборами... (Мужички поддакивали). — А въ болѣзни противъ воли Божіей не пойдешь... (Мужички благоговѣнно соглашались). — Отъ смерти никакой докторъ не вылечитъ, — продолжалъ онъ... Притомъ же простыя мужичковы болѣзни очень успѣшно исцѣляютъ и простыя мужицкія бабки. Много даже и такихъ видимъ примѣровъ, что бабки вылечиваютъ болѣзни, надъ которыми становились въ тупикъ знаменитѣйшіе доктора. Я знаю много такихъ примѣровъ. И я полагаю, что доктора мужичку не нужны, ибо это только излишняя тягота. Что же касается акушеровъ, то объ нихъ смѣшно и говорить — всякая старуха въ деревнѣ великолѣпно поможетъ роженецъ. И притомъ не безъизвѣстно, что всѣ они безбожницы и нигилистки...

И мужички восторженно гудѣли: «А-ахъ вѣрно, братцы... Правда твоя, баринъ, правда, батюшка Гермогенъ Абрамычъ... Не надо лекарей... Не хотимъ кушеровъ... Нѣтъ на то нашего согласія!..» и предложеніе блистательно испарилось.

Проектировалось ли расширеніе народнаго образованія, и тутъ Гермогенъ тянулъ въ униссонъ съ мужичками. Начиналъ, разумѣется, снова о тяготѣ поборовъ и затѣмъ продолжалъ такъ:

— ...Къ чему мужичку грамота? — Пахать? — онъ безъ нея можетъ... Условіе написать? — Напишутъ въ волости... Молитвы читать? — Въ церкви прочитають... А кромѣ того, что мы видимъ? — Видимъ мы — грамотный зазнаётся, грамотный не почитаетъ родителей, грамотный приверженъ къ кабаку и къ различнымъ художествамъ, наконецъ, грамотный ударяется въ расколъ и самую душу свою повергаетъ въ адъ... А между тѣмъ въ еванге-

ли мы читаемъ: горе тому, кто соблазнитъ единого отъ малыхъ сихъ, легче бы ему повязать жорновъ на шею и утопиться...

И мужички снова кричали: «А-ахъ, исполать тебѣ, батюшка баринъ!.. Исполать тебѣ, Гермогенъ Абрамычъ!.. не желаемъ училищевъ!.. Не надо грамоты... Нѣтъ на то нашего согласія, чтобъ ежали къ примѣру маладенцевъ сомущать!».. И снова торжествовалъ статскій совѣтникъ Гермогенъ Пожарскій.

И вотъ онъ сталъ силой. Онъ гордо величалъ себя «народникомъ», и въ сопутствіи мужичковъ своихъ вершилъ всѣ земскія дѣла по рецепту «мудрости исконной и смиренныхъ народныхъ воззрѣній». Но надо отдать ему справедливость: за колебаніемъ этихъ «воззрѣній» наблюдалъ онъ тонко, и когда что-либо новое назрѣвало въ нихъ, то уступалъ и подлаживался подъ это новое и обезсиливалъ его—если оно было неприятно—подвохами, но отнюдь не ломился на-роженъ, какъ то свойственно наивному медвѣдю. Такъ въ послѣдніе годы уступилъ онъ въ вопросѣ школьномъ, почуявъ на этотъ счетъ нѣкій поворотъ во мнѣніяхъ своихъ мужичковъ, вдругъ возомнившихъ, что «безъ грамоты по новѣшнимъ временамъ—пропадать»,—и школы выросли какъ грибы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Гермогенъ втерся въ училищный совѣтъ и ковалъ свои подвохи непрестанно и изъ школьнаго дѣла вытраивалъ всякую жизнь, всякія попытки на серьезность. Дѣло въ томъ, что, уступивъ мужичкамъ наружно, въ душѣ онъ все-таки вѣровалъ, что школа для нихъ гибель. А онъ такъ любилъ ихъ!

Теперь возстановлю наружность Гермогена. Это впрочемъ не трудно. Вообразите вы глаза совы, носъ стервятника, губы и бородеку козла—это и будетъ Гермогенъ. Въ соотвѣтствіе съ этимъ и душевныя его свойства изображались. Въ присутствіи юбки напрягался въ немъ козелъ; когда приносился запахъ поживы—оживалъ стервятникъ; вѣяло мракомъ—поднималась сова... И во всему къ этому прибавьте сладкій голосъ, тихія ужимочки, смиренное опусканіе взоровъ, крѣпкое пожиманіе рукъ.

Меня онъ любилъ и мы были съ нимъ знакомы.

Такъ вотъ этого самого Гермогена, этого самого статскаго совѣтника и отчаяннѣйшаго народолюбца встрѣтилъ я въ концѣ масляницы у сосѣда моего, помѣщика Ириней Гудѣлина. Встрѣтилъ я его и по обычаю поспорилъ:

- Народъ бѣденъ,—говорю.
- Народъ счастливъ,—говорить.
- Народъ озлобленъ,—говорю.
- Народъ благодушествуетъ,—говорить.

— У него нѣтъ просвѣтителей! — горачился я.

— Тѣхъ, которые есть — достаточно, — возражалъ Гермогенъ.

— Они сами невѣжды...

— Но они смиренномудры и не заносчивы...

— Но народу помимо смиренномудрія нужны знанія...

— Символь вѣры и начатки катехизиса.

— Но ему нуженъ примѣръ и новая постановка идеаловъ...

— Онъ и безъ примѣра доблестенъ, и съ идеалами истинными счастливъ. — И опять:

— Но онъ озлобленъ, развращенъ...

— Онъ кротокъ и благодушенъ.

И не знаю, какъ долго длился бы діалогъ этотъ, еслибы Гермогенъ круто не оборвалъ его слѣдующимъ предложеніемъ:

— Да чего лучше — примѣрчикъ на сцену. Вы знаете: *erga hominum est*, а примѣрчикъ великое дѣло. *In facto...* Я всю жизнь за примѣрчикъ. — Вы съ вашимъ батюшкой приходскимъ знакомы, конечно? Съ отцомъ Вассіаномъ?.. Ну, такъ вотъ-съ завтра, въ субботу-съ, я общалъ почтить его домъ. Эго, понимаете, польститъ ему и подыметъ его въ глазахъ товарищей. Ну, я и радъ. Заоучитель и пастырь стада своего онъ отмѣнный, и я почту. Вотъ прїѣзжайте и увидите. Увидите идеалію. Увидите мужичка въ веселіи, увидите незатѣйливыхъ, но смиренномудрыхъ и кроткихъ наставниковъ мужичковыхъ... Тамъ будутъ нѣсколько учительницъ — вы знаете, я стараюсь по возможности мужичинъ замѣнять дѣвушками. Понимаете, изъ духовнаго званія этакъ, сиротки, сиротки!.. И тогда рѣшимъ по мудрому правилу древнихъ: *sine ira et studio...*

Я согласился и Гермогенъ, уже не оспориваемый, развивалъ свои мысли насчетъ достаточности наличныхъ просвѣтителей.

— Вы изволите говорить: «несостоятельны они», — напротивъ, объ одномъ ежечасно помышляю я, объ одномъ забочусь, не слишкомъ ли состоятельны... Очень и очень нуженъ зоркій глазъ, чтобы не допустить развращенія. Тутъ вѣчно нужно помнить правило: *si vir расетъ раза bellum...* — Вотъ косо я гляжу на Тамлицкаго батюшку: раска у него на манеръ пальмерстона, поясое шелковый, воротнички наружу, и мнѣ это сомнительно. Я слѣжу, конечно... Я предотвращу заразу... Я ужъ говорилъ владыкѣ, но Божье упаси... — И тѣмъ болѣе — нѣтъ соревнованія. Вотъ недавно былъ случай въ Лѣскахъ — учитель, сынокъ генеральскій... Ужъ прямое дѣло!.. — Нѣтъ-съ, погодимъ, посмотримъ... Оглично — посмотримъ. Доставляетъ урядникъ — книжку

отобралъ, Милля... Чего еще? кажется, предостаточно?.. Нѣтъ-съ, погодимъ. Отлично. Чѣмъ же кончается?.. А тѣмъ, что наставникъ коммуны начинаетъ проповѣдовать, общинную обработку земель, общинное достояніе... А? какъ вамъ это кажется?.. И вы не повѣрите, даже тогда—*даже тогда!*—мнѣ, старику, немалыхъ стоило настояній удалить явнаго, ничуть даже не замаскированного социалиста...—Охъ, трудна обязанность быть на стражѣ непосредственности мужичковой!..—Или вотъ еще недавно совершилось событіе. Это ужъ въ Красномъ-Яру, у отца Вассіана. Поступаетъ туда учитель. Рекомендаціи достаточныя... Но, понимаете, есть въ немъ что-то... Однако допустилъ я его. Учитъ мѣсяцъ, учитъ другой... Спрашиваю отца Вассіана, что? какъ? не замѣчаешь ли, какъ будіо пахнетъ, а?.. И что же вы думаете: «естъ, говорить, ваше-ство, всенепремѣннѣйше,—говорить,—припахиваетъ чѣмъ-то»... Понимаете—въ одно слово... Слѣжу.—Какъ, спрашиваю, насчетъ Макъ-Магона мыслите, господинъ наставникъ?—Понимаете, издали... Ну, и съ разу, сударь мой, онъ душокъ пустилъ. «Думаю, говорить, я, что Макъ-Магонъ въ родѣ какъ преступникъ, потому—нарушитель конституціи», и все такое... *Quod demonstrandum est*... Но однако виду я не подаю... Проходитъ время, разужнаю сторонкой—сбиваетъ мужичковъ, Нила Ерофенча,—хорошій такой, богатый мужичокъ,—въ гласные не избирать... А? каковъ?.. Наматываю на усъ и жду. Приходитъ новый годъ. Доносятъ мнѣ: красноярскому учителю «Отечественныя Записки» пришли... Какъ, «Отечественныя Записки»!..—Ну, тутъ ужъ я его, голубчика, и допекъ!—И вотъ теперь я спокоенъ. Въ Красномъ-Ярѣ учительница у меня вдова, предушевная бабѣнка, хе, хе, хе... Въ Лѣскахъ—сиротка одна изъ духовнаго званія... Помните нашего божественнаго Пушкина:

Мнѣ стала извѣстна,
И какъ интересна,
Сиротка одна...

И ликъ Гермогена ослабился возлиной улыбкой.

На утро я приказалъ Михайлѣ заперчь въ санки Орлика съ Кончикомъ и отправился въ Красный-Яръ къ отцу Вассіану. Былъ пасмурный, но тихій денѣкъ, не холодный, но и безъ оттепели.

Еще не добѣжая до Краснаго-Яра слышался намъ безпорочный, масляничный гулъ, особенно поражавшій послѣ мертвой тишины, какъ и всегда обнимавшей снѣжное поле. При въѣздѣ въ село этотъ гулъ казался просто оглушительнымъ.

Вдоль широкой улицы, раздѣлявшей село на двѣ, почти равныя половины, яркимъ, разноцвѣтнымъ потокомъ танулись сани съ разряженными дѣвками и бабами, двигались толпы ребятишекъ и парней, летѣли тройки и пары... Пѣсни, крики, нестройные разговоры, хриплавая ругань, лязгъ внотовъ, звонъ бубенчиковъ, отчаяннѣйшій визгъ гармоникъ,—переполняли воздухъ какимъ-то сплошнымъ, завывающимъ стономъ. Яркая безвкусица одеждъ, диковинное разнообразіе упряжекъ и саней, безтолковѣйшее сочетаніе неизяснимой нищеты и сытаго довольства—все это рѣзало глаза и до одури кружило голову. Тамъ бабы въ шелкахъ и парчевыхъ душегрѣйкахъ тѣсною кучею громоздились на дровнишкахъ, которыя черезъ силу танула худая, какъ скелетъ, лошаденка, съ боками низванными внотомъ. Здѣсь, степенной рысцою трусилъ до невозможности раскормленный жеребецъ, въ сбруѣ, испещренной мѣдными бляхами, съ хозяиномъ въ дубленомъ полшубѣ и въ овладистой бородѣ и съ жирной хозяйкой. Рядомъ бѣжали городскія сани въ волоокихъ купчихахъ изъ сосѣднихъ хуторовъ; за купчихами опять, напрягая всѣ жилы, летѣла кляча, понукаемая оглушительнымъ хохотомъ и дикими возгласами добраго десятка здоровеннѣйшихъ мужиковъ, переполнившихъ санишки... За мужиками стремились ребятишки, какъ пчелы улѣпившіе глубокіе ровальни. Зипунишки съ отцовскаго плеча и рваныя шапчонки не мѣшали имъ ломаться подобно пьянымъ и орать во все горло невозможныя пѣсни... И опять сани за саними, козырьки за городскими, дровни за ровальнями, мужики за бабами, купчихи за ребятишками, парни за дѣвками... Бабы безтолково топтались въ санахъ, визгливо оглушая улицу глупѣйшими плясовыми пѣснями и отчаянно размахивая руками. Дѣвки чинно возсѣдали по бортамъ саней и, уткнувши фізіономіи въ рукава шубеекъ, пересмѣивались, шелушили сѣмечки и въ свою очередь орали пѣсни. Мужики, либо шумно и безтолково галдѣли и пускали въ ходъ пресквернѣйшія уподобленія, либо тоже заводили пѣсни охриплыми голосами... Все это, не исключая ни чинныхъ дѣвокъ, ни даже важныхъ купчихъ въ лисьихъ салопахъ, было либо совершенно пьяно, или близилось къ тому. Казалось, самый воздухъ насыщенъ былъ хмѣлемъ, и въ немъ съ какою-то безшабашною пьяною удалю звенѣли колокольчики, гремѣли бубенчики и развѣвались вилетенныя въ гривы алмазныя ленты и яркіе платки въ рукахъ плясунѣй.

Посреди села, около кабака, на которомъ гордо развѣвался совсѣмъ еще новенькій красный флагъ, волновалась безчислен-

ними платками и смушковыми шапками, кичками и треухами огромная толпа. Шумъ надъ этой толпой висѣлъ неописуемый. Вѣхъ мимо нея приходилось шагомъ и даже время отъ времени останавливаться. Я по неволѣ слушалъ и смотрѣлъ и любовался на «идиллію».

Въ одномъ концѣ толпы дѣвки пронзительными голосами отхватывали пѣсню про то зазорное обстоятельство, какъ:

Купи-илъ кузнецъ...

Купи-илъ кузнецъ...

Купилъ Дунѣ сарафанъ, сарафанъ!

Купилъ Дунѣ сарафанъ, сарафанъ!

А за что купилъ—слѣдовали неудобнѣйшіе, нахальные пункты.

Въ другомъ концѣ, съ какимъ-то нечеловѣческимъ ожесточеніемъ ругались, разнообразя ругань до гнуснѣйшей виртуозности и подерѣпляя ее отвратительными соображеніями о нравственныхъ свойствахъ восходящаго колѣна. На сугубую мерзость этой ругани, казалось, конкурировали, ибо всякое преуспѣваніе награждалось одобрительнымъ хохотомъ предстоящихъ.

Тамъ, два кулачные бойца, въ разодранныхъ рубахахъ, съ рукавами, засученными до локтей, усердно сворачивали другъ другу скулы, и обливаясь кровью, лѣзли другъ на друга, какъ изступленные. И вокругъ нихъ радостно гоготали и подзадоривали зрители.

Здѣсь, посреди сѣдыхъ бородъ и старческихъ кудрей, рокотало что-то и вовсе неизяснимое... По крайней мѣрѣ я ничего не понялъ въ этомъ рокотѣ и ужъ Михайло, настоятельно прислушавшись къ нему, съ широкой улыбкой объяснилъ мнѣ, что судятъ вора. Изъ сплошной галды вырывались слѣдующія восклицанія:

— Ахъ ты такой-сякой!

— Нѣ-этъ, это ты врешь... врешь...

— Сватъ онъ мнѣ, ай нѣтъ?.. Нѣтъ, ты скажи, скажи-и... (этотъ голосъ былъ особенно пронзителенъ и дребезжалъ подобно пилѣ, брошенной въ воздухъ опытнымъ покупателемъ на ярмаркѣ).

— Одно слово—ведро... Ведро, и шабашъ!

— Облопаешься!

— А-ахъ дьявола, вы...—И-ихъ, да кабы вздрать, и вздрать-бы...—Ведрро, и шабашъ!—Нѣтъ, хомутъ на ясо по настоящему...—Первое дѣло хомутъ!..—Притануть бы возжами къ телегѣ, да въ кнуты бы!..—Ого-го-го...—Не воруй!

— Вѣдь сватъ онъ мнѣ—разсудите вы, старые дьявола!

— Становь, становь ведро-то!—Родя! розгачей ему...—Хомуть, хомуть на шею да по селу...—Боже унаси, чтобъ пронизать...

— Да вѣдь жрать-то ему нечего, черти!.. Лопать-то ему... Разсудите, чего ему лопать-то! а?—усердствовалъ пронизительный сватовъ голосъ.

— Нѣтъ, по скуламъ ихняго брата!..—Ай за волосы!..—Чего-о—розгачей, одно слово!—Горячихъ чтобъ...—Ведррро!..

Но внезапно шумъ этотъ прервался громкимъ возгласомъ:

— Старички поштенные! Нилъ Ерофентъ ѣдетъ...

И вся кучка среброголовыхъ старичковъ, съ длинными палочками въ рукахъ и съ патриархальными бородами, спѣшно направилась къ серединѣ улицы. Тамъ остановились козырьки, запряженные жирнымъ жеребцомъ, и изъ нихъ, важно побряхтывая, выѣзъ къ старичкамъ толстый, сивый мужикъ. И только выѣзъ онъ, снова поднялся шумъ неопиcуемый. Впрочемъ, въ шумѣ этомъ, теперь ужъ превозмогали не грозныя и не уворяющія ноты, а мягкія и подобострастныя.

— Э, Нилъ Ерофентъ! Благодаръ!..—слышались голоса,—старичковъ-то, старичковъ-то не забывай...—Рады мы масленицѣ-то матушкѣ, голубчикъ ты нашъ!..—Кости-то наши старыя разгулялись...—Водочки бы имъ...—Душенька-то пить запросила, Ерофентъ!..—Угости, почтенный человѣкъ!..—Мы кабыть стоимъ по заслугѣ-то по нашей...—Мы для тебя вотъ какъ—всей душой!—Ты вотъ старшина теперь—доходишь срокъ, опять постановимъ...—Старички не выдадутъ...—Старичокъ—ты ему угоди, а онъ выручитъ!—Это какъ есть...—Ты не гляди, что на тебя недочетъ взвели...—Намъ это все единственно какъ наплевать...—А ты думалъ какъ—извѣстно, наплевать!—Семьсотъ рублей деньги для волости невелики...—Какъ еще невелики-то!..—А мы завсегда рады уважить хорошему человѣку...—Съ міру по ниткѣ—голому рубаха!

И въ отсутствіи солидно шествовавшаго впереди Нила Ерофента всѣ потянулись въ открытыя двери кабака, широкою пастью зіявшія за народомъ. А спустя нѣсколько минутъ выскочилъ оттуда раскраснѣвшійся, подвыпившій старичишка съ огромной лысиной и закричалъ на весь народъ:

— Эй, православные! ведите сюда свата Аношкинаго,—ми его, вора, въ хомутъ малость поведемъ... для потѣхи!

И народъ съ радостнымъ хохотомъ подхватилъ призывъ къ «потѣхѣ» и мгновенно выдѣлилъ изъ себя человѣкъ шесть, спѣшно направившихся за Аношкинымъ сватомъ. Готовился самосудъ.

Мы тронулись далѣе и, пройдя кабакъ, увидели слѣдую-

щую сцену. Маленькій, тщедушный мужиченко, безъ сапогъ и шапки, отбивался отъ высокой, носастой бабы, озабоченно ткнувшей его за руку. Мужиченко едва держался на ногахъ и, конечно, не осилилъ-бы съ бабой, еслибы его въ свою очередь не ткнули къ кабаку два здоровенныхъ и тоже сильно подвыпившихъ мужика. У бабы, отъ неимоверныхъ усилій стащить мужичонку, съехала съ головы кичка и растрепанные волосы спустились на злое, испытанное лицо. Въ ея глазахъ стояли слезы, осипшій голосъ дрожалъ и прерывался.

— Окаян-ный!..— причитала она:— безъ просыпу третій день... Пропойца!.. Жена безъ хлѣба-а... Идолъ!.. Оглашенный!.. Совѣсти-то въ васъ нѣту-у... Душегубы!..

— Пуцай!.. Пуцай, говорю...— сладко усмѣхаясь бормоталъ мужичонку, вырываясь изъ ея рукъ:— я сказалъ и пуцай!.. Я скааж...

— Кумъ! чтожъ эфто за порядки!— укорительно вопилъ одинъ изъ ткнувшихъ мужичонку сзади и усердно подхватывалъ его подъ мышки.

— Ломани ее хорошенько, дьявола, по сусаламъ... Чего она!— кричалъ другой, пытаясь отъ напряженія.

— Глахферъ... Глахферъ... не трошь... Слышь?.. Ослебони, говорю...— томно закрывъ глаза ткнулъ мужичонку.

Но Глафира не пускала. Она точно замерла въ одной отчаянно-мучительной позѣ: пальцы ея впились въ руку мужа, на синеватомъ лицѣ загорѣлся багровый румянецъ, длинный, неуклюжій станъ, покрытый одною только рубашкой, судорожно задрагивалъ отъ непосильнаго напряженія.

— Иди-и, погибели на тебя нѣту!.. иди, роди-имецъ!—истерически кричала она, и эту группу, съ хохотомъ и прибаутками, обступили подзадоривающіе зрители.

Лицо тщедушнаго мужичка вдругъ преобразилось. Съ него не сошла добродушная, расплывчатая и нѣсколько лѣнивая улыбка, но глаза какъ-то мгновенно раскрылись и въ нихъ замелькалъ какой-то, не то задорный, не то просто насмѣшливый огонекъ.

— Ты чаво? Ты чаво?..— зачастилъ онъ, быстро подвигаясь къ лицу Глафиры:— ай дать? ай дать?..

— Стрекани, стрекани ее по мордѣ-то!.. Стрекани подюжѣй!.. Чего она... Инъ прилипла, подлецъ!..— серьезно убѣждали мужичонку окружающіе, но онъ снова раскинь и снова безсвязно лепеталъ умильнымъ голоскомъ:

— Ей-Богу по одной... Одрова дыхнуть!.. косушку куда ни шло... Глахферъ!.. Не замай... ей-Богу же по косушкѣ!

А мужики снова вырывали его изъ одѣвѣвшихся рукъ бабы и тащали къ кабаку, тяжело сопя отъ усилій.

Разрѣшилась эта сцена совершенно неожиданнымъ пассажемъ. Изъ кабака вдругъ неожиданно-негаданно выскочилъ коренастый, растрепанный мужичишка и, быстро подбѣжавъ къ Глахферъ, ни слова не говоря, ударилъ ее по уху. Та пронзительно вскрикнула, оторвалась отъ мужа и какъ снопъ повалилась въ снѣгъ, окропивъ его тонкою струйкой крови. Мой Михайло даже врякнулъ отъ удовольствія.

— Ловко!.. Вотъ такъ звѣзданулъ!—произнесъ онъ.

Немного спустя Глафира поднялась и, на ходу повязывая кичку и размазывая по лицу кровь, направилась въ порядке, оглашая улицу жестокой бранью и проклятіями. Зрители показывались со смѣху. Мужики торжественно, хотя и съ замѣтной торопливостью, вели къ кабаку Глафирина мужа, который мягкимъ и дребезжащимъ голосомъ, повидимому, на что-то жаловался. Мужичокъ, ударившій Глафиру, услужливо поддерживалъ его подъ руку и радостно выкрикивалъ:

— Первое дѣло—въ морду! Они изъ эстаго страсть какъ жидки... бабы эти!

— Чего способнѣй!—хоромъ подхватывали остальные товарищи Глафирина мужа: — не иначе какъ въ морду... Прямое дѣло!.. Чтобъ значить сразу ее... остолбить!.. Особливо изнавестъ ¹⁾ ежели...

Не доходя до дверей кабака, всѣ четверо вдругъ затянули пѣсню. Къ нимъ тотчасъ еще присоединилось человѣкъ пять и въ кабакъ повалила уже цѣлая толпа. Пѣсня нескладными звуками неслась изъ дверей кабака:

Э-ихъ мы по Питеру...
Мы по Питеру, братцы, гуляли,
По трактирамъ, братцы, кабакамъ...
Э-ихъ много денегъ...

— Тоже и у нихъ есть ухватка, —вдумчиво замѣтилъ Михайло.

— У кого?

— А у бабъ. Она тебя, тоись, ежели проникнетъ теперича... Одно слово—духъ вонь!.. Тоже хитрый народъ...

¹⁾ Нечаянно.

А мужичокъ, ударившій Глафиру, высочилъ изъ кабака и, высоко вознося надъ головою дрянные сапожишки, закричалъ на всю улицу:

— Эй, народъ православный!.. Кому есть охота Митрошкы сапоги вдѣть!.. Четверть водки да два ратника ¹⁾ просить Митрошка!.. Митрошка весну почуялъ—безъ сапогъ желаетъ оставаться!

Мы двинулись далѣе.

— Это ужъ ты какъ хошь, дядя Митяй, а осьмуху выволакивай!—слышалось въ кучкѣ, обступившей сѣденькаго и дряхлаго старикашку.

— Знамо осьмуху...

— Чего ужъ—по совѣсти!

— Какъ есть, что по совѣсти...

— Тоже на мѣръ плевать не приходится!..

— Пора и совѣсть знать...

— Заѣдаться-то кабыть не къ дѣлу...

— Ужъ девятый годъ, почитай, пастухомъ-то ходишь!

— Пора бы мѣру-то и отблагодарить...

— Взять-то кабыть негдѣ мнѣ, кормильцы... Негдѣ взять-то ее, осьмуху-то... съ тоскливымъ смиреніемъ шамкалъ старикашка, робко повода по толпѣ своими выпѣвшими, слезящимися глазами.

И опять:—Нѣтъ ужъ дядя Митяй, подноси... Раскошеливайся... чего ужъ!—Почитай, девять годовъ вѣдь... — Хлѣба-то мірскаго ты тоже не мало пожралъ...—Совѣсть-то вѣдь она зазреть.—Какъ есть зазреть!—Отъ ей тоже не убѣжишь, отъ совѣсти-то... — Нѣ-этъ, врешь!..—Не таковская!.. — Выволакивай, выволакивай осьмуху!..—Тоже братъ, мѣру-то объѣдать не приходится!..

Съ другого конца села къ кабаку валила еще толпа дѣвокъ. Подъ звонкіе удары заслонокъ, передъ этой толпой ломались дѣвѣ бабенки, неистово потрясая платками и какъ-то неестественно выворачивая груди. Дѣвки орали во всю мочь:

Охо-хошеньки, хохошки,
Надоѣли намъ картошки...
Намъ картошечки пріѣлись,
Ребятѣнки приглядѣлись...
Охо-хо-хо, охохошки,
Отходились мои ножки
По Краснѣ-Ярской по дорожкѣ...
Вы скажите Миколашѣ—

¹⁾ Дешевый сортъ селедокъ.

Записалась я въ монашки...
 Хоть въ монашкахъ жить я буду,
 Миколашку не забуду...
 Вы подайте стаканъ чаю—
 Я по миленькомъ скучаю...
 Вы подайте стаканъ рому—
 Я поѣду ко иному...
 Вы подайте папироску—
 Я вспомню про Федоску...
 Охо-хо-хо...

Мы уже почти миновали шумную, разноголосую улицу и повертывали на сравнительно пустынную площадь, въ глубинѣ которой видѣлся опрятный поповскій домикъ, какъ вдругъ изъ ближайшаго переулка раздался могучій окрикъ: «стой!» и лихая тройка вороныхъ, какъ вкопанная, остановилась около нашихъ саней. Михайло тоже сдержалъ лошадей. Тройка была впряжена въ широкія, обитыя яркоцвѣтнымъ ковромъ сани. Сбруя на лошадяхъ звенѣла безчисленными бубенчиками и весело сверкала крупными и мелкими блахами. Два серебряныхъ колокольчика подъ вызолоченной дугою мелодично позвякивали каждый разъ, когда горячій коренникъ-иноходецъ, съ огромными огненными глазами, сердито вскидывалъ свою горбоносую голову. Поджарыя пристяжныя, красиво искрививъ шеи свои, жадно глотали снѣгъ, нетерпѣливо взрывая его копытами. Глаза ихъ налились кровью, изъ горячихъ ноздрей клубился паръ, съ удивленьемъ большими желтоватыми клоками падала пѣна.

Въ саняхъ, откинувшись къ задку, небрежно полулежали три дамы. Я зналъ изъ нихъ лишь одну—сдобную супругу отца Вассіана. Смазливая рожица другой, съ наивно приподнятой губкой и восхищенными глазками, и смуглое лицо третьей, съ какимъ-то горячимъ, жаднымъ и провзвительнымъ взглядомъ—не были мнѣ знакомы.

Посреди нихъ помѣщался волостной писарь съ огромнѣйшей гармоніей въ рукахъ, и вертлявый фельдшеръ съ золотымъ ринсепез на нервномъ, вѣчно дергавшемся носикѣ. Кромѣ того, въ глубинѣ саней видѣлась еще фигура, хотя и въ великолѣпной сукнессовой шубѣ, но уже совершенно пьяная. Видомъ фигура походила на купчика,—но я совершенно не зналъ этого купчика. За то хорошо зналъ и помнилъ того, который правилъ лошадьми и такъ молодецки крикнулъ «стой!»

Сжимая въ лѣвой рукѣ небольшую смушковую шапочку, распахнувъ лисью поддѣвку, изъ-подъ которой алѣла шелковая рубаха, опоясанная серебрянымъ поясомъ, онъ раскланивался со

мною, сдерживая правой рукою бѣшеную тройку. Онъ правилъ стоя, немного откинувшись назадъ отъ усилія сдерживать горячившихся коней. Его маленькую, овладистую бородку занесло снѣгомъ и подернуло инеемъ; слегка прищуренные глаза блистали дикимъ, своенравнымъ огонькомъ; волосы, остриженные въ кружокъ, безпорядочными прядями свѣшивались на упрямый, невысокій лобъ. На красивомъ лицѣ горѣлъ пышный румянецъ. Отъ всей его невысокой, но статной и крѣпкой фигуры такъ и вѣяло здоровьемъ и какою-то отчаянною, ни передъ чѣмъ не останавливающеюся удалю...

Это былъ Серѣжа Чумаковъ, или если хотите Сергѣй Пракселичъ,—блудный сынъ богача-купца, которому принадлежало въ нашемъ околотѣ около десятка тысячъ десятинъ земли съ пятью хуторами и съ неисчислимою массою крупнаго и мелкаго скота.

— Гуляемъ, Николай Василчъ, — ухарски закричалъ онъ мнѣ, оскаливая свои зубы, бѣлизною подобные снѣгу.

— Просимъ милости въ гости — на Аксеновскій хуторъ... Завсегда съ нашимъ удовольствіемъ, потому — сами теперь хозяева!

Кавалеры разразились смѣхомъ. Дамы взвизгнули... Я еще не успѣлъ отвѣтить Серѣжѣ, какъ вдругъ онъ гикнулъ неестественно дикимъ голосомъ и тройка бѣшено рванулась, обдавъ меня цѣлой тучею снѣга. Колокольчики залились какимъ-то захлебывающимся, то ноющимъ, то смѣющимся звономъ... Кавалеры выкрикивали всю глотку: «Жги!.. Дай любца!.. Идѣ-о-о-омъ!..» Дамы хохотали. Гармонія оглашала улицу плясовыми нотами. Серѣжа свисталъ и издавалъ какіе-то совершенно неподобныя, почти истерическія восклицанія... Издали эти восклицанія можно было принять за ревъ тоскующаго отъ страсти звѣря.

Катанье торопливо слѣзало съ дороги, по которой неслась тройка: пѣшеходы опротивѣвъ бѣжали къ избамъ, пѣсни на мгновеніе смолкли, даже пьяный гулъ толпы, волновавшейся передъ кабакомъ, стихъ немного... А тройка неслась по улицѣ, неистово заливаясь своими колокольчиками. Коренникъ-иноходецъ, высоко вздернувъ голову, мѣрно и какъ-бы не спѣша раскидывалъ свои сухія, неуклюжія ноги, держа въ строгой неподвижности длинную и прямую спину. Благодаря этой неподвижности спины, онъ казался плывущимъ. Пристѣжныя, отчаянно завертывая шею, несли свои характерныя, донскія головы около самой земли; онѣ скакали во весь опоръ и все-таки едва

успѣвали за коренникомъ. Только по этой безумно-быстрой скачкѣ пристяжныхъ можно было вполне понять и оцѣнить ту изумительную силу бѣга, которой обладалъ чумаковскій иноходецъ...

Вѣроятно встревоженные крикомъ Серёжи, изъ той избы, противъ которой мы останавливались, стремительно выскочили пять или шесть пьяныхъ мужиковъ. Добѣжавъ почти до самихъ саней моихъ, они внезапно остановились, еле сдерживаясь на колеблющихся ногахъ, и вдругъ несказанно злобными голосами возопили въ слѣдъ тройкѣ. Они грозно потрясали руками въ воздухъ и сердито сжимали кулаки... Они неистово засучивали рукава рубашекъ, и безтолково перебивая другъ друга, посылали Чумакову цѣлый градъ проклятій и угрозъ. Тщегно бабы, выскочившія вслѣдъ за ними, тащили ихъ обратно въ избу... Особенно усердствовалъ одинъ, необыкновенно сухопарый мужикъ съ острой сивенькой бородкой. Онъ широко растопырилъ не твердо стоящія ноги свои, и, подхвативъ обѣими руками животъ, что есть мочи кричалъ по направленію къ тройкѣ:

— Сволочь!.. своло-очь... Погоди, ужь!... Пого-оди!..

И кричалъ долго и упорно, все болѣе и болѣе возвышая голосъ, уже начинавшій хрипѣть. Лицо его покраснѣло отъ натуги, бессмысленно уставленные въ одну точку глаза подернулись кровавыми нитями.

Кончилось тѣмъ, что наконецъ сами товарищи наскучили этимъ неистовымъ крикомъ и поволокли сухопараго мужика въ избу. Но тутъ не обошлось безъ маленькой потасовки, ибо сухопарый добровольно идти не хотѣлъ, а повалившись на спѣтъ, даже отбивался ногами, продолжая возглашать уже силно и неудовольствительно:

— Сволочь! сволч...

... «Охъ дѣвушка—Серёжка Чумаковъ гуляетъ!» тараторили двѣ необыкновенно шустрья и подвижныя бабенки, поравнявшись съ моими санями. Онѣ видимо спѣшили «на улицу», къ кабаку. Одна хлопотливо запахивалась въ бѣлоснѣжный пушпанчикъ, другая то и дѣло оправляла красные отвороты корсетки, широко отложенные на впалой и узенькой груди.

— Ишь его нелегкая-то носить! Того гляди—задавить кого...

— Какія это бабы-то съ нимъ?

— Ахъ не узнала? Одна-то попадья наша, а другая учительша новая, Моргуниха, а ужъ еще-то я и не скажу—чуть-ли изъ Лѣсковъ какая...

— Ишь вихрются, подумаешь!

— Ужъ и не говори... Чистыя суки!

Отецъ Вассіанъ былъ шустрый человѣчекъ. Худой, длинный, носастенькій, онъ вѣчно сгоралъ какой-то неутомимой жаждой порицанія и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ хлопотливъ и непосѣдливъ. Широкія рукава его замасленной ряски вѣчно раздувались отъ движенія непокойныхъ рукъ, дѣловое выраженіе не сходило съ лица, языкъ не умолкалъ ни на минуту.

Онъ мнѣ обрадовался и тотчасъ же съ гордостью сообщилъ, что ждетъ «его — ство» (такъ величалъ онъ статскаго совѣтника Гермогена). Жидкіе волосы его были на этотъ разъ обильно политы масломъ, новая ряса гремѣла какъ каленворъ, движенія болѣе чѣмъ когда-либо были безпокойны и порывисты.

За мною стали и еще подѣзжать гости. Приѣхалъ щедедушный попикъ изъ Большихъ-Лѣсковъ, о. Симеонъ, — низенькій, востлявый, съ язвительной улыбочкой на устахъ и съ зазорнымъ пунцовымъ носомъ. Припожаловалъ о. Досицей изъ Кутайсовки, — тучное страшилище съ литавро-подобной октавой, львиной гривой на головѣ, и осовѣлыми очами. Съ нимъ прибыла и «матушка», женщина тоже обширная, но подъ впечатлѣніемъ тяжелаго Досицеева взгляда постоянно находившаяся въ какомъ-то столбнякѣ.

Вообще гостей набралось достаточно. Были еще два-три попа съ супругами, въ желтыхъ и зеленыхъ платьяхъ — я ихъ не зналъ; — былъ красноярскій дьяконъ, родственникъ о. Вассіана, смиренное и забитое существо, къ тому же изрядно подвыпившее. Онъ все держался въ сторонѣ и видимо робѣлъ. Кромѣ духовенства присутствовали: мѣстный лавочникъ, темный и почти-тельный человѣкъ, и дебелый купецъ-хуторянинъ съ супругой, похожей на французскую булку. Затѣмъ вернулся съ катанья и Чумаковъ съ компаніей (пьянаго купчика, въ суконской шубѣ, уже не было между ними).

Сдобная Лизавета Петровна (супруга о. Вассіана) тотчасъ же вступила въ свои права и бойко забѣгала по комнатамъ, немилосердно гремя своими туго-нахрамленными юбками.

Гости понаѣхали какъ-то вдругъ. Не успѣвалъ еще раздѣться и разгладить передъ зеркаломъ смятую фізіономію одинъ, и не успѣвали еще хозяева радужно перекинуться съ нимъ обычными въ этихъ случаяхъ фразами о здоровьѣ, о семьѣ, о погодѣ, — какъ на дворѣ снова раздавался скрипъ саней, и въ переднюю вваливался новый гость, и хозяева опрометью спѣшили къ нему навстрѣчу и съ пріятными улыбками вводили его въ залу.

И послѣ первыхъ привѣтствій каждому гостю не безъ гор-

дости сообщалось, что ожидается прїѣздъ «его —ства». Это производило сенсацию. На многихъ лицахъ извѣстіе вызывало благоговѣніе, на иныхъ — испугъ, на другихъ — мимолетное чувство зависти.

Но время текло, а «его —ство» не появлялся. «Это наконецъ начинало беспокоить о. Вассіана. Онъ уже съ явнымъ нетерпѣніемъ подбѣгалъ къ окну всякій разъ, какъ мимо дома проѣзжали чьи-либо сани, и всякій разъ отходилъ отъ окна, тревожно покусывая тонкія губы и слегка блѣднѣя. А о. Симеонъ, съ обыкновенною ему тонкостью подмѣтивъ эти маневры, процѣдилъ съ видомъ ядовитѣйшаго омиренія:

— Замѣшались однако его —ство... Ужъ будутъ ли?.. Не ошиблись ли вы, отецъ Вассіанъ?

Всѣ мы — мужчины — собрались въ залѣ. Дамы тараторили въ гостиной, гдѣ между прочимъ стояли и клавикорды, гдѣ-то по случаю пріобрѣтенные о. Вассіаномъ.

Но настроеніе среди насъ явно было натянутое. Ожиданіе «его —ства» какъ-то необычайно напрягало всѣ наши нервы и дѣлало ихъ совершенно нечувствительными для всякихъ другихъ ощущеній. Пробовали мы говорить о погодѣ — и замолкали; о Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ — тоже замолкали... О новостяхъ околота — и тутъ замолкали. Однимъ словомъ, совершенно — ничего не удавалось. На о. Вассіана даже жалъ смотрѣть было, — весь онъ вспотѣлъ и покрылся какими-то багровыми пятнами.

Это настроеніе оживилъ-было о. Досвѣей. Когда на столѣ появились бутылки — извѣстная водка «железная дорога», историческая «дрей-мадера» съ вѣчнымъ запахомъ жженой пробки, семигривенный хересъ и еще какіе-то таинственные сосуды, — и подносъ съ закусками, — чахлая сардинки, бойко отдававшія деревяннымъ масломъ, заскорузлая паюсная икра, селедка съ лукомъ и еще какая-то таинственная коробка, — о. Досвѣей изъяснилъ отважность достойную римлянина: онъ безъ приглашенія хозяина (на ту пору уже окончательно пришедшаго въ смущеніе), и самъ подошелъ, и другихъ пригласилъ рѣшительнымъ мановеніемъ руки, къ соблазнительной батарее. И всѣ сразу повеселѣли и воспрянули духомъ.

Но на грѣхъ и тутъ о. Вассіанъ испортилъ дѣло. Догадало о. Досвѣя взять какую-то крохотную бутылочку (изъ числа таинственныхъ сосудовъ), а о. Симеона — протянуть руку къ таинственной коробкѣ, и о. Вассіанъ вскочилъ какъ ошпаренный и съ ужасомъ въ широко-раскрытыхъ глазахъ закричалъ:

— Отецъ Доснее! Отецъ Симеонъ! Что вы дѣлаете—идь это для его —ства!..

Въ бутылочкѣ оказалось шестирублевое *fine champagne*, а въ коробкѣ—маринованная осетрина. Конечно отцы тотчасъ же, и даже съ нѣкоторымъ испугомъ, оставили и осетрину и дорогое вино, но тѣмъ не менѣе вопль о. Вассіана какъ-то непріятно подѣйствовалъ на всѣхъ насъ. Казалось, какое-то угнетеніе постигло наши души.

Но Богъ милосердъ и широкія пошевни показались наконецъ на улицѣ. Это ѣхалъ Гермогенъ Пожарскій. Все общество залы, толкаясь и отгѣсная другъ друга, присыпало къ окнамъ. Лица являли неизъяснимое волненіе. О. Доснеей покраснѣлъ подобно пятаку изъ старой мѣди; о. дьяконъ былъ блѣденъ какъ мертвецъ; у о. Симеона дрожали губы, а у одного іерея судорожно косило уста. Даже купецъ съ лавочникомъ и тѣ струхнули. Что касается Серѣжи Чумакова, то онъ въ сопровожденіи писаря и фельдшера скрылся еще заблаговременно; и конечно, не изъ опасенія его —ства,—онъ былъ не изъ пугливыхъ, — а просто для иныхъ какихъ-либо цѣлей.

Дамы походили на стадо овецъ, возмущенное бурей. Онѣ безпорядочной толпою скупчились посреди гостиной и въ какомъ-то наивномъ ужасѣ, казалось, не знали, куда имъ дѣть руки и ноги свои. Хорошенькое личико лѣсковской учительницы окончательно уподобилось телячьей рожицѣ; кутайсовская матушка оцѣпенѣла; купчиха изумленно вытаращила очи; лавочница въ какомъ-то безпокойномъ изнеможеніи раскрыла ротъ... Одна Моргуниха, эффектно обтянутая чернымъ кашемировымъ платьемъ, по которому висла толстая золотая цѣпь отъ часовъ, сидѣла невозмутимо и съ нѣкоторой ироніей оглядывала дамъ своими черными, горячими глазами.

Хозяева, разумѣется, выскочили навстрѣчу многозначительному гостю и еще на крыльцѣ привѣтствовали его отборнѣйшими словесами. Въ переднюю Гермогенъ явился осторожно поддерживаемый отцемъ Вассіаномъ съ одной стороны и Лизаветой Петровной съ другой. Лишь его изображалъ благосклонность. Освобожденный отъ шубы съ помощью отца Вассіана съ супругою и нѣкоторыхъ изъ гостей — особенно усердствовалъ отецъ Симеонъ—онъ, наконецъ, появился въ залѣ. И внезапно повѣло на насъ благоуханіемъ тонкихъ духовъ... Безуворизненный пластронъ Гермогеновой рубашки украшался орденомъ. Его розовая лысина великолѣпно лоснилась. Сѣдые бакы умиляли своимъ бла-

городствомъ. Гладко выбритое лицо было величественно. Старческое тѣло облекалъ изумительный фракъ отъ Тедески.

Онъ сначала пріятно улыбнулся всѣмъ намъ, — что при желаніи можно было принять за любезный поклонъ, — а потомъ, важно нахмуривъ брови и сдѣлавъ взглядъ свой взглядомъ строгимъ и внушительнымъ, къ каждому батюшкѣ подошелъ за благословеніемъ и каждому батюшкѣ звонко поцѣловалъ руку. Это цѣлованіе привело бѣдняковъ въ большое смущеніе. Отецъ Доснеей даже сдѣлалъ-было явное уклоненіе, но получилъ за то замѣчаніе отъ его — ства, замѣчаніе мягкое, но вмѣстѣ и непріятное:

— Я не *вамъ*, отецъ, цѣлую десную вашу, а *пастырю* церкви нашей святой, — произнесъ Гермогенъ.

За то ужъ отецъ Симеонъ отличился. Придавъ лицу своему умиленно великопостное выраженіе, онъ благоговѣнно возвелъ очи горѣ и внятнымъ, пѣвучимъ голосомъ протанулъ: «Во имя Отца и Сына»...

По совершеніи этой церемоніи, Гермогенъ снова ослабилъ ликъ свой благопріятной улыбкой и обратился къ отцу Вассіану:

— Ну, что же, отче, — сказалъ онъ, — помни правило древнихъ: *ede, bibe, lude...* Разрѣшите, святые отцы... — и подошедъ къ столу выпилъ, соблаговоливъ пригласить къ этому и остальныхъ. Всѣ въ благоговѣнномъ молчаніи послѣдовали примѣру Гермогена и всѣ послѣ выпивки кротко крикнули. (Только отецъ Доснеей равнелъ-было, но отецъ Вассіанъ произвелъ его уничтожающимъ взглядомъ).

Тутъ Гермогенъ повидался и со мною.

— А! Ну, что, скептикъ, — игриво проанесъ онъ, — наконецъ-то, вы во-очію убѣдились... Видѣли мужичковъ? Видѣли, какъ эти добряки беззавѣтно отдаются мирному веселію?.. Видѣли, какъ они, такъ сказать, ликуютъ, и, такъ сказать, ощущаютъ вѣгу своего существованія?.. И вотъ посмотрите теперь на воздѣйствователей... Я увѣренъ — размягчится сердце ваше... Есть, конечно, плевелы, но мы съ Божіей помощью... — и онъ внезапно сѣлъ, вѣроятно по старческой разсѣянности позабывъ про дамъ, въ жуткой тревогѣ ожидавшихъ его въ гостинной.

— Ну, садитесь, отцы... Потолкуемъ... Не *ex professo*, *e bene placito* потолкуемъ... *хе, хе...* не забыли латынь, отцы?

— И по доброй волѣ и по обязанности ежечасно благожелаемъ испить млеко бесѣды вашей, ваше-ство! — произнесъ отецъ Симеонъ, сладко заглядывая въ Гермогеновы глаза.

— Такъ потолкуемъ же!..— Ну, что сосѣдъ вашъ изъ Там-
льа, отецъ Симеонъ,—признаюсь, беспокоитъ онъ меня...

Отецъ Симеонъ грустно вздохнулъ.

— Положа руку на сердце, вашество — какъ пастыръ и
служитель алтаря — не могу сообщить вашему ниче-го утѣши-
тельнаго... — И помолчавъ немного, продолжалъ: — носится, что и
святую литургію отправляетъ отецъ Пименъ неудобовразумительно
— безъ благости и съ поспѣшеніемъ, — и чай вкушаетъ прежде
даровъ освященныхъ и... изучаетъ богоотступнаго философа
Прудона...

— Прудона! — въ ужасѣ протянулъ Гермогенъ и затѣмъ па-
тетически воскликнулъ: — *Quousque tandem!*..

Пронеслось краткое молчаніе.

— Отцы! — съ мольбою и сокрушеніемъ заговорилъ наконецъ
Гермогенъ: — къ вамъ обращаюсь... Вы первые отвѣтствуете за
души паствы вашей... Храните ихъ отъ хищенія... Смотрите
зоре... Рыскаетъ звѣрь, искій кого поглотити... Присылаются
народные учителя, опредѣляются учительницы и акушерки, на-
значаются волостные писаря и фельдшера — блюдите за ними...
Посѣщаютъ ли храмъ, соблюдаютъ ли посты, отметаются ли
новѣйшихъ богопротивныхъ наукъ, какъ помышляютъ о семьѣ
и собственности, питаютъ ли бѣшеную склонность развращать
мужичковъ неистовыми теоріями — все вы должны вѣдать, за
всѣмъ наблюдать. Не брезгайте ничѣмъ: святое дѣло не тожко
искупаетъ, оно награждаетъ всякое прегрѣшеніе. Привлекайте
прислугу, разспрашивайте, разузнавайте, развѣдывайте, пытайте,
грозите отлученіемъ отъ св. даровъ, налагайте эпитиміи, прика-
зывайте, научайте, слѣдите... и благо вамъ будетъ. А главное,
помните — первый поступокъ подозрительный, первое благожела-
тельство неразумныхъ мужичковъ къ искомому субъекту, — *ex
ingue leonem, ex auribus asinum*... нигилиста же, добавлю я,
по неистовой страсти распалать мужичкову привязанность, узнаешь,
— и немедля ко мнѣ! Во всякое время дня и ночи памятуйте,
что я, Гермогенъ Пожарскій, стою на стражѣ неусыпно и
ежечасно вызываю: *Quos ego!*.. — и Гермогенъ поднялся во весь
ростъ и сдѣлалъ величественное мановеніе рукою, и снова опу-
стился на стулъ.

По отцамъ какъ-бы вѣтерокъ прошелъ: всѣ они въ умиле-
ніи изогнулись и дружно загремѣли новыми своими расами. Всѣ
они моментально вскочили съ своихъ мѣстъ, и снова момен-
тально же опустились на оныя.

Протекло краткое молчаніе. А по молчаніи рывнуль и сконфузился звуковъ собственного своего голоса отецъ Досиной.

— Говорите, говорите, отче, слушаю я васъ,—съ пріятностью ободрилъ его Гермогенъ. Отецъ Досиной смущенно кашлянуль въ исполинскій свой кулакъ, густо покрытый желтыми волосами.

— Оно, конечно, вашество... оно разумѣтся... — невразумительно загудѣль онъ, мрачно скосивъ брови:— оно, вашество, всякое дѣло во времени благопотребно... И, конечно, всякое благопреуспѣваніе... Оно благожелательно, вашество!.. Обаче, говорить святой отецъ...

Отецъ Симеонъ дернуль его за рукавъ расы. Лицъ отца Досиной изъяснилъ мучительную скорбь.

— ...Но тѣмъ паче оно благополезно... Всякая ревность взыскана да будетъ... И опять въ онъ же день, говорится, вашество, въ писаніи...—Отецъ Досиной окончательно уперся лбомъ въ стѣну.

— Отецъ Досиной любвеобильныя чувствія наши къ вашему желательствуетъ изъяснить, — поспѣшно подхватилъ отецъ Симеонъ, — всѣ мы, смиренныя іереи, пылаемъ къ вамъ, вашество... Вы, вашество, наша защита и покровъ... Наши чувствія, вашество, питаются любовію къ отечеству и къ вамъ, вашество! И въ вѣчномъ благодареніи вашему мы не скажемъ въ пылу ревности нашей...—и отецъ Симеонъ щегольнулъ латынью:—мы не скажемъ: hic haeret aqua, ибо съ помощію священнослужительствія... тѣфу, не то!.. ибо съ помощію благосудительствія вашего, вашество, никакое препятствіе не стѣснить нашего поприща... и не остановитъ, такъ сказать, живой воды пылости и любви нашей!

Отецъ Досиной, можетъ быть, и дѣйствительно хотѣлъ сказать именно то, что изъяснилъ отецъ Симеонъ, но тѣмъ не менѣе онъ мрачно нахмурился и даже презрительно усмѣхнулся, когда торжествующій отецъ Симеонъ кончилъ.

А Гермогенъ съ явной благосклонностью пожалъ руку отцу Симеону, отчего тотъ, весь изогнувшись въ подобострастной позѣ, какъ-бы растаялъ. Остальные отцы изъяснили зависть.

— Осмѣлюсь донести вашему,—дѣловымъ тономъ произнесъ одинъ изъ нихъ:—замѣчаю я въ наставникѣ нашемъ нѣкоторое блужданіе мыслей и неодобрительный либерализмъ...

— А откуда вы, отче?

— Изъ Бердеева, вашество.

— А, изъ учительской семинаріи тамъ... Помню, помню,

нѣю уже въ виду, но вамъ очень, очень благодаренъ!—и Гермогенъ пожалъ ему руку... О, я слѣжу, отцы...

— Я, вашество, тоже прослѣдилъ одного,—стыдливо заявилъ и зарумянился еще одинъ батюшка, подслѣповатый, и бѣлокурый какъ младенецъ:—хитроуменъ онъ и суемудръ... По пятницамъ употребляетъ отъ животныхъ теплокровныхъ... Кромѣ того prodigiously разсуждаетъ...

— Отлично, отлично... Кто же онъ?

— Фельдшеръ Игнатовъ.

— А, жаль, не мое вѣдомство. Но я запишу, запишу... Будьте, отцы — на насъ надежды отечества покоятся!

Вдругъ всталъ и подошелъ къ Гермогену купецъ-хуторянинъ.

— А что ежели, Гермогенъ Абрамычъ, такая штукавина,—бещеремонно произнесъ онъ, ударивъ своей лапой по столу,—приходить ко мнѣ вдругъ малый, и вдругъ говорить: я тебѣ, говорить, денегъ за землю не отдамъ, потому ты пѣсъ и больше ничего какъ кровопивца...—То какъ это? по какой части?—Я такъ полагаю—онъ изъ умышляющихъ!

Отцы, жестоко огорченные неприличнымъ поведеніемъ купца, тѣсно окружили его и, на перебой осыпая укоризнами, отгѣснли туда, гдѣ онъ сидѣлъ доселѣ. Купецъ нѣсколько сконфузился, хотя и не переставалъ произносить въ полголоса:

— Нѣтъ, какимъ же манеромъ: «кровопивца!»

А Гермогенъ выпилъ еще рюмочку fine champagne и подыалъ глаза на двери гостиной. И какъ будто цѣлый рой соблазнительнѣйшихъ представленій пронесся предъ старикомъ. Государственное выраженіе его фizioноміи вмигъ замѣнилось какимъ-то сладостнымъ напряженіемъ. Ликъ его внезапно подернуло маеломъ, губы оттопырились, ноги согнулись и задрожали, взглядъ раскился и переполнился нѣжностью.

Онъ спѣшно направился въ гостиную. Дамы подобострастно раступились. Онъ остановился среди нихъ, и въ какой-то мгнющей истомѣ растопыривъ руки—произнесъ обращаясь ко мнѣ:

— «*Incidit in Scyllam, qui vult vitare Charibdim*»... — и тутчасъ же пояснилъ:—всѣ вы прелестны, сударыни, всѣ прекрасны...—На что «сударыни» жеманно улынулись. (Онѣ, не исключая на этотъ разъ и Моргунихи, стояли).

А Гермогенъ кропотливой походочкой подошелъ къ юной Лѣсковской учительницѣ. Та покраснѣла какъ пювъ, неловко присѣла передъ Гермогеномъ и почтительно поцѣловала его руку. Гермогенъ нѣжно потрепалъ ее по щечкѣ, игриво ущипнулъ двумя

перстами ея подбородочекъ, пощекоталъ бѣленькую шейку и, наконецъ, расслабленно пролепеталъ:

— Декольтировочку... декольтировочку, душенька... Пусти декольтировочку... Плечики, шейка, бюстикъ у тебя... во-о-осхитительно!.. Но декольтировочка, декольтировочка!.. Знаешь, платице этакъ... Съ разрѣзцемъ, съ разрѣзцемъ...

Гермогенъ даже губы облизалъ.

А отъ нея перешелъ къ Моргунихъ, жадно принявъ къ ея нальчикамъ и, какъ-бы раскисшій отъ какого-то знойнаго томленія, какъ-бы истязуемый какими-то безповойнными ощущеніями, помѣстился съ нею на диванѣ. Онъ и хихикалъ и дрожалъ и таялъ близъ нея. А она играла своими взглядами, точно японецъ шарами, и пронизывала ими бѣднаго старика.

Я подсылъ къ нимъ. Гермогенъ нѣсколько устыдился.

— «Nihil humanum a me alienum puto»...—какъ-бы оправдываясь, сказалъ онъ.

Но вскорѣ онъ вспомнилъ, что ему необходимо ѣхать (онъ отправлялся съ визитомъ къ графу NN), еще разъ съ какимъ-то засосомъ облизалъ пальчики Моргунихи, еще разъ ущипнулъ Лѣсковскую учительницу, снова покраснѣвшую какъ піонъ, смачно разцѣловался съ Лизаветой Петровной, и, испросивъ у отцовъ общее благословеніе, скрылся. И хозяева и гости проводили его до самыхъ саней.

Послѣ отъѣзда Гермогена, съ добрый часъ тянулось еще то взволнованное состояніе нашего духа, которое причинилось намъ его присутствіемъ. Мы смаковали его рѣчи, дивились его простотѣ и благородству обхожденія, восторгались его «ученостью» и латынью, и завидовали о. Вассіану. Отецъ же Вассіанъ леталъ точно на крыльяхъ и не чаялъ границъ своему блаженству.

Дамы изъявляли удовольствіе свое непрестанными восклицаніями. Гермогенова любезность повергла ихъ въ совершеннѣйшій восторгъ. Его комплименты вспоминались ими съ лукавой улыбкой, его заигрываніе возбуждало умиленіе... А Моргуниха сразу воздвиглась на пьедесталъ и принимала жертвы. Ей преподносили сладкія любезности, ее посвящали въ маленькія свои тайны, ей повѣряли тайные помыслы свои. Еще бы! самъ «его-ство» изволилъ цѣловать ея руки, самъ «его-ство» изнывалъ передъ ней и видимо строилъ ей куры.

Но Моргуниха стѣбитъ, чтобы описать ее подробно. Ее нельзя было назвать красивою, она даже была скорѣе дурна, но отъ всей ея фигуры вѣяло чѣмъ-то такимъ, что неизбѣжно влечетъ

къ себѣ нѣкоторыхъ. Это «что-то» не было симпатичностью, которой непремѣнно присуща какая-то теплота—мягкая и вмѣстѣ успокоивающая,—нѣтъ... Оно влекло къ себѣ не успокоивая а раздражая, притягивало не отрадной, тихо и мирно нѣжащей теплотой, а чѣмъ-то знойнымъ, возбуждающимъ и, если хотите, острымъ. Да, именно—острымъ, въ смыслѣ ѣдкаго, смѣшаннаго съ какимъ-то болѣзненнымъ удовольствіемъ ощущенія.

Она была довольно большого роста, скрадываемаго легкой сутуловатостью. Смуглое лицо ея было очень выразительно. Крупныя алія губы, широкія черныя брови, глаза подобные спѣлымъ вишнямъ—все придавало этому лицу характеръ какой-то страстной и беззащитной чувственности. И когда это господствующее свойство напрягалось въ ней, вамъ становилось страшно, вамъ чудилось въ ней что-то хищное, присущее звѣрю... Черныя зрачки ея глазъ расширялись тогда и вспыхивали какимъ-то жаднымъ и вмѣстѣ зловѣщимъ огнемъ; блѣдныя щеки загорались темнымъ румянцемъ; полуоткрытыя губы, казалось, покрывались кровью и нервно трепетали едва замѣтнымъ трепетомъ, плечи вздрагивали словно отъ озноба...

Я съ ней скоро познакомился. Говорила она порядочно; безъ претензій на особое развитіе, но ясно и толково. Впрочемъ по нѣкоторымъ фразамъ, иногда вырывавшимся у ней, было замѣтно, что людей она видала много и разнообразнаго пошиба, рѣчей слыхала довольно, въ томъ числѣ и такъ называемыхъ «передовыхъ»; хотя *сути* этихъ рѣчей ею и не затрогивалась серьезно. Скорѣй она скользила по этой сути. Да и вообще въ области «передовыхъ» воззрѣній ограничилась только двумя, тремя скептическими, но легкомысленными фразами. Видно было, что скептицизмъ этотъ не только не продуманъ ею, но даже и сказанъ-то почти противъ ея воли, можетъ быть, отчасти и ради особаго щегольства. Во всякомъ случаѣ, когда я, придравшись къ какой-то вольнодумной ея фразѣ, сталъ-было приставать къ ней, она отдѣлалась шуткою, повидимому совершенно не придавая значенія ни своему вольнодумству, ни моей придирчивости. Но это *легкомысленное* вольнодумство казалось въ ней почему-то органическимъ... Надо добавить, что касалось оно вопросовъ преимущественно нравственныхъ и далѣе этого не шло.

— Что это вамъ вздумалось съ ребятишками возиться?—спросилъ я ее.

. — Да какъ вамъ сказать...—Она на минуту задумалась:—

дѣться мнѣ некуда... дѣлать нечего...—Говорила она медленно и часто дѣлала паузы.

— Какъ же такъ?

— Да такъ... Съ отцомъ мы въ ссорѣ... Мать тоже какъ-то...—она немного затруднилась подыскать выраженіе:—чуждо ко мнѣ относилась... Средствъ — никакихъ... вотъ вамъ и все! А съ ребятишками—нетрудно... Ну, свобода тутъ... Народъ простой, притязаній нѣтъ у нихъ...—Она лѣниво усмѣхнулась.

— Можно бы, мнѣ кажется, повыгоднѣй мѣсто найти?

— Оно конечно... и я, можетъ быть, брошу это... Но вѣдь образованіе надѣ, какое-нибудь... Вы знаете—я въ институтѣ не кончила... Спасибо этотъ-то случай вышелъ!.. Я вѣдь пыталась и прежде въ учительницы-то... Ну, экзаменъ требовался... А тутъ какъ-то такъ... шута!.. Гермогенъ Абрамычъ присталъ, присталъ... Вы знакомы съ нимъ?..—Я и рѣшилась...—Она улыбнулась не безъ лукавства и затѣмъ продолжала — Это все комедія, конечно. Какая грамота и на что она имъ... Да и Гермогенъ Абрамычъ говорить то же самое... Но знаете, берешь деньги и какъ-то совѣстно иногда... Ну, долбишь имъ, задаешь тамъ изъ Ливанова, изъ другихъ... время и тянется себѣ... Ахъ правда, иногда очень скучно!

— Вы бы читали.

— Да признаться, не люблю я читать-то: все выдуманно, вздоръ все... бѣдность, несчастія, страданія какія-то—ну, къ чему это!.. И притомъ все мужикъ, мужикъ, мужикъ — вѣдь это вредно наконецъ!.. Вотъ французскіе романы еще ничего, да и то что-то нѣтъ теперь интересныхъ... А ужъ русскіе — такая все сушь, такая тоска!..—и она засмѣялась.

Я спросилъ ее, гдѣ она жила прежде, чѣмъ занималась.

— Чѣмъ занималась-то я?—возразила она,—вотъ ужъ право не сѣмѣю сказать... Мы въ Петербургѣ прежде жили: папаша служилъ... Ну, тамъ я замужъ вышла, за чиновника въ штабѣ... Потомъ онъ умеръ... Папаша вышелъ въ отставку... Я въ Петербургѣ пожила еще года два... Пробовала въ телеграфистки, въ акушерки думала... Потомъ въ учительницы... Тутъ пріѣхала сюда—у отца домикъ въ городѣ,—подвернулся Гермогенъ Абрамычъ и... вотъ!

— Невесело показалось вамъ отъ Петербурга?—спросилъ я.

— Да-а...—протянула она, — разумѣется... Тамъ гулянья, театры, маскарады... ну, и общество,—папаша, когда служилъ, доходовъ получалъ много и мы открыто жили... Бывало, какіе люди не свѣзжались!.. Пикники, музыка, офицеры... Буффъ,

Бергъ, Александрина — и она погрузилась въ пріятную задумчивость.

— Ну, а здѣсь?

— Ну, здѣсь понятно — дичь. Отсталыя понятія, безобразныя шляпки, глупая мораль. Обѣдни, посты... О, вы не повѣрите, какъ вся эта чушь ошеломила меня тогда!

— Но вы привели — Гермогенъ Абрамычъ вѣдь очень нравственный и очень религіозный человѣкъ...

— О, да, онъ очень нравственный и очень религіозный! — съ яснымъ отбѣнкомъ насмѣшливости воскликнула она и лукаво сдвинула свои густыя брови.

Отъ Моргунихи я подсѣлъ-было къ Лѣсковской учительницѣ, но отъ этой уже окончательно не добился никакого толку. На всѣ вопросы мои она отвѣчала съ такой первобытной односложностью, и при этомъ такъ немилосердно и неестественно пищала и такимъ загоралась яркимъ румянцемъ, что становилось совѣстно.

— Вы въ духовномъ училищѣ воспитывались?

— Да-съ...

— Давно кончили курсъ?

— Нѣтъ-съ...

— У васъ есть матушка?

— Да-съ...

— А отецъ и братья?

— Нѣтъ-съ...

— Вы любите свое занятіе?

— Да-съ...

— И много у васъ учениковъ?

— Нѣтъ-съ...

— Меньше чѣмъ у прежняго учителя?

— Да-съ...

— Отчего же?

Но она такъ беспомощно и такъ тоскливо пролепетала: «не знаю-съ», и съ такой слезливой миной оттопырила свою губку, что мнѣ стало ее жалко и я поспѣшилъ отойти отъ нея.

А впечатлѣніе Гермогенова визита остыло наконецъ, и скорѣе совершенно улеглось. Пированье мало-по-малу разгоралось, принимая все болѣе и болѣе интимный характеръ. Графиня съ водкою наполнялась все чаще и чаще. Рѣчи становились оживленнѣе. Разнообразныя улыбки освѣтили возбужденныя лица. На двухъ ломберныхъ столахъ закипѣла стуколка. Клавикорды открылись и одна матушка не безъ пріятности пропѣла подъ

ихъ старческіе звуки «Приди въ чертогъ ко мнѣ златой»... Волостной писарь сыгралъ на своей великолѣпной гармоніи нѣчто изъ «Мадамъ Анго» (какъ самъ объяснилъ). Моргуниха съ шикомъ исполнила игривую аріюку изъ «Герцогини Герольштейнской» и даже потешивала бедра на манеръ m-lle Жюдитъ. Все шло прекрасно.

Тѣсныя комнаты были переполнены дымомъ и звуками. Тамъ кричали: «пасъ!», здѣсь — «стучу!», въ одной сторонѣ слышалось: «по рюмочкѣ, господа!», въ другой — трепеталъ мотивъ игривой пѣсенки. Получался хаосъ, но хаосъ пріятно раздражающій нервы.

Кромѣ поющихъ и играющихъ, было и еще довольно народу. Тѣ пили, курили и говорили. Я ходилъ и слушалъ и тоже выпивалъ отъ времени до времени...

Въ углу гостиной сидѣли двѣ матушки и говорили какую-то чепуху о томъ, что становой нашелъ у бывшаго лѣсковскаго учителя, Серафима Ежинова.

Въ другомъ углу о. Вассіанъ сѣтовалъ на пакости нѣкоего о. Вавилы, пастыря сосѣдняго прихода. Сѣтованія эти мрачно выслушивались о. Досиеемъ, который только и дѣлалъ, что издавалъ глубокомысленное мычаніе, тяжело отдувался, размашисто расчесывая свою громадную рыжую бороду крошечнымъ роговымъ гребешечкомъ и неодобрительно поглядывалъ по сторонамъ. А около отцовъ стоялъ и тоже сѣтовалъ о. дьяконъ. Онъ — какъ и подобаетъ маленькому человѣку — изъяснялъ свои чувства чрезвычайно скромно: деликатно подкашливалъ въ рукавъ раски и умильно поддакивалъ. О. Вассіанъ говорилъ очень грустнымъ и медлительнымъ голоскомъ, какъ - бы тяжело скорбя о братѣ своемъ по Христѣ, то-есть объ этомъ самомъ о. Вавилѣ, хотя доподлинно звалъ, что такихъ враговъ, какъ отцы Вассіанъ съ Вавилой, не скоро встрѣтишь въ подлунномъ мірѣ.

— ... Вотъ я и говорю — жалостливо тянулъ о. Вассіанъ, — позволительно ли такъ ронять санъ? Ну, у всякаго слабости, это что толковать — «нѣсть человѣкъ еже не согрѣшитъ», но съ другой стороны, согласитесь сами: служитель алтаря и — алчень... Вѣдь это, какъ хотите — соблазнъ!

— Не подобаетъ, — густо промылчалъ о. Досиеей.

Отецъ дьяконъ кашлянулъ въ руку и заискивающе вскинулъ подобострастные глазки свои на отца Вассіана.

— Вотъ позавчера тоже старушка одна ко мнѣ приходила, — таинственнымъ полупшопотомъ продолжалъ о. Вассіанъ, траги-

чески вылупляя свои воспаленные глаза, — не хоронить!.. Дай три цѣльовыхъ!

— Гм! — удивился о. Досиеей, неистово вонзая гребешокъ въ густые волосы бороды.

О. дьяконъ опять кашлянулъ, на этотъ разъ уже съ явнымъ неодобрениемъ.

— Ну, развѣ это позволительно? Развѣ это приличествуетъ сану іерея? — съ ужасомъ воскликнулъ и приподнялъ брови отецъ Вассіанъ (увы, онъ самъ не бралъ за похороны меньше трехъ рублей). — Пятый день покойникъ-то въ караулѣ лежитъ... Посудите сами!..

О. Досиеей сокрушительно потрясъ бородой и возвелъ очи горѣ, какъ-бы призывая Господа Бога въ свидѣтели своего сокрушенія (у него, годъ тому, весь свадебный поѣздъ почевалъ въ церкви, за немѣнѣемъ у жениха тѣхъ 20 рублей, которые просилъ съ него за вѣнчаніе о. Досиеей). О. дьяконъ тоже не оставилъ изъяснить свои чувства: онъ такъ негодуяще кашлянулъ, что даже привлекъ общее вниманіе.

— ... Крысы покойнику-то ухо отгрызли!.. — ужасающимъ шопотомъ добавилъ о. Вассіанъ, какъ-бы въ изнеможеніи отъ скорби и негодованія.

Послѣ чего всѣ трое, съ надлежащей серьезностью во взорахъ и солидностью въ движеніяхъ, направились къ завѣтному століку.

Дамы тоже не забывали выпивать, и съ каждой рюмкой «дрей-мадеры» становились все развязнѣй и веселѣе. Жена о. Досиеея даже покушалась-было затянуть «Во лузяхъ», но была въ-время остановлена какимъ-то иносказательнымъ тѣлодвиженіемъ о. Досиеея и снова поверглась въ столбнякъ. Съ тѣхъ поръ она уже не издавала ни звука и цѣлый вечеръ сидѣла съ полуоткрытымъ ртомъ, въ который, какъ въ воронку, сливала «дрей-мадеру».

Моргуниха усѣлась около одного изъ ломберныхъ столовъ и оживленно бесѣдовала съ Чумаковымъ и фельдшеромъ. Разговоръ ея теперь лился быстро и порывисто. Въ ея блистающихъ глазахъ и въ лицѣ, разгорѣвшемся отъ вина, начинало напрягаться то чувственно-задорное выраженіе, которое и было отличительнымъ признакомъ всего ея существа.

Близость Моргунихи, повидимому, опьяняюще дѣйствовала на ея собесѣдниковъ. Впрочемъ выражалось это опьянѣніе не одинаково. Фельдшеръ окончательно раскился и, изобразивъ изъ своего лица одну сплошную, приторно-сладекую улыбку, неистово подергивалъ кончикомъ своего нервного носика и откалывалъ

комплименты одинъ другому забористѣй. Чумаковъ держалъ себя угрюмо и необычность его настроенія можно было замѣтить развѣ только по глазамъ, иногда метавшимъ на сосѣдѣ плотоядныя молніи, да по тому сосредоточенному и какъ-бы хладнокровному азарту, съ которымъ онъ ставилъ громадныя ремизы, покупалъ «въ темную», игралъ на десяткѣ, а иногда даже и безъ козыря, и пренебрежительно разбрасывалъ по столу крупныя кредитки. Всему этому, мимоходомъ сказать, очень радовался одинъ изъ партнеровъ Серѣжи, хитроумный о. Симеонъ. Безпрестанно потирая о полы полукафтаныя вѣчно потѣвшія руки свои, онъ съ крайнимъ смиреніемъ и аккуратностью, и каждый разъ съ легкимъ вздохомъ, впихивалъ кредитки въ маленький, засаленный кошелекъ, стараясь при этомъ изобразить на лицѣ своемъ нѣчто какъ будто сожалительное. Глаза только выдавали его: въ тонкихъ, лучистыхъ морщинкахъ, которыя окружали ихъ, гнѣдилась восторженная, еле сдерживаемая радость.

Наконецъ Чумаковъ не выдержалъ. Онъ внезапно побѣднѣлъ, порывисто всталъ изъ-за стола и объявилъ, что играть больше не будетъ. Надо было видѣть состояніе о. Симеона! Онъ ужасно перетревожился, весь какъ-то засуетился и испуганно засеменилъ ножками. Беспорядочно торопясь и волнуясь, онъ началъ доказывать Серѣжѣ, что на очереди еще два ремиза и что поэтому игру оставлять «безчестно». Въ его необыкновенно скрипучемъ и беспомощно дрожащемъ голосѣ ясно слышались слезы, его желтоватыя глазки усиленно заморгали и заблистали, какимъ-то словно фосфорическимъ свѣтомъ, во впадинахъ щекъ показалось судорожное подергиванье... Самое слово «безчестно» онъ почти выкрикнулъ, горячо и требовательно. Кажется, еще мгновение и онъ разразился бы рыданіями. И обычное смиреніе его и присущую ему кроткую язвительность—все на этотъ разъ превозмогла какая-то жгучая, безпокойная жадность. Но Чумаковъ посадилъ за себя вупца-хуторанина и о. Симеонъ, скрѣпя сердце, стихъ.

— Что же вы бросили?—спросилъ я у Серѣжи.

— Э, ну ихъ...—онъ энергично махнулъ рукой,—давайте-ка выпьемъ лучше!

Мы выпили. Чумаковъ явно находился въ возбужденномъ состояніи. Онъ ерошилъ свои волосы и былъ блѣденъ.

— А, какова, черти бы ее подрали!—шепнулъ онъ мнѣ. Я выразилъ недоумѣніе.

— Да эта... чортъ!.. Моргуниха!.. Зажигательная бестія...

Онъ даже зажмурился и зубами заскрипѣлъ, а затѣмъ продолжалъ:

— Что значить столичная-то штука! Вѣдь вотъ наши дѣвки, посмотришь, обмененныя, страсть хороши есть... Иная просто дьяволь-дьяволомъ!.. А вѣдь этого нѣтъ вотъ—чтобы одурманивало тебя.

Онъ подумалъ, пожевалъ сардинку и снова заговорилъ:

— Я полагаю—отъ безсовѣстности это отъ ихней... Вѣдь наши дѣвки что?—Ей ежели рубль, такъ она овечка... Очень онъ даже безсовѣстен! Нѣтъ у нихъ, чтобъ жестокости этой... А ежели иная и закобенится—родные приспособляются. Это, я вамъ доложу, такой народецъ!.. Я вотъ вамъ расскажу случай со мной былъ. Прошлымъ, стало быть, лѣтомъ дѣвчоночка тутъ одна объявилась,—такъ, ежели не ошибиться, малолѣтокъ еще. Ну, и—ничего не подѣлаешь!.. Ужъ я бился, бился съ нею... Вы не повѣрите—пищи лишился... Замужъ ее, дуру, общался вѣтъ... Ничѣмъ не проймешь!.. Закаменѣла!..

И немного погодя загадочно посмотрѣлъ на меня и произнесъ:

— Ну, и что-же?

— Ну, и что-же?—повторилъ я.

— А то, что все дѣло-то опять-таки въ деньгахъ стояло. Матери всучилъ четвертную, она мнѣ ее сама привела, на хуторъ... Пять верстъ ночью пѣрла!..—Препоганный, я вамъ доложу, народъ.—Ей корову тамъ нужно было купить, такъ вотъ изъ-за коровы... подите вы съ ними!..—Ну, и напарилъ я ее съ этой коровой,—съ добродушнымъ смѣхомъ добавилъ Серѣжа:—полн-то у насъ сумежныя, она разъ и попадись ко мнѣ въ заголь... Такъ я съ ней семь цѣловыхъ слупцовалъ!

А потомъ помолчалъ и снова продолжалъ:

— Нѣтъ, скучно теперь. Вы знаете—я смерть этого не люблю, чтобъ безъ запрета мнѣ все. Ну, какое удовольствіе?.. Вотъ прежде такъ бывало: ходишь, ходишь около дѣвки-то, такъ даже пуска тебя засосетъ... Народъ былъ крѣпкій, настойчивый. Бывало, мужикъ-то княземъ на тебя смотреть! Мужикъ былъ хлѣбный, тучный. А нынче... ужъ такъ они опаскудились, такъ опаршивѣли—смотрѣть тошно!.. Нѣтъ, не люблю я этого!.. Я тятенькѣ прямо говорю: мнѣ это не по душѣ... Согласитесь сами, какое я могу получить здѣсь удовольствіе?.. Ты дай мнѣ мужика-заворотня, ты мнѣ предоставь такого, чтобъ отъ него разбойникомъ шибало—это я понимаю. Переломить его, загнать въ свою вѣру... Вотъ братъ Липатка тятенькѣ пишетъ—пріѣду, говорить, не ваче какъ фабрику заводить,—мнѣ это не по душѣ!

— А гдѣ теперь Липать Пракселитъ?

— Да все въ Англіи въ этой. Таскается тамъ, вынокивается... Нѣтъ, не люблю этого!

И онъ рѣшительно опрокинулъ въ ротъ рюмку съ «желѣзной дорогой».

А по прошествіи еще малаго времени эта «желѣзная дорога», въ совокупности съ «дрей-матерой», окончательно всѣхъ возмутила. Ломберные столы были оставлены. Публика безпорочно слонялась по комнатамъ, пила и говорила, пѣла и слово-словила. Одинъ изъ батюшекъ присосѣдился къ клавибордамъ и, многозначительно нахмуривъ брови свои, подыскивалъ указательнымъ перстомъ мотивы «Херувимской». Писарь, помѣстившись среди дамъ и особенно томно устремивъ глаза въ пространство, подпѣвалъ и аккомпанировалъ имъ на гармоникѣ: «Славься, славься»... Фельдшеръ тончайшимъ дискантомъ затѣгивалъ:

Уймется волненія страсти...

и все просилъ Моргуниху подтянуть ему.

— Отъ васъ одной, мадамъ, я ожидаю истиннаго понятія,— говорилъ онъ:—потому, самъ получилъ образованіе и могу понимать...

А когда Моргуниха уже окончательно присосѣдилась къ Чумакову, онъ надулся. Но, впрочемъ, Лизавета Петровна скоро утѣшила его—она явно съ нимъ кокетничала и даже ухаживала за нимъ.

О. дьяконъ отчего-то впалъ въ тяжкое раздумье, и послѣ нѣсколькихъ минутъ этого раздумья, прерываемаго частыми и сокрушительными вздохами, необыкновенно трогательно и умиленно затынулъ хриповатымъ баскомъ:

На рѣ-ка-ахъ Ва-вило-он-скихъ...

О. Симеонъ, старательно придерживая рукою карманъ полукафтаны, въ которомъ покоился плотно набитый кошелекъ, подхватилъ своимъ жиденькимъ, гнусливымъ теноркомъ:

Сѣ-до-окомъ и пла-ка-хомъ...

О. Досноей, оставивъ на пѣвцовъ меланхолическій взоръ, съ какимъ-то свирѣпымъ ожесточеніемъ расчесывалъ свою бороду, покушаясь въ иныхъ мѣстахъ умиительнаго канта пустить въ дѣло и свой литавро-подобный басъ. О. Вассіанъ, расположившись въ уединенномъ уголку залы, загроможденномъ шубами и

салопами, смиренно внималъ пѣнію и проливалъ токи горькихъ слезъ. Онъ едва былъ видѣнъ изъ-за шубъ.

А писарь заигралъ трепака. Игралъ онъ мастерски. Изъ гармоніи полились такіе подмывающіе, такіе ухарскіе звуки, что такъ и тануло въ плясъ. Чумановъ вмигъ очутился въ одной щегольской рубахѣ своей и, сдѣлавъ молодецкій «выходъ», во время котораго оттѣснилъ публику въ стѣнамъ, пустился выдѣлывать дробь. Плясуновъ такихъ я рѣдко видывалъ. Не даромъ, какъ говорили, онъ заплатилъ за выучку большія деньги какому-то цыгану, замѣчательному искуснику по этой части. Но когда Моргуниха, взявъ въ правую руку платочекъ, выступила на середину комнаты, съ вызывающей усмѣшкой передернула бедрами и соблазнительно шевельнула грудью, онъ просто превзошелъ себя. Ноги его выдѣлывали нечеловѣческія пѣ, все тѣло превратилось въ какой-то трепещущій, необыкновенно подвижной аппаратъ. Запекшіяся уста издавали буйные клики, глаза пламенѣли, плотоядное выраженіе застыло на горячемъ лицѣ, растрепанные волосы прониклись влажностью...

Лизавета же Петровна подъ шумокъ окончательно завладѣла фельдшеромъ. Она и притопывала ножкой, и подергивала аппетитными своими плечиками, а вмѣстѣ съ тѣмъ горячо сжимала фельдшерскую руку и выразительно приговаривала въ тактъ музыки:

Передъ мальчиками
Хожу пальчиками,
Передъ милыми друзьями
Хожу бѣлыми грудями...

Кончикъ фельдшерскаго носа отчаянно дергался, а самъ фельдшеръ, искоса поглядывая въ сторону о. Бассіана, подхватывалъ коснѣющимъ языкомъ:

Ужъ вы, сѣрые глаза—
Рѣжутъ сердце безъ ножа...
Ахъ, карій глазъ,
Не подглядывай ты насъ...

Впрочемъ, о. Бассіанъ давно уже сладко похрапывалъ, пріютившись за шубами.

О. Доснеевъ угрюмо смотрѣлъ на пляску. О. дьякона покинulo наконецъ уныніе, тяготѣвшее надъ нимъ во время пѣнія канта, и онъ весь сіялъ, какъ ярко вычищенный подносъ. Съ большимъ интересомъ слѣдилъ онъ за пляскою, видимо доставлявшею ему громадное удовольствіе. Глаза его расширились и свѣтились лучистымъ блескомъ.

О. Симеонъ тоже утратилъ свое благолѣпіе. Сильно навеселѣ, онъ конвульсивно подергивался, то вспридавая, то присѣдая, то жмуря глаза, то открывая ихъ, все смотря по тому, какой тонъ музыки достигалъ его слуха: просто ли подымающій, или подымающій до неистовства. Казалось, онъ вышелъ въ первый разъ купаться и, то окунался въ холодную какъ ледъ воду, то опять изъ нея выскакивалъ. Однако карманъ полукафтаны держалъ крѣпко.

Пьяный купецъ-хуторянинъ сидѣлъ въ сторонкѣ и, многозначительно поднимая къ носу палецъ, въ недоумѣніи восклицалъ:

— Нѣтъ, какими-же теперича манеромъ «кровопивца!»

Оставивъ пированье въ полномъ разгарѣ, я кое-какъ розыскалъ Михайлу и отправился домой.

По селу все еще бродили пьяные. Отъ кабака неслись пѣсни и откуда-то съ окраины села достигалъ до насъ отчаяннѣйшій вопль:

— А-ай батюшка... А-ай, пустите душу на покаяніе!.. Кар-ауул...

Когда мы выѣхали за село, долго еще какой-то безпорядочный, навойливо звенящій гулъ стоялъ въ ушахъ моихъ. Голова кружилась.

Но угрюмая и какъ-бы нѣсколько печальная тишина чистаго поля наконецъ успокоительно подѣйствовала на мои нервы. Пьяныя лица, бѣшеные возгласы, пронзительное пѣніе, ухарскій топотъ трепака и залихватскіе звуки гармоникъ—все это уплывало отъ меня, исчезая въ какомъ-то мутномъ туманѣ. На смѣну имъ тихая, но вмѣстѣ и ноющая, грусть овладѣвала мною...

Хмурое безъ просвѣта небо, хмурое поле, необозримой пеленою уходящее въ хмурую даль... Погоняй, погоняй, Михайло! Скорѣе въ теплую и уютную тишь родного хутора, гдѣ нѣтъ ни бессмысленнаго людского разгула, ни величавой тоскливости хмурого поля, а есть только одна, обыкновенная, тихо и не спѣша сосущая сердце, скука...

А. ЭРТЕЛЬ.

СУВОРОВЪ

ВЪ

ПЕРВУЮ ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ*).

1778 — 1774.

Турція, втравленная въ войну съ Россіей близорукую политикой Франціи, не сразу сознала свою ошибку, такъ какъ кампанія 1769 года ведена была русскими робко. Двумя ихъ арміями командовали князь Голицынъ и Румянцовъ, причемъ главная роль принадлежала первому; но онъ оказался полководцемъ ниже посредственности и долженъ былъ уступить свое мѣсто Румянцову. Въ слѣдующемъ году дѣла пошли совсѣмъ иначе; Молдавія и Валахія были завоеваны, въ Букарестѣ и Яссахъ развернулось русское знамя. Татарскія полчища, силою въ 80,000 человекъ, разбиты Румянцовымъ съ 30,000 русскихъ при Ларгѣ; вслѣдъ затѣмъ 180,000-ная турецкая армія потерпѣла полное пораженіе при Кагулѣ, хотя боевыя силы Румянцова не превышали 17,000; турецкій флотъ почти совершенно истребленъ въ Чесменскомъ заливѣ. Въ 1771 году, въ третью

) Одна изъ главъ предпринятаго авторомъ большого труда: „Жизнеописаніе генералиссимуса князя Суворова“.

Источники:—Документы военно-ученаго архива главнаго штаба.—Документы московскаго архива того же штаба.—Саковичъ: Суворовъ въ 1773 году.—Петровъ: Война 1769—1774 г.—Сматъ: Суворовъ и паденіе Польши.—Антингъ: Les campagnes de Souwrow.—Автобіографія Суворова.—„Русская Старина“ 1871 и 1876 г., и нѣкот. другіе.

кампанію, одна армія, подъ начальствомъ князя Долгорукаго, завоевала Крымъ, другая же прикрывала это предпріятіе, и въ ней ничего особенно важнаго не произошло. Такъ прошли три года войны.

Блестящая кампанія 1770 года, доставившая громкую славу русскому оружію, имѣла однако и невыгодную сторону, возбуждѣвъ въ Европѣ безпокойство и опасенія. Не только непріязненныя Россіи державы, но даже и дружественныя къ ней, стали ревниво слѣдить за военными дѣйствіями,—первый шагъ, обѣщавшій мало хорошаго въ будущемъ. Второй шагъ состоялъ въ отыскиваніи средствъ къ прекращенію дальнѣйшихъ успѣховъ Россіи, и къ парализованію уже ею достигнутыхъ. Франція напрягала усилія, чтобы возбудить противъ Россіи враговъ, поощряла и поддерживала польскую конфедерацію, настраивала во враждебномъ тонѣ шведскаго короля. Пруссійскій король отъ активнаго воздѣйствія на Россію пока еще отказывался и даже платилъ ей, по договору, военную субсидію, но постоянно разсчитывать на такую его роль въ усложнявшихся обстоятельствахъ было невозможно. Австрія стала вооружаться, собирала на границѣ войска, заключила съ Портою союзъ. Обстоятельства видимо обострялись, но болѣзненные симптомы разрѣшились въ другомъ мѣстѣ и другимъ дѣломъ—первымъ раздѣломъ Польши.

Больше всего этому способствовалъ Фридрихъ Великій, но и Россія не сидѣла сложа руки. Каждый заботился, конечно, о своихъ, а не о чужихъ интересахъ, и Фридрихъ работалъ не для Россіи, а для Пруссіи. Что касается Россіи, то имѣя на своихъ плечахъ двѣ войны и впереди ожидая еще столько же, если не больше, она находилась въ положеніи весьма затруднительномъ, изъ котораго надо было выйти во что бы то ни стало. Ее не могло выручить одно то, что принято называть «дипломатическимъ искусствомъ»; на этой аренѣ Фридрихъ Великій и австрійскій министръ Кауницъ были бойцами первой силы. Выручила Россію твердость ея государыни, не напущная или показная, а дѣйствительная, которая не столько видится, сколько чувствуется и понимается. Эта-то твердость Екатерины вывела Россію изъ обстоятельствъ, грозившихъ сдѣлаться критическими, и дозволила окончить турецкую войну безъ активнаго вмѣшательства европейскихъ державъ.

Русская императрица все-таки желала мира съ Турціей и искала его. Открылись переговоры въ Фокшанахъ, но не привели ни къ чему, главнымъ образомъ, вслѣдствіе упорнаго несогласія Турціи на требуемую Россіей независимость крымскихъ

татаръ. Но такъ какъ миръ былъ нуженъ Турціи по меньшей мѣрѣ столько же, какъ и Россіи, то великій визирь вышелъ въ праме переговоры съ Румянцовымъ. Назначили уполномоченныхъ, открылся новый конгрессъ въ Бухарестѣ, дѣло пошло, по видимому, на ладъ, но въ концѣ, когда добрались до пункта о независимости татаръ, предшествовавшее время оказалось потраченнымъ бесполезно. Въ переговорахъ прошли 1772 годъ и часть 1773-го; затѣмъ приходилось снова браться за оружіе.

Въ это время появился на театрѣ войны Суворовъ. Прибывъ въ Польшу въ Петербургъ, онъ тамъ оставался до февраля 1773 года, когда ему дали порученіе—осмотрѣть въ военномъ отношеніи шведскую границу и развѣдать взгляды пограничныхъ жителей шведской Финляндіи на происшедшую въ Стокгольмѣ государственную перемѣну. Суворовъ поѣхалъ чрезъ Выборгъ, Бексгольмъ и Нейшлотъ къ границѣ, проживалъ на ней нѣкоторое время скрытно, разузнавалъ, наблюдалъ, и съ запасомъ добытыхъ свѣдѣній возвратился въ Петербургъ. Тутъ ему дѣлать было нечего; отношенія Швеціи къ Россіи измѣнились, опасность близкой войны миновала, и его съ новой силой потянуло въ Турцію.

Туда его влекло уже давно, съ 1770 года, подъ впечатлѣніемъ блестящихъ побѣдъ, въ томъ году одержанныхъ Румянцовымъ. Въ августѣ 1770 года Суворовъ писалъ бригадирѣ Бречетникову, находившемуся въ Румянцовой арміи: «сколько вы счастливы, что вы у графа Петра Александровича... Я же въ моихъ нѣтруднѣйшихъ и едва одоливаемыхъ обстоятельствахъ такового освобожденія изъ оныхъ не предвижу... Даруй Боже скоро увидѣться, особливо тамъ, куда вы поѣхали». Въ продолженіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ желаніе Суворова оставалось неисполненнымъ, вѣроятно потому, что онъ въ Польшѣ былъ нуженъ, да и хлопотать за него въ Петербургѣ было некому. Будто на зло, отецъ его, долгое время состоявшій членомъ военной коллегіи, оставилъ службу какъ разъ въ началѣ конфедератской войны и вышелъ въ отставку. За то теперь, по исполненіи порученія въ Финляндіи, Суворовъ имѣлъ возможность самъ позаботиться о себѣ. Послѣ его славной боевой службы въ Польшѣ, дѣло оказалось нетруднымъ. Въ апрѣлѣ, 4 числа, военная коллегія опредѣлила: находящагося въ Петербургѣ при войскахъ генералъ-маіора Суворова, по желанію его, назначить и отправить въ 1-ю армію, выдавъ ему высочайше пожалованные на дорогу 2,000 рублей. Черезъ 4 дня Суворовъ получилъ паспортъ на проѣздъ и отправился на Дунай.

Пріѣхавъ въ Яссы въ самыхъ первыхъ числахъ мая, онъ представился Румянцову, былъ назначенъ въ дивизію генералъ-поручика графа Салтыкова, получилъ отъ него въ командованіе отрядъ, расположенный подъ Негоешскимъ монастыремъ, и 5 мая былъ уже на своемъ посту. Здѣсь онъ встрѣтилъ старыхъ знакомцевъ — астраханскій пѣхотный полкъ; отрядъ его состоялъ, кромѣ того, изъ части астраханскаго карабинернаго полка, 4 полковыхъ и 5 турецкихъ орудій и изъ 500 донскихъ казаковъ, всего до 2,300 человекъ.

Турецкое государство, нѣкогда страшное и грозное, въ этой эпохѣ уже значительно преобразилось. Грубая, но крѣпкая сила, связывавшая разнородныя части имперіи, ослабѣла, и государство стало являть признаки не близкаго, но несомнѣннаго распаденія. Совершенное отсутствіе законности во всемъ государственномъ механизмѣ, безправіе, продажность въ самыхъ грубыхъ формахъ, деспотизмъ, доведенный до идеала, — вотъ изъ какихъ элементовъ состояла внутренняя жизнь Турціи. Такой разительный упадокъ произошелъ главнымъ образомъ отъ личныхъ свойствъ турецкихъ государей. Длинный рядъ первыхъ правителей Турціи состоялъ, какъ на подборъ, изъ лицъ способныхъ, энергическихъ, вполне соответствовавшихъ своему положенію; послѣдующіе турецкіе властители отличались свойствами противоположными. Они заперлись въ гаремахъ и предоставили правленіе визирямъ; начался застой, потомъ наступилъ упадокъ и мало-по-малу перешелъ въ омертвѣніе. Деспотизмъ, въ смыслѣ главнѣйшаго государственнаго принципа, остался, но утратилъ характеръ движущей силы и превратился въ эгоистическое самовластіе и тиранию.

Такая государственная метаморфоза, конечно, должна была больше всего отразиться на военной силѣ и не столько на внѣшнемъ ея устройствѣ, сколько на ея духѣ. Лучшее турецкое войско, янычары, первоначально комплектовавшіеся воспитанными въ исламизмъ дѣтьми христіанъ, сдѣлались въ мирное время ремесленниками, торгашами, промышленниками; война стала для нихъ дѣломъ второстепеннымъ, неустранимымъ неудобствомъ. Войны, прежде безпрестанныя, происходили все рѣже; дисциплина упала; простая и суровая жизнь полудикаго воина измѣнилась; остались храбрость, фурія, но пропали стойкость и упорство. Побѣды надъ турками участились; Турція стала терять одно за другимъ свои завоеванія. Но пренебрегать турками все-таки было нельзя, что они время отъ времени и доказывали своимъ противникамъ и блистательно доказали Австріи, прину-

днѣ ея къ униженію Бѣлградскому миру. Лишь во второй половинѣ XVIII столѣтія въ Европѣ окончательно пропалъ страхъ, внушаемый ей турками, и этимъ она была обязана исключительно Россіи, т.-е. двумъ турецкимъ войнамъ Екатерины II.

Въ эпоху, которая раскрыла Европѣ глаза на счетъ истиннаго значенія Турціи, турки сохраняли еще многія качества хорошихъ солдатъ. Еслибы во главѣ ихъ явился человѣкъ, напоминающій султановъ стараго времени, обладающій крупнымъ военнымъ дарованіемъ, то для успѣшной борьбы съ турками потребовались бы и другія средства, и другія усилія. Но подобнаго человѣка не оказывалось, и свои качественные недостатки турки возмѣщали количественно. Ихъ было много; арміи ихъ составлялись изъ огромныхъ, недисциплинированныхъ и не имѣвшихъ правильнаго устройства, массъ. Пѣхота сражалась безпорядочными толпами, отличаясь, однако же, довольно мѣтвой стрѣльбой; это же свойство принадлежало отчасти турецкой артиллеріи. Кавалерія дѣйствовала въ разсыпную; въ одиночномъ бою турецкіе кавалеристы были значительно лучше европейскихъ. Въ наступленіи турки отличались страшною стремительностью и порывомъ, но не настойчивостью; для оборонительной войны въ открытомъ полѣ не годились и предпочитали укрѣпленные лагери. Такъ какъ недостатокъ при атакахъ настойчивости есть недостатокъ капитальный, особенно при дѣйствіи противъ русскихъ войскъ, то, благодаря своей многочисленности, турки прибѣгали къ ряду послѣдовательныхъ атакъ свѣжими частями войскъ. Это обстоятельство очень затрудняло полную надъ ними побѣду, ибо убѣгая послѣ неудавшагося удара, турки не несли такой значительной потери, которую ведетъ за собою бой упорный. Черезъ нѣсколько дней послѣ понесеннаго пораженія, ихъ толпы являлись по прежнему многочисленными передъ непріателемъ, который считалъ ихъ истребленными. Настойчивое и продолжительное преслѣдованіе представлялось единственнымъ условіемъ полнаго пораженія этихъ недисциплинированныхъ бандъ, которыя разбѣгались и сбѣгались съ одинаковою легкостью. Но трудность продовольствованія войскъ являлась серьезнымъ къ тому препятствіемъ, и препятствіе это дѣлалось иногда неодолимымъ вслѣдствіе полнаго разоренія, которому подвергали турки путь своего бѣгства. Такимъ образомъ война должна была затягиваться надолго, истощая противника. Въ одномъ только случаѣ успѣхъ надъ турками могъ быть рѣшительнымъ и потери ихъ тяжелыми,—это при удачныхъ штурмахъ занятыхъ ими укрѣпленныхъ мѣстъ. Но штурмованіе укрѣпленій и крѣпостей нельзя

возвести въ систему войны, и прибѣгать къ этому средству съ достаточною надеждою на успѣхъ можетъ далеко не всякій.

Съ подобнымъ-то противникомъ приходилось теперь драться Суворову. Онъ былъ въ Турціи человекъ новый, но пріѣхалъ сюда совсѣмъ готовый на дѣло, не имѣя надобности учиться у кого-либо. Рѣшительность операцій, настойчивость въ атакахъ, неутомимость въ преслѣдованіи, неослабывающая бдительность, умѣнье брать непріятеля со слабой его стороны, отсутствіе педантскаго методизма, — вотъ та военная теорія, которую привезъ съ собою Суворовъ изъ Польши. Изъ вышеизложенной характеристики турокъ видно, что именно въ Суворовскомъ образѣ дѣйствій заключался наиболѣе вѣрный залогъ побѣды, и дѣйствительно она не замедлила явиться подъ знамена Суворова.

Военныя дѣйствія на Дунаѣ должны были возобновиться съ половины февраля, когда бухарестскія конференціи по безплодности своей закрылись; но ни русскіе, ни турки не были готовы. Екатерина требовала немедленно открыть кампанію, перенести наши дѣйствія за Дунай, разбить визиря и занять край до Балканъ. Румянцовъ не видѣлъ возможности отереть дѣйствія раньше конца апрѣля, а рѣшительныя операціи за Дунаемъ считалъ неисполнимыми по малочисленности своей арміи. Въ ней было подъ ружьемъ всего 50,000 человекъ; она должна была охранять теченіе Дуная на 750 верстъ и защищать княжества. Отрядъ генералъ-маіора Потемкина стоялъ на нижнемъ Дунаѣ противъ Силистріи; лѣвѣе его генералъ-маіоръ баронъ Вейсмантъ фонъ-Вейсенштейнъ въ Измаилѣ; правѣ генералъ-поручикъ графъ Салтыковъ; главные силы въ Яссахъ. Румянцовъ сообщилъ свой взглядъ въ Петербургъ и ждалъ дальнѣйшихъ оттуда повелѣній.

Петербургскій планъ кампаніи былъ дѣйствительно слишкомъ смѣлъ и не отвѣчалъ средствамъ, которыми располагалъ Румянцовъ. А Румянцовъ съ своей стороны предлагалъ менѣе, чѣмъ могъ и, быть можетъ, слишкомъ оберегалъ свою недавно пріобрѣтенную славу. Изъ Петербурга пришло подтвержденіе прежняго повелѣнія; боясь отвѣтственности, Румянцовъ запросилъ главныхъ подчиненныхъ генераловъ. Мнѣнія поданы въ смыслѣ Румянцовскаго взгляда и задунайская экспедиція признана преждевременною до наступленія полной весны.

Тѣмъ временемъ армія визиря у Шумлы росла; началась расчистка дорогъ отсюда къ Дунаю; предприимчивость турокъ увеличивалась, хотя наступательныя ихъ попытки оканчивались неудачно. Чтобы получить впослѣдствіи возможность — перевести за Дунай главные свои силы, Румянцовъ рѣшилъ развивать пред-

варительно систему мелкихъ противу турокъ предпріятій и приказалъ сдѣлать на правую сторону Дуная поиски. Главный изъ нихъ предназначался противъ Туртукая и выпалъ на долю Суворова.

Верстахъ въ 10 отъ Дуная, на лѣвомъ берегу впадающей въ него рѣки Аржиша, находится монастырь Негоешти. Постъ этотъ занималъ оконечность лѣваго фланга дивизіи графа Салтыкова и служилъ связью съ отрядомъ генерала Потемкина. Тутъ, у Туртукая, Дунай не шире 300 сажень; но турки были очень бдительны и зорко наблюдали за рѣкой и за всѣмъ происходившимъ на противоположномъ берегу.

Нужныя для переправы суда готовились и исправлялись еще до прибытія Суворова на р. Аржишѣ; всего изготовлено 17 лодокъ для поднятія 600 человекъ, не считая гребцовъ. Но провести эту флотилію въ Дунай было мудрено, ибо устье Аржиша обстрѣливалось батареей и турецкимъ судномъ, вооруженнымъ пушками. Чтобы не разоблачить до времени своихъ намѣреній, Суворовъ предположилъ перевезти суда въ берегу Дуная на подводкахъ, приказалъ собрать для этого, сколько можно, обывательскихъ подводъ, выбрать въ гребцы людей изъ астраханскаго полка, готовить сходни, шесты, багры и т. под. Всѣ приготовленія производились очень дѣлательно и осторожно, и въ то же время собирались свѣдѣнія о силѣ Туртукая, о положеніи города и его окрестностяхъ. По донесеніямъ, силы турокъ оказывались значительными. Суворовъ просилъ у Салтыкова подкрѣпленія; общано прислать нѣсколько эскадроновъ кавалеріи. Что ему было дѣлать съ конницею, когда требовалась исключительно пѣхота, въ которой и былъ недостатокъ? Однако, приходилось ограничиться тѣмъ, что есть, и Суворовъ рѣшился произвести поискъ 8 мая, но потомъ отсрочилъ, такъ какъ обещанная подмога не приходила, и обывательскія фуры съ волами не прибывали. Между тѣмъ дѣло было спѣшное; поискъ велѣно было произвести во что бы то ни стало, и главнокомандующій ждалъ. Наконецъ, полковникъ князь Мещерскій прибылъ 8 числа съ остальными эскадронами астраханскихъ карабинеръ и подошли подводы.

Въ ту же ночь назначено было сосредоточеніе войскъ и иныхъ распоряженія для переправы и нападенія. Войска стянулись къ урочищу Ольтеницѣ, не вдалекѣ отъ Дуная, въ ожиданіи разсвѣта. Суворовъ остался при аванпостахъ, завернулся въ плащъ и легъ спать, недалеко отъ дунайскаго берега. Еще не разсвѣтало, какъ онъ услышалъ громкіе крики: «алла, алла»; вскочивъ на ноги,

онъ увидѣлъ нѣсколько турецкихъ всадниковъ, которые съ поднятыми саблями неслись по направленію къ нему. Онъ едва успѣлъ вскочить на лошадь и ускорять. Немедленно посланы были карабинеры въ помощь атакованнымъ казакамъ; отправлена и часть пѣхоты, а остальной части приказано быть въ готовности поддержать товарищей. Пѣхота, однако же, не понадобилась; два эскадрона карабинеръ атаковали турокъ съ фронта и съ фланга въ то время, какъ они, сбивъ и прогнавъ казаковъ, неслись толпою на высоты. Турки были опрокинуты и въ безпорядкѣ понеслись обратно къ берегу; карабинерамъ помогали и казаки. Турки въ страхѣ бросались на суда и спѣшно отваливали отъ берега. Ихъ было всего 900, изъ нихъ убито 85, потонуло еще больше; въ плѣнъ взято нѣсколько человекъ, въ томъ числѣ начальникъ отряда бимъ-паша. По показанію плѣнныхъ, въ Туртукаѣ находилось свыше 4,000 человекъ.

Суворовъ написалъ Салтыкову: «на здѣшней сторонѣ мы уже ихъ и побили; тяжело, пѣхоты у нихъ пополамъ». Въ запискѣ, приложенной къ рапорту, онъ говоритъ: «увы, пѣхоты мало; карабинеръ чрезвычайно, да что имъ дѣлать на той сторонѣ?» Въ другой запискѣ онъ пишетъ: «все мнѣ кажется пѣхоты мало; и врядъ за 500... Оставить надобно у переправы и въ гребцахъ». Вѣроятно, Салтыковъ, не считая возможнымъ поддержать Суворова частью своей пѣхоты, совѣтовалъ ему обратиться къ Потемкину и за-одно просить у него судовъ для переправы конницы. Суворовъ отвѣчаетъ, что на Потемкина плоха надежда и что изъ-за судовъ пришлось бы откладывать дѣло. Потомъ, какъ-бы размышляя про себя, онъ пишетъ: «все хорошо, какъ (если) Богъ благоволитъ», а потомъ все-таки прибавляетъ: «а пѣхоты кажется мало!»

Изъ записокъ этихъ можно бы казалось заключить, что авторъ ихъ имѣетъ капиталѣйшій военный недостатокъ—нерѣшительность и любить, что называется, *мытъ*, такъ какъ поискъ былъ уже окончательно рѣшенъ и до него оставалось всего нѣсколько часовъ времени. Но просьбы Суворова имѣли не такой смыслъ. Онъ только-что пріѣхалъ на свой постъ, войскъ своихъ не зналъ, ни они его, ибо командованіе 10 лѣтъ назадъ астраханскимъ полкомъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ расчетъ принимать нельзя. Войска эти не были поставлены на Суворовскую ногу; можетъ статься, что Суворовъ находилъ въ нихъ и крупные изъяны; ясно, по крайней мѣрѣ, что аванпостная служба велась въ отрядѣ плохо, если туркамъ чуть не удалось захватить самого начальника. Поискъ на Туртукаѣ предстоялъ въ смыслѣ перваго

его боевого дѣла на новомъ театрѣ войны и требовалъ зрѣлой обдуманности; отъ этого перваго шага зависѣла его репутація; неудача была бы непоправимымъ зломъ, при извѣстномъ значеніи перваго впечатлѣнія. Суворовъ, конечно, все это сообразилъ и потому самъ входилъ во всѣ мелочи приготовленій. Какъ же ему было не позаботиться о соотвѣтственномъ случаю числѣ своихъ войскъ, или по крайней мѣрѣ, не заявить начальнику осязательнымъ образомъ о ихъ недостаточности, когда онъ только-что узналъ отъ плѣнныхъ турокъ о 4,000-ной силѣ туртукайскаго корпуса, а самъ могъ взять въ экспедицію не больше 500 человекъ пѣхоты? Да и трудность исполненія мгновенно возрасла; турки, побывавъ на нашей сторонѣ Дуная, имѣли случай удостовѣриться въ сборѣ отряда, и русскіе не могли уже рассчитывать на неожиданность.

Бомбардируя графа Салтыкова просьбами объ усиленіи пѣхоты, Суворовъ, однако, не отказывался отъ поиска и при своихъ настоящихъ силахъ; онъ считалъ это дѣло безповоротно рѣшеннымъ, и еслибы оно было перерѣшено, то несомнѣнно былъ бы сильнѣйшимъ образомъ огорченъ. Прежде онъ предполагалъ произвести переправу черезъ Дунай на разсвѣтѣ, теперь назначилъ ее ночью. Причиной перемѣны было, по всей вѣроятности, недавно обнаружившееся для него большое неравенство силъ, которое надо было скрыть. Для вѣщаго успѣха вся операція назначена въ тотъ самый день, какъ турки были отбиты и, конечно, не рассчитывали на такой скорый реваншъ. Правда, Суворовъ не имѣлъ времени обучить войска на свой ладъ и начальниковъ не зналъ, такъ-что ночной бой представлялся дѣломъ рискованнымъ. Но поступить иначе было бы дѣломъ еще болѣе невѣрнымъ; его личное присутствіе и распоряженія восполняли многое: онъ отдалъ весьма обстоятельную диспозицію; войска были обстрѣленные. Для пущей вѣрности, онъ просилъ Потемкина сдѣлать на тотъ берегъ диверсію кавалеріею, въ тылъ туртукайскимъ турмамъ.

Сущность диспозиціи заключалась въ слѣдующемъ: прежде переправляется пѣхота, раздѣленная на два каре и резервъ; при резервѣ двѣ пушки; послѣ пѣхоты конница; если можно—люди на лодкахъ, лошади въ поводу вплавь. На нашей сторонѣ Дуная батарея изъ 4 орудій. Ночная атака съ храбростью и фуріей—сначала на одинъ турецкій лагерь, потомъ на другой и наконецъ на третій; ударить горою, одно каре выше, другое въ полъ-горы, резервъ по обычаю; стрѣлки на двѣ половины, каждая на два отдѣленія; они алармируютъ и тревожатъ. Резервъ безъ нужды не подкрѣпляетъ. Турецкіе набѣги отбивать наступательно; по-

дробности зависятъ отъ обстоятельствъ, разума и искусства, храбрости и твердости командующихъ. Туртукай сжечь и разрушить, чтобы въ немъ не было непріятелю пристанища. Весьма падаютъ женъ, дѣтей и обывателей, мечети и духовныхъ, чтобы непріятель падалъ христіанскіе храмы. Заключительныя слова диспозиціи: «да поможетъ Богъ!»

Передъ вечеромъ, 9 мая, Суворовъ съ полковникомъ княземъ Мещерскимъ, который оставался для командованія на этой сторонѣ, объѣхалъ берегъ Дуная, указалъ мѣста для войскъ, самъ поставилъ батарею, далъ наставленіе на разные случаи. Послѣ того лодки были спущены по Аржишу до устья и скрыты до времени за камышами; при нихъ пѣхотный резервъ; остальная пѣхота направлена къ берегу Дуная; передъ нею двигались воловыя подводы, дабы массою пыли ввести непріятеля въ заблужденіе на счетъ силы отряда. Когда смерклось, лодки вышли изъ устья Аржиша (сторожевое турецкое судно было убрано) и подошли къ мѣсту амбарнаціи.

Переправа происходила въ темноту. Непріятель, конечно, ее замѣтилъ и открылъ огонь, который, однако же, по темнотѣ не былъ дѣйствителенъ. Суда подошли въ порядкѣ къ турецкому берегу, крутому, перерѣзанному рывинами и поросшему кустарникомъ и лѣсомъ; ихъ только нѣсколько снесло теченіемъ. Ступивъ на берегъ, пѣхота быстро построилась въ двѣ колонны съ резервомъ и, не теряя времени, двинулась вверхъ по рѣкѣ. Первая колонна, полковника Батурина, при которой находился и Суворовъ, атаковала ближайшій турецкій лагерь; но такъ какъ главная турецкая батарея наносила атакующимъ большой вредъ, то колонна на штыкахъ ворвалась на батарею, овладѣла ею и потомъ уже обратилась на лагерь. Вторая колонна, подполковника Мауринова, бросилась на правый флангъ лагеря и овладѣла тамошнею батареей. Затѣмъ одна рота первой колонны продвинулась по берегу дальше, атаковала и взяла другой, меньшій лагерь и овладѣла береговою батареей, прикрывавшей непріятельскую флотилію.

Были взяты три батареи и два лагеря; оставался еще третій лагерь, самый большій, по другую сторону Туртукай, и при немъ послѣдняя батарея, а также самый городъ, гдѣ въ домахъ засѣли бѣжавшіе изъ отнятыхъ лагерей турки. Суворовъ двинулся на лагерь резервъ маіора Ребока, а на городъ Батурина. Лагерь съ батареею были взяты мгновенно, и городъ очищенъ въ короткое время. Турки разбѣжались по разнымъ направленіямъ. Въ

это время подоспѣли съ того берега 150 карабинеръ и 60 назаковъ и содѣйствовали совершенному разсѣянію непріятеля.

Атака велась горячо; офицеры находились впереди и первыми всходили на батарею. Возбужденіе людей было такъ велико, что они никому не давали пардону, и потому плѣнныхъ не было. Несмотря на трудности ночной экспедиціи и боя, все дѣло шло какъ по писанному, и лишь самое незначительное число людей и лошадей утонуло при переправѣ черезъ Дунай кавалеріи. Самъ Суворовъ дважды подвергался большой опасности; при атакѣ батареи разорвало турецкую пушку и осколками сильно ранило ему правую ногу; потомъ на него наскочилъ одинъ янычаръ съ поднятою саблей, такъ что Суворовъ принужденъ былъ парировать удары, пока подоспѣли и выручили его свои.

Въ началѣ 4 часа ночи все было кончено; отрядъ занялъ позицію на высотахъ за городомъ и послалъ въ городъ двѣ сборныя роты, чтобы вывести оттуда христіанъ для переселенія на нашъ берегъ и затѣмъ порохомъ и огнемъ разрушить и сжечь городъ до основанія. Приказаніе было быстро исполнено, и роты вернулись, навьюченные разной добычей, для дѣлежа съ оставшимися товарищами. Христіанъ выведено околѣ 700 человекъ.

Трофеями побѣды были 6 знаменъ, 16 пушекъ, изъ коихъ 2 негодныя брошены въ Дунай, 30 судовъ, 21 небольшая лодка. Непріятелей легко много, но показанная Суворовымъ цифра 1500, вѣроятно, выше дѣйствительной. Съ нашей стороны вышло изъ строя убитыми и ранеными больше 200. Возвратясь на свой берегъ, Суворовъ построилъ отрядъ въ каре и отслужилъ благодарственный молебенъ. Разбогатѣвшіе солдаты давали священнодѣйствовавшему духовенству золотыя и серебряныя деньги.

Еще до солнечнаго восхода, Суворовъ написалъ карандашомъ на маленькомъ клочкѣ бумаги и послалъ Салтыкову слѣдующее короткое донесеніе: «Ваше сіятельство, мы побѣдили; слава Богу, слава вамъ». До послѣдняго времени Суворову приписывалось другое донесеніе, посланное будто бы Румянцову и состоящее изъ двустипіи:

Слава Богу, слава вамъ,
Туртукай взять, и я тамъ.

Но по открытіи перваго изъ этихъ донесеній, стали совершенно отрицать второе, даже не только самое донесеніе, но и его возможность. Это едва ли справедливо. Суворовъ могъ послать съ поля сраженія короткія донесенія и Салтыкову, и Румянцову, тѣмъ паче, что послѣдній ждалъ результата поиска, и

рапортъ къ нему отъ Салтыкова долженъ былъ запоздать, такъ какъ отъ Суворова Салтыковъ былъ въ одну сторону, а Румянцовъ въ другую. Подобныя дубликатныя донесенія практикуются, иногда они даже необходимы, чего, впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ не было. Еслибы Суворовъ послалъ немедленное донесеніе о побѣдѣ одному главнокомандующему, то поступилъ бы непростительно, но онъ донесъ обоимъ. Наконецъ, о приведенномъ двустипшіи упоминаетъ въ своей книгѣ Антингъ, именно въ первой части, которую читалъ въ рукописи самъ Суворовъ. При этомъ онъ могъ забыть хронологію мелочей, случившихся 20 лѣтъ назадъ, но никакъ не могъ оставить въ рукописи вымышленнаго донесенія. Все это наводитъ на заключеніе, что фактъ написанія Суворовымъ двустипшіа и отправки двустипшіа къ Румянцову не только возможенъ, но и весьма вѣроятенъ.

На другой день послѣ туртукайскаго успѣха, Суворовъ пишетъ графу Салтыкову письмо: радуется, что «все такъ здорово миновалось», прикидывается простишкомъ и даже употребляетъ исказѣченную латынь: «подлинно мы были вчера *semi, vade, vince*, а мнѣ такъ первоучинка. Вашему сіятельству я впредь послужу, я человекъ безхитростный. Лишь только, батюшка, давайте поскорѣе второй классъ» (подразумѣвается св. Георгія). Два дня спустя, онъ возвращается къ тому же предмету, настраиваетъ себя на наивный тонъ и прибѣгаетъ къ другимъ доводамъ. «Не оставьте, ваше сіятельство, моихъ любезныхъ товарищей, да и меня Бога ради не забудьте. Кажется, что я вправду заслужилъ георгіевскій второй классъ; сколько я къ себѣ ни холоденъ, да и самому мнѣ то кажется. Грудь и поломанный бокъ очень у меня болятъ, голова будто какъ пораспухла; простите мнѣ, что я съѣзжу въ Букарестъ на день-другой попариться въ банѣ... Коли мнѣ нечего здѣсь дѣлать, дозвольте мнѣ къ себѣ на время пріѣхать». На слѣдующій день опять письмо, по поводу производства Салтыкова въ генералъ-аншефы и комплиментъ на счетъ его отца, впрочемъ, совершенно справедливый. «Уповаю, что ваши милости ко мнѣ и впередъ отмѣнить не изволите. Будьте войсками такъ любимы, какъ вашъ родитель».

Такимъ образомъ существовавшій въ литературѣ анекдотъ (опровергнутый лишь позднѣйшими изслѣдованіями) объ отдатѣ Румянцовымъ Суворова подъ судъ, за произвольный будто бы поискъ на Туртукай, принадлежитъ къ области чистаго вымысла. Румянцовъ былъ недоволенъ не Суворовымъ, а Салтыковымъ. Изъ диваніи послѣдняго было сдѣлано нѣсколько поисковъ и

одинъ изъ нихъ очень неудачный. Полковникъ князь Репнинъ взять въ плѣнъ съ 3 штабъ-офицерами; у насъ убито и пропало безъ вѣсти больше 200 человѣкъ, отбито 2 судна и 2 пушки. Такъ, по крайней мѣрѣ, сообщалъ Суворовъ, по дошедшимъ слухамъ, Потемкину. Затѣмъ наступило въ Валахіи бездѣйствіе; удачнымъ туртукайскимъ поискомъ Салтыковъ не воспользовался, несмотря на настоянія Румянцова, и сообщенія турокъ по Дунаю производились свободно. Изъ переписки Суворова съ Потемкинымъ видно, что онъ, Суворовъ, за турками внимательно слѣдилъ и даже собиралъ о нихъ по той сторонѣ рѣки свѣдѣнія, посылая туда партіи, но это ни къ чему не вело. Вообще война велась крайне вяло всюду; блестящимъ исключеніемъ служили только дѣйствія генерала Вейсмана.

Чтобы отвлечь отъ Вейсмана вниманіе турокъ верхняго Дуная, Румянцовъ приказалъ Салтыкову произвести демонстрацію и приступить снова къ экспедиціямъ за Дунай. Такое распоряженіе совершенно гармонировало съ мыслями Суворова, который ясно сознавалъ ненормальность наступившаго положенія дѣлъ, поиски небольшихъ казачьихъ партій находилъ недостаточными, считалъ нужнымъ утвердиться на той сторонѣ рѣки и производить набѣги подалѣе внутрь страны. Съ этой, вѣроятно, цѣлью онъ, какъ мы видѣли, желалъ повидаться съ Салтыковымъ и выпросить у него подкрѣпленіе пѣхотой, однако, ничего не добился. Тогда, на досугѣ, онъ принялся исправлять негоепшское укрѣпленіе, чинить и укомплектовывать артиллерію, приводить въ готовность флотилію и ревностно обучать войска. А туртукайскій турецкій лагерь тѣмъ временемъ росъ, войска прибывали. Больно было это Суворову; онъ снова представлялъ Салтыкову о необходимости утвердиться на томъ берегу, развивалъ подробности исполненія и просилъ помощи. Салтыковъ не уважилъ резоновъ, остался при своихъ взглядахъ, и, готовясь начать движеніе съ цѣлью предписанной Румянцовымъ демонстраціи, приказалъ Суворову, въ случаѣ необходимости, обращаться за подкрѣпленіемъ къ Потемкину.

Томный своимъ пассивнымъ положеніемъ, Суворовъ 29 мая снова писалъ своему начальнику, прося взять его, Суворова, съ собою въ готовившееся наступательное предпріятіе. Желаніе его осталось неисполненнымъ. Въ это время, или можетъ быть еще раньше, къ нему привязалась упорная мѣстная лихорадка; пароксизмы происходили черезъ день. Въ виду дѣйствій, онъ, вѣроятно, пересилилъ бы себя и остался бы на своемъ посту; но такъ какъ ничего не предвидѣлось или даже предвидѣлось одно бездѣй-

ствіе, скука и томленіе, то 4 іюня онъ просился у Салтыкова въ Букарестъ для леченія и, подъ гнетомъ пароксизма, въ тотъ же день послалъ къ нему вторичную о томъ же самомъ просьбу. А на другой день прибылъ къ нему отъ Румянцова курьеръ и привезъ приказъ—произвести вторичный поискъ на Туртукай; причемъ ему обѣщано было подтвержденіе изъ пѣхоты. Обстоятельство это произвело надлежащее дѣйствіе: Суворовъ почувствовалъ себя лучше и донесъ объ этомъ Салтыкову; на слѣдующій день ему стало еще лучше, о чемъ онъ опять донесъ, прибавивъ, что остается на своемъ посту. Было ли то дѣйствительно временное улучшение или только кажущееся, результатъ давленія на организмъ сильной воли, но только болѣзнь снова одолѣла. Іюня 7 Суворовъ опять пишетъ Салтыкову, что крѣпко боленъ и ѣдетъ въ Букарестъ. Должно быть, не подъ силу ему пришлась эта упорная борьба съ лихорадкой, если, несмотря на приказъ главнокомандующаго, онъ отказывался отъ поиска, котораго самъ такъ ревностно добивался. И подмога была уже прислана въ составѣ одного слабаго батальона, одной роты и двухъ орудій, и диспозиція уже готова, диктованная Суворовымъ во время лихорадочнаго пароксизма («хорошая диспозиція», по словамъ самого Суворова), а отъ дѣла все-таки приходилось отказаться.

Однако, пересилилъ себя Суворовъ и на этотъ разъ, остался; только всѣ приготовленія возложилъ на полковника князя Мещерскаго. Поискъ назначенъ ночью съ 7 на 8 іюня; диспозиція объявлена; войска двинулись съ наступленіемъ сумерекъ къ берегу Дуная; флотилія вышла изъ Аржиша. Князь Мещерскій и прочіе частныя начальники выѣхали впередъ къ берегу, но увидѣвъ, что турки на-сторожѣ и что силы у нихъ большія, усомнились въ успѣхѣ и признали переправу невозможною.

Это было послѣдней каплей, переполнившей сосудъ; Суворовъ уѣхалъ въ Букарестъ. Оттуда онъ написалъ Салтыкову въ тотъ же день, 8 числа, письмо; говорить, что еле бродить; что въ присланномъ батальонѣ нѣтъ и полубатальона и надо прислать еще; что наванунѣ «маневръ былъ прекраснѣйшій, войска подвинуты были по ихъ лагерямъ; флотилія 30 лодокъ для лѣвой атаки, 4 шайки для правой съ острова уже были въ рукавѣ... (продолжаетъ по-французски). Мерзко говорить объ остальномъ; ваше сіятельство сами догадаетесь, но пусть это будетъ между нами; я пришлецъ, не желаю дѣлать себѣ здѣсь враговъ»... На завтра онъ нѣсколько успокоился и пишетъ яснѣе: «Благоволите разсудить, могу ли я уже снова надѣ такую под-

люю трусливостію команду принимать и не лучше ли мнѣ гдѣ на крылѣ промаячить, нежели подвергать себя фельдфебельствомъ мнѣ до стыда—видѣть подъ собою нарушающихъ присягу и опровергающихъ весь долгъ службы? Г. Б. причиною всему; всѣ оробѣли. Можетъ ли быть такой полковникъ въ арміи російской? Не лучше ли воеводой, хоть сенаторомъ? Какой это позоръ! Всѣ оробѣли, лица не тѣ. Бога ради, ваше сіятельство, сожгите письмо. Опять симъ напоминаю, что я здѣсь непріятеля (себѣ) не хочу и лучше все брошу, нежели бы его имѣть пожелалъ. Каторга моя въ Польшѣ за мое праводушіе всѣмъ разумнымъ знакома. Есть еще способъ: соизвольте на время прислать къ нашимъ молодцамъ подтверже генералъ-маіора. Всякій здѣсь меня моложе; онъ можетъ ко мнѣ заѣхать, я ему дамъ диспозицію; прикажите ему только смѣло атаковать. Г. Б. зачѣмъ-нибудь между тѣмъ отвѣтите, да пришлите еще пару на сіе время смѣлыхъ, мужественныхъ штабъ-офицеровъ пѣхотныхъ... Боже мой, когда подумаю, какая это подлость, жилы рвутся».

Суворовъ выносилъ тройную муку: и отъ лихорадки, и отъ поведенія подчиненныхъ, и отъ опасенія, что минуетъ надобность въ экспедиціи. Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ пишетъ Салтыкову 10 іюня третье письмо: проситъ прислать еще одинъ батальонъ; говоритъ, что князь Мещерскій честный человекъ, но еще не имѣетъ привычки командовать; что Бат. тоже, но трусъ (пишетъ по-французски и вмѣсто слова poltron ставитъ одну букву р.), и что это можетъ имѣть дурное вліяніе на войска. Іюня 11-го новое письмо, которымъ сообщаетъ, что раньше воскресенія не можетъ приняться за дѣло, «да и то какъ Богъ изволитъ». Наконецъ 14 числа Суворовъ возвратился въ Негешти, написавъ Салтыкову, что ему немного лучше и что онъ хочетъ сдѣлать попытку. Просимый батальонъ (апшеронскій) къ тому времени присланъ; однако, Суворовъ приказалъ вооружить карабинеръ пѣхотными ружьями изъ Букареста, обучать пѣхотному строю, стрѣльбѣ, атакѣ холоднымъ оружіемъ; обучались также усиленнымъ образомъ вновь прибывшіе рекруты.

Въ отсутствіе Суворова, князь Мещерскій ни на что не рѣшался, кромѣ посланки небольшихъ казачьихъ партій, и ничего не дѣлалъ, кромѣ постройки одной батареи въ устьѣ Аржиша, хотя Румянцовъ предписалъ произвести или поискъ, или, по крайней мѣрѣ, демонстрацію. Главныя силы Румянцова переправились черезъ Дунай; на Вейсманъ по прежнему сосредоточивался весь блескъ военныхъ дѣйствій.

Суворовъ назначилъ ночь съ 16 на 17 число для новаго

поиска на туртукайскій лагерь. Атаковать приказано взводною колонной, взводамъ намыкать одному на другой и «заднимъ напихивать на передніе весьма». Арнауты Потемкина дѣйствуютъ въ лѣсахъ и набѣгами и ни съ кѣмъ не мѣняются. Конница идетъ въ хвостъ пѣхотной колонны и дѣйствуетъ сама собою. Изъ пѣхоты выбираются 48 стрѣлковъ, отдаются подъ начальство одного офицера и дѣйствуютъ по-егерски. Идти на прорывъ, не останавливаясь; голова хвоста не ждетъ; командиры частей колонны ни о чемъ не докладываютъ, а дѣйствуютъ сами собой съ поспѣшностью и благоразуміемъ. При двухъ орудіяхъ достаточное число зарядовъ, но безъ ящиковъ; прочія пушки закрываютъ переправу; когда начнется дѣйствіе, имъ стрѣлать сильными холостыми зарядами. Строиться на горѣ фронтомъ, въ центрѣ два батальонные каре, по флангамъ оба батальона развернутымъ фронтомъ въ 6 шеренгъ; кавалерія назади. Переправа тремя линіями, въ третьей линіи конница. Судамъ возвращаться весьма поспѣшно и брать опять карабинеровъ съ казаками. Атаковать двумя линіями, безъ замедленія; быстро и мужественно; на горѣ остается одно каре съ частью кавалеріи. Если турки будутъ просить *аманъ*, то давать. Погоню за турками можно дѣлать конницѣ, только осторожно и не далеко.

Всего въ отрядѣ было пѣхоты 1,720, регулярной конницы 855, казаковъ 680, арнаутъ 100, но на ту сторону переправлено немного больше 2,500 человекъ, въ томъ числѣ часть спѣшенныхъ карабинеръ. Турокъ было свыше 4,000, въ двухъ лагеряхъ, усиленныхъ укрѣпленіями и батареями.

Незадолго до наступленія ночи отплыла первая линія судовъ, наша артиллерія открыла огонь и заставила турокъ очистить противоположный берегъ. Не обращая вниманія на непріятельскіе выстрѣлы, первая линія высадилась, построилась въ шестирядную колонну, взобралась на нагорный берегъ — и заставила турокъ бѣжать изъ малаго лагеря за оврагъ. Отсюда, пользуясь темнотою, они рассчитывали сдѣлать на русскихъ нечаянное нападеніе; но майоръ Ребокъ, согласно диспозиціи, двинулся впередъ, перешелъ два глубокіе оврага подъ сильнымъ огнемъ, и отбилъ поведенную на него яростную атаку турокъ. За оврагами находился ретраншаментъ, гдѣ турки сосредоточили свои силы; ими командовалъ главный начальникъ туртукайскаго отряда. Майоръ Ребокъ поднялся на брустверъ ретраншамента и ударилъ въ штыки. Произошла жестокая свалка; турки упорно держались 4 часа, дѣйствуя холоднымъ оружіемъ; почти всѣ русскіе офицеры были переранены. Наконецъ, послѣ колебаній

побѣды въ обѣ стороны, турки, несмотря на ихъ громадный перевѣсъ въ силахъ, были опрокинуты, благодаря энергіи, настойчивости и распорядительности Ребока. Два русскіе каре, выстроившіеся на горѣ и состоявшіе подъ начальствомъ полковника Батурина, не поддержали Ребока, какъ слѣдовало по диспозиціи, и тѣмъ едва не испортили все дѣло.

Суворовъ прибылъ со вторымъ отдѣленіемъ судовъ, что несомнѣнно понятно, ибо, послѣ происшествія 7 числа, ему слѣдовало самому руководить дѣломъ съ самаго начала. Правда, главная роль предоставлялась храброму Ребоку, и онъ оправдалъ довѣріе Суворова. Кромѣ того, большую важность имѣла своевременная переправа второго отдѣленія судовъ, и Суворовъ самъ хотѣлъ присмотрѣть за этимъ дѣломъ; однако, суда все-таки запоздали. Суворовъ тотчасъ подкрѣпилъ Ребока, добывавшаго турокъ, перестроилъ войска сообразно съ обстоятельствами и послалъ арнаутовъ и казановъ влѣво очистить лѣсъ отъ непріятеля, тревожить его съ тыла криками и увеличивать беспорядокъ, а самъ, въ ожиданіи третьей линіи судовъ съ конницей и артиллеріей, осматривалъ ближайшую мѣстность. Непріятель пытался-было помѣшать высадкѣ третьей линіи, но неудачно; прибывшіе ингерманландскіе карабинеры и казаки, при свѣтѣ давно уже наступившаго дня, помогли Суворову кончить дѣло. Турки принуждены были бросить свой второй, большой лагерь, находившійся у самаго берега Дуная, немного выше города, разными дорогами побѣжали въ Рушукъ и были преслѣдуемы версты пять.

Такъ кончился бой, начатый Ребокомъ и довершенный кавалеріей; даже не вся пѣхота была введена въ дѣло. Русскимъ досталось 14 мѣдныхъ пушекъ и 35 разныхъ судовъ, кромѣ большого количества харчевыхъ запасовъ, которые отданы войску. Турокъ легло около 800 человекъ, въ томъ числѣ начальникъ ихъ Физулла-Сары-паша, котораго свалилъ ординарецъ Суворова, сержантъ Горшковъ. Потерю русскихъ трудно опредѣлить съ точностію, по разнорѣчивости свѣдѣній; она во всякомъ случаѣ простиралась не меньше, какъ до 150 или до 200, убитыми и ранеными. Больше другихъ потерпѣлъ астраханскій пѣхотный полкъ.

Войска вели себя прекрасно, несмотря на то, что и въ пѣхотѣ, и въ казакахъ было много новобранцевъ. Суворовъ впрочемъ успѣлъ подучить ихъ на свой ладъ и очень хвалилъ Салтыкову поведеніе ихъ въ бою. Прощтрафилась немного часть карабинеръ, отправившись самовольно въ турецкій лагерь за добычей, но была проучена самими же турками. Суворовъ служилъ всѣмъ

образцомъ энергіи; будучи крайне истощенъ лихорадкой, онъ могъ двигаться не иначе, какъ съ помощью двухъ людей, поддерживавшихъ его подъ руки, и говорилъ такъ тихо, что при немъ находился офицеръ, для повторенія отдаваемыхъ имъ приказаній. Но въ немъ такъ былъ великъ перевѣсъ воли надъ физическою немощью, что подъ конецъ дѣла онъ сѣлъ на лошадь.

Къ вечеру того же дня, Суворовъ возвратился на свой берегъ, пославъ Салтыкову извѣстіе о побѣдѣ и отправивъ майора Ребока съ такимъ же донесеніемъ къ Румянцову.

Румянцовъ былъ очень доволенъ поискомъ на Туртукай, да и не могло быть иначе: дѣла его вообще шли не важно. Главныя силы переправились черезъ Дунай; Османъ-паша былъ разбитъ; важнѣйшее изъ передовыхъ укрѣпленій Силистрія взято, благодаря искусству и вѣрности взгляда Вейсмана; но Силистрія оказалась слишкомъ сильною и на овладѣніе ея надежды у главнокомандующаго почти не было. Силистріійскій гарнизонъ ожидалъ крупной помощи; графъ Салтыковъ на среднемъ и верхнемъ Дунаѣ ничего не дѣлалъ, несмотря на настойчивыя требованія Румянцова, во всемъ находилъ неодолимые затрудненія и турокъ отъ Силистріи не оттанулъ. Только второй поискъ Суворова на Туртукай и поверхность, одержанная надъ турками генераль-поручикомъ Каменскимъ въ тотъ же день при Журжѣ, прикрыли нѣсколько неспособность и сонливость Салтыковского командованія.

Тотчасъ послѣ туртукайскаго дѣла, Суворову пришлось, вслѣдствіе полученнаго приказанія, оставить временно свой постъ и идти въ Журжѣ съ флотиліею и своимъ отрядомъ на усиленіе Салтыкова. Онъ оставилъ въ Негоештахъ рекрутъ копорскаго полка, на люгерманландскій карабинерный полкъ возложилъ охраненіе Негоешти, Обилешти и всего пространства между этими пунктами и самъ отправился на лодкахъ вверхъ по Дунаю. Съ нимъ были астраханскій пѣхотный полкъ, батальонъ апшеронскаго полка и шесть орудій; астраханскіе карабинеры и казаки слѣдовали берегомъ. Въ боевыхъ припасахъ ощущался крайній недостатокъ, а между тѣмъ предстояло проходить мимо турецкаго лагеря, расположеннаго въ 12 верстахъ ниже Рушукъ. Это сильно озабочивало Суворова, и онъ писалъ Салтыкову: «не знаю, какъ мнѣ пройти варварскій лагерь; въ баталію вступать, особливо морскую (на водѣ), апетиту нѣтъ; ежели потребно (будетъ), ваше сіятельство мнѣ помогите». Вскорѣ онъ послалъ другое письмо; безпокоясь за свой районъ и за Бухарестъ, остав-

шіея почти безъ защиты, онъ писалъ: «прикажите ваше сіятельство, чтобы я со всею моею кучкою поворотилъ къ Негоештамъ; она не велика; человекъ съ сотню лучшихъ астраханскаго пѣхотнаго полка молодцовъ убыло, кромѣ больныхъ, да и пообезснѣли. Также надобно немножко выэкзерцировать, поразстроились... Вѣрьте, въ насъ вашему сіятельству прокъ не великъ, а во мнѣ и подавно; мнѣ надо выадоровѣть; придетъ чашотка—не буду годиться».

Волей-неволей Салтыкову пришлось исполнить просьбу Суворова: ингерманландскій полкъ понадобился на другія потребности и былъ снятъ въ тотъ самый день, 21 іюня, какъ Суворовъ вернулся къ устью Аржиша. Суворовъ получилъ приказаніе препятствовать сообщенію турокъ по Дунаю и грозить имъ новою экспедиціей, чтобы хоть нѣсколько отвлечь ихъ силы отъ Силистріи. Онъ принялся съ обычною горячностью и рвеніемъ строить укрѣпленія и батареи, исправлять флотилію, обучать подчиненныя войска. Дѣла было много, ибо опасность возрасла вслѣдствіе расширявшагося до Ликорештъ Суворовскаго района; турки могли легко прорваться во внутрь Валахія, еще легче потѣснить русскихъ за Негоешти и сжечь на Аржишѣ флотилію. Суворовъ доносилъ объ этомъ Салтыкову, но безъ всякаго успѣха; приходилось положиться на самого себя.

Къ этому времени на другихъ мѣстахъ театра войны совершались довольно важныя событія. Румянцовъ, угрожаемый турками съ тыла, стягивалъ войска обратно къ дунайской переправѣ и отрядилъ противъ угрожавшаго корпуса генералъ-маіора Вейсмана. Произошло 22 іюня сраженіе при Кучукъ-Кайнарджи; несмотря на огромный перевѣсъ, турки были разбиты. Но побѣда стала русскимъ тяжелою поразеніемъ: герой Вейсманъ былъ убитъ. Отражая атаки турокъ, онъ стоялъ въ шеренгѣ передняго фаса каре; пуля пробила ему руку, грудь и попала въ сердце. Падая, онъ успѣлъ только сказать: «не говорите людямъ». Но солдаты узнали про свое горе; ярость ихъ дошла до крайности: туркамъ уже не давали пощады и даже перекололи плѣнныхъ. Вейсманъ обладалъ крупными военными талантами и пользовался безграничнымъ довѣріемъ войскъ; имя его было самымъ популярнымъ въ рядахъ Румянцовой арміи. По складу своего военнаго дарованія, по неустрашимости, энергіи, вѣрности военнаго взгляда, онъ представлялъ много однороднаго съ Суворовымъ, и въ этомъ лежалъ бы залогъ его славной будущности, еслибы Богъ продлилъ его жизнь.

Вскорѣ Румянцовъ перешелъ обратно за Дунай, вслѣдствіе

изнуренія кавалеріи и затрудненій въ снабженіи ея фуражемъ. Стали ждать случая для рѣшительныхъ дѣйствій и принимали тѣмъ временемъ мѣры противъ наступательныхъ попытокъ непріятеля.

Укрѣпленія у Суворова росли, батареи воздвигались, флотилія увеличивалась, приходила въ порядокъ и крейсировала частями по Дунаю; партіи казаковъ безпрестанно переправлялись на турецкую сторону для поисковъ; войска то работали, то дѣятельно обучались. Особенное вниманіе Суворовъ обращалъ на рекрутъ и старался не выпустить ихъ изъ своихъ рукъ; въ этомъ желаніи сказывался военный педагогъ по призванію. Онъ пишетъ 22 іюня Салтыкову: «рекруты Мелина хороши, не забывайте ваше сіятельство: у меня побудутъ, лучше научатся и жить будетъ не хуже». Въ другомъ письмѣ его, отъ 27 іюня, читаемъ: «ладно, что копорская рекрутская команда будетъ въ полку, только бы ее тамъ поберегли отъ палокъ и чудесъ. Астраханскаго пѣхотнаго не велика, ее съ прочими въ полку тяжело опознать. Берегусь я, чтобы такихъ изъ рекрутъ въ командированіяхъ не отдѣлять, а съ прочими наравнѣ. Апшеронская рекрутская команда у маіора Теглева изъ 150 до 50 охворовала; онъ, можетъ быть, въ Бухарестѣ за дѣвушками ходилъ: изрядный подданный своей императрицы».

Не мудрено, что Суворовъ такъ безцеремонно отзывался о Теглевѣ; здоровье солдатъ было его конькомъ. Но былъ онъ недоволенъ не однимъ Теглевымъ. Онъ проситъ Салтыкова замѣнить нѣсколько штабъ-офицеровъ другими, ибо «одинъ неискусный, баламутитъ; другой недавно изъ колыбели»; Батурина проситъ взять прочь. Батуринъ былъ имъ назначенъ комендантомъ въ Негоешти, отпрашивался по болѣзни въ Бухарестъ и, не дождавшись разрѣшенія, уѣхалъ; Суворовъ требуетъ это дѣло изслѣдовать и «учинить сатисфакцію». Батуринъ оказался однако правымъ, ибо въ отсутствіе Суворова получалъ разрѣшеніе отъ старшаго по немъ, полковника князя Мещерскаго. Надо замѣтить, что Суворовъ пишетъ Салтыкову откровенно обо всемъ дурномъ, но не иначе, какъ письмами; въ официальныхъ же бумагахъ ничего подобнаго не говоритъ. Салтыковъ требовалъ отъ него формальнаго заявленія о негодности Батурина, но Суворовъ не согласился. Его понятія въ этомъ отношеніи мало отличались отъ ходячихъ, общепринятыхъ. Хотя въ позднѣйшую пору своей жизни онъ говаривалъ, что «служба и дружба—двѣ параллельныя линіи: не сходятся», однако, и теперь, и позже, незамѣтно для себя, не всегда держался этого положенія и часто

шелъ на компромиссы, въ смыслѣ примѣненія къ обстоятельствамъ. Въ настоящемъ случаѣ, явившись на Дунай человѣкомъ чужимъ, безъ поддержки, безъ знакомствъ и пріятелей, онъ старался утвердиться прежде всего на ногахъ, пустать корни въ почву и потому дорожилъ всѣмъ тѣмъ, что основывало его съ новой средой. Батурина былъ временнымъ начальникомъ поста, куда Суворовъ прибылъ изъ Петербурга, и командиромъ полка; съ нимъ Суворовъ находился въ добрыхъ отношеніяхъ; Батурина удалось даже оказать ему кое-какія услуги. Оттого Суворовъ пишетъ 28 іюня Салтыкову: «Батурина формально представлять — отъ меня не ставется: сердце не такое. Всякій полковникъ имѣетъ у себя многихъ пріятелей; такъ и онъ въ числѣ тѣхъ меня, что до партикулярности, по которой я имъ обязанъ; что же до субординаціи, я могу сказать, что онъ ее довольно наблюдалъ, кромѣ сего разу» (отъѣздъ въ Бухарестъ). Главною же виною Батурина Суворовъ считаетъ 17 число, когда онъ «своею храбростію надмевъ, распоровши диспозицію при началѣ, довольно было насъ всѣхъ опасности подвергъ, по малой мѣрѣ людей у насъ по-больше желаемого перепортили».

Для лучшаго уясненія этой, повидимому, двойственности въ поступкахъ Суворова, не мѣшаетъ имѣть въ виду его правило, присущее во всѣ времена многимъ начальникамъ и выражающееся избитою фразой: «не дѣлать человѣка несчастнымъ». Суворовъ отступалъ отъ этого принципа въ случаяхъ рѣдкихъ, когда правило оказывалось совсѣмъ неприменимымъ, напр., при захватѣ въ Польшѣ краковскаго замка непріателемъ въ 1772 году. Справедливо ли спасать отъ несчастья человѣка, который былъ и, впереди можетъ быть, причиною несчастья десятковъ, сотенъ, а иногда и тысячъ другихъ людей,—это другой вопросъ, притомъ вопросъ ума, тогда какъ желаніе не губить есть побужденіе сердца. Въ результатъ возни съ Батуринымъ оказалось, что въ августѣ 1773 года, когда вышло награжденіе отличившихся въ военныхъ дѣйствіяхъ орденомъ св. Георгія, 4-й классъ этого ордена получили и Ребокъ, и Батурина. Изъ краткаго изложенія въ указѣ отличій, за кои жалуются ордена, можно заключать, что Батурина получилъ георгіевскій крестъ за первое туртукайское дѣло, а Ребокъ за второе. Получилъ и Суворовъ такъ горячо имъ желанный 2-й классъ Георгія.

Іюля 7-го послѣдовало новое росписаніе полковъ по отрядамъ; Суворова назначили къ Потемкину. Новость эта его поразила, онъ принималъ свое перемѣщеніе за знакъ неудовольствія главнокомандующаго. Еще такъ недавно онъ, Суворовъ, тяго-

тисся своимъ бездѣйствиємъ и былъ недоволенъ своимъ положеніемъ; теперь освѣщеніе вдругъ перемѣнилось. «Громъ ударилъ, мнѣ сего не воображалось. Прошу иного, ваше сіятельство, можете ли помочь? Лишь бы только съ честью отсюда выйти. Всего основанія не знаю; больно!.. Будетъ ли по малой мѣрѣ мнѣ желаемое награжденіе? Не оставьте того, милостивый государь. Бѣгать за лаврами неровно, иногда и голову сломишь по Вейсманову, да еще хорошо, коли съ честью и пользой. Наконецъ и то выдти можетъ, что (если) не такъ, то такой какъ я, а что хорошо, то не я». Вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ отъ Румянцева извѣщеніе о назначеніи его въ главные силы. Собираясь 11-го числа уѣзжать, онъ написалъ графу Салтыкову послѣднее, прощальное письмо, а Румянцову донесъ, что будетъ немедленно.

Въ отношеніяхъ Суворова къ Салтыкову не замѣчалось видимому ничего дурного, но они не были искренни и дѣйствительно хороши. Суворовъ былъ требователенъ и въ требованіяхъ своихъ настойчивъ; неспособность Салтыкова была ему въ глаза, и онъ не сдерживалъ языка, не скупился на ироническія выходы и остроты. Многіе писатели упоминаютъ про одну его злую насмѣшку, передавая ее различно. Кажется, сарказмъ состоялъ въ томъ, будто «Каменскій знаетъ военное дѣло, но оно его не знаетъ; Суворовъ не знаетъ военнаго дѣла, да оно его знаетъ, а Салтыковъ ни съ военнымъ дѣломъ незнакомъ, ни самъ ему неизвѣстенъ». Услужливые люди передавали Салтыкову подобные отрывы Суворова и черезъ то отношенія между начальникомъ и подчиненнымъ, конечно, не выигрывали. Въ числѣ такихъ людей генералъ-поручикъ Каменскій занималъ не послѣднее мѣсто. Не любя Суворова, онъ въ то же время козоль нмъ Салтыкова. Въ одномъ приличномъ, но довольно ядовитомъ письмѣ къ послѣднему, онъ забавляется на счетъ второй туртукайской побѣды Суворова и бездѣствія самого Салтыкова. Въ другомъ, по случаю состоявшагося перевода Суворова, Каменскій пишетъ, что вѣроятно онъ, графъ Салтыковъ, доволенъ этой перемѣной, «ибо не знаю, кто изъ васъ двухъ былъ въ Негоешти начальникомъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Суворовъ сталъ посылать донесенія прямо фельдмаршалу».

Уѣзжая, Суворовъ оставлялъ свой постъ въ превосходномъ состояніи. Флотилія доведена была до 101 судна разной величины, способныхъ поднять 5,500 человекъ пѣхоты и 1,500 конницы. Даже Каменскій не могъ не отдать ему въ этомъ отношеніи справедливости и еще въ половинѣ іюня писалъ Салтыкову, что напелъ флотилію и укрѣпленія въ такомъ состояніи, что и

не воображалъ и что Суворовъ видимо очень много потрудился. Нѣтъ сомнѣнія, что Суворовъ еще больше потрудился по обученію войскъ, — предметъ, который современные генералы не могли оцѣнить въ надлежащей мѣрѣ. Вообще же онъ доказалъ на своемъ дунайскомъ посту, что умѣя побѣждать непріятеля въ бою, умѣеть и обезпечивать побѣду заранее.

Немедленно отправиться къ Румянцову, Суворову однако не удалось. Сходя по наружной лѣстницѣ негоешитскаго монастыря, мокрой отъ недавняго дождя, онъ, будучи нетвердъ на ногахъ отъ туртукайской раны, поскользнулся и упалъ на спину. Ушибъ и сотрясеніе были такъ сильны, что Суворовъ едва дышалъ, и его принуждены были отвезти въ Бухарестъ; только послѣ двухъ-недѣльнаго леченія могъ онъ отправиться къ главнымъ силамъ.

Главнокомандующій оцѣнилъ службу Суворова и понялъ, что онъ одинъ можетъ замѣнить Вейсмана. Русскія войска занимали въ это время по ту сторону Дуная единственный постъ, Гирсово, который очень стѣснялъ Турокъ и потому былъ уже предметомъ двукратныхъ ихъ покушеній. Здѣсь предполагалось вторично перенести рѣшительныя дѣйствія на тотъ берегъ; по близости, при устьѣ Яломицы, расположились главныя силы русскихъ. На этотъ-то постъ и назначилъ Румянцовъ Суворова. Онъ писалъ Суворову 4-го августа, что, надѣясь на его извѣстное искусство, предоставляетъ ему охраненіе и оборону Гирсова, не стѣсняя подробно инструкціей, какъ генерала, отличающагося военными достоинствами. Почти во всѣхъ другихъ своихъ ордерахъ, Румянцовъ называетъ Суворова искуснымъ и благо-разумнымъ генераломъ и доноситъ 8-го августа императрицѣ, что «важный гирсовскій постъ поручилъ Суворову, во всякому дѣлу свою готовность и способность подтверждающему».

Повидавшись съ главнокомандующимъ и получивъ отъ него наставленіе, Суворовъ отправился въ Гирсово. Онъ долженъ былъ высылать оттуда развѣды и, при случаѣ, предпринять поискъ во внутрь непріятельскаго расположенія, оттягивая на себя турецкія силы и ослабляя ихъ на верхнемъ и нижнемъ Дунаѣ. Гирсовскій отрядъ обязанъ былъ сохранять тѣсныя сношенія съ генераломъ Унгерномъ, который готовился къ поиску, въ случаѣ надобности помочь ему и даже соединиться съ нимъ для общихъ наступительныхъ дѣйствій. Въ распоряженіе Суворова была еще отдана бригада генералъ-маіора Милорадовича, стоявшая при устьѣ Яломицы, которую онъ во всякое время имѣлъ право притянуть къ себѣ.

Прибывъ въ Гирсово, Суворовъ осматривалъ въ подробности

свой постъ и напелъ, что онъ недостаточно обезпеченъ отъ турецкихъ покушеній. Первымъ дѣломъ онъ назначилъ мѣста для дополнительныхъ укрѣпленій и приказалъ ихъ насыпать, а также исправлять крѣпостные верки; затѣмъ составилъ планъ обороны, сводившійся къ тому, чтобы обомъ отрядамъ, Унгерна и Суворова, атаковать турокъ при Карасу. Руманцовъ, болѣе опытный и менѣе рѣшительный, не одобрилъ предположеній Суворова, а между тѣмъ, еслибъ они были приведены въ исполненіе тогдѣ же, то турецкій корпусъ подѣ Карасу былъ бы разбитъ, ибо считалъ въ своихъ рядахъ не свыше 10,000 человекъ, какъ впоследствии оказалось.

Ожидая непріятельскаго наступленія отъ Карасу, Суворовъ въ концѣ августа пританулъ къ Гирсову бригаду Милорадовича и въ своемъ расчетѣ не ошибся. Возводимыя укрѣпленія были еще далеко не окончены, какъ въ ночь на 3-е сентября, въ 20 верстахъ отъ Гирсова, показалась турецкая конница. Утромъ турки усилились и потѣснили передовые посты; къ полудню непріятель былъ на пушечный выстрѣлъ отъ Гирсова. Суворовъ не хотѣлъ его атаковать тогдѣ же, а думалъ приманить поближе, для чего и выказывалъ разные признаки своей слабости; но въ крѣпости не вытерпѣли, открыли огонь слишкомъ рано. Турки попятились. Суворовъ выславъ казаковъ, приказавъ имъ завязать перестрѣлку. Болѣе часа продолжалась перестрѣлка; турки понемногу подвигались впередъ. Чтобы приманить ихъ, Суворовъ приказалъ казакамъ отступать не торопясь, а потомъ вдругъ, какъ будто въ паническомъ страхѣ, удариться въ бѣгство.

Какъ только казаки очистили поле, турки стали развертывать свои силы и строиться. Зрѣлище было необычное; сражавшіеся до сей поры нестройными толпами и кучами, мусульмане выстроились въ три линіи, на европейскій ладъ, и въ порядкѣ двинулись впередъ. Таковъ былъ результатъ недавнихъ уроковъ французскихъ офицеровъ, но онъ не послужилъ туркамъ въ прокъ. Суворовъ смотрѣлъ на маневрирующаго непріятеля, указывалъ его своимъ приближеннымъ и смѣлся.

Турецкая пѣхота подошла къ гирсовскимъ укрѣпленіямъ версты на двѣ, но русская артиллерія молчала; даже на передовомъ редутѣ, который могъ бы давно открыть пальбу, не было видно людей. Турки прибавили шагъ, повернули направо, примкнули правымъ флангомъ къ рѣчкѣ Боруй и приняли положеніе, параллельное Дунаю. Тутъ они поставили батарею и открыли огонь по ближайшему изъ трехъ русскихъ укрѣпленій. Шанецъ, имѣвшій маскированныя амбразуры, не отвѣчалъ; турки разсы-

пали часть своей пѣхоты и стали подходить. Окруживъ шанецъ со всѣхъ сторонъ, они приблизились на половину картечнаго выстрѣла и мгновенно бросились въ атаку. Нападеніе было такое быстрое, что Суворовъ, находившійся внѣ укрѣпленія для наблюденій, едва успѣлъ спастись внутрь. Атакующихъ встрѣтилъ жестокой картечный огонь, но они все-таки успѣли добратъ до самаго палисада.

Бригада Милорадовича изъ сѣвскаго и 2-го московскаго полковъ, весьма слабого состава, командуемая по болѣзни бригаднаго командира полковникомъ княземъ Мочеловымъ, стояла за рѣчкою Боруй. Какъ только турки, атакующіе шанецъ, не выдержавъ огня, побѣжали назадъ къ своей батарее, — Мочеловъ перебрался чрезъ Боруй и двумя кареями двинулся противъ праваго фланга и центра непріятельскаго расположенія. Вслѣдъ затѣмъ на лѣвый турецкій флангъ направился изъ освободившагося отъ атаки шанца 1-й московскій полкъ. Такимъ образомъ произведена общая на турокъ атака. Турки особенно дорожили своимъ правымъ флангомъ и держались тутъ упорно, такъ-что сбить ихъ съ высоты удалось послѣ многихъ усилій и большихъ потерь, да и затѣмъ, пользуясь пересѣченною мѣстностью, непріятель старался удержаться въ оврагахъ и ущельяхъ, откуда русскія войска должны были его выбивать послѣдовательно. Лишь потерявъ послѣднюю надежду на успѣхъ, правый флангъ турокъ пустился на утѣкъ, бросивъ свою батарею. Войска центра и лѣваго фланга, атакующія русскими и отрѣзанныя отъ своего праваго фланга, также принуждены были уступить, и бѣгство турокъ сдѣлалось общимъ.

Суворовъ послалъ гусаръ для преслѣдованія бѣгущихъ, а вслѣдъ за ними двинулся самъ съ частью пѣхоты. Но пѣхота не могла догнать непріятеля, бѣжавшаго безъ оглядки и бросающаго на пути всякую лишнюю тяжесть, даже одежду. Пѣхота возвратилась въ Гирсово, а гусары съ казаками гнали непріятеля еще верстъ 30, и именно во время своего бѣгства турки потеряли особенно много людей убитыми и ранеными. Гусары должны были прекратить преслѣдованіе за крайнимъ изнуреніемъ лошадей, казаки же продолжали почти всю ночь тревожить непріятеля.

Наблюдая турокъ утромъ, до сраженія, Суворовъ опредѣлялъ ихъ численность въ 10—12 тыс. человекъ; плѣнные показали 10,000. Убитыхъ сосчитано свыше 1,100, но въ дѣйствительности потеря турокъ превосходила эту цифру, такъ какъ въ бурьянѣ и въ оврагахъ валялось много тѣлъ, которыя не

были видны. Орудій взято 7 и почти весь обозъ съ провіантомъ и другимъ имуществомъ. Съ нашей стороны боевыя силы были гораздо меньше, хотя частей войскъ у Суворова было не мало, но половина ихъ отличалась чрезвычайно слабымъ составомъ, такъ, напр., въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ состояло въ строю не больше 200 пѣхотниковъ. Общее число войскъ Суворова едва ли превосходило многими 3,000 человекъ; изъ нихъ убитыхъ и раненыхъ насчитывали нѣсколько меньше 200.

Румянцовъ приказалъ отслужить во всей арміи благодарственный молебенъ и 5-го числа написалъ Суворову: «за побѣду, въ которой признаю искусство и храбрость предводителя и мужественный подвигъ вѣранныхъ вамъ полковъ, воздайте похвалу и благодареніе именемъ моимъ всѣмъ чинамъ, трудившимся въ семъ дѣлѣ».

Излагая вкратцѣ гирсовское дѣло въ своей автобіографіи ¹⁾, Суворовъ говоритъ, что дальнѣйшія подробности извѣстны по реляціямъ, «въ которыя онъ мало вникалъ и всегда почиталъ дѣло лучше описанія». При этомъ онъ обращаетъ вниманіе начальниковъ на слѣдующій фактъ: у князя Мочемелова изъ 100 раненыхъ солдатъ ни одинъ не умеръ, до того былъ попечителенъ о своихъ людяхъ этотъ достойный начальникъ. Такое замѣчаніе есть характерная черта, противорѣчащая многимъ ходячимъ о Суворовѣ мнѣніямъ, особенно нѣкоторыхъ изъ его современниковъ.

Суворовъ надолго остался безъ дѣла и продолжалъ сидѣть въ Гирсовѣ даже съ наступленіемъ зимы. Румянцовъ, назначая его въ Гирсово, приказалъ заняться постройкою помѣщеній для войскъ, но въ ноябрѣ получилъ доносъ, будто Суворовъ только для себя построилъ землянку, а войска остаются безъ крова. Румянцовъ велѣлъ Потемкину изслѣдовать это дѣло и принять мѣры къ исполненію давно отданнаго приказанія. Остается неизвѣстнымъ, что нашелъ Потемкинъ; по всей вѣроятности, доносъ оказался ложнымъ. Въ августѣ и, можетъ быть, сентябрѣ у Суворова была настоящая забота о приведеніи гирсовскаго поста въ надежное оборонительное состояніе, но затѣмъ и начальникъ, и войска оставались безъ дѣла. Такое бездѣйствіе прямо противорѣчило основнымъ правиламъ Суворова, считавшаго постоянный солдатскій трудъ совершенною необходимостью, а заботливость о здо-

¹⁾ Подъ этимъ заглавіемъ издана въ 1848 году брошюра, гдѣ напечатано прошеніе Суворова въ московское дворянское депутатское собраніе о внесеніи его въ дворянскую родословную книгу. Здѣсь онъ довольно подробно излагаетъ свою службу до времени подачи прошенія.

ровѣ войскъ, постоянно ему присущая, не позволяеть допустить мысли объ оставленіи солдатъ безъ крова.

Безцѣльная и безплодная кампанія 1773 года окончилась. Переходъ черезъ Дунай не повелъ ни къ какимъ серьезнымъ результатамъ; надежды и ожиданія императрицы остались неисполненными. Суворову нечего было дѣлать въ арміи съ наступленіемъ зимы; въ ноябрѣ или въ началѣ декабря онъ, съ разрѣшенія главнокомандующаго, уѣхалъ въ отпускъ въ Москву, на короткое время. Его однако задержало тутъ обстоятельство совершенно особаго рода—онъ женился, а потому поѣхалъ въ обратный путь лишь во второй половинѣ февраля. Впрочемъ къ началу кампаніи 1774 года онъ все-таки не опоздалъ; жена осталась въ Москвѣ.

Предположенія Румянцова на этотъ годъ состояли въ томъ, чтобы перенести дѣйствія за Дунай и проникнуть до Балканъ. Императрица одобрила его мысли и указала ему на необходимость рѣшительныхъ наступательныхъ операцій, дабы какъ можно скорѣе окончить войну. Рано открыть кампанію оказалось, однако, невозможнымъ: стояла сильная стужа, рекруты не прибыли, предметы обмундированія и снаряженія не успѣли дойти. А между тѣмъ султанъ умеръ, на престолъ вступилъ его братъ Абдулъ-Гамидъ, который хотя тоже повелъ гаремную жизнь, но считъ долгомъ сдѣлать воинственное воззваніе къ подданнымъ, и турки, по полученнымъ свѣдѣніямъ, готовились перейти Дунай для наступательныхъ дѣйствій. Румянцовъ рассчитывалъ открыть кампанію въ началѣ мая; главныя его силы должны были собраться къ Браилову; для праваго крыла генералъ-поручикъ князя Репнина сборнымъ пунктомъ указана Слободзея; лѣвому крылу, Каменскаго, Измаилъ; резерву, подъ начальствомъ Суворова, уже прибывшаго къ арміи, устье р. Ялومیцы. Отрядъ графа Салтыкова оборонялъ Банатъ, защищалъ верхній Дунай и охранялъ Журжу.

Суворовъ долженъ былъ охранять Гирсово, наблюдать за Силистріей и вступить въ сношеніе съ Каменскимъ для совокупныхъ дѣйствій. Румянцовъ предоставилъ имъ самимъ и время, и направление ихъ операцій, а также рѣшеніе вопроса—выступитъ имъ дѣйствовать или порознь. Они съѣхались и положили: не дѣлая попытокъ ни на Варну, ни на Силистрію, постараться разбить непріятеля въ полѣ, для чего и произвести общее наступленіе къ Базарджикъ, а потомъ къ Козлуджи. Румянцовъ одобрилъ планъ, измѣнивъ лишь нѣкоторыя подробности; между прочимъ Каменскій долженъ былъ направиться отъ Карасу къ

Базарджику, а Суворовъ идти параллельно съ нимъ, прикрывая его со стороны Силистріи. Впрочемъ Румянцовъ снова предоставилъ имъ дѣйствовать по усмотрѣнію, но съ тѣмъ, чтобы въ спорныхъ вопросахъ первенство принадлежало Каменскому, какъ старшему. Давидъ Репнина получила приказаніе — въ случаѣ требованія Суворова, идти къ нему на помощь за Дунай.

Мы подошли теперь къ событію, по поводу котораго не лишнее будетъ припомнить, что всякое дѣло имѣетъ свою личную и свою оборотную сторону, и судить о немъ по одной первой нельзя. Въ особенности это приложимо къ войнѣ, гдѣ возбуждены страсти; сильнѣе, чѣмъ когда-либо, дѣйствуютъ зависть, честолюбіе, самолюбіе; гдѣ рискуешь очень многимъ, но за то можешь и выиграть очень многое. Тутъ почти каждый обнаруживается, самъ того не замѣчая, и самыя выгодныя, и самыя невыгодныя свои качества; рѣдко кто сохраняетъ свой нормальный средній уровень, потому что находится въ положеніи ненормальномъ. Подобныя крайности, преимущественно въ дурную сторону, значительно сглаживаются на лицевой, т.-е. официальной оболочкѣ дѣла, а иногда и вовсе на ней не выступаютъ. Даже при политическихъ переворотахъ, когда мысль и слово получаютъ полную свободу, и тогда официальная сторона войны остается все-таки лицомъ и скрываетъ подъ собою мало похожую на лицо изнанку. Оттого исторія военного времени, особенно въ случаяхъ острыхъ, не можетъ ограничиться одними официальными данными, если она, какъ и должно быть, хочетъ изобразить живую правду.

Въ сраженіи при Козлуджи, къ которому теперь переходитъ, обратная сторона расходится съ лицевой, казовой, причемъ официальное изображеніе дѣла противорѣчитъ истинѣ, кромѣ разлѣ техническихъ подробностей, да и то не безусловно.

Каменскій выступилъ къ Базарджику; Суворовъ долженъ былъ выступить туда же 28 мая, но поджидая нѣкоторыхъ не прибывшихъ полковъ, тронулся лишь 30 числа, донесъ Румянцову о причинѣ замедленія. Пошелъ онъ не по условленной дорогѣ, а по другой, будто бы болѣе удобной, которая, однако же, оказалась очень дурной. Поджиданіе войскъ могло быть дѣйствительно резонномъ для замедленія, но неувѣдомленіе Каменскаго объ измѣненіи маршрута было поступкомъ неизвинительнымъ. Каменскій донесъ Румянцову, что Суворовъ неизвѣстно гдѣ находится, поступаетъ какъ независимый отъ него, Каменскаго, генералъ и его распоряженій не слушаетъ. Главнокомандующій послалъ отыскать Суворова и замѣтилъ Каменскому, что онъ,

Каменскій, самъ имѣетъ всѣ способы заставить Суворова повиноваться. Во всемъ этомъ прежде всего виновать Румянцовъ, не подчинившій Суворова Каменскому прямо и безусловно; если же онъ сдѣлалъ это изъ желанія воспользоваться дарованіями Суворова, то не слѣдовало ставить его и въ условную зависимость отъ Каменскаго.

Каменскій, послѣ удачнаго дѣла, занялъ Базарджикъ 2 іюня и перешелъ въ деревню Юшенли 9 числа, чтобы вести оттуда наступленіе къ Шумлѣ; вскорѣ прибылъ туда и Суворовъ, выступившій съ ночлега въ часъ ночи. Онъ тотчасъ же отправился съ кавалерією и арнаутами на рекогносцировку, какъ утверждаетъ очевидецъ, противъ воли Каменскаго. Одновременно съ наступленіемъ русскихъ, но ничего про него не зная, визирь надумалъ сдѣлать поисекъ къ Гирсову, что и возложилъ на рейс-эфенди Абдуль-Разака и на янычарскаго агу, съ 40,000-мъ корпусомъ. Они выступили изъ Шумлы и прибыли къ Козлуджи въ тотъ самый день, какъ Каменскій двинулся изъ Базарджика. Такимъ образомъ 9 іюля и русскіе, и турки находились недалеко другъ отъ друга, сами того не подозревая; ихъ раздѣлялъ густой лѣсъ, чрезъ который пролегала одна узкая, дурная дорога. Казаки и часть регулярной кавалеріи Суворова углубились по этой дорогѣ въ лѣсъ для развѣдокъ, наткнулись на турецкіе развѣзды и взяли въ плѣнъ генераль-квартирмейстера съ нѣсколькими офицерами, но затѣмъ должны были ретироваться. Ихъ поддержали, и они снова вступили въ лѣсъ; слѣдомъ двинулся Суворовъ съ частью пѣхоты, но турецкій авангардъ опять опрокинулъ русскую кавалерію и съ большой горячностью, внезапно, атаковалъ пѣхоту. Самъ Суворовъ едва не попался въ руки неприятелю, и только благодаря быстротѣ своего коня, успѣлъ ускорять отъ гнавшагося за нимъ спага. Русскіе пострадали при этомъ порядочно; албанцы, захвативъ довольно значительное ихъ число, отрубали имъ головы и продолжали вести атаки съ яростью и громкими криками. Русскіе отступали, положеніе ихъ становилось опаснымъ, такъ какъ турки видѣли уже въ своихъ рукахъ побѣду, а при такихъ обстоятельствахъ они дѣйствуютъ съ большою смѣлостью и энергіей.

Тѣмъ временемъ прибыли во входу въ лѣсъ два пѣхотные полка бригадира князя Мочемелова, въ томъ числѣ суздальскій, построились въ одно общее каре и открыли сильный огонь. Албанцы продолжали упорствовать въ своихъ атакахъ, но не долго; затѣмъ остановились и, наконецъ, перешли въ отступление.

Замѣтивъ это, когда пороховой дымъ разсѣялся, Суворовъ

двинулся впередъ. Лѣсная дорога оказалась загроможденной брошенными турецкими обзовами, волами, трупами убитыхъ людей. Стояла страшная жара, а войска Суворова съ ночлега ничего не ѣли, и лошади не были напоены. Турки останавливались и переходили въ наступленіе, такъ-что слѣдовавшая въ русскомъ авангардѣ кавалерія генерала Левиса, присланная Каменскимъ, временами должна была прибѣгать къ защитѣ пѣхоты, а пѣхота лишь на лужайкахъ имѣла возможность нѣсколько развертываться. Войска были въ изнеможеніи; многіе солдаты умерли на пути отъ крайняго истощенія силъ.

Такимъ образомъ около 9 верстъ двигался впередъ Суворовъ, пока достигъ, наконецъ, выхода изъ лѣса. Въ этотъ моментъ разразился ливень, что нѣсколько освѣжило наши истомленные войска, а туркамъ послужило въ ущербъ, потому что ихъ длинная и широкая одежда намокла, стала для движеній тяжела и неудобна, и находившіеся въ карманахъ патроны подмокли.

На 8 или 9-верстной полянѣ, передъ Ковлуджи, стояла на высотахъ турецкая армія, и были устроены батареи, которыя тотчасъ же и открыли огонь. Суворовъ быстро построилъ войска нѣсколькими разной величины кареями, въ двухъ боевыхъ линіяхъ, съ кавалеріею преимущественно по флангамъ. Легкія войска неотступно слѣдовали за непріятельскимъ авангардомъ, взошли на высоты и завязали перестрѣлку, но были сбиты, и турки повели стремительную атаку противъ двигавшихся впередъ главныхъ силъ Суворова. Атака была отбита, но повторена послѣдовательно нѣсколько разъ; туркамъ удавалось прорывать атакованные каре, которые поэтому поразстроились, однако, всѣ атаки отбили. Для поддержанія атакуемыхъ, значительная часть кавалеріи переведена на лѣвый флангъ и разстроенныя каре подкрѣплены пѣхотой съ праваго фланга и изъ второй линіи. Въ такомъ порядкѣ Суворовъ продолжалъ наступленіе, хотя полевая артиллерія не успѣла еще подойти, задержанная трудною лѣсною дорогой. На полянѣ находилось до 8,000 нашихъ войскъ; прочія, большая часть войскъ Каменскаго, еще не подошли и прибыли къ полю сраженія по окончаніи боя, — одинъ полкъ въ тотъ же вечеръ, остальные на слѣдующее утро.

Поляна представляла собою мѣстность неровную, покрытую кустарникомъ; передъ фронтомъ турецкаго лагеря тянулась лощина. Подойдя къ этой лощинѣ, Суворовъ выставилъ подоспѣвшія къ тому времени 10 полевыхъ орудій, въ продолженіе нѣкотораго времени обстрѣливалъ лагерь и затѣмъ повелъ атаку, съ кавалеріею впереди.

Въ турецкомъ лагерѣ господствовалъ совершенный хаосъ, результатъ быстрого перехода отъ напряженного одушевленія къ отчаянію. Рейсъ-эфенди старался привести свои разстроенныя войска въ порядокъ, но никто и не думалъ слушаться. Одни обрубали построения у артиллерійскихъ лошадей, чтобы добыть себѣ коней для бѣгства; другіе съ этою же цѣлію стрѣляли во всадниковъ, одинъ выстрѣлилъ даже въ самого рейсъ-эфенди. Въ разгаръ этой суматохи раздались выстрѣлы русской артиллеріи, и ядра стали ложиться въ лагерѣ. Тогда смятеніе мусульманъ дошло до послѣдняго предѣла; брошены палатки, орудія, обозъ, и все устремилось въ бѣгство въ разныя стороны.

При закатѣ солнца, Суворовъ безпрепятственно занялъ турецкій лагерь. Добыча досталась войскамъ очень большая, вмѣстѣ съ трофеями, состоявшими изъ 29 орудій и 107 знаменъ. Потери турокъ людьми исчисляется различно; самый умѣренный счетъ показываетъ 500 убитыхъ и 100 плѣнныхъ, но судя по упорству и продолжительности боя, истинная цифра должна быть выше. Уронъ русскихъ опредѣляется слишкомъ въ 200 человекъ убитыхъ и раненыхъ, но это исчисленіе слѣдуетъ признать также ниже дѣйствительности.

Несмотря на крайнее утомленіе войскъ, Суворовъ съ кавалеріею и частью пѣхоты преслѣдовалъ турокъ, пока пала ночь. Въ этотъ трудный день онъ былъ все время на конѣ, часто въ огнѣ и даже въ ручномъ бою.

Въ такомъ видѣ представляется дѣло при Козлуджи, насколько возможно добиться истины изъ сопоставленія разныхъ авторовъ съ офиціальнымъ донесеніемъ. Самъ Суворовъ въ своей автобіографіи говоритъ: «ни за реляцію, ниже за донесеніе свое я по слабости своего здоровья не отвѣчаю». Резонъ, конечно, натянутый и даже забавный, но вѣрно то, что слава побѣды принадлежитъ Суворову. Каменскій только содѣйствовалъ успѣху и притомъ въ ограниченномъ размѣрѣ; главной роли, которая ему принадлежала по праву, не имѣлъ и былъ, такъ сказать, втиснутъ Суворовымъ къ второстепенному участию въ дѣлѣ. Суворовъ видимо уклонялся отъ своего зависимаго положенія, тѣмъ болѣе тяготясь имъ, что недавно, въ мартѣ, былъ произведенъ въ генераль-поручики, т.-е. состоялъ въ одномъ чинѣ съ Каменскимъ, который самъ получилъ это повышеніе лишь въ прошломъ году. Какъ ни мелкимъ кажется это обстоятельство въ примѣненіи къ такому крупному человѣку, какъ Суворовъ, но значеніе чина въ военной службѣ настолько велико, что имъ дорожить каждый. А для Суворова значеніе чина было больше,

чѣмъ для кого другого, потому что военно-іерархическая лѣстница служила ему препятствіемъ къ приложенію его дарованій въ широкомъ размѣрѣ, и это препятствіе неудержимо понуждало его искать выхода изъ подчиненія начальникамъ неспособнымъ или меньше его способнымъ. А кто же былъ способенъ не только больше, но и наравнѣ съ Суворовымъ?

Едва ли нужно доказывать, что выходы Суворова по отношенію къ Каменскому заслуживаютъ полного осужденія. Онъ грѣшилъ противъ самого себя; его поведеніе прямо противорѣчило принципамъ, на которыхъ онъ самъ строилъ образованіе и воспитаніе войскъ и служило дурнымъ примѣромъ для другихъ. Онъ доказывалъ осязательно, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ нисколько не возвышается надъ общимъ уровнемъ и что дисциплина въ высшихъ рядахъ русской арміи заставляетъ еще желать многого. Не было ли въ самомъ дѣлѣ одинаковымъ тому доказательствомъ и неоднократное неисполненіе графомъ Салтыковымъ распоряженій главнокомандующаго, и поведеніе Суворова относительно Каменскаго? Грѣхъ дѣйствительно существовалъ, и если смотрѣть на дѣло глазами безпристрастнаго современника, то Суворовъ подлежалъ строгому осужденію, если не юридическому, ради одержанной имъ побѣды, то, по крайней мѣрѣ, нравственному.

Но такому приговору не можетъ быть мѣста теперь, черезъ сотню слишкомъ лѣтъ. Столкнулись двѣ неподатливыя натуры. Крутой, горячій до неистовства, неуступчивый Каменскій обладалъ недюжиннымъ умомъ и военнымъ дарованіемъ; онъ не могъ въ глубинѣ души не признавать въ Суворовѣ большого надъ собой превосходства и чувствовалъ къ нему затаенную зависть. Суворовъ былъ одаренъ качествами, не только не смягчающими жесткія проявленія натуръ въ родѣ Каменскаго, но скорѣе ихъ раздражающими. Столкновеніе должно было произойти и произошло. Но отъ него никто не пострадалъ, кромѣ военнослужебнаго принципа, а дѣло выиграло. Нисколько не вдаваясь въ празныя предположенія, можно сказать, что Каменскій не въ состояніи былъ бы такъ повести и кончить дѣло при Козлуджи, какъ Суворовъ, и что побѣда эта есть именно продуктъ личныхъ Суворовскихъ качествъ. Несправедливо говорятъ нѣкоторые, будто Суворовъ былъ увлеченъ въ самомъ началѣ своею запальчивостію; недостатокъ этотъ въ немъ несомнѣненъ, но въ настоящемъ случаѣ дѣйствовала не запальчивость, а желаніе — найти, настигнуть и разбить турокъ самому, не уступая этой славы Каменскому. Потомство не можетъ ставить въ упрекъ Су-

ворову такіа побужденія. Если все покрываетъ и извиняетъ достигнутый успѣхъ, даже случайный, то тѣмъ менѣе мы имѣемъ права быть строгими въ виду побѣды не случайной, а составляющей звено въ побѣдной цѣпи. Если въ человѣкѣ есть непоколебимая увѣренность въ своемъ побѣдномъ призваніи и увѣренность эта подтвердилась всѣмъ его поприщемъ, то въ случаѣ, подобномъ настоящему, судъ потомства измѣняетъ критерій суда современнаго, и приговоръ выходитъ другой. Современники еще не видѣли и не могли видѣть, что полководцевъ, подобныхъ Каменскому, встрѣчаются въ военной исторіи сотни, а такихъ, какъ Суворовъ,—единицы. Мы это видимъ и потому прилагать къ первымъ и вторымъ одну и ту же мѣрку сужденія не можемъ; это было бы узкимъ доктринерствомъ, которое существуетъ во всѣ времена естественно и логично, но въ приговоры исторіи не переходитъ.

Легко себѣ представить, какъ недоволенъ былъ Каменскій самовольными поступками Суворова. Представляя реляцію о козлуджинской побѣдѣ и рекомендуя наиболѣе отличившихся, Каменскій въ особенности хвалилъ Суворова; но это доказываетъ лишь сказанное выше, т.-е. что официальное изображеніе военныхъ дѣйствій иногда только силится прикрыть настоящую дѣйствительность. Да и какъ было Каменскому не выставить Суворова, когда именно Суворовъ и одержалъ побѣду? Обратная сторона медали осталась невидна и сказала въ томъ, что Каменскій и Суворовъ остались на всю жизнь если не врагами, то, по крайней мѣрѣ, въ отношеніяхъ непріязненныхъ; признаки этого обнаруживаются даже черезъ 25 лѣтъ, въ 1799 г. Находиться въ подчиненномъ у Каменскаго положеніи Суворовъ больше уже не могъ и въ скоромъ времени уѣхалъ въ Бухарестъ. Но по его отъѣзду случилось обстоятельство, повидимому незначительное, на самомъ же дѣлѣ заслуживающее вниманія и изслѣдованія.

Послѣ рѣшительной побѣды при Козлуджѣ, наступленіе въ Шумлу было самымъ естественнымъ и настоятельнымъ шагомъ, особенно въ виду паники, которой отдавались турки послѣ важнаго значительнаго пораженія. Къ тому же, какъ вскорѣ оказалось, изъ Шумлы были высланы къ Козлуджѣ почти всѣ значныя силы, которыя и разсѣялись послѣ 9-го іюня въ разныя стороны, и нодъ Шумлою визирь оставался всего съ 1,000 чело-вѣкъ. Наступленіе, однако, не было предпринято русскими; они остались не вдалекѣ отъ Козлуджи въ продолженіе шести дней, по причинѣ чрезвычайно трудныхъ дорогъ и недостатка

провіанта, котораго имѣлось лишь до 1-го іюля. Обстоятельства эти представлялись настолько важными, что Каменскій собралъ военный совѣтъ изъ 6 подчиненныхъ генераловъ; въ числѣ ихъ былъ и Суворовъ. Совѣтъ постановилъ—дать на 6 дней войскамъ отдыхъ, въ ожиданіи подвоза провіанта, а потомъ отступить за позицію между Шумлой и Силистріей, чтобы отрѣзать послѣднюю отъ сообщеній со внутренностью страны и содѣйствовать переправившемуся тогда черезъ Дунай главнокомандующему.

Графъ Румянцовъ былъ возбужденъ такимъ рѣшеніемъ, что и высказалъ Каменскому довольно откровенно. «Не дни да часы, а и моменты въ такомъ положеніи дороги», писалъ онъ 13-го іюня: «недостатокъ пропитанія не можетъ служить извиненіемъ, ибо отъ васъ же зависѣло отвратить оный».

Все это по отношенію къ Суворову не совсѣмъ вразумительно. Жизнь человѣка состоитъ изъ цѣпи фактовъ, не подвернувшихся случайно, не навѣянныхъ извнѣ судьбою, а выросшихъ изъ внутренняго міра этого человѣка. Въ повѣркѣ фактовъ жизни по духу человѣка и обратно, въ оживотвореніи этимъ духомъ его дѣятельности и заключается главная задача жизнеописанія. Если при какомъ-нибудь случаѣ одно не вяжется съ другимъ, то тутъ должна быть фальшь, которая требуетъ разъясненія. Это отнюдь не значитъ подгонять факты подъ уровень предвзятой мысли; мѣркою тутъ долженъ быть самъ человѣкъ, и весь вопросъ сводится лишь къ тому—вѣрно ли человѣкъ понятъ. Отрицать же внутреннюю силу, выражающуюся въ направленіи событій, значитъ не признавать жизненныхъ законовъ, и все, большое и малое, относить къ категоріи случайностей.

Не говоря о Суворовѣ будущемъ и ограничиваясь Суворовымъ прошедшимъ, все-таки приходится недоумѣвать на счетъ дней, слѣдовавшихъ за побѣдою при Козлуджи. Его военные принципы, его предшествовавшія дѣйствія въ Польшѣ и Турціи,—все это однородно и гармонично, а постановленіе военного совѣта при Козлуджи является диссонансомъ. Это подтверждается собственными словами Суворова, хоть не совсѣмъ прямо. Въ 1792 году, т.-е. 18 лѣтъ спустя, онъ говоритъ: «Каменскій помѣшалъ мнѣ перенести театръ войны чрезъ Шумлу за Балканы». Около того же времени Суворовъ пишетъ записку, безъ адреса и числа, въ которой, между прочимъ, значится: «Семь батальоновъ, 3—4,000 конницы были при Козлуджи, прочіе вслѣдствіе Каменскимъ 18 верстъ,—отѣсь списочнаго старшинства. Каменскій помѣшалъ графу А. Суворову Рымникскому перенести театръ черезъ Шумлу за Балканы». Конечно, тутъ есть преуве-

личеніе; Каменскій не «вспычивалъ» при Козлуджи войска, а самъ Суворовъ ушелъ отъ него впередъ; но и слова Суворова, и записка его свидѣлствуютъ, что у него было предположеніе вести энергическія наступательныя дѣйствія послѣ Козлуджи. Правда, желаніе это было, такъ сказать, платоническимъ и не имѣло въ себѣ почти ничего реальнаго, ибо своихъ войскъ Суворовъ имѣлъ слишкомъ мало и они были совершенно изнурены, такъ что дальнѣйшій немедленный съ ними походъ представлялся немислимымъ. Суворовъ надѣялся, что ему удастся увлечь Каменскаго своими смѣлыми планами, подчинить его себѣ нравственно и фактически, распоряжаться его отрядомъ, какъ своимъ. Подобное подчиненіе принца Кобургскаго въ 1789 году Суворову удалось, и подъ сѣжкимъ впечатлѣніемъ этого обстоятельства, онъ говорилъ и писалъ въ 90-хъ годахъ, какъ выше сказано. Но Каменскій былъ человекъ иного склада и не только не думалъ идти за Суворовымъ на помочахъ, но требовалъ отъ него самого повиновенія. Наступательное движеніе не состоялось.

Таковъ уже военный характеръ Суворова, что для объясненія пассивнаго постановленія военнаго совѣта, въ которомъ этотъ человекъ участвовалъ, приходится прибѣгать къ противупоставленіямъ. Между тѣмъ, нѣтъ никакого основанія заподозривать вѣрность официальныхъ свѣдѣній о рѣшеніи военнаго совѣта послѣ Козлуджи; но они опять представляютъ одну только лицевую сторону предмета. Каменскій, разумѣется, высказалъ Суворову тотчасъ послѣ сраженія свое негодованіе и привелъ его, что называется, къ порядку. Суворовъ увидѣлъ ясно, что самостоятельность дѣйствій для него закрыта, что Каменскій на буксирѣ за нимъ не пойдетъ, а еслибы и удалось убѣдить его на дальнѣйшія дѣйствія по направленію къ Шумлѣ и потомъ за Балванъ, то успѣха все-таки ждать нельзя, потому что руководителемъ дѣла будетъ не онъ, Суворовъ, а Каменскій. Последнее соображеніе совершенно въ духѣ Суворова; окончательную выработку онъ получило позже, но существовало въ неясныхъ очертаніяхъ и объ эту пору. Такимъ образомъ, оппозиція Суворова въ военномъ совѣтѣ представлялась безцѣльною и ненужною; она могла только увеличить его обособленность, умножить число его недоброжелателей и завистниковъ, повести къ новымъ столкновеніямъ съ Каменскимъ и т. п. Подобныя соображенія прямо вытекаютъ изъ положенія вещей; ими только и можетъ быть объяснено согласіе Суворова съ военнымъ совѣтомъ на счетъ пріостановки дѣйствій. Такое объясненіе, по крайней мѣрѣ, не противорѣчитъ его духу и понятіямъ; оставляя же фактъ со-

вѣтскаго постановленія безъ всякихъ комментаріевъ, мы тѣмъ самымъ навели бы читателя на выводъ, повидимому, самый простой, но въ сущности наиболѣе далекій отъ истины.

Послѣ Козлуджи, Суворовъ оставался при дѣйствующихъ войскахъ недолго, всего нѣсколько дней, и потомъ уѣхалъ въ Букарестъ. Нѣкоторые біографы сомнѣваются въ его болѣзни, называютъ его здоровье превосходнымъ и причину отъѣзда ищутъ исключительно въ разногласіяхъ съ Каменскимъ. Мы видѣли, какъ онъ страдалъ лихорадкой въ минувшемъ году; то-же самое повторилось и теперь: онъ временами не могъ ѣздить верхомъ и съ трудомъ держался на ногахъ. Мало того, лихорадка возвращалась въ нему и послѣ, въ продолженіе многихъ лѣтъ. Слова вѣтъ, находись онъ въ обстоятельствахъ благопріятныхъ для исполненія своихъ военныхъ плановъ, едва ли болѣзнь заставила бы его покинуть театръ войны; но утверждать, что онъ уѣхалъ здоровый, все-таки нельзя. Главнокомандующій принялъ его сурово и потребовалъ объясненія—какъ онъ рѣшился оставить свой постъ почти въ виду непріятеля. Чтò отвѣчалъ Суворовъ—неизвѣстно. Нелады его съ Каменскимъ побудили Румянцова дать ему другое назначеніе, а именно подъ начальство графа Салтыкова, «во избѣжаніе излишняго въ переѣздахъ труда». Однако, въ тотъ же день, 30-го іюня, Румянцовъ сообщилъ Салтыкову, что Суворову дозволено, по его прошенію, уѣхать для леченія въ Россію. Суворовъ впрочемъ не уѣхалъ и оставался въ Молдавіи до вызова его для дѣйствій противъ Пугачова.

Сраженіе при Козлуджи въ конецъ сломило нравственныя силы турокъ и отняло у нихъ всякую надежду на успѣшный исходъ войны. Лучшія турецкія крѣпости были блокированы, сообщенія между нами и внутреннею страпою прерваны; Шумлѣ грозилъ штурмъ; небольшой русскій отрядъ проникъ за Балканы. Завязались мирныя переговоры; Румянцовъ повелъ ихъ съ большимъ искусствомъ, и такъ какъ положеніе Турціи было безнадѣжное, то 10-го іюля 1774 года заключенъ въ Кучукъ-Кайнарджи миръ. Русскіе добились независимости Крыма, уступили Киибурна, Азова, Керчи и Еникале, свободнаго плаванія по Черному морю; турки обязались заплатить 4¹/₂ милліона рублей. Тяжелы были мирныя условія для Турціи, но могли быть еще тяжелѣе, еслибы сама Россія не нуждалась въ мирѣ.

Такъ кончилась эта знаменитая война, названная современниками *Румянцовскою*. Она тянулась долго, но тому были многія причины: политическія усложненія, оттягивавшія наши силы отъ Турціи, и происходившая отъ того несоразмѣрность между

боевыми средствами и задачей; затрудненія въ продовольствіи войскъ за Дунаемъ; временами излишняя осторожность главнокомандующаго и нѣкоторыхъ подчиненныхъ ему генераловъ, исполнявшихъ на половину или вовсе не исполнявшихъ его распоряженій. Войска были въ огромномъ не-комплектѣ, укомплектовывались медленно, несвоевременно и не вполне; нуждались въ необходимѣйшихъ предметахъ снаряженія, которыя почти постоянно запаздывали; движенія войскъ затруднялись многочисленными обозами, составлявшими для арміи истинную обузу. Русскіе таскали за собой рогатки, которыми привыкли въ прежнее время огораживать для ослабленія бѣшеныхъ атакъ турокъ, значить заранее обрекали себя на пассивный образъ дѣйствій. Румянцовъ отбѣнилъ рогатки, и хотя сами войска ихъ терпѣть не могли, но сила привычки все-таки взяла свое, и рогатки совсѣмъ исчезли изъ русской арміи лишь въ слѣдующую турецкую войну. Русскіе, также какъ и западные европейцы, дѣйствовали противъ турокъ въ огромныхъ каре; Румянцовъ уменьшилъ ихъ величину и тѣмъ сдѣлалъ армію поворотливѣе и подвижнѣе. Онъ едва ли не первый сталъ заботиться о единообразномъ обученіи войскъ, о правильномъ отправленіи полевой и гарнизонной службы и вообще прилагалъ стараніе къ введенію въ армію недостававшего ей внутренняго порядка, что, безъ сомнѣнія, должноствовало возвысить ея боевыя качества.

Суворовъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пошелъ еще дальше Румянцова. Будучи тутъ новичкомъ, чужимъ человѣкомъ, особенно въ началѣ, и притомъ человѣкомъ маленькимъ, онъ, не претендуя на роль реформатора, старался, однако, сколько возможно, ставить подчиненныя ему войска на свою Суворовскую ногу, примѣняя къ нимъ, когда дозволяло время, основныя положенія своего «суздальскаго учрежденія» (сводъ правилъ для обученія суздальскаго полка, которымъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Суворовъ командовалъ). Передъ лицомъ непріятеля, мы видимъ его такимъ самымъ адѣсь, каковъ онъ былъ въ Польнѣ, и по принципамъ, и по приложенію принциповъ; въ послѣднемъ отношеніи даже замѣчается развитіе. Онъ употребляетъ въ бою колонны съ дистанціями, чтобы за головною частью всегда находился резервъ; резервъ у него вездѣ играетъ весьма важную роль; временами видимъ употребленіе стрѣлковъ, въ видѣ особыхъ небольшихъ отдѣленій, которымъ указываются и мѣста при колоннахъ линейной (по выраженію Суворова, «ломовой») пѣхоты. Каре онъ принялъ сразу, какъ лучший способъ построенія противъ турокъ, но размѣры Румянцовскихъ кареевъ

уменьшилъ, строя ихъ изъ 2 батальоновъ, изъ одного батальона и даже изъ ротъ. Многое изъ тактическихъ приѣмовъ Суворова въ первую турецкую войну сдѣлалось потомъ правиломъ, принципомъ для всей Европы, но заимствовано не у него, а у французовъ, которые выработали во время войнъ революціи свою собственную тактику, сдѣлавшуюся моделью для всѣхъ. Вообще военныя теоріи Суворова и французовъ (революціонной эпохи) были въ основаніяхъ своихъ однородны, что и будетъ нами объяснено въ своемъ мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе реформаторами были французы, а не Суворовъ, потому что войны Россіи съ Турціей имѣли ничтожное значеніе сравнительно съ войнами французовъ временъ революціи, да и формы французской тактики имѣли неоспоримое преимущество большей осязательности, меньшей подвижности; Суворовъ же придавалъ формамъ своей тактики временной смыслъ, бралъ и бросалъ ихъ легко, по указанію надобности. Его тактика въ Турціи, какъ и въ Польшѣ, не имѣла ничего схоластическаго; она была вполне *тактикою обстоятельствъ*, и благодаря такому ея прикладному характеру, уже въ то время буквыѣды военнаго дѣла стали говорить, что Суворовъ тактики не знаетъ, что ему служить одно счастье. А онъ посмѣивался и поддакивалъ, съ нетерпѣніемъ ожидая событій.

А. ПЕТРУШЕВСКІЙ.

НА ЗАКАТѢ

РОМАНЪ.

XXXI *).

Они прошли залу и молча сѣли въ гостиной. Петръ Федоровичъ, впрочемъ, просидѣлъ всего какихъ-нибудь пять-шесть секундъ и задумчиво зашагалъ потомъ по комнатѣ, съ неудовольствіемъ взглядывая по временамъ на двери, откуда должна была выйти жена дяди, Нина Борисовна. Стѣны гостиной, въ которой они теперь всѣ трое молча скучали, были увѣшаны картинами, на столахъ красовались фигурныя вазы, альбомы и книги въ расписныхъ переплетахъ, блестяшіе золотыми обрѣзами листовъ. Но ни Петръ Федоровичъ, ни Глафира Александровна съ Настей не обращали на нихъ никакого вниманія, столько же потому, что все это было уже издавна ими, сколько и по той причинѣ, что досада и зависть и давящее чувство тоски невольно овладѣвали ими каждый разъ, когда они посѣщали домъ дяди. Теперь тѣмъ болѣе было понятно появленіе этихъ чувствъ: имъ предстояло возвращаться въ Красныя Горки на скуку и однообразіе и можетъ быть даже на непріятности изъ-за долговъ и т. п. мелочей, а здѣсь, у дяди, кругомъ, куда ни взглянешь, богатство, роскошь, красота, почтительные слуги. Какъ не позавидовать всему этому!

Глафира Александровна не только позавидовала, но даже и пошпенталась съ Настей на счетъ тѣтки, порицая ее за то, что

*) См. ниже: ноябрь, 125 стр.

она будто бы и держаться не умѣть должнымъ съ достоинствомъ, и одѣвается безъ вкуса и т. п.

Усѣвшись въ одномъ изъ уютныхъ уголковъ гостиной подъ прикрытіемъ какого-то широколиственнаго растенія, обѣ онѣ, мать и дочь, заботливо справили складки своихъ пышныхъ платьевъ и оглянули ихъ въ зеркало противоположной стѣны.

— Она никогда не умѣла привязать къ себѣ мужа,—продолжала шептать Глафира Александровна:—по ея именно винѣ дядя иногда увлекался другими женщинами, и теперь, кажется, есть у него какая-то любовь...

— Ахъ, мама, онъ такой старикъ, неужели...—брезгливо возразила Настя.

— Чтѣ-жъ дѣлать, когда ему скучно! Онъ бездѣтный, а она, ты очень хорошо знаешь, какая она соня.

— Но лѣта, мама! Помилуй! Я даже представить себѣ не могу... Неужели это въ самомъ дѣлѣ? Ты шутишь, мама!

— Ничуть! Ты, мой другъ, еще не знаешь жизни. У мужчинъ это очень обыкновенно. Я ни мало не обвиняю его! но она обязана управлять мужемъ, умѣть его ограничивать. Конечно, дядя богатъ, однако же бросать по десяти-пятнадцати тысячъ на какую-нибудь танцовщицу—это просто обидно!

Мимо ихъ уютнаго угла прошелъ въ это время Петръ Ѳедоровичъ, мрачно повесился на нихъ, будучи въ трепетномъ ожиданіи свиданія съ дядей. Замѣтивъ его, Глафира Александровна вздохнула, вспомнивъ, съ какимъ успѣхомъ она вмѣшивалась въ его жизнь и какіе результаты получились отъ этого вмѣшательства.

— Ахъ, я не виню дядю,—заключила она,—ему все возможно: онъ богатъ и не только не дѣлаетъ тратъ, превышающихъ его средства, а даже едва ли проживаетъ столько доходовъ, сколько ихъ получаетъ. Онъ, наконецъ, много трудился и теперь въ такихъ чинахъ... Возможно ли его судить? А твой отецъ! Да онъ бы не только доходы, онъ бы все имущество прожилъ.

Глафира Александровна презрительно пожала плечами и замолчала, Настя капризно надула губки, слѣдя глазами за шагающимъ изъ угла въ уголъ Петромъ Ѳедоровичемъ, явно досадуя на него за все.

Въ комнату, наконецъ, вошла Нина Борисовна.

— Ахъ!—печально произнесла она, входя въ гостиную,—возвратились!

Петръ Ѳедоровичъ встрепенулся и почтительно бросился къ ея ручей, Глафира Александровна съ чувствомъ необыкновен-

ной нѣжности, уваженія и любви приложились къ щекамъ Нины Борисовны въ то время, какъ Настя жарко впиалась въ ея костлявую, уже сильно сморщившуюся руку.

Нина Борисовна была грустна и глубокимъ вздохомъ отвѣтила на ихъ почтительные вопросы о здоровьи.

— Какъ вы долго,—вяло протянула она, садясь на диванъ и апатично оглядывая платья Глафиры Александровны и Насти.

Петръ Ѳедоровичъ остановился около ея кресла, и сталъ-было объяснять о какихъ-то неотразимыхъ обстоятельствахъ, задержавшихъ его въ Парижѣ и упомянуть о какихъ-то машинахъ, будто бы приобретенныхъ имъ для своего красногорскаго хозяйства; но Нина Борисовна едва ли что поняла изъ его объясненій; она послѣ первыхъ же двухъ-трехъ фразъ прервала его восклицаніемъ:

— Какія печальныя вѣсти получены изъ Красныхъ Гороек!

— Ахъ, да,—подсказала, впадая въ ея тонъ, Глафира Александровна,—что это такое мы слышали, ужасно страшное... Я признаюсь, не повѣрила. Вообразите, тетя, намъ передавали ужасныя нелѣпости.

— Такъ вы не знаете истины?—возразила Нина Борисовна.

— Мы... То-есть я... отчасти подозреваю...—теряясь и въ смущеніи началъ-было Петръ Ѳедоровичъ, но Глафира Александровна перебила его.

— Развѣ въ самомъ дѣлѣ, тетя, что-нибудь ужасное случилось? Вы такъ печально смотрите,—спросила она, тревожно поднимаясь съ кресла.

Настя испуганно смотрѣла, то на отца, то на мать и на тѣтку.

— Что же, тетя, что же?.. Въ самомъ дѣлѣ... Ахъ, я боюсь!—проговорила Глафира Александровна, сжавъ руки и приближая ихъ къ груди.

Но тревога и волненіе, такъ вдругъ и явно овладѣвшіе Поляровыми, ничѣмъ не отразились на уныломъ лицѣ Нины Борисовны.

— Вѣроятно... я догадываюсь... — волнуясь началъ Петръ Ѳедоровичъ, вѣроятно... шатающаяся, да?

— Да-а!—однотонно протянула Нина Борисовна.

Петръ Ѳедоровичъ заплакалъ и, отойдя въ уголъ комнаты, молча сѣлъ на диванъ, закрывъ лицо руками. Глафира Александровна и Настя тоже заплакали, а Нина Борисовна, поднявшись съ своего кресла, молча подошла къ окну и стала смотрѣть на улицу съ такимъ равнодушіемъ, точно въ комнатѣ никого не было.

Нина Борисовна была слабая и болѣзненная женщина лѣтъ подъ пятьдесятъ. Лицо у нея было пепельнаго цвѣта, глаза сѣрыя и сонныя, а губы имѣли постоянное выраженіе какой-то брезгливости, какъ будто она только-что проглотила непріятное лекарство. Говорила она всегда медленно и тихимъ однотоннымъ голосомъ.

Отвернувшись черезъ нѣсколько времени отъ окна и видя, что гости все еще въ плачевномъ настроеніи, она стала утѣшать ихъ.

— Что же дѣлать, если было такъ угодно Богу. Къ чему слезы!.. Anastasie! у тебя крестикъ совсѣмъ на плечо сбился,—поправь, милочка... Конечно, грусть словами не утѣшишь, но необходимо удерживаться отъ рыданій... Воля Божія... Къ чему слезы! Онѣ только разстраиваютъ нервы...

Замѣтивъ потомъ опять что-то на счетъ воротничка Насти, который, какъ ей показалось, повернулся въ сторону, Нина Борисовна подошла къ тому креслу, гдѣ сидѣлъ Петръ Ѳеодоровичъ, и сказала:

— Къ несчастію, это не все...

— Какъ!—удивленно воскликнулъ онъ, вдругъ припомнивъ, что въ извѣстіи, дошедшемъ до него въ Парижѣ, было еще что-то сказано о свадьбѣ.

— Да-а, Piegre, увѣ... Смерть твоей татаи вовсе не несчастіе: она была больная старушка, и рано-ли, поздно-ли, а умирать надо... Но что случилось съ вашимъ сыномъ—это въ самомъ дѣлѣ такое невообразимое несчастіе...

Петръ Ѳеодоровичъ уже стоялъ около тѣтки, ловя ея каждое слово, Глафира Александровна и Настя тоже оставили платки и съ изумленіемъ взглянули на ея безстрастное лицо.

— Я не знаю, какъ васъ приготовить,—медленно тонула она, и вдругъ рѣшила, что пусть лучше передать объ этомъ самъ Павелъ Степановичъ.

— Но, ma tante,—молитвенно воскликнулъ Петръ Ѳеодоровичъ,—это невозможно. Ради Бога, не томите!..

— Ахъ, какъ же я... Васъ это можетъ ужасно встревожить... Я сама теряюсь. Такое почти невозможное событіе.

— На счетъ свадьбы, да?—поспѣшно перебилъ Петръ Ѳеодоровичъ.

— Вы уже знаете?—удивленно спросила Нина Борисовна.

— Нѣтъ, нѣтъ, я хорошо не знаю... Передавали, что какая-то свадьба, что дядя огорченъ...

— Оч-чень! — задумчиво отвѣтила Нина Борисовна и замолчала.

Петръ Ѳедоровичъ стоялъ передъ ней съ широко раскрытыми глазами и не замѣчалъ, что давно сбилъ свою прическу, хватаясь ежеминутно за голову.

— Неужели Анатолій... — прошепталъ онъ, не сводя глазъ съ тѣтки.

— Да-а... — протянула она.

— На комъ же, на комъ же?.. ma tante... Ради Бога...

Нина Борисовна пожала плечами и пошла отъ него въ сторону. Онъ не отставалъ отъ нея, продолжая просить не мучить его.

— Ахъ, какой ты странный!.. — обидчиво возразила она, — развѣ я могу мучить? Это даже съ твоей стороны безтактно... Я только не рѣшаюсь... Мнѣ страшно самой...

— Но, разсудите, — отозвалась Настя почти сердито: — если вы сказали уже на половину, то къ чему же медлить?

Глафира Александровна въ это время съ явнымъ пренебреженіемъ поднялась съ кресла и, надменно ткнувъ пальцемъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ взволнованный Петръ Ѳедоровичъ, проговорила своимъ густымъ контральто:

— Вотъ результаты вашей безопасности, вашего нерашества, можно сказать, да!.. Я понимаю, ma tante, — обратилась она къ Нинѣ Борисовнѣ, — о чемъ вы скрываете... Я догадываюсь...

— Да-а? — протянула Нина Борисовна и, вздохнувъ, добавила: — это, однако же, уж-асно!..

— Ma tante, — молилъ Петръ Ѳедоровичъ, тоже сжавъ руки одну въ другой и приложивъ ихъ къ своей груди: — ради Бога... Меня мучитъ страшное подозрѣніе... Я нѣсколько разъ о немъ задумывался и всегда выбрасывалъ вонъ изъ головы, какъ невозможное... Теперь, судя по вашимъ словамъ... я боюсь... Неужели онъ унижилъ нашъ родъ?..

— Ахъ, да! Это невѣроятное преступленіе: — Пояревъ женился на дочери своего бывшаго вѣршпостного... Уж-асно!..

Петръ Ѳедоровичъ вдругъ умолялъ, сторбился и съѣжился, точно его кто придавилъ сверху тяжестью, опущенною прямо ему на голову. Глафира Александровна отшатнулась отъ Нины Борисовны съ такимъ выраженіемъ лица, точно она мгновенно превратилась изъ вялой скучающей женщины въ ядовитую змѣю, а Настя визгливо воскликнула: «ахъ, какой позоръ!»

— Позоръ! позоръ! И вотъ онъ, одинъ онъ — виновникъ этого позора, — сердито заговорила Глафира Александровна, показывая обѣими руками на приниженную фигуру Петра Ѳедоровича. —

Боже, сколько я ему говорила, какъ молила его обратить вниманіе на сына... Сколько слезъ было... сколько страданій... Ахъ, это ужасно, ужа-асно!

— Кажется, сюда идетъ Павелъ Степановичъ,—холодно замѣтила Нина Борисовна, прерывая горячую рѣчь Глафиры Александровны.

XXXII.

Всѣ вдругъ встрепнулись и смолкли, прислушиваясь къ приближавшимся изъ сосѣдней комнаты шагамъ. Звуки шаговъ раздавались яснѣе и яснѣе. Судя по нимъ, Нина Борисовна догадывалась, что Павелъ Степановичъ не въ духѣ.

Павелъ Степановичъ шелъ мелкими частыми шагами и размахивалъ тетрадкой какихъ-то казенныхъ бумагъ, захваченныхъ имъ съ собою изъ кабинета въ порывѣ досады. Ему было лѣтъ подъ семьдесятъ, но держался онъ еще довольно бодро и носилъ голову съ явнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства. Глаза его впрочемъ были уже тусклые, но за то густыя черныя брови, бойко двигаясь, придавали имъ большую выразительность. Справедливость однако-жъ требуетъ сказать, что брови у него были немножко подерашены, волосы на головѣ тоже, и блѣдный, едва замѣтный румянецъ на щекахъ при всей своей естественности казался все-таки подозрительнымъ. Ростомъ Павелъ Степановичъ былъ нѣсколько повыше Петра Фёдоровича, но не такъ мясистъ какъ онъ, хотя и имѣлъ довольно кругленькое брюшко.

Растворивъ дверь въ гостиную, онъ остановился при входѣ и, не говоря ни слова, закачалъ головой, смотря на Петра Фёдоровича.

— Вотъ она, вотъ, замѣтите, эта неосторожность, это невниманіе, эта ваша всегдашняя небрежность, да!.. Вотъ она къ чему ведетъ! наставительно заговорилъ наконецъ онъ, постукивая во время этой рѣчи тетрадкою казенныхъ бумагъ по ладони своей лѣвой руки.

Петръ Фёдоровичъ молчалъ.

Поздоровавшись затѣмъ очень сдержанно съ Глафирой Александровной, Павелъ Степановичъ нѣсколько оживился, цѣлуя Настю, и потрепалъ ее по щекѣ, причемъ нижняя губа его немного отвисла.

— Хорошѣешь... да!.. Хорошѣешь!—улыбаясь, сказалъ онъ ей; но гнѣвъ на племянника или вообще гнѣвное расположеніе

духа, владѣвшее имъ въ это утро, не успѣло вырваться при видѣ молодости и красоты внучки.

— Нельзя тамъ жить, нельзя! — началъ онъ, снова обращаясь къ племяннику: — разгуливайшь тамъ по заграницамъ, а дома Богъ знаетъ что дѣлается.

— Я имѣлъ намѣреніе пробыть за границей не болѣе недѣли, — оправдывался Петръ Ѳедоровичъ, — ко дѣла, дядюшка, задержали.

— Дѣла, дѣла!.. Какія тамъ дѣла!.. — хмуро прервалъ Павелъ Степановичъ: — самъ же ты мнѣ говорилъ, что получаешь опредѣленную плату отъ отдачи въ аренду земель, луговъ и мельницы. — Какія же еще дѣла?

— Я, дядюшка, на счетъ... коннозаводства, — вдругъ бухнулъ Петръ Ѳедоровичъ, не зная самъ что говорить.

Но Павелъ Степановичъ или давно уже зналъ о его наклонности приврать, или такъ вообще былъ разсерженъ, — не захотѣлъ слушать никакихъ объясненій и круто отвернулся отъ него.

— Это поразительно, — сказалъ онъ, пожавъ плечами, обращаясь къ Глафирѣ Александровнѣ: — Поярковъ, дворянинъ, и женился на крестьянкѣ!.. Какъ не стыдно! Какъ можно было до этого допустить!..

— Ужасно! — трагически прошептала Глафира Александровна.

— Но и вы, Глафира Александровна, не правы, — продолжалъ дядя, — раздоп, я васъ тоже обвиняю. Ну, какъ возможно, какъ возможно было не предусмотрѣть этого!.. — завопилъ онъ опять, начавъ бить тетрадью казенныхъ бумагъ по ладони лѣвой руки, и вдругъ умилился. — Ахъ, да, — спохватился онъ, вспомнивъ, что именно на эти казенныя бумаги, которыми онъ такъ теперь безцеремонно размахиваетъ, нужно сегодня же послать отвѣтъ: — раздоп, я долженъ... Кажется, уже поздно...

И, посмотрѣвъ на часы, онъ, чѣмъ-то сильно озабоченный, торопливо пошелъ изъ гостиной; но, сдѣлавъ два шага, снова вернулся, снова заколотилъ тетрадкой по рукамъ и, волнуясь, сталъ упрекать Петра Ѳедоровича за то, что онъ допустилъ такой позоръ въ ихъ старинной дворянской семьѣ.

— Я буду настаивать на разводѣ, — заявилъ ему Петръ Ѳедоровичъ.

— Разводъ, разводъ! — загорячился дядя, — развѣ это легкое дѣло? Ты думаешь, архіерей можетъ такъ своей властію... Да! Какъ же!

И видимо вспомнивъ опять о дѣлѣ, безпокоившемъ его въ

это утро, онъ отмахнулся рукой отъ писемнина и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

— Ма tante, онъ придетъ, да,—прошептала Петръ Оеодоровичъ, когда шаги дяди затихли вдали.

Нина Борисовна задумчиво покачала головой.

— Не думаю... а впрочемъ, можетъ быть,—отвѣтила она.

— Не лучше ли будетъ пойти мнѣ туда къ нему?... Я могъ бы одинъ все высказать... объяснить...

— Лучше подождать...

— Неужели, ма tante, извѣстія изъ Красныхъ-Горокъ такъ на него повліяли?—шопотомъ спросила Глафира Александровна.

— Не знаю..., уклончиво отвѣтила Нина Борисовна:—разумѣется, ему непріятно это...

— Такой онъ всегда милый, любезный, такъ бывалъ ласковъ къ Настѣ,—продолжала Глафира Александровна:—и вдругъ теперь... Ахъ, какое несчастіе...

Нина Борисовна на это ничего не отвѣтила и всѣ Пояревы какъ-то притихли, точно ждали, что вотъ-вотъ случится что-то необыкновенное. Извѣстіе о женитьбѣ Анатолия, такъ поразившее ихъ нѣсколько минутъ тому назадъ, теперь отодвинулось на второй планъ, уступивъ мѣсто тревогъ, вызванной гнѣвомъ на нихъ дяди.

Черезъ нѣсколько времени дверь въ гостиную снова открылась и лакей почтительно доложилъ. Нинѣ Борисовнѣ:

— Его пр-ство проситъ васъ въ кабинетъ.

Нина Борисовна молча кивнула головой, лакей тихо приотворилъ дверь и вышелъ, а вслѣдъ за его уходомъ, Петръ Оеодоровичъ обратился къ тѣтѣ, цѣлуя ея руку.

— Ма tante, добрая... ради Бога....

Глафира Александровна тоже подошла къ ней и зашептала что-то. Настя, всегда такая сообразительная и умѣющая дѣлать во-время что нужно, послѣдовала примѣру матери и даже поцѣловала тѣтку въ плечо.

Нина Борисовна, не выразивъ гостямъ ни участія, ни гнѣва, и сказавъ имъ ничего не значущихъ два-три слова, пошла къ Павлу Степановичу.

Павелъ Степановичъ въ это время волновался въ кабинетѣ, недовольный тѣмъ, что не можетъ найти писемъ и телеграммъ, адресованныхъ на его имя изъ Красныхъ-Горокъ для передачи Пояреву.

— Богъ знаетъ что такое!—ворчалъ онъ,—не отдашь-ли я тебѣ ихъ, Нина Борисовна?

— Нѣтъ.

— Куда они завалились?

Онъ сердито перебиралъ на столѣ бумаги и еще болѣе затруднял себя.

— Успокойся, пожалуйста... уговаривала Нина Борисовна:— развѣ же можно разбрасывая бумаги что-нибудь найти? Оставь пока, передашь послѣ: не сегодня же они уѣзжаютъ.

— Ну, хорошо, хорошо... Въ самомъ дѣлѣ можно послѣ передать. Мнѣ пора ѣхать. Такъ и скажи, что послѣ. Эй!— обратился онъ къ лакею, вошедшему на его звонокъ,— изъ канцеляріи жду!.. Скажи...

Волненіе его немного поутихло, онъ пересталъ швырять на столѣ бумаги и занялся своимъ туалетомъ, подошелъ къ зеркалу, поправилъ на груди ленту, заботливо потеръ рукой пухляя щеки, но, взглянувъ на часы, опять затревожился.

— Гдѣ онъ, тотъ... чиновникъ... Гдѣ онъ тамъ?

— Гдѣ пропадаете?—заворчалъ онъ на вошедшаго въ это время чиновника съ портфелемъ.

Чиновникъ, съѣжившись, смотрѣлъ ему прямо въ глаза и держалъ въ обѣихъ рукахъ портфель такъ, чтобы можно было моментально передать его въ руки Павла Степановича.

— Тутъ все? Бумаги? Не забыли?

— Не забылъ-съ. Все тутъ,—торопливо отвѣтилъ чиновникъ, не сводя глазъ съ Павла Степановича и ожидая, не благоугодно ли ему будетъ еще о чемъ-нибудь спросить. Однако же Павелъ Степановичъ больше не сдѣлалъ ему никакого вопроса, а, взявъ въ руки портфель, развернулъ его и удостовѣрился, всѣ ли нужны ему бумаги положены.

— А гдѣ же... та... Гдѣ она?.. Я говорилъ вамъ... вдругъ закричалъ онъ, начиная опять сильно волноваться и дергая изъ портфеля бумаги.

Чиновникъ вспыхнулъ и какъ мячикъ подскочилъ къ нему. Быстро вытянувъ изъ массы бумагъ ту именно, о которой такъ встревожился вдругъ Павелъ Степановичъ, онъ молча показалъ ему ее, и опять, не сводя глазъ съ его лица, ждалъ новаго вопроса, готовый, какъ видно, въ ту же минуту безъ заминки отвѣтить на всякій вопросъ, касающійся службы.

Онъ былъ небольшого роста, тоненькій, приглаженный, въ чистенькомъ вицмундирѣ, и все время стоялъ передъ Павломъ Степановичемъ такъ, точно локти его рукъ были врыты въ корпусу.

— А ну... ну... хорошо... — успокоиваясь сказалъ Павелъ Степановичъ:—ну... идите...

Чинovníкъ беззвучно высвѣдѣлъ изъ кабинета, кивнувъ разъ десять головой Нинѣ Борисовнѣ, несмотря на то, что она стояла къ нему спиной.

— Какъ же въ гостиной?.. спросила она, замѣтивъ, что Павелъ Степановичъ направляется прямо въ переднюю.

— Ахъ, мнѣ теперь не до нихъ, послѣ, послѣ.

И не заходя въ гостиную, онъ уѣхалъ.

XXXIII.

Въ гостиной была только Глафира Александровна съ дочерью. Настя тревожно кусала себѣ губы, торопливо расхаживая по комнатѣ и каждый разъ при поворотѣ отъ стѣны отбрасывала ногой шлейфъ въ сторону съ такимъ негодованіемъ, точно онъ именно и былъ причиной всѣхъ непріятностей этого утра. Глафира Александровна сидѣла на диванѣ, опершись затылкомъ о его спинку и не раскрывала глазъ, жалуясь будто бы на головную боль; въ дѣйствительности же она соображала, какъ и въ чемъ искать выхода изъ такихъ, вдругъ нахлынувшихъ затрудненій, и прислушивалась, не идетъ ли наконецъ Павелъ Степановичъ.

Заслышавъ шаги изъ залы, она приподняла голову отъ спинки дивана, поспѣшно вынула изъ кармана батистовый платокъ и приложила его къ глазамъ, дѣлая видъ, что еще не успокоилась отъ услышанныхъ ею печальныхъ извѣстій изъ Красныхъ-Горокъ. Настя тоже нѣсколько оправилась и самъ Петръ Оедоровичъ, скрывавшійся въ сосѣдней комнатѣ изъ благоразумной предосторожности не огорчать своимъ присутствіемъ жены, вышелъ въ гостиную, какъ только услышалъ, что Нина Борисовна возвратилась.

— Что, тѣтя? какъ?..—уныло спросилъ онъ.

— Уѣхалъ,—отвѣтила Нина Борисовна.

— Какъ уѣхалъ?.. Дядя?.. Сердится, да? Видѣть не хочетъ, да?—испуганно зашепталъ Петръ Оедоровичъ.

Глафира Александровна вспыхнула и приподнялась съ дивана, готовая разразиться новой бурей упрекомъ на Петра Оедоровича, но при первыхъ же ея словахъ, онъ сердито заговорилъ:

— Перестаньте, ради Бога! Это же теперь бесполезно... Тѣтя

милая тетя! — обратился онъ къ Нинѣ Борисовнѣ, помогите намъ, посоветуйте какъ быть.

Глафира Александровна видимо поняла, что въ самомъ дѣлѣ надо подумать теперь о томъ, какъ бы помириться съ дядей, а упрекамъ можно дать мѣсто у себя на квартирѣ и еще даже съ большимъ удобствомъ, чѣмъ въ домѣ дяди.

— Тетя! будьте нашимъ ангеломъ хранителемъ, — начала она, впадая въ тонъ мужа.

— Скажите, что же намъ дѣлать? Ждать его возвращенія или пріѣхать вечеромъ? Одному мнѣ пріѣхать или вмѣстѣ всѣмъ? — порывисто перебилъ Петръ Фёдоровичъ.

— Лучше всего я думаю пріѣхать намъ всѣмъ вечеромъ, — задумчиво отвѣтила Нина Борисовна.

Они вышли изъ гостиной тихими, осторожными шагами, находясь подъ впечатлѣніемъ невольной боязни, вызванной въ нихъ тѣмъ сердитымъ и страннымъ приемомъ, какой оказалъ имъ дядя.

Возвратясь въ гостиницу, они, само собою разумѣется, не могли остаться въ мирныхъ отношеніяхъ и свѣдили старые счеты.

Подавленный печальными извѣстіями изъ Красныхъ-Горокъ, Петръ Фёдоровичъ долго переносилъ упреки Глафиры Александровны, стараясь не обращать на нихъ вниманія, но, наконецъ, не выдержалъ и разразился самъ упреками. Это повело къ новымъ слезамъ, потребовался туалетный уксусъ, лавровишневая капли и т. д. Какъ разъ въ минуту самого сильнаго перваго разстройства были получены отъ Нины Борисовны отысканныя ею на столѣ Павла Степановича письма и телеграммы, адресованныя изъ Красныхъ-Горокъ, и по прочтеніи ихъ начались между супругами новые упреки и слезы, и дѣло дошло бы непремѣнно до истерическихъ припадковъ, еслибы Глафира Александровна не сознавала необходимости быть вечеромъ у дяди.

Къ вечеру отношенія между ними настолько возстановились, что можно было понять, къ какому выводу привели ихъ событія этого печальнаго дня. Выводъ былъ однакоже не утѣшительный. Глафира Александровна упорно настаивала на томъ, что ѣхать въ Красныя-Горки послѣ такого скандала она не можетъ, а Петръ Фёдоровичъ увѣрялъ, что никакого скандала не будетъ и бракъ Анатолія немедленно же расторгнется, какъ только Петръ Фёдоровичъ донесетъ объ этомъ мѣстному архіерею. Но потомъ, послѣ того, какъ согласилась и сама Глафира Александровна, что бракъ Анатолія слѣдуетъ расторгнуть, она рѣшительно заявила, что должна остаться съ Настей въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, на первые два-три мѣсяца, пока кончится скандалъ

Анатолія, и требовала, чтобы Петръ Ѳеодоровичъ обезпечилъ ихъ на это время необходимымъ количествомъ денегъ. Онъ сталъ было отбиваться подъ разными благовидными предлогами, ссылаясь на то, что жить всѣмъ врознь неловко и что дядя, пожалуй, опять разгнѣвается, но Глафира Александровна сразу уничтожила всѣ эти благовидные предлоги.

— Я вижу, что вы стѣсняетесь въ средствахъ,—сказала она съ свойственною ей надменностію, и чтобы васъ не обезпечить, мы съ Настей обратимся прямо къ дядѣ. Если просить у него прощенья, то просить сразу за все. Къ чему столько времени скрываться отъ него? Вы видите, какъ онъ еще бодръ и, можетъ быть, еще долго придется вамъ ждать наслѣдства... И неизвѣстно кромѣ того, кто изъ васъ первый долженъ умереть.

— Ахъ,—поморщилась Петръ Ѳеодоровичъ, и съ большимъ неудовольствіемъ отошелъ въ противоположную часть комнаты.

Глафира Александровна съ наскриваемымъ презрѣніемъ оплывала его.

— Рано или поздно,—продолжала она, а дядюшка навѣрное узнаетъ о положеніи вашихъ дѣлъ, не будутъ же ваши друзья Хохляковы кредитовать васъ двадцать лѣтъ...

— Вотъ что, Глафира Александровна,—вдругъ разгорячился Петръ Ѳеодоровичъ, удара себя въ грудь:—угодно вамъ меня слушать—слушайте, не угодно—какъ хотите; но я васъ все-таки предупреждаю, что если вы дядѣ скажете о положеніи нашихъ дѣлъ, это поведетъ къ окончательному разрыву.

— Пожалуйста, не запугивайте.

XXXIV.

Такъ вечеромъ они и поѣхали къ дядѣ, не ирѣдя ни къ какому соглашенію.

Ихъ встрѣтила опять одна Нина Борисовна.

— А дядюшка?—робко спросилъ Петръ Ѳеодоровичъ.

— Онъ сейчасъ только уѣхалъ. Вѣроятно, скоро вернется.

— Вы, тетя, милая, дорогая!.. Вы за насъ ходатайствовали, да?—запыхтѣла Глафира Александровна, держа восталую руку тѣти въ обѣихъ своихъ пухлыхъ рукахъ.

— Ахъ, вздохнувъ,—отвѣтила тетя,—сегодня Павелъ Степановичъ невыносимъ, и я рѣшительно отказывалась его понимать. Онъ Богъ знаетъ, что говорить.

— Сердится, да?

— Сердится... да...

Они стояли на срединѣ большой комнаты, въ которой кромѣ зеркалъ и стульевъ никакой другой мебели не было. Пока Нина Борисовна говорила о Павлѣ Степановичѣ, Настя безпокойно оглядывала комнату и нетерпѣливо мала перчатку, досадуя, что недогадывая тѣтя такъ долго держитъ ихъ на ногахъ.

— Но что же ми здѣсь стоимъ?—сказала наконецъ Нина Борисовна,—пойдемте ко мнѣ.

Она провела гостей чрезъ длинный рядъ комнатъ въ свою маленькую гостиную и расположилась въ креслѣ около камина, предоставивъ ихъ самимъ себѣ. Настя сѣла около нея, Глафира Александровна тоже—обѣ имѣли въ виду подвергнуть ее чарамъ своей любезности и почтительнаго къ ней вниманія. Петръ Оедоровичъ всталъ на нихъ и очень былъ неспокоенъ, опасаясь, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ онѣ, по свойственному женщинамъ легкомыслію, не проговорились о положеніи его дѣла. Въ видахъ предосторожности онъ тоже не отдался отъ камина, гдѣ сѣдѣла уютно сжавшись въ креслѣ Нина Борисовна, и сторожилъ каждое слово жены и дочери, имѣя въ виду въ случаѣ надобности прервать ихъ рѣчь и овладѣть разговоромъ. Однако въ этомъ не было пока никакой надобности: Настя и Глафира Александровна говорили совсѣмъ не о положеніи дѣла Петра Оедоровича, а о достоинствахъ самой Нины Борисовны, о ея «величавомъ сношеіствіи» и о многомъ другомъ, несомнѣнно ей, какъ онѣ думали, пріятномъ. За такой разговоръ Петръ Оедоровичъ не боялся, хотя замѣчалъ, что жена и дочь напрасно тратятъ время, такъ какъ лицо Нины Борисовны, несмотря на ихъ сладкія рѣчи, оставалось такимъ же деревяннымъ, какимъ оно было всегда, и кромѣ того, онъ зналъ, что если тѣтя и могла оказывать вліяніе на дядю, то лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ.

Въ комнатѣ было тихо; Пояревы, занимая тѣтку разговорами, по временамъ прислушивались въ доносившемуся съ улицы глухому грохоту экипажей и утѣхой вздыхали, томясь скукой и ожиданіемъ пріѣзда дяди. Бесѣдовать съ Ниной Борисовной въ самомъ дѣлѣ было невесело, такъ какъ она почти не поддерживала разговора и только изрѣдка произносила какое-нибудь односложное слово, да и то нехотя. Но вотъ Пояревы оживились и переменились: въ комнату ворвался грохотъ колесъ подкатывающаго къ подъѣзду экипажа, и чрезъ нѣсколько времени глухой шумъ изъ дальнихъ комнатъ.

— Дядюшка, да? — шепотомъ спросилъ Петръ Федоровичъ, приподнимаясь со стула.

— Кажется, онъ, — отвѣтила Нина Борисовна и стала направлять въ каминъ угли, явно выражая этимъ, что нимало не интересуется пріѣздомъ Павла Степановича.

Но слуга ожиданія, томившая Поярковыхъ, еще не кончилась. Павелъ Степановичъ прошелъ изъ передней прямо изъ себя въ кабинетъ, ничего не отвѣтивъ на докладъ слуги о гостяхъ, даже не взглянулъ на него. Слуга, протянувши было руку, чтобы принять отъ него шляпу, такъ съ протянутой рукой и остался, и когда потомъ, спохватившись, поспѣшилъ за нимъ, чтобы успѣть расворить дверь въ залу, Павелъ Степановичъ самъ расворилъ ее. Слуга однакоже успѣлъ опередить его и расворивъ дверь въ кабинетъ, нырнулъ туда, чтобы прибрать огня въ лампахъ.

Подойдя къ своему письменному столу, стоявшему по срединѣ комнаты, Павелъ Степановичъ небрежно сунулъ свою шляпу на какую-то пачку бумагъ и чѣмъ-то видимо озабоченный прошелъ внутрь комнаты. Шляпа колыхнулась съ бумагъ на бокъ, опала по краю стола полукругъ и свалилась на коверъ. Слуга молча подобралъ ее и, исподлобья оглянувъ барина, стоявшаго въ нему спиной, вышелъ изъ кабинета. Рядомъ съ кабинетомъ была другая небольшая комната, уставленная мягкой мебелью и шкафомъ съ книгами; Петръ Степановичъ прошелъ туда, въ сущности самъ не зная зачѣмъ, но повернувшись тамъ, зашагалъ обратно къ письменному столу. Онъ не зналъ куда ему уйти, чтобы успокоиться отъ огорченій, вызванныхъ какими-то письмомъ. Вспомнивъ, что слуга докладывалъ ему о Поярковыхъ, онъ пошелъ чрезъ длинный рядъ слабо освѣщенныхъ комнатъ въ маленькую гостиную и вошелъ туда въ то время, когда въ каминъ только-что вспыхнуло пламя отъ подложенныхъ въ него углей.

Яркій свѣтъ камина, отразившись на лицѣ вонючаго Павла Степановича, еще яснѣе и опредѣленнѣе обрисовалъ его гнѣвное выраженіе. Петръ Федоровичъ даже испугался и потупился: онъ еще никогда не видалъ дядю въ такомъ гнѣвѣ.

— Прочти! — глухо сказалъ дядя, кинувъ на столъ какой-то пакетъ и повосившись при этомъ на Петра Федоровича.

Въ пакетѣ было письмо отъ Спиридона Яковлева Верезкина, потерявшаго наконецъ надежду на возвращеніе Петра Федоровича въ усадьбу, и подробно описывавшаго положеніе его дѣлъ съ цѣлію разжалобить Павла Степановича и выпросить пособие

Анаголію Петровичу, «брошенному родителями въ заложенномъ и разоренномъ мѣстѣ безъ всякихъ средствъ къ существованію».

Скандалъ произошелъ ужасный. Дядя сердился, шипѣлъ, кричалъ и грозилъ лишеніемъ наслѣдства. Петръ Ѳедоровичъ попробовалъ было оправдываться, но дядя не далъ ему выговорить слова.

— Знать не хочу никакихъ твоихъ дѣлъ,—кричалъ онъ,—слышать не хочу никакихъ оправданій: продавай, выкупай, вновь закладывай все, что можешь, а ко мнѣ не обращайся.

Петръ Ѳедоровичъ былъ врасенъ какъ піонъ и имѣлъ такой убитый видъ, точно въ этотъ же вечеръ ему предстояло идти на казнь.

Глафира Александровна и Настя плавали, а Нина Борисовна ушла въ другія комнаты, оставивъ Поляковскихъ въ жертву разгнѣванному дядѣ.

Такимъ образомъ Березкинъ предупредилъ Глафиру Александровну и разбилъ ея планы. Она надѣялась добиться у дяди свиданія съ глазу на глазъ, разжалобить его своей откровенностью, и вдругъ какъ нельзя болѣе некстати получилось несчастное письмо Березкина. Очень можетъ быть, что и безъ этого письма ожидали ее впереди разочарованія и скорби и неизбежный гнѣвъ дяди; но тогда, возбуждая впечатлѣнія, производимыя на дядю откровенными разговорами о разстройствѣ дѣлъ, она могла попридержаться и не рассказывать всего сразу.

— Господи! За что такое мученіе!—томилась теперь она,—грубый мужикъ, нашъ же прежній рабъ, могъ такъ зло навредить намъ. За что? За что?

Она отвернулась въ спинкѣ кресла и склонилась въ ней головой, закрывъ лицо руками, не столько впрочемъ подъ вліяніемъ горя, сколько для того, чтобы не такъ рѣзко раздавался въ ея ушахъ непріятный визгливый голосъ разгнѣваннаго дяди.

Накричавшись до изнеможенія, дядя въ десятый разъ съ громкою рѣшимостью заявилъ, что ни въ какомъ случаѣ не будетъ оказывать имъ денежной помощи ни теперь, ни послѣ. Онъ только одну надежду оставилъ Петру Ѳедоровичу въ утѣшеніе, а именно: устроить его гдѣ-нибудь въ провинціи на государственную службу, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ предварительно этого развязался со всѣми своими долгами и залогами какъ хочетъ и какъ знаетъ.

— Вотъ что вы надѣлали, Петръ Ѳедоровичъ,—въ слезахъ упрекала Глафира Александровна, когда они возвращались отъ дяди.

— Это, папá, безжалостно, жестоко! Этого, папá, я вамъ никогда, никогда не прощу,—вскликивала Настя.

Петръ Ѳедоровичъ кусалъ усы и отчаянно шипѣлъ, прося жену и дочь не говорить такъ громко. Ему неприятно было, что кучеръ нѣвожичей кареты могъ слышать ихъ разговоръ.

XXXV.

Унылые и мрачные, не говоря другъ съ другомъ ни слова, они стали, наконецъ, собираться въ дорогу. Глафира Александровна была въ слезахъ, Настя тоже, самъ Петръ Ѳедоровичъ сильно прихрамывалъ на лѣвую ногу и скорбился. Отдавая деньги по счету гостинницы, онъ почти испугался, только теперь замѣтивъ, какъ опустѣлъ вдругъ его бумажникъ, и заохалъ, жалуюсь на головную боль. Глафира Александровна не выдержала однако своей молчаливой роли и, уже когда венцы ихъ были увезены на желѣзную дорогу, прочитала наставленіе Петру Ѳедоровичу, поплакала обнявшись съ любимницей Настей и рѣшительно заявила, что въ Красныя-Горы онѣ не поѣдутъ и останутся у ея родителей въ губернскомъ городѣ. Петръ Ѳедоровичъ во все время ея сердитой рѣчи думалъ о томъ, нельзя ли какъ-нибудь и тѣмъ-нибудь умилостивить дядю, и молчалъ.

— И я надѣюсь,—продолжала Глафира Александровна,—я даже увѣрена, что Павелъ Степановичъ поддержитъ насъ... Я буду писать, просить и несомнѣнно поставлю на своемъ... Конечно, онъ старый человѣкъ, немного странный... но, другъ мой Настя, развѣ можно думать, что онъ долго будетъ на насъ гнѣваться?

«Другъ Настя» сидѣла надувшись и тоже упорно молчала.

Такъ и во время дороги отъ Петербурга до Москвы они не ладили между собой, пока не встрѣтились имъ въ буфетѣ вокзала гдѣ-то около Твери Филаретъ Павловичъ Хоклаевъ, встрѣча съ которымъ была столько же неожиданна, сколько и благоприятна по своимъ послѣдствіямъ.

Филаретъ Павловичъ былъ въ Петербургѣ и прожилъ тамъ недѣли три. Онъ хлопоталъ по своимъ дѣламъ на Каланкиевской пристани, ѣздилъ на биржу, телеговалъ съ мажоранми, раскидывалъ съ пріятелями купцами чай по трактирамъ, рассказывая имъ о томъ, какъ забралась въ нему въ ногу невралгія, но не забывалъ при этомъ время отъ времени наводить справки о Петрѣ Ѳедоровичѣ.

— Что за оказія, — удивлялся онъ, — велики ли деньги десять тысячъ, а такъ долго ихъ Петръ Ѳедоровичъ спустить не можетъ.

— Ба, ба! Петръ Ѳедоровичъ! — воскликнулъ онъ, обрадовавшись, что, наконецъ-то, цѣнный для него человѣкъ живъ и невредимъ.

Петръ Ѳедоровичъ и самъ обрадовался встрѣчѣ и тотчасъ же сообразилъ, что у Хохлакова можно занять денегъ. Пошли вопросы, откуда, какъ? Оказалось, что Хохлаковъ успѣлъ заѣхать въ Рыбинскъ, что-то тамъ удачно продалъ, какое-то дѣло хорошо обрабатывалъ и былъ въ веселомъ расположеніи духа.

— Вы, конечно, въ первомъ классѣ, да?.. И сидимъ въѣхотѣ? — спросилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Нѣтъ, я, признаться, во второмъ, — улыбаясь отвѣтилъ Филаретъ Павловичъ.

— Ай-ай! какъ не стыдно? — качая головой, упрекнулъ Поярковъ.

— Пустое дѣло! Что зря деньги бросать, Петръ Ѳедоровичъ! Удобства тѣ же, только дорожа... Изъ вѣдь, чертей, прости Господи, не удивишь... Я лучше бѣдному...

— Но въ такомъ случаѣ до Москвы... Тамъ поговоримъ...

— Ну что-жъ, дѣло хорошее...

Разстались до слѣдующаго буфета, думая другъ о другѣ каждый по-своему. Хохлаковъ соображалъ: — Наклеивается подходящая, казись, статья, баринъ посапываетъ опять въ деньги-жонкахъ... И что-то больно ласково разговаривается, — да что теперича изъ него извлечь? Даль тогда маху: усадьбу-то надо бы взять тогда въ залогъ со всѣмъ движимымъ, ну да авось моихъ рулѣ не минуетъ. А Поярковъ думалъ: — Что ему значить какая-нибудь тысяча рублей — лѣсная дача стоитъ вдвое дороже того, во сколько она заложена. Дастъ еще тысячу... непременно дастъ... И въ такихъ соображеніяхъ прошло время переѣзда отъ Петербурга до Москвы.

— Ну, какъ дядюшка? Изволили, разумѣется, видаться? — разспрашивалъ Филаретъ Павловичъ.

— Да, да! — утвердительно и съ большой важностью отвѣчалъ Петръ Ѳедоровичъ: — конечно, видались... Мы жили у него долго, недѣли двѣ... Знаете, трудно разстаться... Старинъ такой ласковый.

— Гм... Худо! — думалъ про себя Филаретъ Павловичъ: — пожалуй, старый хрычъ ему денегъ далъ... Эка я сплунилъ тогда!.. А хорошая у него мебель... Дешево бы можно добыть...

— Ну, а какъ, Петръ Ѳедоровичъ, въ примѣру на счетъ

денегъ дядюшка строгъ?—спросилъ Филаретъ Павловичъ, поглаживая свою блестящую лисину.

Петръ Ѳедоровичъ рукой махнулъ.

— Значить, пока на ногахъ держится, не выжмешь?—улыбаясь продолжалъ Филаретъ Павловичъ, чувствуя душевное удовольствие отъ пріятнаго извѣстія.

И опять расстались до слѣдующаго буфета. Петръ Ѳедоровичъ уже увлекался новыми планами, основывая ихъ пока на одномъ только предположеніи, что для Филарета Павловича ничего не стоитъ дать ему взаимнѣ тысячи двѣ-три, о чемъ онъ передалъ и Глафирѣ Александровнѣ—и всѣ оживились, забыли о дядѣ, о недавнихъ своихъ скорбяхъ и важили мечтами о томъ, что не мѣшаесть остаться на нѣкоторое время въ Москвѣ. При этомъ припомнилось, что дорога изъ Нижняго по Волгѣ по случаю приближающейся весны дѣлается съ каждымъ днемъ хуже и остановка въ Москвѣ являлась прямою и неотразимою необходимостію. Тамъ одна только надежда на возможность достать денегъ способна была оживить Поляровыхъ и одновременно съ этою надеждою тотчасъ же возникали у нихъ мечты о примиреніи съ дядей, о слабомъ состояніи его здоровья и о полученіи наслѣдства послѣ его смерти.

Обмѣнялся Петръ Ѳедоровичъ съ Хохлаковымъ адресами. Оказалось, что опять они въ разныхъ гостиницахъ. Поляровъ на Никольской въ Славянскомъ Базарѣ, Хохлаковъ на Ильинѣ въ старомъ и грязномъ Посольскомъ подворьѣ. Но какъ ни грязно это подворье, а пришлось туда идти самому Петру Ѳедоровичу. Онъ поджидалъ-было Филарета Павловича, предполагая даже угостить его на славу, но Хохлаковъ соображалъ объ этомъ по-своему—«лучше, молъ, будетъ, ежели ты ко мнѣ придешь, а не я къ тебѣ».

И не успѣлъ еще Хохлаковъ хорошенько помолиться въ часовнѣ у Иверской, какъ Петръ Ѳедоровичъ былъ уже у него въ номерѣ и ждалъ его возвращенія. Филаретъ Павловичъ возвратился въ религіозномъ настроеніи духа и сталъ занимать Полярова бесѣдою о духовныхъ предметахъ, несмотря на то, что онъ сразу заговорилъ о займѣ денегъ.

— Вотъ-съ, Петръ Ѳедоровичъ, вы всегда такъ отъшались очень, извините меня, вольнодумно и о безсмертіи и о вѣрѣ православной, а вѣдь ежели разсудить, ошибочное вѣдь наше мнѣніе. Сообразите, возможно ли безъ Бога! Такъ, напримѣръ, будемъ говорить, что такое Господь? Невозможно умомъ постигнуть... Да-съ, такъ-то-съ... Вотъ вы полагаете теперича занять

подъ ту же дачу денегъ, подъ которую я уже вамъ далъ достаточное количество—развѣ это возможно—разсудите! Этого нельзя!.. Разсчета нѣтъ!

Пришлось Петру Ѳедоровичу разочаровываться въ своихъ созданныхъ такъ быстро планахъ и впасть вновь въ унылое состояніе духа. Наступила тяжелая минута молчанія. Филаретъ Павловичъ посматривалъ на Петра Ѳедоровича и барабанилъ по столу пальцами.

— Такъ неужели, Филаретъ Павловичъ, вы мнѣ какую-нибудь тысячу не можете дать? — печально спросилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Нѣтъ... Отчего же? Можно... Я ваше положеніе очень хорошо, Петръ Ѳедоровичъ, понимаю и сочувствую, но, разсудите хозяйственно, нельзя же такъ просто, взялъ да и выдалъ: деньги счетъ любить.

Дѣло, разумѣется, въ концѣ-концовъ рѣшилось такъ, какъ хотѣлъ Хохлаковъ и оба они отправились въ нотариусу (тоже знакомому Филарета Павловича). Возвращаясь изъ конторы въ Посольское подворье, Хохлаковъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и подалъ нищему цѣлый двугривенный, причемъ, впрочемъ, внушилъ, что надо трудиться, а не христовымъ именемъ жить. Войдя въ свой номеръ, онъ благоговѣнно перекрестился на образъ, въ пріятномъ сознаніи хорошо устроеннаго дѣла.

Возвратившись въ Глафирѣ Александровнѣ, Петръ Ѳедоровичъ торжественно предложилъ ей билетъ въ бель-этажъ Большого театра, купленный имъ немедленно же по выѣздѣ изъ конторы нотариуса.

— Папа, папа! Къ чему это? — благоразумно упрекнула Настя, все еще находясь подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ недавнихъ слезъ и гора.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, Петръ Ѳедоровичъ, — грустно замѣтила Глафира Александровна, — кажется это лишнее. Вспомните, въ какомъ гнѣвѣ дядя.

— Ха, ха! Все перемелется! Вотъ еще! — безпечно перебилъ Петръ Ѳедоровичъ: — вы думаете, въ самомъ дѣлѣ дядя лишитъ насъ наслѣдства? Этого быть не можетъ!

— Ахъ, Петръ Ѳедоровичъ, какой вы всегда увлекающійся! Ну, что это пра-аво... — слабо упрекнула Глафира Александровна. — Ну, къ чему было брать бель-этажъ?

— Ха, ха! Къ чему? — весело возразилъ Петръ Ѳедоровичъ: — да вы знаете ли, кто сегодня поетъ-то? Вѣдь Патти! Поймите: Патти, божественная дива!

— Пагы! — радостно воскликнула Настя.

— Па-аги! Ахъ, это другое дѣло! — согласилась Глафира Александровна, — за это конечно мерси...

Она величественно протянула для поцѣлуя Петру Фёдоровичу свою пухлую руку.

Вечеромъ, раздущенныя и разряженныя, онѣ отправились въ театръ и совершенно забыли о недавнихъ своихъ слезахъ, о предстоящей поѣздкѣ въ Красныя-Горки, о гнѣвѣ дяди — словомъ, забыли обо всемъ.

— Какъ хороша, — со вздохомъ прошептала Петръ Фёдоровичъ, выходя во время антракта въ корридоръ.

— Какой туалетъ! — подсказала Глафира Александровна.

Такъ своеобразно они наслаждались талантомъ пѣвицы.

Но выѣхали они изъ Москвы въ явной между собой ссорѣ, даже въ вагонахъ нижегородской дороги Глафира Александровна и Настя сидѣли отдѣльно отъ Петра Фёдоровича. Потомъ во время путешествія на пароходѣ по Волгѣ, онъ пробовалъ-было закинуть удочку на примиреніе, но Глафира Александровна каждый разъ отвертывалась, когда онъ съ ней разговаривалъ и презрительно пожимала плечами.

Пріѣхали они наконецъ въ губернской городъ, Глафира Александровна осталась при прежнемъ своемъ рѣшеніи не ѣхать въ Красныя-Горки. Петръ Фёдоровичъ этому не противорѣчилъ, зная, что ничего хорошаго ее тамъ ждать не можетъ. Самъ онъ тоже не сразу отправился туда и откладывалъ день за днемъ свой отъѣздъ, заранѣе предугадывая, какія тяжкія испытанія его ожидаютъ тамъ.

Слушая рассказъ Анюты о событіяхъ, случившихся зимою въ Красныхъ-Горкахъ, Глафира Александровна плакала, рыдала и упрекала Анюту за то, что будто бы она была единственною виновницею женитьбы Анатолія и смерти бабушки.

XXXVI.

Молчаливъ и пасмуренъ былъ Петръ Фёдоровичъ во время переезда отъ губернскаго города до Малорѣченска. Знакомые пригорки, перелѣсы, мостики — все наводило его на воспоминанія прошлаго, и это прошлое точно нарочно просилось на сравненіе съ его настоящимъ. Церковь ли блѣднѣла гдѣ-нибудь вдали за поляной, рѣчка ли прихотливными изгибами вилась и кружилась по лугамъ, озеро ли попадалось на глаза — все напоми-

наю прошлое и не только личное свое, а даже прошлое другихъ, подобныхъ ему, какъ онъ говоритъ, «вымирающихъ» собратьевъ. Вотъ тамъ, напримѣръ, около обѣдающей вдали церкви красовался когда-то большой каменный домъ, вѣснать въ двадцать, который Петръ Ѳедоровичъ точно видитъ теперь передъ собой съ его бельведерами, балконами и башенками, и вспоминаетъ, какимъ широкимъ потокомъ лилась жизнь въ этомъ домѣ, теперь опустѣвшемъ, разваливающемся и даже нѣтъ не поправляемомъ. Засматривается Петръ Ѳедоровичъ на капризно извивающуюся рѣчку и вспоминаетъ, какъ онъ охотился когда-то въ ея камышахъ, какъ плавалъ въ тихія лунныя ночи по озеру въ пріятномъ обществѣ дамъ и дѣвицъ, при звукахъ музыки домашняго оркестра изъ крѣпостныхъ, и давить его тоска при мысли о томъ, что и дамы, и товарищи-охотники и вся обстановка ихъ праздной жизни, все погнбло безвозвратно.

Перемѣняются ямщики на козлахъ его экипажа, мелькаютъ придорожныя столбы съ верстовыми цифрами, деревенскія изгороди съ скрипучими воротами, часовенки въ видѣ тѣхъ же столбовъ съ крышей на верху и темнымъ образомъ внутри, поставленныя усердіемъ крестьянъ всегда гдѣ-нибудь на пригоркѣ или около ручья,—и все это родное, съ дѣтства знакомое, сердитъ Петра Ѳедоровича, сердитъ, потому что съ каждой верстой онъ ближе къ Малорѣченску, который теперь ему болѣе чѣмъ когда-либо прежде ненавистенъ.

День ясный и теплый, солнце ярко блеститъ на куполахъ малорѣченскихъ церквей, и на улицахъ города такая непролазная грязь, что экипажъ Петра Ѳедоровича едва двигается, утопая въ этой грязи по ступицы колесъ. Онъ отклонился въ глубь экипажа и досадовалъ, что лошади такъ медленно ползутъ по грязи. Миновалъ онъ наконецъ городъ съ ненавистнымъ ему го-стиннымъ дворомъ, гдѣ такъ много навязчивыхъ купцовъ, имѣющихъ дурную привычку просить уплаты долга, и съ не менѣе противными ему теперь домами братьевъ Хохлаковыхъ, которыхъ онъ не можетъ иначе представить, какъ въ видѣ огромнаго прожорливаго животнаго. Когда экипажъ его былъ уже въ какой-нибудь полуверстѣ разстоянія отъ усадьбы «Красныя-Горки», Петръ Ѳедоровичъ сталъ припоминать, каковъ такой актъ заключилъ съ нимъ въ Москвѣ Филаретъ Павловичъ, но никакъ не могъ вспомнить, что такое въ этомъ актѣ было написано о его движимомъ имуществѣ. Во время такихъ соображеній экипажъ его въѣхалъ уже въ усадьбу.

Весна была въ полной красѣ. Запущенный паркъ, примы-

кавиній къ господскому дому, зеленѣлъ теперь, играя тысячами переливовъ свѣта и тѣни, запахъ черемухи и сирени разливался въ воздухѣ, наполненномъ звуками звонкихъ голосовъ пѣвчихъ птицъ. На дворѣ, зеленѣвшемъ свѣжей травой, не было ни души, только два молодые щенка, безмятежно игравшіе на солнцѣ, тавкнули-было на подъѣхавшій къ воротамъ экипажъ, но тотчасъ же и замолкли, снова увлекшись игрой.

Пока ямщикъ слѣзая съ возель и отворялъ ворота, Петръ Ѳедоровичъ потерялъ терпѣніе ждать и вышелъ изъ экипажа.

— Эй, кто тамъ?—крикнулъ онъ, войдя во дворъ и щура глаза отъ яркаго блеска солнца.

Въ отвѣтъ на его громкій зовъ никто не явился.

Двери такъ называемаго параднаго подъѣзда были заволочены досками, окна въ нижнемъ этажѣ дома закрыты ставнями. Петръ Ѳедоровичъ подошелъ въ кухню, взглянулъ въ окно и снова крикнулъ.

— Эй, кто тамъ? Савелій!

— Батюшки мои свѣты!—въ испугѣ зашептала Марья, смотря въ окно флигеля:—это-то пріѣхалъ... Ужъ не баринъ ли?

Въ окнѣ показались еще два женскихъ лица, но тотчасъ же скрылись.

— Баринъ и есть!—прошептала Марья, но не рѣшилась выйти на крыльцо и, крадучись, продолжала смотреть въ окно. Мамонька, —шептала она въ испугѣ, —мамонька, никакъ онъ сюда идетъ!..

— Полно, полно!—утѣшала мать, пошто онъ сюда пойдетъ?... Не пойдетъ онъ сюда... Вонъ, гляди, Савелій вышелъ къ нему.

Савелій копался въ огородѣ за кухней и, слыша зовъ Петра Ѳедоровича, удивился, кому это понадобилось отвлекать его отъ дѣла. Онъ заворчалъ что-то себѣ подъ носъ, выходя изъ-за кухни во дворъ, и вдругъ сдернулъ съ сѣдой головы фуражку, увидѣвъ передъ собой барина.

— Батюшка, Петръ Ѳедоровичъ! Съ пріѣздомъ,—радостно зашептала онъ кланаясь.

— Что это такое, Савелій? — Кричу, кричу... Гдѣ же другіе, Манаръ, Агаѣя? Что это за безпорядки?

— Не извольте гнѣваться... Сейчасъ... Сію минуту... Вотъ я только ключъ захвачу,—торопливо отвѣчалъ Савелій, кинувшись въ кухню.

Петръ Ѳедоровичъ презрительно пожалъ плечами, смотря въ слѣдъ суетившемуся старику.

— И подѣлъ забил досками, — ворчалъ онъ, проходя по пустыннымъ комнатамъ дома! — что за безпорядки?

— Это я-съ сейчасъ.. Не извольте гнѣваться, — успокоивалъ старикъ, — я сейчасъ самъ отниму доски-съ... Это одна минута..

— Чортъ знаетъ что такое... — продолжалъ Петръ Федоровичъ, входя въ кабинетъ и сердито открывая окно.

Въ душную комнату хлынулъ ароматный теплый воздухъ яркаго весенняго дня и съ нимъ веселые переливы птичьихъ голосовъ. Петръ Федоровичъ оглянулъ кабинетъ, зашелъ въ соседнюю съ нимъ комнату, гдѣ была его спальня, и опустился въ глубокое кресло около письменнаго стола. На столѣ и въ комнатѣ все было въ порядкѣ, чернильница и разные кабинетныя вещицы разставлены были по своимъ мѣстамъ, картины на стѣнахъ завѣшены нисею и въ поставовѣ мебели не было никакой перемѣны. Все было то же, только въ немъ самое было что-то другое, чего онъ и самъ ясно понять не могъ и не хотѣлъ. Безцѣльно взявъ съ письменнаго стола какую-то вещьцу, онъ посмотрѣлъ на нее съ такимъ страннымъ выраженіемъ лица, точно видѣлъ въ ней что-то необыкновенное, и потомъ, нервно подернувъ плечами, бросилъ ее на письменный столъ и отвернулся отъ него. Лицо его имѣло какой-то темный оттѣнокъ, подъ глазами были пятна и во всемъ проглядывало выраженіе чего-то болѣзненнаго и унылаго. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, онъ сталъ противъ окна, посмотрѣлъ на отдаленный лѣсъ, луга, рѣку и потомъ взглядъ его остановился на церковной оградѣ, гдѣ онъ ясно видѣлъ рядомъ съ мраморнымъ намятникомъ, поставленнымъ на могилѣ отца, другую могилу съ простымъ деревяннымъ крестомъ. Угли рта его нервно задергались, глаза замигали и, закрывъ лицо руками, онъ сѣлъ на подоконникъ, не обративъ вниманія на то, что пыль густымъ сѣрымъ слоемъ покрывала его. Заслышавъ шаги Савелія, онъ торопливо оправился и опять сталъ презрительно подергивать плечами, сердясь на безпорядки.

— Чортъ знаетъ что! — ворчалъ онъ: — куда всѣ разбѣжались? Я же писалъ, что скоро буду... Могли подождать.

— Но, извольте рассудить-съ, — стыдливо и робко замѣтилъ Савелій, — одержаться не изъ чего-съ... Потому, какъ теперича барышня изволили выѣхать съ Серафимой Антоновной, съ этого запустѣніе началось...

— Ну, а тотъ? Онъ?.. Что?.. — хмуро спросилъ Петръ Федоровичъ, не произнося имя сына.

Савелій понялъ, о комъ спрашиваетъ баринъ, но ничего ему не отвѣтилъ, только махнулъ плечами и погулился.

— Я вамъ кофе сдѣлаю. Разобрать савояжъ... Тамъ есть... Сливки можно достать... тутъ рядомъ у старухи.

— Но, Савелій, кто же у насъ смотритъ за коровами, за лошадьми? Неужели ты одинъ ведѣ?

— Нѣту-съ, Петръ Ѳедоровичъ, ни коровъ, ни лошадей... Только старый сивка остался...

— Какъ-ахъ?

— Анатолій Петровичъ продали-съ...

— Какъ-же ты смѣлъ ему позволить?

— Помилуйте-съ, Петръ Ѳедоровичъ! Извольте сообразить, могу ли я осмѣлиться.

— Ахъ, Боже мой! да развѣ можно Анатолія слушать? Ты самъ знаешь, что онъ такое...

— Ничахъ нѣтъ-съ, Петръ Ѳедоровичъ, — робко возразилъ Савелій: — разговоръ ихъ самый основательный... потому, средства требуются на все, на столъ и на прочее... Почти полгода изволили отсутствовать...

— Какъ онъ смѣлъ? Вѣдь онъ же у Спиридонова живетъ...

— Ничахъ нѣтъ-съ; они во флигелѣ....

— Здѣсь? У меня въ домѣ? Съ женой своей... съ крестьянкой?.. — закричалъ Петръ Ѳедоровичъ и забѣгалъ по комнатамъ, трагически пограсая руками.

До этой минуты онъ не зналъ, кого обвинить въ томъ скверномъ душевномъ состояніи, которое тяжелымъ бопмаромъ давило его. Теперь этотъ виновникъ нашелся. Конечно Анатолій всѣхъ золь причина. Онъ, онъ одинъ отвѣтчикъ за все: изъ-за него и дядя такъ разгнѣвался, изъ-за него и Глафира Александровна не захотѣла ѣхать въ усадьбу. Онъ одинъ во всемъ виноватъ, сразу рѣшилъ Петръ Ѳедоровичъ и торопливо вышелъ изъ кабинета, охваченный ненавистью къ сыну. Быстро идя по пустыннымъ комнатамъ, въ которыхъ такъ рѣзко раздавались теперь его шаги, Петръ Ѳедоровичъ гнѣвно кидалъ взгляды на мебель и на картины, точно обращаясь къ нимъ съ упреками и жалобами на Анатолія.

— Какъ! Онъ, опозорившій нашъ старинный родъ, какъ онъ осмѣлился! — вымчалъ онъ, тяжело дыша. — Съ крестьянкой, съ мужичкой онъ смѣлъ поселиться въ моемъ наслѣдственномъ домѣ. Нѣтъ! Я не могу болѣе переносить. Я оскорбленъ! Я униженъ!

Во всемъ этомъ такъ вдругъ и съ такою силою развившемся

негодованіи удивительно было именно то, что Петръ Ѳедоровичъ принялъ за новость извѣстіе, которое было уже ему сообщено въ письмѣ Анюты и почти не возмутило его тогда. Или онъ забылъ о немъ, или, вѣрнѣе—ухватился за него теперь, какъ за поводъ, дававшій возможность его душевному состоянію разразиться грозой.

— Я ему покажу!—стоналъ онъ, сбѣгая съ черной лѣстницы во дворъ и быстро шагая потомъ на перерѣзъ его къ дверямъ флигеля.

Савелій торопливо шелъ за нимъ и смущенно успокоивалъ его.

— Не извольте беспокоиться, Петръ Ѳедоровичъ, не утруждайте себя напрасно... Анаталія Петровна нѣтъ-съ дома.

— Замолчи, замолчи, старый хрянь! — крикнулъ онъ на него:—останься здѣсь, не ходи за мной.

Савелій послушно остановился посреди двора и въ большомъ страхѣ провожалъ глазами Петра Ѳедоровича, пока онъ не скрылся за дверями флигеля.

— Кто тутъ живетъ? Кто смѣлъ здѣсь поселиться?—закричалъ Петръ Ѳедоровичъ, торопливо входя во флигель. Глаза его имѣли почти дикое выраженіе, ротъ искривился и все лицо налилось кровью.

Анатолія дѣйствительно не было дома и Марѳа, успокоившись, что баринъ ушелъ въ большой домъ, услалась съ гостьями за самоваръ. Гостьями у ней были въ это время мать и какая-то старушка родственница. Онѣ не замѣтили, какъ Петръ Ѳедоровичъ прошагалъ по двору, и слышали его громкій голосъ только тогда, когда самъ онъ, сильно распахнувъ двери, появился въ комнатѣ. Пугливо поднявшись отъ стола, онѣ въ первую минуту его крика понять даже не могли, что за гроза такая вдругъ гранула на нихъ.

— Кто вы такіа? Какъ вы смѣли забраться сюда?—загремѣлъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Мамонька, что это?—испуганно зашептала Марѳа, прижавъ за спину матеря.

Но Петръ Ѳедоровичъ уже замѣтилъ ее.

— А, это ты-ы! Это ты, мужичка, погубила моего сына! Вонъ отсюда! Вонъ всѣ! Знать васъ не хочу... Не признаю! Не признаю никакого брака!..

Бросившись къ окну, выходившему на улицу, онъ съ силою ударилъ кулакомъ въ переплетъ рамы и распахнулъ ея дверцы. Вслѣдъ за этимъ движеніемъ, тотчасъ же схватилъ со стола

самоваръ и вышвырнулъ его на улицу. Потому туда же полетѣла посуда, подушки, платье—все, все, что только попададо ему подъ руки.

Марю и мать ея и старушка гостя тѣсно жались одна въ другой и въ ужасѣ смотрѣли на Петра Ѳедоровича, голосъ котораго уже началъ хрипнуть отъ долгаго врига.

XXXVII.

Но гроза на этомъ не кончилась.

Изгнавъ изъ флигеля жену Анатолія и ея гостей, Петръ Ѳедоровичъ почувствовалъ усталость и свалился на диванъ, тяжело дыша. Въ комнатѣ былъ теперь такой безпорядокъ, точно послѣ непріятельскаго нашествія: на полу валялись обломки чайной посуды, переддвинутый столъ и разбитая фарфоровая лампочка, очевидно имѣвшая на немъ свое мѣсто въ мирное время. Дверь во флигель оставалась на распашку и въ окнѣ, чрезъ которое Петръ Ѳедоровичъ выныдывалъ на улицу имущество Марю, было разбито стекло.

Пока Петръ Ѳедоровичъ лежалъ на диванѣ и стоналъ, хватаясь по временамъ обѣими руками за голову, около окна собралось нѣсколько человѣкъ крестьянъ, и съ большою скорбію смотрѣли на разбросанныя вещи. Вскорѣ появился самъ Спиридонъ Яковлевъ, подѣхавшій съ работникомъ въ телѣгѣ къ окну флигеля, и громко заявилъ собравшейся толпѣ:

— Православные! Видите... Будьте свидѣтелями... Я не оставляю этого дѣла втунѣ. Нужды нѣтъ, что онъ господиень баринъ: нонѣ всѣ равны, и судъ разсудить. Да, онъ этимъ самымъ душу мою истерзалъ... Однако, парень, подбирай вещи, — обратился онъ къ работнику, и началъ ему самъ помогать.

Православные стали обсуждать поступокъ барина, покачивали головами и охали, не думая о томъ, что Петръ Ѳедоровичъ можетъ слышать ихъ разговоръ. Онъ однако-же слышалъ смутно и лежалъ на диванѣ, закрывъ глаза. Сердце его нѣсколько успокоилось и дыханіе стало медленнѣе; но вотъ до слуха его донеслось какое-то странное слово съ улицы, — онъ быстро сѣлъ на диванѣ и сталъ внимательно вслушиваться.

Разговоръ на улицѣ уже перешелъ въ споръ.

— А ты думаешь, за это похвалятъ? — ворчалъ кто-то хриплымъ старческимъ голосомъ. — По-твоему можно самовары ломать... На вотъ тебѣ!.. На улицу!... За это, братъ, не похвалятъ...

— Ну, и крадучись зайти тоже не больно тово... — возражал другой голос. — Значить ему, какъ теперича отцу... обидно... Онъ, чай, баринъ... Небойсь хоть бы него поносишь, осерчаешь...

— Православные! — завопилъ Спиридонъ Яковлевъ, — дѣло прошлое, а только дочь невѣнчалась безъ моего спросу. Молодой баринъ ее сбивалъ съ толку. Обида мнѣ. Я отецъ!.. И теперича подумайте, сколько добра переперчено... все въ грязи, самоваръ измался... Я отецъ...

Петръ Федоровичъ узнавъ голосъ Спиридона Яковлева и бросился къ окну.

— Что ты раскрывался, рыжая борода? Я не признаю никакого брака... Вонъ! Отъѣзжай отъ дому... Выйду на улицу, хуже будетъ

Его громкій крикъ, вдругъ и совершенно неожиданно раздавшійся изъ окна, испугалъ крестьянъ. Нѣкоторые по старой привычкѣ потянули съ головъ шапчонки, а Спиридонъ Яковлевъ подбодчился и смѣло заявилъ:

— Ничто можно это говорить, Петръ Федоровичъ... Полгода прошло... Она теперь въ тяжести... И столько добра перепортили...

— Я тебѣ покажу, можно-ли? — низкающе крикнулъ Петръ Федоровичъ и быстро пошелъ изъ флигеля на улицу; но Спиридонъ Яковлевъ сообразилъ, что лучше держаться подальше отъ грѣха и побѣжалъ домой.

Когда Петръ Федоровичъ вышелъ на улицу, его толпа уже скрылась въ сосѣднемъ переулкѣ.

— Не признаю! Никакого брака не признаю! закричалъ Петръ Федоровичъ, обращаясь къ старикамъ. — Поѣду къ архіерею и добьюсь развода. Этому Захару быть въ монастырѣ!.. Я его упеку...

И вспомнивъ, что отецъ Захаръ живетъ тутъ-же около церкви, онъ поспѣшно занягалъ черезъ улицу къ его домишку, не стѣняясь тѣмъ, что идетъ по улицѣ безъ шляпы. Савелій, однакоже, это замѣтилъ и успѣлъ сбѣгать въ комнаты.

— Батюшка, Петръ Федоровичъ, невольте надѣть, — заботливо поправилъ онъ, догоняя его и подавая ему легкую дорожную шляпу.

Петръ Федоровичъ моментально накрылъ ею голову и ушелъ въ калитку домишка отца Захара. Матушка, испугавшаяся его громкаго вѣдроса и знакомая отчасти съ подробностями, при которыхъ совершенъ былъ бракъ Анатолія, затворилась въ своей комнатѣ, заперевъ ее на крючокъ и визгливо отвѣтила оттуда:

— Нѣту его, нѣту... Онъ вечерню служить... Въ церкви онъ...

Петръ Ѳедоровичъ ежинулъ сердитымъ взглядомъ бѣдное помѣщеніе отца Захара и круто повернулся обратно.

О. Захаръ былъ дѣйствительно въ церкви, и когда Петръ Ѳедоровичъ вошелъ туда, онъ окончилъ уже вечерню и собирался уходить. Двѣ-три старушонки, бывшія единственными молещницами въ церкви, столкнулись съ нимъ въ дверяхъ и въ испугѣ отшатнулись, замѣтивъ предъ собою его искаженное злобой лицо съ трясущимися губами.

— Захаръ! Ты вѣнчалъ, да? Ты?—закричѣлъ Петръ Ѳедоровичъ, какъ только увидѣлъ о. Захара.

— Ахъ, — скорбно воскликнулъ о. Захаръ: — признаться, сколько разъ осѣдомлялся о васъ и ожидалъ!.. Наконецъ-то соблаговолили.

— Ты вѣнчалъ? Говори!.. — прервалъ Петръ Ѳедоровичъ, не обращая вниманія на его привѣтствіе.

— Какъ вы взволнованы! Боже мой!—продолжалъ о. Захаръ:—даже не могу понять, о комъ осѣдомляетесь...

— Не уклоняйся!—Знаешь, что объ Анатоліи спрашиваю... Я не признаю этого брака! Пойми, не признаю...

— Не могу хорошо припомнить прошедшаго, — отвѣтилъ о. Захаръ, но насколько мнѣ память не измѣнила...

— Не вѣрю! Не вѣрю!—прервалъ Петръ Ѳедоровичъ. — Покажи мнѣ книги, гдѣ это записано.

— Чтожъ, это очень возможно, — спокойно отвѣтилъ о. Захаръ, — соблаговолите одну минутку пообождать. Вотъ мы и справимся и о времени, и о прочемъ... Ѳома Лукичъ, — обратился о. Захаръ къ причетнику, — принеси-ка Петру Ѳедоровичу стулѣкъ, вонъ тамъ у ящика старосты возьми.

Ѳома Лукичъ, стоявшій съ церковными ключами въ рукахъ, суетливо побѣжалъ за стуломъ, но Петръ Ѳедоровичъ не обратилъ на него вниманія и пошелъ за о. Захаромъ въ алтарь, гдѣ въ особомъ ящикѣ, устроенномъ въ храмовой стѣнѣ, хранились книги. Спокойствіе, съ каковымъ о. Захаръ велъ себя, составляло совершенную противоположность состоянію Петра Ѳедоровича и это еще болѣе бѣсило его. Идя за нимъ въ алтарь, онъ продолжалъ рѣзко и громко говорить, жутаясь въ самый предметъ разговора. То онъ увѣрялъ, что упечетъ о. Захара въ монастырь, то отрицалъ возможность совершенія акта и кричалъ, ударяя себя въ грудь:

— Этого не можетъ быть! Этого не можетъ быть! Мой сынъ, родовой дворянинъ, чтобы онъ сѣлъ!.. Вѣдь-о-ры! Вѣдь-о-ры!

— Если память не изменяетъ, — напѣренно ткнулъ о. Захаръ, перелистывая книги и кнуфисы, — насколько помнится, въ январѣ... Кажется, такъ... Времени однако же миновало достаточно, да-а день за днемъ, день за днемъ все въ смерти ближе, — вдохнуть онъ, — однако же, что это я не могу найти? Удивительное обстоятельство! Точно затѣніе какое!.. Ахъ, да вотъ здѣсь.. Никольте сами полюбопытствовать...

Онъ ударилъ пальцемъ по одному листу книги и подалъ ее Петру Федоровичу.

— Гдѣ? Это вотъ? Да? — отрывисто спросилъ Петръ Федоровичъ и сталъ читать.

— Да-а! Вотъ удивительно! Уже почти полгода миновало... — продолжалъ о. Захаръ, грустно покачивая головой; но едва ли это грустное покачиваніе не служило выраженіемъ соебъхъ дру-гого чувства, именно чувства удовольствія при мысли о томъ, что поздно обвинять его въ незаконномъ совершеніи бракосочетанія Анатолія.

Но не успѣлъ онъ утѣшиться успокоивающею мыслию о скоротечности времени, какъ вдругъ лицо его исказилось отъ страшнаго испуга.

— Что вы? Что вы дѣлаете? — крикнулъ онъ, схвативъ Петра Федоровича за руку.

— Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ! — закричалъ въ отвѣтъ Петръ Федоровичъ, вырвавъ изъ книги тотъ листъ, на которомъ было записано о совершеніи брака Анатолія, и разрывая его на части.

— Оома! Оома! — раздался испуганный крикъ о. Захара, — Оома, спѣши сюда!

Оома Лукичъ прибѣжалъ на крикъ о. Захара и, не понимая причины его испуга, съ изумленіемъ остановился въ дверяхъ.

— Оома, будь свидѣтелемъ! — задыхаясь просилъ о. Захаръ, уже утратившій свое благодушное спокойствіе. — Преступленіе! Ужасное преступленіе! Ооооо! — онъ изорвалъ листъ брачнаго обыска!

— Не знаю, не знаю... Я ничего не знаю... — рѣшительно и вдругъ заавилъ Оома Лукичъ, заразившійся тѣмъ испугомъ, который такъ быстро охватилъ о. Захара.

— Не признаю. Все кончено! — твердилъ свое Петръ Федоровичъ и, не обращая болѣе вниманія ни на отца Захара, ни на Оому Лукича, поспѣшно вышелъ изъ церкви.

О. Захаръ припалъ къ полу, тщательно собирая разорванные кусочки вырваннаго листа и плачевно упрямалъ Богу:

— Какъ же ты осмѣливаешься говорить такіе непристойности? Какой же ты служитель при храмѣ?.. А, вотъ еще кусочекъ!.. Ты, Гома Дувичъ, не можешь изсвидѣтельствовать! Не можешь! Ты долженъ помнить, что я могу потребовать отъ тебя присяги... Ну вотъ, вотъ теперь всё... Ахъ, безумецъ какой Петръ Федоровичъ!.. Пожди, бѣги немедленно зови старосту и сотскаго... Необходимо составить актъ а безъ замеченія должности о самъ преосвященнѣйшему владыкѣ...

О. Захаръ долго потомъ шептался со старостой и сотскими, показывая имъ разорванные листы брачнаго обряда, и не зная, на что рѣшиться: онъ боялся и архіерея и следствія.

А Петръ Федоровичъ лежалъ въ это время въ своемъ кабинетѣ, стоналъ и охалъ и хватался обѣими руками за свои растрепанные волосы. Замѣтно было по всѣмъ его движеніямъ, что онъ не столько страдалъ отъ болѣзни, сколько отъ испуга: онъ понималъ, наконецъ, что надѣлалъ такихъ бѣдъ, за которыя теперь придется отвѣчать уже не Спиридону Яковлеву, а не о. Захару, а ему самому.

— Охъ, охъ, умираю!.. Савелій!.. — плачевно звалъ онъ слугу: — Савелій, умираю! Зови священника: наступать мой смертный часъ...

Но Савелій не пошелъ за священникомъ: онъ знаетъ Петра Федоровича съ дѣтства и очень хорошо видѣлъ, откуда это изнеможеніе, болѣзненная слабость голоса.

XXXVIII.

— Господинъ Хохлаковъ! — уныло доложилъ Савелій на другой день утромъ.

— Ахъ, я боленъ! — Петръ Федоровичъ нахмурился, однако же поднялся съ дивана и сказалъ «проси».

— А, многоуважаемый, съ прїѣздомъ! — прїѣхствовалъ Филаретъ Павловичъ, входя въ кабинетъ. — Что съ вами? вы больны...

— Боленъ! Разбитъ! И ноги и грудь... — болѣзненно отвѣчалъ Петръ Федоровичъ.

— Не хорошо!.. Ъхалъ мимо на мельницу, дай, думаю, заверну, кстати и дѣлишки есть... Вы бы въ баню... Самое превосходное средство... Оно, конечно, ежели вся конструкція, на-

принимать, превращаясь, тогда бѣня даже во вредъ, ну, а вамъ, я полагаю, будетъ пользательно! Вотъ хотя бы и моя болѣзнь...

Целая Филаретъ Павловичъ говорить о своей болѣзни, Петръ Федоровичъ томился мрачными думами о томъ, какое высказаніе послѣдуетъ съ него за разорванный листъ въ церковной книгѣ.

— Баяна помогаетъ; это, батюшка, не подлежитъ сомнѣнію, да-съ! — заключилъ Филаретъ Павловичъ и, не перемѣняя тона своей рѣчи, добавилъ: — а на счетъ заключеннаго, въ Москвѣ актъ намъ необходимо, Петръ Федоровичъ, поговорить, такъ какъ теперь срокъ подходитъ; или соблаговолите ко мнѣ, за часомъ побесѣдуемъ...

Петръ Федоровичъ нахмурился еще больше.

— Знаете что! — вдругъ началъ онъ, — вы купите у меня лѣсную дачу... самѣмъ, въ собственность... Чтобы такъ, безъ хлопотъ.

— Можно-съ! — коротко отвѣтилъ Филаретъ Павловичъ, поглаживая бороду.

— Сколько же вы мнѣ еще дадите?

— Гм... Гм... Это старъ-съ... Да-асъ, вопросецъ!.. Какъ вамъ сказать?..

Хохлаковъ помолчалъ, посмотрѣлъ на потолокъ, взглянулъ искоса на Петра Федоровича, тревожно ожидавшаго отвѣта на свое предложеніе, и, не торопясь, потомъ отвѣтилъ:

— Дѣло, извольте видѣть, Петръ Федоровичъ, сложное. Одну дачу купить расчету нѣтъ. Да вѣдь и вы, насколько я понимаю могу, всѣ свои дѣла сводите на то, чтобы то-есть расчаться съ нѣмъ окончательно...

— Нѣтъ, зачѣмъ же... Я хотѣлъ только одну лѣсную дачу.

— Одну дачу я купить не могу...

— На отчего же?

— Расчету нѣтъ.

— Помилуйте, если все продать на срубъ, сколько же дадутъ?

— Да не больше того, во сколько заложена.

— Ка-акъ! — изумился Поарковъ, — восемь тысячъ?

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ же восемь тысячъ, — тринадцать дадутъ, — спокойно отвѣтилъ Филаретъ Павловичъ: — дадутъ, значить, сумму, равную долгу по закладной... Не больше!.. Ни въ какомъ разѣ!..

— Ахъ, да! — вдругъ спохватился Петръ Федоровичъ и смущенно почесалъ затылокъ. Онъ вспомнилъ время, предшествовавшее его поѣздкѣ въ Парижъ, когда Хохлаковъ помогъ ему.

— Нѣтъ-съ, Петръ Ѳедоровичъ, я полагаю такъ,—прервалъ его думы Хохлаковъ:—что вамъ въ нашемъ положеніи нечего держаться нѣтъ. Времена не тѣ! И семейство, напримѣръ, въ разбросѣ и все неладно... Порѣшили бы все сразу, и шабашъ...

— А сколько дадите?—тревожно спросилъ Поярковъ.

— За все-съ?

— Гм... да!.. Ну, за все...

— То-есть, позвольте, — вставая со стула и прикладывая руку къ сердцу, началъ Филаретъ Павловичъ, — то-есть напримѣръ, все какъ есть, дача, усадьба; движимое, значить, все и недвижимое...

— Ну да, конечно...

— Тысячу рублей навину-съ еще, такъ и быть.

Петръ Ѳедоровичъ испуганно отстранился отъ него.

— Что вы! — воскликнулъ онъ, — вы шутите!

— Какія шутки! — уклончиво отвѣтилъ Филаретъ Павловичъ: — тысяча рублей значительныя деньги... Ихъ тоже, знаете, по нынѣшнему времени добыть—большой умъ надо...

— Филаретъ Павловичъ, что вы! — громко возразилъ Петръ Ѳедоровичъ, разводя руками. — Это невозможно!

— Какъ угодно! Подчивать велѣно,—неволить грѣхъ! Это точно! Я не затѣмъ и затѣхалъ къ вамъ,—добавилъ онъ, протягивая руку и прощаясь. — Я, признаться, только по тому дѣлу, по московскому...

— Ахъ, да! спохватился опять Петръ Ѳедоровичъ и перевинувшись нѣсколькими словами, припомнилъ, что и движимое имущество въ его домѣ тоже съ достаточной вѣрностью находится въ рукахъ Хохлакова.

— Однако вы меня... сильно стѣснили, — хмурясь замѣтилъ онъ. — Подвели теперь все подъ одинъ срокъ... Гдѣ же я вамъ сразу найду такую сумму на уплату? Вы мнѣ отсрочьте еще на полгода и дайте денегъ... Сколько можно... Все равно, получу наследство, сразу расквитаюсь.

— Отсрочить окончательно нельзя! — заявилъ Филаретъ Павловичъ.

— Но раньше же вы отсрочивали... Отчего же теперь нельзя?

— Теперь положительно не могу...

Петръ Ѳедоровичъ вспыхнулъ.

— Значить, вы такъ же хотите дѣйствовать, какъ и братъ вашъ, да? значить теперь прямо безъ разговоровъ по взысканію, да?—волнуясь спросилъ онъ.

— Нѣтъ-съ, затѣмъ же-съ! Это довольно было бы грубо...

— Но я теперь стѣсненъ въ средствахъ... Отъ дяди пока еще не могу получить... Чѣмъ же я заплачу вамъ?

— Это ваше дѣло-съ, Петръ Ѳедоровичъ, — отвѣтилъ Хохлаковъ, взявъ въ руки фуражку: — мое дѣло было дать, ваше платить. Оно точно, срокъ подошелъ и лучше бы всего безъ грѣха развязаться... Тысячу рублей!.. Ну, такъ и быть, извольте — тысячу дѣйстви — я вамъ напишу!

Но Петръ Ѳедоровичъ вдругъ преобразился.

— Да вы что? — горько началъ онъ, — вы въ самомъ дѣлѣ что ли думаете, что я уже совсѣмъ въ вашихъ рукахъ?

— Помилуйте, — пожимая плечами перебилъ Филаретъ Павловичъ, — это невозможное дѣло.

— Нѣтъ, еще погодите! — продолжалъ Поярковъ, не обращая вниманія на его отвѣтъ. — Еще далеко до конца. Правда, мы съ вами до сихъ поръ играли все въ жмурки, давайте теперь играть въ открытую, да!

— Это, что же за игра такая? — спросилъ не безъ смущенія Хохлаковъ.

— А то, что я платить вамъ долгъ не буду... Извольте продавать съ аукціона... Вы думаете, это все такъ вотъ сейчасъ вамъ и удастся? Извините, я, во-первыхъ, сегодня же могу уѣхать и безъ меня продажи сдѣлать нельзя.

— Хорошо-съ, ладно-съ... перебилъ Хохлаковъ: — а потомъ, что же?

— А потомъ, — продолжалъ Поярковъ, не обращая вниманія на ироническій тонъ Хохлакова: — а потомъ чрезъ полгода или болѣе — словомъ, когда я приѣду и аукціонная продажа будетъ совершена, я ее опротестую и будемъ судиться... Это, батенька, я знаю получше васъ, какъ и гдѣ и что нужно дѣлать, чтобы затянуть... Я доведу дѣло до кассационнаго департамента и тамъ оно полежитъ тоже порядочно времени.

— Ну-съ, а потомъ, Петръ Ѳедоровичъ, что же?

— А то же, что еще это не конецъ. Можно еще и обратно изъ кассационнаго вернуть для новаго пересмотра.

— А дальше какъ?

— Дальше? — переспросилъ Петръ Ѳедоровичъ: — дальше, тамъ посмотримъ, а года на два хватитъ...

— Вотъ что, Петръ Ѳедоровичъ, — рѣзительно перебилъ Хохлаковъ: — время у меня дорогое и ей-ей некогда разговаривать... Я, знаете, тоже не безъ понятія... и все это давно усмотрѣлъ. Ну, только вѣдь вамъ расчету нѣтъ. Судись-судись, расходишься, а въ концѣ все то же — и безъ денегъ и безъ имѣнія.

Оно точно, справедливо: навредить другому навсегда возможно... Это сколько угодно! Да что же въ этомъ толку? Если желаете тануть дѣло—извольте: отъ меня оно не уйдетъ и подождать я очень могу... а вамъ одна канитель. Угодно полторы тысячи—последнее слово! Прощайте!

И не подавая руки, Филаретъ Павловичъ вышелъ изъ комнаты. Парадный подъѣздъ былъ уже открытъ. Петръ Ѳедоровичъ спустился по лѣстницѣ вслѣдъ за Хохлаевымъ, провожая его. Онъ забылъ уже о своей болѣзни, увлеченный предложеніемъ Хохлаева, которое теперь при его безденежьи было такъ кстати. Слѣдя за шагами спускавшагося съ лѣстницы Филарета Павловича, онъ ожидалъ, что вотъ-вотъ раздастся снизу его голосъ. Но Хохлаевъ даже не оглянулся.

— Филаретъ Павловичъ! — крикнулъ Петръ Ѳедоровичъ, когда уже потерялъ надежду на его возвращеніе.

— Больше не могу!—отвѣтилъ тотъ, останавливаясь. — Сособравите сами, какая теперича въ общей сложности выходитъ сумма!..

— Да зайдите, вернитесь!

— Ключеть, — подумалъ Филаретъ Павловичъ, поднимаясь снова по лѣстницѣ.

— Никогда я, голубчикъ мой, Петръ Ѳедоровичъ, не допущу той, теперича, мысли, чтобы, значить, вы могли затягивать дѣло себѣ безъ пользы и другимъ во вредъ,—ласково говорилъ онъ, спустя минуту-другую. — Откровенно вамъ скажу, что уважаю васъ, зная съ измалѣтства, и дядюшка вашъ и всѣ сродственники, всѣ люди хорошіе и честные, и глупостей дѣлать не будете, то-есть, чтобы безъ толку судиться. А ужъ извините, прямо скажу, прямо: не здраво судите, да-съ! Совсѣмъ не здраво, потому, что намъ по нынѣшнимъ временамъ не здѣсь мѣсто, а около дядюшки, въ Патерѣ. Вотъ что!.. И полторы тысячи самая настоящая цѣна...

— Но это невозможная цѣна! — вздыхалъ Петръ Ѳедоровичъ и косился на Филарета Павловича, невольно задумываясь надъ его предложеніемъ.

— И теперича насчетъ Анатолія Петровича... Помилуйте-съ... Статочное ли дѣло, молодой человекъ, значительнаго роду, и съ крестьянкой жить... Окончательно нужно увести его отсюда. Что онъ здѣсь бѣгаетъ, вѣдь, такъ сказать, извините, собакамъ хвосты рубить—только-съ! А тамъ около дядюшки, само собой дѣло найдется... Такъ-то-съ... Оно, конечно, какъ угодно, а больше тысячи пятисотъ дать нѣтъ расчёту...

Петръ Ѳедоровичъ колебался.

— Подумайте и заѣзжайте, мнѣ не къ спѣху, — добавилъ Хохлаковъ.

Онъ поѣхалъ домой и соображалъ:

— Теперь, кажется, дѣло идетъ къ развязкѣ. Возьметъ, надо быть, полторы... Видно по лицу, что возьметъ... А вѣдь я думалъ, три потребуется... Въ такомъ разѣ можно будетъ подновить въ соборѣ иконостасъ...

XXXIX.

Послѣ свиданія съ Хохлаковымъ, Петръ Ѳедоровичъ жилъ еще въ усадьбѣ дней шесть. Вѣрнѣе сказать, что онъ только ночевалъ въ усадьбѣ, а остальное время разѣвжалъ по нѣвнѣмъ сосѣднихъ помѣщиковъ, доживавшихъ, подобно ему, свои послѣдніе дни.

— Ну, что, какъ Парижъ, столица цивилизаціи и прогресса? — спрашивали они, интересуясь по старой привычкѣ чужими дѣлами больше чѣмъ своими. Петръ Ѳедоровичъ рассказывалъ о Парижѣ, хвалилъ Европу и все европейское, и на вопросъ о его семействѣ вскользь отвѣчалъ, что оно осталось недѣли на двѣ у родныхъ. Онъ скрывалъ пока свои планы о предстоящемъ поступленіи на государственную службу и о совершившейся уже продажѣ имѣнія Хохлакову. Были уважительныя причины для того, чтобы до поры до времени молчать объ этомъ, такъ какъ со многими мелкими купцами Малорѣченска у него были неоконченные счета по лавкамъ. Впрочемъ кое-кому изъ близкихъ пріятелей Петръ Ѳедоровичъ шепнулъ на ухо, что дядя зоветъ его въ Петербургъ и предлагаетъ мѣсто директора департамента; но собраты по печальной долѣ вымиранія сами умѣли сочинять не хуже его и прямо въ лицо смѣялись будущему директору. Петръ Ѳедоровичъ ухмылялся себѣ на умъ и смѣшился поправиться, начиная увѣрять, что служба не его сфера.

— Гм... да, хорошо тебѣ, счастливицкѣ, Петръ Ѳедоровичъ, — печально говорилъ какой-то выпившій собратъ, — дядя у тебя богатъ и въ большой силѣ: хочешь — служи, хочешь — жуируй. А вотъ мы догараемъ... «Догорай моя лучина, доторю съ тобой и я — я!» — печально затанулъ онъ, наводя общее уныніе на товарищей.

Но Петръ Ѳедоровичъ не унывалъ. Только въ то время было ему какъ-то не по себѣ, когда, пропьявшись цѣлымъ днемъ по гостямъ, онъ поздней ночью возвращался въ усадьбу. Колокольная

каменной церкви, издалека обрисовывавшаяся на темносинемъ сводѣ ночного неба, возбуждала въ немъ какое-то болѣзненное чувство каждый разъ, какъ онъ только замѣчалъ ее.

— Находили же наши старики удовольствіе строить такіа уродливыя церкви!—досадовалъ онъ, стараясь самого себя обмануть и подавить то тяжелое чувство тоски, которое противъ воли овладѣвало имъ въ это время.

Войдя потомъ въ свой кабинетъ и устало сбрасывая съ себя платье, чтобы немедленно вслѣдъ затѣмъ завалиться въ кровать и заснуть, онъ не всегда легко могъ отдѣлаться отъ впечатлѣній, овладѣвавшихъ имъ въ эти минуты. Тѣнистый садъ съ его бесѣдками, дорожками и холмиками, пейзажъ, видимый изъ оконъ дома, и все то, что такъ часто казалось ему до невозможности скучнымъ и унылымъ, теперь вдругъ стало врываться въ область его душевной жизни и тревожить ее.

— Фу, ты, чортъ побери, какая бессонница!—ворчалъ не разъ Петръ Ѳедоровичъ и бранилъ Хохлакова, что изъ-за него онъ такъ долго валялся въ усадьбѣ.

Точно на смѣну непрошенныхъ воспоминаній являлся потомъ о. Захаръ съ своимъ рванымъ листомъ брачнаго обыска и тревожилъ его усталую душу. Петръ Ѳедоровичъ съ отвращеніемъ морщился при мысли о томъ, какъ о. Захаръ приходилъ къ нему съ предложеніемъ мировой и просилъ пятьдесятъ цѣлковыхъ для себя съ двумя ведрами воды для свидѣтелей. Вспоминая разговоръ съ нимъ, Петръ Ѳедоровичъ сжималъ кулаки и точно опять видѣлъ предъ собой благодушное лицо о. Захара, увѣрявшаго, что онъ собралъ всѣ рваные листочки и преакуратно ихъ можетъ склеить. «Вонь! вонь!» бормочетъ во снѣ Петръ Ѳедоровичъ, и снится ему, что онъ съ благороднымъ негодованіемъ отвергаетъ предложеніе о. Захара, тогда какъ на самомъ дѣлѣ сошелся съ нимъ на мировой.

Съ Анатоліемъ онъ еще не видался, и когда Савелій сталъ ему рассказывать на другой день послѣ его пріѣзда о томъ, какъ обидѣлся Анатолій за изгнаніе Марен изъ дому, Петръ Ѳедоровичъ строго приказалъ ему замолчать и старался не думать о сынѣ. Однако же забыть о немъ было нельзя: Петръ Ѳедоровичъ зналъ, что дядя непременно потребуетъ отчета и, пожалуй, опять разсердится, если услышитъ, что сынъ брошенъ на произволъ судьбы. Но какъ видѣться съ нимъ, какъ допустить его на свои глаза, когда онъ нанесъ такое страшное оскорбленіе ему и всему ихъ дворянскому роду. Надо было все-таки превозмочь себя и поговорить съ сыномъ. Откладывая это

свиданіе до того времени, когда уже нельзя было долѣе откладывать, Петръ Ѳеодоровичъ наконецъ сказалъ Савелію, чтобы онъ сходилъ за Анатоліемъ.

Анатолій промѣщался съ женой опять въ той же избѣ, гдѣ прежде часто проводилъ свои досуги. Занавѣса съ красными и желтыми разводами, которую Марья хотѣла когда-то повѣсить во флигелѣ барскаго дома, висѣла теперь на прежнемъ мѣстѣ около печи и тамъ же была ихъ спальня.

Савелій, войдя въ избу, остановился около дверей и, смотря въ поле, однотонно проговорилъ:

— Анатолій Петровичъ, извольте пожаловать къ папашѣ: онъ васъ проситъ къ себѣ.

Анатолій промѣчалъ въ отвѣтъ «приду», и Савелій молча вышелъ на улицу, ожидая его тамъ.

— Охъ, Анатолій Петровичъ, я боюсь, — плаксиво сказала Марья.

— Чего? — сурово спросилъ онъ, собираясь идти.

— Я не знаю чего... Будто страшно такъ... Не сталъ бы драться...

— Ну, выдумала...

— Побросай тогда все, точно звѣрь лютый... Охъ, голубчикъ, ужъ ты какъ-нибудь посмирнѣе... Не сердись ты его...

— Перестань.

Въ двери показался Спиридонъ Яковлевъ.

— Одумался, видно. Я слышала, зоветъ васъ.

Спиридонъ Яковлевъ, хотя и грозилъ Петру Ѳеодоровичу судомъ за причиненные убытки и за оскорбленія, но смирился предъ неотразимою силою обстоятельствъ и далъ приютъ дочери и ея мужу.

— Глядите, Анатолій Петровичъ, дѣло идетъ въ концу, — заговорилъ онъ внушительно: — должно, папаша опять безъ денегъ. Теперь того и гляди укціонъ... Вы, иначе, не ссорьтесь — пусть его!

— Уйди! — сурово сказалъ ему Анатолій: — не знаю я, что-ли, безъ тебя.

— Хорошо, хорошо! Я уйду... А на счетъ того, Анатолій Петровичъ, что давеча вы говорили, будто корову я у васъ купилъ за три синенькихъ, это не вѣрно-съ — вы замятовали! Лошадку тогда дѣйствительно такъ-съ, за три синенькихъ, а такъ и въ книгу записали, а коровку за двѣ... Ужъ пожалуйста будьте безъ оумлѣнія и не тѣсните меня.

— Ахъ, — отмахнулся рукой Анатолій, — уйди пожалуйста.

— Тятенька, поиди! Видишь, Анатолия Петровичу теперь не до того, — тономъ упрека сказала Марса.

— Ладно, ладно! Я только такъ, значить, напоинилъ, чтобы послѣ разговору не вышло, — отвѣтилъ Спиридонъ Яковлевъ и скрылся за дверь.

Марса заботливо осматрѣла пальто Анатолия и подала ему фуражку. Онъ небрежно набросилъ ее на голову и вышелъ на улицу. Жена стояла у окна, слѣдя за его шагами, и онъ, проходя мимо, тоже взглянулъ на нее и даже кивнулъ головой, точно говоря этимъ кивкомъ «не бойся». Несмотря на рѣзкость его отвѣтовъ на вопросы жены, все-таки замѣтно было изъ его взглядовъ, что миновало то время, когда онъ думалъ о возможности легко съ ней разойтись.

— Вы не извольте папашу сердить, Анатолий Петровичъ. Они не въ духѣ, — уговаривалъ Савелій.

По привычкѣ къ почтительности онъ шелъ на полшага позади Анатолия и, разговаривая съ нимъ, нѣсколько склонялся.

— Пожалуйста не учи. Очень ужъ много учителей, — отвѣчалъ Анатолий.

— Они хотя и храбрятся и посвистываютъ, а что-то, я замѣчаю, есть въ нихъ такое... Вдыхаютъ иной разъ такъ не хорошо. И съ мамашей, должно полагать, разстались не въ расположеніи. Не ладно что-то все... — шепталъ старикъ и вздыхалъ.

— Догугулялись! — сурово замѣтилъ Анатолий, входя на парадное крыльцо отцовскаго дома.

Савелій остался въ передней и опустился на стулъ, уныло понурилъ голову. Анатолий смѣло пошелъ по лѣстницѣ вверхъ.

Онъ былъ по обыкновенію пасмуренъ, но трезвъ и не такъ лохматъ, какъ бывало прежде. При его появленіи Петръ Федоровичъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и что-то писалъ, едва ли даже не для того собственно, чтобы разыграть роль дѣловаго человѣка.

— Ахъ, это ты! — хмуро сказалъ онъ, слышавъ шаги Анатолия.

— Да, я... — сухо отвѣтилъ Анатолий, тряхнувъ волосами и молча сѣлъ на первый стулъ.

— Что это ты надѣлалъ? — Не стыдно, а?

— Кому? — отрывисто спросилъ онъ, взглянувъ на отца.

— Тебѣ, разумѣется, кому же больше!

— И вамъ... Я себя не оправдываю, но и васъ тоже.

— Ну, довольно! Это твоя обыкновенная пѣсня. Не для этого я тебя звалъ.

— Для этого и не стоило...

— Перестань! — возвысивъ голосъ Петръ Оедоровичъ. — Я вовсе не хочу слушать тебя... Я имѣю надобность говорить о дѣлѣ...

Петръ Оедоровичъ переложилъ на столѣ какія-то бумаги, продолжая ворчать на Анатолія, и потомъ, отойдя отъ письменнаго стола, отрывисто сказалъ:

— Имѣніе предполагается въ продажу.

Анатолій удивленно взглянулъ на него и промолчалъ, ожидая, что будетъ онъ говорить далѣе. Но Петру Оедоровичу, какъ видно, не легко было говорить и онъ также замолчалъ, смотря куда-то въ сторону.

— Все имѣнилось... Надо другой родъ дѣятельности, — сказалъ онъ, подавляя вздохъ. — И дядя справедливо говорить, что дворянство должно всегда... и вообще его призваніе — служить государству. Да! Это правда, и я не разъ это говорилъ.

— Не слыхалъ! — отвѣтилъ Анатолій не смотря на отца.

— Не слыхалъ! — громко повторилъ Петръ Оедоровичъ, вдругъ раздражаясь и вскакивая со стула. — Что ты могъ слышать! Что? Ты гдѣ проводилъ все свое свободное время? Чѣмъ заплатилъ за всѣ заботы о тебѣ? Ты обвиняешь родителей, говоришь грубости, оказываешь явное пренебреженіе за то, что самъ дурень и злоупотреблялъ свободой... Не слыхалъ! Ты не доучился — мы виноваты! Ты шагу безъ присмотра не можешь ступить въ двадцать лѣтъ — мы виноваты!.. Фи!..

— За этимъ и звали? — спросилъ Анатолій, когда отецъ, разразившись горячей тирадой, отвернулся отъ него.

Этотъ вопросъ, тихо и ничуть уже не грубо сказанный, снова возбудилъ гнѣвъ въ Петрѣ Оедоровичѣ и онъ началъ опять упрекать сына, горячась и задыхаясь. Анатолій молчалъ, и когда Петръ Оедоровичъ повторилъ, что намѣренъ имѣніе продать, онъ коротко спросилъ:

— Хохлакову?

— Хохлакову ли, кому ли другому — не все ли равно, — загорячился Петръ Оедоровичъ. — Что ты улыбаешься... Ты не долженъ позволять себѣ этого. Разстройство нашихъ дѣлъ не есть явленіе единичное, у всѣхъ дѣла разстроены... Не мы причиною этому.

— Кто же?

Петръ Оедоровичъ презрительно отвернулся.

— Ты просто глупъ и не можешь видѣть далѣе своего носа. Ты оттого такъ и рассуждаешь, что тебѣ недоступна историческая точка зрѣнія... Законы исторіи...

— И вы, однако, не далеко ушли съ ними. Только до Хохламова, — вставая заговорилъ Анатолій. — Что вы меня дразните тѣмъ, что имѣніе продаете... Ну, хорошо, продавайте. Это, разумѣется, меня многого лишитъ. Я имѣлъ все-таки надежду, что мнѣ хотя какой-нибудь кусокъ... хоть остатки отъ дѣсной дачи... Продавайте. Теперь вижу, что вы хотите меня безъ гроша оставить, да и сестеръ тоже... Таковы, видно, по вашему законы исторіи...

Онъ заволновался, смаялъ въ рукѣ фуражку и не зналъ куда смотрѣть. Извѣстіе о предполагаемой продажѣ имѣнія разбивало всѣ его послѣднія надежды, но сказать объ этомъ отцу прямо было неудобно. Спусти двѣ-три минуты Петръ Ѳедоровичъ нѣсколько успокоился и вытеръ лобъ платкомъ.

— Такъ или иначе — все равно! Кто правъ, кто виноватъ разбирать поздно, да! Надо съ Красными-Горками разставаться. Я намѣренъ все продать, — сказалъ онъ вздохнувъ, — и поступлю на службу. Дядя Павелъ Степановичъ воветь, почти требуетъ этого. Ты долженъ тоже ѣхать и оставить здѣсь эту... свою... какъ она.

— Жену! — твердо подсказалъ Анатолій.

— Фи, — поморщился Петръ Ѳедоровичъ, — сдѣлалъ глупость и еще вичишься ей. Стыдъ! Ты долженъ ѣхать къ дѣду, просить его покровительства... Если, конечно, оставишь...

— Я не поѣду.

— Дурно сдѣлаешь.

— Какъ угодно. Хорошо или дурно по-вашему, мнѣ дѣлать нѣтъ. Я остаюсь здѣсь.

— Что же ты будешь дѣлать?

— Ничего пока... Потомъ посмотрю.

— Боже мой, Боже мой! — печально произнесъ Петръ Ѳедоровичъ, — этого ли я ждалъ когда-то!

— Да и я тоже, — отрывисто подсказалъ Анатолій.

— Грубый и неисправимый человекъ! Припомни, сколько заботъ было потрачено на тебя, — поучительно заговорилъ Петръ Ѳедоровичъ все въ томъ же грустномъ тонѣ. — Я не буду говорить о томъ, какъ ты всегда обращался съ матерью, — продолжалъ онъ, — я не хочу поднимать прошлаго.

— Да и не стѣбать.

— Замолчи! — возвысилъ онъ голосъ.

— Прощайте!

— Анатолій, ты себя губишь! Остановись! пойми... когда я уйду отсюда, поздно будетъ поправить твою ужасную ошибку. Выслушай!

Сынъ остановился въ дверяхъ и ждать, что еще скажетъ отецъ.

— Пойми, тебѣ иначе и дѣдъ не окажетъ никакой помощи.

— А отъ васъ-то что же мнѣ? Тоже ничего? Имѣние въ продажу—и маршъ!.. Вы не виноваты въ моемъ прошломъ, а теперь какъ же? Такъ и бросить меня! Значить, мужикъ, грубый и жадный кулакъ лучше васъ; онъ далъ пріютъ.

— Оставь ее здѣсь и будешь имѣть мѣсто. Дѣдъ дастъ.

— А ее бросить?

Петръ Ѳедоровичъ молча пожалъ плечами. Анатолій тоже нѣкоторое время стоялъ въ задумчивости, избѣгая взглядовъ отца.

— Я не могу,—вдохнулъ онъ, вдругъ какъ-то затихая и понуривъ голову.

— Представитель старинной дворянской фамиліи,—началъ Петръ Ѳедоровичъ, качая головой,—внукъ государственнаго человека, и не рѣшается поправить своей колоссальной ошибки!

— Чѣмъ поправить ошибку? Тѣмъ, что вмѣсто одной нелѣпости сдѣлать двѣ!..

— Единственный исходъ оставить ее здѣсь, а самому ѣхать къ дѣду,—рѣзко и разставляя слова, сказалъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Нѣтъ!—вдругъ рѣшительно заявилъ Анатолій:—какъ хотите, я не могу...

Онъ, взволнованный, торопливо вышелъ изъ кабинета отца, не прощаясь; но только-что спустился съ лѣстницы, какъ дверь ему на встрѣчу отворилась, и нѣсколько испуганныхъ и озлобленныхъ лицъ сразу ворвались въ переднюю.

— Гдѣ вашъ папаша? Намъ необходимо его немедленно же видѣть. Помилосердуйте,—просили они, окруживъ Анатолія.

— Что такое?

— Родитель вашъ имѣніе продалъ-съ и движимое и недвижимое... А намъ теперь по лавкамъ не заключено ни копѣйки. Мы ждали, что предъявимъ на аукціонѣ. Наконецъ того, вышла совсѣмъ другая статья.

— Пойдите на верхъ. Онъ въ кабинетѣ,—сказалъ Анатолій и быстро зашагалъ по деревнѣ по направленію къ дому Спиридона Яковлева.

Измученный Петръ Ѳедоровичъ не зналъ, куда бы поскорѣе уйти отъ нахлынувшихъ кредиторовъ, но уйти было неудобно: Савелія не было подъ рукой.

— Ахъ, господа!—привѣтствовалъ онъ входящихъ.

— Помилосердуйте, Петръ Ѳедоровичъ!—начали вдругъ нѣсколько человекъ, кланяясь и перебивая одинъ другого.

— Успокойтесь! Получите сполна всѣ ваши долги. Вы привезли счеты?

— Всѣ привезли. Вотъ извольте. Ужъ сдѣлайте одолженіе. Мы сами люди трудящіе... Хохлаковъ—это, конечно, другой расчетъ, а наши достатки не велики.

Онъ какъ могъ старался успокоить ихъ.

— Я не получилъ еще отъ Хохлакова денегъ. Понимаете? Я не получилъ еще. Сейчасъ ѣду слѣдомъ за вами въ городъ для расчетовъ.

— Нѣтъ, ужъ вы сдѣлайте вашу милость. Вамъ это, можно сказать, плевое дѣло...

Петръ Ѳедоровичъ едва сбылъ ихъ и, оставшись одинъ, долго ворчалъ, жалуясь на русское невѣжество и навязчивость. Купцы возвращались домой сердитые и недовольные тѣмъ, что вмѣсто денегъ имѣли только одни надежды и обѣщанія. Они ругали Филарета Павловича, находя, что онъ всѣхъ золь причина.

— Особачилъ барина-то совсѣмъ! Намъ ничего не оставилъ!..

XL.

Въ избѣ Спиридона Яковлева въ это время ждали возвращенія Анатолія. Марѳа сидѣла у окна, смотря на улицу, и не слушала, что говорилъ отецъ съ матерью, озабоченные не меньше ея тѣмъ, что зять такъ долго не возвращается.

— Можетъ, и помирились. Все же какъ ни разговаривай, а онъ отецъ. Сердце-то чай тоже болить, — замѣтила жена Спиридона.

— Болить, какъ же! — ворчалъ Спиридонъ Яковлевъ, — не такой онъ человѣкъ, чтобы о сердцѣ. Вонъ мельницу-то съ лугами продалъ Хохлакову, нѣтъ того, чтобы мнѣ сказать... Нѣшто у меня не такія же деньги? Я бы со всякимъ удовольствіемъ... а теперь вышло одно только притѣсненіе отъ Филарета, прижалъ меня къ стѣнѣ, дыхнуть не даетъ, хоть ты что хошь—ну, и отступился! А то сердце. Какое у нихъ сердце, они нашего брата, трудящаго человѣка, только тѣснять.

— Да я вѣдь не объ этомъ, — перебила жена: — я говорю о Марѳинѣ объ нашей. Можетъ, теперь Анатолій-то Петровичъ помирился и они опять въ господскій домъ переѣдутъ.

— Да что изъ этого толку-то, хоша бы и переѣхали... Видимое дѣло, что подходитъ Петру Ѳедоровичу конецъ. И семью свою оставилъ въ городѣ. Само собой, къ чему ихъ на укрѣпленіе

вести? Теперь, надо-быть, Хохлаковъ ему долгу не отсрочить и домъ тоже въ аукціонъ пойдетъ...

— А какъ же Маренинъа то наша?—печально спросила жена.

— Маренинъа! Что Маренинъа? О чемъ ей горевать, мужъ у ней теперь человѣкомъ становится, почти не пьетъ. Сколько время теперь онъ пересталъ пить, кажись, мѣсяца два... вотъ только позавчерашній разъ спотыкнулся, ну, да это не въ счетъ. А касательно дѣловъ разговоръ впереди — и увидимъ какъ и что. Вотъ, Богъ дастъ, аукціонъ подойдетъ, тамъ все обозначится. Что, не видать его?—обратился онъ къ дочери.

— Нѣтъ, не видать... Я боюсь, не запилъ ли опять!

— Ну, ужъ ты опять! Помолчи мало дѣло...—сердито сказалъ Спирidonъ Яковлевъ:—ишь ты статья какая!—озаботился онъ, — да неужто столько время они разговариваютъ! Эхъ, время-то у меня горячее, ѣхать надо по дѣлу.

Подождалъ онъ Антолiя еще съ полчаса и, не дождавшись, уѣхалъ въ сосѣднее село верстъ за десять.

— Ой, чтой-то я боюсь, мамонька,—вздыхала Марѣа,—такъ сердце-то у меня съ утра сегодня тоскуетъ.

— Ну, что ты, Богъ съ тобой!—утѣшала мать.—Поймишь чего-нибудь, можетъ и придетъ.

Но и она не была спокойна, тоже заражаясь подозрѣніями дочери. Подозрѣнія эти росли съ каждой минутой и, главнымъ образомъ, основывались на той замѣченной уже въ характерѣ Анатолiя особенности, а именно, что онъ можетъ воздерживаться отъ вина пока душевно не разстроено. Онѣ припомнили день пріѣзда Петра Ѳеодоровича, когда Анатолiй, узнавъ о погромѣ, произведенномъ отцомъ во флигелѣ, бушевалъ въ питейномъ домѣ, и какого усилія стоило имъ удержать его отъ пьянства и увести домой.

— Ой, пойдѣмъ, мамонька, пойдѣмъ туда, — безпокойно заговорила Марѣа, отходя наконецъ отъ окна и потерявъ надежду на возвращеніе мужа.

Мать и дочь вышли на улицу и пошли по направленію къ господскому дому. День былъ рабочій и на улицѣ никто не встрѣчался. Чѣмъ далѣе онѣ шли, тѣмъ тревожнѣе становилось ихъ душевное состояніе, и когда онѣ миновали наконецъ господскій домъ, смотря на открытыя окна кабинета Петра Ѳеодоровича—единственной жилой комнаты во всемъ домѣ, тогда только убѣдились, что Анатолiя тамъ нѣтъ, потому что видѣли своими глазами Петра Ѳеодоровича, сидѣвшаго за письменнымъ столомъ.

Еслибъ Анатолій тамъ былъ, заключили онъ, то Петръ Федоровичъ не сидѣлъ бы такъ долго, углубившись въ бумаги.

Анатолій въ это время былъ въ избушкѣ Ѳомы Лукича. Случилось это неожиданно. Только-что онъ вышелъ изъ отцовскаго дома, встревоженный извѣстіемъ о продажѣ имѣнія, какъ встрѣтился ему Ѳома Лукичъ, бывшій немного навеселѣ.

— Боляринъ! Соболаговолите въ мою хижину..., — возгласилъ онъ, молитвенно складывая на груди обѣ руки. — Отъ избытка сердца уста глаголютъ... Соболаговолите.

Изъ вмѣстительнаго кармана его доснившагося подрясника выглядывало горлышко штофа съ темнокоричневою сургучною печатью, изъ другого кармана тоже выглядывала какая-то заманчивая посуда.

— Имѣю возможность! — убѣждалъ Ѳома, осторожно прикасаясь обѣими руками къ карманамъ: — имѣю надлежашую возможность предложить. Есть и березовка, и очищенная!

У Анатолія былъ камень на сердцѣ, и онъ поддался искушенію.

Черезъ полчаса они говорили оба вдругъ. Ѳома Лукичъ уже бормоталъ сильно заплетаясь языкомъ:

— О. Захаръ весьма любостяжателенъ, — говорилъ онъ, тыкая указательнымъ пальцемъ въ пространство: — онъ всѣ помысленія своя и всѣ желанія своя устраиваетъ на сокровищахъ земныхъ.

— Я никогда не былъ подлымъ человѣкомъ, — срывая слезы говорилъ Анатолій и подвывалъ, утирая глаза кулакомъ: — я, можетъ быть, въ тысячу разъ лучше другихъ, потому душа у меня такая чуткая; какъ только горе, такъ я не могу его перенести. Понимаешь ли, я сейчасъ напьюсь...

— Соболаговолите! — предлагалъ Ѳома Лукичъ. — Вы изволите осведомляться, — продолжалъ онъ, — понимаю ли вашу душу? Очень понимаю... Я доложу вамъ, что въ совершенной ясности вижу дѣло. Если бы назначили слѣдствіе, было бы ему худо, и онъ знаетъ, очень хорошо знаетъ, что рваный листъ такъ и истлѣетъ никѣмъ не видимый въ книгѣ. Кому онъ нуженъ? А если бы слѣдствіе, тогда, можетъ быть, еще было бы послѣднее горше первыхъ и ему же самому, отцу Захару.

Анатолій, не слушая Ѳомы, горячился, билъ самого себя кулакомъ въ грудь, вертѣлъ имъ на груди такъ, точно хотѣлъ проникнуть въ ея глубину и со слезами на глазахъ говорилъ свое.

— Она мужичка, — вопилъ онъ, спустя нѣсколько времени: — но бросить такъ нельзя... Это невозможно, да-а! Сердце у ней

кроткое, неаппетитное... Какъ я могу ее оставить, какъ могу. Теперь ты самъ сообрази, возможное ли это дѣло?

— Невозможно! съ достаточною ясностію вижу, — подсказала Ома, — что невозможно... Потому ежели слѣдствіе назначать — ему тогда худо, ну, онъ и помирился!

Такъ благодушно они бесѣдовали, пока не растворилась дверь избушки. Заслышавъ шаги входящей Марыи съ матерью, Анатолій оглянулся и моментально преобразился. Поднявшись отъ стула и остановившись посреди избы въ позѣ главнокомандующаго, онъ громко крикнулъ:

— Это еще что такое? Убирайтесь! Что за розыски такіе! Марья! Марьяныча! Иди обратно!

Ома Лукичъ недоумѣвалъ, не имѣя силъ сообразить, затѣмъ и откуда появились въ его избѣ женщины. Онъ силится что-то сказать, повидимому, спросить о причинѣ ихъ прихода, но изъ его бессвязной рѣчи нельзя уже было ничего понять.

XLI.

Спиридонъ Яковлевъ возвратился изъ сосѣдняго сѣла поздно вечеромъ, усталый и весь обсыпанный мукой. Лицо его было блѣлое, точно онъ напудрился, кафтанъ и фуражка тоже, и даже сапоги напудрены. На телѣгѣ, въ которой онъ пріѣхалъ домой, лежало нѣсколько мѣшковъ муки. Занятый соображеніями насчетъ выгодъ, какія предстояли впереди отъ продажи муки и отъ выдачи въ долгъ крестьянамъ сосѣдняго села денегъ, Спиридонъ Яковлевъ оставилъ на это время заботы объ Анатоліи и вспомнилъ о немъ только въ ту минуту, когда сталъ сваливать съ телѣги мѣшки въ амбаръ.

— Ахъ, въ ротъ ему каша! Дѣловъ-то вуча, не оберешься, — ворчалъ онъ, возвращаясь въ избу.

Марья и мать ея, умаявшіяся въ ухаживаніи за Анатоліемъ, уже спали, и самъ Анатолій, напившійся до потери сознанія, тоже спалъ крѣпкимъ сномъ.

Разбудивъ своимъ приходомъ жену, Спиридонъ Яковлевъ пошептался съ ней нѣсколько времени и ничего, повидимому, не узнавъ о результатахъ свиданія Анатолія съ отцомъ, сѣлъ въ передній уголъ, гдѣ на столѣ былъ оставленъ для него ужинъ, покрытый синей грубаго холста сватертью, и сталъ молча ѣсть.

Въ господскомъ домѣ, между тѣмъ, было въ это время большое движеніе. На дворѣ стояли двѣ запряженные телѣги, въ

комнатахъ расхаживали нѣсколько человѣкъ рабочихъ, присланныхъ къ Поляркову отъ Филарета Павловича Хохлакова, и тутъ же былъ Савелій. Рабочіе переносили изъ разныхъ комнатъ въ одну различныя вещи и помогали Савелію укладывать ихъ въ сундуки. Часа два-три спустя сундуки были перенесены во дворъ, уставлены на телеги, закрыты рогожами и вывезены со двора. Старый Савелій залѣзъ на одинъ изъ нагруженныхъ сундуками возовъ, перекрестился и заплакалъ.

— Прощай, дядюшка Савелій! пригнули рабочіе, кивая ему головами.

Но Савелій только рукой махнулъ.

Когда телеги выѣхали за усадьбу и поднялись на одинъ изъ холмиковъ, по которымъ пролегла большая дорога, онъ попросилъ ямщика остановиться, и, обратившись лицомъ къ усадьбѣ, окинулъ прощальнымъ взглядомъ господскій домъ, паркъ, церковь и унылыя избышки селенія.

Ямщикъ, безпечно сосавшій свою носогрѣйку, подозрительно поёлся на него, смотря, какъ онъ припалъ къ землѣ, клалъ свой поклонъ и ни словомъ не нарушилъ его тяжелаго душевнаго состоянія. Только когда Савелій снова забрался на вершину воза, и со вздохомъ сказалъ «трогай!», ямщикъ повернулся къ нему лицомъ и коротко спросилъ:

— Надолго, видно, ѣдешь?

— Надолго. Не видать ужъ мнѣ этихъ мѣстовъ.

— Слыхалъ я, будто Хохлаковъ будетъ владѣть усадьбой-то. Правда ли?—спросилъ ямщикъ.

— Правда. Его работники тамъ остались и привазики,—сухо отвѣтилъ Савелій и замолчалъ.

— Дѣла!—подсказалъ ямщикъ, — ну-ка ты, дѣвушка-а! — прикрикнулъ онъ на лошадь.

Протащились они по улицамъ Малорѣченска нивѣмъ невидимые, такъ какъ уже былъ поздній часъ ночи, о чемъ, впрочемъ, позаботился и самъ Петръ Ѳедоровичъ, давшій распоряженіе Савелію выѣхать изъ усадьбы какъ можно позднеѣе, чтобы не возбуждать въ городѣ лишнихъ толковъ. Самъ онъ выѣхалъ въ этотъ же вечеръ, но часами тремя раньше. Какія чувства томилъ его, оглядываясь ли онъ на усадьбу — Богъ его знаетъ. Известно только, что, ощутивъ въ карманѣ двѣ тысячи рублей (Хохлаковъ все-таки пятьсотъ еще накинулъ), Петръ Ѳедоровичъ пріободрился и покатывалъ на почтовыхъ по направленію къ губернскому городу, щедро давая ямщикамъ на водку. Будущее снова рисовалось предъ нимъ въ яркихъ краскахъ. Онъ мечталъ,

намъ пристроится на службу по протекціи дяди и какъ получить послѣ его смерти большое наслѣдство. Но мечты и дѣйствительность—это всего чаще дѣй противоположности.

XLII.

На слѣдующій день, рано утромъ, когда Анатолій еще спалъ богатырскимъ сномъ, Спиридонъ Яковлевъ, отправляясь по своимъ дѣламъ въ Малорѣченскъ, съ изумленіемъ остановился у господскаго дома, замѣтивъ, что въ немъ происходитъ нѣчто странное, чего онъ никакъ не ожидалъ. Всѣ окна въ домѣ были раскрыты и нѣсколько женщинъ, съ заткнутыми за поясъ подолами, мыли рамы и стекла; во дворѣ рабочіе выбивали и чистили мебель, на крыльцѣ и около кухни было тоже нѣсколько человѣкъ, повидимому, мастеровыхъ и что-то работали, стругали, пилили, красили. Спиридонъ Яковлевъ сдержалъ лошадь и бодрѣнно схватился за грудь, вдругъ почувствовавъ, что его точно чѣмъ-то укололо въ самое сердце.

— Братцы!—крикнулъ онъ,—что это такое?..

— Гдѣ?—отвѣтилъ кто-то вопросомъ на его вопросъ.

— Нѣтъ, я говорю, что вы тутъ... Рань такая... Неужели Петръ Ѳеодоровичъ ужъ всталъ?

— Эва!—захохотали разомъ нѣсколько рабочихъ.

Спиридонъ Яковлевъ взглянулъ на нихъ и еще больше растерялся. Онъ увидѣлъ знакомыя лица служащихъ у Хохлакова.

— Братцы? Что же это? Праздникъ что-ли какой? Ишь народу нагнали. Умеръ, что ли, у Петра Ѳеодоровича дядя, а? Да гдѣ Савелій-то? кликните ко мнѣ его...

— Хе, хе!—засмѣялись рабочіе, видя смущеніе Спиридона Яковлева.

— Что-й-то ты, Спиридонъ Яковличъ, ровно съ похмѣлья, —подсказалъ кто-то.—Развѣ не знаешь дѣловъ? Вчера еще вечеромъ Петръ Ѳеодоровичъ уѣхалъ и Савелій уѣхалъ съ возами. Имѣніе, какое имъ слѣдовало, увезли и теперича хозяинъ новый, значить, самъ нашъ Филаретъ Павловичъ.

Спиридонъ Яковлевъ снялъ фуражку, почесалъ въ затылкѣ и опять ее надѣлъ, пылливо смотря на рабочихъ, точно вдумываясь, что это за странныя такіа извѣстія они ему передають. Смѣхъ, возбужденный его смущеніемъ, еще не прекратился и нѣсколько рабочихъ, бывшихъ вдали отъ него, подошли поближе,

увлеченные этимъ смѣхомъ, и съ изумленіемъ смотрѣли на Спиридона Яковлева.

— А укціонъ-то? — спохватился онъ, вдругъ выходя изъ задумчивости.

— Какой укціонъ? — захохотали рабочіе, не понимая вопроса.

— Ахъ, вы дураки! Что вы понимаете! — озабоченно крикнулъ Спиридонъ Яковлевъ и побѣжалъ въ комнаты дома, надѣясь встрѣтить кого-нибудь изъ приказчиковъ Хохлакова и узнать, что за превращенія такіа вдругъ случились съ Поляковымъ. Приказчика онъ дѣйствительно встрѣтилъ, но узнать ничего не могъ, потому что Филаретъ Павловичъ не имѣлъ привычки устранивать свои дѣла открыто. У него все дѣлалось тихо и ни для кого изъ служащихъ не замѣтно.

— Что же случилось? Что же? Скажи ты мнѣ, Христа ради! — кричалъ онъ, размахивая руками предъ приказникомъ Хохлакова. — Отчего такъ вдругъ и такая перемѣна, на чемъ они порѣшили? Ну, усадьбу онъ ему можетъ продать, ну, ладно! А лѣсная дача какъ? Ну, самъ уѣхалъ, жена тамъ, значить, въ городѣ, дочери... А сынъ-то куда же?

— Да ты что же такъ кричишь? Тебѣ-то какое до всего этого дѣло?... — сердито упрекнулъ приказникъ, недовольный тѣмъ, что Спиридонъ Яковлевъ неотступно ходитъ за нимъ слѣдомъ по комнатамъ изъ одной въ другую.

— Пойми ты, братецъ мой, вѣдь сынъ-то его мою дочь съ толку сбилъ, — горячо продолжалъ Спиридонъ Яковлевъ: — владу-чись отъ меня они повѣнчались. Теперича чѣмъ же сынъ-то жить будетъ? Пойми, вѣдь этого невозможно... Какъ же онъ его бросилъ?

Лицо Спиридона Яковлева покрылось красной, глаза тревожно перебѣгали съ предмета на предметъ, лица отвѣта на тѣ неразрѣшимые вопросы, которые вдругъ на него нахлынули со всѣхъ сторонъ. Разсердившись наконецъ на приказника за то, что онъ не даетъ ему прямого отвѣта на его вопросы, Спиридонъ Яковлевъ торопливо пошелъ изъ дому и, вскочивъ въ телѣгу, погналъ въ Малорѣченскъ. Но возвратился онъ оттуда еще болѣе разстроенный и уже съ окончательно разбитыми надеждами.

— Вотъ мошенникъ, а? Вотъ жадный волкъ! — ропталъ онъ, вспоминая о Филаретѣ Павловичѣ, — изъ рота кусокъ вырвалъ! Ахъ, ты пройдоха! Отчетливо обработалъ! Ну, что я теперь буду дѣлать съ зятемъ-то? Да неужто дѣдъ-то, Павелъ Степановичъ, никакого вниманія на мое письмо не обратитъ! Вѣдь я, кажись,

жалобно писалъ о положеніи Анатолія... О, Господи! какія напасты на меня вдругъ навалились!

Приѣхалъ онъ домой и прямо прошелъ въ женѣ, не заходя въ комнату Анатолія.

— Хозяйка, слыхи! Худо дѣло... — зашепталъ онъ, садясь въ изнеможеніи на скамью.

— Что ты это? али захворалъ? — испуганно спросила жена, замѣтивъ рѣзкую переи́мку въ лицѣ Спиридона Яковлева.

— Хуже! Хворь-то бы ничего... отлежался бы... А это дѣло такое, не поправитъ его...

— Да что случилось-то? Ты скажи толкомъ.

— Ничего! — отмахнулся онъ. — Молчи лучше, вотъ что!.. Запри-ка дверь-то на ключокъ — не вошелъ бы кто. Вотъ оказія такая! Охъ!.. Завари-ка чайку — съ утра маковой росинки во рту не было.

— Нѣшто опять съ Хохлазовымъ вышло что-нибудь?

— Молчи ты, глупая! — зашепталъ Спиридонъ Яковлевъ, — чего суешься?

— Да вѣдь ты самъ, чай, сталъ жаловаться. Ну, я и спрашиваю...

— Ну, и молчи, тебѣ говорю! — сердито прошепталъ онъ, — что? спать еще? — спросилъ онъ чрезъ нѣсколько времени, ткнувъ пальцемъ въ ту сторону, гдѣ была комната Анатолія.

— Нѣтъ, всталъ. Чай пить.

— А гдѣ Марейника?

— Не знаю. Вышла, надо быть, на рѣчку.

— Ахъ ты оказія! — вздыхалъ Спиридонъ Яковлевъ и сталъ шопотомъ рассказывать женѣ объ отъѣздѣ Петра Федоровича изъ усадьбы и о продажѣ усадьбы Хохлакову.

— Такъ неужли-жъ они его безъ призору пустятъ, Анатолія-то Петровича? — съ удивленіемъ спросила жена.

— То-то я и самъ думаю. Если отецъ вѣтрогонъ такой, то вѣдь дѣдъ все-же, чай, не оставитъ.

— Охъ, я тебѣ тогда говорила сколько разовъ, говорила, что не ладно дѣлалъ... Охъ!

— Молчи, глупая! говорила безо время, что въ этомъ толку! — сердито шепталъ Спиридонъ Яковлевъ, отмахиваясь отъ жены обѣими руками.

Онъ не рассказывалъ ей о своихъ разрушившихся надеждахъ на приобрѣтеніе дѣсной дачи и искалъ только успокоенія своихъ сомнѣній на счетъ матеріальной поддержки Анатолія со стороны

его богатаго дѣда. Выпивъ чаю и подерѣшивъ свои утраченныя духовныя силы бесѣдою съ женой, онъ отправился къ Анатолію.

— Какъ угодно, Анатолій Петровичъ, — заявилъ онъ, рассказавъ ему все, что услышалъ въ этотъ день новаго о дѣлахъ его отца: — какъ угодно, а надо вамъ принимать мѣры. Такъ нельзя! Мои достатки, знаете, не велики. Мнѣ содержать васъ съ хозяйкой тоже... составляетъ расчетъ!

— Чортъ съ тобой и съ твоими расчетами! — грубо отвѣтилъ Анатолій.

— Это какъ угодно, а только ежели никакой мѣры принимать не постараетесь, то очень будетъ впереди туго и, можно сказать, невозможно жить. Я васъ держать не могу, какъ угодно. Я, разумѣется, отъ чистаго сердца вамъ хотѣлъ помочь... Ну, ничего не подѣлаешь... Сами видите, какъ этотъ Хохлаковъ опуталъ вашего родителя. Теперича одно — пишите дѣдушкѣ — онъ васъ не оставитъ.

— Убирайся къ дьяволу съ своими совѣтами; я самъ знаю, что мнѣ дѣлать.

XLIII.

Послѣ окончательной продажи имѣнія, Петръ Ѳедоровичъ и Глафира Александровна нѣсколько пріуныли и попристѣхли. Глафира Александровна не имѣла уже той королевской осанки, которой до сихъ поръ такъ рѣзко отличалась отъ всѣхъ другихъ. Петръ Ѳедоровичъ былъ молчаливъ и пасмуренъ, несмотря на то, что у него въ карманѣ (за уплатой малорѣченскимъ купцамъ долговъ) оставалось еще тысячи полторы рублей наличными. Въ другое время съ этими деньгами онъ беззаботно прожилъ бы съ мѣсяцъ, но теперь какъ-то вдругъ сжался, точно въ самомъ дѣлѣ понялъ, что надежды на полученіе наслѣдства могутъ, пожалуй, и не осуществиться. Вѣроятно, такія же сомнѣнія безпокоили и Глафиру Александровну, въ особенности при невольномъ сознаніи, что она съ дочерьми живетъ въ квартирѣ своихъ родныхъ, которые сами тѣснятся въ ней и тоже «догораютъ».

Петръ Ѳедоровичъ дня черезъ два по возвращеніи изъ Красныхъ-Горокъ собрался въ Петербургъ, и Глафира Александровна его не удерживала; напротивъ, уговаривала скорѣе ѣхать и хлопотать у дяди о полученіи мѣста на службѣ. Она несомнѣнно поѣхала бы вмѣстѣ съ нимъ, зная по горькимъ опытамъ прежнихъ лѣтъ, какъ опасно давать Петру Ѳедоровичу полную сво-

боду, въ особенности въ то время, когда у него есть деньги; но ей было не до поѣздки: она чувствовала себя совсѣмъ разстроенной и отпустила его одного. Часть денегъ, полученныхъ имъ отъ Хохлакова, она изъ благоразумной предосторожности все-таки упростила его оставить у ней. Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ подобнаго рода просьба могла бы вызвать большія непріятности, такъ какъ Петръ Ѳедоровичъ ревниво охранялъ свои права на самостоятельность; но теперь, въ виду болѣзненной раздражительности Глафиры Александровны, онъ почти безпрекословно подчинился ея просьбѣ, фыркнулъ только разъ-другой, недовольный тѣмъ, что «она его не понимаетъ».

Дѣйствительно, по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ велъ себя примѣрно: усердно хлопоталъ о службѣ, ѣздилъ часто къ дядѣ, былъ скромнень, почтителенъ и не только получилъ себѣ мѣсто, но даже и сына устроилъ на службу—становымъ приставомъ въ одномъ изъ близлежащихъ къ Малорѣченску уѣздовъ. Послѣ примиренія съ дядей, жизнь стала казаться Петру Ѳедоровичу опять въ розовомъ цвѣтѣ, и онъ, уѣзжая изъ Петербурга на службу въ уѣздный городъ Сосновскъ, уже мечталъ о томъ, что дядюшка скоро помретъ и несомнѣнно оставить ему большое наслѣдство. Дядюшка дѣйствительно расхварывался и Петръ Ѳедоровичъ дѣйствительно имѣлъ болѣе или менѣе достаточное основаніе утѣшать себя розовыми надеждами. Но пока въ ожиданіи осуществленія этихъ надеждъ ему предстояло свыкаться съ новой сферой своей дѣятельности въ качествѣ какаго-то особаго члена по какому-то особому присутствію. Интереснаго въ этой дѣятельности было для него только полученіе жалованья, что-то около ста-пятидесяти рублей въ мѣсяцъ, а все остальное, т.-е. самая служба ужасно томила, беспокоила и огорчала.

Глафира Александровна и обѣ дочери жили съ нимъ и тоже томилась неопредѣленностью своего положенія. Анюта просилась въ учительницы, Настя мечтала объ оперной сценѣ; но ни той, ни другой Глафира Александровна не давала воли, живя надеждою, что вотъ-вотъ дядя помретъ и они опять заживутъ на широкую ногу. Въ такомъ томленіи прошло всего, впрочемъ, только полгода: получилась наконецъ депеша о смерти дяди и Поярковы встрепнулись.

Это было поздней осенью. Погода стояла дождливая и бурная. Глафира Александровна, частенько въ послѣднее время похварывавшая, лежала въ постели и никакъ не могла поѣхать съ мужемъ въ Петербургъ, куда онъ спѣшилъ съ необычайной

торопливостью, и часа два спустя, послѣ полученія телеграммы, былъ уже готовъ къ отъѣзду.

— Петръ Ѳедоровичъ, ради Бога, — умоляла она: — ради Создателя, вовыми съ собой хотя Анюту...

Но Петръ Ѳедоровичъ уже преобразился и пріосанился.

— Это еще зачѣмъ? — надменно спросилъ онъ.

— Какъ зачѣмъ? Помилуй! Вспомни свое прошлое... Ради Бога! Умоляю тебя, вѣдь уже намъ не отъ кого больше ждать помощи.

— Ха, ха, ха! — засмѣялся Петръ Ѳедоровичъ: — да вы, Глафира Александровна, понятія не имѣете о суммѣ предстоящаго мнѣ наслѣдства. Ха, ха! Да вѣдь у дядюшки на худой конецъ полмилліона состоянія и на одни проценты съ этого капитала мы можемъ жить въ полное свое удовольствіе. Поправляйтесь-ка лучше посворѣе и выѣзжайте отсюда по первому моему письму. Чортъ съ ней, съ этой службой и съ этимъ отвратительнымъ городишкомъ.

Онъ уѣхалъ, не дождавшись даже разрѣшенія начальства, и просилъ переслать отпускъ прямо въ Петербургъ.

Прошло послѣ его отъѣзда недѣли двѣ, въ продолженіи которыхъ Глафира Александровна съ дочерью каждый день ждала отъ него депеши или письма, но дождаться не могла ни того, ни другого. Прошло наконецъ три недѣли, прошелъ мѣсяцъ, потянулся за нимъ другой и дошелъ уже почти до половины, а отъ Петра Ѳедоровича не было ни строчки. «Что это случилось, живъ ли онъ», — вздыхала Глафира Александровна и писала письма въ Петербургъ Нинѣ Борисовнѣ, умоляя ее объ отвѣтѣ. Отвѣтъ наконецъ получился, но не отъ Нины Борисовны, а отъ какого-то совсѣмъ неизвѣстнаго Глафирѣ Александровнѣ лица, которое извѣщало, что «ея превосходительство, находясь въ горестномъ положеніи по случаю кончины его превосходительства Павла Степановича, изволили выѣхать за границу».

— Господи, да гдѣ же Петръ Ѳедоровичъ? Что же о немъ ничего не пишутъ? Неужели и онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ тѣткой, — томилась Глафира Александровна, и плакала въ сознаніи полной по болѣзни невозможности ѣхать въ Петербургъ — искать мужа. Написала она умоляющее письмо въ лицу, сообщившему ей извѣстіе объ отъѣздѣ тѣтки за границу, и просила его увѣдомить, живъ ли Петръ Ѳедоровичъ и гдѣ онъ обрѣтается. На это письмо получился отвѣтъ, что «Петръ Ѳедоровичъ, какъ слышно, здравствуютъ и живутъ въ Петербургѣ и даже будто бы

всѣмъ на широкую ногу, но гдѣ именно, т.-е. въ какой части города, неизвѣстно».

Отъ этого письма сердце Глафиры Александровны болѣзненно сжалось. Она поняла, какая страшная опасность грозитъ ей и ея семьѣ, если Петръ Ѳедоровичъ, развернувшись во всю свою ширь, тряхнетъ стариной. Собравъ послѣднія силы, она поѣхала въ Петербургъ, оставивъ дочерей въ Сосновскѣ.

Не зная адреса мужа, она по приѣздѣ въ Петербургъ остановилась въ пустой квартирѣ тѣти и тотчасъ же получила всѣ свѣдѣнія объ оставшемся послѣ дяди наслѣдствѣ,—свѣдѣнія, не мало ее огорчившія. Оказалось, что вмѣсто полумилліоннаго состоянія, осталось отъ Павла Степановича всего тысячъ сто, изъ которыхъ семьдесятъ назначено было Нинѣ Борисовнѣ, а тридцать Петру Ѳедоровичу. Остальное все дядюшка самъ прожилъ при жизни на личные надобности и въ томъ числѣ на содержаніе какой-то красавицы иностраннаго происхожденія.

Такія извѣстія не могли, конечно, не огорчить Глафиру Александровну, тѣмъ болѣе, что объ образѣ жизни Петра Ѳедоровича и о причинѣ его столь продолжительнаго молчанія она имѣла самыя тревожныя представленія.

— Что-то будетъ, что-то будетъ, Господи!—вздыхала она все время, пока посланный ходилъ въ адресную экспедицію узнавать о мѣстѣ жительства Петра Ѳедоровича.

Наконецъ она получила его адресъ и отправилась въ тотъ домъ, гдѣ была его квартира.

— Здѣсь живетъ Петръ Ѳедоровичъ, дома онъ, здоровъ?—торопливо спрашивала она, войдя въ его квартиру и задыхаясь отъ волненія и злобы.

Слуга подозрительно окинулъ ее съ ногъ до головы испуганнымъ взглядомъ, догадываясь, что визитъ такой барыни не предвѣщаетъ для Петра Ѳедоровича ничего хорошаго.

— Они не могутъ теперь принять... Они очень разстроены... Неодоровы...—путаясь, отвѣтилъ слуга.

Но Глафира Александровна уже сбросила съ плечъ шубку и задыхающаяся, полная гнѣва, вошла торопливыми шагами въ комнату.

— Петръ Ѳедоровичъ! Петръ Ѳедоровичъ! Гдѣ вы?.. Боже мой! Какъ вамъ не стыдно?—громко заговорила она, идя черезъ залу въ сосѣднюю комнату и изъ этой въ другую рядомъ съ ней.

Петръ Ѳедоровичъ въ испугѣ вскочилъ съ кушетки, на которой спалъ не раздѣтый, спиною вверхъ, уткнувшись лицомъ въ подушку. Вѣрнѣе сказать, оно не спалъ, а былъ въ полудре-

могъ, въ полузабытѣ, разбитый и подавленный впечатлѣніями прошедшей ночи. Быстро поднявшись съ кушетки и испуганно смотря на Глафиру Александровну, онъ сѣмился поправить свой туалетъ, застегивался, приглаживалъ волосы и повачивался въ то же время, едва держась на ногахъ.

— Боже мой, въ какомъ видѣ!—воскликнула въ слезахъ Глафира Александровна.—Петръ Ѳеодоровичъ!.. Да говорите же пожалуйста... Что съ вами?.. Вы больны? Вы...

— Я, Глафира Александровна... Я... сегодня ночью проигрался...—едва проивнесь онъ заплетающимся языкомъ и вдругъ повалился ей въ ноги.

— Прости... Простите... Я разорилъ васъ!..

И, склонившись обезсиленной головой къ ногамъ Глафиры Александровны, онъ зарыдалъ.

Прошелъ годъ. Семья Пояревыхъ разбрелась въ разные стороны и перебивается кое-какъ. Аня гдѣ-то учительницей, Настя хористкой на оперной сценѣ. Марea, жена Анатоля, переѣхала къ своимъ роднымъ, такъ какъ онъ, часто напиваясь, сдѣлался буйнымъ, билъ ее и, наконецъ, выгналъ изъ своей квартиры.

— Вотъ, родимые, какова теперь жизнь моя,—ныла Марea, ни дѣвка я, ни вдова, ни мужняя жена.

Спиридонъ Яковлевъ, слушая ее, страдалъ, но едва ли потому, что дочь его такъ несчастлива. Всего скорѣе его страданія вызывались успѣхами торговыхъ дѣлъ Хохлаковыхъ. Онъ съ завистью посматривалъ на уродливыя зданія, построенныя ими вблизи бывшей пояревской усадьбы и завидовалъ ихъ энергической дѣятельности по вырубкѣ той лѣсной дачи, которую онъ когда-то надѣялся самъ вырубить. Отъ этой лѣсной дачи, такъ плѣнявшей воображеніе Спиридона Яковлева, не осталось и слѣда: одни пни торчатъ на томъ мѣстѣ, гдѣ еще такъ недавно красовался темный лѣсъ.

Д. СТАХѢВЪ.

МАРКИЗЪ А. ВЕЛЕПОЛЬСКІЙ

ЕГО

ЖИЗНЬ И ПОЛИТИКА

ВЪ ПОЛЬСКО-РУССКОМЪ КОНФЛИКТѢ И ВОПРОСѢ.

XXII *).

Съ іюня по августъ 1862.—Пріѣздъ великаго князя въ Варшаву.— Покушенія на политическія убійства.

Программа Велепольскаго исчезла во время послѣдующихъ политическихъ событій. Основная политическая идея этой программы сама по себѣ вѣрна, быть можетъ, не разъ всплыветъ въ будущемъ и даже можетъ осуществиться съ обоюдною пользою для обѣихъ національностей, но мѣръ того, какъ будетъ дѣлать успѣхи другая идея, а именно общеславянская, по мѣръ того, какъ Россія будетъ продолжать считать себя главнымъ представителемъ и носителемъ этой послѣдней. Въ сущности идея Велепольскаго была не что иное, какъ общеславянская, соверцаемая съ специально польской точки зрѣнія, послѣ отказа со стороны польскаго общества отъ воспоминаній о давно потерянной супрематіи и даже отъ самобытности политической, то-есть послѣ отрѣшенія польскаго патриотизма отъ всѣхъ особенностей, дѣлавшихъ его непримиримо враждебнымъ Россіи и обостравшихъ вопросъ до степени конфликта, заканчивающагося роковою дилеммою: быть или не быть

*) См. выше: іюль, 89 стр.

тому или другому изъ антагонистовъ. Не всякая, даже и вполне вѣрная идея осуществляется, ни одна почти не осуществляется сразу, окончательному успѣху предшествуютъ цѣлые ряды неудавшихся опытовъ.—Обыкновенно, успѣхъ идеи обуславливается въ меньшей лишь степени личными свойствами и практическимъ талантомъ дѣятеля, а въ гораздо большей обстоятельствами времени, подготовкою людей въ тому, что пробуютъ дѣлать. Ни разу въ жизни не имѣлъ Велепольскій этихъ обстоятельствъ времени на своей сторонѣ; объ немъ нельзя сказать, что эти обстоятельства имѣлись на лицо и благоприятствовали ему, но что онъ ихъ упустилъ. Графъ Тарновскій ставитъ ему (*Przegląd polski, listopad 1879, стр. 191*) въ упрекъ, что онъ въ своей гордынѣ взялъ себѣ девизомъ невозможный тезисъ: «*moi seul et c'est assez*», но при этомъ Тарновскій упускаетъ изъ виду, что Велепольскій временемъ не располагалъ, что онъ ждалъ благоприятнаго момента съ 1846 г. по 1861, до склона своихъ лѣтъ, и что ему приходилось либо совсѣмъ отказаться отъ политической роли и бросить свою идею, либо идти, не оглядываясь на свое одиночество, одному и по выраженію пословицы «прать противъ рожна», не взирая на послѣдствія.—Затѣянное имъ дѣло можно назвать между-національнымъ компромиссомъ, начатымъ среди наступившаго уже разгара національных страстей, грозящаго перейти въ кровопролитіе. Для компромисса нужно счастливое совпаденіе и уравниеніе обоюдныхъ желаній и удовольствованій, моментъ большею частью слѣдуетъ хватать на-лету, потому что желанія растутъ съ большею быстротою, а уступки всегда ограничены. Съ марта до конца лѣта 1861 г. движеніе было еще въ зародышѣ, и надежды, а вмѣстѣ съ ними и желанія, относительно не высоки, такъ что, будь въ то время дана власть Велепольскому, а при власти и утвержденная впоследствии программа, можетъ быть, планъ его имѣлъ бы нѣкоторые шансы успѣха ¹⁾. Остановка была за Петербургомъ, и семь мѣсяцевъ пребыванія Велепольскаго въ столицѣ употреблены только на то, чтобы склонить правительство стать послѣ колебаній на точку зрѣнія Велепольскаго и согласиться на его программу; но въ эти семь мѣсяцевъ (съ начала ноября 1861 г. по конецъ мая 1862 г.) отношенія въ Варшавѣ при генералѣ Лидерсѣ обострились, революціонное движеніе зашло далеко, успѣло организоваться, выработало настоящее подпольное правительство, отвергавшее вся-

¹⁾ См. St. Petersburger Beiträge zur neuesten russischen Geschichte von Nicolaus I zu Alexander III, стр. 365.

ній компромиссъ и прямо стремившеся на повстанію; «средніи», консерваторы, «полу-люди», стали еще блѣднѣе и безхарактернѣе, совсѣмъ сбились и противъ воли шли туда-же. Такимъ образомъ, несмотря на данныя маріану полномочія, дѣйствующія лица, числомъ четыре: правительство, Велопольскій, революціонеры или красные, и консерваторы или бѣлые, и положеніе ихъ по отношенію однихъ къ другимъ, остались почти тѣ же какъ въ предшедшемъ году, только температура повысилась, борьба становилась ожесточеннѣе, пульсъ у противниковъ бился чаще, дѣйствіе происходило съ усиливающеюся быстротою и близилось къ развязкѣ, къ роковой для поляковъ катастрофѣ. Повстаніе вспыхнуло лишь въ слѣдующемъ году; въ 1862 г. оно еще откладывалось на общему соглашенію и бѣлыхъ, и красныхъ, какъ неготовое, недозрѣлое. Смутное время, предшествующее открытой революціи, дѣлалось еще болѣе смутнымъ, сопровождаемое колебаніемъ почвы, ударами грома, еще болѣе частыми вспышками и новымъ явленіемъ—дерзкими покушеніями на жизнь людей, представлявшихъ собою правительство. Главные моменты дѣйствія въ эту мрачную эпоху, продолжавшуюся съ іюня 1862 по январь 1863 г., были слѣдующіе.

Со 2 (14) іюня 1862 г., новый начальникъ гражданскаго управленія хлопоталъ въ Варшавѣ о скорѣйшемъ введеніи реформъ, въ особенности объ укомплектованіи личнаго состава учащихъ главной школы и объ ея открытіи; совмѣстно съ оставившимъ свой постъ графомъ Лидерсомъ онъ старался поставить управленіе края въ такое положеніе, которое дало бы возможность великому князю намѣстнику прибыть въ Варшаву въ срединѣ лѣта на все уже устроенное и готовое. Съ особою торжественностью совершилось введеніе К. Кржиwickаго въ должность директора просвѣщенія и исповѣданій (А. W, II, 411—414). Бодрою, не лишенною нѣкотораго задора увѣренностью звучали произнесенныя при этомъ слова новаго директора: «мы призваны исполнить высочайшую волю: да будетъ свѣтъ въ странѣ. Благородныя души награждать насъ признательностью, на крики неблагоуразумныхъ мы не обратимъ вниманія, а свѣтъ долженъ все-таки быть въ странѣ — онъ и будетъ!» — На каедры или приглашенія въ Познань, Краковъ, Львовъ, даже въ Парижъ ¹⁾. Особенно надежнаго человека требовалъ важный постъ президента города Варшавы. На эту должность предназначался заняв-

¹⁾ Къ Генриху Визинскому.—Мнѣ была въ то время предложена каедра, которую я принялъ, но не могъ занять по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ.

ний ее 4 (16) августа, старший сын маркиза, Сигизмундъ. Въ эти хлопоты въ officialной сферѣ и вся эта возня совершалась какъ-бы въ пустотѣ, безвоздушномъ пространствѣ, не вызывая въ обществѣ почти никакихъ одобреній, никакихъ отголосковъ. Воевопольскаго не могло не озадачить, какъ весьма дурной признакъ времени, то обстоятельство, что какъ до ухода его въ Петербургъ, такъ и послѣ возвращенія, общество высшее, интеллигентное, то, на которое онъ рассчитывалъ опереться, стояло въ сторонѣ и относилось въ нему отчасти съ ледянымъ и недоброжелательнымъ, а отчасти просто только съ ожидательнымъ равнодушіемъ. Самымъ популярнымъ и авторитетнымъ человекомъ въ царствѣ польскомъ продолжалъ быть идоломъ пашты, графъ Андрей Замойскій, который, еслибы поддерживалъ маркиза, то привлекъ бы на его сторону классъ помѣщиковъ, людей интеллигенціи колеблющихся; онъ могъ бы затормозить такимъ образомъ движеніе. Такъ-какъ это движеніе было уже весьма значительное, то оно бы произвело общую повстанскую вихлянку, которая, при дружномъ противодействіи и правительства, и людей состоятельныхъ и интеллигентныхъ, могла бы кончиться хотя бы и не безъ кровопусканія, но полнымъ торжествомъ законнаго порядка, слѣдовательно упроченіемъ началъ, на которыхъ основана была комбинація маркиза, его политическій компромиссъ. Вся организація бѣлыхъ развивалась изъ кадровъ земледѣльческаго общества, изъ людей довѣрія отъ 8 воеводствъ, въ которыхъ присоединились представители Варшавы. Центральнымъ органомъ этой организаціи была образовавшаяся въ концѣ 1861 г. делегація изъ 6 членовъ, однимъ изъ коихъ былъ старшій сынъ Замойскаго, Владиславъ (Записки Н. Берга, въ «Русскомъ Архивѣ» за 1873 г., стр. 1338). Въ началѣ февраля 1862 г. делегація преобразовалась въ *дирекцію*, которая предполагала всѣ свои постановленія предлагать на утвержденіе графу Андрею Замойскому (тамъ же, стр. 1242). Положимъ, что графъ отклонилъ отъ себя предводительство и остался внѣ организаціи, но во всякое время вліяніе могъ онъ имѣть громадное, а положительные результаты отъ поддержки, оказанной Воевопольскому, могли бы быть рѣшительные, могли прельстить патриота.

Человѣкъ болѣе честолюбивый, чѣмъ Замойскій, могъ бы воспользоваться моментомъ и сыграть первостепенную политическую роль, вполне располагая ситуациею. — Графъ Андрей Замойскій не измѣнилъ и въ этомъ случаѣ своей натурѣ и предпочелъ быть мертвымъ знаменемъ, между тѣмъ какъ могъ бы сдѣлаться живымъ, дѣйствующимъ лицомъ. Онъ ограничился сухимъ общаніемъ, что

не будетъ препятствовать маршеву, но въ сдѣйствіи отказывалъ смотрѣть, то подъ предлогомъ, что «еслибы онъ связался съ маринзомъ, то народъ сказалъ бы, что аристократія ему измѣняетъ», то подъ другимъ предлогомъ, что «еслибы онъ вошелъ въ сдѣлку съ правительствомъ и маринзомъ, то потомъ стыдился бы смотреть на жену и дѣтей» (А. W. I, 330). Очень трудно сказать, насколько на эту неподвижность повліяла политическая беззорукость графа и насколько личныя антипатіи и счеты вѣдомости вѣдомому. Въ характерѣ графа была одна черта, которую подмѣтилъ Велепольскій въ запискѣ отъ 10 (22) апрѣля 1861 г. (XIX): отсутствіе самолюбія при отставаніи своихъ убѣжденій, пассивная уступчивость волѣ и образу мыслей той группы, которая его несла какъ званія на своихъ плечахъ. Пospаривъ, онъ бы сдался «по своему обновленію» и присоединился бы «активно» въ противному мнѣнію, еслибы, обступивъ его дружною толпою, друзья его сказали, что того требуетъ благо его польскаго отечества. Но консервативная партія, группировавшаяся вокругъ графа, морала, какъ въ прежнее время, такъ въ особенности теперь, отсутствіемъ мужества, полною безхарактерностью. Всѣ эти «полу-люди» пугались, когда имъ предлагали министерскіе портфели, требовали отъ Велепольскаго объясненій о томъ, какъ онъ относится въ вопросу о литовско-русскихъ (западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ), наконецъ уходили, пожимая плечами и отзываясь, конечно, неискренно, такъ какъ программа маршева была ясна, какъ день: «маринзъ предлагаетъ садиться въ экипажъ, не объясняя, куда онъ насъ повезетъ» (А. W. I, 331).

Между тѣмъ, какъ бѣлые консервативные люди робко выжидали, красные поставлены были въ необходимость употребить вои мѣры, чтобы не допустить осуществленія реформъ и даже, чтобы разстроить самый пріѣздъ в. князя въ Варшаву, кѣнчавшій комбинацію Велепольскаго. Съ осени 1861 шла не только на мостовой Варшавы, но и съ широкими разбѣвленіями во всемъ ц. польскомъ и даже за З. Бугомъ вербовка заговорщиковъ, въ особенности между рабочимъ ремесленнымъ простонародіемъ. Завербованные улаживались въ десятки, сотни; по выраженію Н. Берга, «этажи воздвигались за этажами». — Передъ полученіемъ извѣстія о дарованныхъ царству въ маѣ 1862 г. реформахъ въ средоточіи организаціи красныхъ, въ центральномъ народномъ комитетѣ поставленъ былъ серьезно вопросъ о немедленномъ возстаніи, сильно поддерживаемый вопевшимъ въ комитетъ капитаномъ Ярославомъ Домбровскимъ, которому довелось въ 1871 г. быть

послѣднимъ главнокомандующимъ парижской коммуны. На этотъ разъ вопросъ разрѣшенъ отрицательно (Зап. Берга въ «Русскомъ Архивѣ» 1873, стр. 1277), и всѣ разговоры о восстаніи прекратились; но когда Велепольскій получилъ власть, то дальнѣйшее бездѣйствіе партіи грозило ей разложеньемъ. Справедливо замѣчаетъ Бергъ (л. 1290): «число поляковъ, начинавшихъ группироваться вокругъ Велепольскаго, могло увеличиться; бѣлая организація могла рухнуть, явиться арміей правительства, которую оно повело бы на красныхъ. Необходимо было произвести нѣчто потрясающее, авось чрезъ такой порогъ не перешагнетъ принципъ крови, раздражить государя и такимъ образомъ остановить реформы». Отсюда произошли крупныя политическія убійства, затѣваемые систематически. Они не дѣло всей партіи, которая до совершенія ихъ могла о нихъ не знать и быть ими же поражена; они не были дѣломъ даже центрального комитета. Охотно вѣримъ бывшему членомъ этого комитета Гиллеру (Alek. W., przez A. G. Lwów, 1878), что комитетъ былъ здѣсь ни при чемъ, что онъ этихъ убійствъ не рѣшалъ. Но характерная и, можно сказать, роковая черта во всякой революціонной организаціи, идущей на насиліе и дѣйствующей не разбирая средствъ,—та, что она дѣйствуетъ какъ стихія, что въ ней немислимы дѣйствіе по плану и дисциплина, что верхъ беретъ въ ней не умъ и даже не сила, а просто одна смѣлость, и что какъ бы ни были возмутительны покушенія, партія поневолѣ должна мириться съ ними по ихъ совершеніи и брать ихъ на свой счетъ, чтобы не дать себя опередить, хотя бы пришлось брести по колѣна въ крови. Комитетъ не рѣшалъ стрѣлять изъ-за угла и убивать, но въ комитетѣ былъ Игнатій Хмѣленскій, наряжавшій и подстранивавшій убійцъ съ іюня 1862 г. по самый конецъ повстанія, человѣкъ, записавшій имя свое самыми кровавыми чертами и дѣйствовавшій долго потомъ, напримѣръ, при организованіи покушенія на графа Берга 7 (19) сентября 1863 года на Новомъ Свѣтѣ изъ дома Замоискаго, уже въ то время, когда Велепольскій сошелъ со сцены дѣйствія. Собственнымъ дѣломъ Хмѣленскаго были выстрѣлы въ Лидерса и три покушенія, за которыя въ краткіе промежутки заплатились жизнью Ярошинскій, Рылъ и Ржонца. (16) 27 іюня, среди бѣлаго дня, въ 8 ч. утра, въ публичномъ мѣстѣ — Саксонскомъ саду, среди публики, бывшій намѣстникъ Лидерсъ пораженъ былъ выстрѣломъ сзади въ шею, съ поврежденіемъ рта, языка и челюсти. Убійца остался незамѣстнымъ; онъ положилъ револьверъ въ карманъ, смѣшался съ прохожими и точно въ воду канулъ. — Несмотря на полную

неизвѣстность, кто былъ злоумышленникъ, мѣшавшее предположеніе, что онъ могъ быть русскимъ, звышавшія въ роли мстителей за расстрѣлянныхъ казаковъ въ Новоторгическѣ русскихъ офицеровъ: Аригольда и Сливницкаго, дававшихъ читать солдатамъ «Коловола» и «Полярную Звѣзду», не выдерживаетъ критики. Орудовавшій въ красномъ комитетѣ Гиллеръ (Al. W. ризек А. G., стр. 95) прямо винить въ выстрѣлѣ демагогическую фракцію польской революціонной партіи. Въ карманѣ у Ярошинскаго найдено сдѣланное имъ готовое признаніе въ томъ, что онъ стрѣлялъ въ Лидерса, признаніе, оказавшееся ложнымъ, но свидѣтельствующее, какъ заботились люди, употребившіе его какъ орудіе, чтобы отвести отъ себя подозрѣніе. Наконецъ извѣстно, что за три недѣли до выстрѣла, Лидерсъ былъ предупрежденъ о замышляемомъ похищеніи анонимнымъ письмомъ съ угрозами (Le marquis A. W. II, 318). Тамъ какъ Лидерсъ былъ человѣкъ уже уходящій и совсѣмъ кончившій свою роль въ царствѣ польскомъ, то поразившая его пуля мѣтила вовсе не въ него. Она промывала дѣйствіе совершенно противоположное тому, которое предполагали заговорщики. На слѣдующій день послѣ выстрѣла 16 (28) іюня, Веленпольскій, заступая его мѣсто, открылъ торжественно засѣданіе государственнаго соѣзта. Прежде, нежели до Петербурга дошло письмо, въ которомъ онъ просилъ в. князя намѣстника ускорить пріѣздъ, уже въ Варшавѣ получена скрестившаяся съ письмомъ телеграмма, возвѣщавшая немедленное прибытіе в. князя со всѣмъ семействомъ, несмотря на то, что супруга в. князя была въ послѣднихъ дняхъ беременности. Изъ Петербурга, въгнѣдствіе выстрѣла, послышаны были Веленпольскому горячія пожеланія успѣха и сильныя одобренія. Князь А. М. Горчаковъ писалъ ему: «мы не смѣиваемъ націю съ осквернившимъ Варшаву злодѣяніемъ. Въ виду сего преступленія, я точно вижу, какъ вы поднимаетесь во всю высоту вашей энергіи. «Sic itur ad astra», мой дорогой маркизъ. Среди этого бастарднаго вѣка, вы обезпечиваете за собою прекрасную страницу въ исторіи» ¹⁾. Сборъ въ путь былъ короткій, черезъ пять дней послѣ выстрѣла въ Лидерса, 20 августа (1 сентября) вечеромъ, в. князь встрѣчалъ у вокзала м. д. на Прагѣ Веленпольскій, мѣстныя власти и несмѣтныя толпы народа, послѣ чего, по деревянному плавучему мосту, онъ проѣхалъ чрезъ Вислу и чрезъ Замковый спускъ въ Бельведеръ. Никто не зналъ, что въ этой самой толпѣ на вокзалѣ сѣла

¹⁾ Переводъ съ французскаго Le marquis. W. II, 319.

рѣшившійся на свое дѣло убійца, котораго рука не поднималась однако, потому, что великій князь-намѣстникъ велъ подъ руку свою супругу; но на второй день потомъ, у подъяда оперы, зной умыселъ осуществленъ; въ счастію пуля револьвера, пробивъ только платье и рубашку и контузивъ шейные покровы, застряла въ кистяхъ эпюлета. Злодѣй оказался жалкимъ, неразвитымъ субъектомъ, подмастерьемъ у портного, Людвигомъ Ярошинскимъ, 22 лѣтъ, фанатикомъ, котораго завели какъ машину и передали на жертву другіе, болѣе умные, усвоившіе подстрекатели. Его завербовали дней за десять до пріѣзда в. князя, слѣдовательно дней за пять до выстрѣла въ Лидерса. Бѣдный и темный пѣвѣка поддался безъ спроса и условій, когда былъ приведенъ къ таинственному начальнику заговора, оказавшемуся помѣщикомъ И. Хмѣленскимъ; онъ получилъ отъ Хмѣленскаго приказъ убить для блага отечества одно лицо, которое ему укажутъ. Это лицо—великій князь, было Ярошинскому названо за нѣсколько часовъ до момента, когда должно было совершиться посягательство, причемъ данъ и револьверъ. Близость вѣнковой княгини помѣшала выстрѣлу на вокзалѣ. На слѣдующій день, 2 іюля, Ярошинскій поджидалъ в. князя у православнаго собора, но успѣлъ произвести выстрѣлъ только 3 іюля (22 іюня). Долгое время онъ былъ твердъ какъ скала и молчалъ, не поддаваясь даже увѣщаніямъ ескадровъ, но твердая рѣшимость оставила его, когда ему показаны были польскія заграничныя газеты, съ негодованіемъ осуждавшія его злодѣйскій поступокъ. (Подробности извлечены изъ офиц. отчета о засѣданіи полевого военнаго суда о Ярошинскомъ, помѣщеннаго въ варшавскихъ газетахъ; см. *Gazeta polska*, 18 авг. 1862 г., № 187). Раньше, чѣмъ состоялся судъ надъ Ярошинскимъ и въ то еще время, когда не улеглось впечатлѣніе отъ его дѣянія, совершены два новыя покушенія, которыхъ предметомъ былъ Велепольскій и которые шли изъ одного и того же источника ¹⁾ 7 августа (26 іюля) 1862 г., на лѣстницѣ комисіи финансовъ, въ мариза сдѣланы были непричинившіе ему вреда два выстрѣла изъ револьвера литографомъ-подмастерьемъ Людвигомъ Рылемъ, а 15 (3) августа, среди Узедовской аллеи по пути къ Бельведеру, другой литографъ-подмастерье Янъ Рмонца, тоже 19 лѣтъ, ухватившись одною рукою за бѣдущую поляску Велепольскаго, другою пытался нанести ему ударъ кинжаломъ, котораго остріе покрыто было засохшимъ сильнымъ растворомъ стрихнина, но сплѣлъ только шляпу съ головы мариза, послѣ

¹⁾ Зап. Берга въ „Русс. Арх.“ 1878, содержать много данныхъ, которыхъ нѣтъ въ отчетѣ полевого суда.

что бѣжалъ, получивъ отъ кучера ударъ инутомъ по голови. Оба преступника были другъ съ другомъ лично знакомы, оба предъ покушеніемъ были омыты и достались въ руки полиціи отравленными. Рыля уговаривалъ на убійство Хмѣленскій, а Ржонца рѣшился на убійство подѣ влияніемъ опасности, грозившей ему отъ знакомства съ Рылемъ, и раздраженія отъ приготовленій къ суду надъ Ярошинскимъ. Оба преступника не сдѣлали откровенныхъ признаній и не выдали сообщниковъ. Судъ полевой, какъ надъ ними, такъ и надъ Ярошинскимъ, состоялся въ августѣ 1862 г. на Медовой улицѣ въ бывшемъ дворцѣ Паша, гдѣ нынѣ окружный судъ, при открытыхъ дверяхъ, съ допущеніемъ публики по билетамъ, съ данными подсудимымъ отъ суда защитниками изъ адвокатовъ, состоящихъ при сенатѣ, и съ производствомъ суда на польскомъ языкѣ. По подтвержденнымъ в. кн. намѣстникомъ приговорамъ, всѣ трое приговорены къ смертной казни, которая совершена на гласисѣ Александровской цитадели повѣшеніемъ 21 (9) авг. Ярошинскаго, а 26 (14) августа Рыля и Ржонца. Какъ четыре покушенія, и такъ расплата за послѣднія три изъ нихъ съ преступниками слѣдовали одни за другими быстро, въ предѣлахъ двухъ мѣсяцевъ. Если сравнить начало этого краткаго періода съ его концомъ, то надобно признать, что положеніе дѣлъ въ Варшавѣ значительно ухудшилось и что безповоротно исчезла большая часть надеждъ на будущее, а весь небосклонъ заволокло черными, поминутно сверкавшими отъ молній тучами. Оказывалось, что въ томъ положеніи дѣлъ первенствующими людьми, по части цѣлесообразности дѣйствій, были уже Хмѣленскій и его ближайшіе друзья изъ демагогической фракціи революціонной партіи. Хотя ни одно изъ замыслимыхъ убійствъ не удалось исполнѣ, но главная цѣль, ради которой затѣвались убійства, осуществлена исполнѣ, и вмѣсто немоста изъ реферисъ съ одного берега на другой, открылась между обоими обществами, русскимъ и польскимъ, зияющая пропасть. Это ухудшеніе положенія не зависѣло вовсе отъ образа дѣйствій Велепольскаго, который дѣлалъ что только могъ, чтобы осуществить свое личное дѣло и созданіе. Не зависѣло оно и отъ в. князя; никогда еще не являлся на высокомъ посту намѣстника болѣе симпатичный, болѣе искренно расположенный къ полякамъ представитель русскаго правительства. Въ короткое время онъ научился польскому языку, былъ всякому доступенъ и пріятливъ; онъ окружилъ себя поляками (Альфъ Врешнѣвскій, Тентгоберскій, графъ Хрентовичъ); публикѣ льстили даже цвѣта носимаго имъ синяго съ желтымъ мундира, и общее вниманіе возбуждало даже крестное имя, дан-

ное родившемуся въ Варшавѣ сыну: Витеславъ или по-польски Wasław, пробуждавшее бездну дорогихъ для западнаго славянства воспоминаній. Даже повтореніе учащающихся покушеній само по себѣ могло не намѣнить настроенія умовъ, въ немъ могло отнестись правительство согласно съ мыслью, выраженною въ приведенномъ выше письмѣ князя Горчакова: «отдѣльныя преступленія не сбиваютъ власть съ пути, который считается ею соответствующимъ потребностямъ страны» (*Le marquis W. II, 319*). Само по себѣ это учащеніе покушеній могло только вызвать усиленіе мѣръ предосторожности, мѣръ, которыя и были приняты несмотря на то, что Велепольскому онѣ были по его натурѣ крайне стѣснительны и противны. Великій князь не выѣзжалъ потому иначе какъ съ эскортомъ изъ чересовъ; экипажъ Велепольскаго сопровождали по улицамъ конные жандармы. Печальнымъ явленіемъ были не столько покушенія, сколько та власть, которую консервативные люди обнаруживали по случаю покушеній, та волеблущаяся нервительность, съ которою землевладѣнціе, капиталъ и интеллигенція, очутившись между правительствомъ, на сторонѣ котораго они не хотѣли стать, и злоумышленниками, идущими на явно нечистое дѣло, отнеслись къ событію. Никто отъ нихъ и не требовалъ, чтобы они собственными руками ловили и выдавали злоумышленниковъ; достаточно было въ данную минуту, послѣ молній, освѣтившихъ пропасть, куда увлекаемо было общество, энергически протестовать противъ убійствъ, отклонивъ всякую, даже нравственную солидарность, и поддержать Велепольскаго не въ его полицейскихъ мѣропріятіяхъ, а въ реформахъ. Въ новомъ письмѣ къ Велепольскому А. М. Горчакова, отъ 16 августа (*Le marquis W. II, 328*), русскій канцлеръ помѣстилъ выраженіе, внушенное ему обнаруживающимся изолированнымъ положеніемъ маршала: «безнаказанность злодѣевъ кончалась бы тѣмъ, что честь націи была бы помрачена» (*finirait par atteindre l'honneur de la nation*). Заключительнымъ мимоходомъ, что не въ наказаніи или безнаказанности была суть вопроса, а въ томъ, что еслибы значительная часть интеллигенціи высказалась рѣшительно и активно въ пользу реформъ, то вслѣдствіе этого раскола исчезла бы у крайнихъ революционеровъ всякая надежда остановить ходъ реформъ изведеніемъ того или другого лица и покушенія прекратились бы совершенно независимо отъ наказаній, которыя въ тревожныя минуты, подобныя тогдашнимъ, теряютъ устрашающую, а иногда приобращаютъ даже возбуждающую силу. На другой день послѣ покушенія противъ вел. князя, т.-е. 4 июля, арміеисекретъ Фелин-

скій съ высоты амвона въ соборѣ св. Яна проповѣдывалъ: «братья, въ эту послѣднюю минуту не правительство, а вѣра и отечество требуютъ, чтобы вы явно высказались противъ злодѣйства; помните, что въ подобныхъ случаяхъ *qui tacet consentire videtur*». 5 июля, въ засѣданіи государственнаго совѣта Велепольскій разразился рѣчью, которую Н. Бергъ (Р. Арх. 1873 г. 1302) называетъ не безъ основанія *тронною*, потому что и теперь еще въ чтеніи она производитъ сильное впечатлѣніе, до того ея сжатые огненные и образныя фразы проникнуты искреннимъ чувствомъ, до того для маринца было лично правдою то, что онъ изобразилъ словами: «если еще имѣють послѣдовать смертоубійственные удары, то я желаю, чтобы лучше направились они на мою собственную грудь, потому что я не желаю бы пережить на этой землѣ доблесть моихъ отцовъ и честь имени польскаго».

Нельзя сказать, чтобы эти слова пропадали даромъ, чтобы они не встрѣчали весьма многихъ людей, глубоко имъ сочувствующихъ. Огромное большинство публики было и возмущено и опечалено, но въ данномъ случаѣ это настроеніе не привело ни къ какимъ результатамъ. Собралась многочисленная депутація отъ всѣхъ классовъ народонаселенія варшавскаго съ графомъ Андреемъ Замойскимъ во главѣ; она представлялась 4 іюля, на другой день послѣ событія, в. князю въ Бельведерѣ: она выражала несомнѣнно нелицемѣрное осужденіе случившагося, но ни одно слово не вышло изъ рамокъ заурядной officialности и не было ни одного движенія, которое бы вылилось изъ сердца; свиданіе началось и кончилось банально, какъ обрядъ. Великій князь пробовалъ извлечь извѣстную пользу изъ минуты, и напомнилъ явившимся о томъ, что мало однихъ словъ, а нужно дѣло, взявъ одною рукою руку графа Замойскаго со словами: «Вы разделяете мое мнѣніе, графъ», а другою руку Велепольскаго, и сказалъ: «я требую вашего содѣйствія, господа, помогайте мнѣ нашимъ нравственнымъ вліяніемъ, потому что правительство, не опирающееся на народъ, безсильно» (А. W. I, 338). Сближеніе рукъ не довело до рукопожатія; графъ не сказалъ ни да, ни нѣтъ и былъ холоденъ и сухъ, какъ при исполненіи повинности. Но выходя отъ великаго князя, лица, явившіяся выразителями чувствъ населенія, были вообще крайне собою недовольны. Большинство общества тяготилось молчаніемъ и произтекающею отъ молчанія двусмысленностью положенія. Оно желало выразить энергичнѣе свое омерзѣніе по отношенію къ злодѣйствамъ. Слѣдствіемъ этого была мысль о необходимости подачи адреса, съ

цѣлѣмъ отдѣлѣть себя отъ революціонеро́въ; но настроеніе общественное было таково и революціонное теченіе было столь сильно, что пронадали безоглядно саміи блага нагѣренія, и людей заносило гораздо дальше, чѣмъ они хотѣли и предполагали, и что политическіе и общественные дѣятели сами того не замѣчали, какъ, по словамъ пословицы, начали за здравіе, они кончили за упокой. Затѣянный въ видѣ протеста противъ убійцъ адресъ превратился потомъ въ протестъ противъ Россіи и ея правительства. Исторія его представляеть одно изъ характернѣйшихъ явленій того смутнаго періода, знаменіе времени, свидѣтельствующее о томъ, что уже осенью 1862 г. дѣло польское, при его тогдѣшнихъ условіяхъ, было безповоротливо проиграно.

XXIII.

Сентябрь 1862 г. — Манифестъ партіи крупныхъ землевладѣльцевъ. — Высылка графа А. Замойскаго.

Адресъ къ в. князю былъ затѣянъ тотчасъ послѣ представленія варшавскихъ нотаблей въ Бельведерѣ. Слѣдовало собрать какъ можно болѣе подписей, а потому въ редакціонный комитетъ приглашены по возможности представители всѣхъ отгѣльных умѣренной партіи, даже и такіе, которые стояли, такъ сказать, на ея лѣвомъ краю, подходящемъ къ области центрального (революціоннаго) комитета. Соглашеніе было, конечно, трудное и неустойчивое, потому что хотя всѣ сходились въ осужденіи убійствъ, но затѣмъ одни останавливались на этомъ голомъ отрицаніи, а другіе, боясь, чтобы ихъ не заподозрили, что они, вступающіе безъ условій за правительство, стали съ нимъ заодно, обусловливали свою подпись на адресъ тѣмъ, чтобы внесена была малая толика того неопредѣленнаго плача безъ словъ, того жалобнаго тона, который звучалъ въ адресѣ 27 февраля 1861 г., составленномъ Ставискимъ (XI), и который свидѣтельствовалъ, что они вѣрны мерцающему въ ихъ воображеніи и влѣбланному ихъ поэтами и пророками идеалу реставрированной Польши отъ моря и до моря, что они не удовлетворены, не примирены, а можетъ быть и не примиримы. Тутъ входила у многихъ какъ прамѣсь и боязнь стать поперекъ краснымъ, потерять популярности, быть на дурномъ счету на улицѣ, но дѣйствовало въ значительно болѣе степени еще другое чувство: нежеланіе разстаться ни съ единымъ атомомъ отъ благъ великаго прошлаго, потерянныхъ по своей же винѣ упавшей націей, хотя бы чрезъ

то пришлось терять весьма существенныя блага въ настоящемъ, посредствомъ которыхъ можно бы заработать на новое сношеное будущее. Самая трудная борьба—та, которая происходитъ въ душѣ предъ собою; согласившіеся сперва брали свое согласіе назадъ, перетягивали на свою сторону остальныхъ и уже условленное измѣнялось и дополнялось въ новой редакціи. Такъ случилось и съ адресомъ. Веленольскому показанъ былъ первоначально проектъ его, который имъ одобренъ, на другой день ему подали тотъ же документъ, но въ столь видоизмѣненной редакціи, вслѣдствіе прибавокъ, что Веленольскій долженъ былъ наотрѣвъ отказать въ представленіи его великому князю. Такимъ образомъ подача адреса не состоялась, но мысль о немъ бродила въ обществѣ и занимала въ особенности въ провинціи шляхту, т.-е. партію бѣлыхъ, организованную по кадрамъ, которыми ее снабдило еще земледѣльческое общество. Отъ этого провинціального, владѣющаго землями, дворянства шли предложенія о сочиненіи, для предотвращенія болѣе и болѣе грознаго повстанія, такой программы или такого манифеста, который бы отдѣлилъ эту партію отъ красныхъ и указалъ ей чего держаться. Въ концѣ концовъ по идѣ лицъ, которые брали на себя въ этомъ дѣлѣ починъ, адресъ долженъ былъ скорѣе подѣрживать Веленольскаго, нежели его ослабить. По совѣту дирекціи бѣлыхъ, до трехсотъ помѣщиковъ съѣхались въ Варшавѣ въ началѣ сентября. Цѣль съѣзда была та, чтобы дать отвѣтъ съ польской стороны на прокламацію в. князя къ полякамъ отъ 27 августа 1862 г., по случаю выстрѣла Ярошинскаго (А. W. II, 425), проредактированную Веленольскимъ (Le marquis, II, 334) и кончающуюся словами: «положите во мнѣ довѣріе равное тому, которое я въ васъ положилъ. Соединитесь со мною въ одномъ чувствѣ. Будемъ работать сообща и согласно для блага Польши, проси Бога, да благословитъ онъ усилія наши, а новая эпоха благосостоянія и счастья откроется для того отечества, которое вы столь сильно любите». Съѣхавшіеся были на свой ладъ патриоты, нѣмало опасавшіеся, чтобы къ нимъ не пристала ненавистная кличка «новой Тарговицы». Какъ заявить свою хотя и антиреволюціонную самостоятельность? Самымъ простымъ къ тому способомъ было: потребовать отъ правительства новыхъ уступокъ, которыми и обусловить свое содѣйствіе къ умиротворенію края. Грузившіеся въ волнахъ повстанія классъ, на которомъ лежало столько неочищенныхъ еще грѣховъ отъ прошлаго, превращаясь по старой памяти въ родъ конфедераціи, вмѣсто того, чтобы самому спастись, хватаясь за протянутую ему съ берега руку по-

монци, шлаъ на словахъ, но крайней мѣрѣ, какъ будто бы на выручку правительству въ его, во всякомъ случаѣ менѣе стѣсненныхъ, обстоятельствахъ и торговался о цѣнѣ, за которую онъ возьмется спасти это правительство. Этотъ пріемъ какъ будто бы и приносилъ торгующимся нѣкоторыя выгоды въ настоящемъ. Онъ ставилъ людей, торгующихся собственно не о чемъ другомъ, какъ о своемъ спасеніи, въ положеніе рѣшителей судебъ, безъ представленія съ ихъ стороны какихъ бы то ни было доказательствъ, что морская волна ихъ послушается, когда они скажутъ: не иди дальше. Онъ продолжалъ для людей, въ сущности пассивныхъ и колеблющихся, относительно милое состояніе бездѣйствія безъ обязательствъ, впродъ до полученія уступокъ. Наконецъ онъ былъ самымъ дешевымъ способомъ проявить свой патріотизмъ. О томъ, будетъ ли требованіе уступокъ послѣднимъ и какъ далеко могутъ идти уступки противной стороны, никто и не разсуждалъ. Уступчивость противника была повидимому безпредѣльна; не превосшли ли ожиданій большинства уступки мартовскія 1861 г. и не выхлопоталъ ли Велопольскій еще вдвое больше въ май 1862 г.; отчего не заставить его похлопотать о новыхъ? Запрашиваемыя теперь уступки были не малыя: ни больше, ни меньше какъ административное соединеніе подъ властью великаго князя намѣстника и при общихъ въ польскомъ духѣ учрежденіяхъ, земель польскихъ и бывшей польскою, до раздѣловъ Литвы съ Русью по Двину и по Днѣпру, т.-е. то самое, чему еще въ 1819 г. противился и противъ чего протестовалъ Карамзинъ, въ извѣстномъ своемъ письмѣ къ Александру I, когда и воля тогдашняго Государя склонялась къ административному соединенію царства Польскаго съ западными губерніями, и голосъ общественнаго мнѣнія въ Россіи не имѣлъ ни половины того значенія, которое онъ пріобрѣлъ въ царствованіе Александра II ¹⁾. Очевидно, что для домогающихся этихъ уступокъ, русскій народъ и его мнѣніе какъ-бы не существовали вовсе, или существовали въ скрытномъ состояніи, заслоняемые правительствомъ, которое само представлялось какъ нѣчто неопредѣленное и отвлеченное. Ужасало притомъ легкомысліе, съ которымъ считавшіе себя настоящими представителями своей

¹⁾ Вотъ главныя мѣста письма Карамзина: „Мы взяли Польшу мечомъ: вотъ наше право, которому всѣ государства обязаны битьемъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній... Старыхъ крѣпостей нѣтъ въ поминѣ... Доселѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: ни пяди земли ни врагу, ни другу... Можете ли отнять у насъ... утвержденную собственность Россіи еще до вашего царствованія?.. Согласно ли это возстановленіе Польши съ закономъ государственнаго блага въ Россіи? съ нашими священными обязанностями?“

национальности, все-таки только въ предѣлахъ царства польскаго, не спросясь своихъ братьевъ за Бугомъ, распоривались ихъ судьбою, продавали, такъ сказать, ихъ шкуру и увлекали ихъ съ собою, т.-е. обрекали ихъ первыхъ въ жертву, на сѣденье въ случаѣ катастрофы. Повторяемъ: «не спросясь», потому что въ данномъ случаѣ, хотя въ числѣ совѣщавшихся объ адресѣ и были нѣкоторые помѣщики, пріѣхавшіе, а можетъ быть и вызванные *дирекцію* изъ Вильны или изъ Кіева, но эти лица не представляли собою и не могли представлять ни польской народности между западной Двиною и Днѣпромъ съ одной, а западнымъ Бугомъ съ другой стороны, но даже и польскаго землевладѣнія въ этихъ земляхъ. Значеніе и права польскаго элемента въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ имперіи, гдѣ онъ былъ пришлый, привитой на не польскомъ корню, были всегда понятія весьма запутанныя и спорныя. Литва и Русь дали польской національности ея гениальнѣйшихъ поэтовъ, но въ политическихъ движеніяхъ этого вѣка играли всегда только роль резерва, только роль силъ вспомогательныхъ, никогда не оперирующихъ по собственному почину и самостоятельно, но готовыхъ откликнуться по всякому зову ео словами: гдѣ вы, тамъ и мы.—Главный узелъ польскаго вопроса въ Россіи, какъ тогда, такъ и нынѣ, лежалъ и лежитъ не въ западныхъ губерніяхъ, а въ царствѣ польскомъ и Варшавѣ; всякое стѣсненіе въ этомъ центрѣ отягается вдвое тяжелѣе польскому элементу по сю сторону западнаго Буга; наоборотъ всякая льгота, устанавливающая болѣе сносное положеніе польскому языку и литературѣ или большую вѣротерпимость, ведетъ неизбежно и къ болѣе свободѣ польскаго элемента въ западныхъ губерніяхъ, въ единственной области, въ которой проявляются интересы этого элемента, въ жизни его интеллектуальной и религіозной. Мы лично по собственному опыту помнимъ ту глубокую тишину, чуждую всякаго чаянія грядущихъ бѣдъ, какая господствовала въ западныхъ губерніяхъ въ послѣдніе дни 1862 г., несмотря на то, что отъ расходившихся въ царствѣ польскомъ волнъ подвергивало легкой поверхностною выбью общество польское городское, чиновное и помѣщичье въ западныхъ губерніяхъ. Въ сущности ощущалось продолжающееся пріятное впечатлѣніе отъ ослабленія, хотя не въ законоположеніяхъ, но фактически суровыхъ мѣръ восходящихъ ко временамъ императора Николая Павловича. Это вспомогательное значеніе западныхъ губерній должно было бы внушить составителямъ адреса желаніе выгородить эти губерніи прежде всего и принять мѣры, чтобы повстаніе, котораго уже боялись, ихъ не коснулось, но уже въ то время преобладали мрачныя

сообразенія, философія отрицанія, руководящаяся правиломъ: если погибать, такъ всему и всѣмъ за-одно. Г. Лисицкий утверждаетъ (Le marquis, II, 336), и мы оставляемъ его слова на его ответственности, что въ *дирекціи* бѣлыхъ, гдѣ обсуждался адресъ, подняты были вопросы о томъ, не выразитъ ли недовѣріе въ Веленопольскому и не потребовать ли отъ великаго князя отставки маркиза, но что эти предложенія были большинствомъ отвергнуты. Кончилось тѣмъ, что наражена была депутация, которая была отправлена въ Веленопольскому для объясненія адреса и для утѣренія его въ томъ, что умѣренная партія общается ему полную и безусловную свою поддержку въ случаѣ, если маркизъ возьмется хлопотать о Волыни, Подоліи и Литвѣ въ смыслѣ соединенія ихъ съ царствомъ польскимъ (A. G., Aleks. W. Lwów; 1878, стр. 102). Нѣтъ основанія не вѣрить этому послѣднему факту, приводимому стоявшимъ столь близко къ центральному революціонному комитету Агатономъ Гиллеромъ и тѣмъ болѣе правдоподобному, что при подачѣ адреса нельзя никакъ было обойти Веленопольскаго. Понятно, что для маркиза минута эта была трагическая, роковая, въ которой безповоротно и окончательно уничтожалась его вѣра въ успѣхъ его идеи, и обрывались всѣ его надежды, въ которой у него, какъ у бойца, переломлена была въ рукахъ его ни на что ненужная уже боевая шпига. Новѣйшія изслѣдованія опровергаютъ фактъ, произнесенныхъ будто бы Косцюшкою на нобовщѣ подѣ Мацѣвскими легендарныхъ словъ: *finit Poloniae*. Не знаю, какъ отнесется исторія къ словамъ, которыя Гиллеръ выдаетъ въ уста Веленопольскому при приемѣ делегаціи бѣлыхъ, но которыя не приведены жизнеописателемъ маркиза Лисицкимъ, но если онѣ были въ дѣйствительности произнесены, то онѣ изображали бы характерно мрачное отчаяніе гордаго человѣка, которому, послѣ крушенія всѣхъ надеждъ, приходится только сойти со сцены съ сознаніемъ моральнаго безсилія и умереть: «я не желаю и не требую содѣйствія ни вашему, ни чьего бы то ни было. Въ пользу поляковъ можно иногда что-нибудь сдѣлать, но съ поляками сообща никогда» (A. G., стр. 103).

Люди, которыхъ мнѣніе получило перевѣсъ въ помѣщичьемъ парламентѣ, созванномъ по случаю адреса, не могли довольствоваться такимъ отрицательнымъ результатомъ, какимъ было принятіе адреса; этотъ результатъ не устраивалъ ихъ вовсе, они теперь старались его огласить, довести до свѣдѣнія страны и не только страны, а и всей Европы, т.-е. не добившись своихъ условій, хотѣли констатировать, что не отъ нихъ, а отъ непринявшаго

условія правительства зависѣло предотвратить революцію. О напечатаніи адреса нельзя было и думать; участвовавшіе въ немъ не могли бы быть увѣрены, что они не подвергнутся преслѣдованію какъ за преступленіе политическое. Эти соображенія заставляли дирекцію бѣлыхъ избрать военный путь для достиженія цѣли, заключающейся въ томъ, чтобы сдѣлать свою резолюцію почти гласною, а именно распространивъ ее только въ рукописи, сообщить ей форму частнаго письма къ довѣренному лицу, поручивъ этому лицу въ моментъ, который оно найдетъ удобнымъ, довести до свѣдѣнія великаго князя, а слѣдовательно и правительства, о нуждахъ и желаніяхъ общества польскаго, питаемыхъ его консервативными и увѣренными людьми. Подходящее лицо отыскивалось само собою, безъ указанія на него; то былъ безупречный великій гражданинъ, неподвижный какъ статуя, постоянно противопоставляемый новому торговчанину, почти измѣннику-маркису, графъ Андрей Замойскій. Послѣ разкассирования земледѣльческаго общества, графъ удалился отъ дѣлъ, стоялъ внѣ организаціи бѣлыхъ и жилъ отшельникомъ, превратившись въ ходячій, но безмолвный протестъ, но хотя онъ стоялъ вдали отъ дѣлъ, онъ никогда не переставалъ быть знаменосцемъ, и болѣе нежели знаменосцемъ — живымъ воплощеніемъ духа шляхетской партіи. Было, однако, затрудненіе, заключавшееся въ томъ, что Замойскій, по принципу проводившій правило: ни о чемъ не просить, — былъ противникомъ всякаго адреса и всякихъ совѣщаній объ адресѣ; онъ прямо называлъ это дѣло «ребячествомъ» и совѣтовалъ съѣхавшимся бросить «глупости» и разѣхаться. Но руководители съѣзда помѣщиковъ знали отлично человека, знали, что онъ всегда уступить, когда отъ него что-нибудь потребуется цѣльнымъ соборомъ, что онъ всегда готовъ принести въ жертву даже свои убѣжденія тѣмъ, кого онъ считаетъ по совѣсти настоящими представителями народа, что по одушевляющимъ его истинно рыцарскимъ чувствамъ и по всегда присущей ему жадѣ самопожертвованія ради общаго блага, онъ будетъ скорѣе склоненъ къ тому, чтобы сдѣлать угодное съѣхавшимся, нежели удерживаемъ соображеніями о томъ, что теперь, въ сущности закрывая ихъ всецѣло собою, онъ своею головою отвѣчаетъ за всѣ послѣдствія ихъ коллективнаго дѣйствія. На коллективномъ посланіи къ графу Замойскому рѣшились подписаться не всѣ съѣхавшіеся (числомъ около 300), но большинство (около 200) подписей—А. В. П., 427). Посланіе писано въ патетическомъ тонѣ, кажется, что оно было поднесено графу въ бывшемъ тогда его домѣ на Новомъ Свѣтѣ (нынѣ домъ военнаго вѣдомства)

всѣми подписавшимися in corpore; оно содержитъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Вновь пожалованныя учрежденія не могутъ предупредить грозящихъ опасностей... Нынѣ опять дѣйствуя во имя общественнаго порядка и европейской цивилизаціи и будучи побуждаемы прокламаціею великаго князя о томъ, чтобы не допустить страну до паденія въ безвыходную пропасть, мы, поляки, прибывъ со всѣхъ областей, и не имѣя никакого иного пути дѣйствія, мы окружаемъ васъ, графъ, съ увѣренностью, что Вы, *олицетворяя* въ себѣ духъ всего народа, выскажете великому князю нужды и убѣжденія, нашимъ сердцамъ и умамъ присущія, которыхъ утайку мы считаемъ вредною, а *обнародованіе* предъ цѣлымъ міромъ необходимымъ. Мы не *уклоняемся* отъ участія во вновь дарованныхъ учрежденіяхъ, но мы обязаны заявить, что *средствами, употребленными до сихъ поръ*, страна доведена до того, что ни военная сила, военные суды, тюремное заключеніе и изгнанія, ни даже смертныя казни не могутъ ее успокоить, а напротивъ того, вызываютъ крайнее раздраженіе и влекутъ на пути болѣе и болѣе пагубныя и для управляющихъ, и для управляемыхъ. Мы, какъ поляки, *только тогда* будемъ въ состояніи *поддерживать* правительство нашимъ довѣріемъ, когда оно будетъ наше *польское* и когда основнымъ закономъ, при существованіи свободныхъ учреждений, будутъ соединены *всѣ области, составляющія наше отечество*. Самъ великій князь въ своей прокламаціи почтилъ эту нашу любовь къ отечеству и обѣщаетъ свое содѣйствіе для блага ея. Мы не можемъ *оплотить эту любовь* и мы любимъ наше отечество *въ предметахъ*, какіе начерталъ ему Богъ и какіе освящены историческими преданіями».

Этотъ документъ мы относимъ къ числу величайшихъ курьезовъ смутной эпохи; мы еще считаемъ его одною изъ печальнѣйшихъ, безумнѣйшихъ и самыхъ жалкихъ страницъ новѣйшей исторіи польской націи, доказательствомъ полной неспособности людей, претендующихъ на то, что они цвѣтъ націи къ разрѣшенію простѣйшихъ жизненныхъ задачъ своего общественнаго быта. Посланіе не содержало ни одного слова порицанія политическихъ убійствъ. Какъ программа партіи, оно ничѣмъ не разнится отъ устава народнаго революціоннаго союза, который найденъ былъ у одного изъ заговорщиковъ при обыскѣ и опубликованъ, по распоряженію маркиза, въ неофициальной части правительственной газеты «Dziennik powszechny», 29-го октября 1862 г., № 244. Посланіе стоитъ сообща съ революціоннымъ уставомъ за полную реставрацію, или, какъ выражается уставъ

въ § 1: за отстройку вновь Польши (odbudowanie) въ предѣлахъ до-раздѣльныхъ. Но уставъ логичнѣе потому, что вслѣдъ за § 1 идетъ § 2, въ которомъ прямо сказано, что единственнымъ средствомъ отстройки вновь Польши полагается вооруженное возстаніе, между тѣмъ, какъ авторы посланія, усвоивъ себѣ цѣль, отрещиваются отъ средства и думаютъ, что отъ однихъ ихъ возвышенныхъ чувствъ обвалится, точно отъ трубнаго звука левитовъ, іерихонскія стѣны существующаго враждебнаго имъ порядка. Они идутъ въ своемъ неумительномъ ослѣпленіи еще гораздо дальше и хотѣли бы, чтобы сама Россія, для которой вопросъ о реставраціи Польши есть вопросъ to be or not to be, сама по своему почину пошла возвращать Литву, Подолю и Волынь, создавать еще болѣе свободныя учрежденія и устанавливать еще болѣе польское правительство. Никакія границы не указываются Богомъ, а опредѣляются и охраняются онѣ весьма прованчески кускомъ желѣза—мечомъ; что касается до историческихъ преданій, то о томъ, что они обрывались въ концѣ XVIII в., какъ будто бы и не помнили дѣти прокутившихъ свою отечественную самостоятельность предковъ. Наконецъ, прелестенъ самъ финалъ: недѣлимость любви, любовь къ отечеству не по частямъ, а только въ цѣломъ его составѣ, только со включеніемъ туда же Литвы и Познани, и Галиціи. Одного недоставало, а можетъ быть, одно не было сказано: чтобы Россія для реставраціи призракъ Польши пошла войною на своихъ могущественныхъ западныхъ сосѣдей.

Авторы посланія не ошиблись въ своемъ расчетѣ относительно Замоискаго. Графъ ихъ принялъ, вѣроятно, спорилъ, наконецъ сдался, когда пріѣхавшіе обратились къ его патристическимъ чувствамъ. Онъ акцентовавъ адресъ подъ тѣмъ только условіемъ, что выберетъ самъ время, подходящее для того, чтобы пустить его въ ходъ, слѣдовательно, онъ самъ обрекъ себя на отвѣтственность за дѣло другихъ лицъ, въ которомъ не участвовалъ, и если не за образъ мыслей, то за образъ дѣйствій, котораго не одобрялъ. Посланіе такъ и осталось въ его рукахъ, а безъ этого вещественнаго доказательства, которое нельзя было отъ него добыть, невозможно было и привлекать къ отвѣту подписавшихся на посланіи. Но текстъ посланія безъ подписей пошелъ ходить по рукамъ по всей Варшавѣ, съ примѣсю ложныхъ извѣстій о томъ, будто бы члены съѣзда собирались по волѣ великаго князя, будто бы великій князь желалъ узнать отъ нихъ о нуждахъ и желаніяхъ страны. Необходимость требовала вывести дѣло на чистую воду и восстановить факты въ ихъ настоящемъ видѣ. Прежде, тѣмъ графъ Замоискій нашелъ удобный случай позна-

комитѣ великаго князя съ содержаніемъ посланія, его самого потребовали 11 (23) сентября къ великому князю, гдѣ при графѣ Хрептовичѣ (Le marquis W. II, 338), великій князь поставилъ ему на видъ, что онъ не долженъ былъ принимать заведомо незаконный актъ, котораго не потерпѣло бы нивагое правительство безъ навлеченія на себя обвиненій въ слабости, и объявилъ ему высочайшій приказъ ѣхать немедленно въ Петербургъ, куда Замойскій и былъ отвезенъ 15-го сентября (Dziennik pow. zszchny, № 206). По требованію великаго князя, Замойскій выдалъ уже въ Петербургѣ, 11 (23) сентября, слѣдующее удостовѣреніе, которое опубликовано въ официальной газетѣ (Dz. pow. z. № 219): «спѣшу заявить, что я не получалъ отъ Его Императорскаго Высочества никакого разрѣшенія (на сѣздъ землевладѣльцевъ) и что я никого не созывалъ». Въ статьяхъ официальной газеты (Dzien. №№ 206 и 231) объяснено было, что нѣкоторые землевладѣльцы съѣхались въ Варшавѣ, и вслѣдствіе совѣщаній, происходившихъ у графа Замойскаго и подъ его руководствомъ, написали къ нему посланіе. Вина графа опредѣлялась такимъ образомъ: «принимая порученіе, графъ Замойскій подвергалъ самъ себя тому, что имя его послужитъ знаменемъ, которымъ революціонная партія постарается прикрыть свои анархическія стремленія. Отъ этихъ послѣдствій правительство рѣшило предохранить его, вызывая его въ С.-Петербургъ». Въ свѣрной столицѣ онъ жилъ на вольной ногѣ, ожидая распоряженій относительно своей дальнѣйшей участи. При всѣхъ своихъ ошибкахъ, онъ внушалъ къ себѣ здѣсь уваженіе по безукоризненной правотѣ и честности своего характера, что и выразилось въ мѣрѣ, употребленной по отношенію къ нему, которая не имѣла вида кары, а только остракизма: ему приказали уѣхать на время за-границу. Онъ уѣхалъ въ Парижъ къ брату своему, генералу Владиславу Замойскому; ему не суждено уже было возвратиться на родину. Съ высылкою Замойскаго изъ Варшавы слушенивается и почти совсѣмъ исчезаетъ, сходя со сцены дѣйствія, организація бѣлыхъ, образованная изъ обломковъ земледѣльческаго общества. Главными дѣйствующими лицами остались только два: съ одной стороны Велепольскій, съ другой стороны красный центральный комитетъ съ его развѣтвленіями; оба готовились къ рѣшительной и окончательной схваткѣ.

XXIV.

Съ октября 1862 до половины января 1863.—*Coup d'état* маркиза: рекрутскій наборъ.—Вспышка и начало повстанія.

Ударъ, нанесенный Велепольскому постановленіемъ къ Замойскому съѣзду землевладѣльцевъ, былъ столь силенъ, что Велепольскій уже не могъ оправиться, во-первыхъ, потому что прямо враждебнымъ оказывался ему тотъ слой общества, въ интересахъ котораго онъ, главнымъ образомъ, дѣйствовалъ и на который хотѣлъ опереться, во-вторыхъ, потому что эта неудача дискредитировала его въ Петербургѣ. Большинство людей судить человѣка по удачѣ. Самые горячіе сторонники маркиза охладѣвали и становились сдержаннѣе. Отражая, на подобіе термометра, эту перемѣну температуры, графиня Ант. Блудова писала въ январѣ 1863 г. Велепольскому: «мой отецъ и я, мы принадлежимъ къ *малому* числу тѣхъ, которые думаютъ, что вы можете ошибаться, но что вы, какъ благородный и честный человѣкъ, не можете обманывать тѣхъ, которые имѣютъ къ вамъ довѣріе»... (*Le marquis W. II*, 365). Эти слова доказываютъ, что большинство къ началу 1863 г. уже было враждебно настроено; одна часть публики пошла за тѣми, которые съ самаго начала польскаго движенія совѣтовали крутыя мѣры, и считала всякія уступки и либеральныя реформы въ царствѣ польскомъ баловствомъ, а другая часть, относящаяся къ политическому вопросу еще менѣе критически, начинала додумываться, не есть ли Велепольскій измѣнникъ, и представлять его себѣ въ образѣ Конрада Валленрода, гораздо болѣе опаснаго, чѣмъ всѣ члены народнаго ржонда вмѣстѣ взятые. Маркизъ не могъ не предвидѣть, что когда начнется открытая борьба съ революціею, то по необходимости гражданское управленіе отойдетъ на второй планъ, а первымъ выдвинется военное, всегда косившееся на маркиза, что оно поспѣшитъ убрать прочь, какъ препятствіе, всѣ либеральныя реформы, послѣ чего творецъ ихъ застранетъ на мели или будетъ выброшенъ чрезъ бортъ для облегченія спасаемаго корабля. Для тѣхъ, которые вблизи наблюдали Велепольскаго, онъ былъ неузнаваемъ, до того онъ сдѣлался печаленъ и мраченъ; но по наружности онъ продолжалъ съ жгучимъ постоянствомъ работать, и работалъ еще неутомимѣе и настойчивѣе прежняго. По понедѣльникамъ вечеромъ происходили пріемы въ занимаемомъ Велепольскимъ Брюлевскомъ дворцѣ; *Dziennik powszechny* помѣщалъ обширныя отчеты о дѣятельности уѣздныхъ совѣтовъ и протоколы засѣданій

государственного совѣта; военное положеніе было постепенно снимаемо въ губерніяхъ царства польскаго, кромѣ большихъ городовъ; въ Варшавѣ съ 28 іюля 1862 г. разрѣшено публикѣ ходить по улицамъ ночью безъ фонарей. Открытіе всякаго новаго учебнаго заведенія сопровождало было подобающимъ торжествомъ и рѣчами г. Крживицкаго; 26 ноября 1862 г. начались по всѣмъ факультетамъ лекціи въ главной школѣ. Осуществлено полное административное отдѣленіе вѣдомствъ почтоваго и путей сообщенія въ царствѣ отъ главныхъ управленій тѣхъ же вѣдомствъ въ Петербургѣ. На мѣста губернаторовъ въ царствѣ назначено нѣсколько поляковъ (Алекс. Островскій, Доминикъ Дзівановскій и Осипъ Корытвовскій въ Радомѣ, Плоцкѣ и Сувалкахъ); происходило множество событій, изъ которыхъ нѣкоторыя при другихъ условіяхъ составили бы въ жизни того края эпоху, но теперь они проходили едва замѣчаемыя, потому что вниманіе общества обращено было цѣлкомъ въ иную сторону. По мѣрѣ того, какъ отлетали одна за другой надежды, Велепольскій становился мрачнѣе и озлобленнѣе, взыскательнѣе и придирчивѣе. Его никогда не любили въ публикѣ, его считали мстительнымъ, высокомернымъ до безконечности и мелочнымъ; въ сущности, даже ставъ государственнымъ человекомъ, онъ никогда не могъ отдѣлаться отъ привычекъ адвоката-бойца и газетнаго боксера. Предметомъ, на которомъ онъ всего чаще вымѣщалъ свою досаду, была, конечно, та бѣдная безоружная подцензурная печать, поставленная между двухъ огней и преслѣдуемая, несмотря на свою несамостоятельность, за всѣ заблужденія общественнаго мнѣнія. Мы не разъ имѣли случай говорить, что Велепольскій значенія печати и условій ея дѣятельности не понималъ, что по отношенію къ ней онъ былъ деспотъ, что онъ съ одной стороны претендовалъ на то, чтобы она для идеи его работала какъ извозничья лошадь, а съ другой склоненъ былъ думать, что общественное мнѣніе фабрикуется газетами. Что касается до печати, то, за исключеніемъ немногихъ, какъ Минишевскій, сотрудниковъ маркиза по журнальному дѣлу, она не была справедлива по отношенію къ маркизу и не умѣла его цѣнить. Она стояла на той точкѣ зрѣнія, на которой оставался въ своей статьѣ и графъ С. Тарновскій. Она одобряла идею, но полагала, что маркизъ портитъ все тѣмъ, что непожѣрно спѣсивъ и самоувѣренъ, что не выноситъ свободного слова и отталкиваетъ отъ себя всякаго, однимъ словомъ, что будь онъ покладистѣе и вкрадчивѣе, все пошло бы какъ по маслу. При такихъ условіяхъ понятно, что маркизъ и печать ненавидѣли

другъ друга сердечно. Статья № 204 официальной газеты (12 сентября), видимо написанная самимъ Велепольскимъ, содержитъ въ сущности слѣдующее: правительство дозволило газетамъ писать по внутреннимъ вопросамъ, но частныя газеты, по давленію ли общественнаго мнѣнія или по неподготовкѣ (brak studyów), вскорѣ отъ внутреннихъ вопросовъ перекинулись въ область внѣшней политики, что и заставило правительство предписать цензурѣ, чтобы она воспретила газетамъ общія рассужденія и выводы по заграничной политикѣ. «Будущее покажетъ,—гласила статья,—выведесть ли это средство газеты изъ фальшиваго круга? захотятъ ли онѣ понять и принять въ руководство, что блистательнѣйшія заграничныя дѣла меркнуть передъ нуждами и задачами отечественными? Во всякомъ случаѣ цензурныя препятствія не могутъ служить предлогомъ руководителямъ газетъ къ дальнѣйшему въ этомъ отношеніи воздержанію (отъ внутреннихъ вопросовъ), такъ какъ они вовсе не лишены публицистическихъ способностей». Едва ли, даже при Паскевичѣ, бывали подобные примѣры столь изумительной безтактности по отношенію къ печати, примѣры не только запугиванія ее лозою цензурныхъ запрещеній и лишеній, но и дрессировки ея громкимъ прикриваніемъ, употребляемымъ по отношенію къ лицамъ, которыя, по крайней мѣрѣ, по юридической фикціи, если не фактически, представляются свободными въ выраженіи своихъ убѣжденій. Обыкновенно за печатью признавалась свобода молчанія о томъ, о чемъ ей неудобно говорить; теперь ее заставляли говорить въ правительственномъ смыслѣ о томъ, о чемъ она стѣснялась говорить, слѣдовательно ее понуждали къ неискренности и лжи, и дѣлали это въ то самое время, когда произведенія подпольной печати ходили по рукамъ столь же свободно какъ и подцензурныя. Газеты частныя, какъ бы онѣ ни были принижены, сохраняютъ даже и подъ цензурою свое жало; печать можетъ оказаться ядовитою потому, что читатели ухитряются читать между строками. Для послѣдующихъ поколѣній большею частью даже непонятна этого рода литература, и проскользаютъ незамѣченными слова, которыми придавленный публицистъ или сатирикъ ухитрился порою проволоть и прищипнуть своихъ могущественныхъ противниковъ. Я полагаю, что безъ комментаріевъ никто уже и нынѣ не постигнетъ въ чемъ заключалась суть передовой статьи, помѣщенной наканунѣ Рождества 1862 г. въ «Польской газетѣ» (№ 294) и писанной опытнымъ перомъ лица уважаемаго и честнаго ветерана литературы, І. И. Крашевскаго. Въ статьѣ нѣтъ ни слова ни о правительствѣ, ни о Польшѣ, ни о маренѣ, а

содержатся только слѣдующія нравоученія: «прежде всего намъ недостаетъ смиренія — добродѣтели, которая приводитъ къ любви... Когда бы мы умѣли смиряться, Боже, какъ бы мы стали велики! Еслибы мы не желали царствовать, какими бы могуществомъ мы преисполнились!.. Только смиреніемъ человѣкъ доходитъ до совершенства, до побѣды надъ самимъ собою, безъ которой мы ничего побѣдить не въ силахъ!..» Въ этихъ словахъ, для насъ нынѣ почти безцѣпныхъ, въ главахъ публики тогдашней обрисовывался маркизъ, какимъ она себя его представляла: гордецъ и деспотъ. Велепольскій почувствовалъ ударъ и въ сердцахъ поѣхалъ къ великому князю, добился того, что Крашевскому приказано было оставить редакторство газеты и уѣхать за границу (Записки Берга въ «Русской Старинѣ», 1879, февраль, стр. 206). Крашевскій уѣхалъ въ Дрезденъ въ первыхъ числахъ февраля и уже не могъ возвратиться на родину. Изгнаніе его есть одно изъ пятенъ на памяти маркиза; оно свидѣлствуетъ, что онъ уже терялъ свою устойчивость и что въ то время ему начинало отказывать въ услугахъ то чутье, которое ему способствовало умозаключать вѣрно и отличать настоящихъ враговъ отъ не-настоящихъ. Какъ тогда, такъ и теперь объ этомъ дѣйствіи маркиза приходится, пожимая плечами, сказать: своя своя не пошла.

Сравнительно съ другими крупными событіями того тревожнаго времени, изгнаніе литератора было мелкимъ фактомъ, проскользнувшимъ малозамѣтнымъ образомъ. Было другое дѣйствіе Велепольскаго несравненно важнѣе и богаче послѣдствіями, которое показываетъ, что онъ былъ крайне раздраженъ и что трудное положеніе одолевало и его оказывалось сильнѣе, нежели его умъ и его характеръ, что оно заставляло его быть непослѣдовательнымъ, сходить съ почвы строгой справедливости и законности и прибѣгать для борьбы съ революціею къ средствамъ самой же революціи, къ тому, что называется *coup d'état*. Съ первыхъ же покушеній на жизнь генерала Лидерса и великаго князя, въ умѣ Велепольскаго созрѣвалъ, по поводу предстоящаго рекрутскаго набора, планъ такого способа этого набора, который, бытъ направленъ на наиболѣе волнующіеся слои населенія, вырвать бы съ корнемъ изъ этой среды главныхъ воководовъ движенія и, поставивъ ихъ въ ряды дѣйствующей арміи гдѣ-нибудь въ центрѣ Россіи, освободить отъ нихъ царство польское. Рекрутская повинность въ томъ видѣ, въ какомъ она отбываема была въ прежнее время по системѣ наборовъ императора Николая Павловича, была весьма обременительна; въ царствѣ польскомъ, помнящимъ еще свое особое «войско польское», народонаселеніе смо-

трѣло на нее какъ на «подать крови». Она распространялась на всѣ состоянія и производилась конскрипционными комиссиями по такъ-называемому очередному порядку, по выбору и назначенію властей. Послѣ крымской войны и заключеніи парижскаго мира 1856 г., данъ былъ нѣкоторый отдыхъ населенію всей Россіи, и ни одинъ наборъ не производился въ царствѣ польскомъ вплоть до 1862 г.; только указомъ 3 (15) марта 1859 г. установлено, что на будущее время наборъ будетъ производиться по болѣе справедливому жеребьевому порядку. Въ іюнѣ 1862 г. послѣдовало распоряженіе о производствѣ въ царствѣ польскомъ рекрутскаго набора въ концѣ этого года въ уменьшенномъ размѣрѣ: подлежали набору на все царство 12,000 изъ числа 72 т., признаваемыхъ къ отбыванію повинности. Въ волнуемой страшѣ наборъ всегда затруднителенъ; приведеніе его безъ сопротивленія въ исполненіе должно было служить крѣпкимъ камнемъ крѣпости водворяемаго при посредствѣ Веленпольскаго порядка; по всей вѣроятности, наборъ прошелъ бы исправно по уѣздамъ, и только города имѣли бы значительный процентъ уклоняющихся отъ повинности. Раздраженный покушеніями, Веленский еще лѣтомъ 1862 г. задумалъ сообщить набору характеръ мѣры карательной, ввалить повинность на этотъ разъ только на одни города, возвратиться отъ оновѣщеннаго жеребьеваго порядка къ очередному, по заранѣе составленнымъ администраціе именнымъ спискамъ, и занести въ списки побольше отъявленныхъ и безпокойнѣйшихъ революціонеровъ, которыми въ то время кишѣла мостовая городовъ. «Это не *конскрипція*, а *проскрипція*, но она необходима», толковалъ онъ (Le marquis, II, 343) великому князю, который очень долго противился этой хитрой, но неправой мѣрѣ. Представленіе отправлено было въ Петербургъ, утверждено, и 6 октября (24 сентября) послѣдовала въ официальной газетѣ публикація, что отъ набора на этотъ разъ освобождаются, вслѣдствіе введенія въ дѣйствіе закона объ обязательномъ окнишеваніи крестьянъ и необходимости урегулированія аграрныхъ отношеній, землевладельцы и крестьяне-земледѣльцы, и что наборъ будетъ произведенъ изъ остальныхъ классовъ населенія, въ предѣлахъ отъ 20 до 30-лѣтняго возраста, не вынуженъ жеребьевъ, а по именнымъ спискамъ по старому порядку. Такимъ образомъ проектировалась полуоткрыто административная высылка неблагонадежныхъ лицъ подъ завѣдомо фальшивымъ предлогомъ рекрутскаго набора. Главные недостатки въ данномъ случаѣ этой насильственной мѣры заключались, во-первыхъ, въ томъ, что никакое правительство въ смутное время не знаетъ въ точности, кого высылать, потому что

почти всегда запримѣчались люди наиболѣе пустые, наиболѣе вертящіеся, между тѣмъ какъ совсѣмъ ускользають настоящіе минеры, ведущіе подкопы, то-есть люди самые опасные; во-вторыхъ, что нѣтъ возможности, въ особенности при сопровождающей смутное времени деморализаціи въ средѣ личнаго состава управленія, сохранить въ тайнѣ имена лицъ, намѣченныхъ къ набору, и заставить ихъ попасть въ разставленные сѣти. Разсчитывая на то, что и моментъ набора и имена подлежащихъ ему останутся въ тайнѣ, Велепольскій сильно ошибался; распоряженія правительства сообщались тотчасъ же центральному комитету, который приобрѣлъ большую власть и располагалъ нѣсколькими десятками тысячъ преданныхъ ему и рѣшившихся на всякую крайность заговорщиковъ. Нѣкоторое понятіе объ этой странной развѣтвленной организаціи даютъ ея уставъ и инструкціи, опубликованныя правительствомъ въ октябрѣ 1862 въ официальной газетѣ (№ 244). Почетнымъ предсѣдателемъ комитета считался фактивно Мѣрославскій, пребывавшій за-границею. Въ дѣйствительности комитетъ состоялъ изъ 5 членовъ въ Варшавѣ, заведывавшихъ пятью особыми отдѣленіями управленія: 1) провинціальной администраціи; 2) города Варшавы и полиціи; 3) казны; 4) сообщеній, и 5) корреспонденціи съ забужскими губерніями и заграничныхъ сношеній. Комитетъ могъ дѣйствовать въ составѣ 3 человекъ, но только въ полномъ пятичленномъ составѣ онъ въ правѣ былъ функціонировать какъ революціонный трибуналъ. Комитетъ назначалъ начальниковъ по уѣздамъ; каждый уѣздный начальникъ, набравъ по своему усмотрѣнію еще 4 человекъ, учреждалъ уѣздный комитетъ. Каждый членъ этой уѣздной пятерки своимъ починомъ образовалъ свою пятерку, въ которой опять каждый членъ могъ основывать особую пятичленную группу. Пятерки низшаго разряда не знали личнаго состава высшихъ, съ которыми они сносились только чрезъ своихъ предсѣдателей. Каждый членъ союза вносилъ въ кассу не менѣе 30 копѣекъ помѣсячно, но на обязанность уѣздныхъ комитетовъ возложено обложить податю и всѣхъ вообще, въ революціонному союзу непринадлежащихъ. Подать установлена въ размѣрѣ $1\frac{1}{2}\%$ отъ стоимости недвижимыхъ имуществъ и суммъ, обеспеченныхъ ипотекою, и 5% отъ всякаго годового дохода. Наемная годовая плата за квартиру рассматривалась какъ треть годового дохода въ Варшавѣ и какъ пятая часть его въ провинціи. Подать съ дохода взималась независимо отъ подати съ недвижимости. Первымъ срокомъ взноса податей назначено 10 ноября. Подати платили были довольно исправно, центральный комитетъ располагалъ сот-

нами тысячь рублей и заказывать на всякій случай оружіе за-
границей, въ Англіи и Франціи. Союзу подчинялись весьма многіе
помѣщики, весьма значительная часть римско-католическаго ду-
ховенства, въ особенности низшаго (въ числѣ членовъ централь-
наго комитета былъ даже священникъ Миросшевскій, авторъ яраго
революціоннаго памфлета: *Głos karłapa*); союзъ стоялъ въ связи
съ поддерживающими его особыми комитетами за-границею Россіи,
въ Парижѣ и Галиціи. Революціонное движеніе, сообщавшееся
массамъ, было столь всеобщее и стремительное, что центральный
комитетъ, увлекаемый имъ, едва постигавалъ его направлять или
дѣлать видъ, что его направляетъ. Полнымъ доказательствомъ
бессилія комитета передъ народнымъ движеніемъ служатъ коле-
банія его въ концѣ 1862 года по вопросу: какъ отнестись къ
объявленному рекрутскому набору? предупредить ли его, дѣлая
повстаніе или удержать во что бы то ни стало рвущихся на по-
встаніе людей въ виду крайней неподготовки и недостаточности
матеріальныхъ средствъ, которыми бы повстаніе могло распола-
гаться. Вопросу о томъ, быть или не быть повстанію, посвящена
была большая часть засѣданій комитета въ декабрѣ 1862 г. (А. Г.
стр. 120), когда съ одной стороны обнаружены правительствомъ
закупки оружія въ Парижѣ, съ другой—Веленольскій назначилъ
день набора 3 (15) января 1863 г. Рѣшено: не начинать, воздер-
жаться, а помѣщеннымъ въ спискахъ новобранцамъ дать всѣ
денежныя и матеріальныя средства укрываться отъ набора, пере-
кочевывая въ мѣста, удаленныя отъ офиціально заявленнаго
жительства. За нѣсколько дней до набора комитетъ стоялъ твердо
на своемъ, но начались по составленному плану дислокаціи
уклоняющихся отъ набора, выходъ ихъ изъ Варшавы и размѣ-
щеніе ихъ по окрестностямъ въ Сероцку, Модлину и къ Кам-
нинской пушчѣ. Комитетъ надѣялся, что при принятыхъ мѣрахъ
въ наборъ попадетъ самая малая часть заговорщиковъ, состоящихъ
въ революціонной организаціи. Въ ночь съ 14 на 15 января
(съ середины на четвергъ) наборъ произведенъ въ Варшавѣ ночью
съ 1 часу до 8 часовъ утра при совмѣстномъ дѣйствіи админи-
страціи, полиціи и солдатъ; полиція входила въ дома, гдѣ зна-
чились на жительства лица, подлежащіе набору, и забирала ихъ
отчасти въ ратушу, отчасти въ цитадель. Взяты были только тѣ,
которые не ушли, потому что не имѣли намѣренія сопротивляться;
такимъ образомъ достигнуть былъ, конечно, отчасти усповоитель-
ный на первый взглядъ результатъ: наборъ произведенъ, никто
не сопротивлялся. Веленольскій приободрился; 7 (19) января въ
понедѣльникъ большее, въ сравненіи съ обыкновеннымъ, число

посѣтителей явилось на вечерній пріємъ въ Брюлевскомъ дворцѣ, нинѣ изъ любопытства для простаго наблюденія, а нинѣ съ поощреніями въ успѣхъ... Ходили въ публикѣ слова, будто бы сказанныя маркизомъ (А. G. стр. 118) до набора: «наривъ созрѣлъ, его надо разрѣзать, я подамъ повстаніе въ одну недѣлю и тогда получу возможность управлять». Офіціальная газета того же числа (№ 6 Dz. P.) провозглашала точно трубнымъ звукомъ побѣду и содержала написанную самимъ маркизомъ весьма рѣзкую статью—изъ тѣхъ его статей, которыя имѣли свойство возлеть до крови его противниковъ и выводить ихъ изъ терпѣнія. Никто, можетъ быть, въ Варшавѣ способу набора не сочувствовалъ, между тѣмъ маркизъ на зло всѣмъ, дразня противниковъ, глумясь и надѣваясь надъ общимъ мнѣніемъ и чувствомъ, утверждалъ вопреки истинѣ, что «никогда еще въ продолженіе послѣднихъ 30 лѣтъ новобранцы не исполняли столь охотно, какъ теперь, своей повинности, что никогда еще они не были бодрѣе и веселѣе, что многіе напередъ радуются, что поступивъ въ школу юрарда, каковою будетъ для нихъ военная служба, они покинуть жизнь праздную и безцутную, которая была имъ въ тягость». Отвѣтомъ на фальшь, содержащуюся въ этихъ словахъ, послужилъ открытый бунтъ, вспыхнувшій разомъ въ 15 или 16 мѣстахъ въ ночь съ 22 на 23 (10 на 11) января 1863 г. и съ этого момента непрекращавшійся. Эмиграціонная печать заявляла не разъ, что передовая статья Велепольскаго была нѣчто въ родѣ послѣдней капли, переполнившей чашу, послѣднею причиною, если не произведшею, то усверившею возстаніе. Это положеніе не вѣрно. За полтора дня до появленія статьи, а именно 17 января центральныи комитетъ, убѣдившись, что, несмотря на всѣ его усилія, бунтъ произойдетъ неудержимо, перемѣнилъ намѣреніе и сдѣлалъ распоряженіе по уѣзднымъ комитетамъ начинать повстаніе. вмѣсто нарива, который правительство надѣялось разрѣзать, появилась злоначественная сыпь, покрывшая не только всю поверхность царства польскаго, но отозвавшаяся и въ Вильнѣ, и въ Киевѣ, и въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ функціонированіе гражданскихъ органовъ управления было замедлено и даже почти совсѣмъ остановилось; на первомъ планѣ становятся военныя власти и военныя дѣйствія. Польско-русскій конфликтъ вступилъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ новый и послѣдній фазисъ, уже весьма близкій къ роковой развязкѣ.

XXV.

Первые мѣсяцы мѣсяца.—Отпускъ Велепольскаго.—Его послѣдніе годы и кончина.

Въ первыхъ числахъ января 1863 г., слѣдовательно еще до вспышки, написано было въ Парижѣ, а въ самый день повстанія 22 января опубликовано въ Познани «Открытое письмо къ братьямъ священникамъ грѣховно-заговорствующимъ и къ братьямъ шляхтѣ не мудро-умѣреннымъ» (*List otwarty do braci księży gzesznie spiekujących i do braci szlachty niemądrze umiarkowanych*) за полною подписью вліятельнаго человѣка, одного изъ столбовъ римскаго католицизма въ польской эмиграціи, основателя ордена «Воспресенцевъ», всегдашняго непримиримаго врага Россіи, ксендза Іеронима Кайсевича. Само заглавіе обозначало, что въ брошюрѣ осуждались и революціонное движеніе и участіе въ немъ духовенства. Въ частномъ письмѣ автора въ редакціи «Католическаго Еженедѣльника», въ которомъ напечатано письмо, помѣщена фраза: я обрекаю себя опасности отъ кинжала, слѣдовательно пишу по глубокому чувству потребности и прилежанію (*Książd H. Kajsiewicz, przez B. Zaleskiego. Poznań 1878*). Эти слова намекаютъ на опасность, которой подвергался даже за-границею, вдали отъ мѣста дѣйствія, человѣкъ, открыто не одобряющій работу и начинаній революціи; опасность эта росла по мѣрѣ приближенія къ западной границѣ Россіи, къ княжеству Познанскому, гдѣ дѣйствовали комитеты, отъ центрального народнаго комитета уполномоченные; въ Галиціи, гдѣ вооруженіе, вербовка и снаряженіе повстанскихъ отрядовъ въ походъ за кордонъ или за русскую границу происходили почти открыто. Наконецъ, она достигала крайнихъ предѣловъ въ самомъ царствѣ польскомъ, гдѣ консервативные, умѣренные или боязливые люди очутились точно зерна между двумя вертящимися и перемалывающими ихъ жерновами—терроромъ бѣлымъ и терроромъ краснымъ, русскимъ правительствомъ и революціонною организаціею. Въ подобныхъ случаяхъ люди, не принадлежащіе къ организаціи, идутъ въ разбродъ, но при этомъ разбродѣ проявляется въ рассыпающихся дѣйствіе табунаго чувства и расчетъ опасности ближайшей и опасности болѣе отдаленной, наконецъ, вліяніе всего предшествующаго, десятилѣтними выработаннаго, настроенія, приобрѣтенныхъ воспитаніемъ цѣлыхъ поколѣній привычекъ ума и чувства. По роковому стеченію обстоятельствъ предшествующія поколѣнія воспитывались въ духѣ наиболѣе враждебномъ Россіи; никакихъ зародышей

русской партіи въ обществѣ польскомъ не образовалось за много лѣтъ до повстанія; одинъ Веленольскій изображалъ собою приверженца Россіи, и пришелъ къ этому заключенію путемъ крайне своеобразнымъ, по соображеніямъ весьма отвлеченнымъ, чисто теоретическимъ. Теперь подъ давленіемъ, заставляющимъ высказываться прямо и пристать къ той или другой сторонѣ, огромное большинство людей середины пристало къ бунтовщикамъ не потому, чтобы оно увѣровало въ возможность успѣха, но потому, что легче держаться со своею братьею вуупѣ, легче и умирать съ ореоломъ національнаго мученичества, нежели мизернымъ образомъ спастись по одиночкѣ и все-таки гибнуть отъ руки своихъ же собратьевъ, либо отъ русскихъ, у которыхъ больше и больше укоренялось убѣжденіе, что нѣтъ поляка, который бы хотя не дѣлалъ, то по крайней мѣрѣ всѣмъ сердцемъ не принадлежалъ бы къ повстанію. Иамѣнившееся вслѣдствіе повстанія отношеніе партій выразилось въ томъ, что бѣлая организація, имѣвшая своимъ вѣнцомъ *дирекцію*, совсѣмъ распалась и прекратила свое существованіе. Въ февралѣ 1863 г. къ центральному комитету прильнула группа Юргенса, составлявшая крайнюю лѣвую въ станѣ умѣренныхъ, послѣ чего вскорѣ и сама *дирекція* бѣлыхъ закрылась, а ея средства по соглашенію, заключенному именемъ ея Карломъ Рупрехтомъ 3 марта (19 февраля) 1863 г., поступили въ распоряженіе центрального комитета, который принялъ съ тѣхъ поръ названіе народнаго «правительства» (*Rząd Narodowy*)¹⁾. Самъ Рупрехтъ поступилъ въ члены этого ржонда, который вскорѣ затѣмъ былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе, когда послѣ появленія вызваннаго изъ-за границы и почти немедленнаго затѣмъ и послѣдняго бѣгства диктатора Мѣрославскаго, диктаторомъ провозгласилъ себя 10 марта (26 февраля) въ Гошѣ (близъ Мѣхова) начальникъ одной изъ повстанскихъ бандъ, Маріанъ Лангевичъ. Диктатура Лангевича была сюрпризомъ для членовъ ржонда, засѣдавшихъ въ Варшавѣ; въ основаніи ея лежала попытка бѣлыхъ не допустить Мѣрославскаго, противопоставивъ ему болѣе способное и болѣе податливое консерваторамъ лицо. Въ событіи участвовалъ, въ качествѣ самозваннаго представителя ржонда, нѣкто Адамъ Грабовскій. На первыхъ порахъ прозвучавшее имя, несущееся на крыльяхъ воображенія, сдѣлалось сразу столь популярнымъ, что ржондъ долженъ былъ преклониться предъ нимъ, признать дик-

¹⁾ Karol Ruprecht, szkic biograficzny przez Agatona Gillera. Lwów, 1876 стр. 89.

татора и превратиться въ его исполнительную комиссію, но 7 (19) марта, диктаторъ бѣжалъ столь же постыдно, какъ и Мѣро-славскій, за границу въ Австрію, гдѣ и былъ арестованъ и посаженъ подъ арестъ въ Краковѣ, послѣ чего ржондъ вступилъ смѣть въ неоспориваемую съ тѣхъ поръ функцію руководителя повстанія, но потерялъ самого способнаго и энергичнаго своего члена, Степана Бобровскаго, убитаго на дуэли Адамомъ Грабовскимъ. Движеніе продолжалось, борьба становилась ожесточеннѣе и кровавѣе; съ 27 (15) января въ Варшавѣ велѣно заперать ворота домовъ въ 9 часовъ вечера, съ 9 до 11 разрѣшалось ходить по улицамъ только съ фонарями, а послѣ 11 всякое движеніе воспрещалось (Dz. P. № 21); бунтовщиковъ велѣно предавать полемому военному суду. Несмотря на то, съ тѣхъ только поръ и начинаютъ дѣйствовать рѣшительно и дерзко и организоваться шайки жандармовъ - вѣнателей и кинжалщиковъ. Въ концѣ января 1863 г. Велепольскій съ семействомъ подвергся новому покушенію на жизнь его; неизвѣстная рука успѣла при-кѣсать большую дозу атропина къ завтраку, отъ чего почти весь домъ маркиза захворалъ, множество лицъ пострадало отъ этой отравы. Не вдаваясь въ подробности, касающіяся дальнѣйшаго развитія повстанскаго движенія и которыя уже выходятъ за предѣлы моей задачи, я долженъ опредѣлить непосредственное вліяніе повстанія на положеніе маркиза и его образъ дѣйствій. Внутренно онъ былъ поколебленъ и надломленъ задолго до вспышки, но вспышка видимо его пошатнула и сдѣлала дальнѣйшее его пребываніе на посту почти невыносимымъ. Люди партіи, группировавшейся вокругъ гр. Андрея Замойскаго, прямо винили Велепольскаго въ повстаніи, устанавливая причинную связь между повстаніемъ и рекрутскимъ наборомъ. Правительство тяготилось имъ, какъ негоднымъ для употребленія орудіемъ, и предвидѣло въ немъ помѣху, когда пришлось бы, подавивъ восстаніе, учреждать новый порядокъ вещей, въ которомъ автономія царства польскаго являлась весьма спорнымъ вопросомъ. Его держали потому, что не хотѣли показать видъ, что уступаютъ сколько-нибудь революціи. Единственное учрежденіе, которымъ могъ похвалиться маркизъ—государственный совѣтъ ц. польскаго опустѣлъ вслѣдствіе выхода изъ него по прошеніямъ въ отставку всѣхъ тѣхъ людей, которые представляли въ немъ элементъ обывательскій и изображали собою если не выборныхъ, то по крайней мѣрѣ самыхъ интеллигентныхъ людей того края: генерала Левинскаго, Вѣнгленскаго, Курца, Ставискаго, архіепископа Фелинскаго и даже того еврея Матіаса Розена, посредствомъ

назначенія всего въ государственный совѣтъ маркизъ провелъ начало равноправности еврейскаго исповѣданія съ христіанскимъ. Этотъ коллективный выходъ въ отставку объяснялся не одною только сознанною невозможностью привести какую-либо долю пользы при данныхъ обстоятельствахъ, но имѣлъ смыслъ демонстраціонный, не чуждый вліянія той дипломатирующей части польской эмиграціи, которая была представляема отеломъ Ламберъ въ Парижѣ или домомъ Чарторыхскихъ. До вспыхиванія эта часть выходства тормазла, слѣпо могла, движеніе, подготавливая только вѣнское западно-европейское вмѣшательство, въ которомъ первенствующую роль должны были играть Наполеонъ III; послѣ вспыхиванія всѣ ея усилія направились къ тому, чтобы всѣчески продлить повстаніе, пока послѣдуетъ вмѣшательство. Отъ нея исходилъ родъ совѣта, равносильнаго приказу, тѣмъ, которые еще оставались въ государственномъ совѣтѣ, чтобы они подали въ отставку и тѣмъ показали, что повстаніе есть движеніе польское, всенародное, и что на сторонѣ правительства нѣтъ, кромѣ Велепольскаго, ни одного сколько-нибудь виднаго лица изъ поляковъ. Давленіе съ этой стороны было весьма сильно, вслѣдствіе вкоренившихся, начиная съ Наполеона I, польскихъ иллюзій на счетъ Франціи и наполеоновской династіи, сдѣлавшихся почти основною чертою народнаго характера въ теченіе всего періода до 1863 года, такъ что ему подчинились даже такой, повидимому, надежный и преданный идеѣ Велепольскаго человѣкъ, какъ Фелинскій. Его отставка, его пререканія съ властью за подвергаемыхъ смертной казни за бунтъ священниковъ, а главное — его письмо отъ 3 (15) марта къ государю ¹⁾ имѣли послѣдствіемъ вызовъ его въ Петербургъ 3 (15) іюня 1863 и затѣмъ высылку его, донынѣ продолжающуюся, въ Ярославль. Еще убывалъ такимъ образомъ человѣкъ, выдвинутый Велепольскимъ, за котораго Велепольскій въ свое время ручался. Съ Римомъ не было тоже достигнуто соглашеніе, несмотря на громадныя въ сравненіи съ прежнимъ состояніемъ и льготныя вмѣненія въ положеніи римско-католическаго исповѣданія. Велепольскій долженъ былъ вести ни къ чему не ведущую переписку съ кардиналомъ Антонелли о новомъ учрежденіи духовнаго совѣта при комиссіи просвѣщенія и исповѣданій, стѣсняющей будто бы вопреки кано-

¹⁾ Les institutions octroyées par V. M. sont insuffisantes pour assurer le bonheur du pays; la Pologne ne se contentera pas d'une autonomie administrative, elle a besoin d'une vie politique. Sire, prenez d'une main forte l'initiative dans la question polonaise; faites de la nation polonaise une nation indépendante, unie à la Russie seulement par le lien de Votre auguste dynastie. Le marquis W. II, 378.

ическому праву власть епископовъ съ римской точки зрѣнія. Въ сношеніяхъ маркиза съ в. княземъ намѣстникомъ произошло въ мартѣ нѣкотораго рода охлажденіе по поводу директора комиссіи внутреннихъ дѣлъ. Самъ Велепольскій представилъ неосмотрительно на эту должность графа Келлера, а теперь, убѣдившись въ полнѣйшемъ его несоотвѣстствіи этой должности, хлопоталъ о замѣщеніи его другимъ лицомъ, предлагалъ на эту должность своего сына Сигизмунда, но не получилъ согласія на это предложеніе отъ великаго князя.

Такъ прошелъ мартъ. Въ апрѣлѣ послѣдовали два крупныя событія: объявленъ былъ высочайшій манифестъ 31 марта (12 апрѣля), обѣщавшій прощенье тѣмъ изъ бунтовщиковъ, которые положить оружіе до 1. (13) мая 1863 г., и послѣдовало начало дипломатической кампаніи Франціи и Англіи въ пользу поляковъ, открытой врученіемъ 17 (5) апрѣля первыхъ дипломатическихъ нотъ русскому правительству. Манифестъ состоялся въ видѣ возможнаго вышательства и дѣйствительно являлъ большую мѣру правительственнаго долготерпѣнія по отношенію къ бунтующимъ подданнымъ. Русское правительство подтверждало (*Dziennik P.* 15 апр. 1863 г., № 85), что оно намѣрено сохранить пожалованныя учрежденія, что оно одушевлено желаніемъ открыть новую эру политической жизни (для царства польскаго) посредствомъ разумнаго устройства мѣстнаго самоуправленія, какъ основныя всего общественнаго зданія. Никто не могъ рассчитывать на то, чтобы при данныхъ обстоятельствахъ слова манифеста способны были подѣйствовать на бунтующихъ, воспользоваться имъ могли отдѣльныя и то немногія лица, никакъ не массы, которыхъ ожиданія и надежды оживали и напрягались до послѣдней степени сообщаемыми имъ подъ рукою изъ-за границы извѣстіями о грядущемъ спасеніи въ видѣ рѣшительнаго дѣйствія того роковаго чловека, который вѣчно конспирировалъ, даже будучи на тронѣ, и довелъ въ послѣдствіи Францію до Седана. Правительство русское не рассчитывало на успѣхъ манифеста, чему доказательствомъ можетъ служить то, что его выборъ уже остановился на лицѣ, на которое возложено умиротвореніе царства польскаго силою. 7 апрѣля (26 марта) прибылъ въ Варшаву генералъ отъ инфантеріи графъ Бергъ—замѣститель Рамзаа. Къ рѣшительнымъ мѣропріятіямъ правительство еще не прибѣгло, и даже сдѣлано послѣднее распоряженіе въ духѣ примирительномъ, состоявшее въ назначеніи радомскаго губернатора Александра Островскаго на вакантную послѣ Келлера должность директора комиссіи внутреннихъ дѣлъ. Назначеніе совпало въ одинъ и тотъ же день съ

назначеніемъ въ Вильно М. Н. Муравьева. Злѣйшій врагъ поляковъ не могъ бы изобрѣсть болѣе жестокаго удара, какъ тотъ, который былъ имъ нанесенъ доброжелательнымъ будто бы вмѣшательствомъ двухъ западно-европейскихъ державъ, изъ которыхъ Франція стояла въ этомъ случаѣ на первомъ планѣ, а Англія тащилась за нею немного позади. Когда, выбиваясь изъ силъ, эмиграціонная дипломатія вымаливала помощь у загадочнаго чловека, царствующаго въ Тюльери, не могла она предполагать, что заступничество за Польшу Франціи, передовой, по мнѣнію эмиграціи, страны въ Европѣ, ограничится только пустыми словами. Оказалось, что дипломатическіе выстрѣлы были холостые, что послѣднее слово осталось за русскимъ канцлеромъ княземъ Горчаковымъ, отвѣчавшимъ рѣшительно и побѣдоносно 14 (2) іюля 1863 г. на дипломатическія ноты Англіи и Франціи. Дѣйствіемъ этихъ нотъ, хотя посредственнымъ, но послѣдовавшимъ съ неимоверною быстротою, было то, что русско-польскій конфликтъ въ самой Россіи изъ внутренняго вопроса превратился вдругъ во внѣшній, — въ вопросъ о томъ: быть или не быть самой Россіи. Подъ вліяніемъ близящейся и совсѣмъ нависшей интервенціи всѣ отгнѣни общественнаго мнѣнія слились въ одну мысль: дружнаго отпора; г. Катковъ ударилъ въ набатъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; съ конца мая (по н. ст.) пошли всеподданныѣйшіе адреса. Въ осени вопросъ о Польшѣ уже пересталъ существовать въ дипломатіи, за совершеннымъ упраздненіемъ его въ области международныхъ сношеній. Прежде, чѣмъ это случилось, уже маркизъ Велепольскій освободился отъ своихъ служебныхъ обязанностей послѣ восьмикратныхъ, съ 3 апрѣля 1863 г., ходатайствъ объ отставкѣ. Увольненіе его отъ службы совершилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ началѣ іюня нов. стили изъ главнаго казначейства царства польскаго совершенно, при участіи двухъ служащихъ въ казначействѣ чиновниковъ, крупное похищеніе 3.600,000 р. въ монетѣ, кредитныхъ билетахъ и закладныхъ листахъ земскаго кред. общества («Записки Берга въ «Русской Старинѣ», іюль, 1879, стр. 565). Всѣ эти суммы поступили въ распоряженіе ржонда, доставившаго средства чиновникамъ-похитителямъ удрать за границу. Велепольскій успѣлъ устранить прежде того предложеніе о замѣщеніи чиновниковъ казначейства поляковъ русскими и поручился за честность своихъ земляковъ. Кража изъ казначейства была послѣдняя капля, прибавившаяся къ жидкости, наполнявшей по самый край сосудъ. На этотъ разъ прошенію объ увольненіи данъ былъ ходъ; Велепольскій получилъ 7 іюля (25 іюня) только двухтысячный от-

пусти за границу, но графу Бергу поручено заступать мѣсто наместника въ совѣтѣ управленія (отставка послѣдовала 12 сентября (31 августа) 1863). Въ 9 дней по полученіи отпуска, 16 іюля маркизъ уѣхалъ изъ Варшавы съ полнымъ сознаніемъ, что ему никогда уже на родину не вернуться; онъ отправился на морскія купанья въ Путбусъ на островѣ Рюгенѣ, оттуда въ Берлинъ, гдѣ прожилъ цѣлый годъ до осени 1864 года, прислушиваясь издали съ мрачнымъ отчаяніемъ, какъ разыгрываются послѣднія дѣйствія кровавой драмы, какъ гибло и ссылалось все лучшее, что было въ современномъ ему польскомъ обществѣ, какъ обваливались и падали, точно картонныя постройки, всѣ придуманныя имъ учрежденія политическія и воспитательныя; какъ Н. Милютинъ, Самаринъ и князь Черкасскій распоряжались въ Варшавѣ, осуществляя свою радикальную реформу аграрную, съ явно политической анти-польскою подкладкою, какъ ставилась открыто новыми дѣятелями задача обрусѣнія царства польскаго, то-есть какъ предполагалось вырвать съ корнями одну національность и насадить другую. Весною 1864 г. маркизъ представлялся в. князю Константину Николаевичу, проѣзжавшему чрезъ Берлинъ; въ іюлѣ того же года онъ удостоился видѣть императора Александра II въ Потсдамѣ, причемъ государь ему сказалъ: «мы были побѣждены, маркизъ; мы были побѣждены»... ¹⁾). Сдавъ управленіе маіоратскими имѣніями старшему сыну Сигизмунду, Велепольскій поселился осенью 1864 г. безвыездно въ Дрезденѣ, съ женою и семействомъ младшаго своего сына Іосифа. Здѣсь онъ велъ жизнь самую уединенную, какую только можно себѣ представить, рассчитанную по часамъ, не принималъ никого, не читалъ газетъ, избѣгалъ говорить съ кѣмъ бы то ни было о политикѣ, бывалъ часто въ Гофъ-кирхѣ, рѣже въ картинной галлерей дрезденской или въ театрѣ, когда шли пьесы стариннаго классическаго репертуара. По наружности спокойный, равнодушный ко всему, вкругомъ совершающемуся, Велепольскій былъ подавленъ совершающимися событіями: зло, которое онъ предвидѣлъ для своей родины и которое пытался предотвратить, превосходило въ дѣйствительности по ужасамъ своимъ самыя сильныя мечты воображенія, оно было гораздо тяжелѣе того, какое испытали современники Мацѣвицеаго боя и плѣна Косцюшекъ. Упадокъ духа, мрачная и унылая безнадежность сдѣлались обыкновеннымъ душевнымъ состояніемъ маркиза, причемъ въ этомъ настроеніи духа не играло никакой

¹⁾ Le marquis W. II, 405. Nous avons été vaincus, marquis, nous avons été vaincus.

роли личное оскорбленное самолюбіе. Онъ зналъ, что онъ ненавидимъ, онъ чувствовалъ, что эта ненависть незаслуженная, но не угадывалъ, когда отнесутся къ нему справедливѣе, и отвѣчалъ отказомъ въ 1868 г. скульптору Иренею Залускому, просившему позволенія выгнать его бюстъ въ словахъ, исполненныхъ горькой грусти: «полководцы, проигравшіе сраженія, не въ правѣ переходить къ потомству».

Къ моральнымъ страданіямъ присоединилось чисто физическое несчастье; въ началѣ 1867 г. Велепольскій разбитъ былъ параличемъ. Крѣпкій, атлетически сложенный, весьма плотный и полнокровный маркизъ, казалось, созданъ былъ для жизни сельской, для жизни на открытомъ воздухѣ помѣщика земледѣльца. Съ начала 1861 года обстоятельства такъ сложились, что потребовали отъ него немовѣрнаго количества усиленной мозговой работы. Послѣ покушеній на жизнь его въ срединѣ 1862 г. онъ превратился точно въ арестанта, рѣдко выѣзжалъ, и то подъ конвоемъ, изъ Брюлевскаго дворца и долженъ былъ вести образъ жизни сидячій, отчего усилились приливы крови въ головѣ. Въ Дрезденѣ онъ не могъ устроиться такъ, какъ съ молоду привыкъ; нравственныя страданія повліяли также не мало на организмъ. Когда ударъ паралича приковалъ его окончательно къ постелѣ, то въ порывѣ отчаянія, а, можетъ быть, и подъ давленіемъ сильныхъ физическихъ страданій, Велепольскій порывался покончить съ собою и порѣзвалъ себѣ горло бритвою—рѣшимость ужасная, если принять въ соображеніе отвращеніе къ самоубійству по религиозному чувству, которое въ Велепольскомъ всегда было сильно, и мужественный его характеръ. Говорятъ, и этотъ рассказъ идетъ отъ людей, близко стоявшихъ къ семейству маркиза въ Дрезденѣ, что за эту минуту забывчивости Велепольскій придумалъ самъ для себя наказаніе, обрѣкъ правую руку свою, державшую бритву въ роковой моментъ, на совершенное мускульное бездѣйствіе, такъ что она со временемъ совсѣмъ атрофировалась. Съ тѣхъ поръ чужими руками онъ былъ перекладываемъ съ кровати въ кресло и даже питаемъ; въ этомъ положеніи, которое едва можно назвать человѣческою жизнью, Велепольскій просуществовалъ еще цѣлыя десять съ чѣмъ-то лѣтъ. Уединеніе превратилось теперь въ затворничество. Кромѣ семейства и поселившагося въ Дрезденѣ бывшаго сотрудника маркиза, К. Крживицкаго, никто не былъ допускаемъ къ неподвижному, но сохранившему всю память, всю свѣжесть умственныхъ способностей паралитику. Смерть не приходила къ страдальцу, онъ даже пережилъ своего противника, котораго антагонизмъ столь много помѣшалъ успѣху идей Велепольскаго, графа Андрея

Замойскаго, скончавшагося въ Краковѣ 29 октября 1874 года.— Графъ Андрей былъ въ сущности добрый, искренній и честный чело-
вѣкъ, провинившійся главнымъ образомъ вслѣдствіе своей односто-
ронности и политической близорукости. По удаленіи его въ Па-
рижъ онъ сдѣлался свидѣтелемъ той катастрофы, которая стряслась
надъ его родиною, и сообразилъ, сколь многихъ бѣдъ былъ онъ въ
значительной степени причиною, потому что несомнѣнно, что поль-
ское движеніе получило бы другое направленіе и другой исходъ,
еслибы оба эти дѣятеля пошли рука объ руку, вліяя другъ на
друга и дѣлая взаимныя уступки. Вспышка могла бы произойти,
но она не была бы общая, всенародная; консервативные элементы
поддержали бы власть и отстояли бы учрежденія, рожденныя отъ
реформы. Упреки совѣсти не давали покоя Замойскому, и мучи-
мый ими, въ 1867 г., на пути изъ Парижа въ Краковъ, онъ заѣз-
жалъ въ Дрезденъ и чрезъ третье лицо изъявилъ желаніе сдѣ-
лать визитъ маркизу, котораго состояніе здоровья было еще не
настолько плохо, чтобы онъ не могъ ходить, хотя вскорѣ потомъ
онъ былъ пораженъ параличемъ. Велепольскій отклонилъ предло-
женіе, сказавъ: «теперь уже поздно», и издали только, встрѣтивъ
случайно Замойскаго въ церкви, обмѣнялся съ нимъ поклономъ
(*Le marquis W. II*, 410). Въ этихъ словахъ была извѣстная
горечь, но не злопамятство; когда въ 1874 году умеръ Замойскій,
то отъ едва живого Велепольскаго послана была телеграмма въ
братьямъ умершаго съ соболянваніемъ о тяжелой утратѣ, кото-
рую понесла вся страна (*Niwa*, 1879, № 109, стр. 30). Един-
ственное развлеченіе рабитаго параличемъ и больного глазами
каждый составляло слушаніе того, что ему читали; записокъ о
своемъ прошломъ онъ не составлялъ, не любилъ даже и гово-
рить объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его политическую
дѣятельность въ Варшавѣ; но онъ любилъ слушать произведенія
великихъ польскихъ поэтовъ, философскія книги, рѣже журналы.—
Какая ни была затворническая жизнь больного, до его постели до-
ходилъ гулъ великихъ мировыхъ европейскихъ событій, въ осо-
бенности такихъ колоссальныхъ, знаменующихъ поворотъ въ судь-
бахъ европейскаго материка, какъ франко-прусская война 1870 г.,
Седанъ, осада и капитуляція Парижа. Какъ вообще онъ сильно
разнился отъ своихъ соотечественниковъ во взглядахъ и чувствахъ,
такъ и теперь онъ расходился съ ними въ оцѣнкѣ событій. Онъ
былъ большой поклонникъ Бисмарка, съ которымъ лично позна-
комился 1861—62 г. въ Петербургѣ. Въ бумагахъ его сохра-
нилось черновое письмо его къ Бисмарку въ 1866 г., по случаю
покушенія на жизнь Бисмарка. Есть и любопытный собственно-

ручный отъѣтъ Бисмарка отъ 14 мая 1866 г.; это письмо показываеъ, какъ цѣнилъ Бисмаркъ силу характера маркиза: «Вы знаете по опыту образъ жизни, который я веду, его разочарованіи, его неблагодарности, его лишенія, недостаточность времени и силъ при единственномъ утѣшеніи въ сознаніи того, что я исполнилъ мой долгъ и послушался призванія, Богомъ даннаго. Вы чрезъ то прошли, и я увѣренъ въ вашемъ сочувствіи» (Le marquis W. II, 428). Для поляковъ вообще Франція—самая симпатичная изъ націй; огромное большинство польской націи страдало отъ седанскаго погрома какъ будто бы отъ потери чего-то самаго дорогаго, роднаго, заветнаго; вмѣстѣ съ тѣмъ получался и хорошій результатъ, радикальное исцѣленіе отъ одной изъ наиболѣе закоренѣлыхъ иллюзій. Эта иллюзія не существовала для Велепольскаго, по-крайней-мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ взялся писать въ 1846 г. свое письмо: «Lettre d'un gentilhomme polonais», въ Меттерниху; это письмо, какъ извѣстно, внушено было ему тѣмъ, что онъ окончательно извѣрился въ западную Европу, а потому и обратился взоры на Россію; теперь предугаданное имъ обывалось, и Франція несла послѣдствія своихъ ошибокъ, а Пруссія пожинала плоды отъ стойкой выдержки, съ которою она подготовила себѣ побѣду.—Еще прошло нѣсколько лѣтъ, и разразилась восточная война, въ которую въ недавно волновавшейся и силою умиротворенной Польшѣ никто не шелохнулся, несмотря на удобную повидимому оказію и несмотря на подсылаемыхъ изъ-за границы агентовъ, но польская кровь лилась въ русскихъ войскахъ одновременно съ русскою за дѣло славянъ за Балканами. Старый боецъ просыпался, славянская идея была ему близка, и онъ говорилъ: «о, еслибы я былъ здоровъ, еслибы у меня были силы, теперь можно бы кое-что для насъ сдѣлать».—Смерть пришла неожиданно, почти безъ агоніи, безъ страданій. Велепольскій умеръ отъ разрыва сердца въ ночь на 30 (18) декабря 1877 г. Тѣло его перевезено въ ординатское помѣстье и погребено въ Мировѣ, въ фамильномъ гробѣ дома, при громадномъ стеченіи народа, весьма торжественно, при участіи помѣщиковъ, крестьянъ, евреевъ. Въ моментъ, когда маркизъ угасъ, страсти, волновавшія его современниковъ въ моментъ его дѣйствія, значительно пріутихли, событія ушли въ даль прошедшаго; оказалось, что для умершаго уже началась исторія. Никто не злословилъ, большинство органовъ печати отнеслось къ памяти умершаго съ большимъ уваженіемъ, многіе даже тепло и сочувственно. Приведемъ два тогдашніе отзывы. Одинъ принадлежитъ перу Крашевскаго, который, какъ мы видѣли (XXIV), могъ бы до извѣстной степени

помянуть умершаго лихою: «умѣние нести достойнымъ образомъ на плечахъ бремя, возлагаемое судьбою, не многимъ дано. Покойный Велепольскій переносилъ свои страданія въ стоическомъ молчаніи и спокойствіи» (Кюзу, 1878, № 655). Другой отзывъ заимствуемъ изъ журнала «Niwa», 1878, № 74: «прощаясь съ бывшимъ начальникомъ гражданскаго управленія и повторяя слова, исполненныя масонческаго спокойствія: *sit illi terra levis*, мы должны присовокупить: да будетъ къ тебѣ справедлива эта земля и да окружитъ она имя твое памятью, какая подобаетъ тѣмъ, которые работали на пользу ея съ любовью, доброю совѣстью и не изъ личныхъ выгодъ». — Съ человекомъ, столь пламенно и долго ненавидимымъ, младшія поколѣнія народа, неизвѣстно когда и какъ, примирились; чѣмъ больше опредѣляются его черты, тѣмъ симпатичнѣе становится его лицо и тѣмъ яснѣе сознается, что оно крупное, что оно громадныхъ размѣровъ, что оно изъ числа тѣхъ, которыхъ, еслибы цѣнить ихъ по достоинству, принято было бы хоронить въ слѣпахъ польскаго Вестминстера, въ краковскомъ соборѣ на Вавелѣ. Мировая состоялась относительно значенія характера, но не относительно идей Велепольскаго, на счетъ которыхъ идутъ непрерываемыя пренія. Нѣсколькими заключительными словами объ этихъ идеяхъ мы и закончимъ нашу разрозненную и затанувшую біографическую этюды.

XXVI.

Нѣсколько заключительныхъ словъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Велепольскаго въ Брѣлевскомъ опустѣвшемъ дворцѣ поселился другой устроитель Польши, котораго зоркій глазъ маркиза предчувствовалъ какъ своего соперника еще въ началѣ 1862 г., Н. А. Милютинъ, корреспонденція котораго, относящаяся къ тому времени и приведенная въ порядокъ Леруа-Больё (напечатана въ «Revue des Deux Mondes», во второй февральской книгѣ 1881 г.; переводъ въ «Древней и Новой Россіи» за февраль 1881 г., с. 237—263), представляетъ высокій интересъ и историческій, и психологическій. Подъемъ національнаго чувства въ Россіи, совершившійся въ началѣ 1863, сблизилъ всѣ партіи и заставилъ дѣйствовать рука объ руку и заодно Милютинъ, московскихъ славянофиловъ, въ лицѣ Юрія Самарина и князя Черкаскаго и М. Н. Муравьева. — Н. А. Милютинъ былъ прежде всего крестьянофилъ-бюрократъ и даже, не въ обиду будь сказано, социалистъ — слово, получившее наравнѣ съ

«демократомъ» право гражданства въ печати съ тѣхъ поръ, какъ она толкуетъ столь много о социализмѣ князя Бисмарка. «Милютинъ имѣлъ (всегда) противъ себя то, что не безъ презрѣнія называлъ онъ салоннымъ или коллегіальнымъ либерализмомъ», говоритъ Леруа-Болье (стр. 262 по русскому переводу). Онъ довольно легко смотрѣлъ на цивилистическія нормы и не считалъ ихъ неприкосновенною и нерушимую святынею. Москвичи-славянофилы были подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ блистательной кампаніи, отбытой ими вмѣстѣ съ Милютинимъ въ редакціонныхъ комитетахъ по выработкѣ положенія о крестьянахъ 19 февраля 1861. Послѣдующее время доказало (1881), что эта черта въ дѣятельности славянофильства не безусловно существенная и что оно или по крайней мѣрѣ его эпигоны могутъ становиться и не на крестьянской сторонѣ, а на помещичьей. Во всякомъ случаѣ любовь ихъ къ народу была болѣе теоретическая и къ ней примѣшивались вѣроисповѣдныя идеи, ненависть къ латинству, считаемому ими чѣмъ-то анти-славянскимъ, и вслѣдствіе того большая наклонность къ мѣрамъ и приемамъ обрусѣнія. Что касается до М. Н. Муравьева, то для характеристики его достаточно словъ Леруа-Болье. «Милютинъ старался уговорить свое отвращеніе къ личности, взглядамъ и поступкамъ Муравьева. По странной прихоти судьбы защитники привилегій и защитники вѣрноподанныхъ сходились на охранѣ невольными сотрудниками въ одномъ и томъ же дѣлѣ, при выполненіи задачи, въ сущности совершенно одинаковой» (245). Муравьевъ самъ шелъ на встрѣчу Милютину и писалъ (25 сент. 1863): «во всемъ этомъ великомъ дѣлѣ (устройства крестьянъ какъ въ западныхъ губерніяхъ, такъ и въ царствѣ польскомъ) мы должны идти рука объ руку; я вамъ предлагаю съ полною готовностью мое содѣйствіе». «Вотъ человѣкъ, совершенно измѣнившійся!—долженъ былъ воскликнуть Милютинъ при чтеніи этого письма. На самомъ дѣлѣ, перемѣна была болѣе кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная. Для Муравьева это попеченіе о крестьянахъ происходило единственно изъ соображеній политическихъ. Если въ западныхъ губерніяхъ онъ одобрялъ и принималъ поступки, которые онъ энергично отвергалъ въ Россіи, то это было не отъ того, чтобы онъ пересталъ считать ихъ революціонными. Въ его глазахъ не составляло важности, что орудіе противъ возстанія и полонизма заимствовано было у революціи. Онъ пользовался имъ, не стѣсняясь, противъ враговъ своего государя и отечества, потому что противъ враговъ орудія наиболѣе вѣрныя казались ему наилучшими» (245). Мы охотно вѣримъ

автору, что совѣтъ нѣны были точка исхода и побужденія Милютина и его московскихъ друзей. Они ѣхали примѣнять въ Польшѣ «мѣры и принципы, которые были ими уже признаны и приведены въ исполненіе въ самой Россіи. Восстаніе доставило имъ только способъ дѣйствовать быстрее и рѣшительнѣе, относясь съ *меньшею пощадою* къ правамъ и интересамъ высшихъ классовъ» (247). Мы охотно вѣримъ, что они дѣйствовали не изъ одной только «*политической ненависти*», хотя приходили къ тому, чего требовала и воплощенная въ Муравьевѣ политическая ненависть. Ихъ поѣздка изображается какъ нѣчто въ родѣ экспедиціи Колумба на открытіе Америки, «путешествіе съ цѣлью развѣдокъ, почти — что съ цѣлью открытія невѣдомой страны. Никогда путешествіе государя или государственнаго человѣка въ какой-либо странѣ и въ какую-либо эпоху не имѣло, быть можетъ, такихъ громадныхъ результатовъ» (244), какъ эта недолгая поѣздка нѣсколькихъ людей «съ полускадрономъ уланъ и полсотнею казаковъ» (254), среди селъ и деревень отъ Варшавы по направленію къ Кракову, среди населенія, вѣковое уничиженіе котораго сдѣлало его глухимъ и нечувствительнымъ къ идеѣ объ отечествѣ и національности. «Въ первый разъ, — пишетъ Милютинъ 25 октября женѣ, — этимъ бѣднымъ мазурамъ и краковякамъ приходилось встрѣтиться съ представителями государя, которые пришли говорить съ ними о ихъ нуждахъ. Женщины плакали и обнимали наши коѣнки. Мы чувствовали укрѣпляющуюся въ насъ надежду, что съ какою-нибудь сотнею людей честныхъ и разумныхъ возможно бы было, передъ лицомъ всей *латинской и италетской* Польши, быстро поднять этотъ угнетенный народъ» (253). Первый и положительный результатъ поѣздки опредѣлился вполне согласно съ основною чертою характера и дѣятельности Милютина — его крестьянофильствомъ: «этотъ угнетенный народъ можетъ сдѣлаться для насъ, *по крайней мѣрѣ въ настоящее время*, дѣйствительною опорою», говорилъ онъ. Былъ и другой, отрицательный, выразившійся съ неменьшею рѣзкостью. Въ письмѣ 16 ноября къ женѣ сказано: «ты не можешь повѣрить, какъ все здѣсь политически деморализовано: повсюду ложь, лицемеріе, подлость, жестокость» (258). Еще прежде онъ писалъ (253): «низшій классъ, единственный, отъ котораго мы можемъ ждать себѣ какого-либо утѣшенія. Все остальное: шляхта, духовенство, жиды — до того намъ враждебны и до того развращены и деморализованы, что съ *нынешнимъ* поколѣніемъ ничего нельзя сдѣлать. Страхъ есть единственное средство для обузданія общества. Ложь, притворство, грабежи, убійство возведены были

въ число добродѣтелей и героическихъ поступковъ. За исключеніемъ военной силы здѣсь нѣтъ никакой другой административной власти» (253). Очевидно, что эта вторая сторона дѣла вынуждала на размышленія, и не могли не ставиться вопросы: *историческій*—какъ произошла эта деморализація послѣ 48 лѣтъ принадлежности ц. польскаго Россіи и 32 лѣтъ бюрократическаго режима безъ всякихъ учреждений не только представительныхъ, но и въ малѣйшей степени автономныхъ; и *практическій*—какъ оздоровить деморализованное. Первый вопросъ смущалъ Милютину, но разрѣшался въ немъ только простыми сѣтованіями: «Къ стыду нашему мы не сумѣли здѣсь ничего организовать. Въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ правительство не имѣетъ ни одного агента, ни одного представителя, заслуживающаго довѣрія. Простодушіе, съ которымъ мы позволили устроить все это (повстаніе) у себя подъ носомъ, превосходить всякое вѣроятіе». Дальше этихъ сѣтованій Милютинъ не пошелъ. Допустимъ, что политикъ располагаетъ свои задачи въ послѣдовательномъ порядкѣ, одно дѣлаетъ сегодня, другое оставляетъ на завтра или послѣ-завтра; допустимъ, что первымъ на очереди было устройство крестьянъ, что съ настоящимъ «положеніемъ» интеллигенціи польской нельзя было ничего подѣлать,—но если не все въ настоящемъ можно было дѣлать, то слѣдовало ясно опредѣлить и намѣтить, что необходимо сдѣлать въ ближайшемъ будущемъ, хотя бы для слѣдующаго поколѣнія, чтобы не впасть въ старыя ошибки, въ рутинную колею, чтобы избѣгнуть упрека въ томъ, что «*video meliora proboque deteriora sequor*». Въ статьѣ Леруа-Больё описано, какъ поняли три друга (Милютинъ, Самаринъ, Черкасскій) ту часть своей задачи по возвращеніи изъ Варшавы и съ какимъ трудомъ, вопреки мнѣнію большинства комитета для дѣла ц. польскаго, они провели свою программу, которая обезпечила за новою системою управленія царствомъ польскимъ наименованіе милютинской системы. «На берегахъ Вислы, говорили три друга, либерализмъ не годится; для Польши требуются не политическія права, которыми она неспособна пользоваться, а экономическое обновленіе, которое возродило бы народъ, причѣмъ необходимо отказаться *отъ всякаго рода автономіи*» (263); т.-е. и отъ автономіи по системѣ Велепольскаго, которая еще предполагается возможною и въ манифестѣ 31 марта (12 апрѣля) 1863 г. объ амнистіи и въ рескриптѣ изъ Ливадіи в. кн. Константину Николаевичу 31 октября 1863 г., и отъ мѣстныхъ особенностей въ уравниеніи, которыя оставлены послѣ отміны конституціи императоромъ Николаемъ Павловичемъ и

дороги были населенію края не по содержанію, а по воспомина-
ніямъ и по языку, наконецъ и отъ той доли самоуправленія, къ
которой правительство сочло необходимымъ привлечь и обязать
состоянія и классы населенія въ коренныхъ областяхъ имперіи.
Однимъ словомъ, система сводилась къ слѣдующему: аграрная
реформа на болѣе широкихъ, чѣмъ въ Россіи, основаніяхъ, отмена
особенныхъ и польскихъ и введеніе русскихъ порядковъ устарѣ-
лыхъ и дореформенныхъ въ администраціи, съ полнымъ устраи-
емъ отъ ея заботъ управляемыхъ и съ оставленіемъ страны на
особенномъ исключительномъ положеніи на время неопредѣленное
и, можетъ быть, безконечное. Если сравнить этотъ поразительно
простой способъ успокоенія страны, который въ сущности, если от-
кинуть подробности и комплектованіе личнаго состава управленія,
совершенно былъ тождественъ съ существовавшимъ столь долго при
Паскевичѣ, то можетъ показаться загадочнымъ, какъ на немъ оста-
новился человекъ, который столь рѣзко осуждалъ глубокую сон-
ливость управленія, возникшаго при императорѣ Николаѣ Пав-
ловичѣ, который мучился тѣмъ, что «здѣсь нужно все разъяс-
нять самому, собственнымъ умомъ» (259), и который жаловался,
что «здѣсь (въ Варшавѣ) дѣйствительно спится меньше чѣмъ
обыкновенно» (256). Очевидно, что по его же понятіямъ рѣше-
ніе, данное его системою польскому вопросу, не было устройство
страны, что отъ нормальнаго устройства страны онъ воздержался,
что онъ сомнѣлся со сцены даже и не указавъ, какъ, по его идеѣ,
эту страну устроить, какъ рѣшить вопросъ, ему самому пред-
ставлявшійся крайне сложнымъ и головоломнымъ. Этотъ пробѣлъ
въ дѣятельности Милютинъ возможно объяснить, какъ мнѣ ка-
жется, двумя соображеніями. *Во-первыхъ*, при всей своей необы-
кновенной талантливости Милютинъ былъ односторонній чело-
вѣкъ, крестьянофилъ, но чистокровный бюрократъ, что и до сихъ
поръ сказывается въ той формѣ, которую онъ далъ крестьян-
скому дѣлу не только въ ц. польскомъ, но и въ Россіи (XVII).
Онъ взялъ, такъ сказать, съ боя освобожденіе крестьянъ съ на-
дѣломъ и, весьма мало уже заботясь о гражданской выправкѣ
освобождаемыхъ, соорудилъ въ замѣнутыхъ крестьянскихъ учреж-
деніяхъ стѣну, отдѣляющую крестьянъ отъ дворянства. Въ Польшѣ,
въ виду явной враждебности интеллигенціи, онъ задался мыслью
вполнѣ изолировать интеллигентные классы отъ сельскаго просто-
народія, слѣдовательно предпочелъ не устраивать вовсе цѣлое об-
щество, такъ какъ при этомъ устройствѣ произошло бы сближеніе
сословій въ новыхъ учрежденіяхъ и интеллигенція польская воз-
становила бы свое вліяніе на народъ. *Во вторыхъ*, Милютинъ

дѣйствовалъ не одинъ, а въ союзѣ съ другими; всякая коалиція возникаетъ посредствомъ компромисса, въ которомъ дѣйствующій подчиняется вліянію другихъ и очень далеко иногда отходитъ отъ первоначальныхъ предположеній. Милютинъ, авторъ записки 24 мая 1863 г. объ учебной части, предостерегавшей, чтобы не дѣлать воспитанія политическимъ орудіемъ, есть совсѣмъ иной человѣкъ, нежели Милютинъ послѣдней поры своей жизни, помирившійся съ обрусеніемъ даже и самой школы. Милютинъ не былъ узкій сектантъ, но когда въ письмѣ къ женѣ онъ замышлялъ, предъ лицомъ латинской и шляхетской Польши, воздвигнуть другую, на нее непохожую, то кажется, какъ будто бы друзья его, славянофилы, вдохнули въ него мысль о возможности будущей Польши не латинской. Можетъ быть, подъ ихъ вліяніемъ сдѣлался онъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей, настоявшихъ на разрывѣ конкордата указомъ 25 ноября 1866 г. Известно, что онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и при изданіи указа 10 декабря 1865, которымъ мало усилено русское землевладѣніе на окраинѣ западной, но крайне затруднено экономическое и юридическое положеніе землевладѣльцевъ. Крестьянское дѣло, школа, судъ и управленіе, уклоняясь отъ своего прямого назначенія, превращались послѣдовательно въ политическія орудія борьбы двухъ національностей въ духѣ, наиболѣе свойственномъ тому направленію, которое Леруа-Болье опредѣлилъ какъ Муравьевское. Сама система въ общемъ выходитъ болѣе муравьевская, нежели милютинская. Дѣйствіе ея продолжается, но силою первоначальнаго невовозобновляющагося толчка, слѣдовательно, съ потерей скорости движенія отъ тренія и сопротивленія среды. Живое дѣло переродилось въ рутину, трудный вопросъ забытъ или занесенъ послѣднимъ въ очередь. Все спитъ въ Варшавѣ не въ примѣръ лучше, чѣмъ при Милютинѣ, на мягкой подушкѣ старыхъ канцелярскихъ порядковъ, все дѣлается по шаблону. На поверхности гладь и тишь, а что подъ ними происходитъ, то извѣстно до того мало, что требовало бы новыхъ развѣдокъ, новой экспедиціи съ цѣлью отыскивать Америку, какъ въ 1863 году, на которомъ и обрываются извѣстія о внутреннемъ состояніи страны. Подъ этою чинной наружностью существуетъ особый міръ, идетъ муравьиная работа, развивается промышленность, дѣлаютъ успѣхи науки, искусства и въ обновленной демократизированной, но любящей свое историческое прошлое Польшѣ, сильнѣе, чѣмъ когда-либо, любовь къ своему родному и вѣра въ несокрушимую силу своей національности. Таково современное положеніе дѣлъ, среди котораго весьма свѣжо въ сознаніи общества воспоминаніе о Велеполь-

скомъ и его неудавшихся предпріятіяхъ. Даютъ ли эти зарытны въ землю сѣмена какіе-либо всходы, которые бы были уже замѣтны въ нынѣшнюю минуту? таковъ вопросъ, на который можно отвѣчать только разчленивъ политическое дѣло Велепольскаго на его составные идейные элементы.

Въ системѣ Велепольскаго, подкладку ея составляло представленіе о законности, какъ о якорѣ спасенія и единственномъ способѣ подъема глубоко павшей націи, отреченіе отъ помысловъ о реставраціи и сознаніе того, что прошлое незачѣмъ возвращать, а на будущее надо отъ самыхъ корней и основаній работать. Велепольскій былъ одинъ изъ немногихъ, ясно понимавшихъ, еще задолго до 1863 г. эту необходимость, которую теперь сознаетъ большинство послѣ внушительнаго урока, даннаго въ 1863 году. Сама мысль была еще и до 1863 г. слишкомъ общая, свойственная многимъ, а не исключительно Велепольскому, почему я затрудняюсь пристать къ тѣмъ, которые видятъ въ теперешнемъ выгодномъ положеніи поляковъ въ Галиціи плодъ практическаго примѣненія политики маркиза.

Образъ мыслей Велепольскаго былъ гораздо опредѣленнѣе; извѣрившись въ Европу, онъ предпочтительно предъ Австріею и Пруссіею примѣнулъ къ Россіи, отчасти, можетъ быть, по восприимчивости къ славянской идеѣ, но главное, по строгому расчету, по сознанію солидарности интересовъ. Мысль единенія осуществима практически только когда она раздѣляется и той и другой стороною. Замѣчательно, что до сихъ поръ она всего менѣе находитъ отголосковъ съ русской стороны, между тѣмъ какъ теперь казалось бы всего удобнѣе, по собственному почину, приступить къ опыту устроенія болѣе нормальныхъ междунаціональных отношеній. Рутина сильна, на стражѣ стоятъ и не допускаютъ трогать существующаго порядка могучіе матеріальные интересы, сросшіеся съ милутино-муравьевскою системою. Замѣчательно, что мысль о политическомъ единеніи съ Россіею всего сильнѣе усвоивается тѣми, которымъ жить по многимъ соображеніямъ нехорошо и что именно между поляками нынѣ сильно рѣдѣютъ ряды непримиримыхъ. Произойдетъ ли перемѣна въ правительственной системѣ, которой на встрѣчу идетъ столько ожиданій? Мы думаемъ, что произойдетъ, и умоваключаемъ по слѣдующимъ двумъ соображеніямъ. Движеніе ослабло, связки системы порядочно растянулись, наступилъ почти что застой; при этихъ условіяхъ тлѣютъ и подтачиваются незамѣтно устои системы. Придется когда-нибудь испробовать ея крѣпость, окажется, что она рассыпается, тогда сила вещей заставитъ присту-

нить къ радикальному переустройству, причемъ придется считаться съ Польшею новою, о которой мечтали только въ будущемъ Милютинъ, не *малаятскою*, а крестьянскою, которая столь же горячо стоитъ за свое національное, какъ бывшая аристократическая, стертая съ лица земли. Во-вторыхъ, мы смѣемъ думать, что не всегда, а только въ сравнительно непродолжительные періоды времени, соответствующіе особенному возбужденію страстей, можетъ быть въ ходу и пользоваться успѣхомъ философія ненависти международной, которую мы назвали бы «волчьею», потому что она есть примѣненіе формулы: «*homo homini lupus est*», и которая когда-то примѣнялась и въ области отношеній между отдельными лицами. По этой философіи, которую донинѣ неутомимо проводятъ органы, на ней основавшіе свой успѣхъ, напримѣръ, «Московскія Вѣдомости» (1881 г. 12-го августа, № 222), есть въ мірѣ два дѣла прямо другъ другу враждебныя: русское, которому долженъ быть преданъ всякій русскій патриотъ, и польское, къ которому онъ долженъ безъ разбора чувствовать такое же полное и безусловное отвращеніе. Кто мыслитъ иначе, тотъ врагъ Россіи. Злѣйшимъ и коварнѣйшимъ ея врагомъ былъ, конечно, Велепольскій; напротивъ того, повстанцы 1863 г. явились чуть ли не поборниками русскихъ государственныхъ интересовъ. На эту проповѣдь національнаго каннибализма единственный возможный отвѣтъ—пожатіе плечами. Главный жизненный вопросъ для Россіи нынѣ не тотъ: успѣетъ ли Россія, уничтоживъ и вытѣснивъ все не-русское, тѣмъ порядочно пестрѣть нынѣ составъ государства, привести все внѣшними мѣрами принужденія къ одному типу, даже не обще-русскому, а специально московскому,—или съумѣетъ она на одной и той же тѣани согласовать искусно всѣ цвѣта радуги, въ одномъ и томъ же богатомъ узорѣ.

Наконецъ, Велепольскій былъ еще и автономистъ, тщательно старавшійся объ административномъ обособленіи царства польскаго отъ Россіи, какъ стараются о томъ, нынѣ, напримѣръ, остзейскіе нѣмцы, которымъ, однако, несмотря на то нельзя отказать въ вѣрнопопданническихъ чувствахъ и которыхъ никто не называетъ за то измѣнниками. Эта часть системы Велепольскаго, въ его глазахъ самая важнѣйшая, всего болѣе пострадала и считается вообще совсѣмъ похороненною. Несомнѣнно, что она и была бы, можетъ быть, навсегда похоронена, еслибы во-время постарались связать и объединить царство польское съ имперіею не языкомъ, посредствомъ обрусенія, котораго невозможность по отношенію къ царству польскому принимается теперь какъ аксіома, но что важнѣе—учрежденіями, притомъ учрежденіями не

старыми дореформенными и признанными за негодные для самой Россіи, но тѣми, которые возникли въ славную эпоху великихъ реформъ (1856—1864). При ихъ введеніи политическую дѣль слѣдовало бы предпочесть филологической и дать ихъ на польскомъ языкѣ. Эти учрежденія столь просторны, что при единственной уступкѣ относительно языка, допускающей, что родной языкъ не вытѣсняется изъ главныхъ областей жизни общественной, они будутъ приняты и усвоены, можетъ быть, съ лучшимъ даже успѣхомъ, чѣмъ въ самой Россіи. Но допустимъ еще десятки лѣтъ исключительнаго положенія и опытовъ объединять сначала филологически, а потомъ уже политически, тогда это расположеніе къ усвоенію учреждений можетъ быть замѣнено въ чувствахъ населенія другимъ, воспоминаніями объ утраченныхъ формахъ автономіи, желаніями имѣть то административно-раздѣльное отъ коренныхъ областей имперіи существованіе, о которомъ помышлялъ Велепольскій и возвратъ къ которому былъ бы невозможенъ, еслибы царство польское не было содержимо донинѣ на исключительномъ положеніи, еслибы оно введено было въ круговоротъ жизни общественной въ имперіи, разсматриваемой какъ одинъ цѣльный составъ.

Есть логика вещей, которая въ политикѣ и составляетъ главное. Всего важнѣе въ политикѣ выборъ подходящаго момента. Такъ какъ народы могутъ жить только обновляясь, т.-е. отрѣшавшись отъ пережитого и видоизмѣняясь усвоеніемъ себѣ новыхъ элементовъ и привычекъ, то задержка въ этомъ жизненномъ процессѣ, продолжительное неудовлетвореніе потребностей, не могутъ не отразиться на всемъ ходѣ развитія организма. Ростъ задерживается, организмъ дичаетъ, точно садовое растеніе, лишенное надлежащаго ухода. Много лѣтъ спустя, оказывается невозможнымъ или весьма труднымъ совладать съ запущеннымъ или одичавшимъ элементомъ. Англія не успѣваетъ справиться съ ирландскимъ населеніемъ по расчетамъ, восходящимъ къ Кромвелю и еще дальше. Трудность еврейскаго вопроса въ Европѣ зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что мы имѣемъ дѣло съ элементомъ, сильно искаженнымъ и одичавшимъ вслѣдствіе неправильнаго отношенія къ этому племени въ теченіе среднихъ вѣковъ. Польскій вопросъ въ Россіи требуетъ теперь настоятельности, чѣмъ когда-нибудь, приложенія къ нему опытной руки искуснаго садовода. Такимъ садоводомъ не былъ въ свое время и не могъ быть Милютинъ; разрубивъ гордіевъ узелъ крестьянскаго вопроса, онъ по остальнымъ сторонамъ дѣла не оставилъ даже указаній. По важности своего содержанія и послѣдствій польскій

вопросъ выдвигается впередъ и становится на очередь не послѣднимъ, а однимъ изъ первыхъ вопросовъ внутренней политики Россіи. Желательно, чтобы онъ былъ разрѣшенъ окончательно съ устраненіемъ возможности конфликта въ самомъ отдаленномъ будущемъ. Заключая этимъ искреннимъ пожеланіемъ мою работу, я протестую противъ «Московскихъ Вѣдомостей», назвавшихъ мой трудъ служеніемъ одному польскому дѣлу. Въ такой же степени можно бы сказать, что я старался служить и русскому дѣлу: точка зрѣнія у меня была общая обѣимъ націямъ, по мѣрѣ разумѣнія моего объективная и неисключительно національная, а, насколько я могъ, общечеловѣческая.

В. Спасовичъ.

ИЗЪ АНАСТ. ГРЮНА.

1.

ОТРЫВОКЪ.

Спокоенъ заливъ — и въ лучахъ золотыхъ
Прозрачныя волны искрятся и блещутъ;
А море бушуетъ — и въ гребняхъ сѣдыхъ
Валы раздраженно и мстительно плещутъ.

На взморьѣ двѣ юныя дѣвы сидятъ:
Одна изъ нихъ льетъ безутѣшныя слѣзы,
Другая бросаетъ цвѣты — и летятъ,
Отливъ догоняя, прекрасныя розы.

Одна, и душою, и сердцемъ скорбя,
Вдыхаетъ, съ тоской и страданьемъ во взорѣ:
— «Я вижу, походить во всемъ на тебя —
О жизнь! — это мрачное, дикое море!»

Другая, весь міръ беззаветно любя,
Лепечетъ съ чарующей лаской во взорѣ:
— «Я вижу, походить во всемъ на тебя —
О жизнь! — это свѣтлое, кроткое море!»

Но бури неистовый шумъ заглушилъ
Невинныя рѣчи печали и грѣзы,
И грозный прибой безъ слѣда поглотилъ
И жгучія слезы, и пышныя розы.

2.

ОСУЩЕСТВИВШІЯСЯ МЕЧТЫ.

Скорбитъ и сѣтуетъ на жалкій жребій свой,
 При видѣ могылька, цвѣтокъ благоуханный...
 За что суровый рокъ сковалъ его съ землей—
 И воли нѣтъ ему, невѣдомо-желанной?

А рѣзвый мотылекъ, порхая надъ цвѣткомъ,
 Завидуетъ его невозмутимой долѣ:
 О, какъ бы онъ хотѣлъ, въ плѣнительной неволѣ
 И въ сладостной тѣни забыться мирнымъ сномъ!

Проходятъ быстро дни—и осень наступаетъ:
 По вѣтру носится послѣдній лепестокъ
 Увядаго цвѣтка, и мирно отдыхаетъ,
 Привованный къ землѣ,* замершій мотылекъ.

3.

ДВѢ СКОРБИ.

Надъ могилой тополь дѣвушка сажаетъ
 И, въ слезахъ горючихъ, къ дереву взываетъ:
 «Духъ ея паритъ надъ нами,—
 Къ небу, къ небу, въ воздухъ чистый
 И листвою и вѣтвями,
 Стройный тополь, вознось ты!
 Въ эту высь и взглядъ, и руки
 Простираю я съ молениемъ,—
 Ты-жъ моей сердечной муки
 Будь живымъ изображеньемъ!»

Надъ могилой иву юноша сажаетъ
 И, въ слезахъ горючихъ, къ дереву взываетъ:
 «Здѣсь лежитъ она,—росою
 Этотъ холмъ омой ты, ива,
 И вѣтвями, и листвою
 Охвати его ревниво!

Я надъ нимъ ломаю руки,
 Одержимый изступленьемъ, —
 Ты-жъ моей сердечной муки
 Будь живымъ изображеньемъ!»

4.

НАБРОСКИ.

Покинувъ домъ, мудрецъ по свѣту бродить,
 Безъ счета раздаетъ изъ ноши дорогой
 Сокровища и блага — и домой
 Богаче прежняго приходитъ.

Цвѣты растутъ для всякаго на жизненномъ пути, —
 Но много ли умѣющихъ въникъ изъ нихъ плести?

Въ чемъ — поэзія жизни? и въ чемъ ея нѣтъ?
 — На алмазы и жемчугъ взгляни, что на свѣтъ
 Изъ сокровищницъ чудныхъ явились донинѣ,
 И подумай, какъ много лежитъ еще ихъ,
 Человѣку невѣдомыхъ, въ нѣдрахъ земныхъ
 И въ ревниво-таинственной водной пучинѣ!

В. Лихачовъ.

МИРНЫЕ ЭПИЗОДЫ

изъ

ВОЕННОЙ ЖИЗНИ

ВОЙСКЪ КОРПУСА ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА ЦИММЕРМАНА.

III. САЛИМЕ-ПАША, ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ТУРЕЦКОЙ ПОЛИТИКИ *).

Скорое разочарованіе.—Убіеніе двухъ братьевъ-болгаръ.—Критическое положеніе турецкой флотилии.—Политико-кулиарныя неудачи.—Визитъ отъ Салиме-паши.—Турецкое примодушіе.—Занятіе Силистріи.

Конные вѣстовые не покидали моего двора; иногда по два раза въ день приходилось доносить командиру корпуса о ходѣ событій въ нашемъ маленькомъ, оторванномъ отъ цивилизованнаго міра, уголкѣ.

Не успѣлъ я его увѣдомить о счастливомъ исходѣ нашего вчерашняго свиданія съ комендантомъ крѣпости, какъ на другой день рано утромъ прибѣжали болгары изъ одной изъ придунайскихъ деревень, входившихъ въ районъ расположенія турецкихъ войскъ, и передали прискорбную вѣсть, что будто-бы турки въ прошедшую ночь зарѣзали двухъ богатыхъ братьевъ-болгаръ и захватили все ихъ имущество.

Едва я освоился съ этою трагическою новостію, какъ получилъ письмо отъ подполковника Шурупова, которымъ онъ спѣшилъ меня увѣдомить, что Салиме-паша не допускаетъ его въ наруж-

*) См. выше: ноябрь, 179 стр.

ныя увѣрженія для ихъ осмотра, и въ концѣ прибавилъ, что паша, хотя и подчиняется условію перемирія относительно очищенія крѣпости въ семидневный срокъ, но за исходную точку самаго срока принимаетъ начало увозки изъ крѣпости ея принадлежностей, въ виду тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаетъ со стороны болгаръ въ сборѣ принадлежащихъ имъ подводъ. Нужно сказать, что окрестности Силистріи были заселены исключительно болгарскими деревнями; предвидя встрѣтить въ нихъ упорный отказъ въ подводахъ, дальновидный паша заранее распорядился согнать эти подводы съ отдаленнѣйшихъ деревень санджака, населенныхъ турками. Подп. Ш. увѣдомлялъ меня, что усердные патріоты-турки, споспѣшествуя дѣлу увозки изъ національнаго имущества, пригнали свои подводы даже изъ Туртукая и Шумлы, не говоря уже о ближайшихъ деревняхъ, и что таборы этихъ подводчиковъ заволокли окрестности Силистріи на громадные протяженія. Самую же увозку началъ производить тайно ночью съ отдаленнѣйшихъ фортовъ. Ссылаясь на упорство болгаръ, предусмотрительный паша экономизировалъ такимъ путемъ запасъ времени для окончанія въ семидневный, придуманный имъ срокъ, этого труднаго и по истинѣ государственнаго дѣла. Достаточно только вспомнить, что Силистрія съ давнихъ поръ, при открытіи прежде веденныхъ нами съ турками войнъ, первую принимала наши удары, чтобы составить себѣ хотя слабое понятіе, какая масса боевого матеріала могла быть здѣсь накоплена, какъ для защиты самой крѣпости, такъ и для продовольствія не только ея гарнизона, но и тѣхъ полевыхъ войскъ, которыя, опираясь на ея твердыни, должны бы были маневрировать въ ея окрестностяхъ, чтобы разстроить планы нашихъ къ ней подступовъ.

Такимъ образомъ, едва стали зарождаться между нами добрыя отношенія, какъ пришлось приступить къ ихъ нарушенію. Оба дѣла носили тревожный характеръ. Звѣрскій грабегъ турокъ налагалъ на меня тяжелую обязанность вытребовать удовлетвореніе поправленныхъ правъ человѣческихъ. Хотя по слабости отряда, стоявшаго противъ крѣпости—600 казаковъ—я не могъ принять репрессивныхъ мѣръ, тѣмъ не менѣе, какъ представитель въ томъ уголѣ русской власти, обязанъ былъ выказать настойчивость въ истребованіи этого удовлетворенія.

По дѣлу объ убійствѣ я писалъ для передачи Салиме-пашѣ, что въ данное время окна и ворота Силистріи открыты настежь для Европы, что мы стоимъ на рубежѣ Румыніи, европейской провинціи, алчная пресса которой не замедлитъ провозгласить объ этомъ по истинѣ прискорбномъ событіи; почему, для ослаб-

ленія впечатлѣнія, просилъ коменданта не медля сдѣлать строгое дознаніе и захватить виновнаго.

Сообщеніемъ же Шурупова я рѣшилъ воспользоваться, какъ средствомъ для открытія начала положенному для сдачи крѣпости сроку. Долго не колеблясь, написалъ я на-авось, что будто-бы муширь Фазли-паша увѣдомилъ нашего корпуснаго командира, что началомъ срока слѣдуетъ считать 29 число января, то число, когда имъ было послано коменданту, какъ лицу ему подчиненному, сообщеніе о перемиріи.

При этомъ удобномъ случаѣ нельзя не упомянуть о той существенной пользѣ дѣлу, которое приносили оба вышеуказанные офицера генеральнаго штаба своимъ пребываніемъ въ Силистріи; въ особенности же подполковникъ Ш. Нужно-ли говорить, что гораздо удобнѣе было придумывать разныя мѣропріятія, сидя за столомъ миролюбиваго болгарина, чѣмъ приводить ихъ въ исполненіе въ самой крѣпости: всѣ страницы исторіи Турціи, въ особенности послѣднихъ дней ея разложенія, запечатлѣны разсказами о совершаемыхъ ея правительствомъ вѣроломствахъ, кровожадныхъ мщеніяхъ и звѣрскихъ убійствахъ; къ концу же кампаніи всѣ эти извергіи челоуѣчества, слившіе подъ названіемъ черкесовъ, башки-бузукъ и прочей сволочи, и какъ метеоры блуждавшіе бандами на пространствахъ между четырьмя восточными крѣпостями, въ нихъ и засѣли, переполнивъ улицы этихъ городовъ элементомъ дикарей, стоявшимъ вѣдъ всякихъ законовъ общественной жизни; поѣтому на сдѣланное нашими офицерами предложеніе поселиться вмѣсто меня въ одномъ изъ такихъ центровъ, я смотрѣлъ какъ на подвигъ самоотверженія, и, если рѣшился на эту крайнюю мѣру, то единственно въ виду также крайней необходимости: живя въ крѣпости, они, такъ сказать, исподволь приучали турокъ къ мысли о приближающейся порѣ нашего господства, разоблачали тайны крѣпости, а главное, это давало возможность пользоваться незамѣтными услугами подполковника Шурупова. Смѣлый, находчивый и разсудительный, этотъ молодой штабъ-офицеръ, снискавъ расположеніе турецкаго штаба, исполнялъ поручаемыя ему комисіи со смѣтливостью по истинѣ русскою: порою съ шуточками, а порою и съ настойчивою требовательностью, являлся онъ незванный къ суровому коменданту, и склонялъ его къ принятію придуманныхъ нами мѣръ; если-же опасался неудачи, то, уклоняясь съ прямого пути, шелъ онъ искать посредничества у Сулеймана-паши, гдѣ всегда встрѣчалъ дружескій приемъ.

Къ вечеру того-же дня я получилъ отвѣтъ Салиме-паши,

что, хотя убійство болгаръ дѣйствительно совершилось, но виновникомъ преступленія оказался молодой армянинъ, а вовсе не турокъ, и что его не замедлили заключить въ темницу; что же касается дня увѣдомленія о сдачѣ крѣпости, какъ начала срока для очищенія, то въ этомъ случаѣ будто-бы стеченіемъ особенныхъ обстоятельствъ я былъ введенъ въ заблужденіе: только 3 февраля получено имъ было предписаніе отъ Фазли-паши сдать крѣпость на условіяхъ перемирія. Итакъ, наконецъ, турки высказались, и сами опредѣлили начало срока; раньше этого дня по расчету времени едва ли и могли они получить официальное увѣдомленіе; слѣдовательно Силистрія должна быть нами занята 10 февраля.

Посланный же мною урядникъ явился, кажется, только на третій день, не встрѣтивъ нигдѣ препятствія для исполненія возложеннаго на него порученія и привезъ мнѣ отвѣтную депешу отъ штаба генералъ-адъютанта Дрентельна, изъ которой я усмотрѣлъ, что условія перемирія были мною поняты совершенно правильно.

Прибылъ саперный поручикъ Еремѣевъ для описи крѣпости и для участія въ сдачѣ ея, и получено отсюда увѣдомленіе о новомъ предлогѣ къ неудовольствію Салиме-паши: болгарскія деревни наиболѣе заселенныя и богатѣйшія, нами занятія, отказываютъ въ выдачѣ подводъ для перевозки крѣпостныхъ тяжестей, почему паша увѣдомилъ, что онъ устраняетъ отъ себя отвѣтственность за послѣдствія.

Въ первые же дни по прибытіи въ Кучуеъ-Кайварджи были мнѣ переданы подп. Шуруповымъ вымѣтки изъ статистическихъ турецкихъ таблицъ, въ которыхъ заключались свѣдѣнія о томъ, сколько каждая деревня можетъ выставить паро-воловохъ и конныхъ подводъ. Хотя я и не привыкъ придавать особаго значенія подобнымъ мѣстнымъ статистическимъ выкладкамъ, тѣмъ не менѣе разослалъ офицеровъ съ партіями казаковъ въ разныя стороны, чтобы они сами лично провѣрили, насколько вѣрны эти свѣдѣнія, вошли бы въ переговоры съ болгарами и убѣдили ихъ поторопиться выставленіемъ подводъ, какъ средствомъ для скорѣйшаго освобожденія города и санджака изъ-подъ власти турокъ, а также чтобы они моимъ именемъ поручились за благополучное ихъ возвращеніе. Посланные офицеры возвратились и увѣдомили, что по провѣркѣ нашли свѣдѣнія чрезвычайно точно, правильно составленными. Странность этого обстоятельства, вѣрность статистическихъ свѣдѣній у турокъ,—кажется, слѣдуетъ, объ-

яснить самую системою взиманія налоговъ; она тамъ падаетъ не на души и земли, а на продукты и скотъ.

Обращаюсь опять къ дѣлу по сбору подводъ.

Уже было сказано въ началѣ этой статьи, что командиръ корпуса придавалъ особое значеніе, въ виду появленія англійскаго флота, скорѣйшему очищенію крѣпости. Имъ предлагалось даже оказывать усердное содѣйствіе къ скорѣйшему увозу турками принадлежащаго имъ оружія. Какъ ни страненъ кажется на первый взглядъ подобный совѣтъ, содѣйствующій къ поддержанію матеріальной силы турецкой арміи, но нельзя не сознать, что онъ вытекалъ изъ сущности нашихъ интересовъ той минуты: увозя свои орудія, они обезоруживали Силистрію, и тѣмъ самымъ очищали намъ тылъ; съ другой стороны совѣтъ этотъ не уменьшалъ тѣхъ выгодъ, которыя мы могли извлечь изъ условій перемирія: все турецкое имущество, принадлежащее арміи по условію, могло быть ими вывезено въ семидневный срокъ; то же, что могло остаться, насъ не обогащало, потому что русское правительство обязывалось уплатить за это по справедливой оцѣнкѣ; слѣдовательно на запозданіе въ полномъ очищеніи крѣпости, согласно условіямъ перемирія, можно было смотрѣть только какъ на обмѣнъ военнаго турецкаго имущества на нашу звонкую монету.

Вотъ тѣ мотивы, которые заставляли меня усердствовать въ сборѣ болгарскихъ подводъ для турокъ. Тѣмъ не менѣе я извѣстилъ Салиме-пашу, что помощь эту тогда только мы ему окажемъ, когда онъ удостовѣритъ своимъ обѣщаніемъ, что подводы изъ болгаръ не потерпятъ никакихъ оскорбленій или убытковъ. Командантъ не только обѣщалъ ихъ охрану, но еще въ успокоеніе прибавилъ, что за перевозку будетъ уплачено болгарамъ все сполна до послѣдняго піастра, металлическими деньгами.

Слѣдующій день прошелъ безъ всякихъ тревоженій. Въ этотъ день прибылъ командиръ одного изъ судовъ нашей дунайской флотиліи, лейтенантъ С., для провода турецкаго флота; но къ вечеру того же дня пришло извѣстіе отъ подполк. Ш., что флотъ этотъ, по нагрузкѣ артиллерійскими орудіями, отошелъ отъ береговъ Силистріи, соединился съ судами, прибывшими изъ-подъ Рушчука, и въ полномъ своемъ составѣ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ броненосцевъ, которые пошли ко дну подъ Бранловымъ, поплыли внѣзъ по теченію рѣки.

Слѣдуя наставленію восточной поговорки—«проси верблюда,

когда хочешь получить барана.—мы усердно уговарили Реуф-пашу, что условія, поставленныя для пушек и прочаго казеннаго имущества, касаются и флота, т.-е., что онъ долженъ быть сданъ нашему правительству, если въ 7-дневный срокъ не очиститъ водъ Дуная. Наши ли краснорѣчивыя убѣжденія, или окончаніе нагрузки судовъ турецкими пушками повліяли на рѣшеніе вице-адмирала, сказать не умѣю, но знаю досконально, что за три дня до истеченія срока онъ двинулся внизъ по теченію. Подойдя къ первой линіи загражденій торпедами у Черноводъ, онъ приостановился и потребовалъ очищенія пути. Генералъ Циммерманъ нашелъ невозможнымъ выловить торпеды, наставленные 8 мѣсяцевъ тому назадъ нашими моряками. Начались живыя сношенія съ начальникомъ нашей флотиліи, которая держала турокъ у линіи торпедъ до 5 дней. Опасаясь дурныхъ послѣдствій отъ промедленія, Реуф-паша рѣшился пробиться чрезъ всѣ загражденія, хотя бы пришлось пожертвовать частію своихъ судовъ, и, вопреки ожиданіямъ, вышелъ благополучно въ море, не натолкнувшись ни на торпеды, ни на барки съ камнями, погруженныя на дно у Сулина. Такимъ образомъ, торпеды не оправдали возложенныхъ на нихъ надеждъ. Полагать нужно, что два обстоятельства парализовали силу ихъ дѣйствій: подъемъ общаго уровня воды отъ весеннихъ разливовъ и быстрота теченія самой воды, которою снесены были торпеды; во всякомъ случаѣ обстоятельство это такъ важно для будущихъ войнъ, что слѣдовало бы глубже изслѣдовать причины, сдѣлавшія ихъ безвредными.

Получено, наконецъ, и донесеніе о прибытіи передняго баталіона каширскаго пѣхотнаго полка, который я притянулъ къ деревнѣ, ближайшей къ штабу казачьяго полка; а слѣдующіе два съ батареей къ деревнямъ ближайшимъ къ демаркаціонной линіи, въ 25 верстахъ отъ крѣпости; прибыла еще $\frac{1}{2}$ сотня № 29 донскаго казачьяго полка, не входившая въ составъ нашей дивизіи. Такимъ образомъ, квартиры стали понемногу пополняться постояльцами. О другомъ полкѣ—звенигородскомъ—ничего не было слышно: по затруднительности пути нельзя было составить даже приблизительно вѣрнаго маршрута слѣдованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣлить день его прибытія.

Къ вечеру того же дня явились командиръ ближайшаго баталіона, а изъ Силистріи подполковникъ Ш. Послѣдній объявилъ, что Салиме-паша, въ компаніи съ Сулейманъ-пашою, собираются на завтра къ обѣденному часу отдать мнѣ ревизію.

Напрягаю всё усилія, чтобы сдѣлать приличную встрѣчу, и приготовить лучшій по мѣстнымъ средствамъ обѣдъ. Призванный въ помощь командиръ казачьяго полка разоблачилъ всю несостоятельность нашего хозяйства; онъ самъ прибылъ налегкѣ, съ одними вьюками, почему объявилъ, что не можетъ предложить ни столоваго прибора, ни сервиза, вдобавокъ уяснилъ, что поваръ мой считается лучшимъ въ бригадѣ: умѣетъ даже жарить котлеты. Пришлось довольствоваться тѣмъ, что было подъ рукою, Зову своего казака-повара ¹⁾.

— Завтра нужно угостить на славу почетныхъ гостей-турокъ; смотри, чтобы не ударить намъ лицомъ въ грязь.

— Могу-съ, вашество!—успокоительно отвѣчаетъ онъ.

— Что же ты сдѣлаешь?

— Могу сварить супъ изъ перловыхъ крупъ, или изъ макаронъ: еще остались съ похода; а то шти; да только здѣсь пусто нѣтъ... Кусокъ говядины изжарить.

— А больше что?

— Да чего же больше, вашество; пожалуй, котлеты.

— Все это я уже перепробовалъ за годъ кампаніи; чуть не каждый день ѣлъ!

— Да больше я ничего и не умѣю.

— Ахъ ты, варваръ... а еще казакомъ прозываешься!—невольно срывается у меня съ языка отъ этой неудачи на новомъ кулинарно-политическомъ поприщѣ, вдобавокъ при мысли, что такой страпвей придется угощать избалованнаго константинопольскаго сибарита; я самъ съ нею мирился только по случаю голода, ежедневно вызываемаго здоровымъ моціономъ на свѣжемъ воздухѣ.

— Не извольте, вашество, беспокоиться: если примѣрно побольше натолкать въ котелъ говядины, птицъ тамъ что ли... то супъ всегда выйдетъ вкусный; тутъ только смотри—не зѣвай, чтобы не выкипѣлъ.

Часъ отъ часу не легче.

— А то тутъ птица есть... гуси, индюки...

— Да жарить-то, жарить ихъ умѣешь ли?

— Отчего же—часто выдывалъ; тутъ только нуженъ доглядъ, чтобы въ печи птицу не засушить или не обуглить...

Подобно легкое отношеніе въ вѣнцу кулинарнаго искусства—

¹⁾ Начальникамъ крупныхъ казачьихъ частей запрещено брать казаковъ для услугъ; для этого назначены имъ деньщики; но по случаю поздняго командированія въ армію, деньщиковъ я не получилъ; наемная же прислуга не выдержала тягостей кампаніи, разбогѣлась, и была мною отправлена въ Россію.

жаркому—окончательно убѣдило, что не слѣдуетъ продолжать совѣщаній съ этимъ недостойнымъ послѣдователемъ Вателя и Карема.

— На шесть рублей... пошли полкового фактора, чтобы скупилъ по деревнѣ у болгаръ индѣекъ, куръ, рису и всего, что достать можно!

Черезъ часъ весь мой маленькій дворъ наполняется, благодаря дешевой живности, такимъ изобиліемъ этихъ крикливыхъ и безпокойныхъ созданій, что буежливо превращается въ птичій рынокъ, и злоба дня, къ концу его, всею тяжестью падаетъ на этихъ ни въ чемъ неповинныхъ въ болгарскомъ вопросѣ созданій: приказываю ихъ всѣхъ перерѣзать, затѣмъ раздать болгарскимъ бабамъ, чтобы онѣ ихъ варили и жарили,—словомъ, качество рѣшился замѣнить количествомъ и имъ насытить не только Салиме-пашу съ его блестящею свитою, но даже его конюховъ. Если, думаю себѣ, сибарить верхняго слоя общества станетъ хулить мою кухню, то люди нижняго несомнѣнно похвалятъ, тогда по крайней мѣрѣ, въ общемъ итогѣ, впечатлѣніе выйдетъ хорошее. *A la guette comme à la guette!*

Покончивъ съ главнымъ вопросомъ дня, приступилъ къ бесѣдѣ со вновь прибывшими сотрудниками.

Подполк. III. привезъ мнѣ много интересныхъ свѣдѣній изъ Салистрии. Отъ дѣятельности Салиме-паши онъ положительно приходитъ въ восхищеніе: горячій и съ желѣзною волею патриотъ этотъ поставилъ на ноги все мусульманское населеніе города. Съ ранняго утра и до поздней ночи видятъ его или на фортахъ, или на берегу моря. Опершись на палку, спокойно отдаетъ онъ отрывистыя приказанія, и по словамъ его, какъ по мановенію волшебнаго жезла, закипаютъ жизнью даже отдаленнѣйшіе пункты крѣпости. Наэлектризованные имъ мирные жители не отстаютъ въ трудахъ отъ привычнаго къ нимъ низамъ: таскаютъ бомбы, вывозятъ пушки, нагружаютъ суда... циклопическую эту работу совершаютъ они съ такимъ напряженнымъ рвеніемъ, что не замѣчается ихъ усталость, хотя работа кипитъ и днемъ и ночью. Подполк. III. полагаетъ, что комендантъ, при такихъ единодушныхъ усиліяхъ, выполнить блистательно свою священную обязанность вырвать въ семидневный срокъ изъ рукъ нашихъ все то, что могутъ поднять собранныя имъ со всего санджака подводны. Къ этому разсказу онъ прибавилъ, что мусульмане полны негодованія за сдачу крѣпости, и только могущая воля Салиме-паши сдвигиваетъ ихъ взрывы.

Въ тотъ же день пришлось выработать церемоніаль для

встрѣчи коменданта и подробности его передать всѣмъ участникамъ въ ономъ. Расходимся мы поздно въ надеждѣ вкусить заслуженный крѣпкій сонъ тревогами дня. Подп. Ш. возвратился въ крѣпость для сопровожденія Салиме-паши.

Съ успокоенными нервами легъ я въ постель; какъ вдругъ мнѣ припомнилась моя оплошность — ни разу не затронутый вопросъ относительно передачи крѣпостного ключа. Гдѣ онъ? и не отправленъ ли съ понятною поспѣшностію въ Шумлу, — чтобы пользуясь моею забывчивостію избѣжать унизительной необходимости — торжественнаго врученія? Повлѣяніемъ формализма и всякаго этикета, какъ тѣхъ граней, при соблюденіи которыхъ устраняется безтактность въ человѣческихъ сношеніяхъ, я былъ сильно встревоженъ подобнымъ упущеніемъ; безсонница вдругъ одолѣла мною и согнала меня съ постели. При разстроенныхъ нервахъ злополучный этотъ ключъ росъ передъ моими глазами въ величинѣ, по мѣрѣ того, какъ фантазія развивала его значеніе, какъ символа власти надъ крѣпостью. Что, если сосѣдняя крѣпость Рущуеъ пришлетъ ключъ свой по назначенію, а Силистрія выкажетъ равнодушіе, — нашептывалъ мнѣ внутренній голосъ. Хотя теорія и законъ не затрогивали подобнаго вопроса, но практика даетъ положительные отвѣты: также безъ боя, силою предшествовавшихъ побѣдъ, классическимъ Фридрихомъ II доведена была до сдачи совершенно обезоруженная крѣпость Силезія, Грюнебергъ. Не медля по приближеніи войскъ отправленъ былъ въ крѣпость офицеръ для принятія ключей изъ слабыхъ рукъ лукаваго совѣта. По миневаніи въ немъ надобности, ключъ отнесенъ былъ обратно въ ратушу почетнымъ карауломъ съ барабаннымъ боемъ. Избитый этотъ анекдотъ заучивается съ дѣтскихъ лѣтъ... Едва только къ утру сомкнулъ я глаза, принявъ окончательное рѣшеніе испытать объ этомъ дѣлѣ у самого Салиме-паши.

Съ утра поднялось уже въ деревнѣ движеніе, вызванное встрѣчею Салиме-паши.

Небо прочистилось и при безвѣтріи, не взирая на начало февраля, дало возможность казакамъ одѣться въ новые мундиры, тщательно оберегаемые въ сѣдельныхъ подушкахъ.

Къ утру получаю увѣдомленіе отъ подп. Ш., что Салиме-паша пріѣдетъ послѣ своего обѣда, часамъ къ 3 пополудни. Какъ я обрадовался, что разсудительный паша не вздумалъ на сей разъ испытать пресловутаго русскаго гостепріимства.

Вскорѣ пришлось убѣдиться, что всѣ мои указанія исполняются въ точности: выметался дворъ отъ цѣлыхъ болотъ грязи;

передъ домою стлалась солома, прибылъ наконецъ отъ казаковъ почетный караулъ въ новыхъ мундирахъ, стройно облакавшихъ ихъ стать. Всматриваюсь—люди какъ на подборъ: одинъ красивѣе и выше другого. Полкъ этотъ и безъ того въ цѣломъ своемъ составѣ отличался подборомъ видныхъ людей и рослыхъ лошадей. Половина полка можно бы было перевести въ гвардію ¹⁾. Съ карауломъ пришелъ офицеръ высокаго роста и черною какъ смоль бороною. На улицѣ по обѣимъ сторонамъ воротъ выставлены двое часовыхъ, стройныхъ и мужественной красоты—настоящіе Аполлоны бельведерскіе.

Началась меблировка комнатъ въ восточномъ вкусѣ: услужливый мухтаръ отобралъ къ этому дню лучшіе въ деревнѣ ковры и ими плотно устлалъ комнату. Въмѣсто турецкихъ дивановъ фигурировали болгарскіе тюфяки, разложенные на полу четверугольнымъ для почетнѣйшихъ лицъ обѣихъ сторонъ. Скамьи вдоль стѣнъ покрылись коврами.

Комната, такимъ образомъ прибранная, стала понемногу наполняться чинами полковъ и штаба, и между ними появился командиръ каширскаго полка, офицеръ генеральнаго штаба, высоко-образованный, на котораго впоследствии легла вся тяжесть управленія городомъ и крѣпостью.

Прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ о приближеніи турокъ къ нашимъ аванпостамъ. Все во дворѣ зашевелилось: шинели сбрасываются, и караулъ съ трубами выстраивается въ одну линію, противъ крыльца дома.

Въ это время на линіи аванпостовъ пани не меньшая дѣятельность. Съ приближеніемъ турокъ цѣнь бекетовъ, взявъ въ руки пики, замерла, какъ рядъ конныхъ статуй.

Салиме-паша възвизгалъ въ районъ расположенія нашихъ войскъ съ полною довѣрчивостію. Его сопровождали только Сулейманъ-паша, черкесъ-адъютантъ, драгунскій офицеръ и столько же нижнихъ чиновъ, чтобы держать лошадей.

Въ тотъ день занимала аванпосты первая сотня. При приближеніи этой группы, осанистый командиръ сотни бойко подскакалъ къ турецкому коменданту и отрапортовалъ о благосостояніи впереди цѣпи. Переводчикъ передалъ ему слова командира сотни; улыбка самодовольства замѣтно промелькнула на невозмутимомъ лицѣ Ферикъ-паши. Окруженный казачьимъ кон-

¹⁾ По отзыву главнокомандующаго, смотрѣвшаго этотъ полкъ передъ выступленіемъ въ походъ подъ Теофинолемъ.

воентъ, въѣхалъ онъ въ деревню, гдѣ встрѣтилъ его командиръ полка.

Болгары не нашли нужнымъ толпиться на грязныхъ улицахъ для встрѣчи суроваго правителя, чтобы выказать ему знаки своего вниманія. Къ сожалѣнію, имъ сочувствуя, примѣру ихъ не могъ послѣдовать: воинъ долженъ имѣть волчій зубъ и лисій хвостъ; правило это такое же древнее, какъ и самъ человекъ; но нигдѣ и нигдѣ, кажется, такъ убѣдительно оно не было развито, какъ Ксенофонтomъ въ Киропедіи и Анабазисѣ. Салиме-паша, командовавшій крѣпостью и 14 т. войскъ въ то время, когда у меня подъ рукою было всего 600 казаковъ и баталіонъ пѣхотинцевъ, былъ для меня гостемъ любезнымъ, почтеннымъ, чуть не симпатичнымъ, и оставался такимъ за все время, пока не сдалъ грозной и не по силамъ нашимъ укрѣпленной крѣпости.

Наконецъ подъ окнами раздалась команда на караулъ—трубачи довольно согласно заиграли привѣтственный тушъ, и Салиме-паша со всею своею свитою подѣхалъ къ крыльцу. Провѣзая по фронту караула, онъ видимо любовался стройными казаками.

Пріемъ свой я съ фотографическою точностію списалъ съ церемоніала его встрѣчи: не вышелъ изъ комнаты.

Послѣ взаимныхъ рукожатій представилъ я ему нашихъ офицеровъ, изъ которыхъ пятеро, вмѣсто двухъ, возведены были мною ради паши въ санъ командировъ вновь прибывающихъ полковъ; а какъ я въ торопяхъ не имѣлъ достаточно времени, чтобы осмотрѣться, то въ ряды этихъ почетныхъ лицъ вводилъ, безъ разбора возрастовъ и положенія, тѣхъ, которые первыми подвернулись подъ руку, и, кажется, въ числѣ ихъ фигурировалъ даже ветеринарный врачъ. Какъ видите, силы противу Салиме скоплялись грозныя: по числу командировъ полковъ, слѣдовало полагать, что у Силистріи стояла цѣлая дивизія пѣхоты и казачій полкъ.

Разсѣлись мы на низкіе тюфяки, чуть не на полъ; турки свободно поджали подъ себя ноги, а мы не знали въ какую сторону ихъ уложить. Послѣ повторенія привѣтствій поданъ былъ хорошій кофе, сваренный на турецкій ладъ, и еще лучшаго качества турецкій табакъ, выписанный изъ Кременчуга, этого депо хорошихъ табаконъ отъ фирмъ Дурунчи и Рофе. Турки съ радостію принялись за послѣдній; одна папироса исчезала въ ихъ рукахъ за другою; крутили они ловко и приговаривали, что теперь такихъ хорошихъ сортовъ и въ Константинополѣ нельзя добыть.

Завязался общій разговоръ. Салиме сообщилъ, что онъ получилъ отъ Фазли-паши разрѣшеніе отправить войска на Шумлу вмѣсто Варны, о чемъ мы усердно хлопотали, и передалъ маршрутъ движенія. Такимъ образомъ устранялась необходимость прохода ихъ войскъ черезъ Базарджикъ, гдѣ могли бы они столкнуться съ нашими войсками, и узнать, кромѣ того, ихъ силы.

Въ разговоръ понемногу вмѣшались наши начальники частей; ихъ же офицеры съ подобострастіемъ усадились въ углу и, несмотря на повторенныя предложенія, отказались при паши курить и пить свой любимый напитокъ.

Сулейманъ-паша обязательно переводилъ.

Воспользовавшись благопріятной минутой, я намекнулъ, наконецъ, и о крѣпостномъ ключѣ, и спросилъ, гдѣ онъ находится.

Жду отвѣта съ замираніемъ сердца.

— Да ключами запираются всѣ ворота только на ночь; почему ночью хранятся у меня, а днемъ при караулѣ...

Такимъ образомъ средневѣковой этотъ вопросъ разрѣшился рационально, просто и въ крайнему моему удовольствію.

Тонъ разговора сдѣлался шутильвый, и паша, безъ всякихъ предварительныхъ вступленій, какъ-бы вскользь, проговорилъ совершенно равнодушно, что онъ послѣ-завтра въ 8 часовъ утра оставляетъ крѣпость и предлагаетъ мнѣ къ тому времени ее занять.

Нужно сказать, что этотъ тонъ равнодушія, по всей вѣроятности, былъ дѣланный, подсказанный житейскимъ тактомъ паши: другого болѣе умѣстнаго трудно придумать, чтобы ловко замаскировать всю щекотливость подобнаго положенія; кромѣ того, нужно имѣть большой запасъ душевныхъ силъ, чтобы произнести это роковое слово безъ всякаго содроганія мускуловъ передъ лицомъ своихъ враговъ и подчиненныхъ.

Начались обычные обсуждения, гдѣ намъ собрать войска, чтобы не произошло столкновенія, и когда вступить.

Кажется, въ этотъ день Салиме-паша далъ себѣ слово предупредить всѣ мои желанія; великодушіе его не знало границъ: онъ спросилъ у меня—не желаю ли я сдѣлать какихъ-либо конфиденціальныхъ вопросовъ и что онъ готовъ дать на нихъ откровенные отвѣты.

— Когда?—спрашиваю я, подразумевая неловкость веденія подобнаго свойства разговоровъ среди незнакомыхъ ему лицъ и своихъ подчиненныхъ.

— Сейчасъ...

— Скажите мнѣ, достопочтенный паша, на кого изъ мѣстныхъ жителей можно мнѣ положиться по занятію города?

— На каймакама (правителя) санджака Юсуфа-Зіа. Онъ мой другъ; человѣкъ честный и умный!

— Кто въ городѣ болѣе всего вліяетъ на умы мусульманъ?

— Онъ же, Юсуфъ; какъ въ городѣ, такъ и въ санджакѣ.

— Кто честнѣе всѣхъ изъ турокъ и разумнѣе?

— Дѣти Аліма-паши.

— Не вліяетъ ли главный мулла—муфти—фанатически на городъ?

— Онъ человѣкъ съ умомъ крайне ограниченнымъ.

— А каковъ кади города?

— Также человѣкъ простой и не значащій по своему вліянію.

— Кто еще засѣдаетъ въ конакѣ?

— Болгарскій игуменъ.

— Что онъ?

— Очень ограниченъ... Греческій протопопъ.

— А этотъ?

— Также простой человѣкъ.

Какой, думаю себѣ, счастливый подборъ для конака тунныхъ людей; при такой сортировкѣ правящихъ лицъ коллегіальное управленіе должно естественнымъ путемъ обратиться въ единоличное, и въ моемъ мнѣніи значеніе Юсуфа-Зіа, какъ каймакама Силистріи и самовластнаго распорядителя конака, невольно возрастаетъ.

— Кто лучшіе изъ христіанъ?

— Такіе-то и такіе, болгары и армяне.

Всѣ эти замѣтки я вношу тутъ же при немъ въ свою памятную книжку.

Впослѣдствіи я успѣлъ убѣдиться въ правдивости этихъ указаній.

При дальнѣйшемъ моемъ знакомствѣ съ людьми этого міра меня всегда поражалъ тотъ натуральный тонъ, въ которомъ ведутся ими всѣ сношенія; а также прямота и правдивость въ тѣхъ случаяхъ жизни, на которыя не вліяетъ политическая необходимость дурною своею стороною.

Далѣе мы условились относительно смѣны карауловъ, покровительства чинамъ турецкой арміи, оставленнымъ при складахъ артиллерійскихъ и инженерныхъ; а также относительно больныхъ военнаго госпиталя и принадлежащаго къ нему всего персонала краснаго креста или, лучше сказать, красной луны. Въ возмездіе

за это некровительство Салиме-паша далъ мнѣ слово убѣдить Юсуфа-Зиа относиться ко мнѣ съ дружественнымъ довѣріемъ.

Немедленно по отбѣдѣ пани, донесено было командиру корпуса, что всѣ препятствія удалены, и есть основаніе полагать, что послѣ завтра утромъ, 10 февраля, то-есть прямо черезъ семь дней по полученіи Салиме-пашею извѣщенія, крѣпость будетъ сдача.

Вслѣдъ за тѣмъ внесена была болгарская стряпни—отличный рисъ, сочно закаренная птица, магарий бульонъ, мѣстные болгарскія вина, и мы съ облегченнымъ сердцемъ и желудкомъ принялись за трапезу, которая на сей разъ показалась намъ вкуснѣ концессионерныхъ обѣдовъ у Дюссо и Донона.

Но подъ вечеръ того-же дня получено было отъ подполковника Ш. потрясающее извѣстіе, что Салиме-паша раздумалъ: онъ объявилъ, что въ силу полученной отъ Фали-пашы изъ Шумлы депеши, которою послѣдній увѣдомляетъ, что будто бы получено отъ начальника рущукскаго отряда, генералъ-адъютанта князя Дондукова-Корсакова, разрѣшеніе отсрочить передачу Рущука на неопредѣленный срокъ, онъ оставляетъ и за собою такое же право не сдавать Силистрію.

Крутая мѣра я рѣшился побережъ для критической минуты, а пока увѣдомилъ Салиме-пашу, что я подчиненъ генералу Циммерману и не завишу отъ князя Дондукова-Корсакова, почему для меня не обязательны тѣ распоряженія, которыя дѣлаются по Рущукскому отряду; впрочемъ, пишу ему, откладывая этотъ вопросъ въ сторону, въ данную минуту я только напоминаю ему, что онъ мнѣ лично, въ присутствіи многихъ свидѣтелей, понимающихъ значеніе военной чести, далъ слово сдать крѣпость къ 6 часамъ утра 10 февраля, и что подобное слово обязательно для каждаго честнаго человека, къ какой бы націи и религіи онъ ни принадлежалъ, поэтому увѣренъ, что онъ измѣнитъ свое настоящее рѣшеніе.

Въ ночь получается новое письмо отъ Салиме-пашы, которымъ онъ проситъ уже «*au nom de l'humanité*», именемъ человечества, отсрочить выходъ изъ крѣпости еще на два дня.

Шлю отвѣтъ: несмотря на полное уваженіе къ особѣ и просьбѣ пашы и желаніе сдѣлать ему пріятное, я вынужденъ отказать, какъ слѣдное орудіе власти, я долженъ безъ разсужденій выполнить данное мнѣ порученіе, иначе я сдѣлаюсь государственнымъ преступникомъ.

Новомля вспоминаю я белорусскую пословицу: въ кароба не идеть, изъ кароба не дѣать и кароба не отдаеть.

Объ этомъ прискорбномъ препинаніи вновь извѣщается командиръ корпуса.

Къ ночи получается послѣднее посланіе Салиме-паша; онъ извѣщаетъ, что свѣдѣнія, относительно допущенной будто бы вяземъ Дюдуковымъ-Корсаковымъ льготы для опниченія Рущуза, переданы ему денежно ошибочно; что они касались только турецкой флотилии, а отнюдь не крѣпости, и, между прочимъ, исправляется моего согласія на опниченіе крѣпости хотя въ тотъ же день, но только къ вечеру.

Съ удовольствіемъ даю согласіе на позднее въ тотъ день наступленіе.

Наступаетъ, наконецъ, десятое число, знаменательное въ жизни нашего корпуса; въ этотъ день должна пасть салистрийская крѣпость, и тылъ его освободиться отъ заботъ, приносимыхъ грознымъ оплотомъ.

Радостное это извѣстіе разскажу я еще съ вечера по всѣмъ собравшимся отрядамъ, съ присовокупленіемъ тщательно выработанныхъ указаній относительно обязанностей гарнизона при отправленіи новой, повѣдомой имъ дотолѣ службы, среди далеко не успокоившагося населенія, чтобы избѣжать возможныхъ съ ними столкновений. Въ этомъ дневномъ приказѣ былъ подробно наложенъ характеръ ихъ отношеній къ жителямъ, ихъ семействамъ, домамъ и мечетямъ, словомъ, во всѣхъ проявленіяхъ ихъ бытовой жизни, а въ заключеніе, обращаясь непосредственно къ нижнимъ чинамъ, просилъ я ихъ, во имя чести нашего имени, выказывать вполне превосходство нашего русскаго воина-христианина передъ фанатикомъ-туркомъ. Также послано было предостереженіе, согласно собраннмъ заранее у каймама справкамъ, относительно сильнаго распространенія сифилитической заразы. Какъ вѣстятъ, Юсуфъ-Зіа преднамѣренно пугалъ нашихъ воиновъ этимъ бичемъ изъ опасенія за чистоту мусульманскихъ нравовъ.

Нужно ли пояснить, въ виду всего наложеннаго выше, что и по занятіи крѣпости положеніе наше въ санджакѣ было далеко не обезпечено: четырехъ-дневный промежутокъ времени отдѣлялъ насъ отъ силъ корпуса, отъ котораго мы только и могли получать поддержанія или, по крайней мѣрѣ, указанія на случай возникновенія безпорядковъ. Хотя стража по направленію къ Рущуку, по всѣмъ вѣроятіямъ, должна быть также опничена,

но она пока составляла для насъ *terra incognita*. Мѣстность эта не была осѣщена, и о состояніи врага не доходило къ намъ никакихъ извѣстій; а на серединѣ пути между обѣими крѣпостями, прерывая между ними сношенія, лежала на берегу Дуная третья маленькая крѣпость—Туртукай, о занятіи которой въ условіяхъ перемирія даже не упоминалась; такъ что съ Рущукомъ, до моря до времени, не иначе можно было сноситься какъ кружнымъ путемъ черезъ Каларашъ и Букарестъ.

Всѣ части отряда уже давно были подготовлены къ немедленному занятію крѣпости по первому увѣдомленію.

Проходить утро и не приносить никакихъ извѣстій; часъ показывается полдень; напряженное положеніе отъ неизвѣстности усиливается; наконецъ, только въ половинѣ перваго здоронья дѣтина-казакъ привозитъ бумагу съ увѣдомленіемъ, что крѣпость очистится въ 4 часа по-полудни, а также съ упоминаніемъ о неотложной необходимости посѣтить занятіемъ ея.

Всматриваясь въ адессуары письма и вижу, что оно было послано изъ Силистріи ровно въ 9 часовъ утра; слѣдовательно, 12 верстъ, отдѣляющихъ крѣпость отъ нашихъ квартиръ, безпечный всадникъ проѣхалъ въ 4 часа времени, вмѣсто одного, въ который могъ бы проскакать это пространство въ виду важности даннаго ему порученія. Дѣлается ему строгое внушеніе, соотвѣтствующее всей силѣ и значенія промаха; а въ войска посылается приказаніе немедленно двинуться въ Силистрію.

Но время уже было упущено.

Извѣщаютъ меня о выходѣ изъ деревни 5 казачьихъ сотенъ; поднимаюсь вслѣдъ за ними на возвышеніи, окружающія деревню, и застаю квартировавшій въ сосѣдствѣ баталіонъ уже выстроеннымъ въ колоннѣ. Баталіону этому и каждой сотнѣ казачьяго полка повторяю всѣ указанія по предстоящему имъ трудному дѣлу и вновь обращаюсь къ ихъ добрымъ чувствамъ, стараясь настроить ихъ на высшій ладъ, который только и могъ служить ручательствомъ въ счастливомъ исходѣ этого событія.

Перекрестившись, маленький этотъ отрядъ двигаю къ Силистріи; обѣ остальныхъ, по отдаленности квартиръ, не могло быть и рѣчи; итакъ, по несчастному стеченію обстоятельствъ я долженъ былъ занять городъ, крѣпость, 5 громадныхъ и 4 небольшихъ передовыхъ укрѣпленій всего однимъ баталіономъ и пятью сотнями, и ими еще удерживать многолюдное населеніе, раздѣленное враждою. Другимъ двумъ баталіонамъ того же полка и батареѣ я затруднялся дать подготовительное распоряженіе для занятія крѣпости: въ слова Салиме-пашы я уже извѣрился въ

виду его колебаній; мѣстность же вплоть до Силистріи, начиная съ ихъ квартиръ, не только нивѣмъ не была заселена, но еще покрыта грязью. Слѣдовательно, пришлось бы имъ безъ определенной цѣли неопредѣленное время простоять по холмѣ въ грязи и, можетъ быть, даже сдѣлаться предметомъ глумленія турокъ.

Въ ущельѣ, на высотѣ Арабъ-Табіи, встрѣчаю я подполковника Шурупова съ группой турецкихъ запѣвъ (конная полицейская стража). Онъ передалъ мнѣ неутѣшительныя новости о состояніи города: вопреки обещанію, Салиме-паша увелъ всѣ караулы и оставилъ городъ въ состояніи полной анархіи: болгары бросились въ пороховые погреба и стали таскать оттуда порохъ, а черкесы и баши-бузуки приступили къ новому-то нелѣпому грабежу: стали нападать на мусульманскіе дома — квартиры оставленныхъ въ городѣ турецкихъ офицеровъ, и между прочимъ едва не разграбили всѣ вещи у старшаго артиллерійскаго штабъ-офицера, который только и спасъ ихъ тѣмъ, что отбился обнаженной саблей.

Утѣшаюсь мыслью, что по-крайней-мѣрѣ безпорядокъ произошелъ не въ обратномъ смыслѣ: болгарамъ рано или поздно порохъ понадобится, а еслибы баши-бузуки даже побѣли турецкихъ офицеровъ, то европейская цивилизація отъ этого ни мало не пострадала бы.

Подполковникъ III. представилъ кроки крѣпости съ лежащими вокругъ него фортами, отчетливо вычерченныя, а также проектъ диспозиціи для распредѣленія по нимъ пѣшихъ войскъ. Къ сожалѣнію, указанія его въ данное время оказались неисполнимыми: ближайшія укрѣпленія — Арабъ и Меджидъ-Табіи — за недостаткомъ пѣхоты пришлось занять двумя казачьими сотнями, куда онѣ вскорѣ и свернули съ дороги; на долю же самой крѣпости съ остальными фортами остался всего одинъ батальонъ съ тремя сотнями. Желаніе общее скорѣе вступить въ городъ было также неудобноисполнимо: пѣхотѣ по грязи трудно ускорять свои шаги; взамѣнъ чего, приказываю музыкантамъ изъ всѣхъ силъ играть марши, чтобы по-крайней-мѣрѣ звуки ихъ скорѣе донеслись бы до города и своими бурными темпами пригласили охотниковъ до чужой собственности умирить разнуздавшіеся страсти. Окруживъ себя запѣями, отнынѣ нашими слугами, продолжаю далѣе свой путь.

Вся дорога въ Силистрію запружена была народомъ, возвращавшимся съ базара; по мусульманскому закону день былъ празд-

ничный — идиотизм. Цѣпчя платья турокъ ¹⁾ падали казались цѣпями, рассыпанными по нашему пути и предназначавали счастливый исходъ дѣла.

Миновали наконецъ сады, скрывающіе отъ насъ городъ, и глазамъ нашимъ представилась веселая картина: весь крѣпостной валъ и дорога у воротъ были буквально залиты народомъ, высыпавшимъ на встрѣчу войскъ въ праздничныхъ костюмахъ. Мужчины были перемѣшаны съ женщинами, и послѣднія, казалось, старались перещеголять одна другую въ яркости надѣтыхъ на нихъ платьевъ.

Всматриваясь въ толпу — ни одного мусульманина — все были единаго цвѣта. Понятная каждому радость избавленія отъ гнета турокъ просвѣчивала на всѣхъ лицахъ; на нѣкоторыхъ улыбки какъ-бы окаменѣли. На мое привѣтствіе, фессы и платья заколыхались въ воздухѣ; но толпа оставалась нѣмою ²⁾; ни одинъ привѣтственный возгласъ не раздавался изъ среды ея. Картина густой толпы нѣмого народа, видимо обрадованнаго, поразила меня своею странностью... только звуки торжественнаго марша и отрывистый тактъ бойкаго шага, отбиваемаго пѣхотой, потрясали тишину воздуха.

На площади передъ воротами стянуть я пѣхоту и далъ ей оправиться и обчиститься. Чтобы познакомить жителей съ новымъ ихъ положеніемъ, я поминутно отдавалъ приказанія заступамъ, и тѣ стремглавъ летѣли въ разныя стороны, чтобы усерднѣе ихъ выполнить.

У воротъ крѣпости стоялъ офицерскій караулъ изъ пѣшихъ заступовъ, который отдалъ намъ честь.

Такая же плотно слившаяся толпа стояла у воротъ и оттуда далѣе по обѣимъ сторонамъ узкихъ улицъ, изгибаясь цѣпчистыми лентами. Балконы домовъ и окна заняты были нарядными чернобровыми дамами, которыя улыбались, кланялись и махали платками. За тѣсотой улицъ солдаты двигались узкою полоскою. Въ центрѣ города та же нѣмая жизнь и рядомъ съ нею мертвая картина: улица, раздвояваясь, навела голову колонны на кладбище съ мечетью, обнесенная низкою каменною стѣною; за нею какъ окаменѣлые стояли турки и безжизненно на насъ смотрѣли; на мое привѣтствіе стали медленно, какъ-бы не хотѣ, прикладывать руки къ сердцу, проявляя тѣмъ удостовереніе, что они еще

¹⁾ Подъ Силистріей турки предпочитаютъ для платья яркіе цвѣта.

²⁾ На востокѣ не въ общаѣ шумное привѣтствіе; по понятіямъ восточнымъ оно нарушаетъ должное уваженіе.

живуть; з'являється толпа начала рідити, елементи народонаселення перемішуватися, і ми вступили, назо́нець, на городську площу передь конакомъ. Обстановка носила здѣсь другой, чуждий нашій душі характеръ. Нанраво мечеть, съ уводичей подъ небо узкой колоной минарета; наліво безмолвная толпа турокъ; а прямо передь нами каменний двухъ-этажний домъ — конакъ съ почетнымъ карауломъ пѣшихъ запіе́въ, одѣтихъ въ ихъ оригінальний востюмъ. Мы вошли въ турецкій кварталъ.

Баталіонъ, стянувшись, построился въ коло́ну и, по данному мною сигналу, взявъ на караулъ, а оркестръ музики обдавъ этотъ враждебный намъ міръ звуками нашего народного гимна.

Нікогда еще не казался онъ мнѣ такимъ вразумительнымъ и торжественнымъ какъ въ эти счастливѣйшія минуты моеї жизни.

«Царствуй на страхъ врагамъ, царь православный...», невольно повторялъ я, слѣдя за развитіємъ музыкальнаго мотива.

Стройно и широко лились звуки этого неподражаемаго гимна; разлились они по всему притихнувшему турецкому кварталу, проникли въ современнѣйшіе его переулки, двори, дома... и наложили наконецъ русскую печать на строптивую турецкую вѣрность.

Она занята была нами на седьмой день по оповѣщеніи турокъ — 10 февраля, согласно условіямъ перемирія и двумя днями новіе русської.

И. Андріановъ.

КАКОМУ ГОСПОДИНУ СЛУЖИШЬ?

РОМАНЪ

Е. Линнъ-Линтонъ, автора «Патриція Кэмвела» и др.

Глава VI.—Дымъ отъ верста *)

Событія всегда разрастаются благодаря молвѣ. Принадлежъ истерикъ, приключившійся съ Терезой, благодаря преувеличенію сталъ самъ на себя не похожъ. Говорились всякія постыдныя вещи, приводились всякія позорныя причины въ объясненіе того; что въ дѣйствительности было не болѣе, какъ признавомъ физическаго обезсилія болѣзненной дѣвушки, ослабленной постомъ и недугомъ, и возбужденной религіей и любовью, слившимися въ-едино. Всѣ закопошились, каждый чувствовалъ себя лично оскорбленнымъ, къ которой бы изъ сторонъ онъ ни принадлежалъ; все сосѣдство засуетилось точно разрытый муравейникъ. Даже мистеръ Ласпель, хотя онъ предвидѣлъ многое, не вполне ясно представлялъ себѣ, на какое значительное пространство пламень скандала охватитъ сухую солому легковѣрія и любви къ сплетнямъ; на минуту онъ ужаснулся аза, которое безсознательно причинила ему горячо-преданная духовная дочь. Она, готовая положить за него жизнь, сама зажгла этотъ огонь, который долженъ былъ опалить, если не сжечь, его. Ему было ее жаль, но себя было жалче, и хотя въ глубинѣ души онъ и досадовалъ на себя, но въ этомъ не сознавался, и, понаблюдому, винилъ одну ее, почитая себя скорѣй обиженнымъ, чѣмъ общикомъ.

*) См. выше: ноябрь, 206 стр.

Вѣсти достигли Стартона, и дошли до благосклонно имъ внимавшихъ ушей лэди Мэнтъ. Тѣмъ временемъ онѣ значительно разрослись; милэди съ жадностью ухватилась за нихъ и потирала руки. Она слѣпо вѣрила всему, про что кричалъ свѣтъ. Въ этомъ не было никакого сомнѣнія, и также вѣрно, какъ дважды два четыре, что мистеръ Лассель волочился за Терезой Молинё, а теперь обманулъ и бросилъ ее. Если дѣвушка была такъ глупа, что влюбилась въ него, а теперь страдаетъ, его должны заставить жениться на ней, говорили лэди Мэнтъ; а иначе, прибавляла она, обнаруживая сильное чувство справедливости, но довольно слабыя свѣдѣнія, его должны лишить его сана. Нѣтъ никакого терпѣнія, говорила она, съ этими фарисеями, посѣщающими праздныхъ женщинъ и пощадающими дома вдовъ; будь власть въ ея рукахъ, она бы за всѣ эти вещи назначила наказаніе.

Плохо бы пришлось большинству клерикаловъ, еслибы протестантскимъ лэди Мэнтъ было предоставлено дѣйствовать по-своему! Пришлось бы расиростяться съ вліяніемъ духовенства, еслибы ему дозволено было обращаться только къ уму мужчины, а не сенсиулировать на сердце женщины, со всею его силой и слабостью, съ его надеждами, опасеніями, страстями и пожеланіями, на которыхъ клерикалы строятъ свою крѣпость и основываютъ свое владычество.

Но хотя Тереза поступила болѣе чѣмъ глупо, влюбившись въ мистера Ласселя, и была болѣе чѣмъ достойна порицанія, обнаруживъ это публично, и въ церкви, но у нея не было матери; а лэди Мэнтъ была одной изъ тѣхъ женщинъ, въ глазахъ которыхъ дѣвушка-сирота есть мишень для всякаго рода дерзостей и приставаній подъ предлогомъ: «подать совѣтъ, такъ какъ у нея, бѣдняжки, нѣтъ матери, которая могла бы надоумить ее».

Теперь, хотя она и ненавидѣла все это «гнѣздо католиковъ», какъ она называла кроссгольмское общество вѣрующихъ, тѣмъ не менѣе настоящий случай былъ изъ тѣхъ, когда сенаторская послѣдовательность должна отступить передъ женскимъ долгомъ; и лэди Мэнтъ сознавала, что ея непремѣнная обязанность съѣздить въ Чѣрчлендъ и «обясниться съ глупенькой на чистоту». Быстрая и рѣшительная лэди Мэнтъ отправилась «распекать» Терезу Молинё; застала ее дома и была принята. Съ лихорадочнымъ упрямствомъ, свойственнымъ ея болѣзни, бѣдная дѣвушка настаивала на томъ, что она въ сущности не больна, что ей съ каждымъ днемъ лучше, и что съ наступленіемъ весны она окончательно поправится. Въ ожиданіи этого она не хотѣла отказаться

ни отъ чего, чтѣ могла еще удержатъ за собою, и между прочимъ, отъ удовольствія принимать посѣтителей. Лэди Мэнтъ вошла въ комнату своей обычной вониственной походкой. Ея черный бархатный плащъ съ широкой собольей опушкой, длинный шлейфъ шелкового платья и высокая шляпа, надъ которой развѣвался пучокъ перьевъ, увеличивали ея ростъ, по крайней мѣрѣ, на восемь или на десять дюймовъ. Она остановилась надъ испуганной дѣвушкой, лежавшей на диванѣ и Тереза инстинктивно поняла, что ей предстоитъ испытаніе. Ей такъ было досадно, что эту несносную женщину впустили въ отсутствіи тетушки Елены и Кутберта.

— Ну-съ, миссъ Молинѣ,—строго начала миссиди,—назово вы себя чувствуете сегодня?

— Очень хорошо, благодарю васъ, лэди Мэнтъ,—сказала Тереза.

— Вы называете это очень хорошо себя чувствовать? я такъ другого мнѣнія, и не понимаю, какъ вамъ могло бы быть хуже, глухенькое дитя.

— Я поправляюсь,—сказала Тереза и закашлялась.

— А что вы скажете въ свое оправданіе, на счетъ этой миленькой сцены, о которой я слышала, что вы разыграли въ церкви, въ прошлое воскресенье?—по прежнему строго спросила миссиди.—Мило, нечего сказать, когда молодая дѣвушка врѣчь во время службы, и обвиняетъ себя Югъ вѣсть въ какихъ грѣхахъ и преступленіяхъ! Пора епископу обратить на всѣхъ васъ вниманіе въ этомъ вертепѣ католицизма. Это непремѣнно, миссъ Молинѣ, теперь вы видите, куда васъ завели всѣ ваши бредни, распространяемые высокой церковью.

— Не думаю, чтобы мнѣ одной случилось захворать въ церкви,—сказала Тереза, возмущившись наговоромъ:—и не вижу, что тутъ общаго съ высокой церковью, какъ вы ее называете, т.е. съ нашимъ англиканствомъ.

— Полноте попутайничать,—презрительно воскликнула миссиди.—Нѣтъ, вы не первая глупая дѣвушка, влюбившаяся въ краснорѣчиваго интригана священника!—прибавила она.

— Лэди Мэнтъ!—воскликнула Тереза.

— Да нечего, миссъ Молинѣ, вы до безумія влюблены въ вашего негоднаго пастора, все графство это знаетъ и объ этомъ толкуетъ. Если вашъ братъ не вступится и не притянетъ его къ суду, онъ не исполнитъ своей обязанности. Вотъ все, что я могу сказать!

— Мой братъ! да неужели вы думаете, что онъ кѣркъ подобной нивести!—воскликнула сильно возмущенная Тереза.

— Вы, разумѣется, это отрицаете; всѣ дѣвушки такъ поступаютъ, когда дѣло всякому ясно. Но надо представить другимъ судить,—угрюмо сказала миссъ. —Что до меня касается, я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь. Вы по уши влюблены, говорю я вамъ, что очень глупо. Такого рода люди никогда не женятся (съ крайнимъ превращеніемъ).—Они бы утратили половину своего вліянія надъ такими дѣвушками, какъ вы, еслибъ женились. Неужели вы сами этого не видите? Примите мой совѣтъ. Самое умное, что вы можете сдѣлать, это выкинуть всю эту дурь изъ головы и начать жить съвѣсно. Все отбросьте — ритуализмъ, вашу ужасную исповѣдь, мистера Ласселя, истерику, все; притяните себя хорошенько за то, что такъ глумились до сихъ поръ, и рѣшитесь отнынѣ быть умнѣе. Вамъ, пожалуй, можно простить ваши увлеченія, такъ какъ у васъ нѣтъ матери, которая могла бы вамъ все объяснить и удержать васъ на прямомъ пути, а эта ваша тетюшка сама не далеко ушла отъ ребенка; но теперь, когда я говорила съ вами, у васъ уже нѣтъ оправданій. Вы не можете сказать, чтобы вамъ не говорили правды и не наставляли васъ.

— Право, не понимаю отъ чего вы желаете заставить меня отказаться, леди Мэнъ, — сказала Тереза, отвѣтъ которой замедлился изъ-за страшнаго приступа кашля, во время котораго леди Мэнъ усиленно хлопала ее по спинѣ, что было бы умѣстно, еслибъ она подавилась, и едва не убила ее на мѣстѣ. —Чтожъ вы хотите: чтобы я перестала ходить въ церковь? Что вы находите такого дурного въ нашемъ образѣ жизни?

— Что я нахожу въ немъ дурного, дитя? Вашу вѣру въ идоловъ, замѣняющую вѣру въ священное писаніе, ваше поклоненіе созданію, а не Создателю, позволеніе, которое вы даете мистеру Ласселю вертѣть вами по произволу. Это неприлично, говорю я вамъ, вы же вдобавокъ дѣвушка! А эта хорошенкя мистриссъ Фуллертонъ еще хуже, замужняя!

— Не знаю, что вы хотите сказать, — устало промолвила Тереза, пряча лицо въ подушку.

— Какъ! развѣ вы не исповѣдуетесь, не приобщаетесь каждую недѣлю, не чувствуете память святыхъ, не проводите болшую половину вашего времени въ церкви?—удивленнымъ тономъ проговорила леди Мэнъ.—А вы еще говорите, что не знаете, что я хочу сказать. Мнѣ кажется, еслибъ до правды

добраться, то оказалось бы, что вы прикладываетесь къ его ногѣ, какъ эти ослѣпленные католики къ ногѣ своего папы.

— Онь этого достоинъ, — страстно проговорила Тереза.

Лэди Мэнъ встала.

— Вижу, что вы въ конецъ отделились волнованіемъ и недоуменіемъ, — протворила она своимъ глухимъ голосомъ; — вижу, что мое доброе, христіанское усиліе обратить васъ къ истинѣ евангельской не было встрѣчено такъ, какъ того заслуживало. Не говорите, по крайней мѣрѣ, что васъ никто не предостерегалъ. Помните, что въ послѣдній день вамъ придется дать отвѣтъ за всѣ пути благодати, которыми вы пренебрегли, и мое настоящее посѣщеніе будетъ въ числѣ ихъ.

— Мнѣ пришлось бы дать отвѣтъ, еслибъ я пренебрегла путями, предлагаемыми мнѣ церковью, — сказала Тереза.

— Вы упрямы и дерзки! Я здѣсь только время теряю. — Да проститъ васъ Богъ! — сказала лэди Мэнъ, отворачиваясь отъ дивана, у котораго стояла, и выходя изъ комнаты съ видомъ женщины, съ совѣсти которой снято тяжелое бремя и которая признаетъ за собой право дать мѣсто въ душѣ своей достоудному количеству праведнаго негодованія.

Послѣ лэди Мэнъ явилась сестра Агнеса. Въ сущности, она не больше первой посѣтительницы пощадилъ бѣдную дѣвушку. Конечно, она заговорила съ нею мягко, съ улыбкой, своимъ самымъ благовоспитаннымъ тономъ. Она разспросила о ея здоровьѣ до мельчайшихъ симптомовъ, съ такимъ сочувствіемъ, которое сдѣлало бы честь больничной сидѣлкѣ. Потомъ она коснулась сцены, происшедшей въ минувшее воскресенье; сказала, что это жалости достойно, что это тяжкій проступокъ, который долженъ быть искупленъ.

А когда Тереза стала утверждать, что она такъ и сдѣлала, что она молилась, молилась, пока все кругомъ нея не потемнѣло, и ей не показалось, что Богъ ея оставилъ и предать въ руки сатаны, сестра остановила на ней такой пытливый, такой твердый взглядъ, что Тереза совершенно растерялась, а посѣтительница самымъ елеиннымъ голосомъ проговорила:

— Вы просили не надлежащимъ образомъ, дитя мое, иначе благодать снизошла бы на васъ.

— Я отъ души молилась, — плача сказала Тереза.

— А, — невозмутимо, но строго заговорила сестра, — какая-нибудь земная плева, проистекающая изъ вашей собственной развращенной природы, встала между вами и вѣчнымъ свѣтомъ. Я теперь должна рассказать вамъ, дорогая Тереза, какъ сильно

пораженъ былъ всей этой сценой отца настоятель. Я знаю какъ онъ добръ, по всѣмъ вѣроятностямъ онъ и не высказалъ вамъ своихъ чувствъ, когда былъ у васъ. Вы въ настоящее время нездоровы, и онъ, конечно, пощадилъ васъ.

Она восторженно расхваливала брата, и въ то же время неуменно наблюдала за Терезой. Это была часть наказанія, придуманнаго ею для дѣвушки, на которую она была такъ сердита, что съ величайшимъ трудомъ могла заставить себя сохранить хотя бы наружный видъ спокойствія.

— Мнѣ такъ жалъ!—воскликнула Тереза, и слезы, бывшія у нея всегда на-готовѣ, такъ и полились. — Онъ такой чудный, такой великій! Подумать только, что я, я, разсердила его!

— Эта была истинная жалость,—сказала сестра. — Для такого человѣка, какъ отецъ настоятель, съ его чистой душой и самообладаніемъ, эти дикія крайности недисциплинированной природы въ женщинѣ, эти безумные кривы, эти истерики изъ-за ничего особенно ненавистны. Женщины для него, въ нѣкоторомъ смыслѣ, священныя существа, какъ и для всѣхъ мужчинъ съ его правилами. Онъ желалъ бы видѣть въ нихъ только добродѣтели и совершенства святыхъ и дѣвъ-мученицъ; все остальное огорчаетъ его, внушаетъ ему отвращеніе, о! такое, каковъ я не въ силахъ описать. Человѣкъ, давшій обѣтъ посвятить себя на служеніе церкви, человѣкъ, который никогда не женится, никогда, никогда,—повторяла сестра Агнеса съ такой энергіей, которую, въ менѣе святой особѣ, можно было бы принять за страстную женскую ненависть, — человѣкъ, ненавидящій все грубое, выставленное на показъ, и этотъ-то человѣкъ слышитъ, какъ къ нему, во время отправленія его святого служенія, вывастъ изъ толпы молящихся дѣвушка, и съ крикомъ падаетъ въ истерическомъ припадкѣ! Это было ужасно во всѣхъ отношеніяхъ, и подастъ врагамъ его поводъ надѣваться надъ нимъ! Стыдъ этотъ отцу настоятелю придется пережить. Не ждали мы найти въ васъ камня преткновенія нашему дѣлу. Тереза, вы были одной изъ нашихъ излюбленныхъ, и вы-то нанесли намъ это тяжкое оскорбленіе, причинили этотъ ужасный вредъ!

— Сестра Агнеса, смалось!—воскликнула бѣдная дѣвушка, проталкивая впередъ руки и судорожно хватаясь за сестру. Сестра разжала ея руки своей сильной рукой.

— Я не доволю никакихъ сценъ, Тереза,—строго сказала она. — Успокойтесь, сію минуту, или я оставлю васъ.

Она могла бы точно также приказать морскимъ волнамъ успокоиться. Скорбь и стыдъ, причину которыхъ она знала, затая-

ное страданіе, причины котораго сама себѣ объяснить не могла, окончательно истомили больную, при ея слабости, и когда сестра Агнеса позвонила и повала горничную въ ея измученной госпожѣ, онѣ съ дѣвушкой обѣ думали, что Тереза умретъ у нихъ на рукахъ.

— Фи! — воскликнула сестра, поспѣшно отряхивая платье, какъ только вышла изъ дому: — оно пропитано ея безстыдной любовью! Я чувствую себя нечистой, точно сидѣла съ прокаженной! Ахъ, эта проказа страсти — эта мерзость земная, липнущая къ подобнымъ дѣвушкамъ и женщинамъ! А мой братъ все это поощряетъ, влюбилъ въ себя эту дурочку, мистриссъ Фуллертонъ, да еще другихъ — это постыдно, чудовищно! Довольно съ меня. Ненавижу я это мѣсто, ненавижу все, что здѣсь происходитъ, ненавижу себя за свою прежнюю готовность этому содѣйствовать. Все здѣсь неискренне, исполнено себалюбія, пороковъ, земныхъ стремленій. Основой всему служить опасная власть, каную Лаунсло забралъ надъ Герміоной Фуллертонъ; и хотя она права въ своемъ желаніи отдалить отъ себя мужа-безбожника, побужденія ея самыя дурныя.

Среди этихъ горькихъ размысленій она неожиданно увидала Виргинію. Она шла одна, въ своемъ черномъ платьѣ, сверхъ котораго былъ наброшенъ голубой шарфъ въ воспоминаніе о Небесной Матери, ребенкомъ которой она была.

— Вотъ, по крайней мѣрѣ, существо, прикосновеніе котораго чисто! — подумала она; — и которое не менѣ моего ненавидитъ безуміе одного пола и пороки другого!

Подъ этимъ сестра понимала всю ту часть рода человѣческаго, которая любить, какъ велитъ природа, и не тратитъ на видѣнія силъ, данныхъ для человѣческой жизни и дѣйствительности.

— Мать моя! — горячо воскликнула Виргинія, когда онѣ встрѣтились. А когда сестра отвѣтила: — Радостная встрѣча, мое доброе дитя! счастье дѣвушки было полно, — какъ бывало счастье Терезы, когда отецъ настоятель давалъ ей понять, что любить ее какъ человѣкъ, въ то время какъ руководить ею какъ духъ; *давая ей понять*, замѣтите, но никогда не позволялъ себѣ ни одного слова, ни одного движенія, которое не могъ бы приписать отеческой любви.

Кроссгольмъ продолжалъ волноваться и, несмотря на сторонниковъ викарія и на ихъ стремленіе все объяснить, большинство было восстановлено противъ красиваго холостого священника, ознакомишнаго его съ ритуализмомъ и исповѣдью. Даже отецъ Трусковъ пожелалъ заикнуть словечко объ этомъ своему другу,

и обнявшами посовѣтовать ему больше прибѣгать къ строгости и меньше бить на улаченіе.

Говори вообще о лучшемъ способѣ вести собраніе вѣрующахъ, особенно женскую часть его, отецъ Трусовъ оживленно замѣтилъ, что онъ, съ своей стороны, всегда старался избѣгать себя съ истерическимъ темпераментомъ. Онъ находилъ, что имъ всего труднѣе управлять, и что онъ всегда могутъ принести столько же вреда, сколько пользы.

— Онъ слишкомъ узко все понимаютъ, — сказалъ онъ, глядя въ потолокъ, точно изучая трещины на немъ. — Священникъ, какъ бы онъ святъ ни былъ, въ глазахъ ихъ — мужчина, а духовникъ близкій другъ. Иногда онъ, несчастный, даже позволяютъ себѣ любить! и священникъ страдаетъ изъ-за ихъ жалкой непослѣдовательности и недостатка живой вѣры.

— Тѣмъ не менѣе мы должны пренебрегать всякой опасностью ради пользы, которую можетъ оттого получить церковь, — серьезно проговорилъ мистеръ Лассель. — Это — непрестанная борьба съ дикими вѣбрами; тотъ, о которомъ вы говорите, одинъ изъ цѣлой стаи.

— Это дѣло щекотливое, требующее большой и большой осторожности, — сказалъ отецъ Трусовъ. — Что до меня, я всегда избѣгалъ ихъ; женщины, надъ которыми я старался приобрести вліяніе, отличались спокойнымъ темпераментомъ и твердыми правилами. Когда я былъ моложе, я былъ и еще осторожнѣе. Церковь никогда не будетъ застрахована отъ различныхъ приключеній и недоразумѣній, — продолжалъ онъ, — пока безбрачіе духовенства не войдетъ въ число условій, закономъ предписанныхъ для возведенія въ священническій санъ, съ тѣмъ, чтобы не было уже никакихъ живыхъ надеждъ. Тогда, если женщины будутъ любить, то будутъ уже знать на что идутъ и добровольно обрекутъ себя на стыдъ и погибель.

Но мистеръ Лассель не согласился съ нимъ и сказалъ, что по его мнѣнію, это, какъ и многое другое, должно быть дѣломъ выбора и личной воли, — и что вынужденное безбрачіе лишило бы людей, добровольно обрекающихъ себя на него, всякой заслуги и награды.

— А, — улыбаясь замѣтилъ отецъ Трусовъ, — съ вами всегда одна и та же исторія, отецъ настоятель, вы пугаетесь дисциплины, за ненарушеніемъ которой могутъ наблюдать другіе, а сами хотите стоять во главѣ всякой организаціи, забрать всю власть въ свои руки. Вамъ бы только быть командиромъ, офицеромъ вы быть не хотите, а положеніе ваше не только сопряжено съ ду-

личной опасностью, но и организически слабо, что даже могъ бы доказывать всякій логически рассуждающій человѣкъ.

Это было смѣло сказано даже для отца Труснота, но викарій не разсердился за эту смѣлость. Напротивъ, онъ также улыбнулся, сложилъ руки ладонями, и принялъ этотъ упрекъ также вѣжливо, какъ еслибъ былъ маленькой дѣвочкой, которую мать поставила на колѣни. То, что было упрекомъ по мнѣнію отца Труснота, было похвалою по мнѣнію мистера Ласселя. Въ этой войнѣ съ епископами, также какъ и съ законами страны, которую духовенство ритуалистической партіи ведетъ въ Англіи и, въ которой каждый человѣкъ, самъ для себя, предводителемъ, генералъ, епископъ, папа, самая прелесть борьбы заключается въ томъ, что въ то время, какъ они всѣ, главнымъ образомъ, отстаиваютъ право церкви тиранствовать надъ мірянами, каждый борется по-своему, не оказывая повиновенія рѣшительно никакой власти, кромѣ той, которую пожелаетъ избрать для своего личнаго руководства. Это башни-бузвы клерикализма; только самыя искреннія и смиренныя изъ нихъ передаются Риму, которому по праву и принадлежать, такъ какъ они одни готовы отказаться отъ личной власти, имѣющей такую страшную прелесть, во имя того, что считаютъ истиной. Мистеръ Лассель былъ не изъ ихъ числа.

— Мы должны дѣлать что можемъ, такъ какъ руководители наши предоставляютъ насъ самимъ себѣ,—совершенно вѣжливо отвѣчалъ викарій. — Мы должны молиться, да не впадемъ въ тщеславіе и самонадѣянность; но пока возлюбленная наша церковь не присвоитъ себѣ права организации, каждый изъ насъ долженъ дѣйствовать по своему крайнему разумію, по мѣрѣ освящающаго его свѣта.

Они пытливо взглянули другъ на друга; но не одинъ не прочелъ того, что другой желалъ скрыть. Каждый былъ искрененъ въ своихъ намѣреніяхъ, лицемѣренъ въ средствахъ, хитеръ, сдержанъ, скрытенъ и уменъ. Они стояли другъ друга, но на этотъ разъ одураченъ былъ мистеръ Лассель. Не только вопіющая несправедливость свѣта, который ничего не знаетъ, и объясненія друга, который знаетъ слишкомъ много, ледяное неудовольствіе сестры и полная смущенія досада Гермионы, нарушали въ это время спокойствіе викарія; но анонимныя письма летали точно огненные языки, и еще ухудшали то, что само-по-себѣ было дурно. Викарій получилъ нѣсколько писемъ, обвинявшихъ его въ постыдныхъ дѣйствіяхъ, не выражаемыхъ словами; и даже бѣдная Тереза получила ихъ нѣсколько, хотя всѣмъ было извѣстно, что она больна, быть можетъ при смерти. Экспертъ могъ бы найти въ

писывать семейное сходство съ ежедѣльными счетами, присланными Адамомъ Бедлемъ въ ихъ дома, куда онъ поставлялъ мыло, керосинъ и свѣчи; но потеркъ былъ искусно имѣненъ, да въ Кроссгольмъ и не было экспертовъ-каллиграфовъ.

Тѣмъ временемъ толки росли да росли, и чувство, ими возбуждаемое, пріобрѣтало все новую и новую горечь въ душѣ людей, не увлекшихся новымъ движеніемъ, хотя они, повидимому, все сильнѣе и сильнѣе силочивали воедино фалангу вѣрующихъ. Дѣло зашло такъ далеко, что однажды, когда викарій проходил мимо вузницы Тома Мургеда, до ушей его долетѣло одно слово, произнесенное шипящимъ голосомъ; кто-то, стоявшій у горна, засмѣялся грубымъ смѣхомъ. Онъ остановился, вернулся съ дороги и переступилъ черезъ пороги!

— Добрый день, братцы, — сказалъ онъ. — Есть ли среди васъ кто-нибудь, кто принадлежитъ Богу?

Это былъ смѣлый поступокъ, но смѣлость въ Англіи всегда имѣетъ успѣхъ, и нѣкоторые изъ работниковъ отвѣчали ему довольно почтительно; хотя самъ Томъ, стоявшій въ яркой полосѣ свѣта, съ густой, рыжей бородой и обнаженными по-плеча мускулистыми руками, сильно, со злостью ударилъ молотомъ по копыту, надъ которымъ работалъ и грубо отвѣчалъ:

— Не знаю, что вы понимаете подъ этимъ, господинъ. Если вы спрашиваете принадлежимъ ли мы къ вашей лавочкѣ, гдѣ вы нагородили тряпокъ да куколъ, такъ я полагаю, что не принадлежимъ, да и не желаемъ принадлежать.

— Всему свой чередъ, Томъ, — весело сказалъ викарій, — вы по-своему слишкомъ честный человекъ, чтобъ вамъ дали погибнуть. Благодать, превратившая Савла преслѣдователя въ апостола Павла, когда-нибудь превратитъ и васъ отъ мрака къ свѣту.

— Нѣтъ, сэръ, не обратитъ. Красно вы говорите, — сказалъ Томъ, грубо поворачиваясь къ нему спиной, — да на меня-то оно не дѣйствуетъ. Ну-ка, братцы, работать надо, не могу я стоять тутъ цѣлый день, да болтать съ этимъ джентльменомъ.

— Ну, я больше не стану вамъ мѣшать, — сказалъ викарій съ полнѣйшимъ самообладаніемъ. — Вы теперь, я вижу, заняты. Добрый день, Томъ. Добрый день, братцы. Не забывайте того, о чемъ я вамъ всегда напоминаю — страшнаго выбора между добромъ и зломъ, временемъ и вѣчностью, небомъ и адомъ, выбора, который вамъ надо сдѣлать. Пусть каждый изъ васъ торжественно предложитъ себѣ вопросъ: — Что я избралъ? что я избираю? Добрый день. Господь со всѣми вами.

— Полно, ребята, бросьте это! — нетерпѣливо воскликнула Томъ, — довольно разговору объ этой чепухѣ. Она, пожалуй, и годится для нѣсколькихъ глупыхъ дѣвчонокъ, которымъ больше не о чемъ думать, но намъ-то она не съ-руки.

Но нѣкоторые изъ работниковъ вѣжливо сказали: — Добрый день, сэръ, — когда викарій повернулся, чтобъ уйти, и никто не повторялъ опять того постыднаго слова — они почтили въ немъ мужество, съ какимъ онъ бросилъ вызовъ самому злому лъву изъ нихъ всѣхъ, въ его логовищѣ.

Глава VII. — Последнее воззваніе.

Вся эта исторія о Терезѣ Молинѣ и преподобномъ Лаунсло Ласселѣ, быть можетъ, тяжелѣе отозвалась на Рингровѣ Гардисти, чѣмъ на комъ-нибудь другомъ. Онъ, какъ всякій честный англичанинъ, гордился чистотой женщинъ, бывшихъ его друзьями; а добрая слава дѣвушекъ, которыхъ онъ зналъ съ дѣтства и въ которыхъ какъ-бы видѣлъ сестеръ, была ему особенно дорога.

Еще труднѣе ему приходилось оттого, что между нимъ и Терезой, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, кое-что произошло. Она вообразила, что влюблена въ него; онъ былъ пораженъ ея милостью, польщенъ ея предпочтеніемъ и короткое время ухаживалъ за нею, спрашивая себя: то ли ему нужно? дѣйствительно ли она предназначенная ему половина? Въ концѣ-концовъ онъ рѣшилъ, что нѣтъ. Тѣмъ не менѣе онъ питалъ къ ней ту нѣжность, которую человекъ всегда питаетъ къ женщинѣ, о которой мечталъ.

Онъ понималъ настоящее положеніе вещей, зналъ, что религія, выражавшаяся истерикой и нервной экзальтаціей, была просто любовь подъ другимъ именемъ, и во всемъ винилъ одного викарія. Но вопросъ былъ слишкомъ щекотливый, чтобъ онъ могъ его коснуться, говоря съ ней.

Но если онъ не могъ этого сдѣлать, онъ могъ переговорить съ Герміоной и Виргиніей, и подъ видомъ осужденія безумія ихъ пріятельницы и сожалѣнія о возбужденномъ имъ скандалѣ, быть можетъ, могъ бы принести имъ хотя малую пользу и раскрыть на ненавистную истину дорогіе глаза, теперь такъ крѣпко зажмуренные. За последнее грустное время, онъ рѣдко видалъ и мать и дочь, только по воскресеньямъ за утренней службой. Когда онъ заѣзжалъ въ аббатство, ихъ непременно не было дома, или онѣ были заняты, ему приходилось довольствоваться обществомъ одного Ричарда. Женщины, которымъ фанатизмъ былъ

дороже любви, съ безпристрастной строгостью отдалили отъ себя обоихъ и, если Ричарда почтали «человѣкомъ грѣха», то на Рингрова смотрѣли, какъ на его младшаго брата.

Но любовь мужнины дѣлаетъ его способнымъ выносить страшныя мученія, и по мнѣнію Рингрова, какъ и Ричарда, возлюбленные ихъ не столько заслуживали порицанія, какъ сожалѣнія. Оба чувствовали то же, что чувствовали бы, еслибъ вѣрили въ одержаніе бѣсами.

Было около двѣнадцати часовъ, когда Рингровъ вошелъ въ гостиную аббатства, и послалъ доложить о себѣ мистриссъ Фуллертонъ и Виргиніи, которыя были на-верху, въ комнатѣ послѣдней.

— Приметъ мы его?—спросила Герміона, съ недоумѣвающимъ и нѣсколько испуганнымъ видомъ.

Въ эту минуту онѣ сидѣли рядомъ, на диванчикѣ, стоявшемъ въ ногахъ кровати, наблюдая за горничной, укладывавшей въ небольшой чемоданчикъ бѣлье Виргиніи,—только бѣлье. Тутъ не было никакихъ дѣвичьихъ сокровищъ, сохранившихся съ дѣтства, ни хорошенькихъ золотыхъ вещицъ, ни украшеній, ни сочиненій любимыхъ поговъ, ни портретовъ домашнихъ или друзей, никакихъ признаковъ нарядовъ, ничего, кромѣ бѣлья. Распятіе, передъ которымъ она ежедневно горячо молилась, нѣсколько священныхъ книгъ, да частицы мощей, переданныхъ ей съ такой торжественностью и съ такимъ благоговѣніемъ отцомъ Трускотомъ—вотъ все, что предназначалось къ укладкѣ въ маленький чемоданчикъ, подаренный ей отцомъ два года тому назадъ; отъ всего остального она отказалась, все покинула вмѣстѣ со старыми привязанностями и со старой жизнью.

— Да, мама,—сказала Виргинія, послѣ короткой паузы,—приметъ его. Отъ этого дурного ничего не будетъ, а мнѣ пріятно было бы проститься съ нимъ и разстаться друзьями.

— О, мы навсегда должны остаться съ нимъ добрыми друзьями, если намъ этого не воспретятъ; надѣюсь, однако, что этого не будетъ. Столько бываетъ толковъ, когда дѣло доходитъ до явнаго разрыва, — сказала Герміона, съ необычнымъ для нея здравымъ смысломъ.

— Мы не должны обращать на это вниманія, — возразила Виргинія, всегда стоявшая противъ компромиссовъ.

— Въ сущности говоря, Рингровъ славный человѣкъ!—сказала Герміона необыкновенно добродушнымъ тономъ.—Будь онъ вѣрнымъ сыномъ церкви, онъ былъ бы превосходнымъ человѣкомъ!

— Да, но этого-то ему и недостает, — со вздохомъ сказала Виргинія.

Мать и дочь были сегодня въ ненормальномъ состояніи; обѣ были мягче настроены по отношенію къ грѣшникамъ, чѣмъ это дозволяли ихъ духовники и чѣмъ онѣ сами себѣ обыкновенно разрѣшали. Хотя на глазахъ ихъ не было замѣтно слезъ, онѣ были не далеки у обѣихъ, и еслибъ не мысль, что оплакивать предстоящее радостное событіе грѣшно, онѣ бы въ слезахъ бросились другъ-другу на шею съ нелогической скорбью женщинъ, добровольно ввалившихъ себѣ на плечи бесполезный крестъ, причиняющій страданія какъ имъ самимъ, такъ и другимъ, подъ влияніемъ ошибочнаго понятія, что то, что прогнѣваетъ естественно и непріятно, — хорошо, а то, что свойственно природѣ человѣка и пріятно — дурно.

Горничная, отличавшаяся меньшимъ самообладаніемъ и вообще стоявшая на низшемъ уровнѣ святости, горько плакала; ей стало еще тяжелѣе, когда Виргинія, положивъ ей на плечо руку, проговорила тихимъ, вроткимъ голосомъ, съ лицомъ, какъ-бы овареннымъ внутреннимъ свѣтомъ:

— Не плачьте, Мэри. О чемъ тутъ плакать? Я уѣзжаю ради истины и святости. Развѣ въ этомъ есть что-нибудь прискорбное для кого бы то ни было?

— Но вы въ первый разъ уѣзжаете изъ дому однѣ, миссъ, и некому будетъ ни причесать васъ, ни присмотрѣть за вашими вещами! — сказала Мэри, плача сильнѣе отъ увѣщанія. — Вы со всѣмъ растеряетесь однѣ-то. Кажется, будто вы никогда и не вернетесь!

— Если мнѣ и придется все для себя дѣлать, то дѣла будетъ не много, какъ вы знаете, Мэри, — ласково отвѣчала Виргинія.

— Пора намъ идти внизъ принимать Рингрова, — сказала Герміона. — Вы знаете, что надо дѣлать, Мэри. Пойдемъ, Виргинія! скоро и завтракъ подадутъ. Не пригласить ли мнѣ его остаться, милая? Я поступлю совершенно по твоему желанію.

— Да, — сказала Виргинія. — Такъ будетъ лучше для папѣ.

Губы ея задрожали при этихъ словахъ, но она овладѣла собой съ помощью новой силы, проявлявшейся въ ней за послѣднее время, силой, сдерживавшей всякое чувство, подавлявшей всякое выраженіе его, не выдававшей никакой мысли; и онѣ сошли внизъ принимать, подъ видомъ христіанскаго снисхожденія, человѣка, который нѣкогда былъ другомъ дома и долженъ былъ, по тогдашнимъ предположеніямъ, со временемъ сдѣлаться обладателемъ всего ихъ достоянія, не исключая самой Виргиніи.

— Какъ я радъ, что засталъ васъ дома! — весело сказала Рингровъ, идя имъ навстрѣчу съ разгорѣвшимся отъ удовольствія лицомъ. — Я такъ рѣдко видалъ васъ за послѣднее время! — прибавилъ онъ съ нѣжнымъ сожалѣніемъ, которое такъ сладко льститъ слуху любящаго человѣка!

— Не мы въ этомъ виноваты, — кратко, но съ удареніемъ сказала Герміона.

— Но и не я, — отвѣчалъ онъ. — Я такъ часто заѣзжалъ сюда, но васъ никогда не было дома.

— У насъ столько дѣла внѣ дома, — возразила она.

— Желалъ бы я чаще видѣть васъ, какъ въ былыя времена, прежде чѣмъ я васъ разсердилъ, — сказалъ Рингровъ, глядя на Виргинію.

— Вы сами во всемъ виноваты, Рингровъ, — сказала Герміона. Вы добровольно отъ насъ отделились. Еслибъ вы вели себя какъ слѣдуетъ, этого отчужденія никогда бы и не было. И еслибъ вы любили насъ такъ, какъ увѣряли, вы не покинули бы насъ, какъ теперь. Будь ваша дружба такая, какой я ее нѣкогда считала, вы бы вошли съ нами въ нашу новую жизнь, и сдѣлались бы вѣрнымъ сыномъ церкви, что и слѣдовало. Для Виргиніи и для меня было бы такимъ истиннымъ счастіемъ видѣть васъ въ числѣ нашихъ. Но у васъ не достало дружбы къ намъ для простой попытки.

— Дорогая мистрисъ Фуллертонъ, это несправедливо. Вы знаете, какъ искренно я всегда любилъ и васъ и Виргинію. — Рингровъ говорилъ съ волненіемъ, котораго скрыть не умѣлъ.

— Такъ почему же вы не пошли вмѣстѣ съ нами? — спросила Герміона. — Мы не хотѣли заставить васъ сдѣлать что-нибудь дурное. Мы только желали, чтобы вы стали хорошимъ человѣкомъ и вели религіозную жизнь.

— Но какъ могъ бы я сдѣлаться членомъ партіи, на которую смотрю, какъ на врага національной свободы и умственного прогресса? — сказалъ онъ. — Я не могъ бы присоединиться къ здѣшней клерикальной партіи, дорогая мистрисъ Фуллертонъ. Я считаю и всегда считалъ господство духовенства самой гибельной изъ всѣхъ тиранній, какія міръ когда-либо видалъ. Какъ же могъ я, вопреки моей совѣсти, пойти на вашу сторону?

— Совѣсти! вашей гордости и недостатку вѣры, вашему упрямству и дерзкому ослушанію, — хотите вы сказать. Называйте вещи ихъ настоящими именами, Рингровъ, тогда мы лучше поймемъ другъ друга.

Герміона проговорила эту рѣзко-звучавшую рѣчь самымъ

кропотливъ голосомъ и съ самымъ нѣжнымъ выраженіемъ лица;— это была установленная формула.

Онъ улыбнулся.

— Не такъ же ужъ я плохъ!— шутиво проговорилъ онъ, и прибавилъ другимъ тономъ:— Неужели вы серьезно думаете, мистриссъ Фуллертонъ, что человѣкъ сколько-нибудь знакомый съ жизнью, можетъ оказывать поддержку системѣ, дающей такіе результаты, какъ тѣ, что мы видѣли въ прошлое воскресенье?

— Ахъ, бѣдная Тереза!— отвѣчала она, съ выраженіемъ состраданія, но и съ явнымъ презрѣніемъ.— Мы не должны судить по ней. Она всегда была впечатлительна, склонна къ истерикѣ, а за послѣднее время обременяла себя работой и слишкомъ утомлялась. Да и въ сущности говоря, Рингровъ, истерическій припадокъ, хотя бы и во время службы, какъ онъ ни неспріятеленъ, не можетъ считаться преднамѣреннымъ грѣхомъ, церковь за это неотвѣственна.

— Нѣтъ, но это служить оправданіемъ тѣмъ, кто отказываетъ новому порядку вещей въ своей поддержкѣ,—сказалъ онъ.— Когда мы видимъ священниковъ, подъ видомъ религіи влюбляющихъ въ себя женщинъ, то вы не можете ожидать, чтобы такіе люди, какъ я, напримѣръ, жаждали усилить ихъ власть...

Онъ говорилъ смѣло, но сознавалъ, что идетъ около огмели и понималъ близость опасности.

Виргинія мучительно покраснѣла, и выраженіе отвращенія и страха появилось на лицѣ ея.

— Ужасно слышать, когда вы говорите такіе вещи, Рингровъ,—сказала она.— Изъ-за того, что одна больная дѣвушка слишкомъ поддается волненію, неужели вся вѣра, всѣ священныя обряды должны служить пищей клеветѣ? Упомянуть о такихъ низкихъ вещахъ въ связи съ церковью и ея служителями, хуже чѣмъ постыдно. Неужели вы всѣмъ намъ приписываете эти грѣховныя мысли и побужденія? О, этимъ-то и огтачиваетъ меня свѣтъ!— съ необыкновенной страстностью прибавила она, прижавъ руки ко лбу:— этотъ свѣтъ, полный влюб и клеветы, въ которомъ даже и святыхъ не уважаютъ.

— Вамъ я ничего не приписываю, Виргинія, кромѣ всего совершенно чистаго и святаго,—съ чрезвычайной нѣжностью отвѣчалъ Рингровъ.— Но за то вы и не похожи на другихъ дѣвушекъ. Вы знаете, что я это думаю; вы также это знаете, мистриссъ Фуллертонъ,—сказалъ онъ обращаясь въ Гермионѣ;— я никогда не скрывалъ отъ васъ моихъ надеждъ, ихъ глубины и искренности любви моею къ Виргиніи.

— Молчите, молчите, — воскликнула Виргинія. — Мнѣ грѣшно это слушать.

— Какъ можетъ это быть грѣшно? — спросилъ Рингровъ. — Почему нельзя любить васъ, Виргинія, какъ всякую другую женщину, и говорить вамъ это? Вѣрная любовь честнаго человѣка не можетъ быть ни грѣхомъ, ни униженіемъ.

— Тебѣ можетъ быть непріятно это слышать, дорогая; но въ любви къ тебѣ бѣднаго Рингрова нѣтъ никакого грѣха. Самъ отецъ настоятель этого не говорилъ! — Герміона проговорила это съ проблескомъ своего прежняго сочувствія всему романическому и человѣческой страсти. Честная горячность Рингрова взволновала ее сильнѣе, чѣмъ она сама воображала; она желала, чтобъ Виргинія согласилась выслушать его.

— Для меня это грѣхъ, — сказала Виргинія съ такимъ ужасомъ, который былъ непонятенъ даже ея матери, а Рингрову показался чѣмъ-то въ родѣ безумія.

— О, еслибъ я могъ очистить душу вашу отъ всѣхъ этихъ страшныхъ галлюцинацій! — страстно воскликнулъ онъ. — Онѣ нелѣпы, Виргинія, недостойны вашего здраваго смысла. Что вы не любите меня и не хотите меня слушать, это я могу понять, но чтобъ вамъ ставилось въ грѣхъ, если я выскажу, какъ сильно васъ люблю, это чистое безуміе, сдержанность, доведенная до педантизма.

— Вы не понимаете, — сказала она, какъ-то безнадежно отворачиваясь. — Никто не понимаетъ!

— Быть можетъ, слишкомъ хорошо понимаю, — со вздохомъ отвѣчалъ онъ. — Но выслушайте меня, Виргинія. Я люблю васъ такъ давно и такъ постоянно, что заслужилъ право говорить, а вы не должны меня бояться. То, что я выносилъ всѣ эти годы, я могу продолжать выносить, если это ваша непремѣнная воля, — такъ какъ вы были средоточіемъ моей жизни дольше, чѣмъ вы думаете. Я всегда буду помнить васъ такою, какою въ первый разъ увидѣлъ; вы поднимались по лѣстницѣ придерживая ваше голубое платье, слегка поднося голову — въ то время вы съ удовольствіемъ смотрѣли на меня — ваши свѣтлые волосы ложились вокругъ головки золотымъ ореоломъ — точно Богоматерь въ дѣтствѣ, въ венеціанской галлерей! Я тутъ-же позналъ, какъ молодость ваша будетъ прекрасна! также чиста и лучезарна, какъ ея!

Виргинія вадрогнула и быстро перекрестилась.

— Это богохульство! — сказала она испуганнымъ голосомъ.

— Зачѣмъ вы это говорите, дорогая? Что бы въ ней ни ви-

дѣла вѣра ваша, развѣ она не была подобна прочимъ женщинамъ?—спросилъ онъ.

— Она была болѣе чѣмъ женщина, — сказала Виргинія, голосомъ полнымъ благоговѣнія. — Она была Богоматерьъ, грѣхъ сравнивать съ нею кого бы то ни было.

— Ахъ, Виргинія, каковъ міръ воображаемаго грѣха создаете вы для себя! — проговорилъ онъ съ мужественнымъ состраданіемъ. — Въ этомъ мѣстѣ ничего дурного, по крайней мѣрѣ въ моихъ глазахъ, но я больше этого говорить не буду, если оно вамъ непріятно. Я хочу только высказать вамъ теперь, въ притутствіи вашей матери, все, что перечувствовалъ и передумалъ за всѣ эти годы. Нѣтъ, не отворачивайтесь отъ меня, Виргинія! Позвольте мнѣ высказаться, хотя-бы въ послѣдній разъ!

— Позволь ему говорить, милая, — тихо сказала Гермина. — Онъ хорошій человѣкъ, Виргинія, и если онъ такъ тебя любитъ, ты еще можешь примирить его съ церковью.

Виргинія мысленно прочла молитву Богородицѣ въ видѣ предохраненія отъ искушенія; кончивъ, она подняла свои кроткіе глаза съ полу-печальнымъ, полу-усталымъ выраженіемъ.

— Можете говорить, что хотите, Рингровъ, — сказала она. — Я терпѣливо выслушаю васъ. Быть можетъ, какъ говорить мама, это моя обязанность.

— Благодарю васъ, — нѣжно отвѣчалъ Рингровъ, не видя того, что скрывалось подъ этой поверхностью, и благодарный за позволеніе говорить. — То, чѣмъ вы были дѣвочкой, — продолжалъ онъ, — заставляло меня думать, что, сдѣлавшись старше, вы будете тѣмъ, чѣмъ вы есть, дорогая, — моимъ идеаломъ истинной женщины. Я зналъ, что если это будетъ, я буду любить васъ такъ, какъ люблю; и я надѣялся, и одно время думалъ, что вы научитесь любить меня. Я слѣдилъ за вами, пока вы росли, и постоянно видѣлъ васъ одной и той же — кроткой, терпѣливой, правдивой, безъ единого намёка на тщеславіе; и я думалъ, что если я васъ и недостойнъ, — да и кто достоинъ васъ! — я все же могъ бы сдѣлать васъ счастливой, и быть вамъ вѣрнымъ и любящимъ мужемъ. Отецъ вашъ былъ на моей сторонѣ, также какъ и дорогая мать ваша; при двухъ такихъ адвокатахъ я не тералъ надежды. Вы были бы такъ счастливы! Я жилъ бы только для васъ, для того, чтобы уберечь васъ отъ всякаго горя. Я бы такъ нѣжно васъ любилъ! А вѣрная любовь честнаго человѣка обыкновенно цѣнится женщиной, хотя бы онъ не былъ такъ добръ и чистъ какъ она, — сказалъ Рингровъ Гардисти съ той благородной простотой, которая свойственна мужественнымъ

мужчинамъ, сознающимъ свою силу, и которая почти всегда очаровываетъ женственныхъ женщинъ.

— Прежде я была бы этому рада — очень рада, — впрте сказала Герміона; — я была бы рада и теперь, Рингровъ, будь вы добрымъ сыномъ церкви.

— Я сынъ церкви, — сказалъ Рингровъ, — какъ же иначе называть меня?

— Протестантъ! — прошептала Герміона, тономъ жалобнаго осужденія.

— Хорошій или дурной, другой вопросъ; но каковъ я есть, я бы охранялъ ее отъ малѣйшаго дуновенія зла, также заботливо, какъ старался бы уберечь ее отъ всякаго горя. Вы были бы окружены любовью и уваженіемъ, — продолжалъ онъ, снова обращаясь къ Виргиніи: — все, что во мнѣ есть лучшаго, было бы моею данью вашей чистотѣ. Я былъ бы вашимъ покровителемъ, а вы — моимъ ангеломъ-хранителемъ. Мы сдѣлали бы то, что можно сдѣлать лучшаго въ мірѣ — создали бы идеальный семейный очагъ; мы были бы счастливы другъ въ другѣ, и сдѣлали бы больше добра ближнему, чѣмъ можемъ вычислить. Вы служили бы примѣромъ, образцомъ женскаго достоинства, среди мирной домашней дѣятельности. Вліяніе ваше было бы безгранично; кто укажетъ предѣлы вліанію чистой женщины, живущей честной и естественной жизнью жены и матери? А я былъ бы лучшимъ человекомъ; чѣмъ когда-либо буду теперь безъ васъ! И всѣ эти надежды рушились, изъ-за чего? Родись вы католичкой, я бы еще не удивлялся, какъ бы огорченъ имъ былъ. Вы тогда были бы, по всѣмъ вѣроятностямъ, монахиней; но теперь, жизнь ваша загублена.

— Нѣтъ, нѣтъ, — прошептала Виргинія.

Виргинія то блѣднѣла то краснѣла.

— Вы допускаете, что родись я католичкой, моимъ призваніемъ было бы сдѣлаться монахиней? — спросила она какимъ-то страннымъ тономъ.

— Да, и какъ католикъ, я бы поворился вашему выбору, — отвѣчалъ онъ, — хотя и какъ католикъ сильно пожалѣлъ бы о ложномъ взглядѣ который отнимаетъ у дѣятельной жизни самыя чистыя и лучшія натуры, чтобы заживо запереть ихъ въ могилу, гдѣ онѣ никому пользы принести не могутъ!

— Мы менѣе всѣхъ поддерживаемъ римскую церковь со всѣми ея суевѣріями, — сказала Герміона, повторяя заученное. — Но по всей справедливости вы не должны и намъ, англиканамъ, отказывать въ томъ же призваніи.

Онъ позачагъ головой.

— Этого я не могу, — кротоко сказалъ онъ. — Женщина можетъ лучше распорядиться своей судьбой и послужить обществу чѣмъ замуравившись отъ жизни. Мать выше монахини.

Съ минуту Виргинія молчала; потомъ обратилась къ Рингрову съ откровенной рѣшимостью, болѣе убѣдительною чѣмъ самия слова ея.

— Благодарю васъ за всю доброту вашу ко мнѣ, — сказала она тихимъ и совершенно безтрепетнымъ голосомъ; — но никому человѣку не имѣть моей глубокой любви; она всецѣло отдана Богу и церкви. Вы мнѣ всегда были дороги, какъ вы знаете, но не думаю, чтобъ я могла когда-нибудь полюбить васъ темеръ мы также далеки другъ отъ друга какъ два полюса.

— Виргинія, неужели это совершенно невозможно? — сказала Герміона разстроганнымъ голосомъ.

— Это ваше послѣднее рѣшительное слово, Виргинія? Вы отвергаете мою любовь и все, что она принесла бы вамъ, все, что вы могли бы сдѣлать для меня и для общества въ качествѣ жены моей — изъ-за этого блѣднаго подражанія католицизму? — спросилъ Рингровъ, стоя передъ ней какъ человѣкъ, ожидающій сигнала для своей казни.

— У меня не блѣдное подражаніе, — отвѣчала она, опустила глаза.

— Какъ можетъ оно быть чѣмъ-нибудь другимъ? — спросилъ онъ. — Вы не католичка; чтѣ же какъ не подражаніе весь этотъ псевдо-католицизмъ, въ который рядится партія высокой церкви?

— Оставьте это, — заговорила Виргинія поспѣшно. — Вы говорили о себѣ, не обо мнѣ. Мнѣ остается сказать, — что я отказываюсь отъ всего, чтѣ вы мнѣ предлагали, какъ и отъ всего, чтѣ свѣтъ могъ бы предложить мнѣ, изъ-за той болѣе выгоды, которую представляетъ для меня мой выборъ.

— На вѣки, безъ всякой надежды на переимѣну, Виргинія?

— На вѣки, имѣниться я никогда не могу, — возразила она. Она протянула ему руку. — Мы разстанемся друзьями, Рингровъ, — сказала она; — но разстанемся; мы *прощаемся*.

Рингровъ не отвѣчалъ. Онъ взялъ ея руку и благоговѣйно поднесъ ее къ губамъ; потомъ порывисто всталъ и подошелъ къ окну, выходящему въ садъ.

Настало мертвое молчаніе и Герміона, которая плакала, поймала себя на желаніи, чтобы въ душѣ Виргиніи остался одинъ необращенный уголокъ, маленький уголочекъ, которымъ могъ бы завладѣть Рингровъ Гардисти.

Вскорѣ послѣ этого Рингровъ уѣхалъ, хотя Герміона очень ласково, по старому, просила его остаться, позабывъ на минуту все свое искусственное неудовольствіе противъ него, и сожалея только, что Виргинія такъ непреклонна въ своемъ отказѣ; и хотя сама Виргинія проговорила: «отчего вы не останетесь?» дружелюбно, будто въ самомъ дѣлѣ желала этого, онъ почувствовалъ, что этого усилія надъ собой ему не вынести, да и выносить-то не къ чему; а потому отклонилъ обѣ просьбы, и взялъ шляпу со стола.

— Въ другой разъ, не сегодня, — проговорилъ онъ хриплымъ голосомъ; но когда онъ сказалъ это, Виргинія не подняла глазъ, хотя мать ея, взглянувъ на нее съ легкимъ удивленіемъ и какъ-бы умолая ее хотя на этотъ разъ измѣнить себѣ, мило ему улыбнулась и проговорила:

— Да, въ другой разъ, послѣ конfirmaціи Виргиніи.

Завтракъ сегодня былъ нѣсколько менѣе страшно скученъ чѣмъ обыкновенно. Конечно, Виргинія едва была въ силахъ притворяться, что ѣстъ, но она не съ такой смертельной холодною относилась къ отцу, а Герміона, въ душѣ сильно возмущенная, несмотря на вліяніе своего духовника, отличалась болѣе кротостію къ мужу, чѣмъ у нея, за послѣднее время, вошло въ обычай. Говорилось однако немного; только настроеніе минуты было иное, благодаря нѣкоторому волненію, омрачившему сознаніе торжества, малодушному чувству состраданія къ грѣшнику, для котораго такъ искусно свить былъ бытъ.

— Не желаешь ли отправиться со мною въ Стартонъ? Я ѣду верхомъ, не поѣдешь ли со мной? — спросилъ Ричардъ у Виргиніи. Чуткій къ каждой перемиѣнѣ въ своихъ двухъ возлюбленныхъ бунтовщицахъ, онъ почувствовалъ болѣе мягкое, чѣмъ обыкновенно, настроеніе минуты и былъ настолько слабъ, что понадѣялся воспользоваться имъ.

Мать и дочь переглянулись.

— Не думаю, чтобъ я могла, мамъ, сегодня, — сказала Виргинія, не глядя на него.

— Виргинія должна ѣхать со мной, — сказала Герміона, также не глядя на него.

— Очень жаль. День прекрасный, прогулка принесла бы пользу Виргиніи, — сказалъ онъ. — Ты теперь рѣдко пользуешься твоей лошадію, — прибавилъ онъ, обращаясь къ дочери. — Рѣдко? сдѣдало бы сказать вѣногда.

— Я не люблю верховой ѣзды, — уклончиво проговорила Виргинія, — и должна ѣхать съ мамъ.

— Вуда вы идете? — спросил онъ.

Не подозрительность вызвала этотъ вопросъ, а только участіе.

— У насъ есть дѣла, которымъ ты едва ли сочувствуешь, — сказала Герміона совершенно кротко и дружелюбно.

Онъ вздохнулъ.

— Пожалуй, — сказалъ онъ, — если это все одно и то же.

— Когда ты пойдешь въ Старгонтъ? — спросила жена, точно и она интересовалась только планами друга.

— Черезъ полъ-часа. Мнѣ надо взглянуть на новые коттеджи, а потомъ пройду въ городъ. Не встрѣчу ли я тамъ тебя съ Виргиніей?

— Не знаю еще; можетъ быть, — отвѣчала она, тогда какъ Виргинія побѣднѣла и слабо перекрестилась.

— Ну, пожалуй, что и ѣхать пора, — сказалъ Ричардъ, неохотно поднимаясь. Этотъ легкій наметъ на новое настроеніе былъ ему очень дорогъ.

— Да, и намъ также пора ѣхать, — сказала Герміона, взглянувъ на часы и вставая. — Прощай, до свиданія.

— Прощай, дорогая, — сказалъ онъ; — до свиданія. Прощай, моя Виргинія.

— Прощай, папѣ, — отвѣчала Виргинія.

Инстинктивно онъ протянулъ ей руку. Онъ никогда не могъ примириться съ холодностью дочери, менѣе даже тѣмъ съ отчужденіемъ Герміоны.

Виргинія подошла къ нему и вложила свою ручку въ его руку.

— Ты пришла поцѣловать меня? — спросилъ онъ, увлеченный этой неожиданной уступкой.

— Да, папѣ, — сказала она, протягивая къ нему головку, какъ дѣлала въ дѣтствѣ.

Онъ схватилъ ее въ объятія и нѣжно поцѣловалъ въ лобъ.

— Моя голубка! мое маленькое сокровище! — шепнулъ онъ.

— Такъ ты не совѣшь еще разлюбить своего отца?

— Я молюсь за тебя, папѣ, — отвѣчала она, бросаясь въ его объятія.

— Молитвы твои не повредятъ мнѣ, голубка, — сказалъ онъ; — но любовь твоя дастъ мнѣ новую жизнь.

— Папѣ, скажи, что ты цѣнишь мою молитву о душѣ твоей, — молила она, точно это былъ для нея вопросъ жизни.

— Какъ выраженіе любви твоей ко мнѣ? да, мое сокровище! — отвѣчалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ возможный путь благодати и истиннаго просвѣтлѣнія! — сказала она.

Онъ печально улыбнулся и покачалъ головой.

— Кромѣ твоей любви мнѣ ничего не нужно, моя Виргинія, твоей и твоей дорогой матери. Это лучшій путь благодати, какой вы можете предложить мнѣ. Возвратите мнѣ все, что вы у меня отняли за послѣднее время, и вы сдѣлаете для меня больше, чѣмъ могутъ сдѣлать несчетныя молитвы!

— Я люблю тебя, папа, — сказала Виргинія съ страшной торжественностью. — Но потому, что я тебя люблю, я и должна молиться за тебя!

Въ эту минуту Джонсъ вошелъ въ комнату.

— Лошадь готова, сэръ, а Джонъ Гревсъ въ кабинетъ и желалъ бы переговорить съ вами, — сказалъ онъ.

— Я приду, — спокойно возразилъ Ричардъ, но ему было жаль, что разговоръ прервали. Онъ обратилъ свое кроткое, ласковое, вдумчивое лицо къ женѣ, а потомъ и къ дочери.

— До свиданія, — сказалъ онъ улыбаясь.

Виргинія не отвѣчала. Попытайся она заговорить, голосъ измѣнялъ бы ей; а Герміона, глаза которой были полны слезъ, слегка наклонила голову и прошептала что-то, что должно было изобразить дружеское прощаніе. Вскорѣ затѣмъ, по окончаніи дѣловаго разговора съ Джономъ Гревсомъ, онъ изъ окна наблюдали за Ричардомъ — этой ничего не подозревавшей жертвой предстоящаго горя — видѣли, какъ онъ сѣлъ на лошадь и медленно поѣхалъ по аллеѣ.

— Бѣдный папа! надѣюсь, что онъ не очень рассердится, — сострадательно замѣтила Герміона. — Боюсь, что рассердится, но вѣдь это такъ не надолго. Ты будешь дома черезъ восемь дней.

— Надѣюсь, что тебѣ не будетъ очень грустно, мама, — сказала Виргинія, крѣпко, нервно, сжимая руку матери.

— Постараюсь не скучать, дорогая, — сказала мать: — да ты и вернешься такъ скоро! Не стоить объ этомъ много и толковать; хотя, конечно, мнѣ будетъ страшная тоска безъ тебя и сестры. Но недѣля скоро пройдетъ, не такъ ли?

— Да, — принужденно сказала Виргинія.

— И отецъ настоятель такъ этого желалъ, — продолжала Герміона. — Какъ только твоя конфирмація была рѣшена, онъ пожелалъ, чтобы ты нѣсколько времени передъ нею провела въ уединеніи, — того же хотѣлъ и отецъ Трусковъ.

— Да, — сказала Виргинія еще принужденнѣе.

— А теперь пойдемъ на верхъ. Жаль, что папѣ также сегодня ѣдетъ въ Стартонъ; но мы пойдемъ нижней дорогой — и быть можетъ не увидимъ его. Было бы неловко, еслибъ мы встрѣтились.

— Пойдемъ — сказала Виргинія. — Можетъ быть, сестра и отецъ Трускотъ насъ ждутъ.

— Хорошо, ѣдемъ! — живо сказала Герміона, точно пробуя страхнуть съ себя уныніе, овладѣвавшее ею вопреки ея волѣ.

Онѣ вмѣстѣ поднялись на верхъ и быстро одѣлись. Маленькій чемоданчикъ былъ уже уложенъ.

— Отецъ настоятель приказалъ мнѣ прочесть эту молитву, дорогая, — сказала Герміона, входя въ комнату дочери съ испанной бумажкой въ рукѣ.

Виргинія уже стояла на колѣняхъ и горячо молилась, но съ видомъ человѣка, испытывающаго тяжкія страданія. Будь она мученицей, претерпѣвающей, во имя истины, ужаснѣйшія терзанія, она бы не могла казаться болѣе измученной.

— Полно, Виргинія, полно, не смотри такъ! — воскликнула Герміона, вдругъ разражаясь страстными рыданіями. — Только на недѣлю, сокровище мое, — повторяла она. — Подумай, какъ быстро промелькнетъ недѣля! сколько духовной пользы принесетъ тебѣ пребываніе въ С.

— Мама, моли Господа нашего помочь мнѣ! — воскликнула Виргинія, судорожно прижимаясь къ матери.

— Да, будемъ обѣ просить о помощи! — былъ отвѣтъ; и Герміона, надломленнымъ голосомъ, прочла молитву, присланную ей мистеромъ Ласселемъ, призывая благословеніе Божье на шагъ, который намѣревалась сдѣлать ея дочь... По окончаніи молитвы, обѣ поднялись съ колѣнъ, рука объ руку сошли съ лѣстницы и сѣли въ экипажъ, въ которомъ уже находился чемоданчикъ.

— На Стартонскую станцію, — сказала Герміона удивленному кучеру. — Поѣзжайте нижней дорогой и поскорѣй.

Ни слова не выговорили онѣ въ теченіе цѣлыхъ пяти миль. Каждой приходилось поддерживать свое мужество и успокаивать свою совѣсть, слишкомъ о себѣ напоминавшую, несмотря на софизмы, такъ сильно омрачившіе ея первобытную чистоту. Ложь, обманъ, предательство были ненавистны обѣмъ; а между тѣмъ въ эту минуту обѣ лгали, обманывали, предавали одинаково. Наставляемая роковой школой, утверждающей, что цѣль оправдываетъ средства, что вѣрные должны приносить въ жертву своему дѣлу нравственность и человѣчность, что атеисты прокляты и должны считаться какъ враги Бога и человѣка, что честность

грѣховна, а двоедушіе свято, если эта честность служить помѣхой суевѣрію, а двоедушіе поощряетъ его, обѣ уклонились отъ первобытной своей прямоты; а теперь, стоя лицомъ къ лицу съ извѣстными послѣдствіями, были опечалены и въ душѣ пристыжены. Герміона обманывала мужа; Виргинія и отца, и мать; но духовникъ каждой увѣрилъ свою духовную дочь, что она хорошо поступаетъ, что Богъ и церковь одобряютъ ее; и каждая теперь усиливалась успокоить свою совѣсть и удовлетворить свою душу этимъ увѣреніемъ,—и находила эту задачу тяжелой.

Время проходило; наконецъ, онѣ добрались до станціи безо всякихъ приключеній или непріятныхъ встрѣчъ на дорогѣ; на станціи онѣ застали ожидавшихъ ихъ мистера Ласселя и сестру Агнесу, отца Трускота и Кутберга Молинѣ.

— Какъ разъ во-время! — улыбаясь проговорилъ винаріи, когда обѣ блѣдныя, полу-испуганныя жепщины появились на платформѣ въ тотъ моментъ, когда поѣздъ подходилъ къ ней.

— Прощай, дорогая Виргинія, — сказала мать, поспѣшно цѣлуя ее. Она не смѣла обнаружить своего чувства въ присутствіи этихъ лицъ, пристально слѣдившихъ за нею. — Черезъ недѣлю, помни! Я буду очень скучать, пока ты не вернешься!

— Но вы охотно отпускаете ее? — медленно и многозначительно спросила сестра Агнеса.

— Да, да, но она должна вернуться черезъ недѣлю, — повторяла Герміона, находя утѣшеніе въ опредѣленности срока.

Виргинія поцѣловала мать, молча и безъ слезъ. Сестра крѣпко держала въ своей рукѣ ея холодную руку, а отецъ Трускотъ шепнулъ ей на ухо: «Ради Пречистой Дѣвы и во славу Ея!»

Послѣ того какъ она, казалось, окончательно простилась, Виргинія снова обратилась къ матери, какъ будто желая заговорить съ нею, — еще разъ поцѣловать ее; но сестра, наблюдавшая за нею, твердой рукой повела ее къ вагону. — Не оглядывайтесь назадъ, дитя! — сказала она; тогда какъ отецъ Трускотъ, дѣлая видъ, что хочетъ помочь ей, приподнялъ ее съ земли и поставилъ въ вагонъ. Дверцы захлопнулись, раздался звонокъ, свистокъ, и поѣздъ тронулся.

— Любимое дитя матери нашей! — сказала сестра Агнеса съ своей елеинной улыбкой.

— Дитя, вы оставили за собой мракъ заблужденія и теперь стремитесь къ свѣту и истинѣ! — сказалъ отецъ Трускотъ искреннѣе и горячѣе; тогда какъ Виргинія, которой казалось, что сердце ея готово разорваться, сочла свое горе грѣхомъ, а свой грѣхъ

крестомъ, и просила Бога простить ей первый и дать ей силы нести второй. Для блага ея собственной души и другихъ душъ — во славу Божью было сдѣлано это дѣло. Отецъ же, ради этого случая, завернулся въ сверкающія ризы; и жизнь, полная обмана, которую ее ужъ такъ давно заставляли вести, была, по мнѣнію ея наставниковъ, благочестивымъ притворствомъ, вынужденнымъ грѣховностью другихъ и оправдываемымъ святостью цѣли.

Глава VIII.—Логическое послѣдствіе.

— А дѣвочка?—гдѣ Виргинія?—спросилъ Ричардъ, когда жена его вошла въ комнату одна. Мать и дочь теперь бывали обыкновенно вмѣстѣ, и видѣть одну безъ другой было странно.

— Она съ сестрой Агнесой,—сказала Герміона, стараясь говорить равнодушно.

Она была очень блѣдна, и равнодушіе ея было слишкомъ замѣтно, чтобъ быть дѣйствительнымъ.

— Очень жаль,—медленно возразилъ онъ.—Поздно она вернется?

— Не знаю хорошенько,—отвѣчала Герміона изъ-за потныхъ тетрадей, притворяясь, что чего-то въ нихъ ищетъ, съ цѣлю, чтобы лица ея не было видно, а волненіе въ голосѣ хоть сколько-нибудь скрадывалось разстояніемъ.

Конечно, она знала, что рано или поздно придется сказать мужу правду; но они съ мистеромъ Ласселемъ рѣшили, что чѣмъ позже, тѣмъ лучше. Если ей удастся выиграть этотъ вечеръ, это дастъ благочестивымъ обѣдателямъ значительное преимущество въ случаѣ, еслибъ онъ рѣшился послѣдовать за ними; пока онъ доберется до Лондона, Виргинія уже найдетъ безопасный пріютъ въ выбранномъ для нея убѣжищѣ, откуда ее взять можно будетъ только силой и съ помощью полиціи; и Ричардъ, конечно, не сразу рѣшится затѣять такой скандалъ.

— Увѣрена ли ты, что Виргинія совершенно здорова?—спросилъ онъ послѣ короткаго молчанія, когда Герміона, считавшая себя теперь въ безопасности, перестала разбирать потные тетради и вернулась къ нему.

— Боже мой, конечно,—отвѣчала она, по прежнему стараясь говорить равнодушно.

— На мои глаза, нѣтъ. Она также измѣнилась физически, какъ и нравственно,—сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.—Ея новые друзья и ихъ нелѣпые обряды, о которыхъ я, вѣроятно,

знаю меньше, чѣмъ половину всей правды, имѣли на нее очень вредное вліяніе.

Онъ съ нѣкоторымъ упрекомъ взглянулъ на жену. Она не отвѣчала. Она со страхомъ думала о той минутѣ, когда ему придется узнать другую половину истины.

— Что она дѣлаетъ сегодня вечеромъ?—спросилъ онъ.— Какая-нибудь новая безумная затѣя?

— Нѣтъ, насколько мнѣ извѣстно,—сказала Герміона, не столько раздосадованная этой фразой какъ была бы, еслибъ совѣсть ея была чиста. Но лицо ея обнаружило тревогу.

Съ внезапнымъ чувствомъ истиннаго страха Ричардъ припомнилъ странное волненіе Виргиніи, необычную мягкость Герміоны, и это притворное равнодушіе. Что это все значило? Какой новый стыдъ еще ожидалъ его?

— Но что-нибудь случилось съ тобой и съ дѣвочкой,—сказалъ онъ.—Скажи мнѣ, что?

— Ничего не случилось,—отвѣчала она съ яркимъ румянцемъ.

— Взгляни на меня, Герміона,—серьезно и сурово сказалъ онъ.

Она подняла глаза и старалась встрѣтить его взглядъ, но не могла. Она смотрѣла на увелъ его галстука.

— Какъ можешь ты такъ дурачиться, Ричардъ?—сказала она съ легкимъ нервнымъ смѣхомъ; нѣжныя губы ея дрожали.

— Что-нибудь случилось,—снова сказалъ Ричардъ.— Ты не смѣешь взглянуть мнѣ въ лицо, Герміона. Скажи мнѣ правду. Эти извороты такъ странны въ тебѣ, которая когда-то была самою честностью и искренностью, что я не могу примириться съ ними. Выскажи мнѣ все честно. Что дѣлается съ Виргиніей? Почему нѣтъ ея здѣсь сегодня вечеромъ?

— Пожалуй, лучше теперь тебѣ сразу все сказать,—отвѣчала Герміона, смущеніе которой все усиливалось.—Совершенно все равно, скажу ли я тебѣ теперь или послѣ,—продолжала она, вслухъ обсуждая вопросъ:—да ничего особеннаго и нѣтъ. Виргинія поѣхала съ сестрой Агнесой на недѣлю въ убѣжище въ С.; вотъ и все. Ничего ужаснаго, какъ видишь.

Она снова принужденно засмѣялась.

Въ первый разъ въ жизни Ричардъ почувствовалъ что-то въ родѣ презрѣнія къ своей нѣжно-любимой женѣ. До сихъ поръ любовь его была спокойная, не наблюдательная, такая, какая свойственна постоянному темпераменту и занятому уму. Онъ любилъ ее, и этимъ и ограничивался. Онъ не спрашивалъ себя, по-

чему ее любить, точно также какъ не задавалъ себѣ вопроса, почему солнечный свѣтъ его радуетъ или цвѣты важутся ему прекрасными. Она была часть его жизни; не любить ее, не вѣрить въ нее безъ дальнѣйшихъ разсужденій, не считать ее чуждой недостатковъ или пятенъ, было бы ему, до настоящей минуты, невозможно. Теперь же, въ душѣ его промелькнуло горькое и презрительное состраданіе къ ея слабости и двоедушію, котораго онъ нѣкогда также не могъ бы ощутить, какъ не могъ бы преднамѣренно причинить ей вредъ или публично нанести оскорбленіе. Пока онъ смотрѣлъ на нее, она почти начала ему казаться другой женщиной. Неужели это Герміона, возлюбленная его юности, другъ его зрѣлыхъ лѣтъ? Эта особа, которая не въ силахъ взглянуть ему въ лицо, не можетъ даже мужественно солгать и не смѣетъ сказать правду, эта женщина, которая разыгрывала жалкій фарсъ въ ту самую минуту, когда знала, что своимъ поступкомъ готовилась поразить его въ самое сердце. Онъ не зналъ, что было для него мучительнѣе, непослушаніе дочери или лживость жены.

— Такъ вотъ что означала маленькая комедія, разыгранная сегодня въ мой бенефисъ,—сказалъ онъ съ горькимъ смѣхомъ.—Я могъ бы догадаться, что это только ширма, за которой скрывается нѣчто еще худшее, чѣмъ то, что уже сдѣлано. Я долженъ былъ бы это знать, а между тѣмъ, имѣлъ слабость надѣяться, что вы съ дѣвочкой образумились и дѣйствительно чувствуете хотя часть той нѣжности, которую выказываете. Чтожъ, вы, конечно, отъ души надо мной посмѣялись; а мнѣ приходится выносить разочарованіе и оскорбленіе.

— Ты не имѣешь права говорить этого,—сказала Герміона почти въ слезахъ.—Мы съ Виргиніей дѣйствительно были опечалены необходимостью обмануть тебя, хотя бы только на нѣсколько часовъ. Но мы знали, что ты не далъ бы своего согласія, а потому сочли лучшимъ ничего не говорить объ этомъ, пока дѣло не будетъ сдѣлано.

— А сознаніе, что вы меня оскорбляете, было для васъ неважное? Вы никогда не потрудились задать себѣ вопросъ — хорошо или дурно вы дѣлаете, обманывая меня? Ты, моя жена, съ покойной совѣстью помогала моей дочери послушаться меня?

Никогда въ жизни мужъ Герміоны не говорилъ съ ней такимъ тономъ.

— Это дѣлалось для спасенія ея души и въ угоду церкви. Тутъ все законно,—сказала Герміона, глядя въ землю.

— Ты права, Герміона! Лжи служить ложь, тиранніи—же-

стокость, суевѣрію—невѣжество. Ты совершенно права! Я вижу, что ты знаешь формулу ученія, въ которомъ наставлена, и можешь повторить ее съ удивительной точностью. Ты дѣлаешь честь своему учителю!

— Я не понимаю тебя,—сказала Герміона съ странной смѣсью страха и гнѣва.

— Какъ тебѣ и понять это?—отвѣчалъ онъ тѣмъ же тономъ горькой насмѣшки, гнѣвнаго презрѣнія.—Ты понимаешь мистера Ласселя, и тебѣ конечно невозможно понять два совершенно противоположныхъ характера. Не мудрено, что ты не понимаешь меня,—тебя связываетъ съ нимъ слишкомъ тѣсное сочувствіе. Если я и сожалею о переменѣ въ своихъ чувствахъ, то о своей судьбѣ не жалѣю. Каковъ бы я ни былъ, я, по крайней мѣрѣ, честный человѣкъ, и не желалъ бы состояться изъ-за твоего уваженія съ такимъ воплощеніемъ лжи, каковъ мистеръ Лассель!

— Ричардъ!—воскликнула она съ негодованіемъ. Но было ли это негодованіе вызвано такимъ непочтительнымъ отзывомъ объ отцѣ-настоятелѣ, или тѣмъ что мужъ объявилъ ей самой, что не дорожитъ ея уваженіемъ, что на его языкѣ означало «привязанностью»—ей было бы трудно рѣшить. Она знала только, что вознегодовала, и что Ричардъ былъ несносенъ; какъ бы она желала, чтобъ можно было прибавить: «и несправедливъ!»

— Куда поѣхала Виргинія?—спросилъ онъ, по прежнему холодно, презрительно, сурово.—Могу ли я надѣяться, что ты скажешь мнѣ правду? Странно мнѣ говорить тебѣ это, Герміона. Не такъ еще давно у меня не было вопроса о твоей искренности; теперь я ловлю себя на сомнѣніи въ томъ, не можешь ли ты дать такой отвѣтъ, какого можно было бы ожидать отъ іезуита, или даже отъ самого мистера Ласселя.

— Если ты обо мнѣ такого дурного мнѣнія, мнѣ вовсе не стоитъ отвѣчать,—возразила Герміона, колеблясь между гнѣвомъ и слезами.

— Я думаю, что ты отвѣтишь,—сурово сказалъ онъ.—Дочь наша несовершеннолѣтняя, и я имѣю право знать, гдѣ она и что дѣлаетъ!

— Я тебѣ сказала. Она поѣхала съ сестрой Агнесой въ С., провести недѣлю въ полномъ уединеніи передъ своей конфирмаціей.

Герміона старалась говорить съ оскорбленнымъ достоинствомъ, но это ей было трудно. Никогда она такъ не уважала своего мужа какъ теперь, когда онъ давалъ ей понять, что не ува-

жасть ее. Хотя она свое счастье полагала въ романическихъ любовныхъ объясненіяхъ, въ лести, баловствѣ, она была женщина, нуждавшаяся въ господинѣ, и которой нѣкоторая доля страха была полезна.

— Гдѣ это убѣжище?— снова спросилъ онъ.

— Въ С.

— Недалеко отъ Лондона?

— Нѣтъ, недалеко.

Онъ взглянулъ на часы.

— Еще есть время попасть на послѣдній поѣздъ. Я завтра привезу ее домой.

— Нѣтъ, Ричардъ, ты не сдѣлаешь такого постыднаго дѣла, — воскликнула она, вставая въ волненіи. — Что скажетъ сестра Агнеса, что подумаетъ отецъ-настоятель, если она отпустить ее! Зачѣмъ тебѣ поднимать всю эту ужасную исторію изъ-за ничего? Вѣдь это простая бездѣлица. Виргинія поѣхала только спокойно провести недѣлю въ молитвѣ и созерцаніи передъ торжественнымъ обрядомъ конфирмаціи; она въ полной безопасности съ сестрой Агнесой, которая также вся погружена въ молитву; не можешь же ты явиться въ домъ полный святыхъ женщинъ и неистовствовать точно розыскивая вора. Было бы просто стыдно затѣять такой скандалъ!

— Тебѣ бы слѣдовало думать объ этомъ въ свое время, — сказалъ онъ. — Я былъ терпѣливъ съ тобою до извѣстнаго предѣла, но больше я выносить не намѣренъ. Ты показала себя неспособной опекать свою дочь. Ты принесла ее въ жертву своему увлеченію, какъ матери древности приносили своихъ дочерей въ жертву Молоху. У нея нѣтъ вѣрнаго друга, кромѣ меня, ея отца, съ которымъ ты и твои совѣтники всячески старались разлучить ее; мой долгъ вырвать ее у васъ, спасти отъ гибели!

— Лишить ее спасенія, хочешь ты сказать, — встала Герміона вполъ-голоса и скорѣе въ видѣ формальнаго протеста, чѣмъ дѣйствительнаго сопротивленія. Необычная энергія мужа произвела на ея кроткую душу необыкновенно сильное впечатлѣніе. Вмѣсто отвѣта, Ричардъ позвонилъ, а когда Джонсъ вошелъ поспѣшно, онъ повелительно, совершенно несвойственнымъ ему тономъ приказалъ приготовить лошадь; слуга съ любопытствомъ взглянулъ на него; повидимому, и онъ замѣтилъ перемѣну.

— Прощай, Герміона, — сказалъ онъ, не протягивая ей даже руки, стоя отъ нея въ нѣкоторомъ отдаленіи.

— Прощай, Ричардъ,—смирренно отвѣчала она.—Такъ ты въ самомъ дѣлѣ ѣдешь?

Она сдѣлала шагъ къ нему.

Это была ихъ первая разлука со дня свадьбы.

— Да. Я завтра привезу ее домой.

Она сдѣлала еще шагъ.

— Я буду чувствовать себя совсѣмъ одинокой, пока ты не вернешься,—сказала она, и заглянула ему въ лицо. Въ эту минуту она позабыла о мистерѣ Ласселѣ, и желала, чтобы мужъ поцѣловалъ ее передъ отъѣдомъ—если ужъ онъ непременно долженъ ѣхать. Въ душѣ она намѣревалась ласками заставить его остаться.

— Не думаю,—сказалъ онъ.—Я для тебя теперь значу такъ мало, а другіе такъ много!

— Ты всегда Ричардъ,—сказала она съ самой кроткой миной, самымъ нѣжнымъ голосомъ.

Онъ схватилъ ее въ объятія, но оттолкнулъ также быстро какъ и обнялъ.

— Я долженъ спасти мое дитя,—сказалъ онъ измѣнившимся голосомъ и порывисто отвернулся, точно не довѣряя себѣ, также какъ и ей. Вскорѣ онъ былъ уже на пути въ Стартонъ, чтобы одной минутой опоздать на поѣздъ, на послѣдній поѣздъ, отходившій въ этотъ вечеръ, и двинувшійся со станціи въ тотъ моментъ, когда онъ подъѣзжалъ къ ней.

Телеграммы, посланныя въ Лондонъ и въ С., не принесли хорошихъ результатовъ. Никто, отвѣчавшій описанію хотя бы одного изъ четырехъ бѣглецовъ, не прибылъ ни въ одно изъ этихъ мѣстъ. Правда, сестра вышла въ С., но ее хорошо знали въ тамошнемъ убѣжищѣ, и кромѣ того она была одна. Предвидя всѣ случайности, маленькое общество раздѣлилось на двѣ пары и измѣнило направленіе. Пока ихъ розыскивали въ Лондонѣ, они направлялись къ Саутгэмптону, пока телеграфъ работалъ въ С., они находились на пути въ Сентъ-Мало. Все было устроено съ необыкновеннымъ искусствомъ; и Ричардъ снова оказался слабѣе своихъ противниковъ: хитрость и жестокость еще разъ восторжествовали.

Это дѣло оставалось для всѣхъ тайной. Ричардъ, не возвратившись со станціи въ аббатство, съ первымъ утреннимъ поѣздомъ отправился въ Лондонъ; сыщики дѣлали что могли, чтобы помочь ему, но слѣдъ былъ потерянъ: четыре бѣглеца исчезли такъ, точно растаяли въ пространствѣ. По истеченіи пяти дней мужество и долготерпѣніе Герміоны измѣнили ей.

Ей никогда прежде не приходилось оставаться одной, и несмотря на вниманіе отца настоятеля, она была слишкомъ несчастна, чтобы владѣть собою. Одиночество и тревога сломили ея силу, подобно тому, какъ снѣгъ и градъ надламываютъ нѣжныя вѣтви садовыхъ кустарниковъ; на шестой день она, чуть не въ истерикѣ, поѣхала въ Стартонъ и телеграфировала мужу, немедленно возвращаться домой. Она писала, что больна, что онъ ей необходимъ; такъ что Ричарду ничего больше не оставалось какъ покинуть Лондонъ и отказаться отъ слабой надежды найти Virginію, чтобы ухаживать за женою, бывшую главной виновницей всего постигшаго ихъ несчастія.

Странная реакція заставила Герміону вызвать мужа тайкомъ отъ мистера Ласселя. Это не было собственно возрожденіе ея любви, это было настоятельное требованіе привычки, создаваемой бракомъ. Она такъ привыкла къ тому, что Ричардъ былъ частью ея ежедневной жизни, нѣкогда центромъ всего, а теперь былъ препятствіемъ, которое все же было пріятно обойти, — что ей казалось будто кто-то умеръ и ее окружаютъ однѣ тѣни и привидѣнія. Свобода, какой она пользовалась въ его отсутствіе, отнимала половину прелести у ея благочестивыхъ походовъ, такъ какъ лишала ихъ всякой романической таинственности. Она ощущала не столько восторгъ, сколько смущеніе, когда викарій смѣло входилъ въ домъ и за отсутствіемъ владѣльца занималъ въ немъ мѣсто господина. Она тяготилась утрами, проводимыми въ одиночествѣ, одинокими обѣдами, длинными скучными вечерами, сознаніемъ, что спать одна въ цѣломъ домѣ, и въ случаѣ опасности должна положиться на однихъ слугъ. Будь сестра Агнеса дома, дѣло было бы совсѣмъ другое, думала она. Она могла бы отправиться въ викаріатъ. Теперь же она была несчастна; а бѣдный Ричардъ, какъ онъ также долженъ мучиться въ Лондонѣ, одинъ и въ такой тревогѣ! Кромѣ того она по двадцати разъ въ день думала: что могло стать съ Virginіей!

Она не опасалась какой-либо катастрофы. Она была увѣрена, что дочь ея въ безопасности, четыре человѣка не могутъ погибнуть безъ того, чтобы кто-нибудь чего-нибудь объ этомъ не услышалъ; — но гдѣ она? Куда дѣвала ее сестра? почему измѣнился весь планъ, почему не поѣхали они въ С., какъ было условлено съ самаго начала? Таинственность эта смущала и раздражала ее, пробуждая смутныя и непріятныя сомнѣнія при воспоминаніи о страдальческомъ выраженіи лица Virginіи, когда она застала ее на колѣняхъ, о ея почти страстномъ прощаніи съ отцомъ, о ея крайнемъ волненіи и горѣ при

отъѣздѣ изъ дому, очень замѣтномъ несмотря на всю ея сдержанность. Ужасный страхъ овладѣвалъ по временамъ Герміоной, и отецъ настоятель, хотя и осмѣялъ ее въ первую минуту, потомъ сдѣлался серьезенъ и, повидимому, въ душѣ былъ также встревоженъ, какъ и она. Тогда-то, не будучи въ состояніи долже выносить подобнаго положенія, Герміона телеграфировала мужу, и сама поѣхала на станцію встрѣчать его.

Умри теперь мистеръ Лассель, эти два существа, такъ страшно разлученныя, стали бы въ прежнія другъ къ другу отношенія и одной жертвой, по крайней мѣрѣ, было бы меньше.

Теперь же, власть, даруемая роковымъ обрядомъ исповѣди, все отдавала въ руки мистера Ласселя: душу Герміоны и счастье Ричарда, ея добродѣтель и его честь. Онъ зналъ каждую ея мысль, направлялъ каждое дѣйствіе. Если она на минуту давала волю своей привязанности и позволяла себѣ хотя бы чувствовать состраданіе къ человѣку, уничтожить котораго священникъ поставилъ себѣ задачей, онъ ее запугивалъ и заставлялъ снова играть назначенную ей роль. Она принадлежала ему, не Ричарду, и онъ давалъ ей это чувствовать, задавая ей длинный рядъ задачъ, имѣющихъ характеръ наказаній, чтобы очистить ея душу отъ грѣха непослушанія, который она совершила, вызвавъ мужа потому, что стосковалась по немъ.

— Этотъ грѣшникъ, этотъ проклятый безбожникъ!—говорилъ мистеръ Лассель, пылая священнымъ гнѣвомъ:—и вы, добрая дочь церкви, *просили* его вернуться. Почему не отпустили вы его на вѣки—зачѣмъ не оставили его вдали отъ себя!

Но когда онъ это сказалъ, Герміона такъ поблѣднѣла—такъ смертельно испугалась, чтобы это не было предписано ей въ видѣ ближайшаго шага на пути отреченія и послушанія—что мистеръ Лассель, въ свою очередь, испугался при мысли, что зашелъ слишкомъ далеко. Онъ такъ мило, такъ игриво обратилъ въ шутку свое предложеніе, что успокоилъ ее и заставилъ забыть сказанное имъ. Но онъ тѣмъ не менѣе не избавилъ ее отъ наказанія и далъ ей почувствовать, что она поступила нехорошо.

Тѣмъ временемъ было получено письмо отъ сестры Агнесы къ брату—со вложеніемъ записочки въ нѣсколько словъ отъ Виргиніи къ матери, въ которой говорилось только: «Не тревожьтесь. Мы всѣ здоровы и будемъ писать черезъ нѣсколько дней». На штемпелѣ было отпечатаемо: Парижъ. Записочку можно было показать Ричарду, который продолжалъ задавать работу сыщикамъ и телеграфнымъ проволокамъ; а потому въ ней заключалось нѣкоторое утѣшеніе. Хотя она и не облегчила ему

вопроса, она, по крайней мѣрѣ, доказывала, что дочь жива и еще не сдѣлалась жертвой клерикальных интригъ. Бѣльшаго онъ ничего не узналъ и даже не могъ добиться, какой былъ штемпель на письмѣ.

— Мистеръ Лассель сжегъ конвертъ, — сказала Герміона, когда онъ ее расспрашивалъ, — а я не обратила вниманія на штемпель. — Ричарду пришлось довольствоваться этимъ объясненіемъ.

Наконецъ они все узнали. Тайна раскрылась въ длинномъ письмѣ Виргиніи къ матери. Она свое намѣреніе привела къ логическому исходу, сдѣлавшись и по имени католичкой, какой уже была *de facto*. Она и сестра Агнеса, Кутбертъ Молине и отецъ Трускотъ открыто передались, и были приняты въ число признанныхъ членовъ церкви, въ лоно которой пришли въ силу полученнаго извѣстія толчка, или къ которой, какъ отецъ Трускотъ, уже нѣсколько времени втайнѣ принадлежали, работая въ ея интересахъ въ то время, какъ, повидимому, посвящали свои силы дѣлу ея противниковъ.

Письмо это было наполнено обыкновенными аргументами, какіе выставляются въ подобныхъ случаяхъ. Авторитеты и преданія, законность такихъ-то орденовъ, незаконность другихъ, историческія доказательства, божественная печать, лежащая на чудесахъ, полная и совершенная организація римской церкви, счастье принадлежать къ церкви, господство которой простирается на весь земной шаръ, церкви всемогущей, и въ царствѣ небесномъ и въ аду, прелесть монастырской жизни, радость слѣдовать примѣру святыхъ мужей и женъ, этой толпы свидѣтелей, жившихъ для одной истины и умиравшихъ ради славы ея, отдыхъ, какой находишь въ полной покорности власти и въ совершенномъ отреченіи отъ всякаго самостоятельнаго сужденія — всѣ разсужденія, такъ хитро привитыя ей отцомъ Трускотомъ, повторялись въ ея письмѣ; она кончала, умоляя мать обдумать свое настоящее положеніе и присоединиться къ истинной церкви. Англиканизмъ, — говорила она со словъ своего духовника, — красивые ворота для тѣхъ, кто родился въ тѣни ихъ. Если-жъ ему придается слишкомъ большое значеніе, если врата эти не ведутъ въ истинный храмъ, тогда онъ становится темницей для души. Далѣе въ письмахъ говорилось, что она, Виргинія, теперь находится съ сестрой Агнесой въ монастырь: *Prégatrise*, куда вступила въ качествѣ послушницы, надѣясь быть принятой въ число монашествующихъ по окончаніи своего искуса. Наконецъ нашла она свою истинную сферу и никогда не знала такого

счастія, какое узнала теперь. Она посылала сердечный привѣтъ отцу и просила передать ему, что будетъ молиться за него неустанно и съ полной вѣрой, что молитва ея будетъ услышана и сердце его, пока еще не поздно, обратится къ Богу.

Письмо было совершенной копией съ письма сестры Агнесы къ брату, исключая тѣхъ мѣстъ, гдѣ говорилось о личныхъ дѣлахъ.

И сестра не ограничилась одной догматической стороной вопроса; она позволила себѣ нѣсколько ѣдкихъ насмѣшекъ надъ безстыдной страстью Терезы и надъ грѣховнымъ увлеченіемъ Гермюны, надъ пыломъ, эгоистическимъ характеромъ, какимъ отличалась дѣятельность кроссгольмскихъ подвижницъ, возмущавшая ее и теперь, при одной мысли объ этомъ. А что она въ то время выстрадала! Ей казалось иногда, что она должна войти въ толпу этихъ духовныхъ одалискъ и обвинить ихъ за ихъ преступное самообольщеніе, за чудовищное кощунство, съ какимъ онѣ свою любовь къ человѣку прикрываютъ преданностью церкви. Говоря это о нихъ, она считала своимъ долгомъ выразить полное осужденіе и ему, брату своему, который, вмѣсто того, чтобы стараться удержатъ этихъ женщинъ, поощрялъ ихъ, и такимъ образомъ становился отвѣтственнымъ за грѣхъ. Она благодарила Бога за то, что теперь достигла чистаго убѣжища, куда мужчина не проникаетъ, и гдѣ душу ея уже не будетъ болѣе раздражать тщеславіе и страсти и грязь, испортившія ея работу въ Кроссгольмѣ.

Такъ вотъ чѣмъ все кончилось. Не одинъ карточный домикъ былъ разрушенъ этими письмами. Особенно тяжелъ былъ ударъ мистеру Ласселю.

О суммѣ, которую онъ надѣялся получить для церкви съ помѣстья семьи Молинѣ, теперь нечего было и думать, такъ какъ Тереза и тетушка Екатерина, безъ Кутберта, ничего сдѣлать не могли. Сокращеніе Виргиніи также разрушило его надежду на дальнѣйшія возмѣщенія со стороны аббатства, а дѣло англиканизма, его кровное дѣло—основа его вліянія и господства—получило тяжкій ущербъ, благодаря отступничеству обоихъ молодыхъ людей, его сестры и отца Трускота. Если къ этому насъ всѣхъ приведетъ ритуализмъ—подумають многіе, онъ это знаетъ—то чѣмъ меньше мы будемъ имѣть съ нимъ дѣла, тѣмъ крѣпче станемъ держаться за нашъ голый протестантизмъ, тѣмъ лучше. Если ритуализмъ только мѣсть къ католицизму, разрушимъ его, пока еще большее число не передалось; если то, что вѣжется намъ усиленіемъ для достиженія свободнаго развитія національной церкви, есть только борьба за нашего стараго врага папу, то поста-

раемся заставить этих замаскированных врагов открыть свое знамя. Лассель отчасти испытывалъ страданія Сизифа, когда тотъ докатывалъ камень до вершины горы только для того, чтобы онъ снова упалъ въ ея подножію.

Кромѣ того, одиночество, въ которомъ находилась Герміона въслѣдствіе отсутствія дочери, было вредно, такъ какъ должно было привести къ сближенію съ мужемъ; а затруднительность его собственныхъ сношеній съ нею, изъ-за отъѣзда сестры—хозяйки викаріата, была непріятна ему лично и неудобна въ виду его официального положенія. Со всѣхъ сторонъ это былъ тяжелый ударъ для него; а главное, они впали въ смертельное заблужденіе и оставили истину ради лжи.

Ничто такъ не далеко отъ мыслей нѣкоторыхъ изъ членовъ ритуалистической школы, чѣмъ переходъ въ лоно церкви, которой они всячески подражаютъ. Католицизмъ—самоубійство для деспотическаго англиканскаго священника, презирающаго епископовъ, нарушающаго законы страны, не признающаго ни суда, ни парламента. Обмѣнъ личной власти на сравнительное униженіе среди организаціи, гдѣ онъ долженъ былъ-бы подчиняться, не удовлетворяетъ человѣка, цѣль котораго быть неотвѣтственнымъ властелиномъ. Мистеръ Лассель никогда-бы не отпалъ отъ англиканской церкви, гдѣ онъ былъ всѣмъ, для Рима, гдѣ онъ былъ-бы только единицей. Онъ слишкомъ любилъ власть, чтобы отказаться отъ нея ради послѣдовательности; онъ увѣрилъ себя, что англиканскія положенія отвѣчаютъ всѣмъ требованіямъ логики и могутъ быть честно исповѣдуемы. Потому онъ былъ въ правѣ, казалось ему, быть раздраженнымъ и считать этихъ четырехъ отщепенцевъ отступниками и предателями.

Все сосѣдство было потрясено этимъ извѣстіемъ точно преступленіемъ; Рингрову казалось, что Виргинія—самоубійца. Ничто, когда-либо случавшееся въ его жизни, такъ сильно не огорчало его. Онъ предпочелъ-бы, чтобы дѣвушка, которую онъ любилъ, умерла, чѣмъ совершила подобный поступокъ; онъ оплакивалъ ее, какъ умершую, но умершую съ таинственнымъ пятномъ грѣха на своей первобытной чистотѣ.

Леди Мэнь торжествовала. То, что она давно предсказывала, совершилось, и кто-же оказался правымъ? неужели и теперь этотъ Кроссгольмскій викарій не долженъ быть съ барабаннымъ боемъ выгнанъ изъ прихода? спрашивала она.

Если таковы были чувства простыхъ друзей и знакомыхъ, то каковъ былъ этотъ ударъ для Ричарда, котораго онъ поразили со всѣхъ сторонъ? какъ землевладѣльца, надѣявшагося оста-

вить помѣстье въ надлежащихъ рукахъ и умереть съ сознаніемъ, что дочь его продолжаетъ традиціи матери, и что Рингровъ такой-же преданный мужъ, такой-же истинный либералъ, какимъ былъ онъ самъ; какъ отца, полагавшаго большую долю своего счастья въ своемъ единственномъ ребенкѣ; какъ философа, работавшаго на пользу себѣ подобныхъ, ненавидѣвшаго обманъ и ложь, жившаго только для распространенія знанія. Хотя онъ и самому себѣ въ этомъ не признавался, онъ не чувствовалъ въ себѣ силъ простить Герміону.

Ея собственное охлажденіе, какъ оно ни было для него ужасно, мучительно, унижительно во всѣхъ отношеніяхъ, было исключительно личнымъ оскорбленіемъ, а потому его легче было вынести; но въ томъ, что она такъ плохо берегла своего ребенка, онъ видѣлъ преступленіе, и не могъ простить ей гибели жизни, охранять которую было ея обязанностью.

— Это логическій результатъ всей этой жалкой комедіи, которой вы добровольно предавались, — съ горечью сказалъ онъ, когда Герміона подала ему письмо и онъ прочелъ въ немъ тяжелое извѣстіе, сообщаемое Виргиніей. — Изъ васъ всѣхъ одна дѣвочка — честный человѣкъ.

— Нѣтъ, это страшная ошибка! — сказала Герміона. — Переходить въ католицизмъ, переполненный заблужденіями, грѣхъ.

— Что значать нѣсколько лишнихъ песчинокъ для тѣхъ, кого въ пустынѣ засталъ ураганъ? Вамъ обѣимъ заляпило глаза, вы задыхаетесь, гибнете, какъ одна такъ и другая, подробности тутъ имѣютъ очень мало значенія. Непогрѣшимость папы или мистера Ласселя! Я ужъ предпочелъ-бы первую, еслибы выборъ былъ необходимъ. Теперь дитя наше для насъ умерло на вѣки, и ты, ея мать, которая должна была бы охранять ее...

Онъ остановился, всталъ, подошелъ къ камину, оперся объ него скрещенными руками и опустилъ на нихъ голову.

— Мнѣ такъ грустно, Ричардъ, — тономъ раскаянія сказала она, подходя къ нему поближе; и дѣйствительно она была очень огорчена и пристыжена.

Онъ не отвѣчалъ. Онъ не могъ утѣшить ее и не хотѣлъ утѣшать.

— Я не имѣла ни малѣйшаго понятія о томъ, что происходило, — продолжала она послѣ короткой паузы, удивленная его молчаніемъ. — Я никогда-бы не повѣрила, чтобъ сестра Агнеса могла быть такой хитрой, или чтобъ отецъ Трускотъ былъ такимъ лицемеромъ. Ты вѣришь мнѣ, неправда-ли, Ричардъ?

Она положила одну руку ему на плечо, а другою слегка

послулась его волю. Она ожидала, что онъ повернется и обниметъ ее, какъ обнялъ въ вечеръ своего отъѣзда. Судя по прошедшему, она думала, что онъ обрадуется, что онъ отвѣтитъ на ласку такъ горячо, что ей придется сдерживать проявленія его вѣжливости. Но онъ и не пошевелился. Голова его оставалась опущенной на руки.

— Ричардъ, — тихо сказала она, пытаясь разнять его руки. — Я ничего объ этомъ не знала! — убѣждала она. — Я и не подозрѣвала о томъ, что происходило, и не повѣрила бы, еслибъ мнѣ сказали; мистеръ Лассель также ничего не зналъ. Мнѣ такъ горько, милый, такъ тяжело! что могу я сдѣлать, чтобы помочь тебѣ? Я знаю, какъ сильно ты страдаешь; и я также такъ несчастна, такъ одинока, такъ измучена!

Мужество ее оставило и она зарыдала. Мужъ ея поднялъ голову и въ свою очередь положилъ ей руку на плечо.

— Одно только можешь ты сдѣлать, — сказали онъ нетвердымъ голосомъ: — отречься отъ всего этого безумія, опомниться, вернуться къ своимъ истиннымъ обязанностямъ. Мы лишились нашего ребенка, но мы можемъ еще настолько исправить нашу собственную разбитую жизнь, чтобы заслужить людское уваженіе и снова узнать любовь. Это зависитъ только отъ тебя, Герміона. Я остался тѣмъ, чѣмъ былъ, ты сошла со старой почвы. Вернись ко мнѣ, и постараемся забыть этотъ несчастный періодъ отчужденія въ новомъ союзѣ.

— Я не могу отказаться отъ церкви, ни сдѣлаться атеисткой, — сказала Герміона съ испуганнымъ взглядомъ, — я готова все для тебя сдѣлать, Ричардъ, но я должна остаться вѣрной своей религіи.

— Въ такомъ случаѣ ты не можешь помочь мнѣ, — сказали онъ, снимая руку съ ея плеча. — Религія на твоемъ языкѣ значить быть покорной слугой мистера Ласселя; а пока ты его слуга, ты не можешь быть для меня утѣшеніемъ, ты не можешь быть для меня больше того, что ты есть, т.-е. ничѣмъ.

— Неужели я дѣйствительно ничто для тебя, Ричардъ? ни утѣшительница? ни помощница? — сказала она, кротко поднявъ на него глаза, въ которыхъ отражалась вѣжливость и упрекъ за незаслуженную, по ея мнѣнію, суровость. — Неужели ты утверждаешь, что я теперь для тебя ничто? — повторила она.

— Чтожъ ты такое? — медленно отвѣчалъ онъ. — Ни жена, ни другъ, ни товарищъ; что ты такое, Герміона, какъ не свидѣтель торжества другого человѣка и моего собственного пораженія?

— Не говори объ отцѣ настоящѣ, какъ о человѣкѣ; онъ священникъ и мой духовникъ, — сказала Герміона.

Онъ обратилъ на нее глаза, засверкавшіе презрѣніемъ и негодованіемъ.

— Ублажай свою совѣсть такими прозрачными отговорами, если хочешь, — презрительно сказалъ онъ: — но предоставь мнѣ горькую и унижительную истину.

Его взглядъ и тонъ ужасали ее. Она была изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ гнѣвъ мужчины пугаетъ; а какъ у всѣхъ долготерпѣливыхъ людей, гнѣвъ Ричарда, однажды возбужденный, былъ ужасенъ.

— Такъ ты не пожертвуешь для меня своимъ священникомъ? — снова спросилъ онъ, послѣ короткаго молчанія. — Одно изъ двухъ, ты должна выбрать между нами.

— Не мистеромъ Ласселемъ не хочу я пожертвовать, а церковь, — воскликнула Герміона.

— Исповѣдью, полнымъ повиновеніемъ, дозволеніемъ постороннему человѣку становиться между мужемъ и женой — неужели все это составляетъ часть христіанской религіи, Герміона? неужели все это необходимо для твоей жизни въ лонѣ церкви?

— Исповѣдь необходима, — робко проговорила она. — Безъ исповѣди нѣтъ разрѣшенія грѣховъ, а безъ разрѣшенія грѣховъ церковь нѣтъ ни прощенія, ни спасенія.

— Бѣдное дитя мое! — сказалъ онъ съ внезапной мягкостью. — И до этихъ-то жалкихъ нелѣпостей они довели тебя! Неужели ничѣмъ нельзя тебѣ помочь? Изъ насъ двухъ, какимъ ты меня ни сдѣлала несчастнымъ, ты заслуживаешь бѣльшаго состраданія.

— Не изъ-за моей вѣры — она мое единственное утѣшеніе, — плача сказала Герміона.

— Такъ намъ и толковать не объ чемъ, — возразилъ онъ. — Пока ты будешь держаться за свою вѣру, какъ ты ее называешь — за твое заблужденіе, какъ называю ее я — мы останемся въ прежнемъ положеніи, разлученными. Я не желаю дѣлить твоей любви съ мистеромъ Ласселемъ, получать тѣ жалкія вѣроухи, какія онъ мнѣ предоставитъ; и пока ты не можешь всецѣло ко мнѣ вернуться, лучше, чтобъ ты стояла, какъ теперь, вдали отъ меня. Доброй ночи. Утрата ребенка есть только естественное послѣдствіе утраты жены. Но на это твоя воля. Доброй ночи.

Она стояла точно въ нерѣшимости, когда онъ повернулся,

чтобъ идти въ свой одинокій кабинетъ. Когда онъ былъ въ дверяхъ, она сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ.

— Ричардъ, вернись, — шепнула она.

Но онъ не слышалъ ее, а когда онъ ушелъ и дверь затворилась за нимъ, Гермiona тяжело перевела духъ, точно благополучно избѣжавъ опасности. Что бы сказать отецъ настоятель, еслибъ она примирилась со своимъ невѣрующимъ мужемъ, а тѣмъ самымъ измѣнила ему, своему духовнику? Когда она подумала о признаніи, которое ей пришлось-бы ему дѣлать, она буквально задрожала; но когда она живо себя представила до какого положенія она позволила довести свой семейный бытъ, она заплакала, и между двухъ непримиримыхъ крайностей чувствовала себя самой несчастной женщиной на свѣтѣ.

Глава IX. — Отступничество.

Тяжелыя времена настали для мистера Ласселя, но онъ смѣло шелъ навстрѣчу своимъ затрудненіямъ и не давалъ врагамъ своимъ повода радоваться, признаваясь въ слабости. Его официальное негодованіе достигло высоты, соответствующей обстоятельствамъ, и въ первое воскресенье по полученіи извѣстія о явной измѣнѣ его сестры, друга, ученика и дочери, самой выдающейся изъ его духовныхъ дочерей, онъ проповѣдовалъ противъ заблужденій Рима также энергически, какъ еслибъ проповѣдовалъ противъ безбожія Ричарда Фуллертонъ и дерзости научныхъ изслѣдователей вообще. Поощаилъ онъ одну Виргинію; ее онъ извинялъ, какъ невинную молодую дѣвушку, обольщенную лже-руководителями, которымъ она вѣрила.

Легко было догадаться, къ чему клонить его огненная рѣчь; она дышала откровенностью, но и она не примирила протестантскую часть паствы. Такъ какъ они по прежнему видѣли въ ритуализмъ шагъ къ католицизму, а въ викаріи переодѣтаго іезуита, они не могли понять враждебности подражателя къ оригиналу, и сомнѣвались въ искренности, звучавшей такъ красиво.

То, что было для него потерей, необращенные считали для себя приобрѣтеніемъ, и Незбиты, напримѣръ, почитали это благопріятнымъ случаемъ для возвращенія Гермидны Фуллертонъ на путь безопасности и здраваго смысла. Теперь, когда она лишилась поощренія, какимъ служило для нея чистое, хотя и ложное увлеченіе Виргиніи, они думали, что она должна утратить и главнѣйшій двигатель собственной религіозной жизни. Имъ не

вѣрилось, чтобъ она могла позволить вліянію мистера Ласселя сдѣлаться главной пружиной всѣхъ ея дѣйствій. И въ религіозномъ фанатизмѣ не было ничего хорошаго, но личное очарованіе было еще хуже. Первое было безуміе, а второе — преступленіе, имъ не хотѣлось обвинить ее въ немъ. Теперь, когда она на грустномъ опытѣ убѣдилась, въ чему приводитъ ритуализмъ, она, конечно, испугается и убѣжитъ отъ себя и окружающихъ ее опасностей въ общество своихъ болѣе благоразумныхъ друзей.

— Что за жалость, дорогая, такъ меня все это огорчило, — съ дружескимъ участіемъ говорила мистриссъ Незбитъ, приѣхавъ выразить свое сочувствіе огорченной матери.

Ласковое выраженіе кроткаго лица и мягкій голосъ, произносившій эти слова, придавали имъ особенную прелесть.

— Да, — сказала Герміона, — съ глазами полными слезъ. — Это страшное увлеченіе!

— Но его слѣдовало ожидать, — со вздохомъ замѣтила мистриссъ Незбитъ. — Извѣстіе это не удивило меня.

— А меня такъ удивило, — возразила Герміона. — А я знала Виргинію ближе, чѣмъ кто бы то ни было.

— Но иногда близкіе видятъ меньше другихъ, — довольно основательно замѣтила мистриссъ Незбитъ, — а намъ, не во всемъ съ вами согласнымъ, кажется чтобъ ритуализмъ также естественно приводитъ къ католицизму, какъ сѣмена даютъ цвѣтъ.

— Еслибъ вы были знакомы съ нашей вѣрой, вы бы не говорили такихъ вещей, — сказала Герміона. — Мы ненавидимъ заблужденія Рима, и, признавая достоинства католической церкви и мѣру благодати, заключающуюся въ ней, ненавидимъ ея извращенія и отрицаемъ ея преданія.

— Не вижу большой разницы между вами, — съ женскимъ упорствомъ настаивала мистриссъ Незбитъ, удивленная полемическимъ краснорѣчіемъ Герміоны. — Главное различіе заключается въ томъ, что Римъ послѣдователенъ, а вы нѣтъ, и что рожденные въ лонѣ католической церкви имѣютъ оправданія своему суевѣрію, которыхъ нѣтъ у васъ. Но не будемъ толковать обо всемъ этомъ, дорогая, мы никогда не столкнемся, да оно вовсе и не нужно. Чѣмъ могу я помочь вамъ? Мы съ вами въ одно время были молодыми женами и матерями, и мнѣ кажется будто вы моя сестра. Желала бы я отъ васъ слышать, дорогая, что вы находите помощь въ вашемъ дорогомъ и добромъ мужѣ.

— Бѣдный Ричардъ! онъ ничего не можетъ сдѣлать ни для меня, ни для себя, пока держится своего настоящаго образа

мыслей, — отвѣчала она. — Не будь ужасныхъ мнѣній, быть можетъ всего этого никогда бы не случилось. Виргинія тогда могла бы довѣриться ему.

— Она не довѣрилась вамъ, своей матери, — сказала мистриссъ Незбитъ.

— Я не болѣе какъ женщина, — просто замѣтила Герміона.

— Но теперь, когда вы однѣ дома и, за отсутствіемъ миссъ Лассель, не можете такъ часто бывать въ викаріатѣ, надѣюсь, что вы навѣстите насъ и позволите намъ посѣщать васъ, какъ бывало, — сказала мистриссъ Незбитъ. — Мы такіе старые друзья, намъ надо видаться чаще, чѣмъ мы видимся, и не позволять нашей дружбѣ испаряться, что она, кажется, дѣлала за послѣднее время. Такъ отдалиться другъ отъ друга, какъ отдалились мы изъ-за простого различія во взглядахъ — дѣло не сосѣдское, не христіанское!

— Дружба со свѣтомъ есть вражда противъ Бога, — сказала Герміона.

— Но я не свѣтъ, — съ улыбкой возразила мистриссъ Незбитъ. — Я просто мирная, добродушная жена и мать, страшная домохозяйка и ваша старая пріятельница. Полно, милая, не позволяйте этому разладу продолжаться. Онъ и безъ того слишкомъ долго длился, и безо всякой на то причины. Пріѣзжайте къ намъ, какъ бывало. Пріѣзжайте завтра обѣдать, какъ въ милые старыя времена — вы и вашъ мужъ. Хотя мы не можемъ избавить васъ отъ этого страшнаго горя, мы все же можемъ заставить васъ провести нѣсколько часовъ менѣе грустно, и, во всякомъ случаѣ, у насъ не будетъ ничего, что бы вамъ напоминало объ ужасной ошибкѣ бѣдной Виргиніи. Въ викаріатѣ же или у Молине вамъ, на каждомъ шагѣ должно ее напоминать все то, что дало ей это роковое направленіе.

— Вы очень, очень добры, — сказала Герміона неувереннымъ тономъ. Она знала, что отецъ настоятель будетъ недоволенъ, если она поѣдетъ къ Незбитамъ; но въ данную минуту она такъ нуждалась въ утѣшеніи, что не знала какъ отелонить отъ себя это милое искушеніе.

— Такъ вы будете? — съ дружеской горячностью воскликнула мистриссъ Незбитъ. — Это доставить намъ всѣмъ такое удовольствіе. — Видя, что Герміона все еще колеблется, она прибавила: — Если мистеръ Лассель такъ отрываетъ васъ отъ всѣхъ вашихъ старыхъ друзей, я не понимаю, какъ его совѣсть съ этимъ мирится. Христіанство означаетъ милосердіе ко всѣмъ людямъ, а не эту фарисейскую замкнутость.

— Все же мы обязаны повиноваться церкви и не должны обсуждать вѣрнѣй ея,—встала Герміона, а потомъ жалобно прибавила:—Не наша вина, что вы не хотите присоединиться къ намъ. Какъ бы я этого желала!—безъ этого все такъ трудно!

— Не знаю, чего вамъ и мистеру Ласселю надо,—сказала мистриссъ Незбитъ, широко раскрывъ глаза.—Мы всѣ добрые христіане, чего же вы еще хотите?

— Чтобъ вы были добрыми чадами церкви,—сказала Герміона съ такимъ выраженіемъ лица, будто она, бѣдная, вѣрила въ то, что говорила и понимала, что хотѣла сказать.

Въ эту самую минуту доложили о пріѣздѣ Рингрова Гардисти. Въ первый разъ являлся онъ въ аббатство съ того рокового дня, когда, ничего не подозревая, присутствовалъ при прощаніи Виргиніи со свѣтомъ; онъ испытывалъ чувства человека, входящаго въ комнату, въ которой стоитъ гробъ его возлюбленной. Онъ былъ очень блѣденъ, очень печаленъ, сильно измѣнился за послѣднія нѣсколько недѣль, такъ какъ самъ Ричардъ не сильнѣе его горевалъ о томъ, что въ сущности было смертью Виргиніи.

— Вы также пріѣдете, Рингровъ?—сказала мистриссъ Незбитъ безо-всякихъ предисловій, когда онъ вошелъ.

Она догадывалась о чувствахъ его и Герміоны, понимала, что эта первая встрѣча должна быть мучительна.

— Куда?—спросилъ онъ, держа руку Герміоны, но глядя на мистриссъ Незбитъ.

— Завтра къ намъ обѣдать. Эта голубка и мистеръ Фулertonъ будутъ.

— Съ удовольствіемъ. Мистриссъ Фулertonъ знаетъ, какъ высоко я цѣню ея общество и нигдѣ оно не можетъ быть мнѣ пріятнѣе, чѣмъ у васъ въ домѣ,—сказалъ Рингровъ.

Герміона отвернула отъ него лицо.

— Вы очень добры къ намъ,—сказала она, слегка всхлипнувъ.

Мистриссъ Незбитъ, дружески обнявъ ее, скорѣй какъ мать, чѣмъ какъ женщина немногимъ старше ея самой, подумала, что побѣда обезпечена и что мистриссъ Фулertonъ теперь спасена отъ ритуализма и мистера Ласселя.

Принимая многое во вниманіе, убѣжденіе это было не настолько дико, насколько могло показаться съ перваго взгляда. Ничто такъ не дѣйствуетъ на женщину, какъ равнодушіе; а со времени бѣгства Виргиніи и послѣдней неудачной попытки въ полному примиренію съ его стороны Ричардъ выказывалъ полное равнодушіе; онъ даже далъ понять Герміонѣ, что прини-

иметь ихъ настоящія отношенія за окончательно-установившіяся и не будетъ больше пытаться измѣнить ихъ. Всегда вѣжливый, онъ пересталъ быть ласковымъ; всегда кроткій, никогда не бывалъ нѣжнымъ. Теперь, когда она была одна, онъ считалъ своей обязанностью часто бывать съ нею, выѣзжать съ нею — когда не удовольствіе, доставляемое его присутствіемъ, было не слишкомъ очевидно, сидѣть съ нею по вечерамъ, разговаривать съ ней за столомъ, но не выходя изъ роли друга. Ни словомъ, ни взглядомъ не обнаруживалъ онъ ничего кромѣ благовошенитанности пріятнаго знакомаго; во всей его манерѣ сказывалось замѣчательное достоинство. Онъ никогда не касался вопросовъ, занимавшихъ его, не нападалъ на религію, не защищалъ науку, никогда не намекалъ на Виргинію или на прошлое, не потому, чтобы онъ желалъ позабыть о ней, но потому, что ея имя было упрекомъ его женѣ; въ его понятіяхъ, говорить о дочери значило обвинять мать. Это была самая скучная жизнь, какую можно себѣ представить; но еслибъ Ричардъ придумывалъ чѣмъ бы задѣть жену и снова расположить ее къ себѣ, онъ не могъ бы напасть на лучшій планъ.

Пристыженная, огорченная, одинокая, она чувствовала равнодушіе своего отвергнутаго мужа почти также сильно, какъ еслибъ никогда не переносила своей нѣжности съ него на мистера Ласеля. Его увѣренность въ ней когда-то возбуждала ея неудовольствіе; его согласіе на разлуку, которой она сама потребовала, заставляло ее жадать снова привлечь его къ себѣ.

— Я думаю, Ричардъ ничего не будетъ имѣть противъ этого — сказала она, возвращаясь къ вопросу о завтрашнемъ обѣдѣ.

— Я пойду къ нему, — вѣзвался Рингровъ, также своимъ прежнимъ тономъ баловня дома, почти сына, каковая роль предоставлялась ему по взаимному соглашенію, причѣмъ достойно замѣчанія, что хотя поводомъ къ этому служила Виргинія, его старая роль была ему возвращена ея утратой.

Постарѣвшій, посѣдѣлый, слегка сгорбленный, исхудалый, осунувшійся, съ лицомъ, на которомъ прежнее спокойное выраженіе замѣнилось неизмѣнно печальнымъ, Ричардъ слишкомъ ясно обнаруживалъ, какъ глубоко онъ былъ пораженъ — такъ смертельно раненъ. Мистриссъ Незбитъ, при взглядѣ на него, почувствовала, что сердце ея сжалось, такъ страшно онъ измѣнился.

— Обѣдать у васъ завтра? нѣтъ, благодарю васъ, — сказала онъ устало. — Не въ такомъ я настроеніи, чтобы обѣдать въ гостяхъ.

— Да только васъ двое, да Рингровъ Гардисти, — убѣждала мистриссъ Незбитъ. — Вѣдь это все равно, что дома, мистеръ Фуллертонъ, вы же у насъ такъ давно не были.

— Неужели ты не поѣдешь, Ричардъ? — робко сказала Герміона.

— Если ты этого желаешь, я, разумѣется, поѣду съ тобой, — сказалъ онъ серьезно послѣ минутной паузы; но лицо его не прояснилось, онъ уступилъ только какъ джентльменъ уступить люди, а не любящій человѣкъ любимой женщинѣ.

Герміона покраснѣла. Она почувствовала разницу, о которой догадались и Рингровъ съ мистриссъ Незбитъ, и сочла мужа жестокимъ за то, что онъ оставался холоднымъ, когда она охотно бы стала на болѣе дружескую съ нимъ ногу.

Она однако одержала верхъ, они оба посѣтили Незбитовъ, точно они были прежними старыми друзьями, и Герміона, какъ-бы возвратившаяся въ прошлому подъ вліяніемъ внезапнаго наплыва давнихъ ощущеній, сказала уѣжая, что уже много лѣтъ не проводила время такъ пріятно.

Когда мистеръ Лассель услышалъ объ этомъ признакѣ дѣйствительнаго, хотя и не буквальнаго послушанія, онъ обнаружилъ такое трогательное личное горе, выразилъ такое сильное и праведное негодованіе по поводу отпаденія отъ благодати той, на кого онъ вполнѣ рассчитывалъ, что Герміона частью смягчилась, частью перепугалась и поняла, что она отступница, которая должна покаяться, если хочетъ, чтобы ей возвратили прежнія милости и отпустили ея прегрѣшенія. Она должна искупить прошлое и обѣщать исправиться; часть этого искупленія заключалась въ пожертвованіи на церковные расходы чека въ пятьсотъ фунтовъ — немногимъ болѣе тысячи сверхъ назначеннаго ей дохода, сумму эту она была должна въ банкъ.

Послѣдствіемъ этого чека было полученное изъ банка письмо, въ которомъ ей напоминали, что ея требованія на такую-то сумму превышаютъ ея текущій счетъ, и требовали новаго вклада для продолженія дѣловыхъ сношеній. Въ то же самое время посыпались счета, которые должны бы были быть уплачены нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и Герміона, не умѣвшая вѣрно свести дневного счета, въ первый разъ въ жизни почувствовала себя въ финансовомъ затрудненіи, въ которомъ не смѣла сознаться мужу.

Исторія съ обѣдомъ заставила задуматься мистера Ласселя; въ соединеніи съ затруднительностью свиданій и какой-то неуловимой сдержанностью на исповѣди, а также нѣкотораго укло-

ненія отъ душеспасительнаго осужденія мужа, посредствомъ котораго онъ, какъ духовникъ ея, всачески старался выставить вѣрность жены грѣхотъ, а нравственную измѣну добродѣтелю, она заставила его придумать новую комбинацію. Она была слишкомъ слаба, чтобы ее можно было предоставить самой себѣ, она выскользнетъ изъ его рукъ и попадетъ въ руки мужа, если онъ силой не счумѣетъ удержать ее. Онъ сознавалъ, что, если онъ чего-нибудь не придумаетъ, дни его власти сочтены. А потому онъ и составилъ новый планъ атаки.

— Одна изъ моихъ самыхъ дорогихъ пріятельницъ, — сказалъ онъ ей однажды послѣ исповѣди, — добрая дочь церкви, и едва-ли нужно прибавлять, вообще вполне достойная особа, мистриссъ Эверетъ, Эдионъ Эверетъ — желаетъ пріѣхать сюда. Я сказалъ ей, что вы ее пріютите въ аббатствѣ. Ея общество будетъ для васъ неопцѣненно при вашемъ одиночествѣ, вы же такъ нуждаетесь въ утѣшеніи.

— Благодарю васъ, дорогой отецъ настоятель, — сказала Герміона съ притворной сердечностью. Въ душѣ она жалѣла, что онъ это затѣялъ. Она не была теперь такъ одинока, какъ была сначала. Она довольно часто видалась съ мистриссъ Незбитъ, которую не могла не любить, несмотря на ея недостаточное благочестіе, и Рингровъ и Беатриса почти также часто бывали въ аббатствѣ, какъ прежде. Кромѣ того она была увѣрена, что эта мистриссъ Эверетъ будетъ несимпатична Ричарду. Бѣдный Ричардъ! онъ уже такъ настрадался, ей право не хотѣлось причинять ему новыхъ страданій.

Мистеръ Лассель проникательно взглянулъ на нее. Онъ очевидно ожидалъ отъ нея чего-нибудь большаго, тѣмъ сухая благодарность, и какъ-будто угадывалъ ея мысли.

— Какова она? — поспѣшно спросила Герміона съ инстинктивной ревностью женщины.

— Она прекрасна, — горячо отвѣчалъ мистеръ Лассель.

Ярко запылали розовенькія щеки хорошенькой женщины.

— Душой, если не лицомъ, — продолжалъ ея духовникъ. — Духовно она такъ близка къ совершенству, какъ можетъ быть къ нему близко грѣховное человѣческое существо; когда вы познакомитесь съ нею, вы полюбите ее, какъ люблю я.

— Я въ этомъ увѣрена, — отвѣчала она принужденнымъ тономъ, глядя въ землю и чувствуя, что возненавидѣть ее. Въ сущности, отецъ настоятель слишкомъ много позволяетъ себѣ, особенно въ виду того, что въ самой глубинѣ ея глупаго сердца таилось желаніе примириться съ мужемъ и непоколебимая увѣ-

решность, что предоставленная самой себѣ она добьется этого примиренія. Ничего этого она не выразила словами. Послѣ всего, что происходило между нею и отцемъ настоятелемъ—послѣ священной любви, въ которой они признались другъ другу, и принесенія ему въ жертву ея супружескихъ обязанностей, невозможно было отвергнуть планъ, предложенный для ея же пользы, не улыбаться ему, думая въ то же время, съ трудомъ подавляя слезы: Какъ я скажу это Ричарду!

— Если вы мнѣ позволите руководить вами,—сказалъ мистеръ Лассель, отъ котораго ничто не ускользало:—вы позволите, дитя мое?—всталъ онъ улыбаясь.

— Конечно, дорогой отецъ настоятель,—отвѣчала она, также улыбаясь.

— Въ такомъ случаѣ примите мой совѣтъ. Не говорите ничего мистеру Фуллертону до времени пріѣзда мистриссъ Эверетъ. Тогда скажите ему, что она ѣдетъ, и что вы отправляетесь въ Стартонъ къ ней навстрѣчу—что вы, разумѣется, и сдѣлаете.

— И вы не думаете, что это будетъ слишкомъ?—неожиданно тревожно спросила она.

— О, если вы желаете, главнымъ образомъ щадить его чувства, вамъ всего лучше спросить его согласія и подчиниться его рѣшенію,—съ грубымъ презрѣніемъ сказалъ мистеръ Лассель.—Я думалъ, что вы приобрѣли достаточно самостоятельности, чтобъ имѣть возможность пригласить пріятельницу погостить къ вамъ на короткое время, не бросаясь на колѣни передъ мужемъ съ цѣлью вымолить его позволеніе. И передъ такимъ мужемъ, вдобавокъ, которому все богобоязненное и доброе ненавистно. Но если будетъ тяготить васъ, я избавлю васъ отъ моихъ заботъ...

— Нѣтъ, я не желаю, чтобы вы лишали меня своихъ заботъ. Вы мой лучшій другъ,—сказала Герміона.—Я поступлю по вашему совѣту.

Онъ улыбнулся и наклонился къ ней, чтобъ глубже заглянуть ей въ глаза.

— Милое дитя!—нѣжно прошепталъ онъ;—свѣтъ сдѣлался бы для меня пустыней, еслибъ, узнавъ истину, вы сдѣлались отступницей и впали въ заблужденіе. Но вы устоите, неправда ли? Вы не дадите врагу душъ человѣческихъ власти надъ вами черезъ грѣховную слабость къ безбожнику, котораго законъ называлъ вашимъ мужемъ? Вспомните, что я прежде говорилъ вамъ: Богъ или человѣкъ, спасеніе или вѣчная погибель, божественное руководство или сатана и мужъ вашъ. Вы должны сдѣлать выборъ—что вы и сдѣлаете.

— Да,—сказала Герміона.—Я всегда останусь подъ твоимъ руководствомъ.

Онъ взялъ ея руку.

— Вы клянетесь въ этомъ Крестомъ?—сказалъ онъ сурово и горячо.—Я всегда буду вами руководить?

— Да,—отвѣчала она дрожа.

— Я скоро заставлю васъ доказать это на дѣлѣ,—сказалъ онъ, внезапно выпуская ея руку.—Когда это случится, вспомните вашу клятву.

Глава X.—Ея руководитель и другъ.

— Одна дама пріѣзжаетъ ко мнѣ на нѣсколько недѣль. Я сейчасъ ѣду на станцію навстрѣчу ей.—Герміона объявила это развязнымъ тономъ, оказавшимся вполне неудачнымъ.

Ричардъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее. Что значить это заявленіе.

— Кто она такая? Гдѣ ты встрѣчалась съ ней?

— Она мистриссъ Эверетъ и я еще ее не видала.

— Ея имя мнѣ ничего не говоритъ. Кто и что такое эта мистриссъ Эверетъ? и зачѣмъ она является сюда?—возразилъ онъ.

— Она изъ друзей винарія и желаетъ побывать въ Кросс-гольмѣ, чтобы видѣть работы,—сказала Герміона. —Такъ какъ она теперь, къ несчастью, не можетъ остановиться въ икаріатѣ, я предложила приютить ее здѣсь.

— Надѣюсь, что она одобритъ работы и останется довольна своимъ помѣщеніемъ,—сказалъ Ричардъ съ отгнѣвомъ сарказма.

— Ты ничего не имѣешь противъ ея пріѣзда, не правда ли?—спросила она.

Она была изъ тѣхъ женщинъ, которыя не только поступаютъ по-своему, но требуютъ, чтобы другіе одобряли ихъ.

— Это совершенно безразлично,—отвѣчалъ онъ.

— Нѣтъ, не безразлично. Мнѣ было бы очень жаль сдѣлать тебя непріятное,—порывисто сказала Герміона.

— Боюсь, что ты въ этомъ случаѣ измѣнишь себѣ,—отвѣчалъ онъ серьезно.—Къ несчастью, опасеніе сдѣлать мнѣ непріятное давно уже перестало сдерживать тебя, Герміона.

На глазахъ ея навернулись слезы.

— Ты жестоко ошибаешься,—сказала она.

— Нѣтъ, я не жестока,—спокойно замѣтилъ онъ;—я только на-сторожѣ. Не хотѣлось бы мнѣ впасть въ новую ошибку.

— А, можетъ быть, ты теперь болѣе ошибаешься, чѣмъ ошибался прежде,—сказала Герміона, протягивая ему руку и глядя на него съ внезапной нѣжностью.

Онъ взялъ ее руку и молча держалъ ее. Да и что могъ онъ сказать? Онъ зналъ, что это только переходящее настроеніе духа. Не истинное примиреніе предлагала она. Въ этому былъ одинъ только путь—отказаться отъ ритуализма и мистера Лас-села и возвратиться къ своимъ супружескимъ обязанностямъ въ духѣ прежней любви. Въ этого ее слабыя усилія заключить условный миръ были тщетны. Ихъ слѣдуетъ приписать скорѣй утомленію, чѣмъ вновь пробудившейся любви ко мнѣ, думалъ онъ съ прямодушнымъ мужествомъ человѣка, предпочитающаго страданіе самообольщенію, — она ищетъ сближенія, потому что одинока, а не потому что раскаявается.

— Разумѣется,—продолжала Герміона, какъ истая женщина, приводя оправданіе, когда никто ее и не обвинялъ:—разумѣется, я себя теперь чувствую очень одинокой; пріятно будетъ имѣть товарища. Я это вполне сознаю.

Ричардъ тяжело вздохнулъ. По чьей винѣ, изъ-за чьего безумія лишилась она лучшаго товарища, какого женщина можетъ имѣть въ лицѣ своей дочери, и теперь вынуждена искать общества незнакомого, чтобъ облегчить свою тоску?

— Если ты довольна, этого достаточно—сказалъ онъ.

— Но ты также долженъ быть доволенъ,—настаивала она.

— Я въ этомъ вопросѣ не имѣю голоса. Бесполезно говорить обо мнѣ въ связи съ твоими дѣйствіями, Герміона.

— Какой ты недобрый!—сказала она съ упрекомъ.

Онъ отвернулся. Все это ему было слишкомъ тяжело. Онъ предпочелъ бы видѣть, что она честно его чуждается изъ-за ложныхъ принциповъ, которыхъ искренно придерживается, чѣмъ то что она унижаетъ себя до того, что въ сущности было кокетствомъ. Это противорѣчило всѣмъ его понятіямъ о самоуваженіи, и огорчало его болѣе чѣмъ ее прежняя раздражительность.

Высокая и граціозная женщина, съ умнымъ, но вовсе некрасивымъ лицомъ, вышла изъ вагона въ Стартовѣ и съ любопытствомъ осмотрѣлась. Въ манерахъ ее сказывалось рѣдкое самообладаніе, но она была также кротка, какъ и спокойна, ее женственность служила ей и оружіемъ и щитомъ, она считала себя какъ-бы священнымъ существомъ, уважать которое составляетъ для свѣта особаго рода честь. Волосы ее были свѣтлые какъ ленъ, глаза каріе съ зеленоватымъ отливомъ, прекрасный цвѣтъ лица, носъ короткій и тупой. Говорила она хорошо; тонъ

ея, въ своемъ родѣ, отличался такой же искусственностью, какъ тонъ сестры Агнесы, но меньшимъ ханжествомъ. Она очевидно была свѣтской женщиной, которой религія служила украшеніемъ. Съ виду вполне откровенная, свою настоящую личность она не отеривала никому, и при всей мягкости и ласковости своего обращенія, обладала желѣзной волей: ея дѣти ее боялись, а слуги никогда не оставались у нея долѣе обязательнаго срока.

Предупрежденная заранѣе, она сейчасъ же стала обращаться съ Герміоной, какъ съ особой, которую должно сожалѣть, направлять, бичевать, поощрять и хвалить все за разъ. Отступничество, доведенное до степени хотя бы слабаго примиренія съ ея безбожникомъ мужемъ было грѣхомъ, самая возможность котораго не должна ей представляться; и мистрисъ Фуллертонъ слѣдовало дать понять, что въ лицѣ мистрисъ Эдмъ Эверетъ она имѣетъ благочестиваго тюремщика, который не допуститъ ни до какого заигрыванія со зломъ, какъ бы хитро его не перерисовали въ супружескую привязанность или женскую нѣжность.

— Отецъ настоятель все мнѣ объ васъ разсказалъ и объяснилъ, чѣмъ я могу утѣшить васъ и быть вамъ полезна, — сказала она, съ-разу дѣлаясь союзницей Герміоны противъ общаго врага. — Онъ говорилъ мнѣ о вашемъ тяжкомъ испытаніи и о томъ, какъ мужественно вы его выносите.

— Дѣлаю, что могу, — смущенно отвѣчала Герміона.

— Да, отецъ настоятель говорить, что вы велики и такъ глубоко понимаете, насколько въ вашихъ условіяхъ невозможно быть и доброй дочерью церкви, и любящей женой! Тяжело это вамъ, но нельзя служить Богу и мамонѣ, надо выбирать.

— Одинъ недостатокъ моего мужа — его мнѣніа, — пролепетала Герміона, задѣтая этой безцеремонностью незнакомаго.

Мистрисъ Эверетъ улыбнулась. Что за младенецъ въ мірѣ истинны эта хорошенькая женщина!

— Да вѣдь въ этомъ-то и вопросъ, сказала она. — Что можете имѣть цѣну безъ истинной доктрины? Отецъ настоятель сказалъ бы вамъ то же самое, я знаю; — не такъ ли?

— Да, — сказала Герміона, какъ ребенокъ, котораго экзаменуютъ изъ катехивиса.

Это вашъ домъ? — внезапно спросила она, мѣняя тонъ, когда онѣ вѣхали въ ворота. — Какой красивый! Что за рай! и со вздохомъ въ полголоса, но совершенно явственно замѣтила: — и здѣсь, какъ въ Эдемѣ, змѣя!

Знакомство ея со змѣею, состоявшееся передъ самымъ обѣ-

домъ, во многихъ отношеніяхъ было неловко обставлено. Герміона, сознавая, что ввела въ домъ своего мужа такого же отъявленнаго врага его, какъ самъ мистеръ Лассель, и сознавая, что была вынуждена это сдѣлать, была неестественна и чувствовала себя неловко. Мистрисъ Эверетъ, вѣрная своей программѣ, была холодна и едва-вѣжлива съ этимъ отъявленнымъ сыномъ погибели; и самъ хозяинъ дома, поддавшись настроенію минуты, обнаружилъ самое официальное гостепріимство — и только. Она не давала разговору уменьшиться ни на минуту, но обращалась къ Герміонѣ, а когда Ричардъ вставлялъ свое слово, отвѣчала ему только черезъ посредство жены. Она никогда не смотрѣла на него исключая тѣхъ минутъ, когда онъ не смотрѣлъ на нее, и тогда поглядывала на него украдкой, рассматривая его съ тѣмъ же любопытствомъ, съ какимъ бы смотрѣла на какое-нибудь чудовище. Съ него она медленно переводила глаза на Герміону, и тогда взглядъ ея, вмѣсто любопытства и ужаса, выражалъ состраданіе и нѣжность. Герміона видѣла всю эту игру фисіономіи, что именно и имѣлось въ виду. Чтобы Ричардъ не сказалъ, Эдмундъ Эверетъ это опровергала и упорно обращала разговоръ на богословіе и церковь. Она говорила о себѣ и своихъ—объ англичанахъ или католикахъ—какъ о преслѣдуемыхъ подобными Ричарду «сильными міра сего», чье нечестіе они должны нѣкоторое время выносить, чтобы впоследствии восторжествовать вмѣстѣ со святыми. Слушая ее, можно было подумать, что костры и пытки по прежнему въ большомъ ходу, и что она и ея единомышленники ежедневно трепещутъ за свою жизнь, которой угрожаютъ Ричардъ и законъ; но въ ея манерѣ, собственно говоря, прямой дерзости не было. Ея откровенное и безусловное осужденіе заставляло Герміону морщиться; но Ричардъ не принималъ вызововъ, бросаемыхъ ему въ лицо одинъ за другимъ. Духовно распинаемый, онъ былъ равнодушенъ къ тому, что случайный прохожій надѣвался надъ нимъ. Съ своей стороны Герміона вскорѣ догадалась, что ей не слѣдуетъ защищать своего мужа, когда онъ съ новой пріятельницей наединѣ. Она это попробовала однажды; но мистрисъ Эверетъ, взглянувъ на нее своими ясными, проницательными глазами, отвѣчала своимъ мягкимъ и довольно однообразнымъ голосомъ:

— Вы не должны изыскивать для него извиненій, дорогая мистрисъ Фуллертонъ, иначе я подумаю, что опасенія отца настоятеля оправдываются.

— Чего же опасается отецъ настоятель?—спросила Герміона съ полу-испуганнымъ взглядомъ.

— Чтобы из-за вашей почти преступной любви къ мужу вы не отпали от благодати и не сдѣлались отверженной, — сказала мистриссъ Эверетъ также спокойно, какъ еслибъ говорила о старомъ платьѣ, которое больше носить нельзя.

— Надѣюсь, что этого не будетъ, — сказала Герміона съ суевѣрной дрожью.

— Такъ не искушайте Провидѣніе защитой такого ужаснаго человѣка. Вы точно также могли бы начать защищать Іуду, — былъ спокойный отвѣтъ.

— Я не защищаю его мнѣній. Никто страже моего не осуждаетъ ихъ. Я говорю только, что въ немъ есть и достоинства, — возразила Герміона съ мужествомъ раздраженія.

— Бѣдняжка мой! *есть и достоинства!* — крѣтко сказала мистриссъ Эверетъ. — Какъ можетъ безбожникъ имѣть достоинства? Это все равно, какъ еслибъ вы сказали, что человѣкъ, умирающій отъ рака, не весь боленъ! Принимая во вниманіе достойную сожалѣнія любовь, какую вы къ нему питаете, я понимаю ваше желаніе выставить его въ возможно лучшемъ свѣтѣ. Но это нехорошо. Бываютъ случаи, когда даже любовь жены къ мужу грѣховна, а ваша любовь, дорогая, несомнѣнно грѣховна, и должна быть побѣждена чѣмъ бы это ни стоило. Это ужасное испытаніе; но вы должны страдать и бороться.

Такой-то тонъ звала мистриссъ Эверетъ подъ надлежащимъ руководствомъ. Она приписывала Герміонѣ всепоглощающую страсть къ мужу, что заставляло хорошенькую женщину краснѣть отъ стыда и бояться оказать самую незначительную ласку этому безбожнику, котораго церковь дала ей, а теперь хотѣла у нея отнять. Всякій разъ, когда она заговаривала съ нимъ, ясные глаза Эдмонъ Эверетъ устремлялись на нее и не отрывались, пока она не кончитъ; ей давали понять, что она грѣшитъ, если она обращалась къ нему крѣтко, или не будучи къ тому вынуждена. Постепенно становилась она не властна надъ собственной жизнью; мало-по-малу, спокойно, хитро, вкрадчивая гостья забрала въ свои руки разныя мелкія обязанности и распоряженія, ставившія съ каждымъ днемъ хозяйку дома въ болѣвшую отъ нея зависимость. Главнымъ образомъ, она приводила ее въ постоянное общеніе съ отцемъ настоятелемъ, и дѣлала сношенія такими же приличными, какъ во время сестры Агнессы, и Герміонѣ также легко было справиться съ нею, какъ мухъ съ паукомъ, разъ попавъ въ его паутину.

Несмотря на все это, Герміона была несчастна. Лсты ей на словахъ, покровительствуя ей по наружности, распоряжаясь ею,

въ дѣйствительности, мистриссъ Эверетъ какъ-то умѣла стать между нею и отцомъ настоятелемъ съ одной стороны, и между нею и мужемъ съ другой, — мужемъ, съ которымъ теперь, когда этому встрѣчались препятствія, она втайнѣ жаждала примириться. Она слишкомъ брала на себя роль ея истолковательницы; Герміона предпочла бы говорить за себя. Ей непріятно было слышать какъ ея мысли, чувства и желанія объясняли отцу настоятелю. Но она была бессильна. Изъ этого нравственнаго рабства ее могло бы освободить одно слово, сказанное Ричарду. Но это одно слово! Его-то она и не смѣла произнести. Не значило-ли бы это призвать сатану освободить ее изъ священныхъ рукъ церкви?

Умная женщина, съ сильно развитымъ юморомъ и большимъ властолюбіемъ, мистриссъ Эверетъ находила многое въ Кроссгольмѣ смѣшнымъ, а еще большее достойнымъ осужденія. Женское поклоненіе, воздаваемое отцу настоятелю, возмущало ее по многимъ причинамъ, и она такъ нещадно смѣялась надъ нимъ, что самъ мистеръ Лассель устыдился и подумалъ, что оно можетъ быть нѣсколько превышаетъ по праву ему принадлежащую духовную дань. Относительно тѣхъ, у кого любовь къ человѣку сливалась съ благоговѣніемъ къ священнику, она была также ѣдка, какъ и беспощадна въ своихъ обличеніяхъ, она даже не щадяла Терезы, хотя та и умирала. Миссъ Прайеръ и всѣ болѣе скромныя прихожанки, питавшіяся словами и взглядами отца настоятеля, какъ голодные избранники питались манной, никогда не подвергались такимъ насмѣшкамъ, какъ со стороны этой высокой, улыбающейся женщины съ мягкимъ голосомъ и живымъ остроуміемъ, говорившей самыя жестокія вещи самымъ любезнымъ тономъ и заставлявшей ихъ всѣхъ плакать тайкомъ и краснѣть при другихъ. Каковы были ея личныя чувства къ этому человѣку, служившему цѣлью для столькихъ женскихъ стрѣлъ, никто угадать не могъ. Уже, конечно, говорили нѣкоторые, она слишкомъ умна, чтобы вообразить, что онъ женится на ней, некрасивой и небогатой вдовѣ, хотя она обладала всѣми качествами, съ помощью которыхъ жена дѣлаетъ карьеру мужа. Тѣмъ не менѣе она очевидно имѣла надъ нимъ власть. Но каковы бы ни были мысли мистриссъ Эверетъ, куда бы ни клонились симпатіи отца настоятеля, задача, предпринятая одной подъ руководствомъ другого, была достаточно ясна — полное разединеніе между Герміоной и ея мужемъ. Ричардъ безбожникъ, котораго слѣдуетъ раздавить, и жена его должна служить для этого оружіемъ. Поворно, чтобы атенствъ владѣлъ такимъ значительнымъ помѣстьемъ, въ сущности не составлявшимъ его собственности.

Конечной цѣлью было—столкнуть Ричарда съ его мѣста, а Гермиону заставить взять на себя управленіе собственными дѣлами. Мина была искусно подведена; теперь настало время осторожно взорвать ее.

Мистриссъ Эверетъ улыбалась, слушая какъ отецъ настоятель съ ѣдкой ироніей разглагольствовалъ о слабости женщинъ и о безуміи любви, спекулируя на первую и дыша второю. Но она знала свой урокъ и точно выполняла его.

— *Ваши домъ, ваши поля, ваши фермы,*—съ удареніемъ говорила она Гермионѣ, которой предлагала различные вопросы, на которые хорошенькая женщина не могла отвѣчать, не обращаясь къ мужу.

— Неужели вы не знаете собственныхъ дѣлъ?—однажды спросила мистриссъ Эверетъ.—Какъ это ужасно!

— Почему?—серьезно спросилъ Ричардъ.—Что можетъ быть приличнѣе, какъ чтобъ мужъ служилъ представителемъ жены?

— Слышите, что говоритъ мистеръ Фуллертонъ,—возразила мистриссъ Эверетъ, по прежнему обращаясь къ Гермионѣ. Она никогда прямо не обращалась къ Ричарду.—Неужели вы также думаете, что бракъ такъ всецѣло уничтожаетъ личность женщины, что она перестаетъ быть отвѣтственной за то, что могутъ дѣлать ее именемъ и на ея средства? Признаюсь, я этого мнѣнія не раздѣляю; сказать: мой мужъ сдѣлалъ то или другое, или это запретилъ, а то разрѣшилъ, не значитъ оправдаться, если поступки наши вредятъ славіи Божьей и вліянію церкви.

Гермиона покраснѣла и опустила глаза. Ричардъ обратился отъ одной къ другой; на печальномъ лицѣ его лежало выраженіе гордой суровости, нѣкогда ему совершенно чуждое, а теперь ставившееся почти обычнымъ.

— Правила жены моей были не похожи на ваши,—спокойно замѣтилъ онъ.—Когда мы женились, у насъ была одна воля, одно сердце, одни интересы, одного истолкователя было достаточно.

— Уклоняться отъ отвѣтственности не значитъ быть менѣе виновнымъ въ злоупотребленіи своими силами,—сказала мистриссъ Эверетъ, поправляя свой воротничекъ.

— Нѣтъ, я этого не думаю,—отвѣчала Гермиона.

— А между тѣмъ вы дѣйствуете на основаніи того, во что вы вѣрите?

Гермиона засмѣялась нервнымъ смѣхомъ.

— Мы все иногда такъ поступаемъ, я думаю,—сказала она съ притворнымъ легкомысліемъ.

— Жалкое это будетъ оправданіе въ послѣдній день, — возразила мистриссъ Эверетъ. — Кости отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моеи плохо придется, если одна кость служила сатанѣ, а другая позволила увлечь себя въ тѣ же ряды, имѣя понятіе о чемъ-нибудь лучшемъ.

— Вашъ послѣдній день долженъ быть чѣмъ-то въ родѣ безпощадной духовной бойни, если бѣдная душа будетъ наказана за то, что не узнала, будучи въ тѣлѣ, какія изъ принадлежащихъ ей фермъ отданы въ наймы, кому и за сколько, — сказалъ Ричардъ. — Ваша мнимая религія любви болѣе жестока, чѣмъ поклоненіе Молоху!

— Ричардъ, полно! — воскликнула Герміона въ отчаяніи.

Затѣмъ онъ говоритъ такія ужасныя вещи, когда она всѣчески старается защищать его противъ мистриссъ Эверетъ и думаетъ о немъ менѣе дурно, чѣмъ думала за послѣднее время!

— Не удивляюсь чувствамъ вашего мужа, какъ они ни отвратительны, — сказала мистриссъ Эверетъ Герміонѣ. — Держись я одной части его мнѣній, я держалась бы и другой. Дурныя дѣти всегда считаютъ наказующихъ родителей жестокими, а наказание суровымъ. То же и съ грѣшниками.

Потомъ, будто бы усиливъ возвративъ себѣ спокойствіе, она любовно сказала Герміонѣ: — Я теперь ухожу со двора, дорогая, хотя идетъ дождь. Прикажете передать отцу настоятелю, что вы испугались дурной погоды?

— Нѣтъ, — сказала Герміона, также вставая въ волненіи. — Я пойду съ вами. Я погоды не боюсь.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ ты не выходила, Герміона. Сегодня погода совсѣмъ не для тебя, — сказалъ Ричардъ, подходя къ ней и кладя ей руку на плечо.

Мистриссъ Эверетъ *отертила свои очи*, какъ отъ чего-то грѣховнаго; Герміона опустила глаза, и губы ея задрожали. Что за страшное положеніе! Было бы такъ пріятно исполнить желаніе Ричарда; но тутъ эта мистриссъ Эверетъ, и кромѣ того, отецъ настоятель!

— Могу передать отцу настоятелю всякое порученіе, какое пожелаете, — сказала Эднѣ Эверетъ холоднымъ тономъ и съ непріятной улыбкой. — Могу сказать ему, что мистеръ Фуллертонъ не хотѣлъ отпустить васъ, а что вы слишкомъ новобрачная жена, чтобъ ослушаться. Онъ ожидаетъ васъ, я знаю.

— Какъ это все глупо! — нервно воскликнула Герміона. — Разумѣется, я пойду; я не сахарная, Ричардъ, — обращаясь къ

нужу съ притворной шуткой, и (къ Эдвен Эверетъ) — я всегда держу свое слово, когда только могу.

— Не сердитесь на меня, дорогая, за то, что я давеча сказала, — проговорила мистрисъ Эверетъ, когда онѣ остались наединѣ. — Я въ первую минуту вышла изъ себя, но я должна была бы думать объ васъ, и ради васъ пощадить богохульника. Мнѣ такъ трудно себя представить, чтобъ вы, Герміона Фуллертонъ, любили человека, котораго каждый добрый христіанинъ долженъ ненавидѣть, и который во времена торжества вѣры былъ бы отлученъ отъ церкви и сожженъ. — А вы по прежнему любите его — отдаете всю власть въ его руки! Вы предоставляете ему все ваше состояніе, и онъ употребляетъ половину его на то, чтобъ превращать людей въ безбожниковъ; и вы еще говорите, что видите его недостатки и что сами вы вѣрная дочь церкви!

Она говорила строго; очевидно душа Герміоны, въ ея понятіяхъ, находилась въ страшной опасности. Самъ отецъ настоятель, какую онъ ни питалъ вражду къ Ричарду, менѣе сурово относился къ этой женской слабости, не позволявшей ей окончательно порвать супружескія узы.

— Что я должна дѣлать? — спросила Герміона съ какимъ-то отчаяннымъ мужествомъ.

Мистрисъ Эверетъ подошла къ ней близко и взяла ее за обѣ руки.

— Сказать вамъ? — проговорила она чистымъ, металлически звучащимъ голосомъ. — Возьмите на себя заведеніе собственными дѣлами; запретите ему употреблять ваши деньги на разпространеніе невѣрія; назначьте ему пенсію и потребуйте формальнаго развода.

— Нѣтъ, я не могу всего этого сдѣлать. Бѣдный Ричардъ! — сказала Герміона.

Мистрисъ Эверетъ выпустила ея руки.

— Такъ вы никогда не можете надѣяться войти въ царство небесное, — сказала она. — Вы предпочитаете созданіе Создателя, а чувственную страсть святости и вѣры. Любовь важна къ мужу чистая чувственность и постыдный грѣхъ, называйте ее какъ хотите.

— Вы не знаете, что говорите, — воскликнула сильно взволнованная Герміона.

— Думаю, что знаю, — сказала мистрисъ Эверетъ тономъ высшей мудрости. — Это вы, бѣдняжка, не знаете, что чувствуете! Ни я, ни отецъ настоятель не измѣнимъ нашего мнѣнія, пока вы не вооружитесь мужествомъ и не поступите по моему и по

его совѣту. Перестаньте, не плачьте! Отъ слезъ нѣтъ никакой пользы, если онѣ не слезы раскаянія; а вы плачете только потому, что слабы, раздражены и не можете рѣшиться мужественно исполнить свой долгъ.

Она подошла къ ней и поцѣловала плачущую женщину точно ребенка.

Пока этого довольно, — думала она, наблюдая за нею.

Минуту спустя она снова заговорила.

— Бѣдненькая, — сказала она, — мнѣ такъ жаль огорчать васъ. Но это моя обязанность, пока я васъ не исправлю. Не горюйте больше; пойдемте со мной навѣстить дорогого отца настоятеля. Онъ утѣшитъ васъ и скажетъ вамъ, что я права.

— Не вижу, чѣмъ это меня утѣшитъ, — раздражительно сказала Герміона.

Въ эту минуту мистриссъ Эверетъ была самой ненавистной личностью въ цѣломъ мірѣ въ глазахъ той, которую она должна была руководить и охранять.

Глава XI.—Страхъ суда.

Мистеръ Лассель и мистриссъ Эднъ Эверетъ стояли на перекресткѣ; она собиралась возвратиться къ своимъ скучнымъ обязанностямъ дуэньи въ аббатствѣ, онъ — къ тоскливому одиночеству своего осиротѣлаго викаріата; оба были нѣсколько раздражены неприятными условіями настоящаго, но сблизились еще тѣснѣе вслѣдствіе общей имъ обоимъ потребности сочувствія, а не разъединились подъ вліяніемъ раздраженныхъ нервовъ. Они толковали о многихъ приходскихъ дѣлахъ и, наконецъ, коснулись отношеній Герміоны къ мужу и того, насколько на нее можно рассчитывать въ той окончательной борьбѣ, которую намѣревался затѣять мистеръ Лассель.

— Какъ вы думаете, можно приобрести надъ ней прочное вліяніе? Вы видите ее гораздо чаще чѣмъ я! — сказалъ мистеръ Лассель, стараясь не обнаруживать слишкомъ большого участія къ Герміонѣ.

— Какъ вамъ сказать, она такая слабая! — съ спокойнымъ презрѣніемъ возразила пріятельница и руководительница хорошеющей женщины. — Въ слабыхъ людяхъ нѣкогда нельзя быть увѣреннымъ. Она ужасно утомляетъ. Надѣюсь, что она стоитъ тѣхъ заботъ, какія причиняетъ!

— Она очень впечатлительна, — сказал мистеръ Лассель, лавируя между похвалой и осужденіемъ.

— Это слабое выраженіе, отецъ настоятель, я бы назвала ее до жалости слабодушной, — возразила мистриссъ Эверетъ, все съ тѣмъ же спокойнымъ, насмѣшливымъ презрѣніемъ. Это была ея манера заявлять о собственномъ превосходствѣ.

— Ея воля такъ долго была подавлена, она парализована бездѣйствіемъ, — сказалъ викарій, желая быть милосерднымъ и справедливымъ, но не желая слишкомъ горячо защищать Герміону Фуллертонъ передъ мистриссъ Эверетъ.

— Въ чему она позволила ее подавлять? Она могла и не поддаться своему негодяю мужу, еслибъ не хотѣла, — сказала она. — Право, для нея нѣтъ оправданій, отецъ настоятель! Она просто ребенокъ съ изысканными манерами, хорошенькимъ личicomъ — и только. Ума, души у нея и признаковъ нѣтъ.

— Ну, вы не жертвуете истинной милосердію. Преклоняюсь передъ вашей не поддающейся на компромиссы душой, — съ лстливой улыбкой сказалъ мистеръ Лассель.

— Нѣтъ, — отвѣчала она, игнорируя жало и принимая ласку. Я люблю видѣть вещи такъ, какъ онѣ есть, и говорить о нихъ такъ, какъ я ихъ вижу.

— А между тѣмъ поворотность не бесполезна, дорогой другъ мой, — любезно сказалъ онъ.

— Я недостаточно умна, чтобы усмотрѣть, какой отъ нея толкъ въ дѣлѣ мистриссъ Фуллертонъ, — отвѣчала она.

— Она полезна какъ двигатель, вдохновляемый другими, — сказалъ мистеръ Лассель. — Она вѣруетъ — а это дѣло важное, — продолжалъ мистеръ Лассель, и остановился въ ожиданіи отвѣта.

— Но она изъ тѣхъ впечатлительныхъ людей, которые требуютъ безконечнаго на нихъ давленія! — сказала она.

— Это давленіе на нее производитъ духовный отецъ, — скромно возразилъ духовникъ Герміоны.

— И она забываетъ все, что наобѣщала, какъ только вернется домой! — жестко возразила мистриссъ Эверетъ. — Она должна причинять вамъ огромныя хлопоты, отецъ настоятель, если она честна.

— Съ этимъ я согласенъ. Она причиняетъ мнѣ неизмѣримо болѣе хлопотъ, чѣмъ нѣкоторые, которыхъ я могъ бы назвать — болѣе сильныя и въ то же время болѣе покорныя.

Викарій улыбнулся при этихъ словахъ, его улыбка подчеркивала ихъ, придавала имъ значеніе.

Мистриссъ Эверетъ также улыбнулась и поправила завязки

шляпы съ машинальнымъ вышиваньемъ женщины, которая, хотя и сознаетъ, что некрасива, сознаетъ также, что ей поклоняются. По истинѣ она не имѣла причины бояться Гермюны. Тутъ не было соперничества, котораго она должна была бы опасаться. Съ одной стороны тупой носъ, небольшіе каріе глазки съ зеленоватымъ отливомъ, лицо, въ которомъ не было ничего красиваго, исключая нѣжной, совершенно прозрачной кожи; съ другой — красота не менѣе свѣжая и благоуханная, чѣмъ въ восемнадцать лѣтъ; но все же тутъ не было соперничества, котораго она должна была бы опасаться! Развѣ у нея не было ума, дававшего ей возможность управлять умнымъ человекомъ, будучи его сотрудницей? тогда-какъ Гермюна была не болѣе какъ ребенокъ, котораго можно баловать, ласкать, пожалуй любить, но которому нельзя довѣряться въ тяжелую минуту.

— Иные мужчины любятъ несносныхъ женщинъ, — сказала она.

— Неужели? — спросилъ мистеръ Лассель съ притворной невинностью.

— Да, хорошенякихъ созданій, ничтожество которыхъ постоянно свидѣтельствуетъ о ихъ собственномъ превосходствѣ, — сказала она. — Ихъ самолюбіе удовлетворено, когда они чувствуютъ себя постоянно на пьедесталѣ и видятъ относительную глухость этихъ милашекъ!

— Вотъ какъ! Кто-жъ такіе эти люди? — спросилъ онъ, все съ тѣмъ же невиннымъ видомъ челоуѣка, желающаго поучаться.

— Не думаю, чтобъ вы были изъ числа ихъ, отецъ настоятель! — откровенно объявила мистриссъ Эверетъ. — Вы слишкомъ благоразумны, чтобъ увлекаться опасной честию быть главнымъ центромъ цѣлой ассоціаціи хорошенякихъ дурачествъ. Вы чувствовали бы себя болѣе на своемъ мѣстѣ съ тѣми, кто бы васъ понималъ и могъ помогать вамъ, чѣмъ съ пѣвшами, которымъ нужны подробнѣйшія указанія. Не такъ ли?

— Несомнѣнно! — съ странной улыбкой сказалъ мистеръ Лассель. — Но гдѣ найдешь такихъ? Только немногія женщины понимаютъ болѣе глубокія мысли мужчинъ!

— Я это знаю, будучи одной изъ этихъ немногихъ, — небрежно замѣтила она. — Я прекрасно понимаю какъ тѣ мысли, о которыхъ вы говорите, такъ и общество. Родись я мужчиной, я избрала бы дипломатическую карьеру, и составила бы себѣ имя. При настоящихъ условіяхъ я составляю имя моему сыну, когда онъ подрастетъ. Мой мужъ умеръ въ ту самую минуту,

когда я подвела мину его успѣха,—продолжала она.—Останься онъ живъ, его бы сдѣлали епископомъ.

— Я знаю, что вы неопѣнимы,—сказалъ мистеръ Лассель съ горячностью, болѣе лестной, чѣмъ самая страсть.—Но я принимаю безбрачіе духовенства, какъ необходимое условіе церковной дисциплины.

Онъ опустилъ глаза при этихъ словахъ, и соорилъ officialную мину.

— Да, въ принципѣ безбрачіе лучше—возразила мистрисъ Эверетъ.—Но когда намъ приходится бороться съ безчисленными препятствіями, всякая помощь имѣетъ значеніе. На жену можно смотрѣть какъ на работницу-мірянку.

— И вы дѣйствительно думаете, что Герміону можно заставить отнять у мужа управленіе помѣстьемъ? — спросилъ онъ, желая оставить легкій споръ о значеніи женъ-дипломатовъ для честолюбивыхъ священниковъ-ритуалистовъ.

— Думаю,—сказала мистрисъ Эверетъ;—и сказала бы да не колеблясь, еслибъ она, хоть въ слабой степени, могла претендовать на нравственную самостоятельность.

— Настоящее положеніе вещей представляетъ невыносимый скандалъ,—сердито замѣтилъ викарій.

— Меня одно только удивляетъ, какъ вы раньше не положили этому конецъ,—возразила мистрисъ Эверетъ.— Мнѣ кажется, я нашла бы средство, будь я здѣсь.

— Я на васъ теперь рассчитываю,—съ удареніемъ сказалъ викарій.

— Бѣдный отецъ настоятель,—прибавила она съ сочувственной улыбкой,— въ какое ужасное общество вы попали! Герміона Фуллертонъ, Тереза Молинѣ, сестра ваша, которая васъ обманула и покинула, всѣ эти дурочки, которыя гоняются за вами, каждая надѣясь сдѣлаться достойной мистрисъ Лассель, для чего ни одна не имѣетъ необходимыхъ качествъ. О васъ можно пожалѣть! она пожала плечами и засмѣялась.

— Но съ Эднью Эверетъ, которая все уладитъ—сказалъ онъ.

— Васъ слѣдуетъ поздравить съ тѣмъ, что хоть одна пригодная голова нашлась среди пѣшекъ! — быстро отвѣчала она, прощаясь съ нимъ и предоставляя ему на свободѣ переварить все ею уже сказанное. Это было достаточно на одинъ день.

Тѣмъ временемъ коттеджи въ Lane End были почти окончены, и Ричардъ объявилъ людямъ, что они могутъ переѣзжать когда угодно. Это были прелестные маленькіе коттеджи, построенные со всѣми современными приспособленіями и удобствами;

каждый стоялъ въ отдѣльномъ садикѣ, домики были изящной архитектуры и красили ландшафтъ. Цѣна имъ была назначена обыкновенная; плата была рассчитана, какъ справедливый процентъ на затраченный капиталъ. Такимъ образомъ, намекъ на милостыню не портилъ благотворенія, которымъ они несомнѣнно должны были сдѣлаться для жильцовъ; архитектурныя украшенія не цѣнились непомѣрно высоко, потому только, что доставляли удовольствіе глазу. Жилища эти были построены съ человѣчной заботливостью и великодушными намѣреніями, но также и съ здравымъ смысломъ хорошаго прагматика. Распределенные между людьми съ самаго начала, они все время почитались ими ихъ будущими жилищами. Если что-нибудь можно считать вѣрнымъ въ нашей невѣрчивой жизни, то казалось вполне достовернымъ, что новые коттеджи Ричарда Фуллертона будутъ заняты тѣми, для кого они предназначались. За исключеніемъ внезапной смерти будущаго жильца, ничто повидимому не могло помѣшать этому, такъ какъ землетрясенія и тифоны въ Англіи — явленія необычныя.

Наступила минута, которой ждалъ мистеръ Лассель. Когда люди спокойны — все-разрушающій ударъ тѣмъ съ большей силою поражаетъ ихъ; если ему удастся теперь нанести этотъ ударъ, онъ совершитъ большую половину своей крупной задачи.

Возможно ли это? Поступить ли Герміона по его указанію? Хотя ея умъ, никогда не отличавшійся силой или самостоятельностью, былъ ослабленъ, благодаря суевѣрнымъ взглядамъ, тѣмъ не менѣе привязанности ея не умерли. Будь въ ней одинъ разумъ, но безъ впечатлительности, дѣло обошлось бы легко; но рядомъ съ ея суевѣрнымъ убѣжденіемъ во власти духовенства, въ грѣховности разума, въ обреченіи на погибель души, осмѣливающейся сомнѣваться и не съ-разу рѣшающейся повиноваться, стояла сила природной нѣжности ея души, страхъ причинить страданіе, несокрушимое уваженіе къ мужу и чувство справедливости, запрещавшее ей нанести ему это незаслуженное оскорбленіе. Шагъ за шагомъ ее готовили къ этой послѣдней, окончательной мѣрѣ; а теперь, когда ей было приказано нанести ударъ, она содрогнулась и отказалась.

Когда викарій сказалъ ей, чего онъ отъ нея требуетъ, она вскрикнула и прямо проговорила:

— Не могу, право не могу! Ричардъ за послѣднее время испыталъ столько горя, я не смѣю причинять ему новое! Если я сдѣлаю это, это убьетъ его, и я буду его убійцей! — Она умоляла отца настоятеля избавить ее отъ этого испытанія; быть такимъ же

снисходительнымъ какъ и могущественнымъ, кротко отнестись къ ней и человѣчно къ ея мужу. Она преклонила предъ нимъ колѣно, точно передъ Богомъ, униженно, смиренно, страстно молила его; но не такой былъ человѣкъ викарій, чтобъ отказаться отъ своего торжества изъ-за женскихъ слезъ.

— Это ваша обязанность, вашъ долгъ по отношенію къ Богу и человѣку,—сурово сказалъ онъ.—Вы—настоящая владѣлица помѣстья, и позволять вашему мужу, вашему управляющему, открыто сопротивляться мнѣ и оскорблять церковь, давая пріютъ этимъ людямъ, моимъ врагамъ и противникамъ церкви, значить раздѣлять его грѣхъ.

— Онъ всегда управлялъ помѣстьемъ, и онъ общалъ этимъ людямъ свое покровительство,—слабо пролепетала она.

— Гибъду нечестивцевъ! Вы желаете поддерживать ихъ въ этомъ приходѣ, гдѣ мы, приверженцы истинной вѣры, посвящаемъ всю нашу жизнь утвержденію религіи и здраваго ученія? и гдѣ вы всецѣльны на добро или на зло, смотря по желанію? Теперь вы всецѣльны на зло; но вы могли бы быть моею самой лучшей, самой дорогой помощницей, еслибъ рѣшились освободиться отъ этого постыднаго повиновенія врагу церкви!

— Онъ мой мужъ,—сказала она, поднимая глаза и произнося эти слова, хотя съ прежней кротостью, но и съ нѣкоторой горячностью, поразившей слухъ викарія, точно она произнесла богохульство.

У него захватило дыханіе, съ минуту удивленіе мѣшало ему говорить, но только съ минуту. Онъ взглянулъ на нее точно она любопытное насѣкомое.

— Дорогое дитя мое, мнѣ казалось, что я опровергъ ваше суевѣрное поклоненіе словамъ обѣщанія, уничтоженнаго и опозореннаго сатанюю, — проговорилъ онъ съ сострадательнымъ презрѣніемъ.—Вы не можете быть истинной дочерью церкви и покорной женой. Неужели мнѣ снѣзнова вамъ это все доказывать?

— Я знаю все, что вы скажете, но я не могу такъ дѣйствовать,—сказала Герміона съ какимъ-то безпомощнымъ страданіемъ.

Она закрыла лицо руками. Онъ отнял ихъ не слишкомъ нѣжно.

— Нѣтъ, вы должны смотрѣть на меня, — сурово сказалъ онъ.—Вашъ вызовъ долженъ по меньшей мѣрѣ быть открытымъ и явнымъ!

— Это не вызовъ, отецъ настоятель,—убѣждала она, поднимая на него свои кроткіе глаза, но не уступая.

— Нѣтъ?—злбно усмѣхнулся онъ.—Не вызовъ? Какимъ смягченнымъ выраженіемъ угодно вамъ назвать это?

— Моей обязанностью жены,—смирренно сказала она.

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!—отвѣчалъ онъ тихимъ, какимъ-то шипящимъ голосомъ.—Это не обязанность, это низкая трусость, это постыдная душевная лѣньность и еще болѣе постыдная страсть къ человѣку, на котораго вы должны были бы смотрѣть какъ на посланника сатаны, на вновь-воплотившагося Іуду. Возвращайтесь къ вашему мужу со всей постыдной вашей любовью; возвращайтесь въ открытой измѣнѣ Христу! Не прикрывайте вашъ грѣхъ звучными словами, мистриссъ Фуллертонъ! Нерадивые приверженцы, подобные вамъ, причиняютъ намъ болѣе вреда, чѣмъ явные враги; и будь вы двадцать разъ мистриссъ Фуллертонъ, я готовъ отлучить васъ изъ среды нашей, и отлучу, если вы откажете мнѣ въ повиновеніи.

Она, стоя на колѣняхъ, вся согнулась, точно ее ударили.

— Вы пугаете меня!—съ легкимъ крикомъ проговорила она.

— Потому что пристыдилъ васъ!—отвѣчалъ онъ.—Совѣсть ваша пугаетъ васъ, не я.

Распятіе стояло на столѣ, у котораго онъ сидѣлъ. Вторично отнял онъ ея руки отъ лица и заставилъ ее взглянуть на священную эмблему ея вѣры, на божественный источникъ его власти.

— Вы клялись этимъ повиноваться мнѣ, когда я прикажу,—сказалъ онъ.—Чего же стояла ваша клятва?

Герміона не отвѣчала, она говорить не могла.

Въ этой минутѣ сосредоточилось для нея все страданіе, какое только есть въ жизни.

Дерзость и рѣзкость священника, замѣнявшія изящную вѣжливость, къ которой она привыкла, испугали и возмутили ее. Ея женская гордость была оскорблена; ея покорность, уже стоявшая ей такъ дорого, была встрѣчена неблагодарностью. Она вспомнила Ричарда, его терпѣливую нѣжность, его непроницательность, простекавшую изъ честнаго довѣрія, и вдругъ это тиранство, эта дерзость! Она сдѣлала движеніе, какъ-бы готовясь встать съ колѣнъ, побуждаемая желаніемъ вернуться къ Ричарду и страхнуть съ себя все это, слишкомъ унижательное, чтобы долѣе выносить его.

Когда она приподнималась, мистеръ Лассель взялъ ея руку и положилъ ее на распятіе.

— Выбирайте,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ.—Поклонитесь ему или отрекитесь отъ него. Вы должны рѣшиться на то или на другое прежде, чѣмъ выйдете отсюда. Вы будете извер-

жены изъ среды нашей или останетесь вѣрной и покорной. Кланетесь ли вы исполнить мое приказаніе и отказаться дать приютъ этимъ людямъ на вашей землѣ?

— Отецъ-настоятель!—воскликнула она.

— Кланетесь ли? Одно слово—да или нѣтъ?

— Какъ могу я сказать это мужу! Смѣйтесь надо мною, отецъ-настоятель!

Она ухватила за его сюртукъ, но онъ съ гнѣвнымъ презрѣніемъ оторвалъ отъ себя ея руки.

— Не прикасайтесь ко мнѣ,—сказалъ онъ.—Вы вѣтвоступница, вы прокляты. Вы отреклись отъ господина вашего, и пока вы не раскаяетесь, вы отлучены отъ церкви!

Онъ быстро повернулся и оставилъ ее по прежнему на колѣняхъ, распятіе стояло передъ нею на столѣ. «Вы отлучены отъ церкви»—звучало въ ея ушахъ.

Глава XII.—Между молотомъ и наковальней.

День прошелъ, а между тѣмъ, ничего сдѣлано не было. Герміона, въ немилости у викарія, не нашла никакого утѣшенія и въ мистриссъ Эверетъ, дававшей ей понять, что считаетъ ее большей грѣшницей, чѣмъ даже ея мужъ-атеистъ. Она объявила Герміонѣ безъ всякихъ прикрасъ изворотовъ, что она отвержена Богомъ, отъ котораго фактически отрекалась, и находится въ когтяхъ дьявола, которому служить, какъ служила уже много лѣтъ! Съ тою разницею, къ стыду ея, что прежде сознаніе въ ней не было пробуждено, тогда какъ теперь она понимала всю чудовищность своей вины. Умри она въ эту минуту, а чья жизнь застрахована, хотя бы на одинъ часъ? она сдѣлается жертвой гибели. Она обречена. Пока она возмущается противъ божественной власти церкви, для нея нѣтъ надежды на небѣ, нѣтъ мира на землѣ. Герміонѣ казалось, что куда она ни повернется, всюду ее окружаетъ пламя, все равно рѣшается ли она повиноваться отцу-настоятелю или защищать Ричарда, она одинаково обречена страдать.

Не должно забывать, что она слѣпо вѣрила въ эти мрачныя угрозы. Ужасное состояніе погибшихъ душъ, описываемое огненными словами, не было для нея пустымъ образомъ; сатана не былъ пугаломъ, созданнымъ для устрашенія невѣждъ, но дѣйствительнымъ существомъ, небо и адъ были осязаемой дѣйствительностью. Она принимала всѣ легенды, всѣ басни, безъ всякой

критикъ; власть церкви составляла вѣнецъ этого зданія. Когда ее убѣждали молиться о дарованіи ей силы совершить само-закланіе, котораго требовалъ викарій, она плакала, но въ глубинѣ души сознавала, что вовсе не ищетъ этой благодати.

Такъ прошелъ день и ничего сдѣлано не было.

Вечеромъ мистеръ Лассель прислалъ Эдиенъ Эверетъ записку, въ которой просилъ ее передать мистриссъ Фуллертонъ, что онъ ее просить не являться завтра къ ранней обѣднѣ, такъ какъ считать себя обязаннымъ не допустить ее до принятія св. тайнъ, прибавляя, что при настоящемъ положеніи вещей, онъ предпочелъ бы, чтобъ она вовсе не ходила къ службамъ. Это было бы тяжело для него и заставило бы ее живѣе почувствовать тяготящее надъ нею осужденіе; изъ нѣжности къ ней онъ долженъ отказать ей въ ложномъ утѣшеніи. Онъ рѣшился всецѣло отлучить ее, пока она не возвратится къ безусловному повиновенію.

Эта записка, писанная въ надеждѣ, что Герміона ее увидитъ, была передана ей тотчасъ по прочтеніи; подавая ее ей, мистриссъ Эверетъ испытала радость, какую испытываетъ женщина, когда соперница ея унижена. Но она притворилась глубоко, искренно огорченной тѣмъ, что дѣла приняли настоящій оборотъ; хотя, при данныхъ условіяхъ, отецъ-настоятель правъ, а она, бѣдная, грѣшная Герміона, виновата! Рѣшится ли она, наконецъ, поступить какъ должна? Запретить она этимъ безбожникамъ жить въ ея коттеджахъ? Можетъ ли она, мистриссъ Эверетъ, написать отцу-настоятелю, что она, наконецъ, образумилась, раскаялась, готова повиноваться. На что бѣдная Герміона съ отчаяніемъ отвѣчала:

— Нѣтъ еще, нѣтъ еще! Дайте мнѣ немного времени, чтобы рѣшиться!

— Чтобы играть съ грѣхомъ, хотите вы сказать, — строго проговорила мистриссъ Эверетъ. — Помните, Герміона! каждый часъ промедленія усиливаетъ власть сатаны

— Я должна объ этомъ подумать. Сегодня вечеромъ я не могу. Ричардъ смотритъ такимъ блѣднымъ и больнымъ. Мнѣ кажется, новый ударъ можетъ почти убить его.

— Если онъ такой здравомыслящій человѣкъ, какимъ слыветъ, онъ не будетъ этимъ пораженъ или сраженъ, — сказала мистриссъ Эверетъ. — Онъ долженъ понимать, если захочетъ размыслить, что дѣла не могутъ оставаться въ настоящемъ положеніи. Когда вы оставались необращенной и были также равнодушной къ Богу какъ и онъ самъ, вы не безпокоились о томъ, на что употребляли ваши деньги, что дѣлали вашимъ именемъ.

Но теперь, когда вы стали вѣрной дочерью церкви,—въ сущности вѣрная ли вы дочь церкви?—безобразно было бы предположить, что вы позволите употребить все ваше состояніе на пропаганду невѣрія, на оказаніе доходящаго до скандала покровительства явнымъ безбожникамъ. Мистеръ Фуллертонъ долженъ видѣть это также ясно какъ мы; и если онъ дѣйствительно либераленъ, онъ долженъ позволить вамъ дѣйствовать такъ, какъ велитъ вамъ совѣсть.

— Но это не уменьшитъ страданія,—сказала Герміона.

— А пока онъ не страдаетъ, душа ваша находится въ смертельной опасности, и вы лишены утѣшеній религіи,—возразила мистрисъ Эверетъ.—Что до меня, я рѣшилась бы на все на свѣтѣ, чтобы не находиться въ вашемъ настоящемъ положеніи. Вы отлучены отъ церкви, *ом!* недопущены къ принятію св. тайнъ! И вы все это выносите, чтобы не оскорбить низкаго самолюбія самаго отъявленнаго атеиста въ цѣломъ округѣ! Вы, значить, шутите, называя себя дочерью церкви или христіанской?

— Я то и другое—но я также и жена,—сказала Герміона.

Длинная верхняя губа Эдиен Эверетъ презрительно поднялась.

— Неужели вы называете союзъ, подобный вашему, «бракомъ»?—сказала она. Для насъ, приверженцевъ истинной вѣры, онъ узаконенный грѣхъ, вамъ и говорить-то о немъ стыдно. Нѣтъ брака тамъ, гдѣ нѣтъ благословенія истинной церкви.

— Я очень, очень несчастна!—сказала Герміона, уронивъ руки на колѣни.

— Конечно,—возразила мистрисъ Эверетъ!—Мы всегда несчастны, когда поступаемъ дурно. Такъ не говорить отцу настоятелю, что вы покорились?

— Нѣтъ, я скажу ему сама, когда покорюсь,—сказала Герміона, устало отворачиваясь.

На слѣдующій день, въ воскресенье, все произошло такъ, какъ приказалъ мистеръ Лассель. Владѣлица замка была временно отлучена отъ церкви, и мѣсто ея среди молящихся оставалось незанятымъ. Всѣ съ удивленіемъ посматривали на стулъ, который обыкновенно занимала мистрисъ Фуллертонъ, и по окончаніи службы столпились вокругъ мистрисъ Эверетъ съ разспросами: не больна-ли мистрисъ Фуллертонъ? что случилось?

На всѣ эти вопросы мистрисъ Эверетъ давала осторожные, но многозначительные отвѣты. Мистрисъ Фуллертонъ не больна тѣломъ, говорила она, съ легкимъ удареніемъ, заставлявшимъ молящихся съ недоумѣніемъ задавать себѣ вопросъ: что же слу-

чилось съ ея душой? и не сошла-ли она съ ума? какъ предсказывали многіе насмѣшники.

Но мистриссъ Эверетъ этимъ и ограничилась, и, продолжая улыбаться, направилась черезъ паркъ въ аббатство, взвѣшивая свои шансы во время этой прогулки. Некрасивая, безъ средствъ, мать четырехъ дѣтей—неужели это возможно? Если онъ убѣдится въ ея способности помогать ему въ его трудахъ, способствовать его карьерѣ, — да. Справься она теперь съ этимъ дѣломъ, онъ тогда, быть можетъ, повѣритъ въ ея умѣнье сдѣлать его епископомъ, будь она его женою. А въ санѣ епископа какъ расширится сфера его дѣятельности, какъ увеличится его власть, его вліяніе! Что-же до его принциповъ относительно безбрачія духовенства—другіе священники, придерживавшіеся тѣхъ-же взглядовъ, склонились на бракъ, когда имъ стужбли надлежащимъ образомъ освѣтить вопросъ,—почему не случится то же и съ нимъ?

Скучное воскресенье прошло, наступилъ понедѣльникъ. Никакихъ мѣръ еще принято не было; люди готовились переѣзжать; Джонъ Гревсъ уже переѣхалъ, а жена Диеа Стерна обѣщала ему въ вечеру совсѣмъ прибрать его новое жилище. Герміона продолжала колебаться, она какъ-бы стояла на распутіи двухъ дорогъ, не чувствуя въ себѣ достаточной смѣлости, чтобы избрать ту или другую; медлила, сомнѣвалась, боялась, надѣялась вопреки всему и смутно ждала какого-то чуда, которое должно было спасти ее отъ предстоящаго ей испытанія, Ричарда отъ ожидающаго его страданія, а между тѣмъ все устроить по желанію виварія. Она писала записки полныя смиренія, умоляя отца настоятеля простить ее, но не обѣщая покориться, а такъ какъ онъ не могъ сломить ее, то и отказывалъ въ прощеніи; каждый проходящій часъ только усугублялъ ея грѣховность и увеличивалъ его притязанія. Сначала онъ просто приказалъ ей не дозволить этимъ людямъ занимать новыхъ коттеджей, построенныхъ для нихъ въ Lane End; теперь, все выше и выше цѣня свое прощеніе, требовалъ, чтобы она изъяла еще читальню изъ вѣдѣнія мужа, отняла у него все управленіе имѣніемъ. Только подъ этими условіями готовъ онъ снова принять ее въ лоно церкви, какъ кающуюся, заслужившую отпущенія грѣховъ.

Въ смѣлую игру игралъ онъ, билъ на все или ничего, но минута была благопріятная и упустить случай было нельзя.

Теперь настало время послѣдней борьбы. Что возьметъ верхъ: любовь или религія, вліяніе мужа или власть духовника? Какому господину рѣшится она служить? Для увеличенія ея на-

стоящихъ затрудненій, обязательства, выданныя ею по поводу перестройки церкви и другихъ расходовъ для прихода и для мистера Ласселя, были ей предъявлены въ большомъ количествѣ, съ требованіемъ по нѣкоторымъ немедленной уплаты. Наконецъ, дорогой отецъ настоятель заботѣлъ и звалъ Эдию Эверетъ въ выраженіяхъ, приличныхъ умирающему, который призываетъ своего лучшаго друга для выслушанія его послѣдней воли; но въ P. S. мистеръ Лассель очень нетвердой рукою написалъ:—«Ни въ какомъ случаѣ не позволяйте мистриссъ Фуллертонъ сопровождать васъ, если она не раскаялась во грѣхахъ своихъ и не готова покориться».

— Какъ могу я это сдѣлать, какъ могу я!—прошептала Герміона, въ отчаяніи закрывая лицо руками.

— Вамъ придется за это отвѣчать Вѣчному Судѣ въ послѣдній день,—холодно сказала мистриссъ Эверетъ.

Съ этимъ она повернулась и отправилась въ викаріатъ, гдѣ просидѣла часа два съ отцомъ настоятелемъ, у котораго дѣйствительно былъ легкій припадокъ лихорадки; она написала за него нѣсколько записокъ и вообще занялась его дѣлами.

— Она удивительно умная женщина!—думалъ викарій, полулежа въ своемъ креслѣ и слѣдя за длинными, проворными пальцами, такъ быстро двигавшимися по бумагѣ. И хотя она съ перваго взгляда не казалась красивой, лицо это, при ближайшемъ знакомствѣ, удовлетворяетъ человѣка болѣе многихъ другихъ безусловно красивыхъ. У нея есть умъ и характеръ.

Еслибъ мистриссъ Эверетъ могла читать въ мысляхъ викарія, сочла ли-бы она, что подвинулась къ осуществленію своего тайнаго плана?

Когда она возвратилась въ аббатство послѣ своего дежурства, она вошла въ гостиную съ выраженіемъ глубокой меланхоліи въ каждой чертѣ своего лица, въ каждомъ своемъ движеніи.—Дорогой отецъ настоятель очень болѣнъ, говорила она, и въ отчаяніи по поводу грѣховнаго состоянія Герміоны.

— Не могу-ли я пойти навѣстить его?—тревожно спросила Герміона.

— Нѣтъ,—отвѣчала мистриссъ Эверетъ.—Онъ просилъ меня помѣшать вамъ въ этомъ. Даже Терезѣ Молинѣ приходится отказывать, хотя сегодня ея день.

— Но я гораздо дружнѣе съ нимъ чѣмъ, когда-либо была Тереза!—ревниво проговорила Герміона.

— И по этой-то самой причинѣ ваше посѣщеніе было-бы такъ тяжело, что становится невозможнымъ,—возразила она.—Вы

знаете, сколько надеждъ онъ основывалъ на васъ, какой священной радостью для него было думать, что ему дано было спасти васъ отъ гибели, и теперь, видѣть васъ такъ всецѣло отверженной! Онъ-бы этого не вынесъ въ его опасномъ положеніи!

Слезы навернулись на этихъ умныхъ глазахъ и омочили вѣки въ знакъ приличной печали. Герміона отвернулась въ горѣ, котораго не умѣла ни скрыть, ни побороть.

— Что мнѣ дѣлать?—воскликнула она, ломая руки.

— Поступить какъ вамъ приказываютъ,—сказала Эдиѣ.— Взять управленіе вашими дѣлами въ собственныя руки, отнять его у вашего безбожника — мужа. Ребачество спрашивать, что вамъ дѣлать! Долгъ вашъ исполнѣ яснѣ, пока вы не выполните, вамъ мира не найти.

— Я никогда не найду мира, что бы я ни дѣлала,—сказала бѣдная Герміона, исполнѣ искренняя въ своемъ горѣ.

— Какъ вы можете, сознавая ваше настоящее положеніе, оставаться въ немъ, я не постигаю! Меня бы это свело съ ума. Я рѣшилась бы на все на свѣтѣ, чтобъ освободиться отъ него, отрубилась-бы себѣ руку, вырвала-бы себѣ глаза!

— Я этому повѣрю; но вамъ не такъ тяжело причинять страданіе какъ мнѣ,—возразила Герміона.

Мистриссъ Эверетъ сердито взглянула на нее.

— Будь я въ вашемъ ужасномъ положеніи, я, конечно, была-бы равнодушна къ тому, причиняю-ли я страданіе человѣку, всячески терзавшему нашу мать церковь; и будь вы вѣрной дочерью церкви, вы-бы и не задумались надъ этимъ вопросомъ.

— Я вѣрная дочь церкви, а я сильно задумываюсь,—рѣзко сказала Герміона.

Мистриссъ Эверетъ взглянула на нее съ нескрываемымъ презрѣніемъ.

— Отецъ настоятель не имѣетъ права нападать на меня. Я была ему здѣсь лучшимъ другомъ, и помогала ему насколько было силъ,—горячо сказала Герміона.

— Помогали—это вѣрно; но что вы теперь дѣлаете? Помогите отцу настоятелю совершенно правъ, а съ своей стороны постараюсь помочь ему обмѣняться съ кѣмъ-нибудь. Кроссгольмъ не подходящее для него мѣсто. Таланты его здѣсь пропадаютъ, онъ устроился бы гораздо выгоднѣе въ другомъ мѣстѣ, да, и былъ бы лучше оцѣненъ!

Гермюна задрогнула и взглянула на Эдмунда Эверетъ съ выраженіемъ страха на лицѣ.

— Онъ сказалъ мнѣ сегодня, — небрежно продолжала вдова, — что не въ состояніи долѣ выносить этого. Оно и понятно. Добросовѣстный священникъ встрѣчаетъ не мало затрудненій, даже и тогда, когда ему помогаютъ со всѣхъ сторонъ. Отецъ настоятель совершенно правъ въ своемъ желаніи отрахнуть пыль отъ ногъ своихъ и предоставить васъ всѣхъ самимъ себѣ и гибели. Быть можетъ будущій винаріи будетъ протестантъ (презрительно) или тайный безбожникъ, именующій себя приверженцемъ широкой церкви (еще презрительно), и прекрасно. Онъ ближе подойдетъ къ здѣшней паствѣ.

— Неужели онъ серьезно намѣренъ уѣхать? — спросила испуганная Гермюна.

— Конечно, намѣренъ, — отвѣчала мистриссъ Эверетъ, такъ спокойно, какъ еслибъ говорила правду. — Онъ сказалъ мнѣ сегодня, что если вы не покаетесь, онъ откажется отъ мѣста. Послѣ постыднаго дѣла, въ которомъ дочь ваша играла такую выдающуюся роль, я должна признаться, мистриссъ Фуллертонъ, что вамъ слѣдовало бы оказать ему больше вниманія, чѣмъ вы оказываете.

— Вотъ это-то именно я и чувствую по отношенію къ мужу, — возразила она. — Его горе изъ-за Виргиніи такъ велико; да и по правдѣ сказать, она была всѣхъ ихъ моложе и совершенно находилась подъ вліяніемъ сестры Агнесы.

— Какъ вы слѣпы и безумны, — гнѣвно воскликнула мистриссъ Эверетъ. — Точно будто страшное невѣріе отца ея не было первой причиной отступничества вашей дочери! По словамъ вашимъ можно думать, что онъ достоинъ сожалѣнія, тогда какъ въ сущности, онъ одинъ совершилъ это страшное преступленіе. Какъ говорить отецъ настоятель, человѣкъ этотъ прямой посланникъ сатаны, и всѣ его природныя добрыя качества, которыхъ мы не отрицаемъ («мы!» — ревниво подумала Гермюна), это — сѣти, разставленныя врагомъ человѣчества для уловленія душъ. Вы это все знаете также хорошо, какъ и я, а между тѣмъ поддерживаете его. Не смѣйте называть себя доброй дочерью церкви! Одна моя надежда, что отецъ настоятель оставитъ Броссгольмъ и перенесетъ свои драгоценныя услуги туда, гдѣ онъ будетъ лучше оцѣненъ и принесутъ болѣе пользы.

— Полноте! — простонала Гермюна.

— Такъ раскайтесь въ вашемъ грѣхѣ и исполните долгъ

свой,—сказала мистриссъ Эверетъ, возвращаясь все къ тому же съ холодной настойчивостью автомата.

По истинѣ она между молотомъ и наковальней и никому не спасти ее!

Среди ея тяжкаго горя Ричардъ вошелъ въ гостиную, гдѣ онѣ сидѣли съ мистриссъ Эверетъ.

— Можно мнѣ поговорить съ тобою, Герміона? — спросилъ онъ.

— Да, — сказала Герміона смущеннымъ голосомъ. — Что тебѣ надо отъ меня, Ричардъ?

— Чтобъ ты взглянула на контракты новыхъ коттеджей въ Lane End, — отвѣчалъ онъ. — Они ждутъ твоей подписи.

— Вотъ моментъ. Будьте вѣрны церкви, или вашимъ поступкомъ изгоните отца настоятеля изъ прихода. Если дома будутъ предоставлены этимъ людямъ, онъ не останется; все зависитъ отъ васъ, — тихо сказала мистриссъ Эверетъ, готовясь выйти изъ комнаты.

— Быть можетъ, тебѣ будетъ удобнѣе пройти ко мнѣ въ кабинетъ? Мнѣ бы не хотѣлось беспокоить мистриссъ Эверетъ, — сказалъ Ричардъ.

— Я лучше пойду въ кабинетъ, — дрожа сказала Герміона.

Ей казалось, что видъ нечестивыхъ череповъ эскимосовъ и различныхъ островитянъ, анатомическихъ рисунковъ, микроскоповъ, которые, вмѣстѣ съ фотографическими снимками луны и картою фрауенгоферовыхъ линій, служили явными доказательствами нечестія Ричарда, дастъ ей силу нанести ударъ, если нанести его необходимо, чего она начинала опасаться! Она не должна подписывать этихъ условій. А между тѣмъ бѣдный Ричардъ такъ добръ, несмотря ни на что! А она когда-то такъ любила его; любила бы и теперь, не будь это грѣшно!

— Помните, Герміона! Богъ видитъ васъ, да и отцу настоятелю придется дать отвѣтъ, — были послѣднія слова Эдмонъ Эверетъ, произнесенныя шепотомъ, когда несчастная владѣлица замка медленно выходила изъ комнаты.

Глава XIII. — Жребій брошенъ.

Сегодня въ деревнѣ было особенно хорошо. Утренній дождичекъ освѣжилъ воздухъ и оживилъ цвѣты въ саду, деревья и траву въ паркѣ, поля; видѣвшіяся направо, сосновые лѣса, разстилавшіеся налѣво; все блестяло и благоухало. Послѣ полудня

лучи разсѣялись и солнце засіяло, такъ что аббатство и сады, его окружающіе, обращенные на югъ, были буквально залиты свѣтомъ. Это былъ день, въ который владѣльцы помѣстій и обитатели красивыхъ мѣстностей двойнѣ чувствуютъ прелесть жизни и милости судьбы; и Ричардъ, несмотря на все свое горе, воспринималъ впечатлѣнія минуты не менѣе живо, чѣмъ въ старину.

Когда они съ Гермионой, направляясь къ нисѣнному столу, проходили мимо открытаго окна, онъ взглянулъ въ него съ гордостью владѣльца, смѣшанной съ любящимъ пониманіемъ натуралиста и болѣе глубокими мыслями философа. Что за дивный день,—думалъ онъ; и какъ хорошо ему знакомы эти тысячи звуковъ и ароматовъ, всегда казавшіеся ему голосами друзей, которымъ онъ можетъ довѣриться! Какъ велика эта сущность, которую человѣкъ называетъ природой!

Кабинетъ мужа былъ мало знакомъ Гермионѣ. Въ теченіе послѣднихъ пяти-шести лѣтъ она рѣдко посѣщала его, и всегда презрительно поглядывала на несимпатичные предметы, разбросанные по комнатѣ. Теперь эти несимпатичные предметы сдѣлались положительно грѣховными; въ ея глазахъ вся комната казалась зараженной; она не была въ ней съ того рокового рождественскаго вечера, когда мужъ ея и Рингровъ показались имъ съ Виргиніей олицетвореніемъ грубости и духовнаго омраченія; и, какъ справедливо расудила она, возобновленіе впечатлѣнія было полезно съ точки зрѣнія отца настоятеля, тѣмъ, что поразило ея чувство приличія и заставило ее, еще живѣе прежняго, представить себѣ пропасть, отдѣлявшую ее отъ безбожника мужа. Но чудная погода разнѣжила и ее даже болѣе обыкновеннаго, хотя она вообще склонна была поддаваться смягчающимъ впечатлѣніямъ, дѣйствовавшимъ на ея чувства, осторожно возбуждаемымъ. Что за ужасная минута это была для нея! она знала, что должно было случиться, а бѣдный, милый Ричардъ, ничего не подозревалъ! Ричардъ подвинулъ стулъ къ столу и положилъ передъ нею бумагу, вѣжливый, нѣжный какъ всегда, а сегодня даже болѣе обыкновеннаго. Онъ обмакнулъ перо въ чернила и держалъ его наготовѣ для нея.

— Это условія для найма коттеджей въ Lane End,—сказалъ онъ. — Они только ждутъ твоей подписи.

Хотя онъ полновластно управлялъ имѣніемъ, согласно съ условіями довѣренности, выданной ему по смерти мистера Фулertonа, онъ всегда соблюдалъ эту маленькую формальность совмѣстной подписи при заключеніи договоровъ о наймахъ. Онъ

стала придерживаться ея въ первые дни ихъ счастья не столько въ видѣ данн уваженія владѣлицѣ замка и признанія ея правъ, какъ въ видѣ доказательства согласія между мужемъ и женою и неразрывности ея преимуществъ съ его обязанностями; съ тѣхъ поръ онъ всегда соблюдалъ ее. Но Герміона, дѣливая и доверчивая, не спрашивала, да и не желала знать никакихъ подробностей о бумагахъ, которыя подписывала, и много разъ зажимала ему ротъ поцѣлуемъ, когда онъ хотѣлъ дать ей какинибудь объясненія. Сегодня, однако, она не взяла пера, какъ обыкновенно, но, взглянувъ на заголовокъ, спросила:—Какия условія говоришь ты?—съ притворнымъ участіемъ и притворнымъ невѣдѣніемъ.

— Найма домовъ въ Lane End,—повторилъ онъ.

— Это тѣ люди, которыхъ выгналъ Кутбертъ Молине?—снова спросила она, перебирая листы и дѣлая видъ, что читаетъ.

— Да,—сказалъ Ричардъ.

Она взглянула на дверь.—Она была пріотворена, и ей былъ видѣнъ контуръ лица и сверкающіе глаза, наблюдавшіе за нею.

— Имъ не слѣдуетъ предоставлять этихъ домовъ,—проговорила она слабымъ голосомъ и вся дрожала.

— Нѣтъ!—почему?

До этой минуты онъ стоялъ наклонившись надъ нею, одной рукой указывая, гдѣ ей подписаться, держа перо въ другой рукѣ. Теперь онъ положилъ перо на столъ, снялъ налѣцъ съ бумаги и выпрямился.

— Они безбожники,—сказала Герміона.

— Развѣ это причина, чтобъ имъ быть бездомными?—спросилъ онъ, по прежнему совершенно спокойно.

— Это причина имъ не имѣть домовъ на моей землѣ,—отвѣчала она послѣ нѣкоторой паузы, причемъ тонъ ея отнюдь не былъ такъ рѣшителенъ, какъ слова.

— Я поручился имъ въ этомъ,—сказалъ онъ довольно медленно.—Боттеджи эти были построены собственно для нихъ и распределены со дня закладки. Нѣкоторые изъ людей уже переѣхали. Они положились на мое слово относительно условій, которыя только сегодня получены изъ Стартона.

— Мнѣ, конечно, очень жаль, неприятно огорчать тебя или выживать ихъ. Я ненавижу вмѣшиваться, но имъ не слѣдуетъ предоставлять этихъ домовъ; я не должна давать имъ пріюта.

Герміона говорила короткими, отрывистыми фразами, дыханіе ея часто прерывалось, румянецъ появлялся и исчезалъ, она вся была въ волненіи.

— Это дѣло мое, не твое, — отвѣчалъ онъ, наблюдая за нею.

— Я отвѣчаю передъ Богомъ, — имѣніе мое.

— Почему отвѣтственность твоя предъ Богомъ заставляетъ тебя не принимать этихъ людей въ качествѣ жильцовъ? — спросилъ онъ. — Они трудолюбивы, трезвы, хорошаго поведенія, будутъ платить хорошую цѣну и вносить ее аккуратно. Тебѣ не найти лучшихъ жильцовъ.

— Они враги церкви, — отвѣчала она.

— И я также, — съ удареніемъ проговорилъ Ричардъ.

Она снова задрожала, но молчала. Ей казалось, что отецъ настоятель обнаружилъ безплодную жестокость. Въ сущности, что въ этомъ? Даже безбожники должны жить гдѣ-нибудь; но тутъ она остановила себя, точно совершила грѣхъ.

— Я свой собственный жребій не отдѣляю отъ ихъ участи, — сказалъ ей мужъ послѣ новой паузы, не отрывая отъ нея глазъ, изучая каждое ея движеніе, каждую перемѣну въ лицѣ.

— Какъ можешь ты это сдѣлать? Ты не построилъ коттеджа для себя; — просто отвѣчала она, не понимая его.

— Нѣтъ, но я далъ слово и долженъ сдержать его, — или пасть, — сказалъ онъ.

Она не отвѣчала, продолжая перебирать роковые листы.

— Это, конечно, не болѣе какъ мимолетная фантазія! — сказалъ Ричардъ. — Неужели ты не шутишь, Герміона? Неужели ты намѣрена воспользоваться твоимъ правомъ — и лишить моихъ друзей этихъ домовъ?

— Что ты за странныя вещи говоришь, Ричардъ! Точно будто джентльменъ можетъ водить дружбу съ кузнецами и портными! — былъ ея ребачески презрительный отвѣтъ. Она обрадовалась возможности перейти къ другому вопросу, какъ больной измѣняетъ свою позу, ища минутнаго облегченія.

— Жена! но учитель, которому вы поклоняетесь, водилъ дружбу съ мытарями и грѣшниками, съ прокаженными и отверженными, — сказалъ Ричардъ съ одной изъ своихъ прежнихъ нѣжныхъ, но полу-шутливыхъ улыбокъ. — Если ученіе Иисуса имѣетъ какое-нибудь значеніе, оно означаетъ любовь къ народу, доведенную до крайнихъ предѣловъ и заходящую гораздо далѣе моихъ положеній. Онъ стоялъ исключительно за гонимыхъ, а я только признаю человѣческое достоинство, въ комъ бы оно ни находилось, независимо отъ общественныхъ условій.

— Мы предоставляемъ церкви объяснять это все, — поспѣшно и нѣсколько свободнѣе сказала она. Спорить было не такъ тяжело какъ дѣйствовать. — Конечно, протестанты, сами читающіе

библію, впадають въ заблужденіе. Но мы, вѣрныя дѣти церкви, научены лучшему.

— Научены цѣнить кастовую исключительность?

— Научены понимать различныя степени достоинства и почитать, — отвѣчала она собственными выраженіями викарія.

Мужъ взглянулъ на нее съ улыбкой, безконечно печальной.

— Да, въ хорошей школѣ ты побывала! Я съ трудомъ узнаю твой умъ, нѣкогда также чуждый діалектики какъ и ала. Ты теперь такъ искусна въ наукистиѣ, какъ можно было ожидать отъ ученицы мистера Ласселя.

Она покраснѣла и казалась смущенной.

— Меня пришлось учить всему, — отвѣчала она. — Мой умъ былъ бѣлый листъ бумаги, когда прибылъ отецъ настоятель — мистеръ Лассель.

— И на этомъ листѣ онъ написалъ такими крупными буквами, какихъ мнѣ и видѣть бы не хотѣлось, самыя для меня тяжелыя слова. Но, — сказалъ онъ, овладѣвъ собою: — мы отвлеклись отъ предмета разговора. Что же ты намѣрена дѣлать? Подпишешь условія, или откажешь въ своемъ согласіи?

Она молчала, какъ ей казалось, цѣлую вѣчность. Она ничего не слыхала кромѣ біенія собственного сердца и прерывистаго дыханія, готоваго ежеминутно превратиться въ рыданія безъ слезъ. За дверью слышался шорохъ, въ окно донесся благовѣсть.

— Я не могу подписать ихъ, — тихо, съ усиленіемъ, сказала она, бессильно уронивъ руки на столъ.

У Ричарда занялось дыханіе, губы его слегка дрогнули. Ударъ на него обрушился; все же дѣйствительность была лучше томленія. Но онъ еще не отказался отъ борьбы. Не за себя боролся онъ, а за тѣхъ, кого называлъ своими друзьями — не противъ Герміоны, но противъ мистера Ласселя.

— Неужели ты не видишь жестокости этого отказа? — спросилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы. — Неужели не понимаешь, что это чистое преслѣдованіе, и несправедливое, и какое бы употребить выраженіе — тиранническое. Я, твой мужъ, проповѣдую то же ученіе, за которое ты караешь этихъ людей, а между тѣмъ я пользуюсь твоимъ состояніемъ, живу въ твоёмъ домѣ, а имъ ты не позволяешь даже жить на твоей землѣ.

— Не по моему желанію и не съ моего согласія проповѣдуешь ты это ужасное ученіе, — робко проговорила она. Снова слышался шорохъ за дверью, благовѣсть раздался еще громче: и а виновата тѣмъ, что допускаю это, — прибавила она, расправившись и тяжело дыша.

Онъ пристально взглянулъ на нее.

— Я всегда долженъ проповѣдовать его, — медленно проговорилъ онъ. — Одна смерть заставитъ меня замолчать. Клерикализмъ олицетворяетъ для меня мракъ и ложь, наука — свѣтъ и разумъ; чего бы это мнѣ ни стоило, я долженъ остаться вѣрнымъ той вѣрѣ, которая живетъ во мнѣ.

Теперь-то настала критическая минута...

— Нѣтъ, — наконецъ, тихо сказала Герміона, едва находя силу выговорить это слово.

— Что ты хочешь сказать, дорогая? Что нѣтъ? въ какомъ смыслѣ? — спросилъ онъ.

— Твое безбожное ученіе, ты не долженъ болѣе проповѣдывать его здѣсь, — въ читальнѣ, — пробормотала она.

— Но я и построилъ читальню для этой самой цѣли.

— Ты не долженъ болѣе проповѣдывать его, — вотъ все, что она могла сказать. Женщина, стоявшая за дверью, улыбнулась.

— Говори яснѣе, жена, — сказалъ онъ, вторично возвращаясь къ старому выраженію, отъ котораго отказался съ того ужаснаго дня, когда она отдалилась отъ него. Онъ взялъ стулъ и сѣлъ подлѣ нея, въ словахъ его зазвучала горячая нѣжность и трогательное, исполненное терпѣнія, достоинство. — Я не хочу, чтобы ты страдала болѣе, чѣмъ это необходимо, — сказалъ онъ, положивъ свою руку на ея руку, лежавшую на столѣ. — Я хочу только уяснить себѣ твою мысль. Неужели друзья твои посовѣтовали тебѣ отнять у меня управленіе имѣніемъ? Неужели ты намѣрена принять ихъ совѣтъ?

— Ты не долженъ проповѣдовать богохульства въ читальнѣ, — уклончиво проговорила она.

— Но это равняется запрещенію, а запрещеніе означаетъ, что ты меня удаляешь. Выскажись яснѣе, дорогая, я никогда не былъ для тебя суровымъ мужемъ, да и теперь не буду. Я только хочу узнать твои настоящіе желанія, чтобы между нами не было недоразумѣній.

Онъ нѣжно положилъ ей другую руку на плечо.

— Ты безбожникъ, — сказала Герміона. — Ты употребляешь власть, какую здѣсь имѣешь, противъ церкви.

Тутъ она закрыла лицо руками, слиткомъ измученная и растерзанная, чтобы молиться.

— А если я откажусь отъ уступки ученію, въ которое не вѣрю, ты отнимешь у меня довѣренность? Выскажись теперь сразу — да или нѣтъ?

— Да, — сказала Герміона почти шопотомъ.

Теперь жертва была полная!

Рачардъ провелъ рукою по лбу и протеръ себѣ глаза. Потомъ онъ всталъ съ мѣста, подошелъ къ окну, облокотился объ оконную раму и сталъ смотрѣть на разстилавшіяся передъ нимъ видъ. Точно будто завѣса встала между нимъ и всѣмъ на что онъ смотрѣлъ, — точно будто природа, такъ долго бывшая ему другомъ, внезапно спряталась отъ него и теперь стала равнодушна и безмолвна.

— Твоя воля — мой законъ, — сказалъ онъ спокойно, возвращаясь къ ней. — Я не стану болѣе наставлять. Бѣднее дитя! я знаю чего тебѣ стоило дойти до этого.

— О, да! стоило, стоило, — горячо проговорила она, благодарная за то, что онъ считаетъ ее менѣе жестокой, чѣмъ она кажется, обрадованная тѣмъ, что онъ признаетъ ея страданія, а не винить ее за собственные муки.

— Дѣло зашло теперь слишкомъ далеко, чтобъ его можно было исправить, — продолжалъ онъ; — мнѣ ничего болѣе не остается какъ уступить. Онъ помолчалъ съ минуту. — Морсъ знаетъ все, что ты должна дѣлать и можетъ вести дѣла твои, — продолжалъ онъ болѣе спокойнымъ, дѣловымъ тономъ. — Всѣ книги и счета ясны и понятны всякому. Всѣ дѣла твои въ полномъ порядкѣ, ниваныхъ долговъ, кромѣ необходимыхъ текущихъ издержекъ, ничего задуманнаго или неяснаго. Къ тому же ты всегда можешь написать мнѣ, еслибъ тебѣ понадобились дальнѣйшія свѣдѣнія.

При словахъ: «написать мнѣ», Герміона вздрогнула и подняла глаза; тогда какъ при словахъ: «ниваныхъ долговъ», со страхомъ подумала о собственныхъ затрудненіяхъ, въ которыхъ ей такъ стыдно будетъ признаться, а которыхъ она, между тѣмъ, не умѣла уладить безъ посторонней помощи; несмотря, однако, на свой внезапный страхъ, она молчала.

— Не думаю, чтобъ я имѣлъ еще сказать тебѣ что-нибудь, — продолжалъ онъ: — Имѣніе въ полномъ порядкѣ.

Она вдругъ повернулась къ нему и подняла на него свои голубые глаза. Ей хотѣлось приласкать его; но она во-время опомнилась и приняла свою прежнюю унылую позу.

— Прощай, голубка, — продолжалъ онъ, сочувствуя ея страданію и ради ея желая поскорѣй со всѣмъ этимъ покончить. — Ты сдѣлала меня счастливейшимъ человекомъ въ теченіи всей нашей супружеской жизни до послѣдняго времени, когда ты позволила этимъ постороннимъ вліяніямъ стать между нами и отнять тебя у меня. Но я не забываю прошлаго изъ-за настоящаго;

и хотя сожалѣю о тебѣ, не осуждаю тебя ни за что, дорогая жена, какъ только за нашего ребенка.

Голосъ его измѣнился при этихъ словахъ, онъ снова повернулся къ окну...

Герміона встала и подошла къ нему.

— Почему ты говоришь такъ, какъ будто утѣжаешь?—спросила она; ея природная слабость побѣдила ея неестественное мужество.—Не намѣренъ же ты покинуть меня, Ричардъ?

— Развѣ ты можешь ожидать чего-нибудь другого, дорогая?—спросилъ онъ по прежнему крѣпко, терпѣливо, нѣжно, но и не безъ достоинства.—Ты предпочитаешь мнѣ мистера Ласселя, мнѣ не остается другого выхода.

— Не мистера Ласселя предпочитаю я тебѣ, а моего духовника, — пробормотала она.

— Человека или духовника, для меня это безразлично, — отвѣчалъ онъ.—Но во всякомъ случаѣ, задай себѣ вопросъ: неужели положеніе, до котораго ты довела меня, — то, которое долженъ занимать человекъ, нѣкогда тобою любимый, отецъ твоего ребенка? Не могу повѣрить, чтобы ты желала уважить меня до такой степени, чтобы оставить меня здѣсь въ роли какой-то поживой смясечки, которую мистеръ Лассель могъ бы бросить изъ стороны въ сторону по своему усмотрѣнію.

— Тебя только просятъ отказаться отъ твоихъ лекцій и не употреблять моихъ денегъ на распространеніе невѣрія и на защиту атеистовъ, — растерянно отвѣчала она, проповѣдуя миръ тамъ, гдѣ его быть не могло. Она заломила руки при этихъ словахъ, и оглянулась вокругъ въ испугѣ.

— Не старайся смягчать тяжелые факты мелкими словами, — сказалъ онъ.—Это недостойно насъ обоихъ.

— Нѣтъ, больше ничего не требуютъ!—воскликнула она.

— Ахъ жена, не обманывай себя, — сказалъ онъ.—Ты оставила меня просто въ угоду мистеру Ласселю. Не будь его, я могъ бы проповѣдовать, что мнѣ угодно. Чтожъ, — да будетъ такъ. Власть твоя, я безсиленъ. Мнѣ ничего болѣе не остается какъ покориться, и оставить тебя. Законъ на твоей сторонѣ, на моей только любовь, которая на тебя больше не дѣйствуетъ.

— Но что я буду дѣлать одна? Ты не можешь ѣхать! я не могу жить одна, — проговорила она.

— Еслибъ я тебѣ понадобился, ты можешь послать за мною, — отвѣчалъ онъ.—Ты всегда найдешь меня такимъ, какимъ оставляешь; а когда ты сбросишь съ себя всю эту галлюцинацію со

вѣщи ея поворотами и неискренностию — только призови меня, и я приду, — ты сама знаешь съ какою радостью.

— Ричардъ, ты не долженъ уѣзжать! — истерически вскринула она, хватаясь за его руку.

— Или я уѣду, или ты выйдешь и безъ всякихъ условій возвратишься ко мнѣ, — отвѣчалъ онъ. — Другого выхода нѣтъ. Если ты искренна въ твоёмъ нежеланіи разстаться, ты пойдешь со мною. Пойдешь, Герміона? вернемся мы къ прежнему счастью. Скажи, жена, дорогая, голубина, — скажи: вернемся?

Онъ прилежъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ лобъ.

Какой едва уловимый звукъ ворвался въ полу-отворенную дверь? Ричардъ ничего не слышалъ, но Герміонъ онъ былъ достаточно ясенъ и понятенъ.

— О, зачѣмъ ты невѣрующій? — воскликнула она, съ испуганнымъ взглядомъ освобождаясь изъ его объятій.

— Теперь поздно объ этомъ спрашивать, — отвѣчалъ онъ, снова проводя рукой по лицу. — Вообще поздно толковать. Прощай, голубина. Безполезно еще мучить тебя и себя. Жребій брошенъ. Я покоряюсь своей судьбѣ. Прощай!

Онъ повернулся и уже прошелъ черезъ половину комнаты, когда она позвала его съ такимъ крикомъ, точно испытывала ужасныя страданія.

— Ричардъ! — воскликнула она, и все лицо ея передернулось отъ нравственной пытки.

Онъ остановился. Она бросилась впередъ.

— Ты не долженъ уѣзжать, — простонала она. Ричардъ, мой мужъ, мой возлюбленный! — Дверь неожиданно отворилась, и Эднъ Эверетъ быстрыми шагами вошла въ комнату.

— Боюсь, что я помѣшала, — проговорила она съ холодной саркастической улыбкой. — Но уже благовѣстать, Герміона, и мы опоздаемъ ко всенощной.

Герміона подалась назадъ, точно пойманная въ преступленіи. Ричардъ спокойно остался на мѣстѣ.

— Съ кѣмъ желаешь ты идти, Герміона? — спросилъ онъ: — съ мистриссъ Эверетъ или со мной?

— Я на это отвѣчу, — сказала Эднъ, взявъ блѣдную, слабую ручку подъ свою руку. — Вы пойдете со мной, Герміона; иначе вы отречетесь отъ Господа нашего, отъ церкви. Вы обязаны повиноваться велѣніямъ церкви.

— Свободный ли это выборъ твой, жена, со всѣми его послѣдствіями? Неужели ты повинешь меня для этихъ жестокихъ губителей счастья и любви? О, Герміона! страхни съ себя этотъ

тудовищный вешмаръ! Пойдемъ со мной—твоимъ мучени, твоимъ другомъ—оставь этихъ бездушныхъ фанатиковъ! Пойдемъ, жена!

Онъ нѣжно положилъ ей одну руку на голову, а другою обнялъ ее за плеча.

Мистриссъ Эверетъ содрогнулась.

— Какія грѣховныя фамиллярности!—сказала она.—Сестра моя, какъ можете вы, чистая сердцемъ женщина, выносить ихъ? Это ласки дьявола, а вы дитя Матери нашей!

Гермиона спрятала лицо свое на плечѣ друга.

— Говори, жена! говори, голубка, — съ невыразимой нѣжностью сказала Ричардъ.—Со мной ли ты пойдешь или съ нею?

— Церковь приказываетъ вамъ идти со мной, — сказала мистриссъ Эверетъ.—Если вы не согласитесь, вы поклонитесь сатанѣ, а не Господу нашему.

— Я не могу послушаться церкви, — проговорила Гермиона сдавленнымъ голосомъ.

— Вы получили отвѣтъ!—съ торжествомъ проговорила мистриссъ Эверетъ.—Она спасла свою душу, врага ада вы не преодолѣли. Вы хорошо поступили,—ласково шепнула она Гермионѣ.—Господь нашъ и благословенная Матерь Его смотрятъ на васъ съ неба, а церковь дастъ вамъ отпущеніе грѣховъ и благословеніе свое.

Она увлекла ее изъ комнаты, оставивъ Ричарда одинокимъ, побѣжденнымъ, униженнымъ...

Побѣда, доставшаяся съ такимъ трудомъ, не подвергалась опасности отъ небрежнаго отношенія къ ней. Цѣлый день Гермиону продержали въ викариатѣ въ состояніи духовнаго опьяненія, мѣшавшаго ей думать и чувствовать. Отецъ настоятель снова принялъ ее въ лоно церкви съ такою радостью, точно она, какъ блудный сынъ, раскаялась во грѣхахъ своихъ и возвратилась на путь благодати съ пути морибели. Онъ выслушалъ ее исповѣдь и отпустилъ ей грѣхи съ увѣренностью, заставлявшей ее вообразить, что она уже принята въ царство небесное. Онъ рисовалъ яркія картины ликованія, ощущаемаго святыми, радостно господствующаго среди ангеловъ по поводу ея возвращенія. Сочной кистью изображалъ онъ страданія, переносимыя мѣстоименныхъ мученій, котораго она избѣгла; ее пробирала дрожь, полная ужаса, ей почти казалось, что она слышитъ скрежетъ зубовой, крики нечестиваго и бессильнаго отчаянія...

Собѣсть ея была усилена, тщеславіе возбуждено, суевѣріе доведено до высшей степени, привязанности извращены и отрав-

лены въ самомъ источникѣ своемъ, и даже ея слабость превратилась въ точку опоры для силы побѣждавшихъ ее,—она была безпомощна въ ихъ рукахъ. Они были хитры, она простодушна, они умны, она легковѣрна, они жестоки, она робка; а главное, они вѣрили въ себя и свое ученіе, а потому имѣли надъ нею еще преимущество полной искренности.

Въ теченіе дѣлаго дня и до поздняго вечера расточали они свою духовную музыку и оміями, убѣждая свою жертву довершить уже начатое жертвоприношеніе, мѣшая ей спрыгнуть съ востра, воздвигнутаго ими для ея женской чести, ея супружеской вѣрности, ея чистѣйшей любви. Они оцѣпляли ее такъ, какъ есавъ давали ей пить крѣпкое вино или курить опиумъ; настолько лишали ее способности ясно и честно мыслить, какъ будто она была безъ чувствъ. Она находилась въ томъ состояніи, въ которомъ женщины приносятъ своихъ дѣтей въ жертву Молоку, бросали своихъ любимцевъ львамъ по приказанію первосвященника, въ которомъ слышали голосъ Бога. Побѣда была полная, такая полная, каковой только могъ желать самый горячій адвокатъ подчиненія міранъ; когда обѣ женщины уѣзжали изъ викаріата, Эдваръ Эверетъ носѣвшію проговорила, обращаясь къ мистеру Ласселю, самовластному ее въ эклипсѣ.

— Не обѣщала ли я вамъ, что заставлю ее образумиться? Будете теперь довѣрять мнѣ?

— Вы самая умная женщина, какую я когда-либо встрѣчалъ,—горячо отвѣчалъ онъ, глядя ей прямо въ глаза.—И одна изъ самыхъ вѣрныхъ дочерей святой Матери,—прибавилъ онъ принужденнымъ тономъ, скромно опустивъ очи.

Глава XIV.—Побѣжденные и побѣдители.

Случилось такъ, что читальня въ этотъ вечеръ была переполнена болѣе обыкновеннаго, такъ какъ предметъ лекціи былъ интересенъ.

Это долженъ былъ быть быстрый обзоръ выдающихся положеній, доказывающихъ однородность нашей планетной системы, обнаруженную спектроскопомъ, и живыхъ организмовъ, доказываемую теоріей постепеннаго развитія. Нѣкоторые изъ членовъ пастыри, не сочувствовавшіе ни ритуализму, ни революціоннымъ научнымъ теоріямъ, не желавшіе оставаться въ хорошихъ отношеніяхъ со своимъ священникомъ и, если возможно, ознакомиться съ любознательными фактами, условились не обращать вниманія на

противорѣчащія св. писанію примѣненія, которыя были неизбѣжны, и отразиться на лекцію послужить, что скажетъ мистеръ Фуллертонъ.

Забавно будетъ видѣть, говорили нѣкоторые, какъ всѣ эти дѣланы, въ его рукахъ, будутъ доказывать одно, тогда какъ недавно еще доказывали другое въ рукахъ правовѣрнаго популяризатора науки, котораго мистеръ Ласселъ выписывалъ въ Кроссгольмъ для пораженія Фуллертона научнымъ оружіемъ. Да, это будетъ забавно, говорили люди, лѣнливо равнодушные къ противорѣчіямъ между фактами и вѣрою; презабавно, говорили надменные невѣжды, считающіе дѣломъ похвальнымъ насмѣхаться надъ невѣдѣніемъ философовъ только потому, что послѣдніе, признавая одни и тѣ же факты, дѣлаютъ изъ нихъ разные выводы...

Какъ нарочно, въ тотъ самый вечеръ, когда Ричардъ былъ бы радъ видѣть только горсть сочувственныхъ ему друзей, его встрѣтила толпа любопытныхъ, равнодушныхъ, полу-враждебныхъ людей — и одинъ явный врагъ въ лицѣ Адама Белли, шпіона викарія.

Кроткій и спокойный какъ всегда, но такой блѣдный, точно въ его жилахъ не сохранилось и капли крови, Ричардъ прочелъ свою лекцію по старому, съ своимъ обычнымъ стараніемъ. Смѣлое слово, произнесенное спокойнымъ голосомъ, составлявшее его отличительную черту, обиліе образовъ, привлекавшее вниманіе, изящество и выѣтъ простота рѣчи, возвышавшія литературный вкусъ и ограждавшія самоуваженіе его слушателей, такъ что имъ не могло казаться, что съ ними говорятъ свысока, а между тѣмъ говорилось вполне имъ понятно; такъ и основательность, дѣлавшіе его безукоризненнымъ лекторомъ для рабочихъ, были также замѣтны и сегодня, среди его терзавій, какъ бывали когда-либо въ его безмятежнѣйшія минуты. Ничто не могло яснѣе обнаружить характеръ человѣка, котораго жена его вынуждена была отошлнуть какъ посланника сатаны; ничто не могло вразумительнѣе доказать его добросовѣстность, терпѣніе, самообладаніе, его высшее чувство долга. Только когда всѣ факты сдѣлались извѣстны, люди, слушавшіе его теперь съ удовольствіемъ, вспомнили его, такимъ, какимъ онъ былъ въ этотъ вечеръ, съ уваженіемъ. Даже Адамъ Белль призналъ въ глубинѣ той небольшой и циничной «мозговой клѣточки», которую другіе люди называютъ душою, что человѣчество въ своемъ высшемъ развитіи достойно поклоненія, и что мистеръ Фуллертонъ человѣкъ, почему-то заставляющій вѣрить въ Бога.

Когда собственно-научная часть его лекціи была кончена, Ричардъ возвратился къ своимъ старымъ аргументамъ—недостовѣрности преданія по тѣмъ вопросамъ, по которымъ оно можетъ быть подвергнуто изслѣдованіямъ. Все это ложь, говорилъ онъ; и цѣль разсужденій, хотя сама по себѣ и логичная, приписывающая духовную власть и провидѣніе духовенству, распадается, если мы дадимъ себѣ трудъ изслѣдовать исходную точку. Онъ остерегалъ отъ неправильнаго толкованія преданія, и особенно остерегалъ отъ клерикаловъ. Люди, считающіе возможнымъ отнимать дѣтей у родителей, разлучать мужа и жену и губить семейный миръ, не таковы чтобъ ихъ можно было привѣтствовать въ своемъ домѣ или поощрять въ качествѣ вожаковъ и руководителей общества. Никакія человѣческія привязанности для нихъ не священны, если онѣ стоятъ на пути клерикальнаго могущества, никакая нравственность не имѣетъ значенія, если она противорѣчитъ ихъ цѣлямъ. Они заботятся только о томъ, чтобъ упрочить свою власть и усилить вліяніе, какое суевѣріе позволило имъ приобрести надъ жизнью и душою человѣка. Съ ихъ открыто исповѣдуемымъ принципомъ, что цѣль оправдываетъ средства, они не знаютъ ни угрызѣній совѣсти, ни страха въ выборѣ путей, къ которымъ прибѣгаютъ для обезпеченія этой цѣли.

Онъ умолялъ ихъ принять въ сердцу все, что онъ говорилъ имъ уже нѣсколько лѣтъ, и сознать, что они въ настоящую минуту находятся въ самомъ разгарѣ борьбы между знаніемъ и суевѣріемъ, тиранніей и свободой. Новый викарій рѣшилъ овладѣть Кроссгольмомъ, и онъ не падалъ никакихъ трудовъ для обезпеченія побѣды. Онъ предлагаетъ имъ красивыя зрѣлища и хорошую музыку во время службъ, съ цѣлью очаровать ихъ чувства и пойдетъ еще далѣе, въ этомъ смыслѣ, когда церковь будетъ вновь открыта; онъ старается пугать ихъ старушечьими баснями; онъ возбуждаетъ ихъ воображеніе, подчиняетъ себѣ ихъ умъ, ослабляетъ ихъ энергію, забираетъ ихъ въ руки съ помощью милостыни, принимая которую составляетъ для нихъ униженіе. Вся эта система, крѣпко сплетенная и хитро закинутая сѣть. Пусть они остерегаются всего, что имъ теперь предлагаютъ, и мужественно выносятъ лишенія, еслибъ этого потребовала вѣрность ихъ врожденному праву на умственную свободу и мужественную независимость.

Это его послѣднее къ нимъ слово, по крайней-мѣрѣ въ настоящемъ. Онъ завтра уѣзжаетъ изъ Кроссгольма, и вѣроятно много пройдетъ времени прежде, чѣмъ онъ снова увидитъ ихъ, если когда-нибудь увидитъ. Читальня будетъ закрыта для ста-

речь членовъ, она перейдетъ въ другія руки и послужитъ другимъ цѣлямъ (блѣдное лицо его возвынуло при этихъ словахъ, губы замѣтно искривились, несмотря на улы); это послѣдняя лекція, которую онъ имъ здѣсь читаетъ. Итакъ, онъ сердечно прощается со всѣми ими и надѣется, что не тщетно онъ столько лѣтъ работалъ вмѣстѣ съ ними, ища истины.

Голосъ слегка замѣнилъ ему, когда онъ прощался съ ними; но онъ овладѣлъ собою и держалъ себя съ такимъ же мужествомъ, какъ и въ разставаньи съ Герміоной, принимая съ терпѣніемъ сильнаго человѣка страданіе, отъ котораго ни энергія, ни мужество спасти его не могли.

Когда онъ сѣлся съ наседры, самые близкіе его друзья столпились вокругъ него.

— Что вы такое сказали, сэръ?—тревожно спросилъ Джонъ Гревсъ:—вы насъ покидаете? Читальня будетъ закрыта?

Слезы стояли въ глазахъ старика. Много тяжелыхъ испытаній нѣдалъ онъ въ жизни, но это было изъ худшихъ. Оно касалось не его одного, оно оскорбляло истину, прогрессъ, пользу человечества, которые были для него дороже даже его личныхъ привязанностей.

— Подите-ка сюда, друзья мои,—сказалъ мистеръ Фуллертонъ, обращаясь къ тѣмъ, кому онъ обѣщалъ вѣзджи,—ихъ всего было человѣкъ десять.

Онъ также назвалъ Рингрова Гардинси, но когда хитрое лицо маленькаго торговца показалось изъ-за сильныхъ плечъ Тома Вургена, онъ снова замѣтилъ:

— Нѣтъ, не вы, Адамъ, васъ сюда не звали! ваши дѣла теперь до васъ не касаются. Дикъ Стернъ, подите сюда, надо вамъ сказать кое-что. Я долженъ сообщить вамъ всѣмъ нѣчто печальное,—продолжалъ Ричардъ.—Условія на заемъ вашихъ вѣзджей не согласились подписать, друзья мои. Мистеръ Лассаль уговорилъ мистриссъ Фуллертонъ не позволять вамъ селиться на ея землѣ. Вы, конечно, знаете, что имѣніе ея. Я былъ только ея управляющимъ, хотя порою считалъ себя господиномъ. Теперь она желаетъ сама заняться дѣлами, и мы не должны слишкомъ сурово судить о ея поступкахъ. Она сдѣлалась горячеей поборницей ритуализма—это не новость ни для кого; слѣдовательно она дѣйствуетъ по указаніямъ викарія, который ей не совѣтуетъ держать на землѣ своей людей, несогласныхъ съ церковью. Горько мнѣ сообщать вамъ это. Я знаю, что вы положились на мое слово; вы, Джонъ, болѣе всѣхъ у меня на совѣсти. Всѣ вы можете

понять, чего мнѣ стоило прочесть эту лекцію и сообщить вамъ эту дурную вѣсть. Не пришлось это сдѣлать.

— И никогда вы не были такъ велики, какъ теперь, сэръ, — сказалъ Джонъ Гревсъ съ отгнаннымъ нѣжнымъ уваженіемъ, говорившаго о вѣрности падшему, уваженія ученика, не желающаго отречься отъ своего учителя, но готоваго твердо раздѣлить его мученичество, какую бы форму оно ни приняло. — Я знаю, какъ вы должны страдать теперь, мы всё это понимаемъ; но, мистеръ Фуллертонъ, сэръ, такой мужественный человѣкъ, какъ вы, стоять выше униженія, чѣмъ бы они ни дѣлали!

— Такъ намъ, значить, ничего не остается, какъ покинуть старое гнѣздо, — сказалъ Динъ Стернъ. Онъ былъ натуралистъ маленькой группы, и въ теченіе многихъ лѣтъ находилъ величайшее наслажденіе въ записываніи того, когда появлялся первый цвѣтокъ бѣлой буквицы, первый листокъ на ясени, первый пшеничный колосъ, появлялась первая ласточка и т. д. Эти данныя онъ отправлялъ въ мѣстную газету, и какъ они ни были скромны, ему казалось, что онъ послужилъ знанію, принесъ свой камешекъ для великаго храма. — Я думалъ вѣкъ прожить здѣсь, продолжать онъ, — но кажется этому не бывать. Плохо дѣло!

— Да, точно плохо дѣло! — сказалъ Алленъ Розъ. — Тяжеленно селиться на новомъ мѣстѣ въ наши годы.

— Это можетъ всю округу поднять! — воскликнулъ Томъ Мурредъ громовымъ голосомъ. — Еслибъ какой молодецъ всадилъ добрый кусокъ свищу въ черепъ этого грекятаго попа, онъ сдѣлалъ бы хорошее дѣло, хоть бы его за это повѣсили!

— Тихе, Томъ, тихе, — сказалъ Ричардъ. — Мы спокойные, любящіе правду люди, а не убійцы и не преступники.

— Мистеръ Фуллертонъ, сэръ, вы слышномъ миги, — гнѣвно воскликнулъ Томъ. — Вы слышномъ добры къ такимъ людямъ, а они васъ точутъ, сэръ! Кабы вы вытолкали этого священника изъ вашего дома въ первый разъ, какъ онъ порогъ его переступилъ, всѣмъ было бы во сто разъ лучше. Вы остались бы господами до конца, а мы не были бы общимъ посмѣшищемъ.

— Молчи, Томъ, — сердито проговорилъ Алленъ Розъ.

— Уймись, дурачекъ, — сказалъ Динъ, отталивая кунаца.

— Полноте, друзья мои, не ссорьтесь между собой, — сказалъ Ричардъ. — Всѣ мы знаемъ Тома, его доброе сердце и пылкій характеръ. Не сегодня ми не станемъ ссориться. Это было бы дѣйствительнымъ торжествомъ для противной стороны.

— Вотъ что, братцы, — громкимъ голосомъ воскликнулъ Рингровъ, такъ-что все происходившее не должно было состав-

дать тайны:—вы ничего не потеряете. Я уверяю, что и мой друг одобрит мое предложеніе: каждому изъ васъ я дамъ то, что далъ бы ему мистеръ Фуллертонъ, т.-е. домики съ участкомъ земли для разведенія сада, каждому изъ васъ. Завтра же примусь за заготовку плановъ. Перебейтесь ванъ-кабудь, пока дома будутъ построены. Пока я живъ, никому священнику не владствовать въ Кроссгольмъ; ради моего друга мистера Фуллертона я готовъ быть другомъ всѣмъ вамъ, которыхъ онъ отстаивалъ.

— Благодарю васъ, сэръ.—Благодарю васъ, мистеръ Гардисти.—Человѣкъ старой породы.—Второй мистеръ Фуллертонъ.—Викарію-то не уступить... Воскликанія эти завершившись громкимъ ура въ честь владѣльца Монисголла. Ричардъ горячо пожалъ руку молодому человѣку, проговоривъ:

— Благодарю васъ, вы—тѣ, чѣмъ я всегда васъ считалъ.

— Благодаря примѣру, данному вамъ мистеромъ Фуллертономъ, мистеръ Гардисти,—сказалъ Джонъ Гревсъ, вѣрный старому флагу и все еще обращаясь къ заходящему солнцу.

Но несмотря на этотъ просвітъ среди тучъ минута была печальная; особенно тяжело было разставаться. Многіе плакали ванъ дѣти, пожимая въ послѣдній разъ руку тому, кто былъ ихъ другомъ, учителемъ, идеаломъ. Слезы стояли и въ глазахъ Ричарда. Но сильное горе, источникъ всего, лежало глубже.

Наконѣцъ прощаніе кончилось, и Ричардъ, и Рингровъ остались наединѣ. Тогда-то мужество, до сихъ поръ его поддерживавшее, измѣнило бывшему владѣльцу аббатства. Онъ сѣлъ на стулъ и склонилъ голову на скрещенныя руки, притаив свое страданіе даже отъ друга.

Спустя нѣсколько времени онъ настолько овладѣлъ собою, что могъ поднять голову.

— Пріютите меня на эту ночь, голубчикъ,—сказалъ онъ.—Я уйду завтра утромъ съ первымъ поѣздомъ, но я не могу бы ночевать въ аббатствѣ. Это было бы только бесполезное страданіе. Оно вамъ коняте, неправда-ли? Жизнь моя тамъ кончена, и женѣ моей лучше остаться одной.

— Да, да, я все это понимаю,—взволнованно проговорилъ Рингровъ.—Я не могу объ этомъ говорить! Да, поѣдете со мной. Мой домъ ванъ домъ, мой конюхъ ванъ конюхъ; вы мой другъ, мой старшій братъ, у меня нѣтъ ничего, что бы не принадлежало вамъ, поспѣлай вы жить его.

— Благодарю, голубчикъ,—просто отвѣчалъ Ричардъ.—Я знаю, что вы таксе. Все, что мнѣ отъ васъ нужно, это—постель

и обѣщаніе быть моимъ повѣреннымъ послѣ моего отъѣзда. Окажете покровительство моимъ людямъ и отъ времени до времени приглашайте за ней. Не судите ее слишкомъ строго, Рингровъ. Не своей волей нанесла она мнѣ это оскорбленіе. Ее поработили. — Рѣчь его оборвалась, онъ всталъ и подошелъ къ камину. Въ эту минуту онъ забылъ о Виргиніи и помнилъ только Герміону, жену свою, женщину, которую любилъ съ такимъ довѣріемъ, съ такой нѣжностью и преданностью и которой лишился, почти не зная какъ!

Спусти нѣсколько времени онъ вернулся къ Рингрову.

— А теперь поѣдьте, — сказалъ онъ. — Это значитъ только попусту тратить силы.

— Позвольте мнѣ только сказать, что вы можете разчитывать на меня, какъ на самого себя, — тихо сказалъ Рингровъ. — Я слишкомъ ее люблю, слишкомъ глубоко вѣрю въ ея природныя достоинства, чтобы не относиться къ ней съ почтеніемъ, и ради ея самой, и ради васъ; быть можетъ, мнѣ удастся и пользу принести.

— Пользы вы не принесете, — сказалъ Ричардъ. — Дѣла зашли слишкомъ далеко, она вѣруетъ слишкомъ сильно.

— Томъ Мургеѣ правъ, какъ онъ ни грубъ, — человѣка этого стоило бы убить! — гнѣвно воскликнулъ Рингровъ.

— Лучше убить суевѣрное невѣжество, изъ котораго онъ черпаетъ свою силу. Люди, вводящіе въ обманъ, также достойны сожалѣнія, какъ тѣ, кого обманываютъ. Они вѣрятъ въ то, что проповѣдуютъ, — былъ характеристическій отвѣтъ Ричарда, желавшаго быть справедливымъ даже и къ мистеру Ласселю.

Затѣмъ они вышли и покатили по большой дорогѣ въ Монкстонъ — на вѣкъ покинуть аббатство.

Въ эту ночь Герміона проснулась въ волненіи послѣ запутаннаго и тревожнаго сна: ей показалось, что въ комнатѣ кто-то есть, и она, все еще въ полуснѣ, подумала, что это мужъ — старая привычка, какъ видно, была сильнѣе новыхъ условий.

— Ричардъ, милый! — сказала она нѣжнымъ, соннымъ голосомъ.

Въ полу-сознаніи, ея духовное оцѣнѣніе миновало, и она снова стала самой собою.

— Ричардъ, голубчикъ! — повторила она тѣмъ-же соннымъ, теплымъ, ласкающимъ голосомъ.

Пологъ кровати медленно отдернулся, и Эдиъ Эверетъ, блѣдная и высокая, появилась передъ нею.

— Бѣдная сестра моя, вы видите сонъ! — проговорила она

своимъ ровнымъ ледянымъ голосомъ. — Проснитесь, Герміона! сатана внушилъ это видѣніе.

— Отдайте мнѣ моего мужа, отдайте мнѣ Ричарда! — истерически воскликнула Герміона, простирая руки впередъ и мечась головой по подушкѣ.

Эдионъ взяла мягкую, полную руку своей сильной рукой. Она заставила испуганную женщину лечь, и положила распятие, въ видѣ талисмана противъ вражьей силы, на высококачавшуюся грудь.

— Неужели вы желаете стать отверженной? — проговорила она тихимъ, суровымъ голосомъ. — Любовь ваша къ атеисту-мужу преступленіе. Я сохранию васъ въ святости для Господа нашего, хотя-бы противъ вашей воли!

— Вы меня пугаете! мнѣ больно! — воскликнула Герміона, приподнимаясь и пытаясь вырваться отъ нея. — Ричардъ, Ричардъ!

— Безумная! — проговорила мистриссъ Эверетъ, грубо бросая ее на кровать. — Вы достойны всякаго презрѣнія. Но вы некоритесь. Вамъ не позволять поступать по-своему.

На слѣдующее утро, къ завтраку никто не явился кромѣ мистриссъ Эверетъ; Герміона лежала въ постели съ головной болью и въ лихорадкѣ, а Ричардъ уже находился на пути въ Лондонъ.

Борьба была доведена до конца, путь очищенъ отъ всякихъ препятствій. Новыя мѣлы могли лечь на просторъ...

Получивъ записку отъ Эдионъ Эверетъ, викарій явился въ аббатство въ десять часовъ, для утѣшенія Герміоны въ незаслуженной печали, причиненной ей жестокостью мужа.

— Будь онъ дѣйствительно тѣмъ самоотверженнымъ существомъ, за которое выдавалъ себя, онъ остался-бы при васъ, чтобы помогать вамъ въ исполненіи вашихъ новыхъ обязанностей, — сказалъ мистеръ Лассель.

— Наша дорогая голубка не должна объ этомъ беспокоиться, — послышался спокойный голосъ Эдионъ. — Мы съ вами, отецъ настоятель, оба хорошіе дѣльцы, и мы можемъ помочь ей. Не желаете ли, чтобы мы сегодня же занялись дѣлами, дорогая? — обращаясь къ жалкой, раскрасѣвшейся, дрожащей въ лихорадкѣ Герміонѣ. — Надо распорядиться на счетъ этихъ условій. Похлопотать намъ обо всемъ этомъ для васъ?

— Да, — сказала Герміона, слышномъ больная и несчастная, чтобы заботиться о томъ, что она сама говорить.

— Такъ мы васъ оставимъ, дорогая, уснуть немного, — отвѣчала Эдионъ, взглянувъ на мистера Ласселя.

— Спите, зная что церковь считаетъ васъ своей самой дорогой дочерью, и что Господь нашъ доволенъ вами!

Но, несмотря на все это, мужъ ея былъ изгнанъ, и она, въ глубинѣ души, сознавала, что разбила его сердце.

Достойная пара, поднявшись на верхъ, прошла въ кабинетъ и принялась за свою инквизиціонную работу: такіе-то и такіе-то предметы изъ атеистической коллекціи, мистеръ Лассель рѣшилъ отправить въ викаріатъ въ надеждѣ, что въ его рукахъ и въ стѣнахъ той самой читальни, которая до настоящаго времени была храмомъ сатаны, они будутъ свидѣтельствовать о божественномъ разумѣ и о тайнѣ мірозданія. Эдиель Эверетъ тѣмъ же не менѣе рѣшила, что сама тщательно пересмотритъ ихъ всѣ, до отправки. Она была умная женщина и обладала свойственнымъ ей полу любопытствомъ.

Затѣмъ еще до полудня они такъ подробно ознакомились съ состояніемъ аббатскаго помѣстья, что мистеръ Лассель могъ судить, какой дани можно теперь ждать отъ Герміоны, нынѣ самостоятельной, въ видѣ: *осуды Господу*, — и что останется на ея личные расходы. — «Если она будетъ имѣть тысячу фунтовъ въ годъ, она можетъ считать себя счастливой», думалъ онъ съ улыбкой, подводя итогъ своимъ будущимъ фондамъ.

Глава XV.—День торжества.

Цѣлая сѣть толковъ и осужденій обвилась вокругъ имени Герміоны изъ-за того, что, въ сущности, было логическимъ послѣдствіемъ ея принциповъ. Мужчины, любившіе ея мужа и смотрѣвшіе на выборъ Герміоны почти также, какъ Гамлетъ смотрѣлъ на выборъ матери, осуждали ее, какъ глупенькую женщину, недостойную занимаемаго ею мѣста. Мистриссъ Незбитъ, неузнававшая своей старой пріятельницы въ этомъ новомъ видѣ, смотрѣла на нее съ удивленіемъ, полнымъ негодованія. Рингровъ, какъ мужчина, мѣтче судившій о ней и не только видѣвшій Виргинію въ ея матери и Ричарда въ его женѣ, но искренно любившій Герміону ради ея самой, только и могъ, что извиняться за нее и вваливать главную вину на викарія. Лэди Мэнт смотрѣла на нее съ смутнымъ неудовольствіемъ и, ликуя по поводу паденія атеиста, находила, что католикъ ссадившій его не менѣе ужасенъ. Мистеръ Лассель считалъ ее своей крестурой, въ которой видѣлъ опредѣленный доходъ церкви, разсчитывая незамѣтно отстранить ее, когда онъ истощится. Эдиель

Эверет презирала ее за ее слабость и смѣлялась надъ ней; сама Эдваръ Эверетъ знала чего хотѣла. Одна Тереза съ состраданіемъ относилась къ ней; она съ яснымъ чутьемъ умирающей поняла, что со времени пріѣзда въ Кроссгольмъ умной вдовы изъ возлюбленный священникъ пересталъ заботиться о своихъ духовныхъ дочеряхъ. Всѣ вообще считали ее связанной съ мистеромъ Ласселемъ преступной привязанностью. Въ сущности, допуская, что принципы ихъ вѣрны, ни она сама, ни мистеръ Лассель, ни Эдваръ Эверетъ не заслуживали осужденія за то, что было сдѣлано. Каково яйцо, таковы и цыпляенокъ, и цыпляенокъ ни въ чемъ не виноватъ. Объ одномъ тщательно пекся мистеръ Лассель: Гермионѣ не должно позволить почувствовать холоднаго дуновения общественнаго неудовольствія. Она должна быть тѣсно окружена клерикальнымъ хоромъ; звуки тамтама и опыляющее дѣйствіе свадобьевъ и екиама должны продолжаться, пока у богатой жертвы болѣе ничего не останется. До наступленія этого часа ей не должно быть дано время опомниться. Въ аббатствѣ толпилось столько священниковъ, разныхъ братій и отцовъ, точно саранча налетѣла на зеленѣющее поле, засѣянное хлѣбомъ; даже ночью воспрещалось опасное одиночество. Эдваръ Эверетъ спала въ ее комнатѣ и каждый вечеръ убаюкивала ее чтеніемъ эстатическихъ книгъ. Ей также не давали слишкомъ заботиться о долгахъ, составлявшихъ главный вопросъ ее жизни въ настоящую минуту. Мистеръ Лассель взялся все это уладить, если дорогая мистрисъ Фуллертонъ согласится отдаться подъ его руководство; дорогая мистрисъ Фуллертонъ, понятно, согласилась.

Итакъ, викарій добылъ значительную сумму денегъ каиникъ-то оборотомъ, почти напоминавшемъ фокусъ, заплатилъ всѣ долги, и объявилъ Гермионѣ, что у нея столько-то денегъ въ банкѣ.

Это былъ прелестный фокусъ въ глазахъ хорошенькой женщины, не умѣвшей считать. Она такъ горячо благодарила, точно благочестивый фокусникъ подарилъ ей всю сумму.

Открытіе церкви приближалось; но викарію еще предстояло не мало дѣла. Во-первыхъ, ему хотѣлось, если возможно, разсвѣтъ шайку теперь, когда предводитель былъ разбитъ. Дѣйствуя на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ Адамомъ Беллемъ, онъ вызвалъ Тома Мургеда въ судъ къ отвѣту по обвиненію въ употребленіи угрожающихъ выраженій, и въ подстрекательствахъ къ нарушенію порядка. Послѣдователи Ричарда вынуждены были давать показанія противъ своего товарища, и Томъ былъ отправленъ въ тюрьму.

Съ этой минуты кузнецъ былъ погибшій человекъ, какъ

нравственно, такъ и матеріально, и надежды Адама Белля на хорошенькую Джанетъ оживились. Онъ рассчитывалъ на временное удавленіе отца ея, какъ на сильное средство въ свою пользу; расчеты его оказались не вполне ошибочными.

Викарій всячески старался испортить жизнь другихъ людей, какъ испортилъ жизнь Тома Мургеда, искренно вѣря, что служить Богу, обнаруживая всю непрочность ихъ добродѣтели; но тутъ Рингровъ вступился и пригласилъ желающихъ къ себѣ въ Монесголлъ, пока дома ихъ не готовы. Но многіе уклонились отъ борьбы и выселились.

Читальню онъ употребилъ для своихъ цѣлей, и, по его выраженію, заставилъ ея стѣны внимать теперь истинному ученію церкви. Нѣкоторые изъ самыхъ вредныхъ книгъ онъ сжегъ, остальные продалъ, а на полученные деньги приобрѣлъ то, что называлъ «хорошими книгами». Библіотекаремъ онъ сдѣлалъ Адама Белля, потому, что вообще политично награждать немѣну и шпіовство.

Но всѣмъ этимъ онъ возбудилъ энергію Рингрова, который твердо стоялъ на своемъ и всѣми силами помогалъ остаткамъ разбитой дружины. Владѣлецъ Монесголла, конечно, не заходилъ такъ далеко, какъ Ричардъ въ своихъ умозрѣніяхъ, но вся эта высокомѣрная тиранія толкала его на ту-же дорогу, и охлаждала его въ церкви: его обличенія клерикальнаго господства дышали даже болѣею страстью, чѣмъ у Ричарда, потому что у него примѣшивался элементъ ревности, которой Ричардъ не зналъ. Онъ часто навѣщалъ Герміону: какъ это ни было тяжело, онъ считалъ это должнымъ ей въ ея духовномъ рабствѣ, какъ-бы давая ей возможность освободиться, какъ только она пожелаетъ; этимъ онъ также исполнялъ свою обязанность по отношенію къ Ричарду, которому часто писалъ о положеніи дѣлъ въ аббатствѣ. Мало утѣшительнаго могъ онъ сказать бѣдному изгнаннику. Герміона никогда не упоминала о немъ; это было ей запрещено отцомъ настоятелемъ. Ричардъ писалъ женѣ разъ, упомянувъ, что если она не отвѣтитъ ему, онъ сочтетъ это за знакъ нежеланія имѣть съ нимъ какія-либо сношенія. Герміона не отвѣчала. Причина была самая простая: она не получила письма, которое какими-то судьбами попало въ викаріатъ, и руками мистера Ласселя было брошено въ огонь. Она сильно горевала объ этомъ полномъ забвеніи — такъ не похожемъ на Ричарда, говорила она себѣ; — но не имѣла возможности узнать истину, а быть можетъ, при томъ нравственномъ рабствѣ въ какомъ ее держали, ничто бы не измѣнилось, еслибы она и узнала ее.

Рингровъ часто также посѣщалъ Невбитовъ. Онъ находилъ хорошенькую, темноглазую Беатрису самой прелестной дѣвушкой, въ ея родѣ. Она не была такъ идеальна, какъ Виргинія, но безконечно пріятна такому человѣку, какъ онъ, — доброму, великодушному, мужественному, но нѣсколько надменному и ревнивому. Онъ зналъ, что его ожидаетъ — не сейчасъ, но скоро; и зналъ, что когда минута эта настанетъ, мягкосердечная Беатриса взглянетъ ему въ лицо со слезами сладкаго удивленія въ своихъ большихъ, глубокихъ глазахъ и въ одно мгновеніе узнаетъ то, чего не знаетъ теперь: что давно его любить, хотя не признавалась въ этомъ самой себѣ, когда онъ это видѣлъ и этому радовался. Онъ никогда не позволялъ ни ей, ни матери ея слова сказать противъ Герміоны или Виргиніи; и своей честной преданностью разрѣшилъ трудную задачу, оставшіеся въ хорошихъ отношеніяхъ съ друзьями, между которыми произошелъ разрывъ.

Самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ Кроссгольмѣ, въ это время, былъ Джорджъ Пирсъ. «Измѣнникъ и трусъ», называлъ его Томъ Мурредъ. Онъ всегда былъ печаленъ, чувствуя себя опозореннымъ и изгнаннымъ. Тестъ не измѣнился къ нему; но когда настали эти особенно-мрачные дни, всѣ еще съ бѣльшей злобою напали на него; и даже Дикъ Стернъ, кроткій отъ природы, разсказалъ въ назиданіе ему притчу о томъ, какъ крысы покидаютъ тонущій корабль.

Нанни также была несчастна. Несчастія отца камнемъ лежали у нея на сердцѣ; неизмѣнная печаль мужа уничтожала счастье, которое любовь, благоденствіе и добропорядочная жизнь могли бы имъ доставить; ребенокъ былъ слабенькій и постоянно держалъ ее въ тревожномъ состояніи, это, въ свою очередь, дѣйствовало на ея здоровье. Когда маленькое существо выскользнуло изъ ея рукъ, несмотря на всѣ ея заботы и умерло въ тотъ самый моментъ умственного пробужденія, когда ребенокъ становится особенно дорогъ матери, тогда бѣдной Нанни показалось, что чаша ея переполнилась, и жизнь ужъ точно юдоль плача. Конечно, мистеръ Лассель говорилъ ей, что она должна радоваться, а не плакать; такъ какъ ребенокъ ея взятъ прямо на небо, но сердце бѣдной матери истекало кровью: бѣдная женщина пролила столько же слезъ, какъ еслибъ ребенка ея ожидалъ адъ.

Такъ шли дѣла до наступленія торжественнаго дня.

Возобновленная и разукрашенная церковь во имя архистратига Михаила и всѣхъ силъ небесныхъ походила на соборъ небольшихъ размѣровъ и блистала всякаго рода украшеніями,

дозволенными и недозволенными. Тутъ были разрисованныя окна, изваянія святыхъ въ нишахъ, рѣзные скамьи для пѣвчихъ, великолѣпный органъ, такая же каеэдра, распятіе на престолѣ, зажженные свѣчи и неугасимая лампада. Скамьи были открытыя, никому не полагалось особыхъ мѣстъ, хотя опредѣленное число мѣстъ въ приходской церкви включалось во всякую квартирную плату; исповѣдальня украшена была великолѣпной рѣзьбой, престолъ въ цѣвтахъ. Казалось будто мистеръ Лассель рѣшилъ испытать что согласны вывести его прихожане и какъ далеко онъ можетъ зайти.

Мѣстный епископъ, принадлежащій къ партіи умѣренныхъ, не былъ приглашенъ на торжество. Мистеръ Лассель, проповѣдававшій мірянамъ полную покорность, не оказывалъ никакого повиновенія своимъ начальникамъ, если они не служили тому же флагу, какъ и онъ; онъ питалъ особенное отвращеніе къ тому епископу, утверждая, что онъ не достоинъ быть руководителемъ церкви, такъ какъ онъ протестантъ, еретикъ и, прибавимъ мы, добрый гражданинъ.

Итакъ, ничто не стѣсняло демонстрацій этого дня. Процессія и хоругви, колѣнопреклоненія и еніямъ, облаченія и свѣчи— всего было вдоволь; подобіе католицизма было полное. Вся партія прислала своихъ представителей. Органистъ, пріѣхавшій обновить органъ, былъ лучшимъ въ Лондонѣ; сестры, неожиданно посѣтившія убѣжище для выздоравливающихъ, были изъ числа самыхъ богатыхъ членовъ, самыхъ строгихъ орденовъ. Кроссгольмъ никогда не видалъ такой роскошной выставки клерикальнаго великолѣпія.

Хотя служеніе въ день праздника жатвы и отличалось торжественностью, но открытіе возобновленной церкви превосходило его неизмѣримо. Всѣ принадлежности богослуженія были солидны, прочны, дороги; хоругви и облаченія, одежды на престолѣ, кошельки для сбора пожертвованій были изъ роскошнѣйшаго матеріала и украшены изящнѣйшими вышивками; чаша и дискосъ были золотые съ драгоценными камнями; распятіе изъ чистѣйшей слоновой кости на фонѣ чернаго дерева было произведеніе искусства.

Всѣ прихожане собрались принять участіе въ церемоніи, въ числѣ ихъ Незбиты и Рингровъ Гардисти—помощники церковнаго старосты. Это дѣло не секты, а прихода,—разсуждали они;—и присутствіе здѣсь ихъ, самыхъ выдающихся противниковъ новаго порядка вещей, служило скорѣе заявленіемъ ихъ правъ,

тѣмъ признакомъ особаго уваженія въ викарію или принятія его программы.

Они смотрѣли на Герміону, чтобъ уловить на лицѣ ея тѣмъ воспоминанія объ утраченномъ, но ничего прочесть не могли, кромѣ духовнаго оцѣпенѣнія совѣсти, лихорадочнаго возбужденія индійской вдовы, добровольно приносящей себя въ жертву. Ее представили всѣмъ прїѣзжимъ, въ качествѣ самаго блестящаго свѣтильника настоящей минуты. Она сдѣлала это, она пожертвовала то, она всыпала эти драгоценности въ сокровищницу Господню; ей пришлось пройти черезъ испытанія всякаго рода, но она осталась вѣрна церкви. Сатана предоставилъ ее Господу, поддерживавшему ее; день торжества ея насталъ.

Съ этимъ всѣ льстецы-клерикалы спѣшили ее поздравить; громкій звукъ ихъ трубъ на минуту заглушилъ слабый голосокъ. Трудно было ждать, чтобы среди этихъ овацій блестящаго тумана самооболенія явились тяжелыя мысли и грустныя воспоминанія. Нѣтъ, она ничего не помнила.

Передъ самымъ началомъ службы, въ то время, когда на органѣ прозвучалъ аккордъ, возвѣщавшій о приближеніи процессіи, легкій шумъ у одной изъ боковыхъ дверей заставилъ всѣхъ обернуться. Это была бѣдная Тереза, которую вносили на кушеткѣ. Викарію и въ умъ не приходило, чтобъ она рѣшилась на вещь, повидимому, невозможную—на настоящее самоубійство; но, поддерживаемая лихорадкой, она сдѣлала надъ собой послѣднее усиліе и явилась въ надеждѣ, что если ей суждено умереть, она умретъ здѣсь, теперь.

Тетушка Еватерина, лицо которой стало круглѣе и глушѣе прежняго, шла рядомъ съ нею безмятежно улыбаясь. Она не противилась намѣренію дѣвушки и даже одобрила его, увѣренная что «святые поддержать ее». Спокойствіе ея бессмысленнаго лица, быть можетъ, было самой поражающей чертой въ цѣлой трагедіи.

Трепетъ ужаса охватилъ собраніе, когда дѣвушку внесли, но никто живѣе не почувствовалъ всей тягости этой минуты, какъ мистеръ Лассель. Онъ рѣдко видалъ Терезу за послѣднее время. Она перестала быть предметомъ его нѣжныхъ заботъ и превратилась просто въ «больную». Она доставила ему все, чего онъ желалъ: новый поводъ къ изученію женскаго характера, примѣръ слѣпотаго повиновенія, прекрасное окно въ церкви и столько денегъ, сколько онъ могъ изъ нея выжать. Тѣмъ не менѣе ему показалось, что его ударили по лицу, когда онъ увидалъ истомленное личико бѣдной дѣвушки, кушетку которой поставили на

такомъ мѣстѣ, откуда она могла видѣть алтарь и его, смотрѣть ему въ лицо во время его проповѣди. Непріятно было смотрѣть на нее и сознавать, что это дѣло его рукъ; но ему и прежде приходилось испытывать подобныя-же непріятности; да и развѣ ему не служилъ защитой его священный санъ? Если женщины угодно дурачиться и видѣть въ немъ человѣка, когда онъ желаетъ служить имъ какъ священникъ, да падеть за это грѣхъ, стыдъ и наказаніе на ихъ головы! Его голова, окруженная ореоломъ его сана, чиста. Таковы были быстро пронесившіяся въ умъ его мысли, когда онъ обходилъ церковь благоговѣнно сложивъ руки.

Къ счастью для спокойствія молящихся, Тереза была слишкомъ слаба, чтобы впадать въ истерику. Она лежала во время службы въ какомъ-то оцѣпенѣніи, видя только густыя облака ѳиміама, окружавшія престолъ, позолоченныя солнцемъ; слыша музыку, то замиравшую въ воздыханіяхъ, то наполнявшую торжественными звуками всю церковь. Она слышала его голосъ, видѣла его преображенное лицо въ золотомъ облакѣ, какъ-бы приподнимавшемъ его надъ грубой землей и полу-возносившемъ его на небо. Она и себя уже воображала на небѣ, и любясь пожертвованнымъ ею огнемъ — на которомъ изображена была Магдалина у ногъ Христа — погружалась въ свой сладостный бредъ, воображая себя женщиной, а его богомъ.

Такъ прошла служба, безъ всякихъ перерывовъ или задержекъ. Многія женщины плавали, тетупка Екатерина улыбалась во все лицо; Герміона оставалась королевой, благодѣтельницававшей народъ свой, дочерью церкви, почтившей свою мать.

По окончаніи службы всѣ желающіе отправились въ аббатство завтракать. Мистеръ Лассель помѣстился на концѣ главнаго стола. Герміона и не замѣтила, что онъ занялъ мѣсто ея мужа. Среди такихъ гостей, въ той обстановкѣ, въ какой она находилась, присутствіе этого мужа было-бы слишкомъ большимъ диссонансомъ, чтобъ можно было сожалѣть объ его отсутствіи; по правдѣ, она вовсе и не вспоминала о немъ. Она была окружена толпой льстецовъ; мистеръ Лассель, въ своей рѣчи, сравнилъ ее со всѣми добродѣтельными женщинами древности; небогатые священники, паства которыхъ была скупа или бѣдна, а церкви велики и пусты, жужжали вокругъ нея, какъ мухи вокругъ меда. Никогда не была она такъ счастлива, думалось ей, никогда до этой минуты не знала истиннаго счастья!

Въ теченіи цѣлаго дня поддерживалось это чарующее возбужденіе. Но всему бываетъ конецъ, кончился и этотъ дивный

день духовнаго торжества. Когда послѣдній звукъ органа замеръ подъ сводами—когда послѣдній стаканъ вина былъ выпитъ въ аббатствѣ—общество начало разѣзжаться. Самъ мистеръ Лассель, по чувству приличія, вынужденъ былъ удалиться, вмѣстѣ со своими друзьями.

— Какое странное молчаніе, какая пустота!—думала Герміона;—а между тѣмъ какъ смутно и тяжело на душѣ!—Она чувствовала то же, что мы всѣ чувствуемъ, внезапно переходя отъ оглушающаго шума въ полную тишину, и благодаря этой тишинѣ уясняя себѣ, какъ великъ былъ шумъ.

Одна изъ сестеръ, сестра Моника, оставалась долѣе всѣхъ. Она была особенной пріятельницей Эдионъ Эверетъ; онѣ были на-верху, когда послѣдніе гости разѣзжались. Теперь онѣ сошли, Эдионъ, также, какъ и сестра, въ шляпѣ и бурнусѣ.

— Я ѣду въ Стартонъ,—сказала она Герміонѣ. — Сестра Моника, къ сожалѣнію, не можетъ ночевать здѣсь.—Я приказала заложить экипажъ, онѣ поданъ,—совершенно спокойно продолжала мистрисъ Эверетъ.—Пойдемте, дорогая.

— Прощайте, мистрисъ Фуллертонъ.—Я увѣрена, что вы сегодня чувствуете себя счастливой,—промолила сестра улыбаясь.

— Да, я счастлива,—отвѣчала Герміона съ печальнымъ лицомъ.

Герміона осталась одна. Одиночество сегодня особенно сильно дѣйствовало на нее. Мысли, отодвинутыя на задній планъ впечатлѣніями дня, ронились въ головѣ. Вездѣ такая пустота, все такъ далеко! Въ этомъ большомъ домѣ казалось, что даже слуги за нѣсколько миль.

Она бродила по комнатѣ въ тоскѣ и смутномъ, безпричинномъ страхѣ, прошла черезъ залу съ намѣреніемъ пройти на-верхъ, въ свою комнату, но, увлекаемая какимъ-то тайнымъ вліяніемъ, повернула въ другую сторону и прошла въ кабинетъ.

Она отворила дверь съ ребяческой надеждой найти тамъ Ричарда. Здѣсь все было убрано. Въ первый разъ съ отъѣзда мужа входила она въ эту комнату и потрясеніе, вызванное въ ней измѣнившимся видомъ комнаты, было ей почти не подъ силу, тѣмъ болѣе что она была истомлена событіями дня. Грѣховныя доказательства ужаснаго атеизма мужа были гораздо лучше этой холодной опрятности; какъ обрадовалась бы какому-нибудь безобразному черепу. Но все исчезло—даже этотъ аксессуаръ невѣрія—микроскопы! Точно будто она вошла въ мавзолей, гдѣ воображала найти слѣды страданія, а нашла только пустоту болѣе мучительную, болѣе ужасную чѣмъ всякія страданія.

Наконецъ въ уголку, на полѣ, она увидѣла листъ бумаги, на которомъ мужъ ея начертилъ остовъ пресмыкающагося и переходъ отъ него къ остову птицы. Никто не могъ ее видѣть, надъ ней смѣяться или осуждать ее. Она поцѣловала бумагу и слезы ея закапали на грубый рисунокъ... Реакція была внезапная и сильная; она стояла передъ пустыми книжными полками, оплакивая свою погибшую любовь, изгнаннаго властелина своей прошлой жизни,—плакала страстно и горько. Потомъ она сѣла на его стулъ у письменнаго стола—на этомъ мѣстѣ сидѣла она, когда онъ просилъ ее подписать условія... Хорошо ли она въ сущности поступила, отказавъ ему? Онъ ея мужъ и, хотя и атеистъ, такой добрый! такъ ей вѣренъ! Какъ желала бы она снова увидеть его! О, еслибъ она могла хоть разъ обвить шею его руками и почувствовать себя въ его объятіяхъ! Никто такъ ее не любилъ. Отецъ настоятель милый, но со всѣми ровень, и, въ сущности болѣе преданъ Эдионъ, чѣмъ ей, но мужъ ея всецѣло ей принадлежалъ, какъ она ему, до... До чего, Герміона?

Здѣсь наконецъ, въ эту грустную минуту, въ этой пустой комнатѣ, совѣсть ея заговорила, добровольная вдова поняла всю громадность своей жертвы. Сіяющія высоты были взяты, но бѣдное, слабое, глупое сердце обращалось назадъ на тѣнистыя долины, въ которыхъ она жила и любила; и жена сожалѣла объ утраченномъ болѣе, чѣмъ дочь церкви радовалась приобрѣтенному.

Когда Эдионъ Эверетъ вернулась, она застала ее на томъ же мѣстѣ плачущей. Немезида наконецъ настигла ее.

— Бѣдное дитя!—сказалъ мистеръ Лассель съ притворной нѣжностью, когда ему объ этомъ было донесено:—ей нужна твердая рука и непрестанная забота.

— Да,—сказала Эдионъ:—и она будетъ имѣть то и другое.

— Благодаря вамъ? я въ этомъ убѣжденъ,—сказалъ онъ.

— И вамъ, отвѣчала она.—Но, прибавила она другимъ тономъ—она вернется въ мужу, отецъ настоятель. Повѣрьте мнѣ, я эту породу знаю такъ хорошо!

— Вы слишкомъ боязливы, дорогой другъ.

— А вы слишкомъ довѣрчивы. Попомните слова мои. Примите мой совѣтъ: заставьте ее сдѣлать теперь то, чего вы желаете. Настанетъ день, когда царству вашему будетъ конецъ.

— Царству моему никогда конца не будетъ, потому что оно царство церкви,—смирненно произнесъ онъ.—А его я здѣсь утвердилъ!—прибавилъ онъ, торжествуя.

Въ эту минуту слуга подаль ему письмо. Оно было отъ Рингрова, заявляющаго, что онъ, церковный староста и оскорб-

лениый прихожанинъ, будетъ жаловаться епископу на вводимые викаріемъ католическіе обряды. Мистеръ Лассель слегка прищелкнулъ своими выхоленными пальцами.

— Вотъ чего это стоитъ! проговорилъ онъ съ спокойной улыбкой, сдувая пылинку съ рукава.

Глава XVI.—Угасла.

Перемена постепенно сказывалась въ положеніи дѣлъ въ аббатствѣ; отношенія между Эднью и Герміоной вступили въ новый и непріятный фазисъ. Хозяйка жаждала отдѣлаться отъ гостя, но благовоспитанность женщины хорошаго круга мѣшала ей сказать прямо: *упэжайте*; а было вполнѣ очевидно, что мистриссъ Эверетъ продолжитъ свое пребываніе на столѣе, на сколько это ей будетъ удобно.

Такъ какъ опасность супружескаго примиренія миновала, не представлялось уже болѣе надобности слѣдить за Герміоной, какъ въ началѣ, и Эднью, которой обязанности няньки, какъ она однажды сказала отцу настоятелю, были особенно противны, снова получила возможность зажить собственной жизнью, и сочла себя въ правѣ пользоваться своей свободой. Какимъ-то непонятнымъ образомъ она всегда бывала съ отцомъ настоятелемъ, а Герміона никогда. Исключая исповѣди, ей никогда не дозволялось оставаться наединѣ съ мистеромъ Ласселемъ; къ тому же Эднью нерѣдко прямо предостерегала ее.

— Видите-ли, дорогая,—сказала она однажды утромъ, когда онѣ сидѣли вдвоемъ въ гостиной аббатства,—разведенная жена должна быть крайне осторожна; и хотя отецъ настоятель такъ чистъ и святъ, свѣтъ такъ недоброжелателенъ и люди такъ злы!

— Никто не смѣетъ дурно отзываться обо мнѣ,—поспѣшно проговорила Герміона.—Всѣ знаютъ какъ сильно я любила бѣднаго, милаго Ричарда. Кромѣ того я уже не молода.

— Да, конечно, женщина этого возраста должна быть очень не умна—чтобы неумѣть отстоять себя. Но вѣдь иныя женщины очень не умны. Понятно, что я не о васъ говорю, дорогая,—прибавила Эднью съ странной улыбкой;—но мы не всегда осторожны! Вы, право, еще очень недурны. Отецъ настоятель еще вчера говорилъ, какъ удивительно вы сохранились. Во всякомъ случаѣ, сколько-бы вамъ лѣтъ ни было, вы замѣчательно сохранились и иногда еще очень эффектны. Отецъ настоятель человѣкъ не старый и очень красивый. Хотя онъ и священникъ,

онъ для иныхъ женщинъ опасенъ, — продолжала она своимъ ровнымъ, дѣланнымъ голосомъ, начинавшимъ сильно дѣйствовать на нервы Герміоны. — Я могла бы многое поразсказать вамъ объ увлеченіяхъ, которыхъ я была свидѣтельницей.

— Но причемъ я здѣсь, — сказала Герміона, вспыхнувъ. — Я, кажется, никакой особенной глупости не сдѣлала.

— Нѣтъ, дорогая, я этого не говорю; но вы не должны забывать, что отдалились отъ себя мужа, уже подпавъ подъ вліяніе отца-настоятеля. Вы право, Герміона, должны быть осторожнѣе теперь, чѣмъ когда мистеръ Фуллертонъ жилъ съ вами. Мужъ такой щитъ, даже когда жена легкомысленна. Но вы лишили себя этой защиты, и теперь должны быть очень осмотрительны со всѣми, и особенно съ отцомъ-настоятелемъ.

— Странно, что вы это говорите, Эдиъ, когда вы болѣе всѣхъ хлопотали объ этомъ, — сказала Герміона, широко раскрывъ глаза. И вы говорите въ такомъ тонѣ, точно будто я въ чемъ-нибудь провинилась. Отдалить отъ себя мужа, разведенная жена, что за ужасныя выраженія! Едва ли они приличны, Эдиъ.

— Надо называть вещи своими именами, моя милая; а когда женщина прогонитъ отъ себя мужа, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, она — разведенная жена. — Она взглянула на часы. Пришлете вы за мной въ викаріатъ къ часу? привести съ собой отца настоятеля? — спросила Эдиъ, поднимаясь съ мѣста.

— Развѣ вы уходите? васъ вчера цѣлый день не было дома! — сказала Герміона, краснѣя отъ досады.

— Я нужна отцу настоятелю, — сказала Эдиъ.

— Вы постоянно въ викаріатѣ! — воскликнула Герміона. — Я увѣрена, что еслибъ люди пожелали сплетничать объ отцѣ настоятелѣ, это не было бы изъ-за меня, Эдиъ.

— Вы хотите сказать, что изъ-за меня, вѣроятно? спокойно замѣтила мистриссъ Эверетъ. — Но видите ли: я свободна, а вы нѣтъ. Въ этомъ вся разница. Влюбись мы съ отцомъ настоятелемъ другъ въ друга, ничто бы не помѣшало нашему браку, исключая нашихъ принциповъ о безбрачїи духовенства. Но они не дали бы намъ влюбиться. Свѣтъ это понимаетъ. Съ вами совсѣмъ другое дѣло. Практическій выводъ: я могу позволить себѣ то, чего вы не должны.

— Кажется, что такъ, — сказала Герміона, сжавъ губы.

— Кромѣ того, я дѣйствительно полезна, — продолжала Эдиъ. — Я могу сводить его счеты, держать окружныя книги въ порядкѣ, а вы сами знаете, дорогая, что вы по этой части не сильны, — съ легкимъ смѣхомъ прибавила она.

— Къ чему всё эти извиненія, дорогая?—возразила Герміона, быстро мѣняя фронтъ.—Если я въ такихъ лѣтахъ, чтобы знать, что я дѣлаю, мнѣ кажется, то же можно сказать и о васъ; для меня не можетъ составлять никакой разницы, будете ли вы проводить все свое время въ викаріатѣ или нѣтъ.

— Какъ бы то ни было, поступайте по своему усмотрѣнію, дорогая; я во всякомъ случаѣ отправляюсь. До свиданія, милочка.—Эдмундъ, улыбаясь, сдѣлала прощальный знакъ рукою и выскользнула изъ комнаты.

— Она положительно ненавистна, мнѣ необходимо отъ нея отдѣлаться! Я скажу отцу настоятелю, что не намѣрена долге держать ее, дерзкая, негодная!—были гнѣвные мысли Герміоны, какъ только дверь затворилась за ея пріятельницей. Мнѣ отъ нея нѣтъ никакой пользы, рѣшительно никакой! Она оставляетъ меня одну по цѣлымъ днямъ, и живетъ здѣсь только, чтобы кокетничать съ отцомъ настоятелемъ. Ему-то что за охота, она такая некрасивая. Мнѣ казалось, у него болѣе вкуса. Бѣдный Ричардъ разгадалъ ее сразу и возненавидѣлъ. Право, я этому не удивляюсь. Она вела себя съ нимъ самымъ дерзкимъ образомъ, а теперь затѣваетъ ту же игру со мной. Но я выносить этого не намѣрена. Милый Ричардъ! бѣдная моя Виргинія!

Герміона бросилась лицомъ въ подушку дивана и громко зарыдала...

Подобно всѣмъ людямъ его категоріи, мистръ Лассель не любилъ тратить своихъ силъ на безцѣльные вниманія. Жизнь впереди насъ, а не позади,—сказалъ онъ однажды;—когда съ чѣмъ-нибудь покончено, долгъ мужчины проходить мимо и искать новыхъ обязанностей.—Это именно онъ постепенно дѣлалъ съ Герміоной. Теперь, когда онъ остался побѣдителемъ на всѣхъ пунктахъ, когда онъ былъ увѣренъ, что получить все, что ему потребуется по части денегъ, когда аббатство стало для него чѣмъ-то въ родѣ гостиницы, куда онъ могъ приглашать кого пожелаетъ, когда Герміона была слишкомъ скомпрометтирована, чтобы отступить, онъ радъ былъ отказаться отъ опаснаго духовнаго ухаживанія, посредствомъ котораго достигъ своей цѣли. Это былъ отдыхъ послѣ побѣды, онъ давалъ ему возможность отдаться новымъ трудамъ, и особенно самому важному изъ нихъ: предстоящему столновенію съ Рингровомъ Гардисти. Онъ очень рѣдко видался съ Герміоной и никогда наединѣ; онъ давалъ ей понять, сначала съ сожалѣніемъ, а теперь съ покорностью, что онъ долженъ быть остороженъ ради ея, а она послушна ради его. Что до мистриссъ Эверетъ, это дѣло иное. Никто не можетъ опи-

бочно истолковать отношеній къ ней, говорилъ онъ, глядя на Герміону съ нескрываемымъ восторгомъ и отзываясь объ Эднѣ тономъ, выражавшимъ презрѣніе къ ея внѣшности. И Герміона успокоилась, по крайней мѣрѣ на время. Эднѣ было отведено особое мѣсто въ его душѣ. Ни онъ не объяснялся ей въ любви, ни она ему. Она была единственная женщина, которой онъ могъ довѣрить осуществленіе своихъ желаній, не опасаясь глупыхъ преувеличеній, могущихъ роковымъ образомъ отозваться на немъ. Она была проникательна, спокойна, сообразительна, самая неопѣненная сотрудница, и онъ зависѣлъ отъ ней болѣе, чѣмъ думалъ. Постепенно подчиняясь ея вліянію, мистеръ Лассель поздравлялъ себя съ другомъ, съ дорогой сестрой, на которую можетъ положиться, какъ на самого себя, не прибѣгая къ благочестивой лести или хитрому ухаживанью.

Точно будто самый умный человѣкъ на свѣтѣ не также безпомощенъ, какъ младенецъ, когда соотвѣтствующая ему женщина, понимающая какъ имъ слѣдуетъ управлять, приберетъ его къ рукамъ и управляетъ имъ!

Бѣдную Терезу также избѣгали за послѣднее время. Брату Свинфену поручено было ежедневно посѣщать ее, въ свое оправданіе викарій приводилъ многочисленность своихъ занятій.

Конецъ Терезы приближался. Умиравшая дѣвушка усиленно боролась. Было болѣе, чѣмъ трогательно—было страшно, ужасно видѣть ея бѣшеную борьбу изъ-за жизни, страстное умирство, съ какимъ она хваталась за надежду, гиббное отрицаніе опасности, рѣшимость оспаривать каждый шагъ на этомъ пути и жить, не взирая на то, судилъ ли Богъ ей умереть или нѣтъ. Но, наконецъ, она признала себя побѣжденной, признала ужасную истину, и сказала себѣ, что это смерть.

Герміона часто видалась съ нею, за послѣднее время.

Отецъ настоятель намекнулъ, что желалъ бы, чтобъ мистриссъ Фуллертонъ взяла Терезу подъ свое особенное покровительство, и сильная симпатія возникла между ними въ теченіе этихъ послѣднихъ недѣль, совершенно непохожая на взаимную ревность и притязанія прежнихъ дней. Теперь онѣ обѣ были въ одинаковомъ положеніи, покинутыя человѣкомъ, которому принесли въ жертву, одна свое супружество, другая—свою жизнь.

Если Герміона еще не вполне признавалась себѣ въ томъ, къ чему идутъ дѣла, Тереза обладала ясновидѣніемъ умирающихъ, которымъ больше обманывать себя не нужно, которые видятъ истину безъ прикрасъ. До сихъ поръ она молчала. Теперь

насталъ минута, когда она попомнила съ жизнью, и мозгъ ея, наконецъ, воспринялъ весь ужасъ ея положенія.

Она лежала, тяжело дыша, въ предсмертномъ поту. Цѣлый день, вокругъ ея постели, шла суетня, священники и сестры приходили и уходили, непрерывно совершались различные обряды, читались молитвы, произносились увѣщанія, она исповѣдывалась, приобщалась, соборовалась; ее увѣряли, что всѣ божественныя участники христіанской драмы духовно присутствуютъ при ней, въ чемъ она скоро сама убѣдится. Всѣ эти волненія были очень вредны и дѣлали агонію еще болѣе ужасной, чѣмъ слѣдовало. Тщетно пытался докторъ умѣрить ихъ. Теперь все понемногу успокоилось. Докторъ уѣхалъ; онъ былъ нуженъ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь онъ не могъ принести никакой пользы, тамъ могъ спасти жизнь. Онъ пожалъ ей руку въ послѣдній разъ, проговорилъ нѣсколько словъ искренняго, мужественнаго утѣшенія, съ нимъ исчезла ея послѣдняя земная надежда.

Братъ Свинфентъ также оставилъ ее на нѣкоторое время; это былъ часъ, обыкновенно посвящаемый имъ молитвѣ и размышленію, долженъ же человѣкъ подумать о собственной душѣ, среди заботъ о спасеніи чужой. Никого не было въ комнатѣ, кромѣ тѣтушки Екатерины, вѣрной и глупой горничной, и Герміоны. Вечеръ былъ поздній. Доживетъ ли Тереза до ночи? Ей всегда бывало хуже къ вечеру.

Всѣ это знали, кромѣ тѣтушки Екатерины.

— При ея вѣрности церкви, она должна перейти въ славѣ, — проговорило слабоумное существо, думая о картинѣ, на которой святая Екатерина возносится на небо, поддерживаемая ангелами, и искренно вѣря, что такова будетъ участь Терезы — а со временемъ ея собственная.

Слишкомъ истомленная, чтобы особенно заботиться о людяхъ или ангелахъ, Тереза лежала съ полу-закрытыми отуманенными глазами, громко и тяжело дыша. Слабымъ движеніемъ показала она Герміонѣ, чтобы та взяла ее за руку, и знаками попросила воды, омочить губы.

— Берегитесь мистриссъ Эверетъ, — съ трудомъ, хриплымъ шопотомъ проговорила она: — она вамъ не другъ, она не даромъ здѣсь, отецъ настоятель женится на ней.

Она снова закрыла глаза, проговоривъ это и, казалось, задремала. Вдругъ она широко ихъ раскрыла и приподнялась на кровати. Туманъ, застилавшій ихъ, исчезъ, они сверкали.

— Пошлите за нимъ! пошлите за нимъ! — проговорила она

дикимъ, неестественнымъ голосомъ. — Я не могу умереть, пока онъ не придетъ. Онъ долженъ благословить и простить меня.

— Дорогая, вы уже прощены. Онъ сегодня утромъ далъ вамъ отпущеніе грѣховъ. Неужели вы забыли, голубка? Спасеніе ваше обезпечено, — вѣжно проговорилъ кроткій голосъ Герміоны.

— Нѣтъ, нѣтъ, пошлите за ними! Я уже и теперь въ мукахъ ада! — снова воскликнула Тереза, ловя воздухъ руками и сбрасывая съ себя простыни и одѣяло. — Я не могу такъ умереть. Онъ долженъ отпустить мнѣ грѣхи!

— Молись святымъ, мое сокровище! — сказала тѣтушка.

— Лучше исполнить ея желаніе, — сказала Герміона; и, написавъ на клочкѣ бумаги: «Пожалуйста, пріѣзжайте немедленно: Тереза умираетъ», — отправила ее въ викаріатъ.

Записка ея застала викарія дома, онъ работалъ съ Эдмундомъ Эверетъ въ кабинетѣ; они вмѣстѣ пріѣхали въ Чѣрчлендсъ въ экипажѣ мистриссъ Фуллертонъ.

Теперь-то началась та ужасная сцена, которая повторяется такъ часто, и такъ рѣдко описывается во всемъ ужасѣ простой истины — сцена, когда разумъ угасаетъ, надежда умираетъ, и остаются только страхъ и физическія мученія, предшествующія смерти. Здѣсь не было поэтическаго конца кроткой души, разстающей съ тѣломъ при звукахъ небесныхъ арфъ, взирая на разверзающіяся небеса, но измученная женщина, терзаемая суетвѣрнымъ страхомъ и воображающая себя уже во власти дьявола, которому отдалась своими грѣховными помышленіями.

Съ почернѣвшими губами, съ исхудалымъ лицомъ, выражавшемъ ужасъ, страхъ, гнѣвъ, отчаяніе, съ широко-раскрытыми глазами, пылавшими страшнымъ огнемъ безумія, она истратила свои послѣднія силы въ страшномъ бреду своей предсмертной агоніи. Любовь ея къ отцу настоятелю была идолопоклонствомъ, — говорила она, — грѣхомъ, который не можетъ быть отпущенъ. Всей власти церкви не снять его съ нея, и сатана уже запустилъ свои острые когти въ ея сердце. Когда она молилась, она молилась отцу настоятелю — онъ былъ ея Богомъ; она поклонялась ему, вмѣсто Господа. Она любила его болѣе собственной души и въ наказаніе подвергнется вѣчнымъ мученіямъ.

— Но, — съ хриплымъ крикомъ проговорила она: — вы заставили меня полюбить васъ, отецъ настоятель! Вы заставили меня думать, что любите меня, когда вы поцѣловали меня въ щечки! Послѣ этого я была уже не та. Я думала, что ни одинъ мужчина не рѣшится поцѣловать дѣвушку, не любя ее, и что вы на мнѣ женитесь. Это было жестоко, жестоко! Вы тогда пре-

дали меня сатанѣ, а теперь онъ требуетъ меня. Спасите меня, Герміона! Тѣтушка, спасите меня!

Съ громкимъ крикомъ упала она на подушки, и еслибъ не дыханіе, ее можно было бы считать мертвой.

Герміона дрожала и готова была лишиться чувствъ отъ страха. Лицо Эдмон Эверетъ выражало смущеніе, но ее глубокіе глаза украдкой бросили пронизательный взглядъ на мистера Ласселя. Но самъ мистеръ Лассель спокойно склонился надъ умирающей дѣвушкой, съ ангельскимъ состраданіемъ, съ непоколебимой ясностью духа невинности.

— Мое бѣдное, бѣдное дитя, — крото проговорилъ онъ, осылая ее знаменіемъ креста. — Тереза, ужели вы не узнаете меня — вашего духовника? Эти ужасныя предсмертныя галлюцинаціи! — прибавилъ онъ, оглядываясь на небольшую группу окружающихъ его, съ кроткой улыбкой состраданія.

Глаза Терезы снова раскрылись. Всѣ самыя мрачныя страсти челоѣчества горѣли въ нихъ послѣднимъ, угасающимъ пламенемъ. Въ ней не оставалось ни мягкости, ни женственности, ни любви. Тутъ были только ненависть и бѣшенство, презрѣніе и отчаяніе; лучшія чувства уже умерли.

— Лицемѣръ! — злобно проговорила она; все тѣло ее опустилось, глаза закатились... Мистеръ Лассель сталъ на колѣни и началъ читать отходную, голосъ его заглушался подавленными рыданіями женщинъ и хрипѣніемъ, раздававшимся съ кровати. Ужасный этотъ звукъ постепенно становился все слабѣе и слабѣе, наконецъ прекратился, послышалось нѣсколько судорожныхъ вздоховъ — одинъ послѣдній, глубокій, и все было кончено. Тогда викарій поднялся съ колѣнъ, закрылъ стеклянные глаза, и проговорилъ установленную формулу для умершихъ. Да, она умерла и онъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, ее убійца; но въ своихъ глазахъ онъ былъ безгрѣшный священникъ, не превысившій своихъ правъ, когда привязалъ эту бѣдную жертву къ алтарю силою любви и принесъ ее въ даръ, угодный Господу и полезный церкви.

Послѣднее, впрочемъ, было сомнительно. Слухи распространились, — какъ, никто не зналъ, и сцена агоніи Терезы Молинѣ, съ каждымъ повтореніемъ, подвергалась новымъ преувеличеніямъ. Викарій мужественно относился къ этому вопросу. Онъ особенно заботился все разъяснить Герміонѣ, и ему, наконецъ, удалось убѣдить ее, что предсмертныя слова бѣдной дѣвушки были чистой иллюзіей и онъ не давалъ ей никакого повода заблуждаться на его счетъ.

— Она никогда не была для меня ничѣмъ инымъ, какъ

только слабымъ и восторженнымъ ребенкомъ, — сказалъ онъ съ выраженіемъ полнѣйшей искренности: — эта исторія поцѣлуя — мнѣ стыдно упоминать о ней — была простая галлюцинація, видѣніе, вызванное дьяволомъ для омраченія ея предсмертныхъ минутъ и для вреда церкви. Давалъ ли я вамъ когда поводъ думать, что я такого рода человекъ? — прибавилъ онъ, устремивъ на нее многозначительный взглядъ.

— Нѣтъ, — неловко, съ яркимъ румянцемъ, отвѣчала она. Было-ли это: *или*, вполне искренно?

То же самое, совершенно въ тѣхъ-же выраженіяхъ, сказалъ онъ Эдмонъ Эверстъ; и вдова, безъ запинки, отвѣчала:

— Разумѣется, это была галлюцинація отъ начала до конца! Мы все это знаемъ. — Она недоувѣрчиво улыбалась, говоря это. Онъ не былъ совершенно увѣренъ, есть ли это недоувѣріе въ словамъ Терезы, или въ его собственнымъ словамъ, и считъ благоразумнымъ не спрашивать.

— Всегда такъ трудно имѣть дѣло съ истеричными дѣвушками, — спокойно замѣтила Эдмонъ. — Право, неженатый священникъ поставленъ въ очень опасное положеніе: духовныя дочери его могутъ причинить ему столько непріятностей!

— Это нашъ крестъ, — сказалъ мистеръ Лассель съ своей самой набожной миной.

Свѣтъ однако оказался не такимъ легковѣрнымъ, какъ Герміона; объ этой исторіи толковали всѣ; иные старались отдѣлать истину отъ лжи, другіе видѣли только романическую сторону дѣла. Въ числѣ первыхъ были Незбиты, но и они, до нѣкоторой степени, осуждали викарія и думали, довольно основательно, что «что-нибудь да было».

Рингровъ былъ того-же мнѣнія, и прибавлялъ нѣсколько эпитетовъ, болѣе энергическихъ, чѣмъ вѣжливыхъ.

Всѣ они шли по саду въ Ньюлэндъ, возвращаясь изъ церкви въ первое воскресенье послѣ смерти Терезы, когда викарій, съ священнымъ спокойствіемъ, говорилъ проповѣдь въ воспоминаніе о ней, говоря о ней, какъ душѣ уже просвѣтленной и переходъ которой черезъ мытарства былъ милосердно соращенъ ради добрыхъ услугъ оказанныхъ ею церкви.

— Какъ могъ онъ говорить эту проповѣдь, зная, что она убила себя всѣмъ, что дѣлала для церкви! — сказала Беатриса.

Слезы навернулись ей на глаза. Она сегодня была сама не своя. Они съ Рингровомъ немного поотстали отъ остальныхъ.

Онъ повернулся и взглянулъ на нее страннымъ, пристальнымъ взглядомъ, заставившимъ ее покраснѣть и смутиться. Онъ

смотрѣлъ, точно забылъ, что она можетъ видѣть его, точно почему-то имѣлъ право смотрѣть на нее, улыбался съ увѣренностью человѣка, не знающаго сомнѣній.

— Беатриса, какъ я радъ, что вы никогда не поддавались всему этому отвратительному безумію, — вдругъ сказалъ онъ.

Она засмѣялась, — но не отвѣчала.

— Знаете ли вы, почему я радъ? — спросилъ онъ, поворачивая на тѣнистую дорожку.

— Вѣроятно потому, что вы сами всѣмъ этимъ не увлекаетесь, — отвѣчала она не своимъ голосомъ, дѣлая геройское, но совершенно безплодное усиліе казаться спокойной.

Онъ остановился и преспокойно обнялъ ее.

— Не только потому, — сказалъ онъ: — я радуюсь потому, что принадлежи вы къ числу поклонницъ виварія, вы никогда не стали бы моей милой женой. А теперь вы будете ею, не такъ ли, дорогая Беатриса?

— О, Рингровъ, — сказала Беатриса, отворачивая отъ него лицо; но невольно, инстинктивно, безсознательно, руки ея обвились вокругъ него, а хорошенькая головка легла ему на плечо, точно ей тутъ и слѣдовало пріютиться.

Онъ прижалъ ее къ себѣ и нѣжно шепнулъ: — Поцѣлуй меня, сокровище мое, и тогда я буду знать, что ты любишь меня. Любишь ли ты меня, Беатриса?

— Да, — кротко сказала она, протягивая головку съ робостью, любовью, покорностью, и подставляя свои свѣжія губы съ невинностью ребенка.

— Голубка моя! — ласково молвилъ онъ. — Ты совершенно то, чѣмъ должна быть. Ты создана для меня, моя Беатриса; теперь я совершенно счастливъ.

— И я также, Рингровъ, — шепнула Беатриса.

Глава XVII. — Отливъ и приливъ.

Рингровъ Гардисти вступилъ въ открытую борьбу съ ихъ мѣстнымъ папомъ; но по окончаніи ея, особенно блестящихъ результатовъ не оказалось. Англиканская церковь, какъ извѣстно, гордится своей терпимостью. Среди представителей всѣхъ отгнѣковъ религіозныхъ убѣжденій, которымъ она вѣряетъ свои интересы, самая безпокойная душа можетъ найти для себя пріютъ. Въ крайнемъ случаѣ, если вы духовный странникъ и проходите черезъ различные ученія, вы можете переходить изъ одной

религиозной группы въ другую, не отдѣляясь отъ англиканской церкви, закономъ установленной. То же можно сказать и объ обрядахъ: также трудно опредѣлить, что законно, а что нѣтъ, какъ опредѣлить какой цвѣтъ преобладаетъ въ хамелеонѣ. Мистеръ Лассель зналъ каждый шагъ на томъ пути, на который выступилъ Рингровъ, а зная дорогу, ничего не боялся. Онъ просто игнорировалъ право закона вмѣшиваться въ духовныя дѣла.

Онъ не далъ отвѣта, когда его вызвали по дѣлу о выводимыхъ на него обвиненіяхъ, не явился на призвъ, далъ произвести заочное рѣшеніе и не обратилъ никакого вниманія на приговоръ. Онъ продолжалъ кадить, зажигать свѣчи, приносить безкровную жертву и преклонять колѣна въ непоказанныхъ мѣстахъ службы. Только, когда различные предметы его поклоненія были удалены силою—только тогда онъ уступилъ, чтобы не довести дѣла, по его выраженію, до неприличнаго шума въ стѣнахъ священнаго зданія.

Всѣ эти преслѣдованія принесли ему пріятное утѣшеніе. Оставшіеся ему вѣрными члены его паствы, съ мягкосердой Герміоной во главѣ, составили подписку ему на подарокъ, въ видѣ бальзама для оскорбленныхъ чувствъ бѣднаго и дорогаго отца настоятеля; но онъ продолжалъ изображать изъ себя мученика.

Слѣдствіе, которое онъ постоянно называлъ *преслѣдованіемъ*, имѣло одно только явное послѣдствіе: оно раздѣлило приходъ на двѣ партіи и уничтожило неопредѣленный лагерь нейтральныхъ. Сочувствовавшіе Рингрову поднесли ему адресъ, приверженцы викарія составили щедрую подписку; обѣ партіи распространяли другъ про друга дурные слухи, извращали факты и пр. Но сила все-же была на сторонѣ викарія. За него стояли женщины, въ его рукахъ были средства...

Пока борьба длилась, и нѣсколько времени послѣ рѣшенія, обѣ партіи не имѣли между собой сношеній. Мистриссъ Эверетъ писала Рингрову, отъ имени мистриссъ Фуллертонъ, формально запрещая ему являться въ аббатство, а мистеръ Лассель далъ понять ему, Незбитамъ и нѣкоторымъ другимъ, что былъ бы очень радъ, еслибъ они не являлись во святому причастію, такъ какъ онъ не считаетъ ихъ въ надлежащемъ состояніи для полученія этого благословенія. Они обратились съ жалобой къ епископу, который рѣшилъ дѣло въ ихъ пользу. Викарій сильно вознегодовалъ, но долженъ былъ уступить. Несмотря на то, онъ въ сущности остался побѣдителемъ. Нѣсколько аксессуаровъ было

у него отнято, но сущность осталась нетронутой. Исповѣдь, молитвы объ умершихъ, поклоненіе мадоннѣ, повиновеніе церкви, власть священника—все осталось по-прежнему. Тѣмъ не менѣе викарій продолжалъ проповѣдывать на тему о достопамятномъ мученичествѣ.

Коснемся теперь участи людей мистера Фуллертонъ, разорить которыхъ Лассель считъ своимъ христіанскимъ долгомъ.

Рингровъ Гардисти пріютилъ ихъ, какъ было выше сказано, и старался оказывать имъ всякое покровительство, но почему-то имъ плохо жилось. Даже вѣрные пострадали наравнѣ съ упорствующими. Нанни затосковала послѣ смерти своего ребенка и, наконецъ, уснула вѣчнымъ сномъ, а Джорджъ, съ горя утратившій всякое нравственное равновѣсіе, вполне отдался религіозному энтузіазму, какъ единственному доступному ему утѣшенію. Находя свою настоящую сферу слишкомъ узкой, онъ началъ проповѣдывать на большихъ дорогахъ, и зарабатывалъ свой скудный хлѣбъ, торгуя въ разность религіозными трактатами.

— Я предпочелъ бы положить его волеѣ моей бѣдной дѣвочки,—говорилъ Джонъ Гревсъ со слезами на глазахъ:—ему одинъ только шагъ до Бедлама.

Джонъ страшно бѣдствовалъ въ эти мрачные дни. Заказчики отъ него отстали; какъ, никто кромѣ мистера Ласселя не зналъ. Новый портной поселился въ Кроссгольмъ; онъ пріѣхалъ изъ Лондона и былъ усерденъ къ церкви, но работа его была хуже работы Джона, и благочестіе не давало ни хорошаго фасона, ни крѣпкихъ швовъ. Тѣмъ не менѣе большая часть мѣстныхъ заказчиковъ перешла къ нему.

Положеніе Тома Мургеда было самымъ худшимъ. Онъ всегда былъ буенъ и неводерженъ на языкъ. Ричардъ Фуллертонъ имѣлъ на него вліяніе и держалъ его почти въ порядкѣ; но съ того рокового вечера, когда ветхій Адамъ свазался въ тѣхъ огненныхъ словахъ, которыхъ викарій не оставилъ безъ вниманія, развращеніе Тома началось и съ тѣхъ поръ шло быстро. Онъ отсталъ отъ работы, рѣдко выходилъ изъ таверны и постоянно бывалъ пьянъ. Какъ Томъ опустился, такъ Адамъ Белль поднялся. Очевидно онъ имѣлъ успѣхъ. Зеркальное стекло въ окнѣ его лавочки составляло предметъ восторговъ цѣлой деревни, товаръ у него былъ хорошій, онъ всегда умѣлъ ввести какую-нибудь новинку, изъ которой привычка дѣлала предметъ необходимости; здѣсь онъ былъ секретаремъ, тамъ казначеемъ; его энергія, привѣтливыя манеры и красивый очеркъ доставляли ему обильную жатву.

Люди перестали ему недоувѣрять, начали считать его не хуже

другихъ. Томъ Мургеъ былъ не изъ ихъ числа. Но хорошенеккая Джанетъ иначе смотрѣла на вещи. Она не видѣла ничего забавнаго въ пустомъ шкапѣ и платьяхъ съ заплатами, да въ пьяномъ отцѣ, нетвердыми шагами возвращающемся домой ночью. Адамъ Белль, имѣвшій репутацію щеголя, уже давно ухаживалъ за нею, что служило доказательствомъ его безкорыстія; и она рѣшилась выйти за Адама, и спрятаться подъ крылышко къ викарію въ случаѣ, еслибъ отецъ заупрямился.

Результатомъ всего этого было, что въ одну лунную ночь Томъ, возвращаясь домой ранѣе обыкновеннаго и не настолько пьянымъ, чтобы ничего не видать, засталъ парочку стоящей у стога сѣна, причемъ рука Адама обвилась вокругъ талии Джанетъ. Онъ почти до смерти прибилъ Адама. Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ одинъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, а другой находился между жизнью и смертью.

Благодаря своей живучести Адамъ справился со своими помятыми костями, и они съ Джанетъ обвѣнчались въ приходской церкви, самъ викарій совершалъ обрядъ. Томъ на судѣ имѣлъ удовольствіе узнать, что долженъ отбыть свой срокъ изъ-за чело-вѣка, который теперь сталъ его зятемъ. Теперь ему было все равно. Онъ такъ угрюмо принялъ свое наказаніе, что тюремныя власти нисколько не удивились, нашедши его въ кельѣ повѣсившимся.

Вскорѣ послѣ этого зашла рѣчь о бракѣ Рингрова съ Беатрисой Незбитъ и возникло нѣкоторое затрудненіе. При тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ они находились въ викарію и его партіи, имъ не хотѣлось, чтобы онъ, или кто-нибудь изъ его помощниковъ совершилъ обрядъ; но онъ, также изъ-за этихъ отношеній и въ наказаніе за ихъ непослушаніе, объявилъ, что не позволитъ постороннему священнику служить въ его церкви. Рингровъ, въ видѣ разрѣшенія вопроса, предлагалъ бракъ гражданскій. Законъ дѣлаетъ браки, — говорилъ онъ, — а не священникъ; но если церковь обвѣнчаетъ васъ вопреки закону, это будетъ только мертвая форма.

Сначала мистрисъ Незбитъ, олицетворявшая покорность установленнымъ обычаямъ, качала головой, сильно смущенная смѣлостью своего будущаго зятя. Сама Беатриса готова бы вѣнчаться въ полицейскомъ управленіи, еслибъ Рингровъ этого пожелалъ. Борьба была тяжелая, но наконецъ побѣда осталась за мистеромъ Гардисти: онъ довершилъ свое нечестіе, замѣнивъ брачный обрядъ простымъ гражданскимъ актомъ.

Они не особенно повредили себѣ этимъ возмущеніемъ про-

тивъ установленныхъ обычаевъ. Мало-по-малу говоръ умолкъ, наступила реакція, стали даже говорить, что этотъ переодѣтый католикъ, викарій, ничего другого не заслуживалъ.

— И этому-то человѣку вы назначали вашу прелестную Виргинію! — сказала Эдвѣ Эверетъ тѣмъ же тономъ, точно Герміона отвѣтственна за все, что Рингровъ дѣлалъ.

— О, онъ былъ гораздо лучше, чѣмъ теперь, — простодушно замѣтила Герміона.

— Что за странное выраженіе! Какъ я не люблю слушать его изъ устъ замужней женщины. Это неприлично.

— Не вижу ничего неприличнаго въ моемъ признаніи, что я любила Рингрова Гардисти, — возразила Герміона. — Я знала его маленькимъ мальчикомъ. У васъ всегда такія странныя мысли, Эдвѣ, и такая непріятная манера выражать ихъ.

— Не сердитесь, дорогая. Я говорю только для вашей пользы, — сказала мистриссъ Эверетъ.

— Вы всегда дѣлаете и говорите непріятныя вещи для моей пользы, — сказала Герміона. — Должно быть я очень дурная, такъ какъ нуждаюсь въ такомъ усиленномъ исправленіи.

— Вы, конечно, нуждаетесь въ исправленіи, дорогая, — возразила ея пріятельница съ любезной улыбкой. — Очень ли вы нехорошая или нѣтъ, другой вопросъ.

— Я знаю, что вы бы сказали, а потому намъ нѣтъ надобности обсуждать эту сторону вопроса, — съ досадою отвѣчала Герміона. — Вамъ нечего удивляться моей привязанности къ Беатрисѣ Незбитъ и Рингрову! Когда я оглядываюсь назадъ и вспоминаю, какъ добра всегда была мистриссъ Незбитъ, какъ почтителенъ былъ Рингровъ, мнѣ кажется, что я жила совсѣмъ другой жизнью.

— Мнѣ кажется, Герміона, вы ничего на свѣтѣ не любите кромѣ лести и вниманія. Ужасно видѣть такую незрѣлость мысли въ женщинѣ вашихъ лѣтъ!

— Я не желала бы сдѣлаться холодной, суровой женщиной «большого ума», — возразила Герміона; вспыхнувъ. — Я ненавижу такихъ женщинъ; онѣ такъ жестоки, такъ самонадѣянны. Я предпочитаю быть тѣмъ, чѣмъ я есть, и не желала бы жить, какъ вы, никѣмъ не любимой.

Эдвѣ въ отвѣтъ на это только засмѣялась и объявила, что отправляется въ викаріатъ, «гдѣ отецъ настоятель долженъ сообщить ей нѣчто очень важное».

— Вотъ этой лестью я дорожу, — проговорила она растягивая слова. — Когда такой человѣкъ, какъ отецъ настоятель, съ

его уломъ, повѣряетъ мнѣ свои горести, свои самыя серьезныя дѣла и спрашиваетъ моего совѣта, тогда я чувствую, что не бесполезна въ этомъ мірѣ и что меня любятъ больше, чѣмъ любили бы, будь я только хорошенькой куколкой, которой лстать, которую ласкаютъ потому, что она больше ни на что не годится.

— Благодарю, — сказала Герміона.

— О, я не о васъ говорю, дорогая, — кротно сказала Эднъ. — Вы, конечно, полезны. Вы отдѣлялись отъ приходскаго атеиста и аврировали церковь — двѣ немалыя заслуги.

Она мимоходомъ взяла пріятельницу за круглый, съ ямочкой, подбородокъ; Герміона сердито отодвинулась.

— Перестаньте дурачиться, Эднъ, — вы обращаетесь со мной совершенно какъ съ ребенкомъ.

Герміона приказала приготовить лошадей и отправилась прямо въ Ньюлендъ.

Она была такъ раздражена, такъ вообще взволнована, что чувствовала потребность совершить какой-нибудь отчаянный поступокъ. Ничего худшаго она придумать не могла, какъ выказать расположеніе Незбитамъ и Рингрову. Она подумала, что хотя она и очень сердита на него, но милая, хорошенькая Беатриса ничего дурного не сдѣлала, а они когда-то были такими друзьями! Ей непріятно было, что дѣвушка, которую она знала съ дѣтства, вышла замужъ безъ маленькаго подарка отъ нея; она завернула жемчугъ, который они съ Ричардомъ подарили Виргиніи въ день ея рожденія, и который она надѣвала одинъ только разъ, на тотъ роковой обѣдъ. Она написала нѣсколько ласковыхъ словъ, такъ какъ не намѣревалась выходить въ Ньюлендъ, но когда экипажъ ея появился въ аллеѣ и Рингровъ и Беатриса бросились къ дверямъ, ея мягкое сердце было тронуто очевиднымъ восторгомъ, съ какимъ приняли ее молодые.

— Вотъ это мило! вотъ это на васъ похоже, мистриссъ Фуллертонъ! — восторженно воскликнулъ Рингровъ; и прежде чѣмъ Герміона хорошенько поняла, что съ ней случилось, она уже была въ гостини. Посѣщеніе ея было для всѣхъ праздникомъ, ее окружила пріятная суетня, которую она такъ любила.

— Вы все еще не болѣе какъ большой мальчикъ, Рингровъ, — сказала она, улыбаясь, несмотря на всѣ усилія казаться серьезной, когда онъ опустился на колѣни у ея ногъ. — Вы никогда не будете тѣмъ, что дѣти называютъ: *большимъ*.

— Если быть большимъ значить сдѣлаться равнодушнымъ къ вамъ, я, конечно, никогда не выросту, — засмѣялся Рингровъ.

— Да, — подхватила Беатриса. — Дня не проходитъ, чтобы

мы же говорили о васъ, дорогая мистрисъ Фуллертонъ. Рингровъ, кажется, любить васъ больше всѣхъ на свѣтѣ.

— За однимъ исключеніемъ,—сказала Рингровъ, съ шутливостью счастья.

— Да, дорогая, вы понимаете, кто вашъ истинный другъ,—проговорила мистрисъ Незбитъ, похлопавъ ее по плечу.—Здѣсь ничто не мѣняется, дорогая Герміона, все та же старая дружба.

— Я это знаю,—сказала Герміона, у которой что-то стояло въ горлѣ.

— Наша прекрасная мистрисъ Фуллертонъ была вѣнцомъ нашего общества.

— Пожалуйста, не льстите,—съ радостнымъ испугомъ проговорила Герміона.

Пріятно было снова слышать эти ласковыя слова; но что скажетъ отецъ настоятель, когда узнаетъ, что она была здѣсь и слушала ихъ? Необходимо сократить свиданіе.

— Вы, вѣроятно, удивлены моимъ прїѣздомъ, дорогая,—сказала она мистрисъ Незбитъ; — но я не могла допустить, чтобъ Беатриса вышла замужъ безъ маленькаго подарка отъ меня, и я привезла вамъ (обращаясь къ самой Беатрисѣ) то, что я увѣрена и вамъ и Рингрову будетъ пріятнѣе, чѣмъ что-нибудь другое — этотъ жемчугъ, который мы подарили нашей милой Виргиніи въ день ея рожденія — послѣдній проведенный съ нами. Она надѣвала его одинъ только разъ, на этотъ ужасный обѣдъ; только разъ всего, а жемчугъ, дѣйствительно, дивный.

— Онъ тѣмъ дороже изъ-за этого,—задушевно проговорила Беатриса; а Рингровъ, взявъ его у нея изъ рукъ, благоговѣнно поцѣловалъ, потомъ надѣлъ на нѣжную шейку Беатрисы и поцѣловалъ ее, исполнивъ это.

— Я рада, что жена ваша будетъ носить этотъ жемчугъ,—горькисто проговорила Герміона.

— А я радъ, что моя женитьба свяжетъ меня съ вами хотя бы этой легкой нитью,—съ серьезной нѣжностью отвѣчалъ онъ.

Тутъ Герміона встала, и Рингровъ проводилъ ее до экипажа.

— Имѣли вы, за послѣднее время, извѣстія отъ мужа? — спросилъ онъ совершенно естественнымъ тономъ, точно Герміона получала отъ него извѣстія каждую недѣлю.

— Нѣтъ,—съ тяжелымъ смущеніемъ отвѣчала она.

— Я увижу его въ Лондонѣ на пути въ Парижъ, на будущей недѣлѣ. Прикажете передать что-нибудь отъ васъ?

— Передайте ему мой привѣтъ, скажите, что я надѣюсь,

что онъ здоровъ,—тихимъ голосомъ отвѣчала Герміона;—пожалуйста не забудьте, Рингровъ.

— Охотно. Больше ничего?

— Нѣтъ, больше ничего. Прощайте, Рингровъ: да благословить васъ Богъ и да пошлетъ вамъ счастье; не судите обо мнѣ слишкомъ строго и передайте Ричарду мой привѣтъ, —повторила она уже отъѣзжая.

Вернувшись домой, она застала суетню, какія-то приготовленія. Слуги казались смущенными, зала была завалена кладью.

— Что случилось?—спросила она; на что лакей, съ широкой улыбкой, отвѣчалъ:

— Мистриссъ Эверетъ, сударыня, уѣзжаетъ.

— Я получила телеграмму,—сказала Эдиъ съ совершенно спокойной совѣстью, когда Герміона вошла въ ней въ комнату спросить, что все это значить:—мой сынъ меня требуетъ.

— Развѣ онъ боленъ?—тревожно спросила Герміона.

— Не совсѣмъ здоровъ,—отвѣчала Эдиъ.

— Какъ жалъ! Вы дадите мнѣ знать, каковъ онъ, и потомъ вернетесь сюда, тономъ состраданія проговорило мягкосердое существо; въ то же самое время глубока перевода духъ, точно будто неожиданно отворили дверь тюрьмы и свѣжій горный воздухъ ворвался туда, гдѣ ничего не было кромѣ пыли и мрака.

Эдиъ саркастически улыбнулась.

— Благодарю,—протанула она;—благодарю за вашу дружбу и щедрое гостепріимство. Надѣюсь, однако, что и я была вамъ полезна; но вы не должны впадать въ прежнія ошибки, когда будете предоставлены самой себѣ. Главное, держитесь подальше отъ этихъ ужасныхъ Незбитовъ и мистера Гардисти.

Она проговорила это съ легкимъ смѣхомъ, а Герміона вскинула. Фраза была брошена случайно, но попала въ цѣль.

— Вы такая слабая, дорогая,—любезно прибавила Эдиъ,—что никогда не знаешь, чего отъ васъ ждать.

— Нельзя вѣчно ссориться,—сказала Герміона уклончиво, но какъ-бы извиняясь.

Эдиъ Эверетъ сдѣлала гримасу.

— Вы невозможны!—презрительно проговорила она, и зажглась собственными дѣлами съ видомъ человѣка, отказывающагося отъ дальнѣйшаго общенія. Даже при окончательномъ прощаніи она не подняла головы отъ дорожнаго мѣшка для послѣдняго, установленнаго обычаемъ, поклона.

— Наконецъ-то уѣхала, какъ я рада!—была мысль Герміоны.—Что за благополучіе отдѣлаться отъ этой страшной дурн!

мысль Эдиен Эверетъ, въ которой сейчасъ же присоединилась и другая:—Желала бы я знать, что отецъ настоятель будетъ дѣлать безъ меня.

Глава XVIII.—Занавѣсъ.

Мистеръ Лассель живѣе почувствовалъ утрату Эдиен Эверетъ съ теченіемъ времени, чѣмъ даже въ началѣ; и гораздо живѣе, чѣмъ потерю сестры. Какое-то природное сочувствіе между викаріемъ и вдовою, не существовавшее между братомъ и сестрою, придавало особенную прелесть всему исходящему отъ нея.

Викарій горько оплакивалъ отъѣздъ своего вѣрнаго друга. Онъ чувствовалъ себя одиновымъ, подавленнымъ скучными мелочами, неспособнымъ подобрать разнообразныя нити, которыя она такъ незамѣтно забрала въ руки, а теперь бросила спутанной кнпой въ его ногамъ. Этотъ-то именно результатъ и предвѣдѣла мистриссъ Эверетъ.

Когда мистеръ Лассель услышалъ отъ Адама Белли, что Гермиона была въ Ньюлэндѣ, даже еще во время пребыванія Эдиен въ аббатствѣ, онъ такъ разсердился, что даже самъ себя устыдился, когда гнѣвъ его прошелъ. Онъ холодно и поспѣшно прошелъ мимо Гермiony, послѣ вечерней службы.

— Отецъ настоятель сердится—подумала она.—Онъ слышалъ о моей побѣдѣ въ Ньюлэндѣ и намѣренъ наказать меня. Какой онъ тиранъ! Какъ ни въ чемъ не похожъ на бѣднаго милаго Ричарда!—была ея послѣдняя мысль.

— Не жениться-ли?—Каждый вечеръ задавалъ себѣ викарій этотъ вопросъ, сидя въ своемъ одинокомъ кабинетѣ, и рассматривая его со всѣхъ сторонъ. Не жениться ли? Она именно такая жена, какая ему нужна, то что другіе могли бы счесть недостатками, было въ глазахъ его достоинствами. Она некрасива, а потому люди богобоязненные не скажутъ, что онъ пожертвовалъ своими принципами искушеніямъ плоти; она не богата, значить нельзя будетъ кричать о мамонѣ и корыстныхъ побужденіяхъ; у нея четверо дѣтей—четыре доказательства его христіанскаго терпѣнія и филантропіи, она даровита, умна, предана церкви. Безбрачіе духовенства, конечно, идеаль дѣриказальной организаціи, и при иныхъ обстоятельствахъ обезпечиваетъ большую власть. При другихъ наоборотъ.

Въ согласіи Эдиен онъ нисколько не сомнѣвался; она не боготворила его, какъ бѣдная Тереза, но связь между ними была сильнѣе и крѣпче той, какую даетъ личная привязанность. Это

была связь умственного товарищества. «Самый умный мужчина не чета самой умной женщине», это была ее аксиома, и собственная жизнь служила ей оправданиемъ.

Наконецъ онъ рѣшился и написалъ Эдиенъ Эверетъ письмо, которое должно было все выяснить. Когда былъ полученъ отвѣтъ, — утвердительный, какъ онъ и ожидалъ, — серьезный, основательный отвѣтъ, котораго его заставили ждать въ теченіи многихъ дней, въ которомъ не выражалось ни радости, ни признанности, ничего вромѣ разумнаго взгляда на ихъ общія дѣла, на то, какъ лучше служить церкви—онъ отправился въ аббатство, гдѣ провелъ нѣсколько часовъ наединѣ съ Герміоной. Онъ не сообщилъ ей о томъ, что сдѣлалъ. Будетъ время объявить объ этомъ переворотѣ въ его понятіяхъ, когда тайна будетъ невозможна.

Давно не былъ онъ такъ милъ съ Герміоной. Ему, сильному и жестокому, пріятно было разыгрывать эту послѣднюю сцену драмы, въ которой онъ все время участвовалъ подъ непроницаемой маской, тогда какъ она, бѣдная, не имѣла и легкаго покрывала, которое могла бы набросить на современнѣйшіе изгибы души своей и тѣмъ скрыть ихъ отъ его пронизательныхъ глазъ. Ему лестно было видѣть, какъ блестяли ее глаза, когда онъ сыпалъ аллегоріями, изъ которыхъ она могла, если пожелаеъ, вывести заключеніе, что будь она свободна, онъ сдѣлался бы ее рабомъ. Это доставляло ему удовольствіе, и при настоящихъ обстоятельствахъ не представляло опасности.

Такъ проходили часы; уходя, онъ унесъ съ собою чекъ, прекрасно сознавая, что простое воровство—брать эти деньги изъ ее страшно уменьшившихся доходовъ.

— Быть можетъ, это послѣдній,—утипалъ себя мистеръ Лассель.—Я хорошо дѣлаю, что беру, что могу и когда могу; по праву это все принадлежитъ церкви.

Еще нѣсколько времени викарій хранилъ свою тайну; но наконецъ, однажды вечеромъ, написалъ Герміонѣ, что уѣзжаетъ изъ Кроссгольма на короткое время. Въ концѣ письма были слѣдующія строки:—Теперь я намѣренъ сообщить вамъ, мой дорогой и вѣрный другъ, нѣчто, къ чему вы, я увѣренъ, отнесетесь съ любящимъ сочувствіемъ. Когда я возвращусь, со мною будетъ Эдиенъ Эверетъ—жена моя. Эта новость, конечно, будетъ вамъ пріятна. Это не только сдѣлаетъ мое служеніе здѣсь въ Кроссгольмѣ болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ теперь, но будетъ также полезно и вамъ. Оно дастъ вамъ въ ней сестру, а во мнѣ болѣе сильнаго покровителя; иначе я бы и не сдѣлалъ шага, къ

которому мысль о вашей выгодѣ сильно побуждала меня. Не откажите мнѣ въ вашихъ молитвахъ и поздравленіяхъ, тогда чаша моего счастья будетъ полна.

Трудно было бы Гермионѣ выразить словами, что она почувствовала, прочтя это письмо, — гнѣвъ, разочарованіе, горе, сознаніе, что ее обманули, что надъ ней насмѣялись, что у нея что-то отняли, что она считала своимъ.

Глупо такъ принимать это къ сердцу, думала она, сидя съ письмомъ въ рукахъ и чувствуя, что все вокругъ нея рушится. Но, по правдѣ сказать, это постыдный поступокъ! Отецъ настоятель такъ часто говорилъ противъ браковъ духовенства, а теперь самъ нарушилъ свои же собственныя правила! Да теперь ей это ясно; — она досадуетъ потому, что онъ измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, а не потому, что измѣнилъ ей: это невозможно, — она замужемъ, и для нея, какъ женщины, не можетъ составлять никакой разницы сто ли у него женъ или нѣтъ. Пусть бы женился, наконецъ, хоть на бѣдной Терезѣ Молинѣ, но мистриссъ Эверетъ, некрасивая, лицемѣрка, и подумать ужасно! Не бывать ей въ аббатствѣ въ качествѣ мистриссъ Лассель, никогда, никогда. Что бы ни случилось, это не войдетъ въ число испытаній, которыя она должна вынести ради *церкви*.

Весь ея бредъ кончился, какъ и слѣдовало ожидать, страстнымъ взрывомъ отчаянія и крикомъ:

— Ричардъ, Ричардъ, зачѣмъ я оставила тебя!

Все это случилось передъ самымъ возвращеніемъ Рингрова и Беатрисы изъ-за границы. Первой посѣтила ихъ Гермиона. Сознавая, что викарій ее обманулъ и эксплуатировалъ для своихъ личныхъ цѣлей, она жаждала доказать ему, что не намѣрена болѣе ему подчиняться. Она еще была доброй дочерью церкви; ею она всегда останется, но она должна доказать, что уже болѣе не находится подъ его исключительнымъ вліаніемъ. Она разыщетъ Ричарда и съ торжествомъ привезетъ его въ аббатство. Или, если онъ это предпочтетъ, они поселятся гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Можетъ быть, ей еще удастся образумить его. Онъ такой добрый, хотя невѣрующій, но все же такой добрый! Онъ также ей нуженъ для ея дѣлъ. Дѣла страшно запутаны и она опять все предоставитъ ему, пусть дѣлаетъ какъ знаетъ.

Съ душой, полной этими мыслями, она отправилась въ Монсголь навѣстить только-что возвратившихся молодыхъ и сдѣлать первый шагъ на пути отступленія, долженствовавшій искупить прошлое. Она не имѣла никакихъ извѣстій о мужѣ послѣ письма

отъ Рингрова, изъ Лондона, въ которомъ онъ ей сообщалъ, что видѣлъ Ричарда, что онъ не смотритъ здоровымъ, но не признаетъ себя больнымъ; что онъ имѣетъ занятія въ одномъ учебномъ заведеніи, гдѣ читаетъ лекціи; и что онъ снова принялъ свое прежнее имя, и теперь называется просто Спенсъ, Ричардъ Спенсъ. Рингровъ не прислалъ адреса ни его квартиры, ни заведенія.

Это отреченіе отъ ея имени въ то время огорчило Герміону глубже, чѣмъ она могла объяснить себѣ. Она сочла это жестокимъ, оскорбительнымъ, незаслуженнымъ; она принадлежала къ тому обширному разряду женщинъ, которыя считаютъ стыдомъ необходимость расплачиваться за свои ошибки. Она разошлась съ мужемъ, но ему не зачѣмъ было отказываться отъ ея имени! Гнѣвъ ея, однако уже прошелъ, отъ него осталось только смутное воспоминаніе, такъ что, когда она рѣшила разыскать Ричарда, и предложить ему примиреніе, ей пріятно было думать, что и ей есть что прощать. Это придавало ей мужества.

Усталый, блѣдный, печальный, измученный работою, ослабленный болѣзнію Ричардъ Спенсъ вернулся въ свою жалкую квартиру вскорѣ послѣ полудня въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда въ лабораторіи не было занятій. Старая боль въ сердцѣ почти никогда теперь его не покидала; ему часто дѣлалось дурно, отдыхъ не освѣжалъ его—постоянно чувствовалъ онъ усталость и почти не могъ ѣсть. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ работать, хотя жизнь его близилась къ концу—и онъ это зналъ. Онъ полулежалъ въ креслѣ, въ той полудремотѣ, порождаемой слабостью, которая напоминаетъ сонъ, когда дверь тихонько отворилась и Герміона, дрожащая и взволнованная, вошла.

По чисто-женскому инстинкту она надѣла свѣрое шелковое платье съ розовой отдѣлкой, которое онъ когда-то любилъ. Она устроила себѣ его любимую пышную прическу, надѣла кольцо, цѣпочки, браслеты. Она была такою, какою была въ оны дни.

Въ первую минуту онъ подумалъ, что видитъ сонъ, но когда она подошла къ нему и положила свою руку на его руку, прошептала его имя, онъ понялъ, что это дѣйствительность, и что его томительному изгнанію пришелъ конецъ.

Онъ съ трудомъ приподнялся, такъ какъ совершенно ослабѣлъ отъ радости, наклонился надъ Герміоной, стоявшей возлѣ него на колѣняхъ, и прижалъ ее къ сердцу. Оба молчали; только ея частыя рыданія и его тяжелое дыханіе говорили, что ея горе сильнѣе радости, а его радость такъ велика, что становится стра-

даніемъ. Наконецъ, онъ приподнял ея голову за подбородокъ и слегка отклонилъ отъ себя ея лицо, положивъ ей руку на лобъ.

— Позволь мнѣ взглянуть на тебя, — сказалъ онъ тихимъ голосомъ. — О, это — милое лицо моей жены, какъ отрадно еще разъ увидеть его! Моя жена, моя голубка! Самая милая и самая дорогая изъ всѣхъ женщинъ въ мірѣ — Герміона!

— Скажи прежде, что прощаешь меня, — рыдала она.

— Любви нечего прощать, — съ безконечной нѣжностью отвѣчалъ онъ. — Ты вернулась ко мнѣ. Ты моя, мое второе я, моя душа. Мнѣ нечего прощать, я могу только любить.

— Неужели ты любишь меня, Ричардъ, послѣ всего, что случилось? — спросила она, робко обвивая его шею рукой.

— Могъ ли бы я жить, не любя тебя? — отвѣчалъ онъ. — Любовь мужчины не такъ легко вырвать изъ сердца, дорогая жена. Также легко могъ бы я жить не дыша.

— Но ты боленъ, милый. Ты такъ блѣденъ и руки твои горятъ. Почему не далъ ты мнѣ знать, что боленъ?

— Зачѣмъ? Я не хотѣлъ тебя тревожить. Не приходи ты ко мнѣ, я умеръ бы молча и навѣки оставилъ тебя въ покоѣ.

— Это было бы жестоко! Жестоко такъ думать обо мнѣ, — сказала она со всей прежней лаской и непосредственностью.

— Нѣтъ, жена, это не было бы жестоко, — отвѣчалъ онъ, улыбаясь.

— Но я желала тебя видѣть, желала все о тебѣ разузнать, и я ничего не знала, пока Рингровъ вчера мнѣ не сказалъ.

— Ты теперь здѣсь, забудемъ остальное, — поспѣшно проговорилъ онъ. — Я не хочу, чтобы тѣнь печальныхъ воспоминаній омрачила радость этого дня. Взгляни! само солнце хочетъ тебя привѣтствовать, — прибавилъ онъ, съ улыбкой указывая на дѣлный сногъ солнечныхъ лучей, ворвавшійся въ окно и ошарившій своимъ золотымъ сіяніемъ всю фигуру Герміоны.

— Теперь мы никогда не разстанемся, — проговорила она.

Судорога прошла по его лицу въ то время, какъ онъ вѣжно отвѣчалъ на ея ласки.

— Ты у меня совсѣмъ поправился, Ричардъ, — продолжала она, приглаживая его густые, сѣдые волосы.

Онъ грустно улыбнулся.

— Мнѣ не совсѣмъ хорошо, дорогая жена, — сказалъ онъ, — но достаточно хорошо, чтобы сознавать все счастье твоего возвращенія, — прибавилъ онъ съ ласковой поспѣшностью.

— Достаточно хорошо, чтобы жить много, много лѣтъ среди этого счастья.

— Ради тебя постараюсь, голубка, — сказалъ онъ улыбаясь, но на этотъ разъ еще печальнѣе прежняго.

— Если ты умрешь, значитъ, я тебя убила! — воскликнула Герміона въ порывѣ непритворнаго отчаянія. — Я никогда не знала, какой ты добрый, до этой минуты. Я никогда не цѣнила тебя, какъ ты этого заслуживалъ, — сказала Герміона, цѣлуя его руки.

— Полно! ты была моею радостью, моимъ утѣшеніемъ.

— И опять буду. Старая жизнь вернется точно такою, какъ была, — возразила она.

Глаза его наполнились слезами. Точно такою какъ была! А непрерывность его счастья, его труда, благосостояніе людей, разворонныхъ изъ-за него, а главное, возлюбленная дочь, можетъ ли что-нибудь изъ этого быть ему возвращено?

Мысли эти не вылились въ слова, и хотя совѣсть Герміоны подсказала ей, о чемъ думаетъ мужъ, она также молчала. Она только склонила свое пылавшее лицо къ нему на грудь.

На слѣдующій день они отправились на морской берегъ, чтобы тамъ дождаться, пока Ричардъ достаточно окрѣпнетъ. Тогда они намѣрены были ѣхать за границу. Когда Герміона спросила его со слезами, пристыженнымъ, робкимъ взглядомъ: Не пожелаетъ ли онъ возвратиться въ аббатство? — онъ отвѣчалъ: Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, не сейчасъ. Ему теперь предстояла работа въ другомъ мѣстѣ, аббатство отошло отъ него!

Она не сказала ему, что оно почти отошло и отъ нея, и что ей скоро придется отказаться отъ него, такъ какъ она подверглась такой эксплуатаціи, что не будетъ имѣть возможности содержать его въ порядкѣ. Но все это она оставляла до его выздоровленія.

На морскомъ берегу Ричардъ какъ будто поправился подъ вліяніемъ спокойствія и любви; но это было только обманчивое возбужденіе счастья. Послѣ этого перваго проявленія наружной бодрости ему стало гораздо хуже; но она закрывала глаза на истину, и прислушивалась только къ сладкой лести надежды. Она не хотѣла вѣрить въ опасность. Онъ снова былъ ей дорогъ, какъ въ первые дни, она не могла разстаться съ нимъ. Какъ могъ онъ умереть теперь, когда они были такъ счастливы? Да и кромѣ того, какъ могъ онъ умереть, онъ, такой добрый, невѣрующимъ и нераскаившимся? До сихъ поръ она воздерживалась отъ всякихъ попытокъ въ обращенію, хотя сама не отступила совсѣмъ отъ своихъ благочестивыхъ привычекъ; но однажды послѣ разговора съ докторомъ она начала страшно заботиться о

его душѣ, жаждала услышать отъ него хотя одно слово признанія тѣхъ торжественныхъ истинъ, казавшихся ей такими осязательными! Онъ оставлялъ ее робкіе вызовы безъ вниманія, а когда она стала смѣлѣе и настойчивѣе, подѣловалъ ее съ спокойной улыбкой, проговаривъ:

— Не касайся этого, дорогая жена. У насъ съ тобой никогда не должно быть богословскаго спора.

— Только на этотъ разъ Ричардъ,—проговорила она.— Позволь мнѣ послать за священникомъ. Богъ можетъ явиться тебѣ въ послѣднюю минуту!

Было около полудня, когда Герміона произнесла эти слова. Солнце ярко сіяло, тихій шумъ моря, въ минуту отлива, доносясь въ открытое окно въ видѣ пріятнаго, успокоительнаго дѣйствовавшаго на нервы звука. Красивыя бездѣлки и вазы, полныя цвѣтовъ, украшали комнату, въ которой Герміона сидѣла у кушетки, держа руку мужа въ своей рукѣ, глядя на него, какъ оба слишкомъ хорошо сознавали, чуть не въ послѣдній разъ.

Странно было видѣть, какъ исполненное достоинства терпѣніе Ричарда отражалось на Герміонѣ. Въ нее какъ-бы вошло нѣчто, воодушевившее ее такъ, какъ ничто, никогда не воодушевляло. Самая ея религія сдѣлалась разумнѣе, въ ней было меньше суевѣрія и больше чувства; но на сердцѣ у нея постоянно лежало желаніе, чтобъ Ричардъ исповѣдался и обратился, хотя бы въ послѣдній часъ.

— Позволь мнѣ послать за священникомъ,—молила она опять:— одно слово надежды на Бога! одно маленькое доказательство вѣры въ искупленіе!

Онъ обратилъ къ ней свое спокойное лицо, на которомъ отражалась безконечная нѣжность, и твердо встрѣтилъ ее взглядъ.

— Вѣры въ ученіе, основанное на лжи и поддерживаемое хитростью и жестокостью? въ которомъ доказательства любви Бога къ человѣку становятся орудіемъ, губящимъ человѣческое счастье, человѣческую любовь? Нѣтъ! я остался тѣмъ, чѣмъ былъ; я не хочу утверждать того, чего доказать не въ силахъ.

— Но когда мы умираемъ, Ричардъ? Слезы заглушили ея голосъ.

— Насъ оваряетъ свѣтъ знанія или окружаетъ мракъ разрушенія,—спокойно отвѣчалъ онъ.

Она горько рыдала.

— Ты погибъ, мы никогда болѣе не встрѣтимся!

Онъ привлекъ ее къ себѣ.

— Если Богъ, въ котораго ты вѣруешь, справедливъ, ты

унижаешь его твоимъ недоувѣріемъ,—сказалъ онъ.—За что будетъ душа моя отдана вѣчнымъ мукамъ, если я не въ состояніи повѣрить противорѣчивымъ и неполнымъ свидѣтельствамъ? Если вѣра твоя истинна, неужели Богъ твой не имѣетъ власти просвѣтить меня и теперь, въ послѣднюю минуту? — Такъ позволя мнѣ умереть въ мирѣ, голубка.

— Это не миръ, это вражда съ Богомъ,—сказала она.

— Это лучшее, что я знаю: миръ съ людьми, прощеніе даже тому, кто былъ моимъ врагомъ, и тѣмъ, которые украли у меня моего ребенка. Они дѣйствовали по своимъ понятіямъ; я возставаъ не противъ нихъ, а противъ ученія, дѣлающаго такіа прѣступленія возможными. Дѣло я свое совершилъ. Теперь я большаго сдѣлать не въ силахъ, могу только остаться твердымъ до конца.

— И ты даже не признаешь Бога?—спросила Герміона.

— Я признаю Невѣдомаго,—отвѣчалъ онъ съ спокойной торжественностью.—Теперь поцѣлуй меня, голубка, и оставайся тамъ, гдѣ стоишь, вся озааренная солнцемъ. Ты создана для солнечныхъ лучей, милая жена. Этотъ дивный свѣтъ, источникъ всяческой силы и жизни! узнаемъ ли мы когда, что скрывается за нимъ?—прошепталъ онъ, глядя на солнце.—Освободятся ли когда человѣчество отъ суевѣрія, озаарить ли его свѣтъ?

Онъ не отрывалъ своихъ полупомеркшихъ глазъ отъ солнца, все лицо его было озаарено сіяніемъ.

— Человѣкъ—воплощеніе божества!—проговорилъ онъ:—да, въ этомъ мнѣ была истина.

Потомъ онъ взглянулъ на жену.

— Милая жена, дѣвочка моя!—кратко, съ улыбкой проговорилъ онъ.—Доброй ночи!—Онъ закрылъ глаза, голова его опустилась въ подушау, онъ какъ будто заснулъ. Онъ смотрѣлъ такимъ блѣднымъ и спокойнымъ, что его можно было бы счесть умершимъ, еслибъ не слабое дыханіе и легкая улыбка, мелькнувшая на лицѣ его. Она слышала, какъ онъ прошепталъ: *Друзья мои, ищите истины! немного погоды:—Не принимайте лжи, друзья, хотя бы это стоило вамъ жизни, не принимайте.*

Послѣ этого онъ ничего болѣе не говорилъ, но спалъ такъ спокойно, что она почти не смѣла дышать изъ боязни разбудить его.

Его благородное лицо было по истинѣ величаво въ своемъ торжественномъ спокойствіи. Его густые, сѣдые волосы рассыпались по подушкѣ блестящими кудрами, окружавшими его высокій лобъ серебрянымъ ореоломъ; полныя губы слегка раскрылись, одна рука спокойно лежала на груди, другая въ рукѣ

женн. Вскорѣ въ немъ произошла какая-то переменѣна; неуловимая, неопредѣленная, такая, которую можно было скорѣй почувствовать, чѣмъ замѣтить—переменѣна, доказывавшая, что что-то исчезло. Его жизнь—и что еще? Она наклонилась прислушаться къ его дыханію—тишина. Она положила голову ему на грудь—нѣтъ отвѣта; она взяла его руку—она безсильно лежала въ ея рукѣ; а когда она прижала его голову къ своей груди и держала ее такъ въ теченіи долгихъ, долгихъ минутъ, блѣдныя щеки не заалѣлись подъ ея поцѣлуями, закрытые глаза не раскрылись при звукахъ ея голоса. Тихо, почти безъ слезъ, съ страннымъ и благоговѣйнымъ терпѣніемъ снова опустела она его на подушки съ такою нѣжностью, какъ еслибъ рѣзкое движеніе могло разбудить его, и опустилась на колѣни у кушетки. Страстное и сильное отчаяніе нарушило бы святость этой тихой смерти; тутъ не было мѣста ничему, кромѣ любви и терпѣнія, соотвѣтствовавшихъ только-что отшедшей жизни. Но она поднала глаза къ небу и громко проговорила, съ увѣренностью, что молитва ея будетъ услышана:—О, Боже! прими душу, которой не доставало только Твоего свѣта, чтобы быть совершенной!

Что же получалось, если взвѣсить потери и выгоды этого трагическаго обмѣна? Герміона лишилась мужа, дочери, состоянія, положенія. Получила она благословеніе той церкви, которая отрицаетъ науку, утверждаетъ вещи совершенно невозможныя, отказывается признать факты, вполне очевидные. Что же выигралъ мистеръ Лассель въ видѣ вознагражденія за причиненныя имъ страданія? Не особенно много, если все взвѣсить. Послѣ его женитьбы, дѣла пошли по старому, и возбужденному усердію Кроссгольма пришелъ конецъ. Женщины, теперь особенно не стремившіяся заслужить расположеніе отца настоятеля, снова облеклись въ оборки, въ яркіе цвѣта, въ суетныя украшенія. Эдионъ, въ качествѣ мистриссъ Лассель, не имѣла ровно никакой власти. Мужчины, на которыхъ женщины уже болѣе не производили давленія, охладѣли въ своимъ религіознымъ обязанностямъ, но развращенный щедрыми подачками приходъ утратилъ свое прежнее нравственное настроеніе, а распаденіе такой группы, какую составляли приверженцы мистера Фуллертонна, способствовало еще большому пониженію нравственнаго уровня.

Кутбертъ продалъ свое помѣстье католику, который привезъ съ собою цѣлый духовный штатъ, быстро подобравшій англичанскихъ отщепенцевъ, изъ которыхъ первой была тетушка Екатерина. Она поступила въ монастырь, гдѣ съ ней обращались до-

волью ласково. Аббатство было отдано въ наймы протестанту, применившему къ Незбитамъ и Рингрову. Въ сущности, послѣ женитьбы, самъ мистеръ Лассель значительно умѣрилъ свои крайности въ церковныхъ обрядахъ. Онъ ожидалъ повышенія, и признавалъ благоразумнымъ уступить на столько, чтобы не быть причисленнымъ къ *непримиримымъ*. Когда онъ подводилъ итогъ своимъ приобретениямъ, купленнымъ цѣною смерти Ричарда и Терезы, совращенія сестры Агнесы, Виргиніи, Кутберта и тетушки Екаторины, погибли приверженцевъ Ричарда, разоренія и вѣчнаго одиночества Герміоны—онъ находилъ: церковь, слишкомъ великолѣпную для мѣстечка; нѣсколько ритуалистическихъ заведеній, поддерживать которыхъ было невозможно,—онѣ и были заброшены его преемникомъ; а въ видѣ неизмѣннаго блага, увеличеніе доходовъ мѣстнаго викарія до тысячи пятисотъ фунтовъ съ чѣмъ-то, въ годъ.

Когда все было кончено, Герміона поѣхала за границу, въ Римъ. На другой день по пріѣздѣ, она отправилась въ церковь монастыря Piegatrise, гдѣ Виргинія была теперь монахиней.

Когда Герміона стояла на колѣняхъ у рѣшетки, двѣ монахини пришли смѣнить тѣхъ, чье послушаніе кончилось. Одна была въ блѣдно-голубомъ, другая въ черномъ, первая была Виргинія, другая, пожилая женщина—сестра Агнеса. Узнали ли онѣ Герміону, стоящую на колѣняхъ въ своемъ тяжеломъ, вдовьемъ траурѣ? Услыхали ли онѣ вырвавшееся у нея рыданіе, крикъ испуга, увидали ли руки, которыя она протягивала къ дочери, когда та проходила съ наклоненной головой и сжатыми руками на свое мѣсто? Кто знаетъ? Онѣ и виду не подали, что узнали ее; только Виргинія вдругъ стала еще блѣднѣе прежняго. Но она прочла установленныя молитвы и псалмы съ страстнымъ, восторженнымъ благочестіемъ, какъ-бы охватившимъ всю ея душу. Домъ и родители были забыты; смерть отца, слезы матери—ничто ее не трогало, она вся была поглощена своимъ поклоненіемъ.

Она настолько же умерла для Герміоны, какъ и самъ Ричардъ.

Герміона оставалась на колѣняхъ передъ алтаремъ, пока послушаніе Виргиніи не кончилось и онѣ съ сестрой Агнесой не удалились. Тогда она поднялась съ колѣнъ и вышла. Темнота раннихъ зимнихъ сумерекъ уже наступила, она остановилась у дверей церкви, не зная куда повернуть. Какой несчастной чувствовала она себя, эта одинокая женщина, бездѣтная вдова, одна въ этомъ странномъ, торжественномъ городѣ—одна въ этомъ

обширномъ, пустомъ мірѣ! Хорошо ли она, въ сущности, поступила? Она предоставила побѣду церкви, но были ли условія, предписанныя побѣдителемъ, справедливы? Любовь, домашній очагъ, счастье, мужъ, дочь, такова была дань, вложенная ею въ сокровищницу господина, на служеніе которому она рѣшила посвятить всѣ силы свои. Была ли это священная жертва, пренебрегшая низшими человѣческими привязанностями во имя высшихъ, духовныхъ стремленій? Или въ этомъ сказывалась только жестокость суевѣрія, безчеловѣчная слѣпота фанатизма?

О. П.

ТРЕХСОТЛѢТІЕ СИБИРИ

съ

26 ОКТЯБРЯ 1581 ГОДА.

Въ 1881 г. въ октябрѣ исполнилось трехсотлѣтіе покоренія Сибири, считая днемъ этого покоренія походъ Ермака и взятіе столицы сибирскаго царства на Иртышѣ. Этотъ день, согласно лѣтописямъ и преданіямъ, избранъ былъ издавна для празднованія покоренія Сибири, и число 26-го октября 1881 г. начертано на памятникѣ Ермаку, поставленномъ въ Тобольскѣ ¹⁾.

Въ послѣднее время вопросъ однѣи и годѣ покоренія сибирскаго царства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и о празднованіи юбилея возбуждѣнъ нѣкоторое разногласіе, а именно, нѣкоторые предпочитаютъ избрать срокъ юбилея не 1881 г., годъ фактическаго завоеванія Сибири, а 1882 г., когда совершенно было принятіе Сибири въ русское подданство и извѣстіе достигло Москвы; другіе пробуютъ доказывать, что временемъ, съ котораго начинается историческое существованіе русской Сибири должна считаться присылка перваго воеводы въ Сибирь, въ 1583 году. Наконецъ, у большинства сибиряковъ, признающихъ окончательно 1581 г. за юбилейный, явился вопросъ объ избраніи для 23-го или 26-го октября, такъ какъ 23-го была генеральная битва и бѣгство Кучума, а 26-го октября занятіе покинутаго городка, Сибири. Всѣ эти разногласія едва ли, однако, могутъ имѣть важное

¹⁾ 26 октября паденіе Искера и первая побѣда Ермака отпразднованы въ нынѣшнемъ году въ Петербургѣ и Москвѣ, собравшимися сибиряками (см. описаніе обѣда и рѣчей въ „Новомъ Времени“ № 2085; въ „Порадѣ“ № 296; „Московскомъ Телеграфѣ“ № 298; „Недѣлѣ“ № 45).

значеніе, еслибы только не скрывалась особая мысль за ними, желающая провести извѣстный взгляд на историческое событіе.

Мы не будемъ вдаваться въ этотъ споръ о днѣ и годѣ юбилея. Будетъ ли избранъ для юбилея 1581 или 1582 г., годъ ли фактическаго завоеванія, признаніе завоеванія Москвою или послыки воеводы. Кстати сказать, первые два воеводы бѣжали изъ Сибири за смертью Ермака. Избраніе срока для юбилея, само собою, вещь чисто условная, такъ какъ историческія дѣла завершаются иногда не однимъ актомъ, но цѣлымъ рядомъ ихъ. Началомъ завоеванія можетъ признаваться по произволу и начало похода, т.-е. 1578 г. и 1581, 1582 или 1583 г., когда въ Сибирь является сибирскій воевода Волховской. Можно даже отдалить по времени приобрѣтеніе Сибири, такъ какъ титулъ царя „Югорскаго“ встрѣчается уже въ грамотахъ Іоанна III въ 1488 г., послѣ перваго похода Василя Скарбы, или приблизить его къ 1583, 1585 г., когда совершалось второе завоеваніе Сибири послѣ смерти Ермака, т.-е. послѣ перваго акта покоренія,—но этимъ дѣло весьма мало измѣнится.

На самомъ дѣлѣ, покореніе и завоеваніе Сибири, по крайней мѣрѣ, теперь, черезъ 300 лѣтъ, является несомнѣнно осуществившимся историческимъ фактомъ, который составилъ свою эпоху и имѣлъ свои историческіе результаты. Изученіе исторіи и разсмотрѣніе обстоятельствъ, при которыхъ совершалось событіе, сами укажутъ точку зрѣнія на него, какъ и то, что должно считаться важнѣйшими фактами, что второстепенными.

Къ трехсотлѣтнему юбилею Сибири предполагалось изданіе разныхъ научныхъ трудовъ и памятниконъ, библиографическихъ работъ о Сибири, описаніе открытій и путешествій въ мѣстныхъ изданіяхъ Сибири появилось нѣсколько статей, посвященныхъ событію завоеванія. Нѣкоторыя изъ предполагавшихся научныхъ работъ осуществлены, другія осуществляются; такъ между прочимъ, года два изданъ уже въ Москвѣ каталогъ актовъ и бумагъ, относящихся до Сибири, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, а въ 1880 г. однимъ любителемъ древности, г. Зостомъ, издана сибирская лѣтопись Кунгурская съ рисунками. Мы имѣли подъ рукою другую такую же лѣтопись, извѣстную подъ именемъ Черепановской, принесенную въ даръ западно-сибирскому отдѣлу географическаго общества съ примѣчаніями Абрамова (извлеченія изъ этой лѣтописи въ 1877 г. изданы Л. Н. Майковымъ). „На память о 26-го октября 1881 г.“ помѣщены весьма цѣнные очерки и извлеченія изъ историческихъ документовъ при иркутской газетѣ „Сибирь“ въ 1879 г.

Все это даетъ нынѣ поводъ и матеріалъ коснуться историческаго

прошлаго Сибири и обстоятельствъ, при которыхъ совершалось завоеваніе, а также связать этотъ актъ давно прошедшаго съ послѣдующей исторіей, какъ и съ настоящимъ моментомъ существованія послѣ трехсотлѣтія, пережитаго этимъ краемъ.

Позволимъ напомнить обстоятельства этого событія и воскресить его нѣсколько въ памяти.

Сибирь очень давно была извѣстна московскому государству. Въ 1465 году русскіе устюжане ходили уже подъ начальствомъ Василия Сярыбы походомъ за уральскія горы на Югру и плѣнили двухъ югорскихъ князей; но актъ окончательнаго завоеванія считается съ похода Ермака.

Сохранившіеся лѣтописи свидѣлствуютъ одинаково, что многочисленная шайка волжскихъ разбойниковъ и вольныхъ казаковъ долго гуляла по Волгѣ, пока, подъ вліяніемъ преслѣдованія столыника Мурашкина, разбитая въ 1577 году, не кинулась на Чусовую въ селенія Строгановыхъ ¹⁾.

По сказаніямъ однихъ историковъ Ермакъ до покоренія Сибири провелъ двѣ зимы въ имѣніяхъ Строганова, другіе это отрицаютъ. По разсказу Избранда Идеса ²⁾, приводимаго Миллеромъ, казаки обработали для Строгановыхъ во время пребыванія у нихъ 70 верстъ пашни. Показаніе это можетъ, впрочемъ, показаться сомнительнымъ, зная характеръ русской вольницы XVI столѣтія. У Строгановыхъ казаки запаслись съѣстными припасами, порохомъ, свинцомъ, и получили на каждую сотню по знамени; войско пошло подъ предводительствомъ Ермака, бывшаго ихъ атаманомъ. Сношенія Строгановыхъ съ Ермакомъ и вліяніе ихъ на завоеваніе Сибири объясняется историками и лѣтописцами различно, что подало когда-то поводъ къ довольно жгучему историческому спору.

Одни говорятъ, что Ермакъ былъ призванъ Строгановыми и направленъ ими въ Сибирь: основаніемъ этому служить такъ-называемая Строгановская лѣтопись, приписывающая призывъ Ермака и инициативу дѣла Строгановымъ. Этой лѣтописью руководствовался Карамзинъ. Миллеръ говоритъ, что участіе Строгановыхъ состояло въ оказаніи войску Ермака матеріальной помощи. Небольшинъ въ своей книгѣ, посвященной спеціально завоеванію Сибири, рѣшительно приписываетъ инициативу всего дѣла, мысль и осуществленіе ея одному Ермаку и силится опровергнуть другія показанія.

¹⁾ Прошлое и біографія Ермака приводятся въ одной лѣтописи, которая производитъ его отъ сурдальскихъ посадскихъ людей и придаетъ ему званіе Повольскаго. Есть указаніе, что Ермакъ находился ранѣе на городской государственной службѣ (Костомаровъ, Русск. Истор. въ жизнеоп. ея дѣятел. вып. III, стр. 528—29).

²⁾ Посольство Избранда Идеса въ Китай было въ 1692—1695 гг.

Въ этой исторической полемикѣ нельзя не видѣть нѣкоторой предвзятой мысли, симпатизировавшей тому или другому историческому лицу этой исторической драмы. Самые историческіе памятники и документы слишкомъ темны, чтобы разъяснить это обстоятельство, такъ какъ сношенія Строгановыхъ, получавшихъ грамоты отъ царя, съ шайкой волжскихъ разбойниковъ, нашедшихъ у нихъ убійщца, должны были быть скрытными. Очная грамота царя Іоанна 16-го ноября 7091 г. (1582 г.), обращенная къ Строгановымъ, повелеваетъ, чего могло стоять имъ поощреніе казаковъ. Эта грамота, полученная, когда походъ Ермака совершился, по выраженію Небольсина, дышетъ огнемъ и царственнымъ гнѣвомъ: „Писалъ къ вамъ изъ Перміи Василій Пепелицынъ, говоритъ грамота, что послали вы изъ остроговъ своихъ волжскихъ атамановъ и казаковъ, Ермака съ товарищи, воевать вотани и вогуличей, пелымскія и сибирскія мѣста, сентября въ 1-й день. А въ тотъ же день, собрався пелымскій князь съ сибирскими людьми и съ вогуличами приходилъ войной въ наши пермскія мѣста... *И то содѣлалось вашею измѣною!*“ Грамота заканчивается: „А не вышлете изъ остроговъ своихъ въ Пермь волжскихъ казаковъ, атамана Ермака Тимофѣева съ товарищи, а учнете ихъ держати у себя, и пермскихъ мѣстъ не учнете оберегати, и такою вашею измѣною, что подъ пермскими мѣстами учинится отъ вогуличъ и отъ пелымцевъ, и отъ сибирскаго салтана людей впередъ и намъ въ томъ опала на васъ положить большая! А атамановъ и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали—великиъ перевѣшати!“

Подъ такими условіями совершался сибирскій походъ. Черепановская лѣтопись объясняетъ это событіе, такимъ образомъ: „Между убѣждавшими казанами былъ атаманъ Ермакъ Тимофѣевъ съ товарищами, которые бѣжали вверхъ по рѣкѣ Камѣ до устья рѣки Чусовой, или по Ремезову, до городка Орла, что нынѣ Новое Усолъе называется, и пришли къ Строгановымъ, хотя не съ такими разбойническими поступками, какіе они на рѣкѣ Волгѣ чинить обыкли, однакожь не совсѣмъ такъ смирно, чтобы до сихъ гостей опасаться причины не было“ ¹⁾.

¹⁾ То же подтверждаетъ и Ремезовская лѣтопись: „А въ походъ Ермакъ на струги дружинъ своей у Максима внимая съ пристрастіемъ, а не воевъ въ честь или всади, но убить хотѣла и жито его разграбить, и домъ его и при немъ жилищныхъ разорити въ монецъ, и приступи къ Максиму живомъ“. Далѣе говоритъ: „Иванъ Кольцевъ съ есаули крикнуа: О мужикъ! Не знаешь ли, ты и тепере мертвъ, возьмемъ ты и расстрѣлемъ по плочу, дай намъ на росписку по именамъ на струги по артельно 5,000, по 8 фунта пороху, по 8 пуда муки“ и проч. Все это показывать, что услуги именитыхъ людей Строгановыхъ не сегодѣшны были добровольныи.

У Строгановыхъ Ермакъ разузналъ о сосѣднихъ мѣстахъ и рѣшилъ поживиться набѣгами. Миллеръ сомнѣвается, чтобы Ермакъ предвидѣлъ успѣхъ своего предпріятія и имѣлъ цѣлю покореніе и завоеваніе страны. Но тогда является вопросъ: что же влекло этого человѣка съ такимъ neodолимымъ упорствомъ въ глубь страны, куда никто не заходилъ; что заставляло его идти два года все впередъ и впередъ, не возвращаясь назадъ, когда товарищи его роптали и бѣжали?

Время перваго выступленія Ермака въ походъ считается въ 1578 году, но онъ ошибся дорогою, попалъ на Сылу и прозимовалъ здѣсь, нападая на вогуличей; онъ вернулся съ добычей, подкрѣпивъ себя людьми и припасами, и двинулся во второй разъ. Это было въ 1579 г., 12 іюня; теперь онъ пошелъ болѣе вѣрной дорогою по р. Чусовой, затѣмъ по Серебряннѣ. Здѣсь при началѣ волока, онъ опять зимовалъ и построилъ городокъ для защиты (1580 г.). Весною казаки перешли волокомъ изъ Серебрянны въ Журавлю, затѣмъ построили плоты, поплыли по Баранчѣ, прошли въ Тагилъ, затѣмъ въ Туру, строили суда. На Турѣ ихъ встрѣтилъ непріятель и произошла первая битва при устьѣ Туры (нынѣ деревня Усенинова), здѣсь былъ разбитъ остацкій князецъ, затѣмъ еще дали битву близъ Туринска, разворили городище князя Епанчи и приближились къ городу Чинги-тюра, гдѣ нынѣ Тюмень, которою и овладѣли. Здѣсь Ермакъ снова зимуетъ въ 1581 г. Мы не будемъ перечислять всѣхъ битвъ до Тобольска. Несомнѣнно, что этотъ походъ сопровождался огромными трудностями, нужно было строить плоты и лодки, перетаскивать ихъ на себѣ, укрѣплять лагери и городки; наконецъ, постоянно биться по мѣрѣ своего движенія и бить осыпаемымъ стрѣлами съ берега. Иногда казаки выходили на берегъ и совершали обходы; они жарко молились передъ битвой, впереди ихъ былъ непріятель, назадъ не было дороги, и они бились отчаянно. „Иванъ Кольцо храбрствовалъ здѣсь подобно Ахиллѣсу“, говорятъ сибирскій лѣтописецъ, описывая эти подвиги. Относительно войска у Ермака, лѣтописцы разнятся: одни говорятъ, что онъ обладалъ въ первый походъ 654 человѣками, другіе 540, а третьи какъ Ремезовъ, весьма мало достовѣрный, утверждаютъ, что онъ имѣлъ до 5,000 ¹⁾.

Впрочемъ изъ этихъ 5,000, въ 1580 г., говорятъ, у него осталось только 1636 человѣкъ. Миллеръ сомнѣвается, чтобы съ такимъ числомъ людей можно было покорить Сибирь; другіе, какъ Небольсинъ,

¹⁾ Ермакъ же съ дружиной съ Усть-Чусовой, ваявши у Максима запасъ на прожитъ 5.000 человѣкъ. Ремезовъ. Лѣтопись кунгурская, стр. 2. Изд. Зоста.

сомнѣваются, чтобы огромное число людей могло пропитаться въ такой дикой и глухой странѣ, даже по тогдашнему времени. Видно одно изъ лѣтописей, что люди не прибывали у Ермака, а убывали, и есть намеки, что нѣкоторые возвращались и бѣжали предъ трудностями пути. Наконецъ, люди гибли въ битвахъ. Подъ Тобольскомъ Ермакова дружина потеряла 107 человѣкъ. Послѣ утомительныхъ лишеній казаки остановились въ Карачинскомъ улусѣ, гдѣ послѣ жаркой битвы имъ досталась богатая добыча. Здѣсь, по преданію, готовясь къ новымъ битвамъ, Ермакъ держалъ 40-дневный постъ. Отсюда казаки пошли вверхъ по Иртышу и овладѣли городомъ Атыкомъ—нынѣ Заостровныя юрты около Тобольска. 23 октября произошло близъ нихъ генеральное сраженіе съ войсками Кучума. Передъ этою битвой, при видѣ массы татаръ, окружавшихъ казаковъ, произошло колебаніе. Въ Черепановской лѣтописи разсказывается: „Казаки не спали ночь, окруженные непріателемъ. Видя великое собраніе татаръ и такое превосходство, нине совѣтовали, не лучше ли заблаговременно въ свой домъ убраться, нежели себя потерять напрасно, понеже что битися одному съ десятью или двадцатью человѣками, а тѣ богѣе, которые желали въ Россію и сіе предлагали и совѣтовали той нощи бѣжати, другіе же предлагали тому противное, что все одинаково, гдѣ-бъ имъ не умереть, а хотя и въ Россію возвратятся, то нѣтъ иного способа къ ихъ пропитанію, какъ по прежнему чинить на Волгѣ разбой, и убивать своихъ братьевъ христіанъ, а какъ попадется, то влѣблницы не миновать, а здѣсь только бусурманъ бить подлежить, и хотя и сами убиты будутъ, то такой ихъ ронъ не хуже будетъ того“. Лѣтописецъ говорить, что Ермакъ „подтверждалъ казакамъ, ежели они такъ боязливы будутъ и получаемыя побѣды по сіе время ни во что поставять, своего непріятеля такимъ безчестіемъ обрадуютъ, то иного имъ и ожидать нечего, какъ отъ мороза и голода, и многихъ затрудненій на пути всѣмъ погибнуть“.

Намъ кажется, что въ этомъ объясненіи лежитъ значительная доля исторической истины и тѣхъ мотивовъ, которые заставляли дружину Ермака оканчивать начатое дѣло, и покушать побѣды своею кровью. Казаки приняли „единодушное намѣреніе,—говорить лѣтописецъ,—вездѣ храбро на непріятеля наступать и въ нужныхъ случаяхъ другъ за друга умирать“.

Такъ какъ наступала осень, то не осталось ничего, какъ только рѣшительной битвой завоевать себѣ безопасность. Татары были въ засѣлкѣ; съ 1 октября по 23 октября были двѣ битвы, первая кончилась ничѣмъ. 23 октября Кучумъ и Маметкулъ направили всѣ силы на казаковъ; та и другая сторона оказывали страшное ожесточеніе. „Храбрость и дерзость свирѣподошныя татары оказывали,—говорить

лѣтописецъ,—и будто бы монетные сулицы имѣли во чревахъ и все себя оказывали, якобы дышуть однимъ гнѣвомъ. Вооруженные были иные въ панцыри, иные въ мѣднощитники и желѣзнострѣльницы ¹⁾, свели сраженіе съ обѣихъ сторонъ жестокое. Казаки же противу ихъ изъ огнедышащихъ пищалей палили, потомъ другъ друга хватали за руки и такъ рубились не малое время“. Татары начали ослабѣвать, царевичъ Маметкулъ былъ раненъ и былъ перевезенъ на другую сторону Иртыша. Кучумъ на другой день захватилъ женъ, имущество и бѣжалъ въ Ишимскую степь. Казаки потеряли въ этой битвѣ 107 человекъ, записанныхъ въ синодикѣ Тобольской церкви. 26 октября они вступили въ оставленный городъ Сибирь ²⁾. Съ этого времени начали являться къ побѣдителямъ остающіе князья и татары съ изъявленіемъ покорности. Такимъ образомъ этотъ день побѣды, запечатлѣнный кровію, былъ рѣшительнымъ днемъ въ дѣлѣ завоеванія.

Обращаясь къ этимъ событіямъ и ихъ подробностямъ, мы видимъ первое въ этомъ подвигѣ—извѣстную сознательную цѣль похода. Мы видимъ не одну ватагу безпутныхъ людей, но нѣчто уже организованное. Это была маленькая армія, у ней были даже литавры, барабаны, сиповки и трубы, даже пушки, по увѣренію лѣтописцевъ; при Ермакѣ состояло два атамана—Иванъ Кольцо, да Иванъ Гроза, пятидесятники Врязга, послѣ нихъ есаулы, которые выбраны были изъ простыхъ казаковъ, затѣмъ были избранные сотники, въ каждой сотнѣ знамя, а у сотниковъ десятичники. Эту армію связывали умъ и воля одного человека. Что эти умъ и энергія были недюжинныя, доказываютъ находчивость въ трудныя минуты и руководительство арміей. Ермакъ создалъ въ своей маленькой арміи дисциплину, за бѣгство была установлена смертная казнь, на уличенныхъ въ преступленіяхъ надѣвали *красныя рубашки* или мѣшки, набитые пескомъ и бросали въ воду. Въ первый походъ уже Ермакъ показалъ свою власть и 20 человекъ, покусившихся бѣжать, были брошены въ Сылву ³⁾.

Но кромѣ страха нужно было воодушевить эту горсть людей на подвигъ, указать имъ цѣль. Нужно было бороться съ препятствіями. При вступленіи въ зимовье при Турѣ лѣтописецъ говорить, что

¹⁾ У лѣтописца Ремезова упоминается, что у татаръ было даже двѣ пушки, добытыя изъ Казани, но это сомнительно. Что татары обладали желѣзнымъ оружіемъ, это доказывается въ послѣднее время раскопками въ Кучуковомъ городѣ и вообще татарской культурой, найденной русскими. „Огненный бой“ тѣмъ не менѣе былъ на сторонѣ русскихъ, онъ вѣроятно и давалъ преимущество. Какъ извѣстно, то же употребленіе огнестрѣльнаго оружія рѣшило завоеваніе дикарей въ Америкѣ.

²⁾ День 26 октября, Дмитрія Солунскаго, былъ постоянно чтимъ въ Тобольскѣ.

³⁾ Лѣтописецъ Ремезовъ и Черепановская.

„много людей разбѣжалось отъ тяжелой во время лѣта работы, либо отъ болѣзней, много померло“.

Сколько бы ихъ ни пошло, но при послѣдней битвѣ видно, что казаковъ было не болѣе 500 чел. Это была горсть, храбро прорубившаяся и постоянно поддерживаемая неослабѣвавшей энергіей вождя. Не мудрено отличить въ ней признаки той же силы и энергіи, которая дѣйствовала въ Запорожьѣ на Днѣпрѣ, ту силу казачества, которая была съ турками и создала свой типъ въ русской исторіи.

Въ этой дружинѣ русскій народъ выдвинулъ типъ даровитѣйшаго вождя, личность могучаго характера, могучей энергіи.

Мы оставимъ обрисовку личности Ермака нашими историками, которые не всегда, быть можетъ, обладая перомъ Ирвинга и Маколея, пробовали сравнивать Ермака съ Пизарро, Кортесомъ, присвоивали ему по догадкѣ многія воображаемыя качества. Типъ этотъ также, можетъ быть, далекъ отъ истины, какъ и нарисованный впоследствии на полотнѣ портретъ Ермака въ шлемѣ съ перьями, въ шелковомъ платьѣ съ алебардой въ рукѣ. Подвиги Ермака впоследствии изукрашены легендами и мифами объ его чудесной храбрости. Любопытные лѣтописцы XVII вѣка старались представить казаковъ и Ермака какими-то набожными пуританами. Какія бы ни были эти преувеличенія (напр. даже описаніе чудеса на его могилѣ и присвоеніе Ермаку княжескаго достоинства), они показываютъ, что впоследствии это имя и подвиги высоко цѣнились; Ермакъ сдѣлался героемъ народа, облюбленъ имъ, и преданія о немъ сохранялись долго въ народной памяти.

Мы оставимъ эти характеристики и возьмемъ одну, сдѣланную сибирскимъ историкомъ, наиболѣе изучившимъ и вдумывавшимся въ это событіе.

„Ермакъ,—говоритъ историкъ Словцовъ,—принадлежитъ къ особливому разряду людей необразованныхъ, которымъ, какъ говорится, на роду написана большая игра желаній и надеждъ, поочередная смѣна удачъ и опасностей, которые, несмотря на тяжкія испытанія, неуклонно стремятся къ цѣлямъ своихъ впечатлѣній, и среди бѣдъ пускаются изъ отваги въ отвагу, ощущая въ духѣ мечту чего-то лучшаго, пока схватятъ вѣнокъ мечты, или сдѣлаются мучениками ея.

„Ставъ на дорогу извѣстныхъ историческихъ событій, онъ становится двигателемъ ихъ и упорно привязывается къ цѣли своихъ стремленій. Таковъ былъ Ермакъ“.

Совершивъ покореніе, онъ начинаетъ управлять. Въ первое время онъ собираетъ дань и принимаетъ подданство устранныхъ ауловъ на свое имя, какъ говоритъ историкъ (Словцовъ); потомъ онъ продолжаетъ покореніе, сражается съ Маметкуломъ и устрояется

въ Сибири. Но въ то же время этотъ человѣкъ не можетъ не чувствовать ответственности за будущее. Въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года Ермакъ посылаетъ Кольца въ Москву, предлагая царю сибирское царство и собранный асакъ. „Ермакъ, съ своими товарищи, пишетъ онъ, царство сибирское взяша, и царя Кучума съ вои его побѣдиша, и подъ твою царскую высокую руку покорилиша“. Въ этомъ посланіи, скорѣе дарственными, чѣмъ въ повинной, ничего не говорилось о его прежней винѣ ¹⁾). Посланіе это было послано съ общаго совѣта, какъ говорится у Ремезова.

Предложеніе Сибири московскому царю показываетъ, что побѣдитель не остается легкомысленно подъ обаяніемъ побѣды, не думая о будущемъ: онъ понимаетъ хорошо, что силы казаковъ слабы, чтобы удержать эти владѣнія, и что на немъ лежить судьба страны. Едва ли онъ могъ бы устроиться въ этой странѣ самостоятельно, какъ думаютъ нѣкоторые историки; но несомнѣнно, что онъ принесъ свои личные расчеты въ жертву своему дѣлу и болѣе высокимъ дѣламъ; онъ явился не корыстолюбивымъ разбойникомъ, но политическимъ человѣкомъ; онъ не оканчивается, какъ видно, своего дѣла съ передачею царства. Стремленіе повелѣвать, страсть господствовать продолжаютъ управлять его сердцемъ, жажда великихъ дѣлъ, свойственная сильнымъ характерамъ, послѣ всего совершившагося не могла оставить его.

Фишеръ говоритъ: „не безъ основанія можно утверждать, что когда бы Ермакъ надѣялся сберечь завоеванія свои безъ чужой помощи, то конечно предоставилъ бы оныя себѣ. Въ древнихъ лѣтописяхъ нигдѣ не упоминается, что онъ завоевалъ тѣ земли царскимъ именемъ или требовалъ дани для російскаго двора“. (Фишеръ, стр. 134):

Оставовъ и татаръ онъ побуждалъ присягать *себѣ* въ вѣрности и послушаніи (Фишеръ, стр. 133).

Словцовъ, на основаніи данныхъ Фишера и Миллера, по этому поводу дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Кажется, что Ермакъ, отправивъ Кольцо въ Москву съ донесеніемъ о покореніи сибирскаго царства и съ богатымъ приношеніемъ дани, желалъ присылки войска, а не смѣны себѣ. Ибо, когда князь Болховской прибылъ отъ царя на Искеръ съ 300 ратниками, стрѣльцами и преимуществомъ власти, Ермакъ перестаетъ дѣйствовать, не заботится о продовольствіи прибывшихъ казаковъ, умирающихъ отъ голода и цынги, пока не скончался воевода Болховской. Тогда Ермакъ опять начинаетъ при-

¹⁾ Небольсинъ, *Покореніе Сибири*; Черепановская лѣтопись; Въ память 26-го октября 1681 г., прилож. къ газетѣ „Сибирь“ № 16.

нимать известныя ему средства къ обезпеченію здоровья команды („Истор. Обзор.“ Словцова, I, стр. 26).

Въ это время онъ снова начинаетъ походы. Бразга ходилъ далеко внизъ по Иртышу до Оби, собиралъ ясакъ и воротился съ богатой добычею. Въ то же время „храбрствовалъ“ и Ермакъ по Иртышу и по великой Оби, пишетъ лѣтописецъ: „Нарымъ—городъ остацкій взяше со княземъ нлѣ и со всѣмъ богатствомъ“. Въ 1584 г. Ермакъ беретъ въ колонъ Маметкула и отсылаетъ въ Москву; съ покоренными завоеватель ведетъ дружбу и устраиваетъ дипломатическія сношенія.

Однако присланная помощь была слишкомъ слаба, люди гибли отъ болѣзней и начинало свершаться то, чего предусмотрительный вождь боялся. Видимо, покорившіеся инородцы начинали новый актъ сибирской исторіи, рядъ измѣнъ. Инородческая заговорщицкая стрѣла съ демонами возстанія на древѣхъ, игравшая впоследствии такую видную роль въ XVI и XVII ст., начала ходить между инородцами. Казаковъ заманивали, обманывали и перебивали. Татаринъ Карача подошелъ къ городку „Сибири“ и обложилъ ее. Ермакъ выдержалъ осаду и разбилъ татарина, но это былъ послѣдній его подвигъ. Послѣ разбитія Карачи татары усмирились, но не надолго. Главный врагъ Кучумъ оставался цѣль и готовилъ новыя возни. Въ первыхъ числахъ августа Ермакъ получилъ извѣстіе, что по Иртышу идетъ бухарскій торговый караванъ, но Кучумъ его задерживаетъ. Ермакъ поплылъ навстрѣчу, но слухъ былъ пущенъ ложный и не оправдался. Возвращаясь изъ экспедиціи съ 50-ю казаками, онъ чувствовалъ опасность положенія и расположился ночевать на острову. Здѣсь, 5 августа 1584 г. казакъ застигла темная и бурная ночь. Утомленные, измокшіе казаки спали крѣпко, не подозревая опасности. Кучумъ ждалъ; говоритъ, онъ отправилъ въ лагерь казакъ татарина, обреченнаго на смерть, который промоллъ и принесъ казакѣмъ пища и пороховницу. Тогда произошло нападеніе на казакъ. Проснувшійся Ермакъ бросился къ берегу, онъ винулъ къ лодкѣ, лодка отшатнулась, и „онъ не може дойти, понеже одѣянъ былъ желѣзомъ, и утону!“ Другой лѣтописецъ прибавляетъ: „на немъ были два панциря, которы прежде сего прислали къ нему царь Іоаннъ Василитчъ, изъ коихъ одинъ могъ бы утопить его, то и не могъ онъ подняться, но погрузъ“, 5—6 августа, 1584 г. ¹⁾.

Одинъ уцѣлѣвшій казакъ принесъ въ станъ вѣсть о гибели вождя. Тогда оставшійся за воеводу Глуховъ взял Ермаковыхъ казакъ 150 чел. съ атаманомъ Мещерякомъ и бѣжалъ изъ Сибири. На-

¹⁾ См. также Истор. Фишера, стр. 160.

встрѣчу ему пошелъ новый воевода Мансуровъ, но не найдя первого тоже снялся и ушелъ, пока не начались новые походы. Память о походахъ Ермака сохранилась рельефнѣе всѣхъ другихъ.

Эти событія освѣщаютъ намъ первые шаги русскаго народа въ Сибирь, и готовятъ къ послѣдующему. Ватага Ермака не была случайностью, это была первая партія эмигрантовъ, выкинутая въ Сибирь древнею Русью, гдѣ въ это время былъ клочущій котелъ движеній. Это былъ первый шагъ народной колонизаціи, которая, обновляемая новыми волнами движенія, создала Сибирь и упрочила въ послѣдствіи здѣсь гражданскую жизнь. Такимъ образомъ первые шаги завоеванія стоятъ въ связи съ послѣдующимъ развитіемъ края. Казакъ, гулящій человѣкъ, бѣглый крѣпостной, промышленникъ, пахотный крестьянинъ, это были послѣдовательные типы завоевателей.

Послѣднимъ изъ завоевателей мы видимъ добровольнаго переселенца крестьянина-труженика, идущаго заселять новыя земли. Колонизаціонное стремленіе, охватывающее нынѣ вслѣдствіе чувствуемаго малочемелья русскую землю, направляетъ переселенія по-прежнему въ Сибирь.

Героемъ предстоящаго юбилея трехсотлѣтія мы поэтому называемъ себѣ считать не Ермака и воеводу, но вообще русскій народъ. Великое культурное завоеваніе на востокъ еще продолжается. Обращаясь къ прошлой, пережитой уже исторіи, мы видимъ, что здѣсь совершенно не мало задачъ въ дѣлѣ открытія, приобрѣтенія земель, заселенія и обработки пустынь. Подвиги народнаго гонія, творчества народной могучей силы продолжаются и послѣ подвига Ермака. Какъ ни слабы, безпомощны были культурныя силы русскаго народа въ XVI и XVII стол., но кое-что ими сдѣлано. Народное труженичество и подвиги прошли не даромъ. Теперь, черезъ 300 лѣтъ, передъ нами лежитъ огромная приобрѣтенная страна, превосходящая владѣнія Европейской Россіи болѣе, чѣмъ въ два съ половиною раза и представляющая обширнѣйшія владѣнія въ мірѣ ¹⁾.

Нельзя не признать, что въ этихъ пространствахъ свободныхъ земель созданы самимъ народомъ гарантіи, которыя надолго обезпечиваютъ судьбу славянскаго населенія отъ случайностей будущей исторіи. Выбѣгъ съ тѣмъ на далекой окраинѣ суждено развернуться зачаткамъ новой жизни, новому социальному организму; на русскомъ востокѣ уже слагается русское общество, водворяется гражданственность и мы чувствуемъ, какъ здѣсь постепенно пробуждается пульсъ общественной жизни.

¹⁾ Пространство Сибири по приблизительнымъ исчисленіямъ признается 226,924 кв. миль и Средне-азиатскія владѣнія 61,408 кв. м., между тѣмъ все пространство Европы равно 179,726 кв. м.

Разсматривая періоды пережитой сибирской исторіи, мы видимъ періодъ завоеваній, покореній, усмиреній, бунтовъ, далѣе періодъ колонизаціи, заселенія, самоустройства и обузоденія, затѣмъ періодъ исканія богатствъ, увлеченія ими, періодъ эксплуатаціи даровъ и запасовъ природы, еще позднѣе наступаетъ періодъ культурнаго земледѣльческаго развитія и слагающейся гражданственности, — но мы не видимъ еще пока періода духовной жизни народа. Между тѣмъ вложить духъ въ это огромное тѣло и есть одна изъ величайшихъ историческихъ задачъ, остающаяся на очереди.

Въ настоящую минуту, на грани трехсотлѣтія, наступаетъ и для Сибири уже этотъ періодъ сознательной жизни и пониманія своей роли въ будущемъ. Въ сложившемся обществѣ съ четырьмя милліонами русскаго населенія на востокѣ выступаютъ стремленія къ развитію своихъ экономическихъ, матеріальныхъ и умственныхъ силъ; гражданскія и образовательныя потребности въ этихъ стремленіяхъ начинаютъ занимать извѣстную роль. Этимъ сознаніемъ своего общечеловѣческаго существованія и сознательнымъ отношеніемъ къ своей жизни начинается новый періодъ сибирской исторіи.

Въ послѣднее время выдвигается нѣсколько весьма видныхъ мѣстныхъ потребностей и нуждъ этого общества, которыя не могутъ остаться безъ отнѣта въ государственной жизни Россіи. Они состоятъ въ распространеніи на Сибирь гражданскихъ правъ, которыми пользуются уже подданные европейской Россіи. Сибирское общество ждетъ введенія земства, новаго гласнаго суда, распространенія образованія, гарантій личности и лучшаго общественнаго существованія.

Дарованіе самоуправленія, водвореніе правосудія и справедливости для этого несчастнаго края становится тѣмъ необходимѣе, что Сибирь въ продолженіе всего прошлаго существованія испытала много притѣсненій, несправедливостей и неустройствъ. Эти бѣдствія начались съ воеводскаго управленія; произволъ господствовалъ въ Сибири болѣе, чѣмъ гдѣ-либо; край подвергался всевозможнымъ злоупотребленіямъ и жизнь его остается далеко не устроенной до послѣдняго времени.

Между тѣмъ нинѣ выступаютъ многочисленныя общественныя вопросы и нужды, требующія настоятельнаго удовлетворенія. Къ такимъ принадлежатъ: отнѣна уголовной ссылки, мѣшающей безопасности и развитію гражданской жизни, организація переселеній, устройство быта инородцевъ, принятіе мѣръ противъ міроѣдства и кулачества, улучшеніе участи золотопромышленныхъ рабочихъ, и многія другія. Наконецъ, въ край является потребность умственной жизни, стремленіе къ гласности, желаніе разрабатывать общественныя нужды путемъ печати; общество желаетъ гарантій для личности и защиты

отъ мѣстнаго произвола. Выраженіе всѣхъ этихъ нуждъ проявляется въ послѣднее время довольно опредѣленно и ясно не только въ печати, но въ рядѣ заявленій представителей обществъ, выраженныхъ ко дню трехсотлѣтія. Такія заявленія сдѣланы Енисейскою, Иркутскою и Томскою думами, причемъ положено ходатайствовать о введеніи реформъ. Какъ выраженіе этихъ общественныхъ желаній, мы приведемъ предложеніе гласнаго Енисейской думы Скорнякова, принятое думою.

„Въ нынѣшнемъ году, какъ извѣстно, минетъ 300 лѣтъ Сибири; періодъ, кажется, слишкомъ долгій для того, чтобы развиться, окрѣпнуть и встать на ноги; но, оглядываясь на прошлое, сердце невольно сжимается, не видя ничего отраднаго и ничего прочнаго. Есть только слабыя кое-гдѣ зачатки, но все это блѣдно, чахоточно; видно, что чего-то для развитія недостаетъ. Мертвенность эта можетъ удовлетворять только человѣка, долго жившаго исключительно личными интересами, которому чужды всякіе интересы своей родины; но для человѣка, который хоть сколько-нибудь заглядываетъ въ будущее, для человѣка интеллигентнаго, для человѣка, такъ или иначе заботящагося о благѣ своей родины, мертвенность эта способна убить всякую энергію къ дѣятельности, вселить опасное чувство равнодушія къ жизни своей родины и такимъ путемъ убить въ ней всякую жизненность и способность къ развитію. Не пора ли очнуться намъ? Не пора ли заявить свои кровныя нужды теперь на рубежѣ трехсотлѣтія Сибири, на ея трехсотлѣтней тривіи? Въ чемъ состоятъ наши нужды,—нужно ли говорить объ этомъ; нужно ли повторять то, что давно уже высказано передовыми людьми Сибири и ея представительницею, печатью? Мнѣ кажется, говорить объ этомъ всегда не лишнее, а тѣмъ болѣе теперь, когда правительство выступило на путь преобразованій и улучшеній, когда лица, стоящія во главѣ управленія, призываютъ общество къ совмѣстной съ ними дѣятельности и, наконецъ, когда съ высотъ престола раздались радостныя слова Государа, что, вступая на него, онъ посвятитъ себя прежде всего дѣлу внутренняго развитія, будетъ служить Россіи, ея благоденствію, надѣясь заслужить любовь. Наше трехсотлѣтнее существованіе даетъ намъ право говорить о своихъ пользахъ и нуждахъ, и теперь, мнѣ кажется, лучшее для этого время. Нужды Сибири, нужды наши слишкомъ велики и обширны, велики потому, что мы дома, почти 300 лѣтъ были пасынками Россіи, были обдѣлены всѣмъ, за исключеніемъ лишь извѣстнаго законодательнаго акта 16 іюня 1870 г., распространившагося и на сибирскую окраину. Наша мать Россія уже пользовалась многими коренными реформами, мы же, сибиряки, страдая отъ нашихъ неурядицъ, могли только плакаться и завидо-

вать ей. Поэтому-то наши нужды и требованія и должны быть обширны и велики; но это не должно смущать насъ, потому что, приобрьтая коренныя измѣненія и улучшенія въ нашей жизни, мы приобрьтемъ залогъ для нашего лучшаго будущаго, вступимъ въ общечеловѣческія права, дѣлающія жизнь человѣка похожей на жизнь человѣка въ полномъ смыслѣ слова.

„Наши первыя и настоятельныя нужды — это введеніе земства, гласнаго суда, свободы печати и слова, свободы личности и имущественной неприкосновенности, свободы переселеній и прекращенія ссылки въ Сибирь.

„Приобрьтая ихъ, мы приобрьтемъ нужную и великую силу для борьбы съ невѣжествомъ, съ бѣдностью нашей жизни, произволомъ суда и администраціи, обезопасимъ свою личность и имущество отъ вторженія разныхъ хищниковъ Сибири. Вотъ объ этихъ-то нуждахъ нашихъ наступила теперь пора, гг. гласные, позаботиться. Намъ предстоитъ объ нихъ ходатайствовать предъ Государемъ, на рубежѣ нашего 300-лѣтія, чтобы съ новыми полномочіями вступить на новый путь общественной самостоятельности для служенія благу нашего края“ ¹⁾.

Въ этихъ заявленіяхъ сказываются тѣ ожиданія, которыя волнуютъ общество, а также сказывается вся важность переживаемаго историческаго момента.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что развитіе страны достигло въ настоящее время извѣстной гражданской зрѣлости, и моментъ трехсотлѣтняго юбилея совпадаетъ съ моментомъ ожидаемаго полноправія. Необходимость сибирскихъ реформъ до такой степени ясно сознается нынѣ правительствомъ и обществомъ, что трудно предполагать, чтобы настоятельныя нужды населенія не были удовлетворены. Русскій народъ, совершившій не мало заслугъ на окраинахъ, приобрьтшій цѣлую страну, доставившій въ эти три столѣтія огромныя богатства государственной казнѣ, конечно, не будетъ лишенъ общихъ гражданскихъ правъ. Его способности къ самостоятельной жизни, его таланты къ самоустройству и общественному хозяйству достаточно выразились въ новой странѣ при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ.

Сибирское населеніе, жившее вѣкъ опеки крѣпостного права, давно приобрьло навыки къ самоуправленію, а борьба съ обстоятельствами

¹⁾ Приводя заявленіе гласнаго енисейской думы, напечатанное отчасти уже въ газетахъ, мы должны присовокупить, что тѣ же общія надежды и желанія единодушно выражены въ различныхъ рѣчахъ на сибирскихъ обѣдахъ Петербурга и Москвы; объ этихъ нуждахъ края рѣшено начать ходатайство. (См. „Недѣлю“, 8 ноября, № 46).

сдѣлала его развитымъ, бойкимъ и предприимчивымъ. Въ правоспособности свободного сибирскаго населенія едва ли могутъ встрѣтаться сомнѣнія: къ этому самосознанію и самодѣтельности уже призывалъ сибирское общество Сперанскій 50 лѣтъ тому назадъ.

Такимъ образомъ, послѣ предшествовавшей работы для этого края, ожидается еще болѣе развитіе внутреннихъ силъ. Если до сихъ поръ народная жизнь и народныя стремленія въ обширной колоніи Россіи, слагаясь инстинктивно и почти безсознательно, совершили многотрудную историческую работу, то есть полное основаніе предполагать, что тѣ же силы, призванныя къ болѣе сознательной жизни, способны будутъ тѣмъ болѣе доказать свою жизненность при условіяхъ внутреннего самоусовершенствованія.

Пробужденіе общественной самодѣтельности, развитіе образованія на востокѣ и осуществленіе подготовляющагося университета можетъ создать иную, лучшую, роль сибирской окраины, а европейскія условія существованія придадутъ этому безжизненному краю свѣтъ и тепло цивилизаціи.

Должно принять во вниманіе, что, не смотря на трехсотлѣтіе, сибирское общество все-таки — исторически молодое общество, а судьба молодыхъ обществъ и колоній весьма часто представляетъ завидное существованіе сравнительно съ старыми обществами, пережившими долгую жизнь. Если первыя изжили многое, потерпѣли много разочарованій и огорченій, исчерпали богатства, истощили земли, наклонны къ сохраненію старины и къ косности, обладаютъ часто предрассудками старчества, принуждены бороться съ неодолимыми препятствіями, созданными предшествовавшими ошибками, то вторыя свободны отъ многихъ изъ этихъ неудобствъ. Они кипятъ избыткомъ силъ производительности, обладаютъ многими дарами природы, стоятъ у начала исторіи; дорога ихъ — торная, можетъ быть, не сулящая многихъ превратностей; они не имѣютъ предрассудковъ стараго міра и такъ сказать на обломкахъ старыхъ цивилизацій свободны создать новую лучшую жизнь, обитую свѣжими розами.

Нерѣдко великія идеи и плоды человѣческаго прогресса доступны колоніямъ, и онѣ прогрессируютъ быстрѣе метрополій. На западѣ нерѣдко изъ нихъ развертываются новыя государственныя организмы, создающіе новыя цивилизаціи.

Мы далеки, чтобы мечтать о подобномъ будущемъ и сближать судьбы европейскихъ колоній съ нашей далекой и глухой окраиной.

Нечего говорить, какъ она стоитъ неизмѣримо ихъ ниже, здѣсь нѣтъ даже отдаленнаго сходства. Америка и Австралія, на которыя часто указываютъ, въ гораздо кратчайшій періодъ, оказали величайшіе успѣхи въ смыслѣ развитія гражданской и культурной промышленной жизни. Но величіе колоній и успѣхи ихъ прежде всего

зависать отъ степени развитія самой народности, ее выдѣлившей, какъ и отъ гражданской среды, создававшей новыя ячейки населенія. Несмотря на то и европейскія колоніи терпѣли многія превратности. Достаточно припомнить, что Сѣверная Америка испытала горькія несправедливости Англіи, а Австралія только недавно освободилась отъ ссылки. Сибирь же была все-таки продуктомъ старой Россіи и тѣсно связана съ ея жизнью и условіями развитія. Тѣ преграды, задержки и недостатки развитія, которыя разѣдали русскую жизнь, еще болѣе и острѣе чувствовались на окраинахъ; вотъ почему развитіе Сибири, какъ части русскаго общества, подвергалось скорѣе законамъ и условіямъ развитія русской жизни со всѣми случайностями, чѣмъ жизни европейской.

Но тѣмъ не менѣе и здѣсь есть извѣстная разница въ прожитыхъ періодахъ, въ условіяхъ новаго существованія и въ задаткахъ жизни, и здѣсь не можетъ не чувствоваться жизнь молодого воспримчиваго организма. Культурное развитіе, благодаря естественнымъ богатствамъ и простору, можетъ явиться пышнѣе и богаче, общественный складъ самобытнѣе и оригинальнѣе, въ новомъ положеніи страны могутъ явиться и новыя задачи.

Географическое положеніе въ Азіи, связывающее европейскій міръ съ азіатскимъ, указываетъ этому краю нѣкоторую своеобразную политическую роль и значеніе въ будущемъ. Конечно, азіатскія народности не всегда останутся въ періодѣ косности, замкнутости и полунварварства. Когда-нибудь здѣсь предвидится великая общечеловѣческая работа. Для того, чтобы выполнить ее, необходимы всѣ средства цивилизаціи и прежде всего собственное развитіе.

Нельзя не предсказать, такимъ образомъ, для этого края все-таки извѣстной будущности и участія его въ міровой исторіи.

Стоя у начала историческаго процесса, у колыбели нарождающагося существованія, естественно остановиться мыслью на этомъ будущемъ и сознать задачи, налагаемыя современностью.

Въ интересахъ человѣчества, какъ и въ интересахъ русской народности, наступаетъ время призвать наши окраины къ новой жизни, пробудить ихъ общественныя силы къ самостоятельности, и тѣмъ положить начало новому историческому періоду. Признаніе совершеннотѣтства общества, дарованіе ему гражданскихъ правъ, удовлетвореніе общечеловѣческихъ стремленій есть священнѣйшій долгъ метрополіи по отношенію ко всякой молодой развивающейся на ея рукахъ странѣ: великая обязанность налагается на нее Провидѣніемъ передъ лицомъ всего человѣчества и будущей исторіи.

Н. Ядринцевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е декабря, 1881.

Учрежденіе особой комиссіи для составленія проектов мѣстнаго управленія.—Порядокъ разсмотрѣнія данныхъ, добытыхъ сенаторскими ревизіями.—Необходимость основныхъ положеній для административной реформы.—Участіе земства въ подготовкѣ этой реформы.—Преобразование крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ въ остзейскомъ краѣ.—Апелляціонная инстанція надъ волостными судами.—Еще о всеословной волости.—Театральная реформа.

Почти одновременно съ назначеніемъ, въ прошедшемъ году, сенаторскихъ ревизій, возникъ вопросъ о томъ, въ какомъ порядкѣ будутъ разсмотрѣны данныя, добытыя ревизіями, и вытекающія изъ нихъ предположенія. Никто не сомнѣвался въ томъ, что чрезвычайному способу изслѣдованія долженъ соответствовать и чрезвычайный способъ обсужденія его результатовъ; ожидалось только ближайшее опредѣленіе этого послѣдняго способа. Оно было уже почти готово, когда разразилась надъ Россіей катастрофа 1-го марта. Перерывъ, вызванный ею, не могъ, однако, быть продолжителенъ. Сенаторскія ревизіи приходили въ концу; необходимо было указать дальнѣйшій путь для движенія начатаго ими дѣла. Въ то же самое время накопились земскіе отвѣты на прошлогодній декабрьскій циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ—отвѣты, далеко выходящіе за предѣлы вопроса и затрогивающіе всю систему мѣстнаго управленія и самоуправленія. Однородность тѣмъ, разработанныхъ въ земскихъ проектахъ и сенаторскихъ отчетахъ, естественно должна была возбудить мысль о совокупномъ разсмотрѣніи тѣхъ и другихъ. Съ этою именно цѣлью учреждена, подъ предсѣдательствомъ М. С. Каханова, особая комиссія, постоянными членами которой будутъ сенаторы, ревизовавшие въ 1880 и 1881 г. нѣкоторые губерніи, и представители разныхъ административныхъ вѣдомствъ, а временными — „мѣстные свѣдущіе люди“, приглашаемые предсѣдателемъ комиссіи, по соглашенію съ

министромъ внутреннихъ дѣлъ. Задача комиссіи—составленіе проектов мѣстнаго управленія по программѣ, имѣющей быть рассмотрѣнною въ комитетѣ министровъ; проекты эти должны заключать въ себѣ предположенія о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ административныхъ учрежденій, а также о соотвѣтственномъ измѣненіи въ учрежденіяхъ земскихъ, городскихъ и крестьянскаго управленія. Главныя начала, положенныя въ основаніе работъ комиссіи—объединеніе всѣхъ частей мѣстнаго управленія, уменьшеніе числа отдѣльныхъ учрежденій и присутствій, усиленіе мѣстной разрѣшающей власти, сокращеніе стѣснительныхъ формальностей, установленіе живой связи между администраціей и общественнымъ управленіемъ, опредѣленіе ответственности ихъ, точное разграниченіе ихъ правъ и обязанностей.

Задача сенаторскихъ ревизій, судя по слухамъ, проникшимъ въ печать и до сихъ поръ не опровергнутымъ, не исчерпывалась приведеніемъ въ извѣстность всего относящагося къ мѣстному управленію и самоуправленію; она обнимала собою изслѣдованіе всѣхъ нуждъ мѣстнаго населенія, общихъ и частныхъ. Сенаторы собирали свѣдѣнія о матеріальномъ бытѣ крестьянъ, о тягости лежащаго на нихъ податного бремени, объ отношеніяхъ ихъ къ землевладѣльцамъ, о дѣятельности судебныхъ учрежденій, о положеніи раскола и раскольниковъ, о ходѣ обученія въ начальныхъ школахъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и т. п. Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній неизбежно должна была сложиться общая картина, поучительная именно въ своей общности. Рассмотрѣніе ея по частямъ, разрозненнымъ между собою, не можетъ произвести цѣльнаго впечатлѣнія; взаимная связь между явленіями, принадлежащими къ различнымъ областямъ провинціальной жизни, легко можетъ быть упущена изъ виду, если каждая область будетъ изучаема отдѣльно, независимо отъ прочихъ. Нельзя не пожелать поэтому, чтобы результаты сенаторскихъ ревизій были подвергнуты обсужденію во всей ихъ совокупности, прежде раздробленія ихъ между комиссіями или министерствами. Намъ могутъ возразить, что рано или поздно всѣ работы, построенныя, между прочимъ, на сенаторскихъ отчетахъ, дойдутъ до центрального законодательнаго учрежденія, которое и внесетъ въ нихъ необходимое единство, свяжетъ ихъ въ одно стройное цѣлое. Но гдѣ же ручательство въ томъ, что реформы, съ самаго начала предпринятныя отдѣльно одна отъ другой, будутъ, въ концѣ-концовъ, согласованы другъ съ другомъ? Основываясь на примѣрахъ недавняго прошлаго, можно скорѣе предположить, что онѣ будутъ обсуждаться одновременно, что разрѣшеніе каждой изъ нихъ будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ данной минуты, что связь между ними, по мѣрѣ приведе-

нія ихъ въ концу, будетъ ослабѣвать, а не укрѣпляться, и что ближайшимъ послѣдствіемъ преобразования будетъ нересмотръ тѣхъ или другихъ частей его, недостаточно гармонирующихъ съ цѣлымъ или между собою. Съ другой стороны, измѣненіе готовыхъ проектовъ, въ видахъ достиженія одной общей цѣли, несравненно труднѣе, чѣмъ своевременное указаніе основныхъ положеній, которыми должны удовлетворять всѣ проекты; даже въ самомъ благопріятномъ случаѣ оно должно повлечь за собою значительное замедленіе работъ. Послѣднему фазису преобразования соотвѣтствуетъ удостовѣреніе въ томъ, проведены ли въ отдѣльныхъ проектахъ, съ достаточною послѣдовательностью и полнотою, общія основанія реформы, а отнюдь не самое установленіе этихъ основаній.

Чтобы лучше выяснитъ тѣсную связь между всѣми данными, добытыми ревизією, приведемъ нѣсколько примѣровъ. Предположимъ, что близкое знакомство съ положеніемъ начального обученія привело того или другого изъ ревизовавшихъ сенаторовъ къ убѣжденію въ неудовлетворительности современнаго устройства училищныхъ совѣтовъ, въ необходимости измѣнить существующія отношенія между земствомъ и учебной администраціей. Очевидно, что одной своей стороною этотъ вопросъ касается реформы мѣстнаго управленія и самоуправленія, къ числу органовъ котораго принадлежитъ училищный совѣтъ, другою—пересмотра положенія о народныхъ училищахъ, утвержденнаго 25-го мая 1874 года. Отсюда—необходимость предварительнаго принципиальнаго рѣшенія, которое могло бы одинаково служить руководствомъ и для министерства народнаго просвѣщенія, и для комиссій, состоящей подъ предсѣдательствомъ М. С. Каханова. Вопросъ о расколыническихъ школахъ затрогиваетъ въ равной степени министерство народнаго просвѣщенія и министерство внутреннихъ дѣлъ. Вопросъ о томъ, насколько мировой институтъ удовлетворяетъ своему назначенію, не имѣетъ, повидимому, прямого отношенія къ реформѣ мѣстнаго управленія; но стоитъ только разрѣшить его въ смыслѣ приближенія суда къ населенію, чтобы поднять старый споръ о возможности соединенія въ одномъ лицѣ административной и судебной власти, и усложнить, такимъ образомъ, задачи комиссій, о которой мы только-что упомянули. Такихъ примѣровъ можно было бы привести еще много.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что нѣтъ основанія соединять обсужденіе общаго плана реформъ именно съ сенаторскими ревизіями. Потребность въ реформахъ обнаружилась бы и безъ ревизій, или, лучше сказать, самое назначеніе ревизій воспослѣдовало лишь тогда, когда была признана невозможность застоя; начертаніе общаго плана должно предшествовать всякой обширной преобразова-

тельной работѣ, въ чемъ бы ни заключалась ея исходная точка. Все это такъ; но мы и не видимъ въ окончаніи ревизій ничего другого, кромѣ удобнаго момента; въ данныхъ, собранныхъ ревизіями—ничего другого, кромѣ готовой канвы для дѣла, во всякомъ случаѣ необходимаго. Сенаторскіе отчеты обнимаютъ собою не всѣ вопросы, требующіе разрѣшенія,—чтобы убѣдиться въ этомъ, стоить только вспомнить, что ревизіи не касались и не могли касаться центрального управленія,—но онѣ представляютъ собою результатъ труда, не приуроченнаго къ одному специальному предмету и исполненнаго *на мѣстѣ*, лицами, облеченными довѣріемъ правительства. Это дѣлаетъ ихъ особенно пригодными для той цѣли, о которой мы теперь говоримъ. Разсмотрѣніе ихъ во всемъ ихъ объемѣ не исключало бы учрежденія особыхъ комиссій по каждому изъ главныхъ вопросовъ; оно послужило бы только прочной опорой для всей дальнѣйшей работы, заранее опредѣливъ ея характеръ и направленіе.

Возвращаясь къ комиссіи, учрежденной для составленія проектовъ мѣстнаго управленія, нельзя не признать, что на долю ея выпала одна изъ самыхъ крупныхъ вопросовъ настоящей минуты. Переустройство мѣстной администраціи немислимо безъ соотвѣствующихъ перемѣнъ въ земскихъ, городскихъ, крестьянскихъ учрежденіяхъ—перемѣнъ, необходимость которыхъ провозглашена официально при самомъ образованіи комиссіи. Быть можетъ, правильнѣе было бы выдвинуть ихъ на первый планъ, сдѣлать ихъ главной задачей комиссіи, не связывать ихъ исключительно съ административной реформой; но важность ихъ обнаружится сама собою, если только преобразование задумано широко, если рѣчь идетъ не объ однихъ усовершенствованіяхъ механизма, а о внутреннемъ обновленіи провинціальной жизни. Всякая попытка „установить живую связь между администраціей и общественнымъ управленіемъ“ неизбежно поставитъ на очередь вопросъ о самыхъ основаніяхъ общественного управленія—объ избирательной системѣ, объ имущественномъ и образовательномъ цензѣ, объ исполнительной власти земства, о мелкой земской единицѣ, о сословной или безсословной волости и т. п. Для успѣха работы, возложенной на комиссію, слѣдуетъ желать, чтобы всѣ эти вопросы были включены въ программу, которую комиссія обязана представить комитету министровъ, и не только включены въ нее, но и предрѣшены ею. Другими словами, программа дѣйствій комиссіи должна заключать въ себѣ не только перечень предметовъ, подлежащихъ ея разсмотрѣнію, не только оглавленіе будущаго закона, но и рядъ *основныхъ положеній*, утвержденіемъ которыхъ завершился бы первый, самый важный фазисъ преобразованія. Доказывать эту мысль, значило бы повторять сказанное нами выше о необхо-

димости началъ, какъ почвы, на которой должна происходить детальная работа. Основные положенія—не новостъ въ исторіи нашего законодательства. Они способствовали успѣху судебной реформы, на мѣтивъ заранѣе всѣ краеугольные камни новаго порядка и очистивъ путь для дѣятельности редакціонныхъ комиссій; они послужили исходной точкой для неоконченнаго еще пересмотра уложенія о наказаніяхъ; не дальше, какъ лѣтомъ нынѣшняго года, они предопредѣлили сущность давно ожидаемой гипотечной системы. Предположить ихъ реформѣ мѣстнаго управленія и самоуправленія особенно легко и, вѣстѣ съ тѣмъ, особенно необходимо: особенно легко, — потому что въ виду комиссій будутъ готовы проекты самаго разнороднаго содержанія и направленія; особенно необходимо, — потому что участіе земскихъ „свѣдущихъ людей“ можетъ оказаться наиболѣе плодотворнымъ именно въ установленіи основныхъ началъ реформы. Заставить земскихъ дѣятелей — въ томъ значительномъ числѣ, котораго, безъ сомнѣнія, потребуетъ важность задачи, касающейся всѣхъ частей государства, — трудиться надъ подробнымъ регламентомъ для того или другого присутственнаго мѣста, углубляться въ законодательную технику, отдѣлывать постройку, которая, можетъ быть, будетъ признана негодною по самому своему плану и опрокинута прежде подведенія ея подъ крышу, значило бы тратить понапрасну время и силы, подрывать въ обществѣ и въ представителяхъ его интересъ къ дѣлу, отвлекать вниманіе свѣдущихъ людей отъ тѣхъ сторонъ задачи, въ которыхъ они особенно компетентны. Призвать земскихъ свѣдущихъ людей къ обсужденію общихъ основаній реформы, значило бы, наоборотъ, поручить имъ непосредственное продолженіе дѣла, начатаго въ земскихъ собраніяхъ. Въ послѣдующемъ періодѣ работы, который наступилъ бы послѣ утвержденія и обнародованія основныхъ положеній, участіе свѣдущихъ людей также было бы не бесполезнымъ; но они могли бы быть привлечены къ нему въ гораздо меньшемъ числѣ, изъ среды представителей того мнѣнія, которое взяло бы верхъ надъ другими. Насколько разногласіе между свѣдущими людьми желательно при первоначальномъ обсужденіи спорныхъ вопросовъ, для всесторонняго ихъ освѣщенія, настолько же оно излишне и даже вредно при окончательномъ редактированіи законопроекта, когда нѣтъ больше мѣста для взаимныхъ уступокъ и всего нужнѣе единство работы и строгая ея послѣдовательность.

Въ нашей печати съ разныхъ сторонъ заявлено было желаніе, чтобы проектъ, выработанный комиссіею, еще до утвержденія его высшею властью, былъ вновь подвергнутъ разсмотрѣнію земствъ или особыхъ губернскихъ комитетовъ, въ родѣ тѣхъ, которые были учреждены во время подготовительныхъ работъ къ отмѣнѣ крѣпостного

права. Наше мнѣніе объ опросѣ земскихъ собраній извѣстно читателямъ „Вѣстника Европы“; во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь идетъ не о какомъ-либо мѣстномъ интересѣ, эта форма обращенія къ общественному суду крайне неудовлетворительна и неудобна. Конечно, лучше спросить земскія собранія, чѣмъ приготовить законопроектъ исключительно въ тиши канцелярій; но для того, чтобы узнать мнѣніе земства, есть другія средства, о которыхъ мы подробно говорили въ предыдущемъ обзорѣ. Способъ избранія свѣдущихъ людей, которые будутъ призваны къ участію въ трудахъ комиссій, до сихъ поръ еще не опредѣленъ; ничто не мѣшаетъ предоставить указаніе ихъ самимъ земствамъ, съ тѣмъ, чтобы крестьяне участвовали въ этомъ на равныхъ, по меньшей мѣрѣ, правахъ съ горожанами и землевладѣльцами. При такомъ составѣ свѣдущихъ людей, передача выработаннаго комиссіею проекта на разсмотрѣніе земскихъ собраній была бы совершенно излишней, тѣмъ болѣе, что земскія собранія имѣли уже возможность высказаться по главному вопросу и въ большинствѣ случаевъ широко воспользовались этою возможностью. Реформа мѣстнаго управленія и самоуправленія представляется неотложною; между тѣмъ, вторичный опросъ земскихъ собраній отдалитъ бы ее на долгое время. Мнѣнія, высказанныя собраніями, опять пришлось бы группировать, сличать между собою, обсуждать въ общемъ и въ подробностяхъ; работу, однажды сдѣланную, пришлось бы повторить сънова и, что всего важнѣе, повторить безъ всякихъ ручательствъ въ томъ, что это повлечетъ за собою переѣму къ лучшему. Каждое собраніе будетъ разсматривать проектъ съ своей точки зрѣнія, не зная всѣхъ аргументовъ противной стороны. Нововведенія или поправки, предложенныя однимъ собраніемъ, останутся неизвѣстными другимъ, а слѣдовательно и непровѣренными. Большинство голосовъ, если оно и образуется по тому или другому вопросу, будетъ только мнимымъ, потому что при возможности состязанія, препій, вопросъ былъ бы рѣшенъ, можетъ быть, совершенно иначе. Комиссія придется дѣлать выборъ между противоположными мнѣніями, безъ всякой прочной точки опоры, безъ всякой руководящей нити, развѣ если въ составъ ея будутъ вновь приглашены свѣдущіе люди,—но въ такомъ случаѣ центромъ тяжести опять сдѣлается голосъ свѣдущихъ людей, а не голосъ земскихъ собраній; дѣло опять возвратится къ тому пункту, на которомъ оно стояло до переноса его въ земскія собранія. Все сказанное о земскихъ собраніяхъ вполне примѣнимо къ губернскимъ комитетамъ, единственное преимущество которыхъ могло бы заключаться въ ихъ составѣ, т. е. въ меньшемъ, сравнительно съ губернскими земскими

собраніями, преобладаніи землевладѣльческаго элемента *); но мы уже видѣли, что преобладаніе это можетъ быть ограничено при самомъ выборѣ свѣдущихъ людей. Помимо разницы въ составѣ, губернскіе комитеты, тамъ, гдѣ введены земскія учрежденія, очевидно, не имѣютъ никакого права на существованіе. Тѣмъ, кто ссылается на примѣръ конца пятидесятихъ годовъ, слѣдовало бы припомнить, что тогда не было другой формы для выраженія желаній и взглядовъ общества, и что разсмотрѣніе дѣла въ губернскихъ комитетахъ предшествовало разсмотрѣнію его въ редакціонной комиссіи. Роль послѣдней играетъ, по вопросу о реформѣ мѣстнаго управленія, комиссія, состоящая подъ предсѣдательствомъ М. С. Каханова; роль губернскихъ комитетовъ уже сыграна земскими собраніями, при обсужденіи ими декабрьскаго циркуляра. Представленіемъ отвѣтовъ на этотъ циркуляръ и сенаторскихъ ревизіонныхъ отчетовъ закончился приготовительный фазисъ работы; въ томъ періодѣ, въ который она теперь вступаетъ, необходимо только совѣщаніе свѣдущихъ людей, устроенное на широкихъ и правильныхъ основаніяхъ.

Реформа мѣстнаго управленія и самоуправленія должна обнимать собою всю Россію, за исключеніемъ развѣ такихъ мѣстностей, которыя недавно присоединены къ имперіи и населеніе которыхъ стоитъ на крайне низкой степени развитія (какъ, напр., Туркестанскій край). Другими словами, она должна идти рука объ руку съ распространеніемъ земскихъ учрежденій, въ ихъ преобразованномъ видѣ, на тѣ области, въ которыхъ они еще до сихъ поръ не введены, несмотря на полную къ тому возможность. Это явствуетъ изъ самаго текста правительственнаго сообщенія, признающаго живую связь между администраціей и общественнымъ управленіемъ—необходимымъ условіемъ „устройства мѣстнаго управленія, проникнутаго во всѣхъ своихъ частяхъ единствомъ руководящаго начала“. Еслибы осуществленіе административной и земской реформы одновременно съ повсемѣстнымъ введеніемъ въ дѣйствіе земскихъ учрежденій оказалось почему-либо неудобнымъ, еслибы соединеніе этихъ двухъ мѣръ должно было повлечь за собою значительное замедленіе первой, то слѣдовало бы, во всякомъ случаѣ, составить законъ о мѣстномъ управленіи и самоуправленіи такимъ образомъ, чтобы онъ могъ въ близкомъ будущемъ сдѣлаться общимъ закономъ имперіи. Отдѣльное преобразованіе администраціи въ той или другой полосѣ государства было бы теперь неумѣстно именно потому, что оно могло бы затруд-

*) Губернскіе комитеты, обсуждавшіе способъ отѣны крѣпостного права, состояли исключительно изъ дворянъ; но о такомъ составѣ ихъ въ настоящее время, конечно, не можетъ быть и рѣчи.

ить позднѣйшее объединеніе законодательства. Комиссія, предсѣдательствуемая М. С. Кахановымъ, должна, по нашему мнѣнію, сдѣлаться единственнымъ средоточіемъ всѣхъ работъ, относящихся къ ея главной задачѣ, все равно, какихъ бы частей имперіи ни касались эти работы. Въ прошедшемъ году, одновременно съ утвержденіемъ закона о введеніи въ остзейскихъ губерніяхъ судебна-мировыхъ учреждений, рѣшено было приступить къ преобразованію въ тѣхъ же губерніяхъ крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ. Съ этою цѣлью была учреждена особая комиссія, въ настоящее время, насколько намъ извѣстно, окончившая свой трудъ и составившая проектъ положенія объ участковыхъ начальникахъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ и проектъ волостного судебного устава для тѣхъ же губерній. Первый изъ этихъ проектовъ такъ тѣсно связанъ съ общимъ вопросомъ о реформѣ мѣстнаго управленія, что едва ли можетъ быть предметомъ отдѣльнаго разсмотрѣнія. Прибалтійскія губернія имѣютъ нѣкоторыя особенности, но онѣ не столь велики, чтобы административныя учрежденія края не могли быть согласованы съ учрежденіями имперіи. Лучшій моментъ для такого согласованія—именно, передѣлка всего административнаго строя. Распространять кругъ дѣйствія существующей системы мѣстнаго управленія, съ ея разрозненностью, съ ея противорѣчіями, съ ея формализмомъ, значило бы ставить наружное единообразіе выше внутренняго достоинства учреждений; примѣненіе къ западнымъ окраинамъ новой административной организаціи, удовлетворяющей требованіямъ времени, будетъ, наоборотъ, и для этихъ окраинъ шагомъ впередъ, въ которомъ давно чувствуется потребность. Пока у насъ господствовало старое судопроизводство, отжившее и глубоко испорченное, никто не предлагалъ пересадить его въ остзейскій край или царство польское; какъ только вошли въ силу судебныя уставы 1864 г., повсемѣстное введеніе ихъ было рѣшено въ принципѣ и сдѣлалось только вопросомъ времени. Пока русскіе города пользовались только тѣнью самоуправленія, городскія учрежденія Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи оставались неприкосновенными; новое Городовое Положеніе, семь лѣтъ спустя послѣ его изданія, сдѣлалось закономъ и для прибалтійскихъ губерній. Наши дворянскія собранія не были опасными соперниками для остзейскихъ ландтаговъ, но передъ земскими учрежденіями ландтаги неминуемо должны отступить, и дни ихъ, по всей вѣроятности, уже сосчитаны. Такимъ же путемъ пойдетъ, безъ сомнѣнія, сліяніе остзейскаго законодательства съ русскимъ, и по отношенію къ административнымъ учрежденіямъ. Эпоха преобразованій въ русскомъ государственномъ организмѣ—не время для частичныхъ поправокъ въ мѣстныхъ законахъ; помимо возможныхъ противорѣчій,

незачѣмъ заботиться объ усовершенствованіи того, что не сегодня, такъ завтра должно совсѣмъ исчезнуть. Въ особенности опасны частичныя поправки тамъ, гдѣ существующій порядокъ наиболѣе далекъ отъ духа предпринимаемой реформы. Какъ бы ни было устроено наше будущее мѣстное управленіе, въ одномъ можно быть увѣреннымъ заранѣе: что оно скорѣе уменьшится, нежели увеличится различіе между сословіями, что оно будетъ новымъ шагомъ впередъ къ равноправности, составляющей основу всѣхъ преобразованій предстоящаго царствованія. Въ остзейскомъ краѣ сословность держится несравненно крѣпче, чѣмъ въ Россіи; поколебать ее можетъ только примѣненіе къ прибалтійскимъ губерніямъ новыхъ общерусскихъ законовъ, а отнюдь не развитіе или видоизмѣненіе мѣстныхъ законовъ, по необходимости вѣрное той почвѣ, на которой оно происходитъ. Устраненіемъ тѣхъ или другихъ второстепенныхъ неудобствъ коренная реформа можетъ быть только затруднена, но прежнему оставаясь необходимой. Сохраненіе, на короткое время, дѣйствующаго порядка—меньшее изъ двухъ золъ, сравнительно съ такой починкой, которая замазываетъ трещины и возбуждаетъ мысль, что можно обойтись безъ перестройки.

Преобразование крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ въ остзейскомъ краѣ вызвано тѣмъ, что къ кругу дѣйствій этихъ мѣстъ (приходскихъ судовъ — въ Лифляндіи и Эстляндіи, уѣздныхъ судовъ — въ Курляндіи) принадлежатъ въ настоящее время многія судебныя дѣла, имѣющія перейти въ вѣдомство мировыхъ судебныхъ учрежденій. Замѣнить приходскіе и уѣздные суды, по отношенію къ дѣламъ крестьянскаго управленія, предполагается участковыми начальниками, съ тѣмъ, чтобы они были избираемы въ томъ же порядкѣ и на томъ же основаніи, какъ и мировые судьи, т.-е. окружными избирательными собраніями, изъ числа землевладѣльцевъ, получившихъ высшее или среднее образованіе. Напомнимъ, что по закону 28-го мая 1880 года окружныя избирательныя собранія для выбора мировыхъ судей образуются депутатами отъ мировыхъ участковъ, избираемыми въ свою очередь, въ равномъ числѣ, участковыми сѣздами землевладѣльцевъ и волостныхъ старшинъ ¹⁾. Этихъ немногихъ данныхъ достаточно для того, чтобы показать важность вопросовъ, разрѣшаемыхъ проектомъ положенія объ участковыхъ начальникахъ и тѣсную связь ихъ съ вопросами, поставленными на очередь для всей имперіи. Коммиссія, предсѣдательствуемой М. С. Кахановичемъ, предстоитъ

¹⁾ Въ выборѣ мировыхъ судей участвуютъ еще депутаты отъ городовъ, но къ участию въ выборѣ участковыхъ начальниковъ ихъ предполагается не допускать, за исключеніемъ города Риги, имѣющаго такъ-называемый патримоніальный округъ.

рѣшить, необходимы ли — помимо сельскихъ крестьянскихъ властей — особыя присутственныя мѣста или должностныя лица для завѣдыванія крестьянскими дѣлами; специальная коммиссія, работающая надъ преобразованіемъ крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ въ остзейскомъ краѣ, даже не ставитъ этого вопроса, очевидно считая утвердительное разрѣшеніе его не подлежащимъ никакому спору. Первая коммиссія будетъ имѣть въ виду мнѣнія многихъ земствъ о созданіи всесословной волости, съ широкимъ осуществленіемъ въ ней принципа самоуправленія, съ правомъ самообложенія и избранія волостныхъ властей; вторая коммиссія проектируетъ порядокъ, прямо противоположный этимъ началамъ. Первой коммиссіи придется, безъ сомнѣнія, выслушать много голосовъ въ пользу такого устройства мѣстнаго управленія и самоуправления, при которомъ оно не могло бы сдѣлаться монополіей одного сословія; вторая коммиссія устанавливаетъ для участковыхъ начальниковъ такой имущественный и образовательный цензъ, который дѣлаетъ эту должность фактически доступной для однихъ только дворянъ-землевладѣльцевъ ¹⁾. Въ окружныхъ избирательныхъ собраніяхъ, созданныхъ для остзейскаго края закономъ 1880 года, число депутатовъ отъ крестьянъ будетъ равняться, правда, числу депутатовъ отъ землевладѣльцевъ; но не слѣдуетъ забывать, что остзейскіе мировые округа весьма обширны (нѣкоторые изъ нихъ обнимаютъ собою два уѣзда), что окружныя собранія будутъ собираться только разъ въ три года, исключительно для выборовъ, что соглашеніе между депутатами отъ крестьянъ будетъ поэтому настолько же затруднительно, насколько легко соглашеніе между землевладѣльцами. Если прибавить ко всему этому, что депутаты отъ крестьянъ въ окружное собраніе избираются волостными старшинами, т. е. лицами, зависящими отъ начальства, и что вліяніе дворянъ-землевладѣльцевъ въ остзейскомъ краѣ вообще гораздо сильнѣе, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, то не трудно себѣ представить, въ какой степени проектъ преобразованія крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ идетъ въ разрѣзъ съ желательными и возможными основаніями общей административной реформы. Повторяемъ, это и не могло быть иначе, разъ что передѣлка предпринята на почвѣ дѣйствующихъ мѣстныхъ узаконеній. Оставаясь по возможности близкимъ къ существующему порядку, проектъ положенія объ участковыхъ начальникахъ признаетъ отпаденіе этой должности, для эстляндской губерніи, безъ

¹⁾ Большинство двухъ третей голосовъ, по проекту коммиссіи, могутъ быть избраны въ участковые начальники и такія лица, которые не имѣютъ установленнаго имущественнаго ценза, но образовательный цензъ требуется безусловно.

возмезднымъ, именно потому, что въ Эстляндіи издавна вкоренился принципъ безвозмездной службы. Мировые судьи—учрежденіе общее для всей имперіи, участковые начальники—учрежденіе мѣстное; вотъ почему назначеніе первымъ содержанія, безъ всякаго исключенія относительно Эстляндіи, не противорѣчитъ, по мнѣнію комиссіи, безвозмездному служенію эстляндскихъ участковыхъ начальниковъ. Въ чьихъ интересахъ сохраненіе безвозмездной службы въ остзейскихъ губерніяхъ—это понятно само собою.

Проектъ волостного судебного устава для прибалтійскихъ губерній, составленный тою же комиссіей, какъ и проектъ положенія объ участковыхъ начальникахъ—работа весьма цѣнная, обнимающая собою и устройство волостныхъ судовъ, и правила производства въ нихъ дѣлъ гражданскихъ, охранительныхъ и уголовныхъ, и правила о взысканіяхъ, налагаемыхъ волостными судами. Потребность въ такомъ уставѣ несомнѣнно существуетъ и для волостныхъ судовъ имперіи. Къ изданію особыхъ правилъ для волостныхъ судовъ остзейскаго края мы не видимъ никакихъ основаній; трудомъ комиссіи слѣдовало бы, какъ намъ кажется, воспользоваться для составленія общаго волостного судебного устава, одинаково примѣнимаго ко всей Россіи. Обычаевъ, которыми въ разныхъ мѣстахъ руководствуется крестьянское населеніе, такой уставъ вовсе бы не коснулся; онъ опредѣлялъ бы только предѣлы власти волостныхъ судовъ, формы судопроизводства, характеръ и размѣръ взысканій, т.-е. такія правила, которыя нисколько не зависятъ отъ мѣстныхъ условий. Не входя въ подробный разборъ проекта, составленнаго комиссіей, мы остановимся только на одномъ вопросѣ первостепенной важности,—вопросѣ объ устройствѣ апелляціонной инстанціи для дѣлъ, подвѣдомственныхъ волостнымъ судамъ. Необходимость такой инстанціи не подлежитъ никакому сомнѣнію; практика нашихъ крестьянскихъ присутствій достаточно доказала безсиліе кассации, примѣненной къ рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, и невозможность оставить ихъ безъ всякой повѣрки. Однажды допустивъ обжалованіе этихъ рѣшеній по существу, трудно обойти мирового судью, какъ ближайшій къ населенію органъ общей судебной власти; спорный вопросъ заключается только въ томъ, слѣдуетъ ли предоставить разсмотрѣніе жалобъ на волостные суды мировому судѣ единолично, или коллегіи, составленной изъ мирового судьи и нѣсколькихъ волостныхъ судей. Комиссія разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ первомъ смыслѣ, на томъ преимущественно основаніи, что соединеніе въ одной инстанціи разнородныхъ элементовъ имѣло бы чисто механическій характеръ. Мировой судья знакомъ съ законами; волостные судьи рѣшаютъ дѣла по совѣсти. Участіе волостныхъ судей въ разрѣшеніи

дѣлъ привело бы, по мнѣнію комиссіи, къ двоякаго рода результатамъ: или голосъ мирового судьи былъ бы подавленъ численностью крестьянскихъ голосовъ, или крестьяне подчинились бы авторитету мирового судьи. Въ первомъ случаѣ перевѣсъ волостныхъ судей могъ бы вредно отразиться на дѣлѣ, и участіе мирового судьи въ рѣшеніи дѣла было бы излишнимъ; во второмъ случаѣ коллегія существовала бы только по имени. Что касается до взгляда крестьянъ на спорный вопросъ, то мировой судья всегда можетъ узнать его изъ рѣшенія волостного суда. Съ этими доводами комиссіи невозможно согласиться. Она признаетъ доказаннымъ то, что еще требуется доказать; она считаетъ вреднымъ перевѣсъ волостныхъ судей, не объясняя, почему онъ вреднѣе полномасштаба мирового судьи. Если волостные суды неспособны къ правильному рѣшенію дѣлъ въ апелляціонной инстанціи, подъ руководствомъ и наблюденіемъ мирового судьи, то на какомъ же основаніи можно признавать ихъ способными къ правильному рѣшенію дѣлъ въ волостномъ судѣ, гдѣ единственнымъ совѣтникомъ ихъ является писарь? Неужели нѣтъ и не можетъ быть середины между полною безгласностью волостныхъ судей передъ мировымъ судьей и полнымъ невниманіемъ первыхъ къ указаніямъ и разъясненіямъ послѣдняго? Откуда мировой судья, предоставленный самому себѣ, почерпнетъ свѣдѣнія объ истинномъ значеніи крестьянскаго обычая, когда смыслъ его толкуется различно въ обжалованномъ рѣшеніи и въ апелліаціи? Отмѣна рѣшеній волостного суда единолично мировымъ судьей весьма легко можетъ оказаться равносильной совершенному уничтоженію волостного суда или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ особенностей его, которыя дѣлаютъ его дорогимъ для крестьянскаго населенія хранителемъ народныхъ обычаевъ и преданій. Совмѣстная дѣятельность мирового судьи и волостныхъ судей признается невозможной въ виду того, что мировой судья привыкъ рѣшать дѣла по закону, волостные судьи — по совѣсти; но развѣ болѣе нормаленъ такой порядокъ вещей, при которомъ дѣло, въ первой инстанціи рѣшенное по совѣсти, во второй инстанціи разрѣшалось бы исключительно по закону? Намъ кажется, что всего правильнѣе было бы организовать апелляціонную инстанцію для дѣлъ, подвѣдомственныхъ волостнымъ судамъ, по образцу суда присяжныхъ, т.-е. предоставить рѣшеніе дѣлъ по существу волостнымъ судьямъ, приглашаемымъ по очереди изъ разныхъ судовъ мирового участка, а на мирового судью возложить только управленіе ходомъ засѣданія, разъясненіе спорныхъ вопросовъ и — въ дѣлахъ уголовныхъ — опредѣленіе наказанія, которому долженъ быть подвергнутъ подсудимый, признанный виновнымъ волостными судьями. При такомъ распредѣленіи обязанностей и правъ между мировымъ

судью и волостными судьями, безусловно господствующая или безусловно пассивная роль была бы одинаково немислима какъ для перваго, такъ и для послѣднихъ; дѣла рѣшались бы въ обѣихъ инстанціяхъ на основаніи тѣхъ же самыхъ началъ; народнымъ обычаямъ не угрожаа бы опасность; мировой судья не могъ бы сдѣлаться распорядителемъ и хозяиномъ волостной юстиціи. Просьбы о кассациіи рѣшеній, постановленныхъ апелляціонною инстанціею, слѣдовало бы допустить лишь въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ онѣ могутъ быть приносимы на рѣшенія суда присяжныхъ. Само собою разумѣется, что все сказанное нами касается не однихъ только остзейскихъ губерній, но и всей Россіи; замѣтимъ одно: въ прибалтійскомъ краѣ право мирового судьи отиѣнять своею властью рѣшенія волостныхъ судовъ и постановлять новыя рѣшенія—было бы, по понятнымъ причинамъ, еще опаснѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ имперіи.

Предоставленіе мировымъ судьямъ участія въ разсмотрѣніи апелляціонныхъ жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ предполагаетъ одну существенно важную переиѣну въ карательной власти этихъ судовъ: лишеніе ихъ права присуждать къ тѣлесному наказанію. Говорить о безиравственности и вредѣ этой формы наказаній мы не будемъ; давно уже осужденная въ принципѣ нашимъ законодательствомъ, она держится, въ сферѣ волостныхъ и военныхъ судовъ, лишь силою рутинны и едва ли переживаетъ ближайшій пересмотръ этихъ учреждений. Мы хотимъ только указать на то, что нельзя вносить въ область новаго суда, созданнаго великою реформою 1864-го года, чуждый ему остатокъ старины, нельзя допустить, чтобы мировые судьи освящали своими приговорами отвратительный видъ расправы, противъ котораго начинаетъ вооружаться и народное чувство. Мы знаемъ, что окружнымъ судамъ приходится иногда приговаривать къ тѣлесному наказанію (бродягъ, дающихъ ложныя показанія о своей личности, ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ); но одна аномалія не оправдываетъ еще другую, и притомъ для окружныхъ судовъ тяжелая необходимость представляется крайне рѣдко, между тѣмъ какъ въ практикѣ волостныхъ судовъ присужденіе къ тѣлесному наказанію—явленіе весьма обычное. Если намъ возразятъ, что въ волостномъ судебномъ уставѣ тѣлесное наказаніе можетъ быть сдѣлано факультативнымъ, т.-е. усмотрѣнію суда предоставленъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, выборъ между этимъ наказаніемъ и арестомъ или денежнымъ штрафомъ ¹⁾, то мы отвѣ-

¹⁾ Въ такомъ именно смыслѣ составленъ проектъ волостного судебного устава для прибалтійскихъ губерній, допускающій, къ сожалѣнію, тѣлесное наказаніе не только за кражу, но и за ссоры, брань и ругательства въ публичномъ мѣстѣ, за

тимъ на это слѣдующей дилеммой: или мировые судьи никогда не будутъ назначать тѣлеснаго наказанія, всегда будутъ замѣнять его другимъ взысканіемъ—въ такомъ случаѣ, оно обратится въ мертвую букву, подлежащую исключенію изъ устава,—или нѣкоторые мировые судьи станутъ пользоваться данною имъ властью—и въ такомъ случаѣ землевладѣльцы, изъ среды которыхъ избираются мировые судьи, приобретутъ крайне опасное право по отношенію къ крестьянамъ,—право, могущее извратить характеръ мирового института. Въ примѣненіи къ остзейскимъ губерніямъ второе предположеніе гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ первое; но безусловно отвергать его нельзя и по отношенію къ внутреннимъ губерніямъ Россіи. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что подчиненіе волостныхъ судовъ мировымъ судьямъ, съ сохраненіемъ въ числѣ взысканій, налагаемыхъ волостнымъ судомъ, а слѣдовательно и мировыми судьями, тѣлеснаго наказанія, показалось бы въ иныхъ мѣстахъ возвращеніемъ къ одной изъ самыхъ ненавистныхъ сторонъ крѣпостного права или, по крайней мѣрѣ, попыткой возстановить его частицу, подъ прикрытіемъ судебного приговора. Какое впечатлѣніе можетъ произвести на массы всякая мысль о подобной попыткѣ—это не требуетъ объясненій.

Чувства и взгляды, господствующіе среди крестьянскаго населенія—это такой факторъ, съ которымъ вообще слѣдуетъ считаться, при всякой реформѣ крестьянскаго суда и крестьянскаго управленія. Незачѣмъ скрывать отъ себя, что недовѣріе къ помѣщикамъ, завѣщанное крѣпостнымъ правомъ, еще весьма сильно между крестьянами, распространяясь, въ болѣе или меньшей степени, на весь такъ называемый образованный классъ. Крестьянскія учрежденія крайне неудовлетворительны, и недостатки ихъ сознаются какъ нельзя лучше самими крестьянами; но еслибы предстоялъ выборъ между сохраненіемъ ихъ въ настоящемъ ихъ видѣ и установленіемъ, вмѣсто нихъ, чего-то въ родѣ остзейскихъ порядковъ, хотя бы пересмотрѣнныхъ и усовершенствованныхъ, огромное большинство крестьянъ, безъ сомнѣнія, высказалось бы за первое, какъ за меньшее изъ золъ, и притомъ зло привычное, устранимое, рано или поздно, собственными усиліями крестьянства. Бесѣдуя съ крестьянами, участвуя въ обсужденіи однимъ изъ уѣздныхъ земскихъ собраній вопроса о преобразованіи крестьянскаго управленія, мы еще болѣе прежняго убѣдились въ томъ, что переимѣной къ лучшему народъ сочтетъ только такой порядокъ, при которомъ будетъ возможна сово-

появленіе пьянымъ до безпамятства или безобразія, за прошеніе милостыни по лѣнѣ и привычкѣ къ праздности, за обиду дѣйствіемъ и т. под.

купная дѣятельность всѣхъ сословій, но не искусственное преобладаніе меньшинства. Всесословная волость, какъ самостоятельная, самоуправляющаяся единица, въ которой землевладѣльцы будутъ нести одинаковое съ крестьянами податное бремя, въ которой исполнительная власть будетъ одинаково доступна для тѣхъ и другихъ, можетъ быть принята крестьянами довѣрчиво и сочувственно; все-сословная волость, управляемая сверху, хотя бы и земскими выборными людьми, но принадлежащими, въ силу имущественнаго и образовательнаго ценза, къ сословію землевладѣльцевъ, вызоветъ по меньшей мѣрѣ пассивное противодѣйствіе, о которое разобьются даже самыя добросовѣстныя усилія. Само собою разумѣется, что мы не беремся ни говорить отъ имени народа, ни предсказывать будущее; мы выражаемъ наше личное убѣжденіе, основанное не на одномъ только теоретическомъ изученіи вопроса. Самою важною изъ всѣхъ задачъ, поставленныхъ на очередь, мы считаемъ не устройство губерній, не устройство уѣзда, а именно устройство волости, самой малой земской единицы. Оно можетъ либо проложить путь къ сліянію сословій, къ забвенію прошлаго, къ взаимному довѣрію и согласію, либо усилить ровнь между различными классами населенія, обострить антагонизмъ, теперь мало замѣтный, но въ сущности сильный и глубокий.

Читателямъ нашихъ обозрѣній можетъ показаться, что взглядъ нашъ на всесословную волость расходится съ мнѣніемъ К. Д. Кавелина, высказаннымъ въ послѣдней статьѣ его о „Крестьянскомъ вопросѣ“ („Вѣстникъ Европы“, № 11, стр. 95 — 103). Почтенный знатокъ крестьянскаго быта настаиваетъ на необходимости различать дѣла земскаго и крестьянскаго управленія, смѣшиваемыя теперь и на практикѣ, и въ теоріи; послѣднія должны быть тщательно отдѣлены отъ первыхъ и оставлены въ завѣдываніи самихъ крестьянъ. „Крестьянскому самоуправленію“, говоритъ авторъ, „должны быть предоставлены одни лишь домашнія крестьянскія общественныя дѣла, въ границахъ сельской и волостной территоріи; но волости не должны быть обширны; надобно, чтобы онѣ обнимали лишь ближайшее сосѣдство, за предѣлы котораго связи и частныя сношенія, а съ нимъ общественный смыслъ и общественное участіе у крестьянъ не простираются“. Дѣла не специально крестьянскія, какъ-то: по народному продовольствію, по народному образованію, полиціи, народнаго здравія, путямъ сообщенія, по части строительной, пожарной, торговой, фабричной, ремесленной и т. п., должны, по мнѣнію К. Д. Кавелина, перейти всецѣло въ завѣдываніе общихъ мѣстныхъ учреждений и властей. Если припомнить, что мы всегда

высказывались за неприкосновенность сельской общины и сельского общества, т.-е. сельского или специально-крестьянского самоуправления, что въ кругъ дѣйствій всесословной волости мы включали именно тѣ дѣла, которыя К. Д. Кавелинъ относитъ къ вѣдомству общинъ, т.-е. всесословныхъ учрежденій, то разница между обоими мнѣніями сведется къ одному второстепенному пункту: К. Д. Кавелинъ признаетъ нужнымъ сохранить крестьянскую волость, тогда какъ въ нашей системѣ для нея между сельскимъ обществомъ и мелкой земской единицей не остается мѣста. Съ дѣлами специально-крестьянскими сельское общество несомнѣнно можетъ справиться безъ помощи и участія волости. Къ числу такихъ дѣлъ К. Д. Кавелинъ относитъ прекращеніе, на всемъ пространствѣ крестьянской территоріи, всякихъ дѣйствій и фактовъ, нарушающихъ личную неприкосновенность и безопасность, а также владѣніе и имущественныя права; задержаніе людей, совершившихъ преступленіе; раскладку, сборъ и внесеніе куда слѣдуетъ денежныхъ податей; распределеніе натуральныхъ повинностей между лицами, принадлежащими къ составу сельского или волостного общества; составленіе и представленіе списковъ лицъ, обязанныхъ отбывать воинскую повинность; завѣдываніе и распоряженіе землями, входящими въ составъ общественной территоріи, и вообще движимымъ и недвижимымъ крестьянскимъ имуществомъ, въ предѣлахъ правъ, принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; наконецъ, призрѣніе сиротъ и бѣдныхъ. Всѣ эти дѣла, кромѣ распределенія волостныхъ натуральныхъ повинностей, подлежатъ и теперь вѣдѣнію сельскихъ сходовъ и сельскихъ должностныхъ лицъ (старостъ, десятскихъ, сборщиковъ податей), а натуральныя повинности, касающіяся не одного только сельского общества, всего справедливѣе возложить на всѣхъ жителей данной мѣстности, т.-е. на всесословную волость ¹⁾. Въ дѣлѣ призрѣнія сиротъ и бѣдныхъ на помощь сельскимъ обществамъ также должна придти всесословная волость, къ кругу дѣйствій которой это относится на томъ же основаніи, какъ и забота о народномъ образованіи, охраненіе народного здоровья, принятіе общихъ мѣръ предосторожности отъ огня и т. п. На долю крестьянской волости остается, такимъ образомъ, только надзоръ за сельскими обществами; но удерживать ее для одной этой функціи очевидно не стоитъ, тѣмъ болѣе, что разсмотрѣніе жалобъ на сельскихъ старостъ и сельскіе сходы можетъ быть предоставлено или сходу и старшинѣ всесословной волости, или осо-

¹⁾ Мы имѣемъ въ виду при этомъ возможность отправлять натуральную повинность—какъ это дѣлается, напримѣръ, во Франціи—либо личнымъ трудомъ, либо соотвѣствующимъ денежнымъ взносомъ.

бымъ крестьянскимъ судамъ, которые предлагаетъ К. Д. Кавелинъ. Для такихъ судовъ въ волости всесословной точно также нашлось бы мѣсто, какъ и для нынѣ дѣйствующихъ волостныхъ судовъ. Прибавимъ еще, что учрежденіе всесословной волости или вообще мелкой земской единицы въ такомъ лишь случаѣ не ляжетъ новымъ податнымъ бременемъ на крестьянское населеніе, если послѣднее будетъ освобождено отъ значительной части платимыхъ имъ теперь такъ называемыхъ мірскихъ сборовъ. Такой результатъ можетъ быть достигнутъ только упраздненіемъ крестьянскихъ волостей и обращеніемъ на всесословную волость части расходовъ по содержанію сельскихъ должностныхъ лицъ, полезныхъ и необходимыхъ не для одного крестьянскаго населенія.

Къ числу комиссій, готовящихъ проекты реформъ, присоединилась недавно комиссія для обсужденія тѣхъ мѣръ, которыя могли бы быть приняты съ цѣлью улучшенія театральнаго дѣла. Перечень вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію комиссіи, напечатанъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Разрѣшеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ не представляетъ никакихъ затрудненій; сюда относится, напримѣръ, первый вопросъ: соответствуетъ ли современное положеніе императорскихъ театровъ своему назначенію—доставлять эстетическое удовольствіе и дѣйствовать на нравственное развитіе общества? Другой отвѣтъ, кромѣ безусловно отрицательнаго, здѣсь очевидно невозможенъ. Столь же ясенъ третій вопросъ—какой сценѣ, иностранной или русской, должно быть отдано предпочтеніе; возразить можно только противъ его постановки. О предпочтеніи въ Россіи иностранной сцены передъ русскою, конечно, не можетъ быть и рѣчи; необходимо спросить себя, слѣдуетъ ли вообще оказывать иностранной сценѣ покровительство на государственный счетъ, т.-е. на счетъ народа, громадному большинству котораго она не можетъ дать ни нравственнаго развитія, ни эстетическихъ наслажденій? Прекращеніе всякихъ субсидій французской, нѣмецкой и итальянской сценѣ сдѣлало бы возможнымъ достиженіе цѣли, затронутой во второмъ вопросѣ, т.-е. позволило бы поставить остальныя сцены (русскую оперную и русскую драматическую) на желаемую высоту, безъ новаго обремененія бюджета. Сосредоточивъ всю заботливость свою, всѣ свои средства на двухъ русскихъ сценахъ, управленіе государственными театрами могло бы не опасаться соперничества частныхъ театровъ. Угожденіе модѣ, минутнымъ вкусамъ публики частныхъ театровъ, безъ сомнѣнія, взяли бы на себя; изъ репертуара госу-

дарственныхъ театровъ могло бы быть устранено все то, что не соответствуетъ истинному ихъ назначенію,—назначенію, вѣрно определенному въ первомъ вопросѣ. Оперетки, фарсы, водевили, балеты были бы изгнаны со сцены, широко открытой для лучшихъ произведеній драматическаго искусства. Сбереженія, которыя, по всей вѣроятности, образовались бы отъ ограниченія круга дѣйствій государственныхъ театровъ, могли бы быть обращены на поддержку народныхъ театровъ, не только въ столицахъ, но и во всѣхъ большихъ городахъ, конечно, подъ условіемъ такой организаціи ихъ, при которой вліяніе ихъ на народъ было бы истинно образовательнымъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ГЕРМАНИИ.

Берлинъ, 12 (24) ноября, 1881.

Послѣ выворота.

Третьяго дня окончились послѣднія перебаллотировки, а вчера послѣдовало открытіе новаго рейхстага. Въ императорскомъ посланіи, прочтенномъ кн. Бисмаркомъ, депутатамъ категорически объявляется, что „союзныя правительства рѣшили“ продолжать ту же политику, которая велась въ послѣдніе три года; возвѣщается повторительное внесеніе всѣхъ, многократно уже отвергнутыхъ прежнимъ рейхстагомъ законопроектовъ; настаивается на замѣнѣ прямыхъ податей косвенными; въ трогательныхъ даже выраженіяхъ высказывается твердое намѣреніе улучшить положеніе рабочаго класса, посредствомъ учрежденія корпоративныхъ товариществъ *подъ охраной и руководствомъ государства*; наконецъ, возвѣщается табачная монополія, на счетъ введенія которой имѣется въ виду вызвать (*herbeizuführen*) рѣшенія законодательныхъ учреждений. Въ довершеніе, не забыто даже сокращеніе дѣятельности представительнаго собранія, при помощи продленія законодательнаго періода, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вотированіе бюджета, съ одного года на два, проектъ котораго снова долженъ быть внесенъ въ рейхстагъ. Словомъ, ничего не забыто, все упомянуто, что было отвергнуто прошлымъ рейхстагомъ и всѣмъ населеніемъ страны, только-что наканунѣ подтвердившей новыми выборами рѣшеніе своихъ прежнихъ представителей. Невозможно категоричнѣе заявить, что правительство не отказывается ни отъ одной черты своихъ политическихъ плановъ и намѣрено провести ихъ полностью, несмотря на открытое неодобреніе общественаго мнѣнія.

Между тѣмъ, нынѣшніе выборы были особенно замѣчательны не столько крайне неожиданнымъ результатомъ своимъ, сколько общимъ характеромъ отдѣльныхъ голосованій. Въ нихъ явственно проявилось нѣчто гораздо болѣе грозное, чѣмъ простое неодобреніе общественнымъ мнѣніемъ политики правительства, такъ какъ проявился духъ враждебности массъ къ имперіи. Національ-либералы долгіе годы не даромъ, значить, занимались поисками за „врагами имперіи“. Усматривали они ихъ и въ такъ-называемыхъ партикуляристахъ, желающихъ сохранить автономію мелкихъ государствъ, и въ католи-

какъ, и въ инородцахъ, скромно заявлявшихъ претензію учиться рядомъ съ нѣмцами и своему родному языку; во всѣхъ, кто осмѣливался высказать предположеніе, что на свѣтѣ могутъ существовать еще и инныя права и потребности, кромѣ правъ и потребностей государства, и инныя идеи, кромѣ имперской. Потомъ, эту задачу взяли на себя офиціозы. Состоя при канцлерѣ на жалованьи въ качествѣ присяжныхъ охранителей имперіи и имперской идеи, эти господа мало-по-малу усвоили себѣ привычку причислять къ „врагамъ“ вѣрнопной ихъ охранѣ имперіи всѣхъ, кто позволялъ себѣ въ чемъ бы то ни было противорѣчить кн. Бисмарку. Прогрессисты стремятся къ парламентаризму, жаждутъ сохраненія политическихъ правъ народа—враги имперіи! Буржуазія тоже не жаждетъ поступиться своими дорого купленными политическими правами и, признавая вполне необходимость социальна-экономическихъ реформъ, соглашалась на нихъ, требуетъ однакоже, чтобы эти реформы основаны были на началахъ индивидуальной свободы, а не на социалистскихъ началахъ поглощенія общества и личности всемогущимъ государствомъ; буржуазія—врагъ имперіи! Ученый историкъ, или юристъ, доказываетъ въ научномъ произведеніи, что принципы „железа и крови“ не могутъ составлять краеугольнаго камня государственнаго обществія вообще и менѣе всего удобны въ примѣненіи къ внутренней жизни государства, что война представляетъ великое народное бѣдствіе и проявленіе животныхъ, а не высшихъ и благороднѣйшихъ человѣческихъ инстинктовъ; и они—враги имперіи! Публицистика позволяетъ себѣ критически относиться къ дѣйствіямъ правительства и въ частности подвергаетъ критикѣ дѣятельность того или другого представителя администраціи, публицистика—врагъ имперіи! Депутатъ въ парламентѣ осмѣливается разбирать рѣчь канцлера и не каждое слово въ ней признаетъ верхомъ мудрости и совершенства—врагъ имперіи, и т. д. и т. д. Врагами наполнилась вся имперія, а интеллигенція безусловно попала въ число враговъ, не исключая и самихъ добровольныхъ сыщиковъ—національ-либераловъ, которые, съ своей стороны, все-таки не прекращали сыска. Но въ жару неумоимыхъ поисковъ и щедро сыпавшихся обвиненій, ни національ-либералы, ни офиціозы не замѣчали, какъ вокругъ нихъ, въ сторонѣ отъ большой сцены политической борьбы, росли и множились настоящіе враги имперіи,—враги, которые не высказываютъ своихъ чувствъ въ краснорѣчивыхъ тирадахъ съ ораторской трибуны, не излагаютъ ихъ въ книгахъ и на страницахъ газетъ, но у которыхъ эти чувства тѣмъ глубже западаютъ въ душу и тѣмъ прочнѣе коренятся въ ней. Въ массы, въ глубь народа, проникло отвращеніе къ системѣ насилья и лжи, внесенной въ государственную жизнь имперскимъ періо-

домъ,—и эту систему, отъ которой онъ страдаетъ и матеріально, и нравственно, народъ въ своемъ сознаніи отождествилъ съ имперской идеей. Наибольшая часть народной враждебности обратилась на то, что въ глазахъ массы составляетъ видимое олицетвореніе имперіи—на армію. Самыя, можетъ быть, искреннѣйшія обѣщанія правительства, самыя сердечно добросовѣстныя желанія его помочь „обездоленнымъ“ принимаются этими послѣдними съ недовѣріемъ, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ отталкиваются совсѣмъ, потому единственно, что за обѣщающими стоитъ громадная армія, и никто не выражаетъ ни малѣйшаго намѣренія уменьшить ее хоть на одинъ баталіонъ. Преимущества буржуазіи, часто по истинѣ скандальное богатство, выставленное на показъ разжирѣвшими биржевиками, сравнительное благосостояніе евреевъ и успѣхъ, котораго они умѣютъ достичь во всѣхъ сферахъ, куда проникаютъ,—все это возбуждаетъ въ бѣдномъ простомъ людѣ зависть и злобу. Но эти чувства блѣднѣютъ и исчезаютъ передъ той ненавистью, какую вызываетъ въ немъ видимое предпочтеніе, отдаваемое правительствомъ и администраціей солдатамъ, и ихъ, т.-е. правительства и администраціи, стараніе всюду ввести армейскій строй и все подчинить военной дисциплинѣ.

Теперь, послѣ выборовъ, каждая партія старается по-своему объяснить ихъ неожиданный результатъ Консерваторы обвиняютъ либераловъ въ подкупѣ избирателей, а собственныхъ своихъ вождей въ недостаточной организаціи партій и въ неумѣніи вести дѣло. Торжествующіе прогрессисты громко заявляютъ, что побѣда досталась имъ вслѣдствіе неуклонной оппозиціи ихъ экономическимъ планамъ князя Бисмарка; что весь народъ и въ частности ремесленные классы радѣляютъ ихъ программу безграничной экономической свободы, и никакихъ измѣненій въ этой области не желаютъ, такъ что вернись правительство къ политикѣ, которую оно вело до 1877 года, все снова пойдетъ какъ по маслу. Оба эти объясненія равно невѣрны, и въ особенности, что касается до всеобщаго довольства существующимъ экономическимъ строемъ: тѣ, кто объ этомъ говоритъ, сами не вѣрятъ своимъ словамъ. За исключеніемъ немногихъ теоретиковъ-идеалистовъ, людей большею частію чрезвычайно честныхъ, но ничего на свѣтѣ не вѣдающихъ, кромѣ своихъ отвлеченныхъ принциповъ,—всѣ, утверждающіе противное, въ глубинѣ души очень хорошо знаютъ, что во всей Германіи нѣтъ не только ни одного класса, но ни одной группы, ни одного отдѣльнаго человѣка, который не стремился бы всѣми силами души къ измѣненію существующаго строя. Даже та часть буржуазіи, которой выгодно господство извѣстнаго принципа: *laissez faire, laissez passer*,—даже и она желаетъ нѣкоторыхъ перемѣнъ,

потому что общее недовольство создаетъ для нея неуверенное, шаткое положеніе, въ высшей степени вредно отзывающееся на дѣлахъ. Вся разница въ томъ, что одни требуютъ реформъ радикальных и, такъ сказать, внезапныхъ, чтобы все сразу измѣнить, изъ конца въ конецъ, а другіе желаютъ соблюсти постепенность и, разумѣется, сдѣлать при этомъ какъ можно менѣе уступокъ. Что касается до низшихъ классовъ, то они безусловно всѣ, отъ нищихъ пролетаріевъ-рабочихъ, до обеспеченныхъ, зажиточныхъ крестьянъ-собственниковъ, недовольны экономическимъ порядкомъ и желаютъ реформъ. Если, несмотря на это желаніе, напряженное и страстное у первыхъ, и болѣе спокойное, но не менѣе глубокое у вторыхъ, всѣ они однако голосовали на выборахъ противъ кандидатовъ, обѣщавшихъ имъ реформы, то только потому, что они *не вѣрятъ правительству*, именемъ котораго давались эти обѣщанія. Не вѣрятъ же они ему главнымъ образомъ потому, что оно содержитъ громадную армію. Возьмѣмъ князь Бисмаркъ счастливую мысль включить въ свою программу уменьшеніе арміи, сокращеніе расходовъ на нее, сокращеніе срока службы и т. п., — можно головой поручиться, что, по крайней мѣрѣ въ Пруссіи, выборы имѣли бы совсѣмъ иной характеръ. Не безусловная экономическая свобода нравится народу, а милитаризмъ надобѣлъ ему, сдѣлался ему противенъ. Поэтому-то народъ и подавалъ голосъ за тѣхъ кандидатовъ, которые (большою частію на словахъ только) стоятъ противъ милитаризма.

Я не голословно говорю такъ: меня убѣдило въ этомъ личное знакомство съ людьми. Относительно общественнаго мнѣнія, положеніе здѣсь, *mutatis mutandis*, то же, что у другихъ. Многоразличные оттѣнки мнѣній образованныхъ классовъ въ достаточной степени выражаются безчисленными органами печати, которыхъ здѣсь существуетъ по нѣскольку для каждаго оттѣнка. Эти мнѣнія можно изучать въ совершенствѣ, не выходя даже изъ кабинета. Но чтобы узнать мнѣніе „народа“, т.-е. тѣхъ низшихъ классовъ общества, которые у насъ подразумеваются подъ этимъ названіемъ, надо пойти къ нему самому и въ устной бесѣдѣ, лично отъ него услышать его мысли. Такъ какъ меня, да, я полагаю, и всѣхъ тоже, болѣе всего интересуетъ мнѣніе именно народа, то я и стараюсь всегда потолковать со всякой мелкотой: съ портными, съ столярами, слесарями, разсылными, извозчиками, дворниками (здѣсь собственно дворниковъ въ нашемъ смыслѣ нѣтъ, но эквивалентъ имъ составляютъ такъ-называемые гаускнехты), разными мелкими торговцами изъ крестьянъ: молочниками, угольщиками и т. п. Въ этомъ мірѣ темныхъ тружениковъ у меня составилъ довольно обширный кругъ знакомства, и всѣ мои пріатели и пріятельницы (съ нѣкоторыхъ поръ тутъ и женщины

стали живо интересоваться политикой) ведутъ со мной курьёзные „политическія“ бесѣды. Въ этихъ-то бесѣдахъ меня поразило поминутное, неизмѣнно въ каждомъ изъ говорящихъ, проявляющееся чувство глубокой ненависти къ милитаризму и граничащаго съ враждебностію равнодушія къ излюбленной буржуазіей имперской идеѣ. И такова сила этого чувства, что она сообщаетъ этимъ простымъ, только только-что грамотнымъ людямъ такую прозорливость и внушаетъ имъ такую мѣткость сужденій, какой отъ нихъ невозможно ожидать.

Вотъ образчикъ мнѣнія одного рабочаго изъ простонародья о „христіанскихъ началахъ“ въ государствахъ: „Христіанскія начала... все это одни разговоры (Redensarten). Точно можно христіанство по командѣ ввести. Они бы лучше, ваши государства-то, не сторожили вѣчно другъ друга, не высматривали, какъ бы улучшить минутку одинъ другому въ глаза впѣниться, тогда и было бы „христіанство“ безъ всякой команды“.—Ужъ будто государства только и дѣлаютъ, что дерутся.—„А извѣстно. Только для этого и живутъ. Чисто какъ охотники дичь изъ засады подстерегаютъ, какъ бы кого пришибить, у кого бы что отнять. А распустили бы они свои арміи, да деньгами, которыхъ онѣ стоѣтъ, поддержали бы „обездоленныхъ“ рабочихъ,—вотъ имъ и было бы настоящее „практическое“ христіанство. А то теперь выходитъ—на языкѣ христіанство, а на дѣлѣ пушки, да ружья, да солдатчина“.

Если въ простонародіи преобладаетъ ненависть къ милитаризму, къ солдатчинѣ, то въ образованныхъ классахъ растетъ и усиливается отвращеніе—именно, не что иное, какъ отвращеніе, почти, можно сказать, физическое—къ инавгурированной вмѣстѣ съ имперскимъ періодомъ политикѣ, къ этому сплетенію всякаго рода насилій, открытыхъ и замаскированныхъ, тайныхъ подвоховъ и явныхъ подлоговъ, закулисныхъ соглашеній и возбужденія низменныхъ инстинктовъ, развращающей поддѣлкѣ общественнаго мнѣнія посредствомъ продажной офиціозной печати, всей этой вообще политической безнравственности, которая составляетъ отличительную черту канцлерской системы управленія. Гордые своимъ умственнымъ превосходствомъ и своей предполагаемой высокой нравственностью, нѣмцы съ ужасомъ увидѣли, что они идутъ въ сущности по стопамъ авантюристской имперіи Наполеона III, съ тою лишь разницей, что тамъ безобразіе внутренняго содержанія хотъ нѣсколько скрашивалось присущей французамъ граціей и легкостію формъ, и отчасти искупалось матеріальнымъ благосостояніемъ народа, а тутъ и того нѣтъ—одна голая, грубая безнравственность, сопровождаемая всеобщимъ обѣдненіемъ, которое увеличивается съ каждымъ днемъ и грозитъ перейти

скоро въ нищету. Самые восторженные поклонники „имперской идеи“, ея прославатели и глашатаи, въ родѣ профессоровъ Моммзена, Гнейста и др., начинаютъ сомнѣваться въ прочности своей возлюбленной „единой нѣмецкой имперіи“ и съ страстной скорбію призываютъ къ обществу о спасеніи, заклиная его воспротивиться губительному самовластію человека, съ слѣпымъ упорствомъ разрушающаго построенное вчера зданіе, вмѣсто того, чтобъ достроить и отдѣлать его.

А общество... Общество, какъ сказано, все болѣе и болѣе проникается отвращеніемъ, оно готово и хочетъ сопротивляться, но уже не изъ любви къ существующему настоящему, а скорѣе изъ страха передъ невѣдомымъ будущимъ. Старые принципы, передъ которыми нѣмецкая образованная буржуазія благоговѣла еще какіе-нибудь четыре года тому назадъ, теперь настолько пошатнулись въ ея глазахъ, настолько утратили ея привязанность и уваженіе, что еслибъ она получила увѣренность въ возможности устраненія этихъ принциповъ безъ всеобщихъ насилій и катастрофъ, она о нихъ и не вздохнула бы. Сторонники принциповъ *an und für sich* исчезли бы здѣсь еще скорѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Они, вѣроятно, сразу же оказались бы такими же относительно крошечными, не имѣющими вліянія, безпочвенными группами, какъ легитимисты во Франціи или приверженцы свѣтской власти папы въ Италіи. При данныхъ условіяхъ это должно было случиться непремѣнно. Историческое прошлое, свойства народнаго характера, привычки и складъ жизни, выработанные рядомъ поколѣній,—все въ нѣмцахъ рѣзко противорѣчитъ государственному строю, создаваемому имперіей: онъ имъ несроденъ, антипатиченъ. Поэтому, естественно, они должны были рано или поздно почувствовать разочарованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не полюбить и тѣ принципы, которые одни поддерживаютъ и могутъ насильственно поддерживать долѣе этотъ чуждый народному существу строй. Но чтобы это случилось такъ поразительно скоро, всего черезъ 10 лѣтъ послѣ учрежденія имперіи, служащей, казалось, такимъ блестящимъ ореоломъ для данныхъ лицъ и такимъ твердымъ фундаментомъ для процвѣтанія принциповъ,—на это трудно было рассчитывать. Это личная заслуга кн. Бисмарка и его арміи „пресмыкающихся“. Послѣдніе полгода, въ которые велась избирательная борьба, сдѣлали въ этомъ отношеніи больше, чѣмъ при другихъ условіяхъ могли бы сдѣлать десятки лѣтъ. Южная Германія, натурально, давно уже охладѣла къ имперской идеѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ она была осуществлена. Но собственно Пруссія была ею упоена, такъ сказать, до безчувствія, и нужно было все искусство „юнкерства и поповства“ (*Junkerthum* и *Pfaffenthum*, такъ обозначаются обыкновенно здѣсь представители крайней реакціи) въ соединеніи съ „пресмыкающимися“, чтобы

отрезвить ее такъ быстро. Съ особеннымъ успѣхомъ поработали „пресмыкающіеся“, такъ что грядущія поколѣнія навѣрное поставятъ учрежденіе офиціозной печати на счетъ кн. Бисмарку, какъ величайшую заслугу его передъ человѣчествомъ. Эта печать содержится, какъ извѣстно, на такъ называемый „вельфскій фондъ“, т.-е. на доходы съ конфискованныхъ имуществъ ганноверскаго королевскаго дома. „Бѣдный покойный король Георгъ V“, — такъ часто вспоминаютъ пруссаки, недавно рукоплескавшіе униженію несчастнаго вѣнценоснаго слѣпца. Не разъ приходилось мнѣ слышать отъ нихъ мнѣніе, что если душа человѣка, оскорбленнаго въ этой жизни, можетъ испытывать чувства злобы и жажды мести на томъ свѣтѣ, то душа Георга V должна быть теперь вполне удовлетворена. Неправильно отнятое у него имущество не пошло въ прокъ грабителямъ. Оно въ ихъ рукахъ превратилось въ орудіе растлѣнія того самаго дѣла, которое думали скрѣпить и упрочить грабежомъ. Есть весьма основательные поводы думать, что наполнившая до краевъ чашу народнаго терпѣнія избирательная агитація велась на тѣ же роковыя средства „вельфскаго фонда“. Что это была за агитація! Какую ужасающую картину всеобщей деморализаціи, грубаго, наглого попранія закона, циническаго презрѣнія къ самымъ элементарнымъ правиламъ приличія, если не нравственности, и лжи, безконечной, беспардонной лжи, раскрыла эта агитація передъ глазами возмущеннаго народа, тутъ только со страхомъ и изумленіемъ увидавшего, въ какой современной Гоморрѣ живетъ онъ самъ, онъ, — заклеившій Парижъ названіемъ современнаго Вавилона.

Безполезно было бы повторять здѣсь подробности всѣхъ злоупотребленій и безобразій, происходившихъ во время агитаціи и при выборахъ. Всѣ, вѣроятно, достаточно знакомы съ ними изъ газетъ. Упомяну поэтому только нѣкоторыя, наиболѣе выдающіяся черты.

Одновременно съ совершенно справедливымъ офиціальнымъ признаніемъ правомѣрности нѣкоторыхъ требованій социалистовъ и обязанности государства удовлетворить этимъ требованіямъ, — социал-демократамъ, какъ партіи, *въ противность точному и ясному опредѣленію закона*, не дозволялась и самая тѣнь избирательной дѣятельности. Не только сходки или распространеніе обычныхъ печатныхъ воззваній не разрѣшались, но даже запрещалось простое, короткое и сухое объявленіе въ газетахъ, что вотъ, въ такомъ-то округѣ, выставленъ такой-то кандидатъ партіи. Газеты, помѣщавшія подобное объявленіе (въ отдѣлѣ объявленій), конфисковались. Многія изъ признанныхъ вождей и почти всѣ, сколько-нибудь выдающіеся дѣятели партіи изъ рабочихъ были арестованы. Кого не представлялось уже ни малѣйшей возможности засадить въ тюрьму, тѣхъ высылали вонъ

изъ родного города даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не введено осадное положеніе, и гдѣ, слѣдовательно, административная высылка представляетъ прямое беззаконіе. При этомъ примѣнялось тоже беззаконное правило волчьихъ паспортовъ. Высылаемымъ указывалось мѣсто, гдѣ они должны пребывать, впродъ до новаго распоряженія; у нихъ отбирались бумаги и пересылались надлежащимъ полицейскимъ властямъ, а тѣ, въ свою очередь, секретнымъ циркуляромъ извѣщали всѣхъ, имѣющихся въ округѣ фабрикантовъ и прочихъ хозяевъ-предпринимателей, что вотъ такіа-то лица находятся подѣ полицейскимъ надзоромъ, и потому имѣли бы они, фабриканты и хозяева, если вздумаютъ принять этихъ лицъ на работу, бдительно наблюдать, чтобы они не вели никакой пропаганды. Либеральныя сходки неумолимо распускались, какъ только кто-либо, извѣстный полиціи за социаль-демократа, думалъ произнести слово, хотя бы ни мало не относящееся до социализма, и даже въ такихъ случаяхъ, когда либеральный ораторъ пробовалъ подвергнуть критикѣ социалистское ученіе. Имперскій судъ, къ которому прогрессистскій комитетъ обратился за разъясненіемъ, категорически объяснилъ, что такіа дѣйствія полиціи противузаконны, ибо закономъ воспрещены пропаганда социализма и подстрекательство, а не отняты всякія гражданскія права у каждой отдѣльной личности, подозрѣваемой въ принадлежности, по убѣжденіямъ, къ социалистской партіи. Саксонія и Гамбургъ, гдѣ подобныя злоупотребленія полиціи тоже имѣли мѣсто, немедленно подчинились рѣшенію высшаго въ имперіи суда. Въ Пруссіи, несмотря на это рѣшеніе, тотъ же порядокъ продолжается и по сей день. Подѣ давленіемъ такого деморализирующаго своимъ открытымъ беззаконіемъ полицейскаго гнета, социаль-демократы организовали и съ своей стороны цѣлую систему ловкаго надувательства. Они прикинулись вполне увлеченными правительственными проектами государственнаго социализма и неистово аплодировали консерваторамъ, а прогрессистскія собранія „взрывали“. Въ заравѣ опредѣленные дни они отражали изъ своей среды штукъ 30—50 самыхъ горластыхъ молодцовъ для „взрыва“, а сами—le gros партіи—собирались гдѣ-нибудь за городомъ, въ полѣ, въ огородѣ, вообще въ открытомъ мѣстѣ, чтобы не быть накрытыми невзначай, и преспокойно совѣщались о своихъ дѣлахъ, получая полныя инструкціи отъ вождей. Такъ происходило въ Берлинѣ, въ Эльбингѣ, въ Эльберфельдѣ, въ Фюртѣ и др. Въ первое время либералы приходили въ отчаяніе. —Помилюйте, социаль-демократы на сторонѣ правительства—все пропало!—Полиція же торжествовала, и оффиціозы были въ набатъ, какъ вдругъ—именно въ Фюртѣ—случай открылъ полиціи нехитрый

секретъ вынужденнаго фокуса социалистовъ. Можете себѣ представить вліяніе такого открытія на все общество.

Но вернемся къ злоупотребленіямъ. Я не буду говорить о повсемѣстномъ (т.-е. въ Пруссіи; вообще весь отдѣлъ административныхъ злоупотребленій относится почти исключительно къ одной Пруссіи) вѣдѣннѣйшій правительственныхъ чиновниковъ въ выборы, о томъ, что высшіе изъ нихъ почти вездѣ поголовно подписывали (все это печатается) „воззваніе“ консерваторовъ и во многихъ мѣстахъ лично представляли избирателямъ консервативныхъ кандидатовъ, даже иногда не принадлежа сами къ округу, въ который являлись со своими рекомендаціями. Последнее обстоятельство представляетъ несомнѣнное злоупотребленіе; но такъ какъ германская конституція даетъ чиновникамъ, состоящимъ на дѣйствительной службѣ, и активное, и пассивное избирательное право, то на подобныя выходы можно взглянуть какъ на частности. А были и такія, которыя ужъ прямо исходили изъ министерскихъ канцелярій. Напримѣръ, судьямъ при дѣлахъ разсматривались списки консервативныхъ кандидатовъ, съ приглашеніемъ голосовать за нихъ самимъ и дѣйствовать въ ихъ пользу среди избирателей (въ Инстербургѣ такое приглашеніе было однимъ изъ судебъ опубликовано). До чего доходила система огульнаго и розничнаго оклеветанія прогрессистовъ, истинно уму непостижимо. Между прочимъ, въ Лауэнбургѣ (это герцогство, какъ извѣстно, добровольно присоединилось къ Пруссіи и состоитъ теперь подъ прусскимъ управленіемъ) королевскій ландратъ напечаталъ съ именной своей подписью летучій листокъ, въ которомъ объяснялъ избирателямъ, будто либеральный кандидатъ еще въ 1848 г. совершилъ вотъ такія и такія-то преступленія, а нынѣ состоитъ въ подозрѣніи за новыя тягчайшія преступленія (и тѣ, и другія подробно изложены, якобы на основаніи официальныхъ документовъ), за которыя имѣется въ виду предать его суду. Въ Кюстринѣ (восточная Пруссія) консервативное воззваніе, подписанное опять-таки официальными лицами и выставившее кандидатомъ официальное же лицо, ландесдиректора, обращалось къ избирателямъ съ такою рѣчью: „Избиратели, бывшіе воины! его величество, нашъ глубоколюбимый король много разъ высказывалъ, что кто нападаетъ на его правительство, тотъ нападаетъ на него самого. Либеральныя партіи нападаютъ на королевское правительство, и слѣдовательно, по его собственнымъ словамъ, на самого короля. Кто подаетъ голосъ за либерала, тотъ, значить, идетъ противъ короля! И мы спрашиваемъ васъ, можете ли вы позволить себѣ что-либо подобное, вы, воины, приносившіе королю присягу въ вѣрности? Не думайте, что присяга имѣетъ силу только на время дѣйствительной службы. Нѣтъ! Присяга дается навсегда, она

обязательна всю жизнь, до гроба. Если вы подадите голосъ за либерала, вы нарушите вѣрность къ королю и святость присяги"! Даже князь Бисмаркъ, обыкновенно прикрывающій свое личное вмѣшательство удобной формой благодарственного отвѣта на консервативныя изліянія, на этотъ разъ увлекся до недвусмысленныхъ обѣщаній, имѣвшихъ цѣлю повліять на избирателей. Въ округѣ Олау (въ Силезіи) консерваторы выставили кандидатомъ гр. Франкенберга. Между тѣмъ, въ округѣ процвѣтаетъ табачная промышленность, и округъ, натурально, нисколько не расположенъ къ консервативной программѣ, на первомъ мѣстѣ которой стоитъ табачная монополія. Сіятельный кандидатъ пишетъ объ этомъ князю Бисмарку и получаетъ отъ свѣтлѣйшаго патрона слѣдующій отвѣтъ, который публикуется во всеобщее свѣдѣніе: „Письмо получилъ. Если табачная монополія будетъ введена, правительство имѣетъ въ виду, въ числѣ первыхъ назначенныхъ для этого городовъ, учредить въ Олау казенную фабрику“. Но всѣ некрасивыя выходы блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что дѣлалось въ самый день выборовъ. Такъ, въ Килѣ, въ Альтонѣ, въ Идельгеймѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ полиція не допускала „довѣренныхъ людей“ социаль-демократовъ раздавать избирателямъ избирательныя записки и самихъ этихъ довѣренныхъ арестовывала. Въ Лауенбургѣ арестовали четырехъ довѣренныхъ прогрессистовъ партіи и продержали ихъ въ тюрьмѣ до самаго вечера. Въ Дортмундѣ „консервативные“ фабриканты пускали рабочихъ къ избирательнымъ урнамъ не иначе, какъ подъ конвоемъ начальствующихъ лицъ, которыя сами раздавали рабочимъ избирательныя записки и строго надзирали, чтобы рабочіе не подмѣнили ихъ дорогой. Въ Эссенѣ, кромѣ фабричныхъ надзирателей, то же самое продѣлывали и жандармы, ходившіе къ рабочимъ въ квартиры и надѣлавшіе ихъ записками особеннаго формата и особеннымъ хитрымъ образомъ сложенныя, такъ чтобы при счетѣ сейчасъ видно было, сколько такихъ записокъ не хватаетъ.

Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что къ подобнымъ безнравственнымъ средствамъ агитаціи и насилія прибѣгали не одни официальные лица и консерваторы. Въ нихъ оказались виновны и либералы и именно національ-либералы „группы праваго крыла“, которые и тутъ доказали себя достойными сподвижниками обоготвореннаго ими „національнаго государственнаго мужа“. Дортмундскіе „консервативные“ фабриканты старались (къ чести избирателей, безуспѣшно) провести національ-либерала Бергера, рекомендованнаго лично г. Бенингсеномъ. Въ Штеттинѣ, тѣ же удивительные „либералы“ въ воззваніи своемъ убѣждали избирателей (и опять безуспѣшно), будто „католики-ультрамонтаны, партикуляристы, вельфы и поляки заклю-

чили между собою тайный союзъ, съ цѣлю уничтожить всѣ національныя нѣмецкія пріобрѣтенія и разрушить національное государство. Что они проповѣдывали въ Ганноверѣ, это вы, по приведенному образчику, легко можете себѣ представить. Не подумайте, однако, чтобъ національ-либералы употребляли подобныя оружія противъ враговъ только—консерваторовъ, да центра. Ничуть не бывало. Упомянутая группа праваго крыла, въ одномъ изъ округовъ Вестфалии, гдѣ ея кандидатъ боролся съ кандидатомъ прогрессистовъ, пустила въ ходъ знакомую многимъ сказку объ „англійскомъ золотѣ“. „Избиратели!“ гласили летучіе листки національ-либераловъ, „брэдфордская торговая камера пожертвовала 800,000 марокъ на избирательную агитацію въ Германіи, для того, чтобы ввести въ нѣмецкій имперскій парламентъ какъ можно больше прогрессистовъ, людей, не желающихъ пошлѣть на желѣзо и желѣзные фабрики. Англичане видятъ въ этомъ свой интересъ, а гдѣ имъ польза, тамъ намъ, уже по одному этому, вредъ. Смыкайте же, избиратели! Станете голосовать за прогрессиста, станете, значитъ, и служить интересамъ Англіи противъ интересовъ нашего дорогого нѣмецкаго отечества“. Въ Кайзерслаутенѣ (въ Рейнпфальцѣ, въ протестантской провинціи въ Баваріи) національ-либералы поступили еще лучше. Тамъ противъ нихъ стоялъ кандидатъ народной партіи Герцъ, и какъ вы думаете, какимъ оружіемъ боролись они съ этимъ соперникомъ? Антисемитизмомъ! Они по-штеттеровски заклинали въ своихъ воззваніяхъ избирателей „не выбирать жида“. Это дѣлали „либералы“! Но и это, все опять-таки блѣднѣло и обратилось въ ничто передъ тѣмъ, что послѣдовало послѣ первыхъ выборовъ, передъ баллотировками. Тутъ ужъ началось нѣчто совершенно безпримѣрное, неслыханное ни въ одной странѣ, гдѣ бываютъ выборы. И правительство, и вожди всѣхъ партій (за исключеніемъ демократическихъ) окончательно сбросили всякія прозрачныя покрывала, которыми маскировали свою настоящую суть, и явились тѣмъ, что они есть въ дѣйствительности: просто-на-просто политическими торгашами, равно готовыми и другихъ купить, и себя продать, либо на провать взять или ссудить. Безсознательно подчиняясь естественному порядку вещей, они, сами того не замѣчая, внезапно стали даже употреблять техническій торговый жаргонъ, заговорили языкомъ объявленій и биржевыхъ сдѣлокъ. Правительство, черезъ посредство министерской „Провинціальной корреспонденціи“ и высокооффиціознаго берлинскаго корреспондента оффиціозной же вѣнской „Политической корреспонденціи“, успѣшило довести до свѣдѣнія почтеннѣйшей публики, что вотъ дескать центру представляется „рѣдкій случай“ показать свою способность къ управленію (sich regierungsfähig zu beweisen), занявъ

„вакантное мѣсто“ національ-либераловъ. Это предложеніе воспользоваться „рѣдкимъ случаемъ“ повторено обоими помянутыми органами три раза подъ-рядъ, ни дать, ни взять какъ объявленія о какихъ-нибудь „только-что полученныхъ мельхиоровыхъ подставанникахъ“ или „самыхъ свѣжихъ устрицъ“. А партіи въ это время торговались между собою и тоже публично, путемъ печати. Сецессионисты объявили въ своемъ главномъ органѣ „Трибунѣ“, что перебаллотировки представляютъ собственно „гешефтъ“, и потому не худо бы теперь партіямъ условиться между собою, гдѣ и на какихъ условіяхъ кто кого согласенъ поддерживать. Это дѣльное предложеніе немедленно нашло откликъ. Главный органъ центра, „Германія“, подхватила его и ровно черезъ день (надо было получить инструкцію вождей) напечатала въ передовой статьѣ формальный прейсъ-курантъ цѣнъ, по которымъ отпускаются голоса католическихъ избирателей. Менѣе догадливые прогрессистскіе органы оказались, однако же, совершенно на уровнѣ своихъ товарищей. Они наперерывъ завопили, обращаясь къ своимъ вождямъ: „вотъ видите ли, какъ умные люди поступаютъ, сдѣлки дѣлаютъ, и намъ дремать не слѣдуетъ“. И дѣйствительно, никто не дремалъ. Всѣ гурьбой ринулись на политическую биржу, и „дѣла“ приняли тамъ такой оживленный характеръ, что многіе заключили долгосрочныя сдѣлки, выдавъ промессы на будущіе выборы.

Согласитесь, что до такого наивно-наглого цинизма въ публичной куплѣ-продажѣ политическихъ убѣжденій и правительственныхъ милостей не доходило еще нигдѣ и никогда. Что же мудренаго, если общество почувствовало болѣе, чѣмъ отвращеніе, просто тошноту? Въ довершеніе всего, чудовищная трескотня собственно парламентской борьбы сопровождалась леденящимъ сердце, глухимъ гуломъ выступающихъ наружу какихъ-то подземныхъ мрачныхъ силъ. Въ Бранденбургѣ и Помераніи происходятъ ежегодныя засѣданія провинціаль-ныхъ лютеранскихъ синодовъ. На первомъ удостоенномъ въ этотъ разъ личнаго привѣтствія престарѣлаго монарха, постановляются тѣ же рѣшенія, какими отличилась такъ-называемая „августовская евангелическо-лютеранская конференція“ въ Берлинѣ: противодѣйствовать распространенію невѣрія въ массахъ, посредствомъ устраненія, путемъ закона, гибельной свободы науки, требовать возвращенія народнаго образованія въ вѣдѣніе духовенства; стараться объ уничтоженіи губительныхъ и безнравственныхъ нововведеній, въ родѣ гражданского брака, дозволенія, если угодно, не крестить дѣтей и т. п.; хлопотать о предоставленіи евангелическо-лютеранской церкви независимаго положенія въ государствѣ; устроить какъ можно болѣе духовныхъ обществъ „внутренняго миссіонерства“, по примѣру берлинскаго (предсѣдатель Штѣкеръ), для распространенія

среди населенія истиннаго христіанскаго ученія и здравыхъ консервативныхъ идей и т. д., и т. д. въ этомъ родѣ. Скромное замѣчаніе нѣсколькихъ пасторовъ, что духовенству вовсе не слѣдъ вмѣшиваться въ политическую борьбу, что это можетъ лишь повредить дѣлу религіи, встрѣчается большинствомъ съ выраженіемъ негодованія и не одобряется и „на верху“. На второмъ синодальномъ собраніи, въ Помераніи, одинъ изъ корифеевъ лютеранскаго клерикализма, графъ Клейстъ-Рецовъ, поднимаетъ мысль о необходимости основать въ средѣ лютеранъ, духовныхъ и свѣтскихъ, братство на подобіе „въ высшей степени полезнаго, прекраснаго и заслуживающаго всякаго уваженія католическаго ордена св. Іисуса“, т.-е. попросту іезуитовъ. И достойные отцы лютеранской церкви восторженно апплодируютъ этой невѣроятной мысли, вполне соглашаясь съ графомъ, поклонникомъ іезуитовъ, что этотъ превосходный орденъ былъ отвратительнымъ образомъ оклеветанъ безбожниками единственно за то, что ревностно служилъ и оказалъ неисчислимыя заслуги всякой христіанской религіи. А католическіе клерикалы-реакціонеры, въ это самое время, пользуясь своимъ большинствомъ въ баварскомъ ландтагѣ, вносятъ и принимаютъ предложенія объ уничтоженіи внѣ-конфессіональных школъ и гражданскаго брака и объ уголовномъ преслѣдованіи внѣбрачнаго сожителства. „Боже милосердый, гдѣ мы, куда мы идемъ!“ — слышались то тамъ, то сямъ, отчаянныя восклицанія: но жизнь продолжала озадачивать вопрошавшихъ все новыми и новыми сюрпризами.

Въ Лейпцигѣ происходитъ судъ надъ нѣсколькими лицами, обвиняющимися — шутка сказать — въ государственной измѣнѣ. И вотъ передъ лицомъ высшаго имперскаго суда являютъ, въ качествѣ выставленныхъ официальной обвинительной властію свидѣтелей, самые грязные завсегдатаи тюрьмы, подонки даже тюремнаго населенія, частію уже осужденные, частію ожидающіе суда воры, мошенники, поддѣльватели документовъ. Тюремное начальство, по приказанію тайной полиціи, сажало этихъ людей въ однѣ камеры съ политическими преступниками, чтобы вывѣдывать отъ нихъ тайны ихъ дѣятельности и доносить начальству, которое, съ своей стороны, дѣлало разныя послабленія осужденнымъ и обѣщало смягченіе обвиненія подсудимымъ. Главнымъ свидѣтелемъ явился извѣстный за безправственнѣйшаго человѣка тайный шпіонъ, самъ социаль-демократъ, принимавшій живѣйшее участіе въ дѣятельности своихъ товарищей, которыхъ онъ въ то же время продавалъ полиціи. „Подлость, низость, говорили всюду рабочіе. И эти люди, это правительство думаютъ привлечь насъ своими живыми обѣщаніями, думаютъ на насъ опереть свою полицейскую солдатчину!“ — „Какая грязь, какія без-

нравственные, развращающія средства! повторяла за ними и буржуазія. Всевластная тайная полиція — вѣдь это оружіе обоюдоострое. Сегодня его употребляютъ противъ социалистовъ, завтра обернутъ противъ насъ". И даже судъ, не осмѣлившійся постановить прямо оправдательнаго приговора и потому осудившій „государственныхъ преступниковъ" къ ничтожнымъ, сравнительно съ тяжестью обвиненія, наказаніямъ (самое высшее около 3 лѣтъ тюрьмы, и это постигло лишь одного, остальнымъ нѣсколько мѣсяцевъ),—судъ присоединилъ къ своему рѣшенію такого рода вопросъ: сообразно ли съ достоинствомъ закона и съ нравственностію употребленіе подобныхъ средствъ раскрытія истины и выставленіе подобныхъ, явно небезпристрастныхъ, подкупленныхъ свидѣтелей, показанійъ которыхъ поэтому судъ не можетъ придаватьъ вѣры? Голосъ совѣсти общественной отвѣтилъ на этотъ вопросъ: нѣтъ, несообразно! А голосъ административной власти—по внезапно распространившимся по имперіи слухамъ,—объявилъ, что имперскій судъ намѣреваются перевести изъ Лейпцига въ Берлинъ, такъ какъ въ Лейпцигѣ будто бы недостатокъ какихъ-то матеріаловъ причиняетъ неудобства и замедленія. Слухъ этотъ приобрѣлъ еще болѣе силы, когда стало извѣстно, что въ бюджетѣ министерства юстиціи на 1882 г. не находится сумма на постройку совершенно необходимаго новаго зданія суда въ Лейпцигѣ.

Почти въ то же время второстепенные желѣзно-дорожные чиновники, положеніе которыхъ, вслѣдствіе повсемѣстнаго сокращенія расходовъ, значительно ухудшилось съ переходомъ желѣзныхъ дорогъ въ руки государства, обратились къ министру съ коллективной просьбой опредѣлить точнѣе ихъ служебное положеніе и увеличить ихъ крайне скудное содержаніе. Въмѣсто удовлетворенія или хотя бы отвѣта на эту просьбу, послѣдовало назначеніе административной слѣдственной комиссіи, которой приказано было quasi-уголовнымъ порядкомъ разобратъ, какъ было составлено коллективное прошеніе и кто были виновниками „стачки". Когда зачинщики были розысканы, ихъ немедленно прогнали со службы, а остальнымъ сдѣлали строжайшій выговоръ. И это не единственный примѣръ такого рода. Совершенно таже участь постигла состоящихъ на казенной службѣ почтовыхъ, кассировъ, которые обратились въ подлежащее министерство съ подобной же просьбой, хотя и не коллективной, а каждый самъ за себя, но одинакой по содержанію. Надъ ними тоже было учинено слѣдствіе и затѣмъ отставка и выговоръ. Это въ странѣ, гдѣ закономъ разрѣшены всякіе фрейны, сходки и стачки!

Согласитесь, что только уже мертвые нравственно или еще ненародившіеся въ политическомъ отношеніи народы могутъ выносить равнодушно подобныя вещи. Къ счастью своему, нѣмцы представляютъ

организмъ живой и отъ природы здоровый, хотя и находящійся временно въ болѣзненномъ состояніи. Когда они увидали, куда зашли, въ нихъ проснулось стремленіе къ самозащитѣ и потребность въ протестѣ противъ окружающей безнравственности. Своимъ голосомъ и простой народъ, и общество фактически доказали, что если деморализація, распространенная имперской системой, велика и ужасна, то все же положеніе еще не отчаянно, ибо эта деморализація не успѣла еще проникнуть далеко въ глубь.

Необыкновенно любопытную картину представляютъ выборы въ обществѣ, но еще любопытнѣе отдѣльныя голосованія по округамъ, и именно своимъ однообразнымъ характеромъ протеста какъ противъ правительственныхъ насилій, такъ и противъ шаткости убѣжденій фракціи и безнравственности отдѣльныхъ лицъ. Упомянутая уже „группа праваго крыла“ національ-либераловъ буквально исчезла безслѣдно, ни одинъ изъ входившихъ въ нее депутатовъ не выбранъ вновь. Та же участь постигла и другую группу такого же характера, носившую названіе „группы Фалька“. И отъ нея осталось лишь одно воспоминаніе, тѣмъ болѣе тяжелое для кн. Бисмарка, что обѣ эти группы служили посредниками между нимъ и остальными, нѣсколько болѣе устойчивыми національ-либералами, которыхъ они всегда умѣли примирить съ канцлеромъ и склонить къ поддержкѣ его проектовъ. Отдѣльныя личности, служившія тоже закулисными агентами князя Бисмарка, въ родѣ Марквардзена и мн. друг., провалились всѣ до единого, хотя за нихъ самъ Беннингсенъ распинался передъ избирателями, какъ только могъ. Партія свободныхъ консерваторовъ потеряла болѣе, чѣмъ половину своихъ членовъ (прежде 47, теперь 23), и въ томъ числѣ всѣхъ до одного вождей. Выбраны лично вліятельные, уважаемые люди, но партія, какъ таковая, очевидно забраквана населеніемъ безапелляціонно. Юнкерская партія (нѣмецкіе консерваторы) потеряла относительно немного—всего 6 членовъ, но за то изъ вождей опять ни одного не осталось и у этой, всѣ отвергнуты. Извѣстный реакціонеръ Клейст-Ретцовъ прошелъ въ Герфордѣ жалкимъ большинствомъ въ 180 голосовъ, и то при помощи такихъ средствъ, что избраніе его весьма можетъ быть кассировано. Жалобы уже поступили въ рейхстагъ. Затѣмъ остаются два совершенно невозможные субъекта, болѣе опасные для партій, чѣмъ полное отсутствіе вождей — Минигероде и Штёкеръ. Этихъ провелъ въ рейхстагъ центръ, и я сильно подозреваю, не безъ злого умысла. Центръ, разумѣется, не потерялъ ничего, напротивъ, усилился на нѣсколько голосовъ (со 102 на 110); но и онъ получилъ урокъ отъ избирателей, урокъ вполне имъ заслуженный.

Во многихъ мѣстахъ происходило явленіе небывалое до сихъ поръ,

и въ высшей степени знаменательное для характеристики народного настроенія. Католическіе избиратели не повиновались категорическимъ приказаніямъ вождей своей партіи. Я говорилъ выше о „биржевыхъ“ сдѣлкахъ, послѣдовавшихъ за первыми выборами. Центръ явился самымъ крупнымъ тузомъ на этой любопытной политической биржѣ. Большую часть своихъ сдѣлокъ онъ заключилъ съ консерваторами, согласно съ чѣмъ и сдѣлалъ распоряженія среди избирателей. А тѣ, между тѣмъ, доселѣ безпрекословно повиновавшіеся командѣ, на этотъ разъ голосовали по своему, и именно за крайнія партіи: за социалстовъ и демократовъ, а гдѣ эти не выступали—за прогрессистовъ, хотя послѣдніе враждебны примиренію съ Римомъ. Теперь консервативныя и офиціозныя газеты, съ „Сѣверогерманской“ во главѣ, мечутъ громы на центръ (насколько, при существующихъ обстоятельствахъ, смѣютъ метать), обвиняя его въ измѣнѣ. Но это обвиненіе несправедливо. Мнѣ доподлинно извѣстно изъ источниковъ частныхъ и ничего общаго съ центромъ не имѣющихъ, что вожди этой партіи очень искренно и настоятельно предписывали своимъ избирателямъ голосовать за консерваторовъ. По обыкновенію, они напустили на нихъ духовенство, которое тоже по обыкновенію прибѣгало къ всегдашнимъ своимъ средствамъ и аргументамъ. Именно, въ городахъ старались настроить, согласно своимъ видамъ, женщинъ, а обращаясь къ поселянамъ, увѣряли ихъ, что „голосъ, поданный ими согласно съ приказаніемъ церкви, зачтется имъ Господомъ Богомъ на томъ свѣтѣ, а неповиновеніе повлечетъ за собою проклятіе небесное“. И всѣ эти соблазны и жупелы остались втунѣ, паства отбилась отъ рукъ пастырей и разбилась по вражескимъ очарваніямъ. Всего характернѣе были голосованія въ Мангеймѣ и въ особенности въ Майнцѣ, гдѣ католическіе избиратели провалили кандидатовъ, католиковъ же, и въ Майнцѣ даже *sommité*, важное духовное лицо, недавно еще вліятельнаго и популярнаго, знаменитаго каноника Муфанга, главу „католическаго христіанскаго социализма“. Въ глазахъ ревностнаго католика обидѣть столь высокопоставленную въ церковной іерархіи особу, чуть-чуть не князя церкви, грѣхъ великій. Но почтенные майнцы, сообразивъ, вѣроятно, что любвеобильная церковь, имѣющая право вязать и разрѣшать, можетъ временемъ отпустить имъ и этотъ тяжкій грѣхъ, прокатили своего каноника на воронкахъ. Сдѣлали же они это потому, что каноникъ Муфангъ первый выказалъ весьма недвусмысленную склонность пожертвовать интересами своей нѣмецкой паствы исключительнымъ интересамъ Ватикана и принялся шептаться съ кн. Бисмаркомъ и фактотумами: Путткамеромъ и Гаслеромъ. Майнцъ во всѣ времена стоялъ въ первыхъ рядахъ либерализма и теперь остался вѣренъ себѣ.

Нынѣшнее правительство онъ считаетъ реакціоннымъ и не хочетъ представителя, который способенъ вступить въ сдѣлку съ реакціей, хотя бы и ради римской церкви и даже самого святѣйшаго папы. Но характерность голосованія майнцкихъ избирателей не исчерпалась примѣромъ Муфанга, они показали себя еще и въ другомъ отношеніи. Кромѣ каноника, кандидатами въ ихъ округъ выступили прогрессистъ д-ръ Филиппъ, редакторъ берлинской „Народной Газеты“, и социаль-демократъ Либкнехтъ. Майнцъ вообще социализмомъ не зараженъ, а сельское населеніе, входящее въ тотъ же избирательный округъ, и совсѣмъ враждебно социализму. Филиппъ, въ первый разъ выступающій на политическое поприще, очень дѣятельно велъ агитацію, представлялся избирателямъ, чуть не каждому порознь, и говорилъ рѣчи въ каждой деревушкѣ. И личность его, симпатичная и внушающая довѣріе, и то, что онъ говорилъ, нравились избирателямъ, которые очень радушно принимали его и на сходкахъ аплодировали до упаду. Но поаплодировать, они, въ особенности поселане, неизмѣнно освѣдомлялись, откуда Филиппъ родомъ. Оказалось, что онъ пруссакъ, и тогда поселане отказались голосовать за него и больше уже не ходили его слушать. На выборахъ всѣ сельскіе бецирки майнцаго округа сплошь голосовали за Либкнехта, что и повторили такъ же неукоснительно и дружно на перебаллотировкѣ.

Такимъ образомъ, антисоциалистскій болѣе, чѣмъ на половину, католическій округъ послалъ своимъ представителямъ въ рейхстагъ социалиста, потому что изъ прочихъ кандидатовъ одинъ заподозрѣнъ былъ въ сдѣлкѣ съ правительствомъ, а другой хоть и въ оппозиціи, но пруссакъ. Вюртембергъ, въ числѣ 16 причитающихся на его долю депутатовъ, выбралъ 6 народной партіи, изъ которыхъ 3 посланы такими округами, гдѣ сельскіе бецирки составляютъ большинство. Изъ остальныхъ трехъ одинъ выбранъ Штутгартонъ, а другой—глава крошечной партіи, Карлъ Мейеръ осмѣлился сразиться, такъ сказать, въ его собственномъ владѣніи съ однимъ изъ родовитѣйшихъ аристократовъ, гордымъ кн. Гогенлоэ, и вышелъ побѣдителемъ, приобрѣтя на перебаллотировкѣ огромное большинство. Баденъ, бывшій до сихъ поръ классической страной имперско-національнаго либерализма, на этотъ разъ не послалъ въ парламентъ абсолютно ни одного консерватора, а враждебная имперіи народная партія приобрѣла тамъ такое вліяніе, что три либерала (и изъ нихъ одинъ въ Карльсруэ) прошли только потому, что дали народникамъ письменное обѣщаніе не голосовать въ теченіе всей сессіи ни въ пользу какихъ бы то ни было исключительныхъ законовъ, ни въ пользу увеличенія налоговъ. Въ Баденѣ, впрочемъ, настроеніе массъ выказалось какъ нельзя яснѣе еще до выборовъ въ имперскій парламентъ и именно, при

выборахъ въ ландтагъ. До позапрошлаго года тамъ безраздѣльно царили національ-либералы, которымъ, изъ общаго количества 68 депутатовъ, принадлежало 48 голосовъ, а остальные 15 клерикаламъ и консерваторамъ вмѣстѣ. Нынѣе выбраны: 23 клерикала, 3 консерватора и 6 народниковъ, которыхъ, повторяю, тамъ въ былые времена и духу не бывало. По свидѣтельству „Національной газеты“, милитарнѣйшей пруссачки, какую только свѣтъ производилъ, лозунгомъ на этихъ выборахъ служили антимилиитаризмъ и антипруссачество. Съ трагикомическимъ паѳосомъ органъ погибающей національ-либеральной партіи скорбно негодующимъ тономъ указывалъ имперскому правительству, что его диктаторская политика „дастъ случай врагамъ имперской идеи возобновить свою недостойную старую проповѣдь пруссофобства“. Увы, баденскіе избиратели очевидно не считаютъ эту проповѣдь „недостойной“, если они, монархисты до мозга костей, отдавали голоса демократамъ-народникамъ, не скрывающимъ своихъ республиканскихъ тенденцій. Фактъ этотъ тѣмъ знаменательнѣй, что въ Баденѣ, какъ и вездѣ, кромѣ Баваріи, выборы въ ландтагъ не прямые, а двухстепенные. Впрочемъ, демократическія идеи сдѣлали такіе успѣхи въ герцогствѣ, что населеніе начинаетъ громко протестовать противъ этого порядка. На множествѣ листовъ, вмѣсто имени кандидата въ избиратели, были написаны фразы въ родѣ: „я не нуждаюсь въ опекунахъ“, или: „мнѣ не нужно посредниковъ между мною и тѣмъ, кого бы я желалъ видѣть своимъ представителемъ въ ландтагѣ“, и т. п. Это поселяне такъ выражали свое мнѣніе, а горожане мѣстами прямо собственной властію вводили у себя *mandats impératifs*, собирали сходки и, призвавъ намѣченныхъ избирателей, вмѣняли имъ въ обязанность выбрать въ депутаты непременно такого-то, грозя въ противномъ случаѣ разными карами.

Общій результатъ имперскихъ выборовъ, повидимому, какъ бы противорѣчитъ ландтагскимъ, но только повидимому. Если заглянуть за кулисы, сейчасъ видно, что въ расположеніи массъ произошла ужъ огромная переиѣна. Изъ 14 депутатовъ, 8 принадлежатъ къ либераламъ; но, какъ сказано, 3 вынуждены были обязаться подпиской передъ народниками, а остальные 5 прошли самымъ незначительнымъ большинствомъ, нигдѣ не превысившимъ 200 голосовъ. И побѣду оспаривали у нихъ не дружественные имперскому правительству консерваторы, а оппозиціонный центръ.

Ганноверъ, когда-то тоже классическая страна и даже мѣсто рожденія національ-либерализма, 11 лѣтъ тому назадъ устроившій все-народное торжественное празднованіе въ честь пріѣзда „великаго мужа Рудольфа Беннингсена (въ началѣ, имперія была очень популярна въ Ганноверѣ; вѣрные старой династіи „вельфовъ“ считались,

можетъ быть, сотнями),—Ганноверъ въ число своихъ 19 депутатовъ включилъ 11 враждебныхъ имперіи вельфовъ, 2 прогрессистовъ, одного консерватора и только 5 націоналистовъ, да и изъ тѣхъ 1 сомнительный, такъ-какъ онъ выступалъ кандидатомъ прогрессистовъ. „Самъ“, Р. Беннингсенъ, получилъ всего 2,370 голосовъ, тогда какъ за него въ 1878 г. подано было 9,664. Sic transit gloria mundi! Имперіалисты, поклонники пруссачества, отвергаются вездѣ и даже начинаютъ колебаться въ самой Пруссіи.

Шлезвигъ-Гольштейнъ, гдѣ три съ половиною нѣмца, „спасенные“ отъ датскаго „ига“, натурально, были восторженными націоналистами, нынѣ послали въ рейхстагъ однихъ обвинявшихся въ республиканскихъ тенденціяхъ, прогрессистовъ и сепецціонистовъ, да и то мѣстами благодаря лишь неслыханнымъ злоупотребленіямъ полиціи, безъ которыхъ тамъ прошли бы социалисты. Любопытнѣе всего проявилось общее народное настроеніе въ бывшей крѣпости нѣмецкаго шовинизма, въ Фленсбургѣ, къ округу котораго принадлежитъ населенный исключительно одними нѣмцами Апенродъ, съ своими сельскими бедирками. Тамъ, недѣли за двѣ до выборовъ, скромненько выступилъ кандидатомъ датчанинъ Іогансенъ, но выступилъ не въ качествѣ датчанина—онъ совсѣмъ и не упоминалъ о своемъ происхожденіи, хотя его, разумѣется, всѣ знаютъ—а въ качествѣ демократа-народника. И вотъ, 15 лѣтъ тому назадъ „стонавшіе“ подъ датскимъ „игомъ“ сыны „нѣмецкаго отечества“ нашли датчанина-демократа самымъ подходящимъ для себя представителемъ въ средѣ „братскаго“ общегерманскаго рейхстага и выбрали его чуть-чуть не единогласно. „Это уже совершенно непонятно“,—удивились разныя „Національная“, „Кѣльнская“, „Магдебургская“ и т. п. шовинистскія газеты. А оно именно какъ нельзя понятнѣе для всякаго, кто способенъ понимать.

Баварія осталась вѣрна своему обычному характеру. Изъ 47 своихъ депутатовъ, она послала 32 принадлежащихъ къ центру. Но и тутъ все же новое теченіе проявилось, и центръ не обошелся безъ урока, очень непріятно его поразившаго. Большая часть консерваторовъ замѣнены прогрессистами (своими баварцами, конечно; пруссакъ тамъ, хоть будь онъ кто угодно, не пройдетъ), а два реакціоннѣйшіе клерикала центра, для которыхъ, кромѣ Ватикана, ничего на свѣтѣ не существуетъ, провалились, и оба въ пользу демократовъ, одного социалиста, другого народника. При поверхностномъ взглядѣ, оно не важно, конечно, потерять четыре мѣста во всей обширной имперіи, особенно когда, независимо отъ этихъ потерь, вдвое большее количество, т. е. 8 новыхъ мѣстъ все же завоевано. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи окажется не то, ибо важнѣе внутренній смыслъ побѣдъ

и поражений. Побѣды-то одержаны надъ консерваторами, что, при существующемъ общемъ настроеніи, было не особенно трудно, а пораженія нанесены демократамъ. Ясно, что побѣдоносность обуславливалась, главнымъ образомъ, оппозиціоннымъ, а не по прежнему однимъ лишь религіознымъ характеромъ центра. Въ этомъ-то и заключается знаменательный урокъ, значеніе котораго предводители центра, надо надѣяться, поймутъ.

Всѣхъ оригинальнѣе показали себя инородческія провинціи: Познань и западная Пруссія, съ одной стороны, и Эльзасъ и Лотарингія, съ другой. Тутъ „національныя нѣмецкія приобрѣтенія“, которыми такъ хвастаются національ-либералы, въ самомъ дѣлѣ доставили такой успѣхъ дѣйствительно національному въ этихъ провинціяхъ дѣлу, какого лучше и желать нельзя. Нынѣшніе выборы служатъ побѣдоноснѣйшимъ отвѣтомъ на всюду распространенные слухи о полномъ будто бы овѣмеченіи славянскихъ земель въ Пруссіи. Въ Познани изъ 15 депутатовъ выбрано 12 поляковъ, и какъ при этомъ голосовали сельскіе округа—замѣчательно. Въ городахъ поданные за первыхъ кандидатовъ голоса представляли большую частію приблизительно слѣдующее отношеніе цифръ: за поляка—3,500—3,600; за нѣмца—1,000—1,100. Въ селахъ же—за поляка столько-то, за нѣмца—ни одного. И такъ кругомъ, почти во всей Познани. Рѣдко, рѣдко попадались въ селахъ нѣсколько десятковъ голосовъ, поданныхъ за кандидата-нѣмца, сотни не набралось ни въ одномъ. Только три города съ сильно преобладающимъ нѣмцеко-еврейскимъ населеніемъ послали нѣмцевъ. Провинція Западная Пруссія слыветъ за совсѣмъ овѣмеченную и даже нѣмцами считается „передовымъ постомъ“ германизма и, по отношенію къ Германіи, либерализма. Эта самая провинція изъ 13 депутатовъ своихъ выбрала нынче 6 поляковъ, количество, котораго тамъ никогда не бывало. И опять сельскіе округа проявили славянско-польскій духъ. Говорю: славянско-польскій—потому, что трое изъ выбранныхъ депутатовъ, будучи страстными патриотами-поляками, въ то же время большіе приверженцы славянской идеи, и это свое славянское направленіе постоянно высказываютъ въ устныхъ бесѣдахъ и нерѣдко—въ печати. Другое замѣчательное явленіе этихъ выборовъ то, что нынѣшній разъ среди избранныхъ представителей народа встрѣчается очень мало титулованныхъ именъ. Давно уже (т. е. въ послѣднія 10 лѣтъ) замѣчающееся въ прусской и еще отсутствующее въ другихъ двухъ остальныхъ частяхъ Польши демократическое направленіе блистательно подтвердилось выборами. Польскій комитетъ выставилъ, а народъ выбралъ, не сіятельныхъ магнатовъ, принадлежащихъ къ интернаціональной аристократіи, прежде безраздѣльно царившей здѣсь, а простыхъ шляхтичей, и въ большинствѣ

именно такихъ, которые посвящаютъ себя служенію народному дѣлу, заботятся о поселянинахъ, о мужикахъ, заводятъ для него сельско-хозяйственныя школы, мелкій кредитъ, страхованіе и т. п. Въ общемъ, поляки явились нынче въ рейхстагъ въ количествѣ 18 человекъ, т.-е. въ такомъ, какого имъ никогда еще не удавалось достигнуть и которое приблизительно соотвѣтствуетъ численности польскаго населенія. Въ этомъ количествѣ они представляютъ уже самостоятельную маленькую группу, и положеніе ихъ тѣмъ болѣе выгодно, что, при существующемъ распредѣленіи партій, рѣшающій голосъ принадлежитъ именно отдѣльно, внѣ большихъ партій стоящимъ группамъ: полякамъ, протестлерамъ, демократамъ. Безъ помощи этихъ группъ, ни одна сторона, ни по одному вопросу не можетъ имѣть рѣшительнаго большинства. Нѣмцы, натурально не желающіе видѣть усиленія племенного національнаго духа въ польскихъ провинціяхъ (иначе вѣдь съ нимъ пришлось бы считаться), приписываютъ успѣхъ поляковъ разрозненности нѣмецкихъ партій и реакціи. Безспорно, реакція много помогла. Но только не общая бисмарковская реакція, которую подразумѣваютъ нѣмцы, а безобразная реакція національнаго гнета, въ которой виноваты національ-либералы. Это еще либеральное правительство отняло у польскаго народа его родной языкъ; нынѣшнее реакціонное только продолжаетъ тѣ же традиціи, и только уже передъ самыми выборами дозволило, въ видѣ уступки центру, возобновленіе преподаванія католической религіи въ школахъ, но постановило, однакоже, чтобы въ Силезіи и въ Познани преподаваніе это начиналось только съ четвертаго класса. Въ распоряженіи не высказаны, по обыкновенію, мотивы, продиктовавшіе его властимъ, но народу и не нужно высказываніе. Онъ и безъ того помнитъ повелѣніе своихъ епископовъ, чтобы въ трехъ низшихъ классахъ преподаваніе религіи производилось на родномъ языкѣ учениковъ, а не на обязательномъ нѣмецкомъ. Вотъ какой реакціи принадлежитъ заслуга воскрешенія польщизны въ западной Пруссіи. Объясненіе нѣмцевъ, если въ немъ и есть малая доля основательности, въ общемъ тѣмъ болѣе натянуто, что поляки въ первый разъ нынче выступили самостоятельно, не въ качествѣ кандидатовъ центра. Лозунгомъ на выборахъ служила національная программа, въ которой особенно тщательно выставлялось на видѣ избирателямъ, что они теперь должны руководствоваться исключительно національными, а не религіозными только интересами, такъ какъ, въ виду совершающагося примиренія Ватикана съ прусскимъ правительствомъ, на центръ расчеты плохи. Онъ легко можетъ пожертвовать національными польскими интересами интересамъ церкви. Эта программа и восторжествовала. Въ Силезіи, т.-е. въ польской части ея, въ Верх-

ней Силезіи, выбраны сплошь одни кандидаты центра, и это уже большой успѣхъ, указывающій на господство оппозиціоннаго духа и въ этой забытой Богомъ и людьми славянской странѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, и тамъ прошли бы 1—2 поляка, но не всѣ сразу—польскій комитетъ, благоразумно не желая совсѣмъ разрывать съ центромъ, не пробовалъ еще выставить своихъ отдѣльныхъ кандидатовъ въ Силезіи.

Эльзасъ и Лотарингія, выбирающіе 15 депутатовъ, прислали на этотъ разъ 15 протестлеровъ. Народившаяся-было съ такими прочными задатками жизненности и блестящей будущности, автономистская партія умерла въ тотъ самый день, когда германскій рейхстагъ утвердилъ предложеніе правительства ввести обязательное употребленіе нѣмецкаго языка въ имперскихъ земляхъ, и никакія усилія штатгальтера не могли болѣе призвать ее къ жизни. Чего ни дѣлалъ бар. Мантейфель, какихъ медовыхъ рѣчей ни говорилъ, какъ ни ухаживалъ за духовенствомъ, какими милостями ни осыпалъ вліятельныхъ людей, ничто не помогло. Повинуясь приказу изъ Берлина, онъ попробовалъ иныхъ средствъ, устрашающихъ: прекратилъ, безъ всякаго повода, единственный органъ протестлеровъ „Печать“, повелѣлъ католической газетѣ „Союзъ“ переимѣнить сплошь всю редакцію (только на этомъ условіи клерикальному „Союзу“ позволили продолжать изданіе), сталъ дѣлать разныя затрудненія открытію туземнаго эльзасъ-лотарингскаго страхового общества, наконецъ, подъ предлогомъ противогосударственной пропаганды, подвергъ высылкѣ нѣсколькихъ лицъ и выставилъ офиціального кандидата. И это все осталось тщетнымъ. Народъ, тѣмъ не менѣе, голосовалъ за протестлеровъ. Теперь правительство напало на счастливую мысль разыграть роль страуса, и всему хору офиціозовъ приказало увѣрять публику, нѣмецкую и иную, будто результатъ выборовъ относительно очень утѣшителенъ, хотя и показалъ прискорбное преобладаніе ультрамонтанскаго направленія. Выбраны, видите ли, не политическіе протестлеры, а католики-клерикалы. Въ этомъ и утѣшительность явленія, будто бы несомнѣнно доказывающая, что населеніе имперскихъ земель примирилось съ неотразимымъ фактомъ воссоединенія съ нѣмецкимъ отечествомъ. Населеніе терпитъ до времени этотъ фактъ и знаетъ, что измѣненіе его зависитъ отъ внѣ его лежащихъ условій въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Но чтобъ оно съ нимъ примирилось, или хоть малѣйшій шансъ для такого примиренія былъ, этому не вѣрять ни одна душа въ Германіи, начиная съ тѣхъ офиціозовъ и ихъ увнушителей, которые распускаютъ эту лживую чепуху. Всѣ стремленія, нравы, весь складъ понятій и формы жизни эльзасцевъ и лотарингцевъ стоятъ въ ради-

кальномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что имъ даетъ Германія и, разумѣется, не нынѣшняя система, внушающая отвращеніе даже пруссакамъ, въ состояніи примирить съ „возсоединеніемъ“ народъ, воспитавшійся подъ вліяніемъ свободныхъ учрежденій Франціи. Во время избирательной агитаціи дѣйствительно не были произносимы слова: „протестъ противъ занятія“. Но это потому, что все населеніе слишкомъ глубоко и непоколебимо чувствуетъ этотъ протестъ, о которомъ поэтому нѣтъ надобности говорить, тѣмъ болѣе, что есть дѣло ближайшее, которому требуется помочь немедленно. Это дѣло—противодѣйствіе обычному способу нѣмцевъ водворять свое господство механическимъ вытѣсненіемъ туземнаго населенія путемъ безконечнаго наплыва эмиграціи. Въ Эльзасъ переселяются десятки тысячъ нѣмцевъ, и въ томъ числѣ тысячи чиновниковъ, которые всѣ порываютъ забрать богатства страны въ свои руки и сосутъ ее какъ истыя пиявки. Вотъ, противъ этого-то зла готовятся организовать эльзассцы оппозицію, какъ организовали уже отчасти экономическую оппозицію.

Теперь мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о грозной силѣ, проявленной социаль-демократіей. Не смотря на весь гнетъ, которому они подвергались, не смотря на вынужденную необходимость вести свою избирательную агитацію въ тайнѣ, главнымъ образомъ путемъ устныхъ бесѣдъ, социаль-демократамъ удалось провести въ рейхстагъ 13 депутатовъ своей партіи, т.-е. тремя болѣе, чѣмъ въ 1878 г. Независимо отъ этого, они успѣли въ 27 округахъ довести своихъ кандидатовъ до перебаллотировки, и хотя 14 изъ нихъ были, въ концѣ-концовъ, побѣждены, но побѣда не легко досталась противникамъ; въ большинствѣ случаевъ она опредѣлилась большинствомъ лишь въ нѣсколько сотъ, а иной разъ, какъ, напримѣръ, въ Берлинѣ, и въ нѣсколько десятковъ всего голосовъ. Это при тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя описаны выше. Судите, что получилось бы при дѣйствительно правильныхъ выборахъ. А главное, значительная часть перебаллотировокъ съ социалистами происходила въ такихъ округахъ, гдѣ въ былое время и духомъ социалистскимъ не пахло. Ясно, что не только партія не сломлена, но и организація ея ни мало не пострадала, напротивъ—усовершенствовалась. Важнѣе же всего то, что всѣ народолюбивыя рѣчи князя Бисмарка и его блестящія обѣщанія не соблазнили, оказывается, ни одного рабочаго. Память самого Лассалля они чтутъ, но къ Бисмарку, драпирующемуся въ лассалианизмъ, относятся такъ же враждебно, какъ и къ прежнему Бисмарку-манчестерцу.

Такимъ образомъ, выборы яркими и неопровержимыми чертами подтвердили, что единая съ виду и извнѣ могущественная импе-

рія Гогенцоллерновъ на дѣлѣ внутри полна непримиримой розни и антагонизма. Разумѣется — опять скажу — изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ она была на краю гибели. Если имперское правительство рѣшится честно и неуклонно соблюдать существующій теперь лишь на бумагѣ федеративный характеръ государства и еще расширить его въ пользу завоеванныхъ провинцій восточныхъ и западныхъ, тогда Германія безъ всякихъ потрясеній счастливо переживетъ теперешній кризисъ. И не только сама переживетъ, но можетъ еще, благодаря своему центральному географическому положенію, сдѣлаться источникомъ новаго лучшаго строя во всей Европѣ. Но если правительство будетъ по прежнему, подъ прикрытіемъ фразъ о социальныхъ реформахъ, стараться превратить германскій союзъ въ прусскую имперію, — Германія не избѣжать внутреннихъ катастрофъ. Даже внѣшняя война не спасетъ ее отъ переворота, а развѣ только отдалитъ его.

Н. С.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

Восточная политика Австріи и финансовый кризисъ въ Константинополѣ.

Не нужно быть ни шовинистомъ, ни кваснымъ патриотомъ аксаковского или катковского пошиба, чтобы въ глубокомъ раздумьѣ остановиться передъ ближайшими послѣдствіями недавней войны Россіи съ Турціей. Не воюющія стороны, не Россія и, разумѣется, не Турція извлекли прямыя выгоды изъ этой войны. Послѣ нея Турція много приблизилась къ политической смерти, и если еще продолжаетъ политически дышать, то лишь благодаря искусственнымъ условіямъ, созданнымъ международной политикой европейскихъ державъ. Россія сдѣлала кое-какія пріобрѣтенія въ Азіи, безкорыстно освободила Болгарію и получила право на нѣкоторое возмѣщеніе своихъ военныхъ издержекъ, представляющееся фиктивнымъ въ виду финансовой несостоятельности Турціи. Почти всѣ матеріальныя и политическія выгоды войны выпали на долю Австріи. Австрія пріобрѣла двѣ обширныя турецкія провинціи въ Европѣ и, вспоможествуемая Германіей, простираетъ теперь свое вліяніе далеко за ихъ предѣлы.

Вмѣстѣ съ голосомъ Германіи, ея голосъ имѣеть теперь большой вѣсъ во всѣхъ международныхъ совѣщаніяхъ по восточному вопросу. Она политически дѣлается тѣмъ солнцемъ, вокругъ котораго принуждены обращаться политическія тѣла меньшаго объема: Черногорія, Сербія, Болгарія и Румынія. Она присвоиваетъ себѣ преобладающее вліяніе на всемъ судоходномъ Дунаѣ.

Таковъ характеръ всѣхъ свѣдѣній, проникшихъ за послѣдніе годы въ европейскія газеты и парламенты. О роли Германіи и Австріи въ переговорахъ по вопросамъ черногорскому и греческому мы уже знаемъ давно изъ дипломатической переписки, представленной въ текущемъ году правительствами Франціи и Англіи въ законодательныя палаты. Опираясь на Германію, Австрія рѣшительно противоѣствовала предложеніямъ Англіи и другихъ державъ въ упомянутыхъ вопросахъ и умѣла настоять на своемъ. Дипломатическая переписка, представленная делегаціямъ австрійскимъ правительствомъ въ концѣ минувшаго октября, подъ обычнымъ названіемъ „Красной Книги“, не представляетъ въ этомъ отношеніи ничего новаго и только подтверждаетъ то, что было намъ извѣстно прежде, прибавляя развѣ только одно очень характерное заявленіе лорда Гренвилля представителю Австріи въ Лондонѣ. Желая энергическихъ мѣръ противъ Турціи въ вопросахъ греческомъ, финансовомъ и армянскомъ, лордъ Гренвилль сказалъ, между прочимъ, представителю Австріи, фонъ-Генгенмюллеру: *„Событія доставили Германіи перевѣсъ въ совѣтахъ Порты. Но при всемъ уваженіи султана и его совѣтниковъ къ лицу столь сильному и значительному, какъ князь Бисмаркъ, онъ (лордъ Гренвилль) очень сомнѣвается въ томъ, чтобы они послѣдовали за германскимъ посломъ, гр. Гацфельдомъ, въ томъ случаѣ, еслибъ гр. Гацфельдъ потребовалъ отъ нихъ чего-нибудь такого, что имъ непріятно“*. Вообще, по остроумному замѣчанію одного вѣнскаго журнала, представленная делегаціямъ австрійская „Красная Книга“ производитъ впечатлѣніе діалога между Англіей и Австріей. Англія желаетъ энергическихъ принудительныхъ мѣръ противъ Турціи; Австрія не соглашается участвовать въ нихъ и хочетъ ограничиться одними только дипломатическими мѣрами, ссылаясь на волю своего народнаго представительства. Россія, судя по „Красной Книгѣ“, занимала во все это время крайне-сдержанное положеніе. Затѣмъ вся эта переписка, относящаяся къ дѣламъ уже поконченнымъ, не даетъ никакихъ указаній на положеніе текущихъ международныхъ вопросовъ на турецкомъ Востоцѣ, напримѣръ, хотя бы того вопроса о судоходствѣ по Дунаю, въ разрѣшеніи котораго Австрія стремится занять первенствующее положеніе, или вопроса

о торговых интересах Австріи по отношенію къ славянскимъ государствамъ, примыкающимъ къ южной ея границѣ.

Но, кромѣ этой дипломатической переписки, австро-венгерское министерство представило делегаціямъ другую „Красную Книгу“ о настоящемъ положеніи австрійскаго управленія въ Босніи, — вопросъ мало извѣстномъ, очень темномъ, и на которомъ стоить остановиться. Эта записка излагаетъ сначала печальное состояніе, въ какомъ застало Боснію и Герцеговину австрійское вторженіе, и потомъ даетъ отчетъ о мѣрахъ, принятыхъ тамъ австрійской администраціей. Прежде всего было обращено вниманіе на политическую сторону управленія, и были учреждены одна центральная политическая власть въ Сераевѣ, шесть уѣздныхъ властей и сорокъ-семь окружныхъ, которымъ приданы въ помощь такъ-называемые меджлисы — совѣты, составленные изъ вліятельнѣйшихъ людей каждаго округа, безъ различія вѣроисповѣданій. Правительство признало невозможнымъ передать нѣкоторыя части управленія общинамъ, полагая, что только очень немногія изъ нихъ обладаютъ необходимыми для самоуправленія денежными средствами и умственными силами. Для огражденія общественной безопасности учреждена жандармерія, состоящая болѣею частью не изъ туземцевъ, а изъ австрійскихъ офицеровъ и солдатъ, потому что лишь немногіе турецкіе заплѣн оказались пригодными для этой службы. Признавая услуги этого учрежденія, записка однако признаетъ, что общественная безопасность въ бывшихъ двухъ турецкихъ областяхъ еще оставляетъ желать многого. Мѣстами еще появляются отдѣльныя разбойничьи шайки и совершаются убійства, которыя записка объясняетъ страшнымъ нравственнымъ мракомъ, въ какой было погружено населеніе подъ турецкимъ владычествомъ. Разбойниковъ въ занятыхъ областяхъ нерѣдко окружали политическій нѣмбъ, а топографическія условія края благопріятствовали ихъ дѣйствіямъ. И пройдетъ еще много времени, прибавляетъ записка, прежде чѣмъ безопасность въ тѣхъ мѣстахъ сравняется съ той безопасностью, какою пользуются страны болѣе образованныя.

Судебная часть устроена въ Босніи и Герцеговинѣ по образцу судебныхъ учрежденій имперіи, но только изъ двухъ инстанцій: верховный судъ въ Сераевѣ служитъ второю и послѣднею инстанціей. Первую инстанцію составляютъ уѣздные суды и сорокъ-семь окружныхъ начальниковъ. Эти судебныя власти сносятся между собою на нѣмецкомъ языкѣ, а съ сторонами на мѣстномъ, но сторонамъ позволено выразаться также на языкахъ нѣмецкомъ и мадьярскомъ. Подсудность иностраннымъ консуламъ совсѣмъ отмѣнена. Изъ турецкихъ судебныхъ учрежденій удержанъ только духовный судъ, или шаріатъ, для семейныхъ дѣлъ и дѣлъ о наслѣдствѣ у мусульманъ.

1-го сентября 1879 года введенъ новый уголовный законъ, составленный по образцу австрійскаго военно-уголовнаго закона; относительно гражданскихъ дѣлъ сдѣланы только временныя предписанія, но предполагено ввести новый порядокъ гражданского судопроизводства. Кодификація гражданского законодательства уже начата.

По финансовой части въ занятыхъ областяхъ введена австрійская система косвенныхъ налоговъ; но прямыя налоги сохранены прежніе впредь до окончанія податнаго кадастра, и только улучшенъ способъ ихъ взиманія. Первое мѣсто между этими прямыми налогами занимаетъ десятина. Отбываніе этой повинности натурой замѣнено денежнымъ сборомъ, и дало въ 1880 году около трехъ милліоновъ гульденовъ. Правительство ожидаетъ значительнаго приращенія по этой статьѣ дохода, когда будетъ окончена кадастръ и десятину замѣнить поземельный налогъ. Другіе прямыя налоги, которыхъ не мало, предполагено преобразовать въ „личный подоходный налогъ“, который, по расчетамъ правительства, увеличитъ доходы казны. Старый турецкій военный налогъ, который уплачивали христіане за избавленіе отъ военной службы и который приносилъ около шести-сотъ тысячъ гульденовъ, теперь отмѣненъ.

Турецкое владичество въ Босніи и Герцеговинѣ не оставило по себѣ точныхъ свѣдѣній объ ихъ пространствѣ и числѣ населенія. Австрійцы произвели въ 1879 году свою перепись, причемъ былъ сочтенъ и скотъ населенія. Въ занятыхъ областяхъ оказалось всего 1,158,440 душъ. Определеніе пространства будетъ окончено въ 1884 году и обойдется правительству почти въ два съ половиною милліона гульденовъ. Къ сожалѣнію, источникъ, изъ котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, не приводитъ данныхъ о числѣ населенія по вѣроисповѣданіямъ.

Австрійское владичество, разумѣется, положило конецъ преобладанію магометанства въ церковныхъ дѣлахъ. Мусульманамъ только предоставлена полная свобода вѣроисповѣданія; относительно православной части населенія правительство вошло въ соглашеніе съ константинопольскимъ патріархомъ, а относительно католическаго съ папой, который предоставилъ императору назначеніе одного архіепископа и епископовъ. При вступленіи австрійцевъ въ Боснію, тамъ было 645 церковныхъ школъ разныхъ исповѣданій, которыя сохранены имъ во избѣжаніе расходовъ; правительство учредило пока на счетъ мѣстнаго населенія двѣ школы въ Сераевѣ для обученія письму латинскими буквами, одну городскую школу для дѣвочекъ и реальную гимназію, да начальныя школы въ девятнадцати округахъ. Преподаваніе происходитъ на сербо-хорватскомъ языкѣ. „Молодежь обнаруживаетъ даровитость и большую охоту къ ученію“, го-

ворить записка австрійскаго правительства, „и школьное дѣло, даже при такомъ скромномъ началѣ, даетъ утѣшительные результаты“.

Вполнѣ по-нѣмецки взглянуло австрійское правительство на отношенія мусульманъ-землевладѣльцевъ къ христіанамъ-арендаторамъ. Оно признаетъ возможность спора о томъ, могутъ ли эти отношенія благопріятствовать развитію края и мирному сожителству различныхъ слоевъ населенія, желательно ли, исполнимо ли измѣненіе существующихъ отношеній. Но, говорить оно, правовая ихъ основа не можетъ быть вопросомъ. Христіанамъ-арендаторамъ вмѣнено въ обязанность по прежнему отбывать повинности въ пользу мусульманъ-землевладѣльцевъ, но въ тоже время изданы постановленія, ограждающія арендаторовъ отъ произвола землевладѣльцевъ. Мѣстнымъ австрійскимъ властямъ даны соотвѣтственныя предписанія для улаженія столкновеній и споровъ между обѣими сторонами. Но эти предписанія, какъ видно изъ самой записки, могли только разочаровать христіанское населеніе. Арендаторы надѣялись получить свои земли въ собственность безъ всякихъ повинностей въ пользу землевладѣльцевъ и стали поэтому избѣгать заключенія письменныхъ условій съ ними. Землевладѣльцы, съ своей стороны, опасались лишиться своихъ земель. Австрійцы явились въ качествѣ посредниковъ, поставившихъ себѣ задачей юридически оградить обѣ стороны отъ чрезмѣрныхъ притязаній,—роль едва ли благодарная и едва ли способная обезпечить народное благосостояніе. Безземельное христіанское населеніе обѣихъ областей всегда останется недовольнымъ, пока не освободится отъ старой экономической зависимости, съ которой у него связано столько жестокихъ воспоминаній. Записка, впрочемъ, утверждаетъ, что насколько матеріальное благосостояніе можетъ быть обезпечено закономъ и его безпристрастнымъ примѣненіемъ, положеніе христіанъ-арендаторовъ по меньшей мѣрѣ не хуже того, въ какомъ находятся арендаторы другихъ странъ, гдѣ существуютъ подобныя отношенія между землевладѣльцами и поселянами. Но отчего же не сдѣлать его лучше новымъ хозяевамъ двухъ бывшихъ турецкихъ областей?

По словамъ записки, земледѣліе уже сдѣлало нѣкоторые успѣхи подъ австрійскимъ владычествомъ; но колонизація въ большихъ размѣрахъ будетъ возможна только по окончаніи кадастра. Для промышленности сдѣлано еще очень мало; но правительство усердно занялось горнымъ и лѣснымъ дѣломъ. Въ 1879 году произведено геологическое изслѣдованіе Босніи. Найденныя залежи каменнаго угля и мѣди не предоставлены свободной разработкѣ населенія, а признаны собственностью государства, которое частью разрабатываетъ ихъ отъ себя; частью отдаетъ въ аренду австрійскимъ капи-

талистамъ. Но самое цѣнное богатство Босніи составляютъ лѣса. Почти половина этой области покрыта лѣсомъ, который почти сплошь принадлежитъ казнѣ. Сожалѣя о томъ, что турецкое правительство предоставляло населенію пользоваться казеннымъ лѣсомъ, причемъ нерѣдко случались злоупотребленія, новые хозяева Босніи намѣреваются приступить къ лѣсному кадастру и принять строжайшія мѣры противъ порубокъ.

Бѣдное сельское населеніе Босніи, остающееся въ экономической зависимости отъ мусульманъ-землевладѣльцевъ, лишенное права пользоваться изобильнымъ въ странѣ лѣсомъ, принуждено еще терпѣть отъ постоя австрійскихъ солдатъ. Сама записка признаетъ эту постоянную повинность крайне неудобной и заявляетъ желаніе правительства построить достаточное число казармъ; но, прибавляетъ она, правительство не располагаетъ необходимыми для того суммами. Въ финансовомъ отношеніи доходы Босніи въ 1880 году, составившіе пять съ половиною милліоновъ гульденовъ, покрыли расходы на нее, простиравшіеся до той же цифры. Но на будущее время, по мнѣнію правительства, будутъ необходимы приплаты изъ имперской казны. Съ какою расчетливостью ведется дѣло въ Босніи, можно судить потому, что сѣтъ простыхъ дорогъ въ количествѣ 1580 километровъ (около 1500 вевствъ), возстановленная австрійской администраціей къ концу 1880 года, обошлась ей въ 760,000 флориновъ!

Таковы официальные свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ странѣ, три года тому назадъ перемѣнившей турецкое правительство на австрійское. Оно, конечно, оставляетъ желать очень многого, хотя турокъ уже не можетъ болѣе ѣздить верхомъ на райѣ, какъ это дѣлалось, въ буквальный смыслъ, при турецкомъ владычествѣ. Но Австрія не имѣетъ въ виду удовольствоваться теперешнимъ составомъ населенія въ бывшихъ турецкихъ провинціяхъ. Она, очевидно, разсчитываетъ на колонизацію въ широкихъ размѣрахъ. Богатныя южныя земли Босніи и Герцеговины привлекутъ со временемъ цѣлое населеніе австрійскихъ и нѣмецкихъ колонистовъ, и не одинъ милліонъ гульденовъ и марокъ. А черезъ двадцать, тридцать лѣтъ, дикія теперь области, преданныя турками запустѣнію, превратятся въ богатныя провинціи австрійской имперіи, гдѣ первая роль будетъ принадлежать уже не туркамъ и не забытой славянской райѣ, а пришлому нѣмецкому населенію...

Окончательное занятіе Босніи и Герцеговины австрійскимъ войскомъ и водвореніе тамъ имперскаго управленія было только однимъ изъ проявленій давней политики Австріи на турецкомъ востокѣ, того стремленія на Востокъ, *Drang nach Osten*, которое раздѣляетъ съ нею Германія. Занявъ матеріально двѣ турецкія области,

Австрія стремится теперь подчинить своему политическому вліанію небольшія, но независимыя государства, образовавшіяся изъ бывшихъ турецкихъ областей: Черногорію, Сербію, Румынію и Болгарію.

Въ половинѣ минувшаго ноября мы всѣ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ читали въ ежедневныхъ газетахъ телеграфное извѣстіе о содержаніи тронной рѣчи, произнесенной королею Румыніи при открытіи палаты. Не называя прямо никакой державы, король счелъ необходимымъ заявить на всю Европу, что въ виду препятствій, встрѣчаемыхъ румынскою торговлею при вывозѣ черезъ сухопутныя границы, самые жизненные интересы страны заставляютъ Румынію горько охранять свое право на свободное судоходство по Дунаю, съ которымъ были всегда такъ тѣсно связаны судьбы Румыніи. „Убѣжденіе это—продолжалъ король—налагаетъ на насъ обязанность не подписывать никакихъ соглашеній, которыя бы подчиняли судоходство отъ Желѣзныхъ-Воротъ до Галаца преобладающему вліанію какой-нибудь одной державы.“

Держава, которую разумѣетъ король, есть Австрія, и все это мѣсто тронной рѣчи—не что иное, какъ отчаянный патріотическій крикъ верховнаго представителя Румыніи, вызванный запутаннымъ положеніемъ дунайскаго вопроса въ настоящее время.

Еще вѣнскій конгрессъ, если не примѣнилъ, то провозгласилъ полную свободу судоходства по тѣмъ рѣкамъ, побережья которыхъ принадлежать разнымъ государствамъ. Съ тѣхъ поръ международная практика стремилась къ повсемѣстному примѣненію этого принципа, который изложенъ покойнымъ Блюнчли въ слѣдующихъ категорическихъ выраженіяхъ: „Судоходныя рѣки, непосредственно впадающія въ открытое море, открыты въ мирное время для судовъ всѣхъ народовъ; право свободного судоходства по нимъ не можетъ быть ни отмѣнено, ни ограничено въ ущербъ нѣкоторымъ націямъ“. Къ Дунаю тотъ же принципъ былъ примѣненъ впервые парижскимъ договоромъ 1856 года. Парижскій договоръ формально уравнивалъ флаги всѣхъ народовъ въ отношеніи къ судоходству по Дунаю, и съ этою цѣлью учреждалъ двѣ комиссіи, при которыхъ одна, такъ-называемая „европейская комиссія“, должна была въ теченіе двухъ лѣтъ опредѣлить условія, необходимыя для достиженія главной цѣли—свободнаго судоходства, а другая, названная прибрежной и постоянной, была предположена для замѣны первой по прошествіи двухъ лѣтъ. „Европейская комиссія“ собралась въ Вѣнѣ въ 1857 году для составленія устава о судоходствѣ по Дунаю, и въ томъ же году четыре державы: Австрія, Баварія, Турція и Вюртембергъ, подписали составленный ими проектъ устава, который, какъ вскорѣ оказалось, не удовлетворилъ державъ, участвовавшихъ въ составленіи

парижскаго договора. Парижская конференція нашла, что проектированный въ Вѣнѣ уставъ предоставлялъ слишкомъ большое преобладаніе Австріи на Дунаѣ, и не утвердилъ его. За несостоявшимся соглашеніемъ, надо было продлить существованіе европейской комиссіи и даже расширить предоставленныя ей права и задачи, которыя впоследствии были подтверждены и берлинскимъ договоромъ 1878 года.

Такимъ образомъ всѣ международные договоры, начиная съ актовъ вѣнскаго конгресса, только подтверждали полную свободу судоходства по Дунаю для судовъ всѣхъ націй, съ соблюденіемъ всѣми одинаковыхъ полицейскихъ правилъ. Каждое побережное государство, въ силу договоровъ, сохраняло свои верховныя права; но, по смыслу берлинскаго трактата, эти права были подчинены правиламъ, установленнымъ „европейскою комиссіей“, и не могли нарушать свободу судоходства, подтвержденную трактатами. Всякая привилегія, всякая монополія были рѣшительно отстранены. Флаги всѣхъ націй признаны совершенно равными по отношенію къ взимаемымъ сборамъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Правда, исполненіе работъ для улучшенія условій судоходства и поддержаніе улучшенныхъ условій, кромѣ тѣхъ, которыя были поручены „европейской комиссіей“, падало на побережныя государства; участіе другихъ государствъ въ этихъ расходахъ и опредѣленіе сборовъ, предназначенныхъ на ихъ покрытіе, требовали предварительнаго общаго соглашенія державъ, въ силу котораго онѣ могли поручать исполненіе извѣстнаго рода работъ одному какому-нибудь государству. Такъ берлинскій договоръ поручилъ Австро-Венгріи производство работъ при Желѣзныхъ-Воротахъ. Но такое порученіе не влекло за собою никакихъ особенныхъ преимуществъ передъ другими государствами относительно самаго судоходства, никакой исключительной выгоды. По договорамъ вѣнскому и парижскому, сборы съ судоходства по Дунаю не должны служить источникомъ финансоваго дохода для взимающаго ихъ побережнаго государства. Установленные единственно для покрытія расходовъ на работы и необходимыя мѣры къ улучшенію судоходства, эти сборы должны быть умѣренны, единообразны для всѣхъ, постоянны и опредѣлены по взаимному соглашенію побережныхъ государствъ.

Подтверждая постановленія парижскаго договора о свободѣ судоходства по Дунаю, берлинскій договоръ подтвердилъ также права и значеніе „европейской комиссіи“, поставленной въ положеніе совершенно независимое отъ мѣстныхъ территоріальныхъ властей. Берлинскій договоръ требуетъ, чтобы правила судоходства и рѣчной полиціи на всемъ протяженіи Дуная отъ Желѣзныхъ-Воротъ до Галаца были составлены этою комиссіей, съ участіемъ побережныхъ государствъ. Цѣль договаривавшихся державъ очевидна: онѣ не желали,

чтобы дунайская торговля попала въ руки какой-нибудь одной державы. Свобода судоходства исключаетъ не только политическую, но и торговую монополію. Именно поэтому державы и предоставили Румыніи, Болгаріи и Сербіи совѣщательный голосъ въ разработкѣ новаго устава для судоходства по Дунаю.

Но тутъ обще-европейскій интересъ столкнулся съ австро-венгерскимъ. Дунай—одна изъ важнѣйшихъ артерій австро-венгерской торговли, и Австро-Венгрія считаетъ себя въ правѣ подчинить судоходство по Дунаю своему исключительному вліянію. Занявъ Боснію, Герцеговину и Ново-Базарскій округъ, Австро-Венгрія открыла себѣ путь на югъ къ Салоникамъ и разобщила Сербію съ Черногоріей. На востокъ, главнымъ объектомъ ея политики оставались Дунай и при-дунайскія государства. Съ точки зрѣнія спеціальныхъ интересовъ Австро-Венгрии, ея государственные люди совершенно правы. Дунай въ своемъ теченіи проходитъ черезъ всю имперію; онъ открываетъ ея промышленности и торговлѣ легчайшій путь въ Черное море и на Востокъ; на немъ уже много лѣтъ дѣйствуетъ сильное пароходное общество, учрежденное подъ покровительствомъ австро-венгерской центральной власти и захватившее въ свои руки почти всю торговлю по Дунаю. Австро-венгерскіе государственные люди не останавливаются передъ тѣмъ очень осязательнымъ фактомъ, что на всемъ пространствѣ отъ Желѣзныхъ-Воротъ до Силистріи, Дунай течетъ между Румыніей и Болгаріей, а отъ Силистріи до устья—между румынскими берегами; они все-таки считаютъ его австрійскою рѣкой. И вотъ, принявъ на себя работы при Желѣзныхъ-Воротахъ, Австро-Венгрія предложила „европейской комиссіи“ учредить такъ-называемую „смѣшанную комиссію“ подъ ея предѣлательствомъ, что, какъ мы сейчасъ увидимъ, много приблизило ее къ желанной цѣли.

„Европейская комиссія“ поручила тремъ своимъ членамъ составить уставъ для судоходства и рѣчной полиціи по Дунаю на протяженіи между Желѣзными-Воротами и Галацомъ. Этотъ трехчленный комитетъ, приступившій къ дѣлу въ май прошлаго года, положилъ въ основаніе своихъ работъ записку представителя Германіи, и представилъ свой проектъ въ „европейскую комиссію“, засѣдающую въ Галацѣ, подъ именемъ „Предварительнаго проекта правилъ о судоходствѣ, рѣчной полиціи и надзорѣ“. Въ проектѣ сказалось явное намѣреніе Австро-Венгрии закрѣпить международнымъ актомъ свое полное преобладаніе на Дунаѣ. Проектъ предлагалъ поручить исполненіе вновь составленныхъ правилъ „смѣшанной комиссіи“, засѣдающей въ Рущукѣ и состоящей изъ представителей Австро-Венгрии, Болгаріи, Румыніи и Сербіи. По тому же проекту, въ этой смѣшанной комиссіи предсѣдательствуетъ представитель Австро-

Венгріи; рѣшенія постановляются большинствомъ голосовъ; но въ случаѣ равенства голосовъ, голосъ предсѣдателя имѣетъ перевѣсъ. При такомъ условіи Австро-Венгріи стоило только привлечь на свою сторону одного члена смѣшанной комиссіи, чтобы проводить всѣ свои мѣры и обратить смѣшанную комиссію въ австрійскую подъ видомъ международной. Проектированный уставъ требуетъ, чтобы по берегамъ Дуная не было возводимо никакихъ мостовъ и никакихъ постоянныхъ сооружений безъ предварительнаго внесенія плановъ въ смѣшанную комиссію и безъ ея утвержденія. Такимъ образомъ Румынія и Болгарія должны заручаться позволеніемъ Австріи и Сербіи для того, чтобы устроить между собою постоянныя сообщенія. Румынія, которой принадлежатъ оба бережья Дуная отъ Силистріи до Сулины, не можетъ безъ такого позволенія построить мостъ къ своему новому владѣнію—Добруджѣ. Къ тому же, выраженіе проекта: „*никакихъ постоянныхъ сооружений*“, очень растяжимо. Подъ это выраженіе подходятъ и дебаркадеры, и молы, и набережныя. Проектъ подчиняетъ смѣшанной комиссіи и ея инспектору портовыхъ капитановъ, оплачиваемыхъ государствомъ и зависящихъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Проектъ даже предоставляетъ самой смѣшанной комиссіи дѣлать тѣ измѣненія въ новомъ уставѣ, какія она признаетъ полезными, и понятно, каковы будутъ эти измѣненія, какъ скоро господствующая роль въ смѣшанной комиссіи принадлежитъ представителю австро-венгерскаго правительства.

Вотъ противъ этого-то проекта и протестуетъ теперь Румынія.

Не будучи бережнымъ государствомъ по тому протяженію Дуная отъ Желѣзныхъ-Воротъ до Галаца, для котораго собственно и составляется новый уставъ о судоходствѣ, Австро-Венгрія не могла не предвидѣть, что ея виды встрѣтять съ разныхъ сторонъ серьезное противодѣйствіе. Въ такомъ трудномъ дѣлѣ ей былъ необходимъ вліятельный и надежный союзникъ, и она нашла его въ германскомъ правительствѣ. Италія, повидимому, тоже присоединилась къ ней, находя свои выгоды въ возможномъ отвлеченіи силъ Австро-Венгріи отъ Тироля и Адриатическаго моря къ Эгейскому и Черному. Комитетъ, которому было поручено выработать изложенный нами проектъ, состоялъ какъ разъ изъ представителей Австріи, Германіи и Италіи. Они-то и дали новый характеръ порученію, возложенному берлинскимъ договоромъ на европейскую комиссію. Поручая этой комиссіи выработать уставъ о судоходствѣ по Дунаю, берлинскій конгрессъ естественно имѣлъ въ виду предоставить каждому изъ бережныхъ государствъ примѣненіе этого устава на собственной его территоріи; но трехчленный комитетъ истолковалъ постановленіе берлинскаго договора въ чисто австрійскомъ смыслѣ и создалъ совер-

шенно новое, не предусмотрѣнное договоромъ, учрежденіе—смѣшанную комиссію. Румынія утверждаетъ теперь, что онъ превысилъ полномочіе, данное „европейской комиссіи“ берлинскимъ конгрессомъ, что онъ произвольно перенесъ права этой послѣдней на новую комиссію, составленную въ духѣ Австро-Венгріи. Сама „европейская комиссія“ не имѣла права, по мнѣнію Румыніи, утверждать подобную мѣру, безъ предварительнаго соглашенія между всѣми державами. Прежде чѣмъ обсуждать вопросъ о томъ, должно ли принадлежать Австро-Венгріи предсѣдательство съ преобладающимъ голосомъ въ смѣшанной комиссіи, прежде чѣмъ рѣшать, что эта комиссія будетъ пребывать въ Русукѣ, надо было подвергнуть обсужденію вопросъ о томъ, согласно ли съ международными договорами самое существованіе такой полу-австрійской комиссіи.

„Международная комиссія“ сначала такъ и поступила. Весною прошлаго года она устранила предварительный проектъ своего трехчленнаго комитета и рѣшила, руководствуясь 55-ю статьей берлинскаго договора, составить сама другой проектъ, болѣе отвѣчающій международнымъ требованіямъ. Но послѣ этой весенней сессіи прошлаго года, дѣло вдругъ приняло другой оборотъ. По причинамъ, до сихъ поръ еще неизвѣстнымъ, большинство державъ согласилось допустить существованіе смѣшанной комиссіи подъ австрійскимъ предсѣдательствомъ, признавъ нужнымъ только ограничить права ея и подчинить ее „международной комиссіи“. Но въ прошлогоднюю осеннюю сессію этой послѣдней по этимъ именно пунктамъ обнаружилось такое глубокое разногласіе между представителями державъ, что сессія не дала никакого окончательнаго результата. Дѣло было отложено до весенней сессіи текущаго года. Судя по протоколамъ этой сессіи, представители державъ глубоко расходились между собою въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ, предложенныхъ Англіей и служащихъ теперь предметомъ совѣщаній между державами. Одни желали ограничить срокъ существованія смѣшанной комиссіи срокомъ существованія „европейской комиссіи“ и допустить апелляцію въ „европейскую комиссію“ на всякое постановленіе смѣшанной; другіе, согласившись на первый пунктъ, рѣшительно отвергаютъ второй. Къ нему и сводится теперь весь дунайскій вопросъ. Представитель Германіи противопоставилъ англійскому предложенію другое, въ слѣдующей редакціи:

„Рѣшенія смѣшанной комиссіи постановляются большинствомъ голосовъ; въ случаѣ равенства голосовъ, голосъ предсѣдателя prevails въ вопросахъ административныхъ. Когда въ принципиальныхъ вопросахъ не окажется единогласія, каждый членъ смѣшанной комиссіи можетъ требовать, чтобы исполненіе рѣшенія было отло-

жено, чтобы спорный вопросъ былъ предварительно внесенъ въ „европейскую комиссію“, рѣшеніе которой, принятое въ ея полномъ собраніи большинствомъ голосовъ, получаетъ силу закона“.

Послѣдняя сессія международной комиссіи была посвящена обсужденію предложеній Германіи и Англіи. Пренія между представителями Австро-Венгріи и Германіи съ одной стороны, и представителемъ Англіи съ другой, были такъ рѣзки, что рѣшеніе вопроса отложено до другой сессіи. Представители Франціи, Россіи, Турціи, Италіи, Сербіи и Болгаріи въ большей или меньшей степени примкнули къ англійской точкѣ зрѣнія. Сессія кончилась, однакоже, такимъ заявленіемъ англійскаго уполномоченнаго, которое вновь поставило вопросъ о самомъ существованіи смѣшанной комиссіи. Такъ какъ его предложеніе о правѣ апелляціи не принято единогласно, сказалъ онъ, то онъ не можетъ допустить и учрежденія смѣшанной комиссіи въ проектированномъ видѣ. Австрійскому уполномоченному оставалось только высказать надежду, что его товарищи получатъ со временемъ инструкціи своихъ правительствъ по вопросамъ, оставшимся нерѣшенными, и что тогда можно будетъ возвратиться къ обсужденію правилъ судоходства по Дунаю.

Во время сессіи Италія сдѣлала попытку посредничества между предложеніемъ Англіи съ одной стороны, Австро-Венгріи и Германіи съ другой. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Манчини, прислалъ итальянскому послу въ Лондонѣ, генералу Менабреа, особую ноту, въ которой итальянское правительство, приближаясь къ австрійской точкѣ зрѣнія, предлагаетъ свои добрыя услуги къ удовлетворительному разрѣшенію вопроса. Повидимому, предложеніе это не имѣло успѣха въ Лондонѣ; по крайней мѣрѣ, оно осталось безъ послѣдствій. Оно, къ тому же, заслонено теперь французскимъ предложеніемъ, отправляющимся отъ упомянутаго выше предложенія Германіи. Послѣднее заключалось въ томъ, чтобы всѣ принципиальные вопросы подлежали разрѣшенію „европейской комиссіи“, и только административные обсуждались окончательно въ комиссіи смѣшанной. Но какіе вопросы должны быть отнесены къ первой, и какіе ко второй категоріи—объ этомъ умалчивало германское предложеніе. Франція надѣется устранить это неудобство, предлагая, чтобы „европейская комиссія“ по-очередно отражала одного изъ своихъ членовъ въ смѣшанную комиссію въ алфавитномъ порядкѣ, и чтобы этотъ представитель первой комиссіи указывалъ во второй, какіе именно вопросы слѣдуетъ признать принципиальными, и представлялъ ихъ на разрѣшеніе „европейской комиссіи“.

Это французское предложеніе служитъ теперь предметомъ дипломатическихъ переговоровъ между державами; но оно въ одинаковой

степени не удовлетворяет ни Австро-Венгрии, ни Румынии, представляющих собою двѣ совершенно противоположныя точки зрѣнія въ дунайскомъ вопросѣ. Австро-Венгрія видитъ въ немъ умаленіе авторитета смѣшанной комиссіи, а Румынія—признаніе этой комиссіи, самое существованіе которой не переставало возбуждать протесты со стороны новаго румынскаго королевства. Оно, въ самомъ дѣлѣ, представляется и постороннему глазу плодомъ перетоненной дипломатической изворотливости. Присутствіе одного изъ членовъ „европейской комиссіи“ въ комиссіи смѣшанной, такого члена, который назначается по алфавиту, отнюдь не достаточно для огражденія обще-европейскихъ интересовъ на Дунаѣ. При такомъ порядкѣ, Австро-Венгрія стѣсняется только откладывать сомнительные вопросы до того времени, когда въ смѣшанную комиссію попадетъ по алфавиту представитель державы, благопріятствующей ея интересамъ, напр., представитель Германіи. Сербія и Болгарія, не имѣющія представителей въ „европейской комиссіи“, совсѣмъ обойдены французскимъ предложеніемъ.

Въ виду наложенныхъ обстоятельствъ и въ особенности крѣпкаго союза между Австро-Венгріей и Германіей, положеніе Румыніи въ дунайскомъ вопросѣ можно назвать отчаяннымъ. Не имѣя ни связей, ни силъ Австро-Венгрии, она принуждена бороться безъ серьезной надежды на успѣхъ. Съ самаго начала, когда еще только былъ составленъ „предварительный проектъ“ трехчленнымъ комитетомъ „европейской комиссіи“, уполномоченный Румыніи рѣшительно возсталъ противъ него въ этой послѣдней. Когда „европейская комиссія“ отвергла этотъ проектъ и рѣшила составить другой уставъ о судоходствѣ по Дунаю, румынскій уполномоченный, ссылаясь на постановленія берлинскаго договора, протестовалъ противъ учрежденія смѣшанной комиссіи, какъ противной духу и буквѣ этого договора. И даже тогда, когда другія державы признали эту комиссію, Румынія принимала участіе въ дальнѣйшихъ преніяхъ о судоходствѣ по Дунаю, предпославъ своему участію оговорку въ томъ смыслѣ, что она считаетъ самое существованіе смѣшанной комиссіи несогласной съ состоявшимися международными постановленіями.

Нельзя не сочувствовать точкѣ зрѣнія и требованіямъ Румыніи; но, къ сожалѣнію, нельзя въ тоже время забывать, что въ дѣлахъ международныхъ почти всегда торжествуетъ право сильнаго. Румынія стоитъ за полную свободу судоходства по Дунаю, ограждаемую совокупно всею Европой. Она не признаетъ за Австріей никакого исключительнаго или привилегированнаго положенія на Дунаѣ, за

исключеніємъ права на регуляризаторскія работы у Желѣзныхъ-Воротъ, для облегченія судоходства. Она требуетъ и закононо, и рационально, чтобы правила судоходства и рѣчной полиціи на протяженіи отъ Желѣзныхъ-Воротъ до Галаца были составлены „европейскою коммиссіей“ при участіи береговыхъ государствъ, чтобы эти правила не могли быть измѣняемы никакими спеціальными коммиссіями помимо новаго обще-европейскаго соглашенія. Всякая другая комбинація, въ особенности изложенная нами австрійско-германская, дѣйствительно ведутъ лишь къ упраздненію европейскаго контроля надъ дунайскимъ судоходствомъ въ пользу одной только Австро-Венгріи.

Факты, происходящіе на нашихъ глазахъ, не перестаютъ изъ году въ годъ свидѣтельствовать о постоянномъ расширеніи австрійскаго вліянія на турецкомъ Востокѣ послѣ недавней войны между Россіей и Турціей. Австрія приобрѣла, вслѣдствіе этой войны, двѣ турецкія провинціи, дала вопросу о судоходствѣ по Дунаю выгодное для себя направленіе, подчинила своему вліянію Сербію, поставила въ зависимость отъ себя Черногорію и даже, если вѣрить слухамъ, удостоилась искательства со стороны Италіи, желающей получить со временемъ, на свою долю, турецкую провинцію Албанію. Въ виду всего этого мы прочли не безъ пріятнаго удивленія толкованіе, данное брюссельскимъ органомъ сомнительнаго происхожденія, газетой „le Nord“, которую иностранная печать называетъ „русской газетой въ Брюсселѣ“, назначенію бывшаго австрійскаго посла въ Петербургѣ, графа Кальноки, австро-венгерскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. По словамъ названной брюссельской газеты, въ этомъ назначеніи ясно сказалось намѣреніе Австро-Венгріи положить конецъ той политикѣ, которая стремилась къ расширенію австрійскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ. Эта политика, не популярная въ Венгріи, представляется газетѣ „le Nord“ лишь плодомъ мечтаній нѣмецкой или, какъ ее называютъ, либеральной партіи въ Австріи. Надежда этой партіи—распространить австрійское вліяніе на юго-востокъ и открыть нѣмецкому племени обширное поле для колонизаціи, была исключительно основана на предполагаемомъ содѣйствіи кн. Бисмарка исполненію такого плана. Но данцигское свиданіе показало либеральной партіи, что Австрія не можетъ рассчитывать на Германію для борьбы съ Россіей. „Искреннее, миролюбивое сближеніе между Россіей и монархіей Габсбурговъ представляется ей теперь столь же необходимымъ, какъ прежде австро-германская солидарность“.

Непосвященнымъ въ тайны дипломатіи, конечно, очень трудно

провѣрить подобное сообщеніе. Но и въ томъ случаѣ, если оно вѣрно, если дѣйствительно назначеніе графа Кальноки было результатомъ соглашенія Австро-Венгрии съ Россіей и готовности первой изъ этихъ державъ сдерживать свой *Drang nach Osten*, мы считаемъ позволительнымъ закончить нашъ очеркъ вопросомъ: На долго-ли?

Въ то время какъ сѣверныя области бывшей турецкой имперіи, ставшія независимыми государствами, испытываютъ грузный напоръ австро-германскаго вліянія, сама Турція подвергается съ юго-запада строжайшей финансовой осадѣ своихъ кредиторовъ, которымъ она уплачивала больше обѣщаніями, чѣмъ процентами. Не получая ни процентовъ, ни капиталовъ, главные кредиторы Турціи, пребывающіе въ Лондонѣ, собрались и сговорились предпринять настоящую экспедицію противъ Константинополя, но вмѣсто солдатъ и пушекъ пустить въ ходъ свои безчисленные купоны. Послѣ нѣсколькихъ отчаянныхъ натисковъ на турецкое казначейство и на самого султана, банкирская экспедиція убѣдилась окончательно, что Турція заплатить не можетъ. Тогда повѣренные кредиторовъ попытались посягнуть на присвоеніе нѣкоторыхъ отраслей турецкой администраціи. Франціи и Англіи удалось уже на половину порѣшить египетскій вопросъ финансовымъ путемъ, и Турціи было предложено предоставить кредиторамъ взиманіе нѣкоторыхъ статей государственнаго дохода. Премьеръ Египта, только-что завоеваннаго неоплаченными купонами кредиторовъ, заставилъ Турцію испугаться такого предложенія. Но англійскіе капиталисты упорны и неумолимы. Они прямо указали на цѣлыя мѣстности, управленіе которыми Порты могла бы, по ихъ мнѣнію, предоставить ихъ представителямъ. Порты уже подавалась на это требованіе, переговоры были въ полномъ ходу, когда Россія, узнавъ объ этомъ, предъявила свое требованіе объ уплатѣ присужденныхъ ей берлинскимъ договоромъ военныхъ расходовъ. Россія поставила Турціи три вопроса: о точномъ опредѣленіи суммы турецкаго долга, о назначеніи сроковъ для уплаты и о тѣхъ гарантіяхъ, какія можетъ дать ей Турція въ исправной уплатѣ точно опредѣленныхъ суммъ въ назначенные сроки. Гарантіями могли бы и тутъ служить одни земельныя уступки. Трудно было бы отказать Россіи въ томъ, на что почти соглашалась Турція въ переговорахъ съ своими лондонскими кредиторами. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, переговоры по этимъ двумъ дѣламъ ведутся въ Константинополѣ параллельно. Восточный вопросъ изъ политическаго дѣлается почти исключительно денежнымъ. Турція можетъ передать своимъ кредиторамъ управленіе по-

береженьемъ Эгейскаго моря и частью Арменіи, можетъ надѣлать потомъ новыхъ долговъ и, чего добраго, мало-по-малу будетъ буквально завоевана неоплаченными купонами своего государственнаго долга. Такимъ, по крайней мѣрѣ, представляется теперь ея критическое положеніе.

ОБЪЯСНЕНІЕ

ПО ПОВОДУ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА ВЪ ТИФЛИСѢ.

Въ московскихъ газетахъ, сообщавшихъ, чрезъ посредство своихъ корреспондентовъ, получаемыя свѣдѣнія о происходившемъ осенью текущаго года въ Тифлисѣ V-мъ археологическомъ съѣздѣ, было сообщено, между прочимъ, будто я обратилъ вниманіе, что у арабскаго писателя XIII вѣка (?) *Массуди* говорится о какой-то Руси *Курмасовой*, которая жила между Мордовою и находилась во враждѣ съ послѣднею, представляя особое, отличное отъ нея племя. Мнѣ вовсе неприятно печатать какія бы то ни было объясненія по поводу моей личности, и я бы спокойно предоставилъ каждому до сужему господину писать и печатать обо мнѣ, что угодно, но въ настоящемъ случаѣ мнѣ представляется слѣдующее соображеніе. Пройдутъ годы, пройдутъ десятки лѣтъ, наступятъ другія поколѣнія и будутъ тогда, конечно, историки нашего просвѣщенія и нашей литературы. Что если кто-нибудь изъ тогдашнихъ такихъ историковъ, занимаясь интеллигентными явленіями нашего времени и обративши вниманіе на наши археологическіе съѣзды, наткнется на такіе сообщенія о томъ, что, происходило на V-мъ археологическомъ съѣздѣ? Вотъ, скажетъ онъ, какое дерзкое невѣжество, не краснѣя, отваживалось поднимать голосъ въ собраніи ученыхъ! Но что если, по справкамъ или случайно, дознается такой историкъ, что тотъ, кому приписывались такіе слова, занималъ нѣкогда кафедру русской исторіи въ двухъ университетахъ! Какой суровый приговоръ произнесетъ этотъ историкъ вообще о томъ времени, когда подобныя малознайки безнаказанно могли всходить на профессорскія кафедры! Вѣдь въ оное время, быть можетъ, уже некому будетъ возстановить истину; поэтому я считаю умѣстнымъ заранее возстановить ее.

Дѣло происходило вотъ какъ: г. профессоръ нѣжинскаго лицея

Аристовъ, читалъ рефератъ Влад. Вас. Стасова о руссахъ, упоминаемыхъ у восточныхъ писателей. Авторъ доказываетъ, что руссовъ, видѣнныхъ на Волгѣ и описанныхъ арабскими путешественникомъ Ибнъ-Фодланомъ, никакъ не слѣдуетъ признавать за предковъ нашихъ русскихъ, но это было одно изъ племенъ финско-турскаго корня, издавна заселявшихъ восточную полосу нынѣшней европейской Россіи. Рефератъ г. Стасова возбудилъ противъ себя многихъ ученыхъ, бывшихъ на съѣздѣ, и въ томъ числѣ Д. И. Иловайскаго. Они были того мнѣнія, что подъ именемъ руссовъ, изображенныхъ арабскимъ путешественникомъ, невозможно разумѣть какой-либо иной этнографической особи, кромѣ нашихъ славянскихъ русскихъ, и что другихъ руссовъ не было. Тутъ вѣшался въ бесѣду и я, принявши сторону г. Стасова.

Признавая вѣрность высказаннаго въ только-что прочтенномъ рефератѣ, я съ своей стороны приводилъ доказательства въ пользу мнѣнія г. Стасова, повторяя собственно то, что было когда-то мною высказываемо съ каеэдръ. Я говорилъ при этомъ, что признаніе руссовъ арабскихъ писателей нашими предками есть плодъ тѣхъ недоразумѣній, которыя нѣкогда господствовали у насъ въ наукѣ и побуждали нѣкоторыхъ достопочтенныхъ гг. ученыхъ, на основаніи совзучій въ названіяхъ, отыскивать нашихъ соотечественниковъ Богъ-знаетъ въ какихъ отдаленныхъ странахъ. Въ такіа недоразумѣнія будемъ мы впадать и теперь, если станемъ неосторожно руководствоваться восточными писателями, и въ этомъ отношеніи надлежало бы намъ не терять изъ виду предосторожностей, которымъ научаетъ насъ ученый издатель и комментаторъ Ибнъ-Фодлана, академикъ Френъ. Изъ его превосходнаго изслѣдованія узнаемъ, что у арабскихъ писателей чтеніе чужихъ собственныхъ именъ представляетъ чрезвычайныя затрудненія и подаетъ поводъ къ произволу, такъ какъ у арабовъ въ письмѣ изображаются только согласныя буквы, а какіе гдѣ слѣдуетъ употребить гласные звуки—это подвергается толкованіямъ. Относительно имени Русъ, Френъ сообщаетъ, что оно выражается у нихъ такъ, что къ слогу *рс* можно прибавлять не опредѣленно какой-нибудь изъ гласныхъ звуковъ, и притомъ подъ этимъ названіемъ арабскіе писатели не разумѣли исключительно единого только народа. Тотъ же Ибнъ-Фодланъ положительно говорить, что существовало три народа съ такимъ названіемъ, и въ тѣхъ руссахъ, которыхъ видѣлъ этотъ путешественникъ на Волгѣ, ученый ориенталистъ Френъ былъ склоненъ видѣть какое-нибудь изъ финско-турскихъ племенъ, скорѣе всего Эрау, одну изъ вѣтвей мордовскаго племени, которой названіе по слогу *рс* совпадаетъ съ названіемъ *рс* и легко могло быть прочтано и произнесено какъ

Русь. Таково было мнѣніе ученаго оріенталиста, высказанное около пятидесяти лѣтъ тому назадъ. Но въ наше время стали смотрѣть на этотъ вопросъ иначе. При нашей скудости извѣстій о языческомъ бытѣ нашихъ предковъ, мы съ какою-то жадностію скватываемся за восточныя извѣстія о руссахъ, думая тѣмъ расширить нашъ узкій кругозоръ о древнѣйшей эпохѣ нашей исторіи. Но всмотрѣвшись трезвѣе и безпристрастнѣе въ этотъ вопросъ, мы должны будемъ сознаться, что знанія наши о древнемъ нашемъ бытѣ мало увеличиваются отъ свѣдѣній, почерпаемыхъ изъ Ибнъ-Фодлана, и его сказаніе собственно для насъ не можетъ еще быть признано несомнѣнно достовѣрнымъ источникомъ. Строго говоря, надобно будетъ сознаться, что если изъ трехъ родовъ руссовъ, о которыхъ говоритъ арабскій путешественникъ, тѣ руссы, которыхъ онъ самъ видѣлъ на Волгѣ, могли быть наши предки, то равносильно, и еще съ большею основательностію, можно предположить, что онъ видѣлъ другихъ руссовъ, а не тѣхъ, которые были нашими предками. На это и указываетъ рефератъ г. Стасова.

При этомъ я упомянулъ, что даже въ нашихъ лѣтописяхъ, и притомъ сравнительно въ позднее время, именно въ XIII вѣкѣ, есть мѣсто, указывающее на то, что и тогда между финско-тюркскими племенами, населяющими восточную Россію, была народность, называвшаяся Русью. Говорится о какой-то Руси Пургасовой въ мордовской землѣ, т.-е. о Руси, подвластной князю мордовскому Пургасу. Подъ 1228 годомъ рассказывается, что владимірскіе князья Всеволодовичи Юрій и Ярославъ, а съ ними племянники ихъ Константиновичи, да муромскій князь Юрій Давидовичъ вмѣстѣ ходили въ землю мордовскую въ Пургасову волость, „жита пожгоша и потравиша и скоты избиша, а полонъ послаша назадъ; а Мордва вбѣгоша въ лѣсы и въ тверды своя, а которіи неубѣгоша и тѣхъ избиша“ (Полн. Собр. Лѣт. VII, 134). На другой затѣмъ годъ, 1229, мордовскій князь Пургасъ ходилъ съ своею Мордвою воевать противъ русскихъ къ Нижнему Новгороду. Онъ былъ отбитъ, но его Мордва успѣла зажечь монастырь, находившійся за городомъ. Въ этотъ же годъ въ мордовской землѣ вскинуло междоусобіе. Мордва подчинялась нѣсколькимъ туземнымъ князьямъ, которые часто не ладили между собою. Противъ одного изъ такихъ князей, Пургаса, поднялся другой, котораго лѣтописецъ называетъ Перушевъ или Пурешевъ сынъ. Онъ расправился съ своимъ соперникомъ при помощи половцевъ, отдававшихъ на прокатъ свою военную силу мордовскимъ князьямъ также, какъ и русскимъ. Онъ разбилъ Пургаса въ пухъ и прахъ съ его силою, которая въ лѣтописи и названа Русью Пургасовою: „побѣди Пургаса Перушевъ сынъ съ половца и изби Мордву всю и Русь

Пургасову, а Пургасъ утече вмаѣ" (тамъ же). Вотъ то важное мѣсто, на которое указывалъ я, какъ на свидѣтельство того, что еще въ XIII вѣкѣ названіе Русь давалось какому-то изъ племенъ финско-тюркскихъ. Д. И. Иловайскій, возражая мнѣ, объяснялъ это мѣсто такъ, что подъ Русью Пургасовою надобно разумѣть не иное что, какъ дружину мордовскаго князя Пургаса, составленную изъ людей нашего русскаго происхожденія, находившихся у этого князя на службѣ. Съ перваго взгляда такое объясненіе можетъ показаться удовлетворительнымъ, но, вникнувши поглубже въ дѣло, легко увидимъ его несостоятельность. Служили ли въ тѣ времена русскіе въ качествѣ дружинъ у инородческихъ князей нынѣшней восточной полосы европейской Россіи, мы не знаемъ. Едва ли и самъ Д. И. Иловайскій укажетъ на какой-нибудь иной примѣръ, кромѣ настоящаго, нуждающагося въ объясненіи. Но еслибы такіе случаи бывали, то едва ли русскіе люди, составлявшіе такіа дружины, назывались бы Русью. Въ первой половинѣ XIII вѣка, когда происходили означенныя событія, Русью въ этнографическомъ смыслѣ не называли еще обитателей сѣверной и сѣверо-восточной Россіи. Названіе Русь относилось только къ южной Россіи. Вообще слово „Русь“ постепенно и медленно охватывало всю систему земель русско-славянскаго міра; сначала оно исключительно относилось къ кievской землѣ, потомъ распространилось на прилегающія земли—на Черниговъ, Волынь, Галичъ, а въ остальныхъ русско-славянскихъ земляхъ оно долгое время примѣнялось только въ смыслѣ немногихъ общихъ всѣмъ признаковъ, въ смыслѣ церкви съ ея книжнымъ языкомъ и въ смыслѣ княжескаго рода, въ его генетической совокупности, а не въ смыслѣ народныхъ особей; не ранѣе, какъ въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка, оно утвердилось за всѣмъ русско-славянскимъ міромъ. До того времени, всякій владимірецъ, ростовецъ, суждалецъ, рязанецъ, новгородецъ, какъ обитатель своего края, носилъ свое мѣстное названіе, и еслибы у мордовскаго князя была дружина изъ наемныхъ русскихъ людей, то эти люди назывались бы именемъ той земли, откуда пришли, а не Русью. Последнимъ названіемъ отличили бы ихъ только тогда, когда бы они пришли изъ южно-русской земли, которая въ тѣ времена носила названіе Руси. Но такой случай едвали можно предположить по отдаленности мѣстностей. Что въ указываемую эпоху только Кіевъ и прилегающія къ нему земли назывались Русью, въ отличіе отъ прочихъ земель русско-славянскаго міра, на то свидѣтельствъ можно представить не мало. Подъ тѣми же годами, къ которымъ относятся событія съ Пургасомъ, говорится о посланіи на югъ въ Переяславль великимъ княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ на княженіе двухъ князей, одного за другимъ, первый разъ

своего племянника, а другой—своего брата. Оба раза Переяславль названъ русскимъ въ отличіе отъ другаго Переяславля (Залѣскаго), который русскимъ не назывался: „посла князь великій Юри сынвца своего въ рускій Переяславль на столъ въ отчину свою;.. посла князь Юри брата своего Святослава въ Переяславль рускій на столъ“ (Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VII, 184). Такимъ образомъ, оба эти князя, отправляясь на княженіе въ Переяславль, сознавали, что ѣдутъ въ русскую землю, въ Русь, ѣдутъ изъ земли, носившей другое наименованіе. Точно также, когда въ первое нашествіе монголовъ, южно-русскіе князья просили помощи у великаго князя владимірскаго Юрія, и Юрій послалъ имъ племянника своего Василька, который не успѣлъ въ пору придти на мѣсто, въ лѣтописи говорится: „не утѣну Василько прити къ нимъ въ Русь... Слышавъ Василько приключшееся въ Руси, възвратися отъ Чернигова и вниде въ свой Ростовъ“ (Лѣтоп. по Лавр. списку, стр. 424). Ясно, что имя Руси придавалось только южно-русскому краю, такъ что Ростовъ, откуда князь Василько отправился и куда онъ возвратился послѣ своего неудавшагося похода, не считался въ Руси. То же видимъ и по отношенію къ Новгороду. Подъ 1218 годомъ (Лѣтоп. по Лавр. списку, стр. 476) говорится: „вниде князь Мстиславъ изъ Новгорода въ Русь“. Этотъ князь Мстиславъ уѣхалъ тогда изъ Новгорода въ Галичъ. Послѣдній въ тѣ времена считался находящимся въ Руси, а Новгородъ не былъ въ Руси. Когда описываются татарскія разоренія въ сѣверо-восточной Россіи, мы встрѣчаемъ выраженія: „начаша воевати землю рязанскую (Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VII, стр. 139); а на ростовской и суздальской землѣ взяша городовъ 14 опричь слободъ и погостовъ“ (тамъ же, стр. 141). Ни разу, однако, ни одна изъ этихъ земель не названа Русью, русскою землею. Напротивъ, при описаніи движенія Батыевыхъ полчищъ на южно-русскій край, встрѣчаемъ въ лѣтописи такія выраженія: „нача Батый послати на грады рускія, послани же Батыевы, пришедше въ Русь, взяша градъ Переяславль“ (Лѣтоп. по Ипат. списку, стр. 520). При описаніи осады Кіева окрестности его названы русскою землею: „и бѣ исполнена земля руская рати ихъ“ (тамъ же, стр. 522). Также о Волыни и о Галичинѣ говорится какъ о русской землѣ, и города, тамъ находившіеся, названы русскими: „прииде къ Володиміру и вѣя его и изби вся, не пощади ни единого же, и Галичъ городъ взя и иныхъ городовъ русскихъ много взя“ (Полн. Собр. Лѣтоп. VII, 155). Между тѣмъ, такихъ наименованій русскими городами мы не встрѣчаемъ тамъ, гдѣ говорится о подобномъ разореніи Рязани, Владиміра, Москвы, Ростова, Суздаля и другихъ на востокъ Россіи.

И такъ, въ первой половинѣ XIII вѣка названія Руси, русской

земли, придавались исключительно южно-русскому краю и его обитателям; поэтому-то я нахожу несостоятельным объяснение г. Иловайскаго по поводу Пургасовой Руси. Достопочтенный историкъ въ подтвержденіе своего объясненія указывалъ на Бродниковъ, которыхъ обыкновенно считаютъ вольною бродячею шайкою, составленною изъ русскихъ людей. Въ доказательство такого мнѣнія указываютъ на самое названіе „Бродники“, несомнѣнно славянскаго корня, и на собственное имя предводителя Бродниковъ—Плоскыня, которое также звучитъ славянскимъ. Но допустивши, что Бродники были русскіе (по правдѣ сказать, мы еще не знаемъ, въ какой мѣрѣ участвовала тамъ народная русская стихія), это все-таки ни мало не можетъ служить подтвержденіемъ г. Иловайскому, такъ какъ тѣ же Бродники нигдѣ не называются Русью, какъ названы составлявшіе ратную силу мордовскаго князя Пургаса.

И вотъ, на основаніи приведенныхъ здѣсь соображеній, я склоняюсь въ загадочной Пургасовой Руси видѣть финско-тюркскую народность, которая еще въ XIII вѣкѣ, по крайней мѣрѣ у сѣверо-восточныхъ русскихъ, носила этнографическое прозвище Руси. Это, вѣроятно, все та же Эрзя, Арзя или Рзя, мордовское племя теперь уже вымирающее. Это—древніе аорзы, народъ нѣкогда многочисленный, воинственный, свирѣпый, но въ теченіе вѣковъ мельчавшій и исчезающій. Въ X вѣкѣ онъ былъ извѣстенъ арабскимъ путешественникамъ, и его названіе по сходству созвучій смѣшивалось съ названіемъ нашей Руси, не утрачивая, однако, сознанія особенности народовъ, носившихъ единое названіе. Въ XIII вѣкѣ этотъ народъ жилъ еще въ нынѣшней нижегородской губерніи, гдѣ его незначительные остатки существуютъ до нашего времени. Князь Пургасъ, какъ видно, былъ въ XIII вѣкѣ собственно эрзянскимъ княземъ. Замѣтимъ, что допустить объясненіе г. Иловайскаго трудно еще и потому, что во время междоусобія, происшедшаго въ мордовской землѣ между Пургасомъ и Перушевымъ сыномъ, первый былъ заклятый врагъ русскихъ, а второй названъ союзникомъ (ратникомъ) русскихъ князей. Что-то странно было бы, еслибъ сила князя, враждебнаго русскимъ, состояла тогда изъ русскихъ.

Сообщая свое мнѣніе относительно Руси Пургасовой, думаю, что надъ этимъ мѣстомъ нашей лѣтописи стоить остановиться нашимъ ученымъ, особенно такимъ, которые имѣли возможность приобрѣсти запасъ филологическихъ, этнографическихъ и археологическихъ свѣдѣній, касающихся финско-тюркскихъ народовъ восточной полосы нынѣшней европейской Россіи.

Н. Костомаровъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е декабря, 1881.

—*L'Empire des Tsars et les Russes. Par Anatole Leroy-Beaulieu. Tome I. Le Pays et les Habitants. Paris 1881.*

Иностранная литература о Россіи сильно растетъ въ послѣднее время, и растетъ не только количественно, но и качественно. Есть въ ней и книги, писанныя безъ дальнихъ хлопотъ, какъ впечатлѣнія туриста, къ которымъ нельзя прилагать особыхъ требованій, но которыя иногда все-таки любопытны, какъ образчикъ отраженія русской жизни въ европейской головѣ; но есть теперь уже значительное число сочиненій, которыя не только способны выдерживать серьезную критику, но и представить для самихъ русскихъ читателей не мало любопытнаго, поучительнаго, даже фактически новаго. Сравнивъ уровень знаній о Россіи въ прежнихъ сочиненіяхъ, программу предметовъ, привлекавшихъ вниманіе писателя, отношеніе къ русской жизни самихъ авторовъ, съ тѣмъ, что находимъ въ современныхъ иностранныхъ сочиненіяхъ, мы найдемъ чрезвычайную разницу: изъ прежнихъ писателей развѣ одинъ Гавстаузенъ представляетъ такую серьезную постановку дѣла (именно относительно народнаго быта), какую мы видимъ теперь уже нерѣдко. Обыкновенно русская жизнь внушала иностранному писателю прежняго времени только интересъ, такъ-сказать анекдотическій. Иностранецъ видѣлъ передъ собой страну совсѣмъ чуждую, чуть европейскую, и едва ли не гораздо больше азиатскую, съ особымъ политическимъ характеромъ, мало извѣстнымъ и часто мало понятнымъ въ Европѣ, съ особыми нравами, съ небольшимъ кругомъ крупнаго дворянства, гдѣ господствовали по вѣншиности европейскіе обычаи и „роднымъ“ языкомъ былъ французскій; остальная жизнь русскаго общества, и тѣмъ менѣе народа, оставалась недоступной и невразумительной. Россію описывали какъ описываютъ теперь Китай или Бирманскую имперію, какъ нѣчто весьма свое-

образное, но внутренне постороннее и индифферентное. Могущественная власть, стоявшая во главѣ, заслоняла собою отъ иноземнаго наблюдателя всѣ процессы, совершавшіеся въ жизни, и ему оставалось указывать это основное явленіе и его различныя подробности въ учрежденіяхъ и въ управленіи, съ картиной „правовъ“ на послѣднемъ планѣ. Россія, особенно послѣ 1812 года, была интересна, какъ великая политическая сила; но иностранцевъ мало занимало, что дѣлается внутри самого русскаго общества, какіе процессы совершаются въ его понятіяхъ и сознаніи. Г-жа Сталь, которая провела въ Россіи нѣсколько времени и интересовалась узнать нѣчто о русской литературѣ, могла только отмѣтить, что „въ Россіи есть нѣсколько жантильменовъ, которые занимаются литературой“ — и только... Въ сравненіи съ этимъ, новая иностранная литература о Россіи представляетъ чрезвычайный успѣхъ. Прежде всего, новые писатели приступаютъ къ изученію съ такой подготовкой, о какой не помышляли ихъ предшественники: они, и именно лучшіе изъ нихъ, начинаютъ дѣло съ того, что хорошо изучаютъ русскій языкъ и приобретаютъ возможность пользоваться всѣмъ матеріаломъ русской литературы; они внимательно путешествуютъ, и иногда такъ, какъ удавалось немногимъ изъ самихъ русскихъ общественныхъ дѣятелей и публицистовъ (напр., Маккензи-Уоллесъ, искрестившій Россію во всѣхъ направленіяхъ). При этихъ средствахъ изученія, имъ открывался доступъ къ разумѣнію не только внѣшнихъ официальныхъ сторонъ русской жизни, но и самыхъ интимныхъ явленій русской общественности и народнаго быта. Имъ хорошо знакомы, по прямымъ источникамъ, основныя черты русскаго правительственнаго механизма, администраціи, общественныхъ учреждений и т. д.; имъ знакомо примѣненіе этихъ учреждений въ практической дѣятельности и тѣ многочисленныя изысканія, какіе при этомъ оказываются; они бывали живыми свидѣтелями событій; они вращались въ разныхъ классахъ русскаго общества и сами многое видѣли изъ фактовъ его современной исторіи, слышали его мнѣнія, желанія и ожиданія. Русская литература являлась для нихъ не только предметомъ простаго любопытства, но драгоценнымъ истолкователемъ національной жизни, выраженіемъ ея лучшихъ стремленій и ея горькихъ печалей. Словомъ, передъ подобнымъ изученіемъ открывался цѣлый, мало знакомый Европѣ, національный міръ съ своеобразной исторіей, съ оригинальной жизнью, важный и любопытный не съ одной внѣшне-политической стороны, но и самъ-по-себѣ, по внутреннему человѣчному смыслу и интересу своего содержанія и исторіи. Случалось даже, что иностранные писатели нѣли въ рукахъ матеріалы мало доступныя самой домашней русской литературѣ.

Такова разни́ца прежней и новѣйшей иностранной литературы о Россіи (предполагая, конечно, лучшіе образчики). Чѣмъ объясняется эта разни́ца?—Безъ сомнѣнія многое надо приписать общему улучшенію международныхъ изученій, особенно у французовъ, которые, послѣ пораженія въ франко-прусскую войну — какъ мы послѣ пораженія Крымскаго — сознали необходимость болѣе критическаго отношенія къ своей національно-политической обстановкѣ, и слѣдовательно, необходимость изученія близкаго и дальняго сосѣдства. Но другой причиной развитія этой литературы было расширеніе самой русской внутренней жизни. Программа реформъ, заявленныхъ въ началѣ прошлаго царствованія, привлекла общее вниманіе и сочувствіе лучшихъ умовъ въ Европѣ; выполненіе реформъ, ихъ дѣйствіе въ русской общественности продолжало возбуждать интересъ, какъ и начавшееся движеніе политическихъ стихій. Жизнь русскаго общества обнаружилась фактами освободительныхъ реформъ и общественнаго возрожденія, сочувственныхъ Европѣ, и въ то же время потрясающими фактами глубокаго внутренняго броженія, и изслѣдованіе современной Россіи могло стать любопытной и серьезной задачей для европейской науки и политики.

Въ ряду современныхъ иностранныхъ писателей о Россіи, авторъ книги „L'Empire des Tsars“ занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Статьи его, посвященныя различнымъ предметамъ русской жизни, появлялись въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ *Revue des Deux Mondes*, и съ самаго начала обратили на себя вниманіе. Теперь, въ названной книгѣ трудъ Леруа-Болье является въ новомъ видѣ, приведеннымъ въ систему, дополненнымъ и иногда переработаннымъ противъ прежняго. За первымъ томомъ (около 600 большихъ страницъ) должно послѣдовать еще нѣсколько томовъ, которые составятъ цѣльное изслѣдованіе о внутреннемъ состояніи Россіи въ настоящее время. Леруа-Болье ставитъ свою задачу очень широко, разыскиваетъ современныя условія нашего внутренняго вопроса, но обращается и къ прошедшему, къ исторіи и историческимъ свойствамъ государства и національности, касаясь при этомъ многихъ спорныхъ пунктовъ, по которымъ и донныѣ раздѣлена русская литература. Понятно, какой интерес можетъ имѣть и для русскаго читателя этотъ трудъ знающаго иностраннаго изслѣдователя, который можетъ иногда явиться безпристрастной третьей стороною. Мы надѣемся возвратиться подробнѣе къ этой книгѣ, и здѣсь познакоимъ читателя только со взглядомъ автора на свой трудъ, и съ внѣшнимъ характеромъ книги.

„Сочиненіе, первый томъ котораго я предлагаю публикѣ,—говоритъ Леруа-Болье въ предисловіи,—есть плодъ десятилѣтней работы

и четырехъ пребываній или поѣздокъ въ Россію, отъ 1872 г. до послѣдняго лѣта.

„Изученіе различныхъ народовъ Европы, ихъ нравовъ, ихъ литературы, ихъ учреждений, ихъ соціальнаго положенія, было главнымъ занятіемъ моей молодости. Мое вниманіе ограничивалось сперва старой романо-германской Европой, но мало-по-малу оно обратилось къ Европѣ восточной, особенно къ славянскому міру, чтобы въ послѣдніе годы сосредоточиться на Россіи.

„Мое любопытство привлекали къ этой странѣ не только ея колоссальные размѣры, ея населеніе, уже теперь болѣе многочисленное чѣмъ Германія и Франція, вмѣстѣ взятая, и великая роль, какую, судя по ея громадности, будущее, повидимому, готовитъ ей на нашемъ старомъ континентѣ;—но любопытство мое привлекалъ также загадочный характеръ ея жителей, нѣкоторый родъ тайны, лежащей на Россіи и ея судьбахъ, и, наконецъ, самая трудно стѣзывать и понять ее.

„Въ началѣ 1872 г., человекъ, котораго разумная инициатива всегда наготовѣ и который, послѣ нашихъ послѣднихъ пораженій, больше чѣмъ когда-нибудь считалъ своимъ долгомъ дѣлать извѣстнымъ Франціи то, что совершалось внѣ ея границъ, г. Франсуа Бюловъ, предложилъ мнѣ заняться изученіемъ Россіи и дать отчетъ о моихъ наблюденіяхъ въ „Revue des Deux Mondes“. Я тѣмъ охотнѣе принялъ это предложеніе, что за полтора года передъ тѣмъ, въ іюлѣ 1870 г., я собирался въ Москву—чему помѣшало объявленіе войны.

„Я отправился въ Россію и потомъ нѣсколько разъ ѣздилъ туда снова, чтобы дополнить и исправить новыми путешествіями мои первыя впечатлѣнія. Предметъ былъ обширенъ и сложенъ, какъ сама русская имперія; я посвятилъ ему вдвое или втрое больше времени, чѣмъ предполагалъ сначала.

„Мои первыя изученія Россіи являлись отрывками въ „Revue des Deux Mondes“. Этотъ способъ публикаціи имѣлъ для меня чрезвычайное удобство; я обязанъ ему содѣйствіемъ многихъ сотрудниковъ русскихъ и иностранныхъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ. Рѣдная изъ моихъ различныхъ статей о Россіи и русскихъ обошлась безъ замѣчаній, возраженій или критикъ, часто основательныхъ и всегда драгоценныхъ. Многія изъ моихъ статей, тѣ по крайней мѣрѣ, которыя избѣжали ножницъ русской цензуры, были переведены и комментированы въ русской печати; почти всѣ были предметомъ дружескаго разбирательства или рукописныхъ корреспонденцій съ русскими всѣхъ слоевъ и всѣхъ направленій.

„Поэтому читатель не удивится, если въ этихъ книгахъ не всегда,

найдеть тѣ же взгляды, какъ въ статьяхъ „Revue“. Я не только многое прибавилъ, исключилъ или исправилъ, но часто даже видоизмѣнялъ идеи и выводы, всѣми силами стремясь уловить истину и, чтобы сдѣлать ее доступнѣе читателю, стараясь всегда показать ему различныя стороны каждаго вопроса.

„Кромѣ указаній многочисленныхъ корреспондентовъ, иногда безименныхъ, я имѣлъ въ распоряженіи неизданную переписку, бросающую новый свѣтъ на главныя реформы царствованія императора Александра II и на самый характеръ этого несчастнаго государя. Я говорю о письмахъ Николая Милютина, князя Черкасскаго и Юрія Самарина, несомнѣнно трехъ замѣчательныхъ людей, трехъ наиболѣе независимыхъ умовъ прошедшаго царствованія. (Леруа-Болье воспользовался этой перепиской въ рядѣ статей въ „Revue d. D. M.“ прошлаго и нынѣшняго года).

„Я не буду говорить о писателяхъ, предшествовавшихъ мнѣ въ изученіяхъ этого рода, какъ Гакстаузенъ и Шницлеръ, какъ гг. Бсавье Мармье, Молинару, Леузонъ-Ледюкъ, или о тѣхъ, которые предприняли эти изученія параллельно со мной, какъ гг. Уоллесъ, Рольстонъ, А. Рамбо, Л. Леже, Куррьеръ. Тѣмъ и другимъ я былъ часто обязанъ и часто ссылаюсь на ихъ труды. Россія достаточно обширна, чтобы многимъ писателямъ можно было найти въ ней свою жатву. Я позволю себѣ только одно замѣчаніе по поводу сочиненій о Россіи, изданныхъ во Франціи и въѣ ея за послѣдніе годы. Я напомню читателямъ, что не будучи послѣднимъ по времени, я въ дѣйствительности работалъ раньше другихъ. (Излагая основныя черты русской исторіи, авторъ замѣчаетъ, что болѣею частію это изложеніе было написано ранѣ ея появленія извѣстной „Histoire de la Russie“, Альфредъ Рамбо. Стр. 208).

„Первый томъ моего труда посвященъ странѣ и людямъ, національному характеру и соціальному положенію, въ особенности изслѣдованію разныхъ классовъ, еще столь отличительныхъ, на которые дѣлится русскій народъ: дворянство, горожане, сельскій народъ. Это такъ-сказать живая сцена, на которой разыгрывается поражающая драма современной русской исторіи.

„Второй томъ, который выйдетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, будетъ говорить объ учрежденіяхъ, о центральной и мѣстной администраціи, о земскихъ и городскихъ собраніяхъ, о полиціи, судахъ, цензурѣ и печати, въ заключеніе, о политическихъ реформахъ, какихъ Россія ожидаетъ отъ императора Александра III.

„Третій томъ будетъ посвященъ религіи, которая у русскаго народа остается еще первой нравственной силой,—православной восточ-

ной церкви, столь мало извѣстной на западѣ, многочисленными сектами, которыя еще и теперь зарождаются и распространяются въ народныхъ массахъ и, лучше государственныхъ учрежденій, раскрываютъ, вмѣстѣ съ характеромъ народа, его идеи, взгляды и стремленія.

„Какъ ни обширна эта рамка, она еще не обнимаетъ всѣхъ вопросовъ, какіе можетъ возбуждать Россія; эта рамка не обнимаетъ даже всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые я самъ излагалъ въ „Revue d. D. M.“, не обнимаетъ финансовъ, арміи, внешней политики. Здѣсь, быть можетъ, найдется впоследствии матеріалъ еще для одного тома.

„Что въ особенности я старался изобразить въ настоящемъ трудѣ, это—Россію и русскій народъ у себя дома, въ самихъ себѣ, въ ихъ національной жизни и ихъ внутреннемъ развитіи. Иногда читатель, быть можетъ, найдетъ въ этихъ картинахъ нѣкоторое колебаніе руки, неопредѣленность рисунка, слишкомъ много ослабленій тѣни и свѣта; въ иныхъ страницахъ онъ откроетъ, повидимому, нѣкоторую безсвязность и какъ будто противорѣчіе.

„Мнѣ легко было бы избѣжать всякаго упрека этого рода. Для этого, мнѣ слѣдовало бы только дать волю предвзятымъ взглядамъ и духу систематичности, который все упрощаетъ, пренебрегая сложностью живыхъ вещей. Для этого мнѣ слѣдовало бы меньше добросовѣстности, чтобы схватывать часто еще неопредѣлившіяся черты моей модели, передавать измѣняющійся колоритъ или подвижное и трудно уловимое выраженіе ея лица. Однимъ словомъ, для этого мнѣ достаточно было бы видѣть только одну сторону вещей и выставить ее въ полномъ свѣтѣ, оставивъ въ тѣни все остальное; моя картина имѣла бы отъ этого больше рельефа и больше блеска, но меньше правды.

„Въ самомъ дѣлѣ, современная Россія въ своихъ правахъ и обязанностяхъ, въ націи и въ государствѣ, далеко не имѣетъ того единства, той простоты, какія еще отличали ее при Александрѣ I или при Николаѣ. Нынешняя Россія, Россія реформъ, есть страна, гдѣ все подвергается измѣненію, и ни въ одной области преобразование еще не окончено. Послѣдній государь, искренно преданный общему благу, но подверженный различнымъ вліяніямъ, не имѣя вовсе рѣшительности и ясности взглядовъ такого человѣка, какъ Петръ Великій, наклонный устрашаться своихъ собственныхъ дѣлъ, не зная съ точностью ни по какой дорогѣ идти, ни гдѣ остановиться, и вслѣдствіе того, почти роковымъ образомъ долженствовавшій стать жертвою своихъ многочисленныхъ неполныхъ реформъ, Александръ II, со всѣми его благородными качествами и высокими стремленіями, оставилъ

почти вездѣ, въ учрежденіяхъ и правительственной практикѣ, знаки своей нерѣшительности и непослѣдовательности его совѣтниковъ.

„Въ Россіи, какъ извѣстно, власть всегда много дѣлала для вѣщности, много на показъ, или, что то же, законы, издаваемые въ Петербургѣ, далеко не всегда уважаются внутри имперіи, воля или намѣренія государя далеко не вездѣ выполняются. Между положеніями правительства и дѣйствіями его агентовъ, между теоріей и дѣйствительностью есть всегда большое разстояніе. Этотъ разладъ съ самыми реформами только усиливался и размножался. Отсюда трудность для иностранца описывать новую Россію: непослѣдовательности, противорѣчія, которыя хочется свалить на писателя, составляютъ дѣло страны, правленія и переходной эпохи“.

Это предисловіе даетъ понятіе объ общемъ взглядѣ автора на его предметъ. Справедливо, безъ сомнѣнія, указываетъ онъ трудность своей задачи, происходящую отъ самой неясности настоящаго періода русской жизни, періода противорѣчій, свойственныхъ переходному состоянію. Въ томъ, что говоритъ авторъ о процессѣ своего труда, любопытны указанія на тотъ интересъ, какой возбуждали журнальныя статьи автора, и который доставилъ ему такъ много русскихъ корреспондентовъ. Что привлекало къ французскому писателю этихъ многочисленныхъ корреспондентовъ? На этотъ вопросъ есть, кажется, только одинъ отвѣтъ—а именно, приниженное положеніе русской печати у себя дома. Когда явился иностранный писатель, который брался за объясненіе глубоко намъ близкихъ вопросовъ и который успѣлъ заявить въ своихъ трудахъ достаточную компетентность, то, по недоступности многихъ изъ этихъ предметовъ для домашней литературы, естественно являлось у многихъ желаніе выяснить то или другое, по крайней мѣрѣ, черезъ посредство чужой свободной литературы; и факты, мысли, критическія замѣчанія, свободно высказывались иностранному публицисту. Въ такомъ же положеніи былъ и другой писатель, возбудившій большое вниманіе въ европейской литературѣ своей книгой о Россіи, Маккензи Уоллесъ.

Писатель, много изучавшій, какъ Анатолий Леруа-Болье, безъ сомнѣнія былъ совершенно способенъ внушать это довѣріе; обширная извѣстность изданія, въ которомъ появлялись его труды, еще способствовала привлеченію корреспондентовъ. Авторъ справедливо видитъ въ ихъ участіи великое удобство для своего труда: корреспонденты могли чрезвычайно расширить горизонтъ его наблюденій, безъ сомнѣнія, указывали ему многое, чего онъ и не могъ бы узнать путемъ личнаго изслѣдованія. Стоя въ сторонѣ отъ историческаго тревоженія, съ которымъ онъ встрѣтился въ современной Россіи, и

обогащенный разнообразными свѣдѣніями, авторъ находился въ очень счастливомъ положеніи наблюдателя, не находящагося въ самомъ водоворотѣ и имѣющаго возможность видѣть всѣ стороны дѣла, остаться вполне безпристрастнымъ зрителемъ и критикомъ. Какъ мы видѣли изъ предисловія, авторъ вполне сознавалъ это свое положеніе, и вообще говоря, хорошо имъ пользовался. Но въ этомъ положеніи посторонняго наблюдателя, въ какое становится иностранный писатель (полагаемъ, писатель добросовѣстный), есть и свои не малые трудности. Начать съ того, что ему, чтобы быть правдивымъ историкомъ, нужно самымъ строгимъ образомъ поставить свой историческій и политическій критерій. У себя дома, онъ человѣкъ—извѣстныхъ идей, извѣстной партіи; въ своей школѣ, жизни, литературѣ онъ привыкъ къ извѣстнымъ предвзятымъ понятіямъ—пусть это не скажется слишкомъ явно въ его изображеніи чужой страны и народа; а это бываетъ почти всегда. Предположивъ даже, что его взгляды вполне просвѣщенны, что онъ путемъ своихъ изученій успѣлъ освободиться отъ предвзятыхъ идей своего общества о Россіи, что онъ отличить движеніе прогрессивное и застой, лучшее и худшее въ судьбахъ общества,—нужна большая серьезность взгляда, чтобы умѣть приложить эту мѣрку къ формамъ и условіямъ чужой жизни, и имѣть смѣлость высказать свой выводъ, нарисовать картину, не укорачивая ихъ по соображеніямъ различнаго удобства.—Упреку, въ родѣ послѣдняго, подверглась у насъ книга Маккензи Уоллеса, и подверглась справедливо. — Съ другой стороны, какъ ни велики выгоды, доставляемыя обиліемъ „корреспондентовъ“, писатель долженъ употребить много вниманія на то, чтобы дать должную цѣну ихъ показаніямъ, освѣтить источники свѣдѣній. Авторъ указываетъ, что онъ имѣлъ свѣдѣнія отъ людей „всѣхъ слоевъ и всѣхъ направленій“, но здѣсь очень приложимо извѣстное школьное правило—*non multa, sed multum*.

При всѣхъ достоинствахъ труда Леруа-Болье, которыя не подлежатъ спору, намъ кажется, что съ этой послѣдней стороны онъ имѣетъ значительныя пробѣлы и настоящія ошибки, отчасти имъ самимъ усмотрѣнныя,—именно въ тѣхъ главахъ, которыя посвящены изложенію современнаго броженія въ русскомъ обществѣ, изложенію того предмета, который безъ конца разбирался и перевирался и въ нашей и въ европейской печати. Вопросъ гораздо сложнее, чѣмъ выходитъ по объясненіямъ автора... Этотъ недостатокъ былъ бы особенно нежелателенъ въ трудѣ, составляющемъ результатъ столь обширныхъ изученій и могущемъ рассчитывать на весьма большое распространеніе. Въ извѣстныхъ случаяхъ, эти ошибки и пробѣлы

въ фактахъ и въ ихъ толкованіи могутъ стать очень большимъ недостаткомъ. Русская литература, не имѣя возможности говорить о разныхъ явленіяхъ нашей жизни, обыкновенно не очень много заботится о томъ, что говорить о насъ иностранцы, — виновата и прежняя слабость иностранной литературы о Россіи, — но какое чувство возбуждаютъ фальшивыя отношенія къ русской жизни, это можно видѣть напр. по извѣстному разсказу Салтыкова, написанному подъ впечатлѣніемъ статистическаго конгресса, заседавшаго въ Петербургѣ, съ участіемъ ученыхъ европейскихъ авторитетовъ.

— *Основы Науки. Трактатъ о логикѣ и научномъ методѣ Отенли-Джевонса.* Переводъ со 2-го англійскаго изданія М. Антоновича. Спб. 1881.

Средневѣковые схоласты были убѣждены, что можно объяснить природу помощью силлогизмовъ. Въ результатѣ такого убѣжденія получились безчисленные трактаты, исполненные самаго утонченнаго пустословія. Въ то же время разные ученые сдѣлали много необыкновенно важныхъ открытій, но не благодаря силлогизмамъ схоластовъ, а въ силу особыхъ приѣмовъ, сущность которыхъ оставалась пока еще не изслѣдованной, но которые, какъ явствовало изъ фактовъ, вели прямѣе къ цѣли. Въ XVII вѣкѣ Бэконъ показалъ, что „истинный“ научный методъ есть индукція или заключеніе отъ частнаго къ общему, причѣмъ осудилъ схоластическія представленія о методѣ. „Какое значеніе можетъ имѣть силлогизмъ, — спрашиваетъ Бэконъ, — когда къ открытію основныхъ научныхъ истинъ онъ не прилагается, а къ открытію менѣе общихъ истинъ прилагается безуспѣшно? Силлогизмъ состоитъ изъ предложенія, предложенія состоятъ изъ словъ, но слова суть знаки понятій. Но если сами понятія, которыя суть основа всего, смутны, неразумно отвлечены отъ предметовъ, то и во всемъ, что строится на нихъ, нѣтъ никакой прочности. Итакъ, одна надежда на истинную индукцію“. Какъ ни колоссальна философская заслуга Бэкона, нанесшаго схоластической логикѣ смертельный ударъ, и какъ ни крѣпко пустило корни мнѣніе, что наука потому и расцвѣла, что стала слѣдовать методу Бэкона, теперь, однако, пора уже признать, что если наука и шла впередъ, заключая отъ частнаго къ общему, все-таки главнымъ орудіемъ научнаго прогресса была дедукція. Она опредѣляла выборъ частныхъ для заключенія къ общему. Безъ нея индукція была бы слишкомъ слабымъ орудіемъ научнаго прогресса, и послѣдній никогда не совершился бы.

Логическій трактатъ Джевонса представляетъ сводъ весьма поло-

жизельныхъ аргументовъ въ пользу этой послѣдней мысли. Для него всѣ процессы умозаключенія основываются на одномъ и томъ же принципѣ, которому онъ придаетъ названіе принципа замѣщенія или подстановки („все, что вѣрно для одной вещи, будетъ вѣрно и для другой“). Тѣмъ не менѣе эти процессы могутъ быть различаемы сообразно тому, получаютъ ли результаты индуктивно, или дедуктивно. „Въ извѣстномъ смыслѣ,—говоритъ Джеворсъ,—всякое знаніе индуктивно. Мы можемъ изучать законы и отношенія вещей въ природѣ только посредствомъ наблюденія этихъ вещей. Но знаніе, приобретаемое путемъ чувствъ, есть знаніе только частныхъ фактовъ, и намъ нуженъ извѣстный процессъ умозаключенія, посредствомъ котораго мы можемъ вывести изъ фактовъ законы, которыми они управляются. Опытъ даетъ намъ матеріалы знанія; индукція перерабатываетъ эти матеріалы и даетъ намъ общее знаніе. Когда мы овладѣли такимъ знаніемъ въ формѣ общихъ положеній и естественныхъ законовъ, то можно съ пользою употреблять обратный процессъ дедукціи, чтобы удостовѣриться въ точности свѣдѣній, требуемыхъ въ данный моментъ. Такимъ образомъ, въ своемъ послѣднемъ основаніи всякое знаніе индуктивно, въ томъ смыслѣ, что оно посредствомъ извѣстнаго индуктивнаго мышленія выводится изъ фактовъ опыта. Но тѣмъ не менѣе вѣрно и то—и на этотъ пунктъ не было обращено достаточнаго вниманія,—что всякое мышленіе основывается на принципахъ дедукціи. Я сомнѣваюсь въ существованіи какого-нибудь метода умозаключенія, который могъ бы быть осуществленъ безъ знанія дедуктивнаго процесса. *Я постараюсь доказать, что индукція есть въ дѣйствительности обратный процессъ дедукціи*“.

Послѣдовательно проводя эту идею, Джеворсъ прежде всего показываетъ, что науки о числѣ и количествѣ основываются на логикѣ и вытекаютъ изъ нея, какъ изъ болѣе общей и болѣе простой науки, покоящейся на трехъ основныхъ законахъ мышленія: тождества („все, что есть, то есть“); противорѣчія („вещь не можетъ въ одно и то же время и быть и не быть“), и двойственности (вещь должна или быть или не быть). Затѣмъ излагается теорія вѣроятности. Эту теорію Джеворсъ, въ противоположность нѣкоторымъ мыслителямъ, напр. Джону Стюарту Миллю, ставитъ очень высоко. По его мнѣнію, всякое индуктивное заключеніе не болѣе, чѣмъ вѣроятно, и теорія вѣроятности представляетъ существенную часть логическаго метода. Теорія эта, правда, очень трудна и требуетъ весьма тщательнаго и осторожнаго примѣненія. Трудности здѣсь происходятъ отъ логической сложности условій. Весьма любопытно, какъ часто самыя острые и могучіе умы дѣлали ошибки при вычисленіи вѣроят-

ности. Джевонсъ приводитъ нѣкоторые примѣры. Непогрѣшимый математикъ Паскаль началъ основаніе науки о вѣроятностяхъ съ ошибочнаго рѣшенія. Д'Аламберъ постоянно дѣлалъ ошибки и не могъ понять, почему вѣроятности должны быть одинаковы, когда мы бросаемъ монеты одну за другою и когда мы бросаемъ ихъ одновременно. Огюстъ Контъ подвергаетъ сомнѣнію теорію вѣроятностей. Многіе имѣютъ расположеніе думать, что если случайное событіе повторялось нѣсколько разъ сразу въ необыкновенномъ соединеніи, то менѣе вѣроятности, чтобы оно повторилось еще разъ. Д'Аламберъ серьезно думалъ, что если брошенная монета три раза сразу пала орломъ, то болѣе вѣроятно, что въ слѣдующій разъ она упадетъ рѣшеткой. Бексленъ держался такого же мнѣнія. Тѣмъ не менѣе нѣтъ никакого основанія въ пользу его. „Если событіе дѣйствительно случайно, тогда то, что предшествовало ему, не можетъ имѣть на него ни малѣйшаго вліянія. Обыкновенно, чѣмъ чаще совершалось случайное событіе, тѣмъ вѣроятнѣе, что оно еще разъ случится, потому что есть нѣкоторое слабое эмпирическое доказательство его тенденціи повторяться“. Источникъ трудностей лежитъ, между прочимъ, въ нашей привычкѣ не обращать вниманія на слабыя вѣроятности. То, что иногда считается несомнѣнно достоверной истиной, на самомъ дѣлѣ достоверно только приблизительно, или не совсемъ достоверно. Локъ говорилъ, что если бы въ практической жизни требовалось *полная* увѣренность въ томъ, что нѣкоторое задуманное нами дѣло непременно будетъ успѣшно, то мы ничего не сдѣлали бы, ибо такая абсолютная увѣренность невозможна. „Нѣтъ момента въ нашей жизни,—говоритъ Джевонсъ,—когда бы намъ не угрожала слабая опасность смерти или какой-нибудь самый страшный случай. Нѣтъ ни одного акта ѣды, питья, сидѣнья или вставанья, который не оканчивался бы фатальнымъ для кого-нибудь“. Нѣкоторые мыслители пытались указать границу вѣроятностей, которую мы (практически) считаемъ нулемъ. Буффонъ считалъ ее въ $\frac{1}{10,000}$. Паскаль замѣчалъ, что нужно было бы счесть безразсуднымъ того, кто не согласился бы отдать себя на смерть, если три игральныя кости дадутъ 6 двадцать разъ сразу, а если этого не случится, то онъ получитъ корону; но такъ какъ шансъ смерти въ этомъ вопросѣ есть только единица, дѣленая на число, состоящее изъ ряда въ сорокъ семь цифръ, то можно сказать, что мы каждый день подвергаемся большому риску по менѣе сильнымъ мотивамъ“. Трудность примѣненія теоріи вѣроятностей нисколько, однако, не уменьшаетъ ея истинны и прелести. Эта трудность существуетъ только относительно нашего знанія и искусства, но она не безусловна. Такимъ образомъ, теорія вѣроятностей,

по убѣжденію Джевонса, есть самая возвышенная и, можетъ быть, самая полезная отрасль математики. За изложеніемъ теорій вѣроятностей слѣдуетъ цѣлая книга, посвященная простому и общему описанію приѣмовъ, которыми производятся точныя измѣренія, устраняются погрѣшности, получается вѣроятный средній результатъ и опредѣляется погрѣшность этого средняго результата. Затѣмъ Джевонсъ переходитъ къ главному предмету книги—къ „последовательному разъясненію условій и предосторожностей, необходимыхъ для точнаго наблюденія, для успѣшнаго экспериментированія и для безошибочнаго открытія законовъ природы“. Этотъ отдѣлъ онъ самъ считаетъ наиболѣе интереснымъ во всемъ сочиненіи. Особая глава посвящена *теоріи приближенія*. Теорія приближенія даетъ возможность считать точными такія данныя и пріобрѣтенія науки, которыя, въ дѣйствительности, не прослѣжены въ ихъ послѣднихъ результатахъ. Ибо знаніе, пріобрѣтаемое научными методами, не есть знаніе абсолютно вѣрныхъ и до послѣдней степени точныхъ законовъ природы, какъ это принято думать. Даже степень точности, достигнутой въ астрономіи, не можетъ быть, ни въ какомъ случаѣ, названа абсолютной точностью. Кеплеровы законы не доказаны съ надлежащей достовѣрностью, и ни одна планета не движется по совершенному эллипсису. Но не только физическая астрономія гипотетична въ извѣстномъ смыслѣ, гипотетичны даже основныя положенія Евклида. „Въ природѣ могутъ существовать совершенныя прямыя линіи, совершенныя треугольники, круги и другія правильныя геометрическія фигуры; для науки безразлично, существуютъ они, или нѣтъ, потому что во всякомъ случаѣ они превышали-бы наши способности воспріятія. Если бы мы подвергли совершенный кругъ самому тщательному изслѣдованію, то никакимъ образомъ не могли-бы убѣдиться, совершенный ли онъ, или нѣтъ. Тѣмъ не менѣе въ геометріи мы разсуждаемъ о совершенныхъ кривыхъ и прямолинейныхъ фигурахъ и полученные заключенія примѣняемъ къ существующимъ предметамъ, насколько мы можемъ убѣдиться въ томъ, что они согласуются съ гипотетическими условіями нашего умозаключенія“. Приблизительнаго знанія точности числовыхъ законовъ природы, однако, достаточно (при извѣстной степени приближенія), чтобы принять существованіе совершенно точныхъ законовъ природы, которые, такимъ образомъ, являются для насъ какъ бы нѣкоторыми конечными гипотезами, т. е. многообразно проверенными и фактически подтвержденными, хотя и не до послѣднихъ степеней. Теорія приближенія представляетъ существенную часть трактата Джевонса. Весьма обстоятельно также разъясняется авторомъ правильное употребленіе гипо-

тезъ, а въ отдѣлахъ объ обобщеніи и аналогіи рассматриваются предосторожности, необходимыя при умозаключеніи отъ одного случая къ другому и отъ одной части вселенной къ другой. Прочность всѣхъ такихъ умозаключеній должна основываться въ концѣ-концовъ на обратномъ методѣ вѣроятностей. Затѣмъ Джевонсъ останавливается на разсмотрѣніи исключительныхъ явленій, научная важность которыхъ чрезвычайно высока. Такъ какъ наука, въ сущности, состоитъ въ открытіи тождества и признаніи однородности, существующей во многихъ предметахъ, то изъ этого уже слѣдуетъ, что прогрессъ науки зависитъ отъ изученія исключительныхъ явленій. „Такія новыя явленія представляютъ сырой матеріалъ,—говоритъ Джевонсъ,—матеріалъ, на которомъ мы упражняемъ наши способности наблюденія и умозаключенія для того, чтобы подвести новыя факты подъ законы природы, т. е. подъ законы или уже извѣстные, или только еще искомыя. Странные и необъяснимые факты не только всего вѣроятнѣе могутъ привести насъ къ новому и важному открытію, но еще возбуждаютъ наше вниманіе сильнѣйшимъ образомъ. Пока событія текутъ согласно съ нашими ожиданіями и рутинна обыденнаго наблюденія остается неизмѣнною, ничто не говоритъ нашему уму объ ограниченности его знанія и о глубинѣ тайны, которая можетъ скрываться за самыми обыкновенными предметами и явленіями“. Сдѣлавши подробную характеристику всѣхъ случаевъ исключительныхъ явленій, Джевонсъ замѣчаетъ, что, конечно, есть много странныхъ вещей, о которыхъ и не снилось философамъ, но, однако, это не можетъ быть основаніемъ для того, чтобы мы вѣрили всему странному, о чемъ рассказывается, какъ о дѣйствительно случившемся.

Но даже и въ томъ случаѣ, когда мы сами бываемъ очевидцами странныхъ вещей, нельзя спѣшить объясненіемъ ихъ. Нѣтъ предѣла чудесамъ, которыя можетъ представить природа, и каждое странное явленіе (въ родѣ электрическихъ явленій, возбуждавшихъ въ прошломъ столѣтіи такое удивленіе) можетъ быть „секретной пружиной, которая, если тронуть ее надлежащимъ образомъ, откроетъ двери въ новыя залы во дворцѣ природы“. Однакоже, не нужно забывать, что вѣроятность всякаго гипотетическаго объясненія зависитъ отъ вѣроятности всякаго другого возможнаго объясненія. Напримѣръ, относительно спиритическихъ явленій. Если нельзя придумать никакого резоннаго объясненія этихъ явленій, то надо, конечно, отнести ихъ на счетъ какого-то таинственнаго дѣятеля. Но если разъ доказано, что во многихъ важныхъ случаяхъ совершонъ былъ обманъ, а въ другихъ случаяхъ люди сами обманулись, то вѣроятность, что и всѣ спиритическія явленія—результатъ такихъ же точно причинъ, значи-

тельно усиливается, въ особенности, если взять въ соображеніе, что требуется не очень большое искусство для того, чтобы продѣлать обыкновенные фокусы, секретъ которыхъ совершенно ускользаетъ отъ зрителей. Формальная часть трактата Джевонса заканчивается классификаціей, причемъ проводится мысль, что всякая классификація основывается собственно на принципахъ формальной логики. Наконецъ въ заключительной части книги находятся размышленія автора о результатахъ и границахъ научнаго метода. Джевонсъ находитъ, что наука, по самой сущности своей, не имѣетъ атеистическихъ и матеріалистическихъ тенденцій, и однообразное дѣйствіе матеріальныхъ причинъ, которыя мы узнаемъ съ постоянно возрастающимъ приближеніемъ къ достовѣрности, не совсѣмъ исключаетъ гипотезу всеблагого Творца. По словамъ Джевонса, занятія логикой поколебали его увѣренность въ отрицательныхъ выводахъ относительно Бога, которыхъ онъ держался прежде на ряду съ другими учеными. Весьма любопытно, что занятія логикой привели Джевонса также къ мысли, что законъ природы не есть единообразіе, которому должны повиноваться всѣ предметы, но единообразіе, которому естественно повинуются только тѣ предметы, которые были подвергнуты нашему наблюденію. Могутъ быть, поэтому, открыты такіе предметы, которые окажутся исключеніями изъ какого-нибудь закона природы. Джевонсъ сомнѣвается даже, чтобы необходимая истина содержалась и въ такихъ основныхъ законахъ природы, какъ неуничтожаемость матеріи, сохраненіе энергіи или законы движенія. Съ царствомъ закона теоретически согласима всякаго рода катастрофа, какъ бы она ни была внезапна. „Что бы ни говорила наука, но человѣческая исторія можетъ прекратиться въ слѣдующій моментъ времени. Земля можетъ разлетѣться въ дребезги, столкнувшись съ какою-нибудь странствующею звѣздою; она можетъ попасть въ туманную атмосферу водорода и немедленно погибнуть отъ взрыва; она можетъ сгорѣть или превратиться въ паръ вслѣдствіе какого-нибудь взрыва на солнцѣ; наконецъ, внутри самой земли могутъ быть какія-нибудь скрытыя причины разрушенія, которыя ждутъ только времени для своего проявленія.“ Признавая затѣмъ теорію развитія и ставя сочиненія Дарвина и Спенсера наряду съ сочиненіями Ньютона, Джевонсъ, однако, не допускаетъ, чтобы эта теорія уничтожала теологію. Она не можетъ объяснить все чисто механическими и матеріальными причинами и уничтожить всякую мысль о цѣлесообразности. Она гораздо больше ставитъ вопросовъ, чѣмъ разрѣшаетъ ихъ. По мнѣнію Джевонса, въ тотъ или другой моментъ прошедшей исторіи должны были быть какія-нибудь произвольныя опредѣленія, ко-

торыя повели къ образованію вещей въ томъ видѣ, какъ они теперь существуютъ. Но съ другой стороны и гипотеза всеблагого Творца представляетъ значительныя трудности, близко сходныя съ логическимъ противорѣчіемъ. Дживонсъ надѣется, впрочемъ, что, современемъ, въ болѣе высокомъ состояніи ума, разъяснится многое, что теперь кажется темнымъ.

Появленіе на русскомъ языкѣ трактата Дживонса, и притомъ въ весьма хорошемъ и точномъ переводѣ г. Антоновича, безспорно представляетъ капитальный интересъ; этотъ трактатъ въ европейской научной литературѣ уже около десяти лѣтъ занимаетъ видное и почетное мѣсто и, во всякомъ случаѣ, по своей оригинальности и внутреннимъ достоинствамъ, онъ не ниже, если не выше известной „Системы логики“ Милля. Поэтому можно надѣяться, что онъ будетъ встрѣченъ русскими читателями съ должнымъ вниманіемъ.

— *O. Caspari. Das Erkenntnissproblem. Mit Rücksicht auf die gegenwärtig herrschenden Schulen. Breslan 1881.* (Каспаръ: Проблема познанія; въ связи съ господствующими нынѣ ученіями).

Принято думать, что самый сильный ударъ метафизикѣ нанесла наука или, по крайней мѣрѣ, такъ-называемая положительная философія. Но это мнѣніе едва ли справедливо въ первой своей половинѣ и совсѣмъ неосновательно во второй. Ударъ метафизикѣ нанесъ Кантъ своей „Критикой чистаго разума“. Этотъ гениальный мыслитель показалъ, что вещей нельзя отождествлять съ понятіями и что нѣтъ безотносительнаго знанія. Онъ показалъ, что мы не можемъ постигнуть „вещь въ себѣ“ (*Ding an sich*) и что весь матеріалъ для нашего познанія дается въ опытѣ, хотя данныя опыта и систематизируются, приводятся въ порядокъ при посредствѣ категорій, чистыхъ формъ разума, каковы понятіе причинности, понятіе единства, множественности и пр. Такимъ образомъ, познаніе является результатомъ не единичной дѣятельности нашего субъективнаго міра, а взаимнаго отношенія обоихъ міровъ—субъективнаго и объективнаго. Мы познаемъ только феномены, явленія, облеченныя въ наши собственныя субъективныя формы, а не „нумены“, не то, что существуетъ внѣ насъ, внѣ нашего воспріятія, внѣ области нашего опыта. Кантъ, однако, допустилъ безотносительность элементовъ духа, отождествивъ ихъ съ явленіями познанія, происходящими въ чистомъ разумѣ, и вотъ почему метафизика почувствовала его ударъ не сразу. Эта метафизическая гипотеза Канта была соломенной, за которую ухватились

погибающіе философы. Съ удивительной силой ума они ухитрились на этой точкѣ опоры возвести цѣлый рядъ метафизическихъ системъ, и первая половина настоящаго столѣтія наполнена громомъ и блескомъ ихъ славы. Фихте, Шеллингъ, Гербартъ, Гегель изумляютъ насъ ширью своей мысли. Но постепенно, благодаря успѣхамъ науки, авторитетъ этихъ мыслителей распался, системы ихъ не мирились съ выводами точныхъ ученыхъ, бесплодность метафизическаго идеализма стала казаться особенно яркой и всѣ начали жаловаться на то, что философы только напрасно коптятъ небо, причемъ въ публикѣ возникло презрѣніе къ философскимъ занятіямъ, непримѣрное въ исторіи умственнаго развитія цивилизованной части Европы. Философы не остались глухи и слѣпы къ совершившейся кругомъ перемѣнѣ, стали вдумываться въ свои системы и рѣшили всѣ ихъ подвергнуть радикальной провѣркѣ. Въ концѣ-концовъ они нашли, что все сдѣланное въ области метафизики послѣ Канта никуда не годится, что философія послѣ этого гениальнаго мыслителя шагу не ступила впередъ и что надо возводить зданіе съизнова, причемъ точкой отправленія они опять рѣшились взять воззрѣнія Канта, показавшаго съ одной стороны, какъ мы уже выше упомянули, всю несостоятельность метафизики, а съ другой, въ видѣ соблазнительной приманки, нарисовавшаго въ метафизической перспективѣ „вещь въ себѣ“, которую, хотя и нельзя познать, но которая, однако, существуетъ и искать которую составляетъ сладкую потребность нашего духа. Такимъ образомъ возникло новое философское направленіе, получившее названіе ново-кантіанства; гениальнымъ представителемъ его былъ Ланге. Но и это направленіе уже начинается, въ лицѣ своихъ болѣе проникательныхъ сторонниковъ, приходитъ къ заключенію, что нельзя уйти дальше Канта и нѣтъ возможности освободиться отъ узъ относительности, въ предѣлахъ которой мы рождаемся, живемъ, мыслимъ, познаемъ и умираемъ. Поэтому можно сказать, что философская мысль опять накануне какого-нибудь перелома, причемъ разлагающій анализъ „Критики чистаго разума“ одержать, можетъ быть, наконецъ, свою послѣднюю роковую побѣду надъ обвѣтшавшимъ метафизическимъ міропониманіемъ, долженствующимъ вступить въ новую и болѣе плодотворную фазу.

Къ числу этихъ ново-кантіанцевъ, задумывающихся надъ судьбами современной философіи, принадлежитъ, между прочимъ, Отто Каспари, профессоръ философіи въ гейдельбергскомъ университетѣ. Маленькая книга его, „Das Erkenntnisproblem“, написанная имъ по поводу недавняго празднованія въ Германіи столѣтняго юбилея Канта, ставитъ вопросъ, какъ далеко ушли философы въ пониманіи идей этого

мыслителя, въ какой степени разработали ихъ и даже, пожалуй, не опередили ли своего гениальнаго философскаго предка? Отвѣтъ весьма типиченъ и хорошо рисуетъ положеніе философскихъ дѣлъ въ Германіи: „Къ стыду нашей современной философіи, говоритъ Каспари, она, несмотря на то, что со дня появленія безсмертнаго произведенія Канта о критикѣ чистаго разума протекла сотня лѣтъ, всеѣмъ не можетъ сколько-нибудь опредѣленно отвѣтить на этотъ вопросъ“. Каспари даже почти согласенъ съ Гаррисомъ (недавно умершимъ нѣмецкимъ философомъ, профессорствовавшимъ въ Берлинѣ), что философскія школы, возникшія послѣ Канта, ознаменовали себя только безплодными попытками разрѣшить глубочайшую проблему, поставленную великимъ учителемъ,—проблему познанія,—и больше ничѣмъ. Впрочемъ, онъ того мнѣнія, что уже и самыя попытки эти полезны, ибо, въ концѣ-концовъ, онѣ привели къ Канту, но къ Канту исправленному и дополненному. Исправленный и дополненный Кантъ совершенно отрицательно относится къ матеріализму и спиритуализму (будетъ ли послѣдній раціональнымъ идеализмомъ, или субъективнымъ идеализмомъ или раціональнымъ конструкціонизмомъ, какъ у Шеллинга и Гегеля); равно отрицательно относится онъ, хотя и съ бѣльшимъ уваженіемъ, къ такъ-называемому формальному эмпиризму, какъ къ одному изъ видовъ стараго наивнаго сенсуализма. Только критицизмъ, требующій отъ философа, чтобы ни одна изъ эмпирическихъ задачъ не разрѣшалась имъ, когда предварительно не будетъ критически изслѣдована природа нашего интеллекта, какъ источника, откуда, съ помощью опыта, вытекаютъ всѣ наши объясненія, только критицизмъ удостоивается благосклоннаго приѣма со стороны обновленнаго Канта. Познаніе, по этому ново-кантіанскому ученію, лежитъ въ предѣлахъ между апіорными началами разума, составляющими единственную точку отправленія идеалистическихъ метафизиковъ и раціоналистовъ этого столѣтія и между показаніями чувственныхъ впечатлѣній, на которыхъ опираются формальные эмпирики въ родѣ Вундта, Фехнера и др. Въ такой формѣ критицизмъ можетъ быть названъ критическимъ эмпиризмомъ, хотя это и ничуть не представляетъ шага впередъ сравнительно съ критицизмомъ Ланге. Каспари самъ сознаетъ это и не даромъ ищетъ спасенія въ сліяніи всѣхъ философскихъ теченій въ одно, т.-е. въ эклектизмъ, ибо надо замѣтить, что онъ, въ качествѣ дарвиниста, не прочь позаимствовать кое-что и у современныхъ англійскихъ философовъ. Но едва ли эта диверсія, свидѣтельствующая о безнадежности положенія, спасетъ метафизику и сохранить ея научный декорумъ. Признавая апіорность чистаго разума. критическій эмпиризмъ, въ пре-

дѣлахъ научнаго познанія, все-таки имѣеть дѣло только съ свидѣтельствами или показаніями органовъ чувствъ, между тѣмъ, какъ въ предѣлахъ философскаго мышленія онъ имѣеть дѣло съ такими идеями разума, какъ субстанція, причинность, вѣчность, цѣлесообразность и пр., которыя все абсолютно субъективны и абсолютно-непознаваемы, хотя и мыслимы. Въ результатѣ является такая же рознь между наукой и философіей, какъ и до ново-кантіанства, и примиреніе ихъ возможно только въ какомъ-нибудь другомъ ученіи, но въ какомъ именно—это составляетъ пока тайну философовъ. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, какъ выразился одинъ нѣмецкій мыслитель, „настоящая философія состоитъ — въ отрицаніи философіи!“

—А. Лопухинъ, Религія въ Америкѣ. Спб., 1882.

—А. Лопухинъ, Законодательство Монсея. Спб., 1882.

Въ одномъ изъ послѣднихъ внутреннихъ обзорѣній „Вѣстника Европы“ (№ 6) была высказана мысль, что клерикализмъ не составляетъ исключительнаго достоянія католическихъ западно-европейскихъ странъ, что онъ существуетъ и въ Россіи: Неожиданное подтвержденіе этой мысли мы находимъ въ названныхъ выше сочиненіяхъ г. Лопухина, особенно въ первомъ. Авторъ „Религіи въ Америкѣ“—не только приверженецъ, но и теоретикъ клерикализма. „Существованіе церкви и государства, — говоритъ онъ, — обуславливается двумя отдѣльными сторонами въ человѣческой жизни, духовною и матеріальною. Въ христіанскомъ обществѣ представителемъ духовной стороны является церковь, представителемъ матеріальной—государство... Церковь имѣетъ попеченіе о внутренней жизни человѣческаго общества и заботится объ удовлетвореніи внутреннихъ духовныхъ нуждъ и потребностей; государство естественно заботится объ удовлетвореніи матеріальныхъ нуждъ и потребностей лицъ и общества. Но человѣкъ живетъ не только одной душой или однимъ тѣломъ; точно также и общество не есть только государство или только церковь, но единство обоихъ во взаимномъ соотношеніи... Душа есть образующій, жизненный принципъ тѣла; церковь, въ нравственномъ порядкѣ, есть образующій, жизненный принципъ государства... Душѣ предназначено руководить и управлять тѣломъ, согласно съ высшимъ законамъ; церкви принадлежитъ руководящая власть надъ всемъ чело-
вѣческимъ обществомъ. Въ нравственномъ порядкѣ ей принадлежитъ направлять и контролировать гражданское общество, посредствомъ объявленія и приложенія къ дѣйствию законовъ Божіихъ... Церковь

при своемъ руководящемъ положеніи сама не падаєть законѣ; она только провозглашаетъ, объявляетъ и прилагаетъ ихъ, и сама также связана ими, какъ и государство". Подъ всѣми-этимъ положеніями могъ бы подписаться не только любой изъ глашатая современнаго клерикализма, но и средневѣковой защитникъ преобладанія церкви надъ государствомъ. Къ чему привело бы примѣненіе ихъ на практикѣ—это не требуетъ поясненій; достаточно вспомнить общественные факты изъ исторіи среднихъ вѣковъ или хотя бы изъ недавняго прошлаго папскихъ владѣній. Въ разсужденіяхъ г. Лопухина нѣтъ ничего новаго; но они весьма характеристичны, какъ признакъ времени, какъ открытое и систематическое выраженіе стремленій, очевидно раздѣляемыхъ не однимъ только авторомъ „Религія въ Америкѣ“.

Въ примѣненіи къ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ г. Лопухинъ задался двумя главными задачами: доказать, что великое американское государство, вопреки общераспространенному мнѣнію, даетъ примѣръ повиновенія церкви, вовсе не допускаетъ абсолютной свободы религіозной совѣсти, и что въ средѣ американскаго народа господствуетъ стремленіе къ „кафоличности“, т.-е. къ духовному объединенію въ нѣдрахъ одной церкви. Американское государство, по мнѣнію г. Лопухина, признаетъ въ принципѣ „главенство духовнаго порядка, свою собственную соподчиненность“ ему и обязанность сообразоваться съ нимъ, признаетъ за церковью полномочіе представлять законъ Божій и *прилагать его къ правительству народа*, какъ государству, не менѣе, чѣмъ къ народу, какъ отдѣльнымъ личностямъ“. Итакъ, г. Лопухинъ отождествляетъ духовный порядокъ съ церковью; остается только узнать, съ какою церковью, такъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ одной господствующей церкви. Оказывается, что правительственнымъ кодексомъ американскаго государства служить „общій христіанскій принципъ“, признаваемый всѣми христіанскими исповѣданіями и сектами. Къ чему же, въ такомъ случаѣ, понадобились г. Лопухину всѣ общія мѣста о церкви и государствѣ, какъ о душѣ и тѣлѣ? Не ясно ли, что церковью и „общій христіанскій принципъ“—понятія совершенно различныя, что функціи, приписываемыя первой, не могутъ быть отправляемы послѣднимъ? Государство, руководимое церковью, и государство, руководимое духовнымъ принципомъ—далеко не одно и то же. Руководясь духовнымъ принципомъ, государство дѣлаетъ именно то, на что оно, съ точки зрѣнія г. Лопухина, не имѣетъ права—оно вступаетъ въ духовную область, заботится о духовныхъ потребностяхъ народа. Общій христіанскій принципъ проникаетъ собою всю современную

цивилизацию, отражается въ дѣятельности правительства настолько же ненужно, какъ и въ дѣятельности народовъ и частныхъ лицъ; констатировать его господство въ томъ или другомъ государствѣ не значитъ еще доказать, что это государство „соподчинено церкви“, что „церковь прилагаетъ къ нему дѣйствіе божественнаго закона“. Нѣсколькими строками дальше г. Лопухинъ дѣлаетъ своимъ читателямъ новый сюрпризъ: нравственнымъ кодексомъ американскаго государства является уже не церковный законъ, не общій христіанскій принципъ, даже не десятословіе Моисея, а „естественный законъ совѣсти“; всѣ общества, признающія этотъ послѣдній законъ и основанныя „на чисто естественной религіи, находятся въ томъ же живомъ единеніи съ государствомъ“, какъ и христіанскія церкви. Правда, въ другомъ мѣстѣ г. Лопухинъ утверждаетъ, что *ложныя секты въ сущности сами по себѣ не имѣютъ правъ передъ государствомъ, такъ какъ не служатъ выразительницами и истолковательницами духовнаго порядка*; но вслѣдъ за тѣмъ онъ спѣшитъ взять назадъ свои слова, признавая, что и въ такихъ сектахъ государство должно уважать права духовнаго порядка, не потому, конечно, что онѣ считаютъ себя истинными, но потому, что онѣ считаются таковыми извѣстною частью его гражданъ (*развѣ это не одно и то же?*), а всѣ граждане имѣютъ равное право на покровительство ихъ совѣсти“. Заключенія г. Лопухина прямо противорѣчатъ, такимъ образомъ, исходной точкѣ его разсужденій. Онъ замѣчаетъ, и совершенно справедливо, что американское государство не допустило бы принесенія, во имя религіи, человѣческихъ жертвъ или другихъ изувѣрствъ этого рода; но мы не знаемъ такой теоріи, которая требовала бы безнаказанности преступленій, совершаемыхъ подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма. Многоженство запрещено въ кодексѣ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ не столько въ силу религіозныхъ, сколько въ силу государственныхъ соображеній; преслѣдованіе его въ Америкѣ также не можетъ служить аргументомъ въ пользу теми, защищаемой г. Лопухинимъ.

Автору „Религіи въ Америкѣ“ хотѣлось бы доказать, что свобода религіозной совѣсти въ Америкѣ вовсе не такъ велика, какъ думаютъ приверженцы этого великаго принципа. Онъ указываетъ на законы, ограждающіе празднованіе воскреснаго дня и устанавлиющіе присягу, на обычай назначать такъ-называемые дни благодаренія, дни поста и молитвы, на существованіе въ нѣкоторыхъ штатахъ, вопреки федеральной конституціи, узаконеній, обуславливающихъ право на занятіе общественной должности принадлежностью къ одному изъ христіанскихъ исповѣданій. Дѣйствительнымъ ограниче-

ніемъ религіозной свободы можно считать только эти послѣднія узаконенія (на практикѣ, по словамъ самого автора, остающіеся иногда мертвою буквою); но они составляютъ исключеніе изъ общаго правила, провозглашеннаго федеральною конституціей и осуществляемаго въ большинствѣ отдѣльных штатовъ. Дѣйствуетъ ли гдѣ-либо въ Соединенныхъ Штатахъ запрещеніе переходить изъ одного исповѣданія въ другое? Обязанъ ли каждый американскій гражданинъ принадлежать къ одной изъ установленныхъ церквей? Стѣснено ли чѣмъ бы то ни было, для какаго бы то ни было вѣроученія устройство храмовъ или молитвенныхъ собраній? Затруднено ли чѣмъ бы то ни было образованіе новыхъ церквей, провозглашеніе новыхъ религіозныхъ доктринъ? Существуетъ ли что-либо похожее на духовную цензуру? Есть ли въ сѣверо-американскихъ уголовныхъ кодексахъ отдѣлъ преступленій противъ вѣры? На всѣ эти вопросы не можетъ быть другого отвѣта, кромѣ отрицательнаго и этого достаточно, чтобы установить существованіе въ Соединенныхъ Штатахъ полной религіозной свободы. Соглашаясь съ католическими публицистами Америки, г. Лопухинъ считаетъ несправедливостью обязательное участіе католиковъ въ платежъ школьнаго налога, такъ какъ они рѣдко пользуются государственными школами. По этому поводу достаточно замѣтить, что въ государственныхъ школахъ Сѣверной Америки законъ Божій, по ученію того или другого вѣроисповѣданія, вовсе не преподается, и что за каждой церковью сохранена полная свобода организовывать по своему усмотрѣнію религіозное воспитаніе дѣтей, къ ней принадлежащихъ. При такомъ положеніи дѣлъ, ничто не мѣшаетъ католикамъ посылать своихъ дѣтей въ государственныя школы, обучая ихъ закону Божию внѣ школьныхъ стѣнъ, и если они не хотятъ этого дѣлать, то отсюда еще не слѣдуетъ чтобы государство должно было освободить ихъ отъ школьнаго налога. Справедливо ли было бы освобождать достаточныхъ людей отъ уплаты той части земскаго сбора, которая идетъ на содержаніе больницъ, на томъ основаніи, что они не пользуются больницами?

Стремленіе американцевъ къ „каеоличности“ г. Лопухинъ выводитъ изъ двухъ фактовъ: быстрого распространенія католицизма и попытокъ епископальной (англиканской) церкви войти въ соглашеніе съ восточною церковью. Значеніе перваго факта ослабляется тѣмъ, что католицизмъ, по словамъ самого г. Лопухина, распространяется въ Америкѣ преимущественно внѣшнимъ образомъ, посредствомъ наплыва ирландскихъ эмигрантовъ. Что касается до попытокъ воссоединенія съ восточною церковью, то, рассказавъ подробно ихъ начало,

авторъ умышленно о причинахъ ихъ неудачи. Мы видимъ, что „комитетъ протестантской епископальной церкви для единенія церквей“, основанный въ 1868 г., былъ закрытъ въ 1874 г., что „первый существенный и необходимый шагъ къ разрѣшенію вопроса“ (выраженіе г. Лопухина) былъ, такимъ образомъ, взятъ назадъ самими сдѣлавшими его, что дальнѣйшій ходъ переговоровъ, порученный епископамъ, „не выразился еще ни въ какихъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ и осязательныхъ фактахъ“. Все это заставляетъ только сомнѣваться въ прочности и силѣ стремленія къ „каеодичности“. Какимъ образомъ г. Лопухинъ приходитъ къ противоположному заключенію—это остается его тайной.

Тенденціозность, которой проникнута книга г. Лопухина, немѣждала ему остановиться на самыхъ интересныхъ сторонахъ американской религіозной жизни. Отыскивая въ ней только аргументы противъ свободы совѣсти и въ пользу преобладанія церкви надъ государствомъ, онъ не счелъ нужнымъ познакомить насъ съ разнообразіемъ американскихъ сектъ, со взаимными ихъ отношеніями, со степенью напряженности религіознаго чувства, съ проявленіями его въ разныхъ областяхъ общественной и частной дѣятельности. Онъ вовсе не коснулся того давленія, которое оказываютъ иногда въ области религіи общественное мнѣніе; а между тѣмъ весьма интересно было бы узнать, сильно ли оно распространено въ Соединенныхъ Штатахъ—сравнительно, напримѣръ, съ Англіей,—и въ чемъ преимущественно выражается. Судя по тому, что г. Лопухинъ написалъ цѣлую книгу: „Жизнь за Онеаномъ“, слѣдуетъ предполагать, что онъ жилъ нѣкоторое время въ Соединенныхъ Штатахъ; въ сочиненіи, о которомъ мы теперь говоримъ, это совсѣмъ незамѣтно—читая его, можно думать, что оно составлено исключительно на основаніи печатныхъ матеріаловъ.

Въ другой книгѣ г. Лопухина: „Законодательство Моисея“ идеалистическія симпатіи автора меньше выступаютъ на видъ, хотя и выражаются довольно ярко въ преклоненіи его передъ теократіей. Какъ популярное изложеніе важнаго и слишкомъ мало извѣстнаго у насъ предмета, оно не лишено значенія и интереса; можно только пожалѣть, что авторъ не всегда остается на строго-научной почвѣ. Признавая, въ общихъ выраженіяхъ, что Моисеево законодательство, „разсматриваемое съ его (?) обыкновенной исторической точки зрѣнія“, не дано сразу въ томъ видѣ, какъ оно теперь представляется въ Пятикнижьи, г. Лопухинъ не останавливается подробно на существующихъ гипотезахъ по атому предмету, не вслѣдуетъ, напримѣръ, вопроса объ отношеніи Второзаконія къ остальнымъ частямъ Пяти-

книжнѣ. Мнѣнія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ о происхожденіи Второзаконія г. Допухинъ, повидимому, не раздѣляетъ; тѣмъ удобнѣе было бы для него изложить это мнѣніе съ надлежащими опроверженіями. Приступить къ изложенію предмета безъ критики источниковъ, даже безъ критики на критику ихъ, значить оставить въ изслѣдованіи пробѣлъ, ничѣмъ не восполнимый.

— Фридрихъ Шпильгагенъ. „Анжела“, повѣсть. Спб., 1881.

Немногіе, даже изъ отечественныхъ писателей, внушали русской публикѣ въ послѣдніе годы такой живой интересъ, какъ Шпильгагенъ. И это понятно: въ его произведеніяхъ читатели находятъ и увлекательный разсказъ, и художественную картину жизни и природы и, — что, быть можетъ, всего болѣе привлекаетъ къ нему читателей, — серьезную мысль, въ связи съ отголосками недавней и современной европейской исторіи, находятъ стараніе выяснить, освѣтить общественные вопросы, съ которыми по широтѣ ихъ значенія не могутъ не встрѣчаться люди, какъ въ Германіи, такъ и повсюду, гдѣ идетъ какая-либо работа мысли, и каковы бы ни были политическія формы этого общества.

Своими первыми большими романами „Загадочная натура“, „Израка къ свѣту“, „Два поколѣнія“ (Die von Hohenstein) и затѣмъ особенно послѣдующими — „Одинъ въ полѣ во время“ (In Reih' und Glied) и „Молоть и Наковальня“, Шпильгагенъ сумѣлъ внушить къ себѣ не только въ своемъ отечествѣ, но и у насъ такое сочувствіе, поставить себя на такую высоту, что даже несмотря на то, что болѣе позднія его произведенія („Про что щебетала ласточка“, „Бурный приливъ“, „Низина“ и др.) во многомъ не оправдали ожиданій, каждое изъ нихъ по прежнему встрѣчалось съ новыми ожиданіями и интересомъ. Тѣмъ не менѣе болѣе позднія произведенія Шпильгагена были настолько ниже первыхъ, что многимъ приходило въ голову вопросъ: можно ли надѣяться найти въ будущемъ прежняго Шпильгагена, или Шпильгагенъ сказалъ уже свое лучшее слово? Одинъ изъ нашихъ критиковъ спрашивалъ: „пробудится ли въ Шпильгагенѣ прежній боецъ, зазвучать-ли въ немъ опять тѣ струны, изъ которыхъ онъ умѣлъ извлекать такіе могучіе аккорды?...“ Съ появленіемъ „Анжелы“ утвердительный отвѣтъ становится очень сомнительнымъ. „Анжела“ — мрачный и мало вѣроятный разсказъ. На берегахъ Женевского озера, въ Вева, въ отелѣ „Du Lac“ проживаетъ необыкновенно богатая и столь же сумасбродная лэди Велькестль.

Въ томъ же отелѣ помещается нѣкто г. Ларма изъ Бразиліи, старикъ, разбитый параличемъ; тамъ же останавливается съ семействомъ талантливый художникъ Арнольдъ Моръ; наконецъ баронесса Гранске со своей любимицей-компаньонкой Анджелой фонъ-Зебургъ, героиней разсказа. Всѣ эти лица съѣзжаются совершенно случайно. Анджела — чудо красоты и особа рѣдкихъ совершенствъ ума и характера, необыкновенной воли и энергіи. За нѣсколько лѣтъ до начала разсказа Анджела, въ то время семнадцатилѣтняя дѣвушка, потеряла мать; отецъ ея умеръ ранѣе; братья должны были продолжать образованіе и она приняла на себя заботу объ нихъ. Уже въ то время любила она Арнольда Мора, но когда Моръ предпочелъ жениться на богатой наслѣдницѣ, Анджела уѣхала изъ Берлина въ Лондонъ, гдѣ жилъ ея дядя. Въ его лавкѣ встрѣтила ее леди Белькестль, которая такъ воскипѣлась ею, что настояла, чтобы Анджела жила у нея. Та согласилась на предложеніе леди, чтобы имѣть средства для содержанія братьевъ. Въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ переносила она невозможный характеръ леди. Затѣмъ пріѣхалъ изъ Индіи сынъ леди Белькестль, Эдуардъ; онъ влюбился въ Анджелу и она оставила замокъ послѣ бурной сцены съ его матерью, которая сочла ее за интригантку, ловившую богатаго жениха. Анджела поселилась, въ томъ же качествѣ компаньонки, у баронессы Гранске. Сынъ баронессы также влюбился въ Анджелу и умеръ не столько отъ ранъ, полученныхъ при Седанѣ, сколько отъ безнадёжной страсти. Встрѣтившись теперь въ Веве съ Анджелой, Моръ, которому надоѣла пустая жена его Нанни, начинаетъ преслѣдовать ее своей любовью. Послѣ первой случайной встрѣчи, Анджела рѣшается избѣгать Мора. Баронесса, по пріѣздѣ въ отель „Du Lac“, удивлена неожиданною встрѣчей со своею племянницей Нанни, женою Мора, Анджела — встрѣчей съ леди Белькестль. Забывая старое, Анджела хочетъ примириться съ леди; та отталкиваетъ ее съ оскорбительными словами. Сынъ леди, Эдуардъ, попадаетъ въ Веве впрочемъ не случайно. У Эдуарда есть другъ, Робертъ Свифтъ, также художникъ; нѣсколько времени тому назадъ Свифтъ встрѣтилъ дѣвушку необыкновенной красоты. Онъ догадывается, что это Анджела, о которой онъ раньше слышалъ отъ Эдуарда, наводитъ справки и убѣждается, что это она. Онъ слѣдитъ всюду за Анджелой, чтобы не потерять ее изъ виду, и извѣщаетъ своего друга о ея мѣстопребываніи. Эдуардъ изъ Норвегіи является въ Веве. Онъ съ удивленіемъ узнаётъ, что здѣсь живетъ его мать. Такова обстановка разсказа. Анджела желаетъ упрочить семейное счастье Мора, не додвѣривая, какъ легкомысленна его жена. Чтобы совсѣмъ отдалиться отъ Мора, она рѣшается

выйти замужъ за Эдуарда; къ этому побуждаетъ ее и состраданіе къ Эдуарду, котораго, впрочемъ, она всегда находила порядочнымъ человѣкомъ. Эдуарду не удается получить согласіе матери. Разговоръ его съ нею слышитъ Лерма и устраиваетъ дѣло. Онъ оказывается настоящимъ отцомъ Эдуарда, воскищенъ Анджелой и заботится о счастьи своего сына, о которомъ нигдѣ постоянныя извѣстія. Тридцать лѣтъ тому назадъ Лерма и леди Белькестль любили другъ друга. Леди убила своего мужа, смерть котораго приписана аграрному убійству, такъ какъ была извѣстна общія къ нему ненависть (дѣло было въ Ирландіи). Послѣ того Артуръ Ритингъ, какъ звали тогда Лерму, оставилъ Европу и усновленный богатимъ бразильцемъ, получилъ отъ него богатство и имя. Помойный мужъ леди ранилъ его и пуля, засѣвшая въ ранѣ, довела его наконецъ до настоящаго плачевнаго состоянія. Принявъ имя Лерма, онъ самъ извѣстилъ леди о своей смерти, такъ что въ старикѣ, разбитомъ параличемъ, та не могла и подовѣрять прежняго Артура Ритинга. Она поражена его появленіемъ и соглашается на все, когда онъ грозитъ открыть прошлое. Анджела становится невѣстой Эдуарда. Устраиваются увеселительныя прогулки. Во время одной прогулки изъ нихъ, за нѣсколько дней до свадьбы, наступаетъ кризисъ, а затѣмъ и развязка. Нанни, жена Мора, убѣгаетъ съ однимъ фатомъ, художникомъ Фогелемъ. Анджела, истомленная своимъ положеніемъ внезапно бросается въ горы. Въ головѣ ея бродятъ восторженные, но подавляющіе образы; гроза и буря; она хочетъ умереть, почти падаетъ отъ утомленія, и тутъ ее находитъ Моръ. Почти уступивъ напавшу страсти, она тотчасъ же отталкиваетъ его; онъ въ бѣшенствѣ оставляетъ ее. Ей помогаютъ другія лица, участвовавшія въ прогулкѣ. Въ тотъ же день умираетъ Лерма, оставляя свое состояніе Анджелѣ. Нѣсколькими часами позже умираетъ леди Белькестль — въ порывѣ гнѣва, когда Эдуардъ, не читая, бросилъ, въ каминъ старыя письма Анджелы къ Морю, купленные у укравшей ихъ бонны дѣтей Мора. Моръ умираетъ въ два-три дня отъ воспаленія мозга въ одной изъ сосѣднихъ гостинницъ; этому способствуетъ недавняя, не вполне зажившая рана въ головѣ. Убѣдившись вскорѣ, что Анджела не любить его, Эдуардъ съ глубокимъ горемъ рѣшается возвратить ей слово. Не зная еще о смерти Мора, Анджела задумываетъ самоубійство, но раньше этого погибаетъ, спасая одного изъ сыновей Мора отъ смерти въ волнахъ бушующаго овера. Ее не удается спасти Роберту Свифту, другу Эдуарда, единственному человѣку, который понимаетъ, въ чемъ дѣло, также любить ее и слѣдитъ за нею въ ея послѣднія минуты. Задумавъ самоубійство, Анджела завѣщаетъ только-

что полученное ею богатство Лерми баронессѣ Гранске, которая еще раньше всей катастрофы, въ виду раззоренія отца Нанни, принимаетъ на себя заботу о дѣтяхъ своей племянницы.

Такимъ образомъ весь романъ оказывается построеннымъ на сплетеніи случайныхъ невѣроятностей, которыя громоздятся другъ на друга. Правда, что въ жизни случаются иногда самыя удивительныя сплетенія, но это всегда очень мудреный матеріалъ, требующій чрезвычайно осторожнаго художественнаго обращенія, котораго почти вполне недостаетъ въ данномъ случаѣ. Все рассчитано на эффектъ до такой степени, что крайнее преувеличеніе его уничтожаетъ впечатлѣніе и лишаетъ книгу всякаго интереса. У Шпильгагена всегда было извѣстное стремленіе къ эффекту, не вполне уравновѣшенное другими сторонами художественности; здѣсь, это стремленіе доходить до крайняго предѣла. Обрисовка характеровъ, кромѣ нѣсколькихъ второстепенныхъ, неудачна и особенно двухъ главныхъ — Анджелы и Мора. Образъ дѣйствій Анджелы иногда чрезвычайно странный, говорить она по временамъ натянутыми, непонятными тирадами, и ту Анджелу, которую собственно намѣтилъ Шпильгагенъ, мы узнаемъ только въ послѣднихъ строчкахъ разсказа, когда она бросается снести мальчика. „Что это дитя Мора — объ этомъ ей некогда и подумать; она даже забыла, что хотеть умереть и что къ этому представляется такой удобный случай, — все это исчезло изъ ея памяти“. Моръ, котораго авторъ хотѣлъ представить симпатичнымъ, почти отталкиваетъ. Леди Велькестль, несмотря на приведенныя авторомъ размышленія доктора, и на слова Эдуарда, что она уже давно потеряла рассудокъ, такъ и остается загадкой.

При сказанной постройкѣ романа коснуться вопросовъ жизни оказалось возможнымъ только съ точки зрѣнія древняго фатума. „Нѣтъ мѣста въ жизни тому, кто не хотеть, не можетъ знать слѣдковъ со своей совѣстью, со своимъ чувствомъ, какъ бы природа богато ни одарила его“, говоритъ Шпильгагенъ своей Анджелой.

Понятно, что чѣмъ лучше была бы выполнена такая тема, тѣмъ болѣе гнетущее, нездоровое впечатлѣніе получалъ бы читатель; но въ данномъ случаѣ выполненіе этой темы весьма неудачно. Такое мрачно-фаталистическое отношеніе къ жизни очень мало похоже на прежнія задачи Шпильгагена, когда онъ писалъ, напримѣръ, „Молотъ и Наковальню“. Въ этомъ послѣднемъ романѣ звучитъ постоянный призывъ къ живой плодотворной работѣ и надъ собой и на пользу другихъ, показывается могучая сила такой работы, покоряющей хаотическія, стихійныя силы невѣжества, жадности и эгоизма. Тамъ чи-

татель встрѣчаетъ неодолимое обаяніе благороднаго человѣческаго сердца даже для людей самыхъ грубыхъ; въ „Анжелъ“ — мертвый фатализмъ, даже не тотъ, который говорить, что каждому предназначена своя судьба, благая или горькая, но тотъ, который говорить, что лучшимъ изъ людей предназначено самое худшее.

Люди довольно плачутся на свою судьбу, и жизнь довольно даетъ повода къ этому, но чѣмъ болѣе талантливъ человѣкъ, чѣмъ болѣе онъ силенъ въ какомъ-либо отношеніи, тѣмъ болѣе можно ожидать отъ него не однихъ жалобъ, но и помощи, выражаемой тѣмъ, что онъ долженъ стараться выяснять вопросы жизни, освѣщать ея дѣйствительныя требованія, указывать, какъ они могутъ быть выполнены. Это дѣлаетъ впечатлѣніе новаго произведенія Шпильгагена еще болѣе неблагоприятнымъ.

Издатель и редакторъ М. СТАСЮЛВИЧЪ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1881 году.

Въ 1881-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распределялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

	экз.		экз.		экз.
1. Херсонск. .	254	23. Нижегород.	53	45. Забайк. об.	36
2. Кіевская. .	202	24. Тульская. .	50	46. Минская. .	35
3. Тифлисская.	131	25. Тверская. .	47	47. Псковская .	32
5. Харьковск..	126	26. Владимірск.	46	48. Могилевск..	30
6. Екатеринос.	111	27. Иркутская .	46	49. Дагест. обл.	29
7. Полтавская.	108	28. Бостромская	46	50. Гродненская	28
8. Тамбовская.	108	29. Рязанская .	46	51. Астраханск.	28
4. Варшавск. .	128	30. Новгородск.	45	52. Елисаветпол.	28
9. Таврическ..	95	31. Обл. В. Дон.	44	53. Ковенская .	27
10. Казанская .	85	32. Оренбургск.	44	54. Уфимская .	26
11. Черниговск.	84	33. Московская.	43	55. Томская . .	25
12. Пермская. .	78	34. Ярославская	41	56. Кутанская.	25
13. Орловская .	75	35. Кубанск. об.	41	57. Люблинская	23
14. Саратовск. .	70	36. Пензенская .	40	58. Ставропол. .	23
15. Подольская.	70	37. Виленская .	40	59. Вакинская .	23
16. Курская . .	70	38. Сыръ-Д. об.	41	60. Акмол. об.	22
17. С.-Петерб. .	69	39. Калужская .	39	61. Сѣдлецкая .	21
19. Воронежск..	67	40. Самарская .	40	62. Эриванская.	21
18. Бессарабск.	65	41. Лифляндск.	40	63. Архангельск.	19
20. Волынская .	61	42. Вятская .	37	64. Петрововск.	18
21. Сибирская.	58	43. Терская об.	37	65. Енисейская .	18
22. Смоленская.	54	44. Витебская .	37	66. Тобольская .	18

67. Калишская .	18	77. Карская. об.	13	87. Уральск. об.	7
68. Вологодская	17	78. Радомская .	13	88. Виборгская.	6
69. Курляндск.	17	79. Амурск. об.	12	89. Батунская .	4
70. Нюландская	17	80. Семипал. об.	12	90. Черном. ок.	4
71. Ферганская .	16	81. Заравш. окр.	11	91. Закасп. окр.	3
72. Олонецкая .	16	82. Плоцкая . .	10	92. С.-Мих. губ.	1
73. Примор. об.	16	83. Сувальская .	9	93. Закасп. окр.	1
74. Ломжинская .	14	84. Кълецкая . .	9	94. Тургайск.	1
75. Семирѣченс.	14	85. Якутск. об.	8		
76. Эстляндская	14	86. Бульдж. р.	8		3961

II. Въ С.-Петербургѣ. 1200

III. Въ Москвѣ 426

IV. За границей 174

Всего: экз. 5761

А. Хомиковскій

Въспомогательн. редакторъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

ВЪ 1881 ГОДУ.

А. Стихотвореніе: „Потерялъ онъ все родное“ (мар., 90).

А. В. Андрей Николаевичъ Поповъ (іюль, 453).

Андріановъ, Н. Мирные эпизоды изъ военной жизни войскъ корпуса генераль-лейтенанта Циммермана (авг., 688; нояб., 179; дек. 692).

Аниенковъ, М. Н. Ахаль-текинскій оазисъ и пути въ Индію (май, 317; іюнь, 770).

Аниенковъ, Н. В. Любимыя тяжба (январь, 16).—Литературные проекты А. С. Пушкина (іюль, 29).

Астафьевъ, Н. А. Древности Вавилоно-Ассирійскія по новѣйшимъ открытіямъ (апр., 692; май, 47).

Б. П. Письма о Москвѣ (мар., 375; май, 363; іюль, 372).

Бертенсонъ, І. В. Къ вопросу объ эпизоотіи сибирской язвы въ навигацію 1881 года (ноябрь, 373).

Боборыкинъ, П. Д. Умереть—уснуть. Разсказъ (январь, 44).—Аѳинская республика. Итоги новаго Парижа.—(апр. 786; іюнь, 816; сент., 358).

Бобровниковъ, Н. Народное образованіе во Франціи (іюнь, 582; іюль, 212).

Быковскій, К. По поводу послѣдней картины Куинджи (май, 390).

В. Н. Стихотворенія (іюль, 209).

Веселовскій, Алексѣй Н. Альцестъ и Чацкій (март. 91).—Западное вліяніе въ русской литературѣ (ноябрь, 25).

Владиміровъ, А.—О введеніи русскаго языка въ богослуженіе католической и протестантской церкви въ сѣверо-западномъ краѣ (мартъ, 366).

Воропоновъ, Ф. Ф. Теорія достаточности крестьянскихъ надѣловъ (февр., 773).

Г. А. Князь А. И. Васильчиковъ † (ноябрь, 416).

Гаевскій, В. П. Изъ пушкинской переписки: Письма Пушкина къ Дельвигу (январь, 5).—Письма Пушкина о «Борисѣ Годуновѣ» (февр., 643).

Гротъ, Я. К. Изъ пушкинской переписки съ Плетневымъ (мартъ, 5).

Жуковскій, Ю. Г. Прямые налоги въ Россіи (февр., 485).—Вліяніе бумаж-

нихъ денегъ на лажъ и цѣны (апр., 526).

Заблоницкій-Десятовскій, А. П. Графъ П. Д. Киселевъ въ Парижѣ 1856 — 1868 гг. (авг., 457).

Зиберъ, Н. Исторія швейцарской альменды (окт. 601).

Кавелинъ, К. Д. Крестьянскій вопросъ (мар., 19; авг., 570; сент., 5; окт., 713; ноябрь, 88; дек., 472).

Кени, А. О. Спорный вопросъ нашего судостроительства. I—III (январь, 199).

Корень, баронъ, Н. А. Сельско-хозяйственное и ремесленное образованіе народа (мартъ, 308).—Народная школа въ рукахъ крестьянскаго земства (окт., 784).

Костомаровъ, П. П. Малорусское слово (январь, 401).—По вопросу о малорусскомъ словѣ «Современнымъ Извѣстіямъ» (мартъ, 359).—Еще по поводу малорусскаго слова — «Московскимъ вѣдомостямъ» (апр., 764).—Объясненіе по поводу археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ (дек. 906).

Крыловъ, В. А. Драма страстей Господнихъ (мар., 136; апр., 610).

Л. А. Годъ въ Америкѣ (авг., 621; сент., 31).

Лихачевъ, В. С. Стихотворенія: Океаниды (январь, 96).—Изъ Виктора Гюго (февр., 690).—Изъ Лорна (апр., 638).—Воздушное путешествіе (июнь, 617).—Изъ Анри Казалиса (авг., 599).—Изъ разсказовъ Конне (ноябрь, 298).—Изъ Грюна (дек. 689).

Мартенсъ, О. О. Россія и литературное общество западно-европейскихъ народовъ (мартъ, 235).

Мигринъ, Ф. Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи. По поводу сочиненія кн. А. И. Васильчикова (июнь, 877).

Минскій, Н. Аласторъ, или духъ уединенія. Поэма Шелли (дек., 449).

Н.—Литературныя мечтанія и дѣятельность (ноябрь, 300).

Н. Н.—Новое изданіе сочиненій

Пушкина, г. Исакова, подъ редакціей П. Ефремова (февр., 899).

Некрасова, Е. С. Изъ воспоминаній Вельтмана о времени пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ (мартъ, 217).

Нелидова, Л. Воробьиныя ночи (май, 5; июнь, 461; июль, 5).

Ордъ, К. Наше городское самоуправленіе (январь, 328).

Орловъ, Ал. Умирающій цвѣтокъ, стих. (окт., 755).

Острогорскій, В. О. О. Резенеръ † (ноябрь, 421).

Отъ редакціи.—Замѣтка по поводу статьи г. Астафьева (июнь, 904).

П. А.—**А. А.** Ботляревскій † (ноябрь, 428).

П. М. Оедонька.—Очеркъ изъ южно-русскаго быта (январь, 145).

П. О.—Раздвоенное копыто. Романъ миссъ Бреддонъ (январь, 236; февр., 691; мар., 159; апр., 639; май, 167; июнь, 657; июль, 129).—Какому господину служить? Ром. Е. Линнъ-Линтонъ (авг., 702; сент., 178; окт., 633; ноябрь, 206; дек., 711).

П-кій, М. Ретроградная печать и голосъ провинціи (июль, 824).

П-ловъ, Н. Кабинетная реформа уѣздныхъ училищъ (январь, 360).

Пальмъ, А. М. Господа избиратели. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ (апр., 437).

Петрушевскій, А. Суворовъ въ первую турецкую войну (дек., 549).

Полонскій, Ш.—Пріемыши (фев., 453).

Пыпинъ, А. Н. Малорусско-галицкія отношенія (январь, 407).—Радшевскій музей А. П. Боголюбова (январь, 411).—Изученія русской народности (авг., 756; сент., 288; ноябрь, 825).

Р. Е.—Бонапартизмъ при Макъ-Магонъ (январь, 97).—Русскіе рационалисты (февр., 650, июль, 272).

Реньяръ, А. Наука и литература современной Англіи (январь, 168; окт., 733).

С. А. Новая біографія Байрона (фев., 561).—Томасъ Карлейль (май, 256; июнь, 619).

С. Н. Австрія, Германія и славяне (апр., 854; май, 424).

Северинъ, Н. На искусствѣ (нояб., 59).
Смирновъ, Н. Воспитательныя цѣли преподаванія русскаго языка въ гимназіяхъ (сент., 319).

Сосна, Р. Отецъ Иванъ и отецъ Стефанъ. Разсказъ (іюнь, 546; іюль, 239; авг., 521).

Спасовичъ, В. Д. Маркизъ А. Велепольскій, его жизнь и политика въ польско-русскомъ конфликтѣ и вопросъ (февр., 608; май, 221; іюнь, 709; іюль, 89; дек., 641).

Стасовъ, В. В. Моцартъ Петровичъ Мусоргскій (май, 285; іюнь, 506).

Стаховъ, Д. И. На закатѣ. Романъ (сент., 79; окт., 449; нояб., 125; дек., 587).

Стереминко, Н. Л. Англійскіе моралисты семнадцатаго вѣка (сент., 122).

Стоюнинъ, В. Я. Замѣтки о русской школѣ (мар., 113; май, 107).

Сыченковъ, Н. М. Ученіе о не-свободѣ воли, съ практической стороны (январь, 78).

Т. Н. Въ камерѣ прокурора (мар., 290; авг., 667).

Тверской, Н. А. Не къ полю ягоды (мар., 47; апр., 557; май, 75).

Тришенинъ, Н. А. Гекторъ Берлиозъ (сент., 248; окт., 502).

Тургеневъ, Н. С. Пѣснь торжествующей любви (ноябрь, 5).

Утинъ, Евг. Сатира Щедрина (январь, 308).—Конституціонализмъ и А. Тьеръ (мартъ, 262).—Литература и народъ.—Очерки современной литературы. — I—II (окт., 758).

Цыбасовъ, Н. В. Изъ путешествія по Італіи (авг., 789; сент., 383; окт., 839).

Шаниръ, Ф. Изъ семейной прозы.—Отрывокъ (окт., 548).

Щегловъ, Н. Поручикъ Поспѣловъ. Изъ записной книжки молодого офицера (апр., 729).

Эртель, А. И. Записки Стенника: X. Серафимъ Ежиковъ (февр., 526). XI. Бриворожье (май, 136). XII. Жолтиковъ. XIII. Поплешка (іюль, 61). XIV. Липяги (сент., 187). XV. Идилия (дек., 514).

Южнѣй, Алексѣй. На днѣпровскихъ порогахъ, и два дня у штундистовъ. Замѣтки путешественника (іюль, 899).

Ядринцевъ, Н. Положеніе переселенцевъ въ Сибири (авг., 601).—Трехсотлѣтіе Сибири (дек. 834).

Янжулъ, Ив. Соляной налогъ и послѣдствія его отмѣны въ Англіи и Россіи (іюнь, 745; іюль, 192).

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе.—Общій характеръ истекшаго года.—Преобладающая его черта.—Перемена въ личномъ составѣ министерства народнаго просвѣщенія.—Различіе между отрицаніемъ логики и отказомъ отъ дѣятельности.—Послѣднія событія въ университетской жизни въ связи съ гимназическою „зрѣлостью“.—Вліяніе ученическихъ „Правилъ“ 1874 г. на такую „зрѣлость“.—Система „Сообщеній“ и „Правилъ о вѣнскихъ“.—Обзоръ управленія государственными имуществами за послѣдніе 25 лѣтъ, и различныя направленія вѣдомства въ теченіе всего этого времени.—Вопросъ о системѣ правльнаго употребленія казенныхъ земель (Январь, 381).—Государственный бюджетъ на 1881 г.—Общая соображенія.—Очеркъ нашихъ послѣднихъ финансовыхъ системъ.—Экономія какъ основная черта нашего бюджета. Предполагаемые доходы на 1881 г., и особенности въ ихъ вычисленіи.—Прямые налоги.—Подушная подать.—Поземельный налогъ.—Промысловый налогъ.—Питейный, табачный и сахарный акцизы.—Таможня.—Железныя дороги.—Государственные расходы и долги.—Кредитные билеты (Февраль, 794).—Наша общественная дѣятельность годъ тому назадъ и теперь.—Обзоръ зимнихъ сессій дворянскихъ собраній.—Главныя изъ дворянскихъ вопросовъ.—Осеннія и зимнія сессіи земства и общая ихъ характеристика.—Хлѣбный вопросъ.—Причины безхлѣбья.—Возможныя мѣры противъ него и значеніе этихъ мѣръ.—Общія выводы (Мартъ, 388).—Катастрофа 1-го марта.—Условія, при которыхъ начинается новая эпоха.—Недоконченныя и новыя задачи.—Громадность предстоящаго труда и его удобоисполнимость.—Циркулярная депеша 4-го марта и предложенія нашей реакціонной печати (Апрѣль, 772).—Отношеніе правительства къ печати, какъ признакъ и какъ одно изъ условій общаго положенія.—Недомолвки одной части печати и эксплуатация ихъ другою ея частью.—Новыя погудки на старинъ ладъ солидарности либерализма и нигилизма.—Перемена въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія.—Необходимость пересмотра положенія о начальныхъ училищахъ.—Порядокъ открытія народныхъ школъ, назначенія и увольненія народныхъ учителей.—Прави-

тельная инспекція и училищныя совѣты (Май, 841).—Перемены въ высшемъ государственномъ управленіи.—Манифестъ 29 апрѣля и циркуляръ новаго министра внутреннихъ дѣлъ.—Безпорядки на югѣ Россіи.—Указъ Св. Синода о назначеніи благотворительныхъ.—Возможность ли русскій христіанизмъ? Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ.—Мѣры, которыми можетъ быть поднятъ уровень начального обученія (Іюнь, 798).—Реформа мѣстнаго управленія и самоуправленія.—Условія, необходимыя для полнаго ея успѣха.—Безсословная волость, какъ мелкая земская единица.—Законодательныя мѣры послѣдняго времени (Іюль, 850).—Мелкая земская единица, какъ исполнительный органъ земства, и какъ средство въ усиленію крестьянскаго элемента въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ.—Другія средства къ достиженію той же цѣли.—Необходимость перемены въ избирательной системѣ, установленной земскимъ положеніемъ.—Значеніе губернскаго земства (Августъ, 772).—Предостереженія, данныя „Голосу“, „Русскому Курьеру“ и „Новой Газетѣ“. Значеніе ихъ, какъ признака времени.—Положеніе нашей питейной торговли; необходимость коренной перемены въ ея устройствѣ.—Законодательныя и правительственныя мѣры послѣдняго времени.—Отвѣтъ „Первоному Вѣстнику“ (Сентябрь, 840).—Наше финансовое положеніе къ концу бюджетнаго года.—Ростъ бюджета за послѣдніе 15 лѣтъ и его источники.—Единственно возможная финансовая политика въ наше время.—Вопросъ о выкупныхъ платежахъ, и проектъ г. Самарина.—Железно-дорожное дѣло, и новыя проявленія спекуляціи въ его сферѣ (Октябрь, 812).—Совѣщанія свѣдущихъ людей.—Доктрина „разныхъ высотъ“ и „разныхъ точекъ зрѣнія“.—Система, лежащая въ основаніи совѣщанія, и ея содержаніе.—Земство, какъ возможная основа совѣщаній.—Гласность, какъ необходимая ихъ опора.—Мнѣнія свѣдущихъ людей по питейному вопросу.—Отвѣтъ г. Кошелеву.—Князь А. И. Васильчиковъ (Ноябрь 354).—Учрежденіе особой комиссіи для составленія проектовъ мѣстнаго управленія.—Порядокъ разсмотрѣнія данныхъ, добытыхъ сенаторскими ревизіями.—Необходимость основныя положенія для административ-

ной реформы. — Участіе земства въ подготовкѣ этой реформы. — Преебразованіе крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ въ острейскомъ край. — Апелляціонная инстанція надъ волостными судами. — Еще о всесословной волости. — Театральная реформа (Декабрь, 860).

II. Иностранная Политика. — I. Общее положеніе дѣлъ на Востоцѣ (январь, 423). — Политика и Народъ. По поводу ирландскаго вопроса (февр. 870). — Новый законъ о печати во Франціи (мартъ, 406). — Право убійства въ теоріи и практикѣ (апр. 842). — Анти-еврейская агитація въ Германіи (май, 411). — Церковь и государство во Франціи и въ Англіи (июнь, 863). — Далекая и малознавшая война (июль, 420). — Новый аграрный законъ въ Ирландіи (сент., 423). — Международная монетная конференція въ Парижѣ (августъ, 869). — Новые выборы во Франціи (окт., 863). — Германія закалываетъ выборы (ноябрь, 402). — Восточная политика Австріи и финансовый кризисъ въ Константинополѣ (декабрь, 891).

III. Корреспонденція: I. Берлинъ: Назадъ или впередъ (февр., 827). — Столица и имперскій канцлеръ (апрѣль, 817). К. — Князь Бисмаркъ и его реформы (июнь, 847). — Отвергъ и Югъ Германіи (авг., 828). — Современное положеніе партій въ Германіи (октябрь, 868). — Послѣ выборовъ (декабрь, 868). Н. С. — II. Лондонъ: Аграрный вопросъ (Февраль, 851). — Англійскія дѣла (Май, 397; Августъ, 847). — Ирландскія дѣла и экономическое положеніе Англіи (ноябрь, 882).

IV. Литературное Обзорѣніе. — I. Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ, Ивана Соколова. — II. О воспитаніи съ гигиенической точки зрѣнія. — Рѣчь доц. Ир. Оксворцова. — III. *Dizionario biografico degli scrittori contemporanei, opinato di oltre 800 ritratti, diritto da Angelo de Gubernatis*. — IV. Русскія мелодіи. — Первый итальянскій переводъ съ русскимъ текстомъ, Е. В. Фульке и Д. Чіампиоли, съ предисловіемъ проф. Анджело де-Губернатисъ (январь, 435). — I. Масоны. Романъ А. Ѳ. Писемскаго. — Ю. Добрининъ, Пейсъ-Паша и его консорты. — Русскіе просвѣдородные травники и лечебники, В. М. Флоринскаго. — II. Святѣ письмо Нового Завету, малорусскій переводъ, П. А. Кулиша и И. Пуулю (февраль, 882). — Ѳ. М. Достоевскій. — А. Ѳ. Писемскій. — А. В. (мартъ 418). — I. Русскіе диссиденты: старообрядцы и духовные христіане, I. Юзова. — Историческая подготовка, проф. Петро-

Томъ VI. — Декабрь, 1881.

ва. — Общественные психологическіе этюды, В. Кандидоваго. — Художественный Журналъ. — II. *Reminiscences*, by Th. Carlyle, edited by Froude (апр., 871). — Наршана и варшавяне, В. Махневича. — Калевала, финскій народный эпосъ, переводъ Э. Гранстрема. — Неудачная экспедиція въ Китай 1874—1875 гг., П. Пасекаго. — Сборникъ сочиненій студентовъ университета св. Владимира. — Андрей Стороженка, очерки изъ исторіи женской литературы. — О компромиссѣ, Дж. Морли, переводъ М. Цебриковой (май 444). — О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ, Н. Ф. Сумцова. — *Prosper Mérimée. Lettres à M. Panizzi 1850—1870, publiées par M. Louis Fagan*. — *Felix Helment, De l'instinct et de l'intelligence*. — *Georg Schneider, Der thierische Wille, systematische Darstellung und Erklärung der thierischen Triebe u. s. w.* (июнь, 885). — Русскія народныя картинки собирать и описывать Д. Ровинскій. — Саратовскій сборникъ. — Новая сочиненія, Гельвальда, Фаульмана, Лефевра по исторіи цивилизаціи. — *Kautsky, der Einfluss der Volksvermehrung, etc.* (июль, 436). — Въ тихомъ омутѣ, Н. Наумова. — Соловецкое сидѣнье, историческая повѣсть времени начала раскола на Руси; Великій расколъ, романъ Д. Мордовцева. — Исторія русской словесности, часть II, отдѣлы I, И. Порфирьева. — *Les premiers hommes et les temps préhistoriques, par le marquis de Nadaillac*. — *Le Théâtre de la Révolution, par Welschinget* (августъ, 884). — Земская служба, И. Винова. — К. Д. Ушинскій, краткій біографическій очеркъ, А. Фролова. — А. Бѣтъ. Психологія. Душа и тѣло. Воспитаніе, какъ предметъ науки (сентябрь, 433). — Теорія общественнаго договора на почвѣ современнаго естествознанія: *Alfred Fouillée, La Science Sociale contemporaine*. — Популярныя очерки по естествознанію, Л. Попова. — Стихотворенія Хейне, въ пер. Мейснера. — Столѣтіе Вятской губерніи. — Древніе акты, относящіеся къ исторіи вятскаго края. Изданіе вятскаго губернскаго статистическаго комитета (окт. 897). — Перевлады съ Н. Гоголя, Олены Пчлики. — Викторъ Рагозинъ. Волга. Томъ второй и третій. Отъ Омъ до Камы. — Дифтеритъ. — Критическій этюдъ М. Зеленскаго. — В. Carnari, *Grundlegung der Ethik*, — *Oscar de Vallée, André Chénier et les jacobins* (ноябрь, 432). — *L'empire des Tsars et les Russes, par An. Leroy-Beaulieu, t. I.* — Основы наукъ, пер. М. Антоновича. — *Das Erkenntnissproblem v. O. Caspari*. — А. Лопухина. Религія въ Америкѣ; Законодательство Монселъ. — Фридрихъ Шмилъгагенъ, Анджела (Декабрь, 912).

60/33

V. Библиографическій Листокъ.—Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. IV и V.—Всеобщая исторія литературы, п. р. В. Θ. Корша, вып. VIII.—Историческая хрестоматія по русской исторіи, составл. Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ.—Разказы для дѣтей младшаго возраста, О. И. Шмидтъ.—Канѣзъ, мистерія лорда Байрона. Сидъ, драма (трагедія-комедія), Корнели. Родоуина, трагедія Корнели. Пер. Е. Варшавскій (Январь).—И. А. Гончаревъ, Четыре очерка.—П. Огородниковъ, Страна Солнца.—Пинеронъ и его друзья. Соч. Гастона Бусасъ. Переводъ Маріи Корсакъ.—Рисунки къ стихотвореніямъ Н. А. Некрасова.—Основы гигиены. Сост. Я. Симоновичъ (Февраль).—Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, Ю. Э. Яковлевъ.—Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи, кн. А. Васильчикова.—Воспоминанія и критическіе очерки, П. В. Анненкова.—Сборникъ бытовыхъ статей по русской исторіи, К. Елизавецкаго (Мартъ).—Стихотворенія Н. А. Некрасова.—Основныя положенія теоріи экономической политики, И. Иванюкова.—Балакиревъ. Историческій романъ, Н. Петрова.—О преподаваніи русской словесности, А. Незеленова.—Путешествіе А. Э. Норденшельда, въ переводѣ С. Барановскаго и Э. Карландера (Апрѣль).—На закатѣ. Стихотворенія Я. П. Половскаго.—Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, томъ VI.—Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія, Фр. Вегеле, переводъ Алексѣя Веселовскаго.—Черниговъ. Быль второй половины XVI вѣка, соч. Н. Костомарова (Май).—Родъ Шереметевыхъ, Александра Барсукова.—Архивъ князя Вяземскаго. Кн. Андрей Ивановичъ Вяземскій.—Изъ воспоминаній о русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг., полковника де-Прерадоича.—Жизнь европейскихъ народовъ, Е. Н. Водовозовой.—Исторія Греціи и Рима, А. Гуревича

(Іюнь).—Невинные рассказы, М. Е. Салтыкова.—На горахъ, Андрей Печерскаго.—Крестьяне въ царствованіи императрицы Екатерины II, В. И. Семевскаго.—Сборникъ сочиненій студентовъ университета св. Владиміра.—Въ защиту блага духовенства, И. Отарова (Іюль).—Изданія С.-Петербургск. комитета грамотности, 1880—1881 годовъ.—Сельская школа, книга для чтенія, составленная Еринымъ и Волоотовскимъ.—Русскіе въ Ахалъ-Теке, 1879, Туганъ-Мирян Барановскаго (Августъ).—Всеобщая исторія литературы, п. р. В. Θ. Корша VIII и IX.—Очерки и рецензіи, И. Г. Воронина.—Отношеніе французскаго языка къ латинскому, Н. Новомашеннаго.—Воспоминаніе о Крымѣ, кн. Е. Г.—ой.—Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, Д. Д. Минаева (Сентябрь).—Откликъ. Литер. Сборникъ.—Избранныя бесѣды пастора Берсъ, А. Забѣлина.—Намъ Другъ, руководство къ „Нашему Другу“, барона Н. А. Корфа.—Краткая отечественная географія, И. Михайлова (Октябрь).—Историческія сочиненія, В. Стоюнина, ч. II: Пушкинъ.—Долгъ. Сочиненіе Самуэля Смайльса, переводъ съ англійскаго, С. Майновой.—Исторія нашего времени, соч. Макъ-Карти.—Въ области вѣчнаго льда, соч. Гельвальда.—Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, А. А. Головачова (Ноябрь).—За рубежомъ, М. Е. Салтыкова.—Всеобщая исторія литературы, вып. XI, п. р. В. Θ. Корша.—Паденіе христіанскаго права въ Россіи, И. Иванюкова.—Поѣздка въ Іерусалимъ, Д. Л. Мордовцева (Декабрь).

VI. Извѣстія.—Отъ императорскаго русскаго географическаго общества, предварительныя свѣдѣнія относительно третьяго международнаго географическаго конгресса въ Венеціи (январь, 450).—Отъ общества любителей русскаго слога, въ Москвѣ, объ открытіи подлиннаго на памятникъ Гоголю (февраль, 917).

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

НОВАЯ—ДЕКАВРЬ, 1881.

Книга одиннадцатая.—ноябрь.

Павлы торжествующій любви. MDXLI.—И. С. ТУРГЕНЕВА	стр. 5
Западное влияние въ русской литературѣ.—Сравнительно-историческій очеркъ.—	
АЛЕКСѢЯ Н. ВЕСЕЛОВСКАГО	25
На искусствѣ.—I.—Въ стѣнахъ.—Н. СЕВЕРИНА.	59
Крестьянскій вопросъ.—Статья третья и послѣдняя.—III.—IV.—К. Д. КАВЕЛИНА.	88
На Западъ.—Романъ.—XIX—XXIX.—Д. И. СТАХУЕВА	126
Мирные эпизоды изъ военной жизни войскъ корпуса генералъ-лейтенанта Циммермана.—II.—Силистрийскій санджакъ.—И. АНДРІЯНОВА.	179
Къ кому господству служилъ?—Романъ Е. Линнъ-Литтонъ, автора „Патриція Кэмпбелль“ и пр.—XVI—XVIII.—Часть вторая.—I—V.—О. П.	206
Изъ разсказовъ Коппе.—В. С. ЛИХАЧЕВА,	298
Литературныя мечтанія и дѣятельность.—По поводу литературныхъ мѣній о народѣ.—I—II. N.	300
Изученія русской народности.—Историко-литературный обзоръ.—III.—Понятія о народности въ XVIII вѣкѣ.—А. Н. ПЫПИНА.	325
Хроника.—Внутреннее овозраженіе.—Совѣщанія свѣдущихъ людей.—Доктрина „равныхъ лисотъ“ и „разныхъ точекъ зрѣнія“.—Система, лежащая въ основаніи сообщанія, и ея содержаніе.—Земство, какъ возможная основа сообщаній.—Гласность, какъ необходимая ихъ опора.—Мнѣнія свѣдущихъ людей по питейному вопросу.—Отвѣтъ г. Кошелеву.—Князь А. И. Васильчиковъ	354
Къ вопросу объ энцефалитѣ сибирской лавы въ навигацію 1881 года.—Д-ра БЕРТЕНСОНА	373
Коррепонденція изъ Лондона.—Ирландскія дѣла и экономическое положеніе Англіи.—G. R. G.	382
Иностранная политика.—Германія наканунѣ выборовъ	402
Некрологъ.—I. Князь А. И. Васильчиковъ.—А. Г.—II. Ф. Ф. Резниръ.—ВИКТОРА ОСТРОГОРСКАГО.—III. А. А. Котляревскій.—А. П.	416
Литературное Овозраженіе.—Переводы изъ Н. Гоголя, Олени Пчелки.—Викторъ Рагосинъ. Волга. Томы второй и третій. Отъ Оки до Камы.—Дифтеритъ. Критическій этюдъ М. Зеленскаго.—B. Carneri, Grundlegung der Ethik.—Oscar de Vallée, „André Chénier et les jacobins“.	432
Библиографическій Листокъ.—Историческія сочиненія В. Стороженна. Пугачевъ.—Долгъ. Сочиненіе Самуэля Смайлса. Переводъ съ англійскаго С. Майковой.—Исторія нашего времени, соч. Макъ-Карти.—Въ области вѣчнаго льда. Соч. Гельвальда.—Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи. А. А. Головачева.	

Книга двѣнадцатая.—Декабрь.

стр.

Алаторъ или духъ удивленія.—Поэма Шелли.—Переводъ.—Н. МИНСКАГО.	449
Крестьянскій вопросъ.—Статья третья и послѣдняя.—V—VII.—Окончаніе.— К. Д. КАВЕЛИНА	472
Записки Степняка.—XV.—Идиллія.—А. И. ЭРТЕЛЯ	514
Суворовъ.—Въ первую турецкую войну, 1773—1774.—А. О. ПЕТРУ- ШЕВСКАГО	549
На закатѣ.—Романъ.—XXXI—XLIII.—Окончаніе.—Д. И. СТАХЪЕВА . . .	587
Маркизъ А. Веллепольскій.—Его жизнь и политика въ польско-русскомъ кон- фликтѣ и вопросѣ.—XXII—XXVI.—Окончаніе.—В. Д. СПАСОВИЧА. . .	641
Изъ Анаст. Грюна.—В. С. ЛИХАЧЕВА	689
Мирные эпизоды изъ военной жизни войскъ корпуса генералъ-лейте- нанта Циммермана.—III.—Салиме-паша, представитель турецкой по- литики.—И. А. АНДРЬЯНОВА	692
Кавому господину служить?—Романъ Е. Линнъ-Линтона, автора „Патриція Кэмбелль“ и пр.—VI.—XVIII.—Окончаніе.—О. П.	711
Хроника.—Трехсотлѣтіе Сибиря, 26 октября 1881 г. Н. М. ЯДРИНЦЕВА. . .	834
Внутреннее Овозраженіе.—Учрежденіе особой коммисіи для составленія прое- ктовъ мѣстнаго управленія.—Порядокъ разсмотрѣнія данныхъ, добытыхъ сенаторскими ревизіями.—Необходимость основанія положеній для ад- министративной реформы.—Участіе земства въ подготовкѣ этой ре- формы.—Преобразованіе крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ въ отвѣс- номъ край.—Апелляціонная инстанція надъ волостными судами.—Еще о всесословной волости.—Театральная реформа.	850
Письма изъ Германіи.—Послѣ выборовъ Н. С.	868
Иностранная Политика.—Восточная политика Австріи и финансовый кризисъ въ Константинополѣ.	891
Объясненіе, по поводу археологическаго съезда въ Тифлисѣ.—Н. И. КОСТОМАРОВА	906
Литературное Овозраженіе.—L'empire des Tsars et les Russes, par Anatole Leroy- Beaulieu. T. I.—Основы наукъ, Джевонса, пер. М. Антоновича.—Das Erkenntnisproblem, v. O. Caspari.—А. Лопухина, Религія въ Америкѣ; Законодательство Монселя.—Фридрихъ Шнильгагенъ, Анджела.	912
Библиографическій Листокъ.—За Рубежемъ, М. Е. Салтыкова (Щедрина).— Всеобщая исторія литературы, изд. подъ редакціей В. О. Корша, выи. XI.—Паденіе крѣпостного права въ Россіи, И. Иванюкова.—Поездка въ Іерусалимъ, Д. Мордовцева.	

